НАРОДЫ СИБИРИ

Б. 1133 065

НАРОДЫ МИРА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
ЧЛЕНА - КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
С.П.ТОЛСТОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1956 · ЛЕНИНГРАД

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НАРОДЫ СИБИРИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Г. ЛЕВИНА,
Л. П. ПОТАПОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1956 · ЛЕНИНГРАД

AAW. OLEG235 FOR PUBL.LIB.RU 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русской, и особенно советской, наукой накоплен большой материал по этнографии народов Сибири. Но до сих пор не появлялось еще сводного, обобщающего труда, который подвел бы итоги сделанному и ознакомил бы читателя с этими народами, возрожденными к новой жизни Великой Октябрьской социалистической революцией.

Настоящая книга является первым опытом сводки по этнографии Сибири и рассчитана на широкие круги читателей.

В царской России Сибирь была одной из самых отсталых окраин. На огромных пространствах тундр, лесов и степей Сибири, составлявшей половину территории всей Российской империи, жили, кроме русских, более тридцати различных народностей и этнографических групп.

Главным образом к Сибири, в первую очередь к нерусскому населению Сибири, относились слова В. И. Ленина о необъятных пространствах России, на которых царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».[1]

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории народов Сибири. 15 ноября 1917 г. была подписана В. И. Лениным «Декларация прав народов России», в которой впервые в истории человечества принцип национального равноправия провозглашен как государственный принцип.

На II конгрессе Коминтерна, 26 июля 1920 г., В. И. Ленин выдвинул важнейшее положение, ставшее основой политики советской власти в отношении отсталых народов, положение о том, «...что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».[2]

X съезд ВКП(б) дал программу оказания помощи трудящимся массам отсталых народов. Были намечены практические мероприятия по 1) изучению хозяйственного состояния, быта, культуры отсталых наций и народностей; 2) развитию их культуры; 3) политическому их просвещению; 4) постепенному и безболезненному их приобщению к высшим формам хозяйства; 5) налаживанию хозяйственного сотрудничества между трудящимися отсталых и передовых наций.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 328.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 219.

Эти поставленные Коммунистической партией задачи к настоящему времени в основном выполнены.

Национальная политика Коммунистической партии и Советского государства, бескорыстная помощь великого русского народа обеспечили развитие народов Сибири по социалистическому пути, минуя капитализм. Народы Сибири являются полноправными членами социалистического общества и вместе со всеми народами многонационального Советского государства идут вперед по пути прогресса.

Однако историю, культуру и быт всех сибирских народов нельзя рассматривать отдельно от истории, хозяйства, культуры и быта русского населения Сибири. Вхождение народов Сибири в состав Русского государства, вековое общение местного населения с трудовыми массами русского народа, принесшего в Сибирь более высокие формы хозяйства, культуры и быта, явились факторами большого прогрессивного значения в истории всех сибирских народов, позволили им преодолеть свою вековую отсталость и изолированность. Тесные связи сибирских народов с русским народом неизмеримо выросли и окрепли, особенно за годы советской власти, когда народы Сибири стали равноправными членами единой братской семьи народов СССР.

Из всех народов Сибири наиболее отсталыми в прошлом в отношении экономики, социального строя, культуры и быта были так называемые малые народности Севера — по роду занятий охотники, рыболовы и оленеводы. Процесс социалистического строительства у этих народов потребовал поэтому особых мероприятий партии и правительства для ликвидации их вековой отсталости.

В настоящем томе статьи о народах Крайнего Севера и Дальнего Востока выделены в самостоятельный раздел, который открывается специальной статьей, освещающей основные этапы социалистического строительства у этих народов. Другой раздел посвящен народам южной Сибири. Обоим разделам предпосланы вводные статьи обобщающего характера, в том числе историко-этнографический очерк русского населения Сибири, хозяйство, культура и быт которого оказали огромное влияние на народы Сибири.[1]

В основу нижеследующих описаний отдельных народов и вводных статей легли новые полевые материалы советских исследователей по этнографии, археологии и антропологии, собранные в течение трех-четырех последних десятилетий, обширные музейные коллекции, хранящиеся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР и Музее этнографии народов СССР (б. Этнографический отдел Русского музея) в Ленинграде, и большая этнографическая литература, изданная как в досоветский, так и в советский периоды. Многочисленные экспедиции в Сибирь, организованные за советский период различными научными учреждениями нашей страны, весьма расширили круг источников, обогатили их новыми и ценными материалами. Среди экспедиций было много специально этнографических. Некоторых из участников этих экспедиций уже нет в живых. На фронтах Великой Отечественной войны пали смертью храбрых Г. Д. Вербов, Н. П. Никульшин, С. М. Стебницкий, Н. Б. Шнакенбург. Скончались в тяжелые месяцы блокады Ленинграда Н. А. Липская и Г. Н. Прокофьев.

В настоящем труде, конечно, невозможно было дать достаточно подробное описание всех народов Сибири. Некоторые из них в историко-этнографическом отношении изучены слабо, неравномерно. Этот недостаток

---

[1] Подробная этнографическая характеристика русского народа дается в одном из последующих томов серии.

выступает особенно ясно в дореволюционной этнографической литературе, где часто трудно найти необходимые материалы по этногенезу, социальной организации, общественным и семейным отношениям, по народным знаниям и даже по многим разделам материальной культуры. Более всего в то время описывались и изучались религиозные верования, являющиеся, разумеется, ценным историческим источником, но далеко не достаточным для того, чтобы составить необходимое представление о жизни народа в целом. Советские ученые многое сделали для того, чтобы восполнить эти пробелы; но объем работы для устранения этого недостатка по отношению ко всем сибирским народностям таков, что на это понадобятся долгие годы и упорные усилия многих исследователей. К тому же многие явления и отдельные, особенно архаические элементы культуры и быта, имеющие историко-этнографический интерес, уже исчезли из жизни сибирских народностей, иногда бесследно, под влиянием экономического и культурного развития. Все это также не могло не сказаться на характере и полноте изложения отдельных статей. Указанными причинами объясняется и то, что не в каждой работе, посвященной отдельной народности, удалось дать хотя бы краткий исторический очерк.

Однако если оказалось невозможным во всех случаях дать характеристику дореволюционной культуры и быта народности в историческом развитии, то авторы везде стремились показать состояние культуры и быта народности перед Великой Октябрьской революцией и в настоящее время. Необходимо указать, что материалы по советскому периоду жизни народов Сибири даны в основном до начала 50-х годов нашего столетия. Не было, конечно, никакой возможности дать все эти материалы по всем народностям на одну и ту же точную и более близкую дату, ибо исследования и наблюдения над жизнью сибирских народностей велись в разное время, и получить большой и разнообразный материал о культуре и быте каждой народности на одинаковую для всех дату практически невозможно. Кроме того, темпы развития социалистического строительства и подъем экономической и культурной жизни у советских народов таковы, что своевременно отразить многие и весьма существенные факты этой жизни весьма затруднительно в работе, требующей значительного времени на подготовку.

Учитывая все это, авторский коллектив настоящей книги не ставил перед собой задачи дать исчерпывающий фактический материал, характеризующий сегодняшний день как по конкретным достижениям, так и по недостаткам и трудностям в области культуры и быта каждого народа. Стояла другая задача — дать, насколько это позволяет состояние изученности, сводную обобщенную статью по каждому народу, в которой охарактеризовать общее состояние культуры и быта в предреволюционный период и в условиях советского государственного строя.

Настоящая работа написана в основном коллективом сотрудников Института этнографии АН СССР. Авторская работа над главами тома была распределена следующим образом:

«Древнее население Сибири и его культура» — А. П. Окладников;

«Антропологические типы Сибири» — М. Г. Левин;

«Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период» — Л. П. Потапов (с участием С. В. Иванова, Г. С. Масловой и В. К. Соколовой);

«Буряты» — К. В. Вяткина;

«Якуты» — С. А. Токарев, И. С. Гурвич;

«Алтайцы», «Хакасы» и «Тувинцы» — Л. П. Потапов;

«Западносибирские татары» — В. В. Храмова;

«Шорцы» — Л. П. Потапов;

«Тофалары» — М. А. Сергеев;

«Национальное строительство у народностей северной Сибири и Дальнего Востока» — М. А. Сергеев;

«Ханты и манси» — Е. Д. Прокофьева (с участием В. Н. Чернецова и Н. Ф. Прытковой);

«Ненцы» — Е. Д. Прокофьева (в основу описания дореволюционного быта положена статья Г. Д. Вербова и Г. Н. Прокофьева);

«Нганасаны» — А. А. Попов;

«Энцы» — Б. О. Долгих (с использованием материалов Г. Д. Вербова);

«Селькупы» — Е. Д. Прокофьева (с использованием материалов Г. Н. Прокофьева);

«Кеты» — А. А. Попов (с участием Б. О. Долгих);

«Эвенки» — Г. М. Василевич (при участии А. В. Смоляк, с использованием материалов Н. П. Никульшина);

«Долганы» — А. А. Попов;

«Эвены» — М. Г. Левин (с участием Б. А. Васильева);

«Негидальцы», «Нанайцы», «Ульчи», «Удэгейцы», «Орочи», «Ороки», «Нивхи» — С. В. Иванов, М. Г. Левин, А. В. Смоляк (в основу описания дореволюционного быта положены статьи: «Нанайцы» Н. А. Липской, «Ороки» и «Орочи» Б. А. Васильева, «Ульчи» и «Нивхи» А. М. Золотарева);

«Юкагиры» — М. В. Степанова, И. С. Гурвич (с участием В. В. Храмовой);

«Чукчи» — В. В. Антропова, В. Г. Кузнецова (в основу описания дореволюционного быта положена статья Г. И. Мельникова);

«Эскимосы» — Г. А. Меновщиков (с использованием материалов Н. Б. Шпакенбурга);

«Коряки» — В. В. Антропова (в основу описания дореволюционного быта положена статья С. Н. Стебницкого и Н. Б. Шнакенбурга);

«Ительмены» и «Алеуты» — В. В. Антропова.

Руководство работой по подготовке настоящего тома осуществлялось на первом ее этапе М. А. Сергеевым, в дальнейшем Б. О. Долгих, М. Г. Левиным и Л. П. Потаповым.

Библиографический список подготовлен авторским коллективом и проредактирован М. А. Сергеевым. Указатель составлен Е. А. Алексеенко, В. П. Дьяконовой и К. В. Якимовой. В подборе иллюстративного материала к статьям, кроме авторского коллектива, принимала участие К. В. Якимова, в редактировании — Б. Г. Гершкович.

Иллюстрации сделаны в основном по коллекциям Музея антропологии и этнографии АН СССР. Список иллюстраций и источников, из которых они заимствованы, а также список заставок и концовок помещены в конце книги.

Цветные таблицы выполнены художницей Т. Л. Юзенчук, большинство графических таблиц художниками К. К. Бекташевым и Н. Н. Соболевым.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время подавляющее большинство населения Сибири составляют русские. По переписи 1897 г. русских в Сибири было около 4.7 млн чел. (более 80% всего ее населения). В 1926 г. эта цифра возросла до 9 млн чел., а за время, истекшее после переписи 1926 г., количество русского населения в Сибири возросло еще больше.

Современное русское население Сибири сложилось из нескольких групп, различных по своему социальному происхождению и по времени своего переселения в Сибирь.

Русские стали заселять Сибирь с конца XVI в., и уже к концу XVII в. численность русских в Сибири превышала численность ее разноплеменного местного населения.

Первоначально русское население Сибири составляли служилые люди (казаки, стрельцы и др.) и немногочисленные посадские и торговые люди в городах; те же казаки, промышленные люди — охотники и пашенные крестьяне в сельских местностях — в деревнях, заимках и слободах. Пашенные крестьяне и в меньшей степени казаки составили основу русского населения Сибири XVII, XVIII и первой половины XIX в. Главная масса этого старожильческого населения Сибири сосредоточена в районах Тобольска, Верхотурья, Тюмени, в меньшей степени Томска, Енисейска (с Приангарьем) и Красноярска, по Илиму, в верховьях Лены в районах Нерчинска и Иркутска. Более поздний этап проникновения русских в степные области южной Сибири относится к XVIII в. В это время русское население распространяется в степных и лесостепных районах южной Сибири: на Северном Алтае, в Минусинских степях, а также в степях Прибайкалья и Забайкалья.

После реформы 1861 г. миллионы русских крестьян за сравнительно короткий срок переселились в Сибирь. В это время были заселены русскими некоторые районы Алтая, Северного Казахстана, а также вновь присоединенных Приамурья и Приморья.

Постройка железной дороги и рост городов в Сибири в конце XIX и начале XX в. привели к быстрому увеличению русского городского населения.

На всех этапах заселения Сибири русскими они несли с собой культуру более высокую по сравнению с культурой коренного населения. Не только народы Крайнего Севера, но и народы южной Сибири обязаны трудовым массам русских переселенцев распространением более высокой техники в различных отраслях материального производства. Русские

распространили в Сибири развитые формы земледелия и скотоводства, более совершенные типы жилищ, более культурные бытовые навыки и т. д.

В советскую эпоху индустриализация Сибири, освоение новых районов, возникновение промышленных очагов на севере, бурное дорожное строительство, вызвали новый, очень большой приток русского населения в Сибирь и распространение его даже по самым отдаленным районам тайги и тундры.

Помимо русских, в Сибири живут украинцы, белорусы, евреи, (Еврейская автономная область) и представители других национальностей Советского Союза, переселившихся в Сибирь в разное время.

Численно небольшую часть всего населения Сибири составляет ее нерусское местное население, насчитывающее около 800 тыс. человек. Нерусское население Сибири представлено большим количеством разных народностей. Здесь образованы две автономные советские социалистические республики — Бурят-Монгольская и Якутская, три автономные области — Горно-Алтайская, Хакасская, Тувинская и ряд национальных округов и районов. Численность отдельных сибирских народностей различна. Наиболее крупные из них, по данным 1926 г., — якуты (237 222 чел.), буряты (238 058 чел.), алтайцы (50 848 чел.), хакасы (45 870 чел.), тувинцы (62 000 чел.). Большинство же народов Сибири — это так называемые малые народности Севера. Некоторые из них по своей численности не превышают 1000 чел., другие насчитывают по нескольку тысяч. Эта раздробленность и малочисленность коренных народностей северной Сибири отражает те исторические и естественно-географические условия, в которых они формировались и существовали до советской власти. Низкий уровень развития производительных сил, суровые климатические условия, огромные труднопроходимые пространства тайги и тундры, а в последние три столетия и колониальная политика царизма препятствовали здесь образованию крупных этнических групп, консервировали на Крайнем Севере до самой Октябрьской революции наиболее архаичные формы хозяйства, социального строя, культуры и быта. Относительно отсталыми являлись и более крупные народы Сибири, хотя не в такой степени, как малые народности Севера.

Нерусское коренное население Сибири принадлежит по своему языку к различным лингвистическим группам.

Большинство его говорит на тюркских языках. Сюда относятся сибирские татары, алтайцы, шорцы, хакасы, тувинцы, тофалары, якуты и долганы. На языке монгольской группы говорят буряты. Всего на тюркских языках говорит приблизительно 58%, а на монгольском — 27% нерусского населения Сибири.

Следующая по численности языковая группа представлена тунгусо-маньчжурскими языками. Их принято делить на собственно тунгусские, или северные, и маньчжурские, или южные, языки. К собственно тунгусской группе в Сибири относятся языки эвенков, эвенов, негидальцев; к маньчжурской — языки нанайцев, ульчей, ороков, орочей, удэгейцев. Всего на тунгусо-маньчжурских языках говорит только около 6% нерусского населения Сибири, но территориально эти языки распространены довольно широко, так как население, говорящее на них, живет разбросанно от Енисея до побережья Охотского моря и Берингова пролива.

Тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки обычно объединяют в так называемую алтайскую семью языков. У этих языков существует не только сходство в их морфологическом строе (все они агглютинативного типа), но и большие лексические соответствия и общие фонетические закономерности. Тюркские языки близки к монгольским, а монгольские в свою очередь — к тунгусо-маньчжурским.

Народы северо-западной Сибири говорят на самодийских и угорских языках. Угорскими языками являются языки хантов и манси (около 3.1% всего нерусского населения Сибири), а самодийскими языками — языки ненцев, нганасанов, энцев и селькупов (всего около 2.6% нерусского населения Сибири). Угорские языки, к числу которых, кроме языков хантов и манси, относится также язык венгров в Центральной Европе, входят в угро-финскую группу языков. Угро-финские и самодийские языки, обнаруживающие известную близость между собой, объединяются лингвистами в уральскую группу языков. В старых классификациях алтайские и уральские языки соединяли обычно в одну урало-алтайскую общность. Хотя морфологически уральские и алтайские языки сходны между собой (агглютинативный строй), такое объединение спорно и не разделяется большинством современных лингвистов.

Языки ряда народов северо-восточной Сибири и Дальнего Востока не могут быть включены в указанные выше большие языковые общности, так как имеют резко отличную структуру, своеобразные черты в фонетике и многие другие особенности. Таковы языки чукчей, коряков, ительменов, юкагиров, нивхов. Если первые три обнаруживают между собой значительную близость, то языки юкагирский и, особенно, нивхский, ничего общего с ними и между собой не имеют.

Все эти языки инкорпорирующие, но инкорпорация (слияние ряда слов-корней в предложение) в этих языках выражена в разной степени. Она в наибольшей степени характерна для чукотского, корякского и ительменского языков, в меньшей степени — для нивхского и юкагирского. В последнем инкорпорация сохраняется лишь в слабой степени и язык в основном характеризуется агглютинативным строем. Фонетике перечисленных языков свойственны звуки, отсутствующие в русском языке. Эти языки (чукотский, корякский, ительменский, нивхский и юкагирский) известны под названием «палеоазиатских». В данном термине, который был введен в литературу впервые академиком Л. Шренком, правильно подчеркивается древность этих языков, их пережиточный на территории Сибири характер. Можно предполагать более широкое в прошлом распространение этих древних языков на данной территории. В настоящее время на палеоазиатских языках говорит около 3% нерусского населения Сибири.

Самостоятельное место среди языков Сибири занимают языки эскимосский и алеутский. Они близки друг другу, характеризуются преобладанием агглютинации и отличаются от языка территориально близких им северо-восточных палеоазиатов.

И, наконец, язык кетов, небольшого народа, живущего по среднему течению Енисея в Туруханском и Ярцевском районах Красноярского края, стоит совершенно изолированно среди языков северной Азии, и вопрос о его месте в лингвистической классификации остается до настоящего времени нерешенным. Его отличает присутствие, наряду с агглютинацией, и флексии, различение категорий одушевленных и неодушевленных предметов, различение женского и мужского рода для одушевленных предметов, чего нет во всех других языках Сибири.

На этих обособленных языках (кетском и эскимосском с алеутским) говорят 0.3% нерусского населения Сибири.

В задачу настоящей работы не входит рассмотрение сложных и недостаточно выясненных подробностей конкретной истории отдельных языковых групп, выяснение времени формирования и путей их распространения. Но следует указать, например, на более широкое в прошлом распространение в южной Сибири языков, близких к современному кетскому (языки аринов, коттов, асанов), а также на широкое распростра-

нение еще в XVII в. языков, близких к юкагирскому, в бассейнах Лены, Яны, Индигирки, Колымы и Анадыря. В Саянском нагорье еще в XVII—XIX вв. ряд этнических групп говорил на самодийских языках. Имеются основания предполагать, что из этого горного района шло распространение самодийских языков на север, где этим языкам предшествовали палеоазиатские языки древних аборигенов северо-западной Сибири. Можно проследить постепенное заселение Восточной Сибири тунгусоязычными племенами и поглощение ими мелких палеоазиатских групп. Следует отметить также постепенное распространение тюркских языков среди самодийских и кетоязычных групп в южной Сибири и якутского языка в северной Сибири.

Со времени включения Сибири в состав Русского государства все более широкое распространение получал русский язык. Новые понятия, связанные с проникновением к народам Сибири русской культуры, были усвоены ими на русском языке, и русские слова прочно вошли в лексику всех народов Сибири. В настоящее время влияние русского языка, являющегося языком общения всех народов Советского Союза, сказывается все с большей силой.

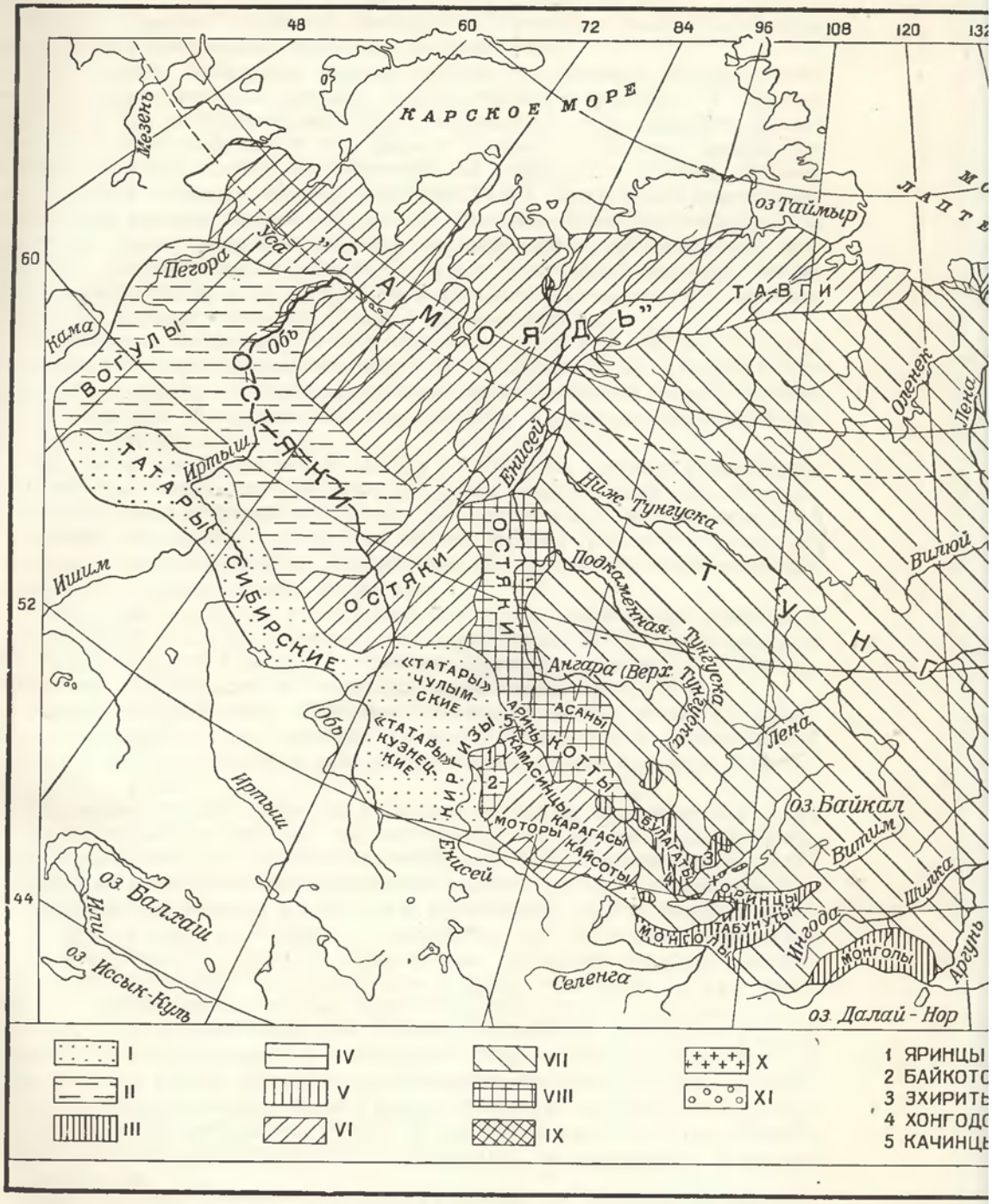
В историко-культурном отношении огромную территорию Сибири можно было в недавнем прошлом разделить на две большие области: южную — область древнего скотоводства и земледелия и северную — область промыслового охотничье-рыболовецкого хозяйства и оленеводства. Границы этих областей не совпадали с географическими границами ландшафтных зон.

Данные археологии рисуют нам различные исторические судьбы этих двух областей уже с глубокой древности. Территория южной Сибири была заселена человеком уже в эпоху верхнего палеолита. В дальнейшем эта территория являлась областью древней, сравнительно высокой культуры, входила в состав различных государственно-политических временных объединений тюрков и монголов.

Развитие же народов северных районов протекало по-иному. Суровые климатические условия, трудно проходимые пространства тайги и тундры, малопригодные для развития здесь скотоводства и земледелия, отдаленность от культурных областей южных районов — все это задерживало развитие производительных сил, способствовало разобщенности отдельных народностей Севера и консервации у них архаических форм культуры и быта. В то время как в южную область Сибири входят сравнительно крупные народы (буряты, хакасы, алтайцы, западносибирские татары), по языку и культуре тесно связанные с монгольскими и тюркскими народами других областей, северная область заселена рядом малых по численности народов, язык и культура которых занимают в значительной степени обособленное положение.

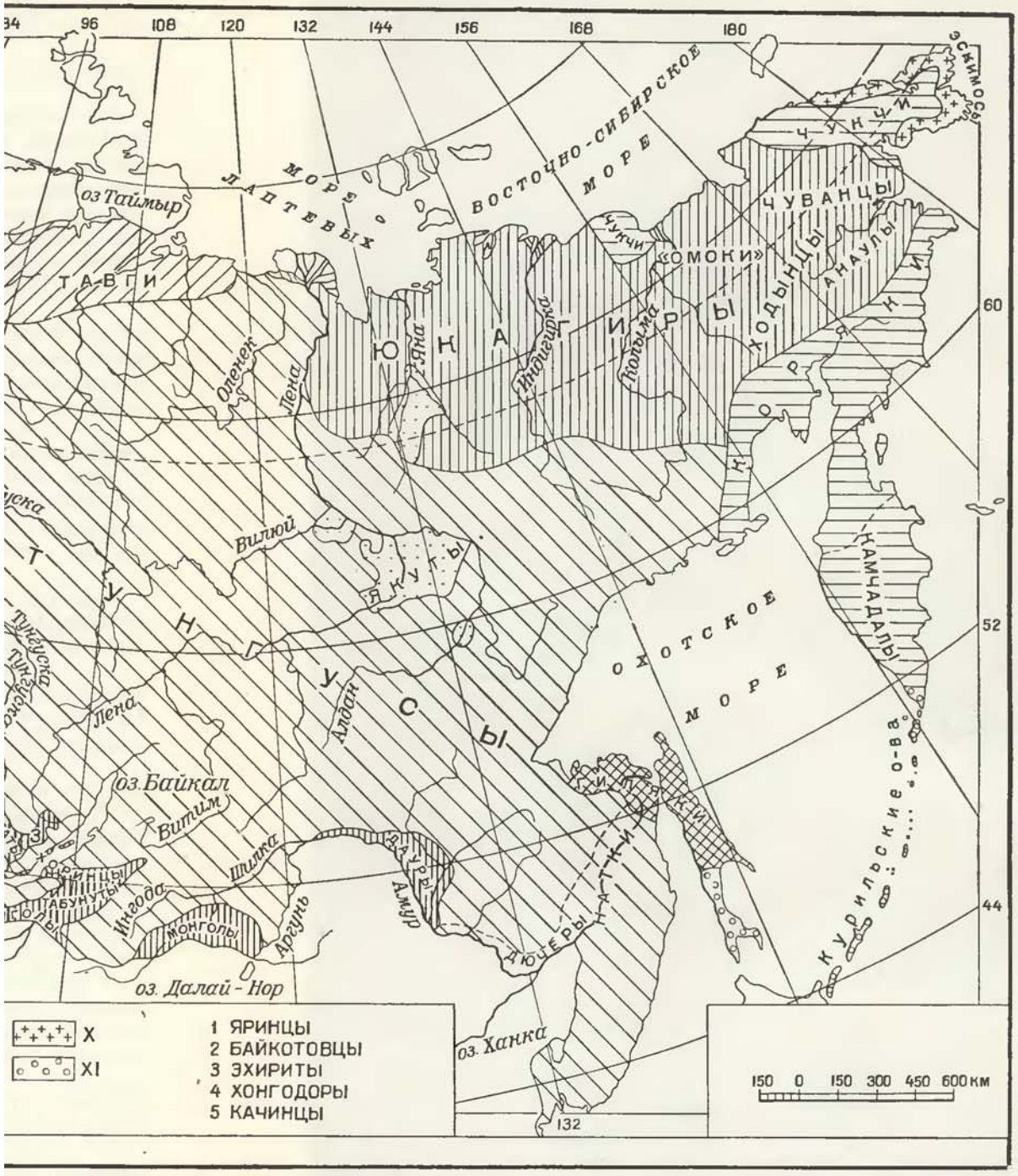
Однако было бы неправильно рассматривать население Севера в полном отрыве от южных культурных центров. Археологические материалы, начиная от самых древних, свидетельствуют о постоянных хозяйственно-культурных связях населения северных территорий с населением южных областей Сибири, а через них — с древними цивилизациями Востока и Запада. Драгоценные меха Севера уже очень рано начинают поступать на рынки не только Китая, но и Индии и Средней Азии. Последние в свою очередь оказывают влияние на развитие Сибири. Народы Севера не остаются в стороне и от влияния мировых религий. Следует особо учитывать те культурные связи, которые, начиная, повидимому, уже с неолита, устанавливаются между населением западной Сибири и восточной Европы.

Исторические события в южных районах Сибири — движение гуннов, образование тюркского каганата, походы Чингис-хана и др. не могли



Этнические группы коренного населения Си

I — народы тюркской языковой группы; II — народы угорской языковой группы; III — народы монгольской яз
самодийской языковой группы; VII — народы тунгусо-маньчжурской языковой группы; VIII — народ



группы коренного населения Сибири в XVII веке

группы; III — народы монгольской языковой группы; IV — северо-восточные палеоазиаты; V — юкагиры; VI — народы
ской языковой группы; VIII — народы кетской языковой группы; IX — гиляки; X — эскимосы; XI — айны

не отразиться на этнографической карте Крайнего Севера, и многие, пока еще недостаточно изученные, этнические перемещения народов Севера в различные эпохи представляют собой часто отраженные волны тех исторических бурь, которые разыгрывались далеко на юге.

Все эти сложные отношения необходимо постоянно иметь в виду при рассмотрении этнических проблем северной Азии.

У коренного населения южной Сибири ко времени прихода сюда русских господствовало кочевое скотоводческое хозяйство. У многих этнических групп существовало там и земледелие очень древнего происхождения, но велось оно в тот период в очень небольших масштабах и имело значение лишь вспомогательной отрасли хозяйства. Только в дальнейшем, главным образом в течение XIX в., кочевое скотоводческое хозяйство у народов южной Сибири под влиянием более высокой русской культуры стало сменяться оседлым земледельческо-скотоводческим хозяйством. Однако в ряде районов (у бурят Агинского ведомства, теленгитов Горного Алтая и др.) кочевое скотоводческое хозяйство сохранялось вплоть до периода социалистической реконструкции.

Скотоводами были ко времени прихода русских в Сибирь и якуты в северной Сибири. Хозяйство якутов, несмотря на их относительное северное расселение, представляло собой перенесенный на север, в реликтовую лесостепь Амгинско-Ленского района, хозяйственный тип степного юга Сибири.

Население северной Сибири, Амура и Сахалина, а также и некоторых отсталых районов южной Сибири (тофалары, тувинцы-тоджинцы, шорцы, некоторые группы алтайцев) вплоть до Октябрьской социалистической революции находились на более низком уровне развития. Культура населения северной Сибири развивалась на основе охотничье-рыболовецкого и оленеводческого хозяйства.

Охота, рыболовство и оленеводство — эта «северная триада» — определяли до недавнего времени весь хозяйственный облик так называемых малых народов Севера на огромных пространствах тайги и тундры, дополняясь на морских побережьях зверобойным промыслом.

Северное промысловое хозяйство, являясь в основе своей комплексным, сочетающим, как правило, охоту, рыболовство и оленеводство, позволяет все же выделить в нем, по преобладанию той или иной отрасли, несколько типов.

Различные способы добывания средств к жизни, различия в степени развития производительных сил отдельных сибирских народов были обусловлены всей их предшествующей историей. Сказывались также и различные естественно-географические условия, в которых складывались или в которых оказались в результате переселений те или иные племена. Здесь необходимо, в частности, учитывать, что некоторые этнические элементы, вошедшие в состав современных сибирских народов, попали в суровые естественно-географические условия северной Сибири очень рано, находясь еще на низком уровне развития производительных сил, и имели мало возможностей для своего дальнейшего прогресса. Другие народы и племена пришли в северную Сибирь позже, находясь уже на более высоком уровне развития производительных сил, и смогли поэтому, даже в условиях северных лесов и тундр, создать и развивать более совершенные способы добывания средств к жизни и вместе с этим развить более высокие формы социальной организации, материальной и духовной культуры.

Среди народов Сибири по преобладающему их занятию в прошлом можно различать следующие группы: 1) пешие (т. е. не имевшие ни транспортных оленей, ни упряжных собак) охотники-рыболовы тайги и лесо-

тундры; 2) оседлые рыболовы в бассейнах больших рек и озер; 3) оседлые охотники за морским зверем на побережьях арктических морей; 4) кочевые таежные оленеводы-охотники и рыболовы; 5) кочевые оленеводы тундры и лесотундры; 6) скотоводы степей и лесостепей.

Первый из указанных типов хозяйства, характерный для пеших охотников-рыболовов, даже по самым старым этнографическим материалам прослеживается в различных частях обширной лесной и лесотундровой зоны лишь в виде реликтов и всегда с заметным влиянием более развитых типов. Наиболее полно черты рассматриваемого типа хозяйства были представлены у так называемых пеших эвенков различных районов Сибири, у орочей, удэгейцев, отдельных групп юкагиров и кетов и селькупов, частично у хантов и манси, а также у шорцев. В хозяйстве этих таежных охотников и рыболовов очень большое значение имела охота на мясного зверя (лося, оленя), сочетавшаяся с рыболовством в таежных реках и озерах, которое и летние и осенние месяцы выдвигалось на первый план, а зимой существовало в виде подледного лова. Этот тип выступает перед нами как менее специализированный в определенной отрасли хозяйства по сравнению с другими хозяйственными типами Севера. Характерным элементом культуры этих безоленных охотников-рыболовов была ручная нарта — легкие нарты тащили сами люди, идя на лыжах, и подпрягая иногда в помощь себе охотничью собаку.

Оседлые рыболовы жили в бассейнах рр. Амура и Оби. Рыболовство являлось основным источником существования в течение всего года, охота имела здесь лишь вспомогательное значение. Ездили на собаках, которых кормили рыбой. С развитием рыболовства был связан издавна оседлый образ жизни. Этот хозяйственный тип был характерен для нивхов, нанайцев, ульчей, ительменов, хантов, части селькупов, приобских манси.

У арктических охотников (оседлых чукчей, эскимосов, отчасти оседлых коряков) хозяйство было основано на добыче морского зверя (моржа, тюленя и т. д.). У них также было распространено упряжное собаководство. Охота на морского зверя обусловила оседлый образ жизни, но, в отличие от рыболовов, арктические охотники селились не на берегах рек, а на побережьях северных морей.

Наиболее широко распространенный тип хозяйства в таежной полосе Сибири представлен у таежных оленеводов-охотников и рыболовов. В отличие от оседлых рыболовов и арктических охотников они вели кочевой образ жизни, что накладывало отпечаток на весь их бытовой уклад. Олени использовались главным образом для транспорта (под седло и под вьюк). Стада оленей были невелики. Этот хозяйственный тип был распространен среди эвенков, эвенов, долган, тофаларов, главным образом в лесах и лесотундрах Восточной Сибири, от Енисея до Охотского моря, но частью и к западу от Енисея (лесные ненцы, северные селькупы, оленные кеты).

Кочевые оленеводы в зоне тундры и лесотундры выработали особый тип хозяйства, в котором оленеводство служило основным источником существования. Охота и рыболовство, а также морской зверобойный промысел имели у них лишь вспомогательное значение, а иногда и совсем отсутствовали. Олени служили транспортным животным, а мясо их являлось основным продуктом питания. Оленеводы тундры вели кочевой образ жизни, передвигаясь на оленях, запрягаемых в нарты. Типичными тундровыми оленеводами являлись ненцы, оленные чукчи и коряки.

Основой хозяйства скотоводов степей и лесостепей являлось разведение крупного рогатого скота и лошадей (у якутов), либо крупного рогатого

скота, лошадей и овец (у алтайцев, хакасов, тувинцев, бурят, сибирских татар). Земледелие издавна существовало у всех этих народов, за исключением якутов, в качестве подсобной отрасли. У якутов земледелие появилось только под русским влиянием. Все эти народы занимались частично охотой и рыболовством. Образ жизни в более отдаленном прошлом был у них кочевой и полукочевой, но уже до революции, под влиянием русских, часть их (сибирские татары, западные буряты и др.) перешла к оседлости.

Наряду с указанными основными типами хозяйства у ряда народов Сибири были переходные. Так, шорцы и северные алтайцы представляли охотников с зачатками оседлого скотоводства; юкагиры, нганасаны, энцы в прошлом совмещали (кочуя в тундре) оленеводство с охотой как главным занятием. Смешанный характер носило хозяйство значительной части манси и хантов.

Отмеченные выше хозяйственные типы, при всех различиях между ними, отражали в целом низкий уровень развития производительных сил, господствовавший до социалистической реконструкции хозяйства у народов Сибири. Этому соответствовали и существовавшие здесь до недавнего времени архаические формы социальной организации. Находясь на протяжении почти трех столетий в составе Русского государства, племена и народности Сибири не оставались, конечно, вне влияния феодальных и капиталистических отношений. Но в целом эти отношения были развиты здесь слабо, и именно здесь в наибольшей полноте, по сравнению с другими народами царской России, сохранились пережитки докапиталистических укладов; в частности у ряда народов Севера весьма отчетливо выступали пережитки первобытно-общинного родового строя. У большинства народов Севера, а также у некоторых племен северного Алтая (кумандинцы, челканцы) и у шорцев господствовали различные по степени зрелости формы патриархально-родового строя и наблюдались своеобразные формы территориальной общины. На ступени раннеклассовых патриархально-феодальных отношений находились скотоводческие народы: якуты, буряты, тувинцы, енисейские киргизы, южные алтайцы, включая телеутов, а также забайкальские эвенки-коневоды. Феодальные отношения более развитого типа были у сибирских татар.

Элементы социальной дифференциации существовали уже повсюду, но в различной степени. Патриархальное рабство, например, было распространено довольно широко. Особенно ясно была выражена социальная дифференциация у оленеводов, где оленьи стада создавали базу для накопления богатства в отдельных хозяйствах и тем самым обусловливали все более увеличивающееся неравенство. В меньшей степени такая дифференциация имела место у охотников и рыболовов. В развитом рыболовецком хозяйстве и в хозяйстве морских зверобоев имущественное неравенство возникало на почве владения орудиями лова — лодками, снастями — и тоже сопровождалось различными формами патриархального рабства.

Разложение родовой общины как экономической единицы подрывало общинные начала в производстве и потреблении. На смену родовым коллективам появлялись соседские общины, территориальные объединения хозяйств, связанных совместным промыслом на сухопутного и морского зверя, совместной ловлей рыбы, совместным выпасом оленей, совместным кочеванием. Эти территориальные общины сохраняли многие черты коллективизма и в распределении. Ярким образцом этих пережитков являлся обычай *нимат* у эвенков, по которому мясо убитого зверя распределялось между всеми хозяйствами стойбища. Несмотря на далеко зашедший процесс разложения первобытно-общинного строя, у охот-

ников, рыболовов и скотоводов Сибири сохранялись пережитки весьма ранних материнско-родовых отношений.

Вопрос о наличии в прошлом у народов Севера рода, основанного на материнском праве, имеет большое методологическое значение. Как известно, так называемая культурно-историческая школа в этнографии вопреки очевидности выступила с теорией, согласно которой матриархат и патриархат представляют собой не последовательные этапы в истории общества, а локальные варианты, связанные с определенными «культурными кругами» и свойственные только определенным областям. Эта концепция полностью опровергается конкретными фактами из истории народов Сибири.

Мы находим здесь в той или иной степени следы материнского рода, отражающие определенную стадию в общественном развитии этих народов. Эти пережитки обнаруживаются в следах матрилокального брака (переселение мужа в семью жены), в авункулате (особая роль дяди с материнской стороны), во многих различных обычаях и обрядах, свидетельствующих о наличии матриархата в прошлом.

Проблема материнского рода связана с вопросом о дуальной организации как одной из древнейших форм родоплеменного строя. Этот вопрос в отношении северных народов был впервые поставлен и в основном разрешен советской этнографией. Советскими этнографами собран значительный материал, свидетельствующий о пережитках дуальной организации у различных народов северной Сибири. Таковы, например, данные о фратриях у хантов и манси, у кетов и селькупов, у ненцев, эвенков, ульчей и др.

К началу XX в. у наиболее развитых народностей южной Сибири (южных алтайцев, хакасов, бурят, сибирских татар) и у якутов зародились и капиталистические отношения, тогда как у других, особенно у малых народов Севера, сохранялись патриархальные отношения и свойственные им примитивные формы эксплуатации. У алтайцев, бурят, якутов уже существовали феодальные отношения, причудливо переплетавшиеся с патриархально-родовыми, с одной стороны, и зародышами капиталистических, с другой.

Изучение этих различий не только представляет теоретический интерес для историка и этнографа — оно имеет большое практическое значение в связи с задачами социалистической реконструкции хозяйства, культуры и быта народов Сибири. Выполнение этих задач требовало конкретного учета всех особенностей национального быта и общественного уклада отдельных народов.

Создание в 1931—1932 гг. кочевых и сельских советов, районных и национальных округов, построенных по территориальному принципу, окончательно подорвало значение в социальной жизни народов Севера их прежней родоплеменной организации и тех социальных элементов, которые ее возглавляли.

В настоящее время основной местной единицей советских органов власти у народов Севера стал сельский совет, а основной хозяйственной единицей — повсеместно колхоз. Иногда в кочевые и сельские советы входит несколько колхозов, иногда все население сельского или кочевого совета объединено в один колхоз.

Колхозы организованы в большинстве случаев на основе устава сельскохозяйственной артели, но в некоторых районах и на основе устава рыболовецких артелей.

Как правило, в национальном отношении колхозы обычно включают людей одной народности, однако в районах со смешанным населением встречаются и даже преобладают колхозы смешанного национального

Б. 1.133065.

состава: коми-ненецкие, энецко-ненецкие, юкагиро-эвенские, якутско-эвенкийские и т. д. Такое же положение и в сельских советах. Наряду с советами, все население которых принадлежит к одной народности, имеются советы, включающие две и три народности. Это ведет к полному разрыву с прежними родоплеменными традициями.

Необходимо также отметить, что везде в Сибири, даже в северных национальных округах, много русского населения; русские входят в те же районы, сельские советы и колхозы, в которые объединено и коренное население. Это сближение и совместная жизнь с русскими являются важными факторами культурного и хозяйственного подъема народов Сибири.

Социалистическое строительство у народов Сибири первоначально было затруднено общей культурной отсталостью. Понадобилась огромная массовая политико-просветительная работа для того, чтобы преодолеть, например, отсталую религиозную идеологию.

Почти все народы Сибири, за исключением восточных бурят, у которых был распространен ламаизм, чукчей, части коряков, нганасанов и восточных ненцев, остававшихся вне сферы влияния православной церкви, формально числились православными. Но все они до недавнего времени сохраняли свои древние религиозные представления и культы.

Дохристианские религии народов Сибири обычно в целом определяются понятием шаманизма. В Сибири шаманизм имел очень широкое распространение, выступал в особенно ярких формах и был связан с определенными внешними атрибутами (шаманские бубны и костюмы). Шаманизм в Сибири далеко не представлял собой однородного комплекса верований и культов. Можно выделить несколько типов его, отражающих различные стадии развития: от более древних семейно-родовых форм до развитого профессионального шаманства.

Внешние атрибуты шаманизма также были неодинаковы. По форме бубна, покрою костюма и головному убору шамана различаются несколько типов, в известной степени характерных для определенных областей. Эта сторона шаманизма представляет большой научный интерес не только для понимания социальной роли и происхождения самого шаманства, но и для изучения историко-культурных взаимоотношений между отдельными народами. Изучение этих взаимоотношений, как показали работы советских ученых, проливает свет на некоторые вопросы происхождения и этнических связей народов северной Азии.

Шаманизм сыграл чрезвычайно отрицательную роль в истории народов Сибири.

Почти у всех народов Сибири шаманы превратились к началу XX в. в настоящих профессионалов, совершавших свои обряды, как правило, по заказу и за вознаграждение. По своему положению, характеру деятельности и интересам шаманы были целиком связаны с эксплуататорской верхушкой коренного населения. Они приносили экономический вред населению, требуя постоянных кровавых жертвоприношений, умерщвления необходимых охотнику собак, оленей и другого скота.

После установления советской власти шаманы, почувствовав, что новая жизнь наносит смертельный удар существованию паразитических групп и в том числе их собственному, повели ожесточенную борьбу против советских органов и их мероприятий: постройки школ, детских яслей, больниц, родильных домов, красных чумов, клубов и т. д. На первых порах были случаи, когда под влиянием шаманской агитации население не отдавало детей в школы, отказывалось от медицинской помощи в больницах, не желало вступать в колхозы. Бесспорно, остановить новую жизнь шаманы и прочие эксплуататоры не могли, и их авторитета хватило

ненадолго, но все же их реакционная агитация сыграла свою вредную роль.

У народов Сибири были распространены различные анимистические представления, существовал культ, связанный с духами — «хозяевами» отдельных явлений природы, бытовали различные формы родового культа. Не у всех народов эти культы входили в сферу действий шамана.

Вопреки высказывавшемуся в литературе мнению об отсутствии в Сибири следов тотемизма, пережитки его обнаруживаются едва ли не у всех сибирских народов. Примеры этого читатель найдет в главах, посвященных отдельным народам. К тотемизму восходит и культ медведя, имевший в Сибири почти повсеместное распространение.

Культ медведя выступал в двух формах: во-первых, в виде обрядов, связанных с убитым на охоте медведем, во-вторых, в виде особого культа воспитываемых в неволе и потом в определенное время ритуально убиваемых медвежат. Вторая форма была ограничена определенной областью — Сахалином и Амуром (айны, нивхи, ульчи, орочи). Обычай содержания в неволе почитаемого животного с последующим его ритуальным убиением уводит нас далеко на юг, куда ведут и некоторые другие элементы в культуре айнов.

Общесибирская форма почитания медведя восходит, повидимому, к тотемизму древних таежных охотников и рыболовов Сибири, к тому хозяйственно-культурному комплексу, который выступает еще в неолите таежной полосы.

Духовная культура народов Сибири не ограничивалась, разумеется, только образами и понятиями религиозного сознания, хотя низкий уровень развития производительных сил обусловил отсталость духовной культуры. Различные виды народных практических знаний и народного творчества убедительно говорят об этом.

Почти каждая этническая группа обладает своеобразными фольклорными произведениями, разнообразие которых находит свое объяснение в различии исторических судеб, в различном происхождении этих народов.

Очень большое влияние на фольклор народов Севера оказало устное творчество русского народа. Русские сказки, иногда несколько видоизмененные в силу местных условий, а иногда почти без всяких изменений, составляют значительную часть фольклорного богатства большинства народов Севера, и часто наиболее популярную.

За годы советского строительства у народов Сибири появились новые произведения народно-поэтического творчества на темы о колхозной жизни, о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., о Ленине и Коммунистической партии.

Богато и разнообразно изобразительное искусство народов Сибири. Здесь необходимо отметить украшения шитьем и аппликацией на одежде, в частности вышивки подшейным оленьим волосом (один из архаичных способов орнаментации), аппликации из кусочков кожи, шкуры и ткани, вышивка шелком и шитье бисером.

Народы Сибири добились больших успехов в создании орнаментальных мотивов, подборе цветов, инкрустации и резьбе по металлу.

Особой областью прикладного изобразительного искусства являются резьба по мамонтовой кости и моржовому клыку и металлу, инкрустация металлом на бытовых предметах — костяных деталях оленьей упряжи, трубках, огнивах и т. п. Изобразительное прикладное искусство находит применение и в украшении орнаментом берестяной посуды, распространенном главным образом в лесных районах (преимущественно в бассейне

Оби). Следует отметить также резьбу по дереву — украшение резьбой деревянной посуды и утвари, получившее наибольшее развитие в Приамурье.

Изучение всех видов искусства народов Сибири имеет не только исторический интерес и значение. Изучение его в советских условиях должно помочь поднять это искусство на еще более высокую ступень, помочь сделать его составной частью социалистической культуры народов Сибири.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала в Сибири довольно пеструю картину общественноэкономического развития нерусского населения, начиная от различных стадий разложения первобытно-общинного строя и кончая зародышами капиталистических отношений. Местное население было разноязычно, малочисленно, разбросано на огромных пространствах, чаще мелкими родовыми и племенными группами (особенно в северной части Сибири). Эти мелкие племена и народности (ханты, манси, энцы, нганасаны, селькупы, эвенки, орочи, ороки и многие другие) занимались главным образом охотой и рыболовством, частично оленеводством. Как правило, они жили замкнутой примитивной жизнью, говорили на своих местных языках и диалектах и не имели своей письменности и литературы. В условиях национальной политики царизма процесс исторического развития их протекал крайне медленно, ибо царская политика тормозила его, консервировала родоплеменную раздробленность и разобщенность.

Наряду с мелкими родоплеменными группами в Сибири имелись и вполне сложившиеся народности с хорошо выраженным классовым составом населения, с более развитыми хозяйством и культурой, например якуты, буряты, тувинцы, хакасы, южные алтайцы и др.

Необходимо отметить, что родоплеменные группы и народности Сибири в условиях царизма не оставались неизменными. Многие из них как бы находились в переходном состоянии, т. е. частично ассимилировались, частично развивались. Такие народности, как якуты, буряты, хакасы, развивались не только за счет собственного естественного прироста населения, но и за счет ассимиляции в их среде различных менких, например тунгусоязычных, самодийскоязычных родоплеменных групп. Наблюдался процесс слияния некоторых мелких групп с русскими, например коттов, камасинцев в бывшем Капском, кумандинцев и телеутов в Бийском уездах и т. д. Таким образом, с одной стороны, шел процесс консолидации родоплеменных групп в народности, с другой — дробление и ассимиляция их. Указанный процесс протекал до революции в весьма медленном темпе.

Советский государственный строй открыл новую эру в истории племен и народностей Сибири. Коммунистическая партия поставила задачу вовлечь запоздалые в своем развитии племена и народности бывшей царской России в общее русло более высокой культуры советского народа. Партия широко привлекла силы русского рабочего класса к работе по ликвидации многовековой политической, экономической и культурной отсталости среди сибирских племен и народностей. В результате практических мер среди отсталых племен и народностей Сибири началось социалистическое строительство.

В условиях советского государственного строя, национальной политики Коммунистической партии, подавляющее большинство нерусского населения Сибири получило специальную форму государственного устройства в виде административной (для автономных областей, национальных округов и районов) или политической (для автономных республик) автономии. Это способствовало развитию и укреплению его экономической

жизни, росту культуры, а также национальной консолидации. В Сибири до сего времени, наряду с такими, относительно крупными, народностями, как якуты и буряты, исчисляющимися сотнями тысяч, имеются мелкие народности, насчитывающие всего лишь по нескольку тысяч и даже по нескольку сотен человек.

Благодаря особенному вниманию и заботе Советского правительства и Коммунистической партии, они постепенно ликвидируют свою экономическую и культурную отсталость и приобщаются к социалистической культуре. Однако им еще много нужно сделать на пути экономического и культурного развития. Глубокая хозяйственная и культурная отсталость, малочисленность и раздробленность, доставшиеся в наследство от дореволюционного периода их истории, создают много различных трудностей для дальнейшего развития и в условиях социалистического строя. Хозяйственное и культурное строительство у таких народностей требует весьма внимательного учета их исторического прошлого, специфики культуры и быта, специфики географических условий, в которых они живут. Эти малые народности, обладая многовековым опытом жизни в суровых условиях севера, являются непревзойденными охотниками и оленеводами, знатоками местных природных условий. Никто, кроме них, не сможет так хорошо и рационально использовать природные богатства огромных таежных и тундренных пространств путем развития охоты и оленеводства. Вполне естественно поэтому, что хозяйственное и культурное строительство у этих народов носит своеобразные черты. Внимательное изучение этого своеобразия поможет быстрее завершить процесс окончательного приобщения народов Сибири к сокровищам социалистической культуры советского народа и в свою очередь передать огромные богатства далеких сибирских окраин на дело социалистического строительства всего государства.

ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ И ЕГО КУЛЬТУРА

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ ЧЕЛОВЕКОМ

Наиболее ранними остатками человека и его культуры в ближайших к Сибири областях Европы и Азии являются находки в заполнении древних пещер на возвышенности Чжоу-коу-дян в Северном Китае, вблизи Пекина. Синантропы, обитавшие там, имели резко выраженные обезьяноподобные черты. В то время из древних теплолюбивых животных жили саблезубый тигр-махайрод, носорог Мерка, впоследствии вымершие.

Синантроп пользовался огнем и выделывал каменные орудия, по уровню технического оформления близкие к ашельским изделиям нижнепалеолитического времени. К тому же отдаленному времени могут быть отнесены грубые каменные изделия из расколотых поперек речных галек, найденные на высотах Тянь-Шаня в Киргизии, на р. Он-Арча, по пути от оз. Иссык-Куль к Нарыну.

В более позднее, мустьерское, время в Европе и Азии продолжали существовать виды животных предшествующего времени, но наряду с ними впервые появляются представители той фауны, распространение которой было связано с прогрессирующим похолоданием, с общим ухудшением климатических условий, чем и характеризуется, в сущности, все последующее время — до конца ледникового периода.

К мустьерскому времени относятся изделия человеческих рук и остатки человека неандертальского типа, обнаруженные в гроте Тешик-Таш в юго-западном Узбекистане, в пещере Амир-Темир, а также находки в пещере Аман-Кутан около Самарканда, в ряде пунктов на Красноводском полуострове, в нижней части долины Узбоя и в бассейне р. Сыр-Дарьи около Ленинабада и Науката.

Мустьерским временем датируется, повидимому, также каменный остроконечник двусторонней обработки, найденный М. В. Талицким на р. Чусовой.

Очень интересны также грубые массивные отщепы и остроконечники, обнаруженные в древних галечниках около аула Канай на Иртыше в северо-западном Казахстане. Они имеют настолько архаический вид, что могут быть по типологическим признакам отнесены к времени,

предшествующему верхнему палеолиту. Это все, чем мы располагаем сейчас для древнейших этапов человеческой истории в ближайших к Сибири областях восточной Европы, Средней и Центральной Азии.

На территории Сибири также зарегистрированы остатки древней теплолюбивой фауны, которая сопутствует древнейшим людям — человеку нижнего и среднего палеолита. Таковы остатки древнего слона — трогонтерия, носорога Мерка, элласмотерия в песках у Павлодара и широколобого оленя в галечниках второй надпойменной террасы на Иртыше в Тобольском округе, которые относятся к так называемому тираспольскому комплексу ископаемой фауны. Последующему, позднемустьерскому времени принадлежат остатки животных, образующие «хазарский» фаунистический комплекс, распространенный на громадной территории восточной Европы, северной и Средней Азии и занимающий, в общих чертах, пространство между 45 и 60° с. ш., на востоке до пределов Забайкалья, а на западе до Британских островов и Франции включительно.

И все же, несмотря на эти факты, свидетельствующие, что природные условия Сибири и советского Дальнего Востока были достаточно благоприятны для существования древнейших людей нижнего и среднего палеолита, бесспорных следов их деятельности здесь пока еще не обнаружено. Вопрос о существовании древнейшего человека в Сибири остается еще до сих пор нерешенным. Вполне вероятно, что обширные пространства, лежащие к востоку от Урала, в это далекое время, когда первобытное человечество проходило первые этапы своего развития, оставались еще безлюдными.

Вероятность этого предположения подтверждается также и тем, что на территории Сибири не найдено пока никаких признаков наличия древних человекообразных обезьян, а первые обезьянолюди должны были первоначально держаться в определенной, более или менее ограниченной области своего расселения, где существовали наиболее благоприятные для них природные условия.

Распространение древнейшего человека на север и восток Азии встретило затем очень серьезное препятствие в виде наступившего в начале четвертичного периода резкого ухудшения климата и похолодания, с которым связан был ледниковый период.

Во время наибольшего распространения ледников, совпадающего с мустьерским временем (рисский этап ледниковой эпохи), как полагают геологи, существовал также и грандиозный водный барьер, отделявший Европу от северной Азии. Он образовался в результате того, что воды великих сибирских рек были подпружены ледниками, доходившими на западе почти до 60° с. ш., и образовали пролив, соединявший Аральское море с Каспийским бассейном. В результате этого огромная территория нынешней Западно-Сибирской низменности оказалась под водой. Ледники сползали с горных систем Алтая и Саян. Для освоения Сибири человеком древнекаменного периода нужно было, чтобы эти природные препятствия исчезли. Потребовалась, кроме того, полная перестройка всей жизни и культуры древнейшего человечества, чтобы оно смогло, наконец, выйти за пределы своего первоначального расселения и достигнуть сибирских пространств. Нужно было, прежде всего, чтобы возникли новые, более совершенные, чем в среднем палеолите, способы охоты и соответствующая охотничья техника, чтобы люди научились строить специальные жилища для спасения от зимней стужи и ветра, а также запасать пищу на зиму. Нужно было, наконец, чтобы люди создали настоящую шитую одежду, которая позволяла бы им находиться в зимнее время вне своих жилищ и свободно заниматься охотой на животных.

Все это стало возможным только в конце палеолитического времени, в верхнем палеолите археологической периодизации, т. е. не ранее 40—30 тыс. лет тому назад.

Не удивительно поэтому, что древнейшие бесспорные следы человека в северной Азии, известные в настоящее время, относятся к довольно позднему на фоне всемирной истории человечества этапу. Это был последний, вюрмский по принятой у геологов терминологии, период ледниковой эпохи. Это было время, когда еще полностью сохранялся своеобразный смешанный животный мир этой эпохи, когда вместе с представителями типично арктической фауны: песцами, леммингами, мускусным быком и белой полярной куропаткой, не говоря уже о северном олене, в обширных пространствах восточной Европы и северной Азии жили мамонт и шерстистый носорог.

На востоке Европы тогда заканчивался ориньяко-солютрейский этап палеолита и начинался новый, мадленский. Этим временем и датируются наиболее ранние, известные сейчас палеолитические памятники Сибири. Верхнепалеолитические местонахождения достаточно многочисленны (около 150 стоянок). Располагаются они почти все в долинах крупных рек. Можно выделить три основные, сравнительно узкие, области распространения верхнепалеолитических стоянок в Сибири: верховья Оби (с центром у нынешнего г. Бийска), верхнее течение Енисея (от Минусинска до Красноярска) и область вокруг Байкала (Ангара с ее притоком Белой, Иркут, Селенга, Онон, верховья Лены). На Лене палеолитические стоянки, открытые в последние годы, доходят до 61° с. ш., что является крайним, известным до настоящего времени северным пределом распространения палеолитического человека не только в Сибири, но и вообще на земле.

Самым ранним по возрасту является найденное в 1871 г. первое палеолитическое поселение, исследованное русскими учеными, стоянка у Военного госпиталя в Иркутске.

Судя по найденным там резным изделиям из бивня мамонта (в том числе крупным кольцам) и орнаментированным поделкам, а также лавролистным наконечникам из камня, палеолитическое поселение у Военного госпиталя относится к концу солютрейского времени.

В 1928 и 1936 гг. на Ангаре были обнаружены еще два палеолитических памятника, пользующихся широкой известностью в науке,— Мальта и Буреть. Оба эти поселения принадлежат одному и тому же времени, несколько более позднему, чем стоянка у Военного госпиталя. По европейским масштабам это скорее всего должен быть ранний мадлен, о чем свидетельствуют характерные «жезлы начальников», проколки мезинского типа, нуклеусы правильной конической огранки, мелкие дисковидные скребки, развитая обработка кости.

Оба эти поселения расположены к востоку от Енисея: Буреть — в самой долине Ангары, на правом ее берегу, у села того же названия, а Мальта — по р. Белой, в с. Мальтинском. Они характеризуются удивительно сходными чертами культуры и быта; чертами настолько близкими, что можно видеть в них последовательные поселения одной и той же древней общины или даже одновременные поселки двух родственных общин, тесно связанных друг с другом. Эта связь тем более вероятна, что оба поселения отделены друг от друга расстоянием не более 3—4 км по прямой линии.

Систематические, крупные по масштабу раскопки в Мальте и Бурети (в Мальте вскрыто около 800 м², в Бурети — 400 м²) позволяют восстановить эту древнюю культуру и образ жизни ее носителей не только в общих чертах, но и в ряде характерных деталей.

Существенно, прежде всего, то обстоятельство, что палеолитические стоянки Мальта и Буреть представляли собой настоящие поселки, состоявшие из ряда прочных, рассчитанных на длительное использование жилищ. В Бурети найдены, например, остатки четырех жилищ.

Одно из них, лучше и полнее всех остальных сохранившееся, имело углубленное в землю и несомненно специально для того выкопанное прямоугольное в плане основание. Из него вел наружу узкий коридор, выходивший к реке. По краям углубления первоначально были в строгом порядке, симметрично, расставлены бедренные кости мамонта, вкопанные в землю нижними концами и прочно закрепленные внизу для устойчивости плитами известняка. Это были своего рода «столбы» древнего жилища, та конструктивная основа, на которую опирались его стены и крыша. Таких «столбов» в жилище имелось около двенадцати.

Вместе со «столбами» уцелели и остатки каркаса крыши палеолитического жилища. Внутри дома, на самом его полу, оказалось множество рогов северного оленя, несомненно специально собранных и отсортированных. В ряде случаев рога лежали перекрещиваясь друг с другом под прямым углом, с определенными промежутками между стержнями и их отростками, образуя как бы сетку. Отсюда следует, что крыша палеолитического жилища в Бурети должна была иметь основу в виде ажурной сетки из рогов оленя, перекрещенных и взаимно сплетенных друг с другом не только обмоткой, но и своими переплетающимися отростками.

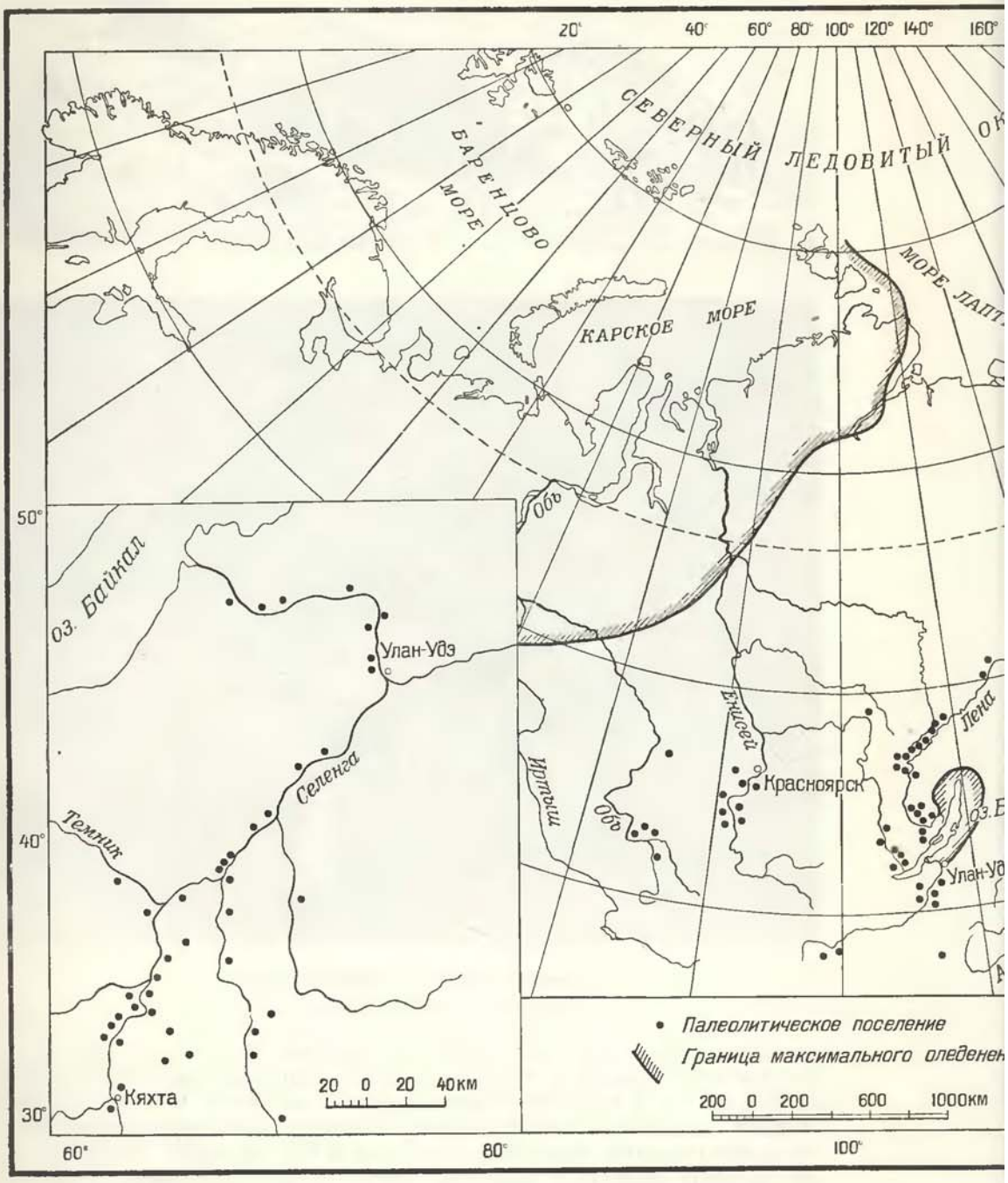
В середине жилищ помещались очаги; на полу их были обнаружены различные изделия из камня и кости. По своему типу, планировке и архитектурным признакам жилища Бурети и во всех существенных своих чертах аналогичные им жилища Мальты обнаруживают неожиданно близкое сходство с жилищами оседлых приморских племен нашего северо-востока сравнительно недавнего времени, XVIII—XIX вв. Их сближают: 1) наличие углубления, 2) прямоугольные в плане очертания, 3) вход в виде коридора, 4) употребление в качестве строительного материала костей крупных животных (в одном случае мамонта и носорога, в другом — кита), 5) употребление камней для большей устойчивости столбов, 6) устройство стен жилища из земли, плит и костей (позвонков кита у сидячих чукчей и эскимосов, черепов носорога в Бурети), 7) эластичный и легкий каркас крыши из ребер кита (на чукотских полуподземных жилищах, как и в Бурети, ему соответствовала сетка из переплетенных и связанных ремнями оленьих рогов). Как и крыша валькара, крыша палеолитического жилища должна была сверху иметь вид небольшого, слегка возвышающегося над уровнем почвы земляного холмика.

Размеры жилищ тоже очень близки: площадь чукотского валькара в XVIII в. достигала, как и площадь палеолитических домов Бурети, 25 м²; высота последних тоже была не менее 2—2.5 м.

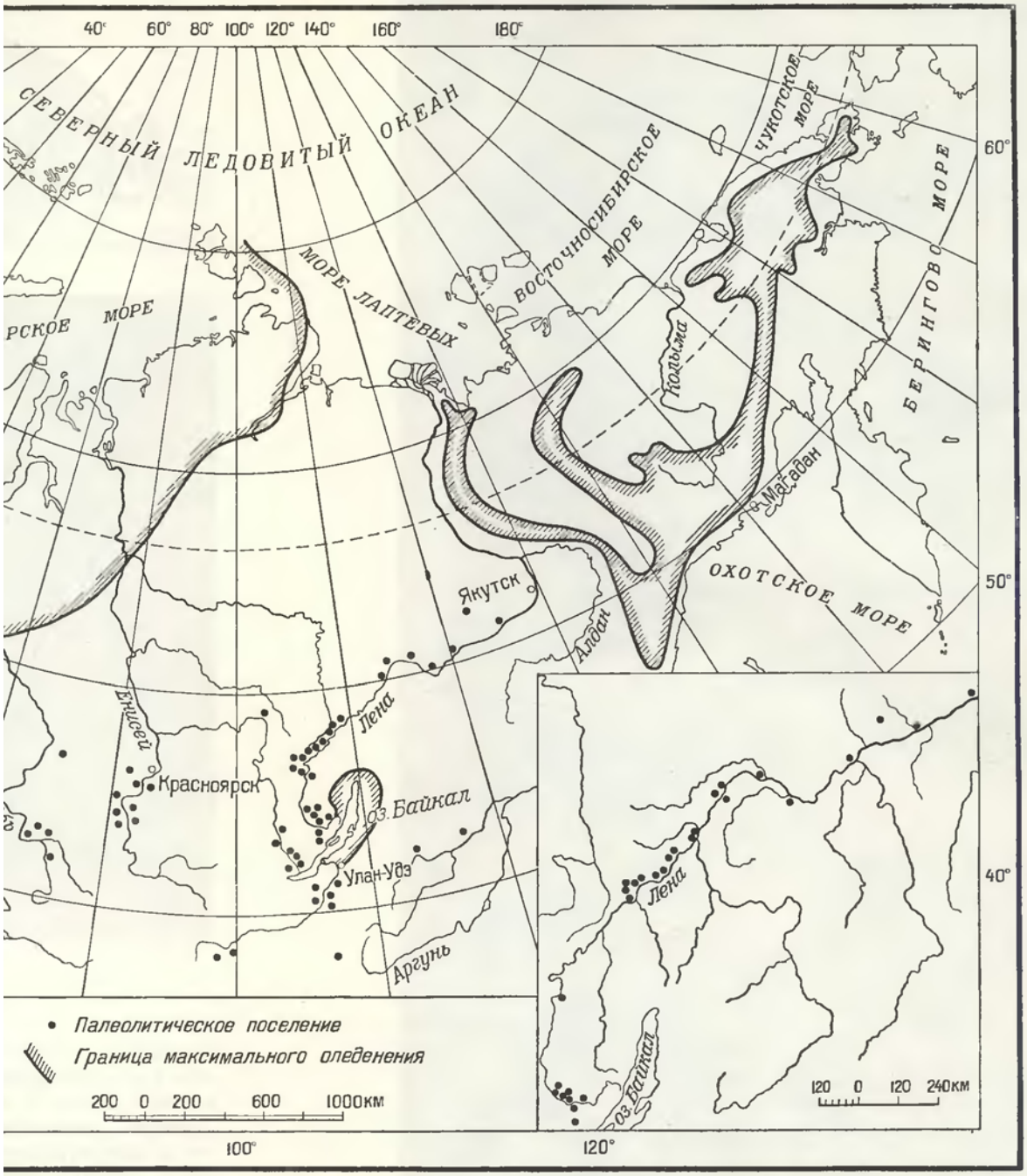
Очень близок к чукотско-эскимосским прибрежным поселкам и весь характер такого палеолитического поселения в целом. Жилища Бурети, подобно старинным чукотским, располагались на возвышенном месте по нескольку строений рядом, причем выходом все они были обращены к реке, тогда как чукотско-эскимосские точно так же ориентировались выходом к морю.

Столь же определенным является сходство культуры и бытового уклада палеолитических жителей Сибири с бытом позднейших оседлых палеоазиатов нашего северо-востока. Подобно им, палеолитические обитатели Сибири носили глухую одежду из шкур в виде комбинезона с капюшоном на голове, а внутри своих жилищ сидели обнаженными.

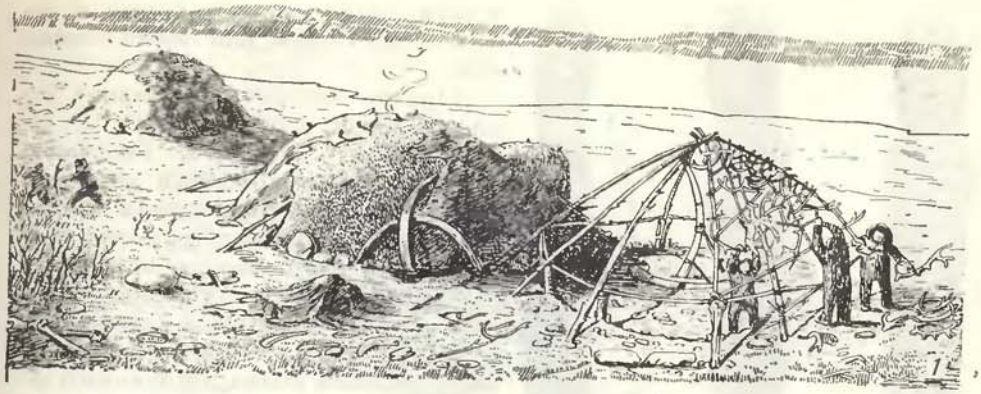
Об этом выразительно свидетельствуют палеолитические статуэтки, найденные в Мальте (20 экз.) и Бурети (5 экз.). В большинстве своем они

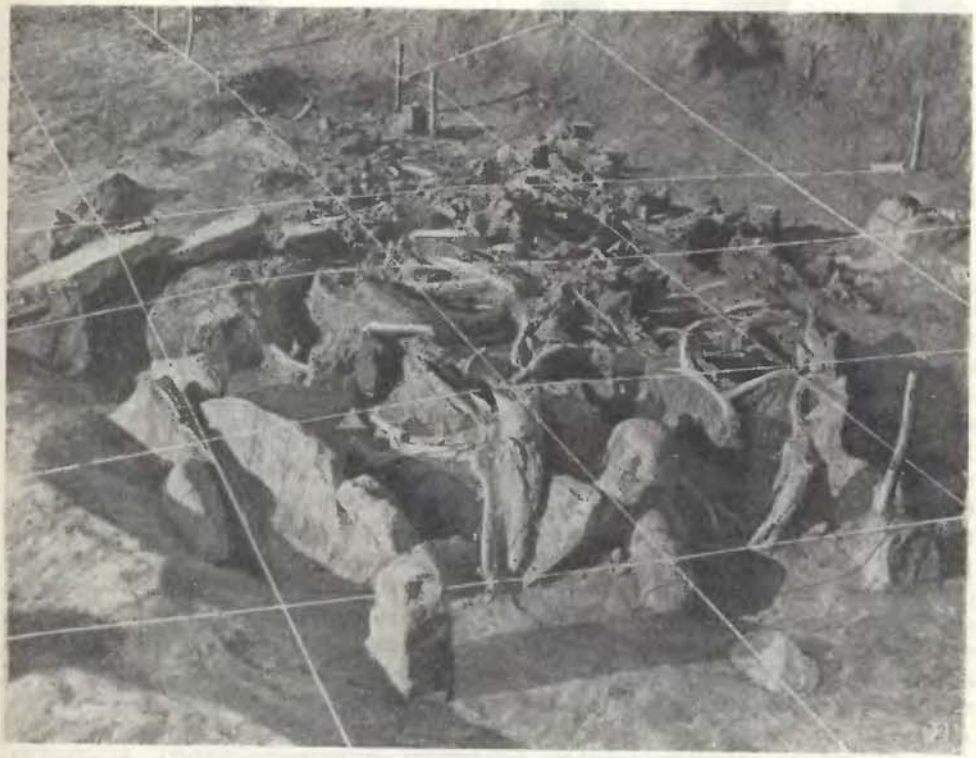


Карта палеолитических поселений Сиби



Карта палеолитических поселений Сибири





Палеолитическое жилище. Буреть

1 — реконструкция; *2* — общий вид раскопок

изображают обнаженных женщин с одной лишь великолепно убранной пышной шевелюрой на голове. Однако в 1936 г. в Бурети была найдена довольно крупная статуэтка, изображающая женщину в шитой одежде с отчетливо выраженным головным убором в виде капюшона, накинутого на голову. Такие же две статуэтки, только лишь миниатюрные и оттого более схематично трактованные, оказались в Мальте. Подобно палеоазиатским племенам и эскимосам, древнейшее, верхнепалеолитическое население жило охотой, имело метательные дощечки и так называемые «жезлы начальников», т. е., повидимому, орудия для разминания ремней, выделывало реалистически трактованные изображения животных из кости

Статуэтка с изображением одежды. Буреть

и рога, чтило женских богинь и духов вроде Силлы или Асияк эскимосов.

Однако мнение ряда видных исследователей (Бойд-Даукинс, Г. де-Мортилье, Э. Лартэ, К. Расмуссен) о прямом происхождении эскимосов от древних палеолитических племен Европы — мадленцев не может быть принято в настоящее время.

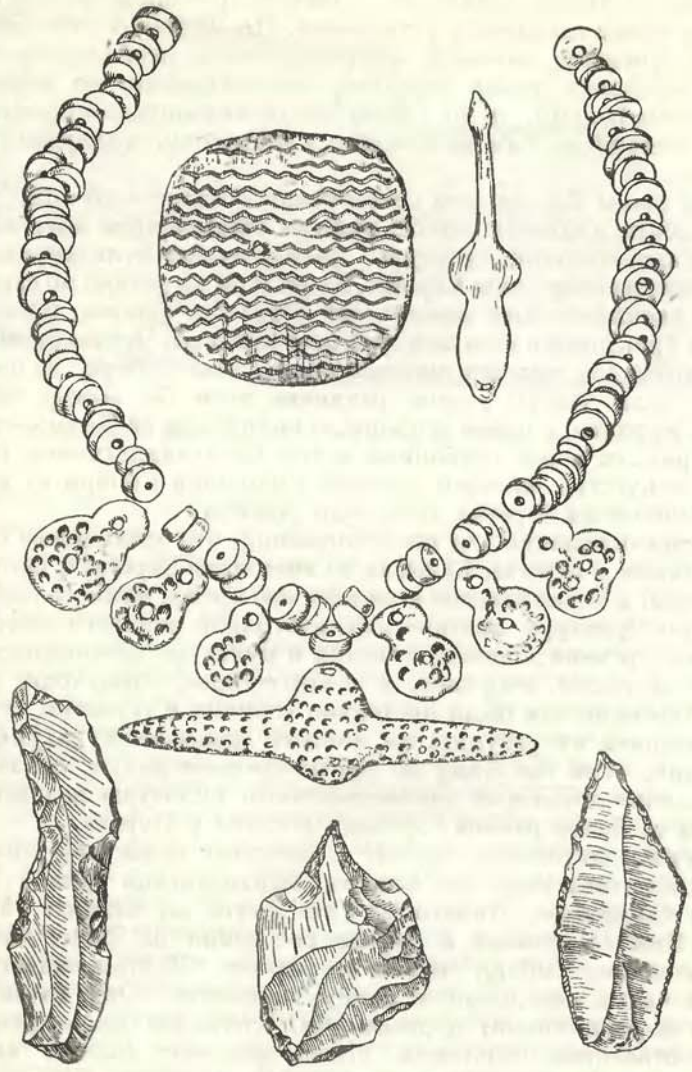
Общее сходство культуры в данном случае объясняется одинаковым характером естественно-географических условий конца ледникового периода с ныне существующими на Крайнем Севере и соответственной близостью хозяйственно-бытового уклада верхнего палеолита Сибири к укладу палеоазиатских племен и эскимосов XVIII—XIX вв.

Обильная охотничья добыча эпохи палеолита, когда охота на гигантских толстокожих и на табуны северных оленей доставляли не меньше мяса, чем промысел морского зверя в современной Арктике, обусловила прочную оседлость в наиболее удобных для этого местах. Суровые климатические условия ледниковой эпохи с такой же неизбежностью вызывали необходимость строить на Ангаре в палеолитическое время такие же прочные земляные жилища полуподземного типа, какие существовали в Арктике с ее пронзительными ветрами и низкими температурами в XVIII—XIX вв.

Из-за недостатка или полного отсутствия строительного леса людям палеолитической эпохи, как и арктическим племенам нашего времени, приходилось одинаково широко прибегать к заменяющим его иным материалам, особенно к кости, тем более что обилие костей и рогов само по себе наталкивало людей на мысль о применении этого материала в качестве строительного сырья. И, наконец, богатое палеолитическое искусство Сибири позволяет вспомнить о том, как долгая арктическая ночь и жестокие северные ветры, обрекавшие в недавнем этнографическом прошлом сильных и деятельных охотников на вынужденное бездействие, вместе с обилием такого благодарного материала, как клыки моржа, способствовали удивительному развитию орнаментального искусства и мелкой скульптуры у этих жителей глубокой Арктики. То же самое, несомненно, имело место и в Прибайкалье древнекаменного века.

Таким образом, в конце ледникового времени существовала замечательная культура палеолитических охотников восточной Европы и Сибири, которую можно назвать континентальной культурой оседлых арктических охотников верхнего палеолита.

Бесспорное единство древней культуры охотников на северного оленя, мамонта и носорога в Европе и Азии, конечно, имеет в своей основе общие условия их существования. Однако стоянки Военный госпиталь, Мальта и Буреть, самые ранние для северной Азии памятники человеческой культуры, обнаруживают настолько близкое сходство с культурой современных им людей ледниковой эпохи, живших в восточной и западной Европе, что это сходство вряд ли может быть объяснено



Украшения и каменные орудия из погребения младенца. Мальта

одной только простой конвергенцией. Следует, впрочем, иметь в виду, что в нашей литературе высказывались и другие мнения, согласно которым культура верхнего палеолита, представляемая находками в Мальте и Бурети, возникла конвергентным путем, независимо от культуры их современников в Европе (М. Г. Левин и О. Н. Бадер).

В Мальте и Бурети встречены совершенно такие же, как в западноевропейских поселениях раннемадленского времени и в одновременных памятниках восточной Европы, мелкие кремневые орудия, изготовленные из тонких пластинчатых отщепов: резцы, режущие острия и, в особенности, разнообразные по форме проколки, в том числе боковые и двойные, столь хорошо известные, например, из раскопок на Украине, в Мезине.

Как уже говорилось, в глубине Сибири обнаружены также и замечательные памятники первобытного искусства: вырезанные из мамонтова бивня фигурки женщин и птиц, гравированные рисунки, изображающие

мамонта, змей, большое количество орнаментированных вещей бытового назначения и тонко сделанных украшений. На Шишкинской скале в верховьях Лены уцелели, наконец, и замечательные изображения живших в верхнем палеолите диких лошадей, напоминавших по своему типу лошадь Пржевальского, а по стилю позднемадленские образцы палеолитической живописи. Там же найдено изображение вымершего быка — бизона.

При всем своем бесспорном своеобразии богатое искусство верхнего палеолита Сибири является как бы прямым ответвлением высокой и своеобразной художественной культуры, расцветавшей в ледниковое время у палеолитических охотников Европы, и при этом не только по сюжетам, но и по мелким специфическим деталям его образцов. Таковы, прежде всего, характерная трактовка и поза женских изображений. Что же касается своеобразия памятников палеолитического искусства Сибири, то оно вполне естественно, если учесть резкое различие хотя бы между находками в Мезине на Украине, с одной стороны, и находками на Дону — с другой. Ясно, что вряд ли менее глубокими могли быть аналогичные различия, отделявшие искусство жителей далекой Восточной Сибири от искусства их современников на берегах Дона или Днепра.

Все это дает основание для предположения, что древнейшие обитатели Сибири проникли к берегам Байкала из восточной Европы в конце ледникового времени, в солютрейское и мадленское время, принеся сюда и свою оригинальную культуру арктических охотников верхнего палеолита.

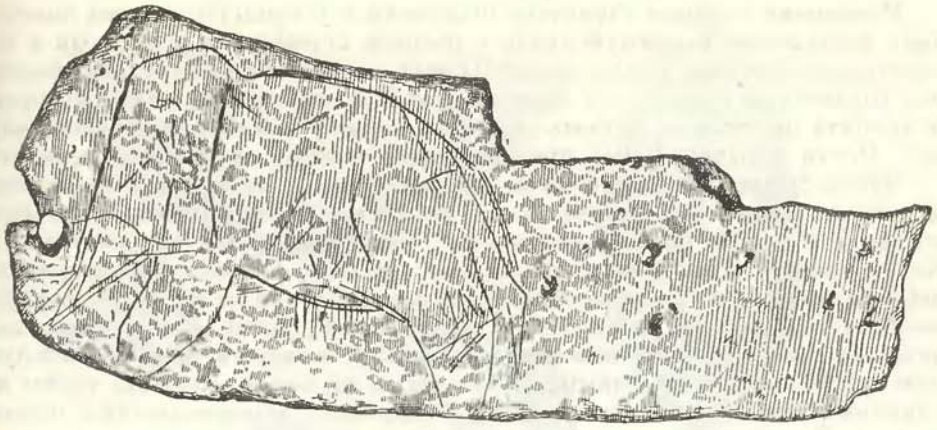
С течением времени, однако, в жизни и культуре древнейшего населения Сибири, а также, очевидно, и в его составе, происходят глубокие перемены. Перемены эти были настолько глубоки и серьезны, что можно было бы признать их результатом полного перерыва культурно-этнической традиции, если бы этому не противоречили факты, доказывающие также и наличие некоторой преемственности культуры позднего палеолита Сибири от более ранней, времени Мальты и Бурети.

В позднепалеолитическое время, к которому относятся такие памятники, как Афонтова гора на Енисее, Верхоленская гора у Иркутска на Ангаре, Ошурково, Няньги и Усть-Кяхта на Селенге, Макарово, Шишкино, Нюя, Мархачан и другие поселения на Лене, численность древнего населения Сибири сильно возрастает. Об этом свидетельствует общий рост числа поселений к концу палеолита. Они насчитываются теперь уже не единицами, а десятками. Столь же резко расширяется и область, освоенная человеком. Люди заселяют долины важнейших сибирских рек в их южной части — Амура, Селенги, Енисея, Ангары и Лены; расселяются на Алтае, где ранее лежали сплошные льды глетчеров. В долине Лены они спускаются до Олекминска и Мархачана — севернее всех остальных палеолитических стоянок Европы и Азии.

Такое широкое расселение палеолитического человека происходит на фоне значительных изменений в природной обстановке, окружающей древних жителей Сибири.

Одна из наиболее ранних стоянок позднего палеолита, Афонтова гора, отличается от более древних только отсутствием костей шерстистого носорога. В остальном фауна Афонтовой горы очень близка к фауне Мальты и Бурети. Здесь имеются кости мамонта, северного оленя, песца, дикой лошади и ныне живущих в этих местах зверей: косули, лисицы, россомахи, медведя, зайца и др.

Подсчет числа особей, характерных для различных климатов и ландшафтов, показал, что 24% из найденных на Афонтовой горе животных относятся к числу глубоко северных форм (песец), 12% являются



Изображение мамонта на пластинке из бивня мамонта. Мальта

теперь обитателями умеренного климата (благородный олень, косуля, сайга, лошадь), остальные свойственны обеим климатическим зонам. Подсчет по ландшафтам показал преобладание тундровых и степных форм. Их оказалось 37% (песец, мамонт, лошадь, сайга), а лесных только 7% (россомаха, благородный олень, косуля, медведь); остальные водятся как в лесу, так и в открытой местности (северный олень, лисица, заяц и др.). Позднепалеолитические (позднемадленские) стоянки в долине Енисея (Переселенческий пункт около Красноярска, Кокорево-Забочка и Киперный лог, Бирюсинские местонахождения) и современные им памятники в долине Ангары (Олонки, Усть-Белая), а также в долинах Лены и Селенги приурочены к позднейшим, первым надпойменным террасам, высотой 6—12 м. Культурные остатки залегают здесь в толще аллювиальных отложений, причем ни изделий из бивня мамонта, ни костей этого животного в числе кухонных остатков больше уже не встречается. Отсюда следует, что не только носорог, но и значительно дольше его проживший мамонт уже вымерли. Одновременно здесь исчезает и другой характерный представитель древней фауны вюрмской ледниковой эпохи, т. е. конца ледникового времени, — полярная лисица, песец. На смену им приходят лесные животные. На стоянке Ошурково, например, вместе с костями быка-бизона и северного оленя найдены кости благородного оленя и кабана, типично лесных животных. Климат стал, очевидно, несколько теплее и был уже не таким влажным, как в предшествующее время. Начинается новая, послеледниковая, эпоха.

Еще более значительные изменения наблюдаются в культуре и бытовом укладе жителей палеолитических поселений Сибири. Прежние поселки, состоящие из ряда прочных долговременных жилищ, исчезают. Поселения имели вид временных охотничьих лагерей, состоявших из немногих надземных жилищ, от которых никаких других следов, позволяющих восстановить их форму и устройство, кроме очагов, не сохранилось. Очаги имеют вид кольцевидных выкладок из плит, поставленных ребром. Диаметр их не превышает метра (около 60—70 см). Подобные сооружения найдены, например, на Енисее (стоянка Забочка) и в долине Лены, у дер. Макарово. Около очагов обычно рассеяны сравнительно немногочисленные каменные орудия, отщепы и кости животных. Сами жилища, всего вероятнее, имели форму, близкую к современным коническим шатрам, чумам или урасам, состоящим из тонких жердей, образующих каркас постройки, и легкой покрышки, сшитой из звериных шкур или бересты.

Изменения в общем характере поселений и устройство жилищ должны быть поставлены в прямую связь с общими переменами в природе и хозяйственно-бытовом укладе первобытных охотников Сибири. Исчезновение гигантских травоядных животных ледниковой эпохи, гибель носорога и мамонта не могли не вызвать значительных перемен в жизни древних племен. Почти неисчерпаемые прежде запасы мясной пищи стали иссякать.

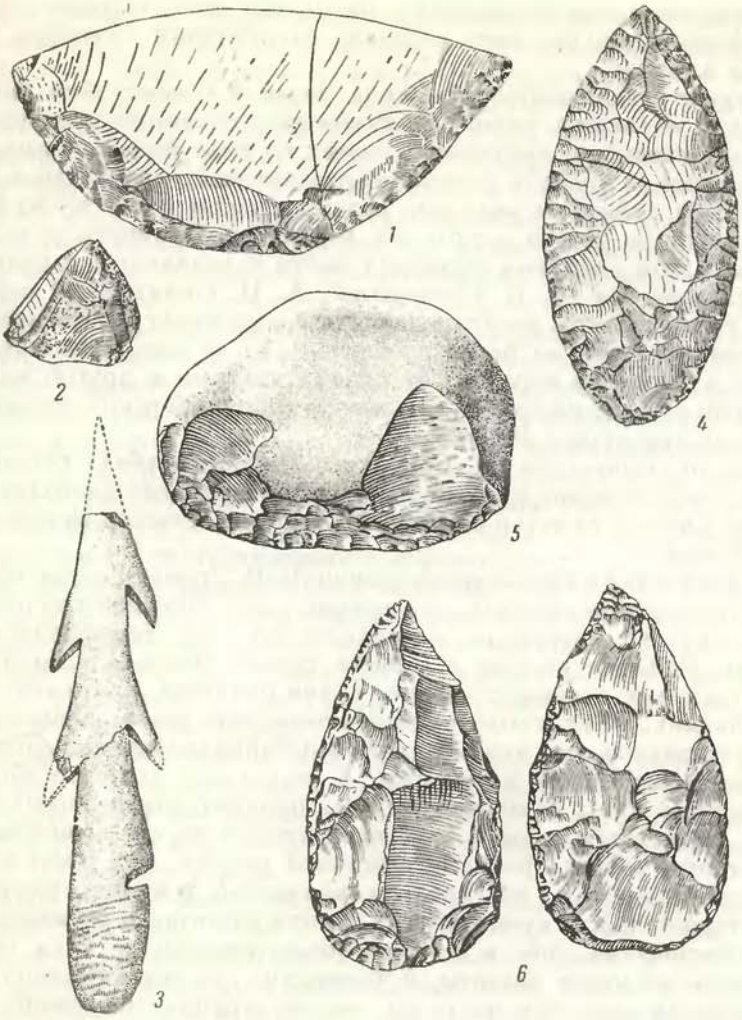
Чтобы существовать охотой на одних только более мелких, чем мамонт и носорог, животных, потребовалось перейти к более подвижному образу жизни и к новой, более маневренной, чем прежде, охотничьей тактике. Кочуя с места на место вслед за стадами северных оленей, табунами лошадей и диких быков, позднепалеолитические охотники не могли уже строить многолюдные общинные поселки и воздвигать крупные коллективные жилища. На месте их более или менее временных остановок оставалось в лучшем случае несколько очагов, выложенных из камня, подобно таким же каменным выкладкам на стоянках позднейших оленеводческих племен Сибири. Не исключено, что немаловажное влияние на изменение характера жилищ имел также и общий переход от сурового ледникового климата к более мягкому послеледниковому, когда исчезла необходимость в полуподземных жилых помещениях, тщательно укрытых от пронизывающего ветра тундры. Такие жилища типа землянки, как мы увидим дальше, сохранились в Сибири только у рыболовов, постоянно обитавших на одном месте.

Столь же глубокой была перемена в материальной культуре, в производственном инвентаре из камня. Перемена эта нашла свое выражение как в типах орудий, в их формах и размерах, так и в основных чертах техники обработки камня, в способах и приемах изготовления каменных орудий. Если сначала, в ту отдаленную эпоху, когда на Ангаре и Лене существовали обширные поселения полуоседлых охотников на мамонта и носорога, каменный инвентарь их обитателей имел много общего с обычным для восточной и западной Европы верхнепалеолитическим инвентарем, то теперь облик каменных орудий неожиданно и резко изменяется. Вместо изящных проколок с кривыми или прямыми тонкими остриями, миниатюрных скребочков, тонко ретушированных пластинчатых лезвий и мадленских резцов различных форм распространяются крупные, массивные и тяжелые вещи, столь же грубые на первый взгляд, как и единообразные по типу, изготовленные преимущественно из речных галек.

Все это, в сущности, только частные варианты одного и того же, с удивительным постоянством повторяющегося изделия: полулунного по форме или близкого по очертаниям к овалу массивного скребла, оформленного вдоль крутого рабочего края резкой ретушью с длинными и широкими фасетками. Иногда, впрочем, такие изделия имеют прямой рабочий край, в некоторых же, правда очень редких случаях, даже слегка вогнутый. Часть их обработана только с верхней стороны, а некоторые и с двух сторон, но эти отличия не столь характерны и не так уже часто встречаются.

В общем же, благодаря своей оригинальной форме и специфической, напоминающей мустьерскую контрударную технику, обработке рабочего края, такие изделия производят крайне своеобразное впечатление. Впечатление это усиливается тем, что среди бесчисленных серий скребловидных инструментов этого рода, напоминающих мустьерские, обнаруживаются широкие массивные острия, обработанные такой же крутой ретушью по краям и по форме сходные с мустьерскими остроконечниками.

Остроконечники из палеолитических стоянок Сибири сближаются с мустьерскими также и тем, что материалом для их изготовления служили широкие пластины, снятые с типичных широких нуклеусов дисковидной формы — совершенно мустьерского облика.



Каменные и костяные изделия

1 — скребло; *2* — нуклеус-скребок; *3* — гарпун; *4* — наконечник копья; *5* — скребло; *6* — остроконечник. *1—4* — Верхоленская гора; *5* — Опурково; *6* — Нянь-га

Архаический облик инвентаря этих стоянок является настолько определенным и резким, что прежние исследователи выделяли в нем не только мустьерские, но даже и нижнепалеолитические элементы. Двусторонне обработанные массивные орудия овальных очертаний описывались ими как «бифасы», т. е. как ближайшая аналогия рубилам ашельского или даже шелльского времени. Исходя из наличия архаических форм каменных изделий и соответственной архаической техники, они сначала отнесли позднепалеолитические изделия, найденные И. Т. Савенковым на Енисее, к чрезвычайно глубокой древности и датировали если не начальной, то, во всяком случае, очень ранней порой палеолита: ашелем и мустьерским временем. Однако сам И. Т. Савенков определенно указывал, что вместе с вещами из камня, напоминающими по типу мустьерские или даже ашельские, в его коллекциях есть вещи весьма позднего для палеолита облика, например резцы, различные пластинчатые острия и мелкие скребочки.

Он обращал внимание археологов и на то, что здесь встречаются превосходно оформленные костяные изделия: наконечники дротиков, украшения, иглы и шилья.

Так перед исследователями встала новая и чрезвычайно интересная загадка: как объяснить столь необыкновенное сочетание древних в типологическом отношении предметов и новых по типу вещей, которые на западе разделены во времени десятками тысячелетий, а на Алтае, в долинах Лены, Енисея и Ангары залегают рядом, в одном и том же культурном слое, в инвентаре одного и того же верхнепалеолитического поселения.

Решение этой проблемы пытались найти в различных направлениях. Одни исследователи (Г. П. Сосновский, А. П. Окладников) стремились в 1930-х годах вывести позднепалеолитическую культуру Сибири прямым эволюционным путем из более древней, т. е. из мальтинско-буретской, культуры и видели в переходе от одной культуры к другой выражение непрерывного эволюционного подъема древних сибирских племен от низшей ступени культуры к высшей.

Другие исследователи (Л. Савицкий, Н. К. Ауэрбах) хотели видеть здесь только выражение прямого влияния на культуру палеолитического населения Сибири культур глубинной Азии, в частности палеолита Монголии и Китая.

Была высказана и третья точка зрения (В. И. Громов), согласно которой своеобразие каменных орудий, характерных для сибирского палеолита, зависит от грубого материала, находившегося в распоряжении местного населения. Из-за отсутствия в Сибири такого превосходного материала для изготовления каменных орудий, каким является, например, на Дону меловой камень, местные мастера вынуждены были довольствоваться таким грубым материалом, как черный лидит в Забайкалье или гальки зеленокаменных пород на Енисее и на Алтае. В результате, полагали сторонники такого взгляда, здесь не могло развиться производство изящных и тонких пластин, служивших основой для совершенного по тем временам мастерства обработки камня приемами отжимной ретуши. Эта точка зрения не может быть принята по той причине, что позже, в неолитическое время, на территории Сибири существовала вполне развитая и не менее, если не более, совершенная, чем в Европе, неолитическая техника обработки камня; были не менее развиты, в частности, приемы отжимной ретуши, применявшиеся при этом часто на том же «грубом» материале, которым пользовались палеолитические мастера. Таким образом, не материал, а потребности человека определяли и технику изготовления орудий и их формы и даже выбор самого материала.

Но какие именно это были потребности?

Вытекали они из эволюционной инерции, из сложившихся тысячелетиями традиций? Или же, напротив, причина лежала в том, что на смену старому населению пришло новое, с иными, чем прежде, традициями, с иными, чем прежде, привычками и склонностями? Однако обе эти точки зрения, одинаково имевшие под собой некоторые весьма веские фактические основания, встретили при более тщательном учете фактов и существенные возражения.

Против первой гипотезы свидетельствует то обстоятельство, что в действительности невозможно прямым эволюционным путем вывести из инвентаря и специфической отжимной техники обработки камня Мальты и Бурети типы орудий и технику их изготовления, характерные для стоянок последующего времени. Совершенно непонятно, например, как мог из более совершенного призматического нуклеуса эволюционно вырасти нуклеус более древнего дисковидного типа или из концевого скребка — несравненно более грубое скребло мустьерского типа. Что касается вто-

рой точки зрения, то за нее свидетельствовало большое и реальное сходство в каменных орудиях и в технике их изготовления между палеолитом Сибири, с одной стороны, и палеолитом восточвой Азии — с другой. Но при всем том в палеолите восточной Азии все же нигде не было констатировано таких специфических и характерных для сибирского палеолита вещей, как листовидные наконечники или овальные скребла, как костяные плоские гарпуны. Все это явно развилось в Сибири самостоятельно, на месте. И все это, вместе взятое, свидетельствовало, что положение в действительности было значительно сложнее, чем думали раньше. Ясно было, что неправы были как сторонники прямолинейного эволюционного развития, предполагавшие, что характерное для позднего сибирского палеолита «смешение» разновременных или разностадиальных элементов материальной культуры свидетельствует о наличии особенно древних архаических пережитков в культуре местных племен, о их глубокой консервативности, о том, что они гораздо сильнее и крепче, чем их современники на Западе, сохраняли элементы техники отдаленного нижнепалеолитического прошлого, так и их противники, сводившие все только к столкновению различных культурно-этнических групп. Последние тоже, в сущности, развивали одинаковую точку зрения о наибольшей отсталости племен сибирского палеолита по сравнению с европейскими племенами, только изложенную еще более определенно, в еще более заостренной и даже тенденциозной форме. Согласно этой точке зрения, наиболее полно и отчетливо формулированной А. Брейлем относительно палеолита Китая, глубинная Азия рассматривается как страна, где изначально консервировались древние формы, как страна застоя и инерции, в отличие от Европы, где культура всегда бурно шла вперед.

Нетрудно увидеть, что в такой формулировке этот взгляд не только поверхностен, не только несправедлив, но и прямо оскорбителен по отношению к народам Азии, выражает империалистическую в основе концепцию, опровергнутую всей историей азиатских народов и, в первую очередь, великого китайского народа.

На самом деле, более глубокое и объективное изучение памятников сибирского палеолита, как и палеолита восточной Азии, показывает, что здесь наблюдается лишь резко своеобразный и при этом безусловно прогрессивный путь развития азиатских племен глубокой древности, к которому нужно подходить с иными классификационными мерками и рубриками, с иными оценками, чем к палеолиту западной или восточной Европы, с точки зрения своеобразия его исторического пути и оригинальности вклада древнейшего населения северной и восточной Азии в культуру каменного века.

Рассматривая типы каменных изделий из сибирских палеолитических памятников не в статике, а динамически, в их развитии, нетрудно увидеть, что из первичных недостаточно еще оформленных по типу крупных скребловидных изделий, характерных для таких поселений, как Мальта и Буреть, постепенно вырабатываются четкие по форме и законченные по их техническим особенностям орудия «архаических» форм, о которых говорилось выше. Кроме того, если эти крупные вещи сначала были представлены только относительно немногочисленными образцами, то с течением времени количество их неуклонно увеличивается, пока они не достигают, наконец, более или менее значительного преобладания над каменными орудиями иного рода. В инвентаре позднепалеолитического поселения Сибири налицо, следовательно, не технические традиции нижнего и среднего палеолита — реликты глубочайшего прошлого, а признаки новообразования, налицо — свидетельства не застоя и отсталости, а какого-то бурного и неудержимого развития и при этом развития крайне

своеобразного, не укладывающегося в обычные рамки западноевропейских классификаций.

Причину такого своеобразного развития следует, повидимому, искать в области тех жизненно важных потребностей первобытных охотников, которые обслуживались данными видами орудий. Орудия эти вряд ли могли употребляться для каких-либо работ, связанных с обработкой мягких материалов, в том числе меха и кожи. Они стоят ближе всего к орудиям для обработки дерева, так как обладают массивным и прочным лезвием, пригодным для рубящих и строгающих операций. О том, что источник развития каменного инвентаря сибирского палеолита в характерном для него направлении находится именно здесь, в потребностях техники и хозяйства, свидетельствует наличие среди позднепалеолитических орудий из Сибири настоящих топоровидных или тесловидных изделий, зарегистрированных как на Алтае, Енисее, Ангаре, за Байкалом, так и на Лене. В недрах собственно палеолитической еще по характеру техники здесь шел, следовательно, прогрессивный процесс оформления крупных рубящих орудий нового типа, тех орудий, которые превратились затем в настоящие топоры и тесла зрелой культуры неолитической эпохи.

Одновременно в Сибири раньше, чем во многих других местах, складывается и достигает расцвета своеобразная вкладышевая техника изготовления орудий труда и предметов вооружения. На стоянках Верхоленская гора у г. Иркутска и Ошурково около г. Улан-Удэ обнаружены, например, превосходные костяные острия с глубокими пазами для острых кремневых пластин. Изделия такого рода сочетали, следовательно, гибкость и эластичность кости и рога с прочностью и твердостью кремня; они имели в результате неоспоримое преимущество как над простыми каменными наконечниками и ножами, так и над костяными изделиями без вкладных каменных лезвий.

Не позже, если не раньше, чем в других странах, появляется в Сибири и первое домашнее животное охотничьих племен — собака.

Относительно рано начинается в Сибири и достаточно широкое использование в пищу рыбы: на Ангаре в Верхоленской горе и на Селенге в Ошурково найдены превосходно изготовленные из рога благородного оленя гарпуны азильского типа. На стоянке Ошурково вместе с таким гарпуном оказались многочисленные кости рыб, свидетельствующие, что охота на рыбу занимала важное место в хозяйстве обитателей этой стоянки.

Однако в процессе такого прогрессивного развития на конкретных формах, в которых происходила эволюция культуры, отразилась и та конкретно историческая обстановка, в которой веками жили сибирские племена древнекаменного века, сказались те конкретно исторические события, которые происходили в этой части Азии.

Тот факт, что культура древнейшего населения Сибири сначала развивалась в одинаковых формах и в том же направлении, как и культура их современников на Западе, в бассейнах Дуная, Днепра, Дона и Волги, а затем как бы круто повернула в своем развитии в другую сторону, безусловно не случаен и имеет важное значение в истории Европы и Азии.

Его можно объяснить тем, что племена Сибири сначала жили одинаковой жизнью с племенами Запада, находились в связи с ними и имели единую в основе культуру. Затем, уже к самому концу ледниковой эпохи, немноголюдные, широко рассеянные на колоссальных пространствах Сибири в процессе ее освоения, они утратили непосредственную связь с населением западных стран и, обособленные от них, на протяжении длительного времени стали жить своей особой жизнью, создали новую, существенно отличную во многих отношениях культуру.

Ярким и наглядным проявлением такого своеобразия являются отмеченные особенности в технике изготовления и формах (типах) каменных изделий, обслуживавших хозяйственные потребности палеолитического человека. В то время как на Западе в конце палеолита шел процесс развития так называемой микролитической техники, когда необходимые орудия выделывались преимущественно на рассеченных определенным образом на части пожевидных пластинах, в Сибири основным приемом оформления заготовок каменных орудий было раскалывание крупных галек на две части или снятие больших пластин с поверхности нуклеусов архаического дисковидного типа, похожих на мустьерские.

Одновременно, в условиях обособленного существования на колоссальных по протяжению территориях Сибири и Дальнего Востока, здесь складывается, очевидно, и особый физический тип местного населения. В верхнем палеолите, как полагают антропологи, возникают основные расовые группы современного человечества: негроиды в Африке и соседних районах Средиземноморья, а также в юго-восточной и южной Азии, европеоиды в Европе и, наконец, монголоиды к востоку от Урала. В то время как местные остатки верхнепалеолитического человека, обнаруженные в Европе, преимущественно относятся к древнему европеоидному типу, кроманьонскому (в широком смысле этого слова), новые археологические и антропологические данные указывают на существование у древних насельников восточных районов Азии определенных монголоидных черт уже в очень раннее время. Одна статуэтка женщины, найденная в 1936 г. в Бурети, имеет тщательно моделированное лицо с отчетливым монголоидным отпечатком. Оно обладает узкими характерно скошенными глазами, низким, как бы расплывшимся носом и выпуклыми скулами.

Из палеолитических слоев Афонтовой горы у Красноярска происходят обломки костей рук и фрагмент черепа, обломок лобной кости, найденный в 1937 г. Последняя находка была изучена Г. Ф. Дебецом. Морфологические особенности фрагмента (резкая уплощенность переносья) указывают на монголоидные особенности и позволили Дебецу высказать утверждение, что верхнепалеолитическое население Афонтовой горы относилось к монголоидному, в широком смысле слова, расовому типу.

Таким образом, те скудные данные, которыми располагает в настоящее время палеоантропология, как будто указывают на принадлежность палеолитического населения Прибайкалья и среднего Енисея к монголоидному расовому типу. Здесь могло сказаться соседство с теми областями восточной и Центральной Азии, где, по мнению советских антропологов, возникает монголоидный расовый тип. Нельзя не отметить в связи с этим, что на всей территории Монгольской Народной Республики может быть прослежено развитие культуры ее позднепалеолитического населения в том же основном направлении, что и в Сибири. Поэтому всю эту огромную территорию в позднем палеолите можно смело назвать сибирско-монгольской культурной областью.

Однако, учитывая единичность и фрагментарность находок, было бы рискованно относить все сказанное выше о физическом типе древних жителей Сибири ко всей ее территории, взятой в целом. Вполне возможно, что население других районов, в частности Алтая и Минусинской котловины, уже в палеолите относилось по своему антропологическому типу не к монголоидному, а к европеоидному кругу форм. В пользу такого предположения говорят, как увидим дальше, материалы по палеоантропологии более поздних эпох.

В целом же конец верхнепалеолитического времени является, повидимому, той важнейшей исторической ступенью в прошлом народов Сибири и нашего Дальнего Востока, когда их предки впервые выделяются

из всего остального человечества как обладатели особого физического типа и специфической по характеру культуры.

Это был второй крупнейший этап в древней истории Сибири.

Третий этап последней совпадает с временем распространения новых неолитических памятников.

НЕОЛИТ

Неолитическое время действительно является следующим и чрезвычайно важным этапом в истории культуры и в истории этнических отношений на территории Сибири и Дальнего Востока.

Переход к неолиту отмечен в Сибири, как и в других частях земного шара, значительным развитием производительных сил древнего населения, связанным с новыми техническими приемами и с появлением новых видов орудий труда, в первую очередь с изобретением лука и стрел. Лук и стрелы, как известно, повсеместно появляются раньше шлифованных орудий труда, в то время, когда еще отсутствует керамика.

Ранненеолитическое время в Сибири и на Дальнем Востоке, однако, изучено еще очень слабо.

В Прибайкалье к числу наиболее ранних памятников местного неолита, так или иначе соответствующих позднемезолитическим поселениям Запада, следует отнести немногочисленные погребения хиньской стадии, где найдены очень архаические еще по форме и технике изготовления пластинчатые наконечники стрел из кремня, обработанные ретушью только с одной стороны, на нижнем и верхнем концах. Характерной чертой их является также и наличие боковой выемки в основании, оформляющей черенок. Наконечники стрел данного рода повсюду встречаются в памятниках, завершающих палеолитическую эпоху (эпипалеолит), и в самых ранних памятниках неолита.

В то время, к которому относятся памятники развитого неолита с шлифованными каменными орудиями и гончарными изделиями, представленными глиняной посудой, на территории лучше всего в этом отношении изученного Прибайкалья последовательно сменяется несколько этапов неолитической культуры.

Первый, самый ранний из них — исаковский (ориентировочная дата IV тысячелетие до н. э.), известный по материалам нескольких могильников в долине Ангары. Самый обширный и богатый находками могильник, обнаруженный около дер. Пономарево, расположен, как и большинство других неолитических могильников Прибайкалья, на высоком мысу в устье глубокого распадка. Раскопанные здесь могилы заполнены внутри сплошными кладками из плит известняка, слагающего цоколь здешних древних террас. В могилах найдены кости одних только диких лесных животных, преимущественно лося, изюбра (марала), косули и бобра. Судя по остаткам фауны, люди, хоронившие умерших на Пономаревском мысу, жили в глухой тайге и по своему образу жизни были типичными охотниками. В могилах найдены замечательные по техническому совершенству и размерам костяные наконечники копий, снабженные острыми кремневыми лезвиями из специально зазубренных ножевидных пластин. Вместе с ними лежали крупные каменные наконечники стрел, типично неолитические по технике выполнения: двусторонне ретушированные, со своеобразно оформленным насадом в виде выреза хвоста ласточки, с одним ассиметрично удлиненным жальцем и другим — укороченным. Лук был деревянный, вероятнее всего, простой. В распоряжении людей этого времени имелись также превосходно отполированные тесловидные инструменты для обработки дерева, изготовленные из особой разновидности

кремнистого сланца, такие же сланцевые и нефритовые ножи для домашних женских работ, различные скребки, костяные игольники и иглы, шилья и другие изделия.

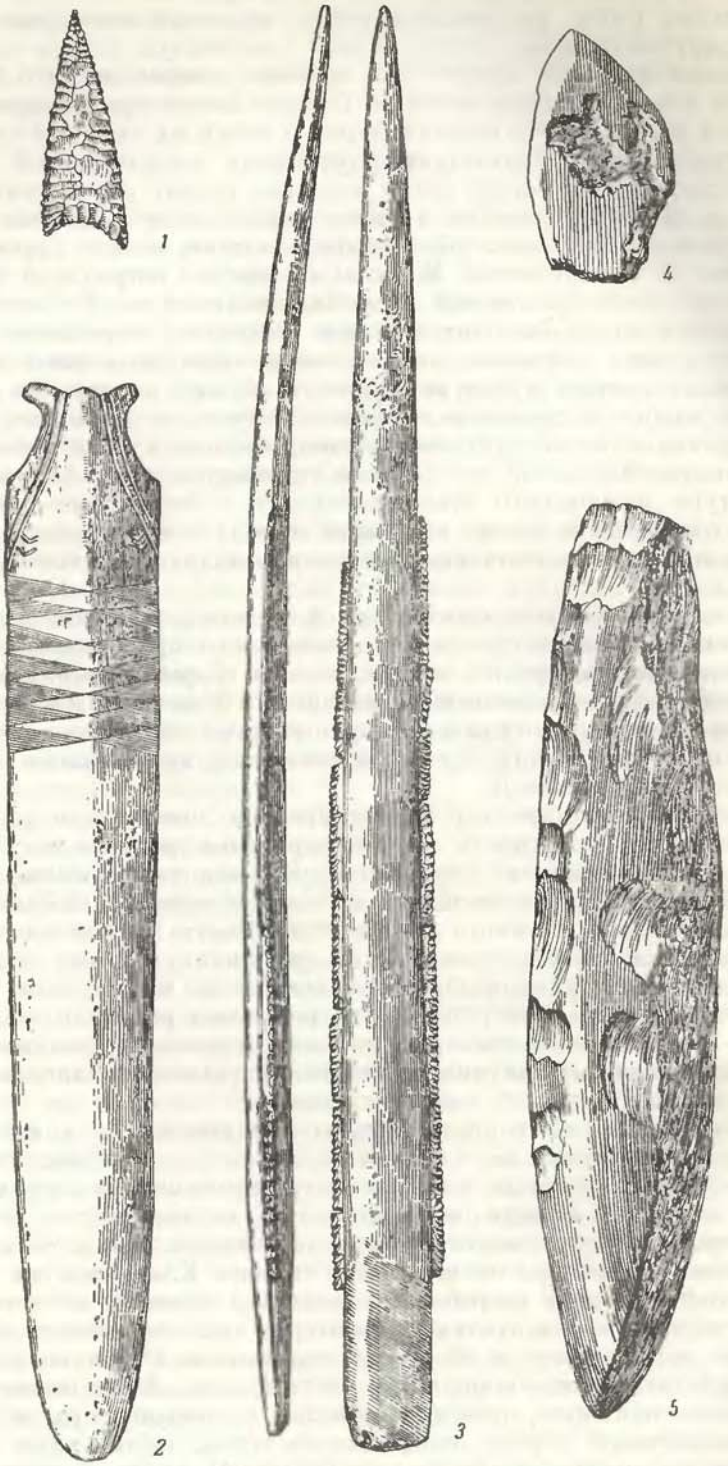
Керамика из могил исаковского времени показывает, что гончарное искусство возникло совсем недавно. Горшки имеют простейшую, параболоидную в вертикальном сечении форму. Стенки их снаружи сплошь покрыты текстильными отпечатками, оттисками мелкоячеистой сетки, от которой сохранились четкие следы довольно тонких круто свитых нитей и узелков. Люди исаковского времени украшали себя целыми клыками кабана, расположенными на лбу подобно диадеме, а также грушевидными подвесками из клыков оленя. В целом исаковские погребения дают чрезвычайно архаический материал. Большие овальные скребла из их инвентаря сходны с позднепалеолитическими. Широкое употребление мамонтовой кости и типы костяных наконечников тоже позволяют вспомнить о древней охотничьей культуре палеолита. В них несомненно отражены традиции глубокой древности, свидетельствующие о том, что на территории Прибайкалья в неолите попрежнему продолжали жить потомки палеолитического населения этих районов, прямые наследники его культуры.

Культура исаковского этапа переходит в следующую, серовскую, (IV—III тысячелетия до н. э.), когда наряду с некоторыми устойчиво сохраняющимися традиционными чертами появляются и новые, ранее не известные.

В каменном и костяном инвентаре погребений, особенно в керамике, обнаруживаются теперь признаки значительного прогрессивного сдвига. Древнейшие сосуды простой нерасчлененной формы сменяются новыми, с отчетливо оформленными шейкой, венчиком и брюшком. Появляются оригинальные подвесные сосуды — фляги с ушками для подвешивания. Широко распространяется гребенчато-пунктирный, прямолинейно-геометрический по стилю орнамент.

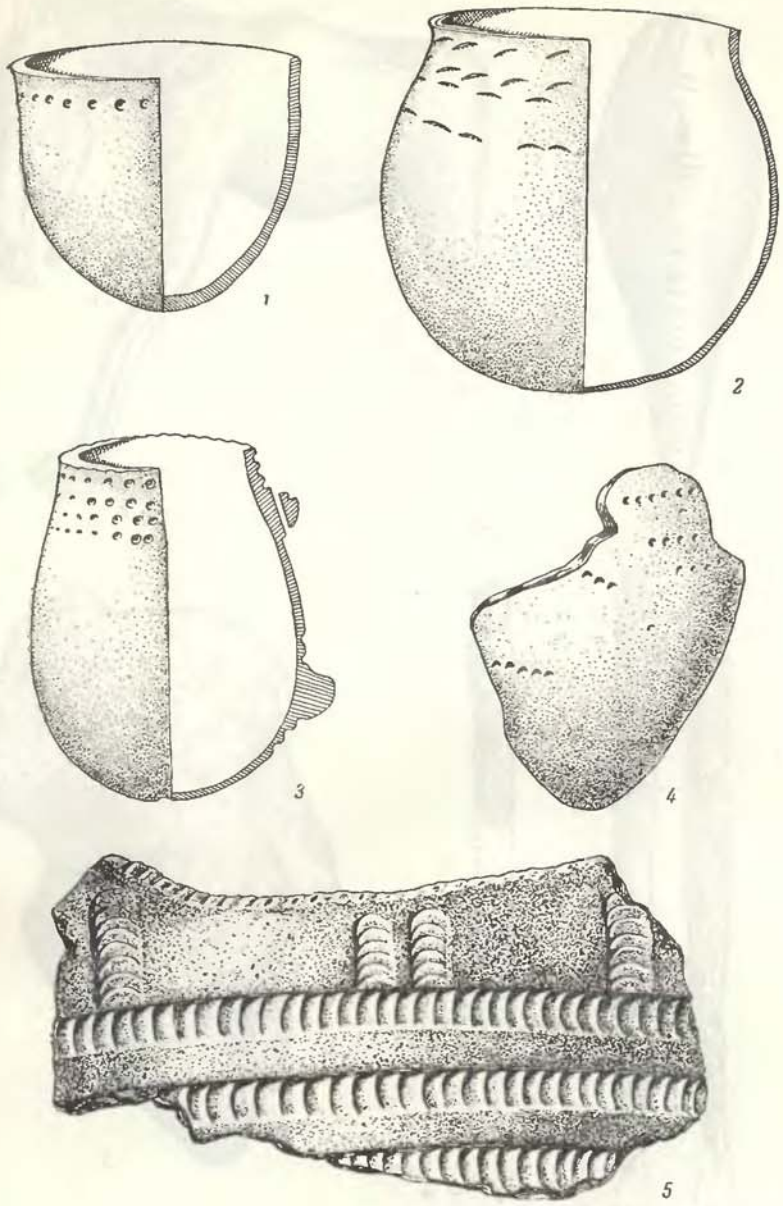
Охотничий инвентарь серовского времени значительно улучшается. В могильниках на Ангаре и Лене обнаружены длинные костяные пластинки, обкладки луков. Серовские луки явились самыми древними в мире образцами луков, сделанных из кости и дерева, и самыми ранними предшественниками сложного лука вообще. Вместе с ними в погребениях встречаются искусно сделанные из разных, иногда редких пород камня изображения рыб, главным образом налима, реже омуля, сига, стерляди. Совершенно такие же фигурки рыб употреблялись различными племенами Севера — эвенами и эвенками, эскимосами, ненцами, коряками при подледной добыче рыбы гарпуном в качестве приманки, привлекавшей хищных рыб к проруби, где их ожидал охотник.

Поселения серовского времени имеют вид стоянок, т. е. следов более или менее постоянных, всего вероятнее, сезонных стойбищ, где стояли шалаши-чумы, от которых уцелели очаги, сложенные в виде кольца из речных валунов. Иногда встречаются и остатки более основательных построек с углубленным в землю основанием. Следы такого жилья обнаружены, например, на известной стоянке Улан-Хада на Байкале. Замечательной чертой погребений серовского времени является выдержанное постоянство в составе инвентаря, оно выражается в том, что здесь еще нет «бедных» и «богатых» покойников. Различие в инвентаре бедных и богатых могил появляется много позднее. В большинстве могил встречаются, примерно, одни и те же вещи: глиняный сосуд, пластины от лука, наконечники стрел, шлифованные тесла, ножи, луки и стрелы одинаково сопровождали в могилах как мужчин, так и женщин. Это дает право вспомнить о женщинах-воительницах и активных участницах охотничьего промысла у ряда народов Сибири в прошлом.



Каменные и костяные изделия из неолитических погребений Прибайкалья

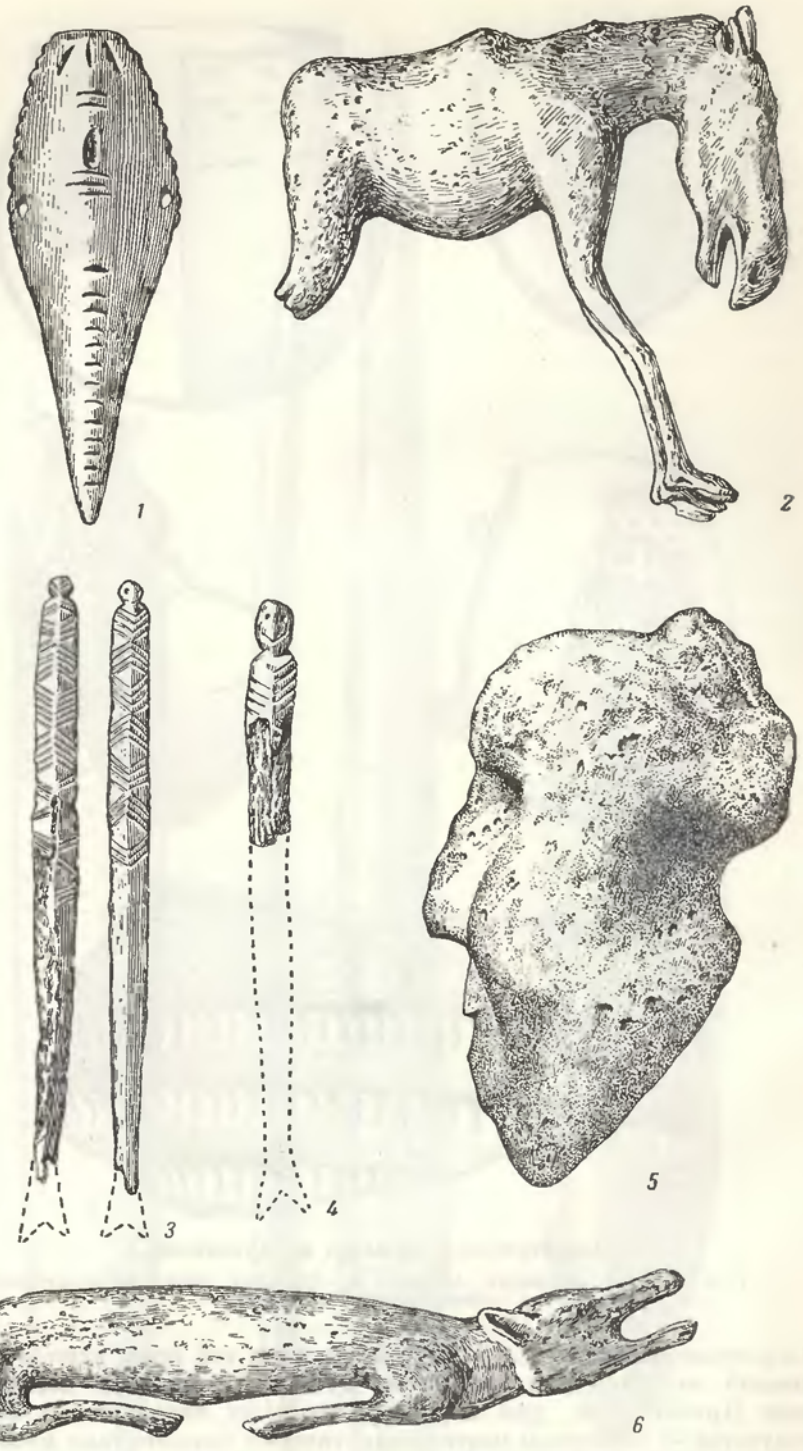
1 — кремневый наконечник стрелы; *2* — костяной орнаментированный кинжал; *3* — вкладышевый наконечник копья; *4* — нефритовый нож; *5* — большое тесло



Неолитическая керамика из Прибайкалья

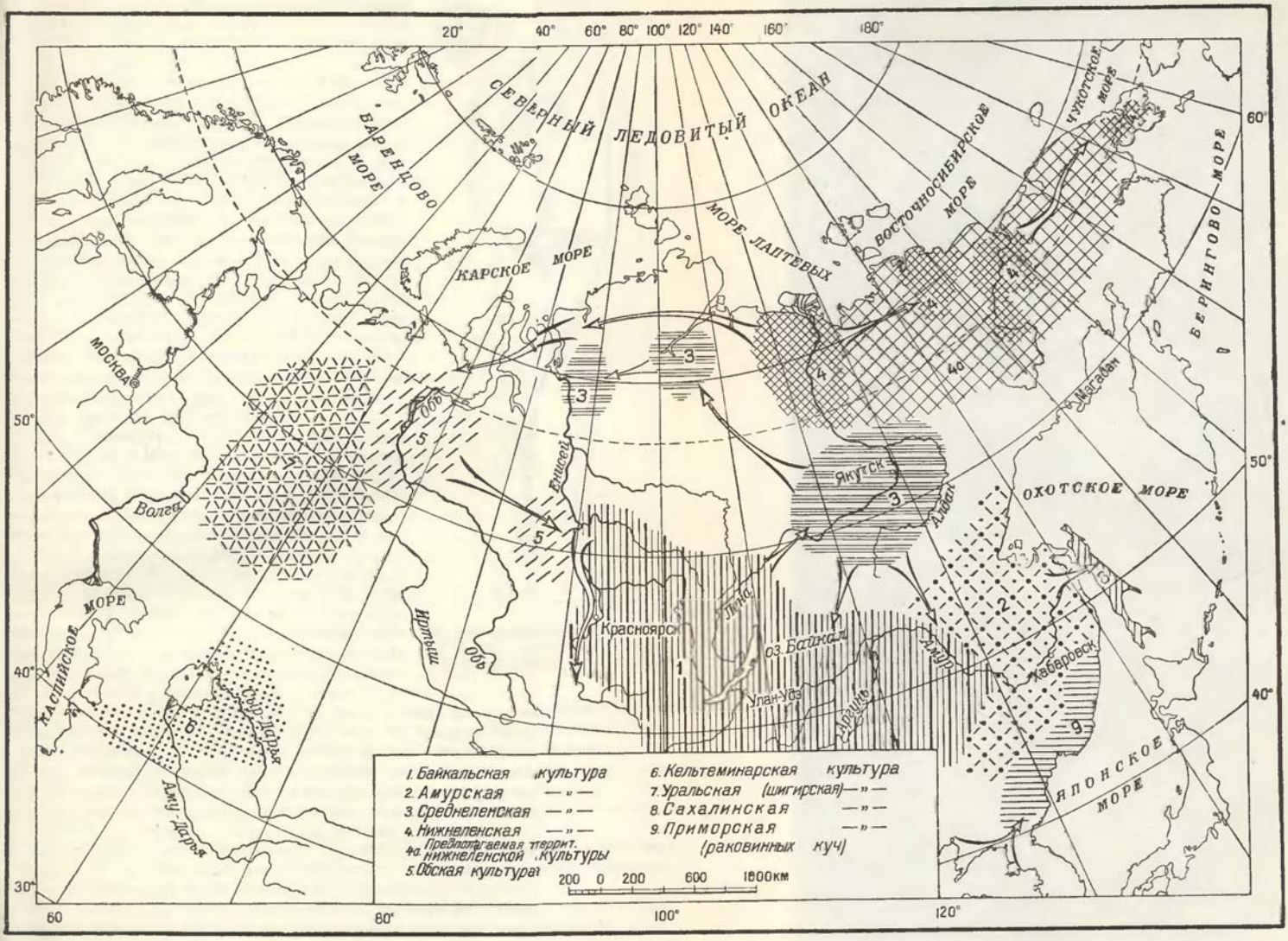
1—4 — сосуды серовского времени; *5* — фрагмент сосуда из культурных слоев стоянки Улан-Хада

Серовские погребения и другие памятники той поры дают интересный и ценный материал для понимания духовной культуры неолитических племен Прибайкалья, для характеристики их верований и искусства. В искусстве — на первом месте реалистически выполненные изображения животных, преимущественно лосей. Складывается также и прямолинейно-геометрический орнамент определенного стиля, для которого характерно сочетание горизонтальных и вертикальных линий, а также ритмическое сочетание «пучков» коротких насечек. Погребальная обрядность серов-



Каменные и костяные изделия. Неолит Прибайкалья

1 — каменное изображение рыбы; *2* и *6* — изображения лосей, Бавиха; *3*, *4* — костяные фигурки, Глазково; *5* — скульптурное изображение головы человека, мрамор, Распутино



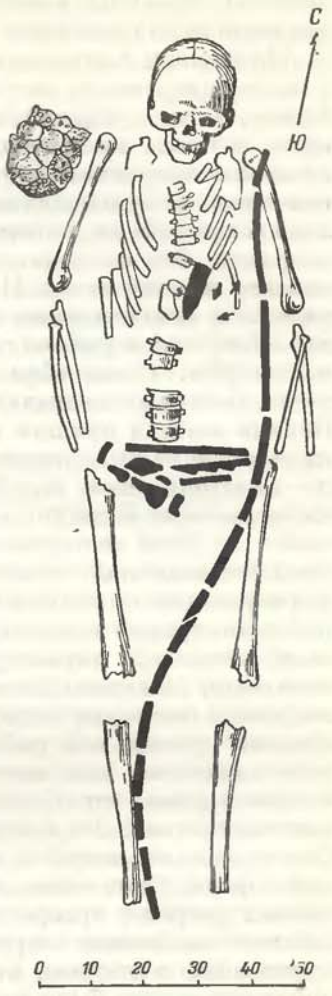
Карта неолитических культур Сибири

ского времени косвенно отражает идеи о тесной связи сородичей и «круговороте душ». Большое значение в религии древних охотников имел охотничий культ лося.

В целом — материалы серовской стадии выразительно рисуют зрелую и своеобразную культуру лесных охотников Прибайкалья в эпоху ее расцвета.

Сменяющие серовские могильники погребения китойской стадии выделяются одной специфической чертой погребального ритуала — обыкновением обсыпать мертвых красной охрой, а иногда заполнять и всю могильную яму такой охрой, смешанной с песком или землей. Среди разнообразных и нередко совершенных по технике изделий, обнаруженных как в классическом Китойском могильнике, так и в ряде других погребений (Циклодром в Иркутске, Распутино на Ангаре, Жигалово на верхней Лене), выделяются составные крючки особого рода, имеющие на концах стержня-грузика полулунные расширения головки. Такие крючки, обязательные в каждом почти захоронении, несомненно, указывают на возросшее значение рыбной ловли.

Для Китойского могильника, находящегося вблизи источников ценнейшего сырья той эпохи — зеленого нефрита, коренные месторождения которого известны в соседних Саянских горах, характерно наличие большого количества нефритовых изделий, в том числе не законченных изготовлением болванок. Не исключено, что обмен нефритом имел важное значение в жизни племени или рода, населявшего долину р. Китоя и соседние районы, подобно тому как первобытная меновая торговля наложила в свое время резкий отпечаток на жизнь ряда племен Северной Америки и северной Азии, в значительной мере «специализировавшихся» на торговле определенными продуктами своих территорий или даже только на посреднических операциях.



Костяк человека с луком. Погребение серовского типа. Братский камень на р. Ангаре

Одновременно наблюдаются новые факты, свидетельствующие о каких-то важных сдвигах во внутренней социальной жизни населения Прибайкалья. Рядом со «средними» по количеству погребальных вещей захоронениями появляются единичные захоронения, особенно обильные находками, и, вместе с тем, бедные вещами могилы.

Китойский этап байкальского неолита (III и начало II тысячелетия до н. э.) еще целиком помещается в границах неолита. Никаких следов металла для этого времени не отмечается.

В то время как на берегах Байкала, на верхней Лене, Ангаре и Селенге в течение тысячелетий проходила свой путь эта оригинальная культура, в долине р. Амура и в советском Приморье развитие культуры и история местных племен шли особыми, своеобразными путями. Древнейшими следами деятельности человека на среднем Амуре (в районе Благовещенска)

являются каменные изделия, во многом сходные с позднепалеолитическими предметами, находимыми в Восточной Сибири и восточной Монголии.

На нижнем Амуре, в окрестностях г. Хабаровска, около пос. Осиповка и железнодорожного моста через Амур, на высокой древней террасе левого берега, в слое суглинка, встречены остатки очагов, сложенных из булыжника, а также превосходные, отделанные тонкой солютрейской ретушью каменные лавролистные наконечники или ножи, скребки концевого типа, пластины и оригинальные изделия, внешне напоминающие по типу ашельские рубила, которые, однако, имеют лезвия, удобные для рубящих операций. Эти находки относятся к очень ранней поре неолита, к протонеолиту или мезолиту. Наиболее древними следами человека в Приморье являются оригинальные каменные вещи, обнаруженные в 1953 г. около дер. Осиновки в районе г. Ворошилова-Уссурийского. Вещи эти найдены на высоком холме вблизи древнего заросшего русла речки Осиновки, тогда, очевидно, несравненно более многоводной и широкой, чем теперь. Первые жители пришли на Осиновский холм в то далекое время, когда на нем еще не было почвенного покрова. Они поселились непосредственно на выветрившейся голой поверхности гранитной скалы. Оставленные ими каменные изделия лежали в красноватой прослойке, резко выделявшейся на фоне светложелтого суглинка, залегавшего выше. Очень вероятно, что этот слой соответствует латеритовым отложениям, образующимся в результате выветривания в условиях тропического климата. Когда площадь древнего поселения была расчищена, перед глазами исследователей оказалась характерная картина из трудовой жизни древнейшего населения Дальнего Востока. В центре располагалась своего рода «наковальня» из твердого кварцита, покрытая многочисленными выбоинами — следами длительной работы. Вокруг были рассеяны осколки камней, использованных как материал для изготовления орудий труда. Уцелели и сами орудия, изготовленные в этой первобытной мастерской на каменной наковальне. Это были странные и загадочные по их форме предметы. Они представляли собой крупные речные гальки из плотной зеленокаменной породы. Один конец галек был затесан рядом сильных, ловко направленных ударов и превращен таким образом в широкое массивное лезвие, похожее на лезвие современных топоров или сечек. Другой их конец, служивший рукоятью, сохраняет валунную корку. Подобными грубыми орудиями можно было разрубать кости или дерево, копать землю, вырывать съедобные коренья и поражать охотничью добычу. Орудия такой формы неизвестны к западу от Урала. Их, в сущности, нет и в соседней Сибири. Но тем интереснее, что они напоминают по общей своей форме и способу изготовления такие же галечные рубящие орудия в виде своеобразных «сечек», известные в каменном веке Китая, а также еще более далеких областей Азии вплоть до Бирмы и Индокитая. Осиновские находки предшествуют неолиту Приморья и могут быть отнесены к концу палеолита или, во всяком случае, к мезолитическому времени.

Тот же отпечаток своеобразия и вместе с тем определенного родства с древними культурами соседней Восточной Азии лежит и на культуре более поздних обитателей нашего Дальнего Востока.

При раскопках на том же Осиновском холме в 1955 г. над древнейшим культурным слоем оказался второй, более поздний слой. Он принадлежал другим людям и другой культурно-исторической эпохе, новокаменному веку. Эти люди, время существования которых отделено от жизни первых обитателей Осиновского холма несколькими тысячелетиями, уже умели изготовлять из камня шлифованные тесла и топоры. Они научились выделывать достаточно хорошую по тем временам глиняную посуду. У них были копья с каменными наконечниками, и что еще важнее, лук и стрелы.

Самые обильные и яркие находки, относящиеся к этому времени, были обнаружены около устья реки Тетюхе. На высоком мысу при слиянии двух речек находилось когда-то обширное поселение древних охотников и рыболовов.

Как показали раскопки 1955 года, много поколений этих охотников и рыболовов сменялось на тетюхинском холме и каждое оставляло следы своей трудовой деятельности, остатки своей культуры. В самом низу рыхлых отложений террасы залегали культурные остатки, свидетельствующие о том, что первые поселенцы пришли сюда уже с достаточно высокой по тем временам культурой эпохи развитого неолита.

Вместе с превосходно отшлифованными изделиями из камня, изящно отделанными тонкой ретушью (обивкой) наконечниками стрел и пожами лежали обломки больших глиняных сосудов с плоским дном. Стенки сосудов были украшены в верхней своей части простым, но эффектным узором, имитирующим как бы широкую ленту, сплетенную из полосок ткани или кожи.

Сосуды такого рода неизвестны в таежных областях Сибири, но зато близкие к ним по форме горшки употреблялись более четырех-пяти тысяч лет тому назад неолитическими племенами на юге Монголии и в северо-восточных областях Китая.

Люди нижнего горизонта Тетюхинской стоянки выделывали также превосходно отшлифованные односторонне выпуклые в поперечнике каменные тесла и изящные наконечники стрел, близкие по форме к прибайкальским. Они имели в своем распоряжении костяные или деревянные кинжалы, ножи и наконечники копий с вставными лезвиями из тщательно отретушированных каменных пластин. По уровню развития культуры это был, следовательно, уже вполне развитый неолит. Датировать эту неолитическую культуру можно III—II тысячелетиями до н. э.

Спустя тысячу лет, т. е. около четырех тысяч лет тому назад, в жизни древних тетюхинских обитателей произошли существенные изменения.

Первым признаком нового в их жизни явились перемены в характере самого поселения. На месте древнейшего охотничьего лагеря возникло большое поселение, выросла настоящая деревня людей каменного века. Поселок состоял теперь из целого ряда прочных долговременных жилищ. На Тетюхинском холме уцелели остатки более двух десятков таких жилищ, каждое площадью около 100 кв. метров.

Когда в ходе раскопок была вскрыта одна такая яма, оказалось, что по бокам вырытой в земле прямоугольной ямы располагались глубокие ямы для хранения пищевых запасов, а в середине ее было несколько небольших очагов.

Существенно отличной была картина планировки другого, соседнего, дома. Пол его поднимался двумя уступами по сторонам центрального очага. На уступах лежали каменные изделия, оставленные древними обитателями поселения, в том числе превосходно отшлифованные каменные тесла. Вещи эти не были разбросаны случайно, в хаотическом беспорядке, как это могло показаться на первый взгляд. Напротив, в их расположении обнаруживался какой-то определенный порядок, связанный с распорядком жизни обитателей жилища и их трудовыми занятиями.

В одном месте концентрировались каменные наконечники, а в других мелкие и мельчайшие кремневые отщепы, оставшиеся от изготовления каменных орудий. На плечиках-уступах землянки размещались и остатки глиняных плоскодонных сосудов. Сосуды эти стояли когда-то целыми в вертикальном положении, но затем, когда жилище было оставлено и заброшено, свалились на бок и оказались раздавленными землей. Стены дома состояли из вертикально вкопанных вдоль его края столбов, от ко-

торых уцелели многочисленные и тесно расположенные друг около друга ямы.

Перед нами встает, таким образом, неожиданная по выразительности картина жизни древней общины каменного века.

Первое из раскопанных на Тетюхинском холме жилищ было место, где протекала хозяйственная жизнь. Здесь находились своеобразные амбары людей каменного века в виде ям для запасов, и здесь же готовилась пища на специально сооруженных с этой целью очагах.

Второй, соседний, дом служил для иных целей. Судя по этнографическим аналогиям, вокруг центрального и единственного в доме очага возвышались широкие ступени — нары. На нарах сидели и работали обитатели жилища. Здесь изготовляли каменные орудия, в том числе каменные наконечники дротиков или гарпунов, причем мастер, выделывавший эти наконечники, находился в определенном месте, к востоку от очага. Очень вероятно, что внизу, у самого очага, располагались старшие, а выше —младшие. На нарах находились также целые когда-то глиняные сосуды. В общем этот дом больше всего напоминал, повидимому, так называемые мужские дома или дома для собраний, хорошо изученные этнографами у многих отсталых племен Северной Азии и Америки в XVIII—XIX вв.

Само по себе появление таких поселков, где постоянно или длительное время жила не одна, повидимому, сотня людей, связано было с важными переменами в производительных силах и экономике населения Дальнего Востока.

Племена эти, одно из которых имело свое местопребывание на Тетюхинском мысу, попрежнему еще не знали металла и оставались людьми каменного века, но у них появились первые признаки нового прогрессивного хозяйства — зачатки земледелия. Об этом свидетельствуют многочисленные остатки зернотерок и терочников-курантов. Окрепли, расширились также и связи их с соседними территориями и странами. Из далекого Забайкалья сюда было привезено, например, тесло, материалом для которого послужил полудрагоценный камень — нефрит. Особенно замечательны украшения в виде длинных цилиндрических бусин и кривые подвески, напоминающие кабаний клык. Эти вещи говорят о связях древних племен Приморья с населением берегов Китая и Кореи. О связях с племенами Китая и других соседних областей Азии можно судить также и по обломкам глиняной посуды. Китайцы, повидимому, знали эти племена под общим именем *сушень* или *сишэнь*.

Вся жизнь. весь бытовой уклад этих дальневосточных племен III и II тысячелетия до н. э. резко отличались при этом от жизни таежных охотников и рыбаков Восточной Сибири, которые не знали оседлой жизни, не строили прочных жилищ полуподземного типа, не имели плоскодонной глиняной посуды и украшали свои остродонные горшки совсем другим по стилю прямолинейно-геометрическим орнаментом.

В основном так же, как неолитические племена Приморья, жили их соседи в бассейне Амура, особенно в нижней его части, ниже нынешнего Хабаровска.

Развитый неолит представлен на Амуре множеством поселений; самые ранние из числа последних найдены на о. Сучу вблизи г. Мариинска и на р. Куэнга у Николаевска на Амуре. На о. Сучу среди многих неолитических памятников оказались остатки одного обширного полуподземного жилища, глубоко врытого своим основанием в землю, с отвесными стенками и большим количеством ям для столбов на полу жилья. В жилище обнаружены многочисленные и характерные вещественные остатки: каменные шлифованные тесла, наконечники стрел, скребки, ножи, проколки

и остроконечники, обработанные краевой ретушью, палицы из ноздреватого камня вулканического происхождения, украшения или амулеты, а также многочисленные обломки глиняных сосудов.

Керамика древнейших поселений неолитического времени на Амуре сходна с приморской и вместе с ней в корне отличается от байкальской. Сосуды тоже имели здесь не остродонную или круглодонную форму, а плоскодонную. Оттисков сетки-плетенки снаружи на них нет. Вместо этого они покрыты тонким гребенчато-пунктирным узором в виде вертикальных, параллельных друг другу зигзагов. Близко напоминая по форме и узору древнейшие «цилиндрические» *(«ento-доки»)* сосуды неолитических поселений на Японских островах, такие сосуды, повидимому, непосредственно происходят от оригинальных высоких цилиндрических корзин южных областей восточной Азии и соседних островов. Эти корзины имели такое же узкое, плоское дно и орнаментированную поверхность, образованную зигзагообразным плетением из узких растительных полосок, расположенных вертикально.

Туда же, на юг, ведут палицы из вулканического камня, кривые украшения типа *магатама*, слегка напоминающие кабаньи клыки, и совершенно исключительная по богатству и своеобразию орнаментика. В отличие от традиционной неолитической орнаментики лесных областей Сибири и восточной Европы амурская неолитическая орнаментика в основе своей не прямолинейно-геометрическая, а криволинейная. В ней преобладают не простейшие зонально расположенные узоры в виде зигзага или сочетаний горизонтальных и вертикальных линий, а сложные спирали, так же как в Приморье, и замысловатые сплетения кривых полос — типа плетенки. Что же касается прямолинейно-геометрических узоров, то и те нередко имеют здесь вид сложных меандровых композиций. Особенно неожиданно наличие красных лощеных и покрытых ангобом сосудов, орнамент которых был процарапан, а затем закрашен в черный цвет. Такая роспись сосудов живо напоминает не только находки на Японских островах, созданные, повидимому, задолго до появления там предков нынешних японцев, но, в особенности, замечательную расписную керамику северокитайского и южноманьчжурского неолита, известную из поселений древних земледельцев культуры яншао и из пещеры Шакуотун (Шагодун) в Дунбэе.

Основным занятием неолитических обитателей Амура, так же как и советского Приморья, несомненно, было рыболовство. В нагаре с глиняных сосудов, найденных на о. Сучу, обнаружены остатки морских диатомей, которые, всего вероятнее, попали сюда в результате приготовления пищи из рыбы осетровых пород, может быть, калуги. Каменные палицы из вулканических пород служили, повидимому, как орудия, которыми глушили или убивали этих крупных рыб при добыче. Именно рыболовство, как выразительно свидетельствуют наслоения рыбьих костей, чешуи, а также различных раковин, имеющиеся в более поздних поселениях Приамурья и Приморья, явилось основой оседлости местных племен и определило весь их своеобразный и характерный бытовой уклад.

Третья большая группа неолитических памятников, раскрывающих облик новой самобытной культуры, недавно обнаружена в Якутии. Неолит Якутии, подобно байкальскому и амурскому, расчленяется на ряд хронологических звеньев-этапов, последовательно сменявшихся один за другим на протяжении многих веков. Самые ранние неолитические находки на юге Якутии встречены в местности Юедей на Ой-Муранской протоке и у р. Куллаты в 40 км выше г. Якутска, а на севере Якутской АССР около оз. Уолба в 20 км от Жиганска, почти на самой линии полярного круга.

Для Юедейской стоянки и Уолбы характерно наличие архаических по типу пластинчатых наконечников стрел, сохраняющих необработанной бо́льшую часть своей поверхности и лишь частично оформленных ретушью вдоль краев. На берегах оз. Уолба и соседних с ним озер встречена целая группа неолитических поселений, характеризующих специфический уклад озерных рыболовов на протяжении двух этапов неолита.

За этими памятниками раннего неолита типа Юедейской стоянки на юге Якутии следуют другие, среди которых выделяется поселение в устье небольшой речки Малой Мунку (Малой Черепанихи) вблизи г. Олекминска. Стоянка помещалась в глубине речной долины, под прикрытием высокой древней террасы. В верхнем, дерновом слое, при раскопках поселения встречены очажки и при них немногочисленные фрагменты глиняных сосудов раннего железного века. Глубже залегал густо насыщенный культурными остатками основной культурный слой неолитического времени. Судя по находкам, обитатели поселения жили охотой и рыбной ловлей: на каждый квадратный метр раскопанной площади приходится по одному или более каменному наконечнику стрелы. Рыбу ловили костяными крючками составного типа, а также гарпунами.

Каменный инвентарь поселения содержит наряду с топорами байкальского типа (топоры с ушками) топоры весловидной формы и тесла с плечиками на обушке, неизвестные на остальном пространстве северной Азии, но отчасти напоминающие такие же орудия юго-восточной Азии и Американского континента.

Жители поселения достигли высокого совершенства в обработке камня всеми известными в неолите способами: обычной ретушью, точечной обивкой, пилением, сверлением, шлифовкой. В их распоряжении был и превосходный материал: черный кремнистый сланец, молочно-белый, красный и других оттенков известняковый кремень, различные разновидности кристаллических пород. Они выделывали свои вещи и из полудрагоценного камня — нефрита. В отличие от прибайкальских нефритовых орудий, ножи, топоры и тесла выделывались на средней Лене не из темно-зеленого, а из белого нефрита. Типы нефритовых изделий, особенно украшений среднеленского края, тоже отличаются от прибайкальских. В Якутии на Витиме, возможно, находился не только местный источник ценного сырья, но и особый центр изготовления нефритовых вещей, независимый от ангаро-саянского.

Своим глиняным сосудам обитатели стоянки придавали характерную остродонную форму, их горшки имели часто даже такой же «шип» на дне, как сосуды из раковинных куч Скандинавии. Поверхность сосудов часто бывает покрыта текстильными оттисками, т. е. отпечатками колотушки, обмотанной тканью или нитями из растительных волокон. Орнамент простой, геометрический и только на венчике сильно отличный от богатой и щедрой орнаментики позднего неолита Прибайкалья.

За памятниками типа стоянки Мунку следуют поселения типа раскопанного на оз. Ымыяхтах в Соттинском наслеге Усть-Алданского района Якутской АССР, в 60 км к северо-востоку от г. Якутска. Это была типичная стоянка озерных рыболовов, куда они периодически приходили в те-
[illegible] вительного времени, на протяжении которого здесь образовался
ностью до 60—70 см. Культурные остатки гуще
около очажков, представлявших собой скопления

нению с находками на стоянке Мунку, представ-
ми и единообразными образцами: вместо преж-
амики преобладает ложнотекстильная керамика
М[illegible]м резным узором в виде треугольников, свисаю-

щих с венчика,[1] есть несколько фрагментов гладкого сосуда с налепными валиками. В каменном инвентаре выделяются наконечники стрел с прямым и овальным насадом, а также нуклевидные полиэдрические (т. е. многогранные) резцы.

В культурном слое изобиловали кости рыб, вместе с которыми оказались кости лося и одного человека, одинаково обожженные и разбитые, свидетельствующие, повидимому, о каннибализме.

Особого расцвета в неолитическое и последующее время на территории Якутии достигают наскальные росписи. Наиболее замечательными из таких росписей являются многочисленные рисунки, выполненные красной краской на скале Суруктах Хая, в долине небольшой речки Мархи, впадающей в Лену ниже Олекминска. Писаницы Мархинской Суруктах Хая датируются находками из обнаруженного там жертвенного места. Вверху лежали наконечники стрел железного века, ниже — предметы бронзового века, а еще глубже — поздненеолитические наконечники стрел и скребки, отщепы, перламутровые бусы, фрагменты игольников, орнаментированных прямыми резными линиями. Начало культового почитания скалы Суруктах Хая падает, таким образом, на поздненеолитическое время.

Самыми же древними на средней Лене должны быть признаны изображения лосей на скале у дер. Чуру и близкие им по стилю другие такие же изображения, отличающиеся большим реалистическим мастерством, динамичностью и жизненностью в передаче форм тела животных. В дальнейшем наблюдается преобладание схематических изображений и утрата былых реалистических признаков.

На севере Якутской АССР при общем значительном единстве культуры с югом Якутии в неолитическое время обнаруживаются некоторые особенности хозяйственного быта и отчасти связанное с ними своеобразие материальной культуры. По-своему здесь протекает, повидимому, и смена хронологических стадий неолита.

На оз. Уолба и соседних с ним озерах в районе Жиганска встречена целая группа неолитических поселений, характеризующих специфический уклад озерных рыболовов — балыксытов на протяжении двух основных этапов неолита. Самыми ранними являются могильник и поселение на кырдале (бугре) между озерами Уолба и Жиркова. Могилы не имели внешних признаков. Костяки лежали в грунтовых ямах, осыпанные красной минеральной краской — охрой, подобно костякам из Китойского могильника на Ангаре и Оленьего острова на Онежском озере в Карелии. При одном костяке были найдены крупные каменные наконечники стрел архаического типа — в виде ножевидных пластин, ретушированных только частично вдоль краев. Поселение занимало всю площадь бугра, причем культурные остатки содержались в двух слоях. В нижнем слое найдены такие же по типу наконечники стрел, как в могильнике, а вместе с ними наконечники особого рода, в виде «напилков», т. е. трехгранные в поперечнике, сплошь ретушированные. Найденные здесь остатки жилища имели вид овального углубления с почти отвесными стенками, заполненного мешаной супесью с значительной примесью красной охры и каменными изделиями. Последние представлены были большим количеством крупных ножевидных пластин правильной огранки, изготовленных из черного кремнистого сланца. Верхний слой Уолбинского кырдала дал находки иного рода. Появляется довольно обильная ложнотекстильная керамика. Наконечники стрел приобретают обычный неолитический облик: они небольшие,

[1] Ложнотекстильная керамика — керамика, покрытая оттисками в виде шахматной мелкоячеистой сетки, произведенными ударами специальной лопаточки с нарезками на ее поверхности.

Для Юедейской стоянки и Уолбы характерно наличие архаических по типу пластинчатых наконечников стрел, сохраняющих необработанной бо́льшую часть своей поверхности и лишь частично оформленных ретушью вдоль краев. На берегах оз. Уолба и соседних с ним озер встречена целая группа неолитических поселений, характеризующих специфический уклад озерных рыболовов на протяжении двух этапов неолита.

За этими памятниками раннего неолита типа Юедейской стоянки на юге Якутии следуют другие, среди которых выделяется поселение в устье небольшой речки Малой Мунку (Малой Черепанихи) вблизи г. Олекминска. Стоянка помещалась в глубине речной долины, под прикрытием высокой древней террасы. В верхнем, дерновом слое, при раскопках поселения встречены очажки и при них немногочисленные фрагменты глиняных сосудов раннего железного века. Глубже залегал густо насыщенный культурными остатками основной культурный слой неолитического времени. Судя по находкам, обитатели поселения жили охотой и рыбной ловлей: на каждый квадратный метр раскопанной площади приходится по одному или более каменному наконечнику стрелы. Рыбу ловили костяными крючками составного типа, а также гарпунами.

Каменный инвентарь поселения содержит наряду с топорами байкальского типа (топоры с ушками) топоры весловидной формы и тесла с плечиками на обушке, неизвестные на остальном пространстве северной Азии, но отчасти напоминающие такие же орудия юго-восточной Азии и Американского континента.

Жители поселения достигли высокого совершенства в обработке камня всеми известными в неолите способами: обычной ретушью, точечной обивкой, пилением, сверлением, шлифовкой. В их распоряжении был и превосходный материал: черный кремнистый сланец, молочно-белый, красный и других оттенков известняковый кремень, различные разновидности кристаллических пород. Они выделывали свои вещи и из полудрагоценного камня — нефрита. В отличие от прибайкальских нефритовых орудий, ножи, топоры и тесла выделывались на средней Лене не из темно-зеленого, а из белого нефрита. Типы нефритовых изделий, особенно украшений среднеленского края, тоже отличаются от прибайкальских. В Якутии на Витиме, возможно, находился не только местный источник ценного сырья, но и особый центр изготовления нефритовых вещей, независимый от ангаро-саянского.

Своим глиняным сосудам обитатели стоянки придавали характерную остродонную форму, их горшки имели часто даже такой же «шип» на дне, как сосуды из раковинных куч Скандинавии. Поверхность сосудов часто бывает покрыта текстильными оттисками, т. е. отпечатками колотушки, обмотанной тканью или нитями из растительных волокон. Орнамент простой, геометрический и только на венчике сильно отличный от богатой и щедрой орнаментики позднего неолита Прибайкалья.

За памятниками типа стоянки Мунку следуют поселения типа раскопанного на оз. Ымыяхтах в Соттинском наслеге Усть-Алданского района Якутской АССР, в 60 км к северо-востоку от г. Якутска. Это была типичная стоянка озерных рыболовов, куда они периодически приходили в течение длительного времени, на протяжении которого здесь образовался культурный слой мощностью до 60—70 см. Культурные остатки гуще всего группировались около очажков, представлявших собой скопления золы.

Керамика, по сравнению с находками на стоянке Мунку, представлена немногочисленными и единообразными образцами: вместо прежней текстильной керамики преобладает ложнотекстильная керамика с простейшим линейным резным узором в виде треугольников, свисаю-

щих с венчика,[1] есть несколько фрагментов гладкого сосуда с налепными валиками. В каменном инвентаре выделяются наконечники стрел с прямым и овальным насадом, а также нуклевидные полиэдрические (т. е. многогранные) резцы.

В культурном слое изобиловали кости рыб, вместе с которыми оказались кости лося и одного человека, одинаково обожженные и разбитые, свидетельствующие, повидимому, о каннибализме.

Особого расцвета в неолитическое и последующее время на территории Якутии достигают наскальные росписи. Наиболее замечательными из таких росписей являются многочисленные рисунки, выполненные красной краской на скале Суруктах Хая, в долине небольшой речки Мархи, впадающей в Лену ниже Олекминска. Писаницы Мархинской Суруктах Хая датируются находками из обнаруженного там жертвенного места. Вверху лежали наконечники стрел железного века, ниже — предметы бронзового века, а еще глубже — поздненеолитические наконечники стрел и скребки, отщепы, перламутровые бусы, фрагменты игольников, орнаментированных прямыми резными линиями. Начало культового почитания скалы Суруктах Хая падает, таким образом, на поздненеолитическое время.

Самыми же древними на средней Лене должны быть признаны изображения лосей на скале у дер. Чуру и близкие им по стилю другие такие же изображения, отличающиеся большим реалистическим мастерством, динамичностью и жизненностью в передаче форм тела животных. В дальнейшем наблюдается преобладание схематических изображений и утрата былых реалистических признаков.

На севере Якутской АССР при общем значительном единстве культуры с югом Якутии в неолитическое время обнаруживаются некоторые особенности хозяйственного быта и отчасти связанное с ними своеобразие материальной культуры. По-своему здесь протекает, повидимому, и смена хронологических стадий неолита.

На оз. Уолба и соседних с ним озерах в районе Жиганска встречена целая группа неолитических поселений, характеризующих специфический уклад озерных рыболовов — балыксытов на протяжении двух основных этапов неолита. Самыми ранними являются могильник и поселение на кырдале (бугре) между озерами Уолба и Жиркова. Могилы не имели внешних признаков. Костяки лежали в грунтовых ямах, осыпанные красной минеральной краской — охрой, подобно костякам из Китойского могильника на Ангаре и Оленьего острова на Онежском озере в Карелии. При одном костяке были найдены крупные каменные наконечники стрел архаического типа — в виде ножевидных пластин, ретушированных только частично вдоль краев. Поселение занимало всю площадь бугра, причем культурные остатки содержались в двух слоях. В нижнем слое найдены такие же по типу наконечники стрел, как в могильнике, а вместе с ними наконечники особого рода, в виде «напилков», т. е. трехгранные в поперечнике, сплошь ретушированные. Найденные здесь остатки жилища имели вид овального углубления с почти отвесными стенками, заполненного мешаной супесью с значительной примесью красной охры и каменными изделиями. Последние представлены были большим количеством крупных ножевидных пластин правильной огранки, изготовленных из черного кремнистого сланца. Верхний слой Уолбинского кырдала дал находки иного рода. Появляется довольно обильная ложнотекстильная керамика. Наконечники стрел приобретают обычный неолитический облик: они небольшие,

[1] Ложнотекстильная керамика — керамика, покрытая оттисками в виде шахматной мелкоячеистой сетки, произведенными ударами специальной лопаточки с нарезками на ее поверхности.

двусторонне ретушированные, снабжены отчетливо выделенным черешком. Широкое распространение теперь имеют здесь резцы нового типа: многогранные с отчетливо выделенной рукоятью, изготовленные из сработанных нуклеусов, тогда как ранее употреблялись архаические резцы на углу сломанных пластин или специально сделанные из кремневых отщепов резцы бокового типа с ретушью на верхнем конце.

Поблизости от Уолбинского кырдала оказались и другие поселения, одновременные образованию верхнего слоя кырдала. Следов жилищ в виде землянок на них не встречено, но зарегистрированы особые очажные ямы с зольными выбросами при них. Такие очаги могли сопровождать летние жилища с каркасом из ивовых прутьев, известные на Амуре под названием *хоморан*, а у ленских якутов называющиеся *отуу*.

На данном этапе, а может быть и раньше, неолитические племена достигают и более северных областей Якутии — вплоть до берегов Ледовитого океана. По берегам Лены, между Жиганском и Чокуровкой, в ряде мест выявлены остатки культуры бродячих охотников тундры и лесотундры каменного века. Это были следы временных стойбищ, где помещалось одно или несколько легких переносных жилищ типа чума. На месте, где стояли такие жилища, обнаруживаются обыкновенно крайне немногочисленные, а вместе с тем очень выдержанные по своему ассортименту находки: несколько мелких отщепов и ножевидных пластин, один или два охотничьих мужских ретушированных ножа, напоминающих по форме наконечники копий, один-два наконечника стрел, реже скребки. Керамика была известна, но образцы ее на стоянках встречаются крайне редко.

Кроме таких стоянок, в тех же районах найдены одновременные им памятники особого рода. На высоких скалистых мысах, со всех сторон обдуваемых ветром — избавителем от гнуса, обнаруживаются тысячи каменных отщепов, сконцентрированных обыкновенно на очень ограниченном участке, площадью не более 15—20 м². Вместе с отщепами лежат и орудия, служившие для обработки камня, овальные или цилиндрические по форме гальки с выбоинами на концах, отбойники. Обычных по типу заготовок в виде не законченных отделкой вещей определенных форм, т. е. скребков, наконечников, ножей, здесь очень мало. Зато много первично отесанных болванок, своего рода полуфабрикатов, которые могли быть употреблены впоследствии для изготовления любого изделия. Древние мастера, таким образом, ставили своей целью лишь вчерне заготовить камень, освободить его от ненужной тяжести в виде корки, трещиноватых участков и подготовить для переноса в другие места, где нет такого поделочного камня, на более или менее далекое расстояние. Такие своеобразные нижнеленские мастерские, следовательно, вполне соответствуют по своему характеру временным стойбищам бродячих охотников лесотундры, которые непрерывно меняли свое местопребывание, смотря по сезону и в зависимости от перекочевки дичи, особенно табунов северного оленя.

Точно такие же в основных очертаниях, как и в низовьях Лены, неолитические памятники известны далеко к востоку от Лены, в долине Колымы. Они обнаруживаются и в глубине Чукотского полуострова, где тоже издавна существовала древняя континентальная культура, предшествовавшая культуре оседлых морских зверобоев. Следы последней оказались, например, в центральной части полуострова на р. Амгуэме, где найдены ножевидные пластины и нуклеусы, совершенно отсутствующие в древних прибрежных поселениях, но известные на материковых поселениях Аляски, например на стоянке в районе «Университетской фермы» в Фербенксе. На Амгуэме обнаружены также превосходно обработанные отжимной ретушью наконечники стрел листовидной формы.

Памятники лесного неолита Западной Сибири, северного и восточного Приуралья остаются еще очень слабо выявленными. Однако даже и то немногое, найденное в настоящее время, показывает, что и здесь развитие древних культур шло своими путями. Известно, например, что в северной части бассейна Оби встречаются многочисленные древние поселения, состоявшие из землянок. Поселения эти расположены на мысах и ярах в болотистых приозерных местах и потому не имеют следов укреплений — ни рвов, ни валов: достаточной защитой служила окружавшая их природа. Землянки в поселениях очень велики, площадь их достигает 625 м². Подобные постройки должны были сооружаться соединенными усилиями целого коллектива и несомненно служили общинно-родовыми жилищами. Землянки, хотя и значительно меньших размеров, продолжали здесь существовать в качестве основного вида жилища и спустя 3—4 тыс. лет. Они были в употреблении на Оби еще в XVIII—XIX вв. под названием *мыс-хат*, т. е. земляной дом. В древних землянках на северной Сосве оказались шлифованные и обитые орудия из камня, в том числе долота, ножи, скребки, наконечники стрел, вместе с обломками тонкостенных горшков яйцевидной формы. Горшки обыкновенно были украшены гребенчатым ямочным узором, сходным с орнаментикой, типичной для сосудов из среднеуральских поселений поздненеолитического времени — около 2000 г. до н. э.

Несколько позднее, в конце второго и начале первого тысячелетия до нашей эры, общий характер материальной культуры жителей нижнего Приобья изменяется. Сосуды становятся разнообразней по форме и орнаменту. Появляются плоскодонные горшки и блюда или миски. Орнамент обогащается. Впервые наблюдаются сложные сочетания тисненых ромбиков, образующих как бы своего рода сетку. Возникают изящные меандроподобные узоры, сходные как с шигирскими Урала, так и с орнаментикой степной андроновской культуры. Они отчасти сходны также и с неолитической орнаментикой советского Дальнего Востока. Сходство это простирается и дальше, на другие области их культуры.

Как амурские племена, жители Приобья занимались преимущественно рыболовством. Огромная река с ее многочисленными старицами, протоками и озерами доставляла людям не менее верный источник существования, чем Амур для его неолитических обитателей. Рыболовство определило не только тип жилищ или керамики, но и многие другие черты быта, вплоть до одежды из рыбьих шкур. «Одежда их, — писал в начале XVIII в. Гр. Новицкий, — обще из кожей рыб наипаче с налима, иже подобен сому, тот же осетра и стерлядей одерше кожу только трудами своими умягчает, яко могут все одеяния себе из них сошити, обще же из налимей кожи — кожаны, с иных же чулки, сапоги утворяют». И эта черта также роднит жителей Оби с амурскими племенами, которых китайцы исстари называли «рыбьекожими».

Общее сходство образа жизни и общность хозяйственно-бытового уклада, вопреки разделяющим эти области северной Азии колоссальным пространствам, закономерно привели к конвергентному возникновению во многом сходной материальной культуры древних рыболовческих племен на Оби и Амуре.

БРОНЗОВЫЙ ВЕК

НАСЕЛЕНИЕ СТЕПНОЙ ПОЛОСЫ

В то время как различные племена, заселявшие колоссальные пространства — таежные области Сибири, тундру и лесотундру, а также районы Приморья и Приамурского края, — еще в конце неолита и начале

бронзового века продолжали жить прежней жизнью охотников и рыболовов, в соседних степях совершались, как мы увидим ниже, события исключительной важности.

События эти развертывались почти одновременно к западу от Байкала, в Минусинском районе и на Алтае, с одной стороны, и к востоку от него, на территории лесостепного и степного Забайкалья, — с другой. Раньше всего они начинаются, повидимому, на западе.

В конце третьего или в самом начале второго тысячелетия до нашей эры в Минусинском крае и на Алтае существовала замечательная афанасьевская культура. Она во многом имела еще прямую связь с культурой каменного века.

Таковы прежде всего форма и орнаментика глиняных сосудов, найденных в большом количестве в могилах афанасьевского времени. Сосуды эти имеют заостренное дно и удлиненно-яйцевидную или реповидную форму. Снаружи они сплошь покрыты узором, напоминающим неолитический, особенно в тех случаях, когда орнамент расположен горизонтальными рядами или поясками. Вместе с такими сосудами в могилах встречены также каменные изделия неолитических форм: шлифованный топор, кремневые наконечники стрел, «секира», а на стоянках, кроме того, оказались ножевидные пластины и другие мелкие изделия из камня. Подобно неолитическим охотникам, люди афанасьевского времени попрежнему охотно украшали себя подвесками из звериных зубов.

Связь с неолитом отражена погребальным обрядом афанасьевского времени: мертвых хоронили поблизости от рек, в грунтовых ямах, выложенных камнями, лишь позднее стали сооружать первые курганы; при похоронах употребляли красную краску — кровавик.

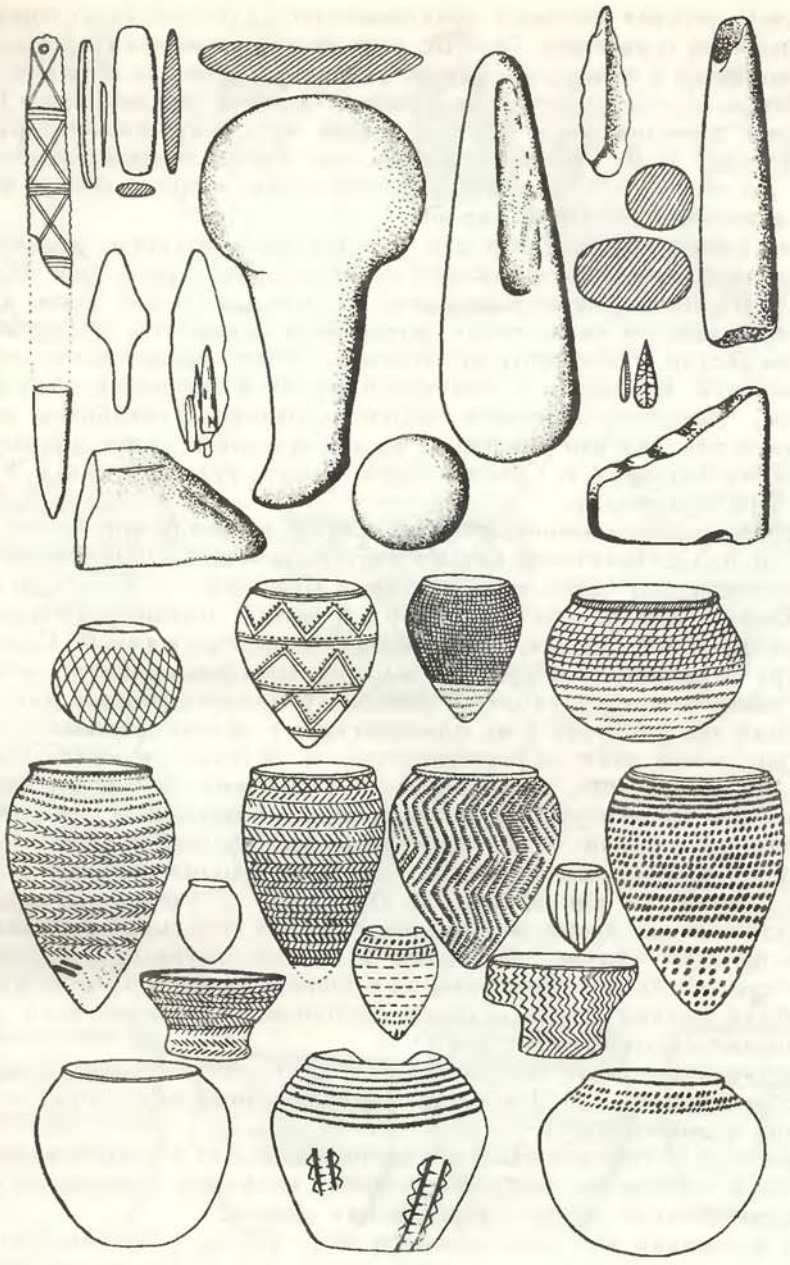
Особенно существенно то, что в могилах афанасьевского времени обнаружены первые изделия из меди и остатки домашних животных, притом важнейших из них: овцы, лошади и коровы. Афанасьевцы были, следовательно, не только первыми металлургами степей юго-западной Сибири, но и первыми скотоводами северной Азии. Правда, металлические изделия из афанасьевских могил еще очень немногочисленны и примитивны по форме. Это — грубые оковки деревянных сосудов, простейшие листовидные ножи, височные колечки, медные игольники. Однако металл был уже хорошо известен и, несомненно, высоко ценился.

Скотоводство тоже имело еще очень первобытный характер. Молоком, видимо, еще не пользовались, как не пользовались и тягловой силой домашних животных. Но все же в виде стад домашних животных теперь были приобретены несравненно более надежные и постоянные запасы пищи. От домашнего скота их владельцы получали также и материал для одежды. Пастухи-афанасьевцы умели прясть шерсть и делать из нее нитки; они, следовательно, легко могли изготовить шерстяные ткани, взамен более древних, изготовлявшихся из растительных волокон.

Из сказанного следует, что с возникновением афанасьевской культуры ранних скотоводов именно степи, в отличие от тайги, стали областями передового хозяйственного уклада — центром нового производящего хозяйства. Приручив животных и перейдя к скотоводству, степняки вышли далеко вперед по сравнению со своими соседями, обитавшими в лесах и тундрах.

Отныне на севере Азии сосуществовали рядом уже не близкие друг другу, не единообразные, а совершенно различные по хозяйственному укладу и характеру культуры общества.

Такое соседство не могло не повлечь глубоких последствий как для скотоводов, так и для оседлых земледельцев Старого Света, которые хо-



Предметы из погребений. Афанасьевская культура

дом исторических событий тоже в скором времени были вовлечены в определенные взаимоотношения со степными скотоводами. Так в степях Азии образовался клубок сложных связей, которые сыграли свою роль во всемирной истории человечества.

Костяки людей афанасьевского времени дают представление и о физическом облике создателей этой яркой и характерной культуры, существовавшей на Енисее в III—II тысячелетии до н. э.

Костные остатки человека афанасьевской культуры характеризуются долихокранией (указатель 74—76), сильно выступающими носовыми костями, широким и невысоким лицом, сильно развитым надбровьем. Носители афанасьевской культуры отличались высоким ростом (около 168 см) и крепким телосложением. Их физический тип обнаруживает европеоидные признаки. Г. Ф. Дебец отмечает в нем черты кроманьонского или, как он его называет, протоевропейского типа, широко распространенного в палеолите Западной Европы.

Очень важно поэтому, что и в материальной культуре афанасьевцев есть ряд черт западного и южного происхождения: раковины моллюска Corbicula fluminalis, происходящие из района Аральского моря, курильницы катакомбного типа, следы росписного орнамента, обнаруженного на одном сосуде Тесинского могильника, общее значительное сходство афанасьевской керамики с кельтеминарской в низовьях Аму-Дарьи. Сюда же, очевидно, относится довольно развитая обработка металла и скотоводство. Все это указывает на определенные связи афанасьевцев с племенами Запада, т. е. Средней Азии, Приуралья и Поволжья, а может быть, и Причерноморья.

За афанасьевским этапом в степях следует андроновский (около 1500—1200 гг. до н. э.). Памятники андроновского времени распространены в Минусинском крае, на Алтае, в Казахстане и Приуралье — вплоть до г. Чкалова. Черты сходства с андроновской керамикой отмечаются также в находках в низовьях Аму-Дарьи, в северной Киргизии и районе Семиречья. Культура андроновского времени выросла из афанасьевской, о чем наглядно свидетельствует сходство раннеандроновских (окуневский хронологический этап) сосудов и их орнаментации с афанасьевскими сосудами.

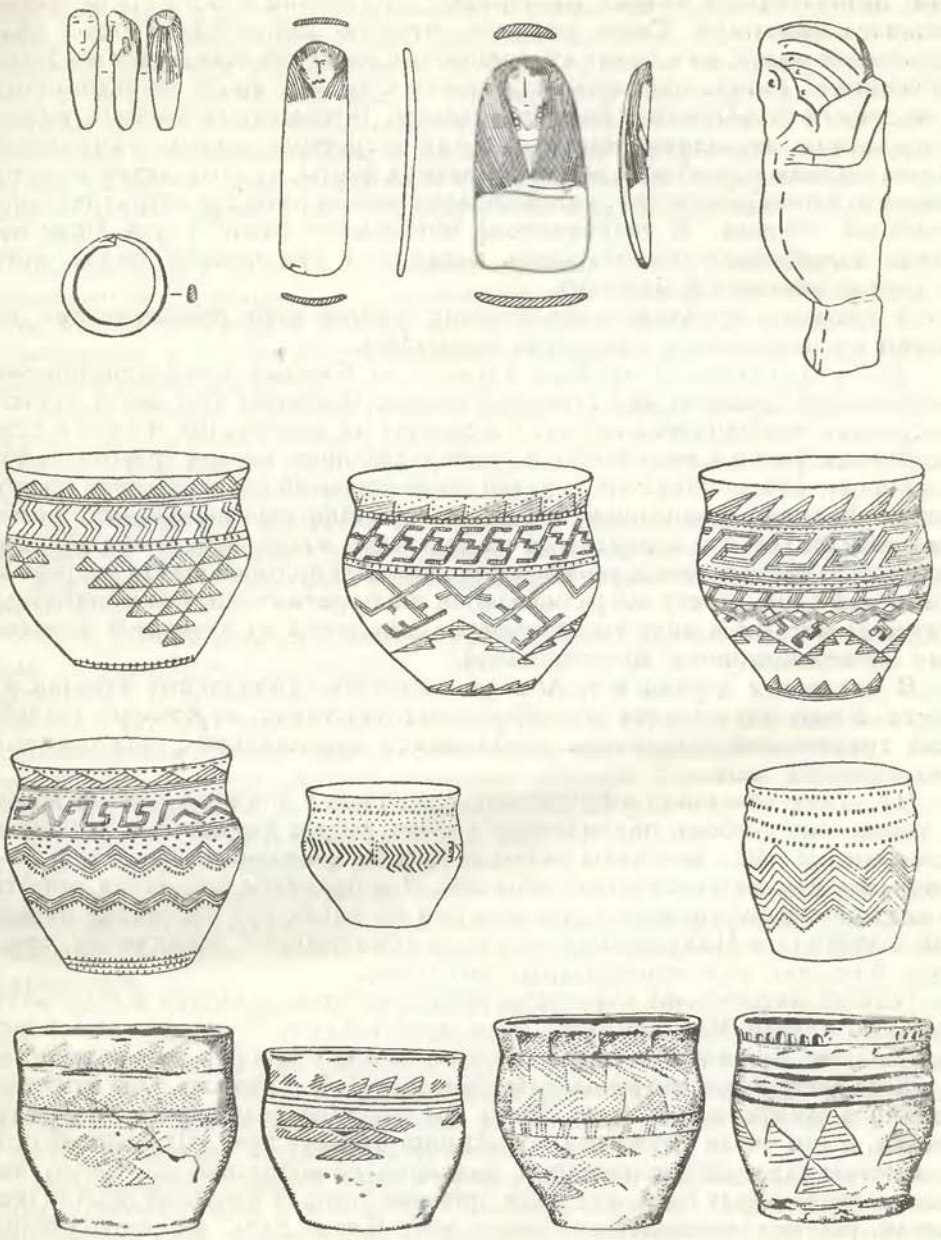
Андроновский этап характеризуется, в отличие от афанасьевского, уже не круглодонными, а плоскодонными сосудами, богато орнаментированными меандровым узором, а также разнообразными и совершенными изделиями из металла, в том числе кельтами, вислообушными топорами, кинжалами, наконечниками копий с втулкой, напоминающими так называемые сейминские наконечники в Поволжье и турбинские на Урале.

В андроновское время местная металлургия поднимается, таким образом, на высокий уровень. Возникает и быстро развивается горное дело, в том числе добыча не только меди, но и олова, а также золота. Источником олова были рудные месторождения Калбинского и Нарымского хребтов в верховьях Иртыша.

О дальнейшем росте скотоводства в андроновское время свидетельствует, по данным С. В. Киселева, появление овец двух пород — грубошерстной и тонкорунной.

Наряду со скотоводством особо важное значение в хозяйстве приобретает теперь земледелие, особенно к западу от Алтая. Земледелие определило оседлый образ жизни андроновских племен.

При раскопках у с. Алексеевского на р. Тоболе в Кустанайском районе обнаружены, например, остатки поселения из пяти прямоугольных землянок площадью до 250 м², относящегося к концу андроновского этапа. Крыша жилищ, очевидно, из соломы и дерна, опиралась на целую серию прочно вкопанных в землю деревянных столбов, способных выдержать большую нагрузку. Стены домов тоже, должно быть, были устроены из дерева. Землянки отапливались очагами. Кроме центральных каменных очагов, в них помещалось еще несколько очагов, вероятно обслуживавших отдельные парные семейства. Около жилищ находились загоны для скота (лошади, коровы, овцы и козы). О том, что жители поселка занимались земледелием, свидетельствуют не только найденные в нем каменные зернотерки, такие же мотыги и бронзовый серповидный нож-секач для рас-



Антропоморфные изображения и керамика. Находки в андроновских могилах и в раннекарасукских погребениях

чистки земли под посев от кустарника, но и жертвенное место. В последнем, на дне специально вырытых ям, оказались остатки жженых зерен пшеницы и соломы. Развитие земледелия, скотоводства и горного дела у степных племен Сибири способствовало расширению обмена. Все это вместе взятое обусловило важные сдвиги в их общественном строе.

Для определения общественных отношений богатый материал дают андроновские погребения. На фоне массовых погребений с единообразным и скудным в основном инвентарем выделяются отдельные захороне-

ния, отличающиеся своими размерами, устройством и богатством погребального инвентаря. Такое различие, отчасти, наблюдалось уже в афанасьевское время, но к концу андроновского этапа оно становится особенно наглядным. Теперь появляются большие курганы, вроде исследованных в местности Бес-Оба под Каркаралинском. В некоторых могилах вместе с крупными металлическими изделиями встречены золотые украшения. В планировке погребений обнаруживаются черты, указывающие на естественное и неизбежное для скотоводческих племен развитие патриархально-семейной общины. В андроновском могильнике около улуса Орак костяки погребенных располагались попарно; в них лежали рядом друг с другом женщина и мужчина.

О духовной культуре андроновских племен дают представление образцы их искусства и культовые памятники.

Для андроновского времени характерен богатый прямолинейно-геометрический орнамент на глиняных сосудах. Орнамент этот почти сплошь покрывает поверхность сосудов. Он состоит из правильных и строго симметричных фигур в виде зигзагов, заштрихованных внутри треугольников и меандра, иногда очень прихотливо скомбинированных в сложные композиции. В основе композиции находится принцип горизонтального членения орнаментальной поверхности на отдельные пояса. При этом в верхнем поясе узор располагается строго ограниченными по горизонтали непрерывными полосами. Внизу же размещаются лишь ритмически повторяющиеся крупные фигуры в виде треугольников или углов из элементов меандра или заштрихованных треугольников.

В могилах у церкви в г. Абакане оказались уникальные изделия из кости, в виде двух гладко отшлифованных пластинок, на которых тончайшей гравировкой выполнены изображения оригинально стилизованных человеческих лиц.

На одной пластинке имеется лицо женщины с длинным тонким носом и узким подбородком, обрамленное с обеих сторон длинными и пышными волосами. В ушах женщины видны серьги из нанизанных бус, на шее — ожерелье или вышитый ворот рубашки. Эти предметы позволили отнести к андроновскому времени близкие к ним по характеру некоторые каменные изваяния в Минусинских степях, изображающие, повидимому, женские божества или женщин-прародительниц.

Особый интерес для характеристики искусства, а заодно и верований древних племен Минусинского края представляют замечательные монументальные изваяния — стелы, которые ранее считались карасукскими, а теперь датируются андроновским временем (М. П. Грязнов). Они известны только в Минусинском крае. Стелы эти покрыты различными изображениями, в том числе кружками, от которых отходят лучи. Важнейшей особенностью карасукских изваяний являются своеобразные «личины», напоминающие морду быка или коня, поперек которой проходит обычно широкая полоса, напоминающая недоуздок. Кроме того, на карасукских «масках», или «личинах», по бокам бывают видны рога и волнисто поднимающиеся вверх изогнутые полосы, обрамленные торчащими в стороны короткими линиями. Есть случаи, когда, кроме обычных двух глаз, изображен и еще один, третий, на лбу. Известны также изваяния с головой барана.

О культе солнца свидетельствует найденное в местности Бес-Оба сооружение в виде округлой площадки, которую окружали каменные плиты, размещенные подобно лучам. Тесная связь религиозных представлений и обрядов земледельцев андроновского времени с их земледельческим бытом отражена характером жертвенного места в раскопках у пос. Алексеевского, где оказались ритуальные ямы, заполненные жженым хлебом.

Скелеты из погребений андроновского времени на территории Минусинского края и Алтая обнаруживают в целом тип, близкий к афанасьевскому, т. е. тоже европеоидный, но отличающийся от последнего более высоким черепным указателем (т. е. более круглым черепом), более прямым лбом и более низким лицом. Эти же черты характеризуют черепа из андроновских погребений Западного Казахстана, что вместе с близостью инвентаря западносибирских и казахстанских погребений андроновской культуры может свидетельствовать о проникновении андроновского антропологического типа в юго-западную Сибирь из степей Казахстана (Г. Ф. Дебец).

Несомненно и наличие достаточно крепких культурных связей между андроновцами Сибири и их современниками, обитавшими к западу от Оби, вплоть до Урала и Поволжья, где существовали в это время срубно-хвалынская и сейминско-турбинская культуры, по многим признакам близкие к андроновской.

Таким образом, основная область распространения андроновской культуры и андроновских племен находилась в степях Западной Сибири, Северного и Восточного Казахстана, тогда как в Минусинском районе было лишь самое восточное окраинное ее крыло.

Следующий этап развития культуры бронзового века в классическом выражении представлен памятниками карасукского типа на Енисее, в Минусинской котловине, охватывающими время около 1300—800 гг. до н. э.

Карасукский этап на Енисее характеризуется прежде всего своеобразным размещением могильников. Они, как правило, расположены не вблизи, а в отдалении от рек, в степях у озер и мелких речек и ручьев, в местах, удобных для скотоводства. Особо важное значение скотоводства в хозяйственной жизни карасукского населения Минусинского края подтверждается широко распространенным обычаем класть в могилы мясо домашних животных, особенно овцы (58.6%, по подсчету С. В. Киселева). В могилах встречаются также кости коровы, лошади. Кроме лошади и крупного рогатого скота, в распоряжении карасукских скотоводов имелся и верблюд. Наличие верблюда, если, конечно, он был домашним, интересно тем, что прямо указывает на связи со степными районами Центральной Азии, а вместе с тем на большое значение скотоводства в хозяйстве карасукцев.

В связи с этим обращает на себя внимание и наличие на стеле, найденной в с. Знаменке, выбитого изображения четырехколесной повозки, с установленной на ней кибиткой, свидетельствующей о большем развитии подвижного кочевого уклада жизни древних скотоводов на Енисее. Кибитки эти такого же в принципе устройства, какие хорошо известны у кочевых народов позднейших времен.

Новый, прогрессивный сдвиг в культуре населения Минусинского края этого времени виден и в области обработки металла. Появляются новые формы кинжалов, ножей и других металлических изделий. Таковы, например, новые виды бронзовых кельтов, резко отличных от более древних, андроновского времени. Вырабатываются различные варианты ножей, кинжалов и даже мечей, общими признаками которых являются своеобразные выступы — шипы или уступы — при переходе от рукоятки к клинку, а у ножей, кроме того, характерный коленчатый изгиб и изогнутость кончика клинка. Широко распространяются клевцы, серпы. Оформляются металлические украшения новых типов, в том числе характерные широкие и массивные браслеты, перстни, лапчатые подвески. Техника литья медных и бронзовых изделий поднимается до уровня настоящего художественного мастерства.

Одновременно отмечается дальнейший рост обмена, отражающийся прежде всего в широком распространении металлических изделий карасукских типов. Такие вещи встречаются не только в соседних с Минусинским краем лесных районах по Ангаре или на верхней Лене, но и в глубине Якутии. Еще интереснее, что они прослеживаются далеко на запад от Енисея, в лесном Приуралье (Турбинский могильник) и в Европейской части СССР (Сейминский могильник у г. Горького).

Дальнейшее развитие производительных сил и общий расцвет хозяйственной жизни вызвали рост населения. Это видно из того, что количество захоронений в могильниках значительно больше, чем в андроновских кладбищах. Не редкость — могильники, состоящие из десятков и даже сотен карасукских могил.

Рост населения сказался, повидимому, и в продвижении карасукских племен из степи в лесостепь, вплоть до горнотаежных областей, на запад и юго-запад от Минусинской котловины. В этих областях теперь тоже возникают местные очаги культуры, близкой по ряду признаков к карасукской Минусинского края, хотя и обладающей различными своеобразными чертами. Так произошло на среднем Енисее у Красноярска, на Оби у Томска, на Алтае. Еще дальше распространялось влияние культурных связей, наложивших свой отпечаток даже на культуру таких глубоко северных племен, какими являлись жители долины Вилюя, а также племен Казахстана и Приуралья.

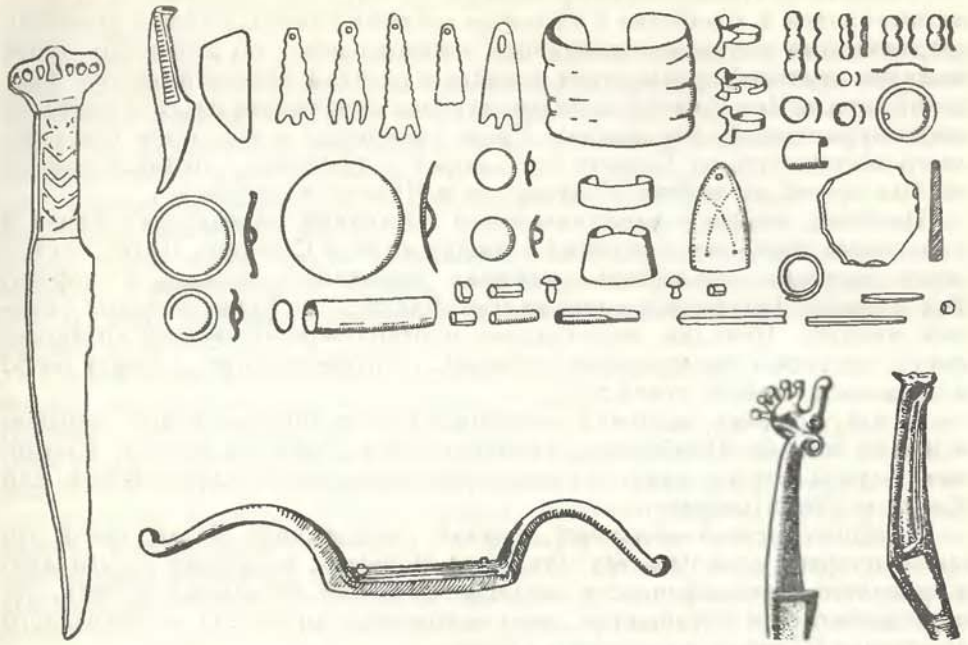
Общественный строй продолжал развиваться в том же направлении, как и в андроновское время, т. е. по линии укрепления патриархально-родового строя. Об этом свидетельствует планировка огромных карасукских кладбищ, в которых отдельные могилы выступающими над землей плитами своих оградок часто образуют настоящую сетку. При небольшом числе могил в таких могильных комплексах последние могут рассматриваться как малые кладбища отдельных семейств, т. е. патриархально-семейных общин, объединенных в роды.

Своеобразие и высокий уровень карасукской культуры по сравнению с предшествующим временем нашли наиболее яркое выражение в памятниках искусства. Таковы прежде всего образцы художественного литья, представленные изделиями утилитарного назначения: ножи и кинжалы, покрытые геометрическим орнаментом и скульптурными украшениями. Рукоятки ножей и кинжалов заканчиваются часто изумительными по живости и реалистичности выполнения головами животных, главным образом барана, лося, реже быка. Однако реализм этих скульптурных изображений, отлитых с большим техническим совершенством и смелостью, осложнен своеобразной, слегка примитивизирующей их стилизацией, подчеркивающей те или иные наиболее характерные признаки или детали изображаемых животных.

Так в работах карасукских литейщиков впервые намечаются специфические черты того звериного стиля степных племен, который затем достигнет расцвета в искусстве первого тысячелетия нашей эры у скифов Причерноморья и Средней Азии, у жителей южной Сибири и далекой Монголии.

В то же время металлические изделия карасукских типов обнаруживают замечательное по яркости сходство с изделиями из Северного Китая, в том числе найденными в могилах иньской (шанской) династии, раскопанных на территории столицы этой династии, основанной около 1400 г. до н. э.

Не менее ясно выражено и сходство карасукских сосудов с сосудами из древних погребений того же, примерно, времени, найденных в районах, примыкающих на северо-востоке к Северному Китаю, в Жехэ. Сюда от-



Предметы из погребений карасукского времени

носятся, например, круглодонные сосуды и сосуды в виде цилиндра с ушками по бокам.

Положение о близости карасукской культуры Минусинского края к бронзовой культуре Северного Китая и соседних с ним степей восточной Азии, впервые аргументированное С. А. Теплоуховым на археологическом материале, обстоятельно развил и обосновал С. В. Киселев. Согласно взглядам последнего, в иньское время в южную Сибирь, вплоть до Минусинского края, проникает сравнительно небольшое количество переселенцев с востока. Это движение с юго-востока Азии на север, как полагает С. В. Киселев, было вызвано возникновением в Северном Китае древнейшего, иньского государства и дальнейшим его нажимом на соседние племена, вынужденные в результате отступить на север.

Переселенцы с юго-востока принесли с собой на север и запад новую, более высокую культуру, созданную в Северном Китае и оказавшую прогрессивное влияние на культуру коревного афанасьевско-андроновского европеоидного населения Сибири, продолжавшего попрежнему жить на своей родине, но смешавшегося с пришельцами.

Как уже отмечалось, вещи карасукских типов проникали и далеко на запад — вплоть до Урала (Турбино) и Горького (Сейминский могильник). Однако монголоидная примесь в костяках из погребений западного Алтая и Северного Казахстана этого времени отсутствует. Во многом отлична была здесь и культура, сохранявшая андроновские традиции. Здесь попрежнему, следовательно, продолжало существовать древнее земледельческое население андроновского времени, устойчиво развивавшее свою культуру.

По-своему сложились также и судьбы племен лесостепного и степного Забайкалья.

Уже в конце глазковского времени (см. ниже) здесь намечаются существенные сдвиги в хозяйстве и культуре местных племен. Рядом с древними остродонными сосудами появляются плоскодонные, по характеру своей ложнотекстильной орнаментики близкие к сосудам древнекитайских поселений типа из Чеп-Цзы-Яй, предшествующих памятникам иньской династии («культура черной керамики»). Среди украшений в инвентаре Фофановского могильника на Селенге есть морские раковины, доставленные из южных морей, из района Молуккских и Японских островов.

Наконец, вместе с металлическими изделиями карасукских типов и каменными топорами, сходными с находимыми в Северном Китае, на Селенге впервые появляются домашние животные — лошадь и корова. Так племена Забайкалья впервые обособляются от более отсталых таежных соседей. Покидая первобытное охотничье-рыболовецкое хозяйство своих предков, они переходят к новому, скотоводческому, а может быть, и земледельческому хозяйству.

О том, в каких условиях совершился этот прогрессивный перелом в жизни племен Забайкалья, свидетельствует, как мы видели, появление сосудов нового типа, а также распространение характерных для Китая морских раковин.

Влияние могучей культуры древних земледельцев Китая, где в это время впервые складывается классовое общество, возникает государство и создается иероглифическая письменность в ее начальных формах, теперь достигает и Забайкалья, распространяясь вплоть до юго-западного побережья Байкала, до дельты р. Селенги.

Существенно при этом, что здесь попрежнему продолжало существовать местное коренное население, заселявшее Забайкалье еще в глубине каменного века. Ничего похожего на смешение каких-либо пришельцев с аборигенными племенами на Селенге незаметно.

ПЛЕМЕНА ТАЙГИ

Существует широко распространенное в специальной литературе мнение, что, в то время как степные племена Сибири перешли от камня к металлу, их северные соседи, охотничье-рыболовческие по образу жизни лесные племена, оставались на уровне каменного века. Однако такое представление не совсем точно передает действительное положение вещей. Оно верно лишь для весьма отдаленных областей северо-востока Азии, но не может быть признано правильным для бо́льшей части сибирской тайги, в первую очередь для таежного Прибайкалья, где тысячелетиями развивалась яркая и самобытная культура байкальского неолита.

Мы оставили ее в китойское время, т. е. в конце III тысячелетия до н. э. Посмотрим же теперь, что происходило в прибайкальской тайге, на Ангаре и верхней Лене во II тысячелетии до н. э., когда в степях Минусинского края и Алтая еще существовала афанасьевская, а затем развивалась сменившая ее андроновская культура.

Изучение памятников следующего за китойским, глазковского этапа показало, что именно этот этап (около 1800—1300 гг. до н. э.) открывает собой эпоху металла в Прибайкалье. Древнейшие глазковские погребения, вместе с каменными и костяными изделиями различного рода и целиком неолитической еще по облику керамикой, содержат листовидные ножи из меди, а также небольшие тонкие пластинки из этого нового материала, служившие украшениями. За ранними глазковскими погребениями следуют поздние, где, кроме медных, начинают встречаться бронзовые изделия архаических, но уже более совершенных форм: листовидные ножи с коротким черенком — шипом, массивные рыболовные крючки, иглы,

свернутые из металлической пластинки трубочки-пронизки и некоторые другие мелкие вещи.

Вместе с появлением первых медных вещей круто изменяется облик ряда важных в типологическом отношении изделий. Кремневые наконечники стрел приобретают прямое основание, появляются двойные гарпуны (остроги), двусторонне выпуклые (симметричные в сечении) нефритовые топоры, особого типа каменные стерженьки-грузики для составных крючков, пирофиллитовые бусы, имеющие форму коротких цилиндриков белого цвета, замечательные диски и кольца из белого нефрита. Распространение вещей новых форм сопровождается исчезновением архаических изделий — вкладышевых ножей, асимметрично-треугольных, копьевидных по виду мужских охотничьих ножей, а также наконечников стрел ранних типов.

Общий сдвиг в инвентаре и технике завершается тем, что с полной ясностью выявляется важный перелом в хозяйственной жизни населения Прибайкалья, начатый еще в китойское время. Если для серовского времени типичны захоронения охотников, то в могилах глазковской поры самые богатые вещами погребения принадлежат настоящим рыбакам, в сумках которых была в строгом порядке сложена разнообразная рыбачья снасть. О важнейшем значении, которое приобретает в жизни глазковцев рыболовный промысел, можно судить и по другим, косвенным данным. Могилы ориентировались уже не по солнцу, как раньше, а по рекам; форма могил в ряде случаев лодкообразная, украшения выделывались из речных раковин, при покойниках встречаются кости рыб.

Подобно тому как в хозяйственной жизни людей глазковского этапа нашли окончательное выражение тенденции, наметившиеся еще в китойское время, такое же явление наблюдается и в области их социальной жизни. Все резче и чаще на фоне «средних» рядовых могил начинают выделяться отдельные богатые вещами захоронения. Обычными становятся случаи, когда одного покойника — мужчину сопровождает второй — женщина, причем инвентарь, имеющийся при них, в каждом случае резко отличается по своему составу. У мужчин имеются предметы, связанные только с мужскими занятиями, а у женщин вещи, обслуживающие женский домашний труд. Вблизи с. Нижняя Буреть оказалось, например, погребение, в котором находились два костяка. С одного края могилы лежал мужской костяк, имевший при себе разнообразные каменные и костяные вещи, в том числе большие кинжаловидные острия. Рядом покоился костяк женщины и грудного ребенка, причем в тазовой кости женщины засел пробивший ее с большой силой каменный наконечник стрелы. Судя по положению наконечника в кости, женщина была поражена выстрелом из лука сзади, в упор, в тот момент, когда она нагнулась или упала на землю. Общая обстановка захоронения дает право полагать, что после смерти мужчины женщина, жена или наложница, рабыня, была насильственно умерщвлена и похоронена с ним в общей могиле как спутница на том свете.

Растущее имущественное неравенство, возникновение рабства, переход от материнского права к отцовскому и связанное с этим «всемирно-историческое поражение женщины», о котором писал Фридрих Энгельс, — таковы, очевидно, социальные сдвиги, характерные для глазковского времени на территории Прибайкалья.

Немаловажное значение для столь раннего развития патриархального рода и отмеченных сопутствующих ему явлений должны были иметь два обстоятельства. Первое из них заключается в том, что обмен глазковцев с их соседями, несомненно, продолжал существовать и все более развиваться. Кроме того, вполне вероятно, что соседство племен Прибайкалья

со степными племенами способствовало торговле пушниной. Обмен разлагал первобытное равенство сородичей: «самые низменные интересы — элементарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж общего достояния» (Фридрих Энгельс) стали проявляться со все нарастающей силой.

Не меньшее значение должно было иметь и второе обстоятельство. В северо-западной Америке на основе такого трудоемкого производства, как рыболовство, рано оформился своеобразный социальный уклад, выделились отдельные «аристократические» семьи из числа богачей, распространилось рабство. Северо-западные индейцы при этом достигли точно такого же уровня технического развития, как и глазковцы, которые наряду с камнем и костью имели архаические по типу медные вещи. Вполне естественно, что и в энеолитическом Прибайкалье у рыболовов глазковцев наблюдаются такие же в основе черты быта и социальной культуры, как у индейцев, тлинкитов и чимшиан на северо-западном побережье Америки в XVIII—XIX вв.

Эти важнейшие сдвиги не могли, очевидно, не отразиться в мировоззрении, религии и искусстве древнего населения Прибайкалья. Господство новой, речной, ориентировки погребений в глазковский период свидетельствует о возникновении веры в уход мертвых вниз по реке, где якобы находится страна смерти. Это согласуется с этнографическими данными о существовании веры в страну смерти, в которой правит отвратительное чудовище — женское божество, прежняя матриархальная владычица. В этот период развивается культ мужских антропоморфных духов. Появляются, повидимому, первые шаманы (погребения у дер. Аносово и Усть-Уды на Ангаре). В искусстве побеждает условная схематическая трактовка.

Племена Прибайкалья глазковского времени, находившиеся в более близком соседстве с населением степей Забайкалья и Западной Сибири, чем их далекие лесные современники и тем более обитатели тундры, разумеется, развивали свою культуру быстрее и достигли больших успехов именно благодаря своему выгодному географическому положению.

Тем не менее и эти более отдаленные жители лесов тоже не находились в состоянии застоя. Исключительно интересны для характеристики их жизни в бронзовом веке, например, археологические памятники Якутии, рисующие в совершенно новом свете начало эпохи металлов в этой далекой и суровой по природным условиям стране. Как показывают эти памятники, племена глубокого Севера тоже не остались навсегда на уровне техники каменного века, а перешли к металлу, вступили в бронзовый век.

Выдающееся научное значение открытия оригинальной культуры бронзового века, существовавшей у северных племен не только Европы, но и Азии, определяется уже одним тем обстоятельством, что в науке до сих пор господствовало мнение о невозможности существования такой северной культуры эпохи бронзы. Исходя из традиционных представлений о извечной застойности культуры жителей Севера, археологи обычно объясняли отдельные встречавшиеся им на Севере находки бронзовых орудий древних форм случайным импортом извне, от более культурных и развитых народов. Но стоило археологам начать систематическое изучение древностей Якутии, как было установлено, что и здесь за настоящим и весьма древним неолитом, о котором говорилось выше, со временем последовала древнейшая местная культура бронзового века.

Вблизи с. Покровского, в 80 км южнее Якутска, на высоком берегу Лены оказалось, например, древнее погребение, в котором нашлись каменные и костяные наконечники стрел, кремневые скребки, костяной наконечник копья со вставленными в его ребро острыми ножевидными пластинками из кремня. По составу находок Покровское погребение сле-

довало отнести к каменному веку. Но среди каменных и костяных орудий здесь оказался и один металлический предмет — небольшое медное или бронзовое шило.

Совершенно такая же картина была установлена и в других местах, например на р. Бугачан, на этот раз уже далеко к северу от Якутска, за полярным кругом, в недрах Заполярья. При костяке древнего охотника и воина, вооруженного превосходными кинжалами из оленьего рога, луком и стрелами, снабженными каменными наконечниками, лежала костяная трубочка — игольник. Найденная внутри трубочки игла была не костяной, как обычно, а медной.

Конечно, можно было бы предположить, что все эти простейшие и единичные металлические вещи не изготовлялись на месте, а доставлялись из других областей. Однако дальнейшие работы в заполярной Якутии принесли новые, еще более важные данные.

На древней стоянке в низовьях Лены, далеко за полярным кругом, вблизи Сиктяха, вместе с каменными орудиями и обломками сосудов архаического типа уцелел очаг древнего плавильщика, который плавил в нем медь или бронзу. В очаге оказались даже застывшие брызги металла, а около него обломки миниатюрных глиняных сосудиков в виде ложек, в которых производилась плавка металла для заполнения литейных форм и отливки металлических изделий.

Стало ясно, что эпоха металла начинается на территории Якутии уже в очень отдаленное время, по крайней мере в конце II тысячелетия до н. э., т. е. более трех тысяч лет тому назад. Существенно при этом, что этот важный прогрессивный сдвиг на Севере произошел под влиянием глазковских племен Прибайкалья, обитавших южнее, в верховьях Лены. Следы такого влияния ясно видны, например, в искусстве населения Якутии, в характерным образом стилизованных плоских антропоморфных фигурках из кости, кружках из белого нефрита, а также мелких «пастовых» бусах, аналогичных находимым в глазковских могилах на Лене у Качуга и на Ангаре. Имеются и следы обратного влияния: своеобразные костяные наконечники с расщепленным основанием из глазковских погребений на верхней Лене, несомненно, созданы под влиянием образцов, характерных для средней и нижней Лены.

Своеобразный характер бытового уклада лесных племен Сибири, обусловленный их подвижным образом жизни, относительная редкость населения и отсутствие надмогильных сооружений из камня определяют особые трудности поисков погребений бронзового века. Тем не менее в нашем распоряжении имеются находки, свидетельствующие, что за ранним этапом лесной бронзовой культуры и здесь последовал другой, когда культура местных племен поднимается на новый, более высокий уровень.

Основными занятиями племен Якутии, заселявших бассейн Лены в конце II и в I тысячелетии до н. э., как и тысячи лет тому назад, были охота и рыбная ловля. Но несмотря на это, они имели в своем распоряжении бронзовые кельты, наконечники копий и даже мечи, выделывавшиеся как по степным, карасукским, так и по древнекитайским образцам, заимствованным от мастеров иньского времени. Их мечи не уступали при этом по размерам и совершенству урартским мечам Закавказья, а наконечники копий не имели равных себе по размерам и изяществу формы не только в Сибири, но и в восточной Европе. Еще интереснее, что эти мечи и наконечники копий выделывали местные металлурги и литейщики, умевшие добывать медь из руды, плавить ее в специальных миниатюрных тиглях и отливать необходимые предметы в глиняных формах, сделанных собственными руками.

Примерно так же жили потомки глазковцев — племена носители местной зрелой культуры бронзового века, заселявшие низовья и верхнее течение Ангары. С памятниками карасукского времени здесь совпадают погребения шиверского этапа, интересные тем, что в них найдены произведения искусства, резко отличные от степных, карасукских. Таковы, например, резко стилизованная фигура лося, вырезанная из рога, и литое изображение фантастического «змея». Последнее оказалось в могиле вождя, в ногах которого был брошен труп человека в скорченном положении — очевидно, связанного по рукам и ногам.

В погребениях шиверского этапа найдены кольца из белого нефрита, показывающие, что связи Прибайкалья с населением Приамурья и лесной полосы европейской части РСФСР, о которых свидетельствуют Турбинский и Сейминский могильники, относятся именно к этому, а не к более раннему, глазковскому, времени.

ДРЕВНИЕ ПЛЕМЕННЫЕ ГРУППЫ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

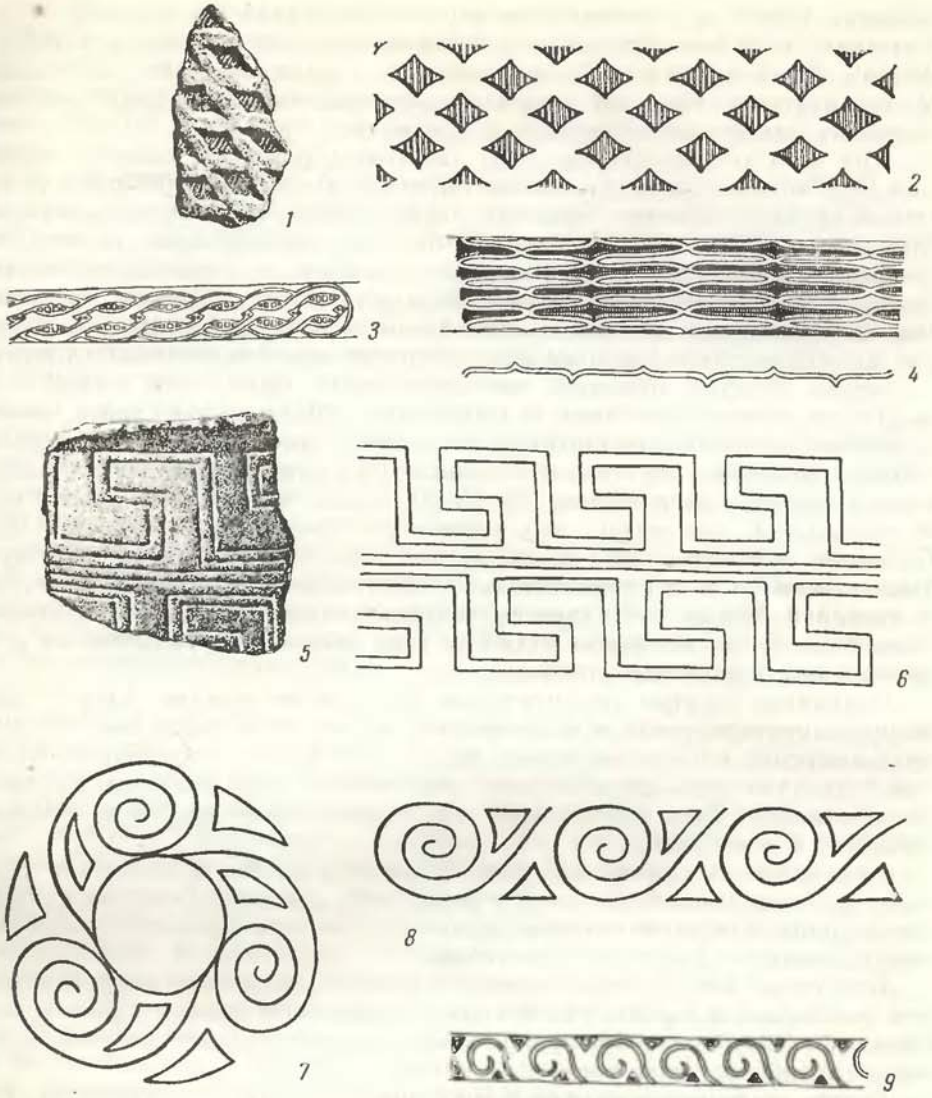
Памятники неолита и ранней бронзы лесных областей Сибири интересны и тем, что дают богатый материал для изучения этнической истории этих областей. Так, например, глазковское время замечательно не только тем, что открывает новую культурно-историческую эпоху, век повседневного употребления металла, не только тем, что тогда происходят важнейшие сдвиги в общественной жизни древних племен Прибайкалья, но и тем, что глазковские памятники дают яркий материал для разрешения вопроса об этнических особенностях племен того времени и об их отношении к этническим группам современности.

Изучение погребений глазковского времени дало ценные факты, позволяющие наглядно представить и реконструировать в основных ее чертах одежду людей того времени. Самой характерной частью одежды глазковцев был передник или нагрудник, расшитый и унизанный кружочками из раковин. В Фофановском могильнике на Селенге такой нагрудник имел вид широкой полосы из блестящих перламутровых бус и спускался от шеи до бедер. В пади Нохой на Ангаре и в некоторых верхнеленских погребениях нагрудник представлял собой более узкую полосу, лежащую вдоль позвоночника погребенного, расширяющуюся на тазовых костях. Подобный нагрудник или передник является, как известно, непременной принадлежностью костюма северных тунгусов и близких им по культуре и образу жизни племен, в первую очередь юкагиров.

Тунгусско-юкагирские нагрудники XIX в. украшались разнообразными подвесками, чаще всего в виде кружков и колец.

На костюмах глазковского времени также имелись нефритовые диски и крупные кольца. Головной убор энеолитического времени легко восстанавливается по расположению тех же традиционных перламутровых и нефритовых украшений на черепах из погребений в пади Ленковка и других на Лене и Ангаре. Эти украшения обычно располагаются в могилах в виде полоски, охватывающей лоб от виска до виска. В пади Ленковка четыре превосходно отшлифованных диска из белого нефрита были симметрично расположены на лбу, затылке и по вискам, а лобная часть черепа была обрамлена полоской из мелких перламутровых бляшек. Этот головной убор тоже сходен с тунгусо-юкагирским.

Подобно тунгусам и юкагирам XVII—XIX вв., древние племена Прибайкалья жили в чумах с очагом из камней, пользовались лодками-берестянками, ловили рыбу с искусственными приманками в форме рыбок. Подобно юкагирам и тунгусам XVII—XVIII вв., они имели своеобразное



Неолитический орнамент в сравнении с современным орнаментом народов Амура

1, 2, 5, 6, 7, 8 — неолитический орнамент; *3, 4, 9* — современный орнамент

изобразительное искусство, в основе которого лежала прямолинейно-геометрическая орнаментика. У них уже существовали шаманы, их религиозные представления несомненно были во многом созвучны с тунгусскими и юкагирскими XVII—XIX вв. Социальный строй тунгусских и юкагирских племен XVII—XVIII вв. во многом является дальнейшим развитием строя, характерного в его зачаточных формах еще для глазковцев: отцовский род, имущественное неравенство среди семей, составляющих род, рабы, межродовые войны.

В свою очередь, антропологический материал могильников Прибайкалья, изученный Г. Ф. Дебецом, позволяет отнести неолитическое население этой области, в отличие от населения Западной Сибири, к большой монголоидной расе. К монголоидному типу должны быть отнесены, по

мнению Дебеца, и неолитические черепа Забайкалья (раскопки Г. П. Сосновского в районе Улан-Удэ и Фофановского могильника в устье Селенги). Краниологический материал из неолитического могильника у Красноярска (Базаиха) также обнаруживает монголоидный тип, возможно, с некоторой европеоидной примесью.

При этом антропологами особо отмечалась близость древнего населения Прибайкалья к современным тунгусам и юкагирам. Общие для них признаки характеризуют древнюю палеосибирскую расу, черты которой отмечаются и у некоторых других сибирских племен. Существенно, что, в отличие от других носителей этих «палеосибирских» признаков, именно тунгусы и юкагиры всего полнее сохранили черты культуры, свойственной неолитическим племенам, и вдобавок на той же самой территории, где более трех тысяч лет тому назад существовала глазковская культура.

Особо следует отметить тот интересный факт, что в 1952 г. на р. Шилке вблизи Сретенска, в пещере у с. Шилкинский завод, вместе с многочисленными каменными и костяными изделиями неолитического облика обнаружен был череп человека. Как показало изучение шилкинского черепа, выполненное М. Г. Левиным, череп этот даже ближе к тунгусским, чем черепа неолитического времени из собственно Прибайкалья. Область, где жили предки тунгусских племен во втором тысячелетии до н. э., следовательно, охватывала как Прибайкалье, так и верховья Амура, что, впрочем, неудивительно и вполне естественно, если принять во внимание близость этих областей и сходство их естественно-географических условий.

Сравнивая богатые неолитические находки на нижнем Амуре с данными, характеризующими современную (в этнографическом смысле) культуру амурских племен, мы можем далее точно так же констатировать, что они совпадают друг с другом в ряде существенных черт, особенно в области хозяйственного быта (рыболовство как основа хозяйства, полуподземные жилища) и искусства.

Как видно из сравнения древней неолитической орнаментики Приамурья с современной нивхской и нанайской, они совпадают как в общем своем криволинейно-ленточном характере, так и в орнаментальных мотивах: меандрах, спиралях, «плетенке».

Некоторые авторитетные знатоки народного искусства амурских племен высказывали мысль, что его своеобразие объясняется прямым подражанием китайским образцам и заимствованием художественных мотивов у китайских мастеров.

Теперь стало ясно, что здесь речь может итти не о подражании или заимствовании, а лишь о некоторой взаимной близости искусства амурских племен с китайским. Эта близость может восходить в ее истоках еще к чрезвычайно отдаленному времени, к той эпохе, когда в долине р. Желтой существовала культура яншао (около 2500—2000 лет до н. э.), имевшая много общего с культурой амурских поселений.

Таким образом, в то время как суровая сибирская тайга и лесостепи Прибайкалья были заселены предками современных эвенков и юкагиров, теплый Амуро-Приморский край, на значительном пространстве которого произрастает дикий виноград и распространены теплолюбивые растения, в раннем неолите заселяли другие племена, культура потомков которых, нынешних амурских племен (гиляки, ульчи) и соседних с ними айнов, вплоть до настоящего времени во многом сохранила резко выраженный южный отпечаток.

Если можно полагать, что байкальская неолитическая культура принадлежит предкам позднейших тунгусских и юкагирских племен, а культура амурских племен своими корнями уходит в неолит Амура,

то своеобразная культура Якутии, область распространения которой начинается от Витима на юге и охватывает все пространство, лежащее к северу от него, вплоть до самого Ледовитого океана, в эпоху неолита была создана, вероятно, иными племенами. Последние, надо полагать, всего ближе стоят (из числа ныне сохранившихся племен) к палеоазиатским племенам.

Прежде всего, должно быть, сюда входила какая-то часть предков юкагиров, несомненно, занимавших в прежние времена гораздо более обширные пространства, чем в XVII—XIX вв. н. э. По крайней мере, как показывают данные о расселении юкагиров в относительно недавнем прошлом, они занимали все пространство между Леной на западе, Алданом на юге, Анадырем на востоке и Ледовитым океаном на севере, будучи еще в XVII в. несравненно более многочисленными, чем в XVIII—XIX вв.

«Костров юкагирских, — рассказывают предания, — было столько, сколько звезд на небе. Птицы, пролетая над ними, становились из белых желтыми от дыма». В далеком прошлом предки юкагиров могли занимать и еще более обширные территории на севере Азии, в том числе и выше Якутска по Лене, в пределах распространения оригинальной неолитической культуры средней и нижней Лены.

Древнейшие насельники северного Приобья в неолитическое время по ряду данных могут быть тоже связаны с позднейшими его обитателями, хантами и манси. Об этом с полной отчетливостью свидетельствует хотя бы такое же определенное, как на Амуре, общее сходство оригинальной неолитической орнаментики с современной, характерной для хантов и манси.

Большой интерес представляет тот факт, что эта культура, которую следует назвать восточноуральской или западносибирской, простирается на восток далеко за Обь. Позднейшие неолитические памятники на Енисее в районе Красноярска показывают, что и здесь в конце неолита было много общего с Приуральем и Приобью. На Усть-Собакинской стоянке, вблизи Красноярска, например, встречаются фрагменты глиняных сосудов с шигирско-уральским по типу орнаментом. Еще любопытнее, что в Базаихе обнаружены миниатюрные изображения медведя и человека из агальматолита, поразительно сходные с некоторыми образцами позднеонеолитического искусства Приуралья и даже северной Прибалтики. Отсюда следует вывод о каком-то контакте поздненеолитических племен Среднего Енисея с племенами Приуралья и еще более отдаленных западных областей. Не исключено, что с запада на восток проникали отдельные роды и племена, влиянием которых и объясняются западные черты в культуре енисейских племен.

НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОЙ СИБИРИ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э. И В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

Было бы невозможно дать в пределах одного очерка сколько-нибудь детальную картину сложных и больших событий, происходивших на территории Сибири, особенно в степных ее областях, в I тысячелетии до н. э. и в I и II тысячелетиях н. э. Ограничимся поэтому самым сжатым общим обзором этих событий, отсылая желающих полнее ознакомиться с ними к специальной литературе.

В I тысячелетии до н. э. карасукские памятники на среднем и верхнем Енисее сменяются тагарскими (минусинская курганная культура по терминологии других авторов), относящимися к VIII—X вв. до н. э. и во многом сходными с одновременными им скифскими памятниками.

Эта культура принадлежала степным скотоводам, как полагают, повсеместно, за исключением Минусинского района и средней Оби.

По всем своим основным чертам тагарская культура является продолжением и развитием карасукской. Об этом свидетельствуют керамика, формы металлических изделий, искусство, погребальные сооружения, общие черты хозяйства и быта, а также общественного строя.

Тагарская культура делится на ряд хронологических звеньев. С. В. Киселев делит всю тагарскую эпоху на три стадии и относит начало первой из них ко времени около X в. до н. э.; начало второй к V в., начало третьей к III в., а конец — к I в. до н. э. Как полагают, в тагарское время в Минусинском крае сильно развивалось земледелие. Строились большие и сложные оросительные системы; для каналов ложе иногда пробивалось даже в скалах. Поля обрабатывались мотыгами. С предположением о большом значении земледелия хорошо увязывается наличие постоянных поселков с рублеными домами. Подобный поселок тагарских земледельцев изображен на известной Боярской писанице. Он состоял, судя по рисунку, выбитому на гладкой плоскости скалы, из четырех жилищ, срубленных в обло. Рядом видна войлочная юрта, похожая на древнемонгольские, с высокой узкой шейков наверху. Остатки деревянного рубленого дома тагарской эпохи оказались и вблизи Красноярска.

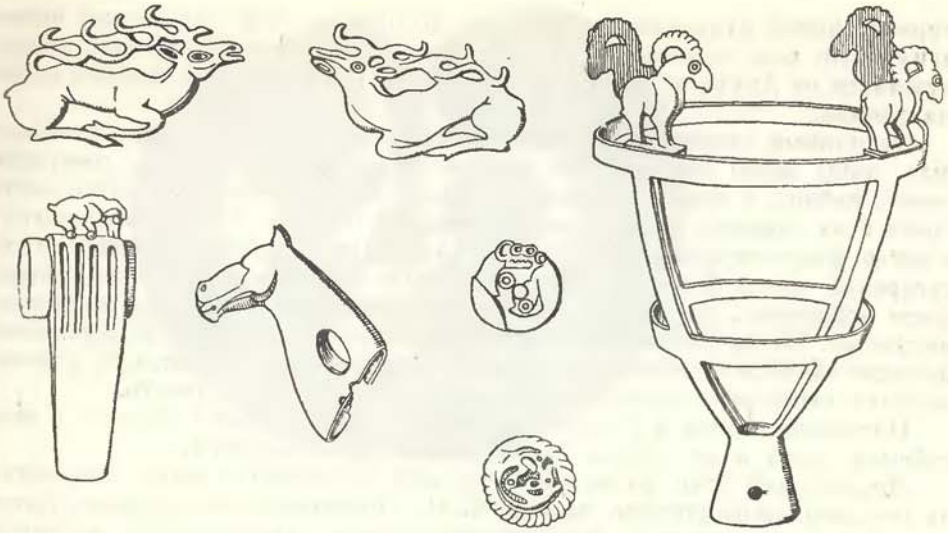
В области скотоводства важнейшим событием явилось окончательное освоение коня под верховую езду; об этом говорят бронзовые вначале, а затем и железные удила раннескифских форм.

В обработке металла отмечается определенная стандартизация металлических изделий и специализация ремесла. Встречаются клады бронзовых изделий, характерные для времени наибольшего расцвета культуры бронзового века и связанного с ним обмена металлом и металлическими изделиями.

О росте обмена можно судить также по обилию привозных украшений в виде разноцветных стеклянных бус и настоящих пастовых, т. е. изготовленных из так называемой стеклянной пасты. Бусы эти выделывались в Средиземноморье и в странах классического Востока. В Минусинских степях они, несомненно, рассматривались как большая ценность. В результате роста обмена с передовыми странами, где железо распространилось на второй стадии тагарской культуры, и в быту жителей Минусинской котловины впервые появляется железо. В третьей стадии железо как материал для изготовления орудий труда полностью побеждает бронзу.

Социальный строй населения края в тагарское время находит отражение прежде всего в устойчивом сочетании мужских и женских могил, причем впервые обнаруживается резкое разделение мужских и женских могил по составу погребальных принадлежностей. С женщинами клали в могилу преимущественно принадлежность домашнего хозяйства; с мужчинами — вооружение. Правда, изредка встречаются погребения вооруженных женщин-воительниц. Но в целом все имеющиеся факты свидетельствуют, что во главе семьи стоит мужчина: в семейных кладбищах, скрытых под насыпями тагарских курганов, могилы мужчин всегда занимают главное место — в самом центре кургана или под его наиболее высокой северной частью.

Для второй стадии тагарской культуры, по словам С. В. Киселева, типично сочетание многочисленных рядовых курганов, в которых погребены были представители массы сородичей, с грандиозными курганами патриархально-родовой верхушки. Один из таких курганов, Салбыкский, достигает высоты около 70 м при окружности до 250 м. Его окружает ограда из огромных каменных плит и столбов.



Изображения животных на предметах тагарского времени из Минусинской котловины

Позже, в третьей стадии, появляются курганы — коллективные усыпальницы, в которых, однако, тоже прослеживается наличие отдельных захоронений со знаками достоинства —«навершиями», а также с погребальными масками. С этим хорошо согласуются факты, свидетельствующие о росте вооружения и развитии военного дела у древних тагарцев. Так, например, на 15 карасукских кинжалов в случайных находках из Минусы приходится 230 тагарских изделий такого рода. Раскопками обнаружены тагарские погребения воинов с кинжалами, клевцами, луком и стрелами.

Из всего сказанного следует, что в условиях зрелого патриархально-родового строя окончательно кристаллизовалась верхушка древних патриархальных общин и родов, приобретавшая все бóльшую и бóльшую силу. В новых условиях оформляются и своеобразные черты искусства, отражающего своего рода культ грубой силы и ловкости; складывается «звериный стиль», с присущей ему монументальной силой и динамикой.

Стремление к стилизации наиболее резко выражается в декоративной деформации тела животных и его частей. Туловище зверя изгибается в виде круга («свернутый зверь»), неестественно увеличивается в длину или в ширину. Отдельные члены его, например лапы или когти, превращаются в кольца, голова удлиняется или загибается; шея дополняется рядом приставленных к ней голов, в том числе птичьих; со временем возникают чудовищные фантастические образы.

Складываются определенные канонические приемы, своего рода шаблоны, по которым изображаются те или иные животные. Такова традиционная поза «свернутого зверя» для хищников. Оленя изображали в одной и той же стереотипной позе, с характерно подогнутыми ногами и закинутыми на спину ветвистыми рогами.

Все эти новые черты вырастают на старой карасукской основе, но уже в неразрывном и живом взаимодействии с искусством классической Скифии как европейской, так и среднеазиатской — сакской. Последнее в свою очередь связано с Передним Востоком и Средиземноморьем. Так было положено начало великому культурному синкретизму I тысячелетия до н. э., той

поразительной культурной общности, которая в скифо-сарматское время охватывает весь колоссальный пояс степей и отчасти лесостепей, протянувшийся от Амура и Хуанхэ на востоке до Каспийского и Черного морей на западе.

Основными сюжетами этого искусства являются изображения животных, чаще всего лошади или кулана, лося, горного козла, северного оленя, кабана, а также хищников — льва, барса и медведя. Важное место среди этих сюжетов принадлежит и хищной птице — орлу или коршуну, а также фантастическому «грифону». Характерной чертой звериного стиля тагарской эпохи было сочетание реализма с экспрессивной стилизацией форм животных, начало которого прослеживается еще в карасукском искусстве. Со временем намечается определенное тяготение к орнаментализации объекта и условности форм, к ажурности изображений, утрачивающих свою реалистическую полнокровность и конкретность.

Население Алтая в I тысячелетии до н. э. проходило сходный с енисейским, хотя и во многом своеобразный путь развития.

Древнейший этап развитой бронзовой культуры Алтая, следующий за местным, карасукским, назван М. П. Грязновым майэмирским. Затем идет серия памятников, из которых самыми выдающимися являются Пазырыкские курганы, поэтому следует остановиться на них несколько подробнее.

В 1929 г. Алтайская экспедиция Государственного Музея этнографии под руководством С. И. Руденко приступила к раскопкам в долине Пазырык, расположенной на высоте 1650 м над уровнем моря, в условиях горного альпийского ландшафта. Здесь находилось пять больших каменных курганов, вытянутых цепочкой с юга на север. Первым был раскопан самый большой курган, диаметром в 47 м при высоте 2.2 м, на сооружение которого ушло 1800 м³ камня. Могила находилась в центре кургана и представляла собой яму, глубиной в 4 м, на дне которой помещалось два деревянных сруба — внешний и внутренний. Стремясь сохранить могилу от разграбления, строители перекрыли ее шестиметровыми бревнами, заполнявшими внутреннее пространство ямы до самого верха, на что потребовалось более 300 бревен. Тем не менее грабители прорубили в бревенчатом покрытии ход и проникли внутрь сруба и в погребальную камеру. Курган был ограблен, но, несмотря на это, с избытком оправдал усилия, затраченные археологами на его исследование, так как благодаря своеобразным местным условиям в нем сохранились такие предметы, которые бесследно разрушаются в обычной могильной обстановке. Дело в том, что погребальная камера кургана оказалась целиком заполненной льдом, и поэтому в ней сохранились в идеальном состоянии деревянные изделия, в том числе огромная колода, служившая гробом, а также куски войлочных ковров, покрывавших первоначально стены погребальной камеры. Но самое важное оказалось за пределами погребального сруба, в соседней части могильной ямы, сюда грабители не смогли пробраться, хотя и пытались прорубить туда отверстие. Здесь лежали превосходно сохранившиеся трупы лошадей с полным снаряжением — уздами, седлами, щитами и даже два своеобразных фантастических убора в виде масок, закрывавших головы коней.

В настоящее время, когда закончены раскопки всех пяти Пазырыкских курганов, картина этих удивительных по своеобразию и яркости памятников вырисовалась во всей полноте, а вместе с тем стало ясным и их исключительное научное значение.

Пазырыкские курганы оставлены древним племенем, хоронившим в них своих вождей в V—IV вв. до н. э. и двумя-тремя веками позже с такой же расточительностью и великолепием, с какими хоронили в это

1

2

Изделия из западно-сибирских курганов V—II вв. до н. э. (Сибирская коллекция Эрмитажа)

1 — свернувшийся в кольцо барс, золото; *2* — медная шейная гривна

время своих царей причерноморские скифы. Пазырыкские курганы отличаются от могил скифских царей тем, что вечная мерзлота сохранила не только изделия из рога, кости или металла, но и все, что бесследно исчезло бы в других условиях.

В ледяных камерах Пазырыка уцелели драгоценные ткани, изделия из шерсти, меха, кожи, войлока и многое другое, включая трупы не только лошадей, но и людей, погребенных в курганах; уцелел даже запас сыра, положенного в них около двух с половиной тысяч лет тому назад.

Все это позволяет представить жизнь строителей пазырыкских курганов с небывалой полнотой и наглядностью. Строителями курганов были скотоводческие племена, достигшие уже весьма высокого уровня в своем социально-экономическом развитии, поднявшиеся до той ступени, которая была уже очень далека от эпохи первобытного равенства. В их могилах, несмотря на то, что там побывали грабители, найдены остатки былых

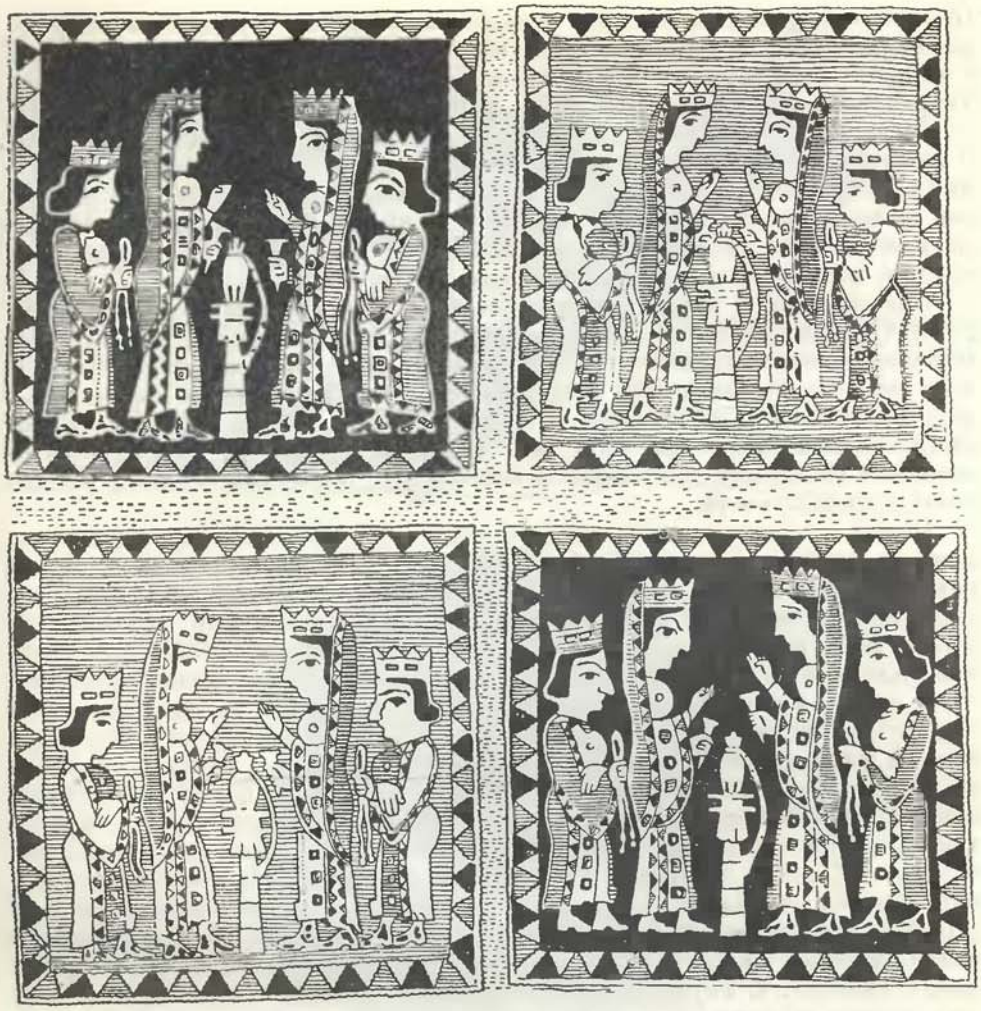
1

2

Золотые бляхи из западно-сибирских курганов V—II вв. до н. э. (Сибирская коллекция Эрмитажа)

1 — изображение грифа; *2* — нападение крылатого льва на лошадь

сокровищ, в том числе различные предметы роскоши, доставленные из далеких стран. Таковы, например, драгоценные шелковые ткани и бронзовое зеркало IV в. до н. э., привезенное из Китая, иранские ткани ахеменидского времени с изображениями жриц в высоких тиарах, изделия из шкуры леопарда, семена кориандра и раковины каури с Индийского океана. Даже кони, трупы которых были положены поблизости от их вла-



Фрагмент переднеазиатской ткани. Пазырык

дельцев, и те свидетельствуют о богатстве и знатности последних. Это — превосходные верховые кони, принадлежавшие к лучшим конским породам Востока, лошади горячей крови, стройные и резвые скакуны золотисто-рыжей масти. Их держали не на подножном корму, а в условиях стойлового режима, кормили отборным зерном.

Сами по себе монументальные размеры могил, их великолепие и пышность свидетельствуют о той важной роли, которую играли похороненные в Пазырыкских курганах лица среди своих сородичей. Расположение курганов цепочкой указывает на то, что погребенные в Пазырыкских больших курганах находились в родственной связи. Одна могила прибавлялась здесь к другой по мере того как умирали члены этого знатного рода. Незначительное количество больших курганов в Пазырыке, однако, дает право видеть в них могилы не целого рода, а последовательно сменявшихся в нем вождей, своего рода династии.

Невероятно, чтобы такая пышность могла окружать при жизни и после смерти обыкновенного главу какого-либо рода. Это были, очевидно, лица, возглавлявшие крупные племенные объединения, область влияния которых должна была выходить далеко за пределы Пазырыкской долины.

Об этом свидетельствуют и все находки в курганах, отражающие широко разветвленные, огромные по масштабам связи пазырыкских племен с окружающим миром. Связи эти нашли свое выражение уже в самом устройстве могил и погребальном ритуале.

Пазырыкские племена хоронили своих вождей по скифскому обычаю, о котором мы знаем не только по результатам раскопок, но и по сообщениям современника скифов — Геродота. Как причерноморские скифы, так и пазырыкцы одинаково сооружали для этой цели величественные могилы в виде глубоких ям с обширными камерами, находившимися внутри, над которыми и насыпали высокие курганы.

Они одинаково искусно и тщательно бальзамировали трупы умерших вождей. По данным Геродота, такой обычай был вызван не только стремлением навечно сохранить тело покойного, как это было в древнем Египте, но и тем, что скифы возили тела умерших вождей по землям подвластных родов и племен. Так, должно быть, поступали и их алтайские современники. Замечательно при этом, что набальзамированные трупы, захороненные в Пазырыке, сохранили и татуировку, о которой вскользь упоминают древние авторы.

Вождь племени, погребенный во втором Пазырыкском кургане, повидимому, погиб в бою. Его череп пробит ударами боевого чекана. Враги сняли с него скальп. Но соплеменники освободили тело своего вождя, набальзамировали его и похоронили вместе с женой или наложницей, также набальзамированной. При похоронах умерший вождь был снабжен длинной привязной бородой, густо окрашенной черной краской. Тело его оказалось покрытым роскошной татуировкой, произведенной задолго до смерти способом накалывания. Над сердцем вождя изображена фигура фантастического зверя или львиного грифона с птичьей головкой на конце хвоста. На правой руке уцелела целая серия фигур: кулана или осла с вывернутым задом, фантастического крылатого зверя, горного козла, оленя с птичьим клювом на конце морды, клыкастого хищника и, наконец, оленя с подстриженной зубцами гривой. На левой руке были изображены два оленя и горный козел. На правой ноге вождя спереди уцелели изображения рыбы, напоминающей налима, фантастического зверя-хищника с гривой в виде птичьих головок и со спирально загнутым вверх хвостом. С внутренней стороны ноги оказалась серия фигур горных козлов, мчавшихся друг за другом в стремительном галопе. Конские захоронения в Пазырыке тоже, хотя и в меньших масштабах, повторяют традиционные скифские гекатомбы при царских похоронах.

С исключительной яркостью подтверждает известия Геродота такая специфическая деталь алтайских погребений, как бронзовая курильница с коноплей внутри и шестиногий остов миниатюрного шатра, назначение которых становится понятным в свете сообщения Геродота о скифском обряде очищения.

О глубокой связи с югом, в первую очередь со скифами Средней Азии и южной России, свидетельствуют и памятники искусства, извлеченные из Пазырыкских курганов. Центральное место в пазырыкском искусстве принадлежит изображениям животных — лося, косули, северного оленя, сайга, зайца, львов, тигров, кабанов. Среди художественных изделий пазырыкских мастеров столь же часто встречаются выполненные в различном материале и разнообразными техническими приемами изображения птиц: лебедя, гуся, петухов и, особенно, хищных птиц «грифов». Есть даже изображение пеликана. Изредка встречаются изображения рыб.

Особо важное место в пазырыкском искусстве принадлежит изображениям нереальных, мифических существ, причудливо совмещающих признаки различных животных. Одни из таких существ имеют тело хищника,

1

2

Деревянные украшения упряжи

1 — уздечная псалия с изображением головок грифов; *2* — подвеска в виде фигуры горного барана

дополненное птичьими крыльями, другие представляют собой птицу со звериными ушами и рогами, у третьих имеется туловище оленя или хищника, но голова заканчивается птичьим клювом. Есть среди изображений олень с клювом орла и кошачьим хвостом. В ряде случаев хвост таких фантастических зверей кончается птичьей головой или головой змеи. Птичьими головками на подобных фигурах усажены нередко и концы ветвей оленьих рогов.

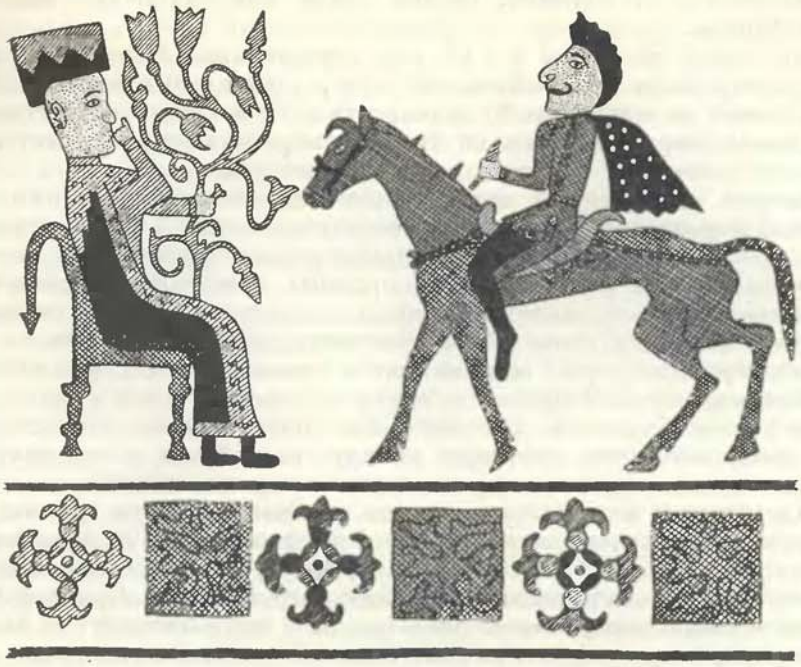
Один из наиболее часто повторяющихся фантастических образов такого рода — орлиный грифон, т. е. существо с телом льва или тигра, с крыльями птицы и ушастой головой хищной птицы-грифа. У львиного грифона, наоборот, изображается голова хищника кошачьей породы, льва или тигра.

Особо выделяется причудливо расцвеченный яркими красками сфинкс в виде существа, имеющего человеческий бюст и руки и львиный зад.

Изображение сфинкса. Войлочная аппликация на настенном войлочном ковре. Пазырык

Лицо у него красно-коричневое, с мясистым горбатым носом и закрученными вверх черными усами. На голове у этого чудовища пышный олений рог, на спине возвышается эффектно оформленное крыло из длинных разноцветных перьев. Перья эти красные, желтые и синие, на концах черные. Хвост сфинкса заканчивается стилизованным оленьим рогом. Как реальные животные, так и фантастические звери часто представлены в сценах яростной борьбы. Таковы композиции, изображающие козлов, дерущихся друг с другом, льва, терзающего горного козла. Мы видим также, как мифический крылатый хищник с ушами, грифон, терзает лося; львиный грифон нападает на козла; орлиный грифон борется с львиным грифоном. Даже рыба и та изображена схватившей в пасть голову барана.

Для изображений животных в Пазырыкских курганах характерны и специфические признаки стиля, сближающие их с искусством древнего Востока, в первую очередь — Ирана ахеменидского времени. Сюда относятся прежде всего «подковки» и «полуподковки», «точки» и «запятые», условно изображающие наиболее выдающиеся мускулы, ребра и другие детали животных. Таков же оригинальный прием изображения животных с вывернутым вверх задом, так, как будто тело его скручено посредине в виде буквы S. Не менее характерно обыкновение пазырыкских мастеров полностью приспособлять форму тела изображаемых животных к форме предмета, на котором это изображение помещалось: круглой бляхи, седельной покрышки удила или рукояти нагайки. Пазырыкские мастера достигали этой цели с изумительной находчивостью и виртуозностью, без всяких колебаний изменяя про-



Изображение богини и всадника. Аппликация на настенном войлочном ковре. Пазырык

порции тела изображаемого животного или его частей, но всегда так, что сохраняется реалистическая основа и удивительная живость рисунка.

Искусство древних племен Алтая, образцы которого уцелели в ледяных камерах Пазырыкских курганов, глубоко своеобразно и самобытно. При всем этом в нем обнаруживается много общего не только со звериным стилем скифских племен Причерноморья, но и с искусством высоких цивилизаций классического Востока, т. е. Передней Азии, особенно Ассирии и ахеменидского Ирана.

Особо выделяются найденные в 1949 г. в последнем, пятом, кургане два предмета, затмившие все остальное. Это были два ковра. Первый из них, изготовленный из войлока, поражает уже одними только размерами. Его длина 6.5, ширина 4.5 м. По всему полю ковра расположены двумя горизонтальными рядами изображения всадника и сидящей женщины, повторяющиеся в одном и том же виде. Женщина с головой, увенчанной высоким головным убором, и одетая в длинную, украшенную узором одежду типа халата, сидит на кресле с точеными фигурными ножками. В одной руке ее — цветущая ветвь. Это несомненно женское божество, всего вероятнее — богиня земли, о чем свидетельствует ветвь в ее руке.

Всадник, изображенный перед богиней, одет в короткую курточку; сбоку виден футляр для лука (горит). Сзади развевается короткий плащ-епанча. На непокрытой голове всадника густая курчавая шевелюра. Поражает лицо всадника. Нос его большой, горбатый, глаза черные, круглые, цвет лица смуглый; весь его облик ничем не напоминает современных жителей Сибири. Это — типичный арменоид. Таким образом, на большом пазырыкском ковре из пятого кургана изображена обычная на образцах скифского искусства Причерноморья культовая сцена — всадник перед сидящей на троне богиней. Сцена эта, всего вероятнее, изображает получение царем или вождем власти из рук богини, в данном случае,

как полагает С. И. Руденко, богини земли или владычицы царского очага — Табити.

Второй ковер, размером в 4 м², еще удивительнее. Перед нами древнейший в мире многоцветный тканый ковер с бархатным ворсом, ничем не уступающий по совершенству и тонкости работы лучшим туркменским и персидским коврам, хотя он по крайней мере на целые две тысячи лет старше всех известных в музеях ковров такого рода.

На втором пазырыкском ковре вокруг широкого центрального поля квадратной формы, заполненного геометрическим узором в виде лучистых розеток, расположены широкие орнаментальные каймы, на которых изображены фигуры фантастических орлиных грифонов, реалистически выполненные олени и, наконец, лошади с людьми. Лошади показаны в пышном переднеазиатском уборе с султаном на голове, грива их тщательно подстрижена, хвост завязан узлом с кистями. На груди лошадей видны бляхи-фалары. Чепраки на конях покрыты богатым узором и обрамлены густой бахромой. Всадники или люди, ведущие лошадей под уздцы, одеты в типично скифскую одежду; на головах у них скифские башлыки, на теле короткие куртки и длинные узкие штаны.

Таким образом, устанавливается, что высокая культура древних племен Алтая, существовавшая в середине I тысячелетия до н. э., возникла и развивалась в условиях тесных культурных и, очевидно, политических взаимоотношений с передовыми странами того времени. Древний Алтай предстает в свете пазырыкских раскопок не в виде отсталого и бедного захолустья того времени, а как очаг высокой и яркой культуры.

Где и когда возникла эта культура и кто ее создал? Всего вероятнее, Пазырыкские курганы оставлены соперниками хуннов Монголии — восточными скифами, юечжи, которых античные авторы знали под именем массагетов.

Еще в III в. до н. э., т. е. до возвышения хуннов, юечжи господствовали над кочевниками, обитавшими в степях, простиравшихся от Средней Азии до Ганьсу, и в том числе над хуннами. Хунны освободились от их власти только при Модэ шаньюе в начале II в. до н. э. В 165 г. хуннский вождь шаньюй Лаошань нанес юечжам сокрушительный удар и вытеснил их на запад. Вполне естественно полагать, что ираноязычные юечжи-массагеты могли владеть горным Алтаем, областью, издавна тесно связанной с миром степных племен Средней Азии и восточной Европы, не только во II в. до н. э., но и значительно раньше. Здесь могли на протяжении многих веков находиться кочевья одного из племен юечжи, основной массив которых занимал области современного Казахстана, и, вероятно, в какой-то мере восточного Туркестана — вплоть до Ганьсу. Этому массагетскому племени, обитавшему на крайних с северо-востока границах расселения массагетов, и принадлежали, может быть, изумительные сокровища Пазырыкских курганов.

На Алтае за Пазырыкскими курганами следуют более поздние памятники, относящиеся к III—II вв. до н. э. Судя по ним, населению Алтая все еще устойчиво сохраняло свою яркую и своеобразную культуру и древние обычаи, в том числе погребальные. Для захоронения вождей попрежнему сооружали обширные срубы, так же как и раньше, хоронили мертвых в огромных колодах — саркофагах, попрежнему клали с ними в особых отделениях могилы трупы лошадей с полным снаряжением.

Одинаковым в основе оставалось искусство. В этом искусстве, однако, уже нет следов связей с классическим Востоком, со странами Передней Азии, но заметны связи с Китаем циньской и ханьской династий. Связи эти могли осуществляться через хуннов, которые, как уже было сказано, и нанесли юечжам в 165 г. сокрушительный удар.

В Минусинском крае, в стране хягасов, как ее называли тогда китайцы, наиболее яркие памятники, относящиеся ко времени около первых веков нашей эры, — таштыкские.

Обитатели Минусинского края в таштыкское время попрежнему занимались скотоводством и земледелием. Интересно при этом, что раскопками Сырского чаатаса по р. Тубе Л. Р. Кызласовым обнаружены древнейшие в Сибири достоверные следы оленеводства: обугленные деревянные фигурки оленей с изображенными на них недоуздками, похожими на лошадиную узду. Многочисленное оседлое или полуоседлое население этого времени оставило после себя на Енисее грунтовые могилы и могилы типа склепов. В могилах были захоронены остатки сожженных тел, помещавшихся в специальных «гнездах», свитых из травы. Изредка встречались остатки искусственно мумифицированных трупов.

Замечательной особенностью таштыкских погребений являются оригинальные маски, иногда с портретной точностью передающие облик умершего. Эти маски хорошо выявляют черты смешения европеоидной и монголоидной рас. В захоронениях оказались антропоморфные чучела, обшитые китайским шелком, очевидно аналогичные по своему назначению ритуальным изображениям мертвых у ряда народов Сибири в XIX в., «заменявшим» умерших некоторое время после смерти (например, «фаня» у нанайцев).

В ряде могил были найдены тщательно сплетенные косы из человеческих волос. В таштыкских могилах обнаружены также деревянные разные части церемониальных зонтов, аналогичных найденным в ноин-улинских могилах хуннских вождей. Подобные зонты служили в Китае знаком власти. Китайские императоры обыкновенно вручали их вождям различных племен, подпавшим под китайское влияние. Аристократы древних хагясов, очевидно, стремились всемерно подражать китайским обычаям. Они носили церемониальные зонты, похожие на зонты китайских чиновников и в ряде случаев, может быть, полученные от китайского правительства, шили одежды из китайских драгоценных шелков. О связях с Китаем говорят даже стилистические признаки скульптурных изделий таштыкского времени, напоминающих скульптуру ханьского Китая. Таким образом, таштыкские находки выразительно свидетельствуют о коренном, еще более решительном, чем на Алтае, изменении главного направления культурных и политических связей. Если жители Алтая и Минусинского края были ранее в общении с западными племенами, то теперь все ярче и сильнее сказывается новое влияние — со стороны Китая, самого древнего и могущественного государства восточной Азии.

О том, насколько прочно входит в орбиту китайского влияния страна хагясов, свидетельствует и совершенно неожиданная находка: остатки чисто китайского по архитектурному облику и строительной технике здания неподалеку от Абакана, где оказались черепицы с традиционными надписями-благопожеланиями китайскому императору и вылитые из бронзы массивные дверные ручки в виде антропоморфных масок — головы чудовища таотье. Замечательной чертой этих масок является тип лица, послужившего оригиналом для утрированной трактовки его на масках. Это не условная китайская схема головы космического чудища, а шаржированная передача реального физического типа древних европеоидов — тагарцев с их высокими горбатыми носами и большими широко раскрытыми глазами. Абаканские маски, возможно, отлиты были местным мастером, изображавшим здесь духов своей страны так, как они представлялись местному населению, но их мог сделать также и китаец, передававший здесь необычайные и поразительные для китайского глаза черты обитателей долины среднего Енисея.

Вещи из развалин китайского дома. Город Абакан

Внутри здания уцелели остатки сложной отопительной системы с дымоходами, расположенными под его полом. Очень вероятно, что здесь жил плененный в 99 г. до н. э. хуннами китайский полководец Ли Лин или его потомки, правившие страной хягасов. Китайские известия о судьбе Ли Лина раскрывают конкретные условия, в которых с такой определенностью проявилось влияние китайской культуры на Енисее около начала нашей эры, в то время, когда в Китае правила ханьская династия. Эти известия в сочетании с археологическими фактами дают, вместе с тем, руководящую нить, позволяющую полнее и глубже понять историю Минусинского края в I тысячелетии н. э.

В 99 г. в страну хуннов была отправлена китайская армия под начальством полководца Ли Гуан-ли, знаменитого своим походом в Среднюю Азию. Вместе с ним выступил против хуннов его внук Ли Лин, возглавлявший особый отряд пехоты в количестве 5000 человек. Хунны окружили отряд Ли Лина и взяли его в плен. Оставшись у хуннов, Ли Лин «получил во владение хягас». Ли Лин умер в 74 г. до н. э. После него на Енисее

правил, повидимому, его сын, принимавший активное участие в бурных политических событиях, сопровождавших распад хуннского союза на северную и южную части при шаньюе Хуханье. Время правления Ли Лина в стране хягасов долго сохранялось в памяти местного населения. Как сообщает история танской династии, все черноглазые считались здесь потомками Ли Лина. Кыргызские каганы вели свой род от Ли Лина, что принималось во внимание китайцами при дипломатических сношениях с кыргызами.

Таким образом, влияние китайской культуры нашло доступ на Енисей при посредстве хуннов, аристократическая верхушка которых к тому времени была в тесных связях с Китаем и, несомненно, находилась под еще более сильным воздействием его высокой культуры.

Политическая и социально-экономическая история енисейских хягасов тоже протекали, как видно из китайских известий, под влиянием хуннов, в политической зависимости от которых находилось «владение хягас», хотя и сохранявшее известную автономию во внутренних делах, но управлявшееся наместником хуннского шаньюя. Поэтому нельзя не признать справедливым предположение С. В. Киселева, что приемы управления, сложившиеся у хуннов, и способы эксплуатации непосредственного производителя должны были стимулировать развитие общественного строя енисейских хягасов, способствовали укреплению местной знати.

Тесные взаимоотношения с хуннами нашли свое неожиданное отражение и в той борьбе хягасов против хуннов, которую возглавил сын Ли Лина. Хягасы, несомненно, многому научились от хуннов в военном и организационно-политическом отношениях. Связи с хуннами, а также с Китаем, следовательно, могли во многом подготовить возникновение в дальнейшем местной государственности потомков хягасов — енисейских кыргызов I тысячелетия н. э. Как люди тагарской культуры, так и древние хягасы, судя по погребальным маскам и китайским известиям, были сначала, до смешения с тюрками, типичными европеоидами.

Большая серия черепов из тагарских погребений была изучена Г. Ф. Дебецом. Черепа в целом обнаруживают европеоидные черты. Как и в погребениях предшествующей эпохи, мы встречаем здесь наряду с преобладающим долихокранным типом, восходящим к древнему афанасьевскому типу, и брахикранный компонент, сходный с андроновским. Не исключено, что эти древние европеоиды южной Сибири находились в родстве с загадочными динлинами, о которых сообщают китайские источники.

Однако на Енисее и особенно на Алтае рано появляется примесь нового, монголоидного по физическому типу населения, сходного с современным центральноазиатским. Так, уже среди погребенных в Пазырыкских курганах были люди не европеоидного, как в Причерноморье, физического типа, а типичные монголоиды. Отсюда следует, что удивительно близкая к причерноморской скифской культура южносибирских племен середины I тысячелетия до н. э. принадлежала каким-то другим племенам, в составе которых были представители этнических групп, кровно связанных с глубинной Азией, заселенной монголоидным по антропологической принадлежности населением. Эти антропологические факты приобретают особое значение потому, что в Пазырыкских курганах обнаружены вещи, указывающие на неожиданную по яркости и силе связь этой ископаемой культуры отдаленного прошлого с культурой современных скотоводческих племен Сибири и Средней Азии.

Войлочные ковры и чепраки, извлеченные из ледяных камер Пазырыка, оказались, например, покрытыми совершенно такими же специфи-

ческими криволинейными узорами, какими украшаются аналогичные изделия киргизов, алтайцев и казахов. В свою очередь, в находках из таштыкских могил оказались разнообразные предметы, связывающие культуру таштыкского времени с культурой енисейских кыргызов I тысячелетия н. э., например, наборные пояса из металлических бляшек.

Высокое и сказочно богатое искусство глубокой древности явилось, таким образом, материнской почвой для современного народного искусства степных народов Сибири и Средней Азии. Оно как бы продолжает жить здесь спустя две с половиной тысячи лет, хотя и в очень сильно измененном, переработанном виде, свидетельствуя о сложном историческом прошлом и богатом культурном наследстве этих племен, считавшихся прежде «внеисторическими» и «примитивными».

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э.

В начале I тысячелетия до н. э. лесные пространства от Енисея до Байкала заселяли многочисленные племена, как и их предки, занимавшиеся охотой и рыбной ловлей.

Поселения этих охотников и рыболовов восточносибирской тайги лучше всего изучены в низовьях Ангары, ниже Братска и около Иркутска, на островах, расположенных в том месте, где Ангара вытекает из Байкала.

Каменные орудия труда и предметы вооружения теперь и здесь целиком или почти целиком вытесняются металлическими изделиями из меди и бронзы. На стоянках и среди случайных находок обычными становятся литые бронзовые тесла и топоры-кельты, такие же ножи и кинжалы, шилья, зеркала и другие металлические предметы. Некоторая часть этих изделий поступала от литейщиков соседних степных племен. Из степей доставлялись, например, такие характерные предметы домашнего обихода, как медные котлы скифского типа на высоком коническом поддоне, приспособленные для изготовления мясной пищи в степных условиях, где топливом служит сухой помет, трава и кустарник. В тайге, изобилующей превосходным топливом, такой тип котла, рассчитанный на экономию топлива, был излишним, но, получив эти изделия, лесные племена в таком виде, разумеется, и использовали их. Многие изделия выделывали хотя и по образцам, характерным для степной культуры бронзового века, но на месте, на Ангаре и Лене. Обнаруживаются, наконец, и такие черты, которые свидетельствуют о коренных местных традициях. Так, рядом с ножами степных форм, близких к минусинским и забайкальским, на острове у Иркутска найдены такие пластинчатые ножи своеобразного типа, которые имеют свои прототипы в ножах глазковского времени.

Такой же отпечаток своеобразия лежит и на всей материальной культуре лесных племен Восточной Сибири, в первую очередь на их керамике. В отличие от своих степных соседей, они выделывали не плоскодонные, а круглодонные глиняные сосуды, форма которых продолжала форму сосудов, употреблявшихся их неолитическими предшественниками и людьми раннего бронзового века Прибайкалья — глазковцами. Новым, однако, был орнамент, украшавший эти старомодные сосуды. Их сверху донизу покрывали горизонтальными поясками выпуклые полоски из налепленных валиков, часто имевшие вид соединенных вместе арочек.

У племен Восточной Сибири продолжало без больших изменений существовать и древнее лесное искусство. В наскальных изображениях Ангары и Лены попрежнему нет ничего похожего на пышный орнаментально-декоративный звериный стиль степных кочевников, как нет в них

Костяные наконечники стрел, металлические изделия и сосуд из таежной полосы Восточной Сибири. Бронзовый век

и того разнообразия звериных сюжетов, которое так характерно для этого степного искусства. Жители тайги изображали на своих скалах преимущественно все тех же лосей, попрежнему тщательно обрисовывая формы их тела. Наскальные рисунки, как и раньше, выполнялись преимущественно

красной охрой; иногда же их выбивали на гладких плоскостях скал древним способом точечной ретуши.

Продолжали устойчиво существовать и старые верования, последовательно развивался древний шаманизм лесных охотников. Ярким памятником этих верований является большой фриз на шишкинских скалах в верховьях р. Лены, где темномалиновой краской изображен целый ряд лодок, плывущих, должно быть, одна за другой в мир мертвых по священной родовой реке. В лодках сидят люди или антропоморфные духи, возведшие вверх руки. Внизу стоит лань, повернувшая голову назад, на бедре у нее виден круг из концентрически вписанных друг в друга окружностей или спирали, как это часто бывает на изображениях животных бронзового века в степях. Около лани видна группа людей или духов с рогами на голове и странными хвостами. Эти антропоморфные изображения, как ни странно, поразительно похожи на такие же фигуры с наскальных изображений Скандинавии, датируемых бронзовым веком, и со скандинавских же бронзовых бритв этого времени. Не исключено, таким образом, что в бронзовом веке существовали какие-то культурные связи между племенами северной Азии, с одной стороны, и северной Европы — с другой.

Не менее интересна на тех же скалах в Шишкино большая изолированная фигура мифического чудовища, пытающегося проглотить какой-то круглый предмет. Очень вероятно, что этот рисунок изображает хорошо известное в мифах Центральной Азии чудовище — монгуса, пытающегося проглотить луну или само солнце.

Замечательной чертой жизни этих лесных племен Восточной Сибири были их культурные связи с далеким Китаем, следы которых отчетливо видны в самом массовом археологическом материале — керамике. Рядом с обломками круглодонных сосудов местного типа на ангарских островах встречены фрагменты сосудов совершенно иного вида — с небольшим поддоном в виде кольца, покрытые необычным лепным орнаментом и текстильными оттисками на внешней стороне. Совершенно одинаковые сосуды издавна, в том числе в эпоху бронзы, употреблялись древними китайцами, у которых они носили название «доу». Прямую связь с древнекитайскими бронзовыми кельтами иньской династии обнаруживают и характерные для Восточной Сибири бронзовые кельты таежного типа. Кельты эти отличаются своими удлиненными пропорциями, прямоугольной формой и специфическим орнаментом из выпуклых линейных полосок, образующих вписанные друг в друга треугольники и кружочки с точкой внутри. Сравнивая этот орнамент с орнаментом китайских кельтов иньского времени нетрудно увидеть, что прибайкальские литейщики бронзового века почти целиком использовали поразившую их воображение китайскую орнаментальную схему. Они только лишь упростили ее и придали ей несравненно более схематический характер. Откуда и как проникли в глухую тайгу Восточной Сибири эти неожиданные черты культуры далекого Китая, станет ясно, если мы ознакомимся с жизнью и культурой населения соседних Забайкальских степей в бронзовом веке.

Но прежде чем перейти к Забайкалью, следует сказать несколько слов и о тех племенах, которые обитали тогда еще дальше на севере и на востоке Сибири, в современной Якутии.

С течением времени, к середине I тысячелетия до н. э., потомки первых металлургов Якутии пошли еще дальше. Они овладели искусством изготовления превосходных бронзовых топоров-кельтов, кинжалов, мечей и наконечников копий. Их изделия поражают нередко при этом своими необычно крупными размерами, а по тщательности отделки они не уступают изделиям степных мастеров.

У таежных воинов и охотников бронзового века существовало, следовательно, превосходное бронзовое вооружение. Подобно героям Илиады, они сражались медноострыми мечами и копьями.

Одновременно продолжали расти и крепнуть связи племен Якутии с другими странами. Найденный на Вилюе бронзовый меч чрезвычайно похож на мечи и кинжалы карасукского типа; бронзовый котел, обнаруженный в верховьях р. Мархи, повторяет по форме степные котлы так называемого скифского типа. В бассейне Вилюя найден был и бронзовый сосуд, по форме и орнаменту аналогичный сосудам бронзового века, изготовленным китайскими мастерами чжоуского времени.

При всем том лесные племена бронзового века устойчиво сохраняли во всем остальном древний уклад быта, свои исконные культурные традиции. Как и раньше, их глиняные сосуды имели, например, не плоское, а круглое дно. Они попрежнему рисовали на своих священных родовых скалах изображения оленей и лосей, фигуры духов и шаманов в рогатых головных уборах. Их орнаментика попрежнему оставалась прямолинейно-геометрической, основанной на ритмическом чередовании горизонтальных и вертикальных, длинных и коротких линий. В ней не было ничего похожего на пышный орнаментально-декоративный стиль и прихотливые узоры степных скотоводов того же времени. Это был свой, особенный и по-своему яркий культурный мир, простиравшийся на тысячи километров тайги, лесотундры и тундры вдоль одной из величайших рек Азии — Лены и по ее притокам.

Так же как и у прибайкальских соседей и степных племен, у племен бронзового века Якутии и Прибайкалья со временем происходит, должно быть, переход от материнского рода к отцовскому. Об этом косвенно свидетельствует преобладание в наскальных изображениях антропоморфных образов над зооморфными, а также появление своего рода металлических штандартов с изображениями бородатых человеческих лиц — вероятно, мужских предков — покровителей и защитников рода.

ЗАБАЙКАЛЬЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э.

В конце II и в I тысячелетиях до н. э. в степях Забайкалья и далее на восток, вплоть до Гоби и Ордоса, обитали многочисленные племена, которые вели одинаковый образ жизни и имели поразительно сходную культуру.

Племена эти, в отличие от своих северных таежных соседей, были типичными скотоводами. Они с успехом разводили уже все основные виды домашних животных: лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Они явились поэтому, по сравнению с обитателями тайги и тундры, носителями новой, передовой культуры, основанной на несравненно более передовом хозяйстве и принципиально новом жизненном укладе.

Относительно раннее возникновение и быстрое развитие скотоводства в Забайкалье и соседней с ним Монголии зависело от благоприятных природных условий этих областей внутренней Азии с их обильными и безграничными по протяжению пастбищами. Эти природные условия открывали широкие возможности для роста стад в условиях экстенсивного скотоводческого хозяйства пастушеского типа.

Скотоводы Забайкалья могли круглый год пасти свои стада на подножном корму, не затрачивая никаких усилий для заготовки сена на зиму, так как здесь широко распространены открытые пространства и холмистые возвышенности, с которых сильные степные ветры сдувают снег, обнажая сухую растительность.

Плиточные могилы на р. Уде. Бронзовый век

В наиболее суровое время зимы степные скотоводы могли останавливаться на зимовки вблизи рек, в укромных долинах, под защитой соседних возвышенностей, где и располагаются обычно могильники бронзового века, а также обнаруживаются следы временных остановок скотоводческих общин. Следы эти всегда очень немногочисленны и скудны, но от этого еще более характерны; они состоят обычно из обломков одного или двух разбитых глиняных сосудов, а также немногих медных или бронзовых вещей, случайно потерянных или забытых на месте покинутого стойбища. Не имеется на этих стоянках и каких-либо остатков жилищ, например в виде землянок. У древних жителей Забайкалья в это время, надо полагать, основным видом жилища была уже переносная войлочная юрта — традиционное жилище степных кочевников на протяжении тысячелетий. Забайкальские скотоводы в I тысячелетии с успехом разводили уже все основные виды домашних животных, в первую очередь лошадей, а также мелкий и крупный рогатый скот.

Так же как и позднейшие пастушеские обитатели Забайкалья и Монголии, они ездили верхом на лошадях, употребляя для управления ими узду с бронзовыми удилами, о чем свидетельствуют находки таких удил в могилах бронзового века.

Богатые оловом, медью и другими цветными металлами недра Забайкальских гор явились основным условием, которое вызвало столь раннее и значительное по тем временам развитие местной металлургии.

Население Забайкальских степей уже в конце II тысячелетия до н. э. и особенно в первых веках последующего тысячелетия в совершенстве овладело техникой литейного дела. Местные мастера отливали в каменных литейных формах превосходные медные и бронзовые вещи, часто украшенные своеобразным и изящным орнаментом, а также реалистически выполненными изображениями животных.

Найденные в могилах украшения из полудрагоценных камней, раковин каури, доставленных из Индийского океана, белые цилиндрические бусы из пирофиллита указывают на дальнейшее расширение масштабов

культурных связей. Эти культурные связи, разумеется, не могли не оказывать прогрессивного воздействия на жизнь забайкальских племен; они содействовали ускорению их хозяйственного и культурного развития.

Глиняный трипод из Забайкалья. Бронзовый век. Сел. Агинское

В развитии металлургии, литейного дела, как и всей вообще культуры степных племен Забайкалья и Монголии, большое значение имело взаимодействие с соседними странами, в первую очередь с Китаем, сначала иньского, а затем чжоуского и циньского времен. О взаимных связях Китая и соседних с ним степных племен выразительно свидетельствуют найденные при раскопках в Аньяне, на месте столицы иньского государства, ножи и кинжалы, рукояти которых украшены такими же, как у забайкальских ножей и кинжалов так называемого карасукского типа, головками степных животных. Форма этих кинжалов и ножей тоже совпадает, иногда вплоть до мелких деталей. Не исключено, следовательно, что аньянские литейщики отливали свои изделия по образцам степных мастеров.

С другой стороны, прямое влияние высокой земледельческой культуры древнего Китая обнаруживается в замечательных глиняных сосудах-триподах, найденных как на поселениях, так и в могилах I тысячелетия до н. э. в степном Забайкалье от Агинских степей на востоке и до г. Улан-Удэ на западе. Сосуды эти имеют объемистый резервуар, переходящий в три широкие, полые внутри ножки, похожие на коровье вымя. В Китае сосуды подобной оригинальной формы типа *ли*, появляются уже в неолите и существуют затем на всем протяжении бронзового века. Они настолько специфичны и характерны для Китая, что их с полным основанием называют символом древнекитайской земледельческой цивилизации. Поэтому наличие сосудов типа ли в Забайкальских степях с особой силой раскрывает неожиданную глубину и подлинно интимный характер связей скотоводческих племен Забайкалья с архаическим Китаем, древнейшим очагом передовой культуры восточной Азии.

Если сосуды типа триподов отражают традиционные культурные связи Забайкалья с Китаем, то другие факты не менее определенно свидетельствуют о дальнейшем укреплении таких связей и с Западом, начиная с Минусинской котловины, Алтая, Средней Азии и кончая далекими скифскими племенами Причерноморья. Таковы предметы вооружения: бронзовые кинжалы и ножи, украшения, в первую очередь бронзовые зеркала, части конской сбруи и многое другое, выделывавшееся по одинаковым исходным образцам. О связях с западными племенами и о вызревании сходного в основе образа жизни, одинаковой в принципе культуры можно судить и по памятникам искусства, в том числе по изображениям оленей на писаницах и оленных камнях Забайкалья и северной Монголии.

Оленные камни, распространенные в степных районах Монголии, Забайкалье и Танну-Туве, представляют собой замечательные по тщательной художественной отделке и стилистическому своеобразию имею-

щихся на них изображений монументальные памятники бронзового века.

Как показывает их название, на оленных камнях изображались характерным образом стилизованные фигуры оленей с длинными ветвистыми рогами, в виде завитков закинутыми за спину.

Эти причудливо стилизованные изображения оленей, при некотором своеобразии их деталей, в общем обнаруживают ближайшее родство с изображениями оленей, характерными для архаического скифского искусства.

Оленные камни дополняются наскальными изображениями с такими же ветвисторогими фигурами оленей, как на стелах, и различными случайными находками, в том числе навершиями, близкими к древнейшим скифским по общей трактовке в виде стилизованных фигурок оленей, куланов, птиц, хищников, а в одном случае даже ежа.

Отсюда вовсе не следует, конечно, что в культуре степных племен далекого Востока не было своеобразных черт и никакой самобытности. Резко своеобразный характер у них имели, в частности, погребальные обычаи, нередко являющиеся, как известно, важным этническим признаком.

В то время как большинство степных племен хоронило умерших под курганными насыпями из земли или камней, племена Забайкалья строили характерные плиточные могилы в виде прямоугольных ящиков или оградок из огромных, нередко, плит, поставленных на ребро. Такие плиточные могилы, иногда группирующиеся в целые могильные поля и издали виднеющиеся на фоне степных просторов, составляют такой же характерный элемент ландшафта Забайкалья, как кусты дырисуна и причудливые гранитные скалы этой живописной страны.

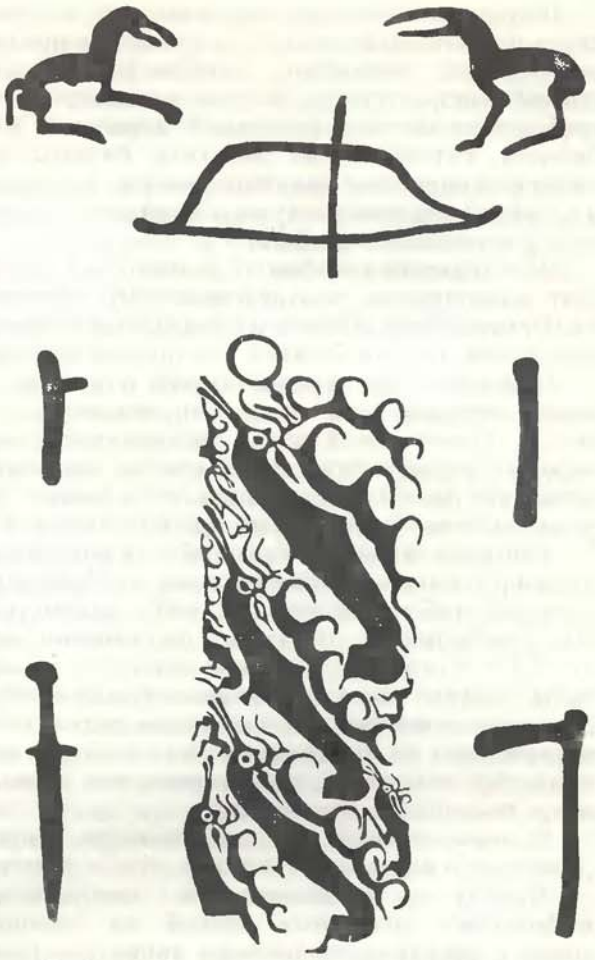
В центре верований забайкальских племен находился, повидимому, самый популярный в их искусстве зооморфный образ доброго благодетельного божества солнца в облике златорогого оленя или сияющего на небе лучистого диска, символизируемого кругом или металлическим зеркалом.

На отвесных скалах и сводах пещер Забайкалья рассеяны также сотни древних рисунков, выполненных красной охрой и по стилю датируемых эпохой бронзы. Писаницы эти рассказывают о культе священной птицы — орла или сокола, о каких-то коллективных магических обрядах, имевших целью обеспечить плодовитость скота, рост родовых общин и благополучие их членов. Чаще всего на писаницах встречается один и тот же сюжет, одно и то же изображение магической ограды, охраняемой лунокрылой священной птицей и взявшимися за руки антропоморфными духами-защитниками рода.

Любопытно, что образ этой священной птицы не исчез бесследно, а сохранился до XIX—XX вв. в старинной орнаментике на шерстяных чулках ольхонских бурят. Ольхонские буряты называли эту птицу *йэхэ-шубун*, т. е. орел. Как известно, орел занимал исключительно важное место в шаманской мифологии и культе бурят, а на Ольхоне он считался покровителем и владыкой этого острова.

Внутри «ограды» и по соседству с ней на писаницах бывает рассеяно множество овальных или круглых пятен, как бы отпечатков пальцев. Каждое такое пятно могло символизировать конкретного члена родовой общины или его душу, находящуюся под защитой благодетельных родовых духов. Там же видны изображения животных, обычно лошадей, изображенных в характерной стилизованной позе, как бы готовящихся к прыжку. Такие писаницы имеются на берегах Толы около Улан-Батора, на всем протяжении долины Селенги с впадающими в нее реками, в Агинских степях и на р. Инголе около Читы.

Нет никакого сомнения, что племена бронзового века Забайкалья продолжали устойчиво сохранять древний общинный строй. Показательны в этом отношении погребальные памятники бронзового века Забайкалья, если взять их в сравнении со скифскими могилами южной России. На юге России издавна воздвигались огромные курганы племенной знати, могилы скифских «царей», где по определенному пышному ритуалу погребались знатные покойники вместе с сопровождавшими их женами и слугами, с десятками, а то и сотнями лошадей, с драгоценной золотой и серебряной утварью. Рядом же с этими курганами по степям рассеяны бесчисленные рядовые могилы простых скифов, составляющие своей простотой и бедностью обстановки резкий контраст с захоронениями аристократов.



Изображения на оленном камне с р. Иволги. Бронзовый век

В степях Забайкалья бронзового века нет ничего похожего на грандиозные и пышные погребения скифских «базилевсов». Все плиточные могилы в своем устройстве строго выдержаны по одному и тому же плану, причем само по себе их расположение указывает на прочность общинно-родовых связей. Они располагаются правильными рядами, вытянутыми с юга на север, ориентированы строго в одну и ту же сторону — с востока на запад. Такое расположение плиточных могил сразу вызывает в памяти знакомую всем планировку общинно-родовых кладбищ ирокезов, живших в условиях материнского рода.

Даже и в тех случаях, когда некоторые из них выделяются более крупными размерами, такие плиточные могилы служили не одному человеку, а были коллективными могилами нескольких погребенных в них людей. Было бы, однако, неправильно полагать, что люди бронзового века в Забайкалье жили, так же как и их предшественники, люди каменного века, в условиях первобытного равенства и коллективизма.

Хотя они и были еще далеки от того уровня, которого достигли близкие им по культуре кочевые племена азиатских кочевников саков и, тем более, европейских скифов, население бронзового века за Байкалом ушло не менее далеко и от тех условий, в которых жили их предки, еще не знавшие скотоводства и металлургии.

Появление домашних животных, образование стад конного и рогатого скота и связанный с этим рост излишних продуктов, превышавших потребности самих скотоводов, должны были содействовать развитию обмена и повышению его роли. Золотые изделия, изредка находимые даже и в разграбленных позднее плиточных могилах и случайно уцелевшие от грабителей, украшения из малахита, бирюзы, сердолика и других ценных камней-самоцветов, раковины каури, признаки связи с древним Китаем и Скифией свидетельствуют о каких-то зачатках роскоши и росте богатства у отдельных семейств.

В результате неизбежно должен был осуществиться переход от древнего материнского рода к отцовскому, должна была возникнуть патриархально-семейная община и образоваться определенная аристократическая прослойка из глав богатых скотоводческих семейств.

В связи с этим и сами по себе плиточные могилы предстают в совершенно определенном свете, как свидетели крупных перемен, происшедших в общественной жизни забайкальских скотоводов. Монументальные, нередко, размеры этих погребальных сооружений, а вместе с тем их относительная немногочисленность показывают, что это были скорее всего усыпальницы глав богатых и влиятельных семейств.

Еще ярче свидетельствуют об этом монументальные изваяния — оленные камни с сильно стилизованными изображениями оленей. Большой труд, который требовался для того, чтобы выломать из гранитной скалы подходящие глыбы камня, отесать их бронзовыми орудиями и придать им форму столба или саблевидной стелы, наконец, терпеливо покрыть всю их поверхность искусно высеченными рельефными изображениями, ясно показывает, каким весом и влиянием в обществе пользовались те люди, в память и честь которых над их гробницами были поставлены эти величественные памятники, без изменений простоявшие под солнцем Монголии и Забайкалья два с половиной тысячелетия.

О том же говорят как дорогие вещи, сопровождавшие умерших, захороненных в плиточных могилах, так и рисунки на оленных камнях.

Наряду с символическими изображениями солнца и фигурами мифических солнечных оленей на оленных камнях бывают очень точно и детально изображены такие реальные бытовые вещи, как пояс, лук, боевой кинжал, аналогичный скифскому акинаку, иногда тут же виден боевой топор-секира, даже диск, изображающий бронзовое зеркало. Все это было, несомненно, личным снаряжением древнего воина, вероятно, в точности повторявшим то, что на самом деле принадлежало ему при жизни. По понятиям того времени, воины эти являлись и на «тот свет» вооруженными с головы до ног, как подобает степному витязю, всегда готовому не только к отпору чужеплеменников, но и к набегу на соседей, к захвату чужого имущества, в первую очередь табунов скота, жен и детей своих врагов.

Эти воины, над величественными гробницами которых стояли монументальные памятники — стелы, покрытые священными изображениями солнечных оленей и личного орудия, несомненно, были не простыми общинниками, а вождями-аристократами, главами отдельных семей, выделявшимися из всех остальных своим богатством и занимавшими первенствующее положение внутри патриархально-родовых общин своего времени.

Вряд ли может быть сомнение в том, что патриархально-родовое общество степных скотоводов бронзового века в Забайкалье далеко ушло вперед от обычаев и норм эпохи первобытного равенства, собственность приняла частный, индивидуалистический характер, и сознание людей проникалось чувством частной собственности. Оставалось сделать еще

один шаг вперед, чтобы внутри общества появились противоположные друг другу классы, чтобы вследствие непримиримости классовых противоречий возникла организация классового господства — государство. Именно так и шел исторический процесс во всех передовых странах Европы и Азии, хотя он и протекал у различных народов в разных формах и в разное время.

Так должно было случиться и на территории Бурят-Монголии, где в степных ее районах этот процесс был подготовлен всем ходом предшествующей истории. Это новое время наступило за Байкалом, в степных областях Бурят-Монголии, тогда, когда широко стало распространяться железо, во втором веке до н. э., когда на арену мировой истории выступили племена хуннов, как их называли китайцы, или гунны, как их позднее стали именовать европейские народы.

С хуннами, создавшими первое в степях Центральной Азии государственное образование степных племен, история и вступает, наконец, в эпоху классового общества и государства.

Широко известные в науке памятники хуннской культуры, обнаруженные в горах Ноин-Ула, в могильнике Ильмовой пади у Кяхты, китайские летописи и материалы поселений за Байкалом рисуют хуннов как скотоводов-кочевников, которые, впрочем, понемногу сеяли и хлеб (просо). В обществе хуннов над рядовыми членами родов возвышалась родоплеменная знать; сильно развито было рабство, источником которого являлись войны с соседями хуннов, в том числе с китайцами. Рабы, вероятно, обрабатывали землю и выполняли другие тяжелые работы.

Ядро государства хуннов составлял военный союз 24 племен, разделенных на два крыла, восточное и западное. Главой хуннского государства был шаньюй. Объединенные в рамках своего государства, скрепленного родоплеменными традициями и связями, выступая как вооруженный народ, как племенной союз, хунны представляли грозную военно-политическую силу. На протяжении короткого времени хунны подчинили себе множество племен и достигли господства над колоссальной территорией от Байкала до Тибета и от Восточного Туркестана на западе до Амура на северо-востоке.

Вещественным памятником хуннской экспансии на Севере осталось замечательное городище вблизи г. Улан-Удэ на р. Иволге. Как оказалось, городище по своей площади занимает сейчас 72 380 м². Первоначально же это поселение было еще больше, так как часть его уничтожена р. Селенгой, подмывавшей здесь свой левый берег. Оно было окружено четырьмя валами высотой до 1.5 м и четырьмя рвами. Внутри укрепления размещались десятки малых жилищ и два больших. Малые дома имели углубленное в землю прямоугольное основание и обогревались очагом, дым и горячий воздух из которого шел по специальным дымоходам вдоль стен, под нарами. Такой же в принципе была отопительная система, которая вскрыта при раскопках замечательного дворца на Абакане в Минусинской котловине, принадлежавшего, как уже говорилось выше, повидимому, пленному китайскому полководцу Ли Лину.

Внутри и снаружи жилищ встречены ямы для хранения запасов пищи. Пищу готовили обычно рядом с домом в небольших очагах, около которых встречается много фрагментов сосудов с закопченной огнем очагов поверхностью. Внутри жилищ найдена разнообразная домашняя утварь, в том числе сосуды с отверстиями на дне для приготовления сыра, а также следы металлургического производства (шлаки). Среди сосудов выделяются бронзовые сосуды, впервые найденные в хуннских памятниках. Большие дома, очевидно, были постройками общественного назначения или жилищами хуннских вождей, возглавлявших это поселение. Жилище имело

вид прямоугольника размером 8×9 м, окруженного глинобитными стенами толщиной более метра, с деревянными столбами по углам и в средине стен, как в современных постройках Монголии. Дом вождя имел такой же очаг, как и малые постройки, отличающийся от очагов малых домов только бо́льшими размерами. Как и в малых домах, вдоль стен большого дома шли каналы, служившие дымоходами. Внутри дома оказались целые глиняные сосуды для производства сыра, хранения запасов и варки пищи, литая бронзовая чаша, наконечники стрел, костяные накладки на концы лука.

Находки на Иволгинском хуннском городище замечательны не только тем, что это вообще первое, подвергнутое систематическим археологическим исследованиям хуннское поселение, но и тем, что оно дает первоклассный материал для характеристики образа жизни и культуры хуннов, а также для выяснения их взаимоотношений с северными племенами. Как видно из раскопок на Иволге, кочевники хунны имели также и укрепленные поселения. Кроме мяса, молока и сыра, они питались земледельческими продуктами, о чем свидетельствуют найденные здесь зерна проса. Этим подтверждаются сведения китайских летописей, сообщающих, что хунны сеяли просо, обрабатывая землю, однако, не сами, а руками пленных китайцев.

Поселение на нижней Иволге, оказавшееся на таком большом расстоянии от основной области распространения хуннских памятников, найденных в районе Кяхты, по Джиде и в верхнем течение Селенги, а вместе с тем являющееся самым северным, известным сейчас собственно хуннским памятником, интересно еще и тем, что его окружает необычно мощная система оборонительных рвов и валов. Жившие в своем городке на берегу Селенги хунны отгородились от окружающего мира четырьмя мощными валами и четырьмя рвами. Ширина этого оборонительного пояса рвов и валов достигает 26 м. Все это дает право сделать вывод, что городок на Иволге был самым северным укрепленным форпостом хуннов в Забайкалье.

Как известно, временем наибольшей территориальной экспансии хуннов были годы правления их знаменитого шаньюя Модэ. Модэ захватил власть над гуннами в 209 г. до н. э. и настойчиво проводил агрессивную политику по отношению к соседним странам. Китайские источники отмечают завоевательные походы Модэ не только на юг, в Китай, но и на север. В это время, должно быть, и возникает хуннское укрепление на самой отдаленной северной окраине их владений.

Столь резко выраженная забота жителей Иволгинского городища об укреплении своих жилищ от нападения врагов ясно показывает, что захватчикам-хуннам жилось в низовьях Селенги далеко не спокойно.

Коренное население северных районов Забайкалья, несомненно, находившееся в условиях первобытно-общинного строя, должно было ненавидеть представителей классового общества — воинов и чиновников хуннских шаньюев, как захватчиков, насильников и поработителей. От этой ненависти, очевидно, и отгородились гунны, засевшие в своем укрепленном городке вблизи устья Иволги.

Агрессивная политика хуннов выразилась в событиях, затронувших не только северные области Забайкалья, но и собственно Прибайкалье. В это время в долину р. Куды, правого притока Ангары, а может быть, и еще далее на запад, вплоть до устья р. Унги, в район нынешнего Балаганска, проникают новые пришельцы. Эти люди, оказавшиеся в глубине таежного Прибайкалья, среди местных охотничье-рыболовческих племен, были скотоводами. Они разводили лошадей и овец и имели такую же материальную культуру, такие же обычаи, как забайкальские скотовод-

ческие племена раннего железного века, обитавшие в низовьях Селенги в III—II вв. до н. э. Они пользовались характерной глиняной посудой забайкальских форм, носили на своей одежде одинаковые полушаровидные бронзовые бляшки с плоской орнаментированной насечками каймой, имели луки с костяными накладками, костяные и железные наконечники, аналогичные забайкальским.

Эти люди хоронили умерших в тщательно устроенных прямоугольных могилах из вертикальных плит красного песчаника. Так же как в степях Монголии и нашего Забайкалья, их могильники имели вид цепочек, расположенных с юга на север, при такой же, как за Байкалом, ориентировке покойников и могил головой с запада на восток.

Подобно забайкальским, эти плиточные могилы устраивались на ровной поверхности возвышенностей и у подножия скальных обрывов с каменистыми россыпями. Такие могилы оказались, например, на живописной горе Манхай около с. Харганай или Усть-Орды, центра Усть-Ордынского национального округа Иркутской области. Манхайские погребения ясно показывают, что они оставлены новым, пришлым племенем, явившимся сюда из-за Байкала или с байкальского побережья. Это явно были степные скотоводы, ближайшие родичи тех, кто оставил в степях Забайкалья и Монголии плиточные могилы бронзового и раннего железного веков.

Строители плиточных манхайских могил принесли с собой на запад, в долину р. Куды, может быть, не только свой хозяйственно-бытовой уклад и не только свои древние обычаи. Не исключено, что они принесли вместе со скотоводством даже семена типично степной травы — дырисуна, придающей такой характерный отпечаток ландшафтам Забайкалья за пределами таежных лесов.

Что же вызвало переселение этой колонии забайкальских степняков раннего железного века в долину р. Куды, через горные перевалы и болота Байкальского хребта, какая причина заставила их уйти из родных долин на северо-запад, в страну лесных племен?

Ответом на эти вопросы может служить тот факт, что именно в это время на территории Монголии и соседних с ней областей Забайкалья происходят крупные перемены, вызванные возвышением хуннов и развертыванием их завоевательной активности, в том числе на севере, вплоть до Прибайкалья. В это тяжелое для селенгинских племен, вероятно предков тюрков-уйгуров, время часть их могла покинуть родные кочевья и отойти под давлением завоевателей дальше на север. Это событие, всего вероятнее, могло произойти во время наибольшей северной экспансии хуннских орд при Модэ шаньюе, когда, повидимому, возникло и хуннское укрепленное поселение на р. Иволге около г. Улан-Удэ, служившее главным форпостом хуннов на севере.

Очевидно именно тогда, под давлением хуннов, группа древних скотоводов, которые оставили после себя в степях Забайкалья монументальные памятники в виде плиточных могил, перевалила через все стоявшие на их пути преграды и пришла в плодородную Кудинскую долину вместе со своим скотом, со своими женами и детьми.

Основа обширного государства, созданного хуннскими племенами, оказалась, однако, непрочной, и под ударами китайцев и других врагов это государство в половине I в. н. э. распадается. Хунны разделились на две части, одна из которых ушла на запад, а другая подчинилась Китаю и потеряла самостоятельность. Некоторые слова, сохранившиеся в китайских летописях, говорят о том, что язык хуннов был, с одной стороны, весьма близок к тюркскому, а с другой — к монгольскому. Интересно, что само по себе название хуннов имеет связь с монгольским

словом «хун» — «человек». Очень вероятно поэтому, что они были не тюрками, а монголами (тюрки называют человека своим словом кизи, киси и т. д.).

ПЛЕМЕНА ПРИМОРЬЯ И АМУРА В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ ДО н. э.

В то время как к западу от Амура, в степях Забайкалья и Монголии, веками развивалась культура скотоводческих племен бронзового века, из которых позднее выделились тюркские и монгольские народы средневекового времени, в бассейне Амура и в Приморье обитали другие племена, весь образ жизни и культура которых поныне представляли резкий контраст с жизнью и культурой этих скотоводов.

Культура населения приморских племен Дальнего Востока, обитавших в I тысячелетии до н. э. вдоль берегов Тихого океана к востоку и северу от границ Кореи, у Владивостока и далее на север, известна в археологической литературе под наименованием «культуры раковинных куч». Такие раковинные кучи, обычно располагающиеся в бухтах, на выступающих в море мысах и перешейках, состоят из наслоений раковин, съедобных морских и пресноводных моллюсков. Таковы, например, многочисленные раковинные кучи у Владивостока, по берегам зал. Петра Великого. Кучи эти обычно имеют высоту до 1 м при окружности 10—25 м. Кроме морских раковин, в них встречаются кости рыб, свиньи, оленя, домашней собаки, косули, медведя, барса. В раковинных кучах находят каменные топоры, наконечники из шифера и кости, грузила, шиферные ножи и кинжалы. Все это на первый взгляд имеет обычный неолитический характер, но только на первый взгляд, ибо в действительности культура населения Приморья, оставившего раковинные кучи, имеет в целом уже значительно более развитый характер.

Даже каменные изделия из поселений с раковинными кучами и те сильно отличаются от более древних, в том числе и из непосредственно предшествующих им стоянок, например в устье р. Гладкой Посьетского района, где широко представлены обсидиановые острия, наконечники стрел и ножи, сопровождающиеся характерной керамикой, украшенной резным орнаментом в виде линий, зигзагов, реже меандра.

Теперь изменяется даже и материал, из которого выделывались каменные орудия. Первое место занимает шиферный сланец, а вместо обивки и ретуши все шире и шире применяется шлифование камня. Вместо односторонневыпуклых в сечении каменных тесел появляются новые, плоские, симметричные в сечении.

По-новому выглядит и все остальное, в том числе самый массовый и обильный материал в археологических находках — керамика. Простые глиняные сосуды древнего времени сменяются новыми, более совершенными по форме. Среди них первое место принадлежит ранее не известным широким сосудам с более сложным профилем, а также плоским чашам, возвышающимся на узкой конической ножке — поддоне. Резко изменяется орнаментация и внешняя отделка сосудов. Часто встречаются сосуды с лощеной до блеска поверхностью, иногда нарочито покрытой тонким слоем малиново-красной краски. Выделывая свои сосуды, древние гончары украшали их теперь резным линейным и, в особенности, налепным жгутиковым узором в виде параллельных полос, а также симметрично расположенными налепными шишечками.

Однако изменения в культуре приморских племен, оставивших раковинные кучи, идут еще глубже.

Как оказалось, мощные наслоения раковин и рыбьих костей, придававших их поселениям такой первобытный вид, объясняются вовсе не тем,

что здесь жили жалкие собиратели «даров моря», подбиравшие раковины или выброшенные морскими волнами трупы случайно погибших морских животных. Среди раковин оказались такие, которые обитают не у самых берегов, а в открытом море, на глубине нескольких десятков метров. Вместе с ними встречаются кости морских рыб, тоже обитающих вдали от берегов.

Добыча глубоководных моллюсков и рыб была невозможна без выезда в открытое море. Она требовала соответствующего технического оснащения, в первую очередь больших устойчивых на морской волне лодок, возможно, уже с парусом и балансиром-аутригером. Нужны были морские сети, а также специальные удочки с грузиками, опускающиеся на большую глубину, и многое другое, на чем держалось морское рыболовство у различных племен Тихого океана в момент их первоначального соприкосновения с европейцами.

Особенно интересны найденные в раковинных кучах плоские острия из шифера, иногда имеющие в середине одну или две просверленные дырочки. Они одинаковы с наконечниками гарпунов древних эскимосов и других прибрежных племен Тихого океана. У обитателей поселений с раковинными кучами, таким образом, были гарпуны для охоты на крупную рыбу и морского зверя, у них существовал уже тот сложный гарпунный комплекс охотничьего вооружения, появление которого означало крупнейший шаг в развитии культуры приморских стран и важнейшее завоевание морских рыболовов и охотников от Японских островов и до Скандинавии.

Без такого вооружения не могли быть по-настоящему освоены человеком огромные пространства морских побережий Тихого и Ледовитого океанов, не могла возникнуть высоко специализированная культура морских зверобоев, в некоторых отношениях оставившая далеко позади культуры континентальных рыболовов и охотников неолитического периода.

Существование специализированной культуры рыболовов и морских зверобоев было первой характерной чертой хозяйства и образа жизни населения Приморья в «эпоху раковинных куч», а возникновение ее означало важнейшую грань в их культурной истории.

Возникла, несомненно, и новая психология отважных мореходов, привыкших к безграничным просторам океана. Появление на берегах Приморского края первых раковинных куч явилось поэтому свидетельством не упадка, а, напротив, резкого продвижения вперед во всех областях жизни и культуры его населения.

Внимательное изучение содержимого раковинных куч принесло и еще более неожиданное открытие. В них обнаружены камни овальной ладьевидной формы. Одна сторона таких камней выпуклая и более или менее гладкая, другая плоская и сплошь покрытая мелкими точечными выбоинами, как бы своего рода насечкой.

По форме, размерам и характеру отделки поверхности они в точности повторяют древнейшие орудия, служившие для изготовления муки из зерен — каменные зернотерки. Такие зернотерки, предшествующие позднейшим ручным мельницам, постоянно встречаются в древнейших земледельческих культурах земного шара, начиная с первого очага начального земледелия в странах Ближнего Востока и Средней Азии и кончая далекой Америкой. Именно так, такими орудиями, мололи зерно склонившиеся над ними на коленях женщины древнего Египта, статуэтки которых уцелели в древних гробницах «страны пирамид». Подобный способ приготовления муки столь же характерен для земледелия первобытно-

общинной эпохи, как ручная мельница, по образному выражению К. Маркса, для феодального общества с сюзереном во главе.

Вместе с обломками каменных зернотерок в раковинных кучах встречены каменные мотыги и фрагменты шиферных ножей особого типа, в виде небольших пластинок с выпуклым односторонним лезвием и двумя, обычно, отверстиями, просверленными в их средней части. Совершенно такие же по форме шиферные ножи, служившие серпами, и мотыги с плечиками употребляли в неолитическое время древнейшие земледельцы Китая на р. Желтой

«Люди раковинных куч» явились, следовательно, не только создателями высоко специализированной по тем временем культуры морских рыболовов и зверобоев, но и первыми земледельцами нашего Дальнего Востока.

Со временем приморские племена от своих степных соседей стали получать и металлические вещи, о чем свидетельствуют единичные находки металлических изделий, а также каменные кинжалы и наконечники, изготовленные по металлическим образцам конца II и начала I тысячелетия до н. э. Тем самым в Приморье начинается переход от камня к металлу, заканчивается неолитическое время в собственном смысле этого слова.

В то же самое время, повидимому, у иных появляются, рядом с собакой, и другие домашние животные, зарождается скотоводство в его настоящем виде, как разведение животных для получения мяса, молока, а также других продуктов скотоводства. В хозяйстве приморских племен важное место имела, очевидно, свинья, кости которой особенно часто встречаются в раковинных кучах. Свиноводство, как известно, было издавна и широко распространено у всех народов юго-восточной Азии, а также в районах южных морей, вплоть до Новой Гвинеи — у папуасских племен этого огромного острова. С юга, очевидно, и заимствовали свиноводство вместе с земледелием племена нашего Приморья.

На тесную связь с населением Кореи и Китая, особенно с теми племенами, которые обитали вдоль морских берегов Китая, указывают и другие черты культуры населения прибрежной части советского Приморья в то время. Таковы, например, каменные топоры, шиферные наконечники стрел и гарпуны, известные вплоть до о. Тайвань и вообще на юге Китая, а также глиняные сосуды неизвестных ранее форм (чаши на высокой ножке, блюда и т. д.). Можно предполагать поэтому, что эти прибрежные племена Приморья распространились когда-то с юга на север и долгое время устойчиво сохраняли здесь свою культуру, в которой видны различные черты, связывающие ее с культурой неолитических земледельцев Китая эпохи яншао и более позднего времени.

Судя по китайским источникам, эти древние обитатели Приморья носили общее наименование илоу. Китайцы оставили о них в своих летописях краткие, но точные известия, вполне согласующиеся с археологическими источниками и существенно дополняющие их.

В «Саньгочжи», не использованном И. Бичуриным обозрении истории трех династий, одновременно правивших в Китае с 220 по 264 г., составленном Чжэнь Шоу в V в. н. э., об илоу говорится, что они находятся на северо-востоке от Фуюй более чем на тысячу ли и расселены по берегу Великого океана. На юге они соприкасаются с северным вэцзюй, а «где кончаются их земли на севере неизвестно». В стране илоу «много непроходимых гор».

Основой хозяйства илоу были земледелие и скотоводство; они имели «пять видов (хлебных) злаков, коров и лошадей»; особенно подчеркивалось, что илоу любят разводить свиней, «питаются их мясом, носят их шкуры».

Большая роль скотоводства отражена сообщением летописи о том, что илоу «делают загон для скота посредине, и люди, окружая его с наружной стороны, живут».

Илоу добывали в своей стране яшму и хороших соболей — «это те самые, которые ныне называют илоускими», говорится в хронике. Отмечается и наличие судоходства у илоу. Жилища илоу находились среди гор и лесов. Они были углублены в землю: «обычно живут в ямах. Большие семьи углубляются на девять ступеней и чем больше, тем лучше». Летом илоу ходили голые, «только лоскут ткани в 1 чи (0.32 м, — *А. О.*) прикрывает их спереди и сзади, чтобы скрыть тело. Зимой они намазывали тело свиным жиром, толщиной в несколько слоев, чтобы защититься от ветра и мороза». Главным оружием илоу служил лук: «их луки длиной в 4 чи (1.3 м, — *А. О.*). Силой превосходят самострелы. Стрелы делают из дерева ку, длиной в 1 чи (0.32 м, — *А. О.*). Наконечник стрелы делается из темного камня... Искусно стреляют из лука. Стрелки, когда стреляют в людей, всегда попадают. Так как стрелы намазывают ядом, то люди, в которых попадут, все умирают».

Общественный строй илоу не выходил за пределы первобытно-общинных отношений («люди большей частью храбрые и сильные. Не имеют больших правителей, но каждое поселение имеет главу»).

Таким образом, у илоу не было общего властителя, и они жили независимыми друг от друга родовыми общинами. Но это не мешало успешно обороняться от пытавшихся поработить их соседей.

В «Саньгочжи» содержатся интересные сведения, характеризующие отношения илоу с соседними народами и их политическую историю. Со времени династии Хань, говорится в летописи, фуюйцы подчинили их себе и обложили тяжелыми податями. В период Хуан-чу (222—226 гг.) они восстали против поработителей. «Фуюй несколько раз ходили против них карательными походами. Хотя их народ, обитающий в непроходимых горных местах, и малочислен, люди соседних стран боятся их луков и стрел и в конце концов не могут покорить». Более того, сами илоу, бесстрашно плавая на судах по морю, наводили страх на соседей: «вторгаются и грабят, отчего соседние страны страдают».[1]

На севере с илоу соприкасались другие племена, о жизни которых дают представление археологические памятники, найденные в долине Амура у Хабаровска. Памятники эти рассказывают о жизни тех племен, которые позднее вошли в историю Дальнего Востока под именем мохэ китайских летописей. Они рисуют, хотя и отрывочную, но в целом вполне определенную картину такого же, как в Приморье, постепенного прогрессивного развития культуры местного населения от камня к металлу, от охоты и рыболовства к земледелию и скотоводству, от материнского рода к отцовскому, а затем и вообще от первобытной родовой общины к государству.

На одном из поселений у Хабаровска, в нижнем культурном слое, сохранились следы поздненеолитической культуры в виде землянок, на дне которых найдены грубые лепные сосуды, покрытые снаружи оттисками, имитирующими грубую ткань или рогожу. Выше залегают остатки более развитой керамики, в том числе чаши в виде двух конусов, соединенных вместе вершинами, и больших высоких сосудов с узким днищем, таким же горлом и сильно отогнутым широким блюдцеобразным венчиком. Сходные по форме сосуды распространяются в конце I тысячелетия до н. э. и в соседних странах Дальнего Востока, вплоть до Японских островов, где они носят название сосудов типа *яёи*.

---

[1] Сведения об илоу из «Саньгочжи» заимствованы по переводу с китайского текста летописи, сделанного Э. В. Шавкуновым и В. Е. Ларичевым.

Одновременно постепенно выходят из употребления древние каменные орудия и начинается, повидимому, местная обработка металла. По крайней мере, на поселении этого времени у с. Малмыжского оказались капли меди — следы плавки этого металла.

Обнаруживаются и очень характерные черты верований, погребального ритуала. На том же поселении у Хабаровска, где оказались сосуды типа яёи, обнаружены и остатки одновременных разрушенных погребений, в которых кости людей находились в больших глиняных сосудах, соединенных друг с другом горлами.

Все эти новые черты материальной культуры и быта, связывающие Приамурье с соседними странами Дальнего Востока, замечательны тем, что указывают на еще более важные и глубокие перемены в жизни племен Дальнего Востока. Именно в это время здесь повсюду распространяется скотоводство и земледелие, материнский род сменяется отцовским, усиливается обмен, крепнут связи с другими странами, в первую очередь с Китаем, содействующие разложению первобытно-общинного уклада. Намечаются первые признаки имущественного неравенства. Вырастает прослойка местной патриархально-родовой аристократии, складываются экономические предпосылки для возникновения в дальнейшем местных государственных образований, сначала Бохайского царства, а вслед за ним, в самом начале следующего тысячелетия, — чжурчженьского, или цзиньского государства.

СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ н. э.

I тысячелетие н. э. в истории степных областей Сибири явилось временем возникновения и расцвета государственных образований тюркоязычных степных народностей. Возникший в середине VI в. тюркский каганат объединил различные племена Центральной Азии и восточной части Средней Азии, причем основным ядром его были алтайские тюрки. Во главе их государства стоял каган. Род кагана, вместе с знатью остальных племен, образовывал правящий слой тюркского *эля*, т. е. племенного союза. Свободные члены родов, т. е. основная масса кочевников, носили наименование *будун*. Были также клиенты и рабы. В целом общественный строй тюрков был патриархально-феодальным.

В условиях тесных связей с Китаем, Ираном и отчасти даже Византией древние тюрки достигли довольно высокого уровня культуры. Они имели собственную письменность с руническим шрифтом, хорошо приспособленным к фонетически точной передаче звуков тюркской речи. У них было своеобразное и богатое искусство.

За быстрым ростом тюркской степной державы скоро, впрочем, последовал ее упадок. В 558 г. тюркский каганат распался на две части, восточную и западную, а в середине VII в. тюрки подпали под власть Китая и утратили самостоятельность. Только после пятидесятилетнего китайского ига сделаны были первые попытки освободиться от него. Затем, по возвышении Гудулу-кагана (Кутлуга), вновь было воссоздано тюркское государство на Орхоне, где сохранились вещественные памятники этого государства, в том числе своеобразные политические декларации — знаменитые рунические надписи в память покойных ханов и близких им лиц, выдающихся деятелей тюркского государства.

В бассейне Енисея, выше Красноярска, во время существования первого тюркского, а затем орхонского государства и сменившего последнее — уйгурского каганата жили потомки хягасов — кыргызы, в прошлом носители европеоидного антропологического типа, но около начала нашей эры смешавшиеся с тюрками и постепенно целиком отуреченные.

Кыргызы жили оседло, в жилищах, крытых древесной корой. Они разводили скот, но одновременно занимались и земледелием: сеяли просо, ячмень, пшеницу, гималайский ячмень. Землю пахали сохами, железными лемехами, хлеб жали серпами, зерно мололи парными вращающимися жерновами. Поля орошались оросительными канавами.

В стране кыргызов существовала аристократия, владевшая большими стадами. Главой народа являлся *ажо*.

Высокого развития достигла обработка металла — железа, золота и олова; были искусные кузнецы, оружейники, ювелиры-художники, велась торговля с Китаем, с арабами и лесными племенами Сибири.

Как сообщают китайцы, в стране кыргызов большого развития достигла музыка. Народ любил зрелища циркового характера, с участием акробатов, наездников-виртуозов, а также дрессированных животных. Китайцы упоминают, например, верблюда и льва, обученных для цирковых выступлений.

Кыргызские ювелиры оставили после себя замечательные образцы своего мастерства в виде найденных в могилах знатных кыргызов драгоценных изделий. С особенной любовью изображали они живые охотничьи сцены: лошадей, распластанных в летучем галопе, натянутые до ушей стрелка луки и разбегающуюся в паническом страхе дичь. Такие же рисунки уцелели и на скалах Минусинского края, где, кроме воинов, лошадей, всадников, охотничьих и военных сцен, появляются странные фигуры жрецов или сакральных вождей в длинных мантиях, с жезлами в руках, а также удивительно жизненно схваченных с натуры дерущихся самцов — верблюдов и даже барсов с дубинами в лапах.

Социально-политический строй кыргызов и их культура были близки к строю и культуре других тюрков. Рядом с кыргызами на Енисее и в соседних районах обитали различные другие, не тюркоязычные племена, жившие в лесах, занимавшиеся охотой, рыболовством и отчасти скотоводством. Племена эти стояли на значительно более низком культурном уровне, чем кыргызы. Таковы, например, дубо́ — вероятные предки позднейших тубаларов и тофаларов (карагасов). Им могли принадлежать пещерные стоянки и многочисленные городища в районе Красноярска, к востоку от него, а также писаницы, исполненные красной краской, найденные на рр. Мане и Бирюсе. Среди других племен, соседних с кыргызами, упоминаются также курыканы (гулигани китайцев, кури или фури арабских источников). Курыканы жили вокруг Байкала — в низовьях Селенги, по Ангаре и верхней Лене.

Большая часть остатков многочисленных укреплений-городищ вокруг Байкала относится к курыканскому времени, о чем свидетельствует находимая на них характерная керамика — обломки грубых сосудов с плоским дном. Найденные на о. Ольхон многочисленные могилы курыканов имеют вид конических юрточек из плит гнейса; там, где не было плитняка, хоронили мертвых в обычных грунтовых могилах.

Подобно кыргызам, курыканы разводили лошадей, коров и верблюдов; сеяли хлеб, владели руничесой письменностью и имели искусство, близкое к искусству кыргызов и алтайских тюрков.

Важнейшим средоточием памятников курыканского искусства являются писаные скалы у дер. Шишкино на верхней Лене, где изображены лошади в летучем галопе, всадники с знаменами в руках, на богато украшенных султанами и подшейными кистями конях и верблюдах. Как эти рисунки, так и целые охотничьи и военные сцены, изображенные на ленских скалах, имеют много общего с искусством енисейских кыргызов и алтайских тюрков I тысячелетия н. э.

Курыканы враждовали с орхонскими тюрками и находились в дружественных связях с их врагом — Китаем.

Из страны курыканов, самых северных в то время тюрков, должны были выйти тюркские предки якутов — сахаларов. Последние впервые покинули Прибайкалье до X—XIII вв. н. э., ибо в это время здесь уже распространяются ранние монгольские переселенцы, хотя позднее на север по Лене ушла новая тюркоязычная группа, очевидно, и давшая якутам их самоназвание — саха.

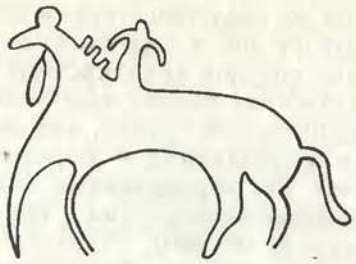
К югу от курыканов, в бассейне р. Селенги, располагались, повидимому, селенгинские уйгуры, соседившие с орхонскими тюрками. После этих селенгинских уйгуров остались многочисленные керексуры, т. е. каменные курганы с прямоугольными или круглыми оградками и сопровождающими их дополнительными сооружениями в виде кругов и конских могил. Как показали работы антропологов, черепа из керексуров, как и более ранние находки из плиточных могил, характеризуются высоким и плоским лицом и слабо выступающими носовыми костями. Они отличаются брахикранией, покатым лбом и сильно развитым надбровьем.

В то время как в степях Забайкалья происходило возвышение хуннов, а на Енисее появлялись зачатки кыргызской государственности и складывались государства других тюркоязычных народностей, у их северных соседей — племен тайги и тундры — продолжали развиваться своя культура и социальные отношения, хотя процесс формирования проходил и не так быстро, как у степняков. История отношений степных племен с лесными была очень сложной и до конца еще не выяснена.

Во всяком случае несомненно, что лесные племена на протяжении тысячелетий устойчиво сохраняли свой самобытный облик, но вместе с тем испытывали ускоряющее, прогрессивное влияние связей со степью. Особенно глубоким по своим последствиям оказалось влияние связей со степными племенами на культуру лесных племен в тайге северо-западной Сибири. Уже к концу I тысячелетия до н. э. в Приобье все чаще встречаются степные изделия из бронзы. В свою очередь и в выделке местных изделий заметно становится подражание привозным степным изделиям, выделываются, например, глиняные сосуды, в точности копирующие котлы скифского типа. Самым ярким примером взаимодействия местной, лесной, аборигенной культуры и степной являются замечательные ваходки в устье Полуя на Оби, где среди многочисленных находок с древнего жертвенного места оказались вещи скифо-сарматского типа, а также образцы искусства, сходные как с пьяноборскими образцами Приуралья, так и со степными скифскими, но относящиеся, как показал М. П. Грязнов, уже в более позднему времени, к половине и даже к концу I тысячелетия н. э.

Богатые данные, освещающие жизнь лесных племен средней Оби и их взаимоотношения со степняками, доставили многолетние исследования М. П. Грязнова в районе с. Большая речка, в местности Нижние Елбаны. М. П. Грязнов проследил здесь смену культурных этапов от андроновско-карасукского времени до XVII в. Как показали эти работы, жители средней Оби в I тысячелетии н. э. жили своей, особенной жизнью лесных охотников и рыболовов и создали собственную культуру, резко отличную от культуры степных племен. Наиболее ярко выражены эти отличия в памятниках VII—VIII вв. н. э. («фоминская культура»). Соседние с ними кочевники-тюрки, обитавшие в горах и степях Алтая, хоронили своих сородичей с полным набором боевого оружия, в том числе с саблей и с оседланным конем. При похоронах обязательно резали барана и клали в могилу его курдюк. Глиняной посуды в этих кочевнических могилах нет. Лесные племена, носители фоминской культуры, напротив, лишь в ред-

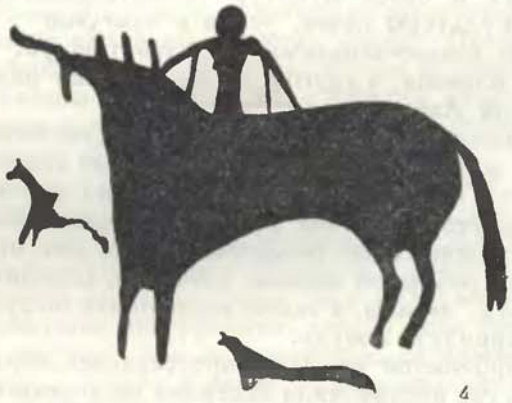
1



3

2

5



4

Наскальные изображения

1, 2 — Минусинский край (VII—IX вв. н. э.); *3, 4, 5* — Прибайкалье, сел. Шишкино (VI—X вв. н. э.)

ких случаях снабжали мертвых оружием и то охотничьим. В их могилах нет остатков домашних животных, а встречаются лишь глиняные сосуды со следами растительной или молочной пищи.

Таким образом, здесь рядом друг с другом существовали два культурных мира, разделенных только р. Обью: мир воинственных степных скотоводов и мир лесных охотников-рыболовов. Замечательно поэтому, что материалы из памятников фоминской культуры обнаруживают ближайшее сходство с материалами из памятников, оставленных лесными племенами, жившими не только в районах Томска, Ачинска и в долине р. Тары, но и в северной части Уральских гор и даже в бассейнах рр. Камы и Вятки. Сюда относятся, в частности, поясные бляхи и пряжки с изображениями медведя, известные в Приуралье с пьяноборского времени (около начала

нашей эры), подвески в виде птиц и литые плоские изображения «чудского типа». О том же свидетельствует и посуда, для которой характерно не плоское, а круглое дно и тщательно выполненный орнамент, напоминающий орнаментику сосудов ананьинского времени на Каме.

По физическому облику население лесной части средней Оби принадлежало к европеоидной группе, что еще более резко подчеркивает различие между ним и степняками — тюрками, монголоидными по расовому типу.

В IX—X вв. европеоидные оседлые носители фоминской культуры были вытеснены кочевниками с правобережья Оби, но продолжали жить к северо-западу от него, сохраняя свои древние культурные традиции, обычаи и образ жизни. Как полагает В. Н. Чернецов, взаимодействие между лесными и степными племенами на северо-западе Сибири выражалось не только в форме обмена или военных столкновениях, но и привело к появлению глубоко на севере новых насельников — степного происхождения, о чем свидетельствует само название остяков (*хан-тэ*, *хун-ты*), а также и их соседей вогулов (*мань-си*). Угры по языку, эти переселенцы оказали глубокое влияние на местные племена (металлургия, следы знакомства с лошадью в культе и фольклоре).

К концу I тысячелетия н. э. здесь начинается оформление двух близких по языку и культуре народностей — манси (вогулы) и хантов (остяки). Затем на территории Обь-Енисейского междуречья распространяются, как полагают, из Саяно-Алтайского района представители новой этнической группы — самоедские (самодийские) племена. В результате их прихода в Нарымском крае со временем образовалась еще одна народность, селькупы, соединившая в своей культуре с исконными самоедскими элементами элементы культуры кетов, угров и тунгусов.

Перейдем теперь из северо-западных областей Сибири, где обитали самоедские и угорские племена, в другой ее конец, в мир палеоазиатских племен северо-восточной Азии.

Примерно в то же самое время, т. е. к X в. н. э., как мы видели, большие события совершаются и на северо-востоке Сибири, где аналогичная роль носителей новых начал в культуре выпала на долю не угров и самоедов, а тюрков — предков якутов. К этому времени северные соседи якутов, жившие на средней и нижней Лене (вероятно предки юкагиров) уже перешли к широкому употреблению железа, хотя еще, повидимому, сохраняли каменные скребки, стрелы, а также выделывали по древним образцам круглодонную глиняную посуду.

Еще далее на северо-восток от Лены простиралась область древней приморской культуры, где веками жили охотники на морского зверя. Как и когда появилась здесь эта культура, еще неизвестно. Можно лишь только уверенно сказать, что ей предшествовала материковая культура бродячих охотников на северного оленя.

Древнейший этап приморской культуры, названный по первым находкам оквикским, а по находкам на Чукотке уэлено-оквикским, характеризуется наличием поворотных гарпунов, орнаментированных в особом, прямолинейно-геометрическом стиле, сходных по форме и узору с гарпунами Курильских островов и северной Японии, где в эпоху неолита жили предки айнов. Затем эта культура прошла в своем развитии ряд дальнейших этапов, отраженных в богатом вещественном материале, собранном на территории Чукотского полуострова. Материал этот происходит из многочисленных древних поселений, расположенных вдоль Ледовитого океана, к востоку от Колымы и по берегам Берингова моря.

Поселения состояли из жилищ, углубленных в землю. Обитатели их, приморские охотники на морского зверя, вышедшие в значительной своей части из соседних районов Дальнего Востока (о чем напоминает

как более ранняя оквикская, так и позднейшая, криволинейная орнаментика), проявили удивительную стойкость и поистине неистощимую изобретательность в борьбе с природой. Отсутствие строительного леса они возместили широким применением китовой кости. Не имея больших запасов дров, они с успехом заменяли их тюленьим жиром, который применяли для отопления и освещения жилищ, используя жировые лампы из глины или камня. При отсутствии материала для деревянных или корьевых лодок они изобрели кожаные лодки. Полярные зверобои остроумно усовершенствовали гарпунную снасть, создав гарпун поворотного типа. Они развили с течением времени также ездовое собаководство. Исключительный интерес представляет оригинальное и богатое искусство этих древних арктических племен, выделяющееся в эпоху его расцвета на так называемом древнеберингоморском этапе фантастически пышным криволинейным орнаментом и реалистическими скульптурными изображениями животных, реже людей.

По материалам приморских поселений устанавливается постепенное изменение материальной культуры, развитие хозяйства и отчасти социальных отношений их обитателей. Первоначально оседлые приморские жители держались у берега, круглый год добывая моржей и тюленей. Позднее наблюдается возрастание роли китового промысла, в связи с чем следует отметить появление специальных гарпунов, развивается ездовое собаководство. Распространение рыболовных крючков и боласов для ловли птиц тоже, повидимому, указывает на улучшение способов охоты и рыболовства.

Возрастающее обилие добычи и развитие обмена с соседними племенами одновременно вели к переходу от древнего матриархально-родового к новому, патриархально-родовому укладу. Переход этот нашел свое отражение в фольклоре приморских племен Арктики, центральные сюжеты которого связаны (миф о Седне) с борьбой мужского и женского начала, с тем «всемирноисторическим по масштабам поражением женского пола», о котором писал Фридрих Энгельс.

Около полутора тысяч лет тому назад в эти отдаленные приморские области северо-восточной Азии, заселенные предками эскимосов, чукчей, коряков и камчадалов (ительменов), впервые проникает железо. Правда, племена Севера все еще жили в условиях господства техники и бытового уклада каменного века, но у них уже прочно вошли в быт специальные режущие инструменты, своего рода резцы, из железа. Железо они могли получать как с юго-запада, от нижнеленских племен, так и с юго-востока, с Амура и через Курильские острова.

На Амуре и вообще в южных районах советского Приморья исторические судьбы местных коренных племен в I тысячелетии н. э. очень своеобразны. Если в арктической области вдоль берегов Тихого и Ледовитого океана тысячелетиями господствовали отсталые формы хозяйства и общественного строя, здесь благодаря соседству с Китаем и Кореей весьма рано, еще в последних веках I тысячелетия до н. э., совершаются большие прогрессивные сдвиги. Уже к началу нашей эры распространяется железо, вытеснившее каменные орудия; местами в благоприятных естественных условиях возникает земледелие и скотоводство, усиливается обмен.

В Приморье и бассейне Амура, куда еще очень рано проникают тунгусские племена, а также в соседних областях не только происходит интенсивное смешение местных племен с аборигенами, но в конце I и начале II тысячелетия н. э. возникают собственные государственные образования местных племен.

Процесс классообразования начинается здесь еще в IV—V вв. до н. э. Как сообщают китайские летописи, обитавшие здесь племена мохэ давно

уже занимались земледелием и скотоводством. Из домашних животных они имели лошадь и свинью, из культурных растений разводили рис, просо, пшеницу. В стране мохэ добывали соль, гнали из риса водку. Мохэ продавали китайцам и корейцам речной жемчуг, целебные корни женьшеня, кречетов и соболей. Взамен они получали металлические изделия, посуду, ткани, в том числе шелковые.

Начиная с 471 г. н. э., завязываются постоянные культурно-политические связи мохэских племен с Китаем. С начала VI в. мохэские посольства регулярно посещают китайский двор, а часть племен мохэ подпадает под власть Китая и выплачивает дань. Подчиняя отдельные мохэские племена, китайский двор опирался на их родоплеменную верхушку. В китайских летописях особо отмечен один из мохэских вождей — Тудики, который добровольно подчинился Китаю со своим племенем, за что и получил важный гражданский чин и знак власти в виде золотой печати на бордовом шнуре, а также парадное одеяние — шляпу и пояс. Тудики «полюбил» обычаи Срединного государства и неизменно проявлял преданность императору, а последний за то благоволил к нему и щедро отдаривал его узорчатыми шелковыми тканями. Сопровождая императора в походах, Тудики при каждой боевой удаче получал награды и титулы.

Большое значение для дальнейшего развития культуры и возникновения местной государственности в стране мохэ имели события в соседней с ней Корее.

В 668 г. вспыхнула война между корейским княжеством Гаоли и Китаем. Гаоли было разгромлено, множество народа было истреблено, многие же корейцы бежали на север, за о. Тумень-Ула, где и поселились среди мохэ. Здесь они развивали земледелие, скотоводство и металлургию, насаждали высокую китайско-корейскую культуру. Под прямым влиянием этих событий у мохэских племен впервые возникает настоящее государство — Бохайское царство.

Основателем Бохайского государства летописи считают мохэского князя, вассала королевства Гаоли, Цици Чун-сяна, который, спасаясь от преследований китайских войск, укрывается под защиту неприступных гор. Усилившись, Цици Чун-сян объявляет свои земли княжеством Чжень, а себя князем, приняв титул Чжень-го-гуна. Сын его, Цзо-жун, значительно расширяет свои владения и в 699 г. объявляет себя королем государства Чжень.

Разбив в 712 г. войска китайского императора Жуй-цзуна, Цзо-жун принимает титул Бохай-цзюнь-вана, т. е. удельного князя Бохая, по названию завоеванного им древнего китайского округа Бохай, давшего имя целому государству.

Первоначально это государство охватывало еще незначительную территорию, протяжением около 1000 км на запад от моря, а страна не имела правильного административного деления.

В VIII—IX вв. Бохайское царство значительно расширилось, выросло как в культурном, так и в политическом отношении и превратилось в могущественное по тому времени государство. На юге оно достигало середины Кореи, на востоке — океана, включая нынешние районы Владивостока и Ворошилова, на западе — Нингуты, на севере его граница доходила до Амура.

Сельское население Бохая возделывало гаолян, бобы, хлебные злаки, разводило скот, занималось различными промыслами. Существовали города, являвшиеся центрами административного управления и культурной жизни. Бохайцы имели 5 столиц, 15 областных и 60 окружных городов.

Один из крупных областных центров Бохайского царства, главный город области, Шуайбинь, находился на месте нынешнего города Ворошилова.

Город Шуайбинь был обнесен земляным валом с бастионами и рвами. Внутри находились здания со стенами, сложенными из хорошо обожженных кирпичей красного и темносерого цветов, крыши зданий нередко покрывались черепицей и были богато украшены узорными керамическими плитками с растительным рисунком, в том числе стилизованными цветами лотоса. На коньках крыш помещались скульптурные головы драконов.

Бохайское государство имело прочный административный аппарат. Во главе государства стоял правитель с титулом князя. Ему подчинялись два министра, правый и левый, каждый министр возглавлял по три департамента. Согласно китайскому обычаю, чиновники являлись ко двору со знаками достоинства в виде серебряных или золотых рыбок. Военное управление осуществлял совет военачальников. Надежной опорой внешнеполитического влияния и независимости Бохая были армия и флот.

Статуя чиновника. Окрестности г. Ворошилова-Уссурийского. VIII—XI вв. н. э.

Китайский двор стремился держать правителей Бохая под своим влиянием. Но на самом деле вассальная зависимость Бохая от китайского императора не простиралась далее формальной инвеституры его правителей. Правители Бохая утверждались императором Китая в своем титуле и получали от него впоследствии почетное посмертное имя.

Лестные для варваров китайские титулы поднимали престиж правителя Бохая среди подданных и усиливали его влияние на соседей.

Однако и эта формальная зависимость от китайского двора продолжалась недолго. Уже сын основателя Бохайского государства Цзо-жун разбил китайские войска и объединил под своей властью ряд соседних племен. Китайский император Жуй-цзун вынужден был отправить в 713 г. в Бохай послов и признать за Цзо-жуном титул владетельного князя, властителя «великого поморского государства» — Бохая.

С Бохаем было связано не только возникновение собственного государства дальневосточных племен, но и расцвет цивилизации. Бохай слыл у китайцев страной просвещения и ученых.

Бохайское царство было уничтожено киданями, кочевыми первоначально племенами, возвысившимися в первой половине IX в.

Между 922 и 924 гг. вождь киданей Амбагянь, основатель династии Ляо, разбил бохайскую армию и захватил западную часть страны, тогда как на северо-востоке Маньчжурии, на юге Уссурийского края, сохранялись независимые владения бохайцев.

К XI в. государство Ляо было, однако, сильно расшатано внутренними беспорядками. На смену ему появляется новое государственное образование, созданное чжурчженями. Чжурчжени, народ тунгусо-маньчжурского происхождения, входивший в состав мохэских племен, издавна обитали в северной Маньчжурии и соседних с ней районах Дальнего Востока. Они занимались земледелием, разводили домашний скот; немаловажное место в их жизни принадлежало охоте. Они умело выслеживали зверей, добывали изюбров, приманивая их с помощью трубы из бересты, любили облавы. Жили чжурчжени уже не в первобытных землянках, а в надземных жилищах, отапливаемых печью, горячий воздух из которой проходил под широкими нарами-канами.

На теплых канах чжурчжени спали и проводили домашний досуг. Остатки таких жилищ, с канами, выложенными плитняком, встречаются во многих местах по Амуру и в Приморье. Согласно китайским источникам, у чжурчженей имелись рабы. Внутри родов существовали резкие различия. Выделилась знать. При похоронах знатных людей сжигали живыми рабов, любимых слуг и служанок.

Князья чжурчженей постоянными завоеваниями расширяли территорию страны и увеличивали свое могущество. В 1113 г. во главе чжурчженей встал Агуда, основатель новой, цзиньской династии. Он бросил прямой вызов киданям, в зависимости от которых находились чжурчжени. В битве на р. Лалин он разбил киданей и поднял восстание, которое в конечном счете закончилось разгромом киданьского государства. В 1122 г. государство Ляо пало; остатки киданей ушли на запад, к Байкалу и далее, в Среднюю Азию, в Семиречье, где возникло новое каракитайское государство.

После смерти Агуды в 1123 г. его наследникам досталось огромное пространство, куда входили значительная часть Северного Китая, Маньчжурии и Монголии.

В цзиньское время наше Приморье было густо заселенной страной. Поблизости от бохайского города Шуайбина, взятого и разрушенного цзиньскими войсками, был построен город Фурдунчэн. Здесь сохранились монументальные надгробные сооружения в честь цзиньских князей, в том числе уцелели гранитные черепахи, на спинах которых были укреплены плиты с надписями и фигурами драконов. Многочисленные развалины древних укреплений, дорог, рудников этого времени встречаются в Приморье повсеместно.

Одним из самых выдающихся памятников средневековой истории Дальнего Востока является Краснояровское городище около г. Ворошилова. Начало этому городищу положили, видимо, бохайцы, а затем там жили чжурчжени.

Уже первые исследователи Уссурийского края не раз в удивлении останавливались перед древними оборонительными сооружениями высокой Краснояровской сопки на левом берегу р. Суйфуна против г. Ворошилова.

На протяжении почти восьми километров тянется здесь в соответствии с рельефом сопки оборонительный пояс древней крепости. Валы его и сейчас еще достигают 3—4, а то и пяти метров в высоту. Но всего тщательнее укреплена юго-восточная часть городища. За высоким валом в ней помещалась, очевидно, центральная часть городища, то место, где стояли дворцовые здания и храмы бохайцев, или скорее всего чжурчженей, обнесенные дополнительной высокой оградой. На месте этих построек сразу же под верхним почвенным слоем сплошь залегала черепица. Это были остатки крыш древних зданий, лежавшие в удивительном порядке. Среди массы черепиц уцелели местами и фрагменты изображений чудо-

вищных фантастических существ, украшавших угловые концы крыши зданий. Под слоем черепицы выступали большие глыбы тесаного камня, опоры для деревянных столбов, на которых держалась кровля.

Это был, следовательно, такой же «запретный город», город дворцов и храмов, какой имелся, например, в танской столице Чаньане, в столице бохайского царства около Нингуты на месте нынешнего г. Дунцзинчэна, или в позднейшем Пекине. Его архитектура тоже имела в основе резко выраженный отпечаток высокой китайской культуры. Да вряд ли могло быть иначе в то время, когда блестящий Китай танской эпохи был образцом и учителем для всех соседних стран дальневосточного мира. У китайцев учились, по китайским образцам строили дворцы и храмы не только в Бохае, но и в Корее и в Японии. Но тем интереснее, что в общей планировке «запретного города» на Краснояровской сопке имелась одна наиболее существенная и в высшей степени характерная черта, отличающая этот город от городов Бохая, а также от китайских городских центров танского времени в Китае. В бохайской столице у Нингуты и в танской столице Чаньане весь город был размещен на ровной плоскости и имел в плане вид правильного прямоугольника. Прямые улицы пересекали его с юга на север и с востока на запад и делили в шахматном порядке на квадратные блоки-кварталы. На Краснояровской же сопке план городища подчинялся естественным формам рельефа возвышенности. Кроме того, все здания «запретного города» размещались не на плоскости, а на специально срезанных для этой цели уступах возвышенности, расположенных ступенями, в виде террас. И здесь, следовательно, в планировке древнего города, отразились свои, самобытные традиции племен Дальнего Востока, черты их самобытного культурного творчества.

Бронзовое зеркало с изображением дракона. Приморский край. Сучан. XI в. н. э.

Древний город на Краснояровской сопке стал, однако, жертвой вражеского нападения. Удар был так стремителен, что защитники его не успели даже использовать запасы каменных ядер, которые так и лежат до сих пор целыми грудами на его стенах.

Из китайских летописей известно, что цзиньское государство стало жертвой монгольских завоевателей. Монголы Чингис-хана взяли штурмом цзиньские города, уничтожили их население и опустошили всю страну с такой жестокостью, что она с тех пор более уже никогда не могла оправиться.

Та грозная сила, которая с необыкновенной быстротой сокрушила могущественную империю чжурчженей, а затем устремилась на завоевание других стран, поднялась рядом с Амуром, в степях по Онону и Керулену.

Голова дракона (вид спереди и сбоку). Украшение на крыше здания. Окрестности г. Ворошилова-Уссурийского. VIII—XII вв. н. э.

К наиболее раннему моменту монгольской истории на нашей территории могут быть отнесены некоторые погребения в долине Селенги у дер. Зарубино. Они дают представление о жизни бедных кочевников-скотоводов и охотников, вооруженных луком и стрелами с железными наконечниками. Замечательна находка в этих могилах такого характерного музыкального инструмента степняков, как монгольский варган *хур*. Женщин провожали на «тот свет» с ножницами для стрижки овец. В аналогичных могилах на Лене, в устье Манзурки, при женщинах оказалась круглодонная глиняная посуда древних монголов, о которой говорят письменные источники XIII в. На ленских скалах уцелели резные изображения повозок, украшенных кистями, коврами и флагами. На рисунках эти повозки везут быки. Точно так же описываются в «Сокровенном сказании» повозки древних монголов XII—XIII вв.

Время расцвета монгольской империи отражено в Сибири такими археологическими находками, как известный «Нюкский клад» вблизи Кабанска на Селенге, где была найдена серебряная пайдза, богатые погребения на Часовенной горе у Красноярска и ряд погребений в Тунке, где найдены остатки луков сложного типа, серебряные кубки, остатки роскошных кожаных одежд, шитых золотом, украшения из золота и жемчуга, изделия, крытые китайским лаком, и бронзовые зеркала с узором из виноградных гроздьев и голубей. Все это — могилы монгольских нойонов, а вместе с тем прямые следы грабительских походов на культурные земледельческие народы того времени монгольских армий.

Как показал Л. П. Потапов, варварское господство завоевателей монголов отразилось и в археологических памятниках, относящихся ко времени монгольского господства на Алтае, но в совершенно другом плане. Алтайские памятники XIII—XIV вв. настолько бедны, что дают право сделать вывод о крайнем обнищании оставившего их населения, которое беспощадно эксплуатировали монгольские феодалы.

То же самое наблюдается, повидимому, и на Селенге, в ее среднем течении и низовьях. Вопиющая бедность находок в могилах массового типа, которые могут быть отнесены ко времени монгольской империи, настолько очевидна, что позднейшие грабители даже и не пытались их разрывать. И это в Забайкалье, где, независимо от размеров, нет ни одной сколько-нибудь выделяющейся на поверхности почвы могилы более раннего времени, которая не была бы затронута хищниками-гробокопателями.

События, связанные с возникновением монгольской империи, имели и другие не менее важные и глубокие последствия. В результате возвышения монголов, завоевательной и организационно-политической деятельности их императоров, происходят новые важные перемены во взаимоотношениях различных племен и народов Сибири.

Монголия отныне становится почти сплошь монгольской. Тюрки, за немногими исключениями, окончательно концентрируются с тех пор к западу от Саянских гор. Лесостепи Прибайкалья и до времен Чингиса в значительной части заселенные монголоязычными племенами: баргу-бурятами, хори, булагатами и ихиритами, смешавшимися с остатками древнего тюркского населения, становятся в XII—XVI вв. родиной бурятского народа.

В остальном же этнографическая карта Сибири со времен Чингисхана и до прихода русских в основном устойчиво сохраняет тот свой общий характер, который определился к концу I тысячелетия н. э.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СИБИРИ

В предыдущей главе были приведены данные об антропологическом составе древнего населения Сибири. Они могут быть резюмированы следующим образом. В эпоху верхнего палеолита, судя по имеющимся, (правда весьма еще скудным) материалам, Сибирь была заселена монголоидными по типу группами. Мы не располагаем еще данными, чтобы очертить границы распространения монголоидов в этот период и проследить, как далеко на запад простиралась область расселения монголоидного по типу палеолитического населения. Будущим исследованиям предстоит выяснить, захватывала ли эта область в тот период также юго-западную Сибирь или первоначальное заселение этой территории, равно как и обширных пространств к западу от Енисея, было связано с продвижением европеоидных по типу групп с юго-запада и запада.

Во всяком случае, область к западу от Енисея издавна была зоной смешения европеоидных и монголоидных типов. Последние проникали далеко в восточную Европу. В неолитическое и энеолитическое время границы между монголоидами и европеоидами в Сибири прослеживаются довольно отчетливо. Население лесной полосы в эту эпоху характеризуется, судя по палеоантропологическим материалам, выраженными чертами монголоидной большой расы.

В это же время Алтае-Саянское нагорье было областью распространения европеоидов; антропологический тип населения, оставившего памятники афанасьевской и андроновской культур, не вызывает никаких сомнений.

Европеоидные группы занимали степи Алтая и Минусинского края. лесная же полоса не только восточной, но и Западной Сибири продолжала оставаться областью широкого распространения монголоидных типов. Граница между ними отнюдь не была постоянной. Из степей Алтае-Саянского нагорья европеоидные группы продвигались, повидимому, довольно далеко на восток; европеоидная примесь обнаруживается, в частности, у неолитического населения тайги к западу от Байкала. В свою очередь монголоидные элементы проникали и в степные районы.

В дальнейшем удельный вес различных монголоидных типов среди населения юго-западной Сибири все более увеличивается. Это особенно сильно проявляется в таштыкское время. В конце I и начале II тысячелетия н. э. и в Алтае-Саянском нагорье монголоидные по типу группы почти полностью вытесняют древнее европеоидное население.

Белым пятном на карте антропологических типов древнего населения остается, к сожалению, и по сей день весь Дальний Восток, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что и эта территория была издавна заселена северными монголоидами. Однако сюда уже очень давно проникали, повидимому, и иные элементы, связанные с юго-восточной Азией Время и пути этого проникновения остаются пока совершенно неизученными.

Формирование антропологического состава современных народов Сибири происходило, как показывают данные палеоантропологии, преимущественно на основе древних монголоидных элементов. Однако непосредственная связь современных антропологических типов с древними прослеживается в большинстве случаев с большим трудом. Современные типы сложились в результате сложных исторических процессов, в которых отразились как различные этапы этнической истории отдельных народов, их взаимные влияния, смешения, перемещения, так и воздействие природной среды.

В последние столетия на образовании антропологических типов народов Сибири в значительной степени сказалась русская примесь, которая у ряда этих народов выступает очень заметно.

В целом коренное дорусское население Сибири характеризуется преобладанием монголоидных антропологических признаков и относится к различным вариантам монголоидной большой расы. Наиболее полно монголоидный комплекс выступает среди народов средней и Восточной Сибири. У различных народов к западу от Енисея отмечается заметное ослабление монголоидных особенностей за счет древней европеоидной примеси. Примесь немонголоидных типов обнаруживается также на тихоокеанском побережье, но здесь она имеет иное происхождение и связана с древним населением юго-восточной Азии и островов Тихого океана.

Исследования советских антропологов позволили выделить в составе дорусского населения Сибири несколько основных антропологических типов, исторически сложившихся на определенных территориях и представленных среди различных этнических групп.

В населении Западной Сибири преобладает антропологический тип, обозначаемый в литературе как уральский. По своим основным признакам он занимает промежуточное место между монголоидной и европеоидной большими расами.

Для уральского типа характерны прямые, но мягкие волосы, сравнительно светлая кожа, большой процент светлых и смешанных оттенков глаз, ослабленное, по сравнению с восточносибирскими типами, развитие эпикантуса (монгольской складки века) и, напротив, повышенный рост бороды. Уральский тип характеризуется, далее, низким ростом (около 160 см в среднем для мужчин), сравнительно невысоким и умеренно широким лицом; нос часто с вогнутой спинкой и приподнятым кончиком, губы тонкие, форма головы обычно мезокефальная (головной указатель 79—80).

Наиболее характерными представителями уральского типа являются манси и ханты; этот же тип представлен у селькупов, западных ненцев. Признаки уральского типа выступают также у шорцев, среди северных алтайцев, некоторых групп хакасов и сибирских татар. Следует отметить, что черты этого типа обнаруживаются и у населения к западу от Урала у народов Волго-Камья (у мари, удмуртов, коми-пермяков). Уральский тип представляет собой, таким образом, целую цепь переходных монголоидно-европеоидных форм, распространенных среди различных этнических групп как к востоку, так и к западу от Урала.

Исследования советских антропологов позволяют считать эти формы результатом смешения типов азиатского и европейского происхождения

и относить начало этого процесса смешения к древним этапам заселения человеком лесной полосы Западной Сибири.

Некоторое своеобразие представляет антропологический облик кетов. Обладая многими чертами уральского типа, кеты отличаются более темной пигментацией, менее значительным ростом бороды, сравнительно сильно выступающим носом, нередко с выпуклой спинкой, что создает впечатление некоторого сходства с типом североамериканских индейцев. Сходство это, однако, очень отдаленное и не может служить основанием, чтобы генетически связывать эти столь разные по происхождению типы. Характерные для кетов признаки обнаруживаются также и у некоторых других народов Западной Сибири (у тазовских селькупов, восточных ненцев), что позволяет выделить в составе уральского типа особый вариант, называемый иногда в литературе енисейским.

Восточной границей распространения уральского антропологического типа является Енисей. У народов к востоку от Енисея древняя европеоидная примесь, столь сильно дающая о себе знать в современном населении Западной Сибири, почти отсутствует. Среди дорусского населения северной части средней и Восточной Сибири распространен антропологический тип, известный под наименованием байкальского или палеосибирского. Последнее название указывает на большую древность этого типа, которая восходит, по крайней мере, к неолиту. Байкальский тип обнаруживает выраженно монголоидные особенности.

Для него характерны сильное развитие эпикантуса, исключительно слабый рост бороды, очень высокое, широкое и плоское лицо с сильно выступающими скулами, слабо выступающий нос с очень низким переносьем. У представителей байкальского типа, так же как и уральского, сравнительно мягкие волосы, светлая кожа, довольно значительный процент смешанных оттенков глаз, однако здесь это не может быть отнесено за счет европеоидной примеси: по другим, указанным выше признакам, байкальский тип никакого сближения с европеоидными формами не обнаруживает. Характерными особенностями байкальского типа являются тонкие губы и очень высокая, выступающая вперед верхняя губа. Форма головы сильно варьирует. Рост низкий (ниже 160 см в среднем у мужчин).

Байкальский тип характерен для различных групп эвенков и ламутов, ясно прослеживается у тунгусоязычного населения Нижнего Амура и Сахалина (негидальцы и ороки являются его типичными представителями), входит в качестве одного из компонентов в состав якутов.

Можно предполагать, что байкальский тип в полной мере был представлен среди юкагирских племен, в прошлом широко распространенных по всей северо-восточной Сибири и еще в XVII в. занимавших значительную территорию к востоку от р. Яны. Повидимому, байкальский тип и составлял основу древних, палеоазиатских по языку групп Восточной Сибири и областью его формирования были таежные пространства к востоку от Енисея.

Повидимому, в дальнейшем, когда значительная часть палеоазиатского населения была ассимилирована тунгусоязычными группами, продвигавшимися из более южных районов Забайкалья и верхнего течения Амура, байкальский тип вошел в состав эвенков и особенно ламутов, которые в большей степени, чем эвенки, сохранили черты этого древнего палеоазиатского пласта.

Сложные передвижения эвенкийских и ламутских групп, происходившие на протяжении многих столетий, сильно видоизменили картину прежнего распространения антропологических типов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Народы южной Сибири, говорящие на языках монгольской и тюркской группы, по антропологическому типу отличаются от своих северных соседей.

Археологические и палеоантропологические данные позволяют считать, что распространение тюркских и монгольских языков на этой территории связано с длительным процессом проникновения этнических групп из Центральной Азии. Местное население при этом не вытеснялось полностью и не истреблялось пришельцами, а смешивалось с ними, постепенно воспринимая тюркскую и монгольскую речь, но сохранив многие черты своего антропологического типа. В антропологическом типе тюркоязычных народов Западной Сибири до настоящего времени выявляются следы их смешанного происхождения.

Как уже указывалось, среди шорцев, северных алтайцев, отчасти хакасов преобладает уральский тип, который выступает также у чулымцев и некоторых групп западносибирских татар. Эти группы сохранили свой древний антропологический тип.

У тувинцев степных районов, у бурят, отчасти у южных алтайцев и у некоторых групп хакасов преобладает другой антропологический тип, описанный под названием центральноазиатского. Центральноазиатский тип обладает следующими характерными чертами: пигментация кожи, глаз и волос более темная, чем у байкальского типа, волосы несколько более жесткие, рост бороды более сильный, эпикантус развит значительно, лицо высокое и широкое, но менее уплощенное с несколько слабее выступающими, чем у байкальского типа, скулами, нос со сравнительно высоким переносьем, губы средней толщины. Форма головы сильно варьирует. Рост ниже среднего (162—164 см в среднем у мужчин). Характерной чертой центральноазиатского типа, отличающей его от байкальского, является более высокий череп. Термин «центральноазиатский тип» отражает основную территорию его распространения: указанный комплекс антропологических признаков характерен для населения северной Монголии, где и находилась, повидимому, основная область его формирования.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что у якутов, у которых отмечаются черты байкальского типа, преобладают все же признаки центральноазиатского типа. Это отражает процесс сложения якутского народа. Современное распространение центральноазиатского типа среди якутского населения бассейна Лены должно быть связано с теми переселениями предков якутов из более южных районов их первоначального обитания, которые хорошо прослеживаются на археологических и этнографических материалах и запечатлены в языке якутов, относящемся, как известно, к тюркской группе.

На средней Лене тюркоязычные предки якутов смешались с древним населением этой территории, которое по своим антропологическим особенностям относилось, как мы уже указывали, к байкальскому типу. В результате ассимиляции доякутского населения протекало смешение более древнего в бассейне Лены байкальского типа с центральноазиатским. Эти оба типа и представлены среди современных якутов.

Буряты характеризуются особенностями центральноазиатского типа, причем среди них ясно выделяются два варианта — забайкальский, общий с монголами и отличающийся брахикефалией и низким черепом, и ангароленский, мезокефальный, с довольно высоким черепом. Северо-западные буряты и якуты антропологически наиболее близки друг к другу, что указывает на западное Прибайкалье как на область первоначального расселения предков якутов.

Имеются некоторые данные, свидетельствующие о наличии черт центральноазиатского типа среди южных групп эвенков, в частности у эвен-

ков Забайкалья (напомним, что для большинства эвенков характерен байкальский тип).

Сложение эвенков, как и всякого другого народа, — сложный процесс смешения различных по своему происхождению элементов. Древний байкальский тип составляет лишь один из компонентов их этногенеза. Другой компонент, если исходить из данных антропологии — наличия в составе эвенков центральноазиатского типа, связан своим формированием с более южной территорией. Вхождение этого компонента в качестве основного в состав бурят, якутов, северных монголов хорошо согласуется с устанавливаемой лингвистами известной близостью тунгусских языков с тюркскими и монгольскими.

Современное население Приамурья в антропологическом отношении представляет собой пеструю картину, соответствующую тем сложным этническим взаимоотношениям и межплеменным переплетениям, которые характерны для народов этой области.

Антропологический тип нивхов обладает рядом специфических признаков, отличающих его от других монголоидных типов Сибири. Ему свойственны следующие черты: сравнительно темная пигментация кожи, глаз и волос, довольно жесткие волосы, притом иногда волнистой формы; эпикантус развит сильно, что в сочетании со значительным, по монголоидному масштабу, ростом бороды, создает заметное своеобразие. Лицо у нивхов очень высокое и широкое, с довольно сильно выступающими скулами. Нос слабо выступающий, с низким переносьем. Губы толстые. Форма головы у амурских нивхов мезокефальная, у сахалинских — резко брахикефальная (головной указатель 85). Рост ниже среднего (160—161 см в среднем у мужчин).

В антропологическом типе нивхов несомненно сказывается влияние айнской примеси, однако объяснить своеобразие этого типа только за счет этой примеси и рассматривать его как результат смешения байкальского и айнского типов не представляется возможным: по целому ряду существенных признаков он отнюдь не занимает промежуточного места между ними.

Описанный антропологический тип заслуживает особого места в классификации и может быть назван по его локализации амуро-сахалинским. Он в наиболее выраженной степени представлен, как указывалось, у сахалинских и амурских нивхов, но входит также в качестве заметного компонента в состав ульчей и отчасти орочей.

Можно предполагать, что в прошлом этот антропологический тип был более широко распространен и что древнее палеоазиатское по языкам население бассейна нижнего Амура до распространения здесь тунгусоязычных групп принадлежало именно к этому типу. Наиболее прямыми потомками этого древнего населения и являются нивхи, язык которых представляет собой последний осколок древних языков Приамурья.

Ороки Сахалина и особенно негидальцы характеризуются выраженными чертами байкальского типа. У них по сравнению с их соседями нивхами пигментация кожи, волос и глаз значительно светлее, волосы довольно мягкие, борода растет очень слабо, лицо еще более плоское, с резко выступающими вперед скулами, переносье очень низкое, губы значительно тоньше. И негидальцы и ороки отличаются очень низким ростом (155—156 см в среднем для мужчин).

Все отмеченные отличительные признаки сближают негидальцев и ороков с ламутами, от которых они разнятся главным образом формой головы (ороки и негидальцы брахикефальны).

Ульчи по своим антропологическим признакам занимают промежуточное место между негидальцами и нивхами, обнаруживая очень ясно черты смешения байкальского и сахалино-амурского типов.

Байкальский компонент прослеживается в составе орочей и нанайцев. У последних можно предполагать и наличие северокитайского антропологического компонента (лицо у нанайцев менее широкое и плоское, пигментация, повидимому, темнее, губы толще).

В целом в антропологическом составе народов нижнего Амура и Сахалина довольно отчетливо отражаются основные этапы их этнической истории.

Древнее, палеоазиатское, население этой территории относилось к амуро-сахалинскому типу.

Современное распределение байкальского типа среди народов Амура и Сахалина указывает на его более позднее, по сравнению с амуро-сахалинским типом, появление на рассматриваемой территории и связывается с распространением тунгусоязычных народов.

Айнские элементы в антропологическом типе нивхов и отчасти других народов Приамурья бесспорны, но время и пути проникновения сюда этого компонента остаются пока неясными. Его не обязательно связывать с айнами Сахалина; возможны более древние связи палеоазиатского населения Амура с айнскими (в антропологическом смысле) южными элементами.

Народы северо-восточной Азии — палеоазиаты и эскимосы — относятся в основном к антропологическому типу, обозначаемому в литературе как арктический или эскимосский.

Эскимосский тип обнаруживает американоидные черты и отличается сравнительно слабым развитием эпикантуса, резко очерченным носом со сравнительно высоким переносьем и прямой, а часто и выпуклой спинкой, усиленным, по сравнению с сибирскими монголоидами, ростом бороды. Для него характерны также смуглая кожа, темные глаза, почти без примеси смешанных оттенков, и тугие волосы иссиня-черного цвета. Лицо очень высокое, широкое, но не столь уплощенное, как у байкальского типа; губы сравнительно толстые. Форма головы обычно мезокефальная. Рост ниже среднего (162—163 см в среднем у мужчин).

Эскимосский тип характерен не только для азиатских эскимосов, но и для береговых чукчей и коряков и отчасти ительменов. У последних, кроме заведомой русской примеси, можно предположить наличие и айнских элементов.

Оленные чукчи и коряки обнаруживают в своем типе своеобразные черты. У них, по сравнению с береговыми, эпикантус развит сильнее, борода, напротив, растет слабее, пигментация более светлая, волосы менее жесткие. По этим признакам они отличаются от эскимосского типа и приближаются к байкальскому. Однако по другим признакам оленные чукчи и коряки не занимают такого промежуточного положения. Лицо у них, по сравнению и с эскимосским и с байкальским типами, менее высокое и широкое; характерен более широкий нос с сильно выступающими крыльями. Г. Ф. Дебец называет этот тип камчатским и сближает его, по характерному сочетанию широкого носа с небольшими размерами лица, с южными монголоидными типами.

Древнее проникновение на Чукотский полуостров и Камчатку антропологических элементов южного происхождения представляется вполне вероятным. На южные элементы в древних культурах Берингова моря указывали многие авторы.

В целом для чукчей и коряков характерен эскимосский тип. Формирование эскимосов, чукчей и коряков протекало в общем на единой антропологической основе. В составе оленных групп наблюдаются черты байкальского типа. Это не следует относить только за счет возможной, но сравнительно поздней примеси ламутов; проникновение континентальных

элементов на побережье Берингова моря датируется более ранним временем и связано с дотунгусским населением внутренних районов северо-восточной Азии.

Мы привели характеристику основных антропологических типов Сибири и проследили распространение их среди современных этнических групп этой территории. Изучая карту антропологического состава населения, сопоставляя современные антропологические типы с антропологическими типами предшествующих эпох, мы ищем и часто находим ответ на столь существенные вопросы, как вопрос об автохтонном развитии или пришлом происхождении рассматриваемых групп, о направлении происходивших переселений, о характере имевших место смешений.

В антропологическом составе того или иного народа отражен длительный путь его исторического развития, и антропологический материал служит нам, наряду с данными этнографии, археологии, языкознания, важным источником для освещения основных этапов этнической истории народа.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

ОТКРЫТИЕ И ОСВОЕНИЕ СИБИРИ

Сибирь была открыта для европейского мира русскими людьми. Первыми, проникшими на ее территорию, были смелые и предприимчивые новгородцы, которые уже с XI в. вступили в общение с различными этническими группами сибирского населения, известными в то время под обобщенным наименованием «югры» (Новгородская летопись под 1096 г. сообщает: «Югра же людье есть язык нем, и соседять с самоедью на полуночных странах»).

Важнейшей причиной, побуждавшей русских людей к географическим открытиям, были экономические интересы — стремление расширить сферу хозяйственной деятельности за счет вновь открытых земель, расширить сношения с соседними странами, развить торговлю, вовлекая в нее вновь открытые области.

К. Маркс особенно подчеркивал прогрессивность исторической роли древнего Новгорода. «В X веке его торговля, — писал Маркс, — распространялась до Константинополя, а в XII веке его корабли ходили в Любек; его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство».[1]

Наиболее раннее известие о хождении новгородцев в Югру относится к 1032 г. В XI в. Новгород достаточно прочно овладел Печорским путем в Югорскую землю, а в конце века русские уже побывали за Уральским хребтом. Поездки новгородцев в Югру продолжались и в XII в. В это время население Югры платило новгородцам дань (в летописях она обычно именовалась «югорщиной») в виде звериных шкур, «рыбьего зуба» (моржового клыка), а также «узорочья» (вероятно, различных украшений). Примерно с 1264 г. Югорская земля официально числится в числе новгородских волостей, как это устанавливается из договорных грамот между новгородцами и новгородскими князьями. Из одного летописного сообщения видно, что новгородцы побывали «по Обе реки до моря» в 1365 г.

[1] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, 1946, М., стр. 156.

Со времени включения Новгорода в состав централизованного Русского государства (1487 г.) заботу о сношениях с Югрой, о развитии и укреплении экономических и культурных связей русского народа с Сибирью, а также охрану государственных интересов берет на себя Москва — центр Русского государства. В XV—XVI вв. очаги русской народной культуры возникают в Печорском крае, где появляется ряд сел и слободок (Ижемская, Усть-Цилемская, Пустозерск и др.), население которых налаживает торговлю с самоедами, остяками и вогулами.

Московское правительство снаряжает во второй половине XV в. три похода за Урал.

Первый поход был совершен в 1465 г. при царе Иване III. Возглавлял поход устюжанин Василий Скряба. В составе его отряда были «хотячие люди, а также вымичи и вычегжане». В результате этого похода Василий Скряба и его люди «Югорскую. . . землю за великого князя привели, а князей югорских, Калпака да Течика, к великому Ивану Васильевичу и на Москву привели, и князь великий их пожаловал Югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую». В 1483 г. была снаряжена новая экспедиция в Югру. На этот раз во главе экспедиции были воеводы «князь Федор Курбский Черный да Иван Иванович Салтык Травин, а с ними устюжане и вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки». Из сообщения летописи следует, что экспедиция побывала на рр. Пелыме и Тавде, прошла по Иртышу, с Иртыша продвинулась на «Обь реку великую», в Югорскую землю.

Окончательное включение Югорской земли в состав Московского государства совершилось лишь в 1499—1500 гг., после третьей военной экспедиции в Югру, состоявшей из 5 тысяч устюжан, вятчан и двинян. Разрядные книги, описывающие этот поход, содержат сообщение о том, что экспедицией командовало трое воевод — Курбский, Ушатый и Заболоцкий-Бражник.

По свидетельству Герберштейна (начало XVI в.), русские регулярно бывали в Югре для сбора ясака и торговли. По его же сведениям, ясак платили как вогулы и остяки, так и «самоядь».

Из сообщений иностранцев следует, что русские люди хорошо знали морской путь от Архангельска и Печоры в Обскую губу и устье Енисея по крайней мере уже с начала XVI в. Поэтому вполне естественно, что в беседе с английским послом Е. Боусом 24 октября 1583 г. царь Иван Грозный упоминал об Оби и Енисее: «а те места в нашей земле от Двинского устья от морского пристанища с три тысячи верст».[1] Возможно, что русские легкие суда — кочи — плавали в то время и дальше, на что указывают предания русско-устьинцев, одной из древнейших в Сибири групп русского населения, живущей в устье Индигирки. Предания эти, зафиксированные в документе 30-х годов XIX в., а также в документах конца XIX в., говорят о том, что предки русско-устьинцев приплыли сюда на кочах и поселились здесь при Иване Грозном. В составе этих ранних пришельцев предания называют и русских дворян. Насколько это верно, трудно сказать, но известно, что среди русско-устьинцев сохранились фамилии (Чихачевы, Киселевы и др.), которые носили при Иване Грозном некоторые именитые бояре и дворяне.

Плавания ранних русских мореходов по арктическому побережью носили каботажный характер. Плавали на кочах — небольших по грузоподъемности (6—7 т) и мелкосидящих плоскодонных судах. Русские поморы и коми (зыряне) уже в XVI в. имели поселения далеко на северном побережье Си-

[1] Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией, II. Русский исторический сборник, XXXVIII, 1883, стр. 112.

бири. Это известно во всяком случае для правобережья Тазовской губы, Мангазеи, где затем (1601 г.) был построен по указанию Московского правительства Мангазейский острог, быстро сделавшийся крупным и оживленным торговым центром северо-западной Сибири и получивший в то время наименование «златокипящей государевой вотчины». Однако такое значение Мангазея сохраняла только до начала 20-х годов XVII в. В 1619 г. Московское правительство издало указ о закрытии мореходства по северному мангазейскому пути и торговли в Мангазее. Поводом для этого послужило ходатайство тобольского воеводы, который, ссылаясь на сообщения местных русских мореходов о появлении иностранных кораблей, просил запретить плавание по этому пути иностранным кораблям. Царь Михаил Романов отнесся к этому ходатайству с большим вниманием и в целях предосторожности поступился северным морским путем в Сибирь и торговлей в Мангазее. Серьезные основания для такого опасения, конечно, имелись. Сибирь в то время была уже хорошо известна прежде всего своими пушными богатствами, что не могло не привлекать к ней внимания западноевропейских государств, стремившихся к приобретению колоний. В Москве хорошо было известно о том повышенном интересе, который проявляли иностранцы к различным известиям о Сибири в XVI и начале XVII в., особенно к путям, ведущим в нее. Следствием этого интереса явились экспедиции англичан Гуго Виллоуби, Стефана Борро, Артура Пита и Чарлза Джекмена, голландцев Виллема Баренца, Ван-Керговена, Яна Мая и ряда других. Все эти экспедиции имели целью открыть путь в Китай через Сибирь, и не только открыть, но и закрепить его за собой. Правда, ни одна из этих экспедиций не выполнила тех задач, которые на них возлагались, — северный путь в Китай открыт ими не был. Более того, западноевропейским мореплавателям не удалось достигнуть даже устья Оби. Поэтому уже в 1608 г. английская Московская компания прекратила финансирование арктических экспедиций. Причины неудачного исхода западноевропейских экспедиций были в свое время вскрыты М. В. Ломоносовым, который указывал, что западные мореплаватели «не имели достаточного знания натуры, ниже ясного воображения предлежащей дороги», т. е. тех практических знаний, которыми были вооружены русские арктические мореплаватели. Однако всякие новые попытки иностранцев проникнуть в воды северного побережья Сибири вызывали обоснованную настороженность в русских правительственных кругах. Да и сама идея открытия северного морского пути в Китай не была чужда русским царям. Известно, например, какое значение этому придавал Иван Грозный.

Меры, принятые московским правительством по отношению к северному морскому пути, разумеется, надолго затормозили развитие русского сибирского Севера. После закрытия «морского хода» Мангазея переживала большой экономический и культурный упадок.

Археологические раскопки и открытия на восточном берегу Таймыра в зал. Симса и на северном острове Фаддея в 1940—1945 гг. установили, что кочи русских поморов ходили с товарами в первых десятилетиях XVII в. по самому трудному участку северного морского пути, огибая полуостров Таймыр. Археологические материалы упомянутых раскопок устанавливают высокий уровень культуры русских мореходов того времени.[1] Торгово-промышленные экспедиции были хорошо снаряжены, участники их были грамотными людьми, пользовались солнечными часами и компасом. Они рассчитывали поездки на длительные сроки, учитывая

[1] А. П. Окладников. Русские полярные переходы XVII века у берегов Таймыра. М.—Л., 1948.

необходимость зимовки. Досуг свой во время зимовок проводили за шахматами. Представление о морских русских походах периода открытия Сибири как о случайных, рассчитанных на авось, участники которых «шли, как слепые, без компаса, без карт, без всякого морского опыта, на неуклюжих кочах, сшитых из грубо отесанных досок древесными корнями и как бы заранее предназначенных для кораблекрушения»,[1] решительно опровергается богатым документальным археологическим материалом. Сопоставление этого материала с известиями иностранцев позволяет установить подлинный облик русских мореходов как опытных арктических мореплавателей, предпочитавших плавание на кочах не вследствие отсталости русского старинного судостроения, а вследствии большей их приспособленности к специфическим условиям арктического плавания.

Сибирь была открыта русскими людьми за много веков до включения ее в состав Русского государства, а название «Сибирская земля» встречается в русских летописях с 1407 г. Это было одним из крупнейших мировых географических открытий. Первооткрыватели быстро завязали экономические и культурные связи с населением открытой ими части Европы и Азии и устраивали там свои поселения, оказывая благотворное влияние на культуру и быт исконных обитателей Севера. Крайне отсталое население северо-западной Сибири занималось охотой, рыболовством и оленеводством. Сибирские племена весьма нуждались в русской продукции, особенно в железных изделиях, и охотно отдавали за них пушнину, что зафиксировано летописью; она повествует о «немом обмене» русских с жителями Севера: «кажють на железо, и помавают рукою, просяще железа; и аще кто даст им ножь ли, ли секиру, дают скорою противу». Новгородские летописи содержат различные сведения о территории и населении северо-западной Сибири, полученные русскими людьми при открытии Сибири и первоначальном знакомстве с ее обитателями, являясь ценным историческим источником и свидетельством об уровне русской культуры того времени. Русские мореплаватели не только открывали новые земли и племена, но и фиксировали свои открытия, понимая значение этих сообщений.

Включение Сибири в состав России произошло в конце XVI и начале XVII в. в процессе образования Русского многонационального государства. Растущее экономически и крепнущее политически Русское государство нуждалось в расширении и укреплении своих границ. Включение в его состав Сибири, открытой русскими людьми, вполне отвечало этой задаче. В Сибири, которая являлась естественным продолжением территории Русского государства за Уралом, богатой природными дарами и почти не заселенной, московское правительство видело серьезный резерв для территориального и экономического роста России. Вследствие этого еще с царствования Ивана Грозного в Сибирь неоднократно направлялись вооруженные экспедиции с правительственными заданиями. В задачи экспедиций входило изучение территории, ее топографии, природных условий, путей сообщения, выяснение этнического и количественного состава населения, его языка, занятий, собирание сведений о соседних с Сибирью странах и государствах и т. д.

Московское правительство неуклонно требовало от своих служилых людей (с момента вступления в Сибирь и по мере продвижения по ее территории) составления чертежей и росписей новых сибирских земель. Такие документы в большом количестве поступали в Москву, где изучались и обрабатывались, и это дало возможность правительству получить уже

---

[1] В. Г. Богораз. Новые задачи русской этнографии в полярных областях. Тр. Северной Научно-Промысловой экспедиции, № 9, Пгр., 1921, стр. 121.

в 1629 г. первый чертеж всей разведанной к тому времени Сибири, от которого до нас дошла только роспись.[1] После включения Сибири в состав Русского государства начинается строительство городов и острогов, принимаются меры к заселению ее русскими людьми, организуется переселение крестьян из-за Урала уже с начала 90-х годов XVI в., развивается земледелие, вводится ямская гоньба. Активно развивается и торговля. Бухарским купцам, например, позволено было «приходить во все сибирские города повольно и торговать беспошлинно». Из всего этого видно, что включение Сибири в Русское государство рассматривалось как большая и важная задача, к разрешению которой принимались продуманные и серьезные меры.

Включение Сибири в Русское государство совершилось в весьма короткий исторический срок, началом которого следует считать знаменитый поход Ермака (1581—1585 гг.), когда, по определению К. Маркса, «была заложена основа азиатской России».[2] За последующий период, до 1648 г., русские прошли всю Сибирь от Урала до Тихого океана. На территории Сибири в то время не было сколько-нибудь крупных и сильных государственных объединений, за исключением Сибирского ханства, возникшего в результате феодального раздробления Золотой Орды. Его возглавлял хан Кучум — потомок Шейбани-хана из династии Чингизидов. Сибирское ханство не отличалось ни силой, ни устойчивостью. Оно развалилось при первом же столкновении с отрядом Ермака, освободившего племена северо-западной Сибири от ига Кучума. Не будучи спаяны с Сибирским ханством единством экономической, политической и культурной жизни, эти племена и народности (ненцы, манси, ханты, селькупы и различные тюркоязычные родоплеменные объединения, например телеуты, и др.) не проявили желания поддержать Кучума, с которым они были связаны лишь данническими отношениями. Падение Сибирского ханства открывало путь в северную, среднюю и Восточную Сибирь. На пути русских землепроходцев встречались большие, никем не освоенные территории, включение которых в состав Русского государства не представляло трудности, ибо никто на них не претендовал и никто их не защищал. Продвижение в указанных направлениях облегчалось и тем, что население здесь было крайне редко и жило разбросанно разноязычными мелкими родоплеменными группами, часто враждовавшими между собой (о чем ярко повествует фольклор ненцев, манси, хантов, энцев, селькупов, кетов, эвенков и др.).

Племена эти находились на весьма низком уровне общественного развития. Это были первобытные охотники и рыболовы, некоторые из них разводили оленей. Лишь отдельные их группы были знакомы с выплавкой руды и умели делать орудия и оружие из железа, но орудия из камня и кости преобладали. Племена северо-восточной Сибири (юкагиры, чукчи, коряки и др.) еще пользовались техникой каменного века. Только у якутов, бурят и ряда мелких родоплеменных групп Саяно-Алтайского нагорья было развито кочевое скотоводство, имелось примитивное земледелие, была известна плавка железной руды и развито кузнечество.

Низкий уровень общественно-экономического развития сибирских племен и их раздробленность не являлись подходящими условиями для организации серьезного отпора пришельцам. Конечно, и в этих условиях продвижение по незнакомым девственным лесам и рекам маленьких и слабо вооруженных групп русских землепроходцев могло быть легко

[1] А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1940, стр. 8—12.

[2] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VIII, М., 1946, стр. 166.

задержано, ибо сражаться и постоять за себя сибирские племена в случае надобности умели. Однако этого не случилось и, видимо, не требовалось по ряду причин. Прежде всего местное население первоначально не относилось к землепроходцам как к завоевателям и покорителям. Именно поэтому оно не только не истребляло маленькие группы землепроходцев, что вполне было бы возможно, но, напротив, давало им приют, оказывало различную помощь советами, указаниями, проводниками — «вожами» — в духе обычаев и традиций родового строя. Основным стимулом такого интереса были, видимо, их экономические потребности, желание наладить обмен с русскими, чтобы получать различные необходимые товары (железные изделия, ткани, бисер и т. д.).

В некоторых случаях, как, например, при продвижении русских в систему Оби (бассейны Томи и Чулыма), а также в систему южного течения Енисея, включение в состав Русского государства, несмотря на обложение ясаком, было наилучшим выходом для местных родов и племен ввиду тяжелой политической обстановки, сложившейся здесь в конце XVI и начале XVII в. Феодальные распри и усобицы между различными монгольскими, енисейско-киргизскими, телеутскими, а также бурятскими феодалами-кочевниками тяжело отражались на повседневной жизни мелких племен и родов указанных районов (телеуты, кызыльцы, ачи, басагары, арины, котты, асаны, качинцы, сагайцы, шорцы и др.). Систематические разбойничьи набеги, организуемые феодалами, грабежи и убийства, увод в плен, многоданничество были уделом перечисленных родоплеменных групп, находившихся в постоянной фактической зависимости от кочевой аристократии. Включение в состав Русского государства улучшало политическую обстановку, заменяло многоданничество ясаком русскому царю, создавало условия для мирной жизни. Сочувственное отношение местного населения к землепроходцам не могло не способствовать быстрому продвижению русских в Сибири и выходу их на берега Тихого океана. Продвигаясь по территории Сибири, русские землепроходцы сознавали значение своих открытий и были тесно связаны с центральной властью. Уже в 1586 г. по правому берегу Туры строится первый русский город Тюмень, а в следующем, 1587 году на устье р. Тобола, невдалеке от Кашлыка, бывшей ханской ставки Кучума, — г. Тобольск, который на долгое время стал административным центром Сибири. Города в Сибири с момента их основания строились продуманно, с учетом стратегического положения и возможностей экономического развития. Выбор местоположения их был, как правило, удачен, и большинство из них сохранилось до сего времени.

В 1593 г. основаны сразу три города: Пелым на месте острога мансийских пелымских «князей», Березов в низовьях Оби, на месте старого «городка» промышленных людей, и Сургут на месте, где находилась ставка хантыйского «князя» Бардака. В 1594 г. для прикрытия этих новых русских владений с юга от бродивших по степям разбитых отрядов Кучума был основан на Иртыше г. Тара.

Таким образом, к Русскому государству были присоединены с обязательством платить ясак западносибирские татары, ханты, манси и сибирские ненцы. Последние, впрочем, присоединились лишь номинально, ясак они платили не по окладу, нерегулярно и в течение всего XVII в. сохраняли почти полную независимость в своих внутренних и даже внешних делах.

В 1598 г. в верховьях р. Туры был построен г. Верхотурье. Он должен был служить конечным пунктом новой сухопутной дороги из Соликамска в Сибирь через Урал, открытой посадским человеком Артемом Бабино-

вым. В 1600 г. на среднем течении той же р. Туры в качестве промежуточной станции между Верхотурьем и Тюменью был построен г. Тура (Епанчин).

К каждому из этих восьми западносибирских городов было «приписано» по уезду. Пелымский и Верхотурский уезды населяли манси, Тюменский, Туринский и Тарский — сибирские татары, Сургутский — ханты, Тобольский — татары и ханты, Березовский — ханты, манси и ненцы.

С освоением Западной Сибири — бывшего Сибирского ханства, русские продолжали свой путь на восток в двух направлениях, одно из них шло вверх по р. Оби. Здесь в 1594 г. был основан Нарым. В самые последние годы XVI в. заложен Кетский острог в низовьях р. Кети. Эти остроги были построены на земле селькупов. Еще выше по Оби, на ее притоке Томи, на земле еуштинских татар, которые сами пригласили к себе русских, был построен в 1604 г. г. Томск. Томский уезд, кроме различных тюркских групп (еуштинских и чулымских татар и др.), охватил также и большое количество селькупов, живших на Оби выше устья Кети и в низовьях Чулыма.

Продвигаясь вверх по Томи на юг, русские проникли в землю «кузнецких татар», предков современных шорцев и некоторой части хакасов. Присоединение этой территории было закреплено основанием в 1618 г. города Кузнецка. Кроме предков шорцев, в Кузнецкий уезд вошли также телеуты и некоторые племена Алтая.

Правда, племена Горного Алтая, как и киргизы верховьев Енисея не вошли в состав России в XVII в., и Кузнецкий уезд с трех сторон был окружен «немирными» землями. Тем не менее можно считать, что с основанием Кузнецка включение в состав Русского государства Западной Сибири было в основном завершено.

Другое направление на восток шло из Березова, через низовье Оби, в Тазовскую губу, на р. Таз, уже в значительной степени освоенную промышленными людьми — русскими и коми.

В 1601 г. в низовьях Таза был построен г. Мангазея, от которого распространение русских пошло далее на восток, к Енисею, и затем вверх и вниз по Енисею и по его притокам — Нижней и Подкаменной Тунгускам и рр. Пясине, Хатанге и Анабару. В сравнительно короткий срок, к 30-м годам XVII в., предки энцев, нганасанов, кетов и большая группа северо-западных тунгусских племен стали подданными Русского государства. Так был образован Мангазейский, в дальнейшем Туруханский уезд, один из самых обширных в Сибири XVII в. Около 1670 г. центр этого уезда был перенесен из старой Мангазеи на Тазу, в «новую Мангазею» — Туруханск (основан в 1604 г.) на Енисее.

Из Томска и Мангазеи русские пытались продвинуться дальше на восток. В начале 30-х годов XVII в. мангазейские служилые люди вышли уже к морю, которое теперь называется морем Лаптевых, и проникли с верховьев Нижней Тунгуски в бассейн Вилюя; томские служилые люди уже в первые два десятилетия XVII в. проникали к племенам верхнего течения Енисея. Но не этим городам пришлось стать базой для дальнейшего продвижения русских на восток, и не через них пошли основные пути русских землепроходцев, открывших обширные области Восточной Сибири.

В 1619 г. отряд тобольских служилых людей, отправившись из самого маленького из всех сибирских острогов — Кетского, поставил на Енисее острог, который сначала назывался Тунгусским, а затем Енисейским.

В Енисейский уезд вошло кетоязычное население, жившее в верховьях Кети и в бассейнах рр. Сым и Кас (притоков Енисея), а также на-

селение окрестностей самого Енисейска, эвенки Приангарья (бассейна нижней Ангары) и часть приангарских бурят (в районе современных Братска и Балаганска) — булагаты. Впоследствии территория Енисейского уезда сильно разрослась, так как в нее вошла открытая енисейскими служилыми людьми Якутия, а затем Забайкалье. Но в дальнейшем Якутия и позднее Забайкалье стали особыми уездами, и за Енисейском к концу XVIII в. осталась только указанная выше территория.

Поскольку низовье Енисея уже в первые годы XVII в. было освоено мангазейскими служилыми людьми, распространение русского влияния пошло от Енисейского острога главным образом в восточном направлении, вверх по р. Верхней Тунгуске (Ангаре), и на юг, по р. Кем, как называло коренное население Енисей выше устья Ангары.

В 1628 г. еще выше по Енисею был основан «Новый Качинский красный острог», или Красноярск, прикрывший Енисейск с юга. Красноярск быстро сделался центром уезда, в который вошло население: кетоязычное — енисейские остяки, котты, арины, асаны, байкотовцы; самодийскоязычное — моторы, камасинцы, карагасы и точи; тюркоязычное — тувинцы-хасуты (у оз. Косогол), качинцы и предки нижнеудинских бурят.

Продвигаясь вверх по Ангаре, енисейские служилые люди в 1628 г. вошли в соприкосновение с бурятами в низовьях р. Оки, а в 1631 г. на р. Илиме основали острог, названный «Ленским волоком» (так как отсюда шел путь через водораздел на р. Лену), в дальнейшем получивший название Илимска. В Илимский уезд вошли эвенки западного берега Байкала, верховьев Лены, бассейна Илима и буряты, жившие между верховьями Лены и верховьями Ангары (племя эхиритов целиком и булагаты, за исключением живших в районе Балаганского острога).

В 1632 г. енисейский стрелецкий сотник Петр Бекетов с отрядом в 30 человек «сплыл» вниз по Лене и основал на ее среднем течении острог, называвшийся первоначально Ленским, а в дальнейшем Якутским. Якутск стал центром огромной территории самого большого уезда Сибири XVII в. и базой для походов русских землепроходцев на крайний северо-восток, на Охотское побережье и на Амур. Из Якутска вышли в свои походы Михаил Стадухин, достигший Колымы, Семен Дежнев, открывший пролив между Азией и Америкой, Василий Поярков и Ерофей Хабаров, вышедшие на Амур, Владимир Атласов — первый исследователь Камчатки, присоединивший ее к России, и многие другие.

В Якутский уезд вошло, кроме якутов, много эвенских и эвенкийских племен бассейнов Оленека, Вилюя, Витима, Алдана, Маи, Охотского побережья, все юкагирские племена (в том числе чуванцы, ходынцы и анаулы), а в конце XVIII в. также коряки и ительмены. В конце XVII в., т. е. еще до присоединения Камчатки, Якутский уезд охватывал около 30% всего коренного населения Сибири.

Помимо самого Якутска, около которого группировалась основная масса якутов, на территории Якутского уезда русскими было создано много других опорных пунктов. Главными из них в XVII в. были Жиганск, Олекминск, Зашиверск, Охотск, Верхоянск, Удской острог, три Вилюйских зимовья, три Колымских зимовья, Анадырское, Алазейское, Нижне-Янское, Оленекское и другие зимовья.

Другой путь из Енисейска на восток шел от устья Илима дальше вверх по Ангаре через оз. Байкал на Шилку и Амур. В 1661 г. Яков Похабов около старого зимовья на правом берегу Ангары основывает Иркутский острог, будущий город Иркутск. В Иркутский уезд вошли буряты (главным об-

разом хонгодоры), тувинцы и эвенки, жившие к югу от истоков Ангары в Предбайкалье, бурят-монгольские группы — на левом берегу низовьев Селенги и в районе построенного позже, в 1665 г., Селенгинского острога, и эвенки — по Баргузину, верхней Ангаре и по истокам Витима. Все эти группы эвенков были приняты в русское подданство уже в 40-х годах XVII в. и до образования Иркутска входили в Енисейский уезд.

К основанному в 1654 г. Нерчинску отошли конные тунгусы восточного Забайкалья и буряты-хоринцы, кочевавшие по рр. Большой и Малой Бугульдейкам, на западном берегу Байкала, на о. Ольхон, в Кударинской степи, на восточном берегу Байкала и по р. Уде. Платили ясак хоринцы в зимовье на р. Селенге.

Старинная башня XVII в. в г. Якутске

Когда в результате походов Ерофея Хабарова и Никифора Черниговского в состав Русского государства вошло Приамурье, возник двадцатый Сибирский уезд — Албазинский. Фактически он начал существовать уже в 50-х годах XVII в., хотя официально был оформлен лишь к 80-м годам. В Албазинский уезд вошли манегры, бирары, натки (ачаны), т. е. нанайцы (гольды), ульчи (мангуны) и некоторые другие группы населения Приамурья.

К концу XVII в. вся Сибирь была прочно освоена и заселена русскими. В 1700 г. Владимир Атласов прибыл в Якутск с известием о переходе в подданство Русского государства населения Камчатки и привез пушнину, поступившую в ясак. Вне границ русской Сибири к 1700 г. оставались лишь часть Приамурья, Минусинская котловина и Горный Алтай. Минусинская котловина была освоена русскими и рядом мелких племен Саяно-Алтайского нагорья вскоре после 1703 г., когда джунгарские ханы переселили в Джунгарию большую часть енисейских киргизов. В 1756 г. были приняты в русское подданство алтайцы Горного Алтая, в 1789 г. чукчи и азиатские эскимосы, и, наконец, в 1858 г. окончательно были присоединены к России все Приамурье и Уссурийский край. Территория бассейна Анадыря, как мы знаем, вошла в состав российских владений со времен героического плавания Дежнева, т. е. с 1649 г.

В конце XVII в. русское население Сибири становится преобладающим по своей численности, хотя с середины XVII в. некоторые группы коренного населения (якуты, буряты) тоже сильно возросли численно. По данным Сибирского приказа, в 1697 г. в 19 сибирских уездах (без Албазинского) было взрослого мужского населения — русских 36 915 чел., коренных жителей 27 300 чел. Считая женщин и детей, можно, по этим

данным Сибирского приказа, определить на 1697 г. численность русского населения Сибири примерно в 150 тыс. чел., нерусского — в 125 тыс. чел. (без алтайцев, жителей Приамурья и Камчатки, чукчей, коряков и эскимосов).

Главная масса русского населения Сибири в 1697 г. была сосредоточена в Западной Сибири. Больше всего русских было в Тобольском уезде — 13 299 взрослых мужчин, т. е. всего около 65 тыс. человек русского населения и в Верхотурском — 4525 взрослых мужчин, т. е. около 23 тыс. русского населения.

Бóльшую часть русских сибиряков в 1697 г. составляли крестьяне разных категорий (25 965 взрослых мужчин), затем идут служилые люди (8829 взрослых мужчин), посадские (1093 взрослых мужчин), духовенство (376 взрослых мужчин) и т. д. В это число русского населения не включены, видимо, те русские, пребывание которых в Сибири рассматривалось как временное, т. е. торговые и промышленные люди из городов и уездов Европейской России, а также «гулящие люди».

Важнейшими внешнеполитическими актами, оформившими территориальные права Русского государства в Сибири, были договоры с Китаем: Нерчинский 1689 г., заключенный Ф. А. Головиным, Кяхтинский, заключенный в 1728 г. С. Л. Владиславичем-Рагузинским, и Айгунский, заключенный в 1858 г. Н. Н. Муравьевым. По договору 1689 г. была установлена восточная граница Забайкалья по Аргуни. По договору 1728 г. была установлена южная граница русской Сибири от Аргуни до Енисея. При этом от Аргуни до Кяхты граница прошла в соответствии с фактическим распространением русских владений и расселением русских подданных, но от Кяхты до Енисея значительные территории, осваивавшиеся тувинцами, платившими ясак России, оказались в пределах Китая, и тувинцы превратились с этого времени в китайских подданных. По Айгунскому договору за Россией было закреплено Приамурье и был присоединен Уссурийский край.

Продвижение русских на восток не ограничилось территорией Азии. Как известно, в XVIII в. русскими были освоены Алеутские острова и Аляска по о. Ситхи (о-ва Баранова) включительно. Продвигаясь дальше на юг по тихоокеанскому побережью Америки, русские основали в 1812 г. в Калифорнии, в районе, где позже был построен современный город Сан-Франциско, форт Росс, просуществовавший до 1839 г. Но инициатива предприимчивых и смелых русских людей не нашла поддержки у царского правительства. В 1867 г. Аляска и Алеутские острова были проданы правительству США.

Московское правительство, в XVII в. возглавлявшее сложение многонационального Русского государства, сумело понять обстановку и оценить государственную важность объединения в границах России просторов Сибири, стремилось провести присоединение мирным путем и даже принимало меры к охране сибирских племен и народностей как от внешних посягательств, так и от внутренних притеснений. В царских наказах в Сибирь постоянно подчеркивается необходимость приведения населения «под государеву высокую руку» мирным путем. В сношениях с ясачным населением, добровольно принявшим подданство, предписывалось «держать к ним ласку и привет и бережение, а напрасные жесточи и никакие налоги им ни в чем не чинить некоторыми делы, чтоб их в чем напрасно и в ясак не ожесточить и от государевы милости не отгонить». О мирном стремлении свидетельствует раздача ясачным «государева жалованья», т. е. различных подарков за исправный внос ясака. В числе подарков фигурируют железные изделия (ножи, топоры, пилы, иглы и т. п.), сукно, бисер, олово и

продукты (хлеб, масло и т. д.). Раздача таких товаров, в которых весьма нуждалось ясачное население, конечно, облегчало включение его в русское подданство.

Конечно, московские цари несомненно были заинтересованы в немедленном получении ценнейшей сибирской пушнины, поступавшей монопольно в царскую казну от сбора ясака. Однако в первоначальный период ясак пушниной в Сибири не являлся единственной целью, как это обычно изображается во многих работах по истории. Ряд грамот царя Федора Ивановича говорит об облегчении и даже освобождении от ясака некоторых племен и народностей (остяков и вогулов).

Рекомендовалось «имать легкий ясак, а с которых будет и не взять». Об этом же говорит и то, что с некоторых ясачных волостей вогулов и самоедов в 1596 г. были сняты недоимки и было указано «впредь убавить ясак», а вместо ясака пушниной отдельным волостям предлагалось пахать «государеву пашню», причем семена для этого отпускали из государевых сибирских житниц. Наконец, в отдельных случаях разрешалось местным князькам «сбирать ясак на себя». Такая политика продолжалась и при царе Борисе Годунове, который сформулировал это в грамоте от 30 августа 1601 г.: «На нас ясак имать рядовой, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам. А на кого будет ясак положен тяжел, не в силу, и вперед им того ясаку платить немочно, и того велено сыскивать, да будет ясак положен не по делу, и в том им тягость, и им в ясаке велено льготить. А бедных людей, кому платить ясаков немочно, и с тех ясаку имать не велено, чтоб им сибирским всяким людям ни в чем нужи не было, и жили бы Сибирские земли всякие люди в нашем царском жалованье во всем в облегченье и в покое и в тишине безо всякого сумнения, и промыслы всякие промышляли, и детей своих и братью и дядь и племянников и друзей на наше царское милосердие отовсюду призывали, и в городех юрты и в уездех волости полнили».[1]

Для московских царей было выгоднее мирное освоение Сибири, заселение ее русским крестьянством, при поддержке небольших военных сил, нежели вооруженное покорение этой огромной части Азиатского материка, сопряженное с большими материальными затратами и требующее больших вооруженных сил.

Вместе с этим было бы неправильно представлять включение Сибири в Русское государство как процесс, совершенно мирный и безболезненный для местного населения. Известны исторические факты, говорящие о том, что наряду с другими применялись методы насильственного военного присоединения некоторых народностей и территорий. Достаточно напомнить поход Ермака, открывший путь не только к свободным, никем не занятым, но и к населенным территориям Сибири, поход на Амур в середине XVII в. Е. Хабарова, сопровождавшийся покорением и разорением местного населения, или походы на чукчей в первой половине XVII в. Павлуцкого, пытавшегося, хотя и безуспешно, покорить чукчей крайне жестокими мерами, и некоторые другие военные походы на отдельные сибирские народности. Однако эти насильственные методы были более характерны не столько для периода первоначального присоединения Сибири, сколько для периода закрепления и освоения ее в составе Русского государства. Царское правительство, рекомендуя мирный путь присоединения местного населения и поощрение его за исправный взнос ясака, в то же время предписывало решительные меры по отношению к группам ясачного населения, «отложившимся от ясаку» и к «немирным землицам»,

[1] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II. М.—Л., 1941, стр. 169—170.

которые по тем или иным причинам не только не хотели платить ясак, но и нападали иногда на сборщиков ясака, на мирных русских или ясачных жителей, подбивали ясачных к «отложению» и т. п. В таких случаях небольшие военные отряды сибирских воевод предпринимали по сути дела карательные экспедиции, сопровождавшиеся жестокостями по отношению к часто ни в чем неповинному населению. О таких «погромных» походах актовый исторический материал повествует достаточно красноречиво.

С «замиренных землиц» брали в городе заложников — *аманатов* — из числа родоплеменной или феодальной верхушки (князьцов или их ближайших родственников, из «лутчих людей» и т. п.). Аманатов держали в городах и острогах под караулом, для гарантии исправного поступления ясака. В случае же «отложения» от ясака или «воровства» (т. е. измены) такой «землицы» или волости с аманатами жестоко расправлялись, особенно в тех случаях, когда «отложившаяся землица» предпринимала вооруженные нападения на русских или ясачных мирных жителей. Нельзя забывать, что интересы различных классов и отдельных лиц в процессе присоединения Сибири были неодинаковы. Царские воеводы и их ближайшие помощники ехали в Сибирь главным образом «кормиться», заботясь преимущественно о личных, корыстных выгодах. Алчность и корыстолюбие, стремление ко всякого рода обогащению неизбежно приводили к конфликтам с ясачным населением. Указы московских царей, направленные к охране ясачного населения от обид и насилий, далеко не всегда выполнялись, так как воеводы в Сибири, вследствие удаленности от Москвы, чувствовали себя весьма самостоятельными в своих действиях. Различные мошенничества, обирание ясачных, иногда даже прямые насилия над ними были в большом ходу у воевод и их ближайших помощников, которые наживали таким образом состояния. Об этом прямо и красноречиво повествуют различные царские наказы и указы, адресуемые сибирским воеводам, описывающие их «лихоимства».

Обогащались воеводы и в результате мошеннической торговли с ясачными, покупая у них за бесценок пушнину. Известны попытки сибирских воевод пополнять своих крепостных из среды ясачного населения Сибири и вывозить их в центральную Россию. Это делалось за счет «погромного ясыря», т. е. за счет взятых в плен при походах на «отложившихся от ясаку» или на «немирные землицы». Взятых в полон воеводы крестили, т. е. обращали в православие, и объявляли своими крепостными. В документах Сибирского приказа имеется немало данных об отобрании у воевод «ясыря», который они пытались вывезти из Сибири. Такое поведение представителей царской власти нередко являлось прямой причиной «отложения от ясаку» и откочевки ясачного населения с места жительства, чтобы избавиться от притеснений.

В исторических актах XVII в., относящихся к Сибири, таких фактов можно найти немало. Московское правительство, хотя и боролось с «лихоимством» царского аппарата в Сибири, видя в этом ущерб своей казне, но не всегда успешно. Даже частая смена воевод не давала желаемых результатов.

Иным было отношение к ясачным со стороны трудового русского населения, составлявшего большинство русских людей в Сибири. Служилые люди, пашенные крестьяне и т. д. также терпели от притеснений воевод и всей системы царской власти и не в меньшей, а в большей степени, чем ясачное население. Крестьяне были обременены повинностью пахать десятинную государеву пашню, несли тяжелые оброки. Вследствие тяжести обложения их собственное хозяйство находилось в плачевном состоянии. Местами положение крестьян было настолько тяжелым, что они и в условиях Сибири «брели

розно», т. е. разбегались по разным местам, ища облегчения своей участи. Вот как описывает положение рядовых служилых людей один из официальных документов XVII в: «... в Томском и в Кузнецком, и в Красноярском людишка нужные и бедные, по два и по три на одной лошади, а иной пеш всегда бродят и запас на себе таскают нартами, оголодают, и от того голоду всегда ратные люди от киргиз погибают, а недругу в посмех, что государевы ратные люди голодни в их землю приходят, и отходя на дороге погибают без хлебных запасов».[1] Челобитные рядовых казаков на имя царя полны жалоб на нужду и бедность, на большие трудности и лишения, которые им приходилось терпеть, неся государеву службу. Постоянно находясь в разъездах и отлучках по делам службы, они не могли обзавестись достаточным собственным хозяйством и вынуждены были жить на довольно скудном хлебном, соляном или денежном жалованье, которое, как правило, выдавалось с большими задержками и перебоями. Служба же рядовых служилых людей была тяжелой и брала не только много времени, но и много сил и энергии. Скитание неделями и месяцами по тайге, тундре или горам, независимо от погоды, в зимнюю стужу и в летнее ненастье, за сбором ясака или в приискании новых «землиц» и т. д. было сопряжено с большими трудностями и лишениями, даже опасностью для жизни и здоровья. Неудивительно, что были случаи, когда голодные, измученные отдельные группы служилых людей соблазнялись имуществом ясачных. В таких случаях царские воеводы оказывались «на страже государственных интересов». Они нещадно «били батоги» виновных, отбирали у них присвоенное имущество и. . . забирали его себе. Однако не в этих рядовых служилых людях было заложено зло для ясачного населения; оно таилось в царизме, как политической системе, в том, что у власти, начиная от самого царя и кончая воеводой, стояли крепостники-помещики, которые преследовали во всем лишь свои классовые интересы. Русское же трудовое население XVII в. в Сибири, особенно крестьянство, не только не являлось притеснителем местного ясачного населения, но, напротив, уже в то время связано с последним культурными и экономическими связями. Русские крестьяне настолько тесно общались с ясачным населением, что вступали с ним в браки. Это не нравилось воеводам. В одной из воеводских отписок, относящейся к 1623 г., говорится, что «пашенные люди живут не по-крестьянски: крестов на себе не носят, и сред и пятков не почитают, а едят всякую скверну с некрещеными тотары», что «с тотарскими . . . женами живут . . . и детей с ними приживают с некрещеными».[2]

У трудового русского народа в Сибири было больше общих интересов с трудящимися ясачными, чем с воеводами крепостниками-помещиками. Простым русским людям был чужд дух расоненавистничества. Они глубоко сочувственно и с подлинным гуманным интересом относились к жизни, быту и нравам местного ясачного населения. Последнее платило им тем же.

Эта общность социально-экономических интересов трудящихся русских и ясачного населения проявлялась иногда в XVII в. в совместных активных выступлениях трудящихся против царских насильников и угнетателей. Знаменитый «Красноярский бунт» 1695—1698 гг., в действительности представлявший собой народное восстание против царских воевод в Сибири, может служить свидетельством этого. Против красноярских воевод с русскими трудящимися восстали, например, качинцы во главе с Карочаном Тайларовым, которых царские следственные доку-

---

[1] Акты исторические, т. V, стр. 167. См. также: Русская историческая библиотека, СПб., 1884, т. VIII, стр. 471—472, 477—489, 533—535 и др.

[2] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 293.

менты, вместе с рядовыми русскими служилыми людьми и горожанами Красноярска, именуют «воровскими людьми».[1] Замечательное народное движение конца XVII в., к сожалению еще совершенно не изученное, не было единичным явлением. В исторических документах имеются указания на «бунтовские замыслы и мятеж» служилых людей Селенгинского, Удинского, Кабанского и других острогов Иркутского уезда против представителей царской власти или «приказных людей» этих острогов.

Против включения в русское подданство выступила местная феодальная верхушка. Особенно ярко это проявилось при присоединении территории бассейна среднего и верхнего течения Оби и Енисея. Азиатские феодалы считали местное население указанных районов своими данниками и не намерены были терять их. Царевичи Кучумова рода, джунгарские ханы и тайши, телеутские и киргизские феодалы были активными вдохновителями и организаторами вооруженных нападений и восстаний против русских в Западной и южной Сибири. Из них большую активность проявлял, например, телеутский тайши Абак, который вместе со своим зятем Тарлавой (мурзой чатских татар) был связан с «Кучумовыми царевичами» (например внуком Кучума Аблайгиримом).

Большую роль в вооруженных выступлениях против русских с момента построения Томска играли князья енисейских киргизов. Их вооруженная агрессия против русских городов и острогов, начиная с 1608 г., продолжается в течение всего XVII столетия. Среди киргизских князей выделялся своей энергией и жестокостью Иренак Ишеев, который в течение двадцати лет жег и грабил русские и ясачные селения в Кузнецком, Томском, Ачинском, Красноярском и других уездах, убивал и уводил в плен мирных жителей. Некоторые исследователи рассматривали грабежи и насилия Иренака и его предшественников как «борьбу за независимость». Но такое определение деятельности киргизских князей XVII в. неправильно. Иренак не боролся, например, с джунгарскими ханами, от которых он действительно был зависим и которые систематически вмешивались во внутренние дела киргизов, в их взаимоотношения с русскими и, кроме того, брали с них ясак (*албан*). Иренак нападал исключительно на мирные русские пригородные селения и на мирное ясачное население, хотя он со своими подданными киргизами не был стеснен в кочевьях. Земельные территории, находившиеся под его контролем, были велики и обширны. Русские власти того времени не строили здесь селений или острогов даже для защиты ясачного населения, которое действительно нуждалось в такой защите. Русские военные отряды не нападали на Иренака первыми. Рядовое русское население, занимавшееся мирной хозяйственной деятельностью, было заинтересовано лишь в мирных отношениях с киргизами. От набегов киргизов оно терпело ущерб и разорение. Точно так же стремились к мирной жизни и деятельности в своем большинстве и рядовые киргизы, ибо тяжесть и опасность военных набегов ложилась на их плечи, а добыча захватывалась феодальной верхушкой.

Причина тяжелой и неспокойной обстановки в южной Сибири в XVII в заключалась в агрессии киргизской и телеутской феодальной верхушки, поощряемой феодальными кругами Джунгарии. Взимание дани с населения указанных районов имело особенно важное значение для кочевых феодалов, так как эти районы доставляли им железные изделия. Население верхнего течения рр. Томи, Мрассы, Кондомы, Бии и среднего течения Енисея весьма широко занималось изготовлением из железа предме-

[1] Н. Н. Оглоблин. Красноярский бунт 1695—1698 годов. Томск, 1902.

тов обихода (котлы, таганы, ковши), военного и охотничьего снаряжения (особенно стремян, наконечников, стрел, копий, пик, сабель и т. д.), умея при этом добывать железо. Стремление удержать под своей властью данников (кыштымов), помешать экономическому и культурному сближению их с русским народом, а также расчет на легкую наживу толкали киргизских князей на агрессию. Что касается родоплеменной верхушки бывших монгольских джунгарских и киргизских данников, то они, хотя и не оказывали обычно прямого сопротивления переходу в русское подданство, но довольно часто вступали в контакт с агрессивно настроенными феодалами, нападавшими на мирное население.

Включение Сибири в состав Русского государства, по мере продвижения русских, сопровождалось хозяйственным освоением ее территории.

Вновь присоединяемые территории, как уже было указано, наносились на чертежи, производилось их описание, которое затем отправлялось в Москву; изучались их природные условия. Присоединяемое население приводилось к «шерти» (присяге), облагалось ясаком и записывалось в ясачные книги с указанием имени князьца и количества ясачных плательщиков, состоящих в ведении данного князьца. Главы местных племен и родов — «князьцы» — продолжали управлять своим населением и считались ответственными представителями «волости» или «землицы» по сношению с царскими волостями. На них лежала ответственность за исправный взнос ясака. Ясачное население также описывалось, изучался его язык, этнический состав, расселение, занятия, быт, нравы и обычаи. На присоединенной территории строились русские населенные пункты: города, остроги, зимовья. Разведывались и прокладывались пути сообщения, налаживалась связь между сибирскими городами и центром государства — Москвой, вводилась ямская гоньба. Принимались меры к организованному заселению Сибири наиболее устойчивым слоем русского населения того времени — крестьянством.

В осуществлении этих больших государственных задач и мероприятий выдающуюся роль сыграли простые и скромные представители трудового русского народа — первооткрыватели Сибири, наши землепроходцы XVII в. Их энергии и отваге, уму и настойчивости, благородному патриотизму, основанному на понимании государственного значения присоединения Сибири, многим обязано Русское государство, ибо без активных усилий этих представителей русского народа включение Сибири в такой короткий срок и с таким успехом, как это произошло, было бы невозможно. Это обстоятельство раскрыто исследованиями советских ученых, сумевших привлечь огромный и разнообразный исторический материал.

Усилиями русских землепроходцев вся Сибирь вскоре была картографирована. Едва ли нужно доказывать, какое большое значение для государства имело изучение территории Сибири и быстрое ее картографирование. Северо-западная часть Сибири была хорошо картографирована еще в XVI в. Благодаря усилиям некоторых иностранцев, сведения эти проникли за границу и были даже неоднократно опубликованы. Голландец И. Масса, который прожил в России 8 лет, по возвращении в Голландию опубликовал в 1609—1612 гг. русскую карту, охватывавшую территорию Сибири уже до Енисея. Он прямо указывает, что сведения о Сибири ему сообщены некоторыми «московскими придворными».

Располагая материалами русских землепроходцев, московский царь мог еще в 1626 г. издать указ о составлении чертежа всей Сибири, который и был составлен в 1629 г. Известно, какую научную ценность представляют чертеж всей Сибири Ремезова, составленный в 1698 г., и его Чертежные книги Сибири (1701 г.).

Огромный труд был проделан по разведыванию и прокладыванию путей сообщения. Кроме изучения речной системы и волоков, большое внимание уделялось изучению летних и зимних сухопутных маршрутов по тайге, тундре, в горах, степях и т. п. Землепроходцы шли пешком, на лыжах, ехали на лошадях, на собаках, на оленях. Они широко использовали знание местности, указания и советы местного населения, часто привлекая отдельных их представителей в качестве «вожей» — проводников. После открытия путей сообщения немедленно налаживалось передвижение по ним, учреждалось почтовое сообщение, создавалось местное судостроение для плавания по рекам. Довольно крупным центром речного судостроения было Верхотурье. Ямская гоньба, как уже было отмечено, была налажена в первой половине XVII в. уже до р. Лены.

Первооткрыватели Сибири, выполняя официальные наказы и руководствуясь собственной инициативой, первыми собрали ценные сведения о рудных и минеральных богатствах, о растительном и животном мире этой части Азиатского материка.[1] Разработка полезных ископаемых началась в первые же десятилетия после присоединения Сибири в результате личных поисков землепроходцев и их распросов местного населения. За много десятилетий до грека Левандиана, посланного в Томский уезд в 1696—1699 гг. Петром I для разработки железных руд и обучению этому делу местных людей, томичи уже сами занимались этим. Документально устанавливается теперь, что не Левандиан явился зачинателем горнозаводского дела в Сибири. Еще в 1624 г. из Томска был послан «проведывати и искати железные руды» кузнец Фетка Еремеев и с ним казак Петунька Кизыл, которые обнаружили железную руду и привезли ее в Томск, где была произведена из нее выплавка железа в присутствии воевод. Опыт показал, что «ис той руды и ис каменья железо добро, такое же, что и в Кузнецкой земле». Ф. Еремеев был послан с образцами железа в Москву, где «то железо переплавливали, и то железо добро, будет из него сталь». Царь Михаил Федорович наградил Ф. Еремеева и П. Кизыла и распорядился наладить в Томском уезде добычу и выплавку железной руды с производством железных изделий: «Пашенным крестьянам в сибирские пашенные городы. . . ковати сошники, и косы, и серпы, и топоры, чтоб вперед с Руси железново наряду к пашенным крестьянам железа непосылати, и кос и серпов, и сошников, и топоров не покупати».[2] Кроме Томска и Кузнецка, железные месторождения были открыты и опробованы в Приуралье (1628 г.) и Якутии (1647 г.). Из Якутска были затребованы с Руси мастера для производства железных изделий на местной руде. В открытии руд и их «объявлении» большую помощь оказали «ясачные люди», о чем прямо повествуют документы XVII в. В 60-х годах XVII в. большие геологические изыскания вел в Сибири рудознатец М. А. Тумашев, который оказался не только знатоком-изыскателем, но сумел организовать добычу железа на базе обнаруженных месторождений. Он писал царю в 1668 г., что им был в Верхотурском уезде «завод заведен к железному плавлению, и ныне у меня, холопа вашего, к тому железному делу кузнецы и работные люди наняты и посланы к железному заводу».[3] Кроме железной руды, были открыты также в первой половине века медные и серебряные руды, причем иногда поиски их велись по следам древних разработок, получивших позднее (в XVIII—XIX вв.) наименование «чудских ям».

---

[1] Большой документальный материал по этим вопросам собран В. Н. Скалоном в его ценной книге «Русские землепроходцы XVII века в Сибири» (М., 1951).

[2] Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, стр. 325—326.

[3] Дополнения к «Актам историческим», т. V, стр. 65.

Об организованном характере и государственном значении поисков руд и минералов говорят царские грамоты, устные объявления через громогласных бирючей.[1] Посадский человек А. Жилин в течение многих лет (первая половина XVII в.) исследовал тайгу в Енисейском уезде, как настоящий геолог. Ему удалось обнаружить «слюду в Енисейском уезде на пустом месте, а никто тою землею наперед того не владел и слюдою не промышлял».[2] Образцы слюды и результат опытной плавки из медной руды, им же обнаруженный, были доставлены в Москву, где получили одобрение. Жилину, по его просьбе, царской грамотой было дано право разработки найденных им месторождений слюды и медной руды за десятинную пошлину («а сколко пуд у него, Олешки, слюды из гор в промыслу будет, а из медные руды сколко пуд меди учнет выходить, и с той слюды имать у него на нас, великого государя, десятую пошлину слюдою ж . . . имать десятой же пуд меди»), кроме того, грамота разрешала «ему, Олешке», заниматься геологической разведкой «в иных сибирских городах и уездах», а енисейскому воеводе указывалось помогать Жилину во всем и не отвлекать его самого и его людей на другие работы, «чтоб у него в том слюдному и медному промыслу и в сыску всяких руд помешки не учинилось».

Серебряные руды были открыты и опробованы в различных районах Сибири. Особенно знамениты Нерчинские месторождения по р. Аргуни. Проникли рудознатцы даже в Горный Алтай, к Телецкому озеру, откуда специалист-серебряник по имени Федька доставил в Москву образцы серебряной руды еще в 1673 г., когда территория Горного Алтая находилась под контролем джунгарских феодалов.[3]

Большие работы развернулись в Сибири по поискам и добыче соли. Организация соледобывающей промышленности заботила Московское правительство с первых же дней освоения Сибири. Первооткрыватели Сибири немало потратили труда для успешного решения этой задачи. Внимание к развитию соледобывающей промышленности проявлялось и в XVIII в.

Важное экономическое значение придавалось находкам серы и селитры. В царских грамотах селенгинскому и якутскому воеводам (1680—1681 гг.) предписывается определить общие запасы селитры и серы, выход продукции («по сколку из фунта и из какой руды чего выдет»),[4] выяснить, «почему пуд в деле селитры и серы ценою учнет становитця».[5] В грамоте прямо говорилось, «чтоб в Якуцких уездех селитреных и серных мест сыскивать с великим раденьем неоплошно, и зелье (т. е. порох—Л. П.), завесть делать, чтоб в Якуцком и в иных Сибирских городех пронятца зельем без присылки с Москвы».[6] Были организованы поиски и добыча минеральных красок, горного хрусталя и даже строительных материалов для городских построек: известковый камень, а также «всякой бутовой, или серой или черной камень, который бы в теску к строению годился, в ближних местех, и пригодная глина, из которой бы кирпич мочно делать и обжигать, и песок есть ли и сколь далече».[7] Были даже попытки разыскать нефть.[8] Из этого видно, что геологические разведки велись сознательно, умело, были раз-

---

[1] Там же, т. IV, стр. 223.
[2] Там же, стр. 150.
[3] Там же, т. VI, 1858, стр. 328.
[4] Акты исторические, т. V, 1858, стр. 105.
[5] Дополнения к «Актам историческим», т. VIII, стр. 295.
[6] Там же.
[7] Акты исторические, т.V, стр. 492.
[8] Дополнения к «Актам историческим», т. X, стр. 333.

работаны специальные инструкции, где говорилось, что следует отмечать, «которая руда и на какой реке взята, и руду с рудой не мешать, покласть особо», и присылать образцы в Москву «в особых мешечках, и подписать на ерлыках, где которая взята и сколь глубока и всякую ведомость о том рудном деле писать».[1]

Геологические изыскания преследовали цель создания местной промышленности в Сибири (железоделательные заводы, добыча и плавка медной и серебряной руды, производство пороха, добыча минеральяых красок и строительных материалов и т. д.). Это также говорит о том, что Сибирь в XVII в. не считали колонией, а признавали органической частью Русского государства. Русские люди осваивали ее вместе с коренным населением как рачительные хозяева. Местное население активно участвовало в поисках ископаемых богатств Сибири, интерес к которым пробудили в них русские люди. Эвенки и буряты, якуты и юкагиры упоминаются в исторических актах XVII в. как открыватели руд и минералов, сообщавшие о своих открытиях русским. Как пример такой взаимной заинтересованности можно указать открытие серебряных руд по р. Аргуни. В начале 80-х годов их обнаружил землепроходец Павел Шульгин, а в 1691 г. два брата эвенка явились в Нерчинск к Ф. А. Головину, чтобы сообщить ему о нахождении серебряных руд в других местах по той же Аргуни.

Большую ценность имеют разнообразные ботанические и зоологические наблюдения и сведения, собранные русскими землепроходцами XVII в. Теперь доказано, что эти данные, особенностью которых был их прикладной характер, получены в результате большой организованной работы по всестороннему изучению природы Сибири. Изучение и наблюдения за жизнью и распространением тех или иных видов животных, рыб, растений, в том числе и совершенно новых, первооткрыватели проводили, исходя из задач освоения и заселения Сибири. Они определяли и описывали травяной покров с целью определить пригодность для пастбищных и сенокосных угодий, откликались на указы Москвы разыскать и организовать заготовку лекарственных растений (например ревень) и наладить их отправку в Москву. Их интересовал состав почвы, климатические условия для созревания хлебов; от их внимания не ускользали и вредители хлебных растений. В отписках землепроходцев можно найти указание на кобылку, которая уничтожает всходы, на то, как в некоторых местах посевы «ржа давила и червь ел» и т. п.

Большое место в освоении Сибири занимало изучение коренного населения и взаимоотношений с ним первых русских засельников. Собирание подробных и разнообразных сведений о племенах и народностях входило в задачу землепроходцев и необходимость этого постоянно подчеркивается в указах и грамотах из Москвы. Любознательность, наблюдательность и успех землепроходцев в этом отношении нашли отражение в их многочисленных «скасках» и «росписях», которые до сего времени сохраняют значение исторического источника первостепенной ценности. Известия о населении Сибири, как и об открытии новых «землиц», сообщались немедленно в Москву. Землепроходец Ю. Селиверстов, выйдя на побережье Восточно-Сибирского моря и разобравшись в этническом составе населения, сообщал: «И в то море пали реки многие — Чухчи река, да Ковыма река, а за Ковымой рекою есть четыре реки, а от тех рек есть реки Ненандыра да Чондон. А люди по тем рекам живут разные — чухчи,

[1] Акты исторические, т. V, стр. 468.

ходынцы, коряки, няняули и иные роды есть и языки многие». Государство требовало точных сведений о народах. Поэтому нередко можно видеть в документах поручение проверить, уточнить те или иные данные. Когда служилый казак Елисей Буза отправлялся на Индигирку в 1642 г. искать реку Нерогу, ему предписывалось уточнить сведения и о населении, обитающем на ней. «А на той де реке Нероге, от устья морского недалече, в горе, в утесе над рекою, серебряная руда, а повыше де той серебряной руды немного на той же реке живут люди на яру род Наттыла, юрты де деланы у них в земле, и у тех де людей серебра много, а люди те пешие, оленей у них и лошадей нет, а река де рыбна добре, и те люди кормятся рыбою».[1]

Изучение коренного населения Сибири в XVII в. имело большое практическое значение для Русского государства, для определения состояния и характеристики его азиатской части. Поэтому ставилась задача выяснения этнического состава коренного населения, его численности и расселения, занятий, нравов и обычаев и т. п. Обращалось внимание и на верования, рекомендовалось «расспрашивать накрепко, какая вера у них и шерть прямая», чтобы «проводить по их вере к шерти», т. е. к присяге на подданство к Русскому государству. Разнообразные этнографические сведения о населении Сибири уже в первой половине XVII в. вошли в различные сочинения («Сибирская летопись» Саввы Есипова, «Подлинное описание Сибирского государства» и др.). Еще больше их содержится в работах второй половины этого века. Только в результате широкого предварительного изучения населения могло быть проведено в конце XVII в. такое важное государственное мероприятие, как первая перепись населения Сибири.

Одновременно с освоением Сибири русские землепроходцы стремились открыть путь в Китай и завязать с ним торговлю через Сибирь, Туву и Монголию. Составлялись обстоятельные описания природы и населения этих мест. Землепроходцы нередко по собственной инициативе оказывались (иногда в поисках руд) на территории некоторых восточных монгольских княжеств, подвластных либо западномонгольским, либо ойратским ханам. Оказавшись в чужом государстве, эти простые люди вели себя с большим достоинством, даже не будучи облеченными дипломатическими полномочиями. Они не соглашались «кланяться и садиться на коленки» перед ханами, настойчиво требовали уважения к себе как к представителям Русского государства, не теряли твердости духа в самых опасных и трудных положениях, терпели различные лишения. В то же время они так внимательно все изучали, что, вернувшись, могли составлять изумляющие по точности и лаконичности описания виденного и слышанного.

Решающую роль в быстром и прочном государственном освоении Сибири сыграло заселение ее русским крестьянством. Как указывалось выше, эта задача решалась одновременно с первыми шагами по включению Сибири в состав Русского государства. Царское правительство стремилось сделать это прежде всего в целях развития земледелия, чтобы решить проблему снабжения Сибири собственным хлебом и избавиться таким образом от завоза хлебных запасов из европейской части государства, так как до прихода русских местное земледелие было крайне незначительно по размерам и примитивно по технике. С 90-х годов XVI в. правительство предпринимает попытки переселения крестьян. Крестьянское население вербуется по «указу» и «прибору» и переселяется в Сибирь для государевой десятинной пашни. Для развития земледелия используются

[1] Дополнения к «Актам историческим», т. II, 1845, стр. 262.

ссыльные люди и ясачное население, которому ясак соболями заменяется государевой пашней. Однако, как установили советские исследователи, указанные правительственные меры оказались недостаточными и не дали для Сибири необходимого контингента русского крестьянства и вследствие этого потребного количества хлеба. Проблему удалось разрешить в относительно короткий срок силами того главного потока русского крестьянства, который направлялся в Сибирь самовольно, спасаясь бегством от крепостнического гнета в России.[1] Заселена Сибирь была в XVII в. по существу в порядке «вольного» переселения русских людей. В самом начале освоения Сибири (конец XVI — начало XVII вв.) московское правительство поощряло такое «вольное» переселение, хотя стремилось при этом не поступиться своими классовыми интересами, ибо рекомендовало призывать в Сибирь нетяглое население «от отца сын и от брата брат и от дяди племянники и от суседа суседы».[2] Позднéе переселение в Сибирь, особенно самовольное, в порядке побегов от крепостников-помещиков, начало строго преследоваться.

Проблема развития земледелия была разрешена в Сибири уже в XVII в., и государеву пашню удалось организовать на основе использования переселившегося сюда в подавляющем большинстве «вольного» крестьянства. Численность его составляла к концу XVII в. свыше 10 тыс. семей из общего количества русского населения, исчислявшегося почти в 25 тыс. семей. В отношении сибирского крестьянства московское правительство в конце XVI и начале XVII в. проводит политику предоставления некоторых льгот и помощи. «Первоначально поселенцу, который должен был, помимо заведения своего личного хозяйства, отбывать государственные повинности в виде государевой десятинной пашни и государевых изделий, предоставлялись земля, временная льгота, подмога и ссуда. Крестьянская льгота заключалась в освобождении новоприборного крестьянина от несения государева тягла в течение определенного условием количества лет. Подмога — безвозвратная помощь, денежная или натуральная, для устройства крестьянином его „собинного“ хозяйства. Ссуда, также денежная или натуральная, имела ту же цель, но подлежала обязательному возвращению».[3]

Хотя эти подмога и ссуда и не обеспечивали в достаточной степени возможность развития крестьянского хозяйства, но некоторую положительную роль в свое время они сыграли.

К началу XVIII в. Сибирь снабжалась собственным хлебом. Повинность ряда городов европейской части государства снабжать Сибирь хлебом была отменена (1685 г.). Образовался местный хлебный рынок. Потребителем хлеба стало в значительной части ясачное население, а небольшая часть его даже производителем. Хотя превращение Сибири в один из крупных хлебопроизводящих районов государства относится к XIX и началу XX в., историческая роль первых русских засельников, как основателей земледелия, не может быть преуменьшена. Именно они создали и распространили в Сибири земледелие, хорошо изучив природные условия и приспособившись к ним. Они первыми приняли на себя трудности освоения девственной страны, приобрели и накапливали опыт борьбы с сибирской природой, передавая его из поколения в поколение. Было бы неправильно думать, что московские правительственные круги стояли в стороне от этого дела. Документальный материал показывает,

[1] В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII веков. М.—Л., 1946.

[2] Там же, стр. 45.

[3] Там же, стр. 22.

что в Москве принимались меры к распространению земледелия по возможности по всей территории Сибири и с этой целью предписывалось искать «пашенные места»: «и где пашенные места объявятся, и те места велено сметить, сколко на тех местах пашенных крестьян устроить мочно».

Большое практическое значение придавалось опытам земледелия в таких местах, как, например, Якутия. Уже в 1640 г. ленскому воеводе предлагалось найти «пашенные места» на Лене. Стоило в 1646 г. пашенному крестьянину Оверкию Елизарьеву начать сеять хлеб у истоков Лены, как это вызвало интерес у властей и было указано провести обследование этого опыта: «Смерить десятины, против государева указу, колко у него десятин ржаного и ярового хлеба было посеяно; а смеря тот хлеб, досмотреть подлинно, тот у него хлеб родился ль и будет родился, и морозом тот хлеб не побило ль, и будет побило, и сколько десятин морозом побило и сколко десятин целого, и из того морозом битого и целого хлеба сколко будет сотниц, тому же учинить опыт же, сколко из морозом битого и из целого в умолоте в пудовую пропускную кадь пуд будет».[1]

Исследованиями советских ученых впервые установлено высокое значение земледелия в русском народном хозяйстве Сибири уже в первой половине XVII в. и тем самым опровергнут неправильный взгляд о том, что будто бы хозяйство русских сибиряков в XVII в. основывалось на хищническом соболином промысле.[2] Важную роль в развитии земледелия в восточной части Сибири сыграла «Илимская пашня», заведенная русскими около середины XVII в. по среднему течению Ангары, на Илиме, на Ленском волоке.

Вместе с земледелием росло и развивалось крестьянское скотоводство как важная и необходимая часть русского земледельческого хозяйства Сибири. Скотоводство это было стойловое, с обеспечением скота на зиму сеном. Поэтому сенокосные угодья привлекали внимание русских людей с момента вступления их в Сибирь, и превращение больших пространств Сибири в покосы является заслугой русских крестьян уже в XVII в.

Таким образом, земледелие уже с XVII в. становится основой хозяйства русских крестьян в Сибири. Это отнюдь не уменьшает значения охотничье-промыслового хозяйства по добыче ценной пушнины, высоко ценившейся в то время на мировом рынке и служившей главным предметом вывоза из Сибири.

Большая часть пушнины добывалась коренным населением Сибири, уплачивавшим ее в ясак и обменивавшим на различные русские изделия и на хлеб. Однако и русское население занималось промыслом пушного зверя и весьма подняло производительность добычи ценных зверей, особенно соболя, введя новую технику, в первую очередь ловушки (кулемы, пасти). Эту технику лова быстро заимствовало от русских и местное ясачное население, промышлявшее ранее преимущественно с луком.

Повышенный интерес и различные мероприятия московского правительства по максимально возможному получению ценной пушнины из Сибири общеизвестны. Но, как установили советские ученые, правительственные круги Русского государства XVII в. не ограничивались лишь мерами, направленными к максимальному извлечению пушнины из Си-

---

[1] Дополнения к «Актам историческим», т. II, стр. 263.

[2] В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня, т. I. Иркутск, 1949. — В. Н. Скалон. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. М., 1951.

бири; была проявлена и некоторая забота об охране запасов зверя и охотничьих угодий от хищнического истребления.[1] Прежде всего московское правительство в указанный период занимало твердую позицию охраны прав на промысловые угодья ясачного населения, являвшегося основным поставщиком ценной пушнины. В царских грамотах содержатся указания и напоминания о том, что селиться следует только на пустых местах, не освоенных ясачным населением. Для разрешения поселиться на том или ином месте обычно требовалось подтвердить, «порожее ли то место и не ясачных ли людей», да еще показаниями местных («тутошних») ясачных людей. В царских наказах обращалось внимание на то, что «многие пашенные крестьяне и на лес весною и летом пущают огонь . . . и лес выгорает, и зверь всякий от того огня бежит». Русские крестьяне довольно часто прибегали к выжиганию участков леса в целях расчистки его для пашни. Царские грамоты требовали решительной борьбы с этим и предписывали: «. . . а тем людем, которые у ясашных людей угодья пустошат, огонь по лесом пущают и лесы выжигают и зверь выганивают, сыскивая допряма, чинили бы есте за то воровство наказанье, велели их бить кнутом нещадно, чтоб иным неповадно было так вперед воровать, огонь по лесом пущать и ясашным людем в звериных промыслах чинить поруху».[2] Издавались указы, запрещающие русским промышленникам бить зверя в промысловых угодьях ясачных: «Где живут ясачные иноземцы и промышляют ясаком, и по тем рекам торговым и промышленным людям ходить на промыслы не велеть, а промышленным людям ходить на промыслы в те места, чтоб ясачным людям от промыслу их тесноты и ясачного сбору недобору не было». Следовательно, московская администрация шла даже на ограничение охотничьего промысла русских людей; это говорит о том, что основным производителем пушнины в Сибири в XVII в. считалось ясачное население, а не русское.

Основное занятие русского крестьянства в Сибири (большинство которого было сосредоточено в западной части) [3] — земледелие — дополнялось различными крестьянскими промыслами и ремеслами, также расширявшими и развивавшими хозяйственный быт сибирского населения XVII в.

Однако XVII век нужно считать лишь периодом первоначального освоения Сибири, которая попрежнему оставалась слабо населенной частью государства. Для этого периода характерно строительство городов и острогов (причем последние нередко превращались также в города), а не крестьянских сел и деревень, ибо здесь даже земледелие обычно начиналось в городах и острогах.[4] Облик сибирского города XVII в. имел специфические черты. Город представлял собой одновременно укрепленный пункт-крепость. Его окружали рвы и срубные стены с бойницами и башнями как глухими, так и проезжими. Под этими башнями часто жили холостые служилые люди — казаки. Семейные жили в посаде, окружавшем город-крепость. Внутри города за крепостными стенами возводились деревянные срубные постройки: приказная изба, где было сосредоточено административное управление, воеводский двор, если город был под управлением воеводы, казенные амбары для хранения государевой казны, боеприпасов (порох, свинец и т. п.), таможенная и караульная избы (где содер-

[1] В. Н. Скалон. Русские землепроходцы XVII века в Сибири, стр. 93—99.
[2] Русская историческая библиотека, т. II, стр. 764—766.
[3] Акты исторические, т. V, стр. 431.
[4] См. об этом: Р. М. Кабо. Города Западной Сибири. М., 1949. — В. В. Покшишевский. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.

жали аманатов), церковь, гостиный двор с лавками и др. На вооружении служилых людей городского гарнизона была артиллерия (медные и чугунные пушки), ружья, пики, копья, бердыши, сабли и т. д. Жилые дома горожан строились за городскими стенами в посаде. Здесь жили торговые, промышленные служилые люди и ремесленники с семьями. Жили здесь и пашенные крестьяне, пахавшие «государеву пашню» и собственную, выезжая на свои заимки. Многие из городских жителей (духовенство, служилые люди, ямщики и т. д.) также занимались земледелием и сенокошением, держали скот. Для пашни и покосов горожане получали землю сначала вблизи от города, а по мере роста населения все дальше и дальше от него. На этой земле устраивали заимки, деревни, починки, становившиеся впоследствии центром многих населенных пунктов. В городах возникали и развивались ремесла (появлялись ремесленники: кожевники, кузнецы, мыльники и др.), росла торговля (хлебом, солью, скотом, сукнами, холстом, металлическими изделиями и т. д.). Города были не только административными и экономическими, но и культурными центрами. Здесь сосредоточивались и обрабатывались для Москвы разнообразные сведения по изучению природы и населения Сибири, находились ценные архивы, которые, к сожалению, часто гибли от постоянных в сибирских городах пожаров. Здесь составлялись чертежи и росписи, велись сибирские летописи, проводили свои опыты рудознатцы и т. д. Здесь появились и первые крупные сибирские ученые, такие, как Семен Ремезов — географ и историк, и др. Города эти, являясь очагом русской культуры, сыграли важную роль в ее распространении в Сибири.

Старинная казачья башня. Город Туруханск

Более интенсивное освоение Сибири протекало в последующие столетия, особенно после постройки Сибирской железной дороги. Однако до Великой Октябрьской социалистической революции оно было связано преимущественно с развитием сельского хозяйства. Заселение Сибири в XVIII и XIX столетиях не было равномерным. Переселение крестьян, стремившихся в Сибирь, в дореформенный период тормозилось крепостнической политикой царского правительства. Крепостники-помещики не хотели расставаться с даровой рабочей силой, на эксплуатации которой было основано их хозяйство. Они принимали жесткие меры к тому, чтобы зависимые от них крестьяне не могли сбежать в Сибирь. Побеги,

конечно, продолжались, но этих «вольных» переселенцев становилось все меньше и меньше.

В Сибирь бежали не только одиночки, но и большие группы крестьян-раскольников или старообрядцев, которые спасались от религиозных преследований. Значительная часть раскольников вышла из бывшей Нижегородской губернии, с р. Керженца, поэтому старообрядцы в Сибири получили название «кержаков». Часть кержаков проникла в Горный Алтай, «в камень», где получила наименование «каменщиков» или «бухтарминцев» (в бассейне р. Бухтармы). Резервом для заселения Сибири оставались еще государственные крестьяне, но резерв этот был невелик. Известное пополнение Сибири пришлым элементом давала ссылка. В числе значительных групп ссыльных, отправленных в Сибирь в XVIII в., нужно упомянуть так называемых «поляков»: так прозвали русских старообрядцев, которые в XVII и XVIII вв. бежали в Польшу. В течение XVIII в. их дважды при помощи военной силы выгоняли из Польши, а в 1764 г. их отправили из Польши в Сибирь. В Сибири «поляки» попали частично в Горный Алтай и в большей степени в Забайкалье. В Забайкалье они стали известны под наименованием «семейских».

Для XVIII и начала XIX в. характерно не столько заселение Сибири новым пришлым русским элементом, сколько перераспределение русского населения внутри Сибири, в частности в связи с освоением территории вверх по течению Иртыша в казахских степях, в Минусинской котловине и Горном Алтае. XVIII и первая половина XIX в. характерны, кроме продолжающегося освоения Сибири и развития сельского хозяйства, освоением горнорудных богатств, развитием местной горной промышленности в двух крупных центрах: на Алтае и в Восточном Забайкалье (Нерчинский горнопромышленный район). Алтайские горные заводы были основаны А. Н. Демидовым. Они выплавляли главным образом серебро, а также свинец и медь. В 1747 г. эти заводы были взяты специальным указом в ведомство кабинета его величества. В период наивысшего расцвета (1799—1806 гг.) добыча только одного серебра на этих заводах составляла до 20 т в год. При Сузунском медео- и сереброплавильном заводе (основанном в 1764 г.) имелся монетный двор, где чеканилась сибирская монета. В период создания и работы алтайских горнорудных заводов достигает большого развития в Сибири русская техническая мысль. Именно здесь совершаются выдающиеся технические изобретения, в отдельных случаях опередившие научнотехническую мысль западноевропейских государств (знаменитые изобретения И. Ползунова, П. Фролова и др.).

В 1786 г. на Алтае была открыта Колыванская шлифовальная фабрика, выпускавшая прославленные высокохудожественные изделия из яшмы, порфира и других цветных камней. Уже в то время при обработке камня применялись машины и приспособления, изобретенные талантливыми русскими самоучками, имена которых еще почти неизвестны. В Нерчинском районе в XVIII в. действовало свыше десятка различных заводов, добывавших преимущественно серебро, а частично выплавлявших железо и чугун. Работа алтайских заводов была основана на даровом крепостном труде русских крестьян, которых целыми волостями приписывали к заводам. Мужское население, зачисленное в разряд горнорабочих, должно было работать с 7-летнего возраста до потери трудоспособности. От невыносимых условий труда и быта, царивших на этих царских заводах, приписные крестьяне бежали, в частности, в дебри Алтайских гор, где образовывали целые селения («каменщиков»), местонахождение которых тщательно скрывалось от властей. К моменту реформы 1861 г. к алтайским заводам было приписано около 150 тыс. ревизских душ мужского

Остатки Казымского городка

пола. Нерчинские заводы тоже входили в ведомство Кабинета и также были основаны на крепостном труде приписных крестьян. Но здесь широко применялся и труд ссыльных каторжан. В царствовании Николая I и позднéе в Нерчинские рудники стали ссылать политических ссыльных. Сначала сюда попали декабристы, затем участники польского восстания 1830 г., позднее петрашевцы, Н. Г. Чернышевский, затем «каракозовцы» и др.

В первой половине XIX в. приобретает большое экономическое значение добыча и вывоз золота из Сибири. Золотопромышленность получила значительное развитие.

Освоение горнорудных богатств Сибири в указанный период происходило в тяжелых условиях крепостнической царской России и было связано с концентрацией русского населения в ряде отдельных районов Сибири. Русский народ упорным трудом и настойчивостью открыл и разработал большие богатства, таящиеся в недрах Сибири, но ценная продукция этого труда, его результаты присваивались эксплуататорскими классами.

Развитие экономической жизни в Сибири следует рассматривать, разумеется, в тесной связи с устройством и освоением путей сообщения, особенно сухопутных.

Прокладывались новые тракты, вдоль которых создавались новые поселения. Главный тракт перерезал Сибирь с запада на восток, от Тюмени до Нерчинска, связав ее западную и восточную части. С этим трактом были соединены пути в южную Сибирь и отдельные участки Севера (например, Якутия). Для бесперебойного сообщения по трактам сюда переселяли государственных крестьян, ямщиков, но бóльшая часть населения в притрактовой зоне селилась добровольно, привлекаемая возможностью заработка. Оживленное грузовое и пассажирское движение

по тракту во все времена года днем и ночью требовало значительного количества населения для обслуживания тракта. Достаточно сказать, что под перевозку одних только товаров, шедших через Кяхту, в первой половине XIX в. было занято на участке протяженностью в 900 км до 35 тыс. лошадей. Уже в первой четверти XVIII в. по сибирским трактам числилось около 7 тыс. ямщиков, хотя в это время тракт еще не был в достаточной степени освоен. Общее количество населения, обслуживающего тракт, в это время достигает приблизительно 100 тыс. человек, подавляющая часть его была русской.

Интенсивно шло освоение Сибири и через развитие торговли. В XVIII в. торговля в Сибири сосредоточивается в руках торговых русских компаний, которых насчитывалось около 40.[1] Кроме развитой торговли с Китаем через Кяхту, большое экономическое значение имела знаменитая Ирбитская ярмарка, возникшая на р. Нице, в маленьком селении Ирбите, вблизи границы Сибири с европейской частью России, основанном еще в 1632 г. К середине XIX в. на Ирбитскую ярмарку привозилось товаров на сумму свыше 30 млн. руб. Отсюда сибирские товары (пушнина, овчины, сало, масло, кожевенное сырье и пр.) шли на Нижегородскую ярмарку, в Москву, Петербург и другие города, а товары из-за Урала (выделанные кожи, текстильные изделия и др.) — в Сибирь. Таким образом, экономические связи Сибири с центральной частью государства зародились и окрепли еще в дореформенный период. В дальнейшем эти связи расширялись и развивались.

В связи с развитием капитализма в России в освоении Сибири наступил новый период. После реформы 1861 г. Сибирь, как и ряд других окраин России, становится большим аграрным придатком центральной части государства. Горнорудная промышленность Сибири, основанная на даровом труде закрепощенных крестьян и занимавшая видное место в экономике Русского государства, после отмены крепостного труда стала быстро чахнуть и хиреть. Перевести всю эту промышленность на наемный труд ведомство царского Кабинета не могло, ввиду того что это сразу делало ее нерентабельной. Поэтому царский Кабинет пошел на ликвидацию горнорудной промышленности и стал изыскивать другие доходы, в частности от аренды огромного земельного фонда, которым он располагал. Русским капиталистам было достаточно просторно для деятельности в европейской части России, обладающей большими природными богатствами. Развитие сибирской промышленности из-за дальности расстояния и трудности сообщения, особенно до постройки Сибирской железной дороги, их не интересовало, за исключением разработки золотых приисков, которая велась довольно хищническим способом. Русские капиталисты были более заинтересованы в том, чтобы превратить Сибирь в рынок сбыта товаров.

О состоянии промышленности в Сибири в рассматриваемое время можно судить по следующим материалам. Согласно данным 1908 г., промышленные предприятия Сибири составляли лишь 2.5% по отношению к количеству предприятий европейской части России, а количество рабочих только 1% (свыше 20 тыс. рабочих). Это были мелкие предприятия с малым количеством рабочих, с отсталой техникой, рассчитанные главным образом на переработку сельскохозяйственного сырья (паровые мельницы, винокуренные и маслодельные заводы и т. п.). Более значительной по объему производства была старейшая для Сибири золотодобывающая промышленность, продукция которой к концу XIX в. составляла 75.1% всей

---

[1] С. В. Бахрушин. Исторический очерк заселения Сибири. Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. 2. Пгр, 1922, стр. 52.

Русские путники в Бирюсинской тайге. Бывш. Иркутская губ.

золотодобычи в России. Сосредоточена она была в Иркутской (Ленские прииски), Амурской и Забайкальской областях, частично и на северном Алтае. Наиболее крупными по количеству занятых рабочих были Ленские прииски, где незадолго до войны 1914 г. работало 14.5 тыс. рабочих. После проведения Сибирской железной дороги возникла на базе Кузнецкого, Минусинского, Сучанского и некоторых других месторождений небольшая каменноугольная промышленность, которая обслуживала нужды дороги. Даже в 1913 г. 77% продукции этой промышленности шли на нужды железной дороги. Обе указанные отрасли сибирской промышленности характеризовались весьма отсталой техникой и крайне тяжелыми условиями труда и быта рабочих. Что касается металлургической промышленности, то ее, можно сказать, в Сибири не было. Сибирская промышленность, в которой значительное место занимало золото, по отношению к промышленности России составляла ничтожную долю — 1.3%. Такое положение с промышленностью обрекало Сибирь на аграрный путь развития, создавало зависимость ее от капиталистических центров европейской части России.

Для развития сельского хозяйства послереформенный период оказался более благоприятным. В Сибири довольно быстро развивается торговое земледелие. Развитие его находилось в тесной связи с развитием промышленности в европейской части, так как став рынком для сбыта промышленных изделий российской промышленности, Сибирь сделалась поставщиком хлеба для промышленных районов центральной части государства. Развитие торгового земледелия было связано с притоком сюда новых больших контингентов крестьянства. Обилие свободных земель продолжало привлекать переселенцев из европейской части. Отмена крепостного права открыла путь русским крестьянам в Сибирь, хотя остатки крепостничества еще довольно долго тормозили возможность переселения. Нуждаясь в рабочей силе, помещики стремились поме-

шать переселению крестьян. Только после крестьянских волнений 1905 г., чтобы предотвратить опасность революционных выступлений, царское правительство стало содействовать переселению крестьян в Сибирь. В Сибирь переселилось в пореформенный период несколько миллионов крестьян. Переселенческий поток усилился особенно с открытием Сибирской железной дороги, но более всего после 1905 г. Главная часть переселившегося крестьянства осела на территории Западной и южной Сибири, где находился значительный фонд земель, в том числе и Кабинетских, пригодных для земледелия.

Теперь царское правительство не только не заботится об ограждении прав на земельные угодья местных сибирских племен и народностей, а, наоборот, стремится изъять от них как можно больше земель, под видом землеустройства. Изъятые таким путем земли, входившие в ведомство царского Кабинета, превращались последним в доходную статью путем сдачи в аренду переселенцам. Кабинет имел в Сибири 47 млн десятин.

В результате переселения в Сибирь большого количества русских крестьян из различных внутренних губерний России в послереформенное время Сибирь стала одним из ведущих центров русского торгового земледелия и товарного животноводства, что тесно связало ее не только с общероссийским, но и с международным рынками. Русские крестьяне ежегодно засевали в Сибири миллионы десятин различными зерновыми, среди которых преобладала пшеница. Из сотен миллионов пудов хлеба, которые страна получала из Сибири, десятки миллионов пудов шли на экспорт. На основе русского крестьянского животноводства в Сибири выросло маслоделие, продукция которого исчислялась миллионами пудов высококачественного масла. Еще до проведения железной дороги из Сибири ежегодно вывозилось до 500 тыс. пудов (1894 г.) топленого масла. С проникновением сепаратора (1894 г.) и открытием железнодорожного сообщения производство и вывоз масла резко возросли. В 1896 г. в Сибири было всего лишь 16 частных и 4 кооперативных маслодельных завода. Большую часть масла крестьяне делали домашним способом и перетапливали. К 1900 г. действовало уже более 1000 заводов (из них лишь 30 были кооперативными), а в 1913 г. их насчитывалось свыше 4 тыс., из которых частных было 2185 и кооперативных 1917 заводов. С переходом на заводский способ стало вырабатываться сливочное масло. Несмотря на то, что заводы эти были мелкие, плохо оборудованные, помещавшиеся, как правило, в кое-как приспособленных крестьянских постройках, существовавшие на ручном труде, масло, вырабатываемое на них, было высокого качества и шло главным образом на экспорт. На ручной силе работало 84% маслодельных заводов. Лишь 6 заводов работало на паровой силе, 4 завода—на водяной и около 200 заводов — на конской. К 1913 г. Сибирь давала на экспорт свыше 4.5 млн пудов масла в год, перегнав в размерах экспорта Австралию и Голландию и приблизившись в этом отношении к Дании. Крестьянское маслоделие находилось целиком в руках капиталистов, несмотря на то, что в Сибири в начале XX в. получила широкое распространение маслодельная кооперация. Объединение многочисленных сибирских маслодельных артелей, в которых главную роль играли местные кулаки, оказалось в зависимости от иностранного, в частности датского, капитала, который принял участие в финансировании буржуазного Сибирского союза маслодельных артелей и получал бо́льшую часть доходов от сбыта масла. Западная и средняя Сибирь были покрыты сетью агентств и складов иностранных торговых фирм, расположенных вдоль линии железной дороги и водных путей. Эти фирмы до создания

Старательские работы. Сибиряковский прииск бывш. Якутской обл.

Союза Сибирских Маслодельных артелей 1907 г. являлись монополистами по закупке масла. Среди них наиболее крупными были датские фирмы: «Сибирская Компания», «Лунд и Петерсон», «Датское экспортное товарищество» и др. Иностранные фирмы не только скупали дешево сибирское масло, но и торговали сепараторами, сельскохозяйственными машинами и др.

Трудовое русское крестьянство сумело в сравнительно короткое время добиться больших успехов в развитии сельского хозяйства Сибири, несмотря на неблагоприятные условия, порождаемые политикой правительства царской России. Массовые переселения русских крестьян в эпоху развития капитализма в России сыграли прогрессивную роль в экономическом освоении Сибири, хотя самим переселенцам зачастую приходилось жить в тяжелых условиях. Сибирь была втянута в капиталистическое развитие страны. Политика царизма, продиктованная интересами русских помещиков и капиталистов, разумеется, тормозила развитие Сибири. Политика эта была направлена к искусственному задержанию развития производительных сил Сибири, препятствовала развитию местной промышленности. Сибири отводилась роль потребителя промышленных изделий и поставщика сельскохозяйственной продукции. Но и в этом отношении российские помещики и капиталисты — экспортеры хлеба проводили политику, задерживающую рост земледелия, ови, например, стремились не допустить на внутренний общероссийский и внешний рынок дешевый сибирский хлеб. Они заставили царское правительство ввести для провоза сибирского хлеба особый тариф, получивший в литературе название «челябинского перелома», который весьма повышал стоимость вывозимого хлеба и, конечно, тормозил этот вывоз, а также ухудшал положение крестьян-земледельцев, ибо торговцы снижали покупные

цены на хлеб, стремясь переложить на крестьянские плечи тяжесть пресловутого челябинского тарифа. Однако и в этих условиях невозможно отрицать известный прогресс в экономике, культуре и быте русского населения Сибири в рассматриваемый период. Появилась крупнейшая железнодорожная магистраль, было налажено регулярное пароходное сообщение по рекам, что прямым образом повлияло на развитие товарного земледелия и животноводства. Появилась и небольшая местная промышленность, главным образом по первичной обработке сельскохозяйственной продукции (мукомольная, маслодельная, винокуренная). Наблюдается рост городов, появляется большое количество новых сельских населенных пунктов, увеличивается количество населения в старых. Прилив нескольких миллионов русского крестьянства усилил плотность населения Сибири, но еще долгое время она остается мало заселенной.

Улучшилась техника сельского хозяйства, стали широко распространяться сельскохозяйственные машины. За последние двадцать лет перед Великой Октябрьской социалистической революцией Сибирь ввезла на 150 млн руб. сельскохозяйственных машин,[1] став важнейшим рынком сбыта не только для отечественного, но в большей степени иностранного капитала. Ряд исследователей отметил, что русские крестьяне-переселенцы послереформенного периода весьма улучшили технику обработки земли и уборки урожая; улучшили сорта семян, ввели посевы гречихи, проса, подсолнечника, бобовых, а кое-где и садоводство и бахчеводство. Стало применяться удобрение земли навозом, соха заменилась плугом, появились новые, улучшенные породы скота. Переселенцы же принесли в Сибирь пасечное пчеловодство, маслобойное дело, различные ремесла (кожевенное, шорное, шубное, деревообделочное и т. д.).[2]

Огромное прогрессивное значение для исторической судьбы русского и местного населения имело появление рабочего класса в Сибири. Как ни слабо была развита промышленность, как ни распылены были кадры рабочих по мелким предприятиям, разбросанным по обширнейшей территории, общее количество рабочих в Сибири после проведения железной дороги исчислялось уже многими десятками тысяч. Не вдаваясь в историю формирования рабочего класса в Сибири и не ставя задачи дать его хотя бы краткую характеристику, подчеркнем, что наиболее сознательную и передовую часть рабочих кадров представляли собой железнодорожные рабочие. Эта часть сибирских рабочих была связана своим происхождением с различными крупными пролетарскими центрами России, откуда рабочие, преимущественно металлисты, переселились в Сибирь в связи с постройкой и обслуживанием железной дороги. Железнодорожные рабочие имели опыт революционной экономической и политической борьбы с царизмом, отличались сплоченностью и организованностью, тесно связывали свои интересы с интересами и задачами рабочего движения всего русского пролетариата. Вот почему именно они в условиях Сибири сыграли основную роль в деле возникновения и развития революционного рабочего движения. В их среде прежде всего нашли отклик и поддержку передовые общественные идеи нашего времени. Политическое руководство революционным движением в Сибири осуществлялось большевистскими организациями. В. И. Ленин лично принимал участие в организации политической борьбы рабочих Сибири с царизмом. В сибирских большевистских организациях работали такие выдающиеся деятели Коммунистической партии, как С. М. Киров, В. В. Куйбышев, И. В. Сталин и др. Связаны были с большевистским подпольем Сибири Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинский

[1] Азиатская Россия, т. II, стр. 406—407.
[2] См. об этом: В. В. Покшишевский. Заселение Сибири, стр. 193—194.

и др. В силу большого политического влияния на рабочих со стороны местных комитетов социал-демократической партии большевиков, а также политической активности сибирских железнодорожных рабочих революционное движение в Сибири в период первой русской революции (1905—1907 гг.) местами вылилось в вооруженное восстание с захватом власти и созданием советов рабочих и солдатских депутатов (Красноярск, Чита). Так возникла известная «Красноярская республика», просуществовавшая до начала 1906 г. Но не только железнодорожные рабочие Сибири внесли ценный вклад в общерусское революционное движение. В нем принимали участие и рабочие сибирских приисков. В 1912 г. рабочие Ленских золотых приисков объявили забастовку, которую возглавила одна из сибирских большевистских партийных групп. Рабочими под руководством большевиков была разработана и предъявлена администрации целая программа требований экономического и политического характера. Ответом на них со стороны капиталистов — владельцев акционерного общества Ленских приисков и царских властей — был массовый расстрел рабочих этих приисков. Несмотря на зверскую кровавую расправу с бастовавшими, смелое выступление этой группы русских рабочих Сибири сыграло большую роль в общем развитии революционного движения рабочего класса в России. «Ленский расстрел, — писал В. И. Ленин, — явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс».[1]

Славные революционные выступления сибирских рабочих, воспитанных на идеях и программе Коммунистической партии, были продолжены и позднее. Они способствовали победе Великой Октябрьской социалистической революции и помогли установить, отстоять и укрепить советскую власть на территории Сибири.

БЫТ РУССКИХ КРЕСТЬЯН В СИБИРИ

Подавляющее большинство русского населения Сибири составляло крестьянство, жившее в сельских местностях; городского населения, по данным 1897 г., насчитывалось менее 10%.

Занятия

Преобладающим занятием русских крестьян было земледелие. Быт русского крестьянства имел в Сибири некоторые специфические черты. В нем сказывалось, конечно, и влияние классового различия в крестьянской среде, характерного для послереформенного периода. В дореформенный период крестьянство в Сибири было сравнительно однородным. Несмотря на то, что большая часть сибирского русского крестьянства (за исключением крестьян, приписанных к казенным заводам) не знала крепостного права, она подвергалась эксплуатации и угнетению со стороны правящих классов в других формах: различные натуральные и денежные подати, повинности и т. д. Крестьяне подвергались также и торгово-ростовщической эксплуатации. С развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве Сибири сибирское крестьянство дифференцировалось. Из его среды выделилось, с одной стороны, кулачество, с другой — сельскохозяйственный пролетариат, батрачество. Кулацкая часть крестьянства вела торговое земледелие и скотоводство при помощи наемного батрацкого труда, нередко держала в своих руках мельницу, всю сельскую торговлю, скупая сельскохозяйственную продукцию и продукцию промыслов: пушнину, рыбу, орех и т. д. Так, например, сильная кулацкая прослойка из ссыльных скопцов в селениях Якутской области являлась крупным скупщиком хлеба, который доставлялся

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 86.

на якутский рынок. Среди этих кулаков были владельцы больших мельниц, в крупных хозяйствах которых использовался труд батраков якутов, эвенков и русских. Большую часть сибирского старожильческого крестьянства составляли середняки. Процесс капиталистического расслоения сибирской деревни в свое время привлек внимание В. И. Ленина при написании им знаменитого исследования «Развитие капитализма в России». В. И. Ленин обратил внимание на специфику капиталистического развития в сибирской деревне, отличавшую этот процесс от аналогичного процесса в европейской части России. В. И. Ленин установил, что отношения аренды и сдачи земли, возникшие в процессе развития капиталистических отношений в русской деревне и приводившие к концентрации земельной собственности у кулацкой верхушки, для сибирской деревни не были характерны. «Дело в том, — указывал В. И. Ленин, — что в Сибири нет именно тех условий, которые создали это правило, нет обязательного и „уравнительного" надела, нет сложившейся частной собственности на землю. Зажиточный крестьянин не покупает и не арендует земли, а захватывает ее (так было, по крайней мере, до сих пор): сдача-аренда земли носит скорее характер соседских обменов, и потому групповые данные об аренде и сдаче не показывают никакой законосообразности».[1] В сибирских условиях не было и того малоземелья, которое являлось бичом для трудящегося крестьянства в европейской части России. В Сибири, напротив, было много земли, но земля эта была целинная, и обработать ее было не так-то просто. Для этого нужно было иметь достаточно тягловой силы и земледельческих орудий. Поэтому данные о капиталистическом расслоении сибирской деревни наиболее ярко выступали в зависимости от обеспечения крестьянина рабочими лошадьми.

В. И. Ленин приводит следующие данные о классовом расслоении сибирской деревни (по 4 округам б. Енисейской губернии): «У 39.4% дворов низших групп (безлошадных, с 1 и 2 лошадьми), при 24% населения, лишь 6.2% всей запашки и 7.1% всего скота, тогда как у 36.4% дворов с 5 и более лошадей, при 51.2% населения, — 73% запашки и 74.5% всего скота. Последние группы (5—9, 10 и более лошадей) при 15—36 дес. запашки на 1 двор, прибегают в широких размерах к наемному труду (30—70% хозяйств с наемными рабочими), тогда как три низшие группы, при 0—0.2—3—5 дес. запашки на 1 двор, *отпускают* рабочих (20—35—59% хозяйств)».[2] Здесь ясно выступает, с одной стороны, прямая связь размера запашки с обеспеченностью хозяйства рабочими лошадьми, а с другой стороны, возможность обеспеченного хозяйства применять наемный труд. Чем зажиточнее было хозяйство, чем больше у него было лошадей, а в связи с этим и размеры запашки, тем более оно прибегало к использованию наемного труда малообеспеченных крестьян. Следует отметить, что большие резервы рабочей силы для развития зажиточного и кулацкого хозяйства Сибири представляли собой крестьяне-переселенцы из европейской части России. По этому поводу В. И. Ленин заметил: «Весьма интересно наблюдать, что отношения зажиточного сибиряка к поселенцу (а в этих отношениях вряд ли бы и самый ярый народник решился искать пресловутой общинности!) — в сущности совершенно тождественны с отношениями наших зажиточных общинников к их безлошадным и однолошадным „собратам"».[3] Усиление переселенческого движения в Сибири в 1880-х годах обострило капиталистическое расслоение крестьянства. В. И. Ленин писал: «Известно, что переселяются

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 97.
[2] Там же, стр. 96.
[3] Там же.

главным образом крестьяне из губерний земледельческих (из промышленных эмиграция совершенно ничтожна) и притом именно из густонаселенных центральных губерний, в которых всего более развиты отработки (задерживающие разложение крестьянства). Это во 1-х. А во 2-х, из районов выселения идет главным образом крестьянство *среднего достатка*, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства. Таким образом переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни)».[1]

Условия жизни крестьянского населения Сибири, как уже было отмечено, значительно отличались от жизни русских крестьян центральной части России. В Сибири все-таки не проявился с такой силой гнет крепостного права, а в пореформенный период феодально-крепостнические пережитки не были так сильны, как в центральных губерниях. Община здесь не ограничивала деятельность своих членов, не было, особенно первоначально, и того малоземелья и тесноты, как в центре. Способ ведения хозяйства в Сибири также значительно отличался от хозяйствования в центральных губерниях, где до середины XIX в. господствовало трехполье, а со второй половины XIX и до начала XX в. совершался переход к многополью. В Сибири, при больших земельных просторах, применялась залежная система. Земли заимщика (крестьянской семьи — двора) обрабатывались лишь в незначительной части, остальное находилось в залежи. После нескольких сборов урожая землю оставляли в залежи сроком до 15 лет.

В конце XIX—начале XX в. с увеличением населения и сокращением свободных земельных площадей преобладающим стало залежно-паровое хозяйство (сроки залежи все более сокращались и доходили до 1 года). Это пестрополье, характерное для Сибири, являлось переходом к трехполью. Соотношение залежи и пара было очень разнообразно. В южной плодородной части Сибири почву восстанавливали залежью, к северу повышалось значение пара. В лесных местностях применялась также подсечная система (выжигание леса под пашню с периодическим запусканием ее под лес). Тенденция перехода к двуполью и трехполью, особенно на старых пашнях, выражена была повсеместно. Процесс вытеснения залежно-парового хозяйства чисто паровым безнавозным или с навозным удобрением более сильно проявился в направлении с запада на восток. В Восточной Сибири преобладало двуполье и трехполье, причем двуполье здесь местами (на Илиме) господствовало уже в XVII в.

Все чаще крестьяне-сибиряки прибегали к удобрению почвы навозом. Устойчивости в севооборотах не было, что, возможно, в значительной степени определялось сильным развитием заимочного землепользования, ибо заимочник-земледелец мало зависел от других односельчан, распоряжаясь в хозяйстве по своему усмотрению.

Основными культурами были: пшеница (озимая и яровая), рожь озимая и ярица, овес, ячмень; сеяли также просо, гречиху, горох и др. Развитие посевов пшеницы за счет сокращения ржи отмечалось еще на ранних этапах развития русского земледелия в Сибири (особенно в Западной). В бывших Тобольской и Томской губерниях к началу XX в. пшеница составляла 50% всех посевов зерновых.[2] В Восточной Сибири, при систематическом росте посевов пшеницы, преобладающей культурой все же была рожь. В более северных районах земледелия большое зна-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 149—150.
[2] П. М. Головачев. Сибирь. М., без года, стр. 71.

Пахота односошной сохой пермянкой. Бывш. Иркутская губ.

чение имел ячмень. Из технических культур сеяли коноплю, меньше лен, которые шли преимущественно для удовлетворения собственных потребностей; лишь местами коноплю сеяли для продажи. Известно было в Сибири (Минусинский край) разведение свекловицы. Возделывание этой культуры возникло не без влияния переселенцев из южных русских губерний и украинцев.

Принесенные с севера или центральных губерний России пахотные орудия в Сибири быстро уступали место орудиям, более приспособленным к местным почвам. Обычная великорусская двухлемешная соха, называемая в Сибири рогамол, роголюха или рукопашка, косуля и деревянная борона вытесняются другими орудиями: тяжелыми самодельными деревянными плугами, колесухой, бороной с железными зубьями. Колесуха, или колесянка — переходный тип орудия от сохи к плугу с одним лемехом, с передком, поставленным на колеса. Употреблялись сохи с одним сошником, называемые сабаном. Распространен был в Сибири и настоящий сабан — деревянный плуг, называемый обычно пермянкой, сходный с урало-поволжским типом плуга-сабана. Уже в XIX в. у зажиточных крестьян появляются фабричные железные плуги, в начале XX в. они распространяются все более, особенно в хлебородных местах Сибири. В соху, косулю впрягали от 2 до 4 лошадей, в тяжелый плуг — от 5 до 8, в зависимости от почвы. Основным рабочим животным являлась лошадь; лишь местами впрягали волов, по украинскому обычаю. Русская запряжка с дугой и оглоблями или в гужи — основной вид запряжки в Сибири, но изредка применялась и украинская упряжка при помощи ярма и дышла. Уборка урожая — жатва хлебов — производилась преимущественно серпом; некоторые культуры (овес, ячмень) обычно косили косою (к которой прикрепляли деревянный «гребень»). Сжатый хлеб складывали для просушки в суслоны по 10 и более снопов. В литературе имеются упоминания о кладке снопов в крестцы.[1] Из суслонов через две-три недели снопы складывали в клади — скирды, откуда их перевозили к гумну.

[1] Сведения о Сибири. СПб., 1897, стр. 170. Способ кладки суслонами распространен на северо-востоке европейской России, крестцами — преимущественно южнее Москвы.

Клуня — открытый ток для молотьбы хлеба. Бухтарминцы

Молотили цепом и лошадьми, местами молотягой — деревянным валом с вколоченными в него деревянными зубьями (лошадь впрягалась при помощи оглобель), либо молотилкой с одноконным или двуконным приводом. Веяли лопатой.

Во второй половине XIX в. у наиболее богатых крестьян появились машины: веялки, молотилки, жатки косилки, которые стали распространяться особенно после постройки железной дороги. Владельцы машин за плату давали пользоваться ими более бедным односельчанам. Молотьба, веяние производились на гумне, обнесенном изгородью, иногда это был навес, так называемая «клуня». Снопы предварительно подсушивали в овине. С введением машин молотили зерно большей частью без подсушки. На Дальнем Востоке зерно подсушивали в русских печах уже обмолоченным.

Хлебосушильни в Сибири представляли обычные русские срубные овины с печью — каменкой; есть указания, что такие овины были ямными (Иркутская губерния). Располагался овин у гумна. Были и риги. Существовали и такие виды хлебосушилок, как шиши — конические постройки из жердей, располагавшиеся над ямой, где разводили костер. Этими простейшими хлебосушильнями, наиболее дешевыми, пользовались беднейшие крестьяне.[1] При ночной молотьбе для освещения ставили очаги — небольшие деревянные срубы, набитые землей, на которой жгли дрова или смолу.

В Сибири получило развитие мукомольное дело. Для размола зерна повсюду имелись мельницы (ветряные, водяные). Во второй половине XIX в. появляются паровые вальцевые мельницы, принадлежавшие сельским кулакам, крупным промышленникам. Для обдирания крупы существовали толчеи. В небольшом количестве крупу драли дома, при помощи

[1] Сведения о Сибири, стр. 133. Шиши известны в Поволжье и, видимо, оттуда были перенесены в Сибирь переселенцами — русскими или марийцами, чувашами, татарами.

Водяная мельница. Бывш. Енисейская губ., Минусинский уезд

ступы и неста. Ручной жернов для размола муки употреблялся редко лишь для мелких домашних нужд.

Огородничество составляло особую отрасль земледелия. В огородах разводили огурцы, морковь, лук, редьку, репу, свеклу, капусту и брюкву («калегу»). Картофель распространяется в Сибири с 1840-х годов. Первоначально его сажали в огородах, позже, особенно под влиянием новоселов, его начинают сажать и в поле. До настоящего времени в Сибири помнят старинное название картофеля «яблочко», «яблочка». Для выращивания огурцов и других овощей применялись парники. На Крайнем Севере кое-где также выращивали картофель, репу, лук. Со второй половины XIX в., особенно под влиянием переселенцев из южных губерний России и украинцев, развивается бахчеводство — выращивались дыни, арбузы (в южных областях Западной Сибири, в Минусинском крае, южных областях Дальнего Востока). На огородах разводили табак (махорку, бакун) для собственного потребления и лишь местами — на продажу. Значительные посевы табака были в южных уездах Енисейской губернии и на западе Сибири (здесь русские казачки прославились как хорошие табаководки).[1]

Огородничество и бахчеводство имели повсеместно подсобное значение в хозяйстве и промысловое вблизи городов, промышленных центров, золотопромышленных районов. Так, например, около городов Омска и Петропавловска (Западная Сибирь) были целые селения, занимавшиеся только огородничеством, бахчеводством и табаководством. Арбузы и дыни, а также табак вывозились далеко за пределы Западной Сибири. Пригородные селения Якутской области доставляли на рынок Якутска, помимо пшеницы, также овощи, арбузы и другие продукты бахчевого хозяйства.[2]

Садоводство было развито в южных уездах б. Тобольской губернии (яблони, вишни). Опыты садоводства производились в Минусинском крае

[1] Сведения о Сибири, стр. 155.

[2] И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. СПб., 1912, стр. 326.

(китайские яблочки, груши), под Красноярском. На Дальнем Востоке имелись попытки выращивания вишни и других садовых культур. Лучше всего удавалось разведение садовых ягодных растений: малины, смородины, крыжовника, клубники, земляники. Садоводством, как и бахчеводством, занимались большей частью новоселы.

Животноводство у земледельцев Сибири составляло необходимую, важную, но подсобную отрасль хозяйства; лишь в районах, где земледелие было ограничено климатическими условиями, животноводство имело ведущее значение в хозяйственной жизни. Техника и способы скотоводства были экстенсивными. Уход за скотом был поставлен гораздо хуже, чем в центральных губерниях. Количество рабочего и молочного скота было неодинаковым у различных групп в деревне. Разница в обеспеченности скотом наблюдалась и среди старожилов, но особенно резко она проявлялась между старожильческим зажиточным крестьянством и новоселами. В селениях всегда были безлошадные и бескоровные хозяйства, большей частью у новоселов, которые иногда составляли 25% всех хозяйств.[1] Были селения, в которых вовсе не было рогатого скота, а иногда и лошадей и большинство жителей батрачили в больших старожильческих хозяйствах.[2]

Коневодство издавна было развито в Сибири. Лошадь являлась основной тягловой силой в сельском хозяйстве и имела большое транспортное значение.

Волы, как указано выше, употреблялись сравнительно редко. В некоторых местах (в Забайкалье) с конца XIX в. начинают использовать в качестве рабочей силы верблюда.[3]

Русское коневодство сыграло значительную роль в деле улучшения местных пород лошадей. Путем организации коннозаводского дела, метизации с привезенными из европейской части животными (битюга, рысака и др.) создавались улучшенные местные породы. Заслуженной славой пользуется «томская» сильная рабочая лошадь; в ряде других мест Западной и Восточной Сибири разводили улучшенные породы транспортных лошадей. Хорошими качествами обладали разнообразные местные породы стешных, верховых лошадей: «минусинка», «алтайка», в наиболее южных районах Сибири — «монголка», на западе — «киргизская», на востоке — «забайкальская» (отличавшаяся быстроходностью). На Оби была создана особая разновидность «минусинки» — «нарымка», хотя и более мелкая, но не уступающая по силе и выносливости «минусинке». Все эти породы отличались выносливостью, приспособленностью к природным условиям Сибири.

Сибирские коровы известны большой выносливостью и неприхотливостью, но в большинстве своем были малопродуктивны. Местные породы коров, например «маньчжурская», на Дальнем Востоке использовалась маньчжурами только на мясо, и лишь русские крестьяне стали доить их. Многие малопродуктивные местные породы скота были улучшены скрещиванием с различными ввозными породами: ярославской, холмогорской, голландской, симментальской и др. Хорошие результаты давала метизация местных пород с украинским скотом, пригнанным переселенцами из Полтавской и Харьковской губерний.

Молочное направление животноводства развивалось особенно на западе Сибири, на востоке же преобладало мясное направление. Маслоделие на западе Сибири находилось в руках частных предпринимателей,

[1] Материалы для изучения быта переселенцев, водворенных в Тобольской губернии за 15 лет (с конца 70-х годов по 1893 г.), т. 1. М., 1895, стр. 218, 222.
[2] Там же, стр. 390.
[3] Сведения о Сибири, стр. 175.

применявших технические усовершенствования для приготовления масла— сепаратор и др., и имело товарное значение. В крестьянских хозяйствах масло сбивали преимущественно при помощи самодельных деревянных маслобоек.

Разведение мелкого рогатого скота везде составляло второстепенную отрасль животноводства. Лишь в немногих степных местах овцеводство приобретает бо́льшее значение, чем разведение крупного рогатого скота. Разводили главным образом овец монгольской, киргизской и русской пород. Последняя по качеству шерсти значительно превышала местные породы, и поэтому буряты — древние скотоводы — улучшали продуктивность своих овец путем скрещивания монгольской породы с русской.

Зимой скот содержался в стойлах: теплые хлевы устраивались обычно только для овец и телят. С апреля (с Егорьева дня) и до октября (до снега) скот выпускался на подножный корм. Из 7 месяцев пастбищного кормления 2—2½ месяца пастбищами служили утуги, луга, пары, после уборки хлеба — жниво. Остальное же время скот пасся на выгоне — поскотине, менее богатой кормом.

Улучшали пастбища сибирские крестьяне тем, что удобряли луга навозом; это практиковалось и бурятами. Удобренные луга назывались утугами. В Забайкалье русскими и бурятами применялось также орошение лугов. Оросительная система, использовавшаяся для орошения покосов и пашни, существовала и на Алтае.

Сенокошение как промысловое занятие имело значение лишь в селениях у больших трактов. Сено косили косой-литовкой. Косу-горбушу в конце XIX—начале XX в. употребляли сравнительно мало, лишь в неудобных местах (лесах, болотах). Наиболее зажиточные крестьяне применяли косилки. Сено сушили, сгребали граблями, метали в длинные стога — зароды, которые перевозили большей частью уже по зимнему пути, складывая в сарай — сенник. С конца XIX—начала XX в. зарождается травосеяние, особенно в районе развития молочного животноводства и маслоделия.

Особенностью сибирского животноводства является широкое распространение пастьбы без пастуха. В некоторых местах лошади паслись табунами, круглый год находясь на подножном корму (зимой раскапывая его из-под снега). Это косячное или табунное содержание лошадей обходилось большей частью без присмотра; так же содержались коровы и овцы на поскотине.

Чтобы уберечь посевы от потравы, крестьянам приходилось ставить деревянные изгороди из жердей (поскотины) иногда на десятки километров. Обычно огораживали селение с прилегающими к нему местами выгона. Въезд и выезд в селение шел через ворота поскотины, которые каждый проезжающий был обязан закрывать за собой. Иногда ворота поскотины устраивались так, что при проезде через них они закрывались автоматически. Городьба поскотины проводилась по раскладке между жителями селения. Протяженность звена изгороди, которое должен был загородить отдельный хозяин, измерялась в саженях, количество последних обычно определялось количеством голов скота, имеющихся у отдельного хозяина. Существовали и уравнительные виды раскладки городьбы, например на каждое хозяйство, независимо от количества имеющегося у него скота, исчислялись подушные; за них особенно ратовали богачи. Пастуха нанимали только на осень для пастьбы на пашне или на время отгона. Отгонный скот — овцы, нерабочие лошади, быки — угонялись каждое лето с пастухами; хозяева наведывались к скоту лишь несколько раз в лето. Существовал и обычный для России наем пастуха на весь сезон с ежедневной пастьбой скота в поле. Пастуху платили все хозяева в зависимости от количе-

ства скота; кормили пастуха по очереди, иногда давали прирядок — сапоги, рубаху, шубу (которые по окончании пастьбы отбирались).

Правовое положение пастуха значительно отличалось от положения пастуха в центральных губерниях, где ответственность пастуха за скот была гораздо больше. По обычному праву в Сибири пастух не отвечал за животных, зарезанных хищником, а также за потраву кладей хлеба, поло́м городьбы поскотины и пр.: за это отвечал хозяин, плохо огородивший хлеб или свое звено в ограде поскотины.

Свиноводство до прихода русских не было известно многим народам, хотя основным занятием их и было скотоводство (буряты, якуты, алтайцы). Разводили свиней лишь некоторые группы населения на Амуре (нанайцы и др.), заимствовав свиноводство у китайцев. Наибольшее развитие свиноводство получило в XIX—начале XX в. в Тобольской (Курганский уезд) и Томской (Бийский уезд) губерниях. Продукцию свиноводства вывозили в европейскую часть России. Содержались свиньи в крестьянском хозяйстве на усадьбе: для них строили небольшие теплые хлевы — «катушки».

Разводили в Сибири и домашнюю птицу — кур, гусей, уток, иногда индеек. Большую роль в развитии этой отрасли хозяйства сыграли новоселы (менее обеспеченные, чем старожилы), уделявшие ей много забот и внимания. Повидимому, домашнее птицеводство до прихода русских не было известно в Сибири.

У русских сибиряков получили развитие и такие отрасли животноводства, которые не типичны или вовсе не известны в европейской части России. Главные из них — собаководство и мараловодство. Собаководство имело большое значение у русских, занимающихся преимущественно рыболовством (устье Индигирки, Колыма, Анадырь, Камчатка, Охотское побережье и др.). У русско-устьинцев собаку называли даже «скотиной».

В условиях Крайнего Севера собака являлась часто единственным домашним и упряжным животным. Распространены были разнообразные виды сибирских лаек. Количество собак в каждом хозяйстве зависело от его зажиточности. Средней партой считалась упряжка из 12 собак. В хозяйстве имелось от 1 до 2—3 упряжек. Основной корм собак состоял из вяленой и сушеной рыбы. В таежных районах собака являлась верным помощником охотника в промысле.

Содержание и разведение марала (вид благородного оленя *Cervous Canadensis*) зародилось в начале XIX в. среди русских на южном Алтае. В дальнейшем оно распространилось в Западных Саянах, в Усинском крае (Тува), Забайкалье. Основной целью разведения маралов являлась добыча пантов — рогов марала, сбывавшихся в Китай, где они употреблялись в медицине и особенно ценились. Кроме пантов, составлявших экспортный товар, в хозяйстве использовались маральи кожи (выделывали замшу, шедшую на пошивку одежды). Мясо марала шло в пищу; из сала приготовляли свечи, кроме того, употребляли сало как лечебное средство — от нарывов: из костного мозга приготовляли мазь для смазывания ружейных замков и т. д.

В начале XIX в. панты дикого марала повсюду добывали охотой. Ловля диких маралов производилась ямами и гоньбой марала по насту. Пытаясь приручить маралов, русские сибиряки добились того, что марал превратился в полудомашнее животное, размножавшееся в неволе. Их содержали в «садах» — маральниках (на Алтае) и при дворах — в «клетях» (в Саянах). Маральники представляли обширные (от 1.5 до 120 га) огороженные участки. Крупные маральники нередко принадлежали кулакам, иногда нескольким хозяевам. При содержании в дворах на каждого марала приходилась меньшая площадь, и маралов приходи-

Маралы в маральнике. Бывш. Енисейская губ., Минусинский уезд

лось больше подкармливать, чем в маральниках. Такое содержание более приближалось к стойловому. В дворах содержали главным образом самцов, количество которых пополнялось пойманными живьем дикими маралами. Летом производили съемку рогов марала в специальных крытых помещениях — съемниках, затем производили варку и сушку пантов. Сбывали панты скупщикам.

Народы Сибири до появления русских знали бортничество, пользовались медом диких пчел, но не имели пасек. Возникновение пасечного пчеловодства на Алтае относится к XVIII в. Возникло оно в Устькаменногорском уезде у так называемых «поляков» — группы русских старообрядцев.

Уже в середине XIX в. пчеловодство занимало одно из видных мест в хозяйстве кержаков. В наиболее богатых кулацких хозяйствах насчитывалось до 1000 и больше ульев. Крупнейшим центром пчеловодства был южный Алтай, особенно Бухтарминский край.

Ульи первоначально состояли из колод-долбянок, выдолбленных из ствола дерева, или дуплянок, сделанных из дуплистых деревьев. Со второй половины XIX в. появляются рамочные ульи. Однако в районах наиболее развитого пасечного пчеловодства (Алтае, Минусинском крае, Енисейской губернии и др.) ульи-колоды — лежаки и стояки — составляли значительную часть пасеки. Мед и воск продавали на рынках или сбывали местным скупщикам и приезжим купцам. Бухтарминский горный мед славился превосходными качествами и отправлялся на Ирбитскую, Нижегородскую ярмарки и в другие места.

Освоение Сибири и проникновение туда земледельческих навыков и техники русского народа сыграли большую прогрессивную роль в развитии местных сибирских народов. Русские крестьяне оказали влияние на развитие земледелия у многих народов Сибири. Так, например, якуты еще в конце XVIII—начале XIX в. ввели у себя соху, борону, русскую упряжь, приучили рабочий скот к работе

Привоз марала в маральник. Бывш. Енисейская губ., Минусинский уезд

на пашне, т. е. сразу перешли к пашенному земледелию, миновав более примитивную стадию мотыжного земледелия. Заимствовали якуты русский жернов, а позднее стали строить мельницы. Под влиянием русских перешла к оседлости и земледелию часть эвенков, живших в Якутской области и Забайкалье. Особенно восприимчивыми к русскому земледелию и оседлости оказались буряты-скотоводы и звероловы. Они быстро стали расширять запашки. Земледелие бурят некоторых районов (Иркутского и Балаганского уездов) в начале XX в. уже мало чем отличалось от земледелия русских крестьян. Среди значительной части алтайцев наблюдался также процесс перехода к оседлости и земледелию. Русские пахотные орудия, способы кладки хлеба снопами, молотьба цепом и лошадьми прочно вошли в хозяйственный быт больших групп алтайцев.

Большое положительное значение для хозяйственного быта народов Сибири имело внедрение огородных культур, принесенных впервые русскими, приемы русского животноводства, птицеводства и т. д. В начале XX в. многие буряты, якуты, алтайцы, хакасы и другие уже сажали картофель, капусту и прочие овощи. Русское стойловое животноводство оказало большое положительное влияние на кочевое примитивное скотоводство Сибири. У всех народов Сибири, занимавшихся скотоводством, также возникло стойловое содержание скота с заготовкой корма на зиму, в связи с чем улучшилась продуктивность скота, более устойчивым стал количественный состав стада. Русские вывели новые породы молочного скота, овец и более сильные породы рабочей лошади. Свиноводство и птицеводство также впервые стали проникать в быт местных племен и народов. От русских были восприняты и орудия сенокошения. Распространилась сначала коса-горбуша, потом коса-литовка, увеличившие намного производительность труда; сено стали сушить по русскому образцу, складывая его в копны и стога, а не развешивать, свивая в жгуты, на деревьях, как это делали, например, алтайцы.

Земледелие и огородничество, как и стойловое животноводство, проникавшие в быт бывших кочевников-скотоводов, охотников и рыболовов, укрепляли их продовольственную базу и давали кое-где (буряты) товарную продукцию, способствуя развитию капиталистических отношений.

Охота у русского населения Сибири большей частью составляла подсобное занятие. В северных таежных районах и лишь там, где было слабо развито земледелие, охота у русского населения являлась одним из важных средств к существованию (Тобольский север, Приангарье, Усинский край, северное Забайкалье и др.). Добывавшаяся пушнина составляла товарную продукцию.

Из пушных зверей наибольшее промысловое значение с конца XIX—начала XX в. приобретает белка. Ценнейшие пушные звери — бобр, куница, соболь и др. — к этому времени значительно уменьшились в количестве, соболиный промысел также имел значение лишь в немногих местах Западной Сибири (в Пелымском крае, на Алтае), Восточной Сибири и в Приамурье, а также Камчатке. Особенно славились витимские и киренские соболя (Восточная Сибирь), отличавшиеся необычайно пушистым мехом темного цвета. Важными промысловыми животными являлись лоси, рыси, россомахи, лисицы, песцы (наиболее высоко ценился голубой песец). Из мелких животных, кроме соболя и белки, ловили бурундука, колонка, горностая, зайца и др. Местами большое значение имела охота на козулю, кабаргу, оленей-пантачей (Алтай, Приморье), а также на дикого оленя (Крайний Север).

Из птиц в таежных местах ловили глухаря, тетерева, рябчика, в тундре куропатку, гусей, уток, лебедей. Так называемое гусевание — охота на диких гусей — имело большое значение в жизни русских в зоне Крайнего Севера и давало основную пищу населению в голодные годы.

По побережью Ледовитого и Тихого океанов, в устьях сибирских рек русское население занималось охотой на морского зверя — нерпу, лахтака, частью на моржа, белого медведя.

Орудия и приемы охоты были очень разнообразны, но преобладала ружейная охота. Большое значение имели ловушки: кулемы, пасти, петли и др. В Восточной Сибири существовал весьма своеобразный лов соболя куркавками. Куркавки — волосяные петли — ставили на деревьях, переброшенных через реки и служивших мостом для соболя в октябре, когда реки еще не покрылись льдом. Применялся также омет — особая сеть для ловли соболя по первому снегу. Охотник, выследив соболя в дупле, окружал дерево ометами, выкуривал животное из дупла дымом. Сетями и перевесами ловили водоплавающих птиц. Существовали способы лова лосей и оленей ямами.

Охотничий промысел в Сибири, особенно зимний, был сопряжен с большими трудностями. На оленя охотились во время его перекочевок, когда стада переправлялись через реки. Его били ружьями, железными копьями, поколюгами, подъезжая к оленю на легких лодках-ветках.

Основной охотничий сезон начинался с осени и продолжался, с перерывами, до весны. На пушного зверя охотились зимой. У каждого охотника или артели была своя территория, на которой расставляли пасти, кулемы, устраивали сохатинные ямы. Она называлась старыми русскими терминами — «ухожены», «лесовые ухожьи», «путики». На дальние «ухожьи» охотники уходили надолго и жили иногда несколько месяцев в лесу.

Охотились и в одиночку, но чаще объединялись в артели (от 2—4 до 15—20 человек). Каждая артель имела на промысле избушку — место ночлега. В охотничьих промысловых избах имелась печь-каменка или глинобитная черная печь, нары для спанья, жерди для просушки одежды.

Добыча артели делилась между ее членами. Пушнину сбывали купцам, местным кулакам, державшим в кабале многих зверопромышленников. Развито было «покручение». Кулак снабжал в долг охотника всем необходимым, оценивая товар в 2—3 раза дороже настоящей стоимости. Кре-

стьянин-покручник расплачивался добытой пушниной с «покрутившим».

Рыболовство у русских сибиряков было известно везде, где есть подходящие для этого водоемы. Наибольшее значение рыболовство получило по р. Оби и ее притокам, на Ангаре, Байкале, Колыме, Индигирке, Анадыре, в реках Камчатки, Охотского побережья и по Амуру. Промышляли разнообразные породы морских, речных и озерных рыб. Рыбная ловля в промысловых районах проводилась почти круглый год, лишь с небольшими перерывами.

В XIX—начале XX в. лов на Оби происходил при помощи заграждений и установки так называемых гимг. Гимги — своеобразные плетеные из прутьев снасти огромных размеров (высота гимги значительно больше человеческого роста), которые, видимо, были восприняты русскими от местных рыболовов — хантов и манси. Большие гимги в количестве от 40 до 100 штук имели лишь крупные промышленники, особенно между Березовым и Обдорском; гимгами перегораживали даже широкие места реки. Более дешевые заграждения с ловушкой из 4-угольного сетяного мешка «чердака» устраивались вблизи берегов. Небольшие водоемы перегораживали котцами, представлявшими прутяную или драночную ловушку.

Мережи, морды в XIX—начале XX в. повсеместно применялись при рыбной ловле. Применялась ловля канавами, особенно в тех местах, где рыба «глохла», задыхалась от недостатка кислорода (в зимний период).

Повсюду имелись сети и невода различных размеров и устройства. Сети занесли в Сибирь и распространили русские.

Промышляли рыбу неводом на Байкале большей частью крупные рыбопромышленники; они назывались неводчиками, а занимавшиеся «сетяным» промыслом, преимущественно мелкие крестьянские артели, назывались сетовщиками. Между неводчиками и сетовщиками существовала вражда, порой сильно обострявшаяся.

Невод состоит из мотни — сетяного мешка — и боковых частей — крыльев, сшитых из кусков сети («столбов»); к концам крыльев привязываются веревки — «спуски» (называемые еще урезами, клячами, арканами). Длина невода достигала иногда 400—600 м (Енисей, Лена, Обь), на Байкале — 1000 м. На верхней тетиве невода укреплены деревянные поплавки — наплывья, или балберы, а на нижней — кибасья, или таши (грузила из камней, обернутых берестой).[1] Летом ловили неводом большей частью на «песках» — песчаном дне реки. Выезжая на лодках-неводниках, окидывали тоню неводом и тянули с помощью ворота. Распространен был и зимний подледный лов.

На Дальнем Востоке применялись ставные невода для ловли лососевых — кеты, горбуши, зубчатки, имевших большое промысловое значение (по Охотскому побережью, рр. Амуру, Уссури и др.). Рыболовством занимались здесь преимущественно казаки (амурские, забайкальские, камчатские). Крестьяне стали заниматься рыболовством в этих местах большей частью с конца XIX в., чему содействовали переселенцы из крупнейших рыболовных районов Астраханской губернии и Донской области.

Кроме сетяных приспособлений, повсеместно в Сибири употребляли крючковые снасти — уду, жерлицу, блесну и дорожку (лов на крючок с оловянной рыбкой в качестве приманки). Были широко распространены так называемые переметы, самоловы. Практиковалось «лучение» рыбы: крупную рыбу били острогой ночью при свете смоляных чурок, горевших

---

[1] *Таши* — от тюркского слова *таш* (камень).

на металлической решетке «козе». Применялся способ глушения рыбы при помощи деревянных колотушек, которыми ударяли по льду.

Крестьянам-рыбакам приходилось арендовать некоторые богатые рыболовные угодья у частных владельцев: монастырей, крупных рыбопромышленников, владевших лучшими местами. Иногда рыбаки пользовались водоемами на основе обычного права. И в том и в другом случае беднейшей части рыболовецкого населения доставались худшие места. В промысловых районах всегда имелись крупные рыбопромышленники, пользовавшиеся наемными рабочими из местных рыболовов и русских крестьян. Им платили деньгами, давали питание и одежду. Из описаний быта рыболовов Обского бассейна видно, в каких тяжелых условиях находились рабочие, жившие в тесных холодных казармах, иногда не имевших пола.

Артельный способ лова был наиболее распространен. Артельщики часто составляли лишь другую категорию рабочих, отличаясь от наемных тем, что были пайщиками промысла; однако они отдавали $^4/_5$ всего улова рыбопромышленнику за снабжение их необходимой снастью и всего $^1/_5$ улова артельщики делили между собой. Были артели полуневодщиков, работающие на рыбопромышленника исполу за взятое у него снаряжение.

Имелись временные объединения рыболовов, состоявшие из 2—3 крестьянских семей, объединявших свои усилия (и снасти) для совместного лова. Ловили и в одиночку. Сбыт рыбы происходил через скупщика, крупного рыбопромышленника. Он же снабжал рыбаков необходимыми товарами. Особенно сильна была зависимость населения от скупщика в глухих отдаленных селениях Крайнего Севера. Крестьяне-промышленники здесь всегда находились в долгу у купца, его приказчика; долг свой они погашали рыбой, песцом, собаками, а иногда и личными отработками.

На Байкале в артели по летнему неводному лову включалось от 3—4 до 30, а в зимние артели до 50—60 человек. Артель сшивала общими силами невод, распределяла обязанности. Каждый рыбак, входя в артель неводщиков, должен был иметь свой «столб» (полотнище сети) и «спуск» (веревку), из которых составлялся невод; за это он получал пай. Во главе артели находился опытный рыбак, распоряжавшийся ловом, называемый *башлык*. Главный помощник башлыка назывался подбашлычье. Башлык, кроме «столба», вносил еще мотню для невода и лодку-неводник, за что получал 3 пая. Пай получали и такие лица, которые непосредственного участия в лове не принимали: стряпка, писарь, посказатель — сказочник. Быт рыбаков на промысле отличался своеобразием. Рыболовством занимались мужчины, но местами большое участие в нем принимали женщины и подростки, занимаясь неводьбой. Большое значение женский труд имел при обработке рыбы (в частности, в приготовлении юколы), а также на различных подсобных работах.

Большая часть приемов и способов охоты и рыболовства у русских крестьян, мещан, казаков Сибири были общерусскими. Невод, сети, уда, езы, мережи упоминаются еще в ранних русских письменных источниках. Общерусскими являются и такие приспособления, как котцы, переметы, пасти, плашки, перевес и многие другие. Есть черты, общие с северным рыболовством (невод с кибасьями и др.), с рыболовством центральных областей (лов канавами). Многое из опыта коренных народов Сибири вошло в промысловый быт русских (способы рыболовства — гимги, невода нанайского типа, заготовка юколы; способы охоты на дикого оленя и пр.). С освоением Сибири русскими охота и рыболовство получили здесь большое развитие. Многие русские орудия промысла в приме-

Засолка сельди. Город Березов Тобольской губ.

нении к местным условиям получили дальнейшее развитие (ставные неводы и пр.). Русские создали новые отрасли охотничьего хозяйства, например песцовый промысел в зоне тундры по побережью Ледовитого океана. Положительное значение имело внедрение в быт местных сибирских племен и народностей различных русских орудий охоты и рыболовства (различные капканы, ловушки, ружье, сети из пряденых нитей, более совершенные виды промысловых судов: карбас, неводник и др.), которых ранее здесь не было. Это весьма увеличило добычу зверя и рыбы. Возникновение и рост русских городов, промышленных центров стимулировали развитие товарности хозяйства; усиливался спрос на пушнину, что также способствовало развитию местных промыслов.

Большое значение у русских в Сибири имели лесные промыслы: заготовка строительного леса и топлива, сплав леса к городам, портовым центрам, судоверфям. Дровяной промысел особенно развился около крупных городов и промышленных центров и у пристаней. Повсеместно были известны производство дегтя, смолы, угля. Широкое распространение получил своеобразный сибирский промысел — сбор кедровых орехов, особенно в тех местах, где расположены хорошие кедровники (в Западной и Восточной Сибири), а также добыча и топление жевательной серы из лиственицы. Сера эта пользовалась большим спросом у русских крестьянок Сибири.

Сбор ягод и грибов практиковался повсеместно для собственного потребления, но местами сбор брусники и клюквы имел и промысловое значение. В южных частях Западной Сибири промысловое значение приобрел сбор черемши, или «колбы». Из сибирских промыслов, имевших некоторое значение еще в начале XX в., нужно также отметить добычу речного жемчуга на Дальнем Востоке и добычу моржовой и мамонтовой кости на Крайнем Севере.

Работа на самопрялке. Бывш. Енисейская губ., Ачинский уезд

Обработка продуктов и изготовление предметов первой необходимости производились в значительной степени домашним способом, особенно в глухих, отдаленных от трактов и промысловых центров местах. В конце XIX—начале XX в. местами еще изготовлялись домашним способом ткани. Пряжу из пеньки или льна пряли при помощи прялки и веретена, ткали на «кроснах» — обычном русском ткацком стане с подневником. Из овечьей шерсти изготовляли сукно. В XIX в. у наиболее зажиточных крестьян существовали и машины-сукновалки.

Имелись целые селения или даже районы, где преобладающими занятиями являлись различные кустарные производства. Отдельные кустари находились в зависимости от скупщика, возникали мелкие заведения с наемными рабочими. Значение промыслов возрастало там, где земледелие не обеспечивало существования. Большая роль в развитии ремесел принадлежала новоселам. Распространены были деревообработка, кузнечное дело, обработка шкур и костей животных, а также камня. Крупные районы кустарной промышленности сформировались в юго-западной части Западной Сибири. Из деревообделочных производств было известно изготовление саней, телег, колес, бондарной посуды, мебели, деревянных частей хомутов и т. д. Существовала повсюду в лесных районах химическая обработка дерева. В районах кедрового промысла изготовляли кедровое масло (Бийский уезд).

Повсеместно было распространено мелкое шерстобитное, шимокатное, кожевенное производство, а местами обработка меха и выделка замши. Овчинно-шубное дело было развито около Тюмени, пошивка овчинных шуб «барнаулок» — в г. Барнауле; в южной части б. Тобольской губернии, где было развито овцеводство, существовало производство шерстяных варежек, рукавиц и чулок.

Гончарное и кирпичное производство было распространено большей частью вблизи городов. Для изготовления гончарной посуды служил гончарный круг.[1] В районе промыслового рыболовства развилось произ-

[1] Данные о технике гончарства промысловых районов в литературе отсутствуют. Несомненно, что там имелся наряду с ручным гончарным кругом и ножной. Более известно о домашнем гончарстве, которым занимались женщины при помощи ручного круга и техники налепом.

Кустарная окраска тканей. Бывш. Иркутская губ.

водство глиняных грузил — кибасьев для неводов (с. Самарово при впадении Иртыша в Обь).

Кузнечное и слесарное дело было развито повсеместно, но особенно в Кузнецком уезде и в Тюменском уезде Тобольской губернии. Кузнечное дело у русских крестьян существовало даже в самых отдаленных уголках Крайнего Севера, где имело большое практическое значение и для окружающих народов — чукчей и других, ранее его не знавших. Русское и обруселое население Анадыря свои изделия — ножи, топоры, котлы и пр. — обменивало у чукчей и коряков на оленей, лахтачьи шкуры, ровдугу и т. п.

В начале XIX в., с открытием золотых россыпей, быстро развивается добыча золота. Состав рабочих на приисках отличался большой этнической пестротой. Сюда стекались из различных мест европейской России и Сибири, входили представители и местных нерусских племен и народностей; однако преобладали русские. Сложился своеобразный приисковый быт,[1] возник приисковый жаргон. Местные черты проявлялись в языке, быте и фольклоре золотопромышленников. Среди старателей, работавших иногда и в одиночку и партиями, были «великие мастера» этого дела, были и «подмастерья». Хозяйскими рабочими называли тех, которые нанимались за определенную плату к крупным золотопромышленным компаниям. В быту артелей рабочих выработалось свое обычное право: члены артели были связаны круговой порукой (что хозяева обращали в свою пользу), существовал обычай наказания за проступки провинившегося члена артели. Условия труда и жизни приисковых рабочих были подчас невыносимыми. Жили рабочие либо в больших хозяйских казармах, грязных и темных, либо в жилищах,

[1] См.: П. П. Попов. Приисковый быт. СПб. Живая старина, вып. VIII—IX, Иркутск, 1929.

Домашняя выделка кожи. Бывш. Иркутская губ.

построенных самими рабочими. Эти жилища напоминали крестьянские избы или были землянками. Продуктами питания рабочих снабжали хозяева за дорогую цену в промысловых лавках.

Русские ремесла и кустарные промыслы, развивавшиеся в городах и деревнях, оказывали положительное влияние на ремесла местных племен и народностей. Русские ремесленники, например, повлияли на усовершенствование металлообработки у тех племен и народностей, которые ее знали (якуты, буряты и др.). Большое значение имело внедрение в быт сибирских народностей русских приемов прядения и ткачества. До этого ткачество знали лишь манси и ханты, использовавшие для ткани волокна дикорастущей крапивы, северные алтайцы, ткавшие холст из волокон дикой конопли — кендыря.

Бондарное ремесло восприняли многие народности, в частности якуты. Деревообработка у бурят, якутов и других народов значительно улучшилась, когда в обиход вошли более усовершенствованные орудия, внесенные русским населением, как шила, рубанок, отвес и др.

Средства передвижения

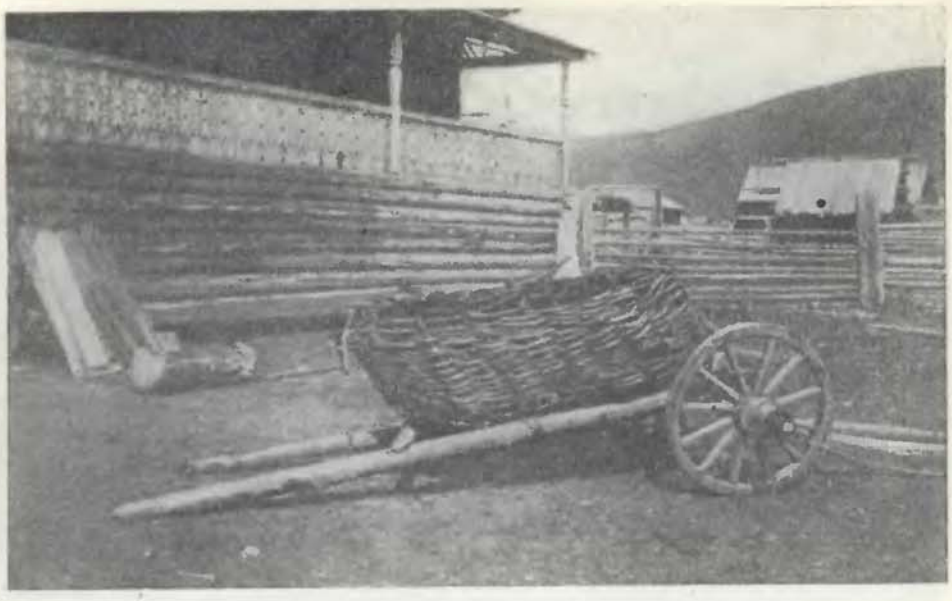
Летний транспорт у сибирских крестьян был преимущественно колесным. Основным упряжным животным служила лошадь. Упряжка ее состояла из дуги, хомута, чересседельника и оглоблей; запрягали в двуколки и телеги. Двуколка (таратайка, беда, медведки) с одной осью и двумя колесами была распространена еще в конце XIX—начале XX в. Простейшие двуколки со сплошными колесами употреблялись в таежных местах; для перевозки грузов служили специальные двуколки, более усовершенствованные, на железном ходу (качки); кабриолеты являлись выездным экипажем у зажиточных крестьян (Восточная Сибирь). Двуколку вытеснили четырехколесные телеги, которые до сего времени являются основным видом рабочей повозки. Входили в быт они разновременно. В ряде мест, особенно где был развит извоз, такие телеги употреблялись издавна; в горных областях (Алтай и др.) они появились лишь с середины XIX в. и еще в начале XX в. были далеко не в каждом хозяйстве. Особая

Медведки для перевозки бревен по дорогам в летнее время. Бухтарминцы

разновидность телеги без кузова (дроги) служила для перевозки тяжестей. Для седоков применяются до сих пор телеги с деревянным или плетеным кузовом, преимущественно на железном ходу.

Зимние транспортные средства состояли из обычных русских дровней (для перевозки тяжестей), розвальней, санок, полусанок, кошевок (с плетеными кузовами), пошевней (с деревянным кузовом). Пошевни являлись праздничным экипажем, они нередко имели расписной задок (нарядные пошевни употреблялись на свадьбах и во время масленичного катанья). Крытая повозка, так называемый возок, крепко устроенные с окованными полозьями сани употреблялись по большим трактам, особенно для перевозки ценного товара.

В тундре русские крестьяне пользовались преимущественно собаками, так как оленеводство связано с кочеванием, а лошади к тундре не приспособлены. Собаки запрягались цугом парами, впереди впрягали наиболее сильных собак, называемых передовыми. К продольному ремню с обеих сторон прикрепляли лямки с подбрюшником и чересседельником. Собаки в такой упряжке тянули грудью. Этот тип сбруи и упряжки несколько напоминает конскую и представляет усовершенствование старых, местных форм упряжки, чрезвычайно изнурявших собак. Собачья нарта, созданная русскими крестьянами, имеет прямые вертикально поставленные копылья (по 3—4 с каждой стороны), полозья, загнутые только спереди, а также горизонтальную дужку и дополнительную вертикальную дугу спереди. Копылья укрепляются в полозьях при помощи шипов и дополнительного крепления из ремешков. Такая нарта отличается большей прочностью и грузоподъемностью по сравнению с другими типами нарты (чукотской, нивхской, старой ительменской). Таким образом, на основе местного упряжного собаководства русскими был создан новый тип упряжного собаководства — восточносибирский, получивший затем широкое распространение у местных сибирских племен и народностей.



Повозка с плетеным кузовом. Бухтарминцы

Как средство передвижения широко применялись зимой и лыжи. Для переправы по рекам служили паромы, укрепленные на карбасах. Для спуска по течению реки устраивались плоты, особенно были распространены салики — небольшие плоты из жердей с настилом для одного человека. Для перевозки значительного груза строились плоты большей величины. В таких случаях на плоту устраивали балаган из досок, делали насыпь из земли для очага, на котором приготовляли пищу во время поездки. Движением плотов руководили опытные плауки. Если обратно предполагали возвращаться верхом, то брали с собой на плот лошадей. Лодки, издавна употреблявшиеся русскими в Сибири, отличались большим разнообразием по величине, грузоподъемности и назначению (ветка, душегубка, шитик и т. д.). В быт местных народностей с появлением русских прочно вошли разнообразные дощатые судна. Распространен был карбас — дощатая или с выдолбленным дном и нашивными бортами лодка длиной до 10—12 м. Карбасы делались с палубой и без палубы. Лодки, употребляемые в промысле, кроме названия «карбас», имеют множество других обозначений: «неводник» (Енисей, Байкал), «завозня» (Обь); большие лодки для перевозки рыбы и грузов называются «мореходка» (Байкал), «шитик» (Енисей), «рыбница» (Амур). Большое распространение получили так называемые илимки — дощатые плоскодонные лодки (длиной до 20—25 м) с носом и обрезанной кормой. Особенностью их является устройство крытого дощатого помещения для товаров и людей. Название свое илимки получили от места стройки — на илимском волоке. На илимках перевозили грузы по Ангаре, Подкаменной Тунгуске. Распространился этот тип лодки и у населения по Оби, Енисею и нередко служил (у кетов и др.) не только грузовым судном, но и временным жилищем. Передвигались на лодках при помощи весел и на парусах.

Русские народные средства передвижения содействовали развитию местного транспорта и хозяйства местного сибирского населения. Многие из народов стали применять лошадь в качестве упряжного животного. Так, например, русские ямщики на р. Лене сыграли большую роль в распространении упряжного транспорта у якутов, которые научились

Волокуша на полозьях. Бывш. Амурский край

управлять лошадьми, запрягать их, применяя русскую упряжь и средства передвижения. Большое значение для развития транспорта у народов Сибири имело распространение дощатых лодок — более удобных и грузоподъемных судов.

Пища

В земледельческой полосе Сибири основное значение в пищевом рационе сельского населения имела мучная пища: хлеб и разнообразные блюда из муки. Ржаной хлеб пекли на закваске в виде небольших круглых «кавришек». В некоторых местах (особенно Западной Сибири) преобладал пшеничный хлеб. Пшеничный кислый хлеб приготовляли в Сибири в виде калачей. Из пресного теста пекли сочни, шаньги, которые, видимо, были принесены старожилами с севера европейской России. Праздничной едой, приготовляемой в дни семейных торжеств, являлись пироги. Пекли их из кислого или пресного теста, несдобные и сдобные, с разнообразной начинкой, в зависимости от чего они называются: капустники, творожны или сырны, пироги «картовны» (с картофельной начинкой), пироги с луком, морковники, груздовы пироги, пироги с ягодами, с мясом, с осердием и т. д. Особенно в Сибири распространено приготовление пирогов с черемухой, а также с рыбой, которую запекают целиком (как в Приуралье).

Русские блюда из муки — блины, оладьи, а также толокно и саламата — известны и в Сибири. Сибирским кушаньем называют пельмени (с мясом или рыбой); они известны также в Приуралье. В Сибири зимой пельмени замораживали (прежде чем сварить), складывали в ящик или мешок; брали их и в дорогу. Из мяса приготовляли общераспространенные русские блюда: студень, жарнину, варили «шти», похлебку и т. д.

В тех местах, где преобладали промысла, хлебная пища играла в питании меньшую роль. В ряде районов Крайнего Севера хлеб был привозным и употреблялся лишь купцами и духовенством; большинство крестьян считало его за лакомство; ели хлеб лишь в самые большие праздники, да и то не все.

В русских селениях Крайнего Севера пища была очень своеобразна. Из оленины делали селянку, нарезав мясо оленя кусочками и поджарив в рыбьем жире. Язык оленя, костный жир из берцовых костей, сухожилия

оленя считались особенно вкусными и употреблялись в сыром виде. Сало оленя перетапливали. Мясо диких гусей заготовляли в ямах, где оно заквашивалось. Жирное мясо гусей (и гагар) резали кусочками и жарили на огне, приготовляли кавардак.

Щерба — уха из рыбы — была общеупотребительным кушаньем в Сибири. Ели рыбу, кроме того, в жареном, копченом и мороженом виде. На Крайнем Севере обдоряне, марковцы, русско-устинцы употребляли так называемую строганину — настроганную, сырую замороженную рыбу. Икра, рыбья голова, налимья печень — «макса» — употреблялись в свежем виде и были любимыми блюдами северян. Своеобразно было приготовление из рыбы «борчи». Для ее приготовления копченую рыбу толкли в ступе, в результате чего получали волокнистую сухую кашу — борча. Борча, переваренная в рыбьем жире, называется варка. В связи с тем, что в прошлом в этих местах хлебные изделия были доступны лишь наиболее богатым, здесь приготовляли тесто из рыбы, по внешнему виду мало отличавшееся от мучного. Из такого теста пекли то́птанники — разновидность пирогов с начинкой из рыбьих пупков и рыбьей кожи. Из мятой рыбы делали лепешки — тельно; мороженая и мятая икра шла на лепешки, оладьи, блины. Отправляясь в долгий путь, обычно брали с собой вяленую или толченую рыбу, из которой варили уху.

Из молочных продуктов употребляли молоко, творог, в качестве приправы масло, сметану. Молоко употребляли в свежем и мороженом виде (как везде на севере). Творог сушили в русских печах, предварительно смешав со сметаной. Употребляли его и в мороженом виде, придав форму чашки, в таком виде его называли сырчик.

Общераспространенными, как везде у русских, являлись блюда из круп и кисели. Варили «яшную», просяную и гречневую каши. Делали заваруху — из ржаной или пшеничной муки на воде или пахтанье. На Алтае из ячневой крупы приготовляли «толстые шти» в виде каши, в отличие от «жидких штей» из той же крупы, но сваренных не густо. Кисель, так же как блины, изготовляли часто в дни семейных событий — на свадьбу, к поминкам и пр. В старину был распространен бурдук, бардошный кисель. Его приготовляли из пшеничных или ржаных отрубей, заквашенных на дрожжах. Употребляли бурдук с растительным маслом. Варили и кисели преимущественно молочные и ягодные (которые являлись большей частью блюдами праздничного стола), а также гороховый кисель (или кашу), называемый горошницей.

Из овощей в большом употреблении был картофель; капусту заготовляли на зиму в квашеном виде, делали «шелкованую» (мелкорубленную) и «пластену» (нарезанную пластами). Огурцы и арбузы в тех местах, где они вызревали, солили впрок. Огурцы в свежем виде употребляли нередко приправленными медом. Свеклу, брюкву (браху), репу парили, ставя в хорошо натопленную печь.

Лук и чеснок заготовляли в соленом виде. Употребляли дикий полевой лук — черемшу. Из дикорастущих еще собирали щавель, на Крайнем Севере — корни «макарши» («змеиный корень» — *Polygonum Bistorta*), которые являются противоцынготными средствами, так же как разнообразные ягоды (клюква, брусника, морошка, малина, крыжовник, черемуха и др.). Ели и грибы. Весной русские сибиряки собирали березовый сок (березовку), что у русских известно везде. Специфическим для Сибири является обычай жевания лиственичной серы (серки) и употребление кедровых орешков. Кедровые орешки, особенно в гостях, грызли помногу, молча. Это называли шутливо «сибирский разговор». Из напитков употребляли чай, пиво, хлебный

Лодочная пристань у г. Березова. Бывш. Тобольская губ.

квас и вино. Квас и пиво — старинные русские напитки; первый в прошлом употреблялся ежедневно, второй — приготовлялся к празднику в различном количестве, в зависимости от зажиточности хозяйств. Одним из распространенных напитков в Сибири следует назвать чай. А. Степанов еще в первой половине XIX в. писал о быте населения Енисейской губернии: «Во всякой почти деревне можно отыскать самовары. Большая часть крестьян пьет чай через сахар (с прикуской). Иные вместо чая обыкновенного употребляют бодан (*saxifraga crassifolia*) или посошок узлоколенный (*phlomis tuberosa*); — варят в котле, прибавляют молока и пьют с мягким»[1] (т. е. с хлебом).

Самовары, упоминаемые здесь, в деревне центральной России появляются, как правило, уже в пореформенный период. Возможно, что чай ранее распространился у сибиряков, живших по соседству с китайцами и монголами, у которых чай имел широкое применение. Не употребляли чай лишь старообрядцы, как, например, семейские в Забайкалье и кержаки на Алтае, очень долго придерживавшиеся старых обычаев и считавшие за грех употребление чая. Наиболее употребителен был кирпичный чай, который пили с медом, сахаром, с кондитерскими изделиями, сушкой, вареньем, пряником, с хлебом и пр. На Крайнем Севере отмечено употребление чая с пряностями: гвоздикой, анисом и пр.

Зеленый чай, приправленный мукой, варили в котлах и черпали чашками — сибирская особенность, заимствованная от монголов, алтайцев и т. п. Сибирской спецификой являлось также применение приправ к чаю — хурчи и затурана. Затуран приготовляли из муки, сала и чая; хурчу — из высушенных и толченых зерен пшеницы или ярицы. Употребление этих приправ отмечено в Иркутской области и, видимо, заимствовано от бурят. На Крайнем Севере употребляли оригинальный дорожный напиток «пережар», приготовленный из пережаренной в рыбьем жире муки, залитой чаем.

[1] А. Степанов. Енисейская губерния. СПб., 1835, стр. 110.

Предметы домашнего обихода. Анадырцы

1 — берестяной сачок для собирания ягод; *2* — деревянный струг с прорезями для ножа; *3* — деревянное блюдо; *4* — деревянная чашка для супа; *5* — деревянная ложка для вытаскивания мяса из котла; *6* — мутовка для размешивания; *7* — каталка для белья

Здесь названы виды пищи, свойственные всему населению Сибири, но, бесспорно, питание разных классовых групп в сибирской деревне резко различалось по разнообразию, количеству и качеству пищи. Мясная и молочная пища была мало доступна беднейшей части деревни, нередко не имевшей скота или вынужденной отдавать всю продукцию на маслодельные заводы.

Русская народная кулинария, посуда и утварь проникли в быт местных народностей Сибири. Особенно большое значение имело усвоение навыков хлебопечения и маслоделия. Хлеб стали печь оседлые буряты, якуты, алтайцы, некоторые группы хантов и манси и многие другие. Вместо примитивного способа приготовления масла якуты, алтайцы и другие ско-

товоды стали приготовлять его по русскому образцу. Включение картофеля, некоторых овощей и соли в пищу местного населения имело большое значение. Усвоены были многие русские блюда. Посуда русского образца вытеснила крайне примитивную местную деревянную и берестяную посуду. Тарелки, чашки, вилки, ножи появились в обиходе наиболее зажиточных бурят, якутов и др. Посуда под влиянием русских стала содержаться чище, пища приготовляться опрятнее. Русские крестьяне в Сибири, в свою очередь, расширили свой ассортимент пищи блюдами сибирских народов и усвоили способы заготовки продуктов (некоторые виды рыбных кушаний, приправы к чаю и пр.).

Поселения и жилища

Заимка, деревня-починок в 1—2 дома, была типичной для первых русских переселенцев, расселявшихся по незанятым пространствам Сибири. Деревни-починки разрастались в большие селения. Они возникали преимущественно по побережьям рек, озер, являвшихся обычно путями сообщения, на водоразделах, у трактов, больших торговых путей.

В конце XIX—начале XX в. в равнинных земледельческих районах располагались села и деревни, состоявшие из нескольких сотен дворов, растянутых на несколько километров. В условиях таежной горной природы размеры селений были меньше (от 2—3 десятков до 1—2 сотен дворов). Были и такие селения (в тундре), которые насчитывали от 1 до 5 дворов. Вокруг старых деревень располагалась сеть заимок, выселков, хуторов.

По планировке в сибирских селениях можно наметить следующие типы: 1) со свободной, беспорядочной застройкой; постройки группируются как бы гнездами, преимущественно у малых рек или ручьев (старый тип); 2) однорядные селения, вытянувшиеся вдоль реки, озера; фасады домов обращены к воде; 3) селения с уличной двусторонней застройкой, большей частью расположенные вдоль больших дорог и трактов; деревни и села этого типа либо вытянуты в одну линию, либо имеют улицы-ответвления. Селения первого и второго типов известны как старые и в европейской России (тип с рядовой планировкой характерен для севера). Типичной особенностью сибирского селения является поскотина, о которой говорилось выше.

Живописность сибирских селений отмечалась многими исследователями. Большое своеобразие селениям придает суровый таежный или горный пейзаж, некоторая разбросанность в расположении построек, отсутствие тесноты и скученности, а также характер усадеб и архитектуры построек.

В Сибири наблюдалось обыкновение ставить дома то вдоль, то поперек улицы, иногда даже под различными углами. Дом помещали в глубине двора фасадом, а иногда и боковой частью на улицу. На усадьбе, обнесенной изгородью, располагались дровяник, сенники, амбар, завозня — навес для телег, иногда здесь же стояла «клуня» для молотьбы и помещение для скота — поветь, катушок — хлева для мелкого скота, «стайки» для коров и открытые пригоны. Амбары и бани часто ставили вне ограды — первые на улице, вторые на огороде или у ручья. Постройки были не только у дома. Кроме усадьбы в селении, возникали постройки на заимках, сначала временные, а затем и постоянные — жилые и хозяйственные. Часть семьи иногда в течение всего рабочего сезона жила на заимке, возвращаясь в селение лишь к осени. На отдаленных от селения пасеках и маральниках также имелись иногда постройки хозяйственного и жилого назначения.

Типы застройки в сибирской деревне довольно разнообразны. Из них общей с застройками центральных областей является усадьба, имеющая

Общий вид усадьбы. Бухтарминцы

план в виде буквы «П». Ее называют еще замкнутым двором. Нередко такая застройка состоит из двух изб, выходящих на улицу; сзади них находятся хозяйственные постройки, расположенные по периметру прямоугольного двора, открытого в середине. Эта застройка характерна для Московской области, Поволжья, Приуралья и из этих мест, видимо, принесена была в Сибирь. При двухрядной застройке закрытый двор располагается рядом с избой. Она отмечена в Западной Сибири, но характерна для центральных областей России (в частности, Верхнего Поволжья).

Очень своеобразна усложненная двухрядная связь, которую можно назвать тройной (Западная Сибирь). Постройка состоит из избы, двора и второго хозяйственного помещения или второй избы (каждая постройка с двухскатной крышей, все три стоят рядом, перпендикулярно улице). Этот тип застройки отмечен еще в Приуралье (жилище нижнетагильских рабочих XIX—XX вв.). Особенностью этих построек является устройство площадок-переходов различной высоты разнообразного хозяйственного назначения, служивших в летнее время для спанья. Необходимо отметить застройку с открытым двором. Открытый двор со включением в его ограду хозяйственных построек распространен в Сибири и составляет своеобразие сибирской застройки. В сибирских условиях не получила распространения северная однорядная связь, хотя большая часть старожильческого населения состоит из выходцев из северных областей России, где этот тип застройки является основным.

Основным типом жилья у русских крестьян в Сибири служила срубная изба на подклети, т. е. с подпольем. Рубка сруба производилась «в зауголок» (старое русское «в обло», «в чашку»), менее была распространена рубка «в привал», аналогичная великорусской «в крюк»; применялась также техника рубки «в лапу» — без зауголков (преимущественно при возведении хозяйственных построек).

Изба «одноколок». Бухтарминцы

Имеются данные о наличии в Сибири мазанок с плетеным каркасом и саманных построек. Последние два вида изб являлись жилищем новоселов, приехавших из южных областей России (в частности, из Курской, Витебской губерний). Простейшим видом жилого дома являлась избачетырехстенка (которая местами называется «одноколок»), без сеней. Изба-четырехстенка (с двухскатной крышей) с сенями в некоторых местах называется «ординарка» или «круглая».

В сенях перегородкой выделяется чулан, кладовка (казна, казенка). Трехчленное деление жилища (изба—сени—клеть), столь типичное для старых изб России, не получило в Сибири широкого распространения. Зато расширение площади дома достигалось здесь соединением двух срубов или устройством сложных срубов.

Связь двух срубов изб посредством сеней к началу XX в. вытесняется постройкой изб пятистенком и шестистенком. Пятистенок — дом, состоящий из удлиненного сруба, разделенного пополам пятой капитальной стеной на две половины: избу и горницу. Наиболее сложной постройкой является так называемая крестовая связь, или дома-крестовики, строившиеся наиболее богатыми. Крестовик — соединение двух пятистенков. Он покрывался четырехскатной крышей. Более старые крестовики соединялись посредством коридора. Поздний вид шестистенков представлял большой сруб, разделенный крестообразно двумя капитальными стенами на четыре помещения. Эти четыре части дома включали обычно две избы и две горницы с коридором, сенями и кладовой. Сибирские дома покрывались преимущественно деревянной крышей из теса или дранки. Двухскатная крыша (на старинных избах и хозяйственных постройках) покоилась на «самцах» — бревнах, имела «курицы», поддерживающие «потоки» (водостоки), и охлупень — на коньке крыши. Давно уже применялась стропильная конструкция крыши.

Для украшения старинных изб концы охлупней скульптурно обрабатывались в виде птицы или конской головы (как на севере России); по-

Изба «ординарка». Бухтарминцы

валы верхних бревен, выступающих по фасаду, также получали художественную форму. Причелины украшались на концах прорезью. Наличники окон украшались простой, но выразительной резьбой преимущественно геометрического характера; встречаются на старых наличниках мотивы полукруга или круга, разделенного радиусами (характерны и для старых изб центральной полосы). Дома, особенно в пригородных селениях и в городах, обильно украшались пропиловкой. Довольно значительное распространение получила раскраска (в 3—4 цвета); расписывались главным образом наличники и ставни окон. Резьбой украшали ворота, крыльцо. Старинные крыльца на столбах с длинной лестницей, крытые односкатной или двухскатной крышей сохранили сходство с крыльцами северных русских изб. Встречались также крыльца глухие, прирубленные, с закрытой лестницей. Устраивались балконы и террасы.

Постройки XIX—начала XX в. отражали процесс классового расслоения в сибирской деревне. Двухэтажная связь, крестовик были преимущественно у наиболее зажиточных и только частью у средних слоев крестьянства; у последних были распространены пятистенки; более бедные имели обычно четырехстенную избу (одноколок или круглая). Некоторые группы крестьян из новоселов в течение первых трех-пяти лет жизни на новом месте нередко жили в землянках, полуземлянках или мазанках.[1]

На Крайнем Севере беднейшее население иногда ставило только юрту (балаган якутского типа), а не срубную избу. Резкая разница в жилище различных классовых групп проявлялась и в размерах двора-усадьбы, в количестве и составе хозяйственных построек на ней, во внутреннем убранстве жилья и устройстве его отдельных частей. Так, например, при распространении у наиболее зажиточных стекла для оконных рам во второй половине XIX в. беднейшие жители (особенно в тундре) не-

[1] В. А. Остафьев. Как устраиваются переселенцы в Западной Сибири. Сведения о Сибири, 1892 г. стр. 262—263.

Дом «пятистенок». Бухтарминцы

большие оконца своих жилищ затягивали пузырем животного, а иногда вставляли в них льдины.

Своеобразие сибирских домов подчеркивалось количеством и расположением окон. Здесь нередко в фасаде имелось только 2 (иногда расположенные несимметрично) или даже 1 окно, в пятистенке — 3—4 окна, в то время как в селениях европейской части окон было, как правило, 3, а в пятистенке — 5—6 (по фасаду, не считая боковых окон), располагающихся симметрично.

По планировке русская сибирская изба приближается к северновеликорусской избе (с печью в одном из углов у двери, устьем повернутой к окнам, идущим по фасаду). Между печью и стеной образуется запечье для хозяйственных надобностей; раньше когда-то здесь помещался вход в подполье. По диагонали от печи располагался передний угол, где находилась божница. При входе в избу помещались полати — дощатый настил для спанья, у печи иногда устраивался голбец — деревянная лежанка. Русская печь делалась из кирпича на деревянном опечке, иногда она была глинобитной. Дополнительно ставили печи-голландки, обогревающие также и горницу — более парадную половину дома. В боковой части русской печи, на шестке, нередко устраивалось особое место для камелька, служившего раньше и для освещения избы. Русские печи, распространившиеся повсеместно, вошли и в быт местных народов Сибири, еще в дореволюционный период начавших переход к оседлости (буряты, якуты и др.). Русская печь отсутствовала лишь в немногих местах тундры, где жили русские: из-за дороговизны постройки печи имели здесь лишь представители духовенства, купцы, а крестьяне отапливали свои избы чувалом — примитивным камином якутского типа.

По своей внутренней отделке сибирские избы также имели особенности. Стены и другие части избы оставались не крашенными бревенчатыми или дощатыми; в конце XIX в. распространяется обычай окрашивания внутренних частей избы масляной краской разных цветов; окрашивали

Дом «крестовик». Бухтарминцы

опечек, лавки, полати, «кутные заборки» — перегородки и пр. Наиболее богатые красили, кроме того, пол и потолок. Штукатурка и побелка стен и потолка начали распространяться в начале XX в. Отличительную особенность сибирских изб составляет роспись масляной краской по штукатурке или дереву. Мотивами росписи являются частично геометрические узоры — изображение круга, колеса (например у семейских в Забайкалье), но главным образом разнообразные растения, цветы, иногда птицы. Роспись выполняется в несколько цветов, иногда бывает очень яркой. Кроме традиционной растительной орнаментики, в росписи встречаются бытовые и даже исторические сюжеты: сцены охоты, эпизоды из похода Ермака и др.

Обстановка избы и горницы была различной. В избе-кухне устраивались иногда неподвижные лавки, полки для хозяйственных надобностей — грядки и полавошники,[1] имелась и подвижная самодельная или покупная мебель. Стол ставили в переднем углу или же у простенка между окон у передней стены. Обычай ставить стол в переднем углу был типичен для большей части русских областей, второй способ характерен для архангельско-вологодского севера. В избе можно было встретить шкаф и иногда кровать. Меблировка и убранство горницы (чистой половины, летней избы) более приближалась к обстановке городского дома. Здесь стояла подвижная мебель, иногда с резными украшениями и окрашенная масляной краской, было много цветов, на окнах висели занавески. Видное место в горнице занимала кровать, обычно местной работы, с горой подушек в цветных наволочках и стеганым одеялом. Иногда перегородками выделялись особые помещения, так называемые спальни, часовушка, зало. Содержались дома сибиряков в большой чистоте, полы часто мыли и сплошь застилали тканными половиками. Своеобразие убранства состав-

[1] «Грядки» идут от печного столба, а «полавошники» — над лавками.

Старинная изба с охлупнем в виде птицы. Бывш. Иркутская губ.

ляли ворсовые тюменские ковры и сундуки. Стены украшались фотографиями, иногда картинами.

Первоначальные переселенцы в Сибирь освещали жилье при помощи камелька (на шестке) или жировика (плошкой, сальником) — глиняной или металлической посудиной с растопленным салом, с тряпочным фитилем. Лучина — старый способ освещения русских крестьянских изб — в Сибири не получила распространения. В конце XIX—начале XX в. были в сибирской деревне и керосиновые лампы, но в отдаленных районах (в связи с трудностями транспортировки) керосиновые лампы применялись сравнительно редко, чаще употреблялись свечи из воска или сала, изготовлявшиеся домашним способом.

Русское народное зодчество оказало большое влияние на развитие строительства у народов Сибири. Переходившие к оседлости группы сибирского населения создавали селения по русскому образцу с улицами и домами или юртами. У якутов уже в середине прошлого столетия наряду с юртой и урасой стали появляться избы русского типа. С переходом к срубному жилищу стали строить русскую печь (некоторые группы хантов, манси, эвенков, северных алтайцев и др.). В домах, а иногда и в юртах, появлялась такая же обстановка, как у русских крестьян, а у более зажиточных — и городская обстановка. В окна вместо прежних бычьих пузырей и льда стали вставлять стекла. Беднота, не имевшая возможности приобретать дорогостоящее стекло, использовала осколки разбитых стекол, оправляя их берестой. Срубная изба с деревянным полом, окнами, русской печью, побеленными стенами вытеснила первобытный шалаш или полуземлянку у значительной части алтайцев. Селения северных алтайцев приняли вид русских селений с их различными хозяйственными постройками: амбарами, банями, скотными дворами и т. п.

Старинная двухэтажная связь с балконом и галереей. Бухтарминцы

Буряты Балаганского и Иркутского уездов Иркутской губернии в XIX в. вместо войлочной юрты строили на зимниках избы с печами: в летниках жили еще в юртах, но для выпечки хлеба устраивали на открытом воздухе под навесом русскую печь.

Большое культурное значение имела русская баня и навыки регулярного мытья, проникавшие в быт местного населения.

Усвоение плотничного и столярного дела представляло большое прогрессивное явление для тех народов, которые не владели ими или же у которых они были слабо развиты. Наряду с примитивными орудиями обработки — ножом, топором и др. — якуты, буряты и другие народы усваивают рубанок, циркуль, отвес, угольник и т. п., давшие возможность применения более сложной техники.

Одежда

Одежда крестьян изготовлялась из домашней ткани: шерстяной, конопляной, частично льняной. Довольно рано в быт сибирской деревни стали проникать китайские бумажные ткани — даба, далемба, бязь и дешевые шелка. Наряду с этим известны были и русские фабричные ткани: сукно, ситец, которые особенно распространяются со второй половины XIX в., вытесняя из обихода «своедельщину». В начале XX в. своедельщина шла преимущественно на рабочую, частью на обрядовую одежду, и лишь наиболее бедные крестьяне, особенно из новоселов, шили из нее значительную часть своей повседневной одежды. В это время покупные материалы уже довольно широко вошли в быт сибирской деревни. Кроме тканей, для одежды использовались в большей степени, чем в центральных областях России, меха, шкуры, кожа, замша.

С развитием капитализма город все сильнее оказывал влияние на одежду населения сибирской деревни. Уже к первой половине XIX в. относятся упоминания о том, что крестьянки носили кофты и юбки, т. е. одежду городского покроя, а в конце XIX—начале XX в. такая одежда становится общераспространенной. Старинные национальные формы костюма сохра-

няли преимущественно группы старообрядцев — кержаков, которые в силу своих религиозных воззрений жили замкнуто и придерживались старинных обычаев, в частности в одежде. Однако и к ним проникали новые, иногда местные виды одежды, широко применялся фабричный материал. Старинный женский комплекс одежды старожильческого населения Западной и Восточной Сибири (включая Забайкалье) носит довольно ярко выраженные черты северорусского костюма. Основные его части: рубашка с прямыми поликами, сарафан и сложный головной убор, состоящий из кички (самшуры), кокошника и позатыльника.[1]

Женская рубашка с прямыми поликами — ластовками — шилась в старину из холста; позднее верхнюю часть — «рукава» — шили преимущественно из фабричной, частью цветной ткани, а низ — «станушку» — пришивали из холста, нередко «губленого», окрашенного в кубовую краску. Ворот рубашки собирался в сборку и пришивался к обшивке или имел небольшой отложной воротничок.

Второй тип женской рубашки—рубашка с «пелеринкой»— кокеткой. Ее стали носить не только с сарафаном, но и с юбкой, нередко превращая в нижнюю бельевую часть одежды, поверх которой надевалась кофточка.

Сарафан, надевавшийся на рубаху, назывался косоклинник, дубас, дубасик (термин, известный и в северо-восточных областях Европейской России), дабинник (сибирский термин — от материала — *дабы*), круглый, полукруглый сарафан. Косоклинный сарафан шился преимущественно из однотонной ткани. Очень старым вариантом косоклинного сарафана является сарафан с целым передним полотнищем (у «поляков» — дабинник, у бухтарминцев — сарафан с ластовкой, т. е. клиньями по бокам).

Второй вариант косоклинного сарафана со швом спереди был распространен в Сибири более широко. Особенностью его на Алтае является отсутствие пуговиц и украшений вдоль шва, которые так характерны для этого сарафана в северной России. Другая, более поздняя форма сарафана, как бы вытеснившая старый сарафан с клиньями, — круглый сарафан из прямых полотнищ на лямках, который шили большей частью из покупной узорной ткани. Был известен в Сибири и сарафан с лифом.

Дополнительной частью женского костюма служил передник. Укажем основные виды передника: 1) нарукавники, которые шились из белого холщевого полотнища, перегнутого на плечах, с рукавами (праздничные нарукавники украшали вышивкой); 2) нарукавники с кокеткой, с пришитыми к ней в сборку полотнищами, как правило, покупной, яркой с крупным узором ткани, которые заменили собой старую форму и были наиболее широко распространены; 3) передник, фартук, запон, укрепляющийся завязками на талии, надевался в качестве рабочей части одежды.

Данные о других видах женской одежды, надевавшейся поверх рубашки и сарафана, относятся к Приангарью. Носили кабатку, хобатуху — холщевую туникообразную одежду с рукавами и вырезом для головы, очень напоминающую южновеликорусский касталан или навершник. «Гостеву» кабатку шили из льняной ткани, рабочую — из посконной, окрашивали в темный цвет и носили на работу.

Известен был сушун (шушун) [2] — распашная кофта из штофа, с отложным воротником, и телогрея — на лямках, исчезнувшие из быта в XIX в.

[1] По имеющимся данным, он отмечен в Томской губернии у «поляков» и бухтарминцев, в Забайкалье — у семейских. Сарафаны и рубахи с прямыми поликами были распространены гораздо шире, в частности в Енисейской и Тобольской губерниях.

[2] Этим очень старым термином у русских обозначались сарафан (на севере) или горничная туникообразная одежда (на юге).

Головной убор состоял из кички с твердой овальной или полуовальной частью, часто называвшейся шамшурой, позатыльника — куска вышитой ткани, иногда украшенного стеклярусом, кокошника — верхней мягкой части шапочки из нарядной ткани. Кокошник здесь как бы соответствует «сороке» в сложном кичкообразном общераспространенном русском уборе. Подобный головной убор известен был в Вологодской области.

Общность головного убора сибирячек с головными уборами северо-востока Европейской России свидетельствует о происхождении этих групп сибирского населения с северо-востока России.

Кроме кичкообразного убора, известен был собственно кокошник, называвшийся наклонка, а также повойник — шапочка из легкой ткани, на вздержке, и «наколка».

Носили и разнообразные платки (косынки, шали, шаленки, полушалье), которые постепенно из дополнительной части к самшуре, кокошнику и другим уборам становятся основными. Девичьи головные уборы, как везде у русских, отличались от женских: носили платок, свернутый жгутом и повязанный по лбу, перевязку, украшенную бисером; следует упомянуть о коснике из разноцветных лоскутов, украшавшем косу, и о колпаке белевом — вязанном из белых льняных ниток (колпак носили девушки в Приангарье).[1] Была в употреблении шапка чебак с матерчатым верхом и меховым околышем, известная и на севере европейской России.

Сарафан, а иногда и верхнюю одежду, подпоясывали поясом.

Украшения женщин и девушек состояли из перстней (известны перстни-печатки местной работы у семейских), колец, серег и нагрудных украшений, качество и богатство которых зависело от зажиточности их хозяйки. Из нагрудных украшений встречались следующие: 1) анатари — янтарные ожерелья, бытовавшие у многих старожильческих групп Сибири, 2) ряска — в виде воротника из стекляруса (Алтай), 3) гайтан — плоская или круглая цепочка из стекляруса или бисера (Приангарье, Алтай). Бисерные гайтаны отмечены также как старинные мужские нагрудные украшения у «поляков» и бухтарминцев.

Отмечено наличие подвесок к серьгам в виде пушков из лебяжьего или утиного пуха (у «поляков» и среди населения по Ангаре). Этот вид украшений, как и гайтаны, более характерен для населения южнорусских областей.

В некоторых районах Сибири в состав женской одежды входили штаны, что в старину у русских не встречалось. Жизнь в сибирских условиях, привычка к верховой езде, а также пример соседних бурятоk и казашек содействовали появлению этой части женской одежды.

Мужской костюм состоял из рубахи, пояса, штанов, головного убора, верхней одежды и обуви. Старым типом мужской рубашки является туникообразная холщевая рубашка общерусского покроя без «ошейника» — воротника, с разрезом преимущественно с левой, но иногда и с правой стороны.

Особенностью старинных праздничных рубах русских на Алтае является обильная нагрудная вышивка, отделка кумачом и даже кружевом (по подолу, рукавам). В конце XIX—начале XX в. были распространены косоворотки «ситковые» со стоячим воротником, рубаха с кокеткой, сшитая из ситца, а у богатых — из яркой шерстяной

[1] Подобный убор редко встречается у русских. Он отмечен в Вологодской области в качестве убора просватанной девушки.

Старинная одежда различных групп русского населения Сибири

1 — мужская одежда, бухтарминцы; *2* — праздничная мужская одежда, бухтарминцы; *3* — женский «круглый» сарафан, бухтарминцы; *4* — мужская одежда, семейские; *5* — женская одежда и женский головной убор, семейские; *6* — одежда девушки, семейские; *7* — женская одежда, русское население Якутии; *8* — мужская одежда, русское население Якутии; *9* — женская одежда, колымские русские; *10* — женская одежда, русско-устьинцы

с узорами ткани. Мужские рубахи, отмеченные в Енисейской губернии в начале XX в. как «стариковские», шились с прямыми поликами и отложным воротником. Другой тип, распространенный в б. Енисейской губернии, — рубашка со швами на плечах и нашитыми на них полосками и отложным воротником. Оба эти типа более характерны для белорусов и части украинцев, и появление их связано с наличием в составе переселенцев белорусских или украинских групп.

Штаны, поверх которых выпускалась рубаха, подпоясанная поясом, назывались порты, гачи (старые славянские термины). Кроме обычного русского покроя штанов (с нешироким шагом), носили широкие штаны — чембары, шаровары (распространенные сибирские названия). Сибирской особенностью является использование для штанов овчины, козьего меха, кожи, замши. Старинные кожаные штаны, составлявшие часть кержацкого костюма на Алтае, украшали вышивкой тамбуром, «по-киргизски».

Головные уборы состояли из валяных шапок с конусовидной, полусферической или цилиндрической тульей (эта форма аналогична гречневику центральных областей). Носили валяные шляпы с полями, летом — соломенные. Праздничные шляпы украшали селезневыми и павлиньими перышками. В конце XIX в. распространился картуз — курашка. Разнообразны были зимние шапки: с четырехугольным дном, полусферической формы с меховой опушкой, ушанки с длинными наушниками. На поясе (опояске, кушуке), тканом или ременном, мужчины носили нож в ножнах, кисет с табаком и крючок для прочистки курительной трубки.

Верхняя одежда мужчин и женщин имеет между собой много общего в покрое, отличаясь деталями. Из накидной одежды без рукавов в Сибири еще в конце XIX в. употреблялась женская епанча — накидка на меху. Была одежда с рукавами, но носившаяся также в накидку и завязывавшаяся у шеи (женская праздничная шубка на меху в Енисейской губернии, халат из цветной ткани у семейских в Забайкалье). Основной тип верхней одежды (для обоего пола) шился в виде кафтана из домоткашного сукна и употреблялся в будни на работу, а у бедной части населения составлял нередко единственную верхнюю одежду. Это — зипун, чайданник, однорядь (Енисей), шабур (Алтай) с клиньями по бокам, реже со сборками (более поздняя форма). Короткая одежда этого типа называется куртка, куртик. Мужская и женская одежда с отрезной спинкой и сборками, шившаяся из покупной ткани, большей частью являлась праздничной и лишь у наиболее зажиточных носилась и в будни; называлась она бекеша, куртачок, поддевка. Она была преимущественно двубортной, с застежкой на левой стороне, как это типично для центральных великорусских областей. Были и однобортные кафтаны, например, бухтарминская подоболочка, носившаяся всегда с широкой опояской, и др. Однобортной одеждой был лабашан, или азям, тканный из верблюжьей шерсти (близкий по покрою к среднеазиатскому халату), проникший к русским, видимо, через татар.

Зимняя меховая одежда отличалась разнообразием. Кроме общерусских шубы из овчины, полушубка, тулупа также из овчины, характерной является яга, или доха, надеваемая поверх обычной зимней одежды. Доха — однобортная прямая одежда, сшитая из собачьего, козьего, оленьего или маральего меха. Распространено было в Сибири ношение меховой и ровдужной одежды, приобретавшейся у соседних народов; эвенкийская одежда, теплая и легкая, носилась промысловиками-звероловами, рабочими на золотых приисках. Оленьи кухлянки и замшевые парки носили русско-устинцы, марковцы, колымчане и др.

Обувь шили из кожи и меха. Плетеная обувь (лапти) не была распространена в Сибири, ее можно было увидеть иногда лишь на недавно прибывших новоселах.

Обычной обувью для обоих полов были так называемые чарки, чары, черки [1] — род кожаных туфель, носившихся с чулками, сшитыми из сукна или вязаными. Праздничной обувью были русские сапоги. Для работы в будни носили легкие сапоги — бродни, обутки — характерную обувь сибирских крестьян, шившуюся из сыромятной или чирочной кожи внутренним швом и затем вывороченную. Широкое голенище бродней достигало колен и укреплялось ремешками у щиколотки и выше икр. Летом их носили с портянками, зимой — с суконными онучами. Была в употреблении и мягкая обувь — якутские торбаса, сары, бурятские и эвенкийские унты и другие, приобретавшиеся русскими у соседних народов. Кроме меховой и кожаной обуви, изготовляли валеную, которую носили в зимнее время. Валенки (называемые в Западной Сибири пимы, а в Восточной — катанки) распространились в XIX в., видимо главным образом через новоселов. Местами старожильческое население не умело катать валенки.

Старинная мужская одежда. Бывш. Томская губ., Змеиногорский уезд

В одежде отражались возрастные, классовые различия: она подразделялась на праздничную и будничную; свои особенности имел промысловый, рабочий костюм, а также обрядовая одежда. Так, например, промысловик-зверолов, кроме обычной нательной одежды и зипуна, имел специальную одежду: лосевые штаны, крытые черным холстом, с большим кожаным карманом, меховую шапку с накухтарником (куском холста, пришитым к шапке сзади) и наушниками; «ошейник» — из беличьих хвостов (носившийся на шее), унты, кокольды (рукавицы). Термин «кокольды», видимо, местный, эвенкийский. Обычные вязаные варежки вкладывали для тепла в рукавицы, называемые варежками или голицами (из кожи), лосинками (из кожи сохатого), мохнатками (из собачьей шкуры). Носили в Сибири и перчатки — «персцятки». Специальной мужской одеждой для работы были холщевый кабаток и комарник (туникообразная рубаха, предохранявшая от комаров).

В одежде населения отражалось имущественное неравенство жителей деревни. Деревенские богатеи широко использовали наряду с дешевыми

[1] Чарки, черки соответствуют котам центральных областей.

тканями шелк, иногда парчу, шерстяную фабричную ткань, особенно для праздничной одежды; шубы подбивались беличьим мехом, для опушки использовалась ценная пушнина; носили покупные украшения из драгоценных металлов. Беднейшая часть деревни носила одежду из наиболее дешевых тканей, нередко домашнего изготовления.

На крестьянской одежде, особенно мужской, сильно сказывалось влияние города. Чаще в деревню проникала одежда рабочих, которая значительно отличалась от крестьянской и фабричной тканью и покроем, а также некоторым щегольством. Праздничная одежда приискового рабочего в начале XX в. состояла из широкой рубахи, носившейся на выпуск поверх широких штанов и подпоясанной широким поясом, за который были заткнуты рукавицы, шапки с бобровой опушкой, тальмы на плечах и сапогов с медными подковками, производившими стук во время танцев. Приисковые рабочие часто использовали в качестве рабочей одежду местного коренного населения: хозяин снабжал, кроме лыж и нарт, еще эвенкийской одеждой.

В целом в одежде можно отметить преобладание черт севернорусского костюма у старожильческого населения и ярко выраженные связи с Севером, Верхним Поволжьем — в одежде старообрядческих групп (бухтарминцев, «поляков», семейских). Заметны связи с Приуральем, с населением которого сибиряки постоянно находились в общении (влияния здесь, видимо, были взаимными). Выделяются комплексы и более сложные, отражающие пестроту состава переселенцев. Так, например, в Енисейской губернии, кроме черт севернорусского костюма (рубаха, сарафан, телогрея и др.), имеются белорусско-украинские элементы (мужская и женская рубашка с прямыми поликами и отложным воротником и мужская рубашка с плечевыми нашивками), а также черты южновеликорусского комплекса (пушки, гайтан, туникообразный нагрудник-кабатуха). В Сибири выработалось и много своеобразных видов одежды, не известных русским центральных областей (яга-доха, широкие чембары и многие другие). Вошли в обиход многие местные виды одежды (из меха, ровдуги), особенно в промысловом, рабочем костюме жителей тундры.

Заимствуя многие удобные местные формы одежды, русские, в свою очередь, оказали большое влияние на одежду народов Сибири, содействуя распространению более усовершенствованной техники шитья и покроя русской одежды. Многие из местных народов впервые узнали нательную, а потом и верхнюю одежду из ткани только после освоения Сибири русскими.

Г. М. Попов так писал в начале XX в. о якутах: «. . .ные уж редко можно встретить якута, одетого в первобытную его одежду, сшитую из скотской кожи, а чаще теперь якуты носят одежду, сшитую из фабричной материи. . . У мужчин уже обыкновенно теперь верхнее платье состоит из пальто или блузы, стянутых поясом, шаровар и сар (сапогов) на ногах; на голове у них летом фуражки, зимой шапки русского фасона». Якуты стали шить платье русского покроя; богатые якуты покупали шелк, бархат, а также русские сапоги и ботинки. Русскую одежду, особенно мужскую, стали носить алтайцы. Буряты шили свои халаты из русских тканей. Эвенкийские женщины перенимали покрой женской одежды — юбки.

Русское влияние на эвенков особенно сказалось в золотопромышленных районах: в районе Бодайбо эвенки носили брюки, рубахи, кофты из ситца, сатина и других покупных тканей. У хакасов мужские и женские рубахи до сего времени сохраняют отдельные элементы (полики, ластовицы), свидетельствующие об их русском происхождении. Русская обувь, платки, картуз получили широкое распространение в Сибири.

тканями шелк, иногда парчу, шерстяную фабричную ткань, особенно для праздничной одежды; шубы подбивались беличьим мехом, для опушки использовалась ценная пушнина; носили покупные украшения из драгоценных металлов. Беднейшая часть деревни носила одежду из наиболее дешевых тканей, нередко домашнего изготовления.

На крестьянской одежде, особенно мужской, сильно сказывалось влияние города. Чаще в деревню проникала одежда рабочих, которая значительно отличалась от крестьянской и фабричной тканью и покроем, а также некоторым щегольством. Праздничная одежда приискового рабочего в начале XX в. состояла из широкой рубахи, носившейся на выпуск поверх широких штанов и подпоясанной широким поясом, за который были заткнуты рукавицы, шапки с бобровой опушкой, тальмы на плечах и сапогов с медными подковками, производившими стук во время танцев. Приисковые рабочие часто использовали в качестве рабочей одежду местного коренного населения: хозяин снабжал, кроме лыж и нарт, еще эвенкийской одеждой.

В целом в одежде можно отметить преобладание черт севернорусского костюма у старожильческого населения и ярко выраженные связи с Севером, Верхним Поволжьем — в одежде старообрядческих групп (бухтарминцев, «поляков», семейских). Заметны связи с Приуральем, с населением которого сибиряки постоянно находились в общении (влияния здесь, видимо, были взаимными). Выделяются комплексы и более сложные, отражающие пестроту состава переселенцев. Так, например, в Енисейской губернии, кроме черт севернорусского костюма (рубаха, сарафан, телогрея и др.), имеются белорусско-украинские элементы (мужская и женская рубашка с прямыми поликами и отложным воротником и мужская рубашка с плечевыми напивками), а также черты южновеликорусского комплекса (пушки, гайтан, туникообразный нагрудник-кабатуха). В Сибири выработалось и много своеобразных видов одежды, не известных русским центральных областей (яга-доха, широкие чембары и многие другие). Вошли в обиход многие местные виды одежды (из меха, ровдуги), особенно в промысловом, рабочем костюме жителей тундры.

Заимствуя многие удобные местные формы одежды, русские, в свою очередь, оказали большое влияние на одежду народов Сибири, содействуя распространению более усовершенствованной техники шитья и покроя русской одежды. Многие из местных народов впервые узнали нательную, а потом и верхнюю одежду из ткани только после освоения Сибири русскими.

Г. М. Попов так писал в начале XX в. о якутах: «. . .ныне уж редко можно встретить якута, одетого в первобытную его одежду, сшитую из скотской кожи, а чаще теперь якуты носят одежду, сшитую из фабричной материи. . . У мужчин уже обыкновенно теперь верхнее платье состоит из пальто или блузы, стянутых поясом, шаровар и сар (сапогов) на ногах; на голове у них летом фуражки, зимой шапки русского фасона». Якуты стали шить платье русского покроя; богатые якуты покупали шелк, бархат, а также русские сапоги и ботинки. Русскую одежду, особенно мужскую, стали носить алтайцы. Буряты шили свои халаты из русских тканей. Эвенкийские женщины перенимали покрой женской одежды — юбки.

Русское влияние на эвенков особенно сказалось в золотопромышленных районах: в районе Бодайбо эвенки носили брюки, рубахи, кофты из ситца, сатина и других покупных тканей. У хакасов мужские и женские рубахи до сего времени сохраняют отдельные элементы (полики, ластовицы), свидетельствующие об их русском происхождении. Русская обувь, платки, картуз получили широкое распространение в Сибири.

тканями шелк, иногда парчу, шерстяную фабричную ткань, особенно для праздничной одежды; шубы подбивались беличьим мехом, для опушки использовалась ценная пушнина; носили покупные украшения из драгоценных металлов. Беднейшая часть деревни носила одежду из наиболее дешевых тканей, нередко домашнего изготовления.

На крестьянской одежде, особенно мужской, сильно сказывалось влияние города. Чаще в деревню проникала одежда рабочих, которая значительно отличалась от крестьянской и фабричной тканью и покроем, а также некоторым щегольством. Праздничная одежда приискового рабочего в начале XX в. состояла из широкой рубахи, носившейся на выпуск поверх широких штанов и подпоясанной широким поясом, за который были заткнуты рукавицы, шапки с бобровой опушкой, тальмы на плечах и сапогов с медными подковками, производившими стук во время танцев. Приисковые рабочие часто использовали в качестве рабочей одежду местного коренного населения: хозяин снабжал, кроме лыж и нарт, еще эвенкийской одеждой.

В целом в одежде можно отметить преобладание черт севернорусского костюма у старожильческого населения и ярко выраженные связи с Севером, Верхним Поволжьем — в одежде старообрядческих групп (бухтарминцев, «поляков», семейских). Заметны связи с Приуральем, с населением которого сибиряки постоянно находились в общении (влияния здесь, видимо, были взаимными). Выделяются комплексы и более сложные, отражающие пестроту состава переселенцев. Так, например, в Енисейской губернии, кроме черт севернорусского костюма (рубаха, сарафан, телогрея и др.), имеются белорусско-украинские элементы (мужская и женская рубашка с прямыми поликами и отложным воротником и мужская рубашка с плечевыми нашивками), а также черты южновеликорусского комплекса (пушки, гайтан, туникообразный нагрудник-кабатуха). В Сибири выработалось и много своеобразных видов одежды, не известных русским центральных областей (яга-доха, широкие чембары и многие другие). Вошли в обиход многие местные виды одежды (из меха, ровдуги), особенно в промысловом, рабочем костюме жителей тундры.

Заимствуя многие удобные местные формы одежды, русские, в свою очередь, оказали большое влияние на одежду народов Сибири, содействуя распространению более усовершенствованной техники шитья и покроя русской одежды. Многие из местных народов впервые узнали нательную, а потом и верхнюю одежду из ткани только после освоения Сибири русскими.

Г. М. Попов так писал в начале XX в. о якутах: «. . .ныне уж редко можно встретить якута, одетого в первобытную его одежду, сшитую из скотской кожи, а чаще теперь якуты носят одежду, сшитую из фабричной материи. . . У мужчин уже обыкновенно теперь верхнее платье состоит из пальто или блузы, стянутых поясом, шаровар и сар (сапогов) на ногах; на голове у них летом фуражки, зимой шапки русского фасона». Якуты стали шить платье русского покроя; богатые якуты покупали шелк, бархат, а также русские сапоги и ботинки. Русскую одежду, особенно мужскую, стали носить алтайцы. Буряты шили свои халаты из русских тканей. Эвенкийские женщины перенимали покрой женской одежды — юбки.

Русское влияние на эвенков особенно сказалось в золотопромышленных районах: в районе Бодайбо эвенки носили брюки, рубахи, кофты из ситца, сатина и других покупных тканей. У хакасов мужские и женские рубахи до сего времени сохраняют отдельные элементы (полики, ластовицы), свидетельствующие об их русском происхождении. Русская обувь, платки, картуз получили широкое распространение в Сибири.

УСТНОЕ ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Народное поэтическое творчество русских Сибири является неотъемлемой частью поэтического творчества всего русского народа. В нем представлены все формы и жанры русской народной поэзии, созданные в разное время русским народом.

Материалы и исследования дореволюционных и особенно советских фольклористов и этнографов убедительно опровергают утверждения областников, будто русские Сибири отличаются от русских европейской части России особым психическим складом, что, перевалив через Урал, они забыли или исказили старые предания и песни, а сами ничего заслуживающего внимания не создали. В действительности русское население Сибири очень бережно хранило, передавая из поколения в поколение, старые песни и предания, принесенные еще первыми русскими поселенцами — крестьянами и казаками.

С. И. Гуляев, посвятивший всю жизнь изучению быта и поэтического творчества русских южной Сибири, еще в 1845 г. писал: «. . .переселенцы уносили с собой, как заветное достояние предков, поверия, сказки и песни о былинах прежнего времени, которые передавались из рода в род, сохраняются и доныне в народной памяти, вероятно с небольшими изменениями».[1] Показательно, что именно в Сибири сохранялись и были записаны старинные русские песни, предания и обычаи, уже позабытые к этому времени большей частью населения европейской России. Но сибиряки, естественно, не могли ограничиться и никогда не ограничивались ролью только хранителей старинной русской поэзии. Они выступают как активные участники никогда не прекращающегося живого процесса народного поэтического и песенного творчества, внося свой вклад в общерусскую сокровищницу народного искусства.

Основной фонд устнопоэтических произведений сибиряков составляли наиболее популярные, распространенные повсюду среди русских песни и сказки. Непрекращавшийся поток переселенцев, вольных и невольных, приносил в Сибирь новые песни и рассказы, прочно входившие в местный репертуар. Большое воздействие на развитие устного творчества сибиряков, обогатив его новыми идеями и образами, оказали политические ссыльные.

Много песен, частушек, рассказов и преданий было создано самими сибиряками. В них повествуется о жизни трудового населения Сибири, об его семейном и общественном быте, даются картины сибирской природы. Любимые герои традиционного сибирского фольклора — мужественные, предприимчивые, находчивые и трудолюбивые люди, не боящиеся трудностей и смело вступающие в борьбу с суровой природой и социальными угнетателями. Таковыми и были отважные русские землепроходцы, пустившиеся в далекие неизведанные края и освоившие огромные земельные пространства. Лучшие из сибирских произведений получили широкое распространение и вошли в общерусскую народнопоэтическую и песенную сокровищницу. Всем известны, например, замечательные сибирские песни: «По диким степям Забайкалья», «Славное море священный Байкал», «Глухой неведомой тайгою» и др.

О любви сибиряков к песне свидетельствуют многие этнографы и собиратели устного поэтического творчества. Особенно ценились хорошие песенники и рассказчики в рыболовецких и звероловных артелях. Как и на европейском Севере, артели специально приглашали хорошего сказочника, давали ему иногда лишний пай. Так

[1] С. Гуляев. Алтайские каменщики. Санктпетерб. вед., СПб., 1845, № 20—30.

поступали, например, рыбаки на Байкале. [1] В Сибири известны замечательные мастера народного творчества — сказители, песенники, сказочники. Таковы, например, алтайский сказитель Леонтий Тупицын, от которого записал былины и исторические песни С. И. Гуляев, [2] сказочница Верхне-Ленского района Н. О. Винокурова,[3] сказочник из Тункинской долины Забайкалья Е. И. Сороковиков (Магай)[4] и многие другие.

Народное творчество русских сибиряков обогащалось и благодаря их тесному общению, дружеским связям с нерусскими народностями Сибири. Лучшие героические образы, созданные различными народами Сибири, многочисленные сибирские предания и легенды нашли отражение и в русском народном творчестве. Обмен духовными ценностями, как и обмен хозяйственным опытом и практическими навыками, был взаимным; произведения русского народного поэтического творчества прочно вошли в репертуар большинства нерусских народностей Сибири, обогатили его и способствовали значительному расширению кругозора этих народностей. Очень показательно, например, что лучший сибирский сказочник, знаток традиционной волшебной сказки Е. И. Сороковиков, рассказывал русские сказки и по-бурятски, а бурятские сказки — по-русски.

Хранителем традиционного русского фольклора в Сибири явилось в первую очередь старообрядческое население (особенно семейские) и казаки. До Великой Октябрьской социалистической революции в Сибири почти повсеместно сохранялись старинные обычаи и обряды: календарные [5] и семейные — свадебные, похоронные. [6] Это те же русские обычаи и обряды, которые наблюдались и в европейской России, но приспособленные в ряде случаев к сибирским условиям (например сельскохозяйственный календарь). Наиболее отчетливо в обрядах (как и во всем поэтическом творчестве сибиряков) прослеживается севернорусская традиция. Так, в Сибири распространены были колядки с припевом «виноградье» — отличительная черта севернорусских колядок, не встречающаяся у средних и южных великоросов. Этнографы, описывавшие свадебный обряд в Сибири, также отмечали его близость к севернорусскому. В нем те же основные части: сватовство, рукобитье (сговор), смотренье, девишник, баня (где расплетают невесте косу), свадьба, блины у тестя и отводины. Свадебный обряд включает большое количество песен и причетов.

Большинство сибирских свадебных песен представляет собой варианты общерусских (чаще севернорусских) свадебных песен: «Отставала лебедь белая», «Сборы вы сборы», «Ты коса ли моя косынька», «Я не знала и не ведала, ко мне сваха приехала», «Ах вы соколы, соколы» и др. Большую роль на сибирской свадьбе (как и на европейском севере) играл дружка.[7] Следует отметить и специфические черты, отличавшие сибир-

---

[1] Сказки из разных мест Сибири. Под ред. М. К. Азадовского, Иркутск, 1928, стр. 134.

[2] Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева, под ред. В. И. Чичерова, Новосибирск, 1952.

[3] М. Азадовский. Сказки Верхнеленского края, вып. 1. Иркутск, 1925.

[4] Сказки Магая (Е. И. Сороковикова). Запись Л. Элиасова и М. Азадовского, под общ. ред. М. Азадовского, Л., ГИХЛ, 1940.

[5] Сибирский народный календарь был специально исследован А. Макаренко. См. его сводную работу «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении» (Зап. РГО, отд. этнографии, т. XXXVI, 1913).

[6] Похоронные причеты на Лене были записаны и исследованы М. К. Азадовским: Ленские причитания. Чита, 1922.

[7] Подробное описание сибирской свадьбы с песнями и причетами см., например, у С. И. Гуляева, Былины и песни южной Сибири, стр. 201—247, а также в статье Н. О. Осипова «Ритуал сибирской свадьбы» (Живая старина, вып. 1, 1893), и др.

ские праздники. Среди русского населения Сибири были особенно распространены игры и состязания, требующие силы и ловкости. Так, обязательной принадлежностью сибирских святочных и масленичных увеселений являлись конские состязания и борьба. Почти повсеместно в Сибири на масленицу строили «снежный городок» — специфически сибирская игра, увековеченная на известной картине Сурикова «Взятие снежного городка». Игра сопровождалось ряжением и устройством специального карнавального поезда.[1] На масленицу устраивались и народные представления.

Сибиряки всегда ощущали себя неотъемлемой частью всего русского народа. Особенно бережно хранили они в своей памяти произведения, повествующие о героических страницах русской истории, о подвигах русских патриотов. Почти повсеместно в Сибири сохранялась эпическая традиция. Большинство исследователей считает, что первый в в России сборник былин «Древнероссийские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» был составлен в Западной Сибири. В Западной же Сибири составил большой сборник былин и исторических песен С. И. Гуляев.[2]

Былевая традиция Сибири также теснейшим образом связана с севернорусской. Близость сибирских былин к севернорусским сказывается как в их содержании, так и в поэтических и языковых особенностях. В Сибири, как и в Прионежье, сохранились наиболее полные варианты былин, строго выдерживается здесь и вся эпическая «обрядность» (повторения, «общие места», традиционные зачины и концовки и пр.). На близость сибирских былин к севернорусским указынал еще первый исследователь сибирского эпоса — С. И. Гуляев. Он объяснял это тем, что старожильческое население Сибири составили выходцы из севернорусских губерний. «Первоначальное русское народонаселение тамошнего края, — писал он об Алтае, — образовалось, преимущественно, из жителей Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Архангельской и Пермской губерний». Переселяясь в южную Сибирь, «они уносили с собой предания старины о в. к. Владимире и богатырях его, которые передавались из рода в род, сохранившись доныне, точно так же как и многие забытые уже в других местах обряды и обычаи».[3]

В Сибири особенно любимы были героические былины, в частности про Илью Муромца. Свой первоначальный героический характер сохранил в Сибири и богатырь Алеша Попович, в европейской России получивший нередко нелестную характеристику; в Сибири сохранилась почти забытая в европейской части былина об Алеше и Тугарине. В сибирских былинах сильные, могучие богатыри святорусские иногда приобретают местные черты: они охотятся в дремучих лесах на распространенных в Сибири зверей, ездят по непроходимой тайге и пр. Образы богатырей воспитывали патриотизм, смелость и стойкость в борьбе, в преодолении всех трудностей.

В Сибири были записаны ранние (XVI—XVII вв.) исторические песни («Взятие Казани», «Кострюк», песни об Ермаке, Скопине, Степане

---

[1] Взятие снежного городка описано А. Макаренко (Сибирский народный календарь в этнографическом отношении), М. В. Красноженовой (Взятие снежного городка в Енисейской губернии. Сиб. живая старина, II, 1924), А. Новиковым (Несколько заметок о сибирской масляница. Сиб. живая старина, VIII—IX, 1929).

[2] Былины в Восточной Сибири записывали М. А. Зензинов, Н. Протасов, А. Макаренко, И. А. Чеканинский и др. В. Г. Тан-Богораз записал былины и исторические песни на Колыме.

[3] С. И. Гуляев. Сибирские круговые песни. Изв. Акад. Наук, СПб., 1853, стр. 163.

Разине и др.). О распространенности в Сибири песен об Ермаке свидетельствует Сибирская летопись.

Не случайно самый полный вариант песни о героическом походе Ермака в Сибирь находится в сборнике Кирши Данилова. Распространены в Сибири были песни и предания о Степане Разине. Почти повсюду знают песню о «сынке» Разина, наиболее социально насыщенную из всех песен разинского цикла, в которой высказывается вера в скорую победу народа. Разин в Сибири, как и в Поволжье, осмысляется как вождь бедноты, выразитель ее чаяний. «Слава о его похождениях и о хорошей жисти у нево была на всю Рассю. Вместе с бродяжной, вольной народ ходил к нему нарочи», — говорится в предании о Степане Разине.[1] Дальше в этом предании рассказывается, как ушел от купца и был с почетом принят Разиным лямошник, тянувший баржу по Волге. Образы Ермака и Разина воплощали социальные идеалы трудовых масс, стремление к социальной справедливости.

О большом уважении сибиряков к историческим песням свидетельствует и то, что некоторые из них вошли в праздничные обряды и представления.

В Тавдинском районе записано представление «Масленица», составной частью которого являлась разыгранная как пьеска песня о Кострюке.[2] С. И. Гуляев сообщает, что на Локтевском заводе во время игры — взятия снежного городка — пели песню о Суворове. На Колыме песня о Скопине пелась на святках, как «Виноградье».

Сибирские крестьяне и казаки складывали исторические песни и о местных событиях. Две такие песни (не считая песни о сибирском походе Ермака, собственно тоже сибирской) есть уже в сборнике Кирши Данилова: «Поход селенгинским казакам» («А за славным было батюшком, за Байкалом морем») и «Во Сибирской Украине, во Даурской стороне». Особенно интересна вторая песня, повествующая о трудностях, связанных с освоением Приамурья, о том, как казаками на устье Комары,

На славной Амуре реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая,
И зделан гостиный двор
И лавки каменны [3]

У амурских казаков была записана песня об их насильственном переселении на Амур:

Нас на Амур-то ведь силой селили,
Сунут в болото и скажут: «село» .[4]

О богатстве сказочной традиции в Сибири дают представление сборники М. К. Азадовского (указаны выше), М. В. Красноженовой и публикации сказок в разных местных изданиях (особенно в изданиях отделов Русского Географического общества). В Сибири записаны почти все распространенные русские сказки, причем часто в очень полных и художественных вариантах. Среди них значительную долю занимают волшебные сказки, с большой силой воплотившие веру русского народа в торжество справедливости, в победу человека над враждебными ему

[1] А. Макаренко. Сибирские песенные старины, стр. 36.
[2] Н. Е. Опчуков. Три варианта песни о Кострюке. Сб. Отд. русск. яз. и словесн., т. 1, 1928, № 3.
[3] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., ГИХЛ, 1936, стр. 220.
[4] А. П. Георгиевский. Русские на Дальнем Востоке, вып. IV. Фольклор Приморья. Владивосток, 1929, стр. 86.

стихийными и социальными силами. Знатоком и мастером таких сказок являлся, как уже было сказано, Е. И. Сороковиков. От него были записаны такие популярные русские сказки, как «Иван царевич и серый волк», «Волшебное кольцо», «Звериное молоко», «Отдай то, чего не знаешь дома», «Еруслан Лазаревич», «Бова королевич» и др. Большой социальной насыщенностью и остротой отличаются сибирские сатирические сказки. Так, в сборнике М. В. Красноженовой в сказке «Жестокая барыня» в роли барыни выступает Екатерина II, и сказка, таким образом, уже является сатирой не только на помещиков, но и на русское самодержавие. Остроумно и зло обличается высшее духовенство в сказках Е. И. Сороковикова «Беспечальный монастырь» (вариант известной русской сказки) и «Видел ли архиерей душу человека?». Героем сатирических и многих волшебных сказок выступает умный, находчивый и смелый сибирский крестьянин или солдат.

Сибирские сказки дают очень много для характеристики быта дореволюционных сибирских крестьян. В сказках очень часто выступают охотники, бродящие по непроходимой тайге и горным ущельям, хорошо знающие все лесные тропы, все приметы и повадки зверей. Нередко в сказках действуют приискатели, бродяги или беглые — типичные фигуры старой Сибири, бывшей страной каторги (образ бродяги и беглого нашел очень яркое отражение и в сибирских песнях).

Герои сказок живут в избах, обставленных по-сибирски, охотятся на сибирских пушных зверей и пр. Отправляясь на охоту или в дальний путь, они всегда надевают унты, мать или жена пекут им на дорогу шанежки; изгнанная мужем оклеветанная жена строит в лесу юрту, в которой и живет с сыном. В одном варианте сказки «Волшебное кольцо» герой покупает не собаку и кота, как обычно, а собаку и соболя. Таких черточек, характерных именно для Сибири, в сказках можно найти очень много.

Богаты и разнообразны сибирские песни. С. И. Гуляев, первый попытавшийся классифицировать сибирские песни, выделил большую группу «круговых» песен. Эту группу, включившую большинство лирических песен, он подразделил на песни, сопровождаемые играми, и просто круговые. «Эти песни, — указывал С. И. Гуляев, — известны повсюду, они поются на отдыхе от трудов и семейных праздниках, ими потешаются старики, ими тешится и молодежь, выражая в них задушевные чувствования и желания собственной юности и любви».[1] Гуляев указывает, что эти песни пелись от пасхи до троицына дня, затем с осени на «капустках», супрядках и вечорках и от рождества до масленицы. Летом песни пелись преимущественно во время помочей при уборке сена и хлеба. Помимо круговых песен, имеются и песни «проголосные».

Более подробную классификацию песен дает А. Макаренко.[2] Он указывает, что само население подразделяет необрядовые песни на несколько категорий. Самую большую группу составляют песни проголосные или протяжные; это песни, не связанные с обрядом или играми и поющиеся при любом случае. Вторую группу составляют песни «игровы», делящиеся, в свою очередь, на «короводны», «избушковны» или «банны», — песни смешанного характера, поющиеся девушками во время осенних и зимних работ по избам или баням.

Содержание большинства проголосных песен — обычное для русской традиционной крестьянской песни. Это любовные песни, дающие образы

---

[1] С. И. Гуляев. О сибирских круговых песнях. Отеч. зап., 1839, т. III, стр. 58.

[2] А. Макаренко. Сибирские песенные старины, стр. 3—4.

доброго молодца и красной девушки, песни о разлуке из-за отъезда милого на чужбину на заработки или в службу государеву, из-за социального и имущественного неравенства; милый женится на другой, постылой, но богатой, родители хотят выдать девушку за немилого и т. д. Большую группу составляют песни о тяжелой жизни женщины в большой патриархальной семье. Игровые песни нередко отражают трудовые процессы, например песня «Пора пашню пахать» показывает все процессы обработки гороха, от его посева до печения пирога, и др.

Сибирские песни богаты и мелодичны. Н. Протасов сообщает, что Н. А. Римский-Корсаков, просмотревший собранные им в Сибири песни, отметил в них «признаки древней русской чистой мелодии, представляющие из себя ценный вклад в литературу по народному творчеству».[1] Мелодии сибирских песен в большинстве своем характерны и для великорусских песен.

В ряде мест Сибири заметно сказывается влияние украинской песни (в местах, где было много украинских переселенцев). Так, А. Макаренко записал в Енисейской области песню о «Карналюге», т. е. о Кармелюке, и «За Сибирью солнце светит» — одну из распространеннейших украинских песен, по тематике и идейному содержанию перекликающуюся с русскими песнями о восстании Разина. Особенно сильно влияние украинской песенной традиции в Приморье, где бóльшую часть населения составляли украинцы.

Специфически сибирскими песнями являются песни о тяжелой каторжной работе, о бегстве из тюрьмы (например, «Ланцов из замка убежал») или с каторги, о бродягах, пробиравшихся «звериной узкою тропою» домой, к любимой семье. В песнях с сочувствием рисуется образ бродяги, смелого и вольнолюбивого. Часто образ бродяги осмысляется как образ борца за свободу, за справедливость. Герой песни страдает за общее дело, он сослан «не за пьянство и буянство, и не за ночной разбой», а «за крестьянский мир честной». Правдиво изображается в песнях тяжелая участь каторжанина и ссыльного, показывается помощь им со стороны местного населения:

Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.

Это вполне согласно с сибирскими обычаями, где у изб устраивались даже специальные полочки, куда на ночь клали хлеб и другие продукты для беглых.

Со второй половины XIX в. в Сибири, как и во всей России, начинают широко распространяться романсы и песни на слова русских поэтов. Все большее и большее место в песенном репертуаре начинает занимать революционная песня, приносившаяся в Сибирь политическими ссыльными. Повсюду начинает звучать частушка, широко отражавшая местную жизнь.

Особо следует отметить поэтическое и песенное творчество сибирских рабочих. Наиболее ранние из зафиксированных песен отражают быт рабочих, приписанных к казенным заводам. Организация работы на заводах по военному образцу описана в песне «О горные работы. . . оне всем дают заботы».[2] Песня является одним из ранних дошедших до нас

---

[1] Н. Протасов. Как я записывал народные песни. Изв. ВСОРГО, 1904, т. XXIV, стр. 132.

[2] Впервые эта песня была записана Е. И. Парамоновым и опубликована им в «Томских губернских ведомостях» (1865, № 17—18). Варианты ее приведены в работе В. И. Семевского «Из истории обязательного горного труда в России» (Иркутск, 1897).

произведений рабочих (она восходит, вероятно, к XVIII в.) и дает возможность судить о начальном этапе русского рабочего устнопоэтического творчества. В песне подробно, с большим знанием описаны распорядок работ на Змеиногорском руднике («Змеевская плавильня»), тяжелый «урок», который должны рабочие выполнить, рабочий инвентарь. Заключительные слова песни:

Мы по улице пойдем,
Громко песни запоем,
Как начальство «любит» нас,

говорят о наличии и популярности в рабочей среде сатирических песен, обличавших заводское начальство и раскрывавших суть взаимоотношений рабочих и горной администрации. Такая же картина рисуется и в песне «На промывке на ручной». Она свидетельствует о недовольстве рабочих существовавшим порядком и в то же время показывает, что рабочие еще не знали, где искать выхода:

Жаловаться не знаем кому,
Только богу одному.
До его высоко, до царя далеко.

Наиболее частым выходом, к которому прибегали крепостные рабочие (а также каторжные и ссыльные, работавшие на сибирских рудниках), было бегство. «Характерной особенностью крепостного права на заводах было то, что в это время создался тип крепостных беглых», — писал Д. Н. Мамин-Сибиряк. В рабочих песнях часто поется о бегстве рабочих.

Рабочие радуются, что проходит «зима с морозом», что теперь можно бежать:

Мы конвой весь перевяжем,
Караульных разобьем,
Мы оружье все захватим,
Сами в лес с ним удерем.[1]

Популярным в рабочем творчестве становится образ беглого-мстителя. Этот образ особенно разработан в рабочих сказах.

Сказы алтайских рабочих, записанные А. А. Мисюревым,[2] рисуют страшную картину труда и быта на алтайских горных заводах до реформы. В них говорится об изнурительном труде — тяжелых «уроках», об издевательствах над рабочими приказчиков и надсмотрщиков. Администрация не только не пыталась облегчить труд рабочих, но даже нещадно наказывала рабочих за попытки применить кое-какие улучшения и приспособления.

Били рабочих по всякому поводу и без повода. Была разработана система наказаний — гоняли «скрозь строй», «драли на кобылине кнутом» и т. д. От такой жизни рабочие «делали побеги, а потом начали бунтовать». Некоторые сказы говорят о бунтах, о том, как рабочие расправлялись с особо ненавистными управляющими. Рассказы о расправе с управляющими и приказчиками показывают ненависть рабочих к угнетателям и незрелость сознания рабочих — рабочие еще думали, что все зло идет от непосредственного начальства и если заменить жестокого управляющего другим, более хорошим, то и жить станет лучше. Характерна концовка сказа, повествующего об убийстве рабочим ненавистного

[1] Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири. Сост. А. Гуревич, Иркутск, 1940, стр. 19.

[2] Легенды и были. Сказания алтайских мастеровых. Записи, статья и прим. А. А. Мисюрева, под ред. проф М. К. Азадовского, Новосибирск. 1938.

управляющего Пирожкова. Рабочий принял казнь «за народ», «а рабочим, верно, стало жить получше. Прислали из Горного корпуса нового управляющего. Тот был помягче».[1]

Ненависть рабочих к тяжелому принудительному труду сочетается в их рассказах с уважением к мастерству, к рабочему человеку, могущему все сделать. «А какой был работник! Не было такой работы, чтобы не сробил. Загубили его изъедучи под решетом», — говорится о талантливом рабочем, загубленном мастером-змеей. Показательно, что протестуют, выступают борцами за социальную справедливость лучшие рабочие. «Вот он, какой был, батя Олень! Робить здоров и ничего не боялся, шел за правду», — так характеризуется один из беглых.

Рассказы о беглых рабочих-мстителях, созданные на основе действительных фактов, содержат много общих мотивов с «разбойничьими преданиями»: героя не берут пули (убить можно только медной пуговицей), с него спадают кандалы, из тюрьмы он обычно уходит, попросив напиться и окунувшись в ковш, и т. п. Но все эти рассказы конкретизируются, в них включаются такие же подробности быта крепостных рабочих, как и в рассказах-воспоминаниях.

На каждом заводе были рассказы о своих беглецах. В Горной Колывани рассказывали о двенадцати братьях Белоусовых, на Локтевском заводе — о Криволуцком, в Салаире и Гурьевском заводе — о бунтаре Сороке. Во всех этих рассказах много общего. Беглые — обязательно бывшие рабочие, и притом лучшие рабочие, «мастера на все руки». Они бежали, не вытерпев притеснений и издевательств. Сделавшись «разбойниками», они грабят и убивают только управляющих, купцов и чиновников. Простой народ они не только не трогают, но и всячески помогают ему. Так, Криволуцкий ездил днем по деревням и высматривал, где ребятишки плохо одеты, а ночью привозил к этим избам детскую одежду. Беглецы шли за свободу, поэтому им «от народа уважение было». Народ никогда не выдавал их, помогал скрываться.

Легенды о Селезне-разбойнике говорят о появлении у рабочих сознания необходимости организации для борьбы. Селезень не только грабил «купцов проезжих да чиновников заводских», а пытался организовать и поднять на борьбу крестьян. Он ездил по деревням, угощал мужиков и внушал им: «Эх вы, мужичье сиволапое, работаете день и ночь, а на кого — и сами не знаете. Бросили бы все — не хотим, мол, и баста, а чинодралов этих, приставов разных да урядников, придушили бы, как клопов».

Рабочие Алтая создали легенды о хранителях горных богатств, о Горном батюшке, который помогает рабочим, предупреждает их о готовящемся обвале и т. п.

Песни и особенно легенды алтайских рабочих являются прекрасным источником для изучения быта и процесса формирования общественного сознания рабочих. Они раскрывают трагедию приписных рабочих, создававших богатства для эксплуататоров. С этими песнями и рассказами много общего имеют и произведении «свободных» рабочих, условия труда и быта которых были не лучше.

О Сибири, ее неисчерпаемых природных богатствах ходили легендарные рассказы. «Сибирь — золотое дно», — говорит сибирская пословица. Привлеченные этими рассказами, в Сибирь шли разоренные, обезземеленные крестьяне, надеявшиеся здесь найти золото и разбогатеть. Но «золотым дном» в буквальном и переносном смысле этого слова Сибирь была только для богачей. «Золото роем, а сами голосом воем», «Кто на при-

[1] Легенды и были, стр. 14.

исках не бывал, тот и горя не видал», — говорили о себе рабочие золотых приисков. Песня рабочих дает яркую, взятую непосредственно с натуры картину приисковой жизни:

Мы по собственной охоте
Были в каторжной работе
Во большой тайге.
Там пески мы промывали,
Людям золото искали,
Себе не нашли. . . .
Приисковые порядки
Для одних хозяев сладки,
А для нас — беда.
Щи хлебали с тухлым мясом,
Запивали жидким квасом
Мутною водой. . .
Много денег нам сулили,
Только малость получили:
Вычет одолел.[1]

Постепенно у рабочих начинает вырабатываться сознание необходимости организованной и последовательной борьбы за свои права, появляется понимание того, что только ниспровержение самодержавия и капиталистического строя может изменить их положение. В выработке революционного сознания у сибирских рабочих большая роль принадлежала ссыльным большевикам. В июле 1902 г. в № 22 ленинская «Искра» писала в корреспонденции из Забайкалья: «Волна рабочего движения перекинулась вместе с железной дорогой через Урал и разлилась по всей Сибири. . . Слишком уж необычная это вещь: вдали от культурных центров, в глуши Сибири, в горах Забайкалья слышится революционная песня, печатаются и распространяются прокламации, шевелится рабочий». Революционные песни, зазвучавшие в Сибири, были те, что звучали по всей России в годы подготовки и проведения первой русской революции. Наряду с этим в сибирском рабочем фольклоре продолжает развиваться и местная тематика. Образцом устных поэтических произведений сибирских рабочих, созданных перед Великой Октябрьской социалистической революцией, являются песни о Ленском расстреле и рассказы о революционных событиях на Ленских приисках.

НАРОДНОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Народное изобразительное искусство русского населения Сибири очень богато и отражает его исторические судьбы. Заселяя Сибирь, русские несли сюда выработанные ими ранее навыки в обработке дерева и металла, в строительстве домов, городов и укрепленных пунктов, на новом месте продолжали заниматься различными ремеслами.

Там, где условия этому благоприятствовали, те или иные виды народного творчества не только полностью сохраняли свое значение, но и удерживали многие черты и особенности, роднившие их с крестьянским искусством европейской части России. В таких условиях находилось прежде всего искусство Западной Сибири. Здесь развивались разнообразные формы городской архитектуры и сельского зодчества, богатое и красочное декоративное искусство, вышивка, набойка, кружево.

В различных районах Восточной Сибири, особенно на крайнем северо-востоке, условия были иные. Русские жили здесь менее компактными мас-

[1] Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири, стр. 45.

сами, отдельные группы их нередко оказывались в более тесном окружении нерусского местного населения, среди суровой природы, связь их с европейской частью русского народа была слаба. На юге и юго-востоке русские жили в соседстве с населением Монголии, Китая и Маньчжурии. Рядом со старорусскими в Восточной Сибири возникли и развились новые формы искусства, в которых чувствуется иногда влияние художественного творчества народов южной Сибири и зарубежных стран Востока. Таким образом, судьба русского народного искусства в Сибири была неодинакова. В одних областях оно удержало свой прежний облик, в других — частично утратило его и приобрело новые черты. В северо-восточных районах Сибири некоторые виды изобразительного искусства, широко представленные среди русского населения Западной Сибири, встречаются редко или не известны вовсе. В Западной и южной Сибири, где плотность населения значительно выше, чем в восточных областях, количество памятников народного творчества довольно велико, и они отличаются большим разнообразием, чем, например, на северо-востоке.

Наличие или отсутствие леса, близость или отдаленность административных центров, характер путей сообщения между населенными пунктами, районами или городами, приток необходимых товаров, количество и характер ярмарок и многие другие обстоятельства имели немаловажное значение для развития и состояния народного искусства. Так, например, в зоне тундры, где население могло пользоваться только сплавным лесом, последний очень ценился и его едва хватало на постройку жилищ. Поэтому резьба по дереву в этих районах не получила развития. Промышленные товары доходили на Север с большим трудом и опозданием. Связь с соседними населенными пунктами была слабой, да и сами эти пункты находились на значительном расстоянии друг от друга. Невозможность заниматься на Крайнем Севере разведением льна также имела свои последствия. Здесь пользовались привозными тканям и шили одежду из меха и оленьей ровдуги.

Для понимания тех или иных местных особенностей изобразительного искусства существенное значение приобретают данные о том, из каких районов и областей европейской России направлялись в Сибирь первые и последующие потоки населения, где они смешивались и каков был социальный состав переселенцев. Эти данные объясняют нам, почему, например, в одних случаях русская вышивка включает в себя украинские мотивы, в других обнаруживает черты сходства с орнаментом тех или иных центральных или северных районов европейской России. В пределы Западной и северо-западной Сибири, например, русские стали проникать преимущественно из северных и северо-восточных областей России. Крупными культурными центрами явились здесь построенные в XVI—XVIII вв. города, здания которых по своему архитектурному облику во многом напоминали постройки европейского Севера — мезенские, двинские и заонежские.[1]

Наиболее богато представлены в русском крестьянском искусстве Сибири орнамент и другие виды декоративного искусства. Живопись и скульптура менее развиты и имеют ограниченное распространение.

Деревянная скульптура чаще всего встречается на домах и воротах. Это — охлупни, передний конец которых оформлен в виде коня, птицы или головы оленя (Томская и Омская области), петушки над окнами или на воротах (Алтай), деревянные вазы на воротах (Западная Сибирь),

[1] До 80-х годов XVII в. все постройки в западно-сибирских городах были деревянные. Первое каменное здание — Успенский собор — было построено в Тобольске между 1683 и 1686 гг.

1

3

4

2

Роспись внутренних частей жилища. Масло. Бухтарминцы

1 — простенок в горнице; *2* — простенок, деталь; *3* — стена около переднего угла, деталь; *4* — матица, деталь

«Один с сошкой, а семеро с ложкой». Скульптура из кости. Работа тобольского мастера П. Терентьева

профилированные воротные столбы и коновязи (Томская область). На Алтае у «поляков» распространены были прежде фигурки птиц, сделанные из соломы, с бумажной головой и такими же крыльями. Их подвешивали к потолку, обычно в сенях дома. Русские старожилы на р. Индигирке устанавливают около дома высокие шесты с деревянным флюгером, средняя часть которого вырезана в виде животного или птицы (гусн).

В старинных церквах Восточной Сибири (например, в с. Китой и в г. Киренске) в XIX в. можно было встретить изображения Христа, богоматери и святых, вырезанные из дерева. Они были очень выразительны и во многом напоминали пермскую и севернорусскую церковную скульптуру.

Тобольск издавна славится своими изделиями из мамонтовой кости. Особенно удачны небольшие костяные изображения животных (северных оленей, собак), охотников-хантов, ненцев, едущих в нартах, запряженных оленями, а также небольшие барельефы. Крупным, вполне самобытным мастером резьбы по кости в конце XIX — начале XX в. был крестьянин Порфирий Терентьев (умер в конце 20-х годов XX в.); из других резчиков, работавших в конце XIX в. и в советское время, следует упомянуть Венгерского, Фонякова, братьев Невских, Денисова и Пескова. Производство костяных изделий носило характер промысла. Вещи продавались в Тюмени, Тобольске и Кургане, в большом количестве изготовлялись по заказам из Петербурга, Москвы, Риги. Кроме Тобольска, художественной обработкой мамонтовой кости занимались отдельные мастера в Барнауле, Челябинске, Омске, Туруханске и других городах. Хорошими резчиками были камчадалы. Чаще всего они вырезывали из кости и рога небольшие фигурки животных и птиц.

Во многих областях Сибири до сих пор местные гончары занимаются производством поливных и раскрашенных глиняных игрушек.

В XIX — начале XX в. отдельные мастера, работавшие в Тобольске и Березове, изготовляли по заказам хантов и ненцев и по их образцам литые медные женские украшения с фигурами птиц и оленей, заключенными в круг.[1]

[1] В конце XIX в. в Митинской волости Тобольской губернии существовала медно-литейная мастерская, в которой отливались медные кресты, складни, а также иконки старообрядческого типа, украшенные эмалью. В XVII—XIX вв. среди хантов, манси, ненцев, эвенков, эвенов, юкагиров, отчасти якутов и бурятов были распространены старинные русской работы медные и бронзовые бляхи, с барельефными изображениями кентавров, петухов, каких-то летящих птиц, всадников и т. д.

«Охотник-остяк». Скульптура из кости. Работа тобольского мастера П. Терентьева

Из живописных работ на бытовые темы[1] заслуживают внимания изображения, которыми покрывались стены домов, кутные заборки, ставни, двери и печи. Подобного рода изображения встречались как в западных, так и в юго-восточных областях Сибири и были довольно разнообразны: Ермак Тимофеевич, сценки охоты, чаепитие, львы, петухи, фантастические птицы, птицы, сидящие на ветвях, грозди винограда, газоны, кусты, букеты, отдельные цветы, деревья с цветами и плодами. В настоящее время такие изображения встречаются редко.

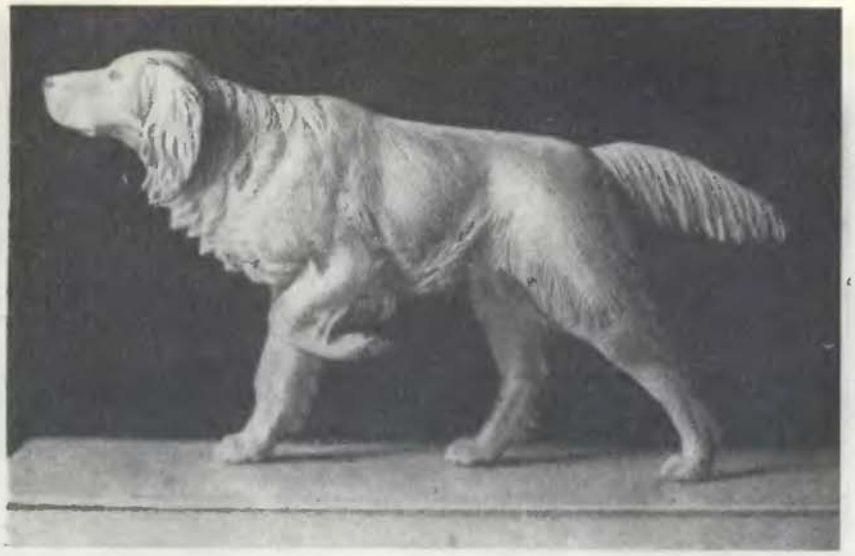
Наиболее богато представлен в крестьянском искусстве орнамент. В техническом отношении орнамент очень разнообразен. В Сибири наиболее распространены расписной орнамент по дереву и бересте, резной орнамент по дереву и вышивка. Реже встречаются выжигание, штамп по бересте, применение с декоративной целью металла, орнамент на глиняной посуде, меховая мозаика, тканый орнамент, набойка, кружево, введение в вышивку цветного бисера. В XVIII в. в некоторых городах Сибири наружные стены каменных церквей богато украшались резьбой, городками, полуколоннами, карнизами. Одним из замечательных памятников этого рода является Крестовоздвиженская церковь в г. Иркутске, построенная в 1758 г.

В западносибирских областях, на Алтае, в Иркутской области и Забайкалье во второй половине XIX в. был широко распространен расписной орнамент, которым покрывали стены и потолки домов, кутные заборки, двери, наличники, ставни и печи. Зажиточные крестьяне, кулаки и торговцы расписывали свои дома очень богато, бедняки довольствовались простой раскраской некоторых частей дома или скромным орнаментом, украшавшим двери, ставни или опечек. Первые обычно нанимали для этой цели приезжих мастеров, чаще всего тюменских. Для росписей западносибирских областей и Алтая характерны красная, зеленая и синяя краски, для восточносибирских — синяя, зеленая, коричневая, серая, иногда белая.

Орнамент включает в себя как растительные, так и геометрические мотивы — гирлянды, листья, круги («солнце»), концентрические круги, зигзаги, треугольники, квадраты, завитки, полосы. Имеется роспись «под кирпичную кладку», «под мрамор», «под орех», в которой чувствуется влияние города. В новых домах роспись встречается редко или отсутствует вовсе.

Наряду с монументальной росписью широко бытовали деревянная и берестяная расписная посуда, утварь и мебель. Много подобного рода предметов изготовлялось в селах и деревнях б. Тюменского округа Тобольской губернии. Особой известностью пользовались тюменские берестяные туяса (бурачки), которые можно было встретить в различных

[1] Здесь опускаются такие виды живописных работ, как иконопись, раскрашивание лубочных картинок и т. д.



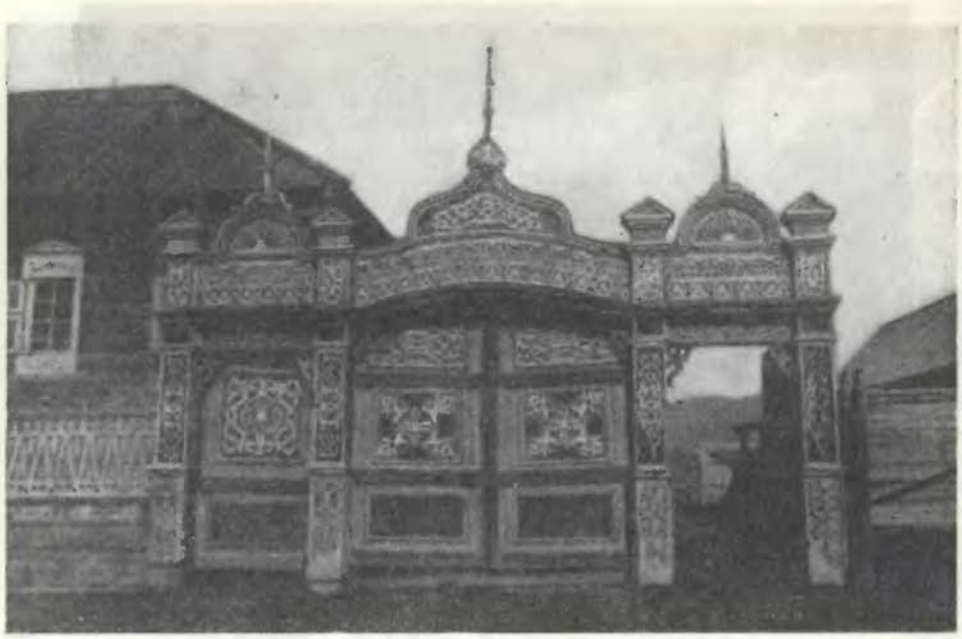
«Сеттер». Скульптура из кости. Работа тобольского мастера П. Терентьева

областях Западной Сибири. Тюменские мастера уходили на заработки далеко за пределы своего округа. Их приглашали к себе и алтайские кержаки. Этим объясняется сходство многих расписных кержацких изделий с тюменскими. По словам самих кержаков, расписная посуда и утварь появились у них только в конце XIX в. Раскрашивались и расписывались прялки, посуда для кваса, кадки, дуги, табуреты, лавки, столы, диваны, иногда кровати. Роспись на этих предметах носила тот же характер, что и настенная. Расписные дуги встречались и в других местах Сибири, например в Якутии, на Амуре. Во второй половине XIX в. туринские ремесленники по заказу крестьян расписывали им металлические подносы.

Резной орнамент принадлежит в Сибири к одному из широко распространенных видов народного искусства. Наиболее богата резьба на жилых домах Западной Сибири, Алтая, отчасти Иркутской области и в городах Якутии. Крестьяне украшают свои избы резными причелинами, наличниками, фризами, карнизами, повалами.[1] Колонки крылец были нередко профилированы, над воротами устанавливались фигурно вырезанные верхи. В областях Западной Сибири была широко распространена выемчатая резьба, исполняемая при помощи топора, ножа и долота. Изредка применяется выжигание. Мотивы орнамента преимущественно геометрические (розетки, зигзаг, зубцы, шевроны, сухарики, шашки, ромбы). В областях, ближайших к Уралу, архитектурная резьба обнаруживает значительное сходство с декором крестьянских построек европейской части России; в отдаленных от Урала областях она носит более самостоятельный характер. В Томской области в крестьянской резьбе иногда встречаются мотивы, общие с хантыйскими.

На Алтае наряду со старой выемчатой резьбой встречается более поздняя, пропильная. Кроме типично русских мотивов, постройки здесь нередко украшаются мотивами орнамента, характерного для соседних с кержаками казахов, а в деревнях, расположенных близко к границам Китайской Народной Республики, — мотивами восточноазиатского про-

[1] Выступающие концы бревен.



Ворота, украшенные пропильной резьбой. Бухтарминцы

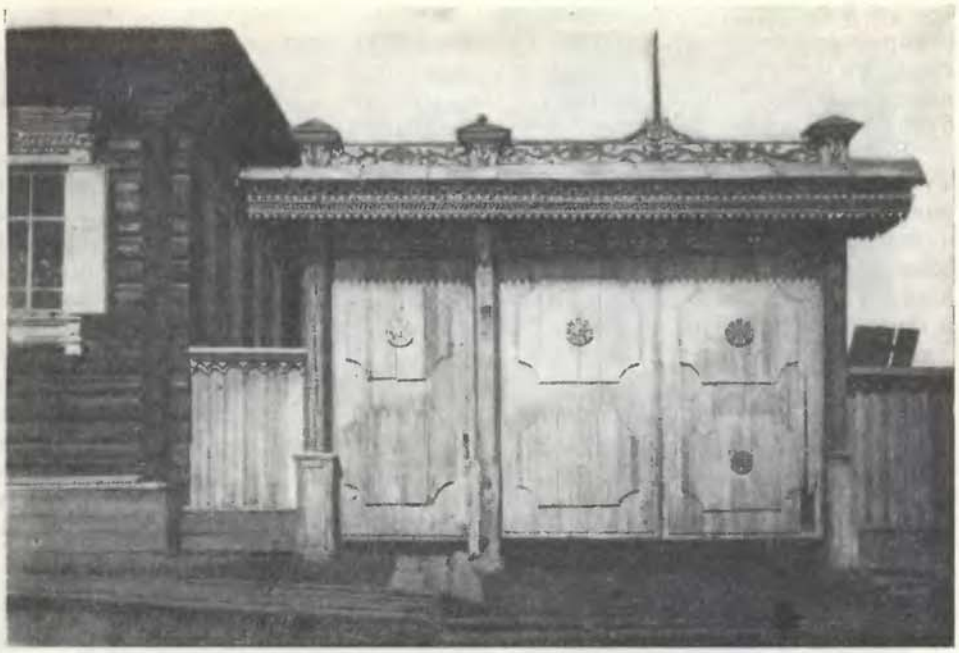
исхождения. В Иркутской области приемы и мотивы старинной русской резьбы сочетаются с более поздней техникой, принесенной сюда пришлыми мастерами. Они нередко вводят в резьбу городские мотивы, например вазы на столбах, обрабатывают дерево «под камень». За Байкалом в русской пропильной резьбе чувствуется влияние монгольского орнамента. Семейские удерживают в архитектурном декоре старинные русские мотивы.

В пределах Якутска и его окрестностей русские деревянные постройки украшены не менее богато. Широко распространена в настоящее время техника пропильной резьбы, орнамент которой включает некоторые мотивы якутского происхождения. В Вилюйском районе резьбой украшены лишь отдельные дома. Образцов старинной резьбы в Якутии сохранилось немного. Некоторое представление о ней дают детали оформления башен Якутского острога. Кровельный тес этих башен был украшен копьевидными концами, бревенчатые кронштейны — профилировкой, балясины на балконах также были профилированы.

На Амуре в архитектурной резьбе рядом с русскими мотивами (розетки) иногда встречаются фигуры драконов и китайские символические знаки. Это объясняется тем, что в отдельных случаях резьбу на домах исполняли китайские мастера. Крестьяне покрывают иногда резьбой домашнюю утварь, дуги, ткацкие станы, прялки, коробки, украшают ею полочки, мебель.

Металл в бытовом декоративном искусстве встречается редко. В деревнях юго-западного Алтая своеобразным способом украшения домовых фризов была набивка на них квадратных кусочков жести. Полосками жести обиты сундуки, но эти предметы привозные. Зажиточные кержаки украшали конские седла накладными серебряными пластинками казахской работы.

Вышивка применяется очень часто, и весьма разнообразна по материалу, техническим приемам и мотивам орнамента. Она встречается на женской и мужской одежде, головных уборах, обуви, рукавицах, перчатках,



Русский дом с резными украшениями работы китайского мастера. Бывш. Нижне-Амурская обл., с. Богородское

кисетах, скатертях, оборках кроватей и на других предметах. Вышивают по материи и по коже, употребляя для этой цели цветные бумажные шелковые и шерстяные нитки, золотые и серебряные нитки, белый олений волос, тонкие кожаные ремешки. Орнамент вышивок состоит из прямолинейных или криволинейных геометрических фигур, растительных побегов, цветов, листьев, бутонов. Западносибирский вышитый орнамент нередко напоминает севернорусский, на Алтае вышивка в основе своей также севернорусская, но наряду с русскими в ней встречаются казахские мотивы и применяется казахский шов (тамбур). На Амуре севернорусские мотивы встречаются рядом с типично украинскими (полотенца, фартуки). На Анадыре в русской вышивке наблюдается значительная примесь юкагирских, чукотских и корякских геометрических мотивов; некоторые технические приемы вышивания также заимствованы от юкагиров.

Вышивка исполнялась большею частью для себя, но в некоторых областях Сибири ею покрывались предметы, предназначенные для продажи. Так, например, в Тобольской губернии изготовлялись вышитые полотенца и скатерти; расшитые цветной шерстью рукавицы отправлялись в Восточную Сибирь; на Алтае у «поляков» можно было купить вышитые полотенца, кокошники, сарафаны, фартуки; на Анадыре (с. Марково) в значительном количестве изготовлялись вышитая одежда, перчатки и обувь, продававшиеся на Колыме и в Гижиге.

Марковские мастерицы наряду с цветными шелковыми и бумажными нитками употребляют при вышивании белый подшейный волос оленя. Вышивальщицы нередко пользуются тонкими кожаными ремешками (светлыми и темными), пропуская их через разрезы в коже. Орнамент, вышитый волосом, очень мелкий, строго геометрический. Кожаные сумочки украшаются орнаментом из стаченых кусочков светлой или темной кожи, вырезанных в форме треугольников, квадратов или полос. Иногда

(например на кожаной обуви) орнамент состоит из накладных ажурных геометрических фигур, вырезанных из тонкой кожи. Рядом с ними помещаются на тех же вещах (обуви, рукавицах) крупные яркие цветы, бутоны и листья, вышитые цветными нитками по материи.

В XIX и начале XX в. в некоторых женских монастырях (Томск, Тюмень) существовало производство золотошвейных изделий, широко расходившихся по Приуралью и Сибири. Вышивка золотом и серебром известна была и алтайским «полякам». Ею украшались главным образом женские кокошники и позатыльники. Иногда две-три золотые нитки продергивались на полотенцах, вышитых цветными нитками. Те же «поляки» применяли для украшения рубах позумент или разноцветные шнуры. Такого рода изделия встречались в семьях зажиточных крестьян. В 20-х годах XIX в. употребление золотых ниток при вышивании обуви отмечено у русских Колымского округа. Большим разнообразием отличались художественные работы в семьях богатых кержаков. Женщины у них на сельскохозяйственную работу не выезжали, так как на полях работали нанятые для этой цели казахи. Использование наемного труда позволяло женщинам уделять больше времени вышиванию и вязанию.

Узорное тканье известно не только на Алтае. Им повсеместно занимались в Тобольской губернии. Почти в каждой деревне были мастерицы, бравшие заказы на узорные «брани», но домотканные изделия постепенно вытеснялись фабричными. Узорные тканые пояски изготовляли крестьяне Иркутской области. Орнамент на этих поясках был геометрический (крючки, ромбы). В домах алтайских кержаков встречались ковры тюменской работы, а также казахские ковры, украшенные геометрическими мотивами.

Большой известностью пользовались шерстяные тюменские ковры, производством которых в XIX и начале XX в. занято было значительное число ткачих. В 1864 г. изготовлено было до 20 000 ковров, в 1871 г. до 30 000, в начале XX в. ежегодно вырабатывалось не менее 80 000 ковров. Ткались ковры на простых станах — кроснах. В изготовлении ковров принимали участие и мужчины. Материалом служила овечья и коровья шерсть, краски были покупные (анилиновые), но некоторые красители (буро-красная, желтая, бурая краски) приготовлялись домашним способом. В старину пользовались преимущественно растительными красками. Тюменские (позже и ишимские) ковры имели широкий сбыт. Они продавались на базарах в различных городах и деревнях Западной и Восточной Сибири, вывозились на Ирбитскую, Ишимскую и Нижегородскую ярмарки, продавались в шорных лавках Москвы и Петербурга, попадали в Варшаву и Кяхту. Цена ковров, отличавшихся сравнительно грубой выделкой, была невысокая.

Ковры разделялись на ворсовые (махровые, или «морховые») и безворсные (паласы). Среди махровых различались настольники и сундучные ковры. Узоры для них ковровщицы выдумывали сами или копировали с попадавших к ним предметов, иногда брали с этикеток. Преобладали цветы и листья. На центральном поле обычно помещали крупный букет, для бордюра использовали мелкие цветочные мотивы. Фон чаще делался темным, реже белым. Кроме цветочных мотивов, изредка встречались фигуры животных (коней, собак, кошек, оленей), иногда изображения человека. Узоры на паласах отличались простотой. История возникновения коврового промысла в Тюменской области недостаточно выяснена. Одни считают, что он занесен в Сибирь из европейской России, другие полагают, что он заимствован у народов Востока, в частности у бухарцев, третьи видят в тюменских коврах подражание коврам сибир-

Меховой ковер. Анадырцы

ских татар. По характеру цветочных мотивов тюменские ковры ближе всего стоят к орнаментации саратовских и курских ковров.

Набойка не получила широкого распространения. Холст набивали главным образом для продажи. В начале XX в. этим промыслом занято было несколько семей в Тобольской губернии, вырабатывавших «чеканку» для скатертей и тюфяков. Набивные ткани приобретали местные крестьяне и частично народы Севера, делавшие из холста покрышки для нарт. На Алтае в домах кержаков имелись набивные скатерти и прикрывающие нижнюю часть кровати оборки. По белому холсту набивались синие или коричневые узоры, по красному — зеленые, по синему — красные. Краски для этой цели употреблялись масляные. Орнамент носил растительный характер. Изготовлялась набойка приезжими мастерами.

Своеобразным видом декоративного искусства до настоящего времени являются изделия из меха на р. Анадыре (с. Марково). Для украшения меховых головных уборов, обуви и одежды русские мастерицы пользуются здесь светлым и темным мехом оленя. Многие мотивы мехового орнамента сходны с корякскими и чукотскими. Они состоят из кругов, треугольников, квадратов или чередующихся светлых и темных полос меха. Широкой известностью пользуются искусно сделанные оторочки (под-

зоры, или опуваны) меховых парок, а также орнаментированные меховые ковры. Шьются эти вещи не только для себя, но и для продажи. В дореволюционное время сбытом меховых ковров занимались главным образом купцы, вывозившие их в Гижигу, на Колыму и в Якутск.

Орнамент на опуванах состоит либо из геометрических мотивов (чаще всего из небольших квадратов или ромбов), либо из стилизованных растительных мотивов — веток, листьев, цветов. Орнамент из ромбов или полуромбов называется здесь чешуйчатым, растительный — травяным. Техника исполнения и геометрические мотивы его типично корякские: кусочки меха пришиты друг к другу краями и напоминают собой мозаику. Растительные мотивы — русские и имеют более крупные размеры. Орнаменты из светлого меха, резко выделяясь на темнокоричневом фоне, придают опуванам нарядный вид.

Русские меховые ковры по характеру декоративной отделки почти не отличаются от корякских. Поле ковра состоит из чередующихся светлых и темных квадратов или других геометрических фигур или представляет собой гладкий фон (чаще темный), по которому разбросаны изображения животных (лося, оленя, волка), птиц, деревьев, зубчатых листьев, звездчатые розетки, иногда изображения жилищ. Ковры имеют широкую кайму, внутри которой иногда помещаются те же фигуры, что и на центральном поле. Близость марковских ковров и опуванов к корякским объясняется не только тем, что русские, живущие на Анадыре, часто ездят в Гижигу, где сосредоточена торговля с коряками, но и тем, что русские крестьяне и мещане переселились в свое время в Марково из той же Гижиги и им давно известны изделия оседлых коряков, отличающиеся высокими художественными достоинствами. Орнаментом из светлого и темного оленьего меха украшали свою одежду камчадалы. Подобно корякам, они вводили в орнамент стилизованные или реалистические фигурки животных.

Изготовлением кружев занимались в Сибири главным образом в Тобольской губернии. На Алтае вязали кружево из цветной шерсти или цветной бумаги. Бисер встречается редко. Кержаки украшали им девичьи пояса, делали из него ряски (нагрудные украшения); «поляки» употребляли бисер при вышивании.

Следует отметить довольно широкое распространение среди русского населения берестяных табакерок, украшенных зубчатым орнаментом. В Тобольской области крестьяне изготовляют берестяные туяски, орнаментированные с помощью костяных чеканов. Орнамент состоит из кружков, шевронов и других геометрических фигур, иногда дополняемых изображениями птиц. Жители Маркова орнаментируют фигурно вырезанными берестяными накладками берестяные сачки (бивельники, битки), употребляемые при собирании ягод.

Орнаментация глиняных сосудов не подвергалась специальному изучению. Известны расписные тарелки, кувшины, миски и другая посуда, изготовленная в с. Боготоле Томской области. На Алтае производством глиняной посуды на ручном гончарном круге занимались кержаки. Они украшали посуду простейшим геометрическим орнаментом (волнистые линии), нанося его на мягкую глину при помощи лучинки. После этого сосуды подвергали обжигу.

Таким образом, русские принесли с собой в Сибирь богатую художественную культуру своего народа, хранили ее и развивали дальше. Длительное соприкосновение с местным населением привело к использованию русскими некоторых технических навыков и художественных форм, созданных татарами, хантами, казахами, бурятами, якутами, коряками, юкагирами и др. Так возникли, главным образом на окраинах

Сибири, своеобразные формы изобразительного искусства у тобольских русских, кержаков и «поляков» на Алтае, семейских в Забайкалье, русских в Якутии и на Амуре, марковцев на Анадыре. Русские иногда приглашали к себе якутских и китайских резчиков, пользовались в своем быту готовыми художественными изделиями якутов, казахов, китайцев. В то же время русские художественные изделия глубоко проникали в среду нерусского населения и вызывали подражание им со стороны местных мастеров (Якутия, Хакасия и др.).

Художественная культура русского народа обогатила искусство народов Сибири новыми материалами, новыми красками, не известными ранее техническими приемами. Русские распространили здесь материалы, оказавшие влияние на развитие местного народного искусства: бумажные, шелковые, серебряные и золотые нитки, гарус, бить, цветные сукна, бязь и другие ткани, бисер, бусы, олово, серебро, галуны, различные краски, иглы, инструменты для обработки дерева и металла и т. д.

В Якутии под влиянием русских костерезов развился промысел художественной обработки мамонтовой кости. Изделия якутской работы XIX в. (коробочки, украшенные ажурной резьбой, подчасники) были очень близки по сюжетам и технике к работам русских холмогорских мастеров XVIII — начала XIX в.

К ВОПРОСУ ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В СИБИРИ

Заселив и освоив огромную и пустынную территорию Сибири, русский народ создал здесь очаг высокой для своего времени общерусской национальной культуры, несмотря на то, что Сибирь при царизме, особенно в пореформенное время, находилась на положении далекой окраинной провинции. Вопреки политике царского правительства, тормозившей культурное развитие Сибири, русское сибирское население стремилось к просвещению. Прогрессивные представители русского общества как в центре России, так и в самой Сибири боролись за развитие русской культуры в условиях Сибири. Эти усилия дали положительные результаты, и русское население Сибири внесло свой вклад в дело прогресса передовой русской национальной культуры дореволюционной России. В Сибири возникли школьное дело и научная медицина, появились средние и высшие учебные заведения, пресса, литература, театр, искусство, наука. Сибирь дала русскому народу крупных деятелей культуры, науки и искусства.

Развитие передовой русской культуры в Сибири оказало благотворное влияние не только на местные сибирские племена и народности, но и на жителей некоторых стран и областей (например Монголии, Тувы, Маньчжурии, Северной Америки), прилегающих к Сибири. Эта тема также еще ждет своего исследователя.

Необходимо опровергнуть ходячее и неверное представление о дореволюционной Сибири как о диком, невежественном и глухом крае. Распространению такого искаженного представления способствовали различные источники.

Так, трагические моменты личной судьбы некоторых политических ссыльных не могли не наложить отпечаток на характеристику природы и населения Сибири, которая ими часто изображалась в их произведениях «гиблым местом». В других случаях сознательно и намеренно искажали характеристику культурного состояния Сибири, рисуя его мрачными красками, отзываясь о нем в пренебрежительном тоне, те публицисты и

общественные деятели, которые отражали интересы помещиков и капиталистов европейской части России, т. е. классов, тормозивших экономическое, политическое и культурное развитие населения Сибири (граф А. Ростопчин и др.). Неверная характеристика культурного состояния русского общества в Сибири наблюдалась и в работах сибирских публицистов-областников (Ядринцев, Шашков и др.). Это делалось, видимо, в целях борьбы за улучшение экономической и культурной жизни Сибири. Какие бы причины ни лежали в основе распространения неправильного представления об уровне культурного развития русского населения Сибири дореволюционного периода, борьба с такими ложными представлениями является важной задачей советских ученых. Советским историкам, этнографам, литературоведам и представителям других специальностей предстоит изучить огромный фактический материал о культуре русского народа в Сибири, еще по существу никем не исследованный, чтобы объективно осветить этот важный, но искаженный во многих публикациях вопрос.[1] В настоящей работе поставленные вопросы рассматриваются лишь в самых общих чертах.

Центром средоточия русской культуры в Сибири были города. Они сами по себе также являлись важным показателем уровня русской культуры. Несмотря на окраинное положение и отсутствие развитой промышленности, сибирские города вовсе не были захолустьем. Напротив, они в некоторых отношениях отличались более культурным обликом по сравнению с рядом провинциальных городов центральных губерний России. Значительная часть сибирских городов имела правильную планировку улиц. В крупных городах было известное благоустройство, например водопровод (Томск, Иркутск и др.), электрическое освещение улиц (Томск, Иркутск, Красноярск, Чита, Владивосток и др.). В ряде городов имелись мощеные улицы и в большинстве деревянные тротуары. В городах было много каменных и деревянных строений прекрасной архитектуры, начиная от старинных шатровых колоколен и домов XVII в. (Тобольск, Тюмень и др.) и кончая постройками в стиле русского ампира и классицизма. Развитие городского строительства в XVIII в. характеризовалось постройкой солидных каменных зданий. Кроме церквей, строились гостиные дворы, административные здания, частные дома и т. д. Наблюдалось стремление к пышным формам господствовавшего тогда стиля русского барокко в Тобольске, Тюмени, Иркутске и других городах, особенно Тобольской и Томской губерний (Захарьевская церковь, Малые ворота Кремля, ряд церковных оград в Тобольске, крепость и гауптвахта в Омске и др.). Позднее наибольшее распространение получила архитектура русского ампирного стиля. Каменные дома со стройными колоннами и фронтонами украсили улицы и площади во многих городах (ряд зданий, обрамляющих б. Демидовскую площадь, составляющий архитектурный ансамбль в Барнауле, б. Кадетский корпус в Омске, б. дворец губернатора Восточной Сибири и ряд церквей в Иркутске, мясные ряды рынка, б. Мещанская управа в Томске и многие другие).

Имеются постройки и в стиле классицизма, например б. Девичий институт и б. Кузнецкая больница в Иркутске — работы Разгильдеева, первого архитектора из бурят. В конце XIX и начале XX в. в ряде сибирских городов (Томске, Омске, Иркутске и др.) строится ряд круп-

---

[1] Одной из первых удачных попыток в этом отношении является работа М. Азадовского «Очерки литературы и культуры Сибири» (вып. 1, Иркутск, 1947), а также книга Е. Д. Петряева. Исследователи и литераторы старого Забайкалья (Чита, 1954).

ных общественных зданий (Университетская библиотека и Технологический институт в Томске, средние учебные заведения и управление Омской железной дороги в Омске и др.), объявляются конкурсы на проекты крупных общественных зданий, городские архитекторы избираются по конкурсу и т. д. Подавляющее большинство частных домов в сибирских городах все же было деревянным.

Необходимо отметить также развитие почтовой и телеграфной связи. Регулярная почтовая связь Сибири с Москвой была налажена уже в конце XVII в. В 1800 г. в Тобольске был учрежден Сибирский почтамт. В 1862 г. в Сибири появляется телеграф. К 1870 г. телеграфная линия прошла через всю Сибирь с запада на восток с ответвлениями от магистрали (например в Барнаул и т. д.). Сибирская часть Русского государства была связана таким образом не только со всей страной, но и с зарубежным миром. В конце XIX в. в сибирских городах распространяется телефон. В 40-е годы XIX в. появляется речное пароходство и проводится железнодорожная магистраль через всю территорию Сибири от Урала до Владивостока, в конце XIX в. открыт крупнейший морской порт во Владивостоке.

Уже в конце XVII в. в Сибири появляются школы. Первая школа была открыта для детей сибирского духовенства в Тобольске под названием «Славяносербской», а в 1725 г. в Иркутской губернии при Вознесенском монастыре—миссионерская школа для бурят и русских. В 1756 г. в Иркутске и Нерчинске открыты светские профессиональные «навигацкие» школы. Светские школы были открыты впервые во второй половине XVIII в. в Тобольске, Иркутске, Томске и Верхнеудинске. Первым средним учебным заведением в Сибири явилась гимназия в г. Иркутске, открытая в 1805 г., директором которой был известный историк П. Словцов. Его усилиями в 20-х годах XIX в. открыто еще 18 начальных школ. Вторая гимназия была основана в 1810 г. в Тобольске, третья — в 1838 г. в Томске. Открытие других гимназий в сибирских городах относится к пореформенному периоду, к моменту революции их насчитывалось несколько десятков.

В 1888 г. появляется первое в Сибири высшее учебное заведение — Томский университет, а в 1890 г. — Технологический институт.

По данным 1911 г., из общего количества 100 749 начальных школ в России в Сибири числилось только около 6 тыс. школ. Для многомиллионного населения это количество школ было ничтожно мало. Поэтому грамотность русского сибирского населения была все-таки низкой. Она составляла в среднем 19.2% для мужчин и 5.1% для женщин (1897 г.). Наибольшее количество грамотных было, разумеется, среди городского населения. Тем не менее, факт появления в Сибири, где до включения ее в состав Русского государства не было ни одной школы, нескольких тысяч начальных школ, свыше сотни общих и специальных средних учебных заведений (гимназий, реальных училищ, семинарий, прогимназий и т. д.), десятков профессиональных училищ, четырех высших учебных заведений (Томский университет, Технологический институт, Сибирские высшие женские курсы и Восточный институт во Владивостоке) нельзя не признать за весьма положительное явление. Как ни мало было учебных заведений в Сибири в условиях капиталистической России, как ни стремилось царское правительство преградить доступ к образованию широким массам русского и нерусского населения, глубоко прогрессивное значение появления целой сети различных учебных заведений в Сибири несомненно.

С ростом городов появляется и получает свое развитие научная медицина. Оспопрививание появилось в Сибири в XVIII в. В 1771 г.

подлекарь Авдреев прививал оспу в Змеиногорске. В 1799 г. в Иркутске была открыта первая аптека, а в 1858 г. в Иркутске основано первое научное медицинское общество под названием Общество врачей Восточной Сибири. Позднее медицинские общества появились и в других городах Сибири, например в Омске (1883 г.), Красноярске (1886 г.), в Томске и т. д. С учреждением Томского университета было положено начало высшего медицинского образования в Сибири.

Медицинский факультет Томского университета с его прекрасными клиниками вскоре становится общепризнанным крупным научным центром русской медицины. Кроме университета, в Сибири насчитывалось 8 фельдшерских школ, где велась подготовка кадров среднего медицинского персонала.

Возникновение лечебного дела в Сибири имело большое культурное значение не только для русского населения, но и для различных местных племен и народностей. Однако масштаб лечебной работы был крайне узок. По данным 1910 г., одна больница здесь приходилась на территорию около 25 тыс. км² (в европейской части примерно на 700 км²), а на одного врача по пространству приходилось по 15 тыс. км² и свыше 11 тыс. человек. На всей территории Сибири насчитывалось менее 600 больниц, которые сосредоточивались преимущественно в бывших Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях. Количество врачей в Сибири не достигало и одной тысячи человек.

В XVIII в. в Сибири появляется художественная литература. С 1789 по 1791 г. в Тобольске выходил первый ежемесячный журнал под названием «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Этот журнал издавался Тобольским главным народным училищем и был одним из первых провинциальных журналов в России. Он печатался в местной частной типографии, издавался на средства Тобольского приказа общественного призрения, а редактировался учителями народного училища. Большую роль в работе журнала играл ссыльный литератор П. Сумароков, родственник известного драматурга. Тобольск был в то время важным культурным центром Сибири. Несмотря на то, что на первых порах в культурной жизни Тобольска стремилось играть большую роль духовенство, придававшее церковный характер образованию и просвещению, именно в Тобольске стал выходить первый в Сибири литературный журнал. Здесь же была поставлена в 70-х годах XVIII в. и первая светская драма «Ермак» местного автора. Местные учителя, мелкие чиновники, ссыльные сумели отстоять светский характер культуры.

Тобольские журналы, особенно «Иртыш», не ограничивались узкоместными интересами. Они знакомили сибирское общество с идеями Вольтера и Кондорсэ, с крупными достижениями науки того времени. Среди местных тобольских образованных людей особенно выделялся П. Словцов, выступления или «проповеди» которого были проникнуты революционными идеями французских просветителей XVIII в. и привлекали к нему слушателей и последователей. Ко второй половине XVIII столетия относится зарождение сибирской публицистики, первым представителем которой был Ф. Соймонов, создатель навигацкой школы в Нерчинске. Его перу принадлежат такие работы, как «Известия о торгах сибирских», «Сибирь — золотое дно» и др.

Более крупным и ведущим центром зарождающейся русской литературы в Сибири был Иркутск. Главную роль в его культурной жизни играло местное купечество, мелкое чиновничество и рядовые горожане, именовавшиеся мещанами. Здесь издавалось несколько журналов. Недостаток типографий тормозил печатание сибирской литературы. Большая часть журналов выходила в рукописном виде. Рукопис-

ная литература издавалась до 60-х годов XIX в. (сатирические листки «Шаман» и др., издававшиеся в Минусинском округе).[1] Здесь находила широкое отражение в острой сатирической форме борьба местного русского общества с представителями царской администрации.

Художественная литература, непосредственно созданная в Сибири или отражавшая сибирский быт, сложилась в дореформенный период, в 30-х годах XIX в. Она создавалась писателями-сибиряками как в самой Сибири, так и за ее пределами. Одним из первых сибирских поэтов был Ф. И. Бальдауф, современник и восторженный поклонник А. С. Пушкина. Он познакомился с Пушкиным в юности, когда учился в Горном кадетском корпусе в Петербурге и бывал на заседаниях «Вольного Общества любителей словесности, наук и художеств», где встречался с декабристами[2]. Из Иркутска вышли известные братья Полевые, создатели прогрессивного для своего времени журнала «Московский телеграф». В 1830 г. Н. Полевой напечатал одну из повестей о Сибири под названием «Сохатый». Наиболее выдающимися представителями сибирской литературы этого времени были, кроме семьи Полевых, всемирно известный П. П. Ершов — автор «Конька-Горбунка», уже упомянутый П. А. Словцов («Письма о Сибири», «Прогулка вокруг Тобольска»), известный также и своим научным трудом «Историческое обозрение Сибири». Получил известность и писатель-романист И. Г. Калашников («Дочь купца Жолобова», «Камчадалка», «Изгнанники»). С повестями выступал Н. Щукин («Ангарские пороги», «Посельщик» и т. д.), Н. Бобылев, который обратил на себя внимание сюжетами из жизни бурят, и др. Из поэтов того времени следует назвать, например, Нагибина, Черкасова, Веттера. Сибирские писатели сотрудничали в лучших русских столичных журналах («Московском телеграфе», «Вестнике Европы» и т. д.). Возникшая литература о Сибири отражала и пропагандировала взгляд на Сибирь как выдающуюся по своим природным богатствам и прочим качествам часть Русского государства, пробуждала интерес как к русскому населению, так и к различным сибирским племенам и народностям, воспитывала гуманное отношение к ним. В создание сибирской литературы внесли вклад и ссыльные декабристы, для творчества которых был характерен мотив изгнанничества. Большой силой идейного содержания и общественной значимости отличаются произведения следующего поколения сибирских писателей, воспитанного на демократических прогрессивных идеях русской общественной мысли 60-х годов. Такие писатели, как Омулевский (роман «Шаг за шагом»), И. А. Кущевский (роман «Николай Негорев»), Н. И. Наумов (сборники рассказов «Сила солому ломит», «В тихом омуте», «Паутина», «Еж» и др.), выросшие под влиянием Белинского, Добролюбова и Чернышевского, отражали взгляды и интересы трудового народа, с которым они были тесно связаны. Они ввели в художественную литературу типы и образы сибирских крестьян, горнорабочих, образы профессиональных революционеров — борцов за социальную справедливость. В таких произведениях впервые рисовались картины революционной борьбы трудового народа Сибири с угнетателями. Большинство этих писателей принадлежало к народникам.

Большой вклад в сибирскую литературу внес крупный писатель-демократ В. Г. Короленко. Под его идейным и художественным

---

[1] М. Азадовский. Очерки литературы и культуры Сибири, вып. 1, стр. 106—137.

[2] См. Е. Д. Петряев. Исследователи и литераторы Старого Забайкалья, стр. 117—146.

влиянием возникла так называемая сибирская школа писателей из политических ссыльных—народников (В. Г. Тан, В. Серошевский, А. Шимановский, С. Елпатьевский, Л. Мельшин-Якубович). Одновременно в русле народничества возникло областническое направление в сибирской литературе, возглавлявшееся Н. Ядринцевым. К Великой Октябрьской социалистической революции сибирская литература пришла почти с вековой традицией. Она отражала различные общественно-политические взгляды русского общества. Некоторые писатели близки к эсерам (И. Гольдберг, Г. Гребенщиков, А. Новоселов,), другие служат делу рабочего класса (И. Тачалов, В. Бахметьев, Ф. Березовский).

К моменту империалистической войны 1914 г. в Сибири (Томск, Иркутск, Омск, Владивосток, Благовещенск, Чита и др.) издавалось одновременно свыше 50 журналов, преимущественно научных и специальных (различные Ученые записки, Известия, Труды, Ежегодники, Протоколы и т. п.). За период с 1789 по 1916 г. в Сибири издавалось в разное время более 40 литературных журналов, половина которых представляла собой журналы сатиры и юмора («Оса», «Ерш», «Бич» и др.).

Художественная литература и публицистика печатались не только в журналах и сборниках («Литературный сборник» и др.), но и в большой степени в газетах.

Зарождение сибирской периодической печати датируется 1857 г., когда в различных городах начинают выходить «Губернские ведомости» (Тобольские, Томские и др.). Из сибирских газет некоторые получили широкую популярность в кругах русского общества и в европейской части России, например «Сибирь», «Сибирская газета» и «Восточное обозрение», печатавшееся в Петербурге под ред. Н. М. Ядринцева. В них участвовали литераторы Москвы, Петербурга и других городов. Большую роль в прогрессивном направлении ряда сибирских газет играли политические ссыльные, особенно большевики. По данным 1908 г., в Сибири выходило 76 газет.

Довольно высокий для своего времени уровень русской культуры в Сибири находил отражение и в развитии библиотек и музеев. Сибирское купечество собирало большие частные библиотеки. Н. Щукин писал в 1828 г. про Иркутск: «. . .здешние купцы имеют богатые библиотеки, выписывают все журналы, все вновь выходящие книги. Дочери их и жены занимаются чтением и играют на фортепьяно. . . В этой дикой и хладной стране удивляются стихам Пушкина и читают Гомера. Ты, может быть, скажешь, что это приезжие чиновники. Нет, тамошние старожилы, купцы и даже мещане».[1] В литературе имеются упоминания и частичные описания для одного только Иркутска (первой половины XIX в.) свыше 20 частных библиотек, преимущественно купеческих. Большие библиотеки были у ссыльных декабристов (С. Волконского, С. Трубецкого, М. Лунина и др.). Книжные собрания сибирских библиофилов славились и позднее. Из них лучшей была библиотека красноярского купца Г. В. Юдина, насчитывавшая около 80 тыс. томов, в которой с особенной полнотой были представлены книги по сибиреведению. Эту библиотеку знал и ценил В. И. Ленин. К сожалению, библиотека Юдина перед империалистической войной была продана в значительной ее части в Америку.

Наряду с частными в сибирских городах были и публичные библиотеки. В Иркутске такая библиотека открылась в 1782 г.; в комплектовании ее приняла участие Академия Наук. В ней было много книг не только на русском, но и на французском и немецком языках. В 1838 г. в Иркут-

[1] Северная пчела, 1828, № 3; «Письмо из Иркутска».

ске была открыта вторая публичная библиотека. В Тобольске первая библиотека появилась в 1748 г., с открытием духовной семинарии. В Томске публичная библиотека основана в 1830 г. Кроме того, здесь были две народные библиотеки, затем большая частная платная (купца Макушина), ряд библиотек ведомственных, в том числе библиотека Технологического института. В Барнауле со второй половины XIX в. открылись две частные библиотеки с высокой платой за годовой абонемент, с 1886 г. — народношкольная и с 1888 г.—публичная; здесь же была большая казенная библиотека при Управлении алтайскими горными заводами. В Минусинске славилась публичная библиотека, основанная Н. М. Мартьяновым. Публичные библиотеки были в Омске, Тобольске, Тюмени, Якутске, Семипалатинске, Ново-Николаевске, Бийске и других городах. Даже в таких маленьких городах, как Камень, Колыванск, Каинск, Ачинск, Канск, Тара, Балаганск и др., существовали народные и общественные библиотеки. Существовали народные библиотеки и в некоторых селах. Сельских библиотек было мало, но и те, которые были, конечно, играли важную просветительную роль. По данным 1914 г., в Томской губернии, например, насчитывалось 250 народных библиотек, а в Тобольской — 172.

Уже к концу XVII в. в Сибири начали создаваться научные краеведческие музеи (Иркутск). Во второй половине XIX в., когда развили свою деятельность различные отделения Русского Географического общества, в Сибири насчитывалось довольно много музеев. Одним из старейших музеев Сибири, заслуживших положительные отзывы посещавших его путешественников и ученых первой половины XIX в., является Барнаульский. Он был открыт в 1823 г. при Управлении алтайскими горными заводами. Большой популярностью пользовался не только в России, но и в научных кругах за границей Минусинский музей, основанный Н. М. Мартьяновым. Музеи имелись во многих городах Сибири. В их работе значительное участие принимали политические ссыльные. Сибирские музеи имели большое культурно-просветительное значение и пользовались популярностью у населения. Некоторые из них издавали научные труды («Ежегодник Тобольского музея» и др.).

Русские сибиряки сделали вклад в развитие русского национального искусства.

В Сибири родился и долгое время работал знаменитый русский художник Суриков. Уроженцем Сибири был также Врубель. В сибирских городах имелись картинные галереи, театры, музыкальные общества (отделения Русского музыкального общества в Омске, Томске и других городах, Сибирское хоровое певческое общество в Томске, Филармоническое общество в Омске, Общество любителей музыки в Красноярске и т. д.), музыкальные кружки («Мелодия» в Иркутске и др.), музыкальные училища.

Из среды русского населения Сибири происходили и некоторые русские композиторы и музыканты. Композитор А. А. Алябьев родился в г. Тобольске. Он писал свои некоторые романсы в Сибири и на слова сибирских поэтов. Алябьев был создателем и руководителем большого военного оркестра в г. Омске. Сибиряком был русский скрипач и композитор Н. Я. Афанасьев, известный не только в России, но и за границей, где он выступал с гастрольными концертами. Из местных сибирских композиторов следует назвать В. И. Ребикова (Красноярск) и М. П. Речкунова (Барнаул).

Большой вклад внесли русские сибиряки в общее развитие русской и мировой науки. Среди крупнейших деятелей науки с мировым именем встречаются выходцы из русского населения Сибири. Таковы, например, Менделеев и Боткин. С первых шагов по открытию и освоению огромной

территории Сибири формируется и развивается научная мысль среди сибирского населения. В разделе об освоении Сибири указывалось на большую роль описаний природы и населения Сибири. На основе этих описаний возникает сибирское летописание, до сих пор представляющее важный источник и богатый материал для исследования. Первым видом сибирской летописи считают Синодик тобольского архиепископа Киприана, использовавшего записки участников похода Ермака, называвшиеся «Написание, како приидоша в Сибирь». Уже в первой половине XVII в. подъячий Савва Есипов на основе материалов, собранных землепроходцами, пишет сочинение «О Сибири», вошедшее в историческую науку под названием «Есиповской летописи». В конце XVII в. в Тобольске жил и работал один из первых крупных русских географов, историков и этнографов-сибиреведов Семен Ремезов, труды которого («История Сибирская», «Чертежная книга Сибири» и др.) получили всемирную известность и свидетельствовали о высоком уровне развития русской науки того времени. В следующем веке тобольский ямщик И. Черепанов как бы заканчивает цикл сибирского летописания своим сочинением «Новая Сибирская история». Знаменитый механик и теплотехник И. И. Ползунов изобретает в Барнауле «огнедействующую» машину, опередив на десятилетия мировую техническую мысль, а великий строитель и новатор К. Д. Фролов создал на базе алтайских заводов целую систему рабочих машин, приводимых в действие центральным мотором, явившуюся прообразом завода-автомата. Его сын, П. К. Фролов, построил (на Алтае) первую чугунную дорогу в 1806—1809 гг.

В XVIII в. в Сибири работают знаменитые академические экспедиции, поднявшие изучение Сибири на новую ступень, а «российский Колумб» Г. Шелехов в конце этого столетия продолжает географические открытия на северо-востоке Сибири, организует экспедицию на Аляску; Кадьяк исследует Курильские и Алеутские острова.

Работы крупнейших для своего времени академических экспедиций по всестороннему изучению Сибири в значительной степени опирались как на результаты трудов русских землепроходцев XVII и XVIII вв., так и на широкую помощь местного русского населения. В результате работ академических экспедиций в XVIII в. появляется ряд широко известных (Гмелин, Паллас, Миллер, Крашенинников и др.) печатных обобщающих трудов по природе и населению Сибири. В первой половине XIX в. адмирал Невельской проводит широкое исследование Амура, а П. А. Словцов выпускает труд «Историческое обозрение Сибири». В 1854 г. выходит четырехтомное статистическое обозрение Сибири Ю. Гагемейстера, обобщившее изучение экономики Сибири за первую половину XIX в. В Забайкалье в 30-х годах XIX в. выделяется своими исследованиями естествоиспытатель Н. С. Турчанинов. Его гербарий, состоящий из 52 тысяч видов, считался одним из обширнейших в Европе. Между прочим в Забайкалье же в конце XVIII в. была составлена первая в мире геогностическая карта этого обширного района методом глазомерной съемки (в масштабе 1 : 120 000).

В 1851 г. в Иркутске организуется Сибирский отдел Русского Географического общества, который становится научно-исследовательским центром по изучению природы и населения Сибири. Комплексное физико-географическое изучение и описание отдельных районов Сибири, картографирование, изучение экономики и путей сообщения, этнография сибирских племен и народностей и другие вопросы входят в сферу деятельности этого научного учреждения. При нем возникают вскоре специальные учреждения с более узким научным профилем (метеорологические и биологические станции, обсерватории и т. п.). Неуклонно расширяющаяся

научная деятельность Русского Географического общества в Сибири приводит к тому, что вскоре Сибирский отдел Общества распадается на ряд крупных отделов и подотделов, каждый из которых становится местным центром научно-исследовательской работы: Восточносибирский в Иркутске, Западносибирский в Омске, Забайкальский в Чите, Приамурский в Хабаровске, Троицкосавско-Кяхтинский в Кяхте, Якутский, Красноярский, Алтайский в Барнауле, Семипалатинский, Владивостокский и др. Сибирские отделы Русского Географического общества развернули оживленную и плодотворную научно-исследовательскую и издательскую деятельность, сумели выявить и объединить местные наиболее прогрессивные и культурные слои из среды русского населения, привлекая к научной деятельности и отдельных представителей местных народностей (буряты, якуты и др.).

Большую роль в исследовательской работе Русского Географического общества в Сибири сыграли политические ссыльные (например геологические исследования Чекановского, Черского и др., экономические, этнографические и исторические исследования Щапова, Серошевского, Майнова, Пекарского, Штернберга, Богораза и др.).

Сибирские отделения Русского Географического общества устраивали научные экспедиции, обогащавшие русскую науку ценными результатами. Восточносибирский отдел Общества организовал (1854—1859 гг.) Вилюйскую, Амурскую и Уссурийскую экспедиции Р. Маака; Витимскую, Туруханскую и другие экспедиции И. А. Лопатина, в которых принимал участие ссыльный, последователь русских революционных демократов А. П. Щапов; ряд экспедиций (Сунгарийскую, Олекмо-Витимскую, Тункинскую) П. А. Кропоткина; знаменитую Уссурийскую экспедицию Н. М. Пржевальского (1867 г.); Чукотскую — Майделя и много других. Большие научные результаты были получены Якутской экспедицией, предпринятой на средства И. М. Сибирякова в 1894—1896 гг., в составе которой работали преимущественно политические ссыльные (Э. Пекарский, В. Богораз, В. Иохельсон и др.). Приамурский, или Дальневосточный, отдел организовал ряд экспедиций известного исследователя и путешественника В. К. Арсеньева и др., Западносибирский отдел осуществил свыше 100 экспедиций на Алтай, в Казахстан, на север Сибири и т. д. Ряд экспедиций этого отдела работал в Китае. В экспедициях принимали участие известные русские ученые-путешественники Ядринцев, Певцов, Клеменц и др. Забайкальский отдел осуществил крупную Агинскую экспедицию по изучению Бурятии. Труды этой экспедиции опубликованы в 5 томах.

Работа сибирских отделов Русского Географического общества явилась важным вкладом в развитие мировой науки и весьма содействовала росту авторитета русской науки в целом.

Научная работа в Сибири велась и в отделениях Русского Технического общества и в ряде других специальных научных обществ (Медицинском, Естествоиспытателей и т. д.), а также в местных музеях (Тобольском, Минусинском и др.), издававших научные труды, в статистических комитетах, военно-топографических отделах (Сибирском — в Иркутске, Омском, Приамурском — в Хабаровске). Интенсивная научная работа шла при Томском университете. Труды ботаников П. Крылова и В.Сапожникова, зоолога Н. Кащенко, геолога В. Обручева, антрополога Чугунова, медиков Н. Грамматикати, В. Мыш, М. Курлова и многих других ученых приобрели широкую известность. Университет вел большую издательскую деятельность, публикуя свои «Известия». Большая научно-исследовательская работа велась при Томском технологическом институте (труды физика Б. Вейнберга и др.), при Восточном институте во

Владивостоке (труды востоковедов Н. Кюнера, А. Гребенщикова и др.). Работы русских ученых Сибири внесли большой вклад в развитие русской и мировой науки. Их исследования выходили далеко из рамок чисто сибирской тематики. Что касается разностороннего изучения самой Сибири до революции, то в этом отношении было бы неправильно приписывать достижения русских ученых только сибирякам. Огромную роль в этом сыграли Академия Наук и другие центральные учреждения России. Кроме упомянутых экспедиций в XVIII в., Академия Наук организовала ряд крупных и важных экспедиций по изучению Сибири и в XIX в. (А. Миддендорф, Л. Шренк и многие другие), из которых всемирную известность получила Орхонская экспедиция В. Радлова и Н. М. Ядринцева, открывшая древнетюркские надписи на камнях в Монголии. Русское Географическое общество, кроме своих сибирских отделов, снаряжало экспедиции в Сибирь из Петербурга; Докучаевский почвенный комитет провел в различных районах Сибири свыше 80 экспедиций. Экспедиции организовывались и Главным управлением землеустройства и земледелия, Переселенческим управлением, Министерством торговли и другими правительственными учреждениями. Из них большие материалы были собраны Амурской экспедицией, организованной в 1910 г. и опубликовавшей труды в 40 томах.

В кратком очерке нет возможности даже просто перечислить наиболее выдающиеся культурные достижения, накопленные более чем за трехсотлетний период освоения русским народом Сибири, являющейся естественным географическим продолжением древней территории Русского государства. Но и тот фактический материал, который мы привлекли сюда, дает основание заключить, что культура русского народа в Сибири, являясь частью общерусской национальной культуры, находилась на достаточно высоком уровне, и опровергнуть противоположное мнение, ошибочность которого была ясна для передовых представителей русского общества и в дореволюционное время. Еще Радищев обратил на это внимание. Он, побывав в Сибири, например, высоко оценил постановку народного образования в Тобольской губернии и отметил положительную роль политических ссыльных в местной культурной жизни.[1] Известный русский историк Карамзин заметил это на факте подписки на его книгу «История государства Российского». Карамзин обратил внимание на то, что среди подписчиков были крестьяне и отставные солдаты из Сибири.[2] Это показывает, что среди простого русского народа не только была распространена грамотность, но и свидетельствует о более широких интересах русского населения в Сибири. На распространение грамотности среди русских крестьян в Сибири в дореволюционный период указывал такой знаток Енисейской губернии, как А. Степанов.[3] Н. Г. Чернышевский не только подчеркивал высокий культурный уровень русского населения Сибири, но объяснял это особенностями исторического развития Сибири, не знавшей крепостного права и получавшей из России, по его словам, «постоянный прилив самого энергического и часто самого развитого населения».[4] Великий русский демократ также обратил внимание на подписчиков из Сибири на журнал «Современник». Публикуя и анализируя статистические сведения о подписке на журнал, Н. Г. Чернышевский отметил, что подписчики из Сибири заняли одно из первых мест, а жители Иркутска в этом

---

[1] А. Н. Радищев, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1907 (письмо из Иркутска на французском языке).

[2] Русская старина, 1900, III, стр. 684.

[3] А. А. Степанов, Енисейская губерния, т. II, СПб., 1835, стр. 28.

[4] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. VIII, СПб., 1906, стр. 72.

отношении опередили жителей таких крупных русских городов, как Ярославль, Нижний Новгород и др.[1]

* * *

При всех бесспорных достижениях культуры русского народа в Сибири в дореволюционный период полное развитие она получила только в результате коренного изменения политических условий, вызванного Великой Октябрьской социалистической революцией. Уничтожение царизма и свержение власти капиталистов и помещиков создали исключительно благоприятные условия для неограниченного развития экономики и культуры населения Сибири. Только в период социализма началось подлинное освоение обширной Сибири в интересах всего советского народа. Только советская наука сумела по-настоящему определить и оценить неисчислимые природные богатства Сибири. Коммунистическая партия и правительство Советского Союза проявляют большое внимание и заботу об интенсивном экономическом освоении и культурном развитии социалистической Сибири на благо трудящихся. Ведущую роль в этом активном творческом процессе играет русский народ. Русское население Сибири исчисляется теперь десятками миллионов. Заселены и хозяйственно освоены большие районы Сибири, в частности Севера, ранее пустынные. За период существования советской власти Сибирь быстро превратилась из отсталой в промышленном отношении аграрной окраины царской России в передовую индустриально-аграрную часть Советского государства. За короткий срок в Сибири создана мощная индустрия, первым очагом которой явился Кузбасс — этот знаменитый комплекс угольно-металлургической промышленности. Бурное развитие тяжелого машиностроения, горнорудной и химической промышленности, строительство большой сети железных дорог, рост и развитие морского, речного и воздушного транспорта, широкое строительство электростанций превратили Сибирь в крупнейший промышленный район страны. Введен в действие ряд крупных электростанций и строится крупнейшая в мире Братская электростанция на р. Ангаре. В Сибири сформировался многочисленный отряд русского рабочего класса, который играет ведущую роль в развитии экономики и культуры. Из его среды выросла многочисленная производственно-техническая интеллигенция.

Весьма продвинулось по пути прогресса и сельское хозяйство Сибири. Известно, что уже теперь продукция социалистического сельского хозяйства Сибири играет серьезную роль в удовлетворении непрерывно растущих потребностей населения нашего государства. Тем не менее перспективы развития сельского хозяйства в Сибири огромны. Происходит дальнейшая интенсификация хозяйства, осваиваются новые целинные земли. Сибирское коллективное социалистическое земледелие — самое крупное механизированное земледелие в мире. Оно основано на достижениях передовой агротехники и социалистических методов труда. Машинно-тракторные станции, обладающие большим тракторным и комбайновым парком, буквально покрыли густой сетью просторы Сибири. Сибирь превратилась в крупнейшую базу зернового земледелия Советского государства. Основной культурой осталась пшеница. Посевы ее увеличились во много раз, и весьма расширились районы ее распространения. Значительно расширено земледелие на Камчатке, Сахалине. Граница земледелия заметно продвинулась на север. Так, например, в Туруханском крае колхозники высевают озимую пшеницу и ячмень, собирая неплохие урожаи.

[1] Там же, стр. 72—73.

С переходом к многополью новое развитие получили и другие культуры: овес, рожь, просо, зерно-бобовые, травы и пр. Новым в хозяйстве колхозов является возделывание риса, которое производится в Приморском крае, посевы сахарной свеклы, осуществляемые колхозниками Приморского и Алтайского краев, разведение сои на Дальнем Востоке.

В Западной Сибири дальнейшее развитие получило выращивание льна-долгунца, конопли; стали практиковаться посевы подсолнуха. Возникло садоводство, развилось огородничество и бахчеводство. В районах крупной промышленности и вблизи городов созданы крупные базы огородничества. Больших успехов в бахчеводстве и садоводстве добились колхозники Хабаровской и Приморской областей, Алтайского края, Новосибирской области и др. Применяя мичуринский метод гибридизации, садоводы выращивают в питомниках новые сорта груш, яблок. Выращивается даже такая культура, как виноград. Колхозное пчеловодство наиболее развито в Алтайском, Приморском и Красноярском краях, встречается и в других местах. Многие колхозные пасеки получают рекордные сборы меда.

Животноводство Сибири идет не только по пути количественного роста стада, но в большей степени по пути улучшения пород скота и увеличения его продуктивности. На колхозных животноводческих фермах начинает широко внедряться электротехника (электродойка, электростригка шерсти и т. п.). Большие свиноводческие фермы имеются в областях Западной Сибири, образцовые овцеводческие фермы, где разводятся тонкорунные овцы, созданы в Алтайском крае; Читинская область стала крупной животноводческой базой (здесь развиты коневодство и разведение крупного рогатого скота). Пантовое мараловодство, изюбреводство развиваются в общественном хозяйстве колхозов Алтайского края и Дальнего Востока.

С общей задачей развития животноводства связано развитие луговодства, травосеяния, улучшения пастбищ. В Восточной Сибири (Бурят-Монгольская АССР), например, по инициативе колхозников возникло движение за высокую урожайность лугов. Путем очистки лугов, систематического внесения удобрений и дальнейшего развития системы орошений колхозники получают два укоса трав в одно лето.

Такие в прошлом плохо оснащенные промыслы, как охота и рыболовство, подверглись коренному преобразованию и развиваются в высокодоходные отрасли народного хозяйства. В колхозах организованы охотничьи бригады; отдельные охотники заключают договоры с государственной охотничьей организацией. Партия и правительство уделяют огромное внимание вопросам рационализации охоты, охране и восстановлению промысловой фауны, хищнически истреблявшейся в прошлом. В Сибири созданы заповедники, государственные охотничьи хозяйства. Возникла новая отрасль — клеточное звероводство. В зверосовхозах и колхозных звефермах содержат в клетках, разводят и выращивают серебристо-черных лисиц, уссурийских енотов и других ценных пушных зверей. Практикуется так называемое островное звероводство: разводят котиков, морскую выдру (камчатского бобра), голубого песца и других животных. В результате мероприятий по охране и воспроизводству промысловой фауны в настоящее время восстановлены многие почти исчезнувшие пушные породы (куница, соболь и др.). Разнообразие промысловой фауны пополняется новыми видами пушного зверя: так, например, водяная крыса ондатра акклиматизировалась и стала промысловым животным.

Большая роль в организации промысла, правильного сбыта и снабжения колхозников и отдельных охотников нужными припасами

принадлежит промысловым охотничьим станциям. Эти станции осваивают новые промысловые районы, внедряют улучшенные орудия охоты, более усовершенствованные типы охотничьих ружей, железные капканы и т. д. Изменилась обстановка охотничьего быта на промысле. Колхозы устраивают в охотничьих угодьях благоустроенные жилища — промысловые избы.

С победой колхозного строя выросли крупные промысловые рыболовецкие колхозы, в которых организованы рыболовецкие бригады. Моторно-рыболовные станции, созданные в промысловых районах, имеют огромное значение в распространении более высокой техники на промыслах. Приморские колхозы стали применять такие снасти, как дрифтерные сети и кошельковый невод (более усовершенствованный, чем обычный, поддевающий косяк рыбы и замыкающийся при помощи троса). За годы советской власти создана крупная рыбная промышленность. Освоены новые промыслы сардин, крабов (на Дальнем Востоке), а также китобойный. Суда-краболовы представляют собой плавучие консервные заводы, на борту которых для ловли крабов имеется до 10 — 14 ботов. На севере работает китобойная флотилия «Алеут». Бьют китов из китобойных пушек со специальных китобойных судов. Большое развитие получила рыбообрабатывающая социалистическая промышленность.

Русский народ создал в Сибири новую социалистическую культуру. За советское время там выросли десятки новых городов и сотни рабочих поселков, в некоторых из них население исчисляется сотнями тысяч человек. Таковы, например, Новосибирск, Сталинск, Кемерово, Комсомольск-на-Амуре и др. Разрослись и коренным образом изменили свой облик старые культурные центры Сибири: Омск, Томск, Барнаул, Иркутск, Красноярск, Чита, Хабаровск. Более сотни высших учебных заведений находятся в городах Сибири, в их числе Томский, Иркутский и Владивостокский государственные университеты. Выходят сотни краевых, областных и районных газет. Несколько крупных местных издательств (Новосибирское, Иркутское и др.) издают большое количество художественной, политической, научной и учебной литературы. Выпускаются художественные альманахи и журналы. Многие из них пользуются большой известностью по всей нашей стране (журнал «Сибирские огни»). Ряд книг сибирских писателей удостоен Сталинских премий. Писатели и поэты Сибири объединены в местные отделения Союза советских писателей. В Сибири много различных театров, большая сеть кино, музеев и различных политико-просветительных учреждений. Ряд филиалов Академии Наук СССР и большое количество различных научно-исследовательских учреждений, опытных станций Сибири вносят большой вклад в дело развития промышленности, сельского хозяйства, культуры и науки Советского государства. В Сибири живут и работают художники, композиторы, музыканты и другие представители советского искусства.

Расцвет экономики и культуры русского населения Сибири оказывает решающее влияние на переустройство домашнего быта не только городских, но и сельских жителей. Влияние социалистического города на быт крестьян-колхозников весьма велико и сказывается во всем, начиная от одежды и пищи, кончая жилищем и домашней утварью. Покупные изделия местной и центральной легкой промышленности и промышленности различных союзных республик заняли господствующее место в домашнем быту сибирского колхозника, который покупает готовую одежду, мебель, различную домашнюю и хозяйственную утварь и многие изделия пищевой промышленности. Это обстоятельство вызвало известную нивелировку материальной культуры сибирского русского колхозника, привело к исчезновению большинства местных старинных

этнографических особенностей (например в одежде, жилище и его обстановке, в средствах передвижения и связи и т. д.), отмеченных выше и представляющих ныне уже только исторический и музейный интерес.

Социалистическое преобразование всей жизни русского населения Сибири оказало решающее положительное влияние на экономику, культуру и быт отсталых в прошлом местных племен и народностей. Культурно-экономические связи русского народа с различными племенами и народностями Сибири, существовавшие до революции и оказавшие еще тогда благотворное влияние на их экономическое и культурное развитие, в настоящее время стали не только теснее и прочнее, но приняли форму дружеской и постоянной помощи со стороны русских в создании новой социалистической культуры среди отсталых племен и народностей. Русские рабочие и инженерно-техническая интеллигенция помогли и продолжают помогать создавать очаги крупной промышленности у многих сибирских народностей (якуты, буряты, тувинцы и др.), что в свою очередь способствовало появлению своего рабочего класса у этих народностей, помогали и помогают местным рабочим овладевать техникой производства и социалистическими методами труда. Русские сибиряки-колхозники помогали и продолжают помогать многим народностям Сибири создавать и развивать крупное механизированное земледелие (хакасам, тувинцам, бурятам и др.). Русские трактористы и комбайнеры, агрономы и полеводы помогают национальным кадрам осваивать технику, совершенствовать сельское хозяйство, готовят новые местные кадры. Русские зоотехники и ветеринарные врачи работают по развитию животноводства у многих сибирских народностей, улучшают и выявляют новые породы скота, разрабатывают меры по увеличению его продуктивности. Русские работники культуры, науки и искусства внесли неоценимый вклад в дело поднятия культурного уровня сибирских народов и продолжают помогать в развитии их национальной культуры, в выращивании национальных кадров работников культуры. При помощи русских ученых создана для многих малых народностей и даже этнографических групп на основе русского алфавита своя письменность, которая является важнейшим средством приобщения их к социалистической культуре. Под руководством русских ученых созданы значительные кадры научных работников среди отдельных национальностей. Русские партийные и советские работники приложили и продолжают прилагать большие усилия в организации партийной, советской и профсоюзной работы у народов Сибири. Вся эта огромная бескорыстная братская помощь со стороны русского народа, и прежде всего русского населения Сибири, хорошо сознается трудящимися всех нерусских народов Сибири и служит укреплению дружбы народов Сибири с русским народом.

НАРОДЫ
ЮЖНОЙ СИБИРИ

БУРЯТЫ

Буряты, или бурят-монголы, — монголоязычный народ южной Сибири. В литературе бурят, живущих к западу от Байкала, называют часто западными или предбайкальскими, а живущих к востоку от него — восточными или забайкальскими. Нередко встречаются также и другие географические названия: селенгинские, унгинские, аларские, баргузинские и т. д.

Общие сведения

Количество бурят в пределах Советского Союза по переписи 1926 г. исчисляется в 220 000 человек. Главная масса их сосредоточена в Бурят-Монгольской АССР; кроме того, они живут в Агинском Бурят-Монгольском национальном округе Читинской области, в Усть-Ордынском Бурят-Монгольском национальном округе Иркутской области и в ряде отдельных районов тех же областей. К бурятам причисляются так называемые тункинские сойоты — тувинцы по происхождению, усвоившие бурятский язык и быт. Они проживают в Окинском аймаке (районе) Бурят-Монгольской АССР. За пределами СССР буряты живут в северо-восточных районах Монгольской Народной Республики и в Маньчжурии (Китай), где они известны под именем баргу-бурят и расселены около оз. Далай, в долине р. Уршун и оз. Буир-Нур. В старой литературе баргу-буряты под названием баргутов объединялись с племенами монгольского (чипчины, дауры, олёты) и тунгусского (солоны, орочоны) происхождения.

Бурятский язык относится к монгольской группе языков и делится на ряд диалектов (хоринский, селенгинский, цонгольский, кабано-баргузинский, тункинский, окинский, нижнеудинский, унгинский, аларский, боханский, эхиритский, булагатский).

Принятое ранее деление бурятского языка на восточное и западное наречия, подразделяемые в свою очередь на диалекты, говоры и подговоры, не подкрепляется новейшими исследованиями советских ученых (Г. Д. Санжеев и др.).

Диалекты, существующие по одну сторону оз. Байкала, не могут быть противопоставлены диалектам другой стороны Байкала.

Основное отличие бурятских диалектов относится к области словарного состава и отчасти к области фонетики, грамматический же строй существенных различий не имеет.

В XII и XIII вв. различные монгольские диалекты представляли собой племенные ответвления общемонгольского языка. После распада империи Чингис-хана отдельные монголоязычные группы оказались отстоящими друг от друга на большое расстояние, стали развиваться независимо друг от друга и их диалекты явились основой для самостоятельных языков, в том числе и бурятского, или бурят-монгольского. [1]

В XVII в. бурятские племена были уже этнически обособлены от монголов и в отписках казаков именовались «братами».

Основная территория расселения бурят расположена между 49°35′ и 57°10′ с. ш. и 97°50′ и 117° в. д. (от Гринвича), т. е. к востоку и западу от оз. Байкал, в Саяно-Байкальском нагорье, Восточном Забайкалье и на юго-восточной окраине Средне-Сибирского плато. Образованная в 1923 г. Бурят-Монгольская АССР входит в состав РСФСР. Общие размеры территории Бурят-Монгольской АССР более 330 тыс. км². Столица Бурят-Монгольской АССР — г. Улан-Удэ (б. Верхнеудинск) расположен при устье Уды, впадающей в р. Селенгу. Своеобразие природного облика Саяно-Байкальского нагорья и Восточного Забайкалья отчетливо выделяет эти территории из сопредельных пространств.

Основная часть территории является по преимуществу горной страной, однако горы ее не достигают линии постоянного снега; лишь в Саянах встречаются отдельные вершины, покрытые ледниками. Рельеф местности характеризуется резкой расчлененностью и большой приподнятостью над уровнем моря. Отличительную особенность составляет проникновение по понижениям рельефа сухих степей в глубину горнотаежного ландшафта.

Удаленность страны от океана и значительная приподнятость над его уровнем обусловливают суровость климата, более мягкого только на побережье Байкала. Зима здесь холодная (средняя температура января минус 23—27°), продолжительная, безветреная, безоблачная и малоснежная. Лето жаркое (средняя температура июля около 20°). Характерная особенность климата — средоточие осадков летом, причем годовое их количество превышает 300 мм. В силу разнообразия природных условий Бурятии разнообразен и животный мир ее. Здесь наряду с таежной фауной встречается и степная. Ценными промысловыми животными являются соболь, белка, колонок, хорек, россомаха, рысь, лисица, медведь. Наряду с ними в тайге обитают северный олень, кабарга, лось, дикая косуля, в южных районах — кабан и др., в степях — суслики, тарбаганы. Из птиц водятся дрофы, различные утки, гуси и др., гнездящиеся у Байкала и у других богатых рыбой озер. Реки и озера изобилуют такими ценными породами рыб, как омуль, форель, осетр, таймень. В Байкале водится нерпа. Главные лежбища ее расположены на Ушканьих островах, п-ове Святой Нос, Ольхоне и нескольких мысах.

Травянистые пространства степей, почти не покрывающиеся зимой снегом и допускавшие примитивное пастбищное скотоводство, пушной зверь, хищнически истреблявшийся в безлюдной горной тайге, отчасти речная и озерная рыба — таковы те ресурсы некогда «каторжного» Забайкалья, которые осваивались до революции. Золото, которое старатели «рыли в горах» Баргузинской тайги, — единственное полезное ископаемое, имевшее практическое значение до революции, а хищническая эксплуатация его — единственная отрасль «промышленности», выходившая по своему значению за рамки местных потребительских нужд.

Совокупность исторических и археологических данных заставляет думать, что формирование бурятского народа происходило на терри-

тории Прибайкалья. В состав бурят наряду с монгольскими племенными группами вошли аборигенные племена немонгольского происхождения — тунгусские и тюркские, обитавшие на территории современной Бурят-Монголии.

Предания бурят приурочивают их древнюю родину к районам Байкала. Эхирит, Булагат и Хоридой считаются легендарными родоначальниками бурят.

В исторических памятниках XIII—XIV вв. упоминается страна Баргуджин-Тукум, в которой, согласно свидетельству персидского историка Рашид-ад-дина, жили баргуты, хори, туласы, близкие к ним туметы, а также ойраты булагачины (собольщики), керемучины (охотники на белок) и ойн-урянха (лесные урянхайцы). Отдельные исследователи (Банзаров и др.) отождествляют наименования «бургут» или «буруты» с «буряты».

Племена предков бурят обитали в районах, прилегающих к Байкалу, задолго до создания империи Чингис-хана. Древнейший монгольский источник «Сокровенное сказание» (1240 г.) повествует о походах по приказу Чингиса на север для подчинения лесных племен, среди которых называются хори-туметы и буряты.

Более достоверные сведения о бурятах начинают появляться в XVII в. — времени прихода казаков в «Братскую землю». В специальной литературе принято деление их на пять племен — булагатов, эхиритов, хонгодоров, хоринцев и табунутов. Наиболее крупными племенами являлись булагаты и хоринцы. Булагаты жили по р. Ангаре и ее притокам, эхириты населяли бассейн верхнего течения р. Лены. К югу от булагатов кочевали хонгодоры.

Хоринцы жили по обеим сторонам Байкала и на острове Ольхон. В районах Предбайкалья они жили только по рр. Большой и Малой Бугульдейкам. Табунуты жили на правобережье р. Селенги между устьями Чикоя и Уды.

Наряду с этим среди бурят встречались и отдельные группы выходцев из Монголии — сартолы, атаганы и др. Впоследствии отдельные роды бурят изменили свое местожительство; так, часть булагатов расселилась по р. Селенге, часть родов эхиритов в XVIII в. (1740 г.) перешла из-под Верхолепского острога на р. Баргузин и т. д.

В XVII в. началось присоединение бурят к Русскому государству.

Добровольное присоединение к Русскому государству различных племен и народностей Сибири, изнемогавших от гнета враждовавших между собой кочевых феодалов Азии, отвечало насущным интересам народных масс, в том числе и бурят. Оно избавляло их от разорительных феодальных междоусобиц, от насилий со стороны маньчжурских феодалов, под иго которых попали другие монгольские народы, знакомило с более высокими формами хозяйства, быта и культуры. Это и послужило причиной того, что русские отряды, быстро продвигаясь в районы, заселенные бурятами, не встретили с их стороны серьезного сопротивления.

По Нерчинскому договору с Китаем (1689 г.), а затем и Буринским трактатом (1727—1728 гг.) буряты были окончательно закреплены за Россией в пределах Забайкалья и Предбайкалья. Характер присоединения бурят к России и прогрессивность этого явления не были поняты историками: до недавнего времени это трактовалось в исторической литературе как «завоевание и насильственное покорение» сибирских народов. В то же время было бы неправильно рассматривать процесс присоединения бурят к России как процесс, проходивший совершенно безболезненно для бурятского населения. Роль и значение раз-

личных классов как русских, так и бурятских в этом процессе были далеко не одинаковыми. Представители эксплуататорского класса — воеводы и пр. — стремились к обогащению путем насилия, грабежей и мошенничества. Чрезмерные поборы и грабежи не раз вызывали восстания бурят и соседящих с ними эвенков против царских властей. Восставшие осаждали остроги, изгоняли сборщиков ясака, убивали царских «приказчиков».

Следует отметить, что в антифеодальной борьбе ясачные буряты нередко выступали в союзе с эвенками, русскими крестьянами, посадскими и рядовыми служилыми людьми. Таковы, например, восстание в 1696 г. в Братском остроге и его районе, выступления бурят в том же году против илимского воеводы и волнения 1695—1696 гг. в Забайкальских острогах — Удинском, Селенгинском и Кабанском.

В самом бурятском обществе в XVII в. шел усиленный процесс разложения первобытно-общинного строя и перехода к классовому феодальному обществу, при этом восточные буряты, находившиеся в более тесных взаимоотношениях с феодальной Монголией, зашли значительно дальше по пути феодализации, чем западные буряты. Их правящая верхушка заимствовала систему монгольской феодальной иерархии и присваивала монгольские феодальные титулы.

У восточных бурят во главе основной массы рядовых членов родов — «улусных людей» стояли тайши, зайсаны, шуленги. У западных бурят их родовая аристократия («князцы» или «шуленги») совершала с помощью своих сородичей набеги на соседние племена и часть из них превращала в своих киштымов — данников. Киштымами бурят были некоторые роды коттов, часть прибайкальских эвенков и тофалары. Зависимость киштымов от бурят ограничивалась большей частью платежом дани пушниной. Последняя представляла большую ценность, так как еще задолго до проникновения русских в Сибирь существовали торговые связи бурятской верхушки с Монголией и Китаем.

Взамен «мягкой рухляди» буряты получали из Китая серебро, шелк, металлические изделия и др. Этим и объяснялось наличие слухов, доходивших до царского правительства о серебряных рудниках в «Братской землице».

Пастбищные территории, необходимые скотоводам-кочевникам, в XVII в. находились номинально во владении улусов, однако у восточных бурят фактическими владельцами земли были крупные скотоводы — нойоны.

Термином «улус» у древних монголов называлось объединение родов и племен, зависимых от определенного хана, нойона, тайши. У бурят XVII в. «улусом» называли также объединение родов или племен, кочевавших на одной территории под властью определенного главы («князьца», нойона и т. д.). В документах XVII в. нередко улусы называются именем лиц, их возглавлявших.

Основную массу бурятского населения составляли «улусные люди», кочевавшие в пределах территории своего улуса. Они обладали небольшим количеством скота, пользовались меньшей и худшей пастбищной территорией, чем их князьцы.

Последние, являясь главами улусов, одновременно были и крупными скотовладельцами.

Под видом родовой взаимопомощи имели место различные формы эксплуатации — отдача феодализирующейся верхушкой скота на выпас мелким и неимущим скотоводам, отработка, обслуживание крупных скотоводов (выделка кожи, изготовление войлока и др.). Наряду с этим были люди, находившиеся в полной зависимости от родовой аристократии.

Документы XVII в. неоднократно упоминают «холопов» того или иного лица. Холопами являлись как люди, захваченные в плен во время войн и набегов, так, повидимому, и улусные люди, не имевшие скота и работавшие в хозяйствах феодальной верхушки.

В обычном праве бурят XVII в. подчеркивается различие в правовом положении холопов и свободных людей.

Феодальные отношения в бурятском обществе XVII в. сильно переплетались с первобытно-общинными отношениями. Группировки по родам имели значение при распределении пастбищ («породных земель»), разверстке ясака, совместном выступлении во время войн, различных набегов, в облавных охотах, а также при выполнении различных религиозных обрядов.

Пережитки первобытно-общинных отношений сохранялись в бурятском обществе вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Царское правительство стремилось привлечь на свою сторону верхушку бурятского общества путем расширения их прав, раздачи чинов и наград. Оно освобождало представителей бурятской феодальной верхушки от ясачного платежа, присваивало им звание тайшей и зайсанов, выдавало им жалованье за службу в пограничных отрядах, а в дальнейшем награждало их чинами по табелю о рангах. Главные тайши стояли во главе «контор», управлявших территориальными объединениями бурят (ведомствами). В пределах ведомства тайши пользовались большими полномочиями.

В ведомствах XVIII в. местное управление осуществлялось засулом, стоявшим во главе улуса или хотопа. В отличие от улуса хотон объединял группу близких сородичей. Улус соответствовал русской сельской общине. В отдельных районах, например у бурят верхоленско-кудинских степей, имела место сельская община, состоявшая из больших семей. Объединение нескольких улусов составляло холбон или табин во главе с шуленгой, избиравшимся из «почетных людей». Табины входили в состав родового управления, возглавляемого зайсаном или тайшей.

По обычному праву бурят, земельные угодья, расположенные на территории улусной общины, считались принадлежащими ей и распределялись зайсаном, шуленгой и улусными сходами (сугланами) в соответствии с количеством ревизских душ и скота.

Удобные для сенокошения земли должны были равномерно распределяться между членами улуса. Однако фактически зайсаны и шуленги, пользуясь своим преимущественным экономическим и административным положением, закрепляли за собой лучшие и бóльшие участки. Нередко они не только фактически закрепляли за собой лучшие земельные угодья, но и оформляли их юридически под предлогом якобы добровольной уступки земель со стороны членов улусной общины.

«Улусные люди» подвергались различным формам эксплуатации со стороны верхушки бурятского общества. Широко практиковалась отдача скота на выпас беднейшему населению, отработка, различные поборы в пользу тайши, нойона или шуленги при сборах ясака, удержание «посреднического» процента при казенных поставках (шерсти, скота, дров) и др.

Основным занятием бурят в XVIII в., как и в предыдущем, являлось кочевое скотоводство, однако частота и масштаб перекочевок уже значительно сократились, что было связано с ограничением свободных земельных просторов, вызванным в свою очередь историческим процессом развития Сибири в целом.

Как бурятское население, так и русские крестьяне в Сибири испытывали гнет и со стороны феодалов, и со стороны торговцев, проникавших к ним.

Обладавшие обширными пространствами пахотных земель, покосов, лесных и рыболовных угодий монастыри, расположенные на территории Бурятии — Вознесенский, Посольский, Троицкий, — также жестоко эксплуатировали прикрепленных к ним русских крестьян и крещеных бурят.

Рост колонизации, расширение торговли с Китаем через Кяхту, а также и внутренней торговли, зарождение промышленных предприятий в форме мануфактур (Тальцинская фарфоро-фаянсовая и Тельминская суконная фабрики), превращение старых острогов в города (Иркутск, Верхнеудинск, Нерчинск, Селенгинск и др.), рост населения в городах, поселках и заводах, зарождение горной промышленности, среди предприятий которой в конце XVIII и начале XIX в. числились Нерчинские серебряно-свинцовые рудники и плавильные заводы, Александровский, Ильинский и Никольский винокуренные заводы, Петровский железоделательный завод, Усольский солеваренный завод и др., — все это вызывало спрос на продукты сельского хозяйства и стимулировало развитие земледелия в Бурятии. В донесениях казаков отмечалось, что западные буряты сеют просо и гречиху, однако в более широких масштабах земледелие стало развиваться только с приходом русских. Посевами различных земледельческих культур (рожь, пшеница, овес) и сенокошением раньше всего стали заниматься западные буряты, а в конце XVIII в. земледелие начало распространяться и у забайкальских, восточных, бурят.

В земледелии и сенокошении, как и в скотоводстве, эксплуататорская верхушка бурятского общества стремилась использовать в своих интересах труд сородичей.

В жалобах хоринских бурят, относящихся к первой половине XIX в., указывается, что родоначальники принуждают их обрабатывать свои пашни, производить сенокошение на собственных покосах, огораживать их жилища, отбирают сено, скот, удерживают их многие годы в услужении без оплаты и, наконец, без всякого судебного приговора жестоко наказывают.

Земельный вопрос в Бурятии, начиная с XVIII в. и до Великой Октябрьской социалистической революции, был одним из самых острых вопросов. Борьба трудящегося бурятского населения против земельных притеснений ярко отражена в общественных петициях и посылках делегаций в Петербург, где, однако, эти ходатайства оставались без внимания.

В XIX в. система управления бурятами была изменена. Отнесенные уставом Сперанского 1822 г. к разряду кочевых «инородцев», буряты получили видимость самоуправления. Во главе управления были поставлены так называемые степные думы, избиравшиеся ими самими и лишь утверждавшиеся царской администрацией. По всей Бурятии было открыто 12 степных дум. Низшими звеньями административной системы являлись родовые управления и инородные управы, подчиненные степным думам и формально также выборные. Однако важнейшие должности оставались наследственными, и только исключительно большие злоупотребления тайши могли вызвать лишение его этого звания. Согласно уставу 1822 г., все выборные власти «не получают от родовичей никакого жалованья, но исправляют должности по этим званиям на общественную службу». С другой стороны, указывалось, что они получают «доходы, какие их званию присвоены по степным законам и обычаям с промыслов и земель».

Этим санкционировались особые права феодальной верхушки, связанные с эксплуатацией трудящихся масс.

Новые порядки управления усилили гнет и эксплуатацию широких масс, а также привели к бесконечным конфликтам между нойонами в их борьбе за власть.

В XIX в. в Бурятии развиваются капиталистические отношения. Особенно благоприятные для развития этих отношений условия возникают в связи с проведением в конце века Сибирской железной дороги, открывшей выход продукции бурятского хозяйства и стимулировавшей развитие некоторых отраслей местного хозяйства. Наряду с русскими торговцами среди бурят появились собственные торговцы-ростовщики. Не чуждались этой деятельности и ламы крупных буддийских монастырей.

Различные предприятия, развившиеся около Сибирской железной дороги, были главным центром концентрации пролетариата. Однако количество бурятских рабочих было ничтожно. Основная масса бурят по-прежнему занималась сельским хозяйством.

Классовое расслоение, имевшее место среди бурят еще до присоединения Бурятии к России, непрерывно усиливалось. К концу XIX в. в Бурятии можно было констатировать наряду с кулацкими хозяйствами значительное число батраков.

Эксплуатация в это время вышла уже за пределы национальных рамок: у бурятских кулаков батрачило немало русских, особенно ссыльных поселенцев; неимущие буряты зачастую работали в русских кулацких хозяйствах.

В качестве эксплуататоров выступало также и ламаистское (буддийское) духовенство. Крупные земельные площади находились во владении лам и дацанов. По положению 1853 г. о ламаистском духовенстве Восточной Сибири устанавливались определенные нормы земли для разных категорий лам; так, например, главе ламаистской церкви бандидо-хамболаме полагалось 500 десятин, штатному ламе — 60 десятин и т. д.

К началу XX в. у бурят, как и у других отсталых скотоводческих народов царской России, не успевших пройти капиталистического развития, феодальные отношения еще сильно переплетались с патриархальными.

В недрах угнетенного бурятского народа, как и в русском народе, все больше и больше назревал протест не только против местных эксплуататоров, но и против царизма. Классовая борьба находила свое выражение в неповиновении нойонам, тайшам, кулакам со стороны бурятских масс, в отказе от выполнения повинностей и уплаты налогов, в побегах батраков, особенно участившихся в 80—90-х годах прошлого века. Своеобразной формой борьбы являлись поджоги усадеб нойонов и кулаков. Нередко борьба выражалась в форме бунтов, открытого вооруженного сопротивления и расправы с местными властями.

Классовые противоречия нашли свое яркое выражение в борьбе вокруг административной реформы 1900—1903 гг., которая сводилась к замене органов бурятского «самоуправления» — степных дум — волостными правлениями и крестьянскими начальниками. Особенно сильное волнение вызвало введение 15-десятинного земельного надела на мужскую душу, что в условиях скотоводческого хозяйства было явно недостаточным и вело за собой сокращение хозяйства. Массовые волнения наибольшего подъема достигли в 1905 г., когда революционное движение, охватившее Россию, широко распространилось и по всей Восточной Сибири. В это время происходят различные съезды бурят. Наиболее значительным был съезд в апреле 1905 г. в Чите, выставивший требование о «непосредствен-

ном участии в управлении делами самого населения без различия пола», о создании органов самоуправления на основе всеобщего и равного избирательного права, об открытии школ для бурят на родном языке и т. д. В движение вовлекаются широкие народные массы. Активную помощь движению бурятских масс оказывал Читинский комитет большевиков. Движение масс стремились использовать буржуазные националисты и ламы, программы которых не шли обычно далее буржуазно-националистических требований.

Революционное движение 1905 г. было жестоко подавлено царским правительством. Из среды бурятских революционеров погиб от рук черносотенцев Апрелков, был сослан на каторгу Ц. Ц. Ранжуров — участник Читинского совета рабочих, солдатских и казачьих депутатов и др.

После подавления революции национальная бурятская буржуазия и нойонство пошли на новое соглашение с царской властью. Однако борьба трудящихся масс продолжалась в тех или иных формах вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, давшей возможность трудящимся бурятам навсегда покончить с вековым угнетением.

К концу 1918 г. деятельность первых советских органов на территории Бурятии и Сибири была прервана контрреволюцией: период с июня 1918 г. по декабрь 1919 г. является периодом жестокой реакции и военной диктатуры Колчака.

В это же время важнейшие населенные пункты вдоль Сибирской железной дороги были заняты иностранными оккупантами. Банды атамана Семенова, инспирированные Японией, бесчинствовали в Забайкалье. Однако успехи Красной Армии и революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке сорвали замыслы интервентов.

Против колчаковщины и семеновщины активно выступили широкие трудящиеся массы бурятского народа. Вся Бурятия была охвачена партизанским движением, особенно усилившимся к концу 1919 г. Руководство этим движением возглавлялось партией большевиков. Белогвардейцы и интервенты были разбиты, и 25 апреля 1921 г. был организован в Иркутске Центральный Комитет бурят-монголов Восточной Сибири.

В процессе освобождения Сибири и Дальнего Востока были созданы две автономные области: одна в конце 1921 г. на территории Дальневосточной Республики, другая в январе 1922 г. в пределах РСФСР. В 1923 г. обе области были объединены в Бурят-Монгольскую АССР.[1]

Влияние русской культуры

Общение бурятского народа с русскими имело большое прогрессивное значение. Русские принесли в Бурятию навыки земледелия, оседлого быта, различные ремесла и др. Буряты заимствовали способы обработки зерновых культур, познакомились с такими не известными им ранее земледельческими культурами, как рожь, пшеница, овес, конопля и др. Введение земледелия шло в основном в предбайкальских районах. Характерно, что вместе с земледельческой культурой в бурятский язык проникали и все связанные с ней русские названия.

От русских буряты заимствовали также навыки ухода за скотом, знакомились с приемами ветеринарии. Под влиянием русских у бурят появились избы, полностью заменившие у западных бурят старые войлочные юрты, русская обстановка, утварь и одежда.

---

[1] В сентябре 1937 г. из Бурят-Монгольской АССР были выделены Аларский, Боханский и Эхирит-Булагатский аймаки, образовавшие Усть-Ордынский национальный округ в составе Иркутской области.

Близкое общение бурят и русских приводило к усвоению бурятами русского языка, а нередко и к трудовому сотрудничеству, особенно в охотничьих артелях.

Русские в свою очередь переняли у бурят их многовековой охотничий опыт в местных условиях: уменье выследить зверя, определить его повадки, найти места его обитания и т. д.

Земледельческое и скотоводческое хозяйство, равно как и охотничье, нуждалось в различных изделиях промышленности: сельскохозяйственных орудиях, чугунных чашах, посуде, сукне, тканях, ружьях и т. д. Все это буряты получали от русских. От русских они получали также чай, соль и табак.

Общение бурят и русских вело нередко к взаимным бракам. Группы населения из метисов были известны под именем «карымов». Обрусевшие буряты назывались «ясачными».

Русское соседство оказало влияние и на общее развитие бурятского народа, сказавшееся прежде всего в стремлении его к просвещению. Особенную роль сыграли в этом отношении многочисленные политические ссыльные, которые являлись проводниками передовой русской культуры.

В годы самодержавия Бурятия служила местом политической ссылки и каторги. В 1775 г. в Забайкалье были сосланы участники пугачевского восстания — уральские и яицкие казаки, позднее — польские повстанцы 1795, 1831 и 1863 гг.

В 1826 г. здесь появились декабристы, из которых укажем на братьев Николая и Михаила Бестужевых и Торсона, живших в Селенгинске, и братьев Михаила и Вильгельма Кюхельбекеров — в Баргузине. Тесное общение декабристов с народом и их просветительская деятельность оказали большое культурное влияние на бурят. Декабристы положили начало изучению быта бурят. В Селенгинске декабристы показали лучшие образцы ведения земледелия и скотоводства. Они обучали население грамоте и ремеслам; по их инициативе появилась в Кяхте первая газета. Через Кяхту они вели переписку с Герценом и получали «Колокол».

Во второй половине XIX в. в Восточную Сибирь ссылается много народников, а в начале XX в. в Бурятии появляются большевики. Под их руководством стали возникать марксистские кружки, комитеты и группы РСДРП, занимавшиеся пропагандой марксистско-ленинского учения.

Занятия

Главными отраслями хозяйственной деятельности бурят к моменту революции являлись скотоводство кочевого типа и земледелие. У предбайкальских бурят преобладало земледельческо-скотоводческое хозяйство, у забайкальских — скотоводческо-земледельческое, чисто скотоводческое хозяйство встречалось у бурят Агинского ведомства, кочевавших по р. Онону. Подсобную хозяйственную роль играли охота, рыболовство, лесной промысел, извоз, плотничество.

Скотоводство, особенно широко развитое среди кочевого населения, характеризовалось разведением крупного рогатого скота, овец, лошадей и верблюдов (Агинское ведомство). Буряты, перешедшие к полуоседлому скотоводческо-земледельческому хозяйству, разводили в небольшом количестве рогатый скот, овец и лошадей. В жизни кочевого и полукочевого населения скотоводство играло весьма существенную роль.

Молочные продукты и мясо служили основой питания, кожа и шерсть являлись не только сырьем для изготовления одежды, обуви, посуды, войлока, но и сбывались купцам-промышленникам, так же как

и рогатый скот, овцы и лошади. В обмен буряты получали ткани и предметы домашнего обихода.

В скотоводческих хозяйствах применялся подкорм скота, но так как весь наличный скот обеспечить сеном было невозможно, часть его обычно держалась круглый год на подножном корму. Следует отметить, что рамки бурятских кочевий постепенно сужались. Если в первой половине XVIII в. забайкальские буряты кочевали почти круглый год на больших пространствах, то с первой половины XIX в. у них уже стала преобладать циклическая форма перекочевок, когда кочевки совершались в определенное время года и на определенных территориях (зимники, весенники, летники, осенники); у западных бурят циклическая форма стала появляться гораздо раньше, чем у восточных. В начале XX в. буряты перекочевывали всего лишь 2 раза в год из зимников на летники и обратно.

У иркутских бурят скотоводство не составляло главного источника существования, стада их по количеству были меньше, чем у забайкальских бурят, в связи с чем и радиус их кочевок был невелик, а следовательно, и меньшее количество скота находилось на подножном корму.

У бурят, перешедших к оседлому образу жизни, пастьба скота не отличалась от пастьбы скота у русского населения. У кочевого населения в летнее время рабочие лошади, дойные коровы и телята обычно паслись около самых юрт, гулевой скот находился на летних выгонах почти без всякого присмотра, и только овцы и козы паслись под присмотром пастухов. В отдельных случаях бедняки объединяли свои небольшие стада в одно, за которым присматривали поочереди или сообща. Богачи пасли свой скот отдельно и часто разбивали на несколько групп.

В зимнее время бедняки брали на зимник весь скот, богачи же только тот, который предназначался для кормежки сеном, а остальной скот всю зиму пасся на ветоши (скошенные луга, покрытые отросшей осенней травой). Для увеличения урожайности трав западные буряты применяли искусственное орошение и удобрение навозом лугов (утугов), расположенных вблизи приусадебных участков. На развитии скотоводства отрицательно сказывались бескормица, падеж скота во время буранов и особенно различные эпизоотии. В случае болезни скота буряты прибегали часто за советом к шаманам и ламам. При массовых падежах скота в западных аймаках приносили кровавые жертвы, изготовляли онгоны (изображения божеств), якобы предохраняющие от падежа и способствующие приплоду. В некоторых районах практиковался обряд *шурге шухэ* — очищение скота огнем, добытым трением дерева. В материалах Куломзинской комиссии, обследовавшей хозяйство бурятского населения в конце прошлого века, говорится: «Буряты, проживающие вблизи г. Селенгинска, при появлении на их скоте чумной заразы обратились за помощью к одвому ламе. . ., лама содрал кожи с двух павших от чумы животных, разостлал их по земле и велел согнать на эти кожи рогатый скот со всего урочища. Результаты такой помощи были весьма плачевными, весь скот заразился чумой и пал поголовно».[1]

Экстенсивная форма хозяйства создавала постоянную угрозу потери стад. Зависимость скотоводов при низком уровне развития производительных сил от стихийных сил природы не давала уверенности не только в нормальном росте стада, но даже в его сохранении.

---

[1] Материалы обследования Забайкальской области, вып. 13. СПб., 1898, стр. 44.

Старинное оружие

1 — лук; *2* — налучье и лук; *3* — стрелохранилище; *4* — колчан со стрелами; *5* — налучье; *6, 7, 8* — стрелы

Господствующей системой земледелия была залежно-паровая, с чередованием посевов, паров и залежей. Из зерновых засевались главным образом яровые: рожь, овес, ячмень, гречиха, из озимых — рожь. Орудия обработки почвы и техника земледелия были заимствованы у русских. Как в хозяйстве русских, так и в хозяйстве бурят одноконные сохи постепенно вытеснялись двуконными колесухами (сабанами). Старинные «битые» с деревянными зубьями бороны сменялись боронами с железными зубьями. Наиболее состоятельная часть бурят (нойоны, кулаки) приобретала веялки и молотилки, бедняки применяли цепы или молотяги. Последние обычно состояли из лиственничного круглого обрубка с вколоченными в него зубьями. На ось этого обрубка надевались

оглобли для запряжки лошадей, иногда оси одного или нескольких обрубков вделывались в четырехугольную раму.

Из других отраслей хозяйства у бурят были распространены охотничий и рыболовный промыслы, отдельные ремесла и домашняя промышленность. В некоторых районах охотничьи территории закреплялись за отдельными родами. Буряты Чикойско-харанутского рода Селенгинского ведомства, жившие по р. Чикою, например, имели в своем пользовании охотничьи угодья, находившиеся по левому берегу Чикоя. Все горные хребты, места по ключикам и речкам были распределены между отдельными семьями пропорционально количеству в них мужских душ. Владельцы этих мест составляли артели. Каждая из артелей имела на своем участке общие зимовья — юрты и балаганы, в которых жили охотники.

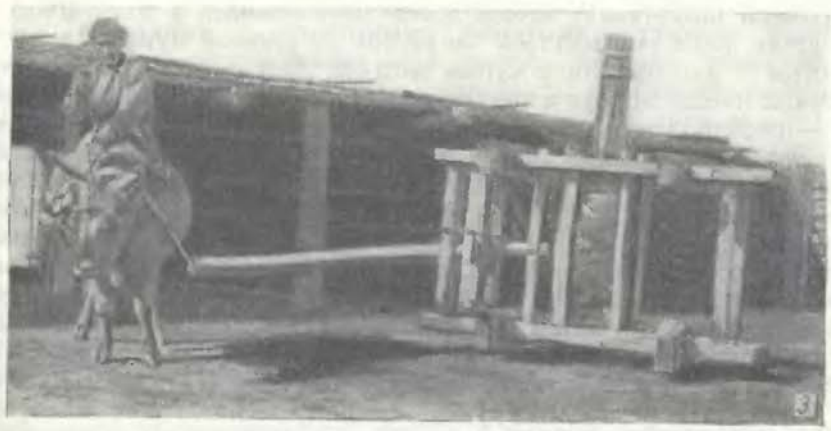
Охотничье право бурят сохранило следы первобытно-общинных отношений, выражавшиеся в равном участии всех членов рода в охоте и в распределении добычи. Наиболее древней формой охоты, объединявшей большое количество родов, являлась облавная охота. У западных бурят она была известна под названием *зэгэтэ-аба*, у восточных — *аба хайдак*. Воспоминания об этих облавных охотах сохранялись в народной памяти бурят еще в конце XIX в. С охотой были связаны различные поверья и обряды; так, например, у тункинских бурят убитого соболя не вносили в дверь, а подавали в особо прорубленное окно, говоря: «аильчин ирэбэ», т. е. гость пришел, чем подчеркивалось особое уважание к этому зверьку. Охотника, убившего соболя, товарищи встречали с особым почетом.

Орудия охотничьего промысла были весьма примитивны. Главную массу их составляли всевозможного рода ловушки: пасти, плашки, кулемы, петли, ямы, а также самострелы. Огнестрельное оружие было распространено незначительно, главным образом в тех местах, где была возможность получить необходимые боеприпасы. Более широко применялись кремневые ружья. Сезон охоты на белку, соболя и горностая начинался с половины октября и кончался в начале февраля. До появления снега охотились с ружьем и собакой, с выпадением снега ставили ловушки. На лисиц, волков, рысей, россомах, выдр охотились в течение всей зимы. Кроме ружья, канканов и других ловушек, при охоте на волков и лисиц применялись отравленные стрихнином приманки. В некоторых местах, например у бурят Унгинского ведомства, устраивались облавы на волков, причем охотники пользовались не ружьями, а луками, из которых они стреляли, сидя на конях. Главной целью охоты на изюбря являлась добыча рогов (пантов), которые служили предметом сбыта в Китай, где они шли на приготовление лекарств. Поэтому основным сезоном охоты на них являлись летние месяцы, когда рога изюбря достигали предельного роста. Изюбря обычно подкарауливали на солонцах, где охотники устраивали засады на небольших помостах (лабазах). Осенью применялась охота на «рев», при которой охотник приманивал самца, изюбря, подражая его голосу при помощи берестяной трубы.

Медведя поджидали на лабазах, устраиваемых около падали, иногда его выкуривали или выгоняли кольями из берлоги, после чего в него стреляли из ружей или били рогатиной. Из птиц буряты охотились по рекам и озерам на гусей и уток, в лесах — на глухарей, тетеревов, рябчиков, по степям — на дроф.

Рыболовством занимались на побережье Байкала, на о-ве Ольхоне по р. Селенге и у некоторых озер (Еравнинское, Гусиное и др.). Больше всего добывался омуль.

Объектом зверобойного промысла, распространенного на побережьях Байкала, служила нерпа. Промысел начинался в январе и производился



Обработка кожи и изготовление войлока

1—катание войлока; *2*—обработка бараньей кожи; *3*—кожемялка

вначале сетями. Сети из конского волоса, длиной от 4 до 8 м, устанавливались под льдом на ночь. Ближе к весне охотники применяли ружья. Для выслеживания зверя они надевали белый костюм и катили перед собой сани с белым щитом, который укрывал охотника и позволял стрелять с близкого расстояния. Шкура нерпы шла на одежду и различные мелкие поделки — сумки, отделку седел и т. д. Жир употреблялся в пищу и частично сбывался в Иркутск.

Из ремесел следует отметить кузнечное, шорное, седельное, кожевенное, изготовление войлока. Среди кутульских и еланцинских бурят имело место бондарное ремесло — производство бочек и кадок-лагун для рыбы. Армакские и закаменские буряты занимались лесозаготовками и сплавом леса для продажи в Верхнеудинске. Наиболее древним ремеслом являлось кузнечное. Оно исстари пользовалось у бурят уважением, кузнецы обычно окружались большим почетом, к которому нередко примешивалось чувство суеверного страха. Профессия кузнеца была наследственной. В старое время кузнецами часто были шаманы. В непосредственной связи с почитанием кузнечного ремесла было и почитание железа, а также изготовленных из него предметов. Так, например, считалось, что если возле больного или спящего положить какие-либо железные предметы (например, нож, топор), то они будут являться лучшим оберегом от всех злых сил. В бурятских преданиях часто отмечаются белые (специалисты по цветному металлу) и черные (специалисты по железу) кузнецы, что служит указанием на то, что среди бурятских кузнецов были и ювелиры.

Кузнецы изготовляли орудия охоты и военного снаряжения, предметы быта — котлы для варки пищи, ножи, топоры, принадлежности конской сбруи. Кузнецы-ювелиры делали из серебра украшения для женской одежды, головных уборов, они искусно изготовляли браслеты, кольца, различные серебряные выкладки на сбруе и вооружении. Вырезанные по трафаретам тонкие серебряные и золотые пластинки они размещали на раскаленных полосах железа и легкими ударами молоточка вгоняли в железо, после нового прокаливания протирали свои изделия углем, что придавало им большое изящество.

Обработка кожи и войлока, распространенная среди кочевого и полукочевого населения, носила исключительно домашний характер. Кожа шла для изготовления одежды, обуви, сбруи и сосудов для молочных продуктов. Из войлока делались покрышки для юрт, подстилки для сиденья на полу, мешки для хранения соли и пр. При обработке кожи прежде всего косою или ножом соскабливалась шерсть, обычно без предварительной подготовки, иногда кожа вымачивалась в воде. После снятия шерсти кожа смазывалась закваской из ржаной муки, а в процессе обработки — маслом или костным мозгом. Для смазывания употреблялось также кислое молоко и полусгнившая печень. Мелкие кожи — овчины и др. — скоблили ножом, мяли в руках и очищали мездру скребками — *хидырген*. Для выделки кож крупного рогатого скота и лошадей употребляли массивные кожемялки (*ирылге* или *эригулге*). Сыромятная кожа шла для вожжей, гужей и пр. Кожа, предназначенная для пошивки рукавиц и обуви, коптилась над ямой с тлеющими сосновыми шишками и пометом. При изготовлении войлока шерсть сильно взбивалась палками и раскладывалась слоями в 6—7 см толщиной на смоченный водой старый войлок, затем, обильно политая водой, она накручивалась на деревянный вал. В кочевых восточных районах вал с войлоком обертывался сверху кожей и обвязывался веревками. На концы вала надевали короткие деревянные трубки с прикрепленной к ним веревкой, привязанной другим концом к седлу лошади. Вал катали по степи до тех

пор, пока не был готов войлок. У западных бурят вал обертывался по середине веревкой, концы которой держали стоявшие на противоположных сторонах женщины. По мере натягивания веревки вал перекатывался из одной стороны в другую.

Широко были распространены изделия из конского волоса: веревки, вожжи, подпруги для седел, ошейники для телят, путы для лошадей, поводья для узд, дужки для ведер, сети для рыбной ловли.

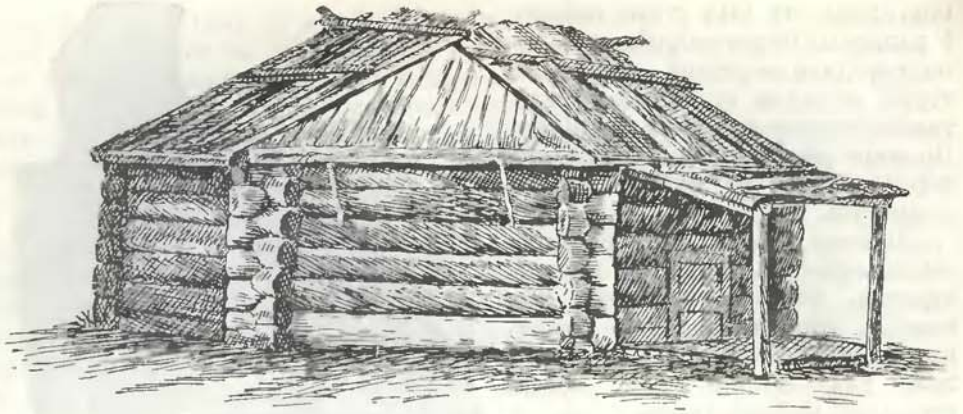
Старинное женское седло

Жилище

Ограничения земельных просторов, рост населения, ознакомление с земледелием и сенокошением, приближение к рынкам, влияние оседлых русских крестьян — все это отражалось на характере кочевий и быте бурятского населения.

В тесной связи с изменениями в занятиях, с сокращением масштабов перекочевок изменялось и жилище. Наряду с распространенной среди кочевого населения переносной войлочной юртой стали появляться постоянные деревянные юрты и дома, постепенно вытеснившие войлочные юрты. К моменту Октябрьской революции у западных бурят войлочная юрта совсем не встречалась. По сведениям известного собирателя памятников бурятской старины М. Н. Хангалова, северные буряты в древности не знали войлочных юрт, а заимствовали их от забайкальских бурят. Он также указывает на наличие у древних северных бурят-звероловов копических жилищ, сделанных из жердей и покрытых звериными шкурами — *бухэк*. Перекочевывая с одного места на другое, буряты брали с собой только покрышки.

Летние кочевья западных бурят располагались по долинам рек или около ключей, в местах с обильным подножным кормом, зимние — в местах, связанных с сенокосными участками — утугами (удобренными приусадебными участками) и в местах, богатых травяной ветошью. Территории летних кочевок отделялись от зимних изгородью. Жилища бурят, окруженные полями, часто отстояли друг от друга на большом расстоянии. Они строились или по типу русских домов или представляли собой 6—8-угольные срубы с покатой крышей. Деревянные юрты по своей форме приближались к войлочной юрте. Самостоятельное значение жилища эти (деревянные юрты) имели лишь как летники, зимой они служили амбарами, стойлом для скота, в них переселялись при проветривании избы, здесь же производилась разная черная работа: выделка кожи, сбруи и пр. Иногда в этих юртах выполнялись и шаманские обряды. Деревянная юрта чаще всего строилась в восемь стен, обыкновенно из лиственничных бревен, уложенных в 12—14 рядов; диаметр такой юрты достигал 10 м. Для поддержания потолка в центре юрты устанавливались столбы с балкой, называемые *хараса*.



Деревянная юрта западных бурят

В середине потолка оставлялось дымовое отверстие. Потолок юрты покрывался вымоченной корой, дерном и тесом. Пол делался деревянный, но в середине между столбами юрты выкладывалось из кирпичей или глины квадратное основание (*гуламта*) для очага. На гуламта ставился трехногий железный таган (*таха*) или три камня (*дуле*). В некоторых юртах с северной стороны пристраивались амбарчики с входом из юрты. Внутри юрты, в западную стену, во время самой постройки вделывалась деревянная полка — *эхэ угэ*, что означает «главная или старинная полка» (слово *эхэ* значит мать). На ней размещались в основном предметы религиозного культа. В северо-западной стороне устанавливалась деревянная широкая кровать, в стены северо-восточной стороны вделывались или просто расставлялись полки для домашней утвари. С наружной юго-восточной стороны пристраивалось крыльцо.

Внутреннее устройство жилищ русского типа в районах, близких к городам и торговым путям, особенно у состоятельных бурят, было сходно с домами русских крестьян. В отдаленных же от городов местах оно значительно отличалось от них. Здесь обычно одна половина избы (чистая) имела деревянный пол, значительно приподнятый над землей, другая (черная) — земляной. Под полом содержались в зимнее время телята и ягнята. Там, где помещение с полом было невелико, для молодняка отделялось решеткой место в половине избы с земляным полом, решеткой же отделялась и чистая половина жилья от черной. Для отопления служила русская печь. В местах, где зимой промерзали реки, воду получали из оттаявшего снега или льда, для чего в черной половине избы, в углу около входной двери, устраивали полати, на которые насыпался снег или измельченный лед: при таянии вода стекала по желобку в подставленную посуду.

Кочевое население в восточных районах пользовалось войлочной юртой. Остов ее составляли решетчатые раздвижные вертикальные стены (*хана*), таких стенок обычно было 5, у богатых бурят количество их доходило до 8 и 10. Ханы расставлялись по кругу и связывались в местах соприкосновения волосяными шнурами. Верхняя часть юрты имела форму усеченного конуса, состоящего из длинных палок (*уни*), которые одним концом привязывались к решетке, другим вставлялись в отверстие обруча (*тоно*), служившего для проникновения света в юрту и выхода дыма из очага. После того как остов юрты устанавливался, вертикальные стены с наружной стороны обвязывались волосяными веревками (*хошлан*). Остов юрты покрывался войлочными покрышками и обвязывался верев-

Войлочная юрта бедняка

ками. Вход в юрту всегда был обращен на юг; с внутренней стороны делалась двустворчатая деревянная дверь (*халага)*, с наружной стороны над ней спускалась войлочная стеганая покрышка (*уда*). Пол был земляной; у состоятельных бурят его выстилали досками и войлоком, оставляя лишь место для очага.

Деревянные жилища в восточных районах встречались главным образом в летниках. В отличие от жилищ западных бурят они имели прямоугольную форму, крыша их покрывалась досками и имела квадратное отверстие для выхода дыма. Окна не делались, но иногда между бревнами вырезалось небольшое продолговатое отверстие для наблюдения за скотом. Пол был обычно земляной, у более состоятельных его покрывали досками.

Внутреннее убранство было одинаково и в зимнем и в летнем жилище. Переселяясь весной на летовку, буряты перевозили и имущество. Внутри юрты середина пола под прорезью крыши отводилась для очага. Иногда это была глинобитная печь с плитой и железной трубой, иногда — железная печка, нередко — просто костер, над которым возвышался трехногий таган, обычно с поставленной на него чугунной чашей для варки мяса, кипячения чая и молока. Против двери помещался деревянный поставец-божница, на котором у ламаистов стояли медные изображения буддийских божеств, перед ними — жертвенные чашки с молоком, вином, рожью. У шаманистов вместо бурханов (изображений будд) висел на стене длинный ящик с онгопами (шаманскими божествами), представлявшими собой шкурки белки, горностая, бурундука и др. Налево от входа было место хозяина, там же размещались принадлежности охоты; направо, где помещались кухонные принадлежности, было место хозяйки. Сидели на полу вокруг очага. Для сиденья расстилались стеганые войлоки (*ширдэг*); обычно средний войлок помещался перед божницей, а остальные два — по бокам ее. Для почетных гостей и лам имелись войлочные, обшитые сверху материей тюфячки (*олбок*), которые накладывались один на другой в количестве от 3 до 12 штук.

В правой половине, первым от входа, стоял всегда шкаф для посуды (*эргэнэг*), далее следовала невысокая деревянная кровать (*орон*) с войлочным тюфяком, подушкой (*дэрэ*) и одеялом (*хушалга*). Лицевая сторона

кровати часто была орнаментирована. Подушка набивалась шерстью. Конец ее, обычно обращенный к стене, был округлый, конец же, обращенный в юрту, к огню, четырехугольный, украшенный бляхами и разноцветной тесьмой. Особо красивые подушки передавались от матери к дочери. Далее за кроватью следовали сундуки: *ухэг* для мелких домашних вещей и *абдер* для хранения домашнего имущества и платья. В домах, где были дети, возле кровати ставилась люлька. Она имела наклонное дно, в котором делалось отверстие для стока мочи. Колыбель не красилась и не украшалась орнаментом, только с правой стороны ее подвешивались лодыжная кость и другие амулеты. Кость обычно бралась от того животного, которое убивалось по случаю рождения ребенка.

С левой стороны от входа хранились седла, сбруя, здесь же иногда стояли сундуки, на которые наваливали свернутые тюками войлоки-постели членов семьи. В этом же углу в зимнее и весеннее время, иногда в особой загородке, помещали только что родившихся ягнят и телят, а летом ставили кожаные бурдюки для квашеного молока.

Для отопления юрт шел главным образом *аргал* — сухой коровий и лошадиный помет, дрова употреблялись в небольшом количестве.

Утварь

У бурят в большом употреблении была деревянная посуда: *хөнөг* — берестяное широкое ведро для доения коров; *тудхур* — ведерко для доения коз и овец: *хаба*, или *саба*, — высокий сосуд для кислого молока (*айраг*), *бүлүүр* — узкая высокая кадка для приготовления и хранения *хөрөнгө* перебродившего молока, близкого к кумысу (*бүлүүр* называлась и деревянная мутовка, употреблявшаяся для сбивания масла), *тэбшэ* — корыто для мяса, *табак* — долбленое блюдо, *шанага* — большая деревянная ложка (ковш), *аяга* или *такши* — чашки, изготовлявшиеся из корней березы, лиственных и березовых наростов, *хөрөнгө торхо* — кадка для хранения *хөрөнгө*, *домбо* — кувшин для чая, *ур* — деревянная ступка для толчения кирпичного чая. Для варки мяса и кипячения чая употреблялась чугунная чаша (*тогон*). Среди кочевого населения восточных районов для кислого молока употреблялись высокие кожаные сосуды (*хүхүүр*), а для хранения масла и сметаны — толстые кишки и желудки животных. В небольших количествах бытовала эмалированная и металлическая посуда, которую буряты приобретали в русских лавках.

Пища

Кочевое и полукочевое население питалось преимущественно мясными и молочными продуктами, причем молоко употреблялось только в кипяченом виде. Национальными блюдами, широко распространенными ранее и теперь сохраняющимися в быту бурят, являлись *арул*, *хурут*, *үрмэ*, *хөрөнгө* и *саламат*. Арул и хурут представляли собой творожистую массу, высушенную и нанизанную на нитку или прессованную в виде отдельных ломтиков. Приготовлялись они путем закваски и кипячения свежего молока. В летнее время, когда бывало много молока, арул и хурут запасали на зиму.

Любимым блюдом была үрмэ — толстый, слегка подсушенный слой пенки, снятой с кипяченого молока. Из молока готовили впрок также масло и *арсу*; последняя получалась после перегонки молочной водки (*тарасуна*, или *архи*). Бедняки сливали арсу в особую кадку, прибавляя в нее высушенные коренья растений, муку, молотую черемуху и др. У западных бурят был широко распространен саламат — мука, прокипяченная в сметане. Посуда с хөрөнгө обычно устанавливалась у северного столба (*тэнга*) юрты. При изготовлении свежей *хөрөнгө* для закваски употребляли старую. До весенних удоев ее имели возможность сохранять главным образом зажиточные люди.

Утварь

1 — маслобойка; *2* — деревянный сосуд; *3* — металлический сосуд

Для изготовления тарасуна, или архи, существовал специальный перегонный аппарат. Процесс изготовления тарасуна у русского населения назывался «сидеть тарасун», а к выпивке молочного вина в западных районах применялись выражения «архидачить» и «духорянить». Первое происходило от слова «архи» (водка): архидачить значило пить архи, или тарасун. Второе было связано с обрядом вежливости — *духорян*, соблюдавшимся западными бурятами. Обычно во время перегонки тарасуна соседи и гости собирались в юрту и размещались вокруг очага. Хозяйка наливала тарасун в чашку и подавала самому почетному и старейшему из гостей или шаману. Получивший тарасун подходил к огню и протягивал руку с чашкой, произнося слова молитвы, затем в виде жертвы отливал часть тарасуна в огонь, после чего, немного отпив, передавал хозяину или кому-либо из гостей с приветствием (благопожеланием), которое и называлось духорян. Получивший чашку отпивал тарасун и отвечал на приветствие, затем, дополнив вином чашку, подавал снова тому же лицу, которым на этот раз содержимое выпивалось до дна. Так проделывалось с каждым присутствующим. Последняя чашка распивалась по глотку всеми присутствующими, что значило *хабай* (дружба).

Тарасун играл очень большую роль на всех общественных праздниках, молениях, жертвоприношениях, свадьбах и пр.

Наряду с молочной пищей существенным в питании являлось мясо, летом главным образом баранина, зимой говядина. Буряты употребляли

в пищу только вареное мясо, причем варили в малосольной или совсем несоленой воде.

Чай употреблялся кирпичный, к нему прибавлялось молоко, сало и соль. Хлеб умели печь только буряты, занимавшиеся земледелием. Мясо ели руками, чай и бульон пили из деревянных чашек. Посуда не мылась, ложки и чашки облизывались. Нередко немытая посуда передавалась от одного члена семьи к другому, так же переходила и раскуренная трубка. Подобные обычаи способствовали передаче различных болезней.

Одежда

На одежду западных бурят уже в дореволюционное время сильное влияние оказывало соседство русских. Многие буряты, особенно зажиточные, обзаводились городским платьем — пиджаками, жилетами, брюками, шляпами, картузами, сапогами, ботинками и пр. Широко распространялись русские крестьянские зипуны.

Национальная зимняя мужская одежда состояла из прямого мехового халата, левая пола запахивалась на правую и застегивалась на боку, что давало возможность правой рукой класть и доставать вещи из-за пазухи. Воротник халата был стоячий, рукава не вшивные, обшлага имели форму раструба. Халат опоясывался длинным куском материи или ременным поясом с серебряными и медными бляхами. С правой стороны к поясу прикрепляли кисет с табаком и табакеркой, нож в ножнах и огниво (*хете*). Трубка закладывалась за сапог. Огниво (кресало) делалось из стальных или железных пластинок, прикреплялось к кожаному мешочку, нередко украшенному медными и серебряными пластинками. По преданиям бурят, в старину хете настолько ценилось, что за одно огниво можно было получить целого коня. Летней одеждой служил халат (*терлиг*) такого же покроя, как и зимний. Он изготовлялся из какой-либо материи на подкладке, по краям обшивался сукном или плисом. Нижняя одежда состояла из штанов и рубахи, покрой которой был заимствован от русских. Мужскую шапку с острой тульей и расширенным кверху околышем шили из лисьих или волчьих лап, из шкуры кабарги, козули, соболя и др. Сзади шапки на спину спускались две ленты. В восточных аймаках многие мужчины брили до половины голову и отпускали косу.

Женская одежда состояла из рубахи (*самса*) и штанов (*умдэ*), поверх которых носили халат (*дегиль*). Он состоял у замужних женщин из сборчатой юбки и кофты, сшитых на уровне талии; левая пола халата запахивалась на правую и застегивалась у ворота, на плече и на правом боку. Рукава часто делались из разных кусков ткани. У основания они были широкие и собирались в сборки на плече, а на конце имели узкие обшлага из плиса. Воротник был невысокий и всегда оторочен полосками цветной тесьмы или шелка. Подол юбки и края обеих пол до кофты обшивались полосами плиса или цветной материи. Место сшива кофты и юбки было также украшено разноцветной тесьмой и шнуром. Халат всегда делался на подкладке, материалом для него служили шелковые и хлопчатобумажные ткани. На халат (дегиль) надевали безрукавку (*уджэ*), которая состояла или из одного жилета или из жилета и пришитой к нему сборчатой юбки. Разрез шел впереди посредине от ворота и до низа, сзади юбка делалась также разрезная до самого жилета. Края выреза ворота и рукавов, место соединения жилета с юбкой и подол обшивались цветной тесьмой. Уджэ, подобно халату, делалось на подкладке.

Девичий халат состоял, так же как и женский, из сборчатой юбки и пришитой к ней кофты. В отличие от женского девичий халат не имел буфов на рукавах. Девушки не носили также безрукавку (уджэ).

Зимой буряты носили дохи из меха домашних коз. Национальный женский головной убор — это шапка, сшитая из цветной материи, с выпуш-

Одежда

1 — зимний мужской халат; *2* — летний женский халат; *3* — мужская шапка; *4* — женская безрукавка; *5* — обувь; *6*, *7* — сумочки для хранения огнива

кой из меха (бобра, выдры и др.), от верха шапки сзади спускалась шелковая красная кисть (*цзалан*). В летнее время женщины повязывали голову платками.

Волосы расчесывали надвое и заплетали в косы. На уровне ушей вплетали в косы две медные или золотые палочки и подвешивали к ним в тор-

Группа богатых бурят в старинных костюмах

жественные дни многочисленные цепочки и подвески. По праздникам под шапку надевалась бархатная, украшенная кораллами и бусами повязка. В ушах носили серебряные серьги, на шее — медальоны с тибетскими молитвами. Некоторые женщины носили поверх одежды через плечо красную повязку — знак данного духовного обета.

Девушки, преимущественно в восточных районах, носили в отличие от женщин, много кос, соединенных на висках коралловыми низками.

Национальную обувь (*гутулы*) делали из юфтовой кожи или из плиса с коротким голенищем, на толстой войлочной, хорошо простеганной и подшитой кожей подошве; носок обычно был слегка загнут вверх, каблуки отсутствовали. Запятники, носки и голенища иногда расшивались шелком или аппликациями из кожи. Одежда богатых людей, сохраняя свой национальный покрой, отличалась всегда качеством материала и ценностью украшений. В их одежде преобладали китайские и русские шелковые ткани, бархат и другие материалы. В настоящее время национальная одежда сохраняется больше среди старшего поколения и в районах, наиболее удаленных от центра республики. Молодежь и интеллигенция одевается в русские платья.

Пережитки первобытно-общинных отношений

В конце XIX — начале XX в. у бурят сохранялись элементы первобытно-общинных отношений. У них было деление на роды и кости — *ясу*. В отдаленном прошлом ясу объединяли кровных родственников и представляли собой экзогамные группы. В позднейшее время люди одной кости оказались объединенными в различные роды, куда включались нередко осколки и других племен. По установившейся традиции незнакомого бурята, входившего в юрту, прежде всего спрашивали, к какой кости он принадлежит; каждый бурят должен был знать название своего ясу и перечислить всех восходящих предков по мужской линии до 7—10-го поколения.

В XIX и начале XX в. в основе бурятских родов лежал уже не столько принцип кровно-родственных связей, сколько территориально-хозяйственная общность.

В бурятских общинах бытовали обычаи взаимопомощи (при уборке полей, сенокосах и др.), причем в своей действительной форме эти обычаи бытовали лишь среди бедняцких хозяйств, в хозяйстве же нойонов и кулаков они являлись маскировкой эксплуатации сородичей. Родовые традиции требовали от бурят созыва и участия в трапезе всех ближайших соседей в случаях, когда кололи быка, лошадь или барана. Еще строже соблюдалось это правило, если охотник убивал изюбря, лося или козулю.

Кроме общей территории и материальных интересов, членов рода объединяли представления о территориальных божествах — хозяевах (*эджин*) гор, лесов, источников и т. д. Им устраивались общие жертвоприношения (*тайлганы*). Наряду с этим у отдельных членов рода, вернее членов одного ясу (потомков одного древнего предка), были «собственные» боги, которым они устраивали особые тайлганы. Каждый сородич, отправлявшийся на общественное празднество, было ли это общественное жертвоприношение, свадьба или другое событие, должен был вносить свою долю помощи или расходов (*нэмыр*) в виде мяса, молока, вина и других продуктов. Человек, не привезший нэмыр, вызывал всеобщее осуждение. Родовая солидарность проявлялась и в обычаях, связанных с общественными играми и состязаниями. Все родственники являлись также ответственными лицами за все правонарушения своего родича.

Пережитки наиболее ранней стадии первобытно-общинных отношений — материнского рода — нашли свое отражение в большом комплексе обычаев, обрядов, в языке и фольклоре бурят.

Семья и брак

Господствующей формой семьи являлась индивидуальная (малая) семья. Она включала главу семьи, его жену, детей, иногда родителей. Обычай допускал и многоженство, однако оно встречалось главным образом в богатых семьях, бедняцкие же семьи были моногамны. Заключению брака предшествовало сватовство; иногда родители заключали соглашение на будущий брак своих малолетних детей, нередко и таких, которые только что появились на свет или еще не родились.

Важную роль в жизни бурят играла экзогамия и калым. Ни один бурят не мог жениться на женщине своего рода. Родство принималось в расчет только по мужской линии. Родство же по женской линии не могло служить препятствием для заключения брака. Размеры калыма были различны, в зависимости от достатка семей молодых людей, вступающих в брак. Иногда практиковалась отработка за невесту в семье ее родителей. Широко была распространена выдача замуж девочек в раннем возрасте (11—15 лет.)

Заключение условий брака и нарушение этих условий были связаны с целым рядом юридических последствий. Оскорбление, нанесенное жениху, считалось оскорблением всего рода. Если просватанная девушка выходила за другого, то ее муж должен был возместить ее бывшему жениху весь калым и компенсировать все расходы, понесенные во время сватовства. Заинтересованными в возврате калыма являлись не только жених и его близкие родственники, но и весь род в целом. Нередко во избежание расходов по калыму буряты прибегали к обычаю *адляй*, заключающемуся в том, что две семьи, имевшие сыновей и дочерей, обменивались девушками.

В семейно-брачных отношениях сохранялись следы материнского рода. Среди родственников по матери особое место занимал брат ее (*нагаса*), который имел целый ряд прав и обязанностей по отношению к детям своей

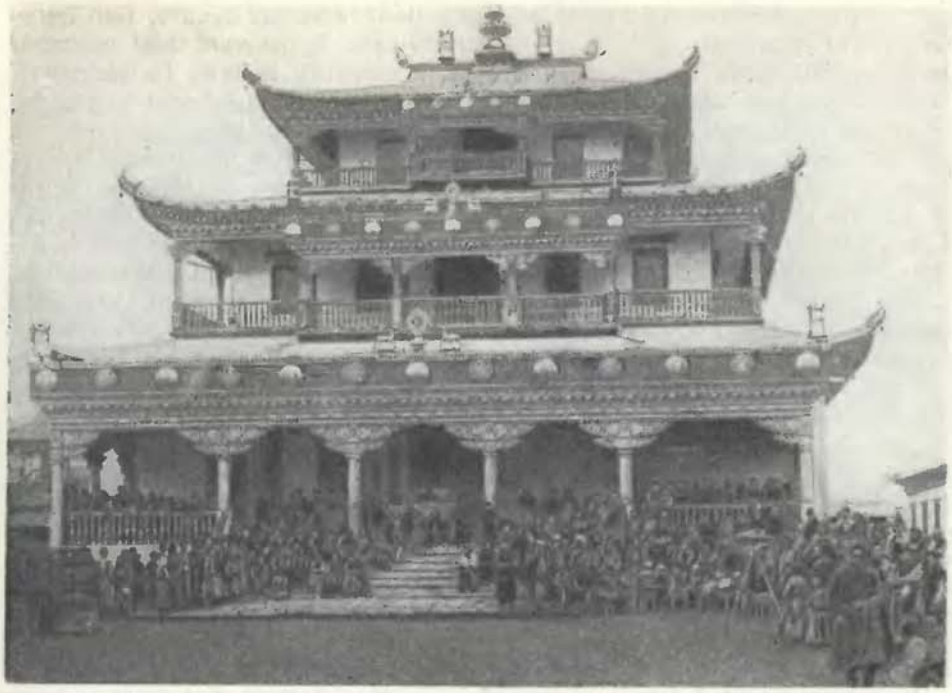
сестры. В терминологии родства у бурят сохранились черты классификационной системы. Термины родства относятся к строго определенной категории родственников, среди которых различают старших (*аха*) и младших (*ду*), родню по мужской линии, вернее по отцу (*абага*), и родню по матери (нагаса) и др. После переезда невесты в дом жениха и поклонения, совершенного ею очагу мужа и его родственникам, молодая окончательно причислялась к роду мужа.

Положение женщины в семье и обществе было приниженным. Главой семьи и распорядителем имущества являлся муж. Женщина, следуя родовым традициям, не могла называть по имени свекра и старших родственников мужа (*хадам*); она не должна была сидеть, если свекор и старшие родственники мужа стояли. Из юрты свекра она выходила спиной к двери, обращая лицо к сидящим в юрте. Она должна была находиться в присутствии родных мужа с покрытой головой и в полном женском наряде. Она не могла спать в одной юрте с ними. В присутствии свекра невестка не могла подходить к бурханам — изображениям буддийских божеств. Садясь перед очагом, она должна была, так же как и перед старшими родственниками мужа, одергивать подол своего платья, так как «хозяин» огня считался покровителем рода. Она не могла принимать участия в общих родовых празднествах, а во время трапезы получала пищу последней. После смерти мужа она, по обычаю, должна была стать женой его младшего брата или другого родственника покойного из числа тех, кому она не кланялась во время обряда, совершенного при въезде в дом мужа. Муж мог по самому ничтожному поводу прогнать свою жену. Калым налагал на женщину целый ряд обязательств по отношению к семье мужа и его роду в целом. Она по существу становилась коллективной собственностью рода мужа. Обычное право бурят XIX в. очень ярко отражает униженное положение бурятской женщины.

Религия

Древней религией бурят являлся шаманизм, который у восточных бурят в половине XVIII в. был вытеснен буддизмом, у западных же шаманизм сохранялся в отдельных районах до самой Великой Октябрьской социалистической революции. Шаманство, широко распространенное у народов Сибири, имело в основе своей элементы анимистических представлений. Шаманисты представляли всю природу одушевленной и обоготворяли различные явления ее. По мнению бурят-шаманистов, горы, леса, камни, небо, огонь и пр. имели «своих хозяев» — эджинов, которые по отношению к человеку могли быть настроены доброжелательно или враждебно. На вершинах гор буряты часто делали *обо* — каменные «священные» насыпи; проходя или проезжая мимо обо, буряты оставляли на них какие-нибудь предметы (кусочки материи, хлеба, мяса, сладости и пр.) или брызгали вином, оказывая таким образом эджину этой местности знаки почтения. В быту широко было распространено почитание огня; ему приносили жертвы, поливая на очаг масло, сало, вино или сжигая кусочки пищи.

Небо (*тэнгри*) буряты населяли божествами (*тэнгэринами*), которые делились на два враждебных между собой лагеря: 55 западных (добрых) тэнгэринов и 44 восточных (злых). Огонь считался сыном одного из тэнгэринов — Эсэга-Малан-Тэнгэри и младшим братом солнца и месяца. Буряты верили, что у высших божеств — тэнгэринов — имелись дети (*хаты*), которые, как и сами тэнгэрины, разделялись на враждующих между собой западных и восточных. Большое место в пантеоне божеств западных бурят занимал их мифический предок *буха-нойон-бабай*, что в переводе означает «бык-властитель-батюшка». В тесной связи с представлениями о божествах находилось представление о духах предков. Духи умерших знаменитых шаманов, хороших стрелков, кузнецов и др. после смерти



Аннский дацан. Бывш. Забайкальская область. Верхнеудинский округ

якобы превращались в хатов и жили на небе, души обыкновенных людей становились *бохолдоями* — призраками, блуждавшими по земле.

В юрте шамана всегда можно было встретить онгоны, хранившиеся в специальных ящиках, или развешанные на стене. Онгонами назывались как изображение духов, так и сами духи, якобы пребывающие в изображении, а также души предков. Онгоны изображались чаще всего в виде человеческих фигур, нарисованных на материи, дощечках, а иногда и на скалах. Онгонами были также шкурки отдельных животных: белки, зайца и др. Всем им приносили в жертву пищу, вино и пр.

Служители шаманского культа — шаманы — у бурят делились на белых и черных. Первые совершали обряды и жертвоприношения тэнгэринам — обитателям неба, добрым божествам, вторые — злым божествам, жителям подземного мира. Костюм шамана всегда украшался большим количеством подвесок, бубенчиков, металлических фигурок животных, которые означали его духов-помощников; к нему также прикреплялись медные круги, изображающие солнце. На голову шаман надевал железный шлем с рогами. Одетый в такую одежду, с тростью или бубном в руках, шаман совершал свои обряды. Профессия шамана в большинстве случаев была наследственной. Шаманизм на протяжении длительного периода своего существования впитал в себя элементы различных эпох.

В забайкальских районах, а также у хонгодоров в Предбайкалье, господствующей религией был ламаизм — одна из видоизмененных форм буддизма, в основу которой легло учение секты «желтошапочников». Начав проникать сюда в XVII в. из Тибета и Монголии, он в XVIII в. сумел пустить уже глубокие корни.

Царское правительство вело двойственную политику по отношению к ламаизму. С одной стороны, оно поощряло распространение православия среди бурят, с другой, стремясь использовать феодальную вер-

хушку приверженцев ламаизма в своих политических целях, оно легализировало ламаизм. В 1741 г. во главе всех бурятских лам царским приказом был поставлен настоятель Цонгольского дацана (монастыря), а в 1764 г. главе лам было присвоено звание бондидо-хамбо-ламы, резиденцией которого являлся Гусиноозерский дацан.

Этим мероприятием создавался центр буддизма в пределах России, задачей которого было оторвать местную буддийскую церковь от влияния Тибета и Монголии. Распространение и закрепление ламаизма выражалось ростом количества монастырей. Если в 1741 г. насчитывалось 11 дацанов, то в 1816 г. их уже было 39, а к концу века — 42. Количество лам в 1822 г. исчислялось в 2600 человек, а в 1842 г. оно достигало уже 5545 человек. Дацаны представляли собой целые поселки, где находились храмы, хозяйственные постройки и жилища лам. В дацанах совершались многолюдные богослужения (*хуралы*), здесь же изготовлялись ламами-мастерами различные предметы культа: иконы, статуи будд, амулеты и др., здесь ксилографическим способом печаталась на тибетском и частично на монгольском языках богословская литература, здесь же ламы изучали богословие, религиозно-мистическую философию, тибетскую медицину, астрологию, под которой понималось учение о мироздании, составление календарей, гадание по священным книгам и пр. Догматика, схоластика и консерватизм являлись характерными чертами этого «учения».' Каноны ламаизма излагались в 360 книгах, называвшихся «Ганджур» и «Данджур». Каждая бурятская семья должна была, по обычаю, посвящать в ламы одного из двух сыновей с 7—8-летнего возраста.

Эксплуататорский класс в лице феодалов и высших лам использовал ламаизм с его учением о непротивлении злу в своих интересах для закабаления трудящихся масс. Бурятские ламы при поддержке феодалов имели большое влияние на население, с которого они под видом вознаграждений за молитвы и жертвоприношения производили колоссальные поборы. Содержание дацанов, лам и их поборы ложились тяжелым бременем на трудящиеся бурятские массы; достаточно сказать, что ламы вместе со своими учениками — *ховураками* — представляли до революции армию тунеядцев, примерно, в 14 тыс. человек. Нельзя не отметить также и то, что реакционная роль бурятских лам была очень велика на всем протяжении истории бурят. В годы революции многие ламы были разоблачены как прямые агенты иностранных разведок; они занимались шпионажем, диверсиями, вредительством и т. д. Наряду с ламаизмом и шаманизмом среди бурят существовало и православие, которое стало проникать к ним с XVII в. Наибольшее распространение оно получило среди западных, предбайкальских, бурят.

Народные празднества

К наиболее древним народным празднествам относится *сур-харбан* («стрельба из лука»). Более всего он был распространен у западных бурят (кудинских, капсальских, верхоленских, ленских и ольхонских). Этот праздник устраивался обычно весной, и на него съезжалось несколько тысяч бурят. Доступ на праздник имели все мужчины, без различия возраста и положения, из женщин на этом празднике могли присутствовать только незамужние и малолетние. Главными моментами праздника были три состязания: стрельба из лука, борьба и бег рысаков. Вначале происходило состязание в стрельбе, давшее и само название празднику. В центре полукруга, образованного зрителями, устанавливалась палка, обмотанная кожаными ремнями (*хур*), служившая мишенью при стрельбе. В старину каждый род выставлял свой хур. Стрелы привозились стрелками из дома, а лук был общим и передавался от одного стрелка к другому.

Очень древним является и бурятский национальный танец *йохор*

Персонажи из религиозной мистерии «Цам»

(*хатарха*), бытующий в измененном виде и до настоящего времени. Танцующие, взявшись за руки, составляли круг и, раскачиваясь, двигались по кругу, приподнимая то одну, то другую ногу при ритмичном напеве песни, с частым повторением слова *йохор*. Общественными празднествами, тесно связанными с религиозными обрядами, были *тайлганы*. Они начинались молениями и жертвоприношениями и заканчивались обильной едой, питьем тарасуна и различными играми: борьбой, скачками, стрельбой из луков и т. д. У бурят-шаманистов было три обязательных тайлгана: весенний, летний и осенний; было много и не обязательных. Расходы на тайлганы раскладывались на все общество. В конце XIX в. тайлганы обходились западным бурятам от 80 до 150 тыс. руб. в год. К религиозным празднествам ламаистов, устраиваемым при дацанах, относились *хуралы* (моления), *майдари* и *цам*.

В лице Майдари ламаисты почитали будду, который, по их представлению, должен был периодически возрождаться на земле. В честь его устраивали хурал, во время которого изображение Майдари на особой колеснице возили вокруг монастыря. В празднике Цам главное место занимали пляски-мистерии маскированных лам.

Устное народное творчество

В дореволюционное время буряты, не имевшие своей письменности, не имели и своей художественной литературы, но среди них широко бытовали произведения устного народного творчества. Значительное место в нем занимал эпос, передаваемый из поколения в поколение; сюда относятся сказания о Шоно-Баторе, Аламжи-Мэргэн, Алтан-Шагай Мэргэн, Гесере и др.

Бурятские поэмы — *улигеры* — бытуют и до сих пор. Они построены по обычным законам бурят-монгольского стихосложения, характеризующегося чередованием ударных и неударных слогов и аллитерацией в на-

чале каждой строки. Размеры улигеров — от двух-трех тысяч до двадцати пяти тысяч строк. Общим содержанием всех былин является борьба героев с враждебными существами — мангатхаем и др. Начинаются они обычно с описания страны и дворца героя, его коня, доспехов, выезда героя на охоту; далее описывается борьба с врагом и победа над ним. Почти все улигеры кончаются свадебным пиром героя.

В былинах можно вскрыть напластования различных эпох. В них отражены и феодальные отношения и пережитки родовой эпохи. В последней фазе своего развития в былинах нашли отражение и капиталистические элементы. Больше всего былины были распространены у западных бурят (Аларский, Боханский и Эхирит-Булагатский аймаки); у восточных бурят они распространены главным образом в Хоринском аймаке.

Среди других жанров устного творчества значительное место занимали сказки. Для бурятских сказок характерен показ сметливого бедняка, обычно побеждающего хана или ставящего его в глупое положение.

От сказок и героических эпопей отличались исторические предания, основное место в них принадлежало конкретным историческим событиям или определенной личности.

Состояние народного просвещения

До революции народное образование среди бурят стояло на крайне низком уровне развития. Царизм всячески стремился ограничивать деятельность местных школ и просветительных учреждений, а зачастую и совсем упразднял их, но он, конечно, не мог совсем прервать процесс развития грамотности среди бурятского населения. Первые школы в бурятских ведомствах Забайкалья стали возникать с начала XIX в., в них занималось небольшое количество учащихся. Так, например, в 1857 г. в Онинском училище было 16 учеников, Баргузинском — 15, Кударинском — 14. Несколько мальчиков училось в Верхнеудинском уездном училище.

В 1862 г. в Забайкальской области насчитывалось 11 бурятских училищ, где обучалось 340 учеников; в 1870 г. 6 училищ было закрыто.

По данным переписи 1897 г., грамотность среди бурят достигала 8.4%; иркутские буряты обучались по-русски, а среди забайкальских преобладала монгольская и тибетская грамотность.

В русские средние и высшие учебные заведения попадали лишь единицы, причем непременным условием для поступления было принятие православия. В 1916 г. в средних школах Иркутской губернии и Забайкальской области обучалось 125 бурят, а в высших учебных заведениях России училось около 30 человек. Что касается бурятских женщин, то они были почти сплошь неграмотны. Перепись 1897 г. отмечала грамотных женщин в западных районах 0.8%, в восточных — 0.6%.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Великая Октябрьская социалистическая революция разбила оковы национального гнета и открыла перед бурятским народом широкие перспективы новой творческой жизни. После изгнания белогвардейцев и интервентов Бурят-Монголия вступила на путь социалистического строительства.

Предоставление бурятам национальной советской государственности дало возможность привлечь широкие массы трудящихся к управлению республикой и вовлечь их в дело строительства социализма, произвести глубокие изменения в экономике, культуре и быту народа. С помощью русского народа, под руководством пролетариата и его партии бурятский народ за короткий срок отсталую, нищую Бурятию превратил в цветущую республику.

Кочевое и полукочевое хозяйство, отсталая техника сельского хозяйства, жестокая эксплуатация со стороны царского правительства и местного кулачества вместе с нойонами и ламами стали далеким прошлым для бурятского народа. В настоящее время на месте мельчайших маломощных и разрозненных хозяйств с примитивной техникой созданы крупные обобществленные хозяйства, обеспеченные мощной машинной техникой. В годы пятилеток в республике созданы различные важные отрасли промышленности — цветная металлургия, угольная, машиностроительная, лесная, текстильная, промышленность стройматериалов, пищевая промышленность.

Пути восстановления и развития народного хозяйства были намечены уже I съездом Советов Бурят-Монгольской АССР, состоявшимся в декабре 1923 г. В основу решений съезда легли постановления X, XI и XII съездов ВКП(б).

Молодая республика, окруженная вниманием и заботами Коммунистической партии и Советского правительства, встала на путь подъема своего хозяйства. Процесс перехода бедняцко-середняцких масс бурятских улусов к коллективному труду как одному из условий социалистической реконструкции имел свои особенности, вытекающие из предшествующей истории развития бурятского народа.

Наличие кочевого и полукочевого хозяйства, остатки родовых традиций, дореволюционные земельные отношения — все это создавало на первых этапах ряд трудностей для перехода от единоличного к коллективному общественному хозяйству. Следует отметить, что процесс оседания кочевых хозяйств имел место и в дореволюционной Бурятии, в чем сказывалось несомненное влияние культуры и быта русских крестьян. Как мы указывали, начиная с XVIII в. в хозяйственной жизни бурят стали происходить заметные изменения. По мнению Георги, посетившего бурят во второй половине XVIII в., их нельзя было уже отнести к «совершенно кочевым народам». Однако оседание кочевников в условиях царизма протекало очень медленно и стихийно, более ускоренный темп перехода наблюдался у западных бурят.

В условиях Советского государства переход к оседлому образу жизни совершался в плановом и организованном порядке с широкой помощью государства. Однако, пока не были ликвидированы остатки дореволюционных земельных отношений и не было разгромлено кулачество, оседание бедняцко-середняцких масс улусов не могло итти успешно.

Сельское хозяйство

Историческую роль в преобразовании сельского хозяйства Бурят-Монголии сыграло постановление ЦК ВКП(б), принятое 27 мая 1929 г. по докладу Бурят-Монгольского обкома. Оно было решающим для социалистического переустройства сельского хозяйства республики. Свыше 200 тыс. га земли было изъято у эксплуататорских элементов и передано беднейшему крестьянству. С этого года начался интенсивный рост колхозов. Если в 1929 г. в Бурят-Монголии насчитывалось 311 колхозов, что составляло 5.5% всех крестьянских хозяйств, то в 1932 г. коллективизацией было охвачено уже 61.1% хозяйств. Дальнейший решительный переход бедняцко-середняцких масс к сплошной коллективизации и ликвидация кулачества как класса привели к тому, что колхозы стали прочной опорой советской власти в Бурят-Монголии.

В результате оседания бурят-монгольского трудящегося населения основная отрасль сельского хозяйства республики — животноводство — стала строиться на совершенно новой основе. Примитивное пастбищное скотоводство заменилось социалистическим, колхозным. В целях наиболее рационального ведения хозяйства при колхозах стали организовываться

фермы: коневодческие, крупного рогатого скота, овцеводческие и свиноводческие. В настоящее время в широких масштабах в республике проводится работа по улучшению пород скота путем метизации. Большинство колхозов имеют племенные фермы симментальского крупного рогатого скота, тонкорунных и полутонкорунных овец-мериносов. В развитии племенного животноводства большую помощь оказывает колхозам государственный племенной рассадник симментальского крупного рогатого скота и племенной овцесовхоз. С целью улучшения качества скота и создания новых пород сельскохозяйственных животных в республику завозится племенной скот из других районов Советского Союза.

Широкая сеть зооветеринарных пунктов и участков обслуживает колхозное животноводство. В зимнее время скот содержится в специальных светлых и просторных помещениях, чего не было в дореволюционное время. Все более и более развивающееся животноводство потребовало правильного планирования строительства скотных дворов, конюшен, овчарен, свинарников, птичников, силосных сооружений и т. д.

Особое значение приобрело размещение животноводческих помещений с учетом всего комплекса условий, необходимых для правильного содержания скота (водопой, кормовая база, выпасы, эпизоотическое состояние местности и пр.)

На фермах ведется посев кормовых культур и силосование, проводится расширение площади сенокосных угодий, ведется борьба за повышение урожайности. На зимних выпасах скота создаются страховые запасы сена, сооружаются помещения и водоемы для скота, обеспечивается зооветеринарное обслуживание. Все это очень сильно отличает современное отгонное животноводство от кочевого пастбищного, существовавшего до революции. Для правильного и экономного расходования кормов скотные дворы оборудуются кормушками и яслями. С целью лучшего содержания скота, его разбивают по группам в зависимости от возраста, упитанности и продуктивности.

Во многих передовых колхозах республики, имеющих электростанции и силовые установки на локомобилях, не только освещены поселки, но и успешно используется электричество для стрижки овец, механической дойки коров и при других работах.

В республике обращено большое внимание на развитие тонкорунного и полутонкорунного овцеводства. Племенное овцеводство дает огромные доходы колхозам. При хорошем кормлении и содержании мериносы и их помеси отличаются высокой продуктивностью. Так, например, в колхозе «Авангард» Торейского аймака ранее с каждой овцы настригали 900 г грубой шерсти, теперь в среднем получают до 3, а иногда и более килограммов тонкой шерсти. В колхозе им. В. И. Ленина в 1952 г. настрижено с каждой овцы в среднем по 3.9 кг. Отдельные передовики овцеводства этого колхоза получили по 4.2 кг шерсти от каждой из закрепленных за ними овец. Одной из главных задач колхозов и совхозов является резкое увеличение поголовья овец.

Постановления Пленума ЦК КПСС в 1953 г. «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» вызвали новый подъем политической и трудовой активности бурят-монгольского народа. Первоочередной задачей на ближайшие годы явилось создание в республике изобилия сельскохозяйственных продуктов. Стремясь выполнить решения Пленума ЦК КПСС, колхозы республики приняли ряд мер, направленных на подъем всех отраслей сельского хозяйства и в первую очередь общественного животноводства.

Развернулось строительство животноводческих типовых помещений, расширились посевы кормовых корнеплодов, зернофуражных и силосных

Пастбищное скотоводство

1 — табун лошадей на пастбище. Бурят-Монгольская АССР, Мухоршибирский аймак, колхоз им. В. И. Ленина;
2 — стадо верблюдов. Читинская обл., Агинский аймак, колхоз «Интернационал»

культур, среди которых обращено внимание на не применявшиеся ранее в качестве силосных культур подсолнечник и кукурузу. Для расширения площади посевов стали использоваться малопродуктивные ранее луга и пастбища.

Животноводческие фермы

1—свиноводческая ферма, Иркутская обл., Боханский район, колхоз им. В. И. Ленина; *2*—взвешивание телят, Бурят-Монгольская АССР, Селенгинский аймак

Обращение Коммунистической партии Советского Союза к специалистам сельскохозяйственного производства, занятым в промышленности, а также призыв партии об освоении целинных и залежных земель нашли горячий отклик у работников предприятий и организаций Бурят-Монголии. Тысячи специалистов сельского хозяйства и других добровольцев направились в 1953—1954 гг. на работы в колхозы, совхозы и на освоение целинных земель.

Уборка сена. Бурят-Монгольская АССР, Иволгинский аймак, колхоз «Красный Оронгой»

Организация колхозных товарных ферм и крупных совхозов создала в республике благоприятные условия для все возрастающей товарности и продуктивности животноводства. Показателем успехов в области животноводства является решение партии и правительства о превращении Бурят-Монголии в крупнейшую животноводческую базу на востоке. Продукты животноводства перерабатываются на мясо-консервном комбинате в г. Улан-Удэ, кожевенных заводах, на предприятиях местной пищевой промышленности и маслозаводах. Для правильного ведения животноводческого хозяйства колхозники повышают свои знания на специальных курсах или в кружках. Нередко инициаторами создания кружков на животноводческих фермах и в полеводческих бригадах являются агрономы, зоотехники, ветеринарные врачи. Насколько велик круг интересов колхозников, можно убедиться, заглянув в красные уголки. Часто после трудового дня в красные уголки собираются колхозники. Здесь есть радиоприемник, газеты, журналы, художественная литература, на стенах развешаны наглядные пособия. Доярки, телятницы, пастухи делятся опытом и учатся, как лучше ухаживать за животными, как повышать продуктивность животноводческого хозяйства. Почти каждый животновод фермы имеет свидетельство об окончании зоотехнических курсов.

Для подготовки специалистов сельского хозяйства и руководящих колхозных кадров в республике создана широкая сеть сельскохозяйственных учебных заведений и курсов. В Улан-Удэ имеются зооветеринарный институт, сельскохозяйственный техникум, трехгодичная сельскохозяйственная школа для подготовки руководящих кадров колхозов. В городе Кяхте находится мелиоративно-землеустроительный техникум; на отдельных опытных станциях и в некоторых аймаках организованы школы по подготовке механизаторов, колхозных животноводов, полеводов, садоводов, пчеловодов и др.

Наряду со скотоводством бурятами освоены совершенно не известные для них ранее такие отрасли хозяйства, как птицеводство и свиноводство.

Важной отраслью хозяйства бурят стало земледелие. Техническое перевооружение сельского хозяйства в СССР явилось существенной предпосылкой для создания социалистического земледелия в Бурят-Монголии. Кочевое и полукочевое в прошлом бурятское население в результате победы колхозного строя освоило самую передовую технику земледелия. В борьбе за подъем сельского хозяйства большую роль играют машинно-тракторные станции. Все основные работы по возделыванию зерновых и других культур в колхозах производятся машинами. Механизация основных работ в 1951 г. достигла по вспашке 98%, по севу зерновых культур 78% и комбайновой уборке 68%. Возрастающая с каждым годом техническая вооруженность машинно-тракторных станций создает все необходимые условия для повышения производительности труда и получения высоких устойчивых урожаев. В росте зернового хозяйства бурят существенную роль играют различные агротехнические мероприятия: минеральные удобрения, яровизация семян и т. д. Во многих местах республики ведется ирригационно-мелиоративное строительство, расширяются посевные площади, вводятся новые культуры. Все бывшее кочевое и полукочевое бурятское население, не употреблявшее до революции в пищу овощи и не умевшее их разводить, теперь не только достигло значительных результатов в разведении картофеля, капусты, моркови и других овощей, но начинает возделывать такие культуры, как сахарная свекла и др.

Формы организации труда ничем не отличаются от принятых в других областях и республиках Советского Союза.

Наряду с животноводством и земледелием в лесных таежных районах и по берегу Байкала среди бурят сохраняет большое значение охотничье и промысловое хозяйство. В Тункинском, Баргузинском, Баунтовском, Северо-Байкальском аймаках Бурят-Монгольской АССР охота ведется на северного оленя, изюбря, лося, козу, кабаргу. В этих же районах в широких масштабах охотятся на соболя, белку, лучшая порода которой — голубая белка — водится на восточном побережье Байкала, в районе п-ова Святой Нос и по р. Чикою, а также в Саянах и по р. Джиде. В охотничьем хозяйстве Агинского национального округа значительную роль играют тарбаган и газель (дзерень—*Lazella subguturoza*). В Баргузинском аймаке водится лучшая в мире порода соболя. Вдоль северо-восточного побережья Байкала, от р. Б. Чивыркуй на юге и до мыса Гулекан на севере, тянется Баргузинский соболиный заповедник. У с. Баргузина создана опытная соболиная ферма по выращиванию соболя в неволе. Здесь же выращиваются и голубые песцы, вывезенные с Дальнего Востока.

Большая часть охотничьего населения ковлечена в колхозы. В Северо-Байкальском, Баргузинском и Окинском районах организованы оборудованные охотничьи станции. Широкое развитие получает в республике ондатровое хозяйство. Мускусная крыса — ондатра — с красивым пышным мехом впервые была завезена в Бурят-Монгольскую АССР в 1932 г. и с тех пор получила широкое распространение.

Существенное значение в республике имеет заготовка леса. Если еще в недавнем прошлом на лесозаготовках применялись ручная пила и топор, то теперь там можно видеть десятки передвижных электростанций, приводящих в движение электропилы, электролебедки, подъемные механизмы для погрузки леса. Лес вывозится на специальных автомобилях и тракторах. Механизация позволила в значительной степени увеличить объем заготовки древесины.

За годы пятилеток изменения произошли и в сознании людей, в их отношении к труду. Всюду можно видеть, как во главе колхозов, животноводческих ферм стоят простые люди, выросшие вместе с колхозами. Ранее

они не имели никакого представления о механизированном коллективном хозяйстве, а теперь успешно управляют им. Вместе с механизацией сельского хозяйства, повышением культуры животноводства и полеводства среди бурят появляются люди не известных им ранее профессий: трактористы, комбайнеры, шоферы, механики, инженеры, зоотехники и т. д. Широкие массы крестьянства вовлечены в активную общественно-политическую жизнь. Из их среды выделяются многие сотни сознательных и преданных своему делу людей, передовиков колхозного строя.

В хате-лаборатории. Бурят-Монгольская АССР, Иволгинский аймак, колхоз им. В. М. Молотова

Промышленность

Важнейшей отраслью народного хозяйства Бурят-Монголии после Великой Октябрьской социалистической революции является промышленность. Ко времени образования Бурят-Монгольской АССР в 1923 г. народное хозяйство бурят, как указывалось, находилось на низком уровне развития. Промышленности почти не было. Имевшееся на территории Бурятии незначительное количество предприятий представляло собой хищнически эксплуатируемые при помощи ручной техники золотые прииски, каменноугольные копи и мелкие, примитивно оборудованные предприятия: кожевенно-обувные, шубно-овчинные, мыловаренные, а также мельницы, винокуренные и лесопильные заводы. Концентрация производства происходила медленно и в небольших размерах. Общее количество рабочих вместе со служащими составляло 10.7 тыс. человек, буряты же среди них исчислялись буквально единицами. После революции преодоление хозяйственной и культурной отсталости национальных республик было тесно связано с индустриализацией страны, с промышленным освоением естественных богатств национальных республик.

С первых же лет организации республики развернулись геолого-разведочные работы по изысканию строительных материалов; одновременно велись исследования водноэнергетических ресурсов и разностороннее изучение оз. Байкала. Выдвинутая Госпланом СССР проблема организации в Прибайкалье крупного экономического района с включением и Бурят-Монгольской АССР требовала значительной подготовки. На основании решения Госплана СССР 4/IX 1929 Академия Наук СССР приняла на себя обязательства провести исследовательские работы в Прибайкалье и Бурят-Монголии. В составе Комиссии экспедиционных исследований при Академии Наук СССР была выделена Особая комиссия по изучению Бурят-Монгольской АССР. Ученые Москвы, Ленинграда, Иркутска и других городов оказали большую помощь республике.

К началу первой пятилетки в республике были построены Селенгинский сульфатный завод, Ильинский лесопильный и механическо-литейный заводы и восстановлен Чикойский кожевенный завод.

В период первой пятилетки были построены и сданы в эксплуатацию

Уланудэнская ГЭС, Уланудэнский мясо-консервный комбинат, Клюевский лесозавод, три леспромхоза, паровая мельница, несколько рыбозаводов. В этот же период было начато строительство паровозо-вагоностроительного и стекольного заводов, а также мельничного комбината.

В годы второй пятилетки в рекордный срок был достроен и вошел в эксплуатацию паровозо-вагоностроительный завод, ознаменовавший собой начало крупного машиностроения в республике. Вслед за ним вступили в строй Джидинский вольфрамовый комбинат, механизированный стекольный завод и мощный мельничный комбинат. За это же время были построены и введены в действие два механизированных хлебозавода, Верхне-Березовский кирпичный завод, деревообделочный завод, ряд предприятий лесной промышленности и др. Машиностроение и металлообработка заняли ведущее место в промышленности. В третьей пятилетке в республике была создана новая отрасль промышленности — угольная. Во время Великой Отечественной войны было начато строительство Уланудэнской суконной фабрики, Бичурского сахарного завода, Селендумского моторо-ремонтного завода, табачной фабрики в Улан-Удэ. В послевоенной пятилетке все они вступили в строй действующих предприятий. В годы предвоенных пятилеток постепенно развилась также рыбная промышленность, разместившаяся по всему побережью Байкала.

Коммунистическая партия и Советское правительство оказали огромную помощь в строительстве и работе промышленных предприятий Бурят-Монгольской АССР. Капитальные вложения в промышленность республики в первой пятилетке составляли около 20 млн руб., а во второй пятилетке вложения достигали уже 400 млн руб. Русские рабочие, передавая бурят-монгольскому народу весь свой опыт и знания, способствовали росту национальных кадров рабочих. Если в 1929 г. рабочие буряты составляли единицы, то в 1936 г. на основных промышленных предприятиях бурят было 1092 человека (из общего числа рабочих 10 878 человек). На промышленных предприятиях работали буряты из разных районов республики, нередко говорящие на разных диалектах, подчас не знающие русского языка. Здесь на производстве они приобретали новые трудовые навыки, обучались грамоте, меняли условия своей жизни.

За годы пятилеток на фабриках и заводах выросли свои национальные квалифицированные кадры. Рабочие буряты, пришедшие из далеких и глухих улусов, успешно осваивают технику сложнейших машин и часто становятся передовиками производства.

С каждым годом Бурят-Монголия все больше и больше покрывается лесами новостроек. Там, где еще совсем недавно шумела тайга, растут новые промышленные предприятия, города и рабочие поселки.

Важнейшим промышленным центром Бурят-Монгольской АССР является его столица — г. Улан-Удэ (ранее Верхнеудинск). Большая часть промышленных предприятий сосредоточена в этом городе. В дореволюционное время Верхнеудинск представлял собой перевалочный и распределительный пункт в сибирском транзите. Сюда стекались товары, предназначавшиеся для распределения по Забайкалью, для пересылки в Монголию и в приисковые районы. Здесь заключались также торговые сделки. За годы пятилеток г. Улан-Удэ стал важнейшим промышленным и культурным центром.

Новый быт

Вместе с революцией пришел в бурятские улусы и города новый быт. Перестройка скотоводческого и земледельческого хозяйства на социалистической основе, развитие промышленных предприятий коренным образом изменили быт населения республики.

Заседание правления колхоза. Бурят-Монгольская АССР, Иволгинский аймак, колхоз «Красный Оронгой»

Поступая на фабрику или завод, рабочий переходил к новым условиям жизни. Из старого дымного жилища рабочий переходил в просторные дома. Привыкший сидеть на полу у очага, он приобретал навыки в пользовании стульями, столами, кроватями. Свою национальную одежду он заменил более удобной и приспособленной к работе производственной одеждой, а национальному праздничному наряду предпочел русского покроя костюмы, пальто и рубашки.

Существенным образом изменился и быт сельского населения. Войлочную юрту сменил деревянный дом с одной-двумя комнатами. Вместо дымового отверстия, заменявшего и окно, появились окна с застекленными рамами, вместо дымящегося очага — русская печь. Вместо старых предметов обстановки появились кровати, столы, стулья, книжные полки, зеркала, скатерти на столах, цветы и шторы на окнах, швейные машины. Вошли в быт книги, газеты, радио. В некоторых случаях произошла полная перепланировка старых раздробленных улусов, жилища в которых при кочевом образе жизни были разбросаны по степным равнинам на значительном расстоянии друг от друга. Еще в 1945 г., например, дома колхоза им. С. М. Кирова Бичурского аймака отстояли друг от друга на 5—10 км. За 2 года 250 домов и общественных построек были перенесены на новое место. Одновременно с переноской строились школы, избы-читальни, радиоузлы. Вырастали добротные дома для амбулатории, магазина, ветеринарной лечебницы, сумонного совета и др. В тайге, на широких степных просторах — всюду возникают благоустроенные колхозные поселки с клубами и больницами, школами и детскими садами, электростанциями, телефонными станциями и радиоузлами. В качестве примера укажем на колхоз им. Тельмана в Селенгинском аймаке

(старое название колхоза—«Жаргалантуй»). Раньше здесь в грязных юртах и ветхих избушках жили скотоводы-полукочевники. Теперь здесь в строгом порядке расположились дома колхозников, имеется электростанция, просторная школа, больница, вместительный клуб, радиоузел; связь с полеводческими бригадами и животноводческими фермами поддерживается по телефону.

Новые социально-экономические условия оказали влияние на весь домашний быт бурят. Если раньше основным и зачастую единственным питанием бывшего кочевого и полукочевого населения являлись мясные и молочные продукты, то теперь, кроме этих продуктов, в рацион колхозников вошли хлеб, крупы, овощи, сахар, кондитерские и колбасные изделия. В период полевых работ налаживается общественное питание, столовые колхозов широко обслуживают различные полеводческие бригады и станы.

Новые продукты питания потребовали, в свою очередь, усвоения и способов их приготовления. Старую деревянную и кожаную посуду кочевников почти полностью вытеснила фабричная алюминиевая, эмалированная и фарфоровая.

Широкое развитие сети советских торговых учреждений содействует распространению городской одежды. Колхозники приобретают в магазинах готовые пальто, костюмы, платья, белье, чулки, обувь. Национальную женскую праздничную одежду сменили шелковые и шерстяные платья, модельные туфли, шелковые чулки и т. д. Старинная одежда сохраняется лишь среди людей старшего поколения.

В дореволюционное время у бурят не принято было стирать одежду, и бедняцкое население носило ее до тех пор, пока она не приходила в ветхость; смывать грязь считалось грехом. В настоящее время мытье и стирка белья прочно вошли в быт бурят-колхозников. Окончательный переход от кочевой жизни к оседлой явился важнейшим фактором хозяйственного и культурного развития бурят.

В результате социалистического строительства не только меняется лицо старых городов, поселков, деревень и улусов республики, но и создаются совершенно новые населенные пункты. В связи с оседанием кочевников возникло много колхозных поселков в безлюдных некогда местах. Некоторые из них (им. И. В. Сталина в Селенгинском аймаке, «Арбажил» в Баргузинском и др.) стали крупными производственными и культурными центрами. Отдельные машино-тракторные станции и совхозы вырастают также в значительные экономические центры, образцовые сельскохозяйственные предприятия.

В районе золотых приисков и других предприятий (горных, лесообрабатывающих, кожевенных и т. п.) появились новые рабочие поселки, такие, как городок Вольфрамового комбината и др.

Еще два десятка лет тому назад территория Улан-удэнского паровозовагоностроительного завода представляла собой глухую тайгу. Теперь рядом с огромными заводскими корпусами вырос новый город с многоэтажными домами, асфальтированными улицами, многочисленными садами и скверами. Величественное здание Дворца культуры в продуманном сочетании с другими зданиями образует здесь прекрасный архитектурный ансамбль. Этот новый индустриальный район столицы с его благоустроенными домами, со стадионами, прекрасным парком культуры и отдыха и другими культурными учреждениями справедливо именуется социалистическим городом.

Концентрация в определенных пунктах органов советской власти, кооперации, органов народного образования, политпросветучреждений, здравоохранения, амбулаторий, родильных домов, профилактических

Национальный вид спорта — стрельба из лука. Стадион в г. Улан-Удэ

учреждений и т. п. — все это повело к тесному общению бурят. Хозяйственные и административные центры, не говоря уже об их экономическом значении, играют большую роль в культурном росте населения и перестройке его быта.

Медицина

В 1913 г. на всей территории нынешней Бурят-Монгольской АССР было 7 больниц, 7 врачебных и несколько десятков фельдшерских участков. Вследствие тяжелого экономического состояния, отсутствия медицинской помощи и низкого уровня культуры среди бурят, особенно среди детей, была большая смертность.

За время существования советской власти в республике выросла широкая сеть медицинских учреждений. При колхозах строятся больницы и родильные дома. За последние годы значительное развитие получила санитарная авиация, дающая возможность оказывать срочную помощь населению отдаленных и трудно доступных аймаков. На народное здравоохранение ежегодно ассигнуется несколько десятков миллионов рублей. Вместе с ростом лечебной сети выросли и национальные кадры медицинских работников. Численность врачей в 1953 г. по сравнению с 1923 г. увеличилась в 30 раз.

Большое внимание уделено в Бурят-Монголии развитию курортно-санаторного дела. Несмотря на наличие в республике большого количества минеральных источников, их лечебное использование в прежнее время было весьма ограничено. Теперь в республике созданы курорты, на развитие которых ежегодно отпускаются большие средства. Широкой известностью пользуются курорты: Тункинский аршан у подножья Тункинских Белков, Горячинск на восточном берегу Байкала, кумысолечебница близ Улан-Удэ (в Березовске), Гарга (Баргузинский аймак), Нилова

Студенты педагогического училища на занятиях. Город Улан-Удэ

пустынь (Тункинский аймак), Ильинка (Кабанский аймак), Киранское грязе-соленое озеро (Кяхтинский аймак) и целая сеть мелких минеральных источников — «аршанов».

На эти курорты приезжают отдыхать и лечиться не только буряты, но и трудящиеся разных городов, областей и республик Сибири. Красивое местоположение, высокие лечебные свойства источников, особые климатические условия создали указанным курортам широкую известность среди сибирского населения.

Народное образование

В первые же месяцы после образования Бурят-Монгольской АССР Коммунистическая партия обратила большое внимание на народное образование. Следует отметить, что путь культурных преобразований в республике был связан с преодолением больших трудностей. Массовая неграмотность трудящегося населения, являвшаяся тяжелым наследием прошлого, служила серьезным препятствием на первых этапах социалистического строительства. Борьба за национальную культуру затруднялась также отсутствием среди бурят-монгольского населения общепринятой письменности, наличием своеобразной бытовой обстановки кочевников и полукочевников, религиозной косностью и т. д. С образованием республики количество школ и культурных учреждений стало непрерывно возрастать. К 25-летию Бурят-Монгольской АССР (1948 г.) учащихся в школах насчитывалось 88 тыс. — в 5 раз больше, чем в 1923 г. К этому времени в республике имелось 499 начальных, 90 семилетних и 45 средних школ. К 30-летию республики (1953 г.) в ней насчитывалось 458 начальных, 160 семилетних и 63 средних школ, в которых обучалось свыше 100 тысяч учащихся. Во всех начальных школах преподавание ведется на родном языке. Партией всегда придавалось большое значение привлечению национальных кадров в аппараты управления, развитию сети школ и культурно-просветительных учреждений, широкому развитию прессы, театров, кино и других культурных мероприятий на родном языке. Строительство промышленных предприятий и реконструкция сельского хозяйства потребовали от бурят-монгольского населения

Девушки пилоты

квалифицированных кадров. Для подготовки собственных национальных кадров в республике была создана сеть техникумов, школ фабрично-заводского ученичества и высших учебных заведений.

Огромную роль в подготовке национальных кадров играют местные вузы. В столице республики — Улан-Удэ — в настоящее время работает два высших учебных заведения — Педагогический и Зооветеринарный институты. Наряду с этим в республике имеется 9 техникумов и специальных школ: педагогические, животноводческие, землеустроительные, фельдшерская школа и музыкально-театральное училище (в Улан-Удэ).

Научно-исследовательская работа ведется в Институте культуры, а также в ряде опытных станций и в звероводческих заповедниках. В Улан-Удэ работают два музея — Краеведческий и Художественный. Кяхтинский краеведческий музей известен своими естественно-историческими коллекциями далеко за пределами республики.

Культурная революция затронула самые глухие углы Бурят-Монголии. Просвещение и образование стали достоянием широких масс бурят. Перед ними открылись двери начальных, средних и высших школ; сотни представителей бурят-монгольской молодежи учатся в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, Иркутска, Томска и других городов. Многие колхозники окончили курсы трактористов, сотни их учатся в техникумах, в средних и высших школах. В хатах-лабораториях колхозники усваивают новейшие достижения сельского хозяйства.

Большое количество бурят-монгольской молодежи оканчивает аспирантуру при институтах Москвы, Ленинграда и других центральных городов Советского Союза. Многим присвоены звания кандидатов наук, есть среди бурят и доктора наук. Бурятские ученые успешно работают в различных научных учреждениях Советской страны и ведут педагоги-

ческую работу при кафедрах вузов Бурят-Монгольской АССР и других городов СССР.

В царской России среди бурят ученые исчислялись буквально единицами. Из них широко известны имена Доржи Банзарова (1822—1855) и востоковеда Галсана Гомбоева (1822—1863).

Доржи Банзаров был крупным знатоком монгольской и бурятской истории и этнографии. Он окончил гимназию и филологическое отделение философского факультета Казанского университета. За диссертацию «Черная вера, или шаманство у монголов» Банзарову была присуждена ученая степень кандидата монголо-турецкой словесности. Галсан Гомбоев окончил Казанский университет и работал с 1854 года на восточном факультете Петербургского университета. Ему принадлежат переводы на русский язык многих монгольских летописей, хранившихся в музеях и архивах столицы, в том числе известной старинной монгольской летописи «Алтан Тобчи», а также переводы монгольских сказок, загадок и пр.

Среди бурятского народа было немало других талантливых и преданных науке людей. Назовем хотя бы имена Н. С. Болдонова и М. Н. Хангалова — собирателей материалов по языку, народному творчеству и быту бурят. Однако условия самодержавно-крепостнического режима не давали возможности для широкого развития народного просвещения и проявления творческих сил народа. Только при советской власти представились эти возможности. Ярким показателем роста бурятской национальной культуры является развитие широкой сети культурно-просветительных учреждений. Если в первые годы существования республики было всего 10 клубов и 13 изб-читален, то в 1953 г. в селах и городах Бурят-Монгольской АССР имелось 347 библиотек, 30 домов культуры, 607 клубов, свыше 150 изб-читален, более 140 стационарных и передвижных киноустановок, более 120 радиоузлов.

Центром культурно-просветительной работы на селе является клуб или изба-читальня. Сюда идут труженики полей отдохнуть, посмотреть кинокартину, послушать концерт художественной самодеятельности, узнать политические новости, прослушать лекцию на политическую или научную тему.

Культурно-просветительные учреждения ведут огромную работу по воспитанию масс и повышению их культурного уровня.

Письменность

Существенным препятствием развитию у бурят социалистической культуры на первых порах было наличие архаической монгольской письменности и отсутствие литературного языка. Монгольская письменность, распространенная до революции среди феодальной верхушки, затрудняла обучение грамоте широких масс трудящегося бурятского населения. Письменный монгольский язык прежде всего расходился с разговорным языком, графика этого монголо-уйгурского вертикального алфавита, оформленная в эпоху Чингис-хана, была трудна для усвоения. Тибетская грамота была непонятной для широких масс, она являлась достоянием лам и обслуживала буддийский культ. Все это являлось серьезным препятствием в развитии национальной культуры и требовало создания новой письменности на основе более совершенного алфавита и литературного языка, близкого к живому разговорному языку и тем самым доступного широким народным массам. В начале был принят латинский алфавит, а в 1939 г. бурят-монгольская письменность была переведена на русский алфавит, что имело большое политическое и культурное значение. Русский алфавит создал технические удобства при печатании книг и облегчил изучение как родного, так и русского языков. Русский язык имеет большое значение в культурном

росте бурят, и им овладевает все большее количество бурятского населения.

Культурному развитию бурят-монгольского народа серьезно мешало отсутствие национального литературного языка. Как указано выше, бурят-монгольский язык распадается на ряд диалектов, отличающихся словарным запасом и фонетикой. С созданием бурят-монгольской письменности на основе нового алфавита был создан и бурят-монгольский национальный литературный язык, в основу которого был положен хоринский диалект.

Периодическая печать и литература

Утверждению и распространению единого бурят-монгольского литературного языка в значительной мере способствовала газета «Бурят-Монголой унэн», издающаяся на родном языке. Она была создана вскоре после образования Бурят-Монгольской АССР. Бурят-монгольский народ впервые в своей истории получил газету на родном языке. Она ежедневно знакомит его с современными событиями, мобилизует на борьбу за осуществление социалистических преобразований хозяйства и культуры, является пропагандистом и агитатором. Параллельно с газетой на бурят-монгольском языке с первых же лет образования республики начала выходить и газета на русском языке «Бурят-монгольская правда», а несколько позднее «Бурят-монгольский комсомолец» на родном языке. Кроме этих трех газет, в республике в настоящее время издаются 23 аймачные, 2 городские и 3 заводские газеты. Общий разовый тираж газет, выпускаемых в республике, составляет 96 тыс. экз. Вокруг национальной периодической печати создался рабселькоровский актив, насчитывающий сотни рабочих, колхозников, служащих. Если в начальный период своей работы газета испытывала трудности, обусловленные отсутствием кадров журналистов, переводчиков и профессиональных газетчиков, то теперь под многими статьями в газетах стоят подписи токарей, литейщиков, комбайнеров, трактористов, зоотехников, агрономов, учителей и т. д. Важное значение в развитии бурят-монгольской национальной культуры имеет знакомство с русской литературой, искусством и наукой. На бурят-монгольский язык переводятся труды классиков марксизма-ленинизма, произведения советских писателей и классиков русской литературы — Пушкина, Горького, Л. Н. Толстого и др., на сценах театров ставятся классические русские драмы и оперы. Все это свидетельствует о культурно-политическом росте населения. Сокровища марксистской мысли и достижения передовой русской культуры стали достоянием широких бурят-монгольских масс.

Зарождение бурятской литературы следует отнести к первым годам XX в., когда появились первые рукописные пьесы Д. Абашева, И. Салтыкова, Варлукова и др., не получившие однако широкого распространения.

Современная бурят-монгольская литература тесно связана с народными массами. Творцы ее — выходцы из среды трудящихся. Свое творчество они посвящают созидательной работе — строительству социалистического общества. Старейшим писателем Бурят-Монгольской АССР является Хоца Намсараев. Его перу принадлежит много поэтических и прозаических произведений, в которых отражены различные этапы развития бурят-монгольского народа. В первых своих произведениях — пьесах «Темная жизнь», «Революция», «Смотри на свою слепоту» и др. — он выступает в роли обличителя эксплуататорского класса (лам, кулаков, нойонов) и прославляет борцов за новый мир.

Жизнь дореволюционной Бурят-Монголии нашла свое отражение в одном из лучших произведений Х. Намсараева — повести «Цыремпил».

В собрании новелл «Так было» им ярко подчеркнуты остроумие, сметливость и находчивость трудового бурят-монгольского народа. В дни Великой Отечественной войны Х. Намсараевым написаны пламенные патриотические стихи, в которых показан героизм бурят-монгольских воинов и тружеников тыла. Не один раз воспеты в стихах Х. Намсараева социалистическое отечество и советский народ. Высокую общественную оценку получил роман Намсараева «На утренней заре», написанный в послевоенное время. В романе изображена жизнь бурятского народа в период от начала XX в. до Великой Октябрьской социалистической революции.

Большой известностью пользуется писатель и поэт Жамсо Тумунов. Его роман «Степь проснулась», построенный на материалах гражданской войны в Забайкалье, принадлежит к числу лучших произведений бурят-монгольской литературы. Он переведен на русский и многие иностранные языки. Следует назвать также писателя Чимита Цыдендамбаева, исторический роман которого «Доржи сын Банзара» очень популярен. Появление романов является показателем творческого роста бурятских писателей.

В предвоенные годы ведущим жанром бурят-монгольской литературы была поэзия. Одним из старейших поэтов является Бавасан Абидуев, литературная деятельность которого связана с периодом возникновения и становления бурят-монгольской литературы. Значительное место в его поэзии занимает тема колхозного строительства. Из поэтов следует также отметить Бато Базарона, Иннокентия Кима, Шираба Нимбуева, Данри Хилтухина.

Писатели А. Шадаев, Н. Болдано, Х. Намсараев, Цыденжапов и др. создали национальные драматические произведения, способствовавшие развитию в республике профессионального бурятского театра.

Постоянный творческий рост бурят-монгольских писателей неразрывно связан с русской культурой. Бурятские писатели не только знакомятся с лучшими образцами русской классической и советской литературы, но и воспитываются на ней, усваивая ее лучшие традиции.

В послеоктябрьский период получило свое дальнейшее развитие и устное народное творчество. Создаются новые улигеры. Большую популярность среди бурят приобрели сказители Тороев, Тушемилов, Сороковиков-Магай и др.

Для послеоктябрьского устного творчества бурят-монголов особенно характерно развитие песенного жанра. Новая песня по своему содержанию значительно отличается от старой. Она повествует о пережитом гнете, о борьбе за построение социалистического общества.

Много песен посвящено партии и комсомолу, колхозному движению и механизации сельского хозяйства, школе, просвещению, а также антирелигиозным темам.

По своей форме новые песни обычно представляют одно или несколько четверостиший с аллитерацией в начале строк.

Искусство

За послереволюционные годы широкое развитие получили и другие области искусства. Впервые появилось театральное искусство, которого до революции буряты не имели. В настоящее время в республике работают Государственный ордена Ленина Бурят-Монгольский театр оперы и балета, Бурятский драматический театр, театр русской драмы, Государственная филармония, дом народного творчества, художественный музей, театрально-музыкальное училище, детская музыкальная школа, художественная мастерская. В репертуаре театров имеются национальные постановки: «Энхэ-Булат

Здание Государственного ордена Ленина Бурят-Монгольского театра оперы и балета

Батор», «Кнут тайши», «Эржэн», «Рыбаки Байкала», «Баян-Гол», «Ключ счастья» и др. Наряду с этим успешно осуществляются постановки произведений русской классической, советской и западноевропейской драматургии. Пьесы Островского, Горького, Симонова, Корнейчука, Шекспира, Мольера и др. приобрели широкую известность. Возросшие национальные кадры театрального искусства позволили в послевоенный период осуществлять постановку оперных и балетных произведений, среди которых «Евгений Онегин», «Русалка», «Бахчисарайский фонтан», «Лебединое озеро», «Юность» и другие.

Успехи молодого бурят-монгольского театрального искусства кроются в том, что с первых же шагов своего возникновения оно опиралось на традиции русской сцены.

Наряду с профессиональным театром широкое развитие получила художественная самодеятельность. Во дворцах и домах культуры, в клубах и красных уголках работают сейчас тысячи драматических, хоровых и музыкальных кружков. Трудно найти предприятие, учреждение или колхоз, где бы не было самодеятельных художественных коллективов. В репертуаре вечеров художественной самодеятельности большое место занимают выступления национальных драматических, хоровых и танцевальных коллективов.

Изобразительное искусство бурятского народа своими корнями уходит в далекие времена. Следует отметить, что искусство это, развившееся в условиях кочевого и охотничьего образа жизни, не только не описано, но и не собрано в полной мере. Между тем резьба по кости, чекан по металлу, орнамент, встречающийся в качестве украшений одежды, обуви, на войлочных коврах, сундуках, кроватях, кожаных чепраках, наседельниках и других бытовых предметах, говорят о широком и самобытном народном искусстве.

У бурят в XIX и начале XX столетия большое место занимало искусство, связанное с культом. У восточных бурят ламаизм (буддизм),

Артисты балета Государственного ордена Ленина Бурят-Монгольского театра оперы и балета Л. Сахьянова и Ц. Бадмаев

проникший в Бурят-Монголию в XVIII в., удерживал развитие искусства в рамках буддийских канонов и в значительной мере препятствовал свободному развитию народного творчества. В районах распространения ламаизма искусство, концентрировавшееся в дацанах, находилось исключительно в руках лам и было подчинено религиозным требованиям. В дацанах была распространена иконопись, в меньшей степени изготовление скульптурных бурханов (буддийских божеств). Этим занимались преимущественно низшие ламы. Они обычно изготовляли формы и шаблоны, при помощи которых делали отливки и оттиски на глине, полотне или бумаге, и далее без труда расписывали отштампованные произведения красками. Творческая инициатива талантливых мастеров сковывалась необходимостью строго следовать буддийскому канону.

Проникшие вместе с буддизмом символические элементы индо-китайского и тибетского искусства в виде изображений дракона, белого слона, лотоса, стилизованных облаков и т. д. являлись характерными для дацанского искусства.

У западных бурят, среди которых в большей степени было распространено шаманство и отсутствовал буддизм, было распространено изготов-

Старейший резчик по металлу Намжилов

ление онгонов. Изображения духов рисовали на материи, коже или вырезывали из войлока, дерева и металла. Чаще всего это было изображение людей, реже животных, птиц, а также солнца, лупы и звезд. Линейные рисунки человека всегда были обращены лицом к зрителю, они имели круглую голову, слегка расставленные ноги и растопыренные пальцы на руках, все они были сходны друг с другом. Животных всегда изображали в профиль и в движении.

Несмотря на распространение культового искусства, препятствовавшего в значительной мере широкому развитию народного творчества, в орнаменте, встречающемся на национальной бурятской одежде, обуви, домашней утвари и др., проявлялись изобретательность, вкус и талант народных художников.

Задолго до революции за пределами Бурят-Монголии славились изделия местных мастеров: резьба по дереву и кости, изделия из цветного камня, работа чеканщиков по металлу.

Бурятское народное художественное производство делилось и делится на профессии мужские и женские. К первым относятся резьба по кости, дереву и камню, литье, чекан по металлу, раскраска деревянных предметов, ко вторым — вышивки, вязанье из шерсти, изготовление аппликаций на коже, войлоке и тканях.

Из камня буряты вырезают шахматы, мундштуки для трубок, пряжки для поясов. Из костей выделывают шахматы, накладки и бляшки на седельные луки. Чеканным металлом украшают рукоятки ножей, уздечки и седла.

К мужским профессиям относятся и ювелирные работы. Мужчины-ювелиры изготовляли кольца, украшения для женских уборов, мужских поясов, курительных трубок и др.

Вышивание производится женщинами ручным способом. Наиболее распространены вышивки тамбуром. В этих случаях применяется бумажный трафарет, который слегка приметывается к ткани. На национальную обувь и чапраки нашиваются кожаные аппликации с тисненым орнаментом. Для изготовления его употребляются деревян-

Здание Областного Комитета КПСС в г. Улан-Удэ

ные доски с врезным рисунком, на который накладывается мокрая кожа; при помощи тупого ножа она вдавливается в вырезы рисунка. После высыхания кожи по контуру рисунка наносятся шильцем проколы, через которые аппликация нашивается на необходимый предмет.

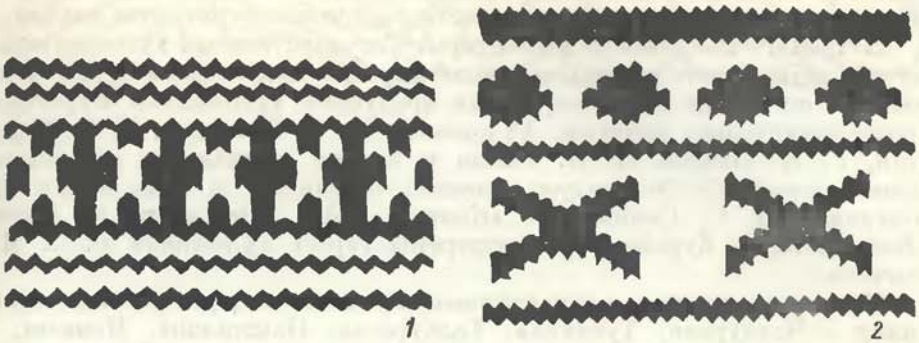
Из войлочных изделий обычно простегиваются ковры, нитками для стежки служат конский волос и сухожилия животных.

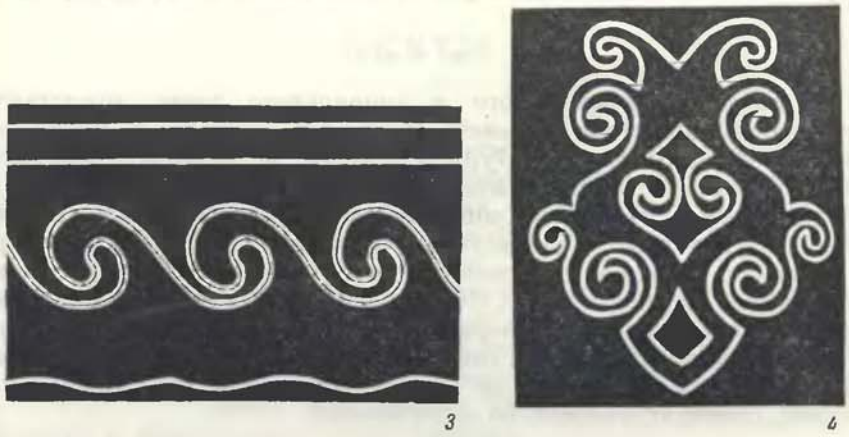
К числу художественных изделий следует отнести украшение женской национальной одежды, хотя уже и значительно упрощенной в настоящее время. Наряду с вышивкой рукава, подол, края правой полы и вырез вокруг ворота обшиваются полосами разноцветной материи.

Широко распространенным орнаментальным мотивом является спираль (бараний рог). Она встречается на головных уборах, обуви (из бархата или плиса), ящиках и других предметах. На войлочных коврах распространены квадраты, ромбы, зигзагообразные линии, зубцы. Тот же орнамент повторяется и в резьбе по дереву.

В настоящее время национальное изобразительное искусство в Бурят-Монголии получило широкое развитие. Художники буряты рассказывают в своих полотнах о строительстве новой жизни, о героических подвигах бурят-монгольского народа, показывают красочную природу родного края. Уже в первые годы после Октября из среды бурятского народа появились первые художники-самоучки. Среди них особенно выделялся Ц. Сампилов, впоследствии известный бурятский художник. Несмотря на стремление бурятских буржуазных националистов перенести в советскую живопись символику и приемы дацанского искусства, передовые советские художники остаются в пределах реалистического искусства. В этом им помогает изучение богатого наследия русского и зарубежного изобразительного искусства.

Первым общественным смотром достижений бурятского национального искусства явилась декада бурят-монгольского искусства в Москве в 1940 г. Художники Бурят-Монголии — Ц. С. Сампилов, Р. С. Мэрдыгеев, А. П. Ажигиров и др. приняли активное участие в оформлении спек-





Орнамент

1, 2 — на чулках, вязание; *3* — на голенище бархатных сапог, вышивка; *4* — на рукавице, вышивка; *5, 6* — на предметах из дерева, резьба

таклей, ими было написано и представлено на выставку много картин, отражающих историческое прошлое и настоящее бурятского народа.

В 1944 г. в Улан-Удэ был открыт Государственный художественный музей, видное место в котором заняли картины художников Бурят-Монголии. За последние годы творческая продукция художников Бурят-Монголии значительно выросла. Художники Ц. С. Сампилов, Р. С. Мэрдыгеев, Г. Н. Павлов, А. И. Тимин и другие создали ряд талантливых произведений. Особо следует отметить созданные за годы войны произведения Ц. С. Сампилова: «Конный рейд», «Разрешите на фронт», «Байкал перед бурей» и ряд портретов героев художника Р. С. Мэрдыгеева.

Нельзя не отметить и талантливых народных мастеров резчиков по металлу — Чагдурова, Тубикова, Толбуреева, Намжилона, Немаева, по дереву — Бадеева, Дашиева, Нероева, вязальщицу Жану Дугарову и др.

* * *

Уничтожение национального и социального гнета, представление бурятам советской национальной автономии привело к возрождению бурят-монгольского народа. Буряты в условиях советской действительности сложились в социалистическую нацию.

Формирование бурятской социалистической нации явилось закономерным результатом социалистической революции в нашей стране, она возникла в условиях преобразующей деятельности пролетариата, установившего свою диктатуру. Образование бурят-монгольской социалистической нации проходило в неразрывной связи с борьбой за переустройство экономики республики на социалистических началах, за ликвидацию эксплуататорских классов, за построение культуры национальной по форме, социалистической по содержанию.

ЯКУТЫ

Якуты составляют коренное население Якутской АССР, одной из самых больших по территории республик Советского Союза. Название этого народа взято русскими от тунгусов, которые называют их *jeko*. Сами себя якуты называют *саха*, в старинных преданиях — *урангхай саха*.

Общие сведения

Якуты причисляются по языку к тюркоязычной группе народов (примыкая к северо-восточной ее ветви); однако якутский язык занимает в этой группе несколько обособленное положение. В словаре, а отчасти и в грамматике якутского языка имеется много монгольских элементов, а также элементов тунгусского и неизвестного происхождения.

Общая численность якутов по переписи 1926 г. — 235 926 человек, в том числе мужчин — 122 245, женщин — 113 681. Численность городского населения 4936 человек, сельского — 230 990 человек. Говорящих на родном (якутском) языке 235 523 человека. По тем же данным, якуты составляли 82.3% всего населения республики (остальную часть представляли: русские 10.4%, эвенки и ламуты 4%, чукчи 0.5%, юкагиры 0.14%).

Основная область расселения якутов — бассейн средней Лены с нижним Алданом и Вилюем. Якуты живут также близ устья р. Олекмы, по рр. Яне, Индигирке, Колыме, Оленеку, Анабару. Почти вся эта область расположена в зоне восточно-сибирской тайги, частью гористой, частью (Вилюйская впадина) низменной. На Крайнем Севере, вдоль побережья Ледовитого океана, тянется широкая (до 300 км) полоса безлесной тундры. Общий рельеф края представляет собой постепенно спускающуюся с юга на север покатость, прорезанную в разных направлениях горными хребтами (Верхоянский, Черского и др.). Край богат полезными ископаемыми (уголь, железо, алмазы, золото, серебро, свинцовые руды, платина, соль, цветные камни и пр.), до революции, однако, почти не эксплуатировавшимися. Помимо широко разветвленной сети рек, Якутия богата мелкими озерами. Многие из них в последнее время высыхают. Берега озер и рек, а также многочисленные луговины (*алаас'ы*) среди тайги составляют оазисы культурной жизни. Климат засушливый, сурово-континентальный, с жестокими морозами в течение продолжительной зимы (полюс холода в верховьях Индигирки, около пос. Оймякон), с коротким, но жарким (кроме крайнего севера и горных районов) летом. Почвы солонцеватые, достаточно плодородные. На глубине 1—2 м залегает слой вечной мерзлоты, не препят-

ствующей, однако, жизни растений. Среди таежной растительности преобладает лиственница, а также сосна, береза и др. Животный мир богат и разнообразен: белка, колонок, горностай, заяц, лисица, медведь, россомаха, лось, песец, дикий олень, кабарга; многочисленны виды птиц; в реках и озерах водится много рыбы: карась, муксун, нельма, лососевые, осетровые, карповые и др.

Расселение якутов по территории республики крайне неравномерно. Около $^{9}/_{10}$ их сосредоточено в центральных районах — в бывших Якутском и Вилюйском округах. Это две основные группы якутского народа: первая из них несколько больше по численности, чем вторая. «Якутские» (или амгинско-ленские) якуты занимают четырехугольник между Леной, нижним Алданом и Амгой, таежное плоскогорье, а также прилегающее левобережье Лены. «Вилюйские» якуты занимают бассейн Вилюя. В этих коренных якутских районах сложился наиболее типичный, чисто якутский быт; здесь он в то же время, особенно на Амгинско-Ленском плато, лучше всего изучен. Третья, значительно меньшая группа якутов расселена в районе Олекминска. Якуты этой группы более обрусели, по своему быту (но не по языку) стали ближе к русским. И, наконец, последняя, самая малочисленная, но широко расселенная группа якутов — это население северных районов Якутии, т. е. басейнов рр. Колымы, Индигирки, Яны, Оленека, Анабара.

Северные якуты отличаются совершенно своеобразным культурно-бытовым укладом: в отношении его они больше походят на охотничье-рыболовческие малые народы Севера, на тунгусов, юкагиров, чем на своих южных соплеменников. Этих северных якутов местами даже и называют «тунгусами» (например, в верховьях Оленека и Анабары), хотя по языку они якуты и сами себя называют саха.

По языку якутский народ монолитен. Диалектов в нем нет, есть только говоры, слабо отличающиеся один от другого: акающий говор в южной части Амгинско-Ленского нагорья, окающий — в северной его части и на Вилюе.

Древнейшая история Якутского края стала известна лишь в последние годы благодаря археологическим исследованиям, главным образом, А. П. Окладникова. На верхней и средней Лене найдены палеолитические стоянки. В эпоху неолита человек обитал уже по всему течению Лены и, вероятно, по ее притокам и по другим рекам Якутии. Неолитические племена вели полукочевую жизнь охотников и рыболовов. Уже тогда намечались и связи, экономические и культурные, этого населения Ленского края с более южными, восточными и западными областями Сибири. Эти связи еще более упрочились в эпоху бронзы. Еще недавно в науке господствовало мнение, что население Якутии само никогда не умело выделывать бронзу, а только получало бронзовые изделия из Прибайкалья и с верхнего Енисея. Теперь доказано (А. П. Окладников), что металлургия бронзы существовала и в самой Якутии, и, кроме того, население ее действительно вело оживленные обменные сношения с племенами южной Сибири, откуда впервые и пришло на Лену знакомство с бронзой.

Были ли эти древние племена Ленского края предками современных якутов? Вопрос о происхождении якутского народа является одним из самых сложных в истории народов Сибири. Этот вопрос имеет и свою большую историю. Но решался он до недавнего времени совсем по-другому: предполагалось, что якуты по своему происхождению никак не связаны с древнейшими обитателями Ленского края, что они составляют пришлый элемент в этом крае.

Еще в XVII—XVIII вв. в литературе высказывался взгляд (Исбранд Идес, Страленберг, Миллер, Гмелин, Фишер и др.), что якуты — народ, пришедший с юга, в частности из Прибайкалья. Этот взгляд, позже развитый и обоснованный (особенно в конце XIX в. и начале XX в.) исследователями-этнографами, превратился в традиционную теорию «южного происхождения якутов» — теорию, сохраняющую свое господство и сейчас.

Эта теория опирается, с одной стороны, на существующие у самих якутов устные предания о том, что предки их жили некогда в Прибайкалье и были вытеснены оттуда бурятами, а с другой стороны, на несомненные факты, говорящие о культурных связях якутов с кочевническим степным югом: такими фактами является прежде всего принадлежность якутского языка к тюркской группе, далее скотоводческое хозяйство якутов вместе с целым рядом связанных с ним элементов материальной культуры (кожаная утварь, приготовление кумыса, масла, верховое и вьючное седло и пр.), некоторые элементы одежды и т. п. Все подобные явления языка и культуры якутов резко выделяют их из среды окружающих таежных народов и сближают с далеким тюркоязычным (отчасти монголоязычным) населением степей южной Сибири и Центральной Азии. Исходя из указанных фактов, традиционная теория и рассматривает якутов как пришлый народ, живший некогда в Прибайкалье (по мнению некоторых исследователей, еще раньше они жили на верхнем Енисее, в Урянхайском крае и даже в Туркестане). Оттуда впоследствии, согласно преобладающему мнению, в XIII—XIV вв., а по утверждению некоторых гораздо раньше, якуты были оттеснены на север, в среднее Приленье, где и обосновались, вытеснив из этой области более ранних насельников — тунгусов. Тунгусов якуты, впрочем, частью ассимилировали и заимствовали от них некоторые элементы их таежной культуры (охотничье хозяйство и пр.).

Эта концепция происхождения якутов содержит в себе несомненное зерно истины, поскольку она опирается на очевидные факты. Но она явно односторонняя и чрезмерно упрощает проблему. Сторонники этой теории недоучитывают сложности и своеобразия якутской культуры: объясняя происхождение одних явлений якутской культуры, которые действительно связывают ее со степным, кочевническим миром, эта теория в то же время игнорирует наличие других, не менее важных и многочисленных культурных фактов, роднящих якутов с их соседями, охотничьими народами тайги. С другой стороны, самое проникновение в среднее Приленье южных кочевническо-скотоводческих культурных элементов (что является несомненным историческим фактом) нельзя представлять себе, как это делали раньше, в форме совершенно нереальной картины одновременного массового переселения целого народа на расстояние 2.5 тыс. км, через глухую, почти необитаемую тайгу в неведомые северные страны.

Современные советские исследователи (А. П. Окладников, С. А. Токарев) не отрицают наличия южных элементов в составе якутского населения и якутской культуры, но они пытаются дать им иное объяснение. Прежде всего лишь недавно обращено должное внимание на сложность и разнородность якутской культуры. Антропологические данные (М. Г. Левина) говорят о наличии в составе якутского населения не менее двух расовых компонентов, из которых один (преобладающий) очень близок к типу западных бурят, а другой, весьма вероятно, связывается с древним населением таежной Сибири. Данные этнографии указывают на существование в культуре якутов, наряду с южными скотоводческими, некоторых автохтонных таежно-охотничьих элементов. Что касается языка якутов, то его основной словарный фонд и грамматический строй имеют несом-

ненно тюркский характер. Вместе с тем, в якутском языке имеются также значительные заимствования из монгольского и тунгусского языков. Акад. В. В. Радлов (1908 г.) высказал предположение, что в словаре, фонетике и даже в грамматическом строе якутского языка имеется дотюркский, более древний слой, частью монгольского, а частью неопределимого пока происхождения.

Позднейшие исследования, правда, не подтвердили этого предположения; однако, вопрос о нетюркских элементах в якутском языке еще подлежит изучению. Анализ названий якутских родоплеменных групп (известных по документам XVII в. и по более поздним данным) подтверждает, что в составе якутского населения имеются и пришлые с (юга) группы. К ним можно отнести, судя по названиям, теперешние батулинские, хоринские, туматские, эргитские и некоторые другие роды и наслеги. Можно считать, что с юга, из Прибайкалья постепенно просачивались в бассейн средней Лены скотоводческие группы, несшие с собой кочевнический культурный уклад. Повидимому, одна из основных групп этих переселенцев с юга принадлежала к курыканам — тюркскому народу, обитавшему в западном Прибайкалье в IX—X вв. н. э. Так как часть курыканов впоследствии влилась, видимо, в состав западных бурят, то отсюда и объясняются многие черты сходства в культуре западных бурят и якутов и распространенность среди тех и других одного и того же антропологического типа.

Движение на север было очень длительным и постепенным. В Амгинско-Ленском междуречье в условиях, благоприятных для скотоводческого хозяйства, эти пришлые группы оседали, сталкиваясь здесь с местным охотничье-рыболовческим населением. В процессе экономического и культурного общения шло постепенное поглощение пришельцами местного населения. Более высокий, скотоводческий тип хозяйства и южные элементы культуры, а также тюркский язык получили преобладание.

Таким рисуется, в свете современных взглядов, процесс этногенеза якутов.

Точные исторические известия о якутах имеются только начивая со времени их первого соприкосновения с русскими, т. е. с 1620-х гг., и присоединения к Русскому государству. Якуты не составляли в то время единого политического целого, а делились на целый ряд независимых друг от друга племен. Однако родоплеменные отношения уже разлагались, и имелось налицо довольно резкое классовое расслоение. Царские воеводы и служилые люди использовали межплеменную рознь, чтобы сломить сопротивление части якутского населения; они использовали также и классовые противоречия внутри него, поведя политику систематической поддержки господствующего аристократического слоя — князьцов (тойонов), которых они и превратили в свою агентуру по управлению Якутским краем. С этого времени классовые противоречия среди якутов начали все более обостряться.

Положение массы якутского населения было тяжелым. Якуты выплачивали ясак соболиными и лисьими мехами, несли ряд других повинностей, подвергаясь вымогательствам со стороны царских служилых людей, русских купцов и своих тойонов. После неудачных попыток восстаний (1634, 1636—1637, 1639—1640, 1642 гг.), после перехода тойонов на сторону воевод якутская масса могла реагировать на притеснения только разрозненными, изолированными попытками сопротивления и бегством из коренных улусов на окраины. К концу XVIII в., в результате хищнического хозяйничанья царских властей, обнаружилось истощение пушных богатств Якутского края и его частичное запустение. Одновременно якутское население, по разным причинам пере-

кочевавшее из Ленско-Вилюйского края, появилось на окраинах Якутии, где ранее его не было: на Колыме, Индигирке, Оленеке, Анабару, вплоть до бассейна Нижней Тунгуски.

Но уже и в те первые десятилетия соприкосновение с русским народом оказало благотворное влияние на экономику и культуру якутов. Русские принесли с собой более высокую культуру; уже с середины XVII в. на Лене появляется земледельческое хозяйство; русский тип построек, русская одежда из тканей, новые виды ремесла, новые предметы обстановки и быта постепенно стали проникать в среду якутского населения.

Чрезвычайно важно было то, что с установлением русской власти в Якутии прекратились межплеменные войны и грабительские набеги тойонов, что раньше составляло большое бедствие для якутского населения.

Было пресечено и своеволие русских служилых людей, не раз враждовавших между собой и втягивавших в свои распри якутов. Установившийся уже с 1640-х годов в Якутской земле порядок был лучше прежнего состояния хронической анархии и постоянных усобиц.

В XVIII в., в связи с дальнейшим продвижением русских на восток (присоединение Камчатки, Чукотки, Алеутских островов, Аляски), Якутия играла роль транзитного пути и базы для новых походов и освоения дальних «землиц».

В 1720—1740-х годах, в связи с экспедициями Беринга, выросло значение тракта Якутск—Охотск, по которому перевозилось много грузов (этот тракт сохранил свое значение до середины XIX в.). Все это втягивало Якутию в систему экономических связей России и тем самым поднимало общий уровень производительных сил края.

Приток русского крестьянского населения (особенно по долине р. Лены, в связи с устройством почтового тракта в 1773 г.) создавал условия для культурного взаимовлияния русского и якутского элементов. Уже в конце XVII и в XVIII в. среди якутов начинает, хотя вначале и очень медленно, распространяться земледелие, появляются дома русского типа. Однако количество русских поселенцев оставалось даже в XIX в. сравнительно небольшим.

Наряду с крестьянской колонизацией в XIX в. большое значение имела отправка в Якутию ссыльно-поселенцев. Вместе с уголовными ссыльными, имевшими отрицательное влияние на якутов, во второй половине XIX в. в Якутии появились политические ссыльные, сначала народники, а в 1890-х годах и марксисты, которые сыграли большую роль в культурном и политическом развитии якутских масс. Влияние политических ссыльных особенно усилилось тогда, когда в 1900-х годах в составе их появились большевики. В числе ссыльных большевиков в Якутии оказались такие крупные партийные работники, как Курнатовский, Бабушкин, Орджоникидзе, Урицкий, Ольминский, Петровский, Ногин, Ем. Ярославский и др. Первые организации РСДРП в Якутии были созданы ссыльными большевиками. Они же руководили и революционным движением 1905—1906 гг. и начавшейся революцией 1917 г.

К началу XX в. в экономическом развитии Якутии, по крайней мере центральных ее районов (Якутский, Вилюйский, Олекминский округа), наблюдались большие успехи. Был создан внутренний рынок. Рост экономических связей ускорял развитие национального самосознания.

Несмотря на жестокую эксплуатацию якутской бедноты царизмом и собственной буржуазно-тойонской верхушкой, классовая борьба в якутских улусах до 1890-х годов ограничивалась лишь глухими и скрытыми формами. С этого же времени стала все более разгораться борьба улусной бедноты за землю, находившуюся в руках тойонов. Однако растущее недовольство было отчасти использовано самими тойонами, которые

в эпоху революции 1905—1906 гг. сумели искусным маневром отвести это недовольство от себя и направить его исключительно в сторону борьбы с царским чиновничеством. В 1906 г. тойоны создали Союз якутов — буржуазно-националистическую организацию, которая, впрочем, просуществовала недолго.

Во время буржуазно-демократической революции 1917 г. движение якутских масс за свое освобождение развернулось глубже и шире. Оно вначале находилось (особенно в г. Якутске) под преобладающим руководством большевиков. Но после отъезда (в мае 1917 г.) большинства политических ссыльных в Россию в Якутии одержали верх контрреволюционные силы тойонства, вступившего в союз с эсеровско-буржуазной частью русского городского населения.

Борьба за советскую власть в Якутии затянулась на долгое время. Только 30 июня 1918 г. власть советов была впервые провозглашена в Якутске, и лишь в декабре 1919 г., после ликвидации колчаковщины во всей Сибири, в Якутии окончательно установилась советская власть.

Скотоводство

Скотоводство исстари является господствующей отраслью хозяйства якутов, резко выделяя их из среды окружающих народов. В русских документах XVII в. якуты иногда называются «конными людьми». Но и тогда и позже наряду с коневодством основную роль в хозяйстве якутов играло разведение рогатого скота. Последний был распределен более равномерно между отдельными классами населения, чем лошади, которые были сосредоточены по преимуществу в тойонских хозяйствах.

В течение XIX в. коневодство в Якутии постепенно падало. В конце века в Якутии насчитывалось всего 115—130 тыс. голов лошадей и 220—260 тыс. голов рогатого скота. Помимо этих двух видов скота, якуты имели в качестве домашнего животного только собаку (охотничью и сторожевую) и кошку. В северных районах якуты, подобно эвенкам, разводили оленей. Другие виды домашних животных — овцы, козы, свиньи и домашняя птица — были незнакомы якутам до прихода русских и почти до самой революции отсутствовали в якутских хозяйствах.

Что касается способов содержания скота, то якуты издавна практиковали оба основных способа: пастбищное и стойловое. Лошади содержались на подножном корму не только летом, но обычно и зимой: для них далеко не всегда запасали на зиму корм, и во многих хозяйствах лошади должны были всю зиму добывать его копытами из-под снега. Для конского молодняка и для рогатого скота якуты запасали на зиму сено.

Сенокошение было знакомо якутам еще до прихода русских (существующее мнение о заимствовании техники сенокошения от русских ошибочно), хотя, повидимому, имело меньшие размеры, чем впоследствии. Сохранилось предание, что косили в древности костяными косами. Но известная нам и сохранившаяся до недавнего времени (до начала XX в.) якутская коса — это железная коса-горбуша на короткой кривой рукоятке, которой скорее рубили (направо и налево), чем косили траву. Позднее горбуша была вытеснена русской косой-литовкой и ныне не употребляется. Траву косили якуты по аласам и речным долинам, собирая сено в мелкие копны, в которых оно нередко промокало и подгнивало, поэтому качество этого сена часто было низкое.

Скот держали зимой в холодных, темных и тесных *хотонах*, строившихся обычно под одну крышу с жильем; но и в хотон загоняли обычно только на ночь, днем он оставался на открытом воздухе, на морозе. Кормили скот, по недостатку сена, скудно, поили ледяной водой из проруби. Суровые условия содержания, холодный климат сделали якутский скот выносливым, но малопродуктивным. Якутская корова давала

Предметы хозяйственного обихода

1 — старинная коса-горбуша; *2* — деревянные вилы для сена; *3* — старинное седло с металлическими накладками; *4* — телячий намордник из дощечек с вубцами; *5* — телячий намордник из бересты

в год в среднем до 60 ведер молока и в течение 2—3 зимних месяцев совершенно не доилась. Кобылицы вообще доились только летом.

И рогатый скот и лошади использовались более или менее одинаково: они давали молоко, мясо, шкуры, служили для передвижения (быков обычно запрягали, а лошадей седлали и вьючили).

С преобладанием скотоводческого хозяйства связано сохранение полукочевого образа жизни якутов. У них до недавнего времени сохранялся обычай переезжать дважды в год — примерно в мае и в октябре — с зимников на летники и обратно. Зимние жилища располагались обычно вблизи сенокосов, летние (отстоящие, впрочем, сравнительно недалеко от первых) — ближе к пастбищным угодьям.

Рыболовство, охота, земледелие

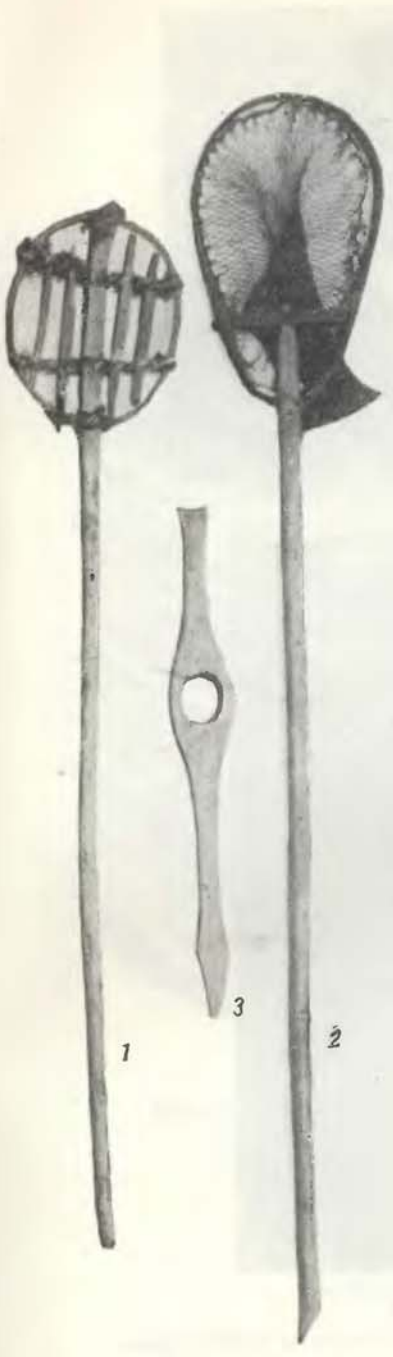
Второй по значению отраслью хозяйства было рыболовство. В многочисленных озерах водится много карасей и мелкой рыбки *мунду*, в реках — муксун, нельма и др. Для бедноты, не имевшей скота, ловля рыбы издавна была основным промыслом; термин *балыксыт* (рыболов) встречается еще в документах XVII в. в значении «бедняк». В то время существовали даже целые родоплеменные группы, жившие, повидимому, в основном рыбным промыслом: это так называемые «пешие роды» якутов (осекуи, онтулы, кокуи, кирикийцы, кыргыдайцы, орготы). Эти роды, очевидно, остаток древнейшего доскотоводческого населения, были впервые обнаружены в XVII в. русскими на Вилюе. Для якутов-скотоводов рыболовство составляло существенное подспорье и сохранило это значение до наших дней.

Ловили рыбу преимущественно летом, но практиковался и зимний подледный лов. Ловили неводами, которые делались главным образом из конского волоса, сетями, сачками, «мордами» (вершами), запорами и пр. Осенью обычно устраивалась общественная коллективная неводьба, с разделом полученной добычи между всеми участниками, согласно древнему обычаю.

Существует предположение (В. Л. Серошевского) о недавнем происхождении якутского рыболовства, заимствованного будто бы от эвенков и русских. В действительности рыболовство — старейшая форма хозяйства населения Приленья, в том числе и предков якутов.

Охотничий промысел составляет третью, уже гораздо менее важную, отрасль якутского хозяйства. Так же как и рыболовство, он восходит к глубокой древности. В эпоху первого знакомства русских с якутами (XVII в.) у последних существовала как мясная, так и пушная охота, но и та и другая отступали на задний план сравнительно со скотоводством. В дальнейшем, по мере истощения пушных богатств края, удельный вес охотничьего промысла в хозяйстве якутов все более и более падал. В начале XX в. в центральных улусах Якутии практиковался зимний пушной промысел на белку, лисицу, зайца, колонка, горностая, медведя, сохатого и других зверей, а также на водяную и лесную птицу — уток, куропаток, рябчиков и др. В северных районах якуты гораздо больше занимались и занимаются охотой; для якутов этих областей, как и для эвенков, эвенов, юкагиров, охота составляет местами основной источник существования. Здесь охотятся главным образом на песца, зайца, дикого оленя, сохатого, на диких уток и гусей и т. д.

Техника охотничьего промысла якутов мало чем отличалась от техники других охотничьих народов Сибири. Вместо луков в XIX в. повсеместно вошли в употребление ружья (по преимуществу кремневые), с которыми охотились на белку, птиц и пр.; при этом применялась собака. Широко употреблялись разные ловушки и охотничьи снаряды: пасти на песца, лисицу, медведя; волосяные петли и силки на зайца и птиц;



Орудия рыболовства

1 — черпак для очистки проруби от льда; *2* — сачок из конского волоса для ловли оверной рыбы; *3* — палка с отверстием, через которое пропускается сачок в прорубь

Старинное оружие XVIII в.

1 — боевой меч; *2* — ножны к мечу; *3* — пальма; *4* — стрела с железным раздвоенным наконечником; *5* — стрела с копьевидным наконечником; *6* — стрела с железным трезубым наконечником; *7* — пояс с колчаном, налучьем и луком

Обработка зерна

1 — отбивание колосьев снопа обухом топора; *2* — помол на ручном жернове

плашки на белку; черканы на мелкого зверя; самострелы на сохатого, дикого оленя и т. д.

Чисто якутским способом охоты, незнакомым ни одному другому народу, является охота с быком: охотник подкрадывается к дичи, прячась за быка, которого он гонит перед собой, и, укладывая быка на землю, стреляет из-за него по намеченной цели. В этом способе охоты можно ви-

деть видоизменение известного тунгусского приема охоты с оленем-манщиком, видоизменение, связанное с переходом от оленеводства к скотоводству.

У якутов существовал также еще один способ охоты, не известный населению тайги и представляющий собой традицию степных кочевников-скотоводов: гоньба зверя верхом на лошади, по следу, иногда с собаками.

Собирательство тоже играло немаловажную роль как существенное подспорье, особенно для бедняцких хозяйств. Широко практиковалось добывание сосновой заболони (внутренний слой коры). Ее собирали (обычно женщины) ранней весной и запасали на зиму в высушенном виде в больших количествах (от 10 до 100 пудов на семью — по некоторым данным).

В северных районах, где сосна не растет, собирали лиственичную заболонь, хотя она меньше ценилась, разные съедобные корни (сарана, чекана и др.), зелень (дикий лук, хрен, щавель и пр.).

Гораздо меньшее значение в хозяйстве якутов имел сбор ягод (брусники, голубицы).

Земледелие лишь недавно стало знакомо якутам. В момент прихода русских земледелие совершенно отсутствовало в Якутии, да и позже им занимались только немногочисленные русские поселенцы. Хотя в отдельных случаях якуты заводили посевы еще с конца XVII в., однако только около середины XIX в. земледелие стало шире распространяться в якутском хозяйстве, главным образом под влиянием русских крестьян (особенно в Олекминском округе).

Способствовал ускоренному развитию земледелия и общий рост товарных отношений. Кое-где запашки проводились под нажимом администрации.

В конце XIX в. распространению земледелия среди якутов содействовали политические ссыльные, а также ссыльные скопцы.

И все же до самой революции оно было распространено среди якутского населения сравнительно мало. Сеяли ячмень, меньше пшеницу. Техника земледелия была весьма примитивной.

Кустарно-ремесленное производство

Обработка сырых материалов и изготовление различных изделий сохранили у якутов характер по преимуществу домашних, потребительских, а не товарных производств. Из них на первом месте надо поставить обработку древесных материалов: изделия из дерева и бересты. Орудия обработки дерева — топор, нож, сверло и др. стали более сложными и совершенными под влиянием русских.

Деревянная, берестяная утварь, посуда, обстановка жилища, различные мелкие изделия были очень разнообразны, добротно и часто художественно выделаны; деревянная посуда обычно украшалась резьбой, берестяная — орнаментом из конского волоса.

Широко применялась обработка меха и кожи. Из этих материалов делались самые разнообразные вещи: одежда, обувь и головные уборы; ковры, подстилки (обычно из конских и коровьих шкур, часто сшитых из кусочков в мозаичный шахматный рисунок), одеяла (из заячьего меха и пр.); кожаная посуда разных размеров, от огромных *симиир'ов* для кумыса до маленьких ведерок *турсук*; различные изделия: части седел, ременные арканы, плети и т. п. Обработка кожи и меха была довольно примитивная: дымление кожи (в древности и еще в XVII в. — в земляных печах), разминание ее, смазывание маслом, сливками и т. п.; настоящее дубление не было известно. Выделка оленьей замши заимствована, повидимому, от эвенков и эвенов. Никаких тканей — ни из шерсти животных, ни из растительных волокон — якуты сами не изготовляли и употреб-

Утварь

1 — глиняный горшок; *2* — курительная трубка; *3* — ножницы; *4* — кривой нож для выделки деревянной посуды; *5* — деревянная курительная трубка; *6* — деревянный судок для чайной посуды

Утварь

1 — кожаный мех для кумыса; *2* — деревянная мутовка для взбалтывания кумыса; *3* — деревянный ковш для разливания кумыса; *4* — мутовка из коровьего рога для сбивания масла; *5* — деревянный резной сосуд для кумыса; *6* — деревянная миска для кумыса; *7* — берестяная посуда для молока; *8* — берестяное ведро

ляли только привозные. Им не было знакомо и прядение, так же как и валяние войлока. Зато конский волос применялся широко: он шел и на орнаментировку берестяных и других предметов и особенно на плетение различных арканов, веревок, шнуров, на изготовление волосяных сетей, петель, махалок от мух, на набивку подушек для седел и пр. Изготовлялись также художественные плетения из конского волоса. Соединение отдельных волос в шнур достигалось без веретена, одним сучением рукой на голом колене.

Кузнечный промысел был у якутов единственным промыслом, который давно уже приобрел товарное значение, хотя обычно кузнечное ремесло от сельского хозяйства не отделялось. В XVII в. русские застали его у якутов уже очень развитым. Железо добывалось из болотной руды, которой было много, особенно на Вилюе. Железную руду добывали по рр. Ботоме, Амге, Соле и др. Выплавляли железо прежде в примитивных сыродутных горнах. Но в начале XX в. якутские кузнецы уже работали на покупном железе. Из него ковали различные орудия и предметы утвари, оружие и др. Кроме железа, якутские кузнецы-чеканщики обрабатывали низкопробное серебро, которое в XIX—XX вв. получалось ими частично из переплавки русских монет. Из этого серебра выделывались различные украшения, обкладка поясов, плетей, конской сбруи. Оборудование кузниц было довольно несложным: горн с мехами (переносный), наковальня. молот, клещи.

Наличие гончарства выделяет якутов из среды окружающих народов. Якуты сохранили гончарство, повидимому, как реликт неолитической стадии. Оно, впрочем, было очень примитивно. В темную, вязкую глину подбавляли порошок из толченых старых обожженных черепков и из разведенного затем в воде глиняного теста лепили руками (без круга) стенки горшка, употребляя для разглаживания их камень (изнутри) и лопатку (снаружи). Обжигали горшки на камельке. Размеры глиняной посуды были разнообразные, форма и орнамент — грубые. В последние десятилетия якутские глиняные изделия заменялись русской посудой.

Обработка мамонтовой кости (Якутия богата остатками костей мамонта), возникшая, вероятно, не ранее XIX в., составляла мало распространенный, но интересный художественный промысел. Из кости резали разные мелкие вещицы, шкатулки.

Таковы были главнейшие виды производственной деятельности якутов до революции. В целом же якутское хозяйство оставалось на довольно низком уровне. Оно в основном сохраняло натуральный характер. Однако продажа продуктов своего хозяйства в последние десятилетия XIX в. приобретала все бо́льшее значение. Это имело место главным образом в тойонских хозяйствах, особенно в Олекминском округе, ближе связанном с Ленскими золотыми приисками, и в ближайших к г. Якутску улусах. Тойоны сбывали на эти рынки масло, мясо, сено и другие продукты своего хозяйства.

Постепенно развивались товарные отношения и внутри самих якутских улусов. Изделия кузнечного производства издавна изготовлялись для продажи, бывали случаи продажи и изготовления на заказ и деревянных, костяных и прочих изделий. Продукты скотоводства, сено, дрова и строительный материал и т. п. тоже нередко служили предметом купли-продажи; продукция охотничьего промысла — пушнина — продавалась почти вся целиком. При всем этом общий уклад якутского хозяйства не переставал оставаться натуральным.

Внутрисемейное разделение труда сохраняло традиционные формы. Мужские и женские занятия были четко разграничены. За скотом ухаживали и мужчины и женщины, но первые предпочитали иметь дело с ло-

Чепрак, украшенный цветным бисером и металлическими бляшками

шадьми (даже доили кобылиц), а уход за рогатым скотом предоставляли по преимуществу женщинам. На уборке сена работали все, но кошение было мужским занятием. Охота и рыбная ловля были делом мужчин. Обработка дерева, металла, мамонтовой кости находилась в руках мужчин, обработка кожи и меха, шитье одежды, обуви, изготовление кожаной и глиняной посуды были женским занятием. Наконец, в постройке жилищ, рубке дров преобладал мужской труд, а носили воду, зажигали и поддерживали огонь, приготовляли пищу женщины. Наемные работники, зависимые бедные сородичи, а в древности рабы, во многих случаях выполняли и мужскую и женскую работу.

Средства передвижения

Старые якутские средства передвижения были приспособлены к условиям труднопроходимой тайги. Колесного экипажа якуты до прихода русских не знали, и до самого последнего времени в наиболее глухих местах люди никогда не видели колеса. Сани же и санная упряжка якутам были известны; в центральных районах якутские сани имели почти одинаковую форму с русскими дровнями, а в северных — это были прямокопыльные оленьи нарты.

В старину у якутов была своя особая форма саней (*силис сыарга*); полозья их были не гнутые, а выделывались из дерева с корневищем и имели естественную кривизну. Якутские сани упоминаются еще в документах XVII в. как средство перевозки. Самая примитивная форма упряжки состояла в лямке, пристегиваемой к седлу верховой лошади. В отдельных случаях вместо лямки таким же способом употребляли и оглобли. Чаще, чем лошадей, в сани запрягали быков. Быка впрягали в оглобли с ярмом; ярмо у якутов (*бурҕалдьы* или *буулаҕа* и *сүүрдэр*) двухсоставное, сильно отличающееся от русского или украинского воловьего ярма, так же как и сани, видимо, имело самобытное происхождение. На санях якуты ездили, а иногда и сейчас ездят не только зимой, но и летом.

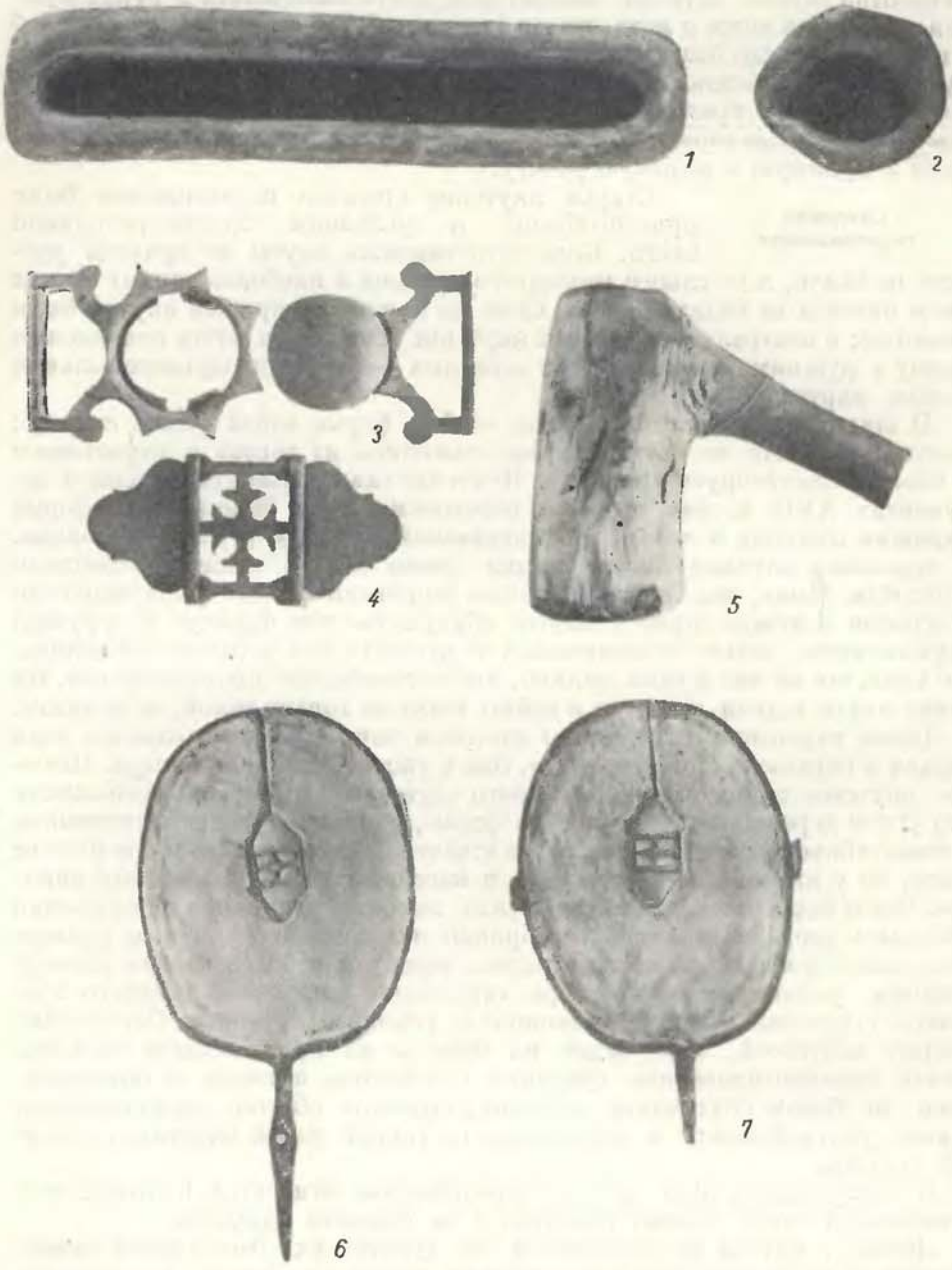
Более характерным якутским способом передвижения являлись езда верхом и перевозка грузов вьюком. Здесь употреблялись и лошади. Вьючное якутское седло, основой которого служили две скрепленные вместе под углом деревянные дощечки, по форме, сходной с употребляющимися у южносибирских скотоводов. То же отчасти следует сказать и о верховом седле, но у якутов оно выше, шире и массивней, чем у названных народов. Остов седла изготовлялся из дерева, высокая и широкая лука обычно обивалась спереди чеканной серебряной пластинкой с кованым крюком посередине для повода; обкладывалась серебром и более низкая спинка. Впрочем, украшения из серебра характерны для более позднего времени — старинные седла (из раскопок) не украшены серебром. Остов седла покрыт подушкой. Под седло на бока и на круп лошади клались богато орнаментированные суконные и кожаные потники и подседельники, по бокам спускались тебеньки; стремена обычно металлические, однако употреблялись и деревянные из гибкой узкой пластины, согнутой кольцом.

К числу сухопутных средств передвижения относятся и лыжи, подбивающиеся снизу обычно конским, а не оленьим камусом.

Лодки у якутов не отличаются от тунгусских. Это — ветка (*тыы*), сделанная из бересты или плоскодонная, сшитая из досок. Более крупные суда — *карбаз* — парусные, повидимому, заимствованы от русских.

Поселения и постройки

Поселки якутов до последнего времени располагались очень разбросанно. Преобладающий тип населенного пункта (*ыал*) — это 1 или 2-3 рядом стоящие юрты; в 70% населенных пунктов Якутии было меньше чем по 20 человек населения (по данным переписи 1926 г.). Но это имело место



Орудия кузнечества и гончарства

1, 2 — глиняные тигли для плавки серебра и волота; *3, 4* — деревянные шаблоны для отливки серебряных поясных пряжек; *5* — деревянный молот для сбивания гончарной глины; *6 7* — две половинки глиняной формы для отливки серебряных и волотых вещей

Якутские сани

Якутка с лошадью в нарядном уборе

Жилище бедного якута

по преимуществу на зимниках (*кыстык*). Летники (*сайылык*) бывали и более крупные: по 5—10 и более юрт вместе. Такой разбросанный характер расселения зависел прежде всего от характера местности и типа хозяйства, от стремления использовать отдельные аласы и речные долины. вкрапленные среди тайги.

Господствующий тип якутского жилища (*дьиэ*) представляет собой юрту или балаган. Это — постройка квадратного плана из стоячих, слегка наклонных внутрь бревен с очень пологой двускатной бревенчатой же крышей, общим видом напоминающая усеченную 4-гранную пирамиду. Остов юрты составляли 4 толстых вертикальных угловых столба, вкапываемых в землю, и положенная на верхние концы их горизонтальная рама из 4 балок. В большинстве юрт, помимо 4 угловых столбов, имелись еще 2, 4 или 8 добавочных, подпирающих балки рам посередине стен. 4 стороны юрты обращены обычно к четырем странам света, восточная из них имела вход и считалась передней. Параллельно этой последней, посередине рамы от южной к северной стороне клалась толстая балка-матица или две потоньше рядом. На матицу опирались концы тонких бревешек, другие концы которых ложились на восточную и западную балки рамы и образовывали сплошную бревенчатую полого-двускатную крышу юрты. Стены делались из стоячих тонких бревен или жердей, одним концом поставленных на землю, а другим опиравшихся на верхнюю раму юрты, вплотную друг к другу. В южной и западной стенах прорубались маленькие прямоугольные окна, в них вставлялись рамы, которые раньше затягивались летом слюдой, иногда белой тканью, пузырем, кусочками стекла (последние врезывались в оправу из бересты); зимой в окна вставлялись льдины. В восточной стене устраивался вход с одностворчатой слегка наклонной, как и стены, дверью из досок, обтянутой коровьей

кожей или шкурой. Крыша поверх бревенчатого наката устилалась корьем и посыпалась землей; стены снаружи обмазывались глиной, смешанной с коровьим навозом, причем обмазка повторялась часто, иногда ежегодно осенью. Снаружи вокруг стен шла невысокая земляная насыпь, укрепленная иногда дощатым заборчиком (центральная Якутия). Пол обычно был земляной, но у богатых под русским влиянием вошли в употребление дощатые полы. Размеры юрты колебались от 5 ×5 до 10 ×10 м, высота не на много превышала человеческий рост.

Непременной принадлежностью каждой юрты был камелек и нары вдоль стен, а также несложная и однообразная утварь. Камелек (*оһох*) устраивался обычно справа от входа, близко к северо-восточному углу юрты. Он представлял собой невысокую (около 25 см) прямоугольную площадку из глины в бревенчатой раме; над этой площадкой строилась цилиндрическая, слегка наклоненная назад труба из жердей, обмазанная внутри толстым слоем глины; нижняя часть трубы была открыта спереди, представляя собой как бы устье печи, верхняя же часть проходила сквозь крышу, оставаясь почти всегда открытой (ее затыкали обычно чем-нибудь сверху только на ночь); зимой в камельке постоянно горел огонь, согревая и освещая юрту. Камелек хорошо вентилировал воздух в юрте и давал много тепла, но лишь пока топился, и поэтому брал очень много топлива.

Дощатые нары (*орон*), служившие для спанья и сиденья, тянулись вдоль всех стен, заполняя глубину между вертикальными столбами и низом наклонной стены. Нары делились на части, имевшие каждая свое название и назначение. Самой почетной считалась нара, идущая по левой от входа южной стене, от середины ее до угла, противоположного камельку, так называемая *биллирик*; несколько менее почетной считалась смежная нара, идущая от этого угла по западной стене, — *бастын уҥа орон* (правая передняя нара); эти два орона составляли красный, почетный угол. Правее находилось хозяйское место (*кэтэҕэриин*). Другие нары по левую сторону юрты предназначались для мужской молодежи, для работников, для непочетных гостей-мужчин; по правую сторону (к камельку) была женская половина юрты, где размещались свои и посторонние женщины.

Передвижная обстановка юрты состояла из небольшого круглого или прямоугольного деревянного стола (*остуол*) в красном углу и нескольких стульев (*олох-мас*) характерной формы, в виде пустого куба с ребрами из гибких, согнутых под прямым углом палок с сиденьем из тонкой дощечки; в состав обстановки входили и разные сундуки (дощатые и обтянутые кожей), ящики, хозяйственная утварь и пр.; количество и качество всего этого зависело от степени зажиточности хозяев.

К юрте с северной стороны пристраивался обычно хотон — хлев для скота, такой же конструкции, как сама юрта, зачастую под общей крышей с нею, а иногда отделенный от жилого помещения лишь тонкой дощатой перегородкой. Из юрты в хотон вела дверь, приходившаяся позади камелька. Пристройка хотона с северной стороны была рассчитана на некоторую экономию тепла, но тесное соседство зимующего скота, конечно, увеличивало грязь и ухудшало воздух в юрте, где и без того было душно и грязно.

Перед входом в юрту снаружи устраивался, особенно у богатых, небольшой навес, как бы в виде крыльца, иногда даже сеней (*чаампы, күүлэ*).

Юрта представляла собой старинное зимнее жилище якутов; упоминания о ней встречаются уже в документах XVII в. В XIX в. юрта стала и наиболее обычным летним жилищем. Юрты на летниках строи-

Камелек

лись так же, как и зимние, с небольшими отличиями (легкая кожаная дверь на раме и т. п.) и без хотона. Взамен последнего неподалеку от юрты строился летний хлев для телят (*титик*), а также навесы для скота, плетеные выгоны для жеребят и др.

Однако в древности летнее жилище у якутов было иного типа: это так называемая *ураса*, или *ураһа* (к концу XIX в. почти исчезнувшая). Ураса представляла собой коническую постройку из жердей, покрытых берестой, довольно вместительную (4—6 м в диаметре). От кочевого конического берестяного чума таежных народов якутская ураса отличалась более солидной постройкой: она имела квадратную верхнюю раму из брусьев, укрепленную у верхнего конца четырех жердей, служащих основанием урасы; береста сшивалась из кусков полосами в 2 слоя, плотно и красиво; внутри вдоль стен устраивались нары, почти как в юрте; отапливалась ураса открытым глинобитным возвышенным очагом. На севере подобное

Летнее берестяное жилище и шестиугольный дом

жилище (сохранявшееся гораздо дольше) кроется вместо бересты или поверх нее дерном; жерди остова там стоят чаще, вплотную друг к другу. Такая земляная ураса, или *калыман* (*холуман*), представляет собой уже как бы переходную форму от конического чума к якутской бревенчатой юрте.

Встречался у якутов еще один тип построек (в качестве жилища или хлева для скота): 6—8-угольная юрта-сруб с пирамидальной крышей, тождественная с известными бурятскими и хакасскими постройками. Такие юрты наблюдались, например, в районах около устья Вилюя, в Мегинском и Борогонском улусах, а также и в Колымском округе. Подобные постройки известны с XVIII в.

В течение XIX в. у якутов, особенно у зажиточных, постепенно стал входить в употребление русский тип построек — изба-сруб. В начале XX в. таких домов было уже много, особенно в ближайших к городу улусах. Часто встречались смешанные формы: изба, пристроенная к юрте, изба с якутским камельком и т. д.

Жилые и хозяйственные постройки семьи и окружающее их пространство составляли усадьбу, обнесенную сплошной изгородью из горизонтальных жердей без ворот (для въезда жерди в одном месте вытаскивают из подставок, а пешеходы просто перешагивают через них). Внутри усадьбы стояли столбы — коновязи, искусно украшенные резьбой. На летниках усадьбы часто стояли близко одна к другой.

Говоря о постройках, необходимо упомянуть еще о том, что в старину якуты умели делать укрепления — острожки, как они называются в русских текстах XVII в. Например в 1636—1637 гг., во время похода против кангаласцев, русские казаки нашли, что у них «сделаны острожки крепкие, в 2 стены, насыпаны хрящем и кругом снегом и водою улито»; только после 2-дневного штурма казакам удалось взять одно из таких укреплений. В 1642 г. русские тоже с трудом взяли одну якутскую крепостцу: «срублен. . . был тот острог в 2 стены, промеж стен сыпана земля и башни рублены». В более позднее время эти укрепления исчезли и подробнее никем не описаны. Но еще в XIX в. местами встречались особые башни-амбары, принадлежавшие тойонам.

Одежда

Национальный костюм у якутов к началу XX в. сохранился только отчасти, будучи вытеснен русской одеждой или испытав сильное влияние со стороны последней. Национальный покрой и чисто якутский материал больше уцелел в зимней одежде.

Нижняя одежда якутов в древности состояла из коротких кожаных штанов-натазников (*сыалдьыйа*), бытовавших до последнего времени, одинаковых у мужчин и женщин. Они дополнялись сверху меховым набрюшником, а снизу — кожаными ноговицами. Рубашка (*ырбахы*) появилась позднее, повидимому, как результат русского влияния; она шьется из дабы или другой ткани, одинакова по покрою у мужчин и женщин и отличается от русской рубахи лишь наличием отложного воротника. Наиболее обычная верхняя одежда, мужская и женская, это *сон* — кафтанообразная однобортная с прямым разрезом спереди шуба, зимой меховая, в новейшее время крытая какой-либо тканью, а раньше — ровдугой. Летний сон шился из материи, а у бедняков — из конской или коровьей кожи, шерстью внутрь. Покрой сона — 4 клиновидные одинаковые полосы, сшивающиеся вместе, с расширением вниз и с добавочными вставками в виде небольших клиньев ниже пояса; рукава широкие, с буфами у плечей и суживающиеся книзу.

В качестве праздничного женского наряда сохранился старинный верхний костюм (*саныйах*), который, судя по текстам XVII в., был прежде распространен шире и носился не только женщинами. Это очень красивый и богато изукрашенный длинный меховой кафтан, скроенный в талию, с длинным разрезом сзади, с меховой оторочкой и различными нашивками. Такие роскошные сангыяхи хранились и передавались по наследству как фамильная драгоценность по преимуществу в тойонских семьях; стоимость их в конце XIX в. доходила до 1000 руб. Покрой сангыяха очень близок к покрою алтайского *чэгэдэка* (хакасский *сигидэк*, бурятский *цэгдэк*), от которого отличается наличием рукавов. Сами названия «сангыях» и «чэгэдэк» этимологически родственны. Прямым разрезом спереди якутская одежда характерно отличалась от двубортного костюма степняков-кочевников, запахивающегося на правый бок; от тунгусского покроя верхней одежды якутская отличается тем, что борта ее сходятся вплотную, тогда как у тунгусов они не сходятся, и открытая часть груди и живота закрывается нагрудником. Верхнюю одежду мужчины обычно подпоясывали кожаными поясами; у богатых пояс покрывался во всю длину серебряными или медными чеканными пластинками с орнаментом. На поясе висел нож в ножнах и огниво. Были распространены пояса с серебряными бляхами и широкие шелковые кушаки.

Формы головных уборов довольно разнообразны. Не считая форм, заимствованных от русских, можно отметить следующие основные их типы. Старинная меховая (в новейшее время из плиса) шапка башлыкообразная, островерхая, с удлиненными в виде наушников сторонами, с оторочкой беличьего или другого меха носилась мужчинами и женщинами; эта шапка напоминает головные уборы казахов. Близкая к ней по типу, но более нарядная праздничная женская шапка отличалась от предыдущей наличием высокого, плоского спереди и сзади суконного верха с различными нашивками, из которых самая главная — серебряный чеканный круг (*туһахха*); спускающаяся вниз затылочная часть покрыта каким-либо дорогим мехом. Эти большие и парадные шапки характерны только для одних якутов. Носили также типичную тунгусскую чепчикообразную шапку из оленьего меха. Из летних головных уборов интересна широкополая плоская шляпа, несомненно подражающая русским соломенным, но сплетенная целиком из конского волоса. Чаще носили летом русские картузы или повязывали голову (мужчины и женщины) платком. Характерна одна принадлежность якутского зимнего костюма, связанная с суровыми морозами: это особый меховой воротник или боа (*моойтуруук*), сшитый из колечек, сделанных из беличьих хвостов, так что шерсть тор-

чит во все стороны; мойтурук надевался на шею в холодную погоду, и в него прятали нос и рот, а по мере обледенения его при дыхании, его поворачивали постепенно вокруг шеи сухим местом ко рту.

Якутские меховые тяжелые рукавицы делаются с одним пальцем и носятся привязанными на ремешках, на которых рукавица висит, когда снята с руки.

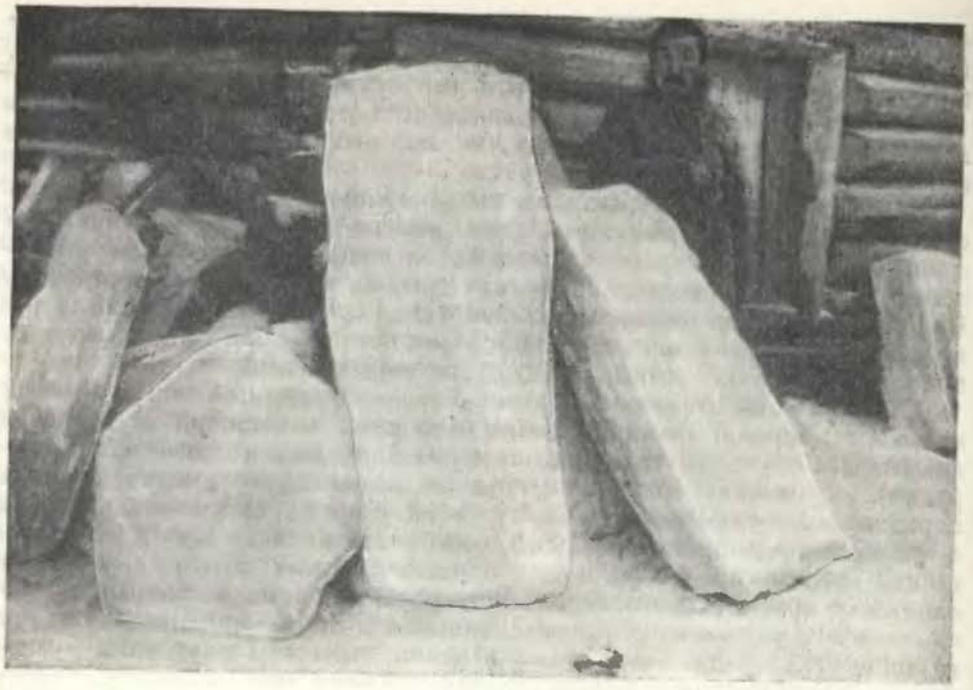
Из обуви (*этэрбэс*) характерны высокие сапоги из оленьего или конского меха, шерстью наружу. Летние сапоги (*саары*) из мягкой кожи с мягкой же подошвой; верхняя часть их голенища покрыта сукном, у женщин с художественными нашивками; голенища завязываются тесемками. Под верхнюю обувь надевали высокие чулки (*кээчэ*) меховые или (в новейшее время) суконные, сшитые по форме ноги. В сапоги клалась также подстилка из сухой травы, каждый раз переменяемая.

Из украшений особенно богатыми и разнообразными были украшения женского костюма. Помимо разных вышивок, аппликаций и оторочек на одежде, следует отметить носившиеся женщинами металлические (серебряные) украшения: большие нагрудные подвески, состоящие из ряда параллельных, скрепленных между собой узорных цепочек, свисающих с шейного полукольца (*кыльдыы*), серебряные висячие серьги (*ытарҕа*). разные узорные браслеты (*бөҕөх*), перстни (*биһилэх*) и т. п., серебряные нагрудные кресты (христианское влияние) на ажурных массивных цепочках; все эти украшения, обладательницами которых являлись женщины из тойонской среды, были очень искусно выделаны якутскими кузнецами и литейщиками.

Что касается детской одежды, то особых форм ее не было. В бедных семьях детвора бегала голышом или носила всякие лохмотья; детям же зажиточных родителей шили костюмы такие же, как у взрослых, только поменьше размером да с бóльшим количеством украшений.

Пища

В пищевом режиме якутов центральных улусов до революции на первом месте стояла молочная пища, на втором—рыбная, затем растительная и, наконец, мясная. Состав, количество и качество пищи были весьма неодинаковыми в разных классовых группах. Молочной пищей якуты питались главным образом летом и запасали ее по мере возможности на зиму. Кобылье молоко шло в основном на изготовление кумыса — освежающего, питательного и здорового, слегка хмельного напитка, который якуты охотно и помногу пили. В рабочую сенокосную пору кумыс иногда был главным питанием; его много пили на общественных летних праздниках (*ыһыах* — кумысный праздник). В последние дореволюционные десятилетия, в связи с упадком коневодства и развитием земледелия, потребление кумыса все более сокращалось. Никаких запасов на зиму из кобыльего молока не делали. Коровье молоко в свежем виде тоже употребляли мало, но из него приготовлялись более разнообразные продукты. На первом месте из них стоял так называемый *суорат*, или *сора*, — особым образом приготовленная простокваша из снятого молока, с подмесью сливок или без них. Летом свежий суорат — самая употребительная пища, но он шел и на заготовление зимних запасов; для этого его хранят в больших берестяных чанах, прибавляют туда ягоды (бруснику и др.), коренья, кости (растворяющиеся в молочной кислоте), всякие молочные остатки, а с наступлением зимы все это замораживают и хранят в таком виде. Получающийся *тар* шел зимой на приготовление похлебки *бутугас*, в которую прибавлялась, кроме тара, вода, немного муки, сосновой заболони, кореньев и т. п. Снятые с молока сливки употреблялись в свежем сбитом виде: это — *күөрчэх*, особо ценное угощение или приправа к разным блюдам; но главным образом из сливок сбивали масло — тоже лю-



Замороженное кислое молоко

бимая еда якутов. Помимо обычного топленого масла, приготовляли *хаях* — особую разновидность масла (с не отделившейся при сбивании юрагой). Масло охотно употреблялось с кумысом, с хлебом и просто без всего в жидком виде; после мороза, сильного утомления этот напиток быстро согревает и восстанавливает силы; теплое растопленное масло пили иногда в больших количествах на праздниках, свадьбах и пр. Конечно, бедноте, да и середнякам подобные кушанья были доступны лишь в исключительных случаях. Приготовления сыра, а также молочной водки, известной южносибирским скотоводам, якуты совершенно не знали.

Из растительной пищи главное значение для малоимущих масс издавна имела сосновая (или лиственичная) заболонь. Этот малопитательный суррогат заготовлялся в сушеном виде на зиму и подмешивался в бутугас, а зачастую даже был главной составной частью последнего. В качестве примеси и приправы к разным блюдам употреблялись зелень и ягоды; из последних якуты не ели только малины, считая ее нечистой ягодой; не ели они и никаких грибов.

В XIX в. в употребление постепенно начали входить продукты земледелия, главным образом ячменная мука. Зерно обрабатывали примитивными способами. Из муки пекли пресные лепешки, которые ели с маслом, с кюэрчахом (пекли их у огня камелька на деревянных рожнах или на сковороде), жарили на масле оладьи; употреблялась также *саламаат* — жидкая кашица из поджаренной муки, сваренная на воде с примесью масла. Хлеба из квашеного теста якуты почти не знали. Что касается овощей, то они известны были и употреблялись почти только в Олекминском округе.

Рыбная пища имела особенно большое значение в некоторых северных районах, где не было скота. В центральных улусах она употреблялась

особенно беднотой, не имеющей скота, но и для обеспеченных групп населения рыба составляла некоторое подспорье. Рыбу ели летом в свежем виде, варя ее в воде или поджаривая (карасей и мелкую рыбу) на рожнах или сковородах целиком (чешуя счищалась, но внутренности не вынимались). Особенно много запасали рыбы на зиму, заквашивая ее в ямах, выложенных корьем; прокислая и полусгнившая рыба — *сыма* — затем замораживалась и шла на приготовление бутугаса, заменяя собой молочный тар. Ценные сорта рыбы, в частности стерлядь, нельма, чир, баранатка, употреблялись в сыром замороженном виде — строганина.

Мясная пища употреблялась, за редкими исключениями, в одних только зажиточных хозяйствах. Наиболее ценилось конское мясо, но оно и у богачей подавалось не часто. Коровье мясо употреблялось чаще. Ели и мясо разной дичи, особенно в северных промысловых районах. Мясо обычно варили (избегая, однако, слишком его разваривать), иногда по-старинному жарили на рожнах. Особенно ценился жир. На зиму запасали туши убитого скота в замороженном виде. Некоторых диких животных и птиц якуты не ели — хищных зверей и птиц, чаек, ворон, кукушек, филинов, не употреблялся в пищу также головной мозг домашнего скота. В течение XIX в. под русским влиянием в пищевой режим якутов, вслед за хлебом, стали входить соль, сахар и чай. Спиртоносы и скупщики завозили в улусы и водку.

Гигиенические условия

Гигиенические условия жизни якутов до революции были весьма неудовлетворительными. Грязь, теснота и дурной воздух юрты с ее земляным полом и примыкающим вплотную хотоном не могли создать сколько-нибудь нормальных условий. К тому же якуты, особенно в зимнее время, редко мыли тело. Стирка одежды была почти неизвестна.

В таких условиях вполне естественными были эпидемии. Особенно распространены были кожные болезни: чесотка, лишаи, язвы, нарывы и пр., объясняемые постоянным загрязнением кожи. Очень часто встречались глазные болезни (трахома и др.), особенно среди стариков, из которых очень многие теряли зрение. По данным 1915 г. на 10 тыс. якутов приходилось 110 слепых. В некоторых сырых болотистых районах существовала проказа; там в уединенных местах были устроены изолированные убежища для прокаженных. Нередкой болезнью был и туберкулез.

В северных районах Якутии очень широко распространены были нервные заболевания, особенно среди женщин, что было связано с тяжелыми условиями их жизни, непосильным трудом, женскими болезнями и пр. Известны были такие формы нервных расстройств, как арктическая истерия — это так называемый *мэнэрик*, нечто вроде кликушества; больная билась в припадках, во время которых кричала, бредила, пока обессиленная не засыпала. Другая, сходная с этим нервная болезнь — *өмүрэх* (эмирячение); она проявлялась в бессознательном, против воли, подражании чему-либо испугавшему или сильно удивившему больного.

Методов рационального лечения болезней у якутов не было. Применяли зачастую такие примитивные домашние средства, как прижигание, вылизывание гноя языком и пр. Обычно при заболеваниях прибегали к знахарям и шаманам.

Общественный строй

Социальный строй якутов, как он сложился ко времени Октябрьской революции, представлял собой своеобразное переплетение сложных форм развитых классовых отношений и некоторых весьма архаических пережитков древности. Ко времени прихода русских в первой половине XVII в. якуты делились на независимые друг от друга племена. Наиболее крупными

и сильными из них были кангаласцы и намцы на левом берегу Лены, мегинцы, борогонцы, бетунцы, батурусцы между Леной и Амгой; численность этих крупнейших племен составляла (судя по русским ясачным книгам) 2—5 тыс. человек в каждом. Более мелкие родоплеменные группировки, частью независимые, частью примыкающие к названным выше, насчитывались десятками. В русских источниках эти племена именуются «волостями», якутское же название их было, повидимому, *дьон* или *аймах*. Племена эти зачастую враждовали между собой, иногда временно объединялись для совместных действий. Члены одного племени считались как бы сородичами, что, в частности, выражалось в том, что «волости» были экзогамными группами. Племена в свою очередь делились на более мелкие родовые группы. Между сородичами связь выражалась в обычаях взаимопомощи, кровной мести, которая, впрочем, чаще заменялась выкупом за кровь.

Однако уже в ту эпоху этот родоплеменной строй находился в состоянии разложения. Во главе родов и племен стояла военная аристократия — тойоны. Эти последние владели большими стадами скота, применяя в своих хозяйствах труд рабов и зависимых сородичей; они же были военными предводителями. Во главе отрядов из своих вооруженных слуг и младших сородичей тойоны совершали грабительские наезды друг на друга, а чаще на свободных общинников, захватывая их скот и разрушая их экономическую самостоятельность. Эти тойонские войны и набеги были одним из условий, ускоривших разложение родовой общины. Разорявшиеся общинники попадали в положение «*балыксытов*» (беднота, не имеющая скота, — рыболовы) или прямо в кабальную зависимость к тем же тойонам, превращаясь в их рабов. Большинство рабов (*кулутов*, или *боканов*) было именно такого происхождения.

Рабство у якутов имело, впрочем, довольно своеобразные формы, не лишенные элементов патриархальных. Численность рабов была невелика: даже у крупных тойонов было не больше 15—20 рабов, гораздо чаще по 1—3 раба у отдельных хозяев. Раб обычно имел свою семью и часто жил в отдельной юрте. Рабство было наследственным. Некоторые из рабов — взрослые мужчины — входили в состав вооруженной дружины тойона. С другой стороны, известны факты тяжелого положения рабов, жестокого обращения хозяев с ними, известны и проявления, хотя в зачаточной форме, классового протеста рабов против эксплуатации (коллективные побеги рабов и пр.).

Что касается вопроса о наличии феодализма у якутов в эпоху до прихода русских, то вопрос этот в советской историко-этнографической литературе остается нерешенным.

Одни авторы (С. В. Бахрушин, О. В. Ионова и др.) полагают, что раннефеодальные отношения у якутов начали складываться еще в дорусскую эпоху: показателями этих отношений считают наличие групп полузависимых людей, «живущих подле» тойонов, а также обычай отдавать скот на выпас (позднейший *хаһаас*). С. А. Токарев полагает, что феодальный тип отношений начал складываться среди якутов только после присоединения их к России.

В сфере земельной собственности накануне прихода русских еще действовали старинные общинно-родовые порядки. Общинная форма землепользования не только господствовала в отношении лесных охотничьих и пастбищных угодий, но и рыболовные и даже сенокосные угодья оставались еще в большинстве в общинном пользовании. Однако сенокосы и рыбные угодья начали уже понемногу захватываться в частную собственность тойонами. Захват этот сопровождался острой борьбой, общинники сопротивлялись тойонским притязаниям на родовые земли.

Таков был, в основных чертах, общественный строй якутов в момент прихода русских. Политика царизма в XVII—XIX вв. ускорила развитие общественных отношений, и якутское общество накануне Октябрьской революции уже весьма сильно отличалось от того, чем оно было три века тому назад. Однако многие явления оказались весьма устойчивыми и сохранили свой архаический характер до новейшего времени. Имущественное расслоение в якутском наслеге достигло перед революцией крайне резкого выражения. Подавляющее большинство населения не было обеспечено скотом даже по голодной норме (такой нормой при низком качестве скота считалось 2 головы скота на 1 душу), в то же время в немногочисленных тойонских хозяйствах обеспеченность скотом составляла по нескольку десятков голов на душу. Впрочем, неравномерное распределение скота составляло отнюдь не новое явление среди якутов. Другое дело земля. Порядки, сложившиеся в области земельных отношений, имели сравнительно недавнее происхождение.

Со времени прихода русских в Якутию ускорился процесс разложения древней общинно-родовой формы пользования сенокосными угодьями. Тойоны энергично прибирали к рукам общинную землю. Этот процесс развития частной тойонской земельной собственности продолжался до 1760-х годов, когда некоторые мероприятия русской администрации придали ему новое направление. В 1765 г. якутам было запрещено покупать и продавать землю, а в ближайшие после этого годы, в результате деятельности Якутской ясачной комиссии, у якутов было введено распределение земли по так называемым «соболиным» и «лисьим» окладам и частям этих окладов. Позднее, около 1820 г. это распределение земли получило форму так называемой «классной системы» землепользования, которая узаконила крайне неравномерное распределение земли, но формально представляла собой как бы некое подобие общинного землепользования. Эта «классная система», в дальнейшем подвергавшаяся изменениям, получила к началу XX в. следующий вид.

Единицей измерения земли служило у якутов «остожье» (*күрүө*)— участок земли, с которого можно накосить 1 стог сена (размеры последнего колебались между 10—30 возами, иногда достигая даже 40—60 возов). Из таких остожий составлялись наделы (*өлбүгэ*), которые были весьма неодинаковых размеров, в зависимости от «класса», а «классов» было 3 или 4. Один надел 1-го класса (*бастыҥ*, или *улахан өлбүгэ*) равнялся обычно двум наделам 2-го класса (*орто өлбүгэ*) и трем или четырем наделам 3-го класса (*кэнчики*, или *куччугуй өлбүгэ*). Население тоже делилось на 3—4 класса: тойонские хозяйства принадлежали к 1-му классу и получали улахан ёльбюгэ, середняцкие хозяйства причислялись обычно ко 2-му классу, бедняцкие — к 3-му и 4-му, получая соответствующие наделы. Таким образом, сама эта система давала в руки тойонам в 3—4 раза более крупные наделы, чем бедноте. Тойоны должны были за это, правда, нести и несколько больше повинностей, но разница в размерах последних была ничтожна. Этим неравенством дело далеко не ограничивалось. Тойоны фактически имели гораздо больше земли, захватывая ее самыми различными способами. Они, например, держали не по одному, а по нескольку ёльбюгэ, записывая их на имя своих детей, работников и пр. Существовал также обычай предоставлять должностным лицам (которые были чаще всего из тех же тойонов) дополнительные наделы — так называемые *укаас-күрүэ* (от русского «указ»), за которые, кстати, никаких повинностей не платилось. Влиятельные тойоны получали часто еще добавочные наделы *үгайы* (или *харыы*). Кроме того, тойоны нередко пользовались правом сверхнадельного, иногда наследственного владения участками, расчищенными из-под леса или

образовавшимися на месте спущенного озера. Распространена была и аренда земли.

Во второй половине XIX в. вошел в употребление обычай ежегодного поравнения земли в зависимости от колебания урожая трав. Урожай оценивался выборными «депутатами», и те, у кого он был меньше, чем полагалось по наделу, имел право на прибавку сена, и наоборот. Это называлось *бэбиэркэ* (от русского «поверка»). Фактически и этот обычай не уменьшал неравенства, ибо «депутаты» всегда действовали в пользу наиболее влиятельной (тойонской) части населения, к которой часто и сами принадлежали.

В общем, в руках тойонства была сосредоточена большая часть земельных угодий, притом лучших по качеству. Например, в 1-м Оспетском наслеге Дюпсюнского улуса в 1908 г. $^2/_3$ всех земель принадлежало пяти тойонским хозяйствам. В Сунтарском улусе тойоны, численность которых составляла не более 7% всего населения, располагали почти половиной всех земель. К 1917 г. 55% всей удобной земли владели более или менее крупные хозяева. Обладая землей и скотом, тойоны имели возможность эксплуатировать недостаточно обеспеченную массу населения. Формы эксплуатации были весьма разнообразными; тут были и элементы, характерные для капиталистических отношений, и старые патриархально-феодальные формы, и скрытые пережитки рабства. Практиковался, например, простой наем рабочих — *хамначытов*, чаще на срок, особенно в рабочую пору, на покос; нанимали на возку дров, постройку юрты и пр. Плату производили деньгами или натурой; при этом обычно применялся характерный якутский способ уплаты (вознаграждения) вперед, это называлось «брать подряд» у тойона на ту или иную работу. Такая система подрядов была очень выгодна богачам, так как она отдавала работников в их полную власть. За несколько грошей, взятых вперед, бедняк иногда надолго закабалялся тойоном.

Система подрядов применялась также и в других случаях: брали подряды (т. е. забирали вперед у тойона деньги) на поставку самых различных продуктов, от масла и сена и вплоть до яиц диких уток. Эти подряды были формой самой жестокой эксплуатации бедноты. Один из наблюдателей (ссыльный народоволец В. Ф. Трощанский) прямо писал, что «благосостояние массы населения не поднимется до тех пор, пока будет существовать эта система (подрядов) в своем настоящем виде».

Очень широкое распространение имела такая форма эксплуатации, как отдача тойонами своего молочного скота в пользование и для прокорма бедноте, — так называемый *хаһаас*. В более раннее время (в начале XIX в.) хасаас брали обычно на год, с весны до весны, но в конце XIX в. чаще брали хасаас только на лето (раздача скота на прокорм на зиму — *уостур* — производилась отдельно). За пользование коровой бедняк должен был, по обычаю, выплатить тойону осенью 30 фунтов топленого масла и 12—15 пудов *тара* (замороженного кислого молока); нередко это заменялось или дополнялось обязательными отработками в пользу тойона. Обычай хасаас был очень типичной и нередко весьма жестокой формой эксплуатации. Уостур (зимнее содержание скота) представлял собой еще более тяжелую, кабальную сделку: за голову скота тойон обычно платил 1 р. 50 к.—2 руб. за всю зиму, фактически же содержание его обходилось не дешевле 5 р.. и на такие сделки шли только бедняки, задавленные нуждой.

Еще более характерен другой обычай, происхождение которого когда-то в древности было связано с родовой взаимопомощью, но который давно уже превратился фактически в одну из форм эксплуатации бедноты: речь идет об обычае кумалаиства. *Кумалаан'ами* назывались бедняки,

инвалиды, сироты, иногда целые обнищавшие семьи, которые по приговору общественных сходов передавались на иждивение на определенный срок тому или иному богачу или зажиточному сородичу. Формально принятие кумалана рассматривалось как благотворительный акт, как помощь обнищавшему сородичу. Но фактически за этой помощью скрывалась самая тяжелая эксплуатация бесплатного труда бедняка — кумалана и его семьи. Кумаланство во многих случаях было лишь замаскированным рабством, сохранявшимся длительное время.

Такой же формой замаскированного рабства была торговля детьми, особенно развившаяся в Олекминском округе. Дошедшие до крайней нищеты родители вынуждены были нередко продавать своих детей, а зажиточные якуты покупали их иногда (бездетные) с целью воспитания, но чаще с целью получить даровых работников. Обращение с последними было обычно самое варварское, кормили их впроголодь и заставляли делать непосильную работу. Спрос на детей был так велик, что в Олекминском округе существовали особые профессионалы (старухи), занимавшиеся торговлей детьми как промыслом.

Практиковались и различные формы торговой эксплуатации; некоторые из них опять-таки были свойственны якутским условиям. Одним из таких характерных для Якутии явлений была деятельность так называемых «городчиков». Это были лица, большей частью из отдаленных улусов, которые ездили постоянно в город, имели там деловые связи и принимали от своих земляков за определенную плату поручения по продаже или покупке товаров. Городчик, помимо условленного вознаграждения, мог всегда получать добавочную прибыль, спекулируя на разнице цен, на кредите и пр. Понемногу городчик начинал торговать у себя в улусе привозимыми товарами и превращался в заправского купца. Это был один из путей формирования новой якутской торговой буржуазии рядом с родовитым полуфеодальным тойонством.

Якутская торговая буржуазия к концу XIX в. представляла собой уже большую силу. Якутские купцы эксплуатировали не только своих земляков. Они пробирались в тайгу, к охотникам эвенкам, юкагирам, спаивали их спиртом и закабаляли ростовщическими долгами. В промысловых районах, на окраинах Якутии, гнет якутского (и русского) торгового капитала принимал самые беспощадные формы.

В результате всей этой весьма разнообразной и чрезвычайно жестокой эксплуатации положение широких масс якутского населения было тяжелым. Беднота нередко голодала круглый год, даже летом, в самую горячую рабочую пору, когда напряженная работа по уборке сена требовала усиленного питания. «Якут тупо относится к тому, — писал В. Ф. Трощанский, — что его ребятишки живут впроголодь, как потому, что это — нормальное положение большинства якутских ребят, так и потому, что он сам, его жена, его престарелые родители, его скот, его собака и кошка живут впроголодь изо дня в день всю жизнь и только изредка насыщаются до отвалу. . . Это — страна систематического голодания».[1] Но особенно тяжелым было положение якутских трудящихся масс в долгую и суровую якутскую зиму. «Голодные периоды, — писал другой наблюдатель, — когда абсолютно нечего в рот положить, когда все крошки съестного подобраны и уничтожены, когда стельные коровы поголовно не доятся, а природа, скованная холодом, сурово отстраняет всякие попытки добыть пищу, повторяются ежегодно, и две трети якутского народа страдает от них более или менее продолжительное время».[2]

[1] В. Ф. Трощанский. Наброски о якутах Якутского округа. Казань, 1911, стр. 17.
[2] В. Л. Серошевский. Якуты (опыт этнографического исследования), 1. СПб., 1896, стр. 423.

Зато из среды зажиточной верхушки якутского улуса выдвигались отдельные богачи — обладатели десятков тысяч рублей. Крупные состояния складывались на основе главным образом торговли и разных спекуляций, но владельцы их не брезговали и старыми патриархально-феодальными методами эксплуатации для создания своих капиталов.

Придавленная всевластьем тойонов масса улусной бедноты почти не осмеливалась протестовать и бороться за свои права. Лишь изредка тойонский гнет вызывал вспышки протеста, но они оставались разрозненными и быстро подавлялись. Таким было выступление Василия Манчары (1830—1850-е годы), героя якутских легенд.

При наличии резких классовых противоречий весьма характерным было сохранение в якутском общественном строе некоторых очень архаических пережитков, накладывавших на этот общественный строй своеобразный отпечаток. Некоторые из этих пережитков представляли собой не более как форму, утратившую свое первоначальное содержание.

У якутов до самой революции сохранилось деление на роды (*аҕа-ууһа*). Но эти роды были чисто административными единицами, узаконенными «Уставом об инородцах» 1822 г., хотя они действительно были связаны исторической преемственностью с древними родами эпохи родоплеменного строя.

Во главе этих административных родов стояли выборные старшины (по-якутски называвшиеся по-старинному «князьцами» — *кинээс*, или *аччыгый кинээс* — «малый князец»). Несколько родов объединялось в наслег, которым управлял выборный же (но фактически чаще наследственный) староста, по-якутски *улахан кинээс* — «большой князь», вместе с родовыми старшинами составлявший «родовое управление». Группа наслегов образовывала улус, во главе которого стояли выборный улусный голова и «инородная управа». Улусы, а также и некоторые из наслегов и даже родов были исторически связаны с древними якутскими племенами, имена которых они продолжали носить: Мегинский, Борогонский, Батурусский, Намский, Западно- и Восточно-Кангаласский и другие улусы, Бетюнские, Батулинские, Оспецкие и другие наслеги.

В конце XIX в. в Якутской области (по 4 округам: Якутскому, Вилюйскому, Верхоянскому и Колымскому, ибо в 5-м округе, Олекминском, улусы были заменены волостями русского типа) насчитывалось всего 17 улусов, делившихся на 230 наслегов и на 934 рода.

В этой административной системе родовых делений сохранилась лишь терминология родоплеменного строя. Фактически родовые управления и инородные управы были лишь органами власти господствующего тойонского слоя (конечно, подчиненными в свою очередь царской администрации); сидевшие в них головы, старосты и старшины, если не происходили сами из тойонов, то были лишь исполнителями их воли. Родовые и наслежные сходы (*муннях*), на которых бедпота не смела и рта открыть, играли ту же самую роль.

Таким образом, высказывавшиеся не раз мнения о том, что у якутов родовой строй сохранился вплоть до XX в., представляет собой глубокую ошибку.

Столь же ошибочно и мнение некоторых этнографов о существовании у якутов элементов матриархата. Это мнение основано на том, что у якутов существовало деление ага-ууса (отцовских родов) на более мелкие группы — *ийэ-ууһа* (буквально «материнские роды»). Последние действительно фигурируют и в официальных документах XIX в. под названием «племенных родов». Но, вопреки их якутскому названию, эти ийе-ууса не были настоящими материнскими родами; счет родства и происхождения в них велся не по женской, а по мужской линии. Название же «ийе-ууса»

объясняется, видимо, тем, что эти подразделения родов вели свое происхождение от потомков одного прародителя рода, но от разных его жен.

Более непосредственные, хотя тоже более или менее модифицированные пережитки первобытно-общинных отношений сохранялись у якутов в некоторых характерных обычаях. Таковы, например, элементы коллективизма в рыболовческом хозяйстве. У якутов сохранился обычай общественной неводьбы на озерах и реках, принадлежавших отдельным наслегам и родам. Получавшаяся при этом, иногда весьма обильная добыча делилась тут же не только между всеми участниками неводьбы, но даже и между присутствующими зрителями (последние получали, правда, меньше, чем работавшие). На севере аналогичный обычай применялся, например, при ловле линяющих гусей, которых добывали десятками тысяч.

Очень архаический характер сохранил также обычай взаимных подарков (*бэлэх*). Якут ехал в гости к своему родственнику или просто знакомому, иногда в отдаленную местность и получал от хозяина, как бы в благодарность за визит, подарок: коня, седло, известное количество мяса и пр.; в свою очередь он, по обычаю, должен был, хотя бы через большой срок, пригласить дарителя к себе и отдарить приблизительно равноценной вещью. Такие взаимные подарки и отдарки часто приурочивались к свадебным обрядам, но иногда делались сами по себе.

Соблюдался и обычай гостеприимства. Заехавшего, хотя бы совсем чужого гостя хозяева должны были накормить тем, что ели сами. Так как этот обычай противоречил воспитанной товарными отношениями собственнической психологии, то он рассматривался зачастую как неизбежное зло, которое старались всячески обойти; отсюда нередко описывавшиеся комические эпизоды, когда хозяева (чаще богатые) поспешно прятали приготовленные к столу кушанья, завидев подъезжающего гостя, а тот предпринимал различные маневры для раскрытия утаенного угощения. По старому обычаю, хозяин также обязан был пригласить родственников и соседей, когда колол скотину, и угостить всех мясом. Неисполнение этого обычая вызывало всеобщее осуждение.

Помимо подобных отдельных обычаев, характерно сохранение в якутском обществе, правда, плохо осознаваемой, патриархальной идеологии, которая, конечно, не соответствовала реальным отношениям, но зато хорошо служила интересам тойонов, умело ею пользовавшихся. Тойоны любили выставлять себя в качестве родоначальников, руководителей и покровителей своих родов; они искусно разжигали разные межродовые споры (чаще всего из-за земли), тем самым поддерживая фикцию общности интересов рода. Хищника-тойона ограбленный им бедняк-сородич называл *ага* (отец) и должен был считать его своим «благодетелем».

Семейные обычаи

Первичной ячейкой общественного строя якутов давно уже сделалась отдельная семья (*кэргэн* или *ыал*), состоящая из мужа, жены и детей, однако часто со включением и других родственников, живущих вместе. Женатые сыновья обычно выделялись в особое хозяйство. Семья была моногамная, но еще не так давно, в начале XIX в., среди зажиточной части населения существовала и полигамия, хотя количество жен не превышало обычно двух-трех. Жены в таких случаях жили часто врозь, ведя каждая свое хозяйство; якуты объясняли этот обычай удобством ухода за скотом, распределенным между несколькими женами.

Заключению брака предшествовало, иногда задолго, сватовство. Сохранились остатки экзогамии (известной еще по документам XVII в.): до новейшего времени старались брать жену в чужом роде, а богатые, не ограничиваясь этим, искали невест по возможности в чужом наслеге и даже улусе. Высмотрев невесту, жених, или его родители, посылали своих

родственников сватами. Последние, с особыми церемониями и условным языком, уговаривались с родителями невесты о их согласии и о размерах калыма (*халыым*, или *сулуу*). Согласия самой невесты в старину вовсе не спрашивали. Калым состоял из скота, но размеры его сильно колебались: от 1—2 до многих десятков голов; в состав калыма всегда входило и мясо битого скота. В конце XIX в. усилилось стремление переводить калым на деньги. Часть калыма (*курум*) предназначалась для угощения во время свадебного пира (в документах XVII в. слово «курум» означает иногда вообще калым). Уплата калыма считалась обязательной, выйти замуж без него девушка считала для себя бесчестьем. В добывании калыма жениху помогала родня, иногда даже отдаленные сородичи: в этом проявлялся старинный взгляд на свадьбу как на общеродовое дело. В распределении полученного калыма тоже участвовала родня невесты. Со своей стороны жених получал за невестой приданое (*энньэ*) — отчасти тоже скотом и мясом, но больше предметами одежды и утвари; ценность приданого составляла в среднем половину ценности калыма.

В самих свадебных обрядах тоже большую роль играл род. В старинных свадьбах участвовало много гостей, родня жениха и невесты, соседи и др. Торжества длились по нескольку дней и состояли из обильных угощений, разных обрядов, развлечений — игр и плясок молодежи и пр. Ни жених, ни невеста не только не занимали центрального места во всех этих празднествах, но почти и не участвовали в них.

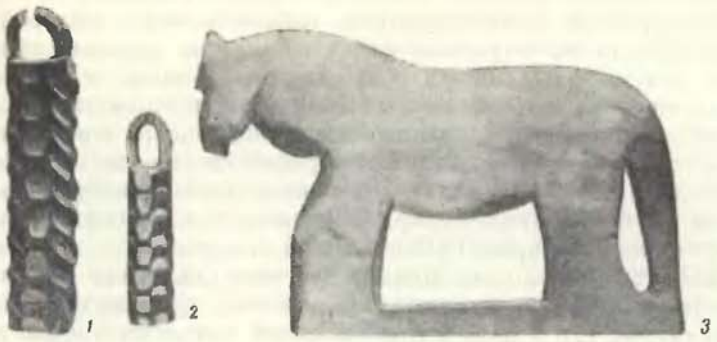
Подобно свадебным обрядам терминология родства тоже сохранила в себе следы более ранних форм брака. Название сына — *уол* — значит собственно «мальчик», «юноша»; дочери — *кыыс* — «девочка», «девушка»; отец — *аҕа* (буквально «старший»); жена — *ойох*, но в некоторых местах жену зовут просто *дьахтар* («женщина»), *эмээхсин* («старуха») и т. п.; муж — *эр*; старший брат — *убай* (*бии*), младший — *ини*; старшая сестра — *эдьий* (*агас*), младшая — *балыс*. Последние 4 термина служат и для обозначения некоторых дядей и теток, племянников и племянниц и других родственников. В общем якутская система родства близка к системам обозначения родства ряда тюркских народов.

Положение женщин и в семье и в общественной жизни было приниженным. Муж — глава семьи — пользовался деспотической властью, и жена не могла даже жаловаться на дурное обращение, которое бывало довольно частым явлением, если не со стороны мужа, то со стороны его родни. Бесправная и беззащитная женщина-чужеродка, попавшая в новую семью, обременялась тяжелой работой.

Тяжелым было также положение стариков, одряхлевших и утративших трудоспособность. О них мало заботились, плохо кормили и одевали, иногда даже доводили до нищенства.

Положение детей, несмотря на отмечавшуюся многими наблюдателями любовь якутов к детям, было тоже незавидным. Рождаемость у якутов была очень высока; в большинстве семей рождалось от 5 до 10 детей, нередко до 20 и даже выше. Однако вследствие тяжелых условий жизни, плохого питания и ухода была очень высокой и детская смертность. Кроме родных детей, во многих, особенно малодетных, семьях были часто приемные дети, которых нередко попросту покупали у бедняков.

Новорожденных обмывали у огня камелька и натирали сливками; последняя операция производилась и позже довольно часто. Мать кормила ребенка грудью долго, иногда до 4—5 лет, но наряду с этим ребенок получал и рожок с коровьим молоком. Якутская колыбель представляет собой продолговатый ящик из тонких гнутых дощечек, куда завернутого ребенка укладывали, привязывая ремнями, и оставляли так на долгое время, не вынимая; колыбелька снабжена желобом для стока мочи.



Деревянные игрушки

1 — бык; *2* — корова; *3* — лошадь.

Подрастающие дети ползали обычно на земляном полу вместе с животными, полуголые или совсем голые, предоставленные самим себе, причем уход за ними нередко ограничивался привязыванием на длинный ремень к столбу, чтобы ребенок не попал в огонь. Уже с раннего возраста дети бедноты приучались исподволь к труду, исполняя посильные для них работы: сбор хвороста в лесу, уход за мелким скотом и пр.: девочек приучали к рукоделью и домашним занятиям. Дети тойонов получали лучший уход, их баловали и нежили.

Игрушек у детей было мало. Это были обычно самодельные, сделанные родителями, а иногда и самими детьми деревянные фигурки животных, маленькие луки и стрелы, маленькие домики и разная утварь, у девочек — куклы и их маленькие костюмчики, одеяла, подушки и пр. Игры якутских детей несложны и довольно однообразны. Характерно отсутствие шумных массовых игр; вообще дети якутской бедноты росли обычно тихими, малоподвижными.

Религия

Еще во второй половине XVIII в. большая часть якутов была крещена, а в XIX в. все якуты уже числились православными. Хотя переход в православие вызывался большей частью материальными мотивами (разные льготы и подачки крещаемым), но постепенно новая религия входила в быт. В юрте, в красном углу, висели иконы, якуты носили кресты (любопытны большие серебряные нагрудные кресты-украшения у женщин), ходили в церковь, многие из них, особенно тойоны, были ревностными христианами. Это и понятно, так как христианство гораздо лучше, чем шаманизм, было приспособлено для удовлетворения классовых интересов богачей. При всем том, однако, старая, дохристианская религия вовсе не исчезла: старые верования, хотя и несколько видоизмененные влиянием христианских идей, продолжали упорно держаться, шаманы — служители старого культа — по-прежнему пользовались авторитетом, хотя и вынуждены были более или менее скрывать свою деятельность от царской администрации и духовенства. Шаманство и связанные с ним анимистические верования оказались, пожалуй, наиболее устойчивой частью старой якутской религии.

Шаманство якутов всего ближе стояло к тунгусскому типу. Якутский шаманский бубен (широкоободный, овальный) ничем не отличался от тунгусского, костюм был тоже тунгусского типа, за исключением того, что якутские шаманы камлали с непокрытой головой. Сходство касается не только этой внешней стороны, а и более существенных особенностей шаманских верований и обрядов.

Якутский шаман (*ойуун*) считался профессиональным служителем духов. По якутским представлениям, шаманом мог сделаться всякий, кого духи изберут на служение себе; но обычно шаманы происходили из одних и тех же фамилий: «в роду, где раз объявился шаман, он уже не переводится», — говорили якуты. Кроме мужчин-шаманов, были и женщины-шаманки (*удаҕан*), считавшиеся даже более могущественными. Признаком готовности к шаманской профессии обычно являлось нервное заболевание, которое и считалось свидетельством «избрания» человека духами; за этим следовал период обучения под руководством старого шамана и, наконец, обряд публичного посвящения.

Считалось, что избравший шамана дух становился его духом-покровителем (*эмэгэт*). Верили, что это душа одного из умерших великих шаманов. Изображение его в виде медной плоской человеческой фигуры нашивалось в числе других подвесок на груди шаманского костюма; это изображение тоже называлось эмэгэт. Дух-покровитель давал шаману силу и знание: «Шаман видит и слышит только посредством своего эмэгэт». Кроме этого последнего, каждый шаман имел своего звериного двойника (*ийэ-кыыл* — «мать-зверь») в образе невидимого орла, жеребца, быка, медведя и т. п. Наконец, помимо этих личных духов, каждый шаман во время камлания вступал в общение с целым рядом других духов в зверином или человеческом образе. Разные категории этих духов, так или иначе связанных с деятельностью шамана, имели определенные наименования.

Самая важная и многочисленная группа духов были *абааһы* (или *абаасы*), духи-пожиратели, действию которых и приписывали разные болезни. Лечение шаманом больного в представлении верующих якутов в том и заключалось, чтобы выяснить, какие именно абаасы причинили болезнь, вступить в борьбу с ними, либо принести им жертву, изгнать их из больного. Абаасы живут, по шаманским представлениям, своими племенами и родами, со своим хозяйством, частью в «верхнем», частью в «нижнем» мире, а также в «среднем» мире, на земле.

Живущим в «верхнем» мире приносили в жертву лошадей, в «нижнем» — рогатый скот. К абаасы были близки также *үөр* — злые духи, по большей части мелкие, представлявшие собой души умерших преждевременной и насильственной смертью людей, а также души умерших шаманов и шаманок, колдунов и пр. Этим *юёр* тоже приписывалась способность причинять людям болезни; но живут они в «среднем» мире (на земле и около нее). Представления об *юёр* очень близки к русским старинным поверьям о «нечистых» или «заложных» покойниках. Помощниками шамана во время камлания, помогавшими ему делать разные фокусы, считались мелкие духи *кэлэны*.

Из великих божеств шаманского пантеона на первом месте стоял могучий и грозный Улуу-Тойон, глава духов верхнего мира, покровитель шаманов. «Он создал шамана и научил его бороться со всеми этими бедами; он подарил людям огонь». Живя в верхнем мире (на западной стороне третьего неба), Улуу-Тойон может также спускаться на землю, воплощаясь в крупных зверей: медведя, лося, быка, черного жеребца. Ниже Улуу-Тойона располагаются другие более или менее могучие божества шаманского пантеона, каждое из которых имело свое имя и эпитет, свое местопребывание и свою специальность: таковы Ала Буурай Тойон (Арсан Дуолай, или Аллара-Огоньор — «подземный старик») — глава подземных абаасы, создатель всего вредного и неприятного, Аан Арбатыы Тойон (или Архах-Тойон) — вызывающий чахотку и др.

Наличие образов великих божеств в шаманском пантеоне якутов отличает якутское шаманство от тунгусского (у тунгусов не была развита

вера в великих богов) и ставит его близко к шаманизму алтайско-саянских народов: вообще это — черта более поздней стадии развития шаманизма.

Главные функции шаманов состояли в «лечении» больных людей и животных, а также в «предотвращении» всяких несчастий. Приемы их деятельности сводились к камланию (с пением, пляской, ударами в бубен и пр.), обычно ночному, во время которого шаман доводил себя до исступления и, по поверью якутов, душа его летала к духам или эти последние входили в тело шамана; путем камлания шаман побеждал и изгонял враждебных духов, узнавал от духов о необходимых жертвах и приносил их и т. д. Попутно во время камлания шаман выступал в качестве гадателя, отвечая на разные вопросы присутствующих, а также проделывал разные фокусы, которые должны были повысить авторитет шамана и страх перед ним.

За свои услуги шаман получал, особенно в случае успеха камлания, определенную плату: величина ее колебалась от 1 р. до 25 р. и больше; сверх того, шаман всегда получал угощение и ел жертвенное мясо, а иногда брал часть его домой. Хотя шаманы обычно имели свое собственное хозяйство, иногда и немалое, плата за камлание составляла для них значительную доходную статью. Особенно же тяжелым для населения было требование шаманов приносить кровавые жертвы.

Почти с таким же суеверным страхом, как к шаманам, относились иногда и к кузнецам, особенно к наследственным, которым приписывались разные таинственные способности. Кузнец считался отчасти родней шаману: «кузнец и шаман из одного гнезда». Кузнецы могли лечить, давать советы и даже предсказывать. Кузнец ковал железные подвески для шаманского костюма, и уже одно это внушало страх перед ним. Кузнец имел особую силу над духами, ибо, по поверью якутов, духи боятся стука железа и шума кузнечных мехов.

Кроме шаманства, существовал у якутов другой культ: промысловый. Главное божество этого культа — Бай-Баянай, лесной дух и покровитель охотничьего и рыбного промысла. По некоторым представлениям, существовало 11 братьев Баянаев. Они давали удачу на промысле, и поэтому охотник перед промыслом обращался к ним с призыванием, а после удачного промысла жертвовал им часть добычи, бросая кусочки жира в костер или обмазывая кровью деревянные затесины — изображения Баяная.

С промысловым хозяйством, повидимому, было связано представление об *иччи* — «хозяевах» разных предметов. Якуты верили, что все животные, деревья, разные явления природы имеют иччи, так же как и некоторые домашние предметы, например нож, топор. Эти иччи сами по себе не добры и не злы. Чтобы задобрить «хозяев» горы, утесов, реки, леса и пр., якуты в опасных местах, на перевалах, переправах и пр. приносили им маленькие жертвы в виде кусков мяса, масла и другой пищи, а также лоскутов материи и т. п. К этому же культу примыкало почитание некоторых животных. Особенным суеверным почитанием пользовался медведь, которого избегали называть по имени, боялись убивать и считали колдуном-оборотнем. Почитали также орла, которого звали *тойон кыыл* («господин зверь»), ворона, сокола и некоторых других птиц и животных.

Все эти верования восходят к древнему промысловому хозяйству якутов. Скотоводческое же хозяйство также породило свой круг представлений и обрядов. Это — культ божеств плодородия, слабее других верований сохранившийся до новейшего времени и потому менее известный. Именно к этому кругу представлений относились, очевидно, вера в *айыы* — благодетельные существа, божества — податели разных благ. Местожительство айыы предполагалось на востоке.

Первое место среди этих светлых духов принадлежало Урун-Айыы-Тойону («белый создатель господин»), обитал он на восьмом небе, был добр и не вмешивался в дела людей, поэтому и культа его, кажется, не существовало. Образ Айыы-Тойона, впрочем, сильно перемешался с чертами христианского бога. По некоторым верованиям, еще выше Айыы-Тойона стоял Аар-Тойон, обитатель девятого неба. Ниже их следовало большое количество других светлых божеств, более или менее деятельных и приносящих разные блага. Наиболее важной фигурой из них считалось женское божество *Айыыһыт* (Айыысыт), подательница плодородия, покровительница рожениц, дававшая детей матерям. В честь Айыысыт приносили жертву во время родов, и так как считалось, что после родов богиня 3 дня гостит в доме, то по истечении трех дней устраивался особый женский обряд (мужчины на него не допускались) проводов Айыысыт.

Главным чествованием светлых божеств — покровителей плодородия был встарину кумысный праздник — *ыһыах*. Такие праздники устраивались весной и в половине лета, когда молока было много; устраивались они на открытом воздухе, на лугу, при большом стечении народа; главным моментом ысыаха были торжественное возлияние кумыса в честь светлых божеств, моления этим божествам, торжественное питье кумыса из особых больших деревянных кубков (*чороон*). После этого устраивалось пиршество, затем разные игры, борьба и пр. Главную роль на этих праздниках в прошлом играли служители светлых божеств, так называемые *айыы-ойууна* (по-русски «белые шаманы»), которые, впрочем, давно уже перевелись среди якутов в связи с упадком всего этого культа. В конце XIX в. о белых шаманах сохранились только предания.

В этих культах как благодетельных, так и грозных божеств играла роль некогда военная аристократия — тойоны; последние были обычно устроителями и ысыахов. В своих легендарных генеалогиях тойоны нередко выводили свои фамилии от того или иного из великих и могучих божеств.

Древние ысыахи содержали в себе и элементы родового культа: по преданию, они встарину устраивались по родам. У якутов сохранились и другие пережитки родового культа, но тоже лишь в виде слабых следов. Так, у них сохранились элементы тотемизма, отмеченные еще в литературе XVIII в. (Страленберг). Каждый род имел когда-то своего покровителя в виде животного; такими тотемами родов были ворон, лебедь, сокол, орел, белка, горностай, белогубый жеребец и др. Своего покровителя члены данного рода не только не убивали и не употребляли в пищу, но даже не называли по имени.

С остатками родового культа связано и сохранившееся среди якутов почитание огня. Огонь, по поверьям якутов, чистейший элемент, и его запрещалось осквернять и оскорблять. Перед началом всякой еды встарину бросали кусочки пищи в огонь, брызгали в него молоком, кумысом и пр. Все это считалось жертвой хозяину огня (Уот-иччитэ). Последний представлялся иногда не в единственном числе, а в виде 7 братьев. Изображений их не делали. Культ предков у якутов был представлен слабо. Из умерших особенно почитались шаманы и разные выдающиеся люди, духов которых (*юёр*) почему-либо боялись.

Народное творчество

Народное творчество якутов развивалось несколько односторонне, но в определенных областях достигло высокого художественного уровня. Наряду с богатым, разнообразным, глубоко поэтичным устным творчеством (фольклором), у якутов гораздо менее развито пение и почти совершенно отсутствует инструментальная музыка, пляска же довольно бедна и однообразна. В области изобразительных искусств у якутов получили раз-

витие только прикладные его формы — художественная отделка и орнаментация предметов обихода.

В словесном творчестве якутов можно выделить целый ряд жанров и форм. Одна из наиболее интересных — это богатырские былины — *олонхо*.

Последние представляют собой очень старинный род народной поэзии, порождение эпохи родоплеменного быта. Язык олонхо — архаический, со множеством устаревших, почти непонятных слов и оборотов и в то же время богатый, красочный и образный; словарь былин содержит в себе чуть не вдвое больше слов, чем обиходный язык. Эти произведения поэтому плохо поддаются переводу на другой язык. Сюжетом олонхо являются подвиги сказочных богатырей (*боотур*), их борьба со злыми силами — абаасы. Вокруг образов некоторых особенно излюбленных героев (Хан-Джаргыстай, Нюргун Боотур, Бэрт-Хара, «Белый юноша») созданы целые циклы олонхо; иные из этих циклов так обширны, что для исполнения их требуется несколько дней подряд. Исполнителями олонхо были особые сказители — *олонхохут'ы*. Хороший олонгхосут пользовался большим уважением в народе. Он должен обладать огромной памятью, ибо требуется знать наизусть десятки и сотни тысяч стихов, большим художественным чутьем и в то же время хорошим голосом и музыкальным слухом, так как олонхо исполнялись частью нараспев. Исполнению олонхо специально обучались. Приглашенного сказителя старались получше угостить, слушать его собиралось много народу. Иногда олонхо исполнялось одновременно несколькими сказителями, которые более или менее драматизировали былину, деля между собой роли действующих лиц: один пел партию героя, другой — его противника, третий брал на себя повествовательную и описательную часть былины. Знание и исполнение олонхо к началу XX в. все более и более приходило в упадок, хороших олонхосутов становилось меньше; коллективное пение былин почти совсем вышло из обихода.

Рядом с былинным эпосом стоят различные исторические предания якутов — *былырги сэһэннэр* («старинные рассказы») или *өбүгэ сэһэннэрэ* («рассказы предков»). Сюжетом их являются подлинные исторические события, героями — исторические лица; разумеется, то и другое сильно изменено и украшено легендарными мотивами; предания изобилуют анахронизмами, и отнести их к определенной эпохе невозможно без сопоставления с документальными источниками. Последние показывают, что историческое зерно в преданиях обычно есть. Наиболее известные из таких преданий — рассказы о «якутском царе» Тыгыне (в действительности — Кангаласский тойон, живший в XVII в.), о его сопернике Лёгёе (Борогонский тойон той же эпохи) и др. Вероятно, историческое ядро присутствует и в широко распространенных преданиях о прародителях якутов — Омохое и Эллее, приплывших с юга по Лене; эти предания, впрочем, распространены главным образом среди якутов ленско-амгинских улусов и меньше известны на Вилюе и в северных районах.

Богат и интересен также сказочный эпос якутов (*остуоруйа* — от русск. «история», или *кэпсэн*), особенно сказки о животных. В отличие от былин, сказки не поются, а рассказываются; язык их совсем другой, более простой и обыденный.

Следует отметить также многочисленные и разнообразные пословицы, поговорки (*өс хоһооно*) и загадки (*таабрын*), порой чрезвычайно меткие и остроумные. Вот несколько образцов загадок: «Посреди моря плавает серебряная миска» (солнце); «вечером моя мать родила, утром я мать мою родил» (замерзание и таяние льда); «четыре ребенка постель стелют» (копыта коня); «на пень упавший снег, говорят, не тает» (седина);

«два человека с двух сторон озерка бьют шестами» (ресницы); «мать ржет, а детеныш убегает» (ружье, пуля); «по подземелью ворище ходит, говорят» (невод). Образцы пословиц и поговорок: «с больного места не сходит рука, с любимого глаз не сводишь, как говорится»; «молчаливый всегда слывет за умного»; «нужда хлещет лозы больнее»; «без ветра дерево не колышется» («нет дыма без огня»); «богатый богатством своим не удовлетворяется, как говорится»; «этот демон только тем человек, что еду поглощает» (о богачах) и др.

Якуты очень любят красноречие. Умение произнести хорошую речь на собрании высоко ценится, оратора приветствуют возгласами одобрения.

Что касается песен (*ырыа*), то их мелодии несложны и однообразны, но виды их различны, а образы нередко художественны. Можно выделить песни любовные (девичьи и юношеские), плясовые, шуточные, шаманские и пр, а также песни-импровизации, когда человек напевает о том, что он видит или делает. Мотив такой песни очень прост и состоит обычно из повторения двух-трех нот.

Всякая другая музыка, кроме вокальной, у якутов отсутствовала. Музыкальных инструментов не было, если не считать шаманского бубна да *хомус'а* — маленького железного зубного варгапчика, известного едва ли не всем народам Старого Света.

Танцы якутов очень своеобразны. Особенный интерес представляет хороводный танец *оһуохай*, исполняемый во время праздников.

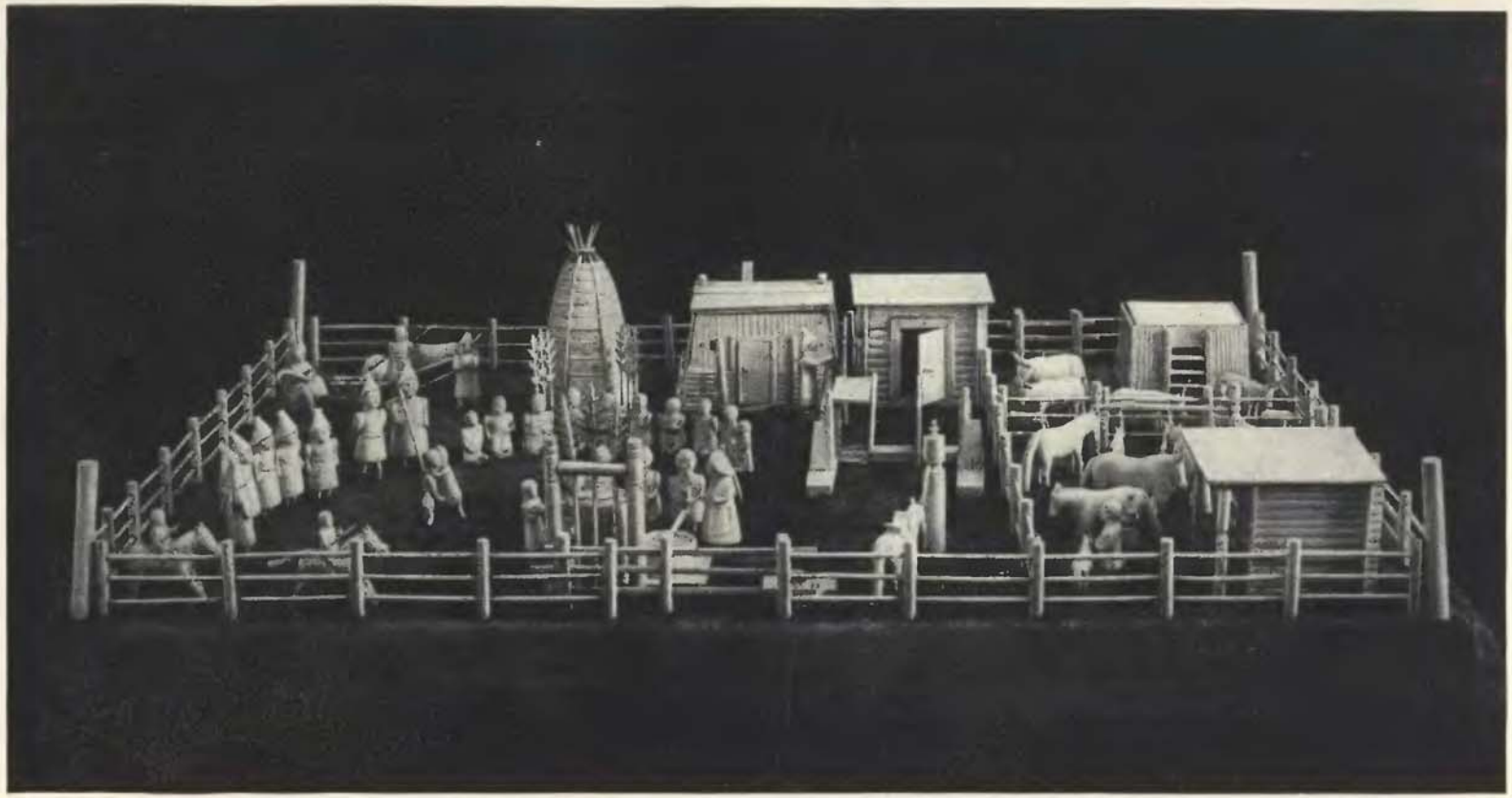
Танцующие становятся в круг, берясь под руки, и в такт, под пение, величественной поступью движутся влево по направлению движения солнца. В разных местностях имеются свои особые варианты со своими названиями: *хайгатар*, *олекминский оһуохай* и др. Имеются также разнообразные подвижные танцевальные игры, как то: *атах-тэпсии*, *дьиэрэҥкэй*, *кулун-кумуруһу* и др.

Декоративное искусство у якутов достигло значительного развития. Художественная резьба по дереву и мамонтовой кости; художественное литье и чеканка из серебра, меди, золота; вышивка и аппликация по коже и тканям; аппликация и мозаичная работа из меха; художественное плетение из конского волоса — таковы те работы на доступном якутам материале, в которых особенно проявился художественный вкус и умение их мастеров. Самостоятельных произведений изобразительного искусства, не служащих декоративным целям, у якутов, как и вообще в народном искусстве в прошлом, в сущности не было, если не считать культовых фигурок животных и людей, изготовлявшихся шаманами, и позднейших резных скульптур — подражания русским образцам.

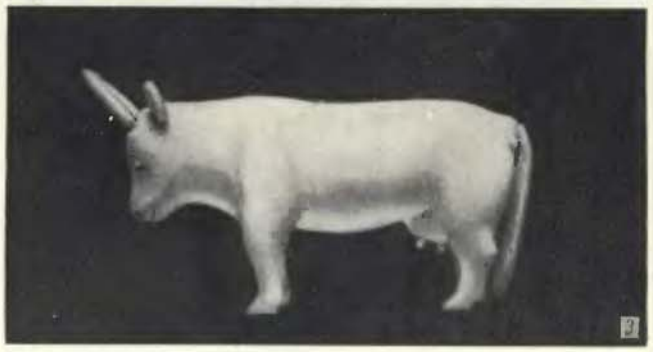
Стиль якутского орнамента своеобразный, хотя в нем есть и тунгусские, и монгольские, и другие элементы. Преобладают геометрические мотивы, порой довольно сложные. В резьбе на деревянной посуде — круговой орнамент из прямых, зубчатых и волнообразных линий с точками, поперечными и косыми черточками и пр., покрывающий почти сплошь всю поверхность. В чеканке, литье, так же как в тиснении по бересте, преобладают симметричные закругленные фигуры — завитки, пальметки, меандры и пр. с линейными рамками, концентрическими кругами и т. п. Особенно характерен орнамент, покрывающий чепраки и подседельники: здесь бросается в глаза большая центральная фигура двурогой лиры — мотив чисто якутский.

Было развито чернение серебра, окраска дерева и ольхи ольховым отваром.

В подборе красок обнаруживается предпочтение черному, красному, отчасти желтому и синему. Это проявляется и в подборе тканей соответствующих цветов.

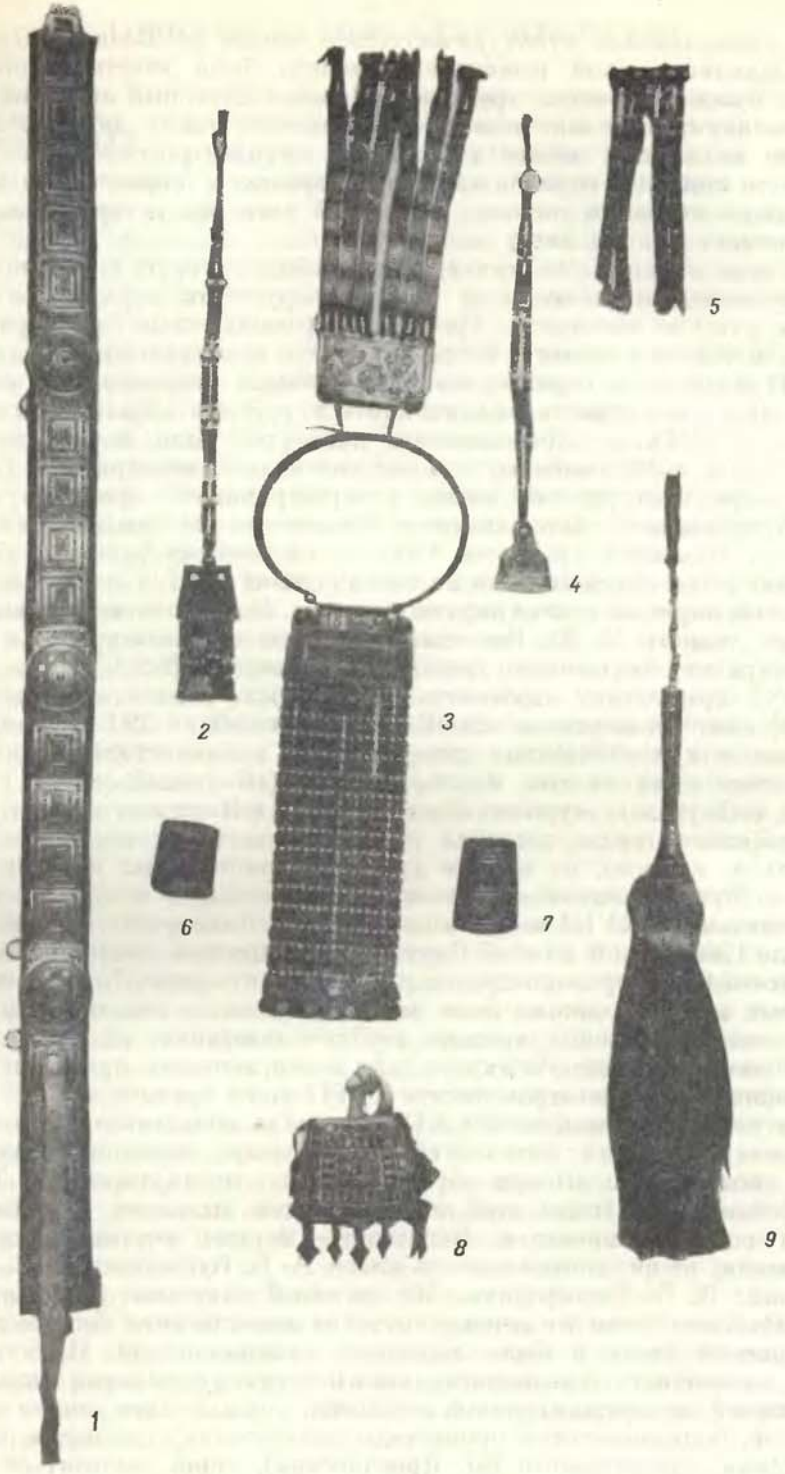


Якутская усадьба. Скульптура из кости. XIX в.



Резьба по кости. XIX в.

1 — гребень; *2* — фигурка лошади; *3* — фигурка коровы



Украшения из серебра

1 —серебряный наборный пояс; *2* — украшение к косам; *3* — гривна; *4* — женское огниво; *5* — подвеска к косам *6*, *7* — браслеты; *8* — женская сумочка; *9* —опахало

* * *

Так складывалась культура якутского народа до Великой Октябрьской социалистической революции. Тяжела была участь угнетенных, забитых нуждой якутских трудящихся масс. Одаренный якутский народ под игом царизма не мог развить богатых творческих задатков и оставался на положении одного из отсталых народов российской окраины. Но и в те тяжелые годы бился пульс народного творчества, и многое, что создано якутским народом за долгие века его истории, сохраняет высокую ценность и в наши дни.

Особенно важна была культурная помощь, которую якуты получали и в дореволюционные годы от братского русского народа. Не только рядовые русские поселенцы, крестьяне, промышленные люди приносили с собой в Якутию навыки более высокого культурного уклада. Еще в XVIII в., в связи с развертыванием больших академических экспедиций, в Якутском крае стали появляться русские образованные люди, ученые. В XIX в. проводниками культуры были в Якутии главным образом политические ссыльные, начиная с декабристов. Были и другие передовые русские люди, распространявшие среди якутов начала образованности. Они заложили, в частности, основы якутской письменности. Якутский уроженец Уваровский записал русскими буквами несколько якутских текстов, и по ним академик О. Н. Бётлингк в 1851 г. дал первый научный анализ якутского языка. По инициативе выдающегося русского ученого И. Е. Вениаминова (бывшего миссионера на Алеутских островах) священник Дмитрий Хитров в 1858 г. издал первую «Краткую грамматику якутского языка». Было издано несколько (церковных) книг на якутском языке. После революции 1905 г. начали появляться и художественная литература и публицистика на якутском языке: выходили газеты «Саха-Дойдута» («Якутский край»), «Саха-Олого» («Якутия»), журнал «Саха-Сангата» («Якутская мысль»).

Образование среди широких народных якутских масс продолжало оставаться, конечно, на низком уровне. Национальных якутских школ не было. Русские школы — церковные и казенные — начали появляться в Якутии еще в XVIII в., но количество их было очень невелико. Еще в начале 1900-х годов во всей Якутии насчитывалось начальных сельских школ всего 11, а церковно-приходских и школ грамоты 57. Для широких народных масс эти школы были мало доступны, а еще менее доступны были немногочисленные средние учебные заведения: их было всего 5 и то только в городе. Из якутов туда могли попадать преимущественно дети тойонов. Уровень грамотности к 1917 г. не превышал 2%.

Тем не менее уже к концу XIX в. начала появляться, хотя и малочисленная, якутская интеллигенция: учителя, чиновники, адвокаты, врачи, получившие высшее образование по преимуществу в Томском университете. Из среды этой интеллигенции выходили отдельные любители родной старины и фольклора — первые якутские этнографы-собиратели; из них можно назвать имена А. Е. Кулаковского, С. А. Новгородова, В. В. Никифорова. Но по своей классовой принадлежности и по своей идеологии эти первые якутские интеллигенты больше тяготели к тойонской среде и были заражены национализмом. Наряду с этой буржуазно-тойонской интеллигенцией в последние годы перед Октябрьской революцией из среды якутской молодежи, под влиянием социал-демократической, большевистской пропаганды политических ссыльных (особенно из кружка, руководимого Ем. Ярославским), стала выделяться небольшая прослойка передовых деятелей якутской культуры, стремившихся в тесном союзе с русскими трудящимися добиться общего освобождения от царского и капиталистического гнета.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Образование Якутской АССР

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец колонизаторской политике царизма на окраинах России и создала условия для расцвета ранее угнетенных народов. Весть о победе пролетарской революции трудящиеся Якутии встретили с огромным воодушевлением. Однако советская власть в Якутии установилась только летом 1918 г., когда в Якутск прибыл сводный отряд Красной Армии, оказавший помощь якутским трудящимся в разгроме буржуазно-тойонской реакции.

Установление советской власти в Якутии, как и во всей стране протекало в ожесточенной борьбе против внутренних и внешних врагов. Осенью 1918 г. власть в Якутске при содействии меньшевиков и эсеров захватили колчаковцы. Не успели трудящиеся Якутии свергнуть контрреволюционную колчаковскую власть (15 декабря 1919 г.), как разгорелись, особенно с осени 1921 г., кулацко-белогвардейские мятежи, которые возглавили скрывавшиеся в глухих районах остатки царского офицерства и якутские тойоны.

Еще в апреле 1921 г. В. И. Ленин в приветственной телеграмме конференции якутской бедноты выразил надежду, что «раскрепощенные от царистского угнетения, освобождающиеся от кабалы тойонов, якутские трудящиеся массы пробудятся и с помощью русских рабочих и крестьян выйдут на путь полного укрепления власти самих трудящихся».[1]

16 февраля 1922 г. Президиум ВЦИК вынес решение об образовании Якутской АССР. 27 апреля 1922 г. Президиум ВЦИК под председательством М. И. Калинина еще раз рассмотрел этот вопрос и постановил: «Образовать Якутскую автономную социалистическую советскую республику как федеративную часть РСФСР с административным центром в городе Якутске».

Осенью 1922 г. над молодой Якутской автономной республикой нависла серьезная угроза: американские и японские империалисты перебросили в Якутию из Маньчжурии банду генерала Пепеляева. От американской фирмы «Олаф Свенсон» и английской «Гудзон-Бей» генерал Пепеляев получил полмиллиона рублей золотом. Американцы и японцы снабдили Пепеляева оружием, обмундированием и снаряжением. Поставки продовольствия и оружия взяла на себя японская фирма «Арай-Гуми». Якутский народ поднялся на защиту своей молодой республики. В марте 1923 г. с помощью частей Красной Армии авантюра генерала Пепеляева была ликвидирована.

В разгаре борьбы с пепеляевщиной в декабре 1922 г. состоялся I Всеякутский учредительный съезд советов, избравший Центральный Исполнительный Комитет и Совет Народных Комиссаров ЯАССР. Свою национальную независимость якутский народ получил из рук российского пролетариата, руководимого Коммунистической партией. В 1925 г. на III Всеякутском съезде советов была принята Конституция ЯАССР. В 1937 г. была выработана и 9 марта этого же года утверждена созданная на основе Конституции СССР новая Конституция Якутской АССР. Статья 1 конституции гласит: «ЯАССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян».

---

[1] Ленинский сборник, т. XX, стр. 327.

Промышленность и транспорт

За годы пятилеток в Якутии выросла крупная социалистическая промышленность. В настоящее время в Якутской АССР наряду с золотопромышленностью, промышленностью цветных металлов и слюдяной большую роль играют угольная, судостроительная, промышленность строительных материалов, полиграфическая, а также рыбная и масло-молочная промышленности.

Золото начали добывать в соседних с Якутией районах (в бассейнах Витима и Олекмы) свыше 100 лет назад. Но в самой Якутии его добывали в крайне незначительных количествах. В 1923 г. снаряженная правительством Якутской АССР поисковая партия с помощью проводников-якутов Тарабукина и Лукина открыла богатейшие месторождения золота на р. Алдане. Скоро Алдан превратился в крупнейший золотопромышленный район. В районе Алдана возникли поселки, шахты, электростанции. В настоящее время на Алдане применяются мощные электродраги, транспортеры, компрессоры, канавокопатели, механизирована откатка пород.

В широких масштабах разрабатываются соляные богатства Кемпендея по притоку Вилюя.

В результате больших изыскательских работ открыты десятки новых месторождений угля. В Якутии создана угольная промышленность. Примером быстрого развития в Якутии угольной промышленности может служить Сангарский рудник. Добыча угля в Сангарах началась с 1928 г. В первый год существования рудника было добыто всего 15 т угля, при полном отсутствии механизации. Сейчас это большое, хорошо оборудованное горнопромышленное предприятие. Введена механизация погрузки угля в баржи. В угольных районах начато большое жилищное и культурное строительство. Сами Сангары превратились в шахтерский поселок, индустриальный уголок Якутии.

Богатейшие лесные массивы Якутии до советской власти почти не разрабатывались. Лес гнил на корню или становился добычей пожаров. В настоящее время лесное хозяйство — одна из ведущих отраслей якутской экономики. Широко применяется на лесоразработках в Якутии передовая советская техника. Применяются передвижные электростанции, электропилы с силовыми установками. Леспромхозы получили десятки треловочных тракторов, автомашин. Созданы полностью механизированные участки. Применяется сплав леса с механической тягой. Выстроены лесопильные заводы.

За годы советской власти в Якутии созданы сотни промышленных предприятий. Для местных нужд вырабатываются стекольные изделия, кирпич, стройматериалы, огнеупоры, мебель, кожевенные товары, обувь.

В связи с плановым развитием экономики в Якутии устанавливается специализация районов: южные районы — горная промышленность, центральные — сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность, северные — оленеводство и добыча пушнины.

Особое внимание уделяется в Якутии транспорту. Социалистическое строительство в молодой республике началось при почти полном отсутствии дорог. Основным видом транспорта в Якутии был и остался водный транспорт. За годы пятилеток он подвергся коренной реконструкции. Если в 1917 г. весь ленский флот насчитывал 37 устарелых пароходов и 113 барж, то к началу Великой Отечественной войны Якутская республика имела 127 пароходов и более 500 барж.

До Октябрьской революции движение пароходов ограничивалось в основном только р. Леной в ее верхнем и среднем течении, до устья Вилюя. В настоящее время пароходное движение происходит по всей

Лене, Вилюю, Алдану, Олекме, Амге, Чаре, Мае и на всех других крупных северных реках.

Освоение рек Якутии непосредственно связано с величайшим мероприятием Советского правительства: вводом в действие Северного морского пути, превратившегося в результате героических усилий полярников, моряков и летчиков в постоянно действующую магистраль. В двадцатых годах возобновились рейсы Владивосток—Колыма. В 1932 г. ледокол «Сибиряков» совершил свой исторический рейс, пройдя в одну навигацию, без зимовки, от Архангельска до Владивостока. Героическая эпопея «Челюскина» (1933 г.) доказала проходимость Северного морского пути для пароходов обычного типа. В 1936 г. открылась навигация по р. Яне, в 1937 г. — по Анабару, в 1938 г. — по Олекме и Индигирке. С открытием Северного морского пути резко увеличился завоз товаров в северные районы Якутской АССР.

Открытие судоходства в районах севера Якутии способствовало оживлению этого края. С этого времени стала расти и крепнуть горнодобывающая и рыбная промышленность. В связи с развитием промышленности резко вырос грузооборот. В низовья рек из Якутии доставляются уголь, лес, соль, пищевые продукты. Эксплуатируемые речные пути составляют свыше 9000 км — это почти четверть окружности земного шара.

Ускорилось движение судов. Комфортабельные двухпалубные суда волжского типа совершают рейсы Осетрово—Якутск, протяжением около двух тысяч километров, всего за пять суток.

В 1952 г. ленское речное пароходство пополнилось новыми мощными теплоходами последних отечественных марок.

Ленский водный путь теперь связан прямой железнодорожной линией (Тайшет—пристань Осетрово) с Сибирской магистралью.

Всенародным делом стало в Якутии строительство сухопутных дорог. Выстроено около 2500 км постоянных автомобильных дорог с автозимниками. Строительство и эксплуатация автомобильных дорог в Якутии связаны с большими трудностями: снежные заносы, ледоходы, наледи. Из автомобильных дорог, соединяющих Якутию с внешним миром, особенно важна Амуро-Якутская магистраль, связывающая Алдан и в зимнее время Якутск с Уссурийской железной дорогой.

Завоз грузов в Якутию в настоящее время осуществляется четырьмя путями: через верхнеленские пристани (Качуг, Жигалово), пристань Осетрово, Амуро-Якутскую магистраль и Северный морской путь.

Воздушные линии аэрофлота соединяют Якутск с Иркутском, Красноярском, Новосибирском, Москвой. Действуют местные линии: Якутск—Алдан, Якутск—Булун—Тикси и др.

Вековая оторванность края от главных центров страны отошла в область прошлого. Широкое развитие получили такие виды связи, как радио, телеграф, телефон. По сравнению с 1940 г. количество радиоточек в 1952 г. возросло более чем в два раза. К этому времени была установлена телефонная связь Якутска с сельскими местностями и машинно-тракторными станциями. Телефонизировано 225 наслежных советов. Многие районы и наслежные советы радиофицированы.

Протяженность почтовых трактов — 65 тыс. км, это почти вдвое больше длины земного экватора.

Города

Столицей Якутской АССР является город Якутск, бывший ранее областным центром. В столице сосредоточены важнейшие якутские республиканские учреждения, министерства, управления, банки, научные институты, высшие и средние учебные заведения.

Октябрьская улица в г. Якутске

За годы советской власти Якутск превратился в крупный промышленный центр. Водопровод, построенный в Якутске, имеет самую глубокую в мире водозаборную станцию. Проблема получения подпочвенной воды для водопровода в Якутске была очень сложна вследствие наличия вечной мерзлоты. Над разрешением этой проблемы тщетно бились еще дореволюционные инженеры. Советские техники и трудящиеся Якутии ее разрешили: в водопроводную сеть поступает подмерзлотная вода. Каменные бани, механизированные прачечные, парикмахерские и другие обслуживающие население предприятия появились лишь в годы советской власти. Улицы города замощены торцовой мостовой, построены тротуары. Якутск быстро растет.

В последние годы Якутск начал переходить от деревянного строительства к кирпичному и отчасти к железобетонному. Установлено автобусное сообщение между городом и ближайшими районами.

В Якутске 22 средних, семилетних и начальных школ. В них обучается около 9 тыс. детей. В городе работает 16 техникумов, различные курсы, педагогический институт, Якутский музыкально-драматический театр, русский драматический театр, два кинотеатра, несколько клубов. Республиканская научная библиотека им. А. С. Пушкина, Якутский краеведческий музей им. Е. М. Ярославского, Якутский музей изобразительных искусств пользуются заслуженной любовью жителей.

В городе работают больницы, сосредоточены научно-исследовательские институты и лаборатории. В 1947 г. открыта Исследовательская база АН СССР, а в 1949 г. она преобразована в Якутский филиал Академии наук СССР. В том же году открыт Якутский филиал туберкулезного Института Академии медицинских наук.

Выросли и другие города Якутии. Быстро вырос за годы советской власти Алдан — центр промышленного Алданского округа. Изменили свой облик Вилюйск, Олекминск, Средне-Колымск. В Вилюйске возникли предприятия кустарной промышленности, краеведческий музей, работают средняя школа, педагогический техникум, кинотеатр. Выстроена больница, поликлиника, клуб. В крупный порт превратился поселок Тикси в устье Лены.

Уборка пшеницы самоходным комбайном. Олекминский район, колхоз им. Г. Димитрова

Выросли в Якутии и новые районные поселки. Примером может служить поселок Зырянка, возникший в годы советской власти. Здесь выстроены дом культуры, двухэтажное здание средней школы, стадион, магазины, две столовые, радиоузел, баня, гостиница, жилые дома. Поселок электрифицирован, в большинстве домов водяное отопление. В настоящее время Зырянка стала центром Верхне-Колымского района.

Центр Оленекского района — поселок Оленек — возник на пустом месте. Строительством поселка руководил Комитет Севера, создавший здесь культурную базу.

Сельское хозяйство

В дореволюционной Якутии бедняцкие и середняцкие семьи составляли более 80% всех хозяйств. 1/7 всех хозяйств не имела посевов, многие засевали лишь по нескольку сотых гектара. Большинство хозяйств (97%) обходилось без покупного сельскохозяйственного инвентаря. Животноводство отличалось низкой продуктивностью. Крупные владельцы земли и скота, кулаки и тойоны, богатели не столько за счет повышения уровня земледелия и животноводства, сколько за счет эксплуатации бедняцко-середняцкого населения.

В первые годы советской власти положение улучшилось не на много. В 1923—1924 гг. был произведен земельный передел, но он лишь отчасти урезал тойонское землепользование и фактически не устранил тяжелого положения бедноты; например, вненадельные земли, захваченные тойонами по праву «расчистки», были оставлены в их руках. Только второй земельный передел 1929 г. положил конец тойонскому засилью и создал условия для подъема сельского хозяйства Якутии. В руки трудового якутского крестьянства было передано около 150 тыс. га лучших земель, находившихся во владении у тойонов и кулаков.

Около 1930 г. началось колхозное движение среди якутских трудящихся. В 1929 г. было коллективизировано 3.6% хозяйств, в 1932 — 41.7%, в 1947 г. колхозы объединили 98.7% всех хозяйств Якутской республики. Коллективизация дала мощный толчок развитию земледелия, которое в дореволюционные годы продвигалось вперед черепашьим шагом. Посевная площадь Якутии выросла к 1946 г. до 92 тыс. га против 37 тыс. га

Сбор огурцов. Колхоз «Новая жизнь»

в 1917 г. Большую помощь колхозам оказывают машинно-тракторные станции. На колхозных полях работают несколько сот тракторов, много комбайнов и грузовых автомашин. На полях Якутии работает более 20 тыс. сельскохозяйственных машин. Среди якутов появились национальные кадры трактористов, комбайнеров, шоферов, машинистов. Произошли большие сдвиги в области агротехники. Особое внимание уделяется задержанию влаги в почве. Климатические и почвенные условия Якутии создают особые трудности для земледелия; к частым засухам и весенним заморозкам прибавляется еще высыхание некоторых озер, лишающее воды целые поселения. За последние годы колхозы Якутии развернули большую работу по организации орошения и обводнения.

Многие колхозы для полива огородных участков применяют чигирные устройства и насосные установки. В 1952 г. при помощи постоянных и временных сооружений было орошено свыше 300 тыс. га, главным образом сенокосов и пастбищ. В Горном районе организована первая в республике специализированная лугомелиоративная станция.

Большую научную и практическую работу ведет Якутская опытная сельскохозяйственная станция в поселке Покровском.

В 1952 г. за разработку и внедрение передовых приемов агротехники овощеводства в колхозах Якутской АССР Сталинская премия была присуждена М. Г. Егорову, члену колхоза «Новая жизнь» Мегино-Кангаласского района. Егоров в суровых условиях Якутии ежегодно собирал с каждого гектара по 300—350 ц капусты, 180—190 ц огурцов, 170 ц моркови, 130 ц помидоров. В 1956 г. он награжден орденом Ленина.

Однако основной отраслью сельского хозяйства Якутии продолжает оставаться животноводство. В наследство от прошлого колхозы получили скот низкой продуктивности. В среднем от одной коровы надаивали не более 600 кг молока в год. Якуты-колхозники повели решительную борьбу за коренную реконструкцию животноводческого хозяйства. Продуктивность скота по республике повышается благодаря метизации. Резко изменилась техника содержания и выпаса скота. Построено много типовых усовершенствованных хотонов — скотных дворов. Во многих кол-

хозах механизирован труд доярок. Колхозы республики благодаря большой работе по расчистке лугов в настоящее время в состоянии обеспечить скот грубыми кормами, хотя концентратов колхозы имеют пока недостаточно.

В развитии животноводства большую роль сыграла ветеринарно-зоотехническая работа. Заболевание скота сибирской язвой сведено на нет. Профилактические мероприятия в этой области принесли огромную пользу. В области сельского хозяйства работают многие сотни специалистов, среди них немало ветеринарных врачей и зоотехников с высшим образованием.

Пункт переработки молока. Олекминский район, колхоз им. Г. Димитрова

Успешно развивается также коневодство. Звания Героя Социалистического Труда удостоены старший табунщик сельскохозяйственной артели им. М. В. Фрунзе Чурапчинского района Р. И. Константинов, заведующий конетоварной фермой колхоза «Комбайн» Мегино-Кангаласского района А. Е. Степанов и другие.

Доходы колхозников свидетельствуют о значительных успехах колхозного строя в Якутии.

Так, в 1955 г. семья Ершова из колхоза «Красный партизан» Чурапчинского района, состоящая из 4 человек, выработала 2500 трудодней и при окончательном расчете получила 100 п. хлеба, 48 п. мяса, 69 п. масла, свыше 30 п. овощей, 2 жеребят и свыше пяти с половиной тысяч рублей деньгами.

В сельскохозяйственной артели «Красная звезда» Алданского района в 1955 г. на каждый трудодень выдано деньгами по 32 р. 50 к.

Высокие доходы получают и животноводы в северных районах. В колхозе «Победа» Оленекского района распределено в 1954 г. на трудодни 808 тыс. руб. На один трудодень пришлось 16 р. деньгами и 210 г мяса; в среднем одно хозяйство получило денежный доход в размере 11.4 тыс. руб.

Пушной промысел, звероводство и рыболовство

22 вида пушных зверей составляют промысловую фауну Якутской АССР. Охота служит одним из основных занятий населения северной Якутии. Из-за хищнической эксплуатации пушных запасов Якутии многие виды пушных зверей, такие как выдры, соболи, чернобурые лисы, к 1917 г. почти исчезли. Октябрьская революция положила конец хищническому истреблению пушных зверей. Она покончила и с вековым закабалением промыслового населения торговым капиталом. Одним из первых мероприятий советской власти было аннулирование долгов охотников купцам, запрещение частной скупки и перепродажи пушнины. Были введены сроки охоты, запрещена или лимитирована охота на исчезающие виды пушных зверей. Реконструкция охотничьего промысла привела к тому, что Яку-

Очистка и сортировка семенной пшеницы. Олекминский район, колхоз им. Г. Димитрова

тия стала одним из основных поставщиков мехового сырья. За последние годы республика давала 20—25% общесоюзной добычи пушнины. Большую роль в развитии планового охотничьего хозяйства сыграли производственно-охотничьи станции (ПОС), созданные в 1931—1933 гг. ПОС обучали охотников новым способам охоты, снабжали их оружием. Основным охотничьем оружием являются мелкокалиберные винтовки и карабины. Используются завозные капканы и местные самоловные орудия: пасти, кулемы, черкаши и плашки. Широко применяются усовершенствованные самоловы, препятствующие порче шкурки зверя, например закрытая «корытная пасть». Колхозы снабжают охотников транспортом, палатками, печками и охотничьими боеприпасами. Оружие обычно является личной собственностью охотников. Передовые охотники песцовых районов имеют в своем распоряжении по 200—300 ловушек-пастей и 100—150 капканов усовершенствованной конструкции. Многие охотники на белок имеют по 400—500 плашек. Во время промыслового сезона бригады охотников снабжаются продуктами и боеприпасами на промысле. Разъездные агенты сельского потребительского общества (сельпо) доставляют охотникам в районы промысла все необходимое и на месте принимают у них пушнину.

Большая работа проведена за последние 20 лет по обогащению промысловой фауны Якутской АССР. В 1930—1932 гг. в Токкинский район ЯАССР было завезено 118 экз. ценного промыслового животного — ондатры. Теперь она распространена в 32 районах республики и акклиматизировалась даже за полярным кругом. В последние годы начался систематический отстрел ондатры.

Проводятся мероприятия по восстановлению запасов соболя. В настоящее время в леса Якутии выпущено более 600 баргузинских соболей. Во многих тундровых районах производится подкормка песца. Летом охотники и охотоведы производят тщательные наблюдения над урожаем шишек, миграциями пушных зверей, с тем чтобы ориентировать колхозы

на тот или иной вид охоты. Колхозы тщательно следят за тем, чтобы на лето ловушки были закрыты для предотвращения напрасной гибели зверя.

Производится в Якутии также охота на дикого оленя, лося, водоплавающую и боровую дичь — ради мяса. Охотничий промысел является наиболее доходной товарной отраслью хозяйства северных районов Якутии. Из года в год повышается материальный уровень колхозников, высокие доходы от охоты позволяют колхозникам северных районов обеспечивать себя не только всеми продуктами питания, фабричной одеждой и обувью, но и широко приобретать предметы культурного обихода. Появились в Якутии и охотники-женщины, это — новое явление.

Пушнина теперь добывается не только при помощи охотничьего промысла. В социалистическом хозяйстве Якутии, как и в других областях нашего Севера, появилась новая отрасль хозяйства — разведение пушных зверей в неволе, конечно, наиболее ценных. Начало звероводству было положено в республике в 1936 г. Фермы серебристо-черных лисиц были организованы в Китчане и Покровске. В 1956 г. в Якутии имелось 8 кооперативных и 167 колхозных звероферм, разводящих серебристо-черных лисиц. В кооперативных фермах содержатся сотни племенных зверей.

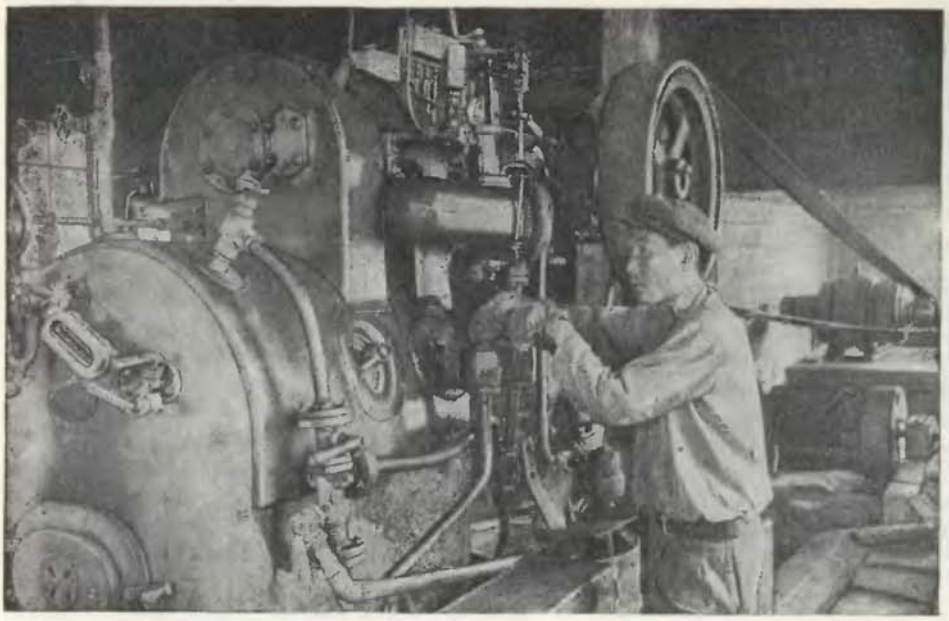
Рыбная промышленность в Якутии начала развиваться в 1920-х годах. В 1928 г. был создан трест «Тусбалык» (по-якутски «соль-рыба»). Во время Великой Отечественной войны организован Якутгосрыбтрест, объединивший рыбозаводы. В колхозах появились 500—700-метровые невода с тракторной тягой. В низовьях Лены и Яны организован круглогодичный лов рыбы. Большое количество рыбы заготавливается населением для себя. Северные колхозы ежегодно пополняют свой инвентарь, приобретают невода, бочки, увеличивают свой промысловый флот. На массовых рыбных промыслах колхозников обслуживают культурные станы. Растут доходы колхозников-рыболовов. Хотя местные способы рыбной ловли (заездки, переметы, сети) применяются до сих пор, они все больше становятся любительскими способами ловли рыбы, а в крупных промыслах вытесняются современными механизированными способами.

Колхозы

Типичным примером якутской сельскохозяйственной артели могут служить укрупненные колхозы им. И. В. Сталина Орджоникидзевского района Качикатского наслега и колхоз им. И. В. Сталина Мегино-Кангаласского района. Первый из них в 30-х годах, при организации, едва насчитывал 10 хозяйств, а сейчас объединяет 265 хозяйств. Колхоз этот многоотраслевой. Он располагает 1200 га пашен, 3000 га лугов, 2700 га пастбищ, тремя тысячами с лишним голов скота. В колхозе имеется семь ферм: молочнотоварные, коневодческая, оленеводческая, птицеферма и свиноферма. С 1953 г. здесь стали разводить лисиц и кроликов. Колхоз имеет две электростанции. Энергия от них идет для освещения, для обмолота и очистки семян, размола зерна, для распиловки дров. Вводится электрическая дойка коров.

В колхозном поселке выстроены благоустроенные дома, здания школы и интерната. Колхоз имеет свой клуб, библиотеку, собственный радиоузел. Около поселка разбит парк и устроен стадион, регулярно демонстрируются кинофильмы, часто устраиваются вечера самодеятельности.

Колхоз им. И. В. Сталина Мегино-Кангаласского района, после того как в него влились соседние артели, стал крупнейшим коллективным хозяйством республики. По государственному акту за ним закреплено навечно 67 тыс. га земли, из них 2798 га занимают пашни, почти 11 тыс. га — луга и выгоны. Остальная земля занята лесами. Колхоз засевает почти 800 га пшеницей, 720 га яровой и озимой рожью, более 250 га овсом и ячменем, 55 га занято под овощами и картофелем. В 1955 г.



В колхозной электростанции. Олекминский район, колхоз им. Г. Димитрова

в колхозе насчитывалось около 3500 голов рогатого скота, свыше 1200 лошадей, 250 оленей, свыше 100 свиней; кроме этого, колхоз имеет птицеферму и звероферму.

В настоящее время колхоз имеет 3 небольшие электростанции общей мощностью 125 киловатт. Электроэнергия используется при обмолоте зерна, приводит в движение колхозную пилораму, токарные станки. В связи с расширением применения электроэнергии колхоз механизировал доставку кормов в хотоны. В колхозе свыше 500 всевозможных машин, 6 грузовых и 2 легковые автомашины, 12 моторов.

В 1955 г. доход колхоза составил 2700 тыс. рублей. Значительно улучшилось материальное положение колхозников.

Одновременно с ростом материального благосостояния растет и культурный уровень колхозников-якутов.

В колхозе нет ни одного неграмотного. 120 колхозников получили высшее и среднее образование. 10 человек обучаются в высших учебных заведениях, 165 человек — в техникумах и средних школах. Многие колхозники, получив образование, вернулись в родной колхоз.

Больших успехов добились северные промысловые колхозы Нижнеколымского, Булунского, Оленекского, Анабарского и других районов. Их достижения связаны с общей коренной реконструкцией оленеводства и пушного промысла. Во многих из этих колхозов трудятся вместе якуты, эвенки, чукчи и люди других национальностей.

Обобществление оленей, создание крупных колхозных стад позволило осуществить различные ветеринарно-зоотехнические мероприятия: ввести перекочевки с учетом пастбищеоборота, своевременные профилактические прививки, круглосуточное окарауливание стад. В прошлом на территории Якутии совершенно не употреблялись оленегонные пастушеские собаки, которые, например у ненцев, значительно облегчают тяжелый труд пастухов. Теперь оленегонные лайки широко применяются в Нижнеколымском, Аллаиховском и Булунском районах.

Не ограничиваясь традиционными отраслями хозяйства—оленеводством, охотой и рыболовством, северные колхозы смело развивают новые отрасли хозяйства. В большинстве оленеводческих колхозов появились молочно и конетоварные фермы.

Эвено-якутский колхоз Нижне-Колымского района им. И. В. Сталина (быв. «Сутаня-Удёран») успешно развивает оленеводство, наряду с коневодством, рыболовством и охотой. В артели насчитывается свыше 17 тыс. оленей. В 1955 г. было добыто свыше 850 ц рыбы таких ценных пород, как чир, баранатка и др. За 1955 г. государству было сдано на 215 тыс. руб. пушнины.

Валовой денежный доход в этом колхозе составил 2430 тыс. руб., на трудодни колхозникам распределено 1423 тыс. руб., на один трудодень причиталось 17 р. деньгами, 1 кг 040 г мяса, 720 г рыбы. Денежный доход на одно хозяйство составил в среднем 24 тыс. руб.

Несмотря на то что основные отрасли производства северных промысловых колхозов требуют от населения периодических передвижений, все колхозы выстроили поселки — колхозные центры. Примером может служить поселок Колымская, центр колхоза «Турваургин». Здесь помещается правление, неполная средняя школа с интернатом, больница, магазин, дом культуры с библиотекой, фактория, электростанция, баня, молочнотоварная ферма, 50 типовых домов колхозников. Недавно колхоз приобрел мощный трактор С-30, моторный катер и две моторные лодки. По национальному составу колхоз «Турваургин» не однороден: он состоит из чукчей, юкагиров, якутов и эвенков.

Территория колхоза 25.5 тыс. км². Основное хозяйственное направление колхоза — оленеводство мясо-шкурного направления. В колхозе 10 стад по 1.5—2 тыс. оленей. Стада колхоза под наблюдением пастушеских бригад передвигаются по специально разработанным маршрутам. На больших промежуточных пунктах колхоз выстроил перевалочные базы с ледниками, домами, факториями. Значительные доходы получает колхоз от песцового промысла и рыболовства.

Новый быт

Значительным препятствием для проведения культурных и санитарных мероприятий в Якутии в 1920—1930-х годах был разбросанный тип поселения якутов, связанный с их старым скотоводческим хозяйством; 1—2—3 юрты — таков был преобладающий тип «поселков» в Якутии. Укрупнения их требовала и повседневная хозяйственная деятельность колхозов.

Поселкование в условиях Якутии явилось крупным достижением в социалистическом переустройстве жизни якутской деревни. Появилась возможность радиофицировать, телефонизировать колхозы, обеспечить их лечебными и культурно-просветительными учреждениями. К 1950 г. поселкование в южных районах Якутии в основном было закончено. Обычно колхозные поселки располагаются на возвышенных берегах рек или озер и состоят из нескольких параллельных улиц. В новых поселках, как правило, строятся не юрты, а срубные дома. В центре поселка помещается школа, правление колхоза, медпункт, клуб. Юрты во многих колхозах используются как хозяйственные помещения. Немало колхозных поселков, где построены электростанции. В одном Мегино-Кангаласском районе выстроено 14 колхозных электростанций, мощностью более 510 киловатт. Во многих новых поселках отстроены радиоузлы.

В настоящее время проводится большая работа по благоустройству колхозных поселков. Штукатурятся дома, к ним пристраиваются тамбуры; строятся мосты, заборы. В поселке помещаются правление колхоза, торговая точка, склады, школа, медпункт, баня, дома для приезжающих колхозников. В поселках колхозники живут в свободное от промыслов время.

Хотя разработано несколько типов колхозных домов, они еще далеко не являются совершенными. Суровый климат предъявляет особые требования к жилищному строительству в Якутии. Своеобразные приемы утепления применяются в новых домах: тройные рамы — первая рама одинарная, вторая, вставляемая на зиму, застекленная с двух сторон, — тамбуры, завалинки. Широко практикуется обледенение домов на зиму с помощью снега, смешанного с водой. Двойные потолки, двойные полы, лежащие дымоходы, ставни применяются еще редко. Кирпичная или изразцовая печь нередко комбинируются с традиционным якутским камельком. Во многих домах дополнительно к кирпичной печи устанавливают железную печку.

Изменился и внутренний вид жилья. Мебель, известная и раньше якутам (столы, табуретки, скамьи), стала менее массивной и более разнообразной. Появились этажерки для книг, стулья, маленькие туалетные столики, зеркала. Фабричная посуда, утварь имеются в каждом доме. Обычными стали часы (ходики или будильники), письменные принадлежности, книги, встречаются и патефоны. Стены в большинстве домов украшают плакаты, портреты руководителей партии и правительства, фотографии, полки с книгами, над кроватью обычно вешают ковер из оленьих головных шкурок, расшитые бисером чепраки или обтягивают стены материей. На окнах висят занавески.

Огромные изменения произошли в быту якутов. Во многих колхозах появилось электричество, радио. Чистая одежда, мытье в бане, забота о своем внешнем виде характерны для большинства якутских колхозников. Изменились интересы, привычки, образ жизни. Расширился кругозор населения. В каждом доме появились книги. В поселках население с большим интересом посещает кино, слушает доклады, беседы в избах-читальнях. Молодежь участвует в лыжных кроссах, шахматных и других спортивных состязаниях. Художественная самодеятельность в клубах интересует обычно весь поселок. Исчезла изолированность и замкнутость семей. Интерес к жизни колхоза, к работе всей республики сказывается в чтении газет, в вопросах, задаваемых агитаторам.

Характерно проникновение в быт городских детских игрушек: фигурок лошадей и коров, резиновых кукол, побрякушек, заводных автомашин и т. д. Наряду с ними бытуют и местные игрушки, схематические фигурки животных из дерева, маленькие луки и стрелы. В школах и интернатах дети увлекаются широко распространенными настольными играми. Весной и летом играют в лапту, прятки, жмурки.

Многое изменилось в пищевом режиме якутов.

Надо вспомнить, что до революции Якутия была страной хронических голодовок. Подавляющее большинство якутского народа страдало от них ежегодно, особенно в конце зимы и весной. Резким контрастом этому прошлому является зажиточная жизнь населения советской Якутии. Не только в южных, но и в северных промысловых районах повседневной пищей стал хлеб. Крупа, макаронные изделия вошли в рацион населения. Значительно выросло потребление овощей и картофеля.

Колхозы многих районов практикуют посадку огурцов, редиски, капусты, лука, свеклы. В северные районы овощи завозят в сушеном виде. Повсеместно население обеспечено чаем, сахаром, табачными изделиями. В большинстве населенных пунктов при торговых точках открыты пекарни. Мясо и рыба употребляются якутами попрежнему в больших количествах, особенно в северных районах, где эти продукты являются основными в пищевом режиме населения. В южных районах Якутии значительный удельный вес в питании принадлежит молочным продуктам. В связи с общим повышением бла-

госостояния населения прекратилось употребление в пищу заболони. Не употребляют в пищу и квашеную рыбу. В приготовлении молочных продуктов, мяса и рыбы сохраняются местные традиции. В северных районах мясо часто недоваривают. Из молока приготовляют своеобразные кушанья — *суорат*, *хайах*, *чохоон*, *көбүөр* и др. В ряде районов Якутии едят в сыром виде, как лакомство, оленьи хрящи, оленью печень, костный мозг. Во многих семьях зимой употребляют в пищу свежезамороженную рыбу (строганина). Кое-где в северных районах из рыбы приготовляют юколу: для этого рыбу немного коптят над дымом очага, затем провяливают на солнце; практикуется засол и копчение рыбы. В центральных районах Якутии население добывает значительное количество зайцев; большим подспорьем в пищевом режиме населения северных районов служат куропатки, гуси, утки.

В настоящее время якутский верхний меховой костюм (дошка, меховые брюки, наколенники) сохраняется только как промысловая одежда. Зимой в поселках носят обычно пальто на вате или стеганки, ватные брюки. Обувь зимняя местного покроя из оленьих камусов (*этэрбэс*) и меховые чулки (*кэвнчэ*) сохраняются в Якутии повсеместно. Их носят и приезжие. В поселках и городах носят зимой валенки.

Летние мягкие сапоги также не вытеснены фабричной обувью. В поселках носят сапоги, ботинки, туфли. На рыбной ловле употребляют резиновые сапоги. В тайге, на охоте летом предпочитают *ичиги*.

Если высокие островерхие шапки вышли из употребления и их больше не шьют, то чепчикообразные шапки, крытые сверху материей и обшитые внутри мехом, продолжают употребляться в большинстве северных районов. В настоящее время часто шьют шапки-ушанки мехом наружу. Редко употребляются шарфы-боа из беличьих хвостов (мойтурук), их заменили обычные шарфы. Вышли из употребления и широкополые летние шляпы из конского волоса.

В городах и деревнях костюмы мужчин и платья женщин близки по покрою к современной городской одежде. Повсеместно одежда из тканей вытеснила рубахи из ровдуги. Вошло в употребление нижнее и постельное белье. До революции многие якуты не стирали одежду, предполагая, что так она сохранится дольше. Теперь белье стирают регулярно.

Положение женщин

В корне изменилось положение женщины в Якутии. Прежде женщины в якутских семьях занимали бесправное положение (более бесправное, чем у многих других народов Сибири), а в общественной жизни не участвовали.

Дочь бедняка-якута М. Д. Нартахова стала видным общественным деятелем в Якутии. Она получила образование в Иркутском рабфаке и стала учительницей, затем работала инструктором ЦИК ЯАССР, председателем райсовета, инструктором Обкома ВКП(б), секретарем РК ВКП(б), а с 1947 г. была министром социального обеспечения Якутской АССР. В настоящее время Нартахова является председателем Верховного Совета Якутской АССР.

В Верховный Совет Якутской АССР в 1952 г. избрано 44 женщины, а 3 женщины — депутатами Верховного Совета СССР и РСФСР, в местные советы избрано свыше 2 тыс. женщин (34.5% ко всем избранным). Женщины-якутки в настоящее время занимают самые разнообразные должности. Они работают и председателями правлений колхозов, и председателями наслежных советов, и на руководящей партийной и комсомольской работе. Много женщин-якуток стали педагогами, врачами, фельдшерами, культурными работниками. В органах народного образования — 1756 женщин, врачей — 500, научных работников — 24. В 1949 г. работало

председателями сельских советов 55 женщин. Около 500 девушек из Якутии учатся в вузах страны. В северных районах Якутии, где в прошлом охотники по суеверным мотивам избегали при женщинах даже говорить об охоте, появились женщины-охотники; сейчас насчитывается до тысячи женщин-охотников и рыболовов. Многие из них завоевали звание передовиков охотничьего промысла.

Народное образование

В царское время грамотных среди якутского населения почти не было После установления советской власти широко развернулось школьное строительство, о чем свидетельствует следующая таблица:

Школы	1917 г.	1948 г.
Начальные	164	424
Семилетние	5	149
Средние	4	30
Всего	173	603

В 1917 г. обучалось 4660 детей, в 1948 г. — 62 942 ребенка.

В 1951/52 учебном году в Якутской республике работало более 600 школ, в которых обучалось почти 66 тыс. учащихся детей. В 1955/56 учебноми году в интернатах проживало 20 тыс. учащихся. После объявления автономии Якутии решением СНК Якутской АССР преподавание в начальной школе было переведено на якутский язык. Это облегчило усвоение якутскими школьниками учебных предметов. С 1933 г на якутский язык начало переводиться преподавание всех дисциплин в пятых-седьмых классах.

Преподавание основных предметов в школах на якутском языке не только помогло учащимся якутам овладевать знаниями, но и содействовало быстрому развитию якутского языка, разработке вопросов терминологии и орфографии. С 1933 г. по 1947 г. было издано на якутском языке около 400 названий книг тиражом в несколько миллионов экземпляров.

Три педагогических училища и педагогический институт готовят кадры для Якутской республики. Всего в 1955 г. было свыше 4500 учителей, в 15 раз больше, чем в 1917 г. В 17 техникумах и специальных средних школах обучается более 3000 студентов. Эти учебные заведения готовят учителей, агрономов, судомехаников, юристов, охотоведов, техников и т. д. В Якутске открыта двухгодичная партийная школа и вечерний университет марксизма-ленинизма. Свыше 1000 якутов учатся в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и Иркутска.

В Якутии уже созданы свои научные кадры. Около 70 научных работников имеют ученую степень кандидатов наук по историческим, педагогическим, филологическим, сельскохозяйственным и другим дисциплинам. Есть и доктора наук.

В 1942 г. Якутия отметила завершение ликвидации неграмотности среди взрослого населения. За годы советской власти обучено свыше 155 тыс. неграмотных. С малограмотными продолжается работа в сети школ для взрослых.

В 1917 г. в Якутии было всего два клуба, три маленькие библиотеки и один музей. В 1951 г. в республике имелось более 1000 культурно-просветительных учреждений, среди них около 500 изб-читален, несколько сот библиотек и 5 музеев. Клубы и избы-читальни появились в таких отдаленных районах, как Абыйский, Булунский, Анабарский, Оленекский и др. Культурно-просветительные организации способствовали распространению среди населения грамоты на родном и русском языках, разъясняли и пропагандировали решения партии и правительства. В настоящее время во всех районах организованы школы партийного просвещения. В 1948 г. при клубах работало

Здание средней школы в г. Якутске

986 кружков художественной самодеятельности. Регулярно происходят смотры самодеятельности при клубах и домах культуры.

В северных районах — Анабарском, Оленекском и др. — для обслуживания населения в тундре созданы красные чумы с кинопередвижкой. Большой любовью у якутов пользуется кино. На многих картинах сделаны якутские пояснительные надписи. В 1952 г. был выпущен цветной документальный фильм «Советская Якутия» производства Центральной студии документальных фильмов. Фильм познакомил зрителей с якутской республикой, разработкой ее природных богатств: добычей золота, заготовкой и сплавом леса, промыслом пушного зверя. Большое место в кинокартине отведено показу сельского хозяйства: земледелия, огородничества, животноводства, оленеводства. Ярко и убедительно в фильме показан рост культуры и искусства якутского народа.

Здравоохранение

Планомерная медицинская помощь стала оказываться населению Якутии лишь с установлением советской власти. К 1927 г. в республике было 37 больниц, 50 фельдшерских пунктов на 627 коек, 20 врачебных амбулаторий. За годы пятилеток медицинская сеть резко увеличилась. Теперь в республике имеется более 630 медицинских учреждений, в которых работают 500 врачей и более 2500 человек среднего медицинского персонала.

Крупный центр здравоохранения создан в Якутске. Республиканская больница на 500 коек состоит из нескольких больших типовых корпусов. Больница оснащена современным медицинским оборудованием. Существует в Якутске и ряд специализированных больниц. Большую работу проводят 33 санитарно-эпидемиологические станции, санитарно-бактериологические лаборатории; организовано свыше 500 клинических лабораторий. В ряде лабораторий производится вакцинация (коревая, противотуляремийная и т. д.). С 1940 г. в Якутии работает санитарная авиация, оказывающая медицинскую помощь населению самых отдаленных уголков республики. За один 1951 год бортхирурги произвели 183 операции.

Студенты ветеринарного техникума на практических занятиях. Город Якутск

Якутия добилась больших успехов по охране материнства и младенчества. В 1924 г. была открыта первая в Якутии женско-детская консультация. К 1940 г. функционировало 9 государственных родильных домов, 37 колхозных родильных домов, 37 постоянных яслей. В 1952 г. число яслей было доведено до 82 на 2644 места. К этому же году 114 женщинам Якутской республики было присвоено звание Мать-героиня, 1836 женщин было награждено орденами «Материнская слава».

Особое внимание правительство Якутской АССР обратило на борьбу с наследием прошлого — социальными болезнями: туберкулезом, трахомой.

Создана широкая сеть лечебно-профилактических учреждений. Организовано поголовное обследование на туберкулез. Почти все районные больницы оснащены рентгеновскими аппаратами. Практикуются противотуберкулезные прививки.

В 1924 г. из центра в Якутию был направлен специальный отряд, который провел большую работу в различных районах Якутской АССР по изучению распространения трахомы. В 1945 г. был создан первый трахоматозный диспансер. Заболеваемость трахомой резко сократилась в результате огромной профилактической и санитарно-просветительной работы; слепота от трахомы сведена на нет.

Во многих пунктах созданы межрайонные центры специализированной медицинской помощи. В Якутии работают 2 грязелечебных курорта.

Резко выросло число медицинских работников. В 1952 г. по сравнению с 1922 г. число врачей возросло в 30 раз, а среднего медицинского персонала в 26 раз.

Появились врачи-якуты, среди них заслуженные врачи РСФСР и ЯАССР Е. Т. Александров, Н. П. Афанасьева, заслуженные врачи ЯАССР Е. Г. Федоров, Е. П. Андреев, П. П. Габышев, Г. Д. Кокшарский, Л. Я. Львов и др.

В читальне Дома пионеров. Город Якутск

Печать

Книгоиздательство в Якутии развернулось после решения якутского правительства о введении якутского языка в школах в 1922 г. В следующем году стал выходить на якутском языке журнал «Кыым» («Искра»), реорганизованный затем в ежедневную областную газету.

В настоящее время в республике издается 25 районных газет, из них 17 на якутском языке.

Государственное Якутское издательство было организовано в 1926 г. За 25 лет работы оно выпустило 2735 названий различных книг. Общий тираж книг, изданных за это время, составляет свыше 14 млн экз.

На якутский язык переведено и издано свыше ста произведений классиков марксизма-ленинизма. Их общий тираж превышает миллион экземпляров.

На якутском языке изданы произведения Пушкина, Толстого, Грибоедова, Гоголя, произведения Островского, Тургенева, Короленко, Чехова и других выдающихся русских писателей.

Научная работа

За годы советской власти развернулась огромная научно-исследовательская работа в Якутии. В изучении природных ресурсов Якутии приняли участие Академия Наук СССР и ряд промышленных министерств.

В настоящее время в Якутске работают 12 научно-исследовательских учреждений и Педагогический институт, который также ведет научные исследования. Огромная работа проведена по гидрометеорологическому изучению Якутской АССР, по изучению вечной мерзлоты, рыбных и пушных богатств, по агротехнике в условиях Якутии. Большая работа развернулась также в области гуманитарных наук. Открытый в 1935 г. Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории Якутской АССР продолжил работу местного краеведческого общества. От собирательской работы в годы войны институт перешел к созданию крупных капитальных работ по истории якутов, фольклору и языку. В Якут-

В колхозном родильном доме. Мегино-Кангаласский р-н

ском филиале Академии Наук СССР, в состав которого входит Институт языка, литературы и истории, хранятся богатейшие фольклорные собрания — около 10 000 текстов фольклорных произведений. Значительная работа по собиранию музыкального фольклора якутов проделана под руководством первого якутского композитора, ныне покойного М. Н. Жиркова. В течение ряда лет систематическое археологическое изучение Якутии проводил профессор А. П. Окладников. Результаты археологического изучения Якутии подытожены в I томе «Истории Якутии».

Историки и этнографы успешно изучают прошлое якутского народа, его культуру. Особенно много сделал для изучения истории Якутии выдающийся советский историк член-корреспондент АН СССР С. В. Бахрушин (умер в 1950 г.). В последние годы выросли кадры исследователей из среды самого якутского народа (Л. Н. Харитонов, Г. У. Эргис, Л. У. Петров, А. Д. Егоров и др.).

Народные певцы и сказители советской Якутии

После Великой Октябрьской социалистической революции в устном творчестве якутского народа произошли глубокие изменения. Многие жанры традиционного фольклора — шаманские мистерии, заклинания — отмерли, другие бытуют в весьма измененной форме (песнопения на ысыахе). Героические былины — олонхо остались любимым видом устного творчества: они часто исполняются по радио, на сценах клубов, вошли в постановки. Одаренные сказители этих былин — олонхосуты — окружены вниманием советской общественности. Многие из

Доктор биологических наук А. Д. Егоров в химической лаборатории. Якутский филиал АН СССР

них состоят членами Союза советских писателей. На учете состоит сейчас более 400 олонхосутов.

Появился и советский фольклор — революционные песни, импровизации о вождях, о героях Великой Отечественной войны, о колхозной жизни и т. д. Новые песни слагают как певцы, так и сказители — олонхосуты. Выдающимися певцами-импровизаторами являются Н. Степанов, Р. Алексеев, Е. Иванова. Большим достижением советского якутского фольклора является «Сказание о Великой Москве» С. А. Зверева. Источником вдохновения певца послужила его поездка в Москву.

Якутская советская литература оказывает сильное влияние на фольклор, но и сама испытывает благотворное влияние народных творческих традиций.

Литература

Первые якутские писатели — А. Е. Кулаковский, А. И. Софронов и Н. Д. Неустроев — выступили как выразители интересов нарождавшейся национальной буржуазии.

Зачинателем якутской советской поэзии выступил один из активных участников революционного движения в Якутии коммунист П. А. Слепцов-Ойунский (1893—1938).

Революционные песни и гимны Ойунского, его перевод «Интернационала» распевали во всех уголках Якутии. Его перу принадлежит первая попытка создания сценического образа большевика (пьеса «Большевик», 1928 г.).

Октябрьскую революцию и гражданскую войну воспевал также поэт П. И. Черных-Якутский, писавший преимущественно на русском языке.

Советская литература Якутии зародилась в годы Октябрьской революции и развивалась в дальнейшем, отражая все этапы социалистического строительства.

Якутский поэт А. А. Иванов (Кюндэ; 1898—1934) начал печататься в 1923 г. В 1926 г. вышел первый сборник его стихов. С большим чувством воспевал А. А. Кюндэ природу родной Якутии. Пьесы его о гражданской войне и революции долго не сходили со сцены якутского театра. Кюндэ — автор первого советского учебника якутской грамматики, а также ряда публицистических статей.

Одним из зачинателей советской якутской прозы был С. С. Яковлев (Эрилик Эристин; 1889—1942). Повесть Эрилика Эристина «Исполнение завета» и роман «Молодежь Марыкчана» широко известны читателям Якутии.

В середине 1920-х годов выступил со своим первым произведением якутский поэт С. Р. Кулачиков-Элляй. Стихи, песни и поэмы Элляя пользуются широкой популярностью среди якутских читателей.

Много сделал для развития якутской литературы Н. Е. Мординов (Амма Ачыгыйа), выступивший как писатель, драматург, поэт и переводчик. Одним из ведущих драматургов Якутии является С. П. Ефремов — автор лучшего произведения советской якутской драматургии пьесы «Братья». Видное место в якутской драматургии занимает Д. К. Сивцев (Омоллон). Им создан ряд пьес и либретто оперы «Ньюргун Боотур» и балета «Полевой цветок». За последние годы якутские писатели С. Кулачиков, Н. Мординов, Н. Золотарев, Д. Таас и другие создали ряд значительных произведений на современные темы, ставших достоянием широких кругов советских читателей. Таковы, например, «Счастье якута» С. Кулачикова, «Золотоносный ручей» Н. Якутского, «Весенняя пора» Н. Мординова, «Огни Кырсады» Д. Таас.

Театр

За годы советской власти выросло якутское национальное искусство, приняв новые формы, совершенно отсутствовавшие у якутов в дореволюционный период. До Октябрьской революции якутский народ не знал театрального искусства, музыкально-вокальное искусство проявлялось лишь в весьма примитивных формах. В 1925 г. из членов кружка при Народном театре (русском) в Якутске была создана якутская национальная труппа, а в 1930 г. был создан Якутский национальный театр-студия. Творческий коллектив с первых лет своей работы поставил перед собой задачу реалистического показа якутской жизни, разоблачал купцов, тойонов, помогал понять величие освободительной социалистической революции. Театр систематически пополнялся молодыми якутскими артистами, окончившими центральные театральные училища и студии. С большим успехом ставились на сцене якутского театра произведения советских якутских драматургов. Крупным достижением была постановка в переводе на якутский язык пьес русских классиков: «На дне» Горького, «Женитьба» и «Ревизор» Гоголя, «Гроза» Островского, «Скупой рыцарь» Пушкина, «Недоросль» Фонвизина. В период Великой Отечественной войны театр поставил такие пьесы, как «Русские люди» Симонова, «Любовь Яровая» Тренева и др. В последнее время поставлены пьесы «Молодежь Марыкчана» Н. Якутского, «Свадьба с приданым» Дьяконова. Большим успехом пользовались произведения на якутскую тематику: опера-баллада «Нюргун Боотур» («Богатырь Нюргун») и балет «Полевой цветок» композиторов М. Н. Жиркова и Г. И. Литинского. За время своего существования Якутский национальный театр поставил 170 пьес.

Большой популярностью пользуется Русский драматический театр в г. Якутске, знакомящий якутского и русского зрителя с пьесами рус-

Танец девушек с чоронами. Колхозная самодеятельность

ских классиков и советских драматургов, а также произведениями зарубежных прогрессивных писателей. В республике работает детская музыкальная школа и хореографическое училище. Якутская оперная студия открыта при Уральской Государственной консерватории.

Изобразительное искусство

Якутия издавна славилась своим прикладным орнаментальным искусством, но профессионалы художники появились только в последней четверти XIX в. Большой известностью пользуются в Якутии произведения художников И. В. и П. В. Поповых, П. П. Романова, Г. М. Туралысова, художника-этнографа М. М. Носова. Союз советских художников Якутии организован в 1940 г. и насчитывает 18 членов и 2 кандидатов. В 1946 г. в Якутске открыт музей изобразительных искусств. Развивается и старинное искусство резьбы по кости. Прекрасным резчиком по мамонтовой кости является А. В. Федоров.

Искусство резьбы по кости — древнее искусство якутов. Резьба по кости, по дереву и серебру существует и в настоящее время. Костерезы Федоров, Амосов и другие совершенствуют и развивают костерезное искусство. Широко используется кость для создания барельефных портретов.

Обзор культуры, быта и хозяйства якутского народа в прошлом и в настоящем показывает, какие значительные изменения произошли в жизни якутского народа за советский период. Благодаря советской национальной политике и братской помощи русского народа якутский народ занял равноправное место в братской семье народов СССР. За годы советской власти исчезла характерная для дореволюционной Якутии экономическая и культурная оторванность и отсталость. Резко поднялся культурный уровень якутского народа.

Сцена из спектакля «Лоокут и Нюргуссун» в Якутском музыкально-драматическом театре

Своя государственность, полученная из рук российского рабочего класса, очаги промышленности, возникшие в Якутии, известная специализация районов, развитие всех видов связи способствовали не только экономическому сближению отдельных местных групп якутского народа, ранее разобщенного, но и содействовали укреплению общенационального самосознания.

Этому способствовал также мощный подъем якутской национальной культуры социалистической по содержанию, в особенности создание якутского литературного языка.

Трудящиеся Якутской АССР в тесном содружестве со всеми народами Советского Союза активно участвуют в строительстве коммунистического общества и вносят свой вклад в дело борьбы за мир во всем мире.

АЛТАЙЦЫ

Общие сведения

До Великой Октябрьской социалистической революции коренное тюркоязычное население русского Горного Алтая делилось на следующие племена и территориальные группы: 1) алтайцы, или по самоназванию *алтай кижи*, 2) теленгиты, 3) телесы, 4) телеуты, 5) кумандинцы, 6) тубалары, 7) челканцы. В русской научной литературе они уже тогда были известны под общим именем «алтайцы», потому что большинство их так называло себя. Однако с этим правильным наименованием долгое время происходила путаница. Так, например, в русских официальных документах XVII—XVIII вв., в описаниях путешественников XIX в. алтайцы выступают под названием «порубежные калмыки», «белые калмыки» (чаще так называли телеутов), наконец, «алтайские» или «бийские калмыки», «горные калмыки». Неправильное наименование алтайцев калмыками произошло потому, что местные царские чиновники, не разбираясь в языке алтайских племен, называли их калмыками по внешнему сходству алтайцев с калмыками или джунгарами, с которыми чиновники постоянно сталкивались. В действительности алтайцы и калмыки резко различаются по этнической принадлежности и языку. Калмыки, или западные монголы (ойраты, джунгары), говорят на монгольском языке и относятся к монгольской группе народов, алтайцы же говорят на тюркском языке и относятся к тюркской группе.

Алтайские племена по этническому происхождению, языку и прошлой культуре делятся на две группы: северных алтайцев—тубаларов, челканцев, кумандинцев и южных алтайцев—собственно алтайцев, или алтай кижи, теленгитов,[1] телесов и телеутов.

Если южных алтайцев раньше неправильно называли калмыками, то северных алтайцев, весьма отличающихся от южных по физическому типу, так же произвольно называли татарами. Чаще всего их объединяли общим термином «черневые татары» по признаку местожительства в «черни» или в «черневых» районах Алтая.

Большинство собственно алтайцев живет по долинам и бассейнам рек: Катуни, Урсула, Чарыша, Кана, Песчаной, Семы, Маймы в Онгудай-

[1] В русских исторических документах XVIII в. и в старой литературе теленгиты иногда неправильно назывались урянхайцами или урянхайскими калмыками.

ском, Усть-Канском, Усть-Коксинском, Эликмонарском, Шебалинском и Майминском аймаках Горно-Алтайской автономной области. Теленгиты живут по долинам Чуи и Аргута в Кош-Агачском и частично в Усть-Коксинском аймаках. Телесы расселены по системе рек Чолушмана, Башкауса, Улагана в Улаганском аймаке. Тубалары обитают по рр. Большой и Малой Ише, Сары-Кокше, Кара-Кокше, Пыже, Уйменю в Чойском и Турочакском аймаках, а челканцы по долине р. Лебеди и особенно ее притока Байгола в Турочакском аймаке. Кумандинцы населяют правобережье Бии в Турочакском аймаке, но большинство их находится в Старо-Бардинском и частично Солтонском районах Алтайского края. Телеуты в пределах Горно-Алтайской области в незначительном количестве живут в Майминском аймаке и в бассейне р. Черги в Шабалинском аймаке. Большая часть их сосредоточена по рр. Большому и Малому Бачатам в Беловском районе Кемеровской области.

В настоящее время, благодаря совместной экономической и культурной жизни, общности территории и административного управления, расширению путей сообщения, развитию единого литературного языка, деление алтайцев на племена и территориальные группы в пределах Горно-Алтайской автономной области потеряло реальное значение и является достоянием истории.

Создание автономной области, развернувшееся в ней социалистическое строительство обеспечили довольно быструю консолидацию обособленных в прошлом алтайских тюркоязычных племен в единую социалистическую народность.

Ранний период развития культуры в горах Алтая известен по памятникам бронзового периода афанасьевского, андроновского и карасукского типов.

Весь этот длительный период господства первобытнообщинного строя в Горном Алтае жили люди, антропологический тип которых носил древние европеоидные черты. Основой хозяйства была охота на зверя, появляются зачатки скотоводства. Орудия труда делались из бронзы.

В I тысячелетии до н. э. в горах Алтая основой хозяйства становится кочевое скотоводство. На этой основе возникла и развилась оригинальная культура ранних кочевников Алтая, известная по погребальному инвентарю больших каменных курганов, относящихся к периоду V в. до н. э. — I в. н. э.

Археологические памятники устанавливают наличие культурных связей и обмена ранних кочевников Алтая с востоком и западом. На это указывают находки в курганах различных вещей: шелковых тканей, изделий из лака, меха, бронзы и т. д., которые проникли сюда через хуннов, тесно связанных с Китаем и владычествовавших над алтайскими племенами. Связи ранних кочевников Алтая с хуннами широко отражаются в памятниках искусства и в особенностях погребального обряда этого времени.

К юго-западным связям алтайских племен относится их контакт с народами Средней Азии. В процессе общения алтайских кочевых племен со Средней Азией, как и в результате грабительских набегов алтайских кочевников на культурные области Средней Азии, а частично и продвижения на Восток некоторых среднеазиатских племен, на Алтае появились предметы высокой для того времени культуры, созданной народами Средней Азии. Это особенно хорошо отражает погребальный инвентарь группы больших так называемых Пазырыкских курганов Алтая. Этим объясняется наличие в них вещей (одежда, предметы искусства), характерных, например, для Ирана при ахеменидской династии и т. д.

С V—VI вв. до н. э. на южном и северном Алтае появляется население с монголоидным физическим обликом. Оно проникает сюда, судя по археологическим памятникам, из Забайкалья и начинает смешиваться с алтайскими аборигенами древнего европеоидного типа. Это новое для Алтая монголоидное население пришло сюда, видимо, через Туву и северо-западную Монголию в связи с усилением хуннов, образованием их варварского государства, точнее хуннского временного военно-административного объединения, и распространением его политической власти. Этническими носителями нового для Алтая антропологического типа были монголоязычные, но главным образом тюркоязычные кочевнические племена, которые несколько позднее образовали на Алтае новое временное военно-политическое объединение кочевников (так называемый тюркский каганат), которое на короткое время стало гегемоном политической власти в Центральной Азии.

В период тюркского каганата (VI—VIII вв.) и позднее монголоидный антропологический тип стал господствующим в южном Алтае. У северных алтайских племен он продолжал существовать, как и в хуннское время, в смешении с древним европеоидным. Орхоно-енисейские памятники и китайские летописи позволяют уточнить этнический состав тюркоязычного населения Алтая в период VII—X вв., когда становятся известными такие тюркоязычные народности и племена, как кыпчаки, телесы, тюргеши, туба и др. Племенные и родовые названия современных алтайцев, как и ряд элементов их дореволюционной культуры, указывают на их историческую связь с этими племенами. В этот период последовательной смены господства тюркского каганата, уйгуров и енисейских киргизов (VI—X вв.) происходила тюркизация языка различных самодийско- и кетоязычных племен и родовых групп, обитавших в северной части Саяно-Алтайского нагорья. Об этом свидетельствуют морфологические, фонетические и лексические особенности диалектов современных северных алтайцев, в которых отражены особенности языка древних алтайских тюрков, уйгуров, енисейских киргизов. В диалектах северных алтайцев, например, такие слова, как *адай* (собака), *канга* (телега) явно уйгурские, в отличие от южноалтайских (соответственно *ит* и *абра*), характерных для языка других тюркоязычных племен. У северных алтайцев сохранилось вплоть до революции поклонение покровительнице детей Умай или Май-эне, известной по орхоно-енисейским памятникам и т. д. Процесс тюркизации мелких остатков племенных и родовых самодийско- и кетоязычных (енисейско-остяцких) групп в северной части Саян закончился лишь в XVIII в.

Дальнейшая история алтайских племен связана с временным господством каракитаев или киданей, а к концу XII в. монголоязычных найманов, живших между Хангайскими и Алтайскими горами, а частично и на отрогах Алтая. Найманы, оттеснившие каракитаев, образовали могущественный союз орд и племен, границей которого на западе являлся Иртыш, а на юге — Восточный Туркестан. С этого времени и до начала XIII в. население Алтая находилось в контакте с монголами, под властью найманских ванханов, которым и платило дань. Отдаленные потомки найманов, растворившихся в тюркоязычной среде алтайских племен, сохранились на Алтае до нашего времени. Название найман сохранилось в наименовании некоторых родов современных алтайцев, как и название меркитов, составлявших в XII в. многочисленный народ, населявший северную часть современной Монголии.

Политическое и экономическое господство монголов над алтайскими племенами особенно укрепилось при Чингис-хане. Алтайские племена телесы и теленгиты оказались под властью старого сподвижника Чин-

гиса, его нойона-темника Хорчи (из племени Баринов), к которому они были прикреплены.

Пребывание алтайцев под властью Чингис-хана и его потомков длилось примерно до конца XIV в. и оказало пагубное влияние на культуру алтайцев. Причиной этого являлся грабительский характер политики монгольских ханов по отношению к покоренным ими народам. Монгольские ханы установили жестокий режим систематического террора, сопровождавшийся грабежами и убийствами. Прямым результатом такого режима монгольских эксплуататоров явился культурный упадок на Алтае, о чем свидетельствуют археологические памятники.

К периоду господства монголов с конца XII до XV в. относится важный этап этногенеза алтайцев. Он связан, во-первых, с активным участием в нем монголоязычных племен, во-вторых, с общим процессом образования тюркских народностей, протекавшим в это время в отдельных районах на огромном пространстве степей от Алтая до Крыма и Дуная. Тюркский каганат весьма способствовал продвижению тюркоязычных племен на запад. Из Алтая вышли карлуки, ставшие известными с VII в.; в их руках оказалось Семиречье после упадка могущества тюркского каганата (во второй половине VIII в.). Кыпчаки, которые также обитали раньше на Алтае, позднее распространились далеко на Запад. Некоторые тюркские племена, входившие в каганат, сыграли впоследствии важную роль в образовании киргизского и туркменского народов. Степи Западной Сибири, Казахстана, северного Приаралья и Прикаспия, южнорусские степи до северного Причерноморья, Крыма и Дуная включительно оказались в сфере влияния многочисленных кочевых тюркоязычных племен. Из них наиболее сильными оказались на некоторое время союзы тюркских племен в степях Приаралья и Прикаспия под главенством печенегов (X—XII вв.) и особенно кыпчаков в южнорусских степях. Известные во времена тюркского каганата на Алтае, а в половине XI в., по данным мусульманских авторов (Гардизи), на Иртыше, кыпчаки выступают в XII и начале XIII в. в качестве кратковременной, но крупной политической силы. В мусульманских источниках большие степные пространства, на которые распространялось господство кыпчаков, носят название Дешт-и-Кыпчак. Сами кыпчаки в это время становятся известными в русских источниках под именем половцев, а в византийских — команов. Временное объединение тюркоязычных кочевников под гегемонией кыпчаков содействовало созданию культурно-бытовой общности между этими племенами, находившимися на более или менее одинаковом уровне общественно-экономического развития. Политическому господству кыпчаков был положен конец монгольским государством Чингис-хана. В 30-х годах XIII в. политическими хозяевами Дешт-и-Кыпчака становятся монголы. При распаде империи Чингис-хана его внук Бату основывает здесь новое государство, получившее название в восточных источниках улуса Джучия, по имени старшего сына Чингис-хана, а в русских — Золотой орды. С образованием Джучиева улуса процесс формирования тюркских народов осложнился сильным монгольским влиянием. Однако в основе его попрежнему лежали различные группировки тюркоязычных племен, хотя и в соединении с другими и прежде всего монгольскими. Это подтверждается и тем общеизвестным фактом, что даже литературным языком в улусе Джучия был тюркский язык с наличием в нем кыпчакских языковых элементов, а в наречиях кочевых племен, населявших степи, эти кыпчакские элементы преобладали. Алтайские племена входили в восточную часть Джучиева улуса, именовавшуюся еще Белой ордой и занимавшую пространство от Западной Сибири до Волги. После смерти Бату (1255 г.) восточная часть Джучиева улуса была

разделена между его сыновьями: Ордой и Шейбаном. В первой половине XV в., в результате политического раздробления Джучиева улуса, распалась на ряд обособленных, враждующих между собой улусов и Белая орда. Так возникли улусы: Ногайский (во главе с Едигеем и его потомками) в степях между рр. Волгой и Яиком; Шейбанидский, летовки которого находились в верховьях Яика, Иртыша и Тобола, а зимовки в низовьях Сыр-Дарьи; Сибирский, или Тюменский, с династией из рода Шейбанидов. В процессе распада Золотой орды образовались новые группировки кыпчакских тюркоязычных племен, которые в смешении с монголами заложили этнические основы таких современных народов, как казахи, каракалпаки, ногайцы и значительная часть южных алтайцев, особенно телеутов, и которые влились в состав ближайших исторических предков современных киргизов и узбеков. Этим объясняется, что в родоплеменных составах указанных народов, живущих уже в течение многих веков на далеком расстоянии друг от друга, встречаются одни и те же названия (кыпчак, найман, меркит и др.), а эпическое творчество времени улуса Джучия (например, сказания об Едиге, Чара-Батые, Тахтамыше), сохранившееся у ногайцев Северного Кавказа, казахов, различных групп сибирских татар и других народов, известно и в районе Алтая. Следовательно, ближайшими историческими предками современных южных алтайцев были кыпчакские тюркоязычные племена, также сложные по своему этническому составу, которые оказались на Алтае как со времени тюркского каганата, так и в результате распадения улуса Джучия. На Алтае они продолжали смешиваться с потомками древних алтайских тюркоязычных племен (телесы, тургеши и др.) и с западномонгольскими племенами.

Историческое развитие алтайцев в XV в. происходит под сильным воздействием западных монголов, или ойратов, продолжавшееся до половины XVIII в., когда Джунгария была разгромлена Китаем.

В течение указанного периода алтайцы находились под игом ойратских ханов, которым платили *алман* натурой: пушниной, скотом и различными железными изделиями, и несли другие натуральные повинности. Культура алтайских племен в это время пришла в состояние наибольшего упадка и застоя. Тяжелое положение алтайцев в составе Джунгарии еще более ухудшилось в половине XVIII в., когда Джунгария превратилась в арену феодальных междоусобий и сделалась предметом завоевательной политики маньчжурской династии Китая.

Когда императорские войска вторглись в Джунгарию, двенадцать алтайских зайсанов обратились в 1756 г. к русским пограничным властям с просьбой о скорейшем принятии их со всеми подданными под покровительство России. Просьба алтайских зайсанов была удовлетворена. Присоединенное население было объявлено российскими подданными. Это событие сыграло в истории алтайских племен весьма положительную роль, ибо оно открыло для них перспективу дальнейшего исторического развития. Другого пути для развития культуры алтайских племен тогда не существовало. Это было невозможно в составе Джунгарии в силу указанных выше условий. Невозможен был бы и самостоятельный путь развития, ввиду крайне низкого уровня культуры алтайских племен, разрозненных, постоянно подвергавшихся нападкам извне. Вхождение в состав Русского государства было наилучшим выходом для алтайцев из того исключительно тяжелого положения, в котором они оказались в результате многовекового господства монгольских эксплуататоров. Разумеется, как подданные русского царя трудящиеся алтайцы испытывали на себе гнет царской колониальной политики, но общение их и совместная жизнь с русским народом обогащали и подымали культурный уровень алтайских племен.

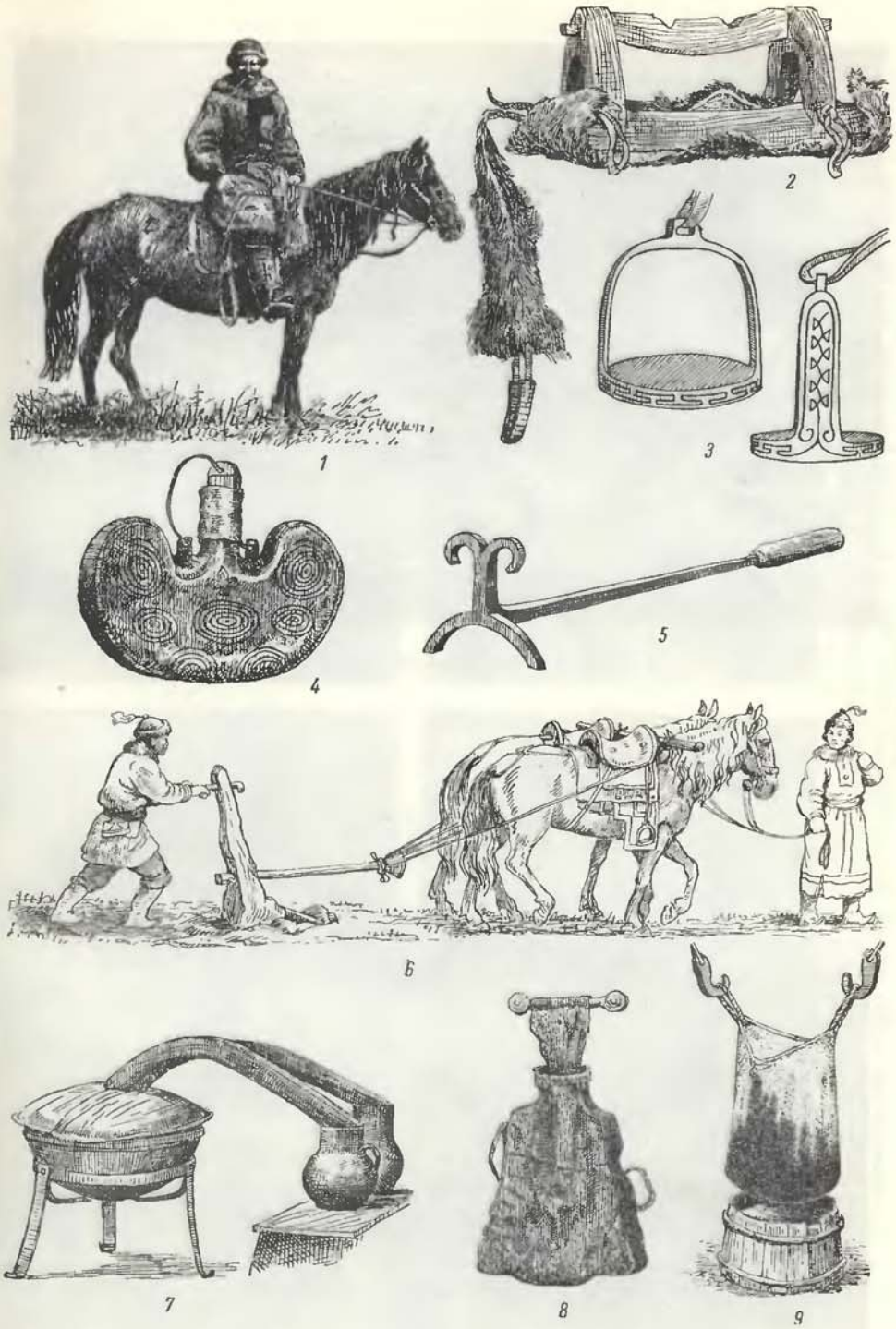
Хозяйство

Во время пребывания в составе царской России основной отраслью хозяйства южных алтайцев было кочевое и полукочевое скотоводство. Стада, особенно крупного рогатого скота, весьма увеличились. Пастбищное содержание скота в течение круглого года теперь дополнялось заготовкой сена. В 60-х годах XIX в. русские крестьяне завезли в Алтай косу-горбушу, а затем и более усовершенствованную косу-литовку. Производительность труда при сенокошении по сравнению с сохранявшимся старинным способом — вырыванием травы руками — выросла во много раз. Это позволило резко увеличить запасы сена и потребовало новой техники его уборки по русскому образцу. Многие байские и зажиточные хозяйства стали применять в конце XIX в. конную сенокосилку и грабли и, пользуясь трудом зависимых от них бедняков, производили заготовку сена в широких размерах. Сено сделалось предметом торговли и средством закабаления рядовых скотоводов, содержавших скот на пастбищах зимой. Часть алтайцев стала строить простые крытые пригоны для скота, заимствовав технику их постройки от русских крестьян. При всем этом алтайское скотоводческое хозяйство все же носило весьма отсталый характер и находилось в сильной зависимости от разных стихийных сил. Ветеринарная помощь отсутствовала. Различные эпизоотии, глубокоснежная зима или затянувшаяся холодная весна вызывали массовый падеж скота и разоряли мелких скотоводов.

Улучшению и укреплению хозяйства алтайцев несколько способствовало развитие земледелия и некоторых промыслов, продукция которых шла на продажу. Небольшие посевы ячменя производила половина всех хозяйств алтайцев (по данным на 1897 г.). В районах постоянного общения с русским населением алтайцы обрабатывали землю сохой и даже железным плугом, снимали урожай серпом и обмолачивали, гоняя по снопам лошадей. Но во многих районах, куда слабо проникало влияние русской народной культуры, в земледелии продолжала господствовать первобытная техника. Для разрыхления почвы было два орудия: *абыл* — мотыга для обработки поля вручную и *андазын* — подобие деревянной сохи для вспашки, которая привязывалась к седлу верховой лошади. Боронили ветками сухого дерева, на которое сверху для тяжести клали камни. Сеяли вручную, а удобряли поле разбрасыванием сосновых веток, которые постепенно сгнивали; иногда производили посев на местах зимних стоянок скота. Жали местами ножом, молотили короткой палкой и весь маленький урожай зерна (ячмень) хранили в кожаных сумпах в юрте. Ячмень размельчали в муку и крупу на ручной каменной зерпотерке и в деревянной ступе.

В зажиточных и байских хозяйствах техника земледелия приближалась к технике кулацкого крестьянского хозяйства (железные плуги и бороны, жатки-самосбросы, ручные молотилки и веялки). Широко применялся кабальный или наемный труд.

Русским крестьянам алтайцы обязаны возникновением у них огородничества, распространившегося во второй половине XIX и особенно в начале XX в. Выращиванием овощей, особенно картофеля (это весьма расширяло базу питания) занималось население многих районов; из промыслов наибольшее экономическое значение получили охота на пушного зверя (чему весьма способствовало распространение шомпольного ружья) и сбор кедрового ореха. В северных районах появилось пасечное пчеловодство, заимствованное у русских крестьян. При несомненном развитии и улучшении хозяйства алтайцев все же оно в большинстве случаев не выходило из рамок натурального; промышленность полностью отсутствовала. В скотоводческих районах существовали только некоторые

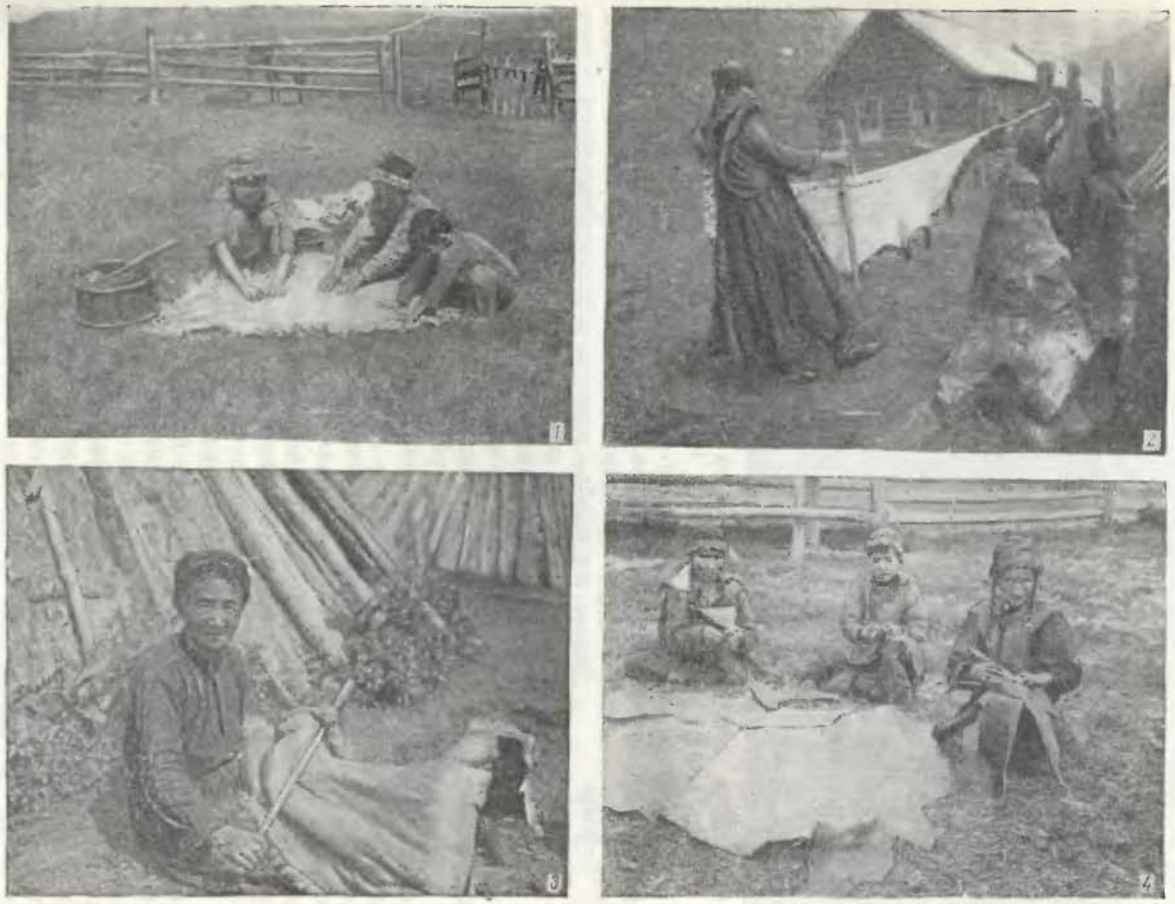


Хозяйство и быт.

1 — езда верхом; *2* — вьючное седло; *3* — стремена; *4* — кожаный сосуд для вина; *5* — тавро для клеймения скота; *6* — старинный способ пахоты андазыном; *7* — аппарат для гонки араки; *8* — кожаный сосуд для приготовления кислого молока; *9* — мешок с творогом

Обмолот зерна ножной ступой

Двухколесная телега



Обработка кожи

1 — соскабливание мездры ногтями; *2* — соскабливание мездры крюком; *3* — разминание шкуры; *4* — выкрапывание кожи на земле

слаборазвитые ремесла, например, изготовление войлока и седел и др.

У значительной части алтайцев отсутствовали прядение и ткачество, и только у челканцев и кумандинцев существовал маленький ткацкий станок, на котором производился грубый холст из волокон кендыря. Здесь же ткали пояса из крашеной шерстяной пряжи, украшенные орнаментом, и такие же чулки и рукавицы.

Основным средством передвижения в скотоводческих районах была верховая лошадь; в таежных районах летом ходили пешком, а зимой на лыжах. Телега и сани употреблялись лишь в районах соприкосновения с русским населением, преимущественно в северной и средней частях Алтая. Преобладала так называемая таратайка (*абра*) на двух низких колесах для перевозки грузов. Лошадь запрягалась в таратайку при помощи хомута, дуги и оглобель. Седелки не было, ее заменяло обычное верховое седло, на котором сидел возница. Грузы чаще привьючивали к деревянному вьючному седлу (*ынгырчак*). Груз помещался в двух кожаных суминах, которые перебрасывались через седло и связывались арканами. Местами грузы возили на верховой лошади при помощи волокуши из двух длинных жердей, передние концы которых связывались веревкой и перекидывались через седло. Северные алтайцы зимой возили охотничье снаряжение и добычу на деревянных нартах или просто завертывали в кусок конской кожи (*суртке*) и тащили за собой по снегу. Для хождения охотников на промысле по затвердевшим снежным скатам гор и фирновым полям к ногам привязывались подковки (*пут таккавы*) с железными шипами. Во время лазания по деревьям при сборе орехов на ноги надевались железные когти (*такка*).

Селения и жилища

Характерной особенностью алтайских селений являлась их разбросанность и малочисленность. Селение состояло из нескольких юрт, чаще не более десяти. Располагались они в долинах, по берегам рек. Лучшие долины были захвачены богачами — баями и русскими кулаками. Вокруг байских юрт группировались юрты зависимых от них малоимущих алтайцев. В северных, охотничьих районах, где жили тубалары, челканцы, верхние кумандинцы, селения были более скученными и крупными, располагались они также по берегам рек.

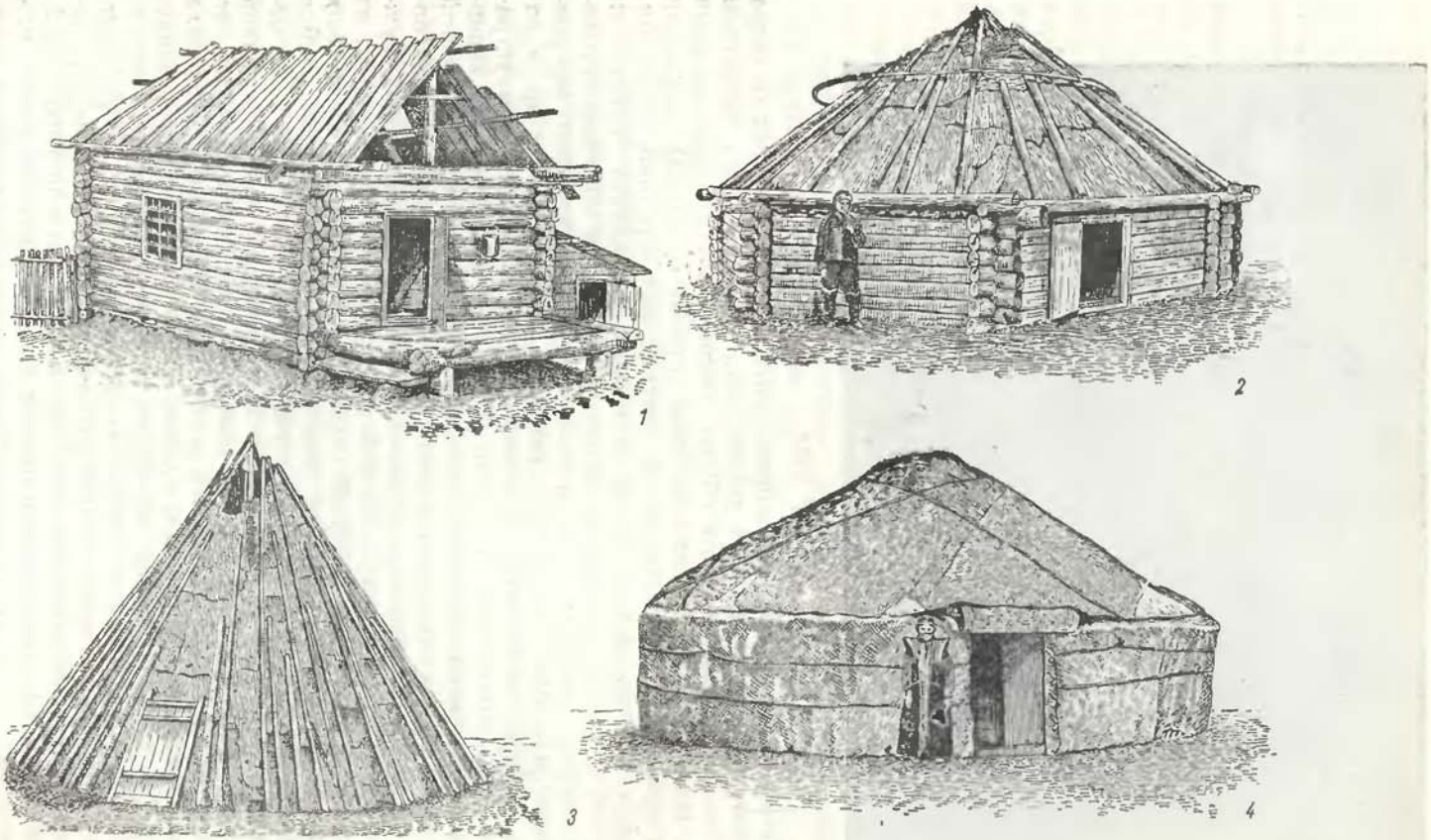
Наибольшей примитивностью отличались бедняцкие жилища у тубаларов и челканцев. Последние строили балаганы (*айлу*, или *чайлу*) из жердей и досок, поставленных стоймя, покрывали их корой и почти круглый год зябли у костра, горевшего посредине. Это жилище не имело ни печи, ни окон. Пол был земляной. Дым выходил через отверстие в потолке. Внутреннего убранства такое жилище почти не имело. Более состоятельные из тубаларов и правобережных катунских алтайцев жили в 4, 6 и 8-угольных деревянных юртах, срубленных из толстых бревен (*агаш аил*), с земляным полом. Крыша их имела конусообразную форму и покрывалась берестой. Баи жили в хорошо обставленных, иногда двухэтажных домах, крытых тесом или железом. Кумандинцы в большинстве жили в маленьких четырехстенных избушках русского типа, с печью и окнами. Жилищем трудящихся алтайцев южных районов являлись юрты двух типов: 1) конический шалаш из жердей, поставленных в круг и покрытых берестой или корой лиственицы (*аланчик*, *чадыр*), 2) войлочная круглая юрта (*кереге*) с куполообразной крышей. Остов ее делался из деревянной решетки, состоящей из нескольких звеньев (*канат*). Крышу составляли тонкие палки (*ук*), которые укреплялись нижним концом в верхней части решетки, а верхним вставлялись в деревянный круг, служивший дымовым отверстием. Крыша также покрыва-

В юрте

лась войлоком. Баи жили летом в просторных, хорошо укрытых от ветра юртах, пол которых также был устлан войлоками, иногда с расшитым орнаментом. Жилища алтайцев обычно были ориентированы дверями на реку. В жилище различались женская (правая от входа) и мужская (левая) стороны. Напротив двери, за очагом, был передний, почетный, угол (*тӧр*). На женской стороне у входа помещались принадлежности кухни и стояли деревянные цилиндрические или кожаные бутылеобразные сосуды с *чегенем* (заквашенным молоком, из которого выкуривалось вино). На мужской стороне хранились седла, ружья и пр. У самой стены, на женской половине, почти вплотную к переднему углу, устраивалась постель домохозяев. Передний угол в богатых юртах был заполнен кожаными сумами, набитыми различным байским добром (дорогой одеждой и т. д.). Над передним углом висели изображения духов — божеств. Гостей хозяева принимали (женщин на женской половине, мужчин на мужской) сидя на полу на войлочных ковриках (у богачей), на шкурах телят, козлят или на куске бересты (у бедноты). Столики были четырехугольные или круглые на трех-четырех низких ножках. В быт алтайцев, преимущественно северных районов, где связи с русским народом были особенно тесны, вошла русская срубная изба с деревянной или земляной крышей, с потолком, полом, окнами, русской печью, но обычно без сеней. Изба во многих местах либо совершенно вытеснила юрту, либо превратила последнюю в летнее или хозяйственное помещение.

Одежда

Одежда алтайских племен различалась в зависимости от социального положения и по районам. Мужская одежда состояла из длинной рубахи (из дабы или ситца) с длинными рукавами, косым открытым воротом, снабженным одной пуговицей, и широких, немного длиннее колен штанов из дабы, толстого холста или выделанной кожи козули. Штаны на поясе стягивались шнурком, который завязывался спереди и выпускался концами наружу. Белья не носили. Поверх рубахи еще надевался халат (*чекмень*) из сукна, нанки или дабы с широкими рукавами, большим отложным воротником красного



Жилище

1 — срубная изба с пристройкой; *2* — восьмиугольная бревенчатая юрта; *3* — корьевая юрта; *4* — войлочная юрта

Одежда алтайцев

1, 2 — женская одежда, алтай кижи; *3* — украшение для косы; *4* — мужская зимняя одежда, алтай кижи; *5, 6* — летняя мужская одежда, алтай кижи; *7* — женская одежда, кумандинцы; *8* — женская одежда, челканцы

или синего цвета. Халат подпоясывался кушаком-ошояской (из дабы). У богачей покрой одежды был такой же, однако шилась она из дорогого материала. Кроме того, богачи южных районов носили дорогую одежду монгольского покроя. Из верхней одежды нужно упомянуть сохранившиеся до сего времени шубы, обычно из овчины (мех предпочитается белый). Шубы шьются длинными, рукава у плеч очень широкие, книзу резко суживаются. Шубы богачей покрывались китайским шелком (*торко тон*) и имели прямые отложные воротники из дорогого меха. Шапки мужские и женские шились из шкур черного барашка, с верхом из желтой, черной, оранжевой или красной материи. Шапка имела высокий околыш (из мерлушки, а у богатых из соболя или лисицы), постепенно суживающийся сзади. Сзади шапка имела две, обычно красные, ленты, которыми можно было в случае необходимости подвязать околыш, опустив его совсем на уши. Шапки другого типа—круглые, с кистью из цветных ниток на макушке. Шились они из материи на бараньем меху и имели круглый околыш-оторочку из меха. Богачи делали такие шапки из дорогого меха (соболь, выдра, лисьи лапки и т. д.). Мужские и женские шапки в общем были одинаковы.

Женская одежда у алтайцев была такой же, как и мужская, за исключением верхней. Специальной одеждой замужних женщин являлся *чегедек*, длиннополая безрукавка, вместо рукавов у чегедека были вырезы, и он мог надеваться поверх любой одежды. Он шился в талию, из темной материи (у богатых из шелка и бархата) и обшивался вокруг пройм рукавов и воротника, по спине и подолу оторочкой из позумента или из красной или желтой материи. Носили его зимой и летом. Многие мужчины, особенно бедняки, летом носили шубу, надевая ее на голое тело и спуская с плеч при сильной жаре.

Обувью служили кожаные сапоги на мягкой подошве. Сапоги шились остроносыми, без каблуков. В них вдевались чулки из войлока (*ук*), которые на 3—5 см высовывались из голенища. Верхний край чулка обшивался материей (у богачей цветным бархатом) и простречивался нитками. Иногда зимой носили меховые сапоги, сшитые из лап козули мехом наружу. Бедняки, в целях экономии, голенища сапог делали из холста, подвязывая его под коленом, вместо войлочных чулок они обертывали ноги сушеной травой — *ойонгот* (род осоки). Штаны всегда заправлялись в сапоги. Мужчины носили за левым голенищем, между сапогом и чулком, трубку с длинным чубуком и длинный кожаный кисет. Женщины трубку и кисет носили за поясом. Специально праздничной одежды у алтайцев не было. Находясь дома летом в одной рубахе и босой, мужчина, отправляясь в гости, надевал сапоги, халат или шубу и шапку. Только богачи имели особую праздничную одежду. Изменения в одежде южных алтайцев выражались в проникновении сюда фабричных русских тканей и формы покроя по русскому образцу, иногда переработанному.

У челканцев и кумандинцев рубаха и штаны шились из самодельного холста (*кендырь*) из конопли или дикой крапивы. Рубахи мужчин были длиной до колен и ниже. Мужчины и женщины носили халат без пуговиц, с открытым воротом, подвязываемый опояской. Воротник у халата расшивался цветными нитками, холщевыми или шерстяными. У женщин и девушек нередко расшивались нитками подол и рукава. Женщины здесь не носили чегедека и шапок, а ходили в головных платках, повязанных концами назад. В начале XX в. (особенно у кумандинцев и тубаларов) была распространена обычная русская крестьянская одежда. В северном Алтае бытовал охотничий костюм, состоящий из кошемных куртки и шапки, обшитых грубым серым холстом, и меховых штанов (чаще из шкуры теленка).

Из украшений были распространены простые круглые кольца (медные, серебряные, золотые), которыми унизывали пальцы, а также серьги (из медной или серебряной проволоки), подвески из блях и пуговиц. Женщины носили серьги в обоих ушах, девушки обычно в одном ухе. Кроме того, были украшения в виде привязываемых к косам бус, пуговиц, бляшек, ракушек каури (*Cuprea moneta*), ключей, деревянных палочек и т. д. Женщины носили две косы, которые при встрече гостей перебрасывались на грудь. Девушки носили несколько кос. Национальной мужской прической у южных алтайцев была косичка (*кедеге*), заплетенная на темени бритой головы. К этой косичке также привязывались украшения из пуговиц, ракушек и т. д. У северных алтайцев мужчины носили длинные волосы, подстриженные в кружок.

Пища

В пище алтайцев следует отметить прежде всего ее различие у разных социальных слоев населения. Баи ели ежедневно мясо и хлеб, имели в изобилии различные молочные продукты, покупали сласти. Хлеб и мясо были наименее доступными продуктами питания для бедноты. Хлеб был недоступен вследствие дороговизны и слабого развития земледелия на Алтае. Когда бай колол скотину, то его соседи-бедняки могли пользоваться только отбросами, из-за которых, как пишет один путешественник, им приходилось бороться с собаками, сбегавшимися с разных сторон к месту убоя. Средние слои алтайцев питались преимущественно молочной пищей. Сырое молоко не пили, а лили его в чай, который пили с ячменным толокном (*талкан*) и кислым продымленным сыром. Бедняки питались кореньями дикорастущих: кандыка и сараны, листьями дикого ревеня, по нескольку раз варили кости, оставшиеся от пищи богачей. Вместо чая употребляли навар листьев бадана с молоком или с солью.

В скотоводческих районах помимо кореньев съедобных растений, запасаемых впрок, беднота питалась талканом, крупой (*курмач*) из ячменя и сырчиком (*курут*), приготовляемым из сквашенного вареного молока. Посевы ячменя были настолько незначительны, что собранный урожай не обеспечивал питания семьи бедного человека и на полгода. Сырчик приготовляли летом, когда доили взятых на выпас (*полыш*) байских коров, и делали запасы его на зиму. Для этого сливали молоко в кожаный мешок (*архыт*) или деревянную высокую кадку (*чапчак*), заквашивали его бараньим желудком и лошадиной копчиковой костью. Скисшее молоко (*чегень*) наливали в чугунный чашеобразный котел и выкуривали из него вино (*арыки*). После этого сливали содержимое котла в мешок, отжимали сыворотку и из творога делали курут, который коптили на дыму или сушили на солнце. Сыворотку также употребляли в пищу. От удоя одной коровы за весь сезон получали около 50 сырчиков, что хватало на семью в 3—4 человека не более чем на один месяц. Таким образом, содержание одной коровы не обеспечивало питания семьи алтайца, и ему приходилось изыскивать другие источники пищи. Охотились на всевозможных зверьков, не брезгуя даже такими, как хорек и колонок, а местами (Улаган) раскапывали мышиные норы, в надежде найти в них заготовленные на зиму запасы корней съедобных растений. Корни ели по большей части разваренными в воде. Заготавливали на зиму также мучнистые корни кандыка.

Копание и заготовка корней при помощи деревянной корнекопалки (*озуп*), снабженной железным наконечником, составляло женскую работу.

В районах совместной жизни алтайцев с русскими крестьянами пища алтайцев была более разнообразной и источники ее несравненно богаче. Земледелие и огородничество, стойловое содержание скота и особенно

хлебопечение, которым алтайцы научились от русских соседей, расширили и укрепили пищевую базу алтайцев в этих районах.

Из специфических алтайских кушаний отметим следующие: из молочных — два вида сыра (кислый дымленый или сушеный на солнце — курут — и пресный жирный *пыштак*, последний был в постоянном употреблении в байских семьях) и сливки, снятые с вареного молока (*каймак*); из напитков — чегень (из сквашенного коровьего молока), *кымыс* (из кобыльего молока) и кирпичный чай, который варили с молоком, солью и мелкими кусочками баранъего жира и пили с добавлением в чашку ячменного толокна (талкан). У северных алтайцев специфическим напитком являлась брага (*абыртки*) из ячменя или корней кандыка. В числе мясных кушаний были: кровь (*кан*) с добавлением молока и мелких кусочков жира, вареная в овечьих кишках, вареные тонкие овечьи кишки, перевитые брюшным салом (*тюргом*), кишки, начиненные потрохами и крупой (*кыйма*).

Посуда в скотоводческих районах Алтая изготовлялась из кожи (сосуды для жидкостей) и дерева. В северном Алтае преобладала деревянная посуда (из березы, осины, кедра) и посуда из бересты. Металлическая и стеклянная посуда покупалась. Баи употребляли главным образом покупную посуду.

Социальный строй

В административном отношении южные алтайцы делились на 7 дючин, во главе которых стояли зайсаны с помощниками (*демичи*), при которых находились для ведения канцелярских дел писарь и сборщики налогов или податей. У северных алтайцев административной единицей были волости, возглавляемые зайсаном (тубалары, кумандинцы) или баплыком. Дючины южных алтайцев не являлись территориальными единицами, а состояли из того или иного количества родов (*сеоков*), приписанных к определенному зайсану независимо от того, где проживал представитель рода. Власть зайсана формально ограничивалась сбором налогов и разбором бытовых дел. Он был подчинен полицейскому исправнику, имевшему резиденцию в г. Бийске, и его помощнику — отдельному алтайскому заседателю, жившему в с. Улале, в горах Алтая. Практически власть зайсана была неограниченной.

Наиболее тяжелой формой проявления политики царизма являлся грабеж земли у алтайцев. Царскими указами от 1747 и 1882 гг. земли алтайцев объявлялись принадлежащими Кабинету его величества. «Устав об инородцах», изданный в 1822 г., в статье 28 утверждал за кочевниками право владения (но не право собственности) на земли, фактически ими занятые. Обширные земельные захваты производились Алтайской духовной миссией. Колонизация усилилась с изданием «Правил 1879 г.», разрешивших русскому населению селиться среди алтайских стойбищ. Царское правительство стремилось заселить Алтай кулацкими хозяйствами, которые располагались на хуторах-заимках.

В 1899 г. был опубликован закон о землеустройстве. Алтайцы должны были получить 18-десятинный надел на душу. Согласно этому закону, «освобождалось», по подсчету царских чиновников, свыше 6 млн десятин земли, которая была использована царским Кабинетом для сдачи в аренду. Закон о землеустройстве весьма тяжело отражался на жизненных интересах алтайских скотоводов, экстенсивный характер хозяйства которых требовал значительных пространств для пастбищ. Мизерный надел повлек за собой необходимость для трудящихся алтайцев дополнительно арендовать землю. Кроме того, закон этот по существу лишал трудящихся алтайцев тех незначительных льгот, которыми они все же пользовались от царского правительства как «инородцы», так

как уравнивал их с русскими крестьянами, коренным образом ломая обычный образ жизни алтайцев. В перспективе было отбывание солдатчины, крещение, руссификация, утрата родного языка и национальных черт.

Жестокая экономическая эксплуатация алтайцев царизмом дополнялась не менее жестоким национальным их угнетением.

Для общественных отношений алтайцев было характерно достаточно четкое классовое расслоение. Господствующим классом являлись зайсаны и баи, составлявшие небольшую по численности верхушку. Большая часть трудящихся алтайцев, ведущих самостоятельное скотоводческое хозяйство, подвергалась эксплуатации со стороны этой верхушки. Значительное количество алтайцев вовсе не имело собственного хозяйства, а жило у зайсанов и баев на положении домашних рабов (*кулы*) или закабаленных работников (*айбачи* и др.). С тех пор как земли Алтая были объявлены собственностью царского Кабинета (царские указы 1747 и 1822 гг.), в земельных отношениях у алтайцев произошли некоторые изменения. Юридически зайсаны теперь не являлись феодальными собственниками тех или иных пастбищ и кочевий. Однако фактически они продолжали владеть лучшими и бóльшими земельными угодьями. Такое положение облегчалось для зайсанов тем, что, согласно Уставу об инородцах 1822 г., земли Алтая передавались во владение алтайским зайсанам, хотя землепользование на этих землях объявлялось общинным.

Зайсаны, согласно царским указам, не могли продавать или сдавать единолично эти земли, тем не менее практически они были распорядителями пастбищ и кочевий и даже сдавали их в аренду русским крестьянам от имени того или иного «общества» алтайцев.

Новым в характере земельных отношений у алтайцев являлось то, что зайсаны уже не были монопольными собственниками пастбищ и кочевий Горного Алтая. Переданные во владение алтайцам земли стали теперь концентрироваться не только в руках старинных и сословных собственников-зайсанов, но и у баев, вышедших из среды рядовых кочевников. Они также, как и зайсаны захватывали лучшие пастбища и кочевья в свое единоличное владение. Вследствие этого бóльшая и лучшая часть пастбищ и сенокосов Алтая была сосредоточена в руках богачей-скотоводов, из которых отдельные имели стада численностью до 10—25 тыс. голов (Аргымай и Манжи Кульджины, Пашка. Ярой и др.). Захваченные земли зайсаны и баи передавали своим детям по наследству.

На десятки километров тянулись изгороди, огораживающие летние и зимние пастбища и покосы баев. Трудящийся скотовод не мог пустить свой скот в эти огороженные места. Байские загородки, вызывавшие законную ненависть народа, сломала только советская власть.

Общинное землепользование, провозглашенное официально, было весьма удобной формой для захвата сенокосов, пастбищ и кочевий зайсанами и баями. Рядовые алтайцы-скотоводы жили небольшими аилами, и пользование пастбищами и кочевьями, а также покосными угодьями, не захваченными зайсанами и баями, было у них общинным. Поэтому можно утверждать, что у алтайцев в описанных исторических условиях была распространена аульная, или аильная, кочевая или полукочевая община, экономическое содержание которой весьма близко подходит к сельской или соседской общине. Характерной особенностью аильной общины у алтайцев было сочетание частной собственности на скот с общинным землепользованием на кабинетской земле, распространившимся на пастбища, кочевья и сенокосные угодья. Состав аильной общины у алтайцев не отличался постоянством. Алтайские аилы (урочища) не были

связаны с определенной территорией и нередко то появлялись, то исчезали в той или другой долине.

Наряду с баями и зайсанами, имевшими стада в тысячи и десятки тысяч голов скота, были хозяйства, в которых скота или вовсе не было или было незначительное количество.

Это экономическое неравенство при хозяйстве, основанном на кочевом и полукочевом скотоводстве, порождало и своеобразные формы эксплуатации. При господстве натурального хозяйства и низкой технике, когда еще не получили широкого распространения сенокосно-уборочные машины, не было крупных маслодельных, сыроваренных и других заводов для переработки продукции скотоводческого хозяйства, баи не могли использовать всех возможностей, которые заключены в большом скотоводческом хозяйстве. Обладая, например, стадом в несколько сотен коров, бай не использовал и десятой части молока, которое ежедневно давало такое стадо, ибо сохранить и переработать такое количество молока домашним способом не было никакой возможности. Кроме того, чтобы обеспечить такое большое стадо пастухами, доярками и т. п., нужно было держать много наемных работников, оплачивать и кормить которых при натуральном хозяйстве явно было невыгодно. Поэтому баи предпочитали раздавать большую часть своего скота на выпас беднякам и маломощным хозяевам на кабальных условиях. Этим и объясняется существование у алтайцев особой широко распространенной формы эксплуатации, известной под названием *полыш* (буквально «помощь»). Особенно широко баи раздавали в полыш дойных коров. Корову бай давал бедняку «бесплатно» на год и больше. Бедняк, получивший корову в полыш, за право пользования молоком был обязан кормить корову в течение круглого года, проследить, чтобы у нее был приплод, сохранить приплод и возвратить его баю при требовании. Кроме того, бедняк еще был обязан за оказанную «помощь» отработать в хозяйстве бая: косить и убирать сено, заготовлять дрова и т. п. Таким образом, бай через полыш имел бесплатных пастухов и работников.

В полыш давались также лошади и овцы, причем иногда бай давал овец бедноте на выпас только за пользование кизяком (пометом), употребляющимся для топлива (Кош-Агачский аймак). Кроме полыша, были распространены и другие формы отработок. Приписка алтайцев к определенным зайсанам без права перехода от одного зайсана к другому, прикрепление алтайцев к царской, кабинетской земле, ясак и подать, которые они платили в царскую казну, являлись главными формами внеэкономического принуждения. Зайсан, например, мог распоряжаться имуществом и трудом своих приписных по своему усмотрению. Он судил их, налагал на них штрафы, порол розгами, заставлял работать на себя и т. д. Некоторая категория работников находилась в неполной собственности зайсанов и баев. Эти работники в одних районах Алтая носили название кул, т. е. раб (Онгудайский и Усть-Канский аймаки), в других — *айбачи* (Кош-Агачский и Улаганский аймаки). Баи и зайсаны имели кулов и айбачи по нескольку десятков семей. Кула или айбачи бай или зайсан не мог убить, но он мог его дать (и давал) в приданое своей дочери или в калым при женитьбе сына.

Таким образом, наиболее распространенной формой производственных отношений у алтайцев, выступавших как отношения господства и подчинения, являлись патриархально-феодальные отношения, т. е. такие феодальные отношения, которые еще не высвободились из патриархальных, родовых уз. Пережитки первобытно-общинных, родовых отношений еще играли в жизни алтайцев большую роль. Они сказывались и в области организации производства. Особенно это относится к районам северного

Алтая, где главной отраслью хозяйства являлась охота на зверя. Здесь еще местами сохранялись пережитки общей родовой собственности на охотничью территорию. Члены одного и того же сеока промышляли зверя по долине определенной речки, территорию которой они считали своей родовой и прогоняли с нее чужеродцев. Родовыми пережитками, как мы видели, искусно пользовались и поддерживали их зайсаны и баи.

Общественные отношения у алтайцев во многом определялись колониальной политикой царизма, основанной на политическом, экономическом и национальном угнетении трудящихся алтайцев. Царское правительство обременяло алтайцев налогами и повинностями, захватывало у них земли, официально именуя это землеустройством, проводило насильственную христианизацию и руссификацию.

Трудящийся алтаец платил и выполнял ежегодно 12 различных налогов и повинностей, которые тяжело отражались на его материальном положении. Тяжесть различных податей и повинностей увеличивалась в несколько раз вследствие бесконтрольности сбора их царскими чиновниками и зайсанами. Зайсаны и их помощники (демичи) были освобождены от налогов, а бай при уравнительной системе раскладки податей подушно платил столько же, сколько любой бедняк. Особенно наживались царские чиновники и зайсаны на операциях сбора ясака, вносимого пушниной: они искусственно браковали и присваивали себе лучшие дорогие меха. Не менее разоряла трудовое население и торгово-ростовщическая эксплуатация. Ею занимались, кроме русских и алтайских торговцев-профессионалов, также и царские чиновники.

Семейные отношения характеризовались патриархально-родовыми пережитками. Алтайцы, принадлежавшие к одному сеоку (роду), называли друг друга *карындаш* (буквально «единоутробный). При заключении брака соблюдалась экзогамия (запрет браков между членами одного рода). Сохранялись пережитки матриархата, например авункулат (ряд обычаев, отражающих выдающуюся роль и значение в жизни алтайцев дяди по матери). Классификационная система родства у алтайцев отражала семейно-брачные отношения, существовавшие в прошлом. Алтайцы одним термином обозначали ряд родственников или свойственников. Родственники именуются различно по линии отца и по линии матери (например, дядя по матери — *таай*, а по отцу — *абагай*). Терминология отражает слияние родства прямой и боковой линии. Например, термином *ака* называли младших братьев отца и своих старших братьев родных, двоюродных и более отдаленных степеней родства по отцовской линии. В ряде случаев для обозначения родства и свойства употреблялись одни и те же термины. К моменту Великой Октябрьской социалистической революции господствующей у алтайцев являлась моногамная семья. Браки заключались путем предварительного сватовства, но практиковались и браки путем умыкания (похищения) невесты. Женитьба сопровождалась уплатой калыма родителям или братьям невесты. Женщина занимала подчиненное место в семье, она находилась в полной зависимости от мужа и его родственников. Еще тяжелее было общественное положение женщины, характеризовавшееся полным бесправием.

Наряду с патриархально-феодальными отношениями у алтайцев имелись и зародыши капиталистических отношений. По данным 1897 г., 14% алтайцев продавали свой труд в чужие хозяйства. Среди алтайцев появилась категория наемных рабочих, сельских батраков. Такими представителями сельскохозяйственных пролетариев у алтайцев были пастухи (*малчы*), поденщики (*куньиш*), ямщики, ходившие с извозом на лошадях предпринимателя, батраки (*ялчы*, *йокту-кижи* и т. п.). Об упадке хозяйства бедняков-скотоводов свидетельствует то, что многие из них отда-

вали в аренду предпринимателям свой последний скот за деньги, не будучи в состоянии его прокормить, а сами, «освободившись» от своего хозяйства, шли в батраки иногда только за питание и одежду. В начале XX в. ряд байских хозяйств развивается на основе товарных отношений. Баи заводили торговлю скотом, кожей, волосом, пушниной, орехами и т. п. Бай Аргымай Кульджин разводил рысистых лошадей. Он посетил Англию и Германию с целью изучения коневодства, неоднократно ездил в Петербург; этот же бай построил маслобойный завод и имел несколько сот человек наемных рабочих. Манжи Кульджин стал разводить орловских рысаков, завел маслобойку и шерстобойку, заготовлял много сена при помощи машин, обслуживаемых наемными рабочими. Известные баи Тобоковы построили несколько маслодельных заводов и т. д.

Освобождавшаяся в процессе разорения мелких производителей рабочая сила не поглощалась целиком товаризировавшимся байским хозяйством при существовавших размерах производства и еще отсталой технике хозяйства. Избыток рабочей силы создавал дешевизну рабочих рук, что способствовало образованию полукрепостнических форм эксплуатации. Батраки работали на бая всей семьей, получая за свой труд скудную пищу и обноски байской одежды. Такое положение создавало благоприятную почву для ограбления трудящихся баями и русскими кулаками.

Возникающие у алтайцев капиталистические отношения, переплетаясь с докапиталистическими, выступали в весьма примитивной и поэтому еще более тягостной для производителя-алтайца форме. Такому переплетению различных форм общественных отношений способствовали также царившее здесь дикость и патриархальщина.

Письменность и образование

В результате описанных исторических условий алтайцы к моменту Великой Октябрьской социалистической революции были весьма отсталыми не только в экономическом, но и в культурном отношении. У них не было своей письменности, сколько-нибудь развитого искусства. Не было и единого разговорного языка; каждое племя или территориальная группа говорили на особом диалекте. Духовная алтайская миссия, организованная здесь с 1868 г., пыталась создать литературный язык на основе телеутского диалекта. Миссия печатала на нем исключительно религиозно-поучительную литературу, мало понятную алтайцам не только по особенностям языка, но и по содержанию. Несколько десятков миссионерских начальных школ, разбросанных по Алтаю, вели преподавание на русском языке и были доступны детям преимущественно зажиточной верхушки. Но и в этих в подавляющем большинстве одноклассных школах образование сводилось главным образом к заучиванию молитв. Церквей на Алтае было значительно больше, чем миссионерских школ. Например, в Улаганском аймаке к 1917 г. было 13 церквей и 1 школа. Поэтому грамотность у алтайцев (вместе с оседлой частью населения) составляла в это время около 6%, а среди кочевого населения она не достигала и 2%. Зайсанско-байская верхушка не ограничивалась обучением детей в начальных миссионерских школах. Дети зайсанов и баев шли учиться в Бийское катехизаторское училище, где они обучались на священников, псаломщиков и т. д. Только отдельным выходцам из эксплуататорской верхушки удавалось получить среднее светское образование.

Народное творчество

Среди алтайцев широко бытовало устное народное творчество. Героические сказания и различные бытовые песни — наиболее распространенные и популярные жанры алтайского фольклора. Особенностью алтайских поэм является красочность, картинность и подробность описаний как природы, так и героев, обстановки, в которой они действуют, и т. д. Как бы

ни были богаты алтайские эпические сказания поэтическим вымыслом, они содержат правдивое отображение прошлой жизни, надежд и стремлений алтайского народа, а поэтому являются ценным источником для изучения его истории. В народных сказаниях богатыри сражаются с бесчисленными врагами, совершают чудесные подвиги ради счастья своего народа. Свои заветные мечты о свободной, благополучной жизни алтайцы воплотили в образах сказочных героев. В былинах часто говорится о том, как бедняки борются с богачами-баями, начальниками-зайсанами, злыми вымогателями шаманами. Симпатии народа всегда на стороне бедняка. Бедняк обязательно побеждает шаманов, ханов, баев, зайсанов своей отвагой, силой или находчивостью. Устное народное творчество имело в жизни алтайцев, не знавших письменной литературы, большое воспитательное значение. Героические сказания исполнялись сказителями (*кайчи*) нараспев, речитативом, низким голосом, под аккомпанемент двухструнного деревянного *топшура*, напоминающего домбру, струны которого были сделаны из конского волоса. Помимо топшура, у алтайцев существовал варган (*темир-кобыс*) — музыкальный инструмент, состоящий из металлической пластинки, согнутой дугообразно, с прикрепленным к ней язычком. Кобыс при игре вставлялся в рот, и звук извлекался при помощи вибрации язычка варгана, а рот играющего служил резонатором. Кроме того, были дудки-флейты, сделанные из стеблей зонтичных растений. Искусство танца у алтайцев отсутствовало.

Игра на кобысе

Из других видов народного искусства у них существовали примитивная резьба по дереву, тиснение кожи и более развитая аппликация на войлоке. Алтайский современный орнамент сохранил связь с орнаментикой периода ранних кочевников, хотя изобразительное искусство алтайцев резко упало еще в монгольский период. Частым сюжетом украшения деревянных и кожаных предметов являются фигурки диких животных. Но изображения этих животных очень близки к примитивному стилю, характерному для наскальных рисунков Алтая, и не имеют ничего общего со «звериным» стилем периода ранних кочевников.

Религия

По религиозным воззрениям большинство алтайцев было шаманистами, верившими в населенность всего мира добрыми и злыми духами, от воли которых якобы зависело благополучие и жизнь человека. Посредниками между духами и человеком

признавались шаманы, которые широко эксплуатировали рядовых алтайцев, пользуясь их глубокой культурной отсталостью, и всячески поддерживали в них дикие, невежественные представления. Характерной особенностью культа было принесение в жертву высшему доброму божеству Ульгепю или злому владыке подземного мира Эрлику лошади, мясо которой съедалось участниками моления, а шкура вывешивалась на жерди, приставленной к жертвенной березе. Шаман камлал в специальном костюме, символизирующем птицу, с бубном. Бубен обтягивался кожей, которую затем разрисовывали; внутри он имел деревянную рукоятку, вырезанную в виде человеческой фигуры. В религии алтайцев большую роль играли древние родовые культы (например, культ огня, отражавший древнюю общность родового огня, или культ гор, отражавший общность родовой территории в прошлом) и различные ранние формы религиозных представлений.

Значительная часть алтайцев была обращена в православие миссионерами. Однако большинство крещеных алтайцев усваивало только внешнюю, обрядовую сторону христианства. Крестились преимущественно либо бедняки из нужды (крещеным давались незначительные льготы), либо богачи, искавшие через православие союза с царскими колонизаторами: чиновниками, торговцами, миссионерами. С 1904 г. часть алтайцев скотоводческих районов сделалась последователями бурханистского культа, представлявшего собой разновидность монгольского ламаизма в сочетании с элементами алтайского шаманизма.

Экономические и культурные связи с русскими крестьянами

Культурный уровень алтайцев был выше там, где они жили смешанно или в ближайшем соседстве с русскими крестьянами и могли свободно и непосредственно общаться с ними. В этих районах алтайцы значительно опередили в культурном отношении своих соплеменников, живших изолированно. Экономические и культурные связи между русскими и алтайцами возникали здесь сами собой, без всякого принуждения. Алтайцы добровольно изучали русский язык и свободно говорили на нем, а русское население научалось говорить на языке алтайцев. Алтайцы усваивали от русских формы и приемы хозяйства и быта. Свободное общение алтайцев с русским народом было основным фактором повышения культуры алтайских племен в описываемое время.

Однако общий культурный уровень алтайцев оставался все же низким. Главной причиной этого являлся гнет двойной эксплуатации — царских колонизаторов, с одной стороны, и зайсанов, баев, шаманов — с другой, который разорял и принижал трудящихся алтайцев и истощал их творческие силы.

АЛТАЙЦЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Гражданская война, установление советской власти и образование автономной области

Новый этап в истории алтайцев, этап свободного национального развития, наступил в результате Великой Октябрьской социалистической революции. В Томске, Новосибирске, Барнауле и Бийске, с которыми экономически и административно был связан Горный Алтай, советская власть установилась в конце декабря 1917 г. В Алтай к этому времени стеклись остатки разбитой белогвардейщины. Эсеры, сибирские областники и прочие контрреволюционеры в тесной связи с алтайскими буржуазными националистами приложили все усилия к тому, чтобы помешать установлению советской власти на Алтае. В конце февраля (ст. ст.) 1918 г. им

удалось организовать в с. Улале Учредительный Горно-Алтайский съезд под флагом самоопределения. На деле же это было сборище реакции в лице эсеров и областников-интеллигентов — вдохновителей контрреволюции, крупнейших баев и зайсанов, националистов, русских кулаков, поповмиссионеров, будущих руководителей бандитизма, офицеров и карателей. Не удивительно, что работа и решения «съезда», основывались на контрреволюционных установках, рассчитанных на отторжение Алтая от РСФСР и продажу его иностранным интервентам. На этом «съезде» была избрана Алтайская Каракорумская управа, которая с самого начала и до конца своего существования боролась против советской власти. После колчаковского переворота она оказалась целиком в руках окончательно распоясавшейся белогвардейщины. Колчаковские офицеры-каратели сделались фактическими хозяевами Алтая. Эксплуатация трудящихся, произвол и насилие над ними в это время достигли небывалой силы. Расстрелы, порки, грабеж и прочие насилия колчаковцев-каракорумцев над трудовым населением до сего времени не исчезли из памяти старшего поколения.

При Каракорумской управе был создан «туземный дивизион» преимущественно из зайсанских и байских сынков и их родственников. Одна сотня из этого дивизиона была отправлена в распоряжение ставки Колчака. Карательные экспедиции «туземного дивизиона» против трудящихся Алтая и вообще Западной Сибири прославились особенно разнузданным насилием и жестокостями. Колчаковский режим возбуждал в трудящихся алтайцах жгучую ненависть, стремление навсегда освободиться от него. Наиболее активную форму эти настроения получили в партизанском движении, которое началось в Западной Сибири осенью 1918 г. Оно было организовано партией большевиков. В Сибири в это время большевики ушли в подполье, но продолжали вести работу среди рабочих и крестьян, имевшую целью поднять вооруженное восстание против Колчака. Деятельность большевистского подполья в Сибири протекала под руководством В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина и Ф. Э. Дзержинского, которые держали личную связь с сибирским большевистским подпольем и учили большевиков Сибири готовить рабоче-крестьянские массы Сибири к вооруженному восстанию против колчаковщины. Горный Алтай партизанское движение охватило в 1919 г. Уцелевшие от арестов рабочие-большевики организовали по деревням и заимкам Алтайской губернии подпольные большевистские ячейки. Подпольщики ставили перед собой задачу подготовить вооруженные выступления против Колчака, спасти страну от нападений иностранных буржуазных государств, помочь восстановить советскую власть. В то время как Красная Армия сражалась с колчаковскими войсками на фронте, трудящиеся Сибири под руководством большевиков били Колчака в тылу. Таким образом, сибирские рабочие и крестьяне помогли советской власти и Коммунистической партии, поднявшим народ на защиту родины от интервентов, ликвидировать Колчака, одного из наиболее опасных наймитов иностранной буржуазии. В этой борьбе нельзя забывать и о роли трудящихся алтайцев, которые плечом к плечу с сибирскими рабочими и крестьянами в составе партизанских отрядов с оружием в руках боролись за советскую власть. Партизанская борьба за восстановление власти Советов на Алтае, теснейшим образом связанная с общим партизанским движением Сибири, закончилась успешно. В декабре 1919 г. партизанские части соединились в районе Чуйского тракта с войсками Красной Армии. На Алтае установилась советская власть. Горный Алтай решением Алтайского губернского исполнительного комитета был разделен на три отдельных района: Улалинский, Шебалинский и Уймонский с центром в г. Бийске. В каждом районе учреждался революционный комитет. В феврале 1920 г.

в с. Улале возникли первые местные организации Коммунистической партии и комсомола. Партия приступила к руководству политической и хозяйственной жизнью Алтая, укрепляя органы советской власти, организуя борьбу с белобандитами, с разрухой, за восстановление разрушенного хозяйства народов Алтая. Вскоре же выявилась целесообразность объединения упомянутых районов в силу общности их национальных, экономических и бытовых черт. Это полностью соответствовало желаниям населения. В границах Каракорума был образован в начале 1921 г. Горно-Алтайский уезд. Вновь созданному уездному революционному комитету и уездному комитету РКП (б) пришлось организовывать работу по хозяйственному и культурному строительству среди народов Алтая в тяжелых условиях. Не хватало грамотных людей. Немногочисленная старая интеллигенция из алтайцев, в прошлом связанная с Каракорумской управой, была настроена националистически. В это время советская Россия переживала последствия империалистической войны и интервенции. Перед вновь учрежденным Горно-Алтайским уездом стояли в первую очередь общие государственные задачи, особенно задача борьбы с голодом в стране. Поэтому уезд бросил лучшие силы на хозяйственную работу, на работу по продналогу и т. д. В исключительно тяжелых условиях Горно-Алтайский революционный комитет и уездный комитет РКП (б) сумели проделать большую созидательную работу и на культурном фронте. В обстановке свирепствовавшего бандитизма, голода, тифа было организовано 5 врачебных участков и 7 фельдшерских пунктов. Широко развернулась политико-просветительная работа. Побежденное, но еще не сломленное русское кулачество Алтая, зайсанско-байская эксплуататорская верхушка и их агенты: эсеры, меньшевики, контрреволюционные националисты и скрывавшиеся белогвардейские офицеры, стали организовывать в горах Алтая банды. Организация белых банд происходила в контакте и по указаниям колчаковских эмигрантов в Монголии: барона Унгерна и белогвардейского генерала Бакича, состоявших на службе у интервентов и державших связь с контрреволюционными элементами, притаившимися на Алтае. Белогвардейский офицер Кайгородов, снаряженный интервентами, перешел советскую границу со стороны Монголии. Весной 1922 г. регулярные красноармейские части и эскадроны частей особого назначения (ЧОН) разгромили белобандитское движение на Алтае.

После ликвидации бандитизма народы Алтая приступили к политическому, хозяйственному и культурному строительству. В соответствии с пожеланиями трудящихся алтайцев ВЦИК РСФСР постановил 1 июня 1922 г. образовать у них автономную область. Этим актом, на практике осуществлявшим советскую национальную политику, трудящиеся алтайцы получили от советской власти полное разрешение национального вопроса в соответствии с их интересами. Автономная область алтайцев получила вначале под влиянием националистов наименование Ойратской.[1] Буржуазные националисты, фальсифицируя историю, пытались таким образом навязать историческое родство советской автономной области алтайцев с феодальным государством западномонгольских (калмыцких) ханов, именуемым в исторических источниках Ойратским или Джунгарским. Стремясь оторвать Алтай от Советского государства, они в своей панмонголистической и пантюркистской пропаганде всячески идеализировали это наиболее тяжелое время в истории алтайцев как «золотой век», как период якобы собственной

[1] Позднее это название было приспособлено к фонетике алтайского языка и его стали произносить и писать «Ойротская».

государственности алтайцев. Естественно, что чуждое трудящимся алтайцам название области, на основании их многочисленных пожеланий было изменено Указом Верховного Совета РСФСР от 7/I 1948. В результате этого было официально признано исторически правильное наименование для народа, и автономная область стала теперь именоваться Горно-Алтайской. Советская автономная область как специальная форма государственного устройства для отсталых в прошлом племен и народностей явилась важным и благоприятным условием для национальной консолидации алтайцев. Создание автономной области облегчило переход их в новую социалистическую стадию развития, способствовало возникновению и росту у них единой национальной культуры, снимающей племенные местные различия быта и хозяйства, порожденные низким уровнем развития производства. Для того чтобы национальная культура алтайцев могла развиваться как культура социалистическая, нужно было решить задачу их общего культурного подъема. Необходимо было ликвидировать глубокую отсталость алтайских племен в политическом, хозяйственном и культурном отношениях. У алтайцев приходилось впервые создавать письменность, строить жилище с печью, деревянным полом и окнами, вводить в быт ношение нижнего белья, стирку одежды, употребление мыла и т. п. Под руководством Коммунистической партии, при большой и непосредственной практической помощи Советского правительства и русского народа культурная отсталость алтайцев была ликвидирована в исключительно короткий срок. За четверть века алтайцы достигли такого уровня культуры, который открыл им путь для дальнейшего прогресса вместе с другими народностями нашей родины.

Хозяйство

Основой социалистического хозяйства алтайского народа является сельское хозяйство. Местные природные условия делают целесообразным развитие здесь высокопродуктивного и доходного социалистического животноводства. Оно-то и составляет главную отрасль сельского хозяйства алтайцев. Роскошные луга и пастбища Горного Алтая, измеряемые многими сотнями тысяч гектаров, перешедшие в вечное пользование коллективных хозяйств алтайцев, составляют прочную базу для такого развития социалистического животноводства, экономическое значение которого выходит далеко за рамки Горно-Алтайской автономной области. Советский государственный строй вооружил алтайцев передовыми приемами и способами кормления и разведения скота, улучшения и развития его продуктивности, что дает животноводству алтайцев широкие производственные возможности государственного значения. Огромное поголовье скота в Горно-Алтайской автономной области сосредоточено в колхозах и совхозах. Часть скота находится в личной собственности колхозников. Современное социалистическое животноводство алтайцев во всех отношениях резко отличается от первобытного полукочевого скотоводства, характерного для дореволюционного быта. Его отличает господство социалистических методов с их разделением и спецификацией форм труда, вытекающих из коллективного способа хозяйствования, из личной заинтересованности колхозников-алтайцев в увеличении обобществленного стада и его продукции. В отношении техники его отличает широкое применение научных методов содержания, кормления, разведения скота, улучшения и увеличения его продуктивности. В большинстве районов области алтайцы перешли к стойловому содержанию скота на неизмеримо более высокой технической базе по сравнению с дореволюционным русским крестьянским хозяйством. Колхозный скот у алтайцев в зимнее время обычно содержится в теплых дворах с деревян-

ным полом, застекленными окнами, с различными приспособлениями для корма (кормушками) и поения. В специальных отдельных теплых помещениях содержат также с момента рождения телят и ягнят, которых раньше помещали у костра в жилой юрте вместе с хозяевами или в особых ямах (*курке*), где они согревались, прижавшись друг к другу. Корм скота состоит из сена и из высокопитательных концентрированных жмыхов, кормовых трав, корнеплодов, силоса. Установлен строгий кормовой режим для колхозного скота, который осуществляется специально выделенными для этого лицами. Уход за скотом возлагается на хорошо грамотных, осведомленных в научной сельскохозяйственной литературе по животноводству колхозников, многие из которых вносят в это важное дело свои улучшения, сказывающиеся положительно на продуктивности скота. Современный алтаец-животновод уже не может обходиться только накопленным поколениями опытом, полученным в условиях кочевого или полукочевого скотоводства. Он черпает необходимые для своего дела знания из специальной литературы, издающейся массовыми тиражами, обучается на курсах или семинарах по животноводству, организуемых в области. Однако нельзя сказать, что алтайцы не используют народный опыт старого животноводства. Этот опыт находит применение в тех районах Горного Алтая, где до сего времени сохранилось пастбищное содержание скота в течение круглого года. Речь идет об отдельных высокогорных районах (например, Кош-Агачский, Онгудайский, Усть-Канский аймаки), где обилие скота (некоторые колхозы обладают десятками тысяч голов) и недостаток покосных площадей делают этот способ рациональным и теперь. Современное отгонное табунное животноводство у алтайцев основано на правильном и широком использовании пастбищного корма в течение всего года, что весьма повышает хозяйственную ценность огромных, казалось бы, бесполезных территорий и экономит затраты труда и средств колхозов (необходимых при постройке теплых дворов и заготовке колоссального количества корма и т. д.). Вместе с тем и при этом способе содержания колхозный скот алтайцев застрахован от тех главных и страшных бедствий, какими были в прошлом бескормица, гололедица, затянувшаяся весна, различные эпизоотии, которыми изобилует история дореволюционного скотоводства алтайцев. Алтайские колхозы, содержащие зимой скот на отгонных пастбищах, создают запасы различных видов корма для подкормки стада вообще и особенно на тот случай, когда корм на естественных пастбищах по тем или иным причинам становится недоступным для скота. Эти страховые запасы корма вместе с постоянным ветеринарным надзором и помощью, изучением и плановым использованием естественных пастбищ в течение всего года придают современному отгонному скотоводству алтайцев необходимую устойчивость и большие хозяйственные перспективы. Здесь находят применение народный опыт и знания алтайских пастухов относительно поведения скота в различную погоду (например буран, дождь и т. д.), умение выбрать места корма и укрытия, комплектование табунов, знание способов перегона их на длительные расстояния и т. д. В связи с этим нельзя не упомянуть и об изменении бытовых условий пастухов, табунщиков и вообще всей бригады животноводов, которой поручается колхозом ответственное и сложное дело сохранения и содержания скота в условиях зимних пастбищ. Благоустроенные жилища (постоянные и переносные), находящиеся в различных районах зимних пастбищ, теплая одежда, хорошее питание, культурно-просветительное обслуживание членов животноводческой бригады весьма способствуют успешному решению ими задачи благополучной зимовки скота, весеннему приему и сохранению молодняка. Среди алтайцев выросли кадры

отличных мастеров социалистического животноводства. Лучшие из этих алтайцев, как мужчины, так и женщины, удостоены высших правительственных наград. Важной особенностью современного животноводства у алтайцев является широкое участие женщины в работе животноводческих бригад. Работа женщин-алтаек в социалистическом животноводстве не ограничивается только обязанностями доярок, как это было в прошлом. Женщины работают скотницами, пастухами, табунщиками, заведующими животноводческими товарными фермами, зоотехниками, ветеринарами и т. д. В лице женщин социалистическое животноводство алтайцев получило ценные кадры, способные развивать эту отрасль хозяйства.

Заготовка корма скоту на зиму, особенно при стойловом содержании, является весьма ответственной и трудоемкой работой, к которой алтайские колхозы заранее готовятся. Эта работа находится всегда в центре внимания областной и районных партийных организаций, которые оказывают колхозникам-алтайцам большую помощь. Коммунисты — алтайцы и русские — в эту горячую для животноводческих колхозов пору обычно организуют борьбу за сжатые сроки и высокое качество сенокосоуборочной работы. Широко развертывается социалистическое соревнование между бригадами, колхозами и районами области за перевыполнение установленных норм по различным видам сенокосоуборочной работы. В нем активно участвует колхозная алтайская молодежь, которая особенно любит эту коллективную работу, выполняет ее с большим подъемом и оживлением. В эти дни и недели повсюду в горах Алтая звучат громкие песни, которые распевают колхозники во время работы и отдыха. Социалистический строй дал возможность обеспечить хозяйство алтайцев современным машинным инвентарем. Широкое применение сенокосоуборочных машин и силосование зеленых кормов — характерные черты современной техники заготовки корма для скота у колхозников алтайцев. Первобытные способы вырывания травы руками или срезывания ножом с последующим свиванием ее в жгуты (*толгок*), подвешиваемые на ветви деревьев, исчезли совершенно. Память о них сохранилась только у старшего поколения.

Основное внимание алтайцев в колхозном животноводстве направлено на улучшение продуктивности скота. Это достигается введением специального кормового рациона, улучшением породы местного скота, внедрением новых высокопродуктивных пород. Алтайцы стремятся разводить высококачественные породы лошадей, овец, крупного рогатого скота, что в дореволюционное время было крайне редким явлением, характерным только для отдельных байских хозяйств. Работа по улучшению племенного состава стада в колхозах алтайцев ведется прежде всего в специальных научных учреждениях Горно-Алтайской автономной области: на Областной комплексной сельскохозяйственной станции и Государственной заводской конюшне. Эти учреждения ведут научно-исследовательскую и практическую работу по внедрению полученных результатов в социалистическое животноводство. Важное значение имеют пункты искусственного осеменения животных, имеющиеся при многих колхозах. Они являются проводниками научных приемов в животноводстве и пользуются большой популярностью среди алтайцев. Все реже применяется старинный подсосный способ доения, при котором теленок высасывал значительную часть молока, изменились также способы первичной обработки молока. Большую часть молока алтайцы продают на государственные маслодельные и сыроваренные заводы. Многие колхозы предпочитают перерабатывать молоко на собственных сепараторах и продавать сливки, более удобные и легкие для транспортировки. Теперь алтайцы редко по-

Передвижной сыроваренный завод

лучают сливки путем отстаивания молока в больших чашеобразных котлах, как это делали при единоличном способе хозяйствования. Масло домашним способом делают также редко. Зато продолжают изготовлять дома старым способом кислый сыр (курут), все еще являющийся распространенным национальным кушанием. Основное количество масла и высокосортного сыра, которыми славится Горный Алтай, выделывается на механизированных заводах, построенных за последние четверть века. В некоторые алтайские колхозы, обладающие большим поголовьем крупного рогатого скота, но удаленные от ближайших маслодельных и сыроваренных заводов, в летнее время посылаются даже передвижные сыроваренные заводы. Молочно-товарные фермы многих колхозов дают в дойный период сотни тысяч литров молока. Чтобы не перевозить такое количество молока по горным дорогам из районов летних отдаленных пастбищ, в такие места приезжают «кочевые» сыроваренные заводы, все оборудование и рабочий персонал которых помещаются на большой грузовой автомашине с прицепом. Помещением для завода служит большая палатка, в которой устанавливаются котлы для варки сыра, лаборатория и приемный пункт молока. На ближайшем горном ручье строится простой по конструкции срубный холодильник для готовой продукции. Такой завод с ежедневной производительностью в несколько десятков тонн молока начинает работать уже с первого дня своего прибытия, используя местное древесное топливо.

Социалистическое животноводство Горного Алтая выдержало испытания войны, практически показав свою силу и преимущество. Уже в первые послевоенные годы десятки алтайских колхозов насчитывали в своих стадах тысячи голов. Поголовье обобществленного скота в отдельных колхозах («Кызыл-Маны, «Мухор-Тархота» и др.) достигает десятков тысяч.

Успехи алтайских животноводческих колхозов нельзя объяснить только заменой первобытной техники скотоводства современными науч-

ными методами и плановым ведением хозяйства, превратившими отсталое полукочевое скотоводство алтайцев в передовую отрасль сельского хозяйства. Эти успехи отражают правильное сочетание личных и общественных интересов в развитии социалистического животноводства у колхозников и свидетельствуют о росте общественной сознательности алтайцев, освобожденных от многовекового угнетения. Само собой разумеется, что существенное значение в успехах алтайского социалистического животноводства имеет материальная заинтересованность колхозника, например, в дополнительной оплате труда за выполнение плана развития животноводства и сохранения поголовья.

Однако одной материальной заинтересованностью трудно было бы объяснить те многочисленные примеры творческого, сознательного отношения к колхозному труду со стороны алтайцев, лучшие представители которых удостоены правительственных наград. Здесь на наших глазах идет процесс формирования у передовой части алтайцев новой общественной психологии, которой присуще социалистическое отношение к общественному труду.

Социалистическое животноводство алтайцев представляет собой доходную товарную отрасль хозяйства, занимающую ведущее место в экономике Горно-Алтайской автономной области; оно имеет прекрасные экономические перспективы.

Весьма существенную роль в народном хозяйстве современных алтайцев стало играть земледелие. Развитие его было вызвано как потребностью животноводства, для интенсивного роста которого оно является необходимым условием, так и большим потребительским значением земледелия для населения Горного Алтая, еще не связанного железнодорожными путями с хлебопроизводящими районами Сибири. Не вдаваясь в анализ его экономики и в описание агротехники, отметим ряд фактов, имеющих важное значение для характеристики развития культуры земледелия у алтайцев.

Земледелие у алтайцев в настоящее время механизировано. Мотыжное и андазынное земледелие с его карликовыми посевами, с его архаической техникой совершенно исчезло. Прогресс культуры алтайцев в этом направлении заключается не только в том, что современное механизированное земледелие стало здесь господствующим типом, но и в том, что оно заняло важное место в народном хозяйстве алтайцев. За годы существования Автономной области посевная площадь выросла в Горном Алтае по сравнению с дореволюционной во много раз и исчисляется уже десятками тысяч гектаров. Сборы урожая таких зерновых культур, как пшеница, овес и ячмень, превышающие сто пудов с гектара, вовсе не редкость в Горном Алтае. Чтобы показать масштаб этих изменений, необходимо привести несколько цифр и сравнений. При мотыжном характере земледелия семья алтайца в 2—3 человека могла вскопать мотыгой (абылом) в течение всей весны не более гектара. Теперь трактор вспахивает во время посевного сезона несколько сотен гектаров. При наиболее первобытных приемах уборки урожая, когда колосья срезывались ножом или выдергивались руками, на жатву 1 га алтаец, работая семьей, тратил неделю. На молотьбу урожая он тратил свыше 10 дней. Наконец, при ручном алтайском способе веяния, подбрасывая зерно на берестяном или деревянном лотке, опытный взрослый работник мог провеять в течение дня немногим больше центнера. Если сопоставим теперь с этим общеизвестные колхозные нормы уборки урожая комбайном, то представить себе масштаб происшедших изменений в земледелии алтайцев, бывшем еще в недавнем прошлом живым остатком первобытной культуры, будет нетрудно.

Вполне естественно, что алтайцы из потребителей хлеба превратились в его производителей. Это относится и к таким животноводческим районам, как Онгудайский, Усть-Канский и Улаганский аймаки, где роль земледелия в животноводческих колхозах достаточно велика. Такое развитие земледелия достигнуто потому, что алтайцы объединились в колхозы. Технически высокое земледелие алтайцы смогли получить и быстро освоить только благодаря советскому государственному строю и национальной политике Коммунистической партии.

Необходимо отметить большое положительное влияние земледелия на общее повышение культурного уровня алтайцев. Осваивая, например, технику социалистического земледелия, алтаец изучает сложные сельскохозяйственные машины и новые приемы земледелия, обогащает свой ум множеством новых понятий и связей, обогащает свой язык новыми словами и убеждается в силе человеческого разума. Это революционизирует его сознание, забитое в прошлом различными ложными религиозными представлениями как о природе в целом, так и об отдельных вещах и явлениях.

Промышленность

Не касаясь различных видов ремесленного или промыслового труда, отметим только как новое явление в истории культуры алтайцев наличие социалистической промышленности. Последняя представлена сотнями маслодельных, сыроваренных, кожевенных, лесопильных и других предприятий. Часть этих предприятий имеет союзное и республиканское значение. Добывающая промышленность дает золото, ртуть, вольфрам, молибден, мрамор, украшающий станции московского метрополитена, и т. д.

Промышленность в Горном Алтае обслуживается русскими и алтайцами. Указывая на ведущее значение русских рабочих, нужно отметить появление рабочих алтайцев. Оно относится к началу 30-х годов. Уже в 1932 г., по данным областного плана, среди рабочего класса области алтайцы составляли 6.3%. Несмотря на то что рабочие алтайцы составляют небольшой процент по сравнению с другими социальными категориями алтайцев и теперь, факт появления рабочих среди алтайцев имеет большое общественно-политическое и культурное значение в жизни алтайского народа. Рабочие — новая общественная группа алтайцев, которая наряду с сельской и городской интеллигенцией порождена советским государственным строем. Обе эти общественные группы алтайцев вместе с колхозным крестьянством, резко отличным от старых кочевников-скотоводов или охотников, представляют собой большую новую культурную силу. Совместные усилия их обеспечивают продвижение алтайцев по пути социалистического культурного прогресса.

Говоря кратко о промышленности, следует отметить появление в Горном Алтае электрической энергии, которую алтайцы начинают применять не только в промышленном, но и в сельскохозяйственном колхозном производстве, а также в быту. Несколько десятков гидроэлектростанций, главным образом колхозных и районных, большинство которых построено уже в послевоенные годы, являются серьезной энергетической базой для дальнейшего развития народного хозяйства алтайцев. Факт постройки и освоения этих источников энергии самими алтайцами, с одной стороны, служит важным свидетельством повышения их культурного уровня, а с другой стороны, является стимулом для дальнейшего роста культуры рядовых колхозников алтайцев. Алтайцы поняли великое значение электричества в их повседневной жизни, и постройка местных колхозных гидроэлектростанций у них начинает принимать массовый характер, тем более что природные условия Алтая, богатого быстрыми горными реками, благоприятны для строительства этих сооружений, ставших доступными каждому колхозу.

Транспорт и связь

Чтобы закончить краткую характеристику современного народного хозяйства алтайцев, нужно сказать несколько слов о транспорте и средствах связи как важных факторах развития социалистической экономики и культуры.

Все 10 обширных аймаков (районов) области связаны между собой и ближайшими от Горного Алтая железнодорожным пунктом и пароходной пристанью — г. Бийском — автомобильным сообщением, при помощи которого и осуществляется перевозка грузов и пассажиров. Важнейшей автомобильной магистралью, проходящей через область, является Чуйский тракт. Эта дорога связывает 4 района как между собой, так и с центром области г. Горно-Алтайском и г. Бийском. Через подъездные тракты местного значения с областным центром, между собой и с г. Бийском связаны еще 5 районов. И только один Турочакский район в отношении грузового потока оторван от области (р. Бией). Автомобильное сообщение является главным видом транспорта, которым широко пользуется алтайское и русское население в силу его дешевизны и быстроты передвижения. По этим дорогам ежедневно, зимой и летом, идет движение грузовых машин, принадлежащих различным государственным учреждениям, торговым организациям, колхозам и т. д. Водители их в большинстве бывшие кочевники алтайцы.

Кроме развитого автомобильного сообщения, областной центр, районы Горно-Алтайской автономной области и г. Бийск связаны телеграфом, телефоном и радио. Таким образом, глухие и изолированные в прошлом из-за бездорожья районы Горного Алтая, связь между которыми могла поддерживаться только по верховым тропам (по которым перебрасывали вьючным способом и редкие грузы) и в отдельных случаях по таежной дороге, в настоящее время тесно соединены различными видами современной связи. Практическое значение этого переворота в транспорте алтайцев становится особенно ясным, если напомнить, что на переход каравана вьючных лошадей от Горно-Алтайска до наиболее отдаленного аймачного центра области — Кош-Агача — требовалось около месяца, тогда как грузовая машина, грузоподъемность которой в несколько раз превышает обычный алтайский караван, проходит это расстояние за сутки. Вместо устной передачи новостей (*не табыш*) при случайных встречах на верховых тропах алтайцы, расселенные на большой территории, пользуются сейчас всеми современными видами связи до радио и самолета включительно. Благодаря улучшению связи алтайцы общаются со всей Советской страной и узнают важные новости и события в один день с жителями Москвы и Ленинграда. Телефонным сообщением связаны со своим районом многие сельсоветы и колхозы.

Наряду с механизированным транспортом продолжает сохранять значение гужевой и верховой транспорт. Многие колхозы, имея собственные грузовые машины, для передвижения в условиях горной местности довольно широко пользуются в пределах своего района лошадьми, особенно верховыми. Упряжная лошадь также сохраняет большое значение в хозяйственной жизни алтайского колхоза. Для ближайших поездок, особенно в труднодоступные горные местности, для охотничьего и орехового промыслов, для связи с населением, живущим в местах, отдаленных от шоссейных дорог, у алтайцев и по сей день широко применяется лошадь. Здесь снова выступают этнографические особенности быта алтайцев, сложившиеся в результате долгой жизни в горных условиях, зафиксировавшие опыт многих поколений кочевников. Они выражаются в способе заседлывания и вьючения лошади, устройстве верхового и вьючного седел, наилучшим образом приспособленных к горным условиям.

Русское старожильческое население Горного Алтая уже давно оценило преимущество этой техники и усвоило ее от алтайцев, в свою очередь ознакомив их с пользованием не известными им ранее телегой и санями, для обозначения которых в языке алтайцев не было даже собственных слов. Количество саней и телег в алтайских колхозах теперь исчисляется тысячами.

Для современного быта алтайцев, особенно северных, попрежнему характерно в зимнее время употребление лыж. Лыжи эти, подбитые шкурой, снятой с ног лошади, марала или козули, являются одним из значительных достижений народной техники, так как хорошо приспособлены для хождения по горной местности. Русское население Горного Алтая до сего времени пользуется именно этим типом лыж.

Развитие и усовершенствование средств передвижения и техники связи происходит в обычных современных формах (автомобиль, радио, телеграф и т. д.) и составляет важный элемент социалистической национальной культуры алтайцев.

Поселения и жилище

В результате небывалого в истории алтайцев развития экономики в Горном Алтае возникли экономические и культурные центры, объединяющие районы области между собой и связывающие их с экономикой всего Советского государства. Главным экономическим и культурным центром области является г. Горно-Алтайск, расположенный на месте грязного и убогого дореволюционного с. Улалы, основанного в 1830 г. как миссионерский пункт в одном из алтайских стойбищ. Этот город с его десятками различных промышленных предприятий, транспортной базой, большим количеством магазинов и колхозным рынком, с многочисленными учебными заведениями (в том числе педагогическим и учительским институтами), библиотеками, музеем, больницей и поликлиникой, с рядом научных учреждений является также и административным центром области. Далее идут районные административные или аймачные центры. В этих также крупных населенных пунктах находятся средние и неполные средние учебные заведения, дома культуры, библиотеки, кинотеатры, районные больницы, амбулатории, аптеки. Здесь же имеются различные промышленные предприятия, районные электростанции, почтово-телеграфные конторы, радиоузлы, автотранспортные, заготовительные и торговые базы, магазины, колхозные рынки и др.

Впервые появились на Алтае и отдельные промышленные рабочие поселки, где рабочие алтайцы живут и работают с русскими рабочими.

В связи с новыми хозяйственными условиями жизни весьма изменился домашний быт алтайцев по сравнению с дореволюционным временем. Несмотря на некоторое распространение среди алтайцев русской срубной избы еще до революции, большинству южных алтайцев она в то время была недоступна из-за отсутствия средств на постройку, а частично и вследствие их кочевого или полукочевого образа жизни. Благодаря помощи Советского правительства алтайцам денежными ссудами на постройку, росту материального благосостояния окрепших в хозяйственном и организационном отношениях алтайских колхозов проблема перехода в теплые благоустроенные жилища для всей массы алтайцев была полностью решена в очень короткий срок. В связи с этим резко сократилось количество старых юрт, веками бытовавших у алтайцев, а главное, изменилась бытовая функция этих архаических жилищ. В южных скотоводческих районах конический шалаш или кошемная юрта (Кош-Агачский и Усть-Коксинский аймаки) сохраняются только как летнее временное жилье. Иногда такой шалаш летом служит кухней, где семья готовит себе пищу

на костре и по старой привычке проводит вечер у огня. Старые типы жилища приобрели значение хозяйственных построек (амбаров, сараев, и т. д.). Теперь алтайцы живут в срубных домиках с окнами, деревянным полом и печью. Можно, конечно, еще и теперь встретить стоящие рядом жилища старого и нового типов, не обнесенные изгородью, не имеющие приусадебного участка и расположенные без всякого плана либо в разброс, либо довольно скученно. Однако преобладают колхозные поселки алтайцев с улицами. Дома, стоящие нередко вперемежку с юртами, здания школы, сельсовета, больницы, клуба, ветеринарного и врачебного пунктов, общественной бани, магазинов сельского потребительского общества, маслозавода, колхозных амбаров, складов, гаража, скотных дворов и другие постройки придают современному алтайскому селению новый вид, не имеющий ничего общего со старыми аилами, растянутыми на несколько километров, с одинокими, стоящими на большом расстоянии друг от друга юртами.

Первоначально срубный дом, вытеснивший старое жилище, в указанных районах обычно имел еще несовершенный вид. Отсутствие тесовой крыши, сеней и некоторые другие признаки невыгодно отличали его от того типа избы, который распространился в районах давнего общения алтайцев с русским народом. Происходило это главным образом вследствие массового и одновременного перехода алтайцев к постройке срубных домов в короткий срок. При таких условиях возникали различные трудности (недостаток квалифицированных плотников, пиленого леса и т. п.), преодоление которых требовало известного времени.

Характерной особенностью было первоначально отсутствие русской печи. Ее заменяла маленькая переносная печь из листового железа. О силе традиции, связанной с многовековым обитанием ряда поколений в юрте, говорило также небольшое количество мебели, которым алтайцы на первых порах обставляли новое жилище. Традицией нужно объяснить и обыкновение сидеть на полу возле печи, даже во время еды, невзирая на то, что в избе уже стоял стол и скамейка или табуреты. Наблюдалась и определенная последовательность в постепенной меблировке жилища. В первую очередь в нем появилась кровать и полки для утвари, затем стол, скамейка, табуреты или стулья. Указанная последовательность объясняется естественным стремлением перенести в новые условия прежде всего привычные элементы старой обстановки. Затем воспринимались и усваивались те элементы новой обстановки, которые согласовались со старыми навыками и привычками, сохраняли известную преемственность с ними. Сначала в избе появлялась кровать, потому что подобие ее было в юрте в виде нар, устроенных вдоль стен переднего угла. Маленький столик на низких ножках, за которым ели, сидя на полу с поджатыми под себя ногами, был известен алтайцам давно. От него уже нетрудно было перейти к пользованию настоящим столом, освоив только способ сидеть на скамейке или табурете. Посудные полки в юрте представляли обязательный элемент обстановки женской половины, где помещалась также кухня. Полки переходили в избу в первое время на то же место.

Однокамерная срубная изба явилась переходным типом жилища от юрты или конического шалаша к более благоустроенному и просторному деревянному дому, который характерен для новых жилых построек алтайских колхозов, появившихся в годы первых послевоенных пятилеток. Такой дом имеет одну или несколько комнат (с кухней), двускатную деревянную крышу, сени или небольшую веранду, кладовую и т. п. Обогревается такой дом, кроме русской печи, плитой или камельком. Меблировка его более разнообразна. Обитатели его обзаводятся желез-

Вид г. Горно-Алтайска

Улица в районном центре с. Шебалино

Улица в колхозном поселке Дьан'ы дьол

ными кроватями, стульями, шкафами. Обеденный и рабочий столы, сундуки, картины или фотографии в рамках на стенах, занавески на окнах, цветы на подоконниках составляют также внутреннее убранство такого дома. На стенах, сундуках и на полу часто расстелены войлочные ковры, украшенные аппликацией, характерные для кочевого старого быта, особенно южных алтайцев. Черты этнографических особенностей старого алтайского быта проявляются как в отдельных предметах (войлочные ковры, кожаные сумины и т. д.), так и в их размещении. Особенно следует отметить внедрение в быт современных алтайцев железной кровати и постельного белья. Об этом приходится говорить потому, что предшествующие поколения алтайцев всегда спали, не раздеваясь, у костра или на деревянных нарах, на войлочной подстилке, кожаной подушке (набитой войлоком или шерстью) и покрывались шубой вместо одеяла. Так же быстро и широко вошла в быт алтайцев покупная посуда: кухонная, чайная, столовая, во всем многообразном ассортименте, которым располагают местные магазины. Новую посуду сразу же стали мыть, чего никогда не делали по отношению к старой (деревянной и кожаной). Из старой утвари сохранились лишь большие кожаные сосуды для приготовления чегеня и красивые кожаные бутылки (ташаур) для араки, орнаментированные при помощи техники тиснения. Предпочтение, оказываемое иногда старым сосудам, объясняется их свойством лучше сохранять вкус продукта (кислого молока).

Обитание в доме, даже только в зимнее время, быстро влекло восприятие все новых и новых элементов домашнего быта, развивающегося в направлении приближения к городскому быту. Этому весьма содействовала сила примера, исходящая от сельской и районной интеллигенции и вызывавшая у рядовых алтайцев желание перенять удобства нового домашнего быта. Развившееся общение алтайцев — жителей аилов — с районными центрами и городом и просветительная работа, ведущаяся в области, также весьма помогают формированию нового быта. Достаточно сослаться в этом отношении на работу и значение «домов алтайки» — специфического алтайского просветительного учреждения, ставящего своей задачей первоначальное комплексное обучение женщин-

алтаек. Здесь в течение трех месяцев алтайские колхозницы, живя в хороших бытовых условиях, обучаются не только грамоте, но и современным приемам ведения домашнего хозяйства — печению хлеба, шитью одежды нового покроя и назначения, стирке белья и т. п. Женщинам преподаются основные правила личной, семейной и общественной гигиены, правила ухода за ребенком и т. д. К этому следует прибавить работу юрт-передвижек, клубов, изб-читален, где инструктаж, популярная литература и кино в значительной мере выполняют просветительные функции, направленные также к усовершенствованию современного быта алтайцев.

Все сказанное по поводу жилища и его обстановки у алтайцев далеко не исчерпывает многообразия процесса смены старых типов жилища, являвшихся не столько признаком национальной алтайской культуры, сколько признаком бытовавшей до революции архаической культуры более широкого круга племен Саяно-Алтайского нагорья. В действительности процесс этот идет в еще более сложном переплете элементов старого и нового быта, чем это показано здесь в обобщенной форме.

Одежда

Характерной особенностью современной одежды алтайцев является, во-первых, изготовление ее из тканей фабричного производства, как хлопчатобумажных, так шерстяных и шелковых, и, во-вторых, широкое распространение готового платья. Объясняется это тем, что ткани фабричного изготовления и готовое платье стали теперь доступны каждому алтайцу. До Великой Октябрьской социалистической революции рядовой алтаец приобретал ткани в весьма ограниченном количестве, так как экономическое положение его было крайне тяжелым, да и продажа тканей находилась в руках китайских, монгольских или русских торговцев, сбывавших их по непомерно высоким ценам. Поэтому, например, многие южные алтайцы летом вовсе не носили рубах, а вечером, когда становилось прохладно, или в зимнее время надевали баранью шубу на голое тело. По той же причине рубаху, сшитую из ткани, носили до тех пор, пока она буквально не сваливалась с плеч. Готового платья на Алтай в прежние времена не завозили. Сейчас на Алтай привозят ткани и готовое платье, которые продаются в сельских и районных магазинах по государственным ценам. Стало проще, выгоднее и удобнее покупать готовое платье, а не шить его на руках, как это делали раньше (швейная машина в быту алтайцев распространилась только теперь). По условиям климата Алтая шубы остаются здесь основным видом верхней одежды, сохраняя в общем свою национальную форму. Они попрежнему имеют монгольский покрой, запахиваются, как у всех кочевников, левой полой наверх. Однако старая форма алтайской шубы несколько изменилась. Шубы алтайцев колхозников Онгудайского и Усть-Канского районов шьются теперь короче, а характерный выступ левой полы стали расшивать шелковыми и шерстяными нитками. Укорочение шубы находит объяснение в изменении образа жизни южных алтайцев. Раньше алтайцы указанных районов большую часть времени проводили верхом на лошади и тогда длиннополая одежда была для них более удобной. В настоящее время, с развитием оседлости, с расширением круга сельскохозяйственных работ, длиннополая одежда сделалась неудобной, мешающей при ходьбе и работе. Стремление же сделать шубу более нарядной отражает повышение материального и культурного уровня рядового алтайца.

В современной мужской одежде алтайцев бросается в глаза массовый переход к ношению легкой верхней одежды, покупаемой в готовом виде, причем предпочтение отдается одежде военного образца (гимнастерка, брюки-галифе и т. п.). Алтайский покрой мужской рубахи и штанов встречается довольно редко, преимущественно в тех случаях, когда

эту одежду шьют сами. Однако, если взять мужской костюм в целом, то нельзя не признать, что в нем сохраняются некоторые национальные особенности, видимо, прочно вошедшие и в современный быт. Это относится не только к шубе, о которой уже говорилось, но и к шапке и обуви. Характерная для алтайцев круглая овчинная шапка, с кистью из шелковых ниток на макушке, носится по сей день зимой и летом. Ее носят теперь и женщины. Она вошла как мужская шапка и в быт местного русского населения. По распространенности эта шапка на Алтае конкурирует только с кубанкой, совершенно вытеснив типичную для алтайцев еще в начале нашего столетия высокую черную гребневидную шапку из черной мерлушки.

Следует отметить также частичное сохранение типичных для южного Алтая кожаных сапог с широким раструбом верхней части голенища, с двумя швами (передним и задним), с тонкой подошвой и набойкой вместо каблука. Кроме этих сапог, в зимнее время носят сапоги, сшитые из кожи, снятой с ног лошади, марала или козули, шерстью наружу, на мягкой подошве без каблука и набойки. Их надевают с войлочным чулком. Меховые сапоги алтайцев получили широкое распространение и у русского населения Алтая под названием «кисы». Однако среди алтайцев, как южных, так и северных, более всего распространены теперь русские сапоги и частично валенки, доставляемые к ним через торговую сеть.

Старые национальные формы мужской одежды у алтайцев еще сохранились в промысловом костюме как наиболее приспособленные к местным природным условиям.

Женская одежда в бо́льшей мере сохраняет национальные черты, несмотря на внедрение в быт фабричных тканей и готового платья обычного городского покроя. Это относится не только к шубе, но и к летнему верхнему платью. Однако развитие женской одежды алтайцев ясно определилось в сторону слияния с городским типом, примером чего служит одежда молодежи. В женском костюме украшения составляют важный элемент. Несмотря на их простоту, они придают специфику и красочность женской одежде. Большой откидной воротник кофты прострочен шелковыми цветными нитками и украшен рядами перламутровых и стеклянных цветных пуговиц, а также бисером, обычно голубого и белого цветов. Носят еще широкий кушак из цельного куска ткани с различными подвесками, прикрепляемыми к нему при помощи ременных петель. У девушек можно встретить подвеску (*шиширгек*) из литой медной фигурной бляхи с кольцами, к которым подвешены нити из бисера и раковин каури. У замужних женщин это украшение (*пель*, или *пельдуш*) состоит также из медной фигурной бляхи, к которой подвешены нитки бисера или бус, оканчивающиеся обычно ключами от сундуков или ящиков, находящихся в ведении хозяйки дома. Оригинальным и распространенным украшением нужно признать подвески к косам из медных колец, голубых и белых бус, бисера, раковин, иногда серебряных монет. Оно носится женщинами, обычной прической которых являются две косы, и девушками, если они заплетают волосы по-старинному, в ряд мелких косичек. Серьги в ушах, кольца на пальцах дополняют украшение современной алтайки. Новшеством является распространение коротких ожерелий фабричного изготовления, охотно приобретаемых женщинами и девушками в магазинах.

Пища

Большое место в питании алтайцев как северных, так и южных теперь занимает печеный хлеб. Это нельзя не признать за крупное изменение для быта южных алтайцев, где до революции в основных скотоводческих районах главным продуктом питания были все-таки молочные продукты.

Мясо и талкан (ячменное толокно) в питании рядового алтайца служили дополнением к сырчику и различным видам кислого молока. В настоящее время даже в чисто алтайских животноводческих колхозах, где попрежнему весьма распространено изготовление продуктов из кислого молока и делают талкан, печеный хлеб вошел в ежедневный рацион рядового алтайца. Для пищи южных алтайцев все же характерны сезонные различия: с весны до поздней осени здесь преобладает молочная пища, потребление мяса возрастает зимой. Однако хлеб едят в течение круглого года благодаря развитию на Алтае земледелия, кооперативной и государственной торговли, обеспечивающих хлебом даже самые отдаленные районы. Материальная обеспеченность рядового алтайца и организация снабжения совершенно сняли вопрос о приобретении хлеба и в тех районах Алтая, где земледелие совершенно отсутствует. Переход алтайцев из юрт в дома, распространение у них русской печи, устройство хлебопекарен в колхозах разрешили технику хлебопечения даже в тех районах, где до революции не знали вкуса печеного хлеба.

Еще одна общая особенность в питании, которая бросается в глаза именно у южных алтайцев, — это разнообразие пищи. Оно было достигнуто за счет внедрения мучных блюд, круп, овощей, яиц, сахара, конфет и пр., а также в результате изменения способов приготовления того же мяса и употребления его новых сортов (свинина, домашняя птица). Кочевники ели мясо преимущественно в вареном виде и без приправы. Переход алтайцев к жарению мяса, употребление различной приправы к нему весьма расширили их меню. Они ввели в повседневное употребление большое количество молочных, овощных, мясных и мучных блюд, которые обычно приготовляет русское население Алтая. К числу таковых нужно отнести прежде всего мясной суп с разной приправой, жареное мясо с картофелем, лапшу, пельмени, разнообразные пироги, блины, лепешки, различные каши. При этом некоторые виды круп (манную, рис, перловую) алтайцы узнали впервые и приобретают их в своих сельских магазинах. Впервые также алтайцы научились солить огурцы, капусту, черемшу (по-местному *калбу*) и варить варенье из ягод, в изобилии произрастающих на Алтае.

Вместе с этим у алтайцев сохранился ряд специфических алтайских блюд, напитков и способов приготовления пищи, имеющих большую древность, но вошедших в их современный быт как наследство кочевой культуры, выработанной многими веками. К ним относятся некоторые виды молочной пищи и прежде всего чегень, кислый и пресный сыр (курут и пыштак), сливки (каймак) полученные при отстаивании вареного молока.

Из старой мясной пищи, относящейся к специфически алтайской, вошедшей в современный быт алтайцев и даже в быт местного русского населения, нужно назвать кровяную колбасу, популярную и теперь, шашлык из почек и вареное алтайским способом баранье мясо. Из других видов пищи к указанной категории относятся талкан (ячменное толокно) и ячменная крупа, полученная алтайским способом, идущая на приготовление алтайской похлебки *кочо*.

Новым и важным явлением в повседневной жизни алтайцев нужно признать развитие общественного питания в селениях, колхозах, полевых станах. Развитие сети общественных столовых и чайных значительно улучшило быт алтайцев.

Семья

В семейных отношениях алтайцев в настоящее время основным моментом выступает фактическое уравнение женщины в правах с мужчиной. До революции по обычному праву алтайка не могла наследовать имущества, не имела права голоса на съездах родовичей, в зайсанском суде ей разрешалось выступать

в качестве истца или свидетеля только при отсутствии мужчины, который мог бы заменить ее в этой роли. Она была лишена даже права на выбор себе мужа; дети ее принадлежали мужу и его родственникам. Советское законодательство оказало огромное влияние на семью у алтайцев в смысле разрушения патриархальных обычаев, отражавших подчиненное положение алтайки в обществе и семье. Еще до Великой Отечественной войны в различных районах Алтая совершенно отмерли такие старые семейные институты, как многоженство, браки девушек с малолетними мальчиками, умыкание, калым, левират (принудительная выдача замуж вдовы за младшего брата умершего мужа), запреты называть по имени мужа и его старших родственников (по мужской линии), запреты всякого общения между невесткой и свекром и мужскими старшими родственниками мужа.[1] Потеряли реальное значение и встречались лишь в виде отдельных пережитков и такие родовые признаки, как экзогамия, родовое имя, обозначающее принадлежность к определенному сеоку (роду). А еще 20—25 лет тому назад все это наблюдалось непосредственно в быту. Патриархальные семейные обычаи, веками существовавшие у алтайцев как живые остатки первобытно-общинного строя, не были уничтожены ни господствовавшими на Алтае до революции ранними формами феодальных отношений, ни зарождавшимися капиталистическими отношениями. Они, наоборот, сохранялись благодаря тому, что были включены в систему этих отношений и использовались ими в целях эксплуатации трудящегося народа. Сохранение этих родовых традиций весьма тормозило общественное развитие алтайцев. Быстрое разрушение их и освобождение личности, особенно женщины, из патриархальных родовых пут оказалось под силу только социалистическому строю и порождаемой им культуре. Современная семья у алтайцев — это новая советская семья, основанная на взаимном чувстве симпатии, добровольности брачного союза, на экономической независимости супругов друг от друга. Советское законодательство весьма способствует укреплению этой формы семьи у алтайцев.

Следствием роста новых семейных отношений и резкого улучшения материальных условий, облегчивших алтайке ее домашний быт, явилось массовое привлечение женщин к участию в сельскохозяйственном производстве, в общественной работе. Алтайка не только ухаживает за скотом, доит коров, стрижет шерсть, сеет и убирает хлеб, косит сено, ее можно видеть за рулем автомобиля, трактора, на сенокосилке или жатке-самосброске, у сложной молотилки. Алтайка учится в школе, на курсах, ее можно встретить в должности председателя сельсовета, в составе работников советского и партийного аппарата районов и области, в числе депутатов Верховного Совета СССР. В среде алтаек появились лица, получившие высшее образование, ученые степени, работающие учителями родного языка, литературы и других предметов, преподаваемых в средних школах и учительском институте; имеются алтайки врачи, зоотехники, агрономы и т. д. Среди алтайской интеллигенции женщина заняла значительное место. Это факт большого значения и отличительный признак социалистической культуры.

Народное образование

Национальная форма социалистической культуры алтайцев характеризуется не только особенностями материального быта, общая тенденция в развитии которого выражена в приближении его к городскому. Она проявляется главным образом в широком распространении просвещения

[1] По данным обследования С. П. Швецова (1897 г.), полигамных браков у южных алтайцев было 2%, мужчин добрачного возраста, женатых на взрослых девушках, также 2%. (См.: С. П. Швецов. Обычно-правовые воззрения алтайцев и киргиз. Брачные и семейные отношения. Зап. Зап.-Сиб. Отд. РГО, кн. XXV, Омск, 1898).

и образованности, в школьном строительстве, в развитии среднего и высшего образования, развитии языка, национальной письменности и литературы, прессы, в расширении научных и культурно-просветительных учреждений, в процветании различных видов художественного народного творчества и т. д. В этом отношении уже можно говорить о сложившейся алтайской культуре национальной по форме, социалистической по содержанию. Наиболее ярки успехи алтайцев по линии народного образования. Начатки школьного образования, зародившиеся в период пребывания их с составе царской России, при всем их положительном значении для того времени не могут быть признаны за явление, характерное для дореволюционной культуры алтайцев, прежде всего в силу крайне незначительного масштаба.

О грамотности алтайцев можно говорить только теперь, когда у них введено всеобщее обучение, когда грамотность вошла в быт и сделалась массовым явлением. В области имеется свыше 100 алтайских и смешанных школ. Для детей алтайцев, живущих в труднодоступных или малонаселенных пунктах, где еще нет школ, при ближайших к таким местам школах устроены интернаты, в которых содержатся и обучаются за счет государства свыше 1500 детей алтайцев. Более половины бюджета области ежегодно затрачивается на дело народного просвещения. Бюджет этот непрерывно растет. Если в 1922 г., в год образования Горно-Алтайской автономной области, на народное образование было ассигновано 177 тыс. руб., то в 1946 г., накануне 25-летия Горно-Алтайской автономной области, эта цифра выросла до 20 млн, увеличившись более чем в 100 раз. Но и эти цифры уже устарели в силу непрерывного развития школы, народного образования.

Начальная школа у алтайцев работает на родном языке. К юбилейной дате 25-летия области на родном языке обучалось 7500 детей алтайцев. У алтайцев созданы свои учительские кадры. К настоящему времени насчитывается уже свыше 400 учителей алтайцев. Это большая культурная сила для маленького народа, численностью всего в несколько десятков тысяч человек. Среди педагогов алтайцев имеется много таких, которые получили высшее специальное образование в одном из лучших педагогических институтов нашей страны.[1] Подготовка национальных кадров ведется в самой области, где работают педагогический и учительский институты, национальный рабфак, педагогическое училище, средние школы, зооветтехникумы, фельдшерско-акушерская и торгово-кооперативная школа и т. д. Алтайская молодежь, кроме того, обучается в высших учебных заведениях в различных городах нашей страны (Москве, Ленинграде, Барнауле, Томске, Бийске и др.). В аспирантуре некоторых высших учебных заведений и институтах Академии Наук СССР (в Москве и Ленинграде) готовятся к научной деятельности алтайцы. Из них появились уже первые ученые, защитившие диссертации на ученую степень и публикующие результаты своих исследований. Научная работа ведется алтайцами в Плодоягодной зональной и Областной комплексной сельскохозяйственной станциях, Государственной конюшне и племенном рассаднике, Алтайском заповеднике, Областном музее и при кафедрах педагогического института. Национальная школа играет важную роль в формировании социалистической культуры и быта алтайского народа.

Большую роль играют районные дома культуры с их комплексом политико-просветительных и воспитательных функций и форм массовой

---

[1] Имеются в виду четыре выпуска алтайцев, окончивших Московский Государственный педагогический институт им. В. И. Ленина по отделению алтайского языка и литературы.

Здание зооветеринарного техникума в г. Горно-Алтайске

работы, десятки библиотек с художественной, политической, сельскохозяйственной и научно-популярной литературой, журналами и газетами на алтайском и русском языках, с консультацией для читателей, сельские и колхозные клубы. Помогает формированию нового мировоззрения и развитию культурных навыков работа изб-читален, юрт-передвижек, десятков стационарных киноустановок и кинопередвижек. Вся эта большая сеть, насчитывающая свыше двухсот различных политико-просветительных учреждений, оказывает своей ежедневной массовой работой огромную помощь росту социалистической культуры алтайцев. Даже та часть алтайцев-колхозников, которая зимой и летом находится со стадами на отгонных пастбищах, не забыта в отношении культурно-просветительной работы. Вслед за ними передвигаются просторные войлочные юрты-передвижки со штатом специальных работников, которые проводят читки газет и устраивают слушание по радио передач областной радиовещательной станции на алтайском языке последних известий, статей и бесед, лекций и обзоров по международным событиям, концертов и т. д. Работники юрты-передвижки читают популярные лекции и доклады, проводят политические беседы, дают различные консультации и советы по юридическим, производственным и бытовым вопросам, организуют художественную самодеятельность среди обслуживаемых ими колхозников. В юрте-передвижке имеется библиотечка, газеты и журналы, радиоприемник, набор алтайских и русских музыкальных инструментов. Выпускается стенная газета. Юрты-передвижки, как и другие политико-просветительные учреждения области, имеют свой бюджет, и руководят их работой отделы культпросветработы при аймачных исполкомах.

Литература, советский фольклор

О зрелости и самобытности национальной культуры алтайцев свидетельствует появление национальной литературы, театра и прессы, единый литературный алтайский язык, созданный в советский период на основе центрального алтайского диалекта. Осветить вопрос о формировании

Передвижная библиотека

Новый фильм прибыл в колхоз. Онгудайский район

литературного языка алтайцев, развивающегося в условиях советского государственного строя, социалистического общества, и установить пути и закономерности этого развития составляет задачу соответствующих специалистов.[1] Мы же должны констатировать, что литературный язык является сильным средством культурного прогресса алтайцев, хотя развитие его отстает от быстрого роста их хозяйства и культуры. Большое практическое значение в росте культуры и образованности алтайцев имеет изучение и овладение русским языком. Преимущество русского языка, на котором созданы и запечатлены высшие достижения современной человеческой культуры, настолько ясны и очевидны для всех алтайцев, что они в подавляющем большинстве, параллельно с родным языком, широко пользуются русским языком, изучая его самостоятельно (за исключением школьников, которые изучают русский язык в школах).

Зачинателем алтайской национальной литературы явился одаренный писатель и поэт Павел Кучияк (1897—1943). Талант этого крупного писателя-самородка вырос на основе устного народного творчества, неутомимым собирателем которого был сам П. В. Кучияк. Отсылая читателя для ознакомления с жизнью и творчеством Павла Кучияка к специальным работам,[2] мы укажем здесь, что П. Кучияк начал свою творческую деятельность как поэт, позднее стал выступать с художественной прозой, а в последние годы своей жизни проявил себя как талантливый драматург и актер. За свою недолгую жизнь он написал большое количество оригинальных произведений. Свыше десятка книг на алтайском языке и пять на русском — таков вклад П. Кучияка в родную литературу, не считая его неопубликованного еще полностью наследства. Широко известный сборник «Творчество народов СССР» (М., 1937) открывается поэмой Павла Кучияка «Зажглась золотая заря», где в ярких художественных образах отражена любовь алтайцев к великому Ленину. Эта поэма Кучияка, так хорошо отразившая чувства алтайского народа, настолько проникнута духом народного творчества алтайцев, что почти неотделима от него. Писатели и поэты алтайцы — И. Тантыев, Г. Кокуев, Ч. Чунижеков, А. Шабураков, Н. Сабашкин, В. Кучияк и другие — своими произведениями убедительно показали, что национальная литература алтайцев не случайное, а закономерное явление, которое развивается, крепнет, имеет большое будущее и которое, будучи рождено советской социалистической действительностью, связано корнями, с одной стороны, с богатейшим устным творчеством алтайского народа, а с другой — с лучшими произведениями мировой и, в первую очередь, советской русской литературы. В этом отношении очень важно, что алтайцы приобщились к сокровищнице мировой литературы, с которой знакомятся как на родном языке, благодаря переводческой и издательской деятельности в области, так и на русском языке, интерес и стремление к изучению которого у современных алтайцев исключительно велики. Как правило, алтайская интеллигенция говорит на двух языках.

---

[1] Исследования в этой области советскими учеными, в том числе и алтайцами, ведутся. В результате этих исследований уже появился ряд научных грамматик, словарей, учебников и специальных статей по отдельным вопросам алтайского языка.

[2] Лучшим биографом и знатоком творчества П. Кучияка является писатель А. Л. Коптелов. См. его работы: Адыйок Павла Кучияка. Сиб. огни, 1944, № 4; Путь через века. Сиб. огни, 1947, № 1; См. также вводную статью С. Кожевникова к книге П. Кучияка «В родных долинах» (Новосибирск, 1939).

Переводческая и издательская деятельность, сосредоточенная в алтайском национальном издательстве, играет важную культурную роль. Издание массовой, политической, научной и художественной литературы, центральной и районных газет на алтайском языке является фактом огромного значения, ибо этим путем алтайцы получили возможность читать на родном языке труды классиков марксизма, произведения классиков художественной литературы — Пушкина, Чехова, Горького и др., лучших советских писателей: М. Шолохова, Н. Островского, В. Маяковского и др.

Литература, как и вся национальная алтайская печать служит мощным средством формирования национальной культуры и прежде всего единого литературного языка.

Наряду с национальной письменной литературой продолжает развиваться устное народное творчество. Алтайский фольклор, известный в нашей стране как по отдельным изданиям, так и по творчеству знаменитого сказителя-орденоносца Николая Улагашева (1861—1946), пополняется новыми талантливыми произведениями.[1] Отличительная черта этих новых произведений состоит в обращении к современным темам, волнующим народ.

От В. Ябыкова, молодого сказителя, записано «Сказание о Темир-Беке», рисующее в обычных народных поэтических образах события гражданской войны на Алтае, борьбу партизан за советскую власть.[2] Имеются подобные произведения, посвященные Великой Отечественной войне. Алтайские народные поэты-сказители имеются в каждом районе. Устные народные произведения включаются в программы концертов, устраиваемых артистами национального театра и кружками художественной самодеятельности в районах и колхозах. В современном фольклоре алтайцев главное место принадлежит народной песне. В новом фольклоре, как в зеркале, отражены все крупнейшие политические, общественные события Советской страны, все этапы развития социалистического строительства у алтайцев. Современный фольклор алтайцев представляет настоящую летопись народа, живущего в условиях советского государственного строя. Это — не только памятник народного творчества, но и ценный исторический источник.

В процессе формирования и развития социалистической культуры алтайцев сыграл положительную роль Алтайский национальный театр. Он возник в 1937 г. из народной художественной самодеятельности. Алтайский национальный театр находился в областном центре, но систематически ездил по районам области. Он ставил пьесы на алтайском языке, актеры его были алтайцы. В его составе имелась, кроме алтайцев, группа русских артистов. В репертуаре — пьесы оригинальные алтайские и переводные. Алтайские пьесы, написанные современными писателями алтайцами, отражают либо современную действительность, борьбу старого и нового быта (таковы, например, «Чейнеш» и «Оролор» П. Кучияка, «Айтана» и «Санаш» Ч. Енчинова), либо построены по мотивам фольклора («Юч Кыс», написанная П. Кучияком совместно с известным народным сказителем Н. Улагашевым, и «Темир-Санаа» Ч. Енчинова). Переводный цикл пьес состоял из русских произведений: «Чапаев» по Фурманову, «Поднятая целина» по Шолохову, «Гроза» Островского и др.

---

[1] Алтайский эпос Когутэй. Изд. АН СССР, 1935. — Н. У л а г а ш е в. Алтай Бучай. Новосибирск, 1941; его же. Малчи-Мерген. Новосибирск, 1947. (Обе книги вышли под редакцией А. Л. Коптелова).

[2] Опубликовано в книге «Алтайские сказки» (Новосибирск, 1937).

Алтайский национальный театр просуществовал свыше десяти лет. Дальнейшее существование его только как национального театра оказалось нецелесообразным. Приобщить трудящихся алтайцев к идейному и художественному богатству театральной культуры оказалось легче на русском языке, получившем широкое распространение среди алтайцев.

За время существования театра из среды алтайцев вышли одаренные и способные артисты (П. Кучияк, А. Алтырыкова и др.). Отдельные артисты его получили звание заслуженных артистов РСФСР и награждены высокими правительственными наградами. Показательна биография актрисы А. П. Алтырыковой. Маленькой забитой неграмотной девочкой она жила в услужении у баев еще в первые годы образования автономной области. Комсомол помог ей получить образование. Когда-то няньчившая байских детей, верившая в шаманов и боявшаяся их, А. П. Алтырыкова ныне носит почетное звание заслуженной артистки РСФСР. Так советская власть помогла раскрыть и развить художественное дарование не только А. П. Алтырыковой или П. Кучияка, о котором говорилось выше, но и многих других. Это почти волшебное превращение людей, которые еще тридцать лет тому назад не имели понятия о печатном слове, не знали вкуса печеного хлеба, жили в первобытном корьевом шалаше, призывали по всякому случаю жизни шамана, является результатом советской национальной политики.

Большую творческую работу проделал театр по созданию театрального костюма и декораций на основе использования этнографических особенностей домашнего быта и элементов изобразительного искусства алтайцев. В концертных выступлениях часто исполняются произведения народного музыкального и поэтического творчества.

Здравоохранение Медицинская помощь у алтайцев налажена в общесоветских формах (бесплатное лечение в медицинских пунктах, амбулаториях, больницах, поликлиниках и т. п.). Она быстро и прочно вошла в их быт и пользуется большой популярностью. За медицинской помощью охотно обращаются даже старики и старухи, т. е. наиболее консервативный слой алтайцев. Это имеет особое значение потому, что подлинная медицина представляет совершенно новое явление в жизни алтайцев, да к тому же такое, которое затрагивает область религиозных представлений. До революции в с. Улале хотя и была миссионерская больница, находившаяся в ведении фельдшера, но практическое значение ее для алтайцев было ничтожно, ибо она являлась единственной на всем Горном Алтае, на территории которого свободно может поместиться ряд западноевропейских государств. Естественно, что подавляющее большинство алтайцев не имело понятия о медицинской помощи. Народная медицина у алтайцев была развита крайне слабо, и поэтому за лечением народ обращался к шаманам. Следовательно, то, что все алтайцы, до стариков включительно, верят в научную медицину и охотно обращаются к ее услугам, свидетельствует о большом прогрессе в их сознании. Это говорит о вытеснении из мировоззрения алтайца ранних форм религиозных представлений, согласно которым любая болезнь объяснялась либо вселением в больного злого духа, либо уходом души из человека. Научная медицина нанесла сильный удар по религиозным верованиям алтайцев, органически вошла в жизнь и быт, в их национальную советскую культуру. Начинают появляться национальные кадры в низшем и среднем звене медицинских работников. Наша партия, правительство и местные руководящие органы власти всемерно развивают организацию медицинской помощи у алтайцев. Советское государство отпускает на это большие средства, о чем наглядно свидетельствует интенсивный рост бюджета по здравоохранению, который за 25 лет существования области увеличился в 208 раз и составляет

десятки миллионов рублей. К юбилейной дате 25-летия области здесь работало 24 больницы, поликлиника, 23 врачебные амбулатории, 5 диспансеров, 36 фельдшерских пунктов, 4 зубопротезных кабинета, рентгеновский кабинет и т. д. Нет необходимости перечислять цифры, характеризующие количество врачебного персонала, исчисляющегося ныне сотнями человек, количество родильных домов, консультаций, детских ясель и т. п. Вместо этих цифр, которые быстро стареют в силу непрерывного роста медицинского дела на Алтае, важнее подчеркнуть социалистический характер советского здравоохранения. Он проявляется не только в бесплатном лечении, но и в стремлении сделать лечение наиболее доступным и эффективным для населения. На это указывает сама топография лечебных учреждений по области, предусматривающая обслуживание самых труднодоступных мест обитания алтайцев, чтобы больному не приходилось ехать многие десятки километров за медицинской помощью. Для тех случаев, когда больному по его состоянию нельзя самому прибыть на лечебный пункт, в распоряжении областного и аймачных отделов здравоохранения имеются санитарный самолет и автомашины. Снабжение медицинских учреждений современным оборудованием и лекарствами, создание специальных улучшенных условий жизни для медицинских работников — все это направлено на улучшение жизни и быта народа. Советская медицина уже сделала самое трудное и самое важное дело среди алтайцев. Она сумела завоевать их полное доверие, сумела помочь им преодолеть многовековые суеверия и тем самым уже внесла огромный вклад в дело формирования социалистической культуры алтайцев.

* * *

Советский государственный и общественный строй коренным образом изменил самих алтайцев — строителей и носителей этой новой культуры. Для них характерно совершенно новое мировоззрение, которое формируется и крепнет на основе социалистического переустройства жизни. Только теперь можно говорить о настоящем национальном самосознании алтайцев, независимо от родоплеменной принадлежности и различий в культуре, господствовавших до революции. Сознание национального единства, отражающее процесс национальной консолидации, весьма явственно сказывается и у тех групп алтайцев, которые до образования автономной области сами себя алтайцами не называли. Мы имеем в виду тубаларов, по самоназванию *йиш кижи*, т. е. «лесные люди», или «люди черни» (тайги), населяющих в основном Чойский аймак. То же самое относится и к жителям Майминского и частично Эликмонарского аймаков, где население обычно именовало себя по названию рек (*Майма кижи*, или *майма-лары*) или родов (сеоков) и т. д. Теперь же в указанных районах очень часто можно слышать фразу: «бис ончозы алтай кижи» («мы все алтайцы»). Следовательно, сознание национального единства проявляется в общности самоназвания. При выдаче паспортов, при составлении биографий и заполнении различных анкет и местных статистических сводок население всех районов области именует себя только алтайцами. Национальное самосознание проявляется также и в массовом, широком интересе, который возник у алтайцев к вопросам своей истории, к народному творчеству, к судьбам развития языка, литературы, театра и других элементов национальной культуры.

Рост и укрепление национального самосознания не имеют ничего общего с понятием местного национализма. Националистические течения не нашли подходящей почвы как в широкой среде алтайцев, так и

в среде интеллигенции. Напротив, наиболее жизнеспособными у алтайцев оказались идеи советского патриотизма, чуждого национальной ограниченности. Это обстоятельство особенно ярко проявилось во время Великой Отечественной войны. Советский патриотизм алтайского народа, проявившийся в годы Великой Отечественной войны, представляет яркий контраст с отношением алтайцев к империалистической войне 1914 г. Миссионеры в своих официальных отчетах писали: «Отношение алтайских язычников к вопросам военного времени представляется нам совершенно безучастным, как будто война идет не в России, а где-нибудь „за тридевять земель в тридесятом государстве“».[1] Когда царское правительство в 1916 г. объявило мобилизацию так называемых «инородцев» на тыловые работы в прифронтовую полосу, алтайцы южных районов не поддержали этого мероприятия, уклоняясь от явки на мобилизационные пункты, а местами активно выступили против царских властей, вооружившись камнями и косами (Онгудайский, Усть-Канский аймаки). Одновременно они отказывались подчиниться и своим зайсанам и баям, бросали у них работу, резали байских баранов для питания и т. д.

В более глухих местах Алтая мобилизация вызвала панику. Алтайцы бежали в горы, некоторые прибегали к самоубийству, к самоувечью и т. п. Что касается «пожертвований», то, как указывают миссионеры, инициатива их «исходила не от самих жертвователей, а от русской администрации».[2]

Советский патриотизм, любовь к свободе, уважение и дружественное отношение к другим национальностям, умение сочетать общественные и личные интересы, равноправное положение женщины, стремление к знанию и культуре, политическая осведомленность — все это черты нового укрепляющегося социалистического мировоззрения алтайцев.

Национальная культура алтайцев развивается как культура социалистическая. Алтайцам, как и всем гражданам СССР, обеспечено право на труд, отдых и образование. Они равноправны во всех сферах хозяйственной, культурной и национальной жизни с другими народами СССР. Алтайцы, представлявшие до революции группу племен, известную преимущественно этнографам, ныне имеют своих равноправных представителей в высших правительственных органах страны, в Верховном Совете СССР и Верховном Совете РСФСР. Все это делает национальную культуру современных алтайцев культурой подлинно народной, культурой широких слоев трудящихся. Она включает в себя ценные и полезные элементы старой культуры, созданной многовековым опытом ряда поколений отдельных алтайских племен. Развитие ее происходит на основе советского государственного строя, обеспечивающего вовлечение в процесс творчества широких масс трудящихся.

---

[1] Отчет Алтайской духовной миссии за 1915 г. Томск, 1916, стр. 73—76.
[2] Там же, стр. 75.

ХАКАСЫ

Общие сведения

Хакасская автономная область расположена в южной части Красноярского края, в Минусинской котловине. По характеру поверхности она делится на равнинную и возвышенную (юго-западную), переходящую в горную. Северо-восточная часть представляет собой всхолмленную поверхность с небольшими возвышенностями, с плодородной черноземной почвой. Юго-западная часть тянется от пограничного с Тувинской автономной областью Саянского хребта и включает цепь гор, отходящую от хр. Сайлюгема и продолжающуюся в северо-восточном направлении до верховьев р. Томи под названием Абаканского хребта, а на северо-запад — до Кузнецкого Алатау.

Главные реки, протекающие через Хакассию, — Енисей и его левый приток Абакан. На севере Хакассии находятся системы рр. Черного и Белого Июсов, образующих Чулым и Саралы, а в северо-западной части — пресные и горько-соленые озера. В большинстве районов области, за исключением территорий, расположенных в высокогорной и таежной частях, климат благоприятен для земледелия. Растительность степной части Хакассии разнообразна. Здесь имеется флора полупустынных каменистых степей и лесостепных лугов, но преобладает злаковая степь. Растительность лугов (в основном орошаемые и пойменные луга) состоит преимущественно из злаковых и бобовых. Растительность горных районов — сплошные леса, смешанные (в нижнем поясе) и хвойные, с преобладанием кедра. В предгорьях Кузнецкого Алатау преобладает лиственица. Леса Хакассии содержат большие запасы зверя, особенно пушного, охота на которого имеет важное значение для населения. Хакассия богата полезными ископаемыми, на базе которых развивается крупная добывающая промышленность.

До Великой Октябрьской социалистической революции хакасов называли татарами — минусинскими, абаканскими, иногда енисейскими. В это объединенное название входило пять тюркоязычных групп, значительно отличающихся друг от друга как по своему этническому происхождению, так и по культуре и быту: качинцы (*хаас*), сагайцы (*сагай*), бельтиры (*пелтир*), кызыльцы (*кызыл*) и койбалы (*койбал*).

Расселение этих групп накануне революции было следующим. Качинцы занимали степные пространства по левому берегу Енисея, по рр. Уйбату (левый его берег), Коксе, Бидже, Узунжулу и др. Район

их кочевания был ограничен с юга нижним течением Абакана (до впадения в него р. Камышты), на западе — Белым Июсом и отрогами Кузнецкого Алатау, на севере — верхним течением Чулыма, на востоке — Енисеем. Небольшое количество качинцев жило по р. Каче близ Красноярска и в Канском округе, где они давно осели и почти слились с русским населением. Сагайцы населяли степь, ограниченную с запада отрогами Кузнецкого Алатау, с востока рр. Камыштой и Абаканом (долины рр. База и правобережье Уйбата, Аскыз, Тёя, Неня, Большой и Малый Сыры и др.). Бельтиры обитали по левобережью среднего течения Абакана и по обоим его берегам в верхнем течении (от дер. Монок до устья Кендырлы) и по рр. Кендырле, Арабату, Тёе, Есю, Сосу и Моноку. Койбалы жили в Койбальской и частично Абаканской степях (ограниченных с юга предгорьями Саян, с северо-востока Енисеем, с северо-запада Абаканом), по правому берегу среднего течения Абакана и по рр. Бее, Уту и Енисею. Кызыльцы расселялись в бассейнах Белого и Черного Июсов, по рр. Сережу, Печище, Салбату, по верхнему течению Урюпа и в окрестностях Божьего озера.

Археологические памятники свидетельствуют, что Присаянье (Минусинская котловина) было населено в глубокой древности. Находки, относящиеся ко времени палеолита и неолита, показывают, что население занималось в эти эпохи охотой, рыболовством и собирательством, пользовалось огнем, делало орудия из камня и кости, шило одежду из шкур диких животных. В период, переходный от камня к бронзе, здесь зарождается скотоводство, но основными занятиями остаются охота и рыболовство. Наиболее ранние следы скотоводства относятся ко времени III и начала II тысячелетия до н. э. и известны по находкам костей домашних животных (овцы, быка и лошади) в памятниках (могилах) афанасьевского типа. [1] В это время скотоводство было очень незначительным. Население жило оседло, об этом говорят знакомство его с техникой срубного дела (устройство в могилах деревянных срубов с бревенчатым потолком) и остатки больших глиняных сосудов, не соответствующих кочевому образу жизни, сопряженному с постоянным передвижением. Данные эти указывают, что раннее скотоводство населения Минусинской котловины не было кочевым, и небольшое количество разводимого скота кормилось на ближайших пастбищах. Металлические орудия были распространены очень мало и изготовлялись преимущественно из меди. Сосуды лепили от руки налепом, плохо обжигали и украшали очень простым орнаментом. Было известно и прядение шерсти, обработка дерева и кости. Физический облик населения, судя по костякам из афанасьевских могил, был иным, чем у современных хакасов. Здесь жили более высокорослые люди европеоидного облика, с черепом и лицом удлиненной формы, с тонким прямым или горбатым носом. Скотоводство получило дальнейшее развитие и стало вместе с мотыжным земледелием (зародившимся, вероятно, также в период памятников афанасьевского типа) основой хозяйства древних минусинцев на следующем этапе развития культуры (XVII—XII вв. до н. э.), который характеризуется памятниками андроновского типа.[2] На это указывают массовые находки костей домашних животных, особенно овцы и крупного рогатого скота, и остатки изделий из шерсти овцы в некоторых могилах (улус Орак и дер. Андроново).

---

[1] Названы по находкам из раскопок могильника у горы Афанасьево, близ с. Батени на Енисее.

[2] Получили название по раскопкам могильника у дер. Андроново, где были обнаружены впервые.

Культурный прогресс населения проявился особенно сильно в области металлургии. Металлические орудия стали делать из бронзы путем литья, формы их стали многообразны. Развилась и техника добычи руды.

Следующий этап древней культуры характеризуется памятниками карасукского типа, датируемыми XII—VII вв. до н. э. Скотоводство продолжало развиваться путем специализации отдельных его отраслей. Овцеводство приняло мясное направление. Более широкое разведение коров способствовало развитию молочного хозяйства. Зона скотоводства расширялась за счет освоения сухих степей левобережья Енисея. К концу этого периода лошадь широко используется как транспортное животное. Развивалось земледелие преимущественно по правобережью Енисея, о чем говорят частые находки бронзовых серпов. Развитие металлургии и литья сказалось на расширении ассортимента изготовляемых бронзовых орудий и оружия (ножей, наконечников копий, топоров-«кельтов» и т. д.).

Дальнейшее развитие скотоводства как основной отрасли хозяйства было связано с переходом от оседлого пастушеского скотоводства к полукочевому. Такая система хозяйства позволила освоить сухие Минусинские степи. Это произошло, примерно, в VII—II вв. до н. э. и засвидетельствовано памятниками тагарской культуры.[1] Скотоводы, помимо выпаса скота вблизи постоянного жилища, летом угоняли его на пастбища, удаленные на значительное расстояние от зимнего жилья, и жили там сами во временных жилищах, а к зиме возвращались в зимники. Переход к полукочевой форме расширил кормовую базу скотоводства и вызвал значительное увеличение его размеров.

Физический облик населения европеоидный. К этому времени становится известным имя и внешний тип носителей данной культуры по китайским письменным источникам. Китайцы их называют динлинами и сообщают, что динлины были белокурыми, голубоглазыми, с прямым (с горбинкой) носом. В китайских летописях отмечаются частые столкновения и войны динлинов с хуннами, данниками которых они являлись. Происходило, несомненно, и смешение динлинов с монгольскими и тюркскими элементами, входившими в сложный племенной состав хуннов.

Памятники тагарской культуры (соответствующие памятникам скифо-сарматского периода Восточной Европы) свидетельствуют о высоком для своего времени развитии местной металлургии. В этот же период появились и такие средства передвижения, как четырехколесная повозка и сани, что видно по изображениям на могильных камнях. Мотыжное земледелие сохранило свое значение в хозяйственной жизни (находки бронзовых серпов и зерен проса в могилах). Среди наскальных изображений встречается фигура человека с мотыгой. Значительную роль продолжали играть охота и рыболовство. Охота была основной отраслью производства таежных и притаежных племен. О развитии в это время обмена говорят археологические находки завозных предметов.

Археологические памятники таштыкского типа [2] (первые века до и после нашей эры), дают основание судить о следующем этапе культурного развития, относящегося к периоду господства железных изделий. В них ясно отражено наличие двух типов хозяйства: полуоседлого земледельческо-скотоводческого с разведением мелкого скота и кочевого скотоводческого. Инвентарь погребений кочевников содержит элементы той

---

[1] По названию Тагарского острова на Енисее, находящегося около г. Минусинска, где было раскопано много памятников этой культуры.

[2] Получили наименование от р. Таштык, близ с. Батени, где впервые были обнаружены.

культуры, облик которой так подробно рисуется при изучении погребального инвентаря древних енисейских киргизов или «хягасов» китайских летописей. О племенном составе населения свидетельствуют китайские источники. Они упоминают народ киргиз, или хягас, обитавший на протяжении веков (по крайней мере с таштыкского времени) на верхнем Енисее. Киргизы, по свидетельству китайской летописи, перемешивались с динлинами. Рисуя облик жителей государства киргизов, китайская летопись отмечает: «Жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами (черные волосы считались нехорошим признаком), с карими глазами почитались потомками Ли Лин» (китайского полководца).

Кроме китайских летописных известий, источником для суждения о внешности древних киргизов служат погребальные гипсовидные маски из Таштыкских погребений. Маски изображали лицо погребенного, которому старались придать портретное сходство, и убедительно говорят о смешении динлинского и монголоидного элементов. Одни из них хорошо передают динлинский тип, как он описан китайцами, другие — монголоидный, третьи отразили смешение этих черт в одном облике.

В политическом отношении древнее население Минусинской котловины в таштыкское время находится в зависимости от хуннов, под власть которых они подпали еще в период тагарских памятников. Господство хуннов сменилось господством сяньбийцев (II—IV в.), затем жужаней, власть которых в VI в. была свергнута алтайскими тюркоязычными племенами (тюркский каганат). Оказавшись на положении данников тюркских каганов, кочевые, полуоседлые и охотничьи племена Минусинской котловины, довольно разнородные в этническом отношении, продолжали смешиваться между собой. К этому времени здесь особенно усиливается тюркский этнический элемент за счет североуйгурских племен, занимавших в это время бассейн Селенги и верховья Енисея. Североуйгурские и алтайские племена не только подчиняют себе, но и тюркизируют (по языку) племена северной части Саяно-Алтайского нагорья, говорившие на самодийских языках и на языке, родственном современному енисейско-остяцкому или кетскому. Следы этого процесса выступают в особенностях диалектов современных хакасов и шорцев, сохранивших родство с языком древних алтайских тюрков и уйгуров.

В 745 г. киргизы становятся данниками уйгурских ханов (сменивших тюркских каганов), вступают в длительную борьбу с уйгурами, которая оканчивается к середине IX в. победой киргизов и установлением их господства в восточной части Центральной Азии. Глава киргизов-хягасов, носивший титул *ажо*, переносит свой центр на Селенгу, вступает в сношения с китайским императорским двором и распространяет свое господство на запад до степей современного Казахстана, а на юг — до Тибета. В это время киргизы устанавливают торговые связи с арабами, Тибетом, Китаем, карлуками. От арабов к ним привозили ткани. Вывозили киргизы из своей страны много мускуса, мехов, а в Китай, к императорскому двору, — доброкачественное железное оружие, которым они прежде платили дань тюркским каганам.

Китайская династийная летопись Тан-шу (618—907 гг.) сообщает сведения о быте и хозяйстве киргизов: «Меха собольи и рысьи составляют богатое одеяние. Ажо зимою носит соболью шапку, а летом шляпу с золотым ободочком, с коническим верхом и загнутым низом. Прочие носят белые валяные шляпы. Вообще любят носить на поясе точило.[1] Низшие одеваются в овчинное платье и ходят без шляп. Женщины носят платье

[1] Для точения ножей.

из шерстяных и шелковых тканей. Зимой живут в избах, покрытых древесной корою. Питаются мясом и кобыльим молоком». Далее сообщается: «Сеют просо, ячмень, пшеницу и гималайский ячмень. . . Муку мелют ручными мельницами. Нет ни плодов древесных, ни овоща огородного. Лошади плотны и рослы. Имеют верблюдов, коров, овец; коровы наиболее многочисленны; у богатых земледельцев достигают нескольких тысяч». Киргизы продолжали развивать те же отрасли сельского хозяйства, к которым перешло население Минусинской котловины еще во второй половине I тысячелетия до н. э. Скотоводство киргизов было пастбищным. В течение круглого года скот перегоняли с пастбища на пастбище в зависимости от наличия травы и воды. Перекочевки стали постоянными, появилось войлочное переносное жилище-кибитка.

Землю обрабатывали уже не ручными мотыгами, а деревянными сохами с железными сошниками, требовавшими применения тягловой силы животного. Плужное земледелие распространялось и на засушливые районы, где пользовались оросительными сооружениями, следы которых сохранились до наших дней; это, как и остаток дорог, мощенных камнем, свидетельствует о высоком уровне строительной техники киргизов. Часть населения страны киргизов, обитавшая в горной тайге и по долинам больших рек, занималась охотой и рыболовством, — об этом говорят археологические памятники и китайские летописные известия.

Видное место в производстве киргизов-хягасов занимали ремесла, особенно кузнечное. Памятниками его являются заброшенные железные рудники, так называемые «чудские ямы», остатки сыродутных горнов, скопления шлаков. Киргизские кузнецы славились уменьем делать железное оружие, высокое качество их изделий весьма ценилось китайским императорским двором, куда они доставлялись. Из железа киргизы ковали различные сельскохозяйственные орудия (сошники, серпы), предметы военного снаряжения и оружие (панцыри, пики, сабли и т. д.) и многие другие предметы хозяйственного и бытового обихода. Киргизское ремесло не ограничивалось кузнечеством. Вырабатывали еще техникой ковки, чеканки и литья прекрасные серебряные и золотые блюда, кубки, чаши и другие сосуды, украшения сбруи и т. д. Орнаментировка этих вещей, найденных в киргизских каменных курганах, поражает изяществом, смелостью композиции, разнообразием сюжетов, реалистичностью трактовки, например охотничьих сцен и т. д. Киргизам известно было и гончарное дело с применением гончарного круга.

Высоким достижением киргизской культуры было наличие письменности. Китайская летопись сравнивает их письмо и язык с уйгурским. Здесь, несомненно, подразумевается тюркское руническое письмо, дошедшее до нас в виде эпитафий на могильных камнях, особенно знатных киргизов (енисейские надписи), надписей на скалах, содержащих ценные сведения о быте и культуре киргизов, а также в виде кратких надписей на различных предметах быта (серебряных кувшинчиках, поясных бляшках), обнаруженных археологами в богатых киргизских погребениях. Памятники древнетюркской рунической письменности найдены в районе обитания потомков древних хягасов — енисейских киргизов XVII в., а именно: в верховьях Чулыма (реки Белый и Черный Июсы), в долинах рек Уйбата, Ташебы, Тубы, Ои, в Койбальской и Абанской степях и т. д. Всюду в этих местах, по крайней мере в VII—VIII вв., звучала тюркская речь и было распространено древнетюркское письмо. Киргизам был известен календарь двенадцатилетнего животного цикла, где каждый год обозначался именем животного (год зайца, год лошади и т. д.). Летопись сообщает о некоторых обычаях киргизов, например о калыме и др.

По религии киргизы-хягасы были шаманистами. При жертвоприношении духам просили об обеспечении пастбищ водой и травой. Умерших хоронили в курганах, причем богатых сжигали.

Среди киргизов существовало экономическое неравенство, отражавшее далеко зашедшее разложение первобытно-общинного строя. Аристократическая верхушка эксплуатировала своих соплеменников и покоренные племена и народы. Социально-экономическое неравенство ярко отразилось в погребальном обряде. Простого киргиза хоронили с конем. С ним погребали также скромное оружие — саблю, железные стрелы, берестяные колчаны, тесло и принадлежности конского верхового снаряжения, ножи. Украшения на одежде покойника и сбруе представляли собой простые медные и железные бляшки, застежки, пряжки и т. п. Погребальная пища состояла из мяса овцы или коровы; питье, видимо, молочные продукты, ставили в грубом глиняном сосуде ручной выделки.

В курганах богачей, киргизской аристократической верхушки под большими каменными насыпями с покойником погребали богатые и пышные сбруйные и поясные наборы из золота и серебра, высокохудожественные золотые и серебряные кубки и блюда и много других ценных предметов быта, свидетельствующих о роскошном образе жизни их владельцев. Киргизская эксплуататорская верхушка собирала натуральную дань с подвластных им племен. Племена, обитавшие в горной тайге Саяно-Алтайского нагорья, платили дань пушниной (белками и соболями). Тяжелое положение данников усугублялось тем, что, как свидетельствует китайская летопись, киргизы ловили их и заставляли работать в своем хозяйстве. Среди киргизов были богатые хозяйства, владевшие стадами, насчитывавшими тысячи голов скота. Эти хозяйства были основаны на принудительном труде данников. Точно так же, видимо, при помощи их рабского труда, были построены большие оросительные сооружения и проложены дороги, мощенные камнем. Разумеется, эксплуатация имела место и среди самих киргизов, где имущественное неравенство зашло весьма далеко, однако выражалось в ранних, патриархально-феодальных формах, ибо родовые патриархальные обычаи в то время были очень живучи. Общественные отношения у киргизов принимали классовое содержание в форме рабства и патриархально-феодальных отношений.

Господство киргизов было кратковременным. В начале X в. их побеждают киданс, династия которых находилась в Северном Китае. В 1207 г. киргизская правящая верхушка добровольно подчинила киргизов Чингис-хану и поднесла его сыну Джучию белых меринов и соболей в знак покорности. Однако в результате политики грабежа и насилий, проводимой монгольскими завоевателями, среди массы рядовых киргизов вспыхивали восстания, которые жестоко подавлялись. В период господства Чингис-хана в стране киргизов попрежнему сеяли пшеницу, добывали железо. В ней в большом количестве жили китайские ремесленники, которые занимались «тканьем шелковых материй, флера, парчи и цветных материй» (сообщение китайского монаха Чан Чуня 1223 г.).[1] Позднее, когда потомки Чингис-хана распространили свое господство и на Китай (юаньская династия, 1260—1368 гг.), китайские ремесленники продолжали жить и работать в стране киргизов, особенно в царствование Хубилая (1259—1294 гг.). После смерти Хубилая за престол юаньской (монгольской) династии разгорается борьба между чингизи-

[1] Путешествие на запад монаха Чан Чуня описано учеником его Чжень Чанцзы по имени Ли Чжи-чан. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1886, стр. 339.

дами. Страна киргизов втягивается в междоусобные войны, что еще больше ухудшает условия жизни большинства киргизов.

Под игом монгольских феодалов культура киргизов приходит в упадок. Развитое земледелие уступает место экстенсивному скотоводству, исчезает постепенно ремесло, утрачивается письменность. С падением монгольской династии и изгнанием восточных монголов из Китая (1368 г.) разгорается борьба между восточными и западными монголами, в результате которой наступает кратковременное господство западных монголов, или ойратов (середина XV в.). Но после смерти ойратского хана Эсеня (1453 г.) западные монголы теряют господствующее положение. Междоусобицы и связанный с ними процесс политического дробления приводят к образованию в конце XVI в. кратковременного государства под главенством Алтын-ханов. Территория его находилась к западу от верховьев р. Селенги и оз. Косогола до верховьев Иртыша, с центром у оз. Убса-Нур. Политическое влияние государства Алтын-ханов распространялось на Минусинскую котловину, т. е. на енисейских киргизов и частично (после падения Сибирского ханства) на телеутов, кочевавших в междуречье Иртыша и Оби.

В начале XVII в. на Енисее появляются русские. Енисейские киргизы в то время были численно небольшой группой. В документе 1616 г. говорится, что «киргизов самих человек с 300, а черных людей ясачных мужиков, а по киргизски киштымов, с 1000 человек».[1] По данным Н. Спафария, проезжавшего через Сибирь в 1675 г., киргизов: «человек с 1000, толко гораздо воисты, и язык и вера их татарская».[2]

В первой половине XVII в. кочевья киргизов были разбросаны по обширной территории бассейна верхнего течения Чулыма, включая его истоки Белый и Черный Июсы. Когда в 1621 г. строили Мелецкий острог, то это место считалось «впереди Киргизской земли». Ставка киргизских князей была на Белом Июсе, где у них находился «каменный городок». Во 2-й половине XVII в. границы кочевий киргизов сместились по Енисею на юг, вплоть до Саянского хребта.

Киргизы были типичными скотоводами-степняками, разводившими лошадей, овец, крупный рогатый скот и верблюдов. Жили в войлочных переносных юртах. Они утратили древнетюркскую письменность, и при сношениях с русскими их князья пользовались калмыцким письмом. Жили они патриархально-феодальным строем. Во главе всех киргизов стоял князь, которому подчинялись другие. Киргизские князья жестоко эксплуатировали своих данников-киштымов. По сообщению русских послов, ездивших в 1616 г. к Алтын-хану через киргизскую землю, «у них Немек князь и начальной, и та киргизская земля вся ныне ево, а наперед того была отца ево, да под ним Немеком 2 князка Номча до Кора». В 40-х годах XVI в. «лутчим» и старшим князем стал Кочебай, а в 50-х годах Ишей, а после него Иренак или Еренак. Основными улусами енисейских киргизов в XVII в. были: Езерский и Алтысарский. Во 2-й половине XVII в. к ним присоединился еще Алтырский улус, который иногда в русских документах именуется «верхними киргизами». Ставка алтырских князей находилась на Нине, притоке Уйбата. Алтырские князья считали своими киштымами кизылов, басагаров, ачинцев, аргунов, шустов, камларов и др., обитавших в бассейне Чулыма, а также аринов, ястынцев, тинцев и качинцев, живших близ Красноярска. Киштымами у них были сагайцы, бельтиры, часть саян и тубинцев, а также шорцы. Обычно к киргизским улусам принято относить еще Тубинский улус. Но тубинцы не были кир-

[1] ЦГДА, фонд 214, Сибирский Приказ, столбец № 126, л. 46.
[2] Записки ИРГО по Отделению Этнографии, т. X, в. 1. 1882 г., стр. 85.

гизами, они в своей основе состояли из самодийскоязычных племен и родов, и князья их лишь находились в коалиции с киргизскими князьями против русских, причем роднились с киргизами через брачные связи. Киштымами тубинцев были котты, асаны, маторы, койбалы и т. д.

С появлением русских на Енисее началось постепенное включение в состав русского государства различных мелких родоплеменных групп, зависимых от Алтын-хана и от енисейских киргизов.

Политическая обстановка для этого была благоприятной. Крупные западномонгольские феодалы, Алтын-хан и киргизские князья, взаимно враждовали и воевали друг против друга. Различные перечисленные выше племена, роды и территориальные группы подвластного киргизским феодалам населения то и дело подвергались насилиям и грабежам враждующих сторон. Многоданничество этого населения было наиболее тяжелой формой их ограбления и разорения. Вероятно, поэтому русским казакам, проникшим в бассейн Енисея, так легко и быстро удавалось получать признание подданства русскому государству (с обязательством вносить ясак) со стороны упомянутых выше племен и групп. Переход под покровительство русского государства избавлял их прежде всего от многоданничества, сопровождавшегося грабежами и насилиями, сулил возможность спокойных хозяйственных занятий. Заинтересованы были мелкие племена и роды также и в развитии обмена с русским населением, в сбыте скота и пушнины и в приобретении различных русских товаров. В 1608 г. дали согласие стать подданными русского государства и платить ясак арины, жившие вниз по Енисею от устья р. Качи до порога. Местообитание их русские служилые люди называли Тюлькиной землицей, по имени аринского князьца Тюльки. В 1609 г. такое же согласие добровольно дали маторы, тубинцы и джесары (ястынцы), а в 1620 г. сагайцы. Однако на протяжении всего XVII в. некоторые бывшие киргизские и монгольские киштымы, согласившиеся на признание русского подданства, именуются в документах «немирными», ибо они часто «отлагались» от ясака. Причиной этого были частично притеснения со стороны царских воевод и их помощников, но в большей степени принуждение или подстрекательство со стороны киргизских, монгольских и джунгарских феодалов, боровшихся с русскими за монопольную эксплуатацию своих киштымов. Русские казаки закладывают целый ряд острогов, в том числе Красноярский (1628 г.), Канский (1629 г.), Ачинский (1641 г.). Русские города и поселения в течение XVII в. непрерывно подвергаются нападению и разграблению со стороны киргизских и джунгарских феодалов, которые действовали крупными отрядами: в состав их иногда принудительно включались и их киштымы. Такое положение длилось до начала XVIII в., когда в 1703 г. большая часть киргизов была уведена джунгарскими зайсанами в Джунгарию, где их поселили по рекам Или и Таласу. На Енисее наступает успокоение, и русские окончательно осваивают Минусинскую котловину. В 1707 г. закладывается Абаканский острог, а в 1709 г. — Саянский. Джунгарский контайши еще и после этого продолжал считать саяно-алтайские племена своими данниками и посылал к ним сборщиков. Окончательно ликвидируется многоданничество саяно-алтайских племен только с падением Джунгарии в половине XVIII в.

Несмотря на то что включение Минусинской котловины в русское государство сделало населяющие ее племена объектом колониальной политики царизма, оно в то же время сыграло положительную роль в их истории, ибо не только избавило их от жестокой эксплуатации и гнета различных азиатских феодалов, ликвидировало многоданничество, укрепило и развило экономику, но еще поставило их бок о бок со значительно

более высоким по культуре русским народом, тесное общение с которым содействовало повышению уровня культуры этих племен.

Ближайшими историческими предками современных хакасов были упомянутые киргизские кыштымы XVII в., т. е. различные тюрко-, самодийско- и кетоязычные[1] племена и территориальные группы (перечисленные выше в составе киргизских улусов) вместе с оставшейся небольшой частью енисейских киргизов (потомков средневековых киргизов). В XVII в. территория, населенная ими, входила в состав Красноярского уезда, образуя следующие «землицы»: Аринскую, Качинскую, Яринскую, Камасинскую, Канскую, Братскую (под Удинским острогом), Тубинскую, Саянскую, Кайсотскую (окрестности оз. Косогол). Кетоязычная группа, самая большая по численности, состояла из аринов, коттов, асанов, тинцев, кайдинцев, яринцев, байкотовцев, и др., которые входили в Аринскую, Яринскую, Канскую, Тубинскую и Удинскую землицы. Второй по численности (не считая собственно киргизов) в Красноярском уезде была тюркоязычная группа, население которой жило в Качинской, Яринской, Камасинской, Саянской, Кайсотской и Удинской землицах. Большинство тюркоязычного населения (предков современных хакасов), жившего в бассейне Чулыма и Белого и Черного Июсов, входило в различные землицы и волости Томского и Кузнецкого уездов (ачи, камлары, басагары, кизылы, сагаи, бельтиры). Следующей по численности была самодийскоязычная группа, расселенная в Камасинской, Тубинской и Удинской землицах. Сюда относятся маторы, тубинцы, камасинцы, конные кашинцы и др. Разнородные по своему этническому происхождению хакасы уже в первой половине XVIII в. в отношении языка были в основном тюркизированы. Однако отдельные лица помнили частично свой прежний (кетский или самодийский) язык еще в первой половине XIX в.

В XVIII в. управление хакасами было разделено между воеводскими канцеляриями городов Красноярска и Кузнецка. Подчинявшиеся красноярскому воеводе хакасы делились в административном отношении на землицы: Качинскую, Койбальскую, Яринскую, Кайдинскую, а кузнецкому воеводе — на волости Сагайскую, Бельтирскую, Камашинскую и Удинскую.[2] Во главе землиц и волостей стояли башлыки или князьцы. Землицы подразделялись на улусы или аймаки, возглавлявшиеся князьцами, которые выбирались бессрочно и даже передавали свое звание по наследству. У князьцов были помощники — ясаулы, которые собирали ясак и несли мелкие полицейские обязанности. Князьцы чинили суд, в котором принимали участие также и «лутчие люди», т. е. наиболее влиятельные богатые родовичи.

С введением «Устава об инородцах» 1822 г. хакасы вошли в состав Енисейской губернии (Ачинский и Минусинский уезды). У них были образованы степные думы: в Ачинском уезде Кызыльская, в Минусинском — Дума соединенных разнородных племен, или Сагайская (позже Аскызская), Качинская и Койбальская. Дума осуществляла административное управление и состояла из определенных административных родов или улусов. С 1858 г. была упразднена Койбальская дума и население ее на правах административного рода было приписано к Думе соединенных разнородных племен.

---

[1] Говорившие на языке, родственном языку современных кетов (енисейских остяков).

[2] Землицы и волости XVIII в. не представляли собой территориальных единиц, а объединяли то или иное количество населения, управлявшееся своими родоплеменными князьцами.

Позднее эти думы (80-е годы XIX в.) стали именоваться инородческими управами: Кызыльской, Абаканской (Качинской), Сагайской, или Аскызской. В 1913 г. после землеустройства инородческие управы или ведомства были преобразованы в волости — Кызыльскую, Усть-Абаканскую, Аскызскую.

Общего самоназвания хакасы до революции не имели. Обычно они именовали себя по названию сеока — рода. Однако в некоторых думах сознание общности населения уже сложилось настолько, что отразилось в общем самоназвании. Таковы наименования «качинцы», «кизыльцы» и «койбалы». В Аскызской, или Сагайской, думе в особую родственную группу выделили себя бельтиры. Сагайцами сами себя именовали только те, которые принадлежали к роду Сагай, остальные называли себя по сеоку. Общее для всех наименование «хакасы» возникло лишь после Октябрьской революции и отразило попытку хакасской интеллигенции подчеркнуть связь современных хакасов по происхождению с древним населением Минусинской котловины — хягасами китайских летописей.

В рамках административного деления, установившегося после реформы 1822 г., среди перечисленных групп хакасов создавалась постепенно некоторая общность культуры и быта, но вырабатывались также и своеобразные специфические черты, отличающие эти группы друг от друга. В старой научной литературе они безоговорочно и неправильно выдавались за племенные особенности, и таким путем было создано неверное представление о пяти хакасских «племенах» — качинцах, кизыльцах, сагайцах, койбалах и бельтирах. В действительности же большинство из них не являлось племенами в подлинном смысле этого слова, так как сложились они не в результате естественного развития и роста кровнородственных связей, а путем чисто историческим, т. е. в результате дробления и смешения родоплеменных групп, совершенно различных по своему происхождению и языку. Таково, например, происхождение сагайцев и койбалов, представлявших собой конгломерат из осколков различных племен и родов, резко различных по этническому происхождению и языку, в котором победу одерживал тот или иной тюркский язык. Мы дадим здесь краткую этнографическую характеристику этих сложных по своему этническому составу территориально-административных групп.

Качинцы При образовании Качинской степной думы в нее вошло 11 административных улусов, или родов: 1) Абалаковский, 2) Шалошин первой половины, 3) Шалошин второй половины, 4) Ярино-Ястынский, 5) Мунгатовский, 6) Аболтаевский, 7) Татаровский, 8) Тинский, 9) Кубановский, 10) Тубинский, 11) Татышевский. По ясачным книгам Красноярского уезда и другим документам XVII в. устанавливается, что роды Татышевский, Ярино-Ястынский, Абалаковский, Тинский и Аболтаевский в XVII в. входили в Аринскую и Яринскую землицы и представляли собой кетоязычных аринов и родственных им ястынцев, яринцев и тинцев (часть яринцев). Роды Шалошин (обе половины), Мунгатовский, Татаровский, Кубановский и Тубинский под теми же наименованиями входили в XVII в. в состав Качинской подгородной тюркоязычной землицы и включали в себя часть енисейских киргизов XVII в. (Мунгатовский улус — Изыр-аймак, Татаровский улус — Бюрют-аймак). В XVIII в. (по Палласу) в состав качинцев входило тюркоязычное по происхождению население пяти улусов, или аймаков (Шулошь, Кубан, Татар, Мунгат, Туба) и кетоязычное население Ястына, представлявшее собой потомков аринов XVII в. В конце 80-х годов XIX в. Качинская степная дума преобразовывается в Абаканскую инородную управу. В связи с этим было произведено новое администра-

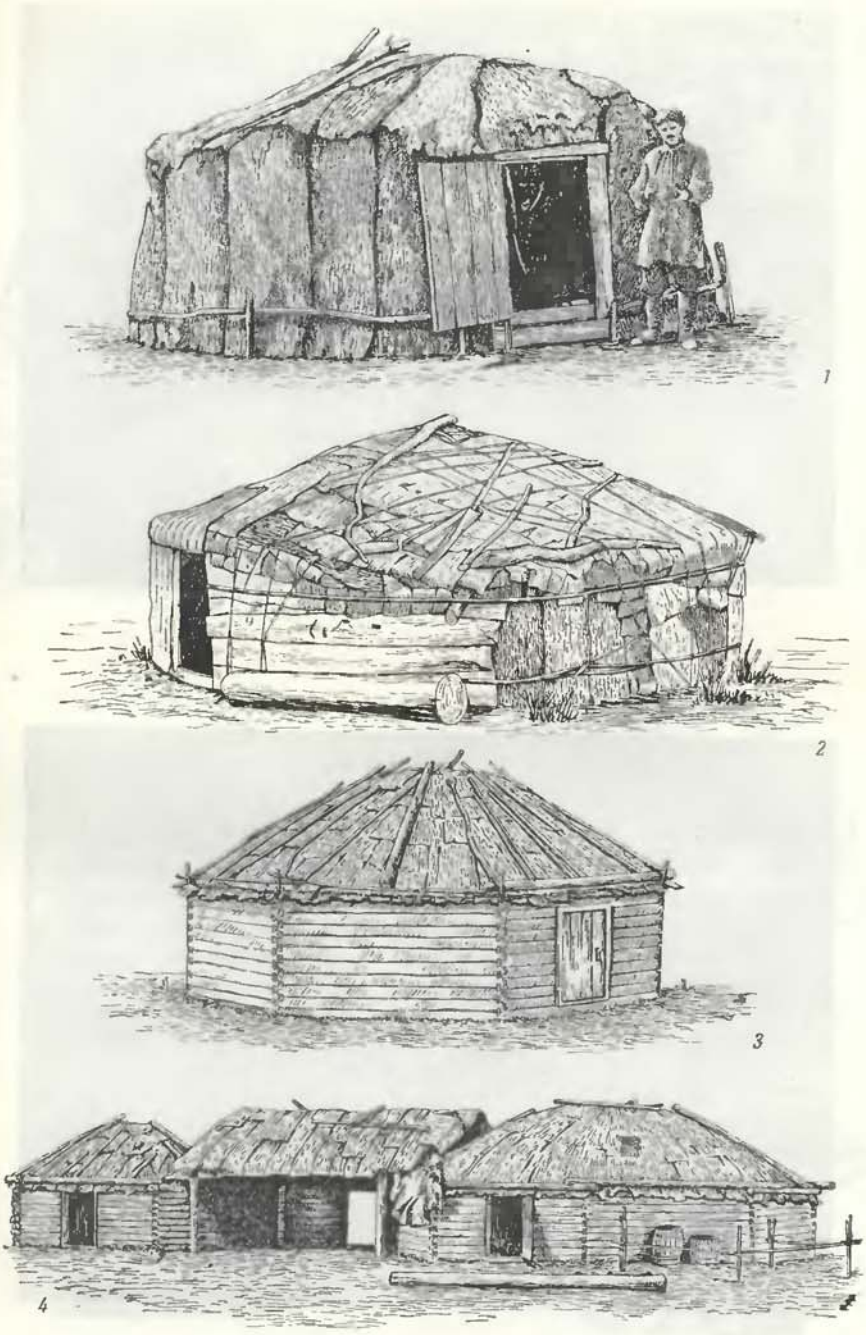
тивное деление, в результате которого осталось 8 административных родов, образованных по территориальному принципу. Согласно этому делению, в составе качинцев оказался Салбино-Койбальский род, объединявший преимущественно потомков кетоязычного населения XVII в.

В старой литературе зафиксировано деление качинцев в XIX и начале XX в. на следующие родовые подразделения (сеоки): 1) Каска (Тайджан, Паратан и Ойрат-Каска), 2) Кыргыз, 3) Пюрют, 4) Ызыр, 5) Соко (Саха), 6) Частых, 7) Туба, 8) Ара, 9) Тиин, 10) Сарыг, 11) Чильдек, 12) Ойрат. Однако трудно признать эти подразделения за настоящие кровнородственные роды (хотя некоторые из них были экзогамными), ибо названия многих из них (Кыргыз, Пюрют, Ызыр, Туба) отражают более широкие, чем род, объединения. Скорее всего это поздние объединения родственных по происхождению групп, в которых отразились традиции более ранней родовой эпохи, когда население действительно делилось на кровнородственные роды. Но эти (как бы вторичные) сеоки, или роды, сохранили в своих наименованиях названия административных улусов и землиц XVII в. (Частых, Туба, Ызыр и др.) и разнородность их этнического происхождения (Ара, Тиин, Туба, Кыргыз, Пюрют и т. д.). Таким образом, тюркоязычное качинское ядро, включавшее потомков енисейских киргизов и сибирских татар, пришедших, по преданию качинцев, с Тобола, включило в свою среду также потомков кето- и самодийскоязычного населения XVII в., обитавшего в Красноярском уезде.

Основным занятием качинцев до революции было скотоводство. В XVIII в. оно было кочевым; с XIX в. становится полукочевым, в нем преобладает разведение крупного рогатого скота и овец, а табунное коневодство сосредоточивается в руках отдельных богачей. Постоянное кочевание ограничивалось уже сменой зимних и летних пастбищ, появилось стойловое содержание скота (в закрытых пригонах и дворах) по образцу русского крестьянского скотоводства, развилась заготовка сена с применением в байских хозяйствах сенокосилки и конных граблей. Обследование 1909 г. зарегистрировало распространение земледелия — 28.5% качинцев имели посевы (пшеницы, овса, ячменя, озимой ржи). Техника земледелия была усвоена от русских крестьян, но применялось искусственное орошение.

Основными типами жилищ у качинцев были: конической формы шалаш из жердей (*алачых*), покрытый корой (летнее, а у бедняков и зимнее жилье); шалаш с основой-рамой на 4 столбах, стенами из вертикально поставленных досок и коротких жердей и куполообразной крышей, покрытой корой; переносная решетчатая круглая юрта (*кинсиб*) с берестяным (преимущественно у бедняков) или войлочным покрытием; срубная, многоугольная (6—14 углов) деревянная юрта (*агас иб*) с корьевой, тесовой или даже железной (у богачей) крышей (этот тип юрты стал наиболее распространенным со второй половины XIX в.); срубная изба или дом (*тура*), заимствованный от русских крестьян. К началу XX в., в связи с ростом и упрочением оседлости, изба или дом был господствующим типом жилища. В 1909 г. юрты (преимущественно летние) составляли 43.4% качинских построек. В юрте было деление на мужскую и женскую половины. Огонь раскладывали посредине, на земляном полу. Особенностью внутреннего убранства юрты качинцев было наличие большого количества полок, заполненных посудой и утварью и тянувшихся вдоль стен.

Пища состояла из молочных, мясных, растительных продуктов и печеного хлеба. Летом качинцы, как типичные скотоводы-степняки, питались главным образом молочной пищей, за исключением богачей, которые кроме этого ели мясо и хлеб в течение всего года. Главным продуктом

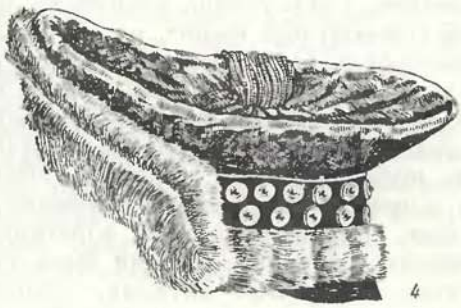


Жилище

1 — корьевое жилище бедняка, сагайцы; *2* — круглая берестяная юрта, качинцы; *3* — многоугольная бревенчатая юрта, качинцы; *4* — усадьба, качинцы

Внутренний вид жилища. Качинцы

1 — кухонный угол; *2* — угол с посудой



Одежда

1 — качинка в старинной одежде с конем в нарядном уборе; *2* — женское платье, сагайцы; *3* — мужская рубаха, качинцы; *4* — шапка невесты, качинцы

был *айран* — кислое, подвергшееся брожению молоко. Его перегоняли на молочную водку, чтобы получить творожистую массу (*арчы*), которую сушили и запасали впрок, а также делали из нее кислый сыр (*хурут*). Из свежего кипяченого молока приготовляли пресный сыр (*пызлах*). Из молока получали сметану, сливки, масло и другие продукты. Рядовые качинцы ели мясо чаще зимой, преимущественно конину, считая ее более сытной и питательной. Характерным блюдом была мясная похлебка (*урге*) с ячменной крупой (*коче*), приправленная сушеным творогом (арчы). У бедняков похлебка варилась без мяса. Колбаса из крови (*кан*) и из рубленого мяса (*кыйма*) была также характерным блюдом. Ежедневным напитком служил кирпичный чай с молоком, а у бедняков его суррогаты (листья бадана, белоголовника и т. д.). Вместе с этим широко употреблялись блюда и способы приготовления пищи по образцу русской народной кухни. Особенно это относилось к хлебной пище. Печеный хлеб, различные пироги, калачи, лепешки, блины, лапша, супы, жареное мясо и многое другое было заимствовано качинцами от сибирских русских крестьян.

Специфические особенности домашнего быта качинцев ярче всего проявлялись в одежде (особенно женской). Мужская рубаха делалась из пестрого ситца, длинной, широкой (окружность подола около 3 м), что достигалось вставлением в спинку клиньев. На груди и спине она собиралась в мелкие складки. Характерной особенностью мужской рубахи являются полики (наплечники) и ластовицы (*колтых*). Воротник отложной, с длинными концами, застегивается на одну пуговицу. Рукава делались с обшлагами, которые, как и наплечники и воротник, шились из материи другого цвета. Такова по покрою и женская рубаха длиной до пола. У богачей такие рубахи шили из шелка. Штаны шили из толстой бумажной материи, а зимние — из овчин (шерстью вниз) или выделанной кожи (теленка, жеребенка, козули). Легкой верхней одеждой был суконный *сикпен*, близкий по покрою к русскому армяку. К началу XX в. сикпен стал быстро вытесняться покупным русским азямом, или однорядкой. Зимняя шуба делалась из овчин, широкой в подоле, с большим меховым воротником, отложным и круглым. Она запахивалась направо, левой полой наверх, и подпоясывалась. Особенностью покроя являлась отрезная спина, к которой пришивали 3—7 клиньев, расширяющихся к подолу. У богачей верх шубы покрывался плисом, шелком, воротник и обшлага делались из дорогого меха. Женский сикпен был похож по покрою на мужскую шубу (с 4 клиньями, пришиваемыми к спине). На спине его наносилась цветная вышивка и пришивались шелковые кисти. Рукава длинные, с обшлагами, проймы их доходили до пояса. Воротник отложной (шалью) был вышит, как и обшлага, цветными шелковыми нитками. Женская шуба из овчин имела два покроя. Один из них такой же, как и мужской шубы, другой (*идектыг тон*) с прямой спиной, без клиньев, с четырехугольным выступом на верхней поле и вздержкой (на уровне колен), пропущенной с боков и сзади, образующей сборку вокруг подола. Эта шуба считалась старинной, свадебной. Богатые качинки покрывали ее дорогими шелковыми (цветными, узорчатыми) тканями и опушали подол, обшлага и стоячий воротник мехом бобра, соболя. Специальной одеждой замужних женщин была короткая безрукавка (*сигидек*), расшитая шелковыми нитками, носившаяся поверх шубы. Праздничная женская шапка (*тюлкю пюрюк*) делалась из меха лисицы, с высоким околышем, похожим на кокошник. Тулья круглая (из шелка или парчи), с кистью из шелковых ниток, была скрыта от взора околышем. Девичья шапка (*тагаяк*) делалась из хвостов выдры и подбивалась мерлушкой. Она имела высокий, выдающийся вперед околыш, в котором был сделан

овальный вырез для лица. В профиле околыш образовывал ступенчатый выем и плотно прилегал к затылку. Парчевая тулья была украшена большими перламутровыми пуговицами и шелковой кистью. Обувь носили кожаную и меховую, из овчины и из шкурок с ног козули, лошади, лося. В XIX в. исчез из быта оригинальный женский головной убор, который качинцы считали старинным, привезенным их предками с Тобола. Это был длинный, вязанный из белых ниток колпак (*ак пюрюк*) с кистью на конце. Он натягивался на голову, образуя на лбу складку (украшенную вязаным узором из синих и красных ниток), а конец его свободно спускался по спине до талии. Старинные кожаные сапоги были на многослойной подошве, без каблука и с загнутым носком (исчезли в XIX в.) и на каблуке с узким загибающимся носком. Обычными были кожаные сапоги с высокими и широкими голенищами, на тонкой подошве без каблука и с тупым носком. Женские меховые сапоги из белой овчины (шерстью внутрь) вышивались цветным шелком, как и рукавицы. Характерным женским украшением был нагрудник (*пого*), носившийся поверх шубы или сигидека. Его делали из куска дубленой кожи полуовальной формы и украшали сплошь рядами пуговиц, коралла, раковин, бисера.

Основным средством передвижения была верховая лошадь. В течение XIX в. распространилась русская упряжь (телега и сани). По рекам передвигались на лодках (долбленках) и плотах.

В семейно-брачных отношениях сохранились родовые (патриархальные) пережитки. Свадьба сопровождалась довольно сложным обрядом. Брак совершался похищением невесты, но по предварительному сговору с ней. Существовали калым и приданое. Система родства сохраняла классификационные черты. Семья была моногамной, хотя существовала и полигамия, бывшая привилегией богатых.

До замужества девушка находилась в полной зависимости от родителей, с выходом замуж — от мужа и его родственников. Вдова переходила по обычаю к одному из мужских родственников покойного.

Народное изобразительное искусство выражалось в развитой вышивке цветным шелком, в орнаментальной резьбе на деревянных бытовых предметах (кровати, шкафчики и т. д.), аппликации по коже и войлоку; музыкальное — в игре на *чатхане* и *комысе* и пении. Чатхан — длинный узкий ящик, на который натянуто от 5 до 9 металлических струн. Настройка производится подкладыванием под струны и передвиганием бараньих лодыжек (*казых*). Комыс — двухструнный инструмент, напоминающий по форме домбру. Струны его сделаны из конского волоса. Под аккомпанемент комыса говорят (речитативом) и поют героические поэмы. Из всех хакасов именно качинцы особенно хорошо владеют мелодией. Устное народное творчество у них отличается разнообразием жанров (героические сказания, особые лирические восьми- или четырехстишные песни — *тахпах*, поговорки, пословицы и т. д.). Байская верхушка качинцев стремилась использовать устное народное творчество в целях укрепления своего господства над рядовыми скотоводами; некоторые баи держали собственных сказителей-чатханистов для своего прославления. С непокорными, отражавшими в своем творчестве народные демократические идеи, направленные против эксплуататоров, баи жестоко расправлялись. Качинский бай Картин предал, например, мучительной смерти своего чатханиста-бедняка за то, что последний разоблачал в своих песнях и сказаниях байский гнет.

С XVIII в. качинцы в большинстве своем официально считались христианами. Но фактически у них были распространены ранние формы религиозных верований и шаманский культ. Характерными для качинцев были общественные моления (*тайых*) как с участием, так и без участия

шамана, и обряды посвящения почитаемым духам-покровителям домашних животных (*изых*), почитание отдельных духов-покровителей (в прошлом родовых), в честь которых делалось изображение (*тӧс*). Из общественных молений в начале XX в. совершали: моление небу (*тегир тайых*), моление горам (*таг тайых*), моление воде (*суг тайых*), моление березе (*казынг тайых*). Моление небу в Абаканской степи устраивалось ежегодно на горе Саксар (правый берег Уйбата). Целью его было испросить у неба урожай трав и хлебов. Моление совершали выборные старики. Женщины и девушки присутствовать на нем не могли. В качестве жертвы закалывалось от 5 до 15 белых, но обязательно черноголовых ягнят. Моление горам носило чисто местный характер, и его устраивали отдельные хозяева. Цель моления состояла в испрашивании дождя. Моление совершал шаман, но не в специальной шаманской одежде и без шаманского бубна, а с *чальбеком* (березовой ветвью, к которой привязывалось два куска материи красного и синего цвета, квадратной формы). Моление воде устраивали только прибрежные жители Абакана («чтобы люди не тонули и переправы, броды были благополучными»). В жертву приносился молодой бычок (*казра*) черной масти, которого связывали живым, помещали на плот и пускали по течению. На этом молении, которое проводил шаман, тоже без шаманского костюма и бубна, присутствовали и женщины. Моление березе устраивали редко, обычно по назначению шамана, когда в семье кто-либо долго болел. Моление происходило у «фамильной» (в более отдаленные времена родовой) почитаемой березы. Если таковой не было, выбирали молодую березку, привязывали к ней цветные ленточки, и береза с этого момента считалась семейной святыней. В этих молениях качинцев, которые в прошлом были родовыми, отражался древний культ природы. Родовой характер устанавливается в качинском культе изыха и тӧсей. Культ изыха в его поздней форме, в которой он и исчез из быта качинцев после революции, представлял собой индивидуальное посвящение лошади ее владельцем-скотоводом духу Изых-хану, именуемому «хозяином скота» (*мал эзи*). Изых «ставили» всегда летом. Для этого выбирали мерина определенной масти в возрасте от 3 до 9 лет. Обряд посвящения производил шаман в полном облачении и с бубном. После моления лошадь отпускали на волю, с вплетенной в гриву цветной лентой. На изыхе никто, кроме владельца, не мог ездить. Женщины не могли даже к нему прикасаться. Посвящали лошадей для того, чтобы у владельца «скот хорошо держался» и «никто из семьи не болел». Ежегодно, весной и осенью, хозяин мыл молоком гриву и хвост своему изыху, менял ленты. Цвет масти изыха был общим для всего сеока. Сеок Каска ставил бурых (*кюренг*) изыхов, сеок Кыргыз серых (*кок*) и сизых, сеок Пюрют соловых (*сарыг*), сеок Ара рыжих (*позрах*). В прошлом изых был общим для всего сеока. Почитание тӧсей когда-то тоже было родовым. Например, сеок Пурут имел «Ак-Тӧс'я», в изображение которого входила головка белого (зимнего) зайца. Костюм качинского шамана символизировал птицу, шаманский бубен имел характерные для качинцев рисунки (изображения девяти взявшихся за руки парней — «тогус оол» — и семи девиц — «четти кыс»). Похоронный обряд, совершавшийся по церковным правилам (гроб с покойником закапывали в землю, на могиле ставили крест), сопровождался еще в половине XIX в. обязательным ритуальным убийством лошади покойника.

Кызыльцы

Кызыльцы относятся к большой территориальной тюркоязычной группе, обитавшей в бассейне Чулыма (по крайней мере, с конца XVI в.). В старой этнографической литературе часть этой группы, жившая в верхнем течении Чулыма, именовалась кызыльцами, в среднем — мелецкими, а в нижнем — чулымскими

татарами. В XVII в. они упоминаются в документах как кызылы, милисы, шусы, ачы, басагары, аргуны и др. и в то время входят в Кызыльскую и Ачинскую землицы (или волости: Камларскую, Басогорскую, Шуйскую, Ачинскую, Курчикову и др.) Томского уезда. При образовании Кызыльской степной думы потомки этого населения образовали 12 административных родов, сохранивших свое наименование с XVII в. Роды эти следующие: Кызыльский (кызылы), Шуйский (шусты), Мелецкий первой и второй половин (милисы), Малоачинский и Большеачинский (ачы), Малоаргунский (аргуны), Курчиковский, Басагарский первой и второй половин (басагары), Игинский и Камларский (Камларская волость). Связь Курчиковского и Игинского родов с населением XVII и начала XVIII в. устанавливается анализом фамилий, которые кызыльцы носили в XIX в. и носят до наших дней. В документах указанного времени фигурирует, например, князец Кызыльской волости Агучек, или Угучек, и князец Ачинской волости Майрык. Среди кызыльцев, входивших в Курчиковский род, имеется фамилия Угучековых, а у относящихся к Игинскому роду — Майрыковых и т. д. Такая же связь современных фамилий кызыльцев с именами их князьцов, в ведении которых они находились в XVII—XVIII вв., прекрасно видна у населения Шуйского, Басагарского и других родов. В XVII в. подавляющее большинство упомянутых групп населения было тюркоязычным, за исключением кетоязычных шустов, которые были родственны аринам. В составе чулымских татар XVII в. были енисейские киргизы, телеуты и татары, пришедшие сюда с Тобола вследствие падения Сибирского ханства. В преданиях кызыльцев говорится, что они раньше жили по рекам Ишиму и Тоболу и у них был хан Кочжум (Кучум), что часть их произошла от сына Кучума — Кызлаха. Еще в середине XIX в. кызыльские женщины, как и качинки, носили головной убор в виде белого мягкого колпака, характерного для тобольских татар. На примесь телеутов в этническом составе кызыльцев указывает наименование рода Калмах, которым тюркские народности Сибири именуют западных монголов, но здесь этот термин означает телеут потому, что они входили в XVI и в начале XVII в. в состав джунгаров—калмыков. Не вызывает сомнения и смешение «чулымцев» с селькупами и русским населением. Язык современных кызыльцев тождественен качинскому. В 1835 г. оба Мелесских рода были выделены в самостоятельную Мелесскую управу.

Большинство кызыльцев жило оседло в постоянных селениях. Уже со второй половины XVIII в. они сеяли в небольшом количестве хлеб (по русскому образцу) и занимались охотой и рыболовством. Скота держали мало.

Скотоводство было более развито у южной части кызыльцев, где имелись зимние пастбища, но и там зверовой промысел и рыболовство играли главную роль в хозяйстве. В течение XIX в. кызыльцы перешли к более высоким формам хозяйства и быта, усвоенным от русского народа. Плужное земледелие стало основой хозяйства для половины кызыльцев. Скотоводство стало вполне оседлым, преимущественное значение получили крупный рогатый скот и овцы. Появилось свиноводство, птицеводство и пчеловодство. Распространилось огородничество. Из промыслов сохранило значение рыболовство и в меньшей степени охота (на белку). Несмотря на благоприятное влияние русской народной культуры, социально-экономические условия жизни кызыльцев были таковы, что половина мужчин вынуждена была наниматься в работники, батраки к баям и русским кулакам.

Домашний быт кызыльцев к началу XX в. приобрел черты русского крестьянского быта, сохраняя своеобразие только в отдельных

элементах. Преобладающим типом жилища у кызыльцев была юрта; а у мелецкой группы была распространена только срубная изба. Войлочная юрта исчезла в начале XIX в. Деревянные срубные юрты приближались по типу к избе. Они были четырехугольной формы, с окнами, деревянным полом с плоской или куполообразной крышей (без дымника). Внутри их, направо от входа, ставились рядом две кирпичные печи, обмазанные глиной и побеленные: одна (в виде куба), с вмазанным сверху котлом — для печения хлеба, вторая (в виде камина), с прямой трубой — для отопления и освещения. Многоугольные юрты перестали строить с половины XIX в. В течение XIX в. исчезла из быта также берестяная юрта и *шер иб* — жилища, утепленные землей. Последние были двух типов: 1) деревянный шалаш из кольев и досок, с покатыми стенами, углубленный в землю и еще заваленный землей по стенам; 2) небольшая избушка с окнами и дверью, с насыпными (из земли) стенами из двойного березового плетня. С внутренней стороны к плетневой стене приставлялись вертикально доски. Вдоль стен шли нары, у одной из которых стоял глинобитный очаг — *чувал*. Вход в жилище был через маленькие крытые дощатые сени.

В одежде преобладал русский народный покрой. У мелецкой группы в XIX в. бытовал оригинальный промысловый костюм. Он состоял из рубахи (*хабат*) из грубого холста с круглым, обшитым материей вырезным воротом и холщевых штанов. У женщин, еще в XVIII в. носивших штаны и обувь из кожи налима, в XIX в. бытовала одежда (в том числе и свадебная) качинского образца. Повседневным головным убором был платок. Замужние завязывали его с широкой складкой на лбу, вдовы без складки. Девушки делали узкую складку, но концы платка завязывали не на затылке, как замужние женщины и вдовы, а под подбородком.

Особенностью пищи кызыльцев было широкое употребление рыбы (вареной, сушеной, жареной, соленой) и строганины из мерзлого мяса. Большинство блюд готовилось по русскому образцу и только часть молочных (айран, арчы, уреме) и мясных (урге, кан) приготовлялась и называлась по-качински. Основным средством передвижения служили лодки и лошадь (упряжная и верховая). Семья была моногамной, с главенством мужчины. Браки заключались путем сватовства, за которым следовало венчание по русскому церковному обряду. После венчания устраивалась свадьба по старинному обычаю, включавшему в себя древний обряд поклонения солнцу (*кунька баджир*). На утро после брачной ночи в юрту заходили родственницы молодожена и выводили молодую под покрывалом. Последняя должна была ходить из юрты в юрту родственников мужа и кланяться солнцу. Калым считался обязательным, а приданое как бы добровольным.

Изобразительное искусство бытовало в вышивках на одежде по качинским и русским образцам и в древней по происхождению насечке серебром по железу (украшения седла и сбруи). Основным и наиболее древним орнаментом (в вышивке, насечке или чеканке) были плоская спираль, двойная волюта. Устное народное творчество выражалось в былинах о богатырях, сказках, легендах, песнях (*тахпах*) и т. д. Эпические произведения кызыльцев сходны по сюжетам и наименованиям с телеутскими и качинскими.

Несмотря на то, что кызыльцы с половины XVIII в. являлись христианами, они вплоть до революции сохраняли и более ранние шаманские верования. Характерным для них был культ тӧсей, сводившийся к изготовлению вещественных изображений различных духов-покровителей, угощению их (кормлению) с целью получить избавление от болезни, несчастья, обеспечить урожай, удачу в охоте и т. д. Вплоть до XX в.

появлялись все новые и новые тёси, что говорит о жизненности культа. Старинные тёси кызыльцы заменяли качинскими. Как правило, кызыльцы обращались к качинским шаманам, привозя их за десятки и даже сотни километров. Своих шаманов у кызыльцев было мало и они считались менее сильными, чем шаманы качинские.

Сагайцы

Сагайцами в литературе именовалась большая тюркоязычная группа, разнородная по своему этническому составу и происхождению. Это нашло отражение и в ее первоначальном официальном названии — Степная дума разнородных соединенных племен, — присвоенном ей в 1823 г. (позднее Сагайской). Она состояла вначале из 10 административных родов: Бельтирского, Казановского, Сагайского первой и второй половин, Ближнекаргинского, Дальнекаргинского, Кивинского, Карачерского, Кызыльского, Кийского. Подавляющее большинство этих административных родов (за исключением Бельтирского и обоих Сагайских) состояло из населения, обитавшего в XVII и начале XVIII в. в бассейнах рр. Мрассы, верхней Томи и Кондомы, и входило в Кузнецкий уезд. В бассейне Абакана эти выходцы появляются с XVII в. (как кыштымы киргизов), значительная часть их поселилась здесь в начале XVIII в., а некоторые даже около середины XIX в. Последние являются предками части современных шорцев. С 1834 г. в Думу включается еще Изыперский административный род (также шорский по этническому составу), а в 1858 г. — Койбальский, в связи с упразднением Койбальской степной думы. Население Сагайской думы наряду с наименованиями административных родов сохраняло (вплоть до XX в.) названия сеоков или кровнородственных родов, что помогает уточнить сложный этнический состав этой смешанной территориальной группы. Зафиксировано 19 следующих сеоков (по их самоназванию): Сагай (с подразделениями Юс-Сагай и Том-Сагай), Туран, Ичиге, Сарыг, Иркит, Чода, Пюрют, Кыргыз, Себечин, Саин, Аба, Четти пуру (Четтибер), Кобый, Кызылгая, Карга (Таг Карга и Суг Карга), Сор (Шор) Кый, Том, Тайас. Из них 11 последних сеоков (начиная с Себечин) являются шорскими по происхождению. Сеоки Кыргыз (общий с качинским) и Пюрют (вошедший также в состав качинцев, телеутов, алтайцев) — потомки киргизов, оставшихся на Енисее с XVII в. Сеок Чода — предки части современных тофаларов (этот сеок имеется также в составе тувинцев, карагасов, койбалов, алтайцев, кумандинцев). Сеок Иркит — потомки иркитов, киргизских кыштымов, входивших в состав предков тувинцев и алтайцев. Сеок Ичиге, согласно преданиям, обитал в старину по р. Июсу. То же самое известно по историческим документам XVII в. в отношении сеока Сагай, подразделение которого — Юс-Сагай — было и в XVII в. Пестрота и сложность этнического состава Сагайской думы увеличились с включением в нее бельтиров и койбалов.

За период пребывания в составе царской России сагайская группа населения под влиянием русской народной культуры перешла от охотничьего и рыболовного промыслов к сельскому хозяйству — скотоводству и плужному земледелию, на основе которого у них развились новые формы культуры и быта. К 1917 г. земледелием здесь занималось 86,7% хозяйств. Посевная площадь возросла с 326 десятин в 1839 г. до 19 413 десятин в 1917 г. (хотя население за это время увеличилось только на 60%). Земледелие не только обеспечивало здесь продовольствием бо́льшую часть населения, но в средних и особенно зажиточных хозяйствах часть хлеба шла на продажу. О росте земледелия свидетельствовало и развитие орошения. Орошаемые пашни составляли более половины посева и весьма расширяли хозяйственное использование пустующих земель. Эко-

номическая заинтересованность населения в земледелии была такова, что на устройство оросительных канав затрачивались десятки тысяч рублей, собираемых по раскладке. Об организации орошения можно судить по примеру, относящемуся к землям по верхнему течению Аскыза. Общественная канава (*чон кобы*), шириной около 3 м, начиналась под горой Ар (близ Иресова улуса) и шла до Сидорова улуса. Для руководства работами по ее очистке, ремонту и надзору за водопользованием улусы, пользовавшиеся водой, ежегодно выбирали 3—4 лиц (*суг пазы*) из наиболее влиятельных жителей, а во время полива еще оплачиваемого «хозяина воды» (*суг еези*). На междуулусном сходе устанавливалось две очереди: для пользующихся верхней частью канала и для пользующихся нижней частью. В обеих частях владельцы пашен брали воду в течение 1—2 дней (в зависимости от величины пашни) также по очереди. Поливку начинали в обеих частях канала одновременно. В нижней части очередь шла по направлению снизу вверх, а в верхней — сверху вниз. «Хозяин воды» следил за соблюдением установленной очереди, улаживая конфликты или передавая их на рассмотрение суг пазы. Несмотря на кажущийся демократизм описанных порядков, водопользование составляло монополию зажиточной и байской верхушки, которые на практике забирали бо́льшую часть воды, обычно не считаясь с установленной очередностью.

Скотоводство здесь имело первостепенное экономическое значение и было развито больше, чем у русских крестьян. На 100 десятин посева у русских крестьян приходилось 402,8 головы скота, а в Сагайской думе — 1286,9 головы. Разводили преимущественно крупный рогатый скот, особенно быков (для рынка) и овец. Скот пасся на пастбищах (частично и зимой) и содержался в стойлах, как у русских крестьян. Сено косили на естественных и орошаемых лугах. В притаежных и таежных улусах земледелие (иногда мотыжное) сочеталось с охотой на зверя. Из промыслов практиковалось разыскивание диких пчел для изъятия меда. Пчел находили при помощи пропитанного человеческой мочей солонца из моха, на запах которого они прилетали.

Развитие жилища шло по линии вытеснения архаических форм и перехода к началу XX в. к срубной избе и дому. Из старых типов в течение XIX и начала XX в. сохранялись: конический шалаш из жердей, покрытый корой, и берестяная юрта (*чарга иб*) с остовом из кольев, вбитых по кругу. Основу крыши юрты составляли 4 тонкие жерди, сведенные конусом и укрепленные в верхней части, и тонкие палки, одним концом вставленные в обруч дымового отверстия, другим прикрепленные к остову. Покрытие состояло из двойных полос вываренной бересты, прошитой конским волосом. Покрышка привязывалась обручами из ветвей березы и черемухи или арканами, веревками. Известен был также корьевой шалаш (*ат иб*), построенный по типу шорского *одага*, войлочная юрта с решетчатой основой, деревянная юрта (8—12-угольная), срубная, не отличавшаяся как по внешнему виду, так и по внутреннему убранству от качинской. Этот тип юрты был наиболее распространен. Одежда в начале XX в. не отличалась ни по покрою, ни по названию от качинской. Однако современные старики еще помнят, что ей предшествовала рубаха и штаны из выделанной шкуры козули. Рубаха (*кырна когнек*) была глухая, без ворота, с вырезом для надевания через голову, штаны на вздержке без прорехи. Зимой носили овчинные штаны мехом внутрь и овчинную шубу, которую надевали на голое тело, без рубахи. Женская рубаха была длинная, со стоячим воротником и без наплечников. Праздничную обувь из кожи и меха (*чик солганы одук*) украшали узором из бисера, пришиваемого ниткой из сухожилий. Чулок не носили, ноги обертывали сушеной травой.

В пище наряду с качинскими молочными и мясными продуктами (айран, хурут, пызлах. кан, урге и т. д.) употребляли по примеру русских крестьян хлеб своей выпечки, пироги, делали лашшу, пельмени, различные каши и др., заготовляли сарану, корни пиона, черемшу, сушили мясо добытых зверьков, варили *тутпач*. Сушеные сарану и пион мололи и пекли из этой муки лепешки. Специфически местными видами пищи были: мороженые колобки (*кыйма*) из мелко нарубленного топором мяса и лука, которые варили в воде или жарили; мерзлое конское подбрюшное сало, истолченное в деревянной ступе вместе с зернами поджаренного ячменя (*кызы*); ячменное толокно (*талкан*); ячменная брага (*абырткы*); молотые ягоды черемухи или боярышника, перемешанные с медом и замороженные: их резали ножом и ели как лакомство. Пища богачей отличалась обильным потреблением мяса, молочных продуктов, хлеба, мучных блюд и сластей (мед, сахар, варенье). Беднота употребляла дикорастущие и мясо зверьков.

Из средств передвижения здесь, кроме верховой и упряжной лошади, имели большое распространение лыжи, подбитые камусом, и ручные охотничьи нарты.

Браки заключались, как правило, через похищения, хотя часто и по предварительному сговору с невестой. Первой частью свадебного обряда был *сас-той* — привоз похищенной невесты в улус жениха и заплетание кос в свадебном жилище — *алычах*. Затем следовали *сургунчи* — прибытие погони и сватовство и *кимчы-чаразы* — мировая сделка, с битьем сватов плеткой в доме родителей невесты и назначение калыма, *ортын чарас* — средняя (вторая) мировая и третья мировая. Заключалась вся церемония *оол тойы* пиром у жениха и *кыс тойы* — пиром у невесты. В доме мужа молодая после свадьбы совершала поклонение огню (*чагу*), повторяя это при рождении первого ребенка. Через год-два молодой привозили приданое (*енчи*). Женщина занимала в семье подчиненное положение и считалась собственностью мужа и его родственников.

Устное народное творчество и изобразительное искусство у населения Сагайской думы обнаруживало близкое сходство с качинским и шорским. То же самое можно сказать и про их шаманские верования, хотя официально все считались христианами. Родовые моления почитаемой горе, культ изыха и различных тёсей, костюм и бубен шамана были весьма сходны с качинскими. Оригинальным был архаический обряд *урен курту тайх* с целью испросить благополучие на посев (от поедания червем), состоявший в коллективном выкуривании и расспивании вина на пашне после окончания весеннего сева и угощения духов — «хозяев тайги». Целая система запретов и поверий, включая обряд над убитым медведем, также отличала сагайские верования от качинских, обнаруживая тождество с аналогичными верованиями шорцев.

Бельтиры

Бельтиры — групповое название (означающее «устьинцы») для сеоков Сагайской думы, составлявших в ней большой административный род. До реформы 1822 г. бельтиры входили в состав Кузнецкого уезда. По преданиям, распространенным среди сагайцев, бельтиры — выходцы из среды тувинцев, с которыми они до сего времени считают себя в родстве, тувинцы в свою очередь особенно радушно принимают у себя бельтиров. Лексика бельтирского и тувинского языков содержит общие слова, не известные качинцам и сагайцам. Общность происхождения их с «саянцами», приписанными в начале XVII в. к г. Кузнецку, не вызывает сомнения. В середине XVIII в. бельтиры составляли особую волость (включающую территорию рр. Тёи, Еси, Таштыпа), подведомственную г. Кузнецку. Джунгарские хун-тайшы считали их своими данниками и еще в 40-х годах XVIII в.

жестоко притесняли их и грабили под видом сбора алмана. Бельтиры в XVII и XVIII вв. славились как отличные звероловы и кузнецы, умевшие плавить и обрабатывать железо. Они хорошо также выделывали кожи. В XVIII в. у них имелось большое количество скота, научились они заготовлять и сено и от мотыжного земледелия перешли к плужному, заимствовав его от русских крестьян. К концу XVIII в. среди них выделялись богатые скотоводы, которые вели хозяйство, используя труд обедневших и закабаленных сородичей. В первой половине XIX в. скотоводство и земледелие у бельтиров получают дальнейшее развитие на основе русской народной техники. В начале XX в. значительных размеров достигает земледелие, основанное на орошении. Домашний быт бельтиров соединял качинские и русские народные черты и почти ничего не сохранил к этому времени от старинного, примитивного быта звероловов. Еще в середине XIX в. у них бытовала большая семейная община. Отец и женатые сыновья вели общее хозяйство (пашню и скот), хотя жили в отдельных юртах. Питание было общим. Пищу для всех готовили женщины по очереди. Всеми доходами и расходами распоряжался отец или (после его смерти) старший брат. В конце XIX и начале XX в. большая семья у бельтиров распалась. Женившемуся сыну ставили сначала свадебный *алачых* севернее юрты отца, а затем на этом месте строили деревянную юрту, и хозяйство сына становилось самостоятельным.

Для религиозных верований бельтиров было характерно моление небу (*тегир тайых*), которое устраивалось ежегодно в начале лета на высокой горе и носило родовой характер. Моление протекало без участия шамана (под руководством какого-нибудь старика) и сопровождалось принесением в жертву ягнят. Шаманы у бельтиров занимались преимущественно «лечением» больных и гаданием.

Койбалы

Койбалы также не являлись племенем в этнографическом смысле, а представляли собой территориальную группу (тюркизированную качинцами по языку), объединенную общностью административного управления. Их наименование восходит к собственному имени князьца Койбала, который в 50-х годах XVII в. возглавлял одну из групп (возможно род) самодийскоязычных «каменных маторов», занимавшихся звероловством вверх по рр. Казыру, Амылу и Ое, а также в бассейне Кана. Русские сборщики ясака занесли в ясачные книги это население под названием Койбалов улус. В XVIII в. (после ухода киргизов в Джунгарию) в документах фигурирует уже Койбальская землица, а после реформы 1822 г. образуется Койбальская степная дума в составе семи улусов: Таражаков, Кольский, Абугачаев, Малобайкотовский, Большебайкотовский, Кандыков, Арши. Все эти улусы встречаются в перечне улусов бывших киргизских и тубинских киштымов в 1703 г. Они существовали под теми же названиями и в XVII в., когда население их еще не было тюркизировано и говорило на самодийском и кетском языках. Тогда из перечисленных родов Байкотовский, Кольский, Абугачиев, Арши, Таражаков (он назывался сначала Койбалов, затем Турочаковым и Таражаковым, а также «матор») входили в Тубинскую землицу, а Кандыков (назывался Кайдыков или Хайтоков)— в Яринскую. Население Байкотовского, Кольского и Кандыкова родов в XVII в. было кетоязычным, а остальных родов — самоедоязычным и происходило от маторов и родственных им родов. Тюркизация койбалов была завершена в основном после ухода киргизов, в первой половине XVIII в. При упразднении Койбальской думы в 1858 г. пять родов ее (Таражаков, Большебайкотовский, Абугачаев, Кольский, Арши) соединили в один Койбальский род и приписали к Сагайской думе, а роды Кандыков и Малобайкотовский (расселенные по рр. Тубе и Салбе) соединили в один

Салбино-Койбальский род, приписав к Качинской, или Абаканской, думе.

В XVIII в. койбалы делились на охотников, промышлявших зверя по Тубе, Салбе, Ое, Амылу, Казыру, Кандату и Шадату, и скотоводов, живших между Абаканом и Енисеем. Они занимались также в небольших размерах земледелием. Землю пахали русской сохой. Скот пасли на пастбищах и только для баранов на зиму заготовляли немного сена для подкормки.

К концу XVIII в. койбалы все были крещены, но придерживались шаманских верований и покойников хоронили по старинному обычаю, на деревьях. Весь их образ жизни, домашний быт был уже тогда оседлым и носил качинские черты. Только немногие из них восприняли, через связи с тувинцами, головные уборы монгольского типа. В течение XIX в. они, сохранив качинский язык, восприняли почти полностью русский крестьянский быт.

* * *

Из этого краткого обзора видно, что развитие форм культуры и быта хакасов до революции шло в сложном переплетении с качинскими, но при этом преобладало стремление к русским, как более высоким, формам культуры и быта. По содержанию культура хакасов была также неоднородной, ибо в ней отражалось классовое различие хакасов. Культура крупнейших скотоводов, богачей-баев, «родовых» и улусных князей, торговцев-ростовщиков, стремившихся возвеличивать старинный кочевой быт с его пережитками родовых отношений, выгодных для них, была культурой эксплуататорского класса. Она резко отличалась от демократических тенденций, выраженных в культуре широких трудящихся масс хакасов, стремившихся к социальной справедливости и мирной трудовой жизни, к совместной жизни с русским трудовым крестьянским населением, к развитию добрососедских экономических и культурных отношений, к заимствованию более развитых форм русского народного быта.

Общественный строй

Согласно царскому законодательству («Устав об инородцах» 1822 г.) верховным собственником земель, представлявших для хакасов основное средство существования, было государство, которое передавало земли в местах расселения хакасов в их владение и взимало с них различные налоги и повинности. Переданные во владение земли подлежали пользованию согласно «обычаю», т. е. в соответствии со сложившимися нормами землепользования. О фактических земельных отношениях у хакасов специальных исследований не было, и поэтому характеристика их может быть дана в самых общих чертах. Есть основания считать, что еще в течение XVII в., когда территория обширной Минусинской котловины была в полном распоряжении киргизских феодалов и главным занятием населения было кочевое скотоводство, здесь господствовала феодальная собственность на пастбища и кочевья в ее ранней, патриархально-феодальной форме.

Кочевое население принадлежало тому или иному феодалу, составляя его улус, но не в смысле населенного пункта или определенной территории, а в смысле принадлежности людей феодальному владетелю. Каждый феодал имел определенную территорию, в пределах которой он кочевал со своим улусом. Феодал был полным собственником и распорядителем кочевий и пастбищ, на которых жил и вел хозяйство принадлежавший ему улус — народ. Феодал был также распорядителем судьбы и имущества зависимого от него населения.

С уходом киргизских феодалов в Джунгарию и уводом туда большей части рядовых зависимых киргизов, территория Минусинской котловины с оставшимся на ней весьма немногочисленным населением, преимущественно бывшими киргизскими данниками — кыштымами, была включена в состав Русского государства, и освоение ее происходило заново как незаселенной территории. С этого времени освоение земель Минусинской котловины шло в порядке примитивного захвата. Земли никто не покупал и не продавал, не было никакого организованного отвода или распределения ее. Каждая родоплеменная или какая-либо другая группа населения выбирала под поселение и хозяйственное освоение свободные земли и владела ими до тех пор, пока не меняла своего местожительства. Таким образом, здесь не было сложившейся частной собственности на землю вплоть до начала XX в. Пользование землей было преимущественно общинным для целой родоплеменной или территориальной группы населения. Это не только не исключало, а напротив, предполагало длительное (с передачей по наследству) единоличное фактическое пользование лучшими пахотными землями или пастбищами и покосами богатыми скотоводами хакасами или зажиточными русскими крестьянами, причем происходило ущемление интересов рядового трудящегося населения, входящего в состав той или иной родоплеменной или административной территориальной группы. Когда (после 1822 г.) у хакасов были образованы степные думы, население которых было разделено по административным родам, не совпадающим с понятием рода, состоящего из кровных родственников, земли, занимаемые и находящиеся в пределах обитания родов, составляющих степную думу, стали считаться общими для каждой думы. Однако земли между думами официально размежеваны не были. Землепользование в степных думах юридически считалось общинным. Фактически же оно дробилось в каждой думе между мелкими улусами, но улусами теперь уже как населенными пунктами, а не в том значении, какое имел улус в XVII в. при киргизах.

Эти мелкие улусы превратились в XIX в. по существу в мелкие сельские общины со смешанным родовым составом жителей. Характерной особенностью их социально-экономического облика было сочетание частной собственности на скот, различные орудия труда и жилище с общинным землепользованием. Феодальной земельной собственности теперь не существовало. Однако это не мешало развиваться классовым отношениям и классовому расслоению среди хакасов, ибо в описанных условиях внутри степных дум и мелких улусов, входящих в их ведомство, происходила фактически концентрация лучших земель в руках байской хакасской верхушки под прикрытием общинного землепользования. Сосредоточение пастбищных угодий, покосов и пахотных земель, находящихся юридически в общинном пользовании, в руках байского класса служило ему экономической основой для развития скотоводства, для накопления богатств в виде больших стад скота.

Классовое расслоение у хакасов до революции зашло в своем развитии далеко. При господствующем значении скотоводства в экономике особенно ярко дифференцировалась собственность на скот. По данным обследования 1909—1910 гг., 5.8% хозяйств хакасов совершенно не имело крупного рогатого скота. Основное количество этого скота сосредоточивалось в руках байской верхушки, составлявшей всего лишь 3.2% всех хозяйств. Такая же картина наблюдалась и в обеспеченности лошадьми. Количество безлошадных составляло 6.2%, а имеющих 1—2 лошади — 25% всех хозяйств, табуны байской верхушки, составлявшей 2.2% хозяйств, исчислялись многими тысячами голов. Баи ревниво оберегали захваченные угодья от претензий на них степных дум и улусных

общин. Это особенно резко выявлялось тогда, когда (например, в Абаканском ведомстве) то или иное улусное общество пыталось наделить нового члена за счет огромных покосов богачей. Богачи, как свидетельствуют материалы статистико-эковомического обследования 1909—1910 гг., не подчинялись таким приговорам улусных общин и степных дум и не уступали из захваченных покосов ни одного клочка. Их влияние на местную или родовую администрацию было исключительно велико. Таким образом, эти крупные скотовладельцы распоряжались всем фондом пастбищных и покосных угодий, а также и пахотной земли, формально находящимся в ведении той или иной степной думы или родовой управы.

На почве резкого имущественного неравенства у хакасов была широко распространена эксплуатация. Наиболее часто применялась раздача скота на выпас и на прокорм за право доения, пользования шерстью и т. д. Во время статистико-экономического обследования в 1910 г. экспедиции удалось (далеко не полностью) зарегистрировать отдачу скота на прокорм по всем хакасским административным ведомствам.

Ведомства	Отдано на корм		
	лошадей	коров	овец и коз
Кызыльское	25	203	111
Абаканское	23	3308	736
Аскызское	1	891	273
Всего . .	49	4402	1120

Из приведенной таблицы следует, во-первых, что главным видом скота, раздаваемого бедноте баями, были коровы, во-вторых, что раздача скота бедноте была наиболее характерна для качинцев, типичных скотоводов, кочевников и полукочевников, входивших в состав Абаканского ведомства. Эта форма эксплуатации называлась у качинцев *сапис* (буквально «дой и пей»). Нужно признать, что и у так называемых сагайцев, входивших в состав Аскызского ведомства, раздача скота бедноте была тоже распространенным явлением. При этом как у сагайцев, так и у качинцев наделяли скотом бедноту исключительно свои баи, русские кулаки этого никогда не делали. Сущность отношений сапис у хакасов была такой же, как и полыш у алтайцев. У качинцев, например, бай давал корову в сапис, т. е. в доение, за прокорм ее в течение всего года вместе с теленком. За несохранение теленка взявший корову в доение отвечал отработкой, а не деньгами. Кроме того, что бедняк кормил полученную от бая в доение корову вместе с теленком в течение всего года, доя ее фактически только в летние месяцы, он еще был обязан «помогать» баю по сенокосу (обычно косить сено баю в течение одного-двух дней). Этими отношениями сапис качинские баи пользовались вплоть до Октябрьской революции.

У сагайцев в верхнем течении р. Тёи бедняк, взявший у бая корову в доение, должен был прокормить ее и теленка в течение года и отработать 2—3 дня баю по его вызову. Жена такого бедняка, если корова была взята у бая-одноулусника, обычно ходила летом ежедневно доить коров у бая. Баи-сагайцы давали коров беднякам в доение за то, что их жены были доярками у бая. Наряду с этим бай давал корову в сапис только за прокорм ее, без дополнительной работы; если эта корова переставала доиться у бедняка, то он все равно кормил ее. В верховьях Тёи практиковалась раздача баями лошадей под съезд за прокорм и отработку. В таких случаях берущий лошадь говорил: «Чалга алчам азрап мунерге», что означает «в наем беру кормить и ездить». Накануне

Октябрьской революции лошадей отдавали под съезд не только за прокорм, но, кроме того, и за деньги, вместо обычной отработки.

Своеобразие такого рода кабальных патриархально-феодальных отношений состояло в том, что эксплуатация хакасов была замаскирована под родственную взаимопомощь. Поэтому часто таких баев считали за благодетелей (*нымзак-бай*, т. е. «мягкий, добрый бай» у качинцев; *магат-бай* у сагайцев). Наряду с различными формами отработок баи широко применяли наем батраков за денежную (иногда натуральную) оплату.

Капиталистические отношения зародились у хакасов в середине XIX в. в связи с бурным, но кратковременным развитием золотодобывающей промышленности в Енисейской губернии, в том числе в Ачинском и Минусинском уездах. Хакасская беднота нанималась на прииски в качестве рабочих (старателей, шурфовщиков и т. п.), работала по транспортировке грузов зимой на лыжах и нартах, по прокладке дорог, на постройке приисковых помещений и т. д. В 90-х годах хакасы составляли 8.6% общего количества рабочих приисков. Условия работы были крайне тяжелыми: низкая оплата труда и 15-часовой рабочий день. Некоторая часть зажиточной верхушки хакасов, напротив, быстро превратилась в своеобразных предпринимателей, снабжавших прииски сеном, мясом и т. д. и транспортировавших груз. В начале XX в. часть хакасской бедноты подвергалась жестокой эксплуатации на предприятиях по угледобыче (Черногорские копи). Капиталистические отношения в сельское хозяйство хакасов проникают в конце XIX в. Этому способствует развитие экономических и культурных связей хакасов с русским крестьянством Енисейской губернии, переживавшим в 90-х годах период капиталистического расслоения, на что было указано В. И. Лениным.[1] Развитию капиталистических отношений способствовало также проведение в конце XIX в. Сибирской железнодорожной магистрали, повлекшее за собой развитие экономической жизни губернии и вызвавшее приток переселенцев из внутренних губерний России. Таким образом, общественный строй хакасов до революции характеризовался сложным переплетением докапиталистических, в том числе и патриархально-феодальных, и зародышей капиталистических отношений.

Основной формой политического, экономического и национального угнетения хакасов являлась колониальная политика царизма. Она выражалась в обложении хакасов различными налогами и повинностями, в земельных захватах, колониальной торговле, принудительной христианизации и руссификации. Рядовой хакас в конце XIX и начале XX в. платил налоги: 1) подушную подать, 2) ясачную подать, 3) межевой сбор, 4) губернский сбор, 5) сбор в частную повинность. Кроме казенных платежей, взыскивались деньги на содержание управы или думы, на содержание улусных, родовых старост, есаулов, писарей и т. д. Затем следовали тяжелые натуральные повинности (гоньба, дорожная повинность и т. д.). Расходы по содержанию степных дум, несению натуральных повинностей у хакасов были выше, чем у соседних русских крестьян. Кроме того, царский колониальный аппарат заставлял степные думы взыскивать деньги с хакасов, в порядке «благотворительности», на устройство церквей (в Красноярске, Петербурге и т. д.), на сооружение памятников, на «выкуп македонского жителя Ивана Сатырье» и т. д. Все многочисленные платежи взыскивались с хакасов в деньгах. Установленные суммы при сборах фактически превышались вследствие злоупотребления и бесконтрольной деятельности должностных лиц. Налоговая политика царизма ложилась тяжким бременем на трудящихся хакасов,

[1] В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 84, 85.

ибо баи платили столько же, сколько и рядовые хакасы, а должностные лица от платежей освобождались. Еще более тяжелой для трудящихся хакасов была земельная политика царизма — изъятие земель в переселенческий фонд, используемый как для обогащения казны, так и для ослабления кризиса земельных отношений во внутренних губерниях России (путем переселения наиболее разоренной и революционно настроенной части крестьянства). Вместе с этим царизм стремился отдать лучшие земли в Хакассии (правобережье Енисея) местной русской кулацкой верхушке и оттеснить хакасов в наиболее глухие и дикие места. С 1908 г. было проведено «землеустройство», в результате которого хакасы получили надел в 15 десятин на мужскую душу (платящую подати). Фактически эта норма составляла от 11 до 13 десятин и являлась ничтожной, ибо в местах обитания хакасов было много неудобных земель. Огромные лесные массивы также были изъяты от хакасов в царскую казну, хотя промышлять зверя в них было хакасам разрешено. Кулацкая крестьянская верхушка производила самовольные захваты земель, либо сосредоточивала наделы хакасов в своих руках путем закабаления владельцев земельных участков. После «землеустройства» степные думы или управы с их административными родами были упразднены и заменены территориальными волостями (Аскызская, Абаканская, Кызыльская) и сельскими обществами. В это время сельская община уже была господствующей формой, полностью вытеснив родовую общину.

Большим злом для трудящихся хакасов была торгово-ростовщическая эксплуатация. Скупка продукции сельского хозяйства хакасов находилась в руках мелких торговцев, как русских кулаков, так и собственных баев. Через них она поступала в капиталистические фирмы, в том числе и иностранные. Американские, немецкие, датские и голландские капиталисты проникли перед империалистической войной в Сибирь, в частности в Минусинский район. В г. Минусинске, в с. Абаканском и других пунктах были отделения торговавших машинами иностранных фирм: «Международная компания жатвенных машин в России», и «Столь и К°». В Красноярске и Минусинске функционировали отделения Сибирского торгового и Русско-азиатского банков, в которых крупную роль играл иностранный капитал. Иностранные и русские капиталисты, русские кулаки и хакасские баи наживались за счет трудящихся хакасов.

Экономическая эксплуатация дополнялась еще национальным угнетением хакасов со стороны царского правительства, выражавшимся в стеснении развития школьного дела, в гонении на хакасский язык, в создании таких условий, при которых немыслимо было возникновение и развитие образованности, национальной культуры. Вся система «просвещения» на территории Хакассии ограничивалась 13 церковно-приходскими школами, в которых обучалось и некоторое количество хакасских детей, преимущественно байской верхушки. Поэтому грамотные хакасы в прошлом насчитывались единицами. Удерживая хакасов в темноте и невежестве, царизм в то же время проводил политику ассимиляции хакасов. В этом отношении немалая роль принадлежала духовной миссии, которая для распространения христианства среди хакасов завела несколько миссионерских станов (с. Усть-Абаканское, улус Синявинский, села Аскыз, Усть-Есь и др.). Среди миссионеров были отдельные лица и из хакасов. В большинстве же миссионеры у хакасов, в отличие от алтайских, не знали местного языка. Обращение в христианство производилось в массовом порядке путем принуждения и угроз. В 1876 г. в с. Аскызе было окрещено одновременно (в р. Аскызе) около 3000 человек, которых начальство степной думы согнало сюда в ожидании приезда красноярского епископа. При этом все мужчины были названы Владимирами, а женщины

Мариями. Нередко одного и того же хакаса заставляли креститься дважды («при двух архиереях») и давали по два христианских имени. Священники из миссии беззастенчиво эксплуатировали хакасов, контролировали их мысли и поведение. Они подавляли национальное сознание и тем самым возбуждали у трудящихся хакасов враждебное к себе отношение. Чиновники, кулаки, торговцы и миссионеры сыграли печальную роль в истории хакасов. Будучи представителями колониальной системы русского царизма, они тормозили культурное развитие хакасов. Напротив, русский народ в лице трудового крестьянства, рабочих и политических ссыльных сыграл важную прогрессивную роль в развитии и повышении уровня культуры хакасов. Развившиеся естественно, на основе взаимной заинтересованности, хозяйственные и культурные связи между трудовым русским и хакасским населением разрушили замкнутость и изолированность экономики и быта хакасов. Этот контакт позволил хакасам развить у себя сельское хозяйство на новой и более высокой технической базе, перейти к более высоким и удобным для жизни формам домашнего быта, оставить старые обычаи, расширить свой умственный кругозор. Хакасы, общаясь с русскими, усваивали русский язык, а многие русские крестьяне научились говорить по-хакасски. Политические ссыльные вели большую политико-просветительную работу, начиная со времени декабристов, часть которых была сослана в Минусинский округ (братья Беляевы и Крюковы, Фролов и др.).

В 1897 г. в с. Шушенское Минусинского округа был сослан великий Ленин, проживший здесь около трех лет. В мае 1898 г. сюда приехала Н. К. Крупская. В Минусинском округе находились в ссылке и другие социал-демократы: Г. М. Кржижановский, позднее Ф. Кон, Ватин, Стасова и др. Их работа не могла не отразиться самым положительным образом на расширении кругозора русского и хакасского трудового населения, на развитии революционного сознания.

В описанных выше социально-экономических условиях вполне естественно, что первая русская революция 1905 г. оказала большое влияние на политическую обстановку в хакасской среде. Как ни мало изучен этот вопрос в отношении хакасов, как ни ничтожно пока количество выявленных документальных материалов по этому вопросу, все же имеется основание констатировать, что различные слои хакасов по-разному восприняли революционные события. Трудящиеся хакасы реагировали на них посильным участием в борьбе против царизма. Они, вслед за русскими крестьянами, отказывались платить подати, рубили лес, составлявший собственность царской казны. Передовая, хотя и немногочисленная, прослойка хакасов шла за русскими революционными рабочими и крестьянами. Известно, что в г. Красноярске революционные события вылились в форму вооруженного восстания. Ведущим ядром этого движения были рабочие железнодорожных мастерских, к которым присоединились солдаты красноярского гарнизона. Руководство движением осуществлял большевистский комитет социал-демократической партии. В Красноярске был образован Совет рабочих и солдатских депутатов, который стал органом революционной власти. В его руках находились железная дорога, почта и телеграф. Была объявлена свобода печати, реквизирована типография. Жандармы и полиция были разоружены.

Царским властям удалось подавить Красноярскую республику. Но революционные события, развернувшиеся в Красноярске, оказали влияние и, в частности, на жизнь Минусинского уезда, на территории которого проживало большинство хакасов. В одном из секретных донесений (от 17 января 1906 г.) енисейский губернатор докладывал, что в Минусинске и его уезде, где было много политических ссыльных, с конца декабря 1905 г.

особенно усилились беспорядки, выражавшиеся в постоянных митингах с революционно зажигательными речами, в демонстративных процессиях с пением революционных песен, в отказе от уплаты денежных, натуральных повинностей и в неповиновении властям.

Хакасское байство также не осталось безучастным к этим событиям. В с. Аскызе 1 и 2 ноября 1905 г. хакасское байство собралось на «инородческий сход», где был разработан проект нового управления «инородцами», в основу которого была положена программа, составленная 22 августа 1905 г. съездом бурят Иркутской губернии. «Проект нового степного земского положения», разработанный хакасскими баями, представляет яркий документ, отражающий классовые интересы хакасских баев. Последние постарались в этом проекте устранить всякий контроль над управлением хакасами со стороны царских властей, но одновременно не допустить участия в этом управлении трудящихся хакасов. Все вопросы, затронутые в данном проекте, были сформулированы в интересах байского класса. Придуманная ими система управления означала практически закабаление трудящихся хакасов байской верхушкой. Хакасское байство пыталось использовать ослабление царизма в связи с революцией 1905 г. в своих корыстных целях и подправить на свой лад реформу 1822 г. Оно добивалось передачи полностью власти «Национальным земским организациям», построенным по «родовому» принципу. Это означало, что богатые хакасы-родовичи сделались бы полными хозяевами в хакасских улусах. Царские власти, подавив революционные выступления, не приняли, конечно, и байскую реформу. Вскоре после проведения «землеустройства» царские чиновники провели административную реформу, заменив старое степное управление обычным волостным, основанным на территориальном принципе. Это положение с административным управлением хакасов просуществовало до Февральской революции.

ХАКАСЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила хакасов от гнета двойной эксплуатации и создала условия для их свободного национального развития. В апреле 1918 г. Минусинский совет утверждает «Положение о степных советах», основной задачей которых признается «защита трудового и эксплуатируемого населения» хакасов.

Колчаковщина прервала деятельность органов советской власти у хакасов до сентября 1919 г., когда, после изгнания Колчака, Советы были восстановлены. В августе 1922 г. Минусинский уездный комитет РКП(б) созывает конференцию крестьян хакасов, на которой было признано необходимым выделение хакасов в национальный уезд с центром в г. Усть-Абаканске. Официально Хакасский уезд был образован в конце 1923 г. В 1925 г. уезд преобразуется в Хакасский округ, с переименованием его центра Усть-Абаканска в г. Хакасск. В 1930 г. (20 октября) Президиум ВЦИК'а постановил образовать Хакасскую автономную область с тем же центром, но переименованным в г. Абакан.

В настоящее время население Хакассии представлено двумя классами — рабочих и крестьян. Создалась также и значительная прослойка интеллигенции. Наиболее многочисленной группой является колхозное крестьянство. Далее идут рабочие, занятые в различных отраслях промышленности. Все сельскохозяйственное население Хакассии (за исключением работников совхозов) уже с начала 30-х годов объединилось в колхозы на основе устава о сельскохозяйственной артели.

Большинство хакасского сельского населения сосредоточено преимущественно в Аскызском и Таштыпском и частично в Усть-Абаканском районах. Кроме того, хакасские колхозы имеются в Алтайском, Бейском и Саралинском районах, где они вкраплены в массу русского колхозного крестьянства.

Основой сельского хозяйства хакасов является социалистическое земледелие и животноводство. Животноводство у хакасов в большинстве колхозов по доходности несколько преобладает над земледелием.

Животноводство

Хакасы разводят овец, коз, крупный рогатый скот и лошадей. Первое место по поголовью занимают овцы и козы, исчисляющиеся сотнями тысяч, второе — крупный рогатый скот, затем лошади и, наконец, свиньи. Ведется большая работа по улучшению качества всех видов скота и увеличению его продуктивности.

Особое внимание колхозников направлено на увеличение поголовья тонкорунных овец, на улучшение местной породы крупного рогатого скота с целью повышения его удойности и живого веса, на выведение новых пород (на основе местных) и на создание высоких качеств лошадей.

Работа по племенному улучшению стада, особенно сейчас, поставлена в центр внимания партийных и общественных организаций Хакасской автономной области. Породистый скот занимает уже видное место в общем поголовье колхозного стада. Надо сказать, что в отношении овцеводства колхозники хакасы добились особенно успешных результатов. При мясо-шерстном направлении овцеводства, они благодаря внедрению передовых научных методов сумели вывести, например, такую породу баранов, которая соединяет высокую продуктивность как по мясу, так и по шерсти.

Хакасские колхозники умело используют богатый народный опыт разведения скота, накопленный многими поколениями. Это относится особенно к способам пастьбы скота на летних и, там, где позволяют природные условия, на зимних отгонных пастбищах. Пастбищное содержание большого количества скота требует от пастуха большого опыта и умения. При летней пастьбе в сухих степях хакасский пастух не должен удаляться со стадом от водопоя более чем на пять километров. Осенью, с выпадением первого снега, пастухи передвигаются по пастбищам со стадами до тех пор, пока снег не начинает твердеть. С уплотнением снега скот перегоняют в лесистую местность или горы, где меньше ветра и снег мягче. Большое искусство должен проявить пастух при перегоне скота на зимние пастбища иногда за десятки километров. Здесь требуется правильно выбрать маршрут, учитывая наличие корма по пути. Поэтому очень часто пастухи гонят скот не кратчайшим, а, напротив, более длинным путем, строго следя за тем, чтобы перегон не превышал 7—9 км в сутки, и тщательно выбирая места ночевок, обеспечивающие прежде всего укрытие от ветра. Пастухи хакасы прекрасно знают поведение всех видов скота в различную погоду. Они знают, например, что зимой во время вьюги лошади стремительно бегут по ветру, а летом, наоборот, лошади любят бежать против ветра, так как этим они спасаются от назойливых насекомых. Они учитывают такие факторы, как рельеф местности (направление горных склонов, ложбин), погоду, направление ветров, наличие водопоев, травы и т. д. Знание местных кормовых трав и водопоев, умение быстро найти естественное укрытие скоту от непогоды, собрать скот, напуганный бураном, грозой или волками, умение комплектовать табуны лошадей, отары овец, стада крупного рогатого скота и управлять ими при выпасе, перегонах и т. д., а также многое другое составляет ценное качество хакасов как животноводов, воспитанное

в них многовековым народным опытом. Соединение этого опыта с научными знаниями, внедряемыми в среду животноводов хакасов через специалистов зоотехников, работающих в колхозах, совхозах и районных центрах, и через сеть животноводческих курсов, обеспечивает развитие общественного животноводства Хакассии на основе передовых научных методов его ведения.

Содержание различных видов скота в хакасских колхозах комбинировано: стойловое содержание и пастбищная система применяются в зависимости от сезона, видов скота, величины стада и т. д. Стойловое содержание преобладает в зимнее время, как правило, для крупного рогатого скота, хотя распространяется и на мелкий рогатый скот и лошадей, особенно для молодняка. Пастбищная система господствует в период с весны до осени. Вместе с этим широко практикуется (там, где это возможно) выпас на зимних пастбищах главным образом лошадей и овец, что выгодно для крупного хакасского колхозного животноводства не только экономически, но и с точки зрения воспитания здоровых физических качеств скота. Хакасы в зимнее время теперь широко применяют кормление скота не только грубыми и сочными кормами, в том числе силосом, но и концентрированными. Последнее обстоятельство весьма сказывается на состоянии и продуктивности скота. Как и везде, животноводство находится в руках специально выделенных для этого колхозников, которые выполняют работу пастухов, доярок, телятниц, свинарок, конюхов и т. д.

Многие колхозники удостоены высоких правительственных наград и звания Героя Социалистического Труда.

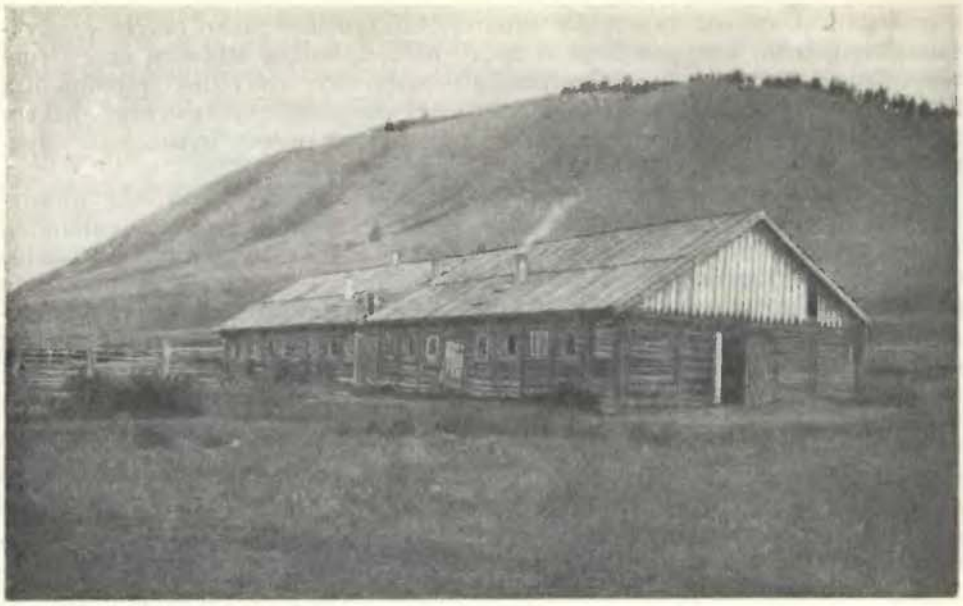
Заготовка корма для скота составляет важнейшую часть животноводства. Основным видом заготовляемого корма является сено с поливных и естественных лугов. Однако одно сено не может удовлетворить потребность быстро развивающегося животноводства как в отношении количества, так и в отношении качества. Вследствие этого колхозники хакасы заготовляют силос и производят посев кормовых трав и корнеплодов. В ряде хакасских колхозов Усть-Абаканского и Аскызского районов построены силосные башни и облицованные силосные ямы. Краевая Красноярская опытная станция животноводства выводит для силоса особые сорта подсолнечника и кукурузы, дающие высокие урожаи зеленой массы. Большое значение для хакасского животноводства имеет также разведение кормовой капусты и корнеплодов.

Заготовка сена хакасами производится, как правило, сенокосноуборочными машинами нового типа.

Большое внимание уделяется способам и приемам доения. Старый способ доения с подпуском теленка можно встретить только в виде пережитка. Наблюдается переход к доению коров при помощи электричества. Электрификация этого трудоемкого процесса, как и других (например, водоснабжения, стрижки овец), повышает производительность труда хакасов колхозников, занятых в животноводстве. Важным достижением нужно признать и хорошо организованную ветеринарную помощь. Эпизоотии, уносившие в некоторые дореволюционные годы сотни тысяч голов скота, в настоящее время в Хакассии исчезли, исчезли вместе с ними многие вредные обычаи и суеверия, наносившие ущерб старому скотоводству.

Земледелие

Второй основной отраслью сельского хозяйства у хакасов является земледелие. Хакассия засевает ежегодно уже не один миллион гектаров. При этом посевная площадь ее продолжает увеличиваться, особенно за счет орошаемого земледелия. Только за 1954—55 гг. в Хакассии освоено свыше миллиона



Молочно-товарная ферма. Колхоз им. К. Е. Ворошилова

гектаров целинных и залежных земель. Освоению целинных земель и распространению земледелия здесь содействует применение искусственного орошения. Как известно, Хакассия внесла значительный вклад в развитие методов и техники орошаемого земледелия в нашей стране. О темпе роста посевной площади можно судить на примере хотя бы колхозов Хакассии. Если принять посевную площадь колхозов в 1946 г. за 100%, то в 1950 г. эта площадь составила уже 177.3%. Выше говорилось, что еще до революции земледелие у хакасов сделало значительные успехи в результате культурных связей с русским народом. По-настоящему земледелие развивают у себя хакасы только теперь, на базе общественной собственности, коллективного труда и планового хозяйства. Социалистическая организация труда позволяет вести крупное земледелие, широко и полно механизированное, применять агротехнику, отражающую наивысшие достижения передовой советской науки.

Вся посевная площадь Хакассии обрабатывается механизированным способом. Крупное механизированное земледелие опирается на мощную технику государственных машинно-тракторных станций. Последние играют в Хакассии не только революционизирующую роль в развитии сельскохозяйственного производства, но и в области культуры и быта местного населения. Строящиеся теперь машинно-тракторные станции становятся важными очагами социалистической культуры Хакассии. Такова, например, Есинская МТС Аскызского района, недавно возникшая в степи, по которой протекает р. Есь (левый приток Абакана), буквально на голом месте. В XVII в. здесь кочевали «верхние киргизы», а в середине XIX в. находилось всего несколько юрт сагайцев-кочевников. Уже за первые два года в степи появилась усадьба МТС и при ней рабочий поселок. Производственные постройки МТС (ремонтные мастерские, гаражи для автомашин, тракторов и комбайнов, электростанция, водонапорная башня и др.) выстроены из кирпича и покрыты обычно шифером. Мастерские оборудованы новейшими станками, работающими на электроэнергии. Поселок

Уборка ячменя комбайном. Колхоз им. К. Е. Ворошилова

с четкой планировкой улиц состоит из домов городского типа, принадлежащих как МТС, так и рабочим и служащим, выстроившим их на собственные средства в порядке индивидуальной застройки. Дома МТС двух- и четырехквартирные, а индивидуальных застройщиков — одноквартирные, с приусадебными участками. В поселке имеются двухэтажное общежитие, столовая, баня, почта, радиоузел и др.

Земледелие настолько прочно вошло в быт колхозного хакасского крестьянства, что многие национальные колхозы, несмотря на небольшой численный состав объединившихся хозяйств, засевают зерновыми культурами тысячи гектаров. Это стало возможно для них только с организацией местных МТС. Об освоении хакасами колхозниками крупного социалистического земледелия свидетельствует и такой факт. Когда в нашей стране после окончания Великой Отечественной войны были введены почетные звания Героев Социалистического Труда за выдающиеся достижения в развитии сельского хозяйства, то среди удостоенных этого звания колхозников-земледельцев вскоре же оказались и хакасы. В колхозе им. Сталина Аскызского района, например, звание Героя Социалистического Труда в 1948 г. за получение высокого урожая пшеницы получило сразу 6 человек, из которых четверо были хакасами (среди них одна молодая женщина). Об успешном развитии сельского хозяйства у хакасов говорит и то обстоятельство, что ежегодно те или иные хакасские колхозы участвуют во Всесоюзной Сельскохозяйственной выставке в Москве. В этом нельзя не видеть свидетельства того, что современные хакасы становятся не только передовыми животноводами, но и передовыми земледельцами, что хакасы-колхозники в этом отношении не отстают от передовых представителей других наших советских народов.

Хакасы быстро овладевают техникой современной механизации сельского хозяйства. Среди них имеются трактористы, комбайнеры, механики, водители машин и др. Широко применяется передовая советская агротехника.

Промышленность

В народном хозяйстве Хакассии большую роль играет промышленность, в которой занято большое

Герой Социалистического Труда Е. П. Боргоякова. Колхоз им. И. В. Сталина

количество как русских, так и хакасских рабочих. Удельный вес промышленности в народном хозяйстве здесь весьма значителен. Государственные и кооперативные промышленные предприятия союзного, республиканского, краевого и местного подчинения Хакассии дают большую и разнообразную продукцию для общегосударственных и местных нужд. Добыча угля и различных металлов, в том числе и золота, лесная и обрабатывающая промышленность в Хакассии имеют важное общегосударственное значение. Хакасское масло и сыр идут также на общесоюзный рынок. Кроме этого, пищевая промышленность Хакассии выпускает хлебобулочные и кондитерские, колбасные, винно-водочные и другие изделия. Нужно отметить и продукцию швейной, обувной и мебельной промышленности. Производство строительных материалов (пиленый лес, кирпич, алебастр и т. д.) и различных изделий для нужд колхозного хозяйства играет важную роль в хозяйственной жизни Хакассии. Общее количество рабочих хакасов, занятых во всех отраслях промышленности, исчисляется многими сотнями. Это свидетельствует о том, что в социальном составе хакасов произошли прогрессивные изменения, отражающие общую закономерность в общественном развитии народов СССР. Новые общественные классы, как и вышедшая из их среды хакасская национальная интеллигенция, ничего общего не имеют со старым социальным делением хакасов, где подавляющую массу составляло угнетенное в экономическом, политическом, культурном и национальном отношении крестьянство, а рабочие были малочисленны и также подвергались жестокой экономической эксплуатации, дополняемой политическим и национальным гнетом. Современные рабочие хакасы не только полностью освобождены от эксплуатации, но они в подавляющем большинстве знают о существовании эксплуатации и капиталистов только по литературе, по данным прессы. Они выросли в условиях социалистического строя, уничтожившего эксплуатацию. Современные рабочие хакасы, в отличие от старых хакасских рабочих, использовавшихся преимущественно в золотодобывающей и угольной промышленности только на самой тяжелой и черной работе, изучают и успешно овладевают сложными профессиями советского промышленного труда. Развитие многих профессий достигло такого уровня, когда постепенно стирается противоречие между физическим и умственным трудом. Хакасские рабочие играют видную роль в угольной

промышленности Хакассии, награждаются высокими правительственными наградами и почетными званиями шахтеров. Рабочие хакасы живут в г. Абакане и рабочих поселках Хакассии. Их домашний быт мало чем отличается от быта советских горожан других национальностей. Многим из них большие заработки позволяют хорошо обставить квартиру, хорошо одеваться, выписывать газеты, журналы, иметь собственные библиотеки, посещать театры, концерты, кино, лектории, дома культуры. Постепенно повышая свой политический и культурный уровень, рабочие хакасы представляют собой наиболее активных и сознательных строителей коммунистического общества, инициаторов и носителей передовых общественных и производственно-технических идей.

Экономические центры, транспорт и связь

На основе развития главнейших отраслей народного хозяйства у хакасов возникли местные экономические центры. К последним нужно отнести прежде всего города Абакан и Черногорск, ряд рабочих поселков и районные административные центры области. Наиболее крупным экономическим и культурным национальным центром является г. Абакан, который был преобразован из с. Усть-Абаканского после образования Хакасской автономной области. Тогда же у железнодорожной станции Абакан [1] началось строительство нового города. С тех пор усилиями трудящихся Хакассии (хакасов и русских) при большой практической помощи нашего правительства г. Абакан превратился в социалистический город, административный и экономический центр области. С Сибирской железнодорожной магистралью Абакан связан железнодорожной веткой и пароходным сообщением по р. Енисею, с районами области — автомобильным и воздушным сообщением. С г. Черногорском, центром угольной промышленности, и пос. Лесозаводском (Усть-Абакан) его также связывает железная дорога. Электростанция, железнодорожное депо, элеваторы, мясокомбинат и ряд заводов и фабрик, около сотни продовольственных и промтоварных магазинов говорят о значении этого важного экономического центра в настоящем. Колоссальные естественные богатства Хакассии, значительное количество которых находится вблизи самого Абакана, обеспечивают ему еще большее будущее, в котором не малую роль призвана сыграть железная дорога, связывающая Абакан с центром Кузбасса — г. Сталинском. Южные районы Хакассии соединились с Абаканом, помимо автомобильного сообщения, железной дорогой.

Развитие экономики Хакассии вызвало производственную жизнь даже в глухой таежной части Хакассии, где возникли рабочие поселки полугородского типа (Коммунар, Балахчино, Орджоникидзевский и др.), которые в недалеком будущем превратятся в города.

В росте и расширении экономических связей различных районов обширной по территории Хакассии крупную роль играют пути сообщения, различные виды транспорта и связи. Наибольшим достижением в этом отношении является проведение железной дороги, прошедшей через всю Хакассию с севера на юг. В летнее время в Хакассии открывается пароходное сообщение. Пароходы перевозят грузы и пассажиров по Енисею от г. Минусинска (через г. Абакан) до г. Красноярска. Эта крупная судоходная магистраль имеет весьма важное народнохозяйственное значение для области, так как Енисей протекает через 4 района (из 8) Хакассии. Речной транспорт Хакассии представлен современными совершенными типами пароходов, катеров, самоходных барж и т. д. Кроме железнодорож-

[1] Конечный пункт железнодорожной линии Ачинск—Абакан, открытой для движения в 1925 г.

ного и водного путей сообщения, налажено регулярное воздушное сообщение из Абаканского аэропорта с различными районами области, Тувинской автономной областью (через Саянский хребет) и г. Красноярском, находящемся на большой воздушной магистрали между Москвой и Владивостоком. Воздушный транспорт перевозит не только пассажиров и почту, но и различные грузы. Широко развитый и очень популярный у хакасов автомобильный транспорт связывает Хакасскую автономную область с Тувинской (через Усинский тракт) и районы Хакассии между собой. Для перевозки пассажиров курсируют специальные автобусы. Развитие современных видов механизированного транспорта резко сократило гужевой транспорт и почти свело на нет значение верхового. Лошадь как средство передвижения сохраняет значение только во внутрихозяйственной жизни колхозов. Прочно вошли в быт хакасов радио, телеграф, телефон (с междугородними переговорами), авиапочта. Не известные хакасам прежде, они теперь составляют необходимый элемент их социалистической культуры.

Жилище, одежда и пища

Новые социально-экономические условия оказали сильное влияние на домашний быт хакасов и на их семейные отношения. Наиболее распространенным жилищем хакасов теперь является дом в несколько комнат, с кухней, кладовой, закрытыми сенями и крыльцом, поставленный на фундаменте, покрытый тесовой крышей, возведенной на стропилах. В доме много больших окон, деревянный пол и русская печь, стены внутри его обмазаны глиной и побелены. Этот дом вытесняет распространившийся до революции и в первые годы после революции однокамерный дом с земляной крышей, с глинобитной русской печью, но без трубы, или с маленькой железной переносной печкой. Пол в таком доме также деревянный, но уложен прямо на землю, стены выбелены. Нередко дом имеет бревенчатые сени с земляным полом и очагом в одном из углов для приготовления пищи летом. В южных районах Хакассии еще и теперь можно встретить старые юрты, как архаического типа (корьевой шалаш, одаг или *ат-иб* в таежных улусах), так и более позднего, в виде срубной 6—8-гранной юрты с корьевой крышей. В шалашах живут охотничьи бригады во время промысла в тайге или сторожа на бахчах в летнее время. Юрты служат обычно хозяйственным помещением, где хранится различная утварь, ненужная в доме, продукты, а в летнее время обитатели дома готовят в ней пищу и даже спят.

Внутреннее убранство и обстановка дома современного хакаса состоит главным образом из покупной мебели и посуды и близка к быту горожанина. Столы, стулья, железные кровати, различные шкафы, комоды, зеркала, книжные полки, цветы и шторы на окнах, скатерти на столах, картины и фотографии на стенах, разнообразная современная посуда и прочее вошли в быт хакаса-колхозника. Более простой и скудной является обстановка отживающей однокамерной избы, в силу ограниченности размеров жилого помещения.

То же стремление к городской культуре ясно сказывается и на одежде хакасов. Это касается не только городских жителей, но и хакасов, живущих в сельских местностях. Широкое развитие советской торговли с ее большим ассортиментом готового платья, уровень цен и материальное положение колхозников, удобство связи хакасских улусов с городом способствуют внедрению в быт хакасов городской одежды. Это относится прежде всего к белью (для обоих полов) и верхнему легкому платью, особенно мужчин. Верхний легкий костюм, как военного, так и гражданского покроя, совершенно вытеснил старый мужской хакасский костюм. Женский национальный костюм еще со-

хранится, и не только у жительниц колхозных улусов и железнодорожных станций, но и у отдельных горожан, в виде легкого платья в его старом широком и свободном покрое, с наплечниками, отложным воротником и обшлагами из яркой материи, отличающейся по цвету от платья, хотя хакасская женская молодежь носит костюмы городского покроя и готовое платье. То же самое относится и к зимней верхней одежде, из которой еще бытуют хакасские овчинные шубы, но уже более узкие и короткополые. Старинные тяжелые шубы с обильными украшениями стали достоянием сундуков, семейной реликвией. Не отвечающие новому образу жизни, они должны были исчезнуть, так же как и породивший их кочевой быт с необходимым в его условиях постоянным пребыванием на лошади и обитанием в холодной юрте в зимнее время. Из комплекса старой хакасской одежды в новый быт переходят лишь отдельные элементы ее (например красочная вышивка шелковыми нитками).

В характере пищи, в ассортименте и способе приготовления отдельных блюд наблюдается улучшение и большее разнообразие. Молочная пища перестала быть сезонной, так как коровы у хакасов теперь доятся в течение круглого года, в связи со стойловым содержанием. Печеный хлеб, крупы, овощи (особенно картофель) вошли в повседневный пищевой рацион, как и различные жиры и сахар. Мясная пища у колхозников, питающихся дома, более характерна для зимнего времени. Кроме продуктов, получаемых колхозниками-хакасами в порядке распределения колхозных доходов (хлеб, масло, мясо, мед и т. д.), продуктов их личного хозяйства (молоко, овощи, яйца, домашняя птица, мясо), они покупают продовольственные товары в магазинах (крупы, макароны, сахар, конфеты, консервы, колбасные изделия и т. д.). Следовательно, способы приготовления пищи и ассортимент пищевых продуктов у современных колхозников хакасов весьма расширились и в этом отношении приближаются к городским. Этому сходству в способах приготовления пищи и ассортименте блюд способствует распространение русской печи и разнообразной кухонной посуды. Домашнее питание горожан (хакасов и русских) и колхозников почти не отличается. Из старых хакасских блюд, порожденных в подавляющем большинстве убогостью и спецификой кочевого быта, почти ничего не осталось. Только в отдельных местах можно встретить кислое молоко «айран», приготовленное по старинному способу. Когда колют овцу или корову, то и теперь варят кровяную колбасу (кан), а мясной суп некоторые заправляют ячменным зерном, как это было принято до революции. Все большее и большее значение в быту хакасов-колхозников начинает приобретать общественное питание в общественных столовых и чайных.

Таким образом, быт современных хакасов перестраивается по образцу городского советского быта.

Современный социалистический домашний быт, сменивший тяжелый быт прошлого, весьма способствует быстрому культурному развитию хакасов, особенно хакасской женщины, на плечи которой в основном ложилась вся тяжесть дореволюционного домашнего быта. Хакасская женщина при советском строе получила фактическое равноправие во всех областях общественной, производственной, культурной жизни, так же как и в семье. Коренным образом изменились семейные отношения у хакасов. Браки заключаются на основе добровольности, вытесняя браки по старому обычаю. Элементы принуждения или материального расчета, характерные для браков в прошлом, исчезли в силу изменившихся социально-экономических условий. Ушел в прошлое и старинный свадебный обряд, не только отражавший, но и закреплявший своим содержанием подчиненное и зависимое положение женщины в семье мужа. Труд

женщины занял прочное и очень важное место в колхозах, в промышленности и в различных областях интеллигентного труда. В трудные годы Великой Отечественной войны женщина в Хакассии была решающей силой, обеспечившей необходимый уровень производства. Это не означает, что у хакасов уменьшилось значение женщины в семье. Социалистическое переустройство быта хакасов создало условия, облегчившие женщине ее домашний труд и высвободило у нее время и энергию, которые она раньше отдавала только семейным делам. Колхозные и совхозные детские сады и ясли освобождают хакасскую женщину от заботы о детях на время работы. Они обеспечивают детям лучшие уход, питание, развлечение и воспитание, чем обычные домашние условия. В Хакассии введено всеобщее обязательное обучение. Большую помощь родителям в воспитании детей оказывают комсомольская и пионерская организации. Таким образом, советские общественные учреждения помогают хакасской женщине растить и воспитывать детей и дают возможность матери заниматься общественно полезным трудом.

Многие из женщин избраны в качестве депутатов в Красноярский краевой и Хакасский областной советы депутатов трудящихся. Сотни хакасских девушек получают образование в Абаканском учительском и педагогическом институтах. Среди многочисленных кадров хакасов-учителей женщины составляют внушительную силу. Хакаски учатся в различных высших учебных заведениях нашей страны. Их можно встретить в числе студентов Красноярского медицинского института, Красноярского лесотехнического института, Ташкентского текстильного института, Московского университета и педагогического института, Томского университета и других учебных заведений. Из среды хакасских женщин появились врачи, агрономы, ветеринары, зоотехники, юристы, артистки и т. д. Хакаска А. И. Инкижекова защитила диссертацию на ученую степень кандидата филологических наук в Институте языкознания Академии Наук СССР. Женщину хакаску можно встретить и в должности заведующего кафедрой или сектором Педагогического и научно-исследовательского местных институтов. Эти примеры достаточно убедительно говорят о том, как быстро достигла высокого культурного уровня современная хакасская женщина, раскрепощенная советским государственным строем.

Теперь становится уже трудным представить себе, что эта женщина еще недавно была бесправной, невежественной, с узким кругом интересов и забот, замкнутым в рамки домашнего быта.

Национальная письменность и литература

Социалистическая культура хакасов в национальной форме в наибольшей степени проявляется в области языка и литературы, национальной школы, прессы, театра, научных и культурно-просветительных учреждений. Письменность у хакасов появилась в 1924—1925 гг., когда впервые был создан хакасский алфавит на русской графической основе и были написаны первые учебники на хакасском языке.

Преподавание в школах на хакасском языке началось с сентября 1926 г. В первый же год обучения хакасов на родном языке работало свыше 100 школ (первой ступени), в которых обучалось более 6000 хакасских детей. В первое же пятилетие существования хакасской письменности, кроме большой учебной литературы, было издано значительное количество переводной (политической, художественной, сельскохозяйственной и др.) литературы. Развитие хакасской письменности явно затормозилось в период с 1929 по 1938 гг., в связи с переводом ее на латинизированный алфавит, и только в 1939 г., по просьбе трудящихся

хакасов, хакасская письменность снова была переведена на графическую основу русского алфавита. С этого времени развитие хакасской письменности пошло быстрее. Областное национальное издательство выпустило в свет несколько сотен названий учебной, художественной, политической, сельскохозяйственной и прочей литературы, общий тираж которой исчисляется сотнями тысяч экземпляров. Появилась и оригинальная хакасская письменная литература в виде произведений хакасских писателей и поэтов на родном языке. Молодая хакасская советская литература уже завоевала признание в нашей стране. Союз советских писателей открыл хакасское отделение в г. Абакане. Это обстоятельство говорит о благоприятной перспективе развития советской национальной литературы хакасов. Зачинателями ее явилась группа писателей: М. Коков, Н. Доможаков, М. Аршанов, выступившие в печати еще до Великой Отечественной войны. В годы войны большая часть писателей Хакассии сражалась на фронте. Поэт Ульгуганев погиб в боях за родину. Умер поэт Аршанов.

Произведения хакасских писателей печатаются на родном языке в альманахах и в областной газете «Хызыл аал», а в русских переводах — в областной газете «Советская Хакассия», краевой «Красноярский рабочий», в краевом альманахе «Енисей», в известном сибирском журнале «Сибирские огни», журналах «Огонек», «Советский воин» и др. В произведениях хакасских писателей на местном материале раскрываются общие темы нашей советской действительности.

Поэт и ученый-филолог Н. Доможаков своими произведениями отзывается на все наиболее важные вопросы современной жизни хакасов. Напряженный творческий труд хакасов находит свое выражение в его стихах:

Как много героев в крае.
Вот едет верхом, гляди,
Хакас — и горит, не сгорая,
Звезда на его груди.
У бая он, угнетенный,
Коней, голодая, пас.
Теперь — во главе района,
А район — знаменит у нас.

(«Уйбатская степь»).

В другом стихотворении воспевается труд девушки:

По равнинам комбайн плывет
И руками, мой друг, твоими
Золотое богатство жнет,
Сделав знатным простое имя.

(«Девушка-комбайнер»).

Молодой поэт И. Котюшев разрабатывает тему о советском человеке, коммунисте, победителе природы, который дикую и суровую природу ставит на службу человеческому счастью.

Писатель М. Коков выступает как прозаик, поэт и драматург, он пишет стихи о партии, о комсомоле, о Советской Армии. Тема обороны Советской страны занимает видное место в его творчестве. Ненавистью к врагу проникнуты строки его произведения, где он говорит о белофиннах, японских самураях или немецких фашистах. Свои прозаические произведения М. Коков посвятил гражданской войне в Хакассии, партизанскому движению, борьбе с кулачеством и созданию колхозов.

Талантливым поэтом проявил себя в хакасской литературе М. Аршанов. Его кратковременное литературное творчество, прерванное ранней смертью, подкупает силой чувства, благородным патриотизмом. Любовь

к родине, к Советскому государству и его вождям, труд и героизм советских людей Хакассии, призыв к победе над гитлеровскими захватчиками — характерные черты его стихов. Хакасская национальная литература поставлена на службу народу и является серьезным общественным фактором в борьбе за дальнейший прогресс социалистической культуры хакасов.

Одновременно с разработкой и ростом хакасской национальной литературы развивается и совершенствуется хакасский национальный литературный язык, в основу которого были положены качинский и сагайский диалекты. Хакасскими учеными (Н. Доможаковым, А. Инкижековой и др.) разработаны и опубликованы грамматика и учебники хакасского языка. Составлены орфография хакасского литературного языка, орфографический словарь хакасского языка, хакасско-русский словарь.

Созданы научные труды по характеристике отдельных диалектов хакасского языка, например исследование А. И. Инкижековой «Сагайский диалект хакасского языка», Н. Доможакова «Кызыльский диалект хакасского языка», за которые обоим авторам в Институте языкознания Академии Наук СССР присуждены ученые степени кандидатов филологических наук.

В маленькой Хакассии выходит несколько областных и районных газет на русском и хакасском языках. Значительный тираж и распространение в области газет являются важным фактором политического и культурного развития хакасов. Газеты и журналы на русском языке широко расходятся среди хакасского населения, так как большинство хакасов, особенно молодежь, параллельно с родным языком говорит и читает по-русски.

Народное образование

Размах строительства национальных школ у хакасов принял весьма внушительные размеры, что сделало возможным ввести здесь всеобщее обязательное обучение и добиться среди хакасов почти сплошной грамотности. Хакасская автономная область покрыта густой сетью школ (около 400). Из этого количества 79 школ национальных, где учится свыше 5 тыс. хакасов. Среди национальных школ имеется больше десяти семилетних и 2 средние школы. Хакасская средняя школа в г. Абакане — большое учебное заведение, в котором занимается около 300 человек хакасской молодежи. Средняя национальная школа имеется и в районном центре — Аскызе. Наличие национальных средних школ служит серьезным показателем роста культурного уровня хакасов. В Хакассии имеются специализированные средние учебные заведения: педагогическое училище, сельскохозяйственный техникум, фельдшерско-акушерская школа и горный техникум (г. Черногорск), в которых обучается значительное количество хакасов. В г. Абакане открыты учительский и педагогический институты, в которых хакасская молодежь составляет большой процент учащихся. Высшее образование среди хакасов уже не является редкостью, о чем свидетельствует количество студентов хакасов, исчисляющихся сотнями. Не менее показателен для социалистической культуры хакасов и рост национальных учительских кадров. Среди нескольких сотен учителей хакасов имеются заслуженные педагоги, удостоенные высоких правительственных наград, например, орденом Ленина награждены П. С. Майнаков и М. И. Ультургешева. Национальные педагогические кадры имеются в составе преподавателей средних и высших учебных заведений Хакассии.

Научно-исследовательские учреждения

Из числа национальных научно-исследовательских учреждений следует назвать прежде всего Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, созданный в 1944 г. Организатором и директором института в период первого десятилетия его существования был

Здание Облисполкома. Город Абакан

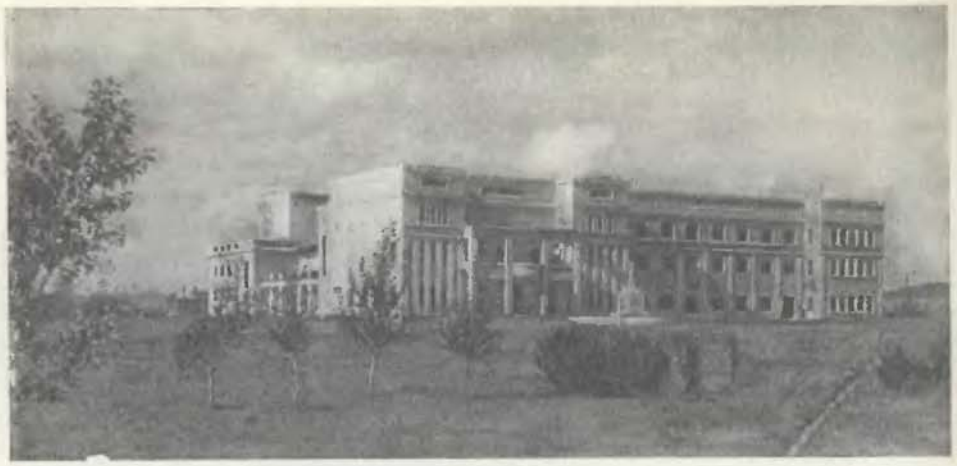
хакасский ученый Н. Г. Доможаков. Этот институт стал центром научно-исследовательской работы в области изучения хакасского языка, литературы и истории. Институт тесно связан в своей работе с рядом соответствующих институтов Академии Наук СССР и ведет экспедиционную и издательскую деятельность. В районных центрах и отдельных колхозах институт создал сеть корреспондентов по собиранию народного творчества. В научных заседаниях и сессиях секторов языка и литературы принимают участие писатели Хакассии. В этих секторах ведется работа по подготовке к печати произведений хакасских писателей и сказителей, пишутся учебные пособия, производятся переводы с русского языка на хакасский и с хакасского на русский.

Большую научно-исследовательскую работу проводит хакасская опытная станция орошаемого земледелия. Ее деятельность имеет большое практическое значение не только для народного хозяйства Хакассии, но и для многих других районов нашей страны. Опытная станция разработала новые технические приемы орошения с применением временных оросительных каналов вместо постоянных. Ею сконструированы некоторые типы конных и тракторных бороздоделов и полообразователей для устройства временных оросительных каналов. В постановлении Совета Министров СССР «О переходе на новую систему орошения», опубликованном 18 августа 1950 г., нашел отражение также и опыт хакасских колхозов и совхозов и Хакасской опытной станции орошаемого земледелия.

Научная работа в Хакассии ведется также и в ряде других научных учреждений и в высших учебных заведениях (Краеведческий музей, Областная бруцеллезная станция, некоторые кафедры Абаканского Государственного педагогического института и др.).

Искусство

Весьма заметным явлением культуры хакасов нужно признать национальный театр. Десятки тысяч зрителей ежегодно смотрят спектакли Хакасского областного государственного национального театра, играющего крупную роль в идейном воспитании хакасов, в повышении их культурного уровня. Национальный



Здание театра драмы. Город Абакан

театр не ограничивается обслуживанием областного центра и систематически выезжает со своими постановками и концертными программами в районные центры, в колхозы и совхозы. В его репертуаре имеются оригинальные и переводные пьесы. В течение ряда лет с его сцены не сходит пьеса хакасского драматурга М. Кокова «Акун». Из переводных на сцене идут: «Разлом» Лавренева, «Гвардии рядовой» Мдивани, «Шестеро любимых» Арбузова, «Последняя жертва» и «Воспитанница» А. Островского, некоторые произведения Гольдони, Мольера и др. Никогда не имевшие театра хакасы в исключительно короткий срок создали свой национальный театр, дали из своей среды одаренных драматургов и актеров и горячо полюбили этот вид искусства. Целый ряд сложившихся талантливых артистов хакасов, а также растущая актерская молодежь создали Хакасскому национальному театру заслуженную популярность и заложили основу дальнейшего роста и совершенствования этого совсем нового для хакасов вида искусства, служащего своему народу.

Необходимо отметить возникновение еще одной отрасли хакасского национального искусства — хакасскую живопись. Среди живописцев хакасов особенно выделяется художник и скульптор Г. А. Аткнин, работы которого известны и за пределами Хакассии.

Значительным средством идейного воспитания и повышения общего культурного уровня хакасов служит работа областного и районного домов культуры, городских, районных и сельских библиотек, сельских и колхозных клубов, изб-читален, красных уголков и т. д. Огромное просветительное значение имеет кино, которое существует в Хакассии в виде стационарных кинотеатров, звуковых кинопередвижек. Кино у хакасов — самый популярный, самый массовый и любимый вид искусства. Все лучшие произведения советского киноискусства доступны хакасам и демонстрируются у них.

Здравоохранение

До революции хакасы не имели никакого понятия о научной медицинской помощи. Они прибегали либо к услугам невежественных шарлатанов шаманов, либо к примитивным способам и приемам народной медицины. В первые годы революции, когда в Хакассии появилась научная медицина, многие хакасы не решались довериться врачам. В настоящее же время не только невозможно найти хакаса, чуждающегося современного врача, но появились медицинские работники из среды самих хакасов. Национальные кадры меди-

цинских работников у хакасов имеются во всех звеньях медицинского персонала, до врачей включительно. Некоторые из врачей хакасов руководят медицинскими учреждениями не только в сельских или районных центрах, но и в областном центре.

Специальность врача хакасы получают в различных высших учебных заведениях Советского Союза. В области существует весьма развитая сеть медицинских учреждений: несколько десятков больниц, несколько десятков врачебных амбулаторий и поликлиник и свыше сотни различных медицинских пунктов (фельдшерских, акушерских и т. д.). Все эти лечебные учреждения располагают современным медицинским инвентарем, медикаментами, обеспечены квалифицированными кадрами. Медицинская помощь оказывается населению бесплатно. Кроме лечебной, эти учреждения ведут и большую профилактическую и культурно-просветительную работу.

Национальная социалистическая культура хакасов отражает общность их психического склада. Новые условия труда и быта создают и новое социалистическое мировоззрение трудящихся хакасов. Основной его чертой прежде всего является советский патриотизм. Советский патриотизм у хакасов, как и повсюду в нашей стране, отражает гармоническое сочетание национальных интересов и традиций хакасов с общими жизненными интересами всех других народов Советской страны. Любовь и интерес хакасов ко всему тому хорошему и ценному, что создал и создает хакасский народ, сочетается с интересом, любовью и уважением к лучшим национальным традициям, к успехам и достижениям национальной социалистической культуры других народов. Хакасы стремятся перенести к себе опыт лучших мастеров сельского хозяйства и передовиков промышленности других братских республик или областей, знать лучшие произведения литературы, искусства и науки представителей других социалистических наций.

Советский государственный строй и социалистический общественный строй служат политической и экономической базой советского патриотизма хакасов, чуждого националистических и расовых предрассудков.

Характерной чертой социалистического мировоззрения хакасов является стремление правильно сочетать личные и общественные интересы, что сказывается на успехах хакасских колхозов.

В условиях советского государственного строя, на основе практического проведения в жизнь принципов советской национальной политики хакасы в короткий исторический срок ликвидировали экономическую, политическую и культурную отсталость. Вместе с другими народами СССР они трудятся над осуществлением постепенного перехода от социализма к коммунизму.

ТУВИНЦЫ

Общие сведения

Тувинцы — небольшая тюркоязычная народность, составляющая большинство населения Тувинской автономной области, входящей в РСФСР. Этнический состав тувинцев довольно сложный и специальному исследованию еще не подвергался. Известно, что тувинцы образовались из тюркоязычных, частично монголоязычных, самодийскоязычных и кетоязычных (северо-восточные тувинцы) этнических элементов. В их состав вошли некоторые тюркоязычные родоплеменные группы, известные по китайским летописным хроникам первых веков нашей эры и памятникам орхоно-енисейских надписей на камнях VII—VIII вв. (например, теленгит, киргиз, уйгур). В языке современных тувинцев сохранились связи с языками, на которых составлены орхоно-енисейские надписи. В современной топонимике тувинцев сохранились отдельные географические названия, фигурирующие в орхоно-енисейских каменописных памятниках, например Утуген (наименование хребта в Тоджинском районе).

Прослеживаются у современных тувинцев некоторые этнические элементы, известные для Саяно-Алтайского нагорья по русским историческим документам XVII в. Среди последних необходимо назвать родоплеменные группы енисейских киргизов (сарыг, киргиз), а также орчаков и кучугутов. Орчаки кочевали (вместе с телеутами) в равнинах по правобережью Оби. Кучугуты упоминаются вместе с черными и белыми калмыками, киргизами и другими «ордами», которые «прилегали» к городу Томску и Кузнецкому острогу, т. е. кочевали по северную сторону Саянских гор. Потомки этих групп сохранились в родоплеменном составе тувинцев XX в. под теми же названиями (ооржак, кужугет). К племенам, упоминаемым в русских исторических источниках XVII в., относятся и так называемые маады, живущие в бассейне Бий-Хема и других местах Тувы. В начале XVII в. маады кочевали в 14 днях езды от Томска, в Минусинской котловине. В 1609 г. они приняли русское подданство, внесли ясак, хотя, как сообщали русские служилые люди, «преж сего ясак платили Алтын-царю». Затем вскоре они откочевали за Саяны на Кемчик и Улуг-Хем, в районы, прилегающие к кочевьям Алтын-хана. Посланцы Русского государства к Алтын-хану (В. Тюменец и И. Петров) побывали у них в 1616 г. и составили описание их жизни и некоторых обычаев. Послы расска-

зывают также и о племени саянов, разводивших оленей. Саяны кочевали в XVII в. вместе с тоцами (тоджинцы) по склонам Саянских гор и появлялись даже на Алтае. В настоящее время потомки их находятся в составе тувинцев и некоторые из них (Терехольский район) помнят свою былую родоплеменную принадлежность (Кара-Саян, Ак-Саян). Они до сего времени частично занимаются оленеводством. Среди тувинцев имеются потомки населения, относившегося в прошлом к самодийскоязычным группам Модор и Койбал, к кетоязычному роду Кёль и монголоязычным Тумат, Мунгат и т. д. В этническом составе тувинцев находятся родоплеменные элементы, общие и родственные с алтайцами, хакасами.

Основная масса тувинцев расселена на территории Тувы. Часть тувинцев выселилась на Алтай, где, по переписи 1897 г., насчитывалось свыше 700 чел. Небольшая группа северо-восточных тувинцев — тоджинцев — в несколько сот человек обитает в настоящее время в Иркутской области, в таежной зоне (Тофаларский район), где они известны под названием «тофалары» (сами себя называют *туба* или мн. ч. *тубалар*). Тофалары — прекрасные охотники и разводят, как и тоджинцы Тувы, оленей.

Тува расположена в бассейне верхнего течения Енисея, в большой котловине, ограниченной с севера хребтами Восточного и Западного Саянов, на юге — Танну-Ола, и находится почти в центре Азиатского материка на широте 50—54°. В административном отношении область делится на 14 районов. Каждый из районов делится на ряд сумонов, или сельсоветов.

В климатическом отношении Тува представляет значительное разнообразие, что до революции оказывало весьма сильное влияние на формы хозяйственной деятельности тувинцев. Различие климата наиболее резко сказывается между северными и северо-восточными районами Тувы (например Тоджинский), примыкающими к Саянским горам, изобилующим влагой, и южными и юго-западными (Монгун-Тайга, Овюрский, Тес-Хемский), примыкающими к сухим песчаным степям Монголии. Центральная, западная и южная Тува с ее сухими степями была средоточием кочевого скотоводства. В северо-восточной части преобладала охота на зверя и верховое оленеводство, но скотоводство было также известно. Земледелие имело весьма скромные размеры и ограниченную зону распространения в центральных и западных районах. Однако это зависело не столько от природных условий непосредственно, сколько от низкого уровня развития производительных сил у тувинцев. В настоящее время, в условиях высокого развития сельскохозяйственной науки и техники в Советском Союзе, земледелие и животноводство в Туве оказались возможными для всех районов.

ПОЛОЖЕНИЕ ТУВЫ ДО НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Исторические сведения

Древнейшие периоды истории Тувы не изучены, так как еще не выявлены и не изучены ее археологические памятники. Из предварительных обследований, однако, известно, что по внешнему виду археологические памятники Тувы весьма сходны с алтайскими. Это относится как к большим каменным курганам пазырыкского (алтайского) типа, так и к каменным четырехугольным оградкам с вереницами камней и к каменным изваяниям периода тюркского каганата (VI—VIII вв.). В то же время тувинские археологические памятники резко отличаются от таковых, находящихся в Минусинской котловине, где нет и аналогичных тувинским

каменных изваяний. Туву и Хакассию сближают обнаруженные на их территории древнетюркские (енисейские) рунические надписи на камнях, датируемые VII—VIII вв., и наскальные изображения.

Антропологический материал из раскопок тувинских погребений мало отличается между собой. Европеоидный тип в Туве, характерный для периода ранних кочевников (I тысячелетие до н. э.), был распространен в значительном количестве и в позднюю пору неометаллического периода и составлял больший процент, чем у населения Минусинской котловины и у современных тувинцев. Напротив, на Алтае и в Минусинской котловине между ранними и поздними памятниками неометаллического периода существует резкое различие, отражающее вытеснение европеоидного типа монголоидным. Таким образом, устанавливается антропологическая и культурная близость между населением Тувы и Алтая в хунно-сарматское время, когда обе эти области находились в политической зависимости от хуннов и когда происходило, видимо, смешение европеоидных (динлинских — по наименованию китайской летописи) и монголоидных этнических элементов на этой территории.

В период тюркского каганата (VI—VIII вв.) на территории Тувы обитает тюркоязычное население, родственное по языку енисейским киргизам и древним алтайским тюркам. Это уверенно можно сказать в отношении тюркоязычной знати, господствовавшей над населением указанных районов, запечатлевшей свой язык в каменописных памятниках. Однако нельзя с такой уверенностью говорить, что в это время население Тувы и Минусинской котловины составляло единое этническое целое, которое принято называть енисейскими киргизами (хягасы китайских летописей). Этому противоречит резкое внешнее различие в соответствующих по времени погребальных памятниках и каменных изваяниях Тувы и Хакассии.

В китайской летописи, сообщающей сведения о хягасах середины VII в., сказано, что в стране хягасов есть рыба «гладкая и без костей, рот под носом». Речь идет о стерляди, которая водится по Енисею только до Большого порога, но не выше. Это может служить, между прочим, одним из свидетельств, определяющим границы страны хягасов-киргизов. Верхний Енисей, протекающий по территории Тувы, судя по этому признаку, в страну хягасов не входил. В Туве в указанное время в таежной, восточно-саянской части жило племя Дубо, разделявшееся на три аймака. Этноним этого племени отразился в наименовании «Туба» или «Тува». Китайская летопись сообщает, что Дубо «жили в шалашах из травы, ни скотоводства, ни землепашества не имели. У них много сараны: собирали ее коренья и приготовляли из них кашу. Ловили рыбу, птиц и зверей и употребляли в пищу. Одевались в соболье и оленье платье, а бедные делали одежду из птичьих перьев. При свадьбах богатые давали лошадей, а бедные приносили оленьи кожи и саранные коренья. Покойников клали в гробы, которые ставили в горах или привязывали на деревьях. Не было ни наказаний, ни пеней». В 630 г., в связи с разгромом восточного тюркского каганата Китаем, население Тувы вместе с енисейскими киргизами и населением Алтая подпало на 50 лет под власть императорского Китая. Затем следует освобождение тюркских народностей из-под ига китайской императорской династии, образование второго тюркского каганата (682 г.) и его падение в результате победы уйгуров в 745 г.

Господство уйгурского ханства над населением Тувы длилось до 840 г., когда уйгуры были побеждены енисейскими киргизами, политическая гегемония которых просуществовала до начала X в. Памятниками уйгурского времени в Туве, видимо, нужно считать развалины крепости на оз. Тери-Нор (по-тувински Тере-холь). Еще более важным свидетельством этого является сохранившееся у современных тувинцев наимено-

вание «уйгур» для группы населения, жившей компактно еще в конце XIX в. по р. Кемчик (по-тувински Хемчик). По преданию, эти уйгуры (ондар уйгур) являются потомками древних уйгуров, обитавших по рр. Улу-Хему и Кемчику в древности, большая часть которых ушла на юг в страну Тыбат (Тибет). В дальнейшей истории Тувы наибольшее значение имело монгольское господство. Отряды Чжочи (Джучи — старшего сына Чингис-хана) появились в Туве в 1207 г. на р. Шихшите (приток Каа-Хема), куда их привел покорившийся монголам ойратский князь Кудука-беки. Тувинцы сделались данниками Чингис-хана. Среди тувинских племен здесь были кешдимы, баиты, телеки и др. Монгольские завоеватели установили жестокий грабительский режим, что вызывало частые восстания среди тувинцев.

С установлением в Китае монгольской (юаньской) династии (1260—1368 гг.) в Туве, как и в Хакассии, были размещены монгольские военные отряды, содержание которых возлагалось на трудящихся тувинцев. Монголы создавали военно-пахотные поселения для снабжения продовольствием этих отрядов. В них жили также хакасы, тувинцы и частично «южане», т. е. китайцы. По указанию императоров Китая они снабжались китайскими земледельческими орудиями, в частности плугами с литыми чугунными лемехами и отвалами. На отвалах таких плугов, найденных в 1949 г. близ г. Турана,[1] стоят клейма китайских династий. Они датированы 1286 г. (23-й год правления Хубилай-хана). С падением монгольской династии в Китае и разделением монголов на восточных и западных Тува оказалась в зависимости от западных монголов, или ойратов, расцвет могущества которых приходится на середину XV в.

С конца XVI в. почти на протяжении столетия Тува входила в состав небольшого государства Алтын-ханов, основателем которого был монгольский полководец Шолой Убаши, носивший титул хан-тайши. Шолой, прославившийся походами на ойратов, происходил из княжеской семьи, владевшей северной Монголией. Енисейские киргизы, ойраты и русские исторические документы именуют его Алтын-ханом. В его владения входил весь район оз. Убса-Нур, р. Тес. Северной границей были Саяны, через которые его отряды проходили за сбором дани с енисейских киргизов и их данников. На востоке границей его кочевий были оз. Сангин-Далаи и р. Дэлгэр-Мурен, на западе — Алтай, на юге — предгорья Монгольского Алтая. Сын и наследник первого Алтын-хана, Омбо Эрдени, в первой половине XVII в. добровольно перешел со всем своим народом, в том числе и тувинцами, под покровительство России, в чем принес соответствующую присягу. Однако позднее он и его сын Лубсан то и дело нарушали свою присягу и пытались использовать покровительство России не в интересах тувинского народа, а в личных корыстных целях, связанных с междоусобной борьбой монгольских князей. Тувинские крестьяне-скотоводы (араты) жили в тяжелых политических и экономических условиях под гнетом этого монгольского правителя. Государство Алтын-хана пало в результате междоусобной борьбы между западными монголами (ойратами) и Дзасактухановским аймаком Монголии. Вследствие этого тувинцы, как и алтайцы, оказались под игом ойратских ханов, которые во второй половине XVII в. образовали Джунгарское государство. Последний правитель из династии Алтын-ханов бежал в Монголию, а затем в Китай, где окончил свои дни в 1696 г. в свите маньчжурского императора Китая.

Господство джунгарских (т. е. западномонгольских) ханов, длившееся вплоть до 1755 г., распространилось на все Саяно-Алтайское нагорье.

[1] Отвалы переданы в Тувинский краеведческий музей в г. Кызыле.

В этот период, характеризовавшийся феодальными распрями и войнами, тюрко-язычные племена и роды Саяно-Алтайского нагорья дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Например, часть тоджинцев, саянцев и мингатов, кочевавших в верховьях Енисея и по р. Кемчику, оказывается в середине XVII в. (1651 г.) на Алтае, по р. Катуни вместе с телесами, в ведомстве монгольского князя Матур тайши. Алтайские теленгиты селились в Туве по Кемчику и Барлыку и в районе Бай-Тайги, что хорошо помнят современные тувинцы, основываясь на устных преданиях. Часть енисейских киргизов и других ближайших исторических предков современных хакасов из Минусинской котловины попадает в Туву в 1703 г., в процессе насильственного переселения их джунгарскими зайсанами в Семиречье. Застряв в Туве, эти переселенцы явились предками тех групп тувинцев, которые до революции принадлежали к родам и сумонам Кыргыз и Сарыглар. Некоторые группы тувинцев, перевалив Саянский хребет с юга на север, оказались в верховьях Абакана, где стали известны (по крайней мере с XVIII в.) под названием «бельтир» (роды Таг-какпына, Суг-какпына, Ак-Чыстар и Кара-Чыстар). Память о кровном родстве этой группы тувинцев с хакасами жива у тех и других до настоящего времени, а в языке современных тувинцев и бельтиров сохранились такие общие слова, каких нет ни у качинцев, ни у сагайцев, составляющих большинство хакасов.

С падением Джунгарии (в середине XVIII в.) Тува была покорена маньчжурской (дайцинской) династией Китая, в то время как племена Алтая добровольно вошли в состав Русского государства. Родственная и длительная культурно-историческая связь западных тувинцев, хакасов и южных алтайцев оказалась разорванной почти на два столетия. Были разъединены и северо-восточные тувинцы — тоджинцы. Значительная часть их осталась на территории Русского государства, на своих кочевьях в Восточных Саянах, где они были известны под названием карагасов, а после Великой Октябрьской социалистической революции — тофаларов. Бельтиры оказались отрезанными от родственных им групп, оставшихся в Туве. Тувинцы были оставлены кочевать по обе стороны хребта Танну-Ола, от Алтая до верховьев Енисея на востоке. Они были раздроблены на ряд хошунов, которые правящая династия Китая образовывала путем переформирования бывших княжеских уделов Монголии и Тувы в военно-административные единицы. Согласно Уложению Китайской палаты внешних отношений, мелкие тувинские правители (нойоны) вошли в ведение командующих тех округов, в которых лежали их кочевья. Отдельные части Тувы были отданы некоторым монгольским князьям за помощь, которую получила от них дайцинская династия в борьбе против Джунгарии. Тува превратилась в отдаленную провинцию Китая с феодальным устройством. Она делилась на следующие хошуны: 1) Хасутский, 2) Тожинский, 3) Салжакский, 4) Оюннарский, 5) Шалык, 6) Нибазы, 7) Да-вана или Мады и Чооду, 8) Бэйсе (халхаского Саин нойона), 9) Хемчикский. Тожинский, Оюннарский, Салжакский и Хемчикский хошуны, правителями которых были наследственные тувинские князья — огурда (*угер-даа*) или даа-нойоны, объединялись до 1911 г. в один аймак под управлением *амбань-нойона* (владельца Оюннарского хошуна), который был подчинен китайскому правителю — генерал-губернатору (Цзянь-Цзюну) в Улясутае. Хошуны Бэйсе, Мады, Чооду, Шалык и некоторые другие подчинялись непосредственно своим владельцам — монгольским князьям, жившим в Монголии и посылавшим к тувинцам чиновников (*тарга*) для сбора податей и судопроизводства. Непосредственно китайскому правителю подчинялся огурда Хасутского хошуна. Хошуны делились на *сумо*, управлявшимися чиновниками (*чанги*), а сумо дробились на *арбаны* — податные единицы,

состоявшие из 10 и больше мелких хозяйств. Административно-чиновничий аппарат в Туве до революции был очень велик. Например, управление сумо состояло из 7 должностей: 1) *чангы* (начальник сумо), 2) *чалан* (чиновник особых поручений), 3) *хунду* (товарищ чанги), 4) *сумо-тарга* (начальник над сборщиками податей), 5) *бошко* (сборщик податей, по одному на каждый арбан), 6) *арбан-тарга* (мелкий чиновник, ведающий всеми делами арбана), 7) *бижээчи* (писари и секретари). Еще больше был штат чиновников при хошунном управителе — огурде, не говоря уже об амбань-нойоне. Вся эта большая чиновная феодальная верхушка содержалась за счет рядового тувинского трудящегося населения. Тувинцы обязаны были снабжать чиновников продуктами питания (особенно баранами) в таком количестве, что это позволяло, например, хошунному правителю содержать за этот счет и многочисленную дворню, которая набиралась в порядке отработочной повинности для обслуживания хозяйства феодала (заготовляли топливо, пасли и доили скот, приготовляли молочные продукты, стригли овец и т. д.). В разъезды по своему ведомству тувинские чиновники, даже низших рангов, отправлялись со свитой. На каждой станции (*өртээл*) им за счет рядового населения полагалось предоставлять лошадей, юрты (с дровами, водой) для отдыха или ночевок, баранину для еды. Иногда взамен этого чиновники взыскивали плату серебром. Еще тяжелее для трудящихся тувинцев были разъезды китайских чиновников. Приезд чиновника из Улясутан они сравнивали с моровой язвой или чумой — настолько он был разорителен. Когда в 1908 г. по Туве проезжал Цзянь-Цзюнь из Улясутая со своей свитой и охраной, каждая почтовая станция должна была приготовить для него 222 лошади, 43 верблюда, 64 *улаачы* (проводника), 19 юрт, 3 палатки и огромное количество баранов для провизии. Чиновник проезжал в день по три ямских станции. Все это бремя раскладывалось на тувинцев, которые разорялись иногда даже от одного такого посещения китайского мандарина. Тувинцы, кроме хошунных податей и оброков, ежегодно вносили через своих чиновников государственную подать *албан* ценными мехами. Эта подать составляла примерно одну треть годового дохода рядового арата (крестьянина-скотовода). Затем с тувинцев брали сбор *ундурюг*, который предназначался на взятки китайским чиновникам в Улясутае, чтобы сдаваемые в албан меха не были забракованы. Далее брали с тувинцев на покрытие расходов (на взятки, свадебные расходы) их хошунных правителей.

Основой феодальных отношений у тувинцев была собственность феодалов на кочевья и пастбища. За феодалами были закреплены араты, которые не имели права по своему желанию перейти от одного владельца сумона к другому. По отношению к своему феодальному владельцу прикрепленные араты несли целый ряд повинностей. Он же чинил над ними суд и расправу. Живя на землях феодального владельца, араты кочевали небольшими группами. Лучшие сезонные пастбища хошуна или сумона были заняты самим феодалом и его ближайшим окружением. Остальные кочевья и пастбища предоставлялись аратам в порядке общинного землепользования. Закрепощенные тувинскими нойонами араты должны были выделять из каждого сумо на один год по семье с юртой (*медээ*) и холостых работников для обслуживания хозяйства нойонов. Кроме светских феодалов, тувинские араты были закрепощены и ламским духовенством, живущим в монастырях (*хуре*). Ламы собирали с аратов средства на постройку и содержание хошунных монастырей, за совершение богослужений, заставляли выделять работников (*медээ*) для ведения хозяйства монастырей. Разъезды духовенства ничем не отличались по своей разорительности для аратов от разъездов чиновников. В случае болезни или смерти арата ламы толпами съезжались в его юрту для совершения религиозных обря-

дов и начисто разоряли хозяйство умершего. Разоряли трудящихся вымогательством и шаманы. Довольно широко была распространена эксплуатация трудящихся тувинцев со стороны феодалов и путем раздачи скота под отработки, наподобие *полыш* у алтайцев или *саун* у казахов.

Не менее тяжелым бременем для тувинского аратства были китайские и русские торговцы, обиравшие их, особенно за «долги», начисляемые при раздаче товаров в кредит с уплатой исключительно высоких процентов. Наибольшим злом в этом отношении были китайские торговцы, которые продавали товар по двойной цене против русской, несмотря на то, что и русские торговцы наживали на своих товарах до 200% прибыли. В этих условиях рядовые тувинцы предпочитали иметь дело с русскими торговцами.

Основой экономики у тувинцев до национально-освободительной революции было отсталое кочевое скотоводство с низкой продуктивностью разводимых видов скота. Феодалы в лице нойонов и духовенства сосредоточивали в своих руках не только лучшие пастбища, но и 40% всего скота. Земледелие носило подсобный характер и отличалось первобытной техникой и низкой производительностью. Среди феодалов был небольшой процент грамотных, пользовавшихся монгольской и тибетской письменностью. Одевались феодалы в китайские дорогие ткани, носили одежду монголо-китайского покроя, жили в хорошо утепленных и богато убранных войлочных юртах, пользовались покупной посудой и утварью, приобретаемыми у китайских торговцев, проводили время в развлечениях и безделье. И светские и духовные феодалы жили за счет труда и поборов с трудящихся тувинцев; им не нужно было следовать зимой и летом за стадом — это делали за них крепостные и зависимые пастухи, а сами феодалы меняли свою резиденцию обычно не более двух раз в год (зимняя и летняя). Трудящиеся тувинцы выращивали скот и хлеб, добывали ценного зверя, изготовляли молочные продукты, делали кошмы, седла, сбрую и т. д. и большую часть продуктов своего труда принуждены были отдавать феодалам, а сами влачить жалкое существование и подвергаться различным мучительствам, на изобретение которых тувинские феодалы были большие мастера. Среди трудящихся тувинцев не было грамотных; кочевой домашний быт был примитивным и убогим; они жили в холодном дымном жилище, пользовались самодельной утварью из дерева и кожи, носили либо самодельную (из шкур) одежду, по покрою сходную с одеждой хакасов, либо одевались в русские ткани, как наиболее доступные по цене. Ф. Кон, исследовавший быт тувинцев в конце 90-х годов XIX в., писал: «...в то время как Россия одевает по преимуществу бедноту, Китай доставляет материал для одежды богачей».[1]

Русское население начало проникать и частично селиться в Туве, особенно по долине р. Уса, еще в первой половине XIX в. Рядовые тувинцы-араты стремились к культурно-экономическим связям с русским народом и смешивались с ним путем взаимных браков и т. д. Известный русский ученый (хакас по национальности) Н. Ф. Катанов, посетивший Туву в 1898 г., подчеркивал, что тувинский народ делится на две партии, враждебные друг другу: бедные, благодаря своим интересам чувствуют влечение к русским, а знатные и ламы опираются на китайских и монгольских чиновников страны.[2] Английский путешественник Каррутерс, побывавший у тувинцев в 1910 г.,

---

[1] Ф. Я. Кон. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. Изв. Вост.-сиб. отд. Русск. Геогр. общ., 1903, № 1, т. XXXIV, стр. 27.

[2] Н. Ф. Катанов. Опыт исследования урянхайского языка. Казань, 1903, стр. 435.

печатно заявил: «Богатый угнетает здесь бедняка и сильный обижает слабого, а это приводит в конце концов к тому, что в стране у населения постепенно усиливается стремление обращать свои взоры все чаще и чаще на Россию». Каррутерс решительно утверждает, что к русскому покровительству туземцы относятся здесь весьма доброжелательно.[1] Из-за невыносимых условий жизни значительные группы тувинцев перебегали в Россию и селились в Горном Алтае или Хакассии среди соплеменников, родственная связь с которыми сохранялась в памяти ряда поколений. Статистическое обследование Горного Алтая 1897 г. зарегистрировало 742 тувинца, выселившихся из Тувы. Уход за границу, как и имевшие место вообще побеги от феодалов, следует рассматривать как одну из форм классовой борьбы трудящихся аратов против феодалов, которая характеризовалась в условиях Тувы стихийностью и довольно примитивными формами.

К последним можно отнести также угон скота у феодального владельца, временный захват пастбища, поджог юрты или даже убийство эксплуататора, неплатеж албана, побег от владельца. Наряду с этим в предреволюционной истории Тувы известны и мелкие вооруженные выступления против феодалов как иноземных, так и своих. Из них наибольшей известностью в памяти современных тувинцев пользуются — «шестьдесят беглецов» (*алдан дургун*) или как их еще называют *алдан маадыр* («шестьдесят богатырей») — восстание, происходившее, видимо, в середине 80-х годов XIX в. Более крупным движением трудящихся тувинцев было их выступление в 1911 г., носившее национально-освободительный характер. В 1911 г. в результате Китайской революции Монголия была провозглашена независимой, и китайский правитель в Улясутае, Цзянь-Цзюнь, был вынужден сдать оружие монголам. В условиях, когда власть китайских чиновников маньчжурской династии пала, среди тувинцев-аратов в конце 1911 г. возникло национально-освободительное движение, направленное прежде всего против маньчжуро-китайских угнетателей. Несмотря на стихийность движения, восставшие араты быстро освободили почти всю Туву и таким путем избавились от изнурительных налогов и повинностей, бесчисленных долгов колонизаторам. Восставшие разгромили фактории китайских торговцев, отобрали у них товары и возвратили свой скот, угнанный угнетателями за так называемые «долги». Но при этом тувинские араты не трогали фактории русских торговцев, видимо, надеясь в своих освободительных стремлениях на поддержку русского народа. Одновременно трудящиеся араты почти перестали признавать и своих правителей, ставленников китайских колонизаторов. Политическая активность аратов весьма напугала феодальный класс тувинцев. Нойоны и баи не надеялись справиться собственными силами с революционными настроениями и действиями аратов. Создалась сложная, полная противоречий обстановка, в которой сталкивались интересы различных классов. Слабая в экономическом и политическом отношениях Тува с малочисленным населением, находившаяся между капиталистической Россией и феодальной Монголией, не могла рассчитывать на независимость, на политическую самостоятельность. Большинство нойонов, главных представителей феодального класса тувинцев, ориентировалось тогда на присоединение к феодальной Монголии, так как почти половина этих нойонов являлась монгольскими князьями, проживавшими в Монголии, а остальные были связаны с монгольскими князьями давними тесными связями, общностью эксплуататорских интересов, общностью культуры, быта и ре-

[1] Д. Каррутерс. Неведомая Монголия. Т. 1. Урянхайский край. Пгр. 1914, стр. 176 и др.

Старый русский поселок Салдам. Тоджа

лигии. Эти нойоны и их ставленники и агенты, особенно ламы, вели активную пропаганду среди аратов за переход в отложившуюся от Китая Монголию.

Трудящаяся масса тувинцев (скотоводов и охотников), напротив, стремилась войти в состав Русского государства и воссоединиться с родственными им по происхождению, языку, культуре и быту группами населения хакасов и алтайцев, разъединенными с ними в результате захватнической политики маньчжурской династии. Трудящиеся тувинцы стремились к сближению с русским народом, ибо у них к этому времени уже сложились культурно-экономические связи с русским трудовым крестьянством.

Сложность политической обстановки усугублялась еще тем, что внутри нойонской верхушки феодально-байского класса не было единства в оценке создавшегося положения, между ними разгорелась борьба за власть и упрочение влияния. Кроме того, высшая светская и духовная власть Монголии, а также и царское правительство России не оставались равнодушными к сложившейся ситуации в Туве и вмешивались доступными им средствами в происходившие события, пытаясь использовать их в своих интересах.

В этих условиях наиболее слабая и малочисленная часть нойонской верхушки во главе с амбань-нойоном, не рассчитывая на собственные силы и успех в борьбе с более сильной коалицией нойонов, связанной с монгольскими феодалами, взяла ориентацию на царское правительство России. Амбань-нойон обратился с просьбой о принятии Тувы под покровительство России и даже просил ввести в Туву войска, якобы опасаясь расправы со стороны правящей династии Китая. В отличие от трудового аратства, коренным образом заинтересованного во включении его в состав Русского государства, упомянутая часть нойонов хотела использовать переход под покровительство России только в своих узких корыстных интересах как временное средство в политической игре. Эти нойоны и

их ближайшее окружение надеялись захватить власть в Туве при помощи царского правительства и путем сговора с ним и обеспечить себе возможность монопольной эксплуатации тувинских аратов. Они по существу повторили неоднократные подобные попытки, предпринимавшиеся также в личных целях их предшественниками — Алтын-ханами в XVII в.

Присоединение к России

В течение 1912—1913 гг. царское правительство получило ряд обращений от амбань-нойона, главного ламы и правителей Бэйсе, а также двух кемчикских хошунов с настойчивой просьбой о принятии Тувы под протекторат России. Это вполне отвечало интересам царского правительства, рассчитывавшего превратить Туву в свою колонию. Соблюдая известную осторожность, оно назначило в 1914 г. в Туву своего «комиссара по делам Урянхайского края». Последний начал интенсивно разрабатывать и осуществлять планы по превращению Тувы в царскую колонию. Процесс осуществления этого замысла был прерван Февральской революцией 1917 г.

Несмотря на замыслы царских колонизаторов, принятие Тувы под покровительство России имело большое положительное значение для тувинского народа. Трудящиеся тувинцы получили возможность не только возобновить свои связи с родственными им группами хакасов и алтайцев, но и войти в тесное общение с русским народом, что открыло некоторую перспективу экономического и культурного развития тувинцев в условиях царизма.

Великая Октябрьская социалистическая революция избавила трудящихся тувинцев от превращения их в колонию царской России и от многовековой зависимости от монгольских и своих собственных светских и духовных феодалов. Великое освободительное значение Октябрьской революции для истории тувинцев невозможно переоценить. Только Октябрьская революция создала условия для успешного национально-освободительного движения тувинского народа. Советское правительство с первых же месяцев своего существования начало оказывать помощь тувинским трудящимся в их борьбе с врагами. После победы Октябрьской социалистической революции в России в Туве ведется борьба за создание советской власти. Однако в связи с захватом власти в Сибири белогвардейцами, установлением кровавого режима Колчака в Туве почти четыре года велась ожесточенная гражданская война, закончившаяся благодаря помощи русского народа и его Красной армии к середине 1921 г. полным разгромом белобандитов и интервентов.

Создание Тувинской Народной Республики

В 1921 г. в результате победы национально-освободительной революции была провозглашена Тувинская Народная Республика, принявшая свою первую конституцию. В конституции было указано, что в международных отношениях Тувинская Народная Республика выступает под покровительством советской России.

За 23 года существования Тувинской Народной Республики было принято пять конституций, выражавших не только завоевания национально-освободительной революции, но иногда содержавших и программу развития Тувы, а также отражавших быстрый рост политической активности тувинского аратства, развивавшегося под руководством тувинской народно-революционной партии. После нападения гитлеровских захватчиков на СССР Тувинская Народная Республика немедленно заявила о своем решении участвовать в войне против фашистской Германии и стала оказывать помощь фронту.

В 1944 г. по воле тувинских народных масс Тува вошла в состав СССР. Это определило возможность неограниченного дальнейшего экономического и культурного развития тувинцев. Несомненные успехи,

которые были достигнуты с помощью СССР Тувинской Народной Республикой, были все же далеко недостаточны для подлинного расцвета экономики и культуры тувинцев.

ТУВИНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Политическое, экономическое и культурное строительство Тувинской Народной Республики началось и протекало в тяжелых условиях, в обстановке острой классовой борьбы трудящихся тувинцев с феодально-байскими и ламскими элементами. Во всех областях жизни тувинскому народу нужно было преодолеть глубокую отсталость — тяжелое наследие многовекового господства как монгольских и китайских, так и собственных угнетателей (феодалов, чиновников, лам, торговцев и т. п.). С образованием народной республики в 1921 г. феодально-байский класс у тувинцев еще оставался. Этот класс, хотя и потерял политическую власть, но сохранял в своей собственности основные средства производства в виде пастбищ и скота. Пастбища и кочевья, как вся земля вообще, после провозглашения Тувинской Народной Республики стали юридически всенародным достоянием. Но фактически феодалы-баи продолжали владеть огромными пастбищными территориями, на которых они пасли свои большие стада. Феодально-байский класс и буржуазные националисты, действуя по указке иностранных империалистов, развернули ожесточенную борьбу, вплоть до контрреволюционных восстаний, против национально-культурного строительства народной республики, направленного на разрешение коренных интересов тувинского аратства. Только в 1930—1931 гг. феодально-байские элементы, в том числе и духовные, были лишены избирательных прав, их стада были конфискованы и распределены между бедняцкими слоями аратов.

Тувинская Народная Республика приступила к национально-культурному строительству с разоренным примитивным хозяйством. У нее не было финансов, торговли, промышленности, не было дорог, транспорта, не было и больниц. Обессиленное и разоренное многовековым угнетением и гражданской войной, весьма отсталое в культурном отношении тувинское аратство нуждалось в большой и срочной помощи. Эту помощь ему систематически оказывало Советское государство, благодаря чему в Туве победили прогрессивные революционные силы тувинского народа, и экономическое и культурное состояние тувинского народа стало непрерывно улучшаться. Однако темпы и перспективы этого развития в условиях народной республики были далеко недостаточны. Ликвидация политической, экономической и культурной отсталости тувинцев затянулась и развернулась по-настоящему только после перехода тувинцев в состав СССР.

Скотоводство

Ко времени перехода в СССР главной отраслью хозяйства тувинцев было скотоводство. Основная масса скота принадлежала аратам-скотоводам. В 1943 г. в их руках находилось 93.5% всего поголовья. Однако велось аратское хозяйство единоличным способом и только 6.5% стада содержалось в госхозах, тожземах и колхозах. Ко времени вхождения в состав СССР в Туве было 123 тожзема и 21 колхоз. Простейшие производственные объединения аратов возникли здесь в период 1929—1932 гг. в двух формах: 1) товарищество по совместной обработке земли — ТОЗ, 2) товарищество по улучшению животноводства — ТУЖ. Они были преобразованы в 1940—1941 гг. в тожземы в виду того, что развитие животноводства и земледелия у тувинцев тесно связано. Тожземы были довольно слабой первичной формой преобразования хозяйства и воспитания тувинских аратов в духе социализма, ибо здесь

общественная собственность на основные средства производства не являлась господствующей. В них не находила разрешения основная задача коллективного хозяйства — правильное сочетание общественных и личных интересов трудящихся тувинцев. Однако в условиях Тувинской Народной Республики эти простейшие производственные объединения были в свое время необходимы и сыграли положительную роль.

Отличительными чертами аратского единоличного хозяйства являлись мелкие размеры, низкая доходность и весьма отсталая техника, основанная на пастбищном содержании скота в течение всего года. Развитие такого хозяйства не имело экономической перспективы. При низкой продуктивности скота в кочевом единоличном хозяйстве, когда корова доится 5—6 месяцев в году и дает за этот период всего лишь 400—500 л молока, чтобы прокормить семью в 5—6 человек, нужно было иметь значительное стадо, так как при слабом развитии земледелия у аратов решающее значение имела заготовка впрок различных молочных продуктов в период доения. Часть стада ежегодно должна была выращиваться для обеспечения семьи мясом, хотя бы и в минимальных размерах. Следовательно, арат-единоличник мог прокормиться, только имея стадо в несколько десятков голов различного скота. При наличии в семье обычно двух-трех работоспособных членов обеспечить сеном на зимнее время большое количество скота также было невозможно. Приобрести сенокосноуборочные машины мелкое единоличное хозяйство было не в состоянии. Поэтому в мелком единоличном хозяйстве тувинцев сохранялась старинная отсталая техника разведения и содержания скота, которая очень снижала продуктивность. Тувинец-единоличник кормил свой скот в течение круглого года на пастбищах. Для этого ему все время приходилось кочевать, осваивая значительные пространства, особенно в зимнее время. ибо для содержания одной головы крупного рогатого скота требуется 8—10 га зимних пастбищ (среднего качества). Поэтому тувинец-единоличник в течение зимы менял пастбища два-три раза. До национально-освободительной революции рядовые араты не подкармливали скот даже в наиболее тяжелые и холодные зимние месяцы и не устраивали утепленных помещений на зимних стоянках скота, что крайне тяжело отзывалось на состоянии стада и приводило к массовому падежу его. Некоторое улучшение содержания скота наметилось только в условиях народной республики. Ко времени вступления тувинцев в СССР у них насчитывалось уже свыше 50 тыс. утепленных помещений для скота. Однако, за немногим исключением, это были примитивные сооружения, принадлежащие преимущественно единоличникам. Такие постройки, сыграв некоторую положительную роль, оказались непригодными позднее, в условиях социалистического животноводства. Они представляют собой срубные низкие помещения для телят, ягнят, овец, коров, с плоской крышей из коры, хвороста, навоза и т. д. Маленькие срубики для ягнят опущены в землю (на поверхности возвышается два-три венца бревен), вход в них представляет в сущности лазейку. Несколько больше и повыше помещения для телят. Коровники делали из тонких бревен, а открытые загоны для лошадей из жердей. Эти примитивные зимние постройки для скота араты устраивали по возможности в защищенном от ветра месте, где ставили и свое, обычно переносное, жилище. Пастбищное содержание скота в течение всего года вынуждало единоличников тувинцев вести кочевую жизнь с характерными для нее лишениями, трудностями и неудобствами, тормозило развитие их культуры. Следствием недостаточности корма и примитивного ухода в единоличных тувинских хозяйствах был весьма высокий процент яловости (до 50%) и падежа молодняка. Это обстоятельство явилось одной из наиболее серьезных причин, задерживавших рост поголовья стада.

Отсутствие регулированной случки, своевременной подкормки производителей и маток, условия содержания весьма отрицательно сказывались на качестве молодняка и служили причиной его гибели. Молодые животные за зимний период почти не давали роста и привеса. В летнее время эти показатели были также незначительны хотя бы вследствие обыкновения держать молодняк не на хорошем (огорожепном) пастбище, а на привязи у юрты.

Еще более примитивной являлась у тувинцев-единоличников техпика оленеводства. Олени в течение круглого года паслись на естественных пастбищах. В летнее время оленей угоняли высоко в горы к снежным вершинам, свыше чем за 100 км от зимних стоянок. К сентябрю оленеводы спускались к зимним пастбищам и отправлялись па оленях промышлять белку. В октябре — ноябре происходит случка оленей, частично кастрация, которая практикуется и весной. Отел происходит в апреле. Содержали оленей открыто, без всяких загородей. Телят привязывали на весь день около юрт. Оленухи приходили к ним несколько раз в день. Тувинцы доили оленей три раза в день, на время дойки привязывая оленух к шестам, лежащим близ стоянок. На ночь телят вместе с матками отпускали на пастбище. Уходят олени недалеко и обычно сами являются утром. В ненастную погоду их приходилось собирать при помощи верхового оленя. В жару олени собираются к дымокурам, спасаясь от мошкары. Дымокуры (*ыштаар*) устраиваются на стойбище в виде конических шалашей из жердей, без покрытия, внутри которых раскладывают костер из гнилушек. Оленей употребляют только для верховой езды (с трехлетнего возраста), заседлывая их, как лошадь, и таким же седлом. Хозяйственная и транспортная ценность тувинского оленя довольно велика. Араты-оленеводы все время кочевали, почти каждый арат имел одну-две лошади, которые служили ему для летних дальних поездок. В условиях единоличного хозяйства развитие оленеводства шло чрезвычайно медленно.

При описанной выше технике скотоводства стада часто гибли от истощения, бескормицы, различных болезней, от волков и т. д. О размерах этих бедствий можно судить по официальным статистическим данным за период с 1 июля 1941 по 1 января 1943 г. За эти полтора года у тувинцев пало от болезней 139 тыс. голов различного скота (что составило 25% приплода), от бескормицы — 26 тыс., погибло от волков — 45.5 тыс.

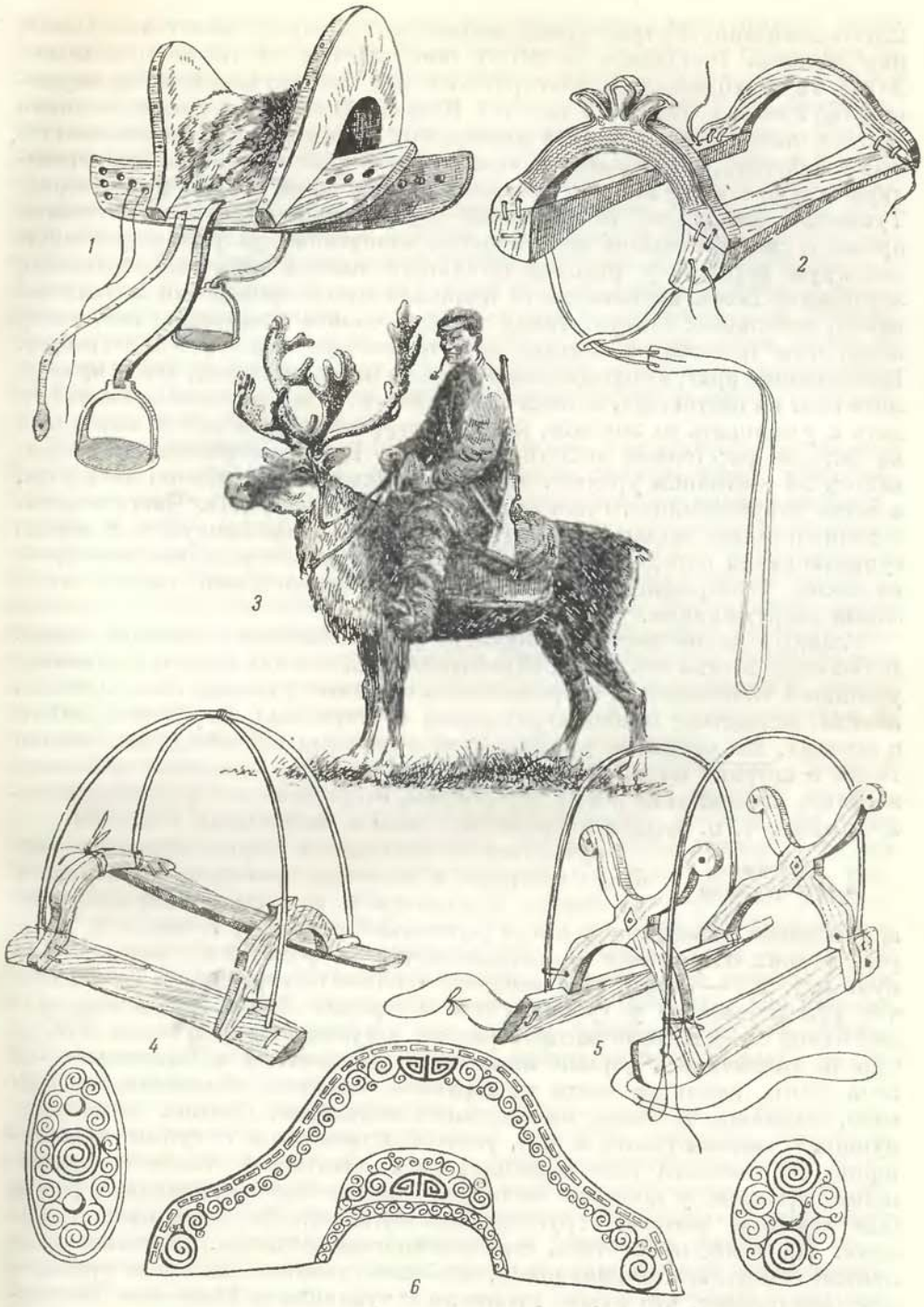
Выходом из застоя и бесперспективности в развитии тувинского скотоводческого хозяйства было только объединение аратов в сельскохозяйственные артели. Это стало ясным для большинства аратов, когда Тува вошла в состав СССР. Процесс коллективизации среди тувинских аратов сразу же принял массовый характер.

Земледелие

Неустойчивость мелкого хозяйства, его низкая продуктивность заставляли тувинца-единоличника прибегать к небольшому посеву (обычно проса), чтобы подкрепить свой пищевой баланс.

Единственным видом обработки земли была весенняя вспашка. Нередко применялись в качестве орудия вспашки старинная деревянная соха (*андазын*), привязываемая к седлу верховой лошади, и борона-волокуша из ветвей караганника (*караган-илиир*). Русские серпы появились у тувинцев лишь в начале XX в., а до этого колосья срезали ножом или выдергивали руками.

За период существования народной республики, благодаря помощи СССР, техническая база земледелия значительно улучшилась. К 1944 г. в Туве насчитывалось свыше 6 тыс. конных железных плугов (из них свыше 4 тыс. в единоличных аратских хозяйствах), свыше 5 тыс. железных борон (из них свыше 2 тыс. в аратских хозяйствах), 42 трактора, 205 жаток,



Транспортное оленеводство

1 — деревянное верховое седло; *2* — деревянное вьючное седло; *3* — езда на олене; *4* — вьючное седло, приспособленное для перевозки детской колыбели; *5* — специальное седло для перевозки детской колыбели; *6* — орнамент на передней луке верхового седла и серебряных бляшках, прикрепляемых к коже седла

220 сноповязалок, 18 тракторных молотилок, 52 конные молотилки. Посевная площадь составляла в 1943 г. около 55 тыс. га, из которой свыше 30 тыс. га приходилось на долю аратских единоличных хозяйств, преимущественно кочевых (более 23 тыс. га). Помощь Советского Союза состояла также в снабжении семенами. Урожайность, особенно в аратских единоличных хозяйствах, оставалась на низком уровне, хотя и превышала дореволюционную, когда с гектара собиралось всего лишь 20—30 пудов зерна. Тувинское земледелие по преимуществу поливное. Араты-единоличники орошали свои небольшие поля простым «напуском», разрывая временную земляную перемычку распределительного канала, обычно заиленного, заросшего. Более высокие места поливали путем проведения мелких канавок, небольших запруд. Такая техника полива приводит к недостатку воды, поле поливается меньшее количество раз, чем этого оно требует. Единоличник арат, вынужденный все время перекочевывать, чтобы прокормить скот на пастбищах, не имел возможности достаточно внимательно следить и ухаживать за посевом, который территориально всегда находился на далеком расстоянии от летних пастбищ. Все это отрицательно сказывалось на состоянии урожая. Участком пользовались обычно 3—4 года, а затем забрасывали его для восстановления плодородия. Часто использовали древнюю ирригационную сеть, местами сохранившуюся. В период существования народной республики впервые была осуществлена постройка более усовершенствованных каналов с некоторыми гидротехническими сооружениями.

Главным видом посевных культур у единоличников служило просо. Небольшие посевы его плохо обрабатывались, так как основное внимание уделялось скотоводству, и урожайность посевных участков была довольно низкая, вследствие слабой агротехники и отсутствия достаточной заботы о посевах. На снижение урожайности в единоличных хозяйствах влияли также и потравы посевов скотом. Поздняя весенняя откочевка от посевов и раннее возвращение к ним для уборки, отсутствие или недостаточность поскотин и т. п. делали потравы массовым и постоянным явлением.

Охота и рыболовство

Существенное значение в жизни тувинцев, особенно северных и восточных районов, имела охота на зверя. Охотились с ружьем преимущественно шомпольным. Названия пули *ок* (буквально «стрела») и пояса с набором мелких охотничьих принадлежностей (пороховница, мешочек для пуль и т. п.) — *саадак* (что означает «колчан со стрелами») указывают, что ружье сменило у тувинцев лук и стрелы. Лук и стрелы как орудие охоты были широко распространены у тувинцев еще в конце XIX в. Стрелы различались формой железного наконечника в зависимости от вида охоты, имели на конце трехгранное оперение и носились в колчане, сделанном из кожи, на войлочной подкладке. Охотясь на мелкого пушного зверька (белка и др.), употребляли стрелы с тупым наконечником из оленьего или марального рога. Охотились также со свистящими стрелами, у которых железный наконечник ромбовидной формы был снабжен роговой трубочкой-свистулькой. Из лука били также птиц. На птиц, кроме того, ставили волосяные петли. Зверьков тоже ловили самодельными капканами, особенно сусликов. Название ружья — *боо*—показывает, что ружье проникло к тувинцам из Монголии. На волков и лисиц иногда охотились верхом, облавами, с ружьями и плетями, а в начале нашего столетия *с уруками* (ременные петли на шесте).

Тувинцы занимались рыболовством. В Тоджинском районе было распространено озерное рыболовство весной и осенью (язь, окунь, щука, таймень). Рыбачили при помощи сетей, сплетенных из ниток или конского волоса. Сети (длиной до 15 м и шириной около 2 м) были снабжены дере-

вянными и берестяными поплавками, привязанными к пропущенной через всю длину сети по ее верхнему краю волосяной веревке, и грузилами из гальки, прикрепленными при помощи лыка к нижнему краю сети. Рыбаки обычно берутся за концы такой сети и заводят ее в озеро на плотиках, затем сплываются, перекрещивают концы сети и вытаскивают. Иногда рыбаки заводили на плотиках (или на верховой лошади) сеть к берегу, как невод. Ставили сети в озере, прикрепляя их к жерди, воткнутой в дно. Помимо этого, рыбу били острогой и ловили удочками. До революции употребляли для этого деревянные крючки, сделанные из березового или елового сучка. Щук ловили волосяной петлей в жаркие дни, когда щуки подходят к берегу и прячутся в траву; били их и из ружья. Иногда на речке устраивали запор из камней, в середину которого ставили «морду». По Енисею и некоторым озерам иногда ловили рыбу и зимой в прорубях, продалбливаемых при впадении в озеро речушек (сетями, крючьями и черпаками). По Енисею, Кемчику и другим рекам добывали хариуса, ленка (из семейства лососевых), тайменя и др.

В таежных районах имело также потребительское значение и служило подспорьем в повседневной пище добывание дикорастущих растений. Собирали преимущественно высокопитательные корни и клубни кандыка, сараны и стебли черемши, известной ценными питательными и противоцынготными свойствами. Кандык и сарану в большом количестве запасали впрок. Кандык копали в мае, сарану — в конце августа и начале сентября; занимались этим преимущественно женщины и дети. Выкопанные корни варили, сушили и хранили в мешках. Это — своеобразный таежный картофель, ибо клубни (особенно кандыка) богаты крахмалом. В небольшом количестве заготовляли кедровые орехи, сбивая шишки ударами по стволу кедра деревянными колотушками. Сбор этого ценного продукта тайги не получил здесь большого размера и товарного значения.

Домашнее и промышленное производство

К числу домашних производственных занятий тувинцев относилось изготовление войлока, кузнечных изделий и обработка дерева. Войлок при кочевом образе жизни имеет важное значение. Он необходим прежде всего для покрытия переносного жилища, для постелей, ковриков, подстилок, потников для заседлывания лошади и т. д. Поэтому изготовление его входило в круг постоянных работ каждой семьи, которая вела кочевой образ жизни. Шерсть, предназначенную для изготовления войлока, мыли в горячей воде, затем разбивали длинными палками, раскладывали ровным слоем и скатывали, обертывая вокруг деревянного вала. Этот вал, при помощи деревянных петель, надетых на его концы, привязывали к веревкам, укрепленным у седла верховой лошади, и катали по ровной земле, до тех пор пока войлок не делался плотным.

Кузнечество было распространено у тувинцев задолго до революции. Кузнецы изготовляли удила, пряжки и подпруги, стремена, железные таганы, огнива, тесла и т. п. Среди аратов-единоличников можно было встретить кузнеца с небольшим набором старых инструментов, приспособленным для кочевого образа жизни (маленькая наковальня и несколько молотков, щипцы, камень для шлифовки и стачивания изделий и пр.). Известным своеобразием отличаются маленькие самодельные меха (*хурюк*). Они сшиты из шкуры козла (шерстью вверх) жильной ниткой и походят на штанины. Каждый мех суживается книзу и надет на деревянную (полую внутри) развилину, к которой привязан ремешками. Широкие края сшиты, но в них оставлено отверстие.

Обработка дерева также давно была известна тувинцам. Они достигли в ней большого совершенства, хотя и пользовались обычно примитивным набором инструментов (нож, различные виды тесел, сверло и т. п.).

Обработка оленьей шкуры

До революции ассортимент изделий из дерева ограничивался небольшим количеством предметов домашнего обихода (деревянные части юрты, различная посуда, основы седел, шкафчики, художественно вырезанные игрушки, шахматы и др.).

В единоличном хозяйстве сохранялись старинные приемы домашней обработки и выделки шкур диких и домашних животных. Снятую шкуру очищали от мяса и жира железным скребком (*хыргы*), шерсть сбривали ножом, затем шкуру растягивали на земле при помощи деревянных колышков, вбитых по краям, и по мездре намазывали кашицей из гнилушек лиственницы или ели, разведенных в воде (при выделке оленьих и козлиных шкур) или в оленьем молоке (для шкуры сохатого или марала). Затем шкуру свертывали и она в течение суток дубилась. Потом ее мяли деревянной палкой (*эдирээ*), покрытой зарубками, для чего шкуру клали на доску, край которой в момент работы поднимали и упирали в грудь, и обеими руками водили палкой вверх и вниз. Этой трудоемкой и тяжелой работой занимались обычно женщины, затрачивая 2—3 дня на обработку одной шкуры, потом ее дымили над очагом в юрте. Так обрабатывали шкуру для зимней покрышки юрты и для шитья одежды (преимущественно тувинцы-оленеводы). При выработке конской или коровьей шкуры ее также очищали скребком, мочили 3—4 дня в реке, смазывали салом и мяли на ручной кожемялке (сделанной из большой рогатины дерева) жердью. При выработке овчин шкуру по мездре намазывали кислым молоком, завертывали, затем мяли палкой.

В период существования народной республики хозяйство тувинцев развивалось и крепло, росло поголовье стада, улучшалась по сравнению с дореволюционным периодом техническая база сельского хозяйства, особенно земледелия. На развитии экономики не могли не сказаться постоянная помощь со стороны Советского государства, систематическая работа по улучшению и развитию народного хозяйства тувинской народно-революционной партии и правительства. Большую роль сыграли организация государственных хозяйств, тожземов и колхозов, ликвидация эксплуататорских элементов, раскрепощение женщины и повышение культурного уровня освобожденных от гнета двойной эксплуатации тувинских аратов.

В тувинском народном хозяйстве впервые появилась промышленность. К 1941 г. здесь, кроме добычи золота и угля, было построено несколько небольших заводов и предприятий (лесопильный, кирпичный, авторемонтный, пищевой и пошивочный комбинаты) местного значения, а также небольших электростанций; освоены переработка кож и шерсти

и выпуск металло-скобяных изделий. Это было, конечно, большим достижением в развитии народного хозяйства тувинцев, учитывая их недавнее прошлое. Однако промышленность молодой народной республики была слабой и развивалась медленно, даже несмотря на помощь Советского государства, так как общая экономическая и культурная отсталость Тувы и недостаток собственных материальных средств являлись весьма серьезным препятствием для развития этой отрасли народного хозяйства тувинцев.

Жилища и одежда

Указанные выше причины тормозили переустройство и развитие быта и культуры трудящихся тувинцев. Домашний быт аратов, несмотря на улучшение общих политических, экономических и культурных условий жизни в период существования народной республики, сохранял в основном еще старые черты. Главным типом жилища была войлочная юрта, которая сохранилась местами до настоящего времени. Остов ее состоит из 6—8 звеньев деревянной решетки, поставленной в круг. Решетка, высотой около полутора метров, летом привязывается к кольям, вбитым в местах соединения звеньев, для того чтобы придать юрте устойчивость, необходимую при сильных ветрах. Крыша тувинской юрты сферической формы (как у монголов). Она состоит из палок (*ынаа*), одним концом привязанных к верхней части решетки, другим — вставленных в деревянный круг (*хараача*, или *доона*) дымового отверстия. Войлочное покрытие юрты состоит из 7 частей. Из них 4 покрышки нижние — *адакы*, покрывающие решетку и частью заходящие на купол, две покрышки верхние — *дээвиир* (не следует путать с наименованием железа, которое на тюркских языках обозначается термином *тебир* или *темир*), покрывающие купол, и одна маленькая — *ёреге*, прикрывающая дымовое отверстие. Любопытно, что названия деревянных частей юрты — монгольские, а названия войлочных покрышек — тувинские. Объясняется это тем, что тувинцы покупали деревянные части юрты в готовом виде у монголов и таким образом заимствовали и названия их, а войлочные покрышки делали сами. Описанные покрышки юрты снабжены на концах 3—4 шерстяными тесемками (*баг*), которыми они привязываются к юрте, охватывая ее кругом. Для большей устойчивости юрты от ветра через нее перебрасываются тесемки (*базырыг*), на концах которых привязаны камни. Решетчатый остов стягивается белой шерстяной тесьмой (*иштики кур*). Снаружи поверх войлока юрту обтягивает внешняя опояска (*даштыкы кур*).

Посредине тувинской юрты стоит круглая маленькая железная печка, верх которой накрыт железным листом, снимающимся, когда на печку ставят большой чашеобразный котел. Труба печки, также железная, выведена вверх через дымовое отверстие. Направо от входа с низкой деревянной дверью располагается кухонная утварь: различная посуда, по преимуществу покупная, деревянные кадки для кислого молока, крашеные тувинские шкафчики с дверцами для посуды и продуктов. У одной из стен юрты поставлена деревянная кровать с резным или расписанным красками орнаментом. На кровати лежит войлок, служащий матрацем, и узкая продолговатая подушка из войлока или травы, обшитая кожей, с расшитыми и украшенными пуговицами боками. Далее вдоль стены идут сундуки и кожаные мешки с различным домашним имуществом, стоящие в переднем углу (*дёр*), т. е. у стены против входа. Решетчатые стены юрты украшены фотографиями, портретами, плакатами; можно встретить и зеркало, на сундуке в стопках книги и газеты, швейную машину. Вдоль левой стены от входа хранятся седла, сбруя, охотничье ружье и прочие немногочисленные вещи скромного домашнего обихода. Пол, на котором сидят и едят обитатели, покрыт простеганным войлоком.

Войлочная юрта

1 — внешний вид; *2* — остов

Корьевое жилище

1 — коническое; *2* — четырехугольное, Тоджа

У тувинцев Тоджинского района, занимавшихся охотой и оленеводством, сохранялся еще более архаический тип жилища из жердей в виде конического шалаша, покрываемого на зиму выделанными оленьими шкурами, а летом — берестой и корой лиственницы. Этот тип жилища можно изредка встретить и теперь в хозяйственном обиходе тувинцев.

Летнее покрытие делается из берестяных покрышек — полос длиной 2—3, шириной 0.75 м. Таких покрышек бывает обычно 12 и кладутся они на остов в 4 ряда так, что верхний ряд ложится на нижний, и снаружи придавливаются жердями. Вход в жилище с южной стороны. Береста подтвергается специальной обработке. Ее сворачивают в трубку и вываривают в котле с водой в течение 2—3 дней, после чего ее кроят по ширине и сшивают каждую покрышку из 3 полос. Шьют нитками из овечьей шерсти.

Зимнее жилище по своей конструкции ничем не отличалось от летнего. Покрывалось оно шкурами. Покрышка — треугольное полотнище из шкур сохатого. Покрышку клали на остов и привязывали с обоих краев ремешками к жердям, ограничивающим вход. Образующаяся над дверью щель закрывалась отдельным куском шкуры. Покрышка (*чывыг*) выкраивалась из 12—18 шкур, сшивавшихся жильными нитками. Снаружи она придавливалась, как и на летнем жилище, жердями. Чывых служила много лет. Размеры среднего шалаша: около 5 м в диаметре и до 3 м в высоту.

У скотоводов Тоджинского района имелся еще один тип жилища — *алачӧг*, сходный с жилищем оленеводов. Это — тот же конический шалаш с остовом из жердей (*алажы*). У него берестой покрывалась лишь верхняя часть, нижняя же — кусками лиственной коры (*шанда*).

По внутреннему устройству летнее и зимнее жилища оленеводов не различались. В центре — очаг, вернее, место для костра, либо железная печка. Котел (*паш*) с двумя ушками подвешивался на деревянных крюках к волосяной веревке, свисающей с вершины алачека. Убранство алачека было весьма простым. Вокруг стен расставлялись на подложенных жердях переметные сумы (*барба*), седла верховые и вьючные. На правой стороне подвешивалась на крючках из оленьего рога или дерева (*аскы*), привязанных к жердям, берестяная посуда, круглые берестяные ведерки (*со*), мешочки из шкур (*хап*) для чая, соли, муки, кожаные мешки (*кёгээр*) с молоком, матерчатые мешки с сыром (*пыштак*) и т. д. Правая половина жилища — женская, тут производились все женские хозяйственные работы. У очага расставлялась утварь: берестяные корытца (*одуш*) разных размеров, деревянные самодельные чашки (*аяк*), камень или деревянный обрубок, на котором разбивали кирпичный чай в кожаном мешке, ударяя по нему обухом топора, здесь же можно было увидеть копалку для сараны (*озук*).

На правой же стороне, если имелся грудной ребенок, подвешивали колыбель (*хавай*) — маленькое берестяное корытце, привязанное ремешками к жердям алачека. Кроватей не было. Хозяин и хозяйка спали обычно на полу на правой стороне, остальные члены семьи — где попало; на землю постилались шкуры, потники, покрывались снятой с себя шубой. Место у стены против входа считалось почетным. Здесь вешались обычно шаманские изображения духов — *ээрень*. Предметы ламаистского культа встречались у оленеводов редко.

Одежда аратов в рассматриваемый период сохраняла по своему покрою и виду дореволюционный облик, но ткани фабричного производства, завезенные из СССР, получили большое распространение и стали доступны широким слоям населения.

Пища тувинцев, как и одежда, сохранила национальные особенности и до настоящего времени.

Утварь

1 — деревянный сосуд для молока; *2* — железный таганок для котла; *3* — щипцы для углей; *4* — колотушка из куска ствола для толчения вареной сараны; *5* — копалка для корней сараны; *6* — деревянное сито с сеткой, сплетенной из ремешков; *7* — толчение зерна в ступке; *8* — медный кувшин для чая; *9* — берестяное ведерко; *10* — кожаный сосуд для араки

Средства передвижения

Главным средством передвижения у тувинцев была верховая и вьючная лошадь, в некоторых местностях (Тоджинский и Терехольский районы) северный олень. В южных и западных районах ездили также на быках и яках. Верховое и вьючное седла тувинцев хорошо приспособлены к местным условиям передвижения. Вьючное (*ынгырчак*) имеет только деревянную основу, через которую перекинут вьюк. У верхового седла седельная подушка сделана из войлока и обтянута кожей. Оно имеет высокую, почти вертикально стоящую переднюю луку и более низкую заднюю, откинутую назад. Дуги лук обиты жестью. К деревянным ребрам седла, кроме стремян, привязано (спереди и сзади) по паре длинных ремешков для привязывания поклажи. Особенностью тувинского седла являются полки (*менсе*) в виде кожаных прямоугольников (часто с закругленными краями), покрытые тисненым орнаментом, выходящие из-под подушки и прикрывающие часть ремня стремени. Они предохраняют ногу от стирания о ремень стремени и служат нарядным украшением седла. Под седло кладется толстый потник из войлока. Он покрывается длинным, свешивающимся ниже стремян, кожаным чепраком, которым покрыты подпруги. Оленное седло (верховое и вьючное) сделано по образцу конского и переносит на оленя способ седлания и вьючения лошади. Вьюк возят в кожаных сумах из выделанной кожи жеребенка или шкуры оленя шерстью вверх. Вьючное седло для быка такое же, как и для лошади и оленя, но короче. Оно также состоит из двух деревянных досок, имеет луки, верхушки которых соединены круглой палкой (перекладиной). Узда, подхвостник, нагрудник и подпруги изготовлены обычно из кожаного ремня. Узды и повод бывают также волосяными. Из других средств передвижения у тувинцев применялись (и продолжают применяться) лыжи и плот. Лыжи, как и теперь, наиболее широко распространены были в Тоджинском районе, преимущественно на охоте, а при большом снеге и при собирании скота. Делали их из ели, снизу подбивали камусом с ног сохатого, оленя, лошади. Длина лыж должна превышать рост их обладателя на одну четверть. Ходят на лыжах с палкой (*таяк*). Передвижение по рекам и озерам совершали на плотиках (*сал*), сделанных наскоро из сваленных круглых деревьев, связанных ветвями березы или ивы, что наблюдается и до настоящего времени.

Таков был, в общих чертах, материальный домашний быт тувинцев перед вступлением их в состав СССР. Добавим, что дореволюционный уклад в значительной мере сохранялся в семейных отношениях. Несмотря на то, что законодательство народной республики гласило о раскрепощении женщины, что постепенное вовлечение тувинки в экономическую и общественную жизнь весьма содействовало не только юридическому, но и фактическому ее раскрепощению, все же во многих аратских семьях продолжали существовать старые обычаи и обряды (в отношениях женщины с родственниками мужа, в свадебном обряде и т. д.), отражавшие прежнее подчиненное положение женщины в семье.

Народное образование

Правительство Тувинской Народной Республики и тувинская народно-революционная партия большое внимание уделяли развитию культуры и, в частности, народного образования трудящихся, ибо до революции грамотность тувинцев была не выше 1.5% и то за счет лам, чиновников и прочей феодальной верхушки, знавших монгольскую грамоту (своей письменности тувинцы не имели). Трудящиеся тувинцы были не только в полной политической и экономической, но также и в духовной зависимости от феодально-теократической знати. Свыше 5 тыс. лам, обслуживавших около 30 хуре и более тысячи шаманов были «учителями» и «наставниками» тру-

дового аратства. Эта армия невежественных эксплуататоров и тунеядцев буквально парализовала духовные потребности рядовых тувинцев и вмешивалась в каждый шаг их личной жизни. Светское образование на родном языке у тувинцев зародилось и достигло первых значительных результатов уже за период народной революции. В 1930 г. при помощи Академии Наук СССР была создана тувинская письменность на латинской основе. Но латинская графическая основа не оправдала себя практически. Она весьма тормозила темпы роста грамотности. И только перевод тувинского алфавита на русскую основу в 1943 г. устранил это препятствие. Накануне вступления Тувы в состав СССР в ней работало 86 школ с 4152 учащимися. Тувинская школа с момента своего возникновения развивалась как школа-интернат, так как при кочевом образе жизни большинства тувинцев именно такой тип школы оказался наиболее целесообразным, поскольку он давал возможность учащимся весь учебный год жить стационарно. Были попытки создания кочевых школ. В период 1934—1939 гг. таких школ насчитывалось 42. Они работали только летом (с мая по август включительно), помещались в палатках и кочевали вместе с аратами. В них преподавались родной язык, арифметика, естествознание, рисование, пение, гимнастика. Эти школы сыграли известную положительную роль в далеких и труднодоступных районах, где строительство школ-интернатов было затруднено. Однако со временем они были реорганизованы в школы-интернаты с нормальным сроком обучения, так как не могли дать необходимых знаний учащимся и вызывали у аратов-кочевников неверное представление о задачах школьного обучения, поскольку многие из них находили летнюю школу с ее сокращенным сроком обучения более удобной, чем стационарная, которая на длительное время требовала полного отрыва ребенка от семьи. Открытие стационарных начальных школ у тувинцев было сопряжено вначале с большими трудностями из-за отсутствия оседлых поселений и особенно помещений. Местами такие школы сначала ютились в двухкомнатной избе, где в одной комнате жили преподаватели, в другой — ученики. Школьных пособий и мебели не хватало, начало и окончание учебного года были неопределенными. Для преодоления этих трудностей было начато строительство специальных помещений для школ-интернатов и квартир для учителей. За период с 1930 по 1940 г. было выстроено свыше 200 зданий. Нужно отметить, что большая часть школ была построена силами самого тувинского народа.

О развитии культуры трудящихся тувинцев в рассматриваемый период свидетельствуют зарождение национальной литературы, создание прессы, издательств, появление науки и искусства, медицины. Население Тувы впервые увидело газеты и журналы на родном языке. Некоторые из них издавались также и на русском языке. В 1930 г. был создан Тувинский ученый комитет, который положил начало основанию государственного архива, библиотеки и музея. Комитет активно участвовал в создании национальной тувинской письменности, в составлении и издании национальных учебников, подготовке педагогических кадров, в ликвидации неграмотности. В 1933 г. была основана Тувинская сельскохозяйственная опытная станция. В 1940 г. Тувинская театральная студия положила начало тувинскому профессиональному музыкально-театральному искусству, зародившемуся на почве художественной самодеятельности.

Медицина

До национально-освободительной революции тувинцы не имели научной медицины, больные обращались к невежественным шаманам и ламам, которые только ухудшали состояние больного и при этом обирали его, требуя за «лечение» плату скотом, продуктами, материей и т. д. Многие ламы выдавали себя за лекарей (*эмчи*) тибетской медицины. Применяя частично различные травы,

ламы в основном прибегали к религиозно-магическим действиям, основанным на использовании грубых и невежественных религиозных представлений тувинцев. Ламы всячески поддерживали, укрепляли и распространяли в среде трудящихся аратов эти дикие суеверия и, пользуясь ими, обирали своих пациентов дочиста. Достаточно вспомнить *амын чолку*, применявшийся ламами к тяжело больным. Лама делал чучело, которое одевал в лучшую одежду больного, сажал его на лучшего коня, принадлежащего больному, и уводил коня с чучелом в глухое место, объявив семье больного, что таким образом дух болезни покинул больного. Конечно, коня и одежду лама забирал себе. Шаманы «лечили» больных также изгнанием духа болезни, вымогая имущество больного под видом всевозможных жертвоприношений.

Впервые медицина проникла в Туву после 1909 г., когда туда стали наезжать отдельные русские врачи и фельдшеры, посещая торговые фактории русских купцов и попутно оказывая медицинскую помощь и тувинцам. Однако случаи обращения тувинцев к русским медикам были редки, так как это запрещалось ламами, шаманами и административными властями. Систематическое научное медицинское обслуживание тувинцев началось только после революции, когда правительство СССР организовало специальные экспедиции Наркомздрава СССР. Из Советского Союза в Туву приехали квалифицированные медицинские работники, ввозились новейшие инструменты, оборудование и медикаменты. В течение первых же десяти лет с момента зарождения медицинского дела в Туве было построено 13 больниц, из которых Кызыльская и Чаданская имели хирургические отделения. В 1929 г. при Кызыльской больнице впервые организовано родильное отделение, затем такие же отделения стали создаваться и в районах, где, принимая во внимание специфику кочевого быта тувинцев, были устроены для рожениц еще дома ожидания. В эти дома женщина приезжала примерно за месяц до родов и, находясь там в хороших условиях под врачебным наблюдением, обучалась личной гигиене и уходу за ребенком. При наступлении родов женщину перемещали в родильное отделение больницы и при выходе снабжали ее детским приданым.

С 1936 г. в Туве начинают появляться собственные медицинские кадры: акушерки, медсестры, аптекари, а с 1941 г. — собственные фельдшеры и врачи, получившие подготовку в Учебном комбинате г. Кызыла и некоторых высших учебных заведениях СССР.

Таким образом, постоянная помощь Советского государства и русского народа за период существования народной республики дала возможность трудящимся тувинцам достичь некоторых успехов в повышении своего экономического и культурного уровня. Формы этой помощи были разнообразны и охватывали все стороны жизни тувинского народа. Однако экономическая, политическая и культурная жизнь тувинского народа в условиях народной республики развивалась крайне медленно.

ТУВИНСКАЯ АВТОНОМНАЯ ОБЛАСТЬ[1]

Подлинный расцвет тувинской культуры начался только в условиях советского государственного строя, когда тувинский народ вступил в друж-

[1] За последнее время вышло в свет несколько специальных работ, посвященных Туве: Х. М. Сейфулин. Образование Тувинской Автономной Области. Кызыл, 1954; Л. В. Гребнев. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл, 1955; В. В. Осипова, В. А. Соколов, А. П. Глотов, Г. М. Тапханаков. Колхоз «Путь к коммунизму». Кызыл, 1955; Н. А. Сердобов. Народное образование в Туве. Кызыл, 1953.

Верховая конская сбруя

1 — конь под одним седлом; *2* — конь под двумя седлами

ную семью советских народов. С этого момента перед тувинским народом открылись неограниченные возможности для развития и процветания, что благотворно сказалось на всем облике жизни тувинцев уже в первые годы их существования в качестве полноправного советского народа.

Главной отраслью народного хозяйства современных тувинцев является сельское хозяйство, преобладающее значение в котором принадлежит животноводству. Однако и земледелие развивается здесь в таком темпе и роль его в экономике области растет так быстро, что оно становится также важнейшей отраслью народного хозяйства и базой для развития животноводства.

Тувинцы разводят овец, коз, лошадей, крупный рогатый скот, верблюдов, северных оленей, яков, свиней. Ведущую роль играет овцеводство. Вскоре после установления советского строя трудящиеся массы крестьянства приступили к организации колхозов, и в первые десять лет существования Тувинской автономной области свыше 95% аратских хозяйств объединились в сельскохозяйственные артели. Это была подлинная революция в жизни тувинского крестьянства. Коллективизация открыла большие перспективы развития сельского хозяйства тувинских аратов. Она позволила бывшим кочевникам-скотоводам, которые еще 10 лет тому назад вели отсталое технически и малопродуктивное хозяйство, быстро выйти на путь хозяйственного и культурного прогресса. Приведем для примера несколько колхозов. Колхоз «Чыраа-бажи» был организован в 1948 г. в местности Чыраа-бажи Дзун-Хемчикского района и объединил первоначально 63 хозяйства кочевников. До объединения в колхоз все эти хозяйства кочевали порознь в течение круглого года, сменяя пастбища для скота. В связи с этим каждый хозяин менял местожительство в течение года несколько раз и жил со своей семьей в войлочной юрте.

При объединении в колхоз араты осели и наряду с исконным скотоводством стали заниматься земледелием. Колхозу было отведено в вечное пользование свыше 15 000 га земли, в том числе 550 га пахотной. В 1949 г. посев зерновых занимал 300 га. Обобществленное стадо насчитывало 1000 голов. Для покоса использовалось свыше 500 га. Колхоз сразу же построил школу, здание для правления и клуба, 5 конюшен, 1 коровник (на 78 голов), 4 овчарни (на 800 голов), 4 зернохранилища, телятник и др. В колхозе было организовано массовое строительство жилых домов для колхозников. Собственный инвентарь колхоза состоял из 1 грузовой автомашины, 15 конных плугов, 7 сенокосилок, 2 жатки-самосброски, 2 молотилок, веялки конного привода, 2 зерносортировок. Этот колхоз, как и все остальные тувинские колхозы, большинство трудоемких земледельческих работ проводит силами машинно-тракторной станции. В 1948 г. на трудодень было выдано деньгами 2 р. 70 к., зерна — 2.8 кг, сена — 100 кг, соломы — 2 кг. Такой материальной обеспеченности, которую принесло аратам объединение в колхоз уже с первого же года, никто из них не только не получал от своего индивидуального хозяйства, но и не мечтал получить. Убедившись в преимуществе коллективного способа хозяйства, араты сельхозартели «Чыраа-бажи» усилили внимание к развитию своего колхоза, что не замедлило сказаться на повышении производительности труда. Многие из них стали перевыполнять в два-три раза установленный минимум трудодней.

Важным этапом в дальнейшем развитии этого колхоза явилось его укрупнение, после которого он получил новое наименование «Путь к коммунизму». За шесть лет своего существования колхоз вырос и превратился в хорошо организованное многоотраслевое хозяйство. Его обобществленное стадо насчитывает почти пять с половиной тысяч го-

лов, в том числе около 4 тыс. овец и коз, а посевная площадь — свыше тысячи гектаров. Трудоемкие полевые работы колхозу проводит Чаадан-ская машинно-тракторная станция. В 1954 г. валовой сбор пшеницы дал по 20—25 ц. с гектара, а овса и ячменя по 18 ц. В связи с высокой производительностью труда и ростом урожайности повышается стоимость трудодня. За 1954 г. колхозники получили на трудодень только зерна до 7 кг.

Это означает, что колхозники, выработавшие от 300 до 400 трудодней, получили по 2—3 т зерна. Так как у многих колхозников остался хлеб еще урожая 1953 г., то все они значительную часть зерна, полученного при распределении доходов, продают государству. Заметно возросла в колхозе продуктивность животноводства, доход от которого в 1954 г. составил 500 тыс. руб. С каждой овцы здесь стали получать почти 2 кг шерсти, в то время как раньше, при единоличном способе ведения хозяйства, шерсти настригали с овцы 500—600 гр. Продуктивность животноводства стала расти в связи с улучшением ухода за скотом и разведением высокопродуктивных пород (каракульские овцы, симментальские коровы и т. д.). Колхоз построил для скота ряд типовых помещений и перевел большую часть стада на стойловое содержание. Кроме сена, для корма скота заготовляется силос, солома и концентрированные корма. Исчезает постепенно старинный подсосный метод воспитания телят, являющийся одной из серьезных причин низких надоев молока.

Кроме основного дохода, получаемого от распределения продукции колхозного производства, колхозники имеют доход и от личного хозяйства, так как в хозяйстве каждого колхозника имеется 1—2 дойные коровы, овцы, свиньи, птица и огород. Надо сказать, что огородные культуры с каждым годом получают все большее распространение. Колхоз «Путь к коммунизму» разводит картофель, капусту, огурцы, помидоры, что в условиях прежней кочевой жизни было невозможно.

Новая экономическая база и переход на оседлость в короткое время и коренным образом изменили быт тувинцев-колхозников. До 1948 г. местность Чыраа-бажи была пустынным уголком, куда некоторые араты летом пригоняли скот. К 1954 г. здесь уже раскинулось оседлое селение колхоза «Путь к коммунизму» с прямыми улицами, в котором насчитывается более 200 построек.[1] Основную по площади часть селения занимают жилые дома колхозников, выстроенные строительной бригадой этого колхоза. Строительство жилых благоустроенных домов ведется не только для колхозников, постоянно проживающих в селении, но и для чабанов, пасущих овец на отгонных пастбищах, для доярок, живущих на молочно-товарной ферме. Каждая колхозная семья живет теперь в деревянном срубном доме, состоящем из 2—3 комнат, кухни и веранды и небольшого палисадника.

Внутри домов сложены кирпичные печи, установлены плиты. В этих теплых и светлых домах от старого кочевого быта ничего не осталось, за исключением разве единичных предметов. Комнаты меблированы покупной мебелью, в том числе хорошими металлическими кроватями. Стены украшены репродукциями картин Репина, Сурикова, Айвазовского и др., которые колхозники охотно покупают в магазинах. На окнах занавески, на стенах, особенно у кроватей, навешаны коврики. Освещаются дома электричеством. Имеется радио. Колхоз выстроил собственную

---

[1] В 1955 г. опубликована книга под названием «Колхоз „Путь к коммунизму“», в которой подробно и обстоятельно описаны экономические успехи колхоза, условия труда, жизни и быта колхозников.

электростанцию мощностью 25 киловатт, провел телефон. В центре колхозного селения — клуб, в котором работает стационарная киноустановка. В колхозе есть своя семилетняя школа, медицинский пункт, родильный дом, детские ясли, баня, хлебопекарня, магазин, небольшая гостиница. Дети колхозников, окончив свою семилетнюю школу, поступают в средние и высшие учебные заведения Кызыла, Абакана, Москвы, Ленинграда. В колхозе уже выросла своя тувинская интеллигенция, появились специалисты различных отраслей хозяйства: ветеринарный врач, зоотехник, бухгалтер, машинист локомобиля, заведующий столярной мастерской, заведующие животноводческими фермами, полеводы, шоферы и т. д. Председатель этого колхоза тов. Настык-Доржу избран депутатом Верховного Совета СССР.

У колхоза им. И. В. Сталина Тандинского района более сложная история, которая, как в зеркале, отражает путь развития тувинцев после Великой Октябрьской социалистической революции. Начало этого колхоза было положено в 1931 г. путем организации тожзема. Настоящий подъем этого коллективного хозяйства и культуры колхозников начался после того, как Тува вошла в состав Советского Союза. Особенно усилился этот процесс после укрупнения колхоза в 1951 г. Колхоз под современным его названием объединил три колхоза данного района. В связи с объединением производственные возможности колхоза резко возросли. После объединения посевная площадь составила более 1600 га, что позволило перейти на доходное крупное механизированное земледелие при помощи районной машинно-тракторной станции; в 1954 г. посевная площадь колхоза превысила 2 тыс. га. Ряд механизированных работ по уборке урожая электрифицирован (работы зернопульта, веялок); работают на электрической энергии лесопильная рама, столярные станки, две мельницы и т. д. Обобществленное стадо стало составлять свыше 4 тыс. голов крупного рогатого скота и около 5 тыс. овец. В 1954 г. стадо крупного рогатого скота выросло на 500 голов, а овец и коз более чем на 2.5 тыс. голов. Всего же в колхозе скота свыше 10 тыс. голов. Животноводство дает колхозу 60% всего дохода.

Развернулась работа по обеспечению колхозного стада стойловым содержанием, в связи с чем ведется строительство кошар для овец, скотных и конских дворов, свинарников. Как и по всей Туве, заготовка кормов в колхозе начинается теперь с весны, с посева на прифермских участках силосных культур, однолетних трав и других видов кормов, уделяется особенное внимание заготовке сена. Широко применяется и выпас скота, преимущественно лошадей и овец, на зимних пастбищах, где этому благоприятствуют местные условия. Впервые в 1954 г. колхозники начали заниматься овощеводством (картофель, огурцы, помидоры и др.).

Доходы колхозников вполне обеспечивают возможность благоустройства их домашнего быта. Уже в 1953 г. семьи колхозников, получивших при распределении доходов по 2 и более тонн зерна и несколько тысяч рублей деньгами, не были редкостью. Материальная обеспеченность колхозников и благоустроенность их быта отразились на характере жилища. Бывшие кочевники араты переселились в деревянные дома, в которые проведен электрический свет и радио. Такие вещи, как велосипеды, радиоприемники, патефоны, швейные машины и т. п., получили широкое распространение в колхозе, как и шерстяные и шелковые ткани для одежды.

О возросшей культуре колхоза убедительно свидетельствуют следующие данные. В колхозе имеется две школы: семилетняя и начальная с интернатом для тувинских детей, клуб со стационарной киноустановкой, библиотека (около 7 тыс. томов), медицинский пункт, детские ясли, обще-

ственная баня и т. п. По национальному составу колхоз смешанный, он объединяет тувинских и русских колхозников, дружно живущих и работающих по строительству новой жизни.

Укрупнение тувинских колхозов создало условия для более быстрого и мощного развития их экономики. Типичным примером этого может служить колхоз «Искра» Дзун-Хемчикского района, который в 1950 г. объединился с колхозом «Арыг-бажы» и тожземом «Чадан». В результате укрупнения увеличились посевы зерновых, урожай пшеницы составил в среднем 14 ц/га, причем на нескольких сотнях гектаров урожай получен по 21 и 25 ц/га. Стадо увеличилось более чем на 2 тыс. голов. В 1952 г. колхозники получили на трудодень только хлебом 4 кг, не считая других видов продуктов, а деньгами по 2 руб. Чабаны этого колхоза получили по трудодням на руки свыше 2 т зерна. В 1954 г. некоторые табунщики и чабаны этого колхоза получили только в качестве аванса, до окончательного распределения доходов, по 3—4 т хлеба.

Столь быстрые успехи коллективизации характерны не только для указанных выше колхозов, отнюдь не являющихся лучшими в области. То же самое можно сказать о колхозах «Большевик», «30 лет ВЛКСМ» Барун-Хемчикского района, о колхозах «Сталинский путь» и «Победа» Каа-Хемского района, «1 Мая» и «Советская Тува» Тоджинского района и многих других. Успехи эти характеризуют быстрый темп экономического и культурного прогресса всего тувинского колхозного крестьянства в целом. Они объясняются теми особо благоприятными условиями, в которых оказались араты в результате вхождения Тувы в состав СССР. Большая и постоянная помощь тувинским колхозникам от Советского государства и всего русского народа, использование богатого опыта колхозного строительства, накопленного крестьянством Советского Союза, материальная заинтересованность трудящихся тувинцев в развитии колхозного хозяйства позволили им в исключительно короткий срок использовать преимущества социалистической системы хозяйства. Коммунистическая партия Советского Союза непосредственно руководит и направляет социалистическое переустройство экономики, культуры и быта Тувы, Советское правительство оказывает большую материальную помощь. Только за последние 5 лет Советское правительство вложило в развитие сельского хозяйства Тувы более 100 млн руб. Весьма ценной и эффективной оказалась помощь государственными безвозвратными и долгосрочными ссудами тувинским аратам при организации колхозов.

Колхоз «Чодураа» (ныне колхоз им. С. М. Кирова) Улуг-Хемского района, например, получил безвозвратной и долгосрочной ссуды свыше 150 тыс. руб.; колхоз «Чагатай» Тандинского района — безвозвратной ссуды 110 тыс. руб.; колхоз «30 лет ВЛКСМ» Барун-Хемчикского района — 90 тыс. руб. и т. д. Советское государство направило в Туву мощную советскую сельскохозяйственную технику, создав здесь, в течение 10 лет, 12 машинно-тракторных станций с большим тракторным и комбайновым парком, снабдило Туву автотранспортом и построило большой тракт, связав область с Сибирской железной дорогой, направило сюда много специалистов по различным отраслям сельского хозяйства, промышленности и культуры. Эти представители русского народа оказали и продолжают оказывать тувинцам важную помощь.

Опираясь на материалы, характеризующие развитие сельского хозяйства в тувинских колхозах, представляется возможным дать краткую общую характеристику сельского хозяйства тувинцев за первое десятилетие их жизни в условиях советского государственного строя. За это время у них завершилось в основном землеустройство колхозов и сов-

Новый поселок колхоза «Мурнакчи»

хозов, оформлены и получены государственные акты на вечное пользование землей, согласно Конституции Советского Союза.

Животноводство

В сельском хозяйстве ведущее значение получило животноводство при одновременном интенсивном развитии земледелия. В животноводстве ясно определилось в качестве основного направления овцеводство, намечен в то же время рост поголовья крупного рогатого скота. Животноводство из кочевого превратилось в оседлое. Новая техническая база в животноводстве внедряется как по линии улучшения племенного состава стада, так и по линии методов ухода за скотом. Идет перевод на стойловое содержание дойных коров и молодняка. Осуществляется полный отказ от применения архаического подсосного метода доения и сделаны уже первые шаги для постепенного внедрения механизированной дойки коров при помощи электричества; началась электромеханизация и другой трудоемкой работы — стрижки овец. Механизируется заготовка различных видов кормов и, прежде всего, заготовка сена, расчистка лугов и покосов от кустарников на основе применения техники машинно-тракторных станций. Приняты меры по изысканию и использованию подземных глубинных вод путем устройства артезианских и шахтных колодцев для обводнения сухих степей Тувы с целью увеличения пастбищ и покосов. На ряде животноводческих ферм уже вводится комплексная механизация при помощи специальных монтажных бригад машинно-тракторных станций.

Налаживается ветеринарная помощь. Ранее в Туве не было ни одного ветеринарного работника. Заболевший скот пытались «лечить» первобытными, часто магическими способами, которые лишь способствовали распространению заразных болезней. Ветеринарная помощь у тувинцев была организована в 1928 г. при помощи правительства Советского Союза, а в 1938 г. появились национальные ветеринарные кадры (3 врача и 50 ветфельдшеров). В настоящее время повсюду работают как стационарные вете-

ринарные участки и пункты, так и передвижные пункты, обслуживающие пастбища. Организован ветеринарный надзор, проводятся профилактические мероприятия. Положено начало постоянной и систематической подготовке кадров работников по животноводству.

В качестве особенности социалистического животноводства у тувинцев следует отметить широкое использование естественных пастбищ, летних и зимних, которыми так богата Тува. Пастбищное содержание скота у тувинцев основано на плановой и наиболее целесообразной смене пастбищ в течение круглого года с учетом высотного расположения горных пастбищ. Пастбищные угодья берутся на учет, инвентаризируются, распределяются и закрепляются за колхозами. Колхоз проводит разделение пастбищ по сезонам, с установлением сроков использования сезонных пастбищ и перегонов скота. Широко применяется многовековой народный опыт тувинцев по содержанию скота на пастбищах. На оттонных дальних зимних пастбищах колхозы создают страховые запасы корма. В различных местах строят надежные и прочные укрытия для скота в непогоду.

Бригадная организация труда, специализация колхозников по отдельным видам скота позволяют рациональнее использовать летние и зимние пастбища. Последние разбивают на определенные участки (дальние, ближние, горно-степные, долинные, по качеству корма и т. д.) и стравливают наиболее рационально для определенных видов и возрастных групп скота. Лучшие и наиболее близкие к зимним стоянкам пастбища оставляют на наиболее холодные и тяжелые месяцы, их используют в период массового расплода. Наличие рабочей силы и другие материальные возможности колхоза обеспечивают выпас скота на дальних пастбищах; осваиваются новые пастбища, что способствует расширению естественной кормовой базы.

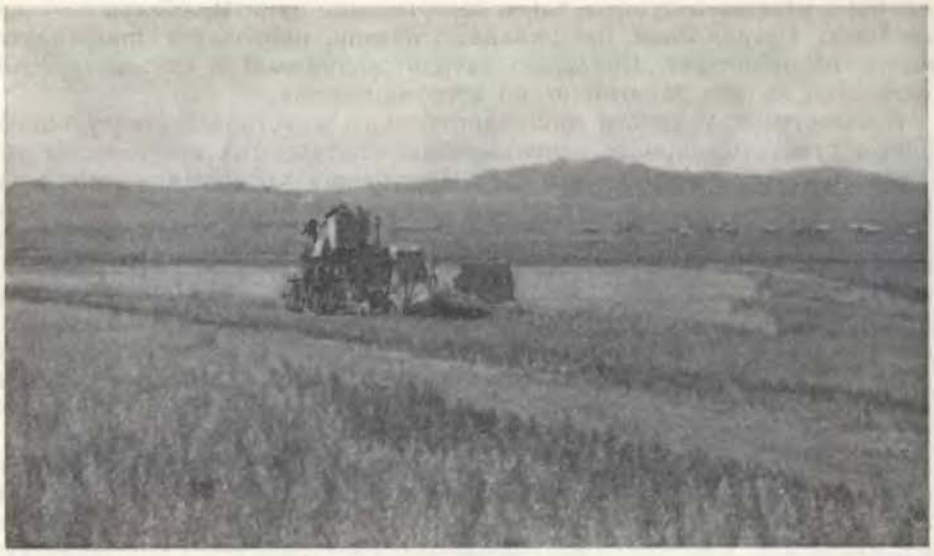
При объединении в колхозы ежедневная пастьба скота, которая ранее была основным занятием каждого тувинца, стала производиться определенными бригадами. Благодаря этому тувинцы получили возможность заниматься и другими видами труда. Освободившиеся от пастьбы скота колхозники организованы в полеводческие, строительные и прочие производственные бригады.

Преобразование животноводства тувинцев из мелкого единоличного в крупное социалистическое в короткий срок позволило колхозникам приступить к решению основной задачи — повышению продуктивности животноводства — и добиться значительных успехов в этом.

Земледелие

При коллективизации впервые в истории тувинцев стало возможным развитие земледелия. Земледелие приобрело в народном хозяйстве тувинцев крупное значение. Тува за 10 лет освоения социалистического земледелия не только перестала ввозить, но и стала производить товарный хлеб. Подняты десятки тысяч гектаров целинных и залежных земель. Особенно велико значение земледелия для расширения и укрепления кормовой базы животноводства. Основой тувинского земледелия является зерновое хозяйство, в котором большое внимание уделяется посевам пшеницы. В технике важное значение имеют способы орошения, так как земледелие в Туве, как и освоение новых посевных площадей, связано с орошением полей.

Общественная собственность и коллективный труд, при плановом хозяйстве и исключительно большой практической помощи государства, в короткий срок преобразили тувинское земледелие. Тракторы и комбайны в настоящее время являются основным видом сельскохозяйственных машин в Туве, за исключением тех немногих мест, где эти машины трудно применить по условиям рельефа. С 1950 г. из практики тувинских колхозов полностью устранен ручной сев. Механизация главнейших видов земле-



Уборка пшеницы комбайном. Овюрский район, колхоз «Путь к коммунизму»

дельческого труда в колхозах позволила поднять технику тувинского земледелия на современный уровень. Центром механизации являются машинно-тракторные станции.

Современная агротехника стала применяться у тувинцев только в советский период. До этого времени тувинцы не имели и понятия, например, об обработке паров и зяби, о сортовых семенах и обработке их перед посевом, об удобрениях, о севооборотах и т. д. Переходу к современной агротехнике способствовала большая организационная и разъяснительная работа, которая проводилась под руководством областной партийной организации, а также распространение опыта русских колхозов в области.

Развитие агротехники благоприятно сказывается на повышении урожайности. Еще в 1945 г. урожайность зерновых в Туве составляла в среднем около 6 ц/га, а в 1948 г. она повысилась до 15.5 ц/га. Передовые русские колхозники стали получать урожай от 22 до 33 ц/га. К сожалению, такие урожаи были получены на небольших участках, так как была распространена звеньевая организация труда, которая вела к дроблению поля на мелкие участки и весьма тормозила применение передовой техники, а также распыляла силы и средства колхозов. Укрупнение колхозов, переход на бригадную организацию труда устранили этот тормоз. Урожай в 20—30 ц с гектара получают сейчас многие колхозы Тувы и на больших площадях.

Наиболее ярким примером может служить работа Маады Парынмаа (колхоз им. Кочетова), заслужившего высокое звание Героя Социалистического Труда.

Колхозники тувинцы прекрасно овладевают сложной техникой крупного механизированного земледелия. Многие тувинцы, всего несколько лет назад впервые увидевшие трактор и комбайн, в настоящее время, работая трактористами и комбайнерами, настолько овладели техникой, что намного перевыполняют установленные нормы выработки. При ведущей пока роли русских трактористов и комбайнеров растут квалифицированные технические кадры в механизированном земледелии и из среды тувинцев.

Сбор первого урожая картофеля. Тоджа, колхоз «1 Мая»

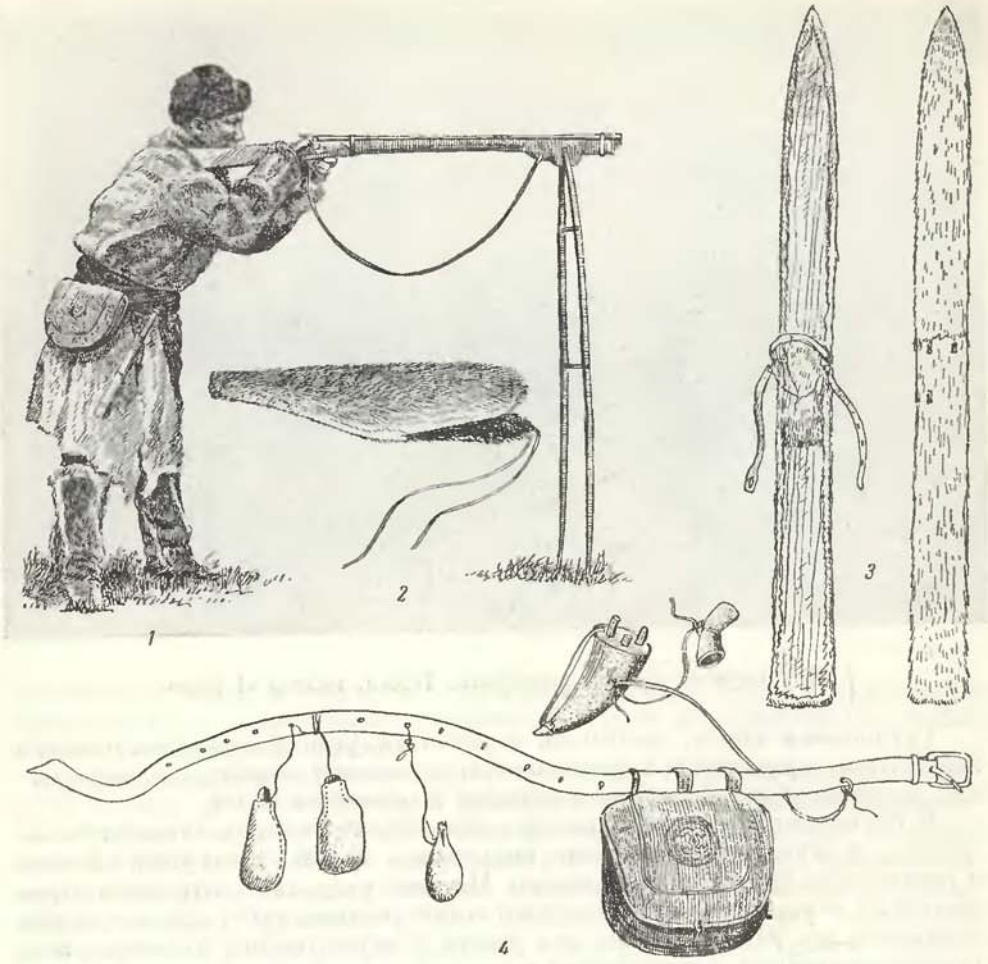
Трудящиеся араты, закрепляя и развивая успехи социалистического земледелия, приступили к решению такой важной задачи, как завершение перехода к новой системе орошения и осушения болот.

В процессе овладения техникой современного социалистического земледелия и животноводства резко повысились общий культурный уровень и техническая грамотность тувинцев. Многие тувинские колхозники отрываются на некоторое время от сельскохозяйственных работ для получения квалификации. Некоторые из них учатся в двухгодичной школе по подготовке колхозных руководящих кадров, другие занимаются на многочисленных курсах и в семинарах как в г. Кызыле, так и в районах. Повышают уровень своих знаний и без отрыва от обычной колхозной работы путем чтения, посещения лекций и специальных занятий, организуемых в колхозах районными и областными учреждениями. Готовит кадры и Тувинский сельскохозяйственный техникум. Для разработки научных вопросов сельского хозяйства организована в 1934 г. Тувинская сельскохозяйственная опытная станция, которая изучает породы и продуктивность местного тувинского скота, разрабатывает приемы агротехники применительно к условиям Тувы, ведет работу по сортоиспытанию полевых культур, выясняет возможность внедрения плодоводства и т. п.

Перешедшие к оседлости тувинцы впервые стали заниматься и огородничеством, выращивают картофель, капусту, морковь, помидоры и др.

Одним из показателей успехов в развитии сельского хозяйства Тувы является то обстоятельство, что ряд колхозов области, а также отдельные колхозники и механизаторы Шагонарской машинно-тракторной станции заслужили право быть участниками Всесоюзной Сельскохозяйственной выставки.

Большую роль в развитии и закреплении успехов сельского хозяйства Тувы сыграла и продолжает играть борьба местной партийной организации вместе с массой колхозного крестьянства за практическое



Снаряжение охотника

1 — охотник с кремневым ружьем на сошках; *2* — меховой чехол для замковой части ружья; *3* — лыжи, подшитые камусом; *4* — пояс с принадлежностями.

претворение в жизнь партийных решений о развитии сельского хозяйства. Именно на основе этой программы идет в настоящее время дальнейшее развитие сельского хозяйства в Туве. Местные партийные организации во главе с Тувинским областным комитетом КПСС повседневно руководят развитием экономики области, вскрывают недостатки и намечают пути их устранения.

Охота

Наряду с развитием сельского хозяйства в некоторых районах Тувы продолжает сохранять значение охота. Она играет существенную роль в хозяйстве северо-восточных районов Тувы, особенно Тоджинского. Охота на пушного зверя имеет товарное значение для народного хозяйства всей области.

Основным орудием охотничьего промысла стало современное ружье центрального боя, но местами сохраняется еще и шомпольное, даже тяжелая кремневка, из которой стреляют с особой деревянной подставки «сошек». Основной объект пушного промысла — белка, хотя добывают и других зверьков (соболя, горностая, выдру, лисицу и др.). Пушнину охотники продают государственным заготовительным организациям. Охота на крупного рогатого зверя, за исключением изюбря и марала, произво-

Первая колхозная электростанция в Тодже. Колхоз «1 Мая»

дится ради мяса и шкуры. На изюбря и марала охотятся для добычи ценных рогов (пантов).

Советское правительство помогает тувинцам развивать высокодоходный промысел пушного зверя. Государственные заготовительные организации заключают с тувинскими колхозами договоры, они завозят большое количество промышленных товаров, продовольствия и выдают эти товары охотникам авансом по заключенным договорам.

При выполнении договора колхоз получает. кроме оплаты за добытую пушнину, значительные суммы на возмещение расходов, связанных с организацией промысла. За перевыполнение договора заготовительная организация платит колхозу дополнительную сумму, предусмотренную договором.

Колхозы заключают также договоры о содействии. По условиям такого договора колхоз выделяет охотников для промысла, освобождая их на охотничий сезон от других видов работы. За такое содействие развитию пушного промысла государство платит колхозу дополнительно определенный процент стоимости сданной пушнины.

Колхозы выделяют своим охотникам лошадей, снабжают продуктами питания, заботятся даже о том, чтобы у охотников всегда были свежие газеты. организуют в тайге прием пушнины.

Промышленность и строительство

Первое десятилетие жизни тувинцев в условиях советской автономной области отмечено дальнейшим развитием местной промышленности, возникновение которой относится к периоду Тувинской Народной Республики и с самого начала связано с большой помощью Советского государства. За десятилетний период валовая продукция этой промышленности возросла в 4 раза и в несколько раз увеличилась производительность труда. Более всего увеличилась добыча угля и заготовка леса, а также строительных материалов (пиленые материалы, кирпич и т. п.) и товаров широкого народного потребления.

Развивается строительство местных электростанций. Электрическая энергия, получаемая на этих станциях, идет на производственные и быто-

Дом Тувинского Обкома КПСС и Облисполкома. Город Кызыл

вые нужды. Станции строят ряд крупных колхозов как в отдельности (например колхоз им. И. В. Сталина Дзун-Хемчикского района и др.), так и объединенно. В последнем случае строительством руководит межколхозный совет, избираемый строителями.

Перспективы развития промышленности в Туве велики. Особенно это относится к металлодобывающей и металлообрабатывающей отраслям. Появление промышленности и с нею рабочего класса оказывает большое положительное влияние на социалистическое переустройство быта, материальной и духовной культуры тувинцев.

Рабочие и техническая интеллигенция появились из среды аратов впервые в истории тувинцев. Они работают в самых различных отраслях промышленности. Имена многих из них широко известны тувинскому населению, например рабочий-строитель Оюн Калзан, механик МТС, депутат Верховного Совета СССР Чавыдак и др. Эти бывшие араты-пастухи являются передовыми представителями молодого растущего и крепнущего рабочего класса Тувы.

Тувинские рабочие живут в благоустроенных квартирах, меблированных на городской лад, носят платье городского покроя, как повседневное, так и праздничное, широко пользуются общественным питанием. Многие из них ведут небольшое домашнее хозяйство (держат корову, имеют огород). Рабочие тувинцы все грамотные, представляют собой наиболее передовую общественную группу тувинцев, которая вместе с тувинской интеллигенцией играет ведущую роль в переустройстве всей народной жизни на социалистических началах. Тувинская интеллигенция кровно связана с интересами народа и воспитана в духе советского патриотизма.

Возникают и развиваются национальные экономические и культурные центры Тувинской республики (Кызыл, Туран, Чадан, Шагонар), связывающие постепенно всю область в единое экономическое целое. Областной административный, экономический и культурный центр — г. Кызыл —

Старые виды транспорта, используемые и в настоящее время

1 — плотик — сал; *2* — вьючный сарлык с волокушей; *3* — вьючная лошадь, везущая дрова

связан с другими экономическими центрами нашей страны. Этот город расположен при слиянии рек Пий-хема и Каа-хема. Он заложен в 1914 г. русскими рабочими. Из маленького поселка Кызыл вырос в значительный город, который быстро благоустраивается. Его население только за последнее десятилетие увеличилось в 4 раза. Здесь, кроме административных и общественных областных учреждений, находится значительное количество предприятий местной промышленности (лесопильный и кирпичный заводы, мебельная фабрика, пищевой и швейный комбинаты и т. д.). В городе расположено свыше 20 различных школ, учительский институт, научно-исследовательский институт, музей и прочие культурные учреждения. В городе много магазинов, имеются гостиница, театры и т. д. С введением в действие строящихся в настоящее время мощной электростанции, ремонтно-механического завода, мельничного и мясного комбинатов и других предприятий г. Кызыл станет крупным промышленным центром Тувы.

Отделенная от других районов страны Восточными и Западными Саянами, не имея железной дороги, Тува широко развивает автомобильное грузовое сообщение, которым связано большинство районов области. Автобусное сообщение (и легковых машин такси) существует как в г. Кызыле, так и между рядом районов области. Автобусы и такси регулярно курсируют между городами Кызылом и Абаканом — центром Хакасской автономной области (ближайший от Тувы железнодорожный пункт) — через Саянский хребет. Однако имеются еще отдельные районы (Тоджинский и др.), куда можно проникнуть только воздушным и верховым транспортом. Наличие таких изолированных районов тормозит не только развитие экономических связей внутри Тувы, но и темпы развития социалистического строительства в этих районах. Наряду с автомобильным и воздушным транспортом у колхозников тувинцев широко вошли в быт упряжка лошади в телегу и сани по русскому образцу, почти вытеснившие вьючный способ перевоза груза. Сохраняется еще верховой транспорт. По рекам и озерам сообщаются на плотах, лодках и моторных катерах. Распространяется велосипед, мотоцикл и легковой автомобиль. Большое значение и распространение в Туве получила радио-телеграфная, телефонная и почтовая связь, весьма содействующая культурно-экономическому подъему области. По всей области идет жилищное строительство, связанное с переходом аратов на оседлость. Только в 1949 г. тувинские колхозники возвели свыше тысячи домов, десятки школ и сотни других различных хозяйственных и культурно-бытовых построек. Все это было сделано местными силами, руками колхозников. У тувинцев появились собственные кадры плотников, столяров, кровельщиков, мастеров по изготовлению кирпича. За первые десять лет в области построено только одних жилых домов свыше 6 тысяч. Жилищное строительство имеет огромное значение, так как создает материальную основу для перехода к оседлости, являющейся необходимым условием для дальнейшего развития хозяйственной и культурной жизни тувинцев.

В строительстве новых, социалистических форм жизни занято не только взрослое население тувинцев, но и школьники, участие которых в летнее время в производственных работах высоко ценится колхозниками. Школьники составляют большинство в транспортных бригадах, занятых на вывозке леса к месту строительства колхозных зданий, помогают в уборке сена и хлебов.

В колхозах обращается большое внимание на политическую, агитационную и воспитательную работу. Коммунисты и комсомольцы во время летних и осенних работ ежедневно проводят читку газет или беседы во время обеденного перерыва в бригадах, организуют си-

стематический выпуск стенной газеты, а часто и ежедневный выпуск агитационного листка, заботятся об отдыхе колхозников. У полевого стана нередко можно увидеть волейбольную площадку. Перед ужином молодежь может отдохнуть за любимой, широко распространившейся у тувинцев игрой. Комсомольцы организуют коллективы самодеятельности, которые выступают на полевом стане с концертами. Вся эта большая и повседневная воспитательная и культурно-просветительная работа партийной и комсомольской организаций в Туве направлена на развитие производственной и общественной активности колхозников, на улучшение результатов колхозного труда.

Этим же целям служат в колхозах и доски почета, показателей производительности труда. Показатели труда каждого колхозника становятся известными всему колхозу, что дает возможность быстро распространять опыт лучших, помогать и улучшать работу отстающих.

Личное хозяйство колхозника и жилище

Кроме коллективного хозяйства, являющегося основным источником дохода, у тувинцев-колхозников развито и личное хозяйство, имеющее подсобное значение для них.

В Туве установлено две группы районов, в которых размеры приусадебного земельного участка личного пользования и количество скота и птицы, находящихся в личной собственности колхозника, определены различно. В Кызыльском, Каа-Хемском, Пий-Хемском, Улуг-Хемском, Тандинском, Чаа-Хольском, Дзун-Хемчикском и Барун-Хемчикском районах, где развито и животноводство и земледелие, размер приусадебного участка колхозника определен в пределах 0.35—0.45 га, кроме земли, занятой жилыми постройками. В этих районах член сельскохозяйственной артели может иметь в личной собственности 1 лошадь, 2—3 коровы и телят, до 25 овец и коз, 2—3 свиноматки с приплодом, неограниченное количество домашней птицы и кроликов и до 20 ульев пчел.

В Бай-Тайгинском, Тес-Хемском, Тоджинском, Овюрском, Эрзинском и Сут-Хольском районах, где преобладающее значение в хозяйстве имеет животноводство, размер приусадебного участка колхозника, без земли, занятой жилыми постройками, исчисляется в 0.25—0.35 га. Но здесь каждый колхозник может иметь в личной собственности 4—5 коров (кроме молодняка) или 10 оленей (в оленеводческих районах), 1 лошадь или 2 верблюдов, 30—40 овец или коз, 2—3 свиноматки с приплодом, неограниченное количество домашней птицы и кроликов.

На приусадебном участке во многих районах колхозники тувинцы выращивают различные виды овощей. Пастбища для пастьбы скота, составляющего личную собственность, выделяет колхоз. Большую же часть года скот этот находится на стойловом содержании на усадьбах колхозников, в построенных ими скотных дворах. Корм для него колхозники получают на заработанные трудодни. В тех колхозах, где общественное хозяйство развивается и крепнет быстрее, где быстрее растут доходы колхоза, распределяемые на трудодни, у колхозников тувинцев наблюдается стремление сокращать размеры личного хозяйства, предусмотренные уставом сельхозартели, так как ведение личного хозяйства требует значительной затраты труда, а доходность его в таких колхозах гораздо ниже дохода, получаемого по трудодням.

Большую роль играют строительные бригады: от их работы зависят сроки перехода на оседлость. Бригады, в большинстве случаев возглавляемые коммунистами, основывают и строят целые селения, так изменяющие ландшафт Тувы. Выбор места для колхозных селений и их хозяйственных центров тщательно обсуждают на собраниях колхозни-

Переселение семьи колхозника в новый дом. Тандинский район

ков — первых жителей будущих селений. Строительство ведется по типовым проектам. Строят обычно одноквартирные дома, размером 5×7 или 6×7 м или двухквартирные, размером 10×6 м. При планировании новых тувинских колхозных селений предусматривается наиболее целесообразный порядок расположения производственных, общественных и жилых построек. Хозяйственные постройки располагают ближе к полям и выгонам, чтобы было удобнее подвозить урожай в склады, корм скоту, вывозить семена, удобрения и т. д.

Жилые дома колхозников деревянные, обычно с двухскатной, иногда с четырехскатной крышей, с русской печью и плитой. Они состоят из трех комнат с пятью широкими окнами, веранды, кладовой. Во многих тувинских колхозах налажено производство простейших видов деревянной мебели (различных столов, стульев, скамеек, шкафчиков, кроватей и т. п.), так как в юртах кочевников почти не было мебели, пригодной для обстановки в доме. В каждом колхозе в новые дома перешла на жительство уже значительная часть колхозников, а в некоторых колхозах все.

Советские и партийные работники областного и районного центра устраивали специальные собрания колхозников в каждом колхозе по поводу вселения в первый отделанный дом того или иного колхозника. Новоселов инструктировали, как расставить мебель, топить печь, готовить пищу в ней, мыть полы, соблюдать чистоту в комнатах и т. д. Однако еще есть колхозники, которые, как и единоличники, вынуждены пока жить в старом жилище, созданном в условиях кочевого образа жизни, весьма неудобном и очень холодном. Оно уже не является типичным для Тувы. В настоящее время наиболее характерен срубный деревянный дом с внутренней обстановкой, характерной для оседлого быта, хотя элементы старого быта еще сохраняются в некоторой утвари, употреблении войлока, расположении меблировки и т. п. Даже в Тоджинском районе срубный дом вытеснил архаическую юрту. Шалаш сохраняется только в качестве летнего жилья или хозяйственного помещения. Полное исчезновение шалаша (алачыг) со всей его архаической обстановкой — дело недалекого будущего.

Пища

Пища тувинцев сохраняет ряд национальных особенностей, сложившихся большей частью до революции. Это относится прежде всего к молочным продуктам. Тувинцы и теперь предпочитают коровье молоко, особенно в летнее время, в кислом виде. Летом самым распространенным молочным продуктом является *хойтпак* — напиток, употребляемый как в чистом виде, так и с поджаренным просом, вареным картофелем или хлебом. Он весьма напоминает алтайский чегень или хакасский айран. Из хойтпака приготовляют твердый кислый сыр (*курут*). Спрессованный творог режут на куски и помещают над костром (на деревянной решетке). Иногда творожистую массу не прессуют, а высушивают на солнце. Сушеный творог *арчы* также запасают впрок. Его употребляют, добавляя в чай, или перемешивают со сливками, или заправляют им похлебку. Из квашеного молока приготовляют еще мягкий, сладковатый на вкус творог — *эджегей*. Из сливок (*ёроме*) домашним способом вытапливают масло.

В настоящее время в пище колхозников все большее значение приобретает хлеб, благодаря устройству колхозных пекарен и переходу колхозников в благоустроенные дома с русской печью; хлеб покупают и единоличники при поездках в районные центры, где он продается как в столовых, так и в магазинах. Распространенным продуктом питания у тувинцев-аратов является также просо, особенно зимой. Просо в необрушенном виде варят, а затем небольшими порциями поджаривают в накаленном котле. При поджаривании лопается и отлетает шелуха с зерен, которую удаляют затем отвеиванием. Поджаренное зерно едят с чаем, молоком, с ороме, либо варят из него кашу (на воде и молоке).

Описанные выше, как и некоторые другие, виды пищи и способы их приготовления, созданные народной тувинской кулинарией в условиях кочевого образа жизни, в настоящее время отступают постепенно на задний план под влиянием новых, заимствованных преимущественно от русского населения, блюд, приготовление которых связано с распространением русской печи и плиты, а также покупной разнообразной кухонной посудой.

Видное место в пищевом балансе тувинцев-единоличников занимает ячмень. Из зерен ячменя приготовляют род толокна — *талкан*, который едят, засыпая в чай. Тувинцы пьют чай три-четыре раза в день. Предпочитают кирпичный или зеленый плиточный, который варят с молоком и солью. Зимой ежедневно варят похлебку из ячменных зерен с мясом или суп из проса. Часто варят суп с лапшой или одну только лапшу (*ускен талкан*), которую замешивают из пшеничной муки. Из муки жарят, варят в масле или пекут пресные лепешки. Оленеводы мясо варят с сушеной сараной. Из клубней сараны и кандыка приготовляют похлебку на молоке. Свежую сарану пекут в золе очага.

Оленье молоко пьют в свежем виде, добавляют в чай. Его заготовляют также впрок, сливая в кожаные мешки и подвешивая в юрте. Молоко сначала скисает, а затем высыхает. Сухое молоко разводят чаем (в отдельной маленькой посуде) и добавляют его в кипящий чай. В небольшом количестве из оленьего молока делают сыр (*пыштак*). Кислое молоко наливают в мешок из белой хлопчатобумажной материи, опущенный в кипящую воду; свернувшееся и сварившееся молоко прессуют и получают сыр. В данном случае на оленье молоко перенесен широко распространенный у тюркских кочевников способ использования коровьего молока для получения сладковатого сыра, который носит такое же название.

Видное место в пище тувинцев занимает мясо. Его едят большей частью в вареном виде. Наиболее почетными частями баранины, при угощении гостей, считаются задняя часть с курдюком (*уджа*), грудная кость (*тош*),

ребра и лопатка (*чаар*). Кровь животного собирают, наливают в вымытые кишки и варят кровяную колбасу.

Рыбу жарят на вертеле (мелкую) или варят (крупную).

В настоящее время колхозники, как и жители городов, многие продукты (различные крупы, макароны, печенье, конфеты, сахар, колбасы) приобретают в сельских и районных магазинах. Тувинцы, живущие в районных центрах и городах, особенно рабочие и служащие, питаются преимущественно в общественных столовых. Общественные столовые и чайные быстро распространяются и в колхозах в связи с переходом тувинцев на оседлость и возникновением у них постоянных поселков.

Одежда

Одежда современных тувинцев претерпела значительные изменения в связи с изменением быта. Большинство аратов носит национальный костюм монгольского покроя, каким он сложился за последние полтора-два столетия. Летний мужской костюм арата собственной пошивки состоит из короткой рубахи и штанов из бязи или далембы. Рубаха (мужская и женская) — с прямым разрезом и стоячим воротником, который отгибают наподобие отложного и застегивают на одну пуговку. Иногда рубаху шьют распашной. Женскую рубаху шьют с короткими рукавами. Штаны носят на узком пояске, который пропущен через петельки штанов, или на вздержке. Женщины носят теперь короткую юбку. Верхней одеждой служит легкий халат из синей или черной материи, особенно при выходе из дома. Халат этот длиннополый, одинаковый у мужчин и женщин, запахивается левой полой наверх и застегивается на пуговицы на плече и подмышкой. Покрой халата со ступенчатым вырезом на верхней поле и высоким стоячим воротником, который носят отогнутым, как отложной. Халат носят с опояской, сделанной из куска ткани.

Зимой мужчины и женщины носят овчинную шубу такого же покроя, как халат, но с низким стоячим воротником. У женщин шуба отделана узкой полоской из ценного меха, нашивкой цветной материи вдоль полы и выступа на груди.

Головным убором у мужчин летом служит покупная фетровая шляпа, кепка или фуражка военного образца. Женщины и девушки носят платок, берет, а в домашней обстановке ходят с непокрытой головой, связывая волосы сзади в пучок, не заплетая их в косы. Мужчины либо коротко стригут волосы, либо носят обычную мужскую прическу городского типа. Старухи и старики стригут волосы коротко. Зимой мужчины носят теплые, иногда меховые шапки, чаще покупные, а женщины еще и теплые платки.

Еще сохраняется в быту национальная обувь из кожи на толстой многослойной подошве, с войлочной прокладкой внутри, с загнутым острым носком, а также из шкуры, снятой с ног козули, оленя, сохатого мехом наружу. Такую обувь носят и мужчины и женщины.

В большей степени сохранился старый национальный костюм у колхозников тувинцев Тоджинского района, где мужская и женская верхняя одежда различается только по головному убору и украшениям. Летняя одежда, кроме рубахи и штанов, состоит из халата описанного выше покроя, но иногда сшитого не из материи, а из весенних шкур оленя, на которых остается только подшерсток. Халат носят с опояской. Штаны летние также шьют из выделанной шкуры оленя или козули. Летнюю обувь шьют как из покупной кожи, так и из лап (с весенней шерстью) оленя, сохатого, марала. Мужчины носят круглую шапку из мелкошерстной мерлушки, но чаще покупные головные уборы. Женщины покрывают голову платком, завязывая концы его на затылке, или носят покупной берет.

Одежда

— зимний халат на оленьем меху; *2* — мужской головной убор (вид спереди и сзади); *3* — женский головной убор; *4* — старинная женская шапочка; *5* — женский головной платок; *6* — зимняя обувь из камусов дикого горного ковла; *7* — зимняя обувь из лосиной замши, с меховым чулком внутри; *8* — летняя обувь из лосиной замши; *9* — кожаная обувь монгольского типа

Зимние шубы такого же покроя, как халат, шьют из оленьих шкур шерстью внутрь и покрывают их сверху синей, черной и даже красной (женские) материей. Стоячий воротник делают из овчины. Рукава халата суживаются книзу и заканчиваются полукруглым овчинным отворотом. Края пол и подола обшивают полоской из материи. Женская шуба отличается большим количеством аппликаций из цветной ткани, которые нашивают от левого плеча по ступенчатому вырезу до правой подмышки.

Охотники носят доху (*чагы*) из шкуры козули шерстью наружу, с разрезом в подоле, длиной до колен. Полы не запахиваются, а сходятся краями и завязываются ремешками, воротник также завязывается спереди. Местами сохранилась старинная куртка (*хурме*) из шкурок (шерстью наружу), снятых с головы козуль, без воротника, но с круглым вырезом; полы ее, одинаковой ширины, соприкасаются краями и завязываются ремешками. Ее носят поверх шубы. Штаны зимние часто шьют из летней шкуры (с подшерстком) оленя или козули, шерстью внутрь. Обувь шьют из шкур, снятых с лап оленя, сохатого или козули, убитых зимой. Охотники носят еще наколенники из мягкой гладкой оленьей шкуры, иногда шкуры козули, реже лошади, шерстью наружу. Наколенники пристегиваются к поясу при помощи ременных петелек.

Национальная одежда тувинцев-колхозников в настоящее время сочетается с одеждой городского покроя, продаваемой в сельских и городских магазинах. Тувинцы постепенно переходят к новому типу одежды. Старые длиннополые халаты и шубы, приспособленные к кочевому образу жизни, к верховой езде, весьма неудобны при ходьбе пешком, при выполнении многих новых видов сельскохозяйственных работ. Вполне понятно отсюда желание тувинцев обзавестись при первой возможности одеждой городского покроя. Особенно стремится к этому молодежь обоего пола, которая не желает носить неуклюжую громоздкую обувь и стесняющие движения длиннополый халат или шубу. К этому нужно добавить влияние тувинцев — жителей городов и районных центров (рабочих, служащих и учащихся), которые носят костюмы городского покроя. Покрой старого тувинского костюма, несмотря на его распространенность, обречен на исчезновение вследствие его явного несоответствия новым формам домашнего и производственного быта. Только материал (овчины, оленьи шкуры, кожи и т. д.) сохранит свое значение для некоторых видов одежды, особенно для районов с суровыми климатическими условиями.

Положение женщин

Домашняя жизнь современных тувинцев характеризуется не только резким изменением материального быта, но и ломкой старых семейных отношений, хранивших в себе феодально-родовые пережитки. Ярче всего это проявляется в положении рядовой тувинской женщины, замкнутой в прошлом в узких рамках тяжелого домашнего быта. Тувинская женщина получила равноправие во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественной жизни еще по Конституции Тувинской Народной Республики. Ей были предоставлены не только формальные права равенства с мужчинами, но и обеспечены условия для их реализации: одинаковая с мужчинами оплата труда, предоставление трудового отпуска и отпуска по беременности (с оплатой содержания), социальное страхование и т. д. Запрещалось и каралось по закону всякое нарушение равноправия женщины во всех областях хозяйственной, политической и культурной жизни. Не разрешалась насильственная выдача замуж, наказывалось вступление в брак с несовершеннолетней.

Осуществление прав тувинки, закрепленных Конституцией Тувинской Народной Республики, потребовало упорной борьбы с многими старыми обычаями, существовавшими веками. К ним относятся калым и рас-

поряжение женщиной как собственностью, ряд запретов для женщины в отношении старшей родни мужа и его родителей (эту категорию родственников женщины не должны были называть по имени, не должны находиться при них с непокрытой головой или без обуви и т. д.), случаи многоженства, левирата, просватывание малолетних или даже ожидаемых детей. Пережитки в области семейнобрачных отношений частично сохраняются у аратов-единоличников еще и теперь.

Быстрее всего было достигнуто вовлечение женщины в сферу производственной жизни тувинцев, чему препятствовали раньше рамки домашнего хозяйства и семейные обычаи. Затем были достигнуты успехи в привлечении женщины к общественной, государственной жизни, к образованию. В период Великой Отечественной войны женщина у тувинцев сделалась серьезной силой в области сельскохозяйственного труда и местной промышленности. Тувинки-единоличницы, не говоря уже о состоявших в тожземах, сеяли хлеб сверх плана в фонд победы, выращивали и сохраняли скот. Перед вступлением Тувы в состав СССР около тысячи женщин работало в партийных и государственных организациях в городах, поселках, хошунах и сумонах.

С установлением советской власти практическая реализация равноправия тувинки, обеспеченного Советской Конституцией, пошла исключительно быстро. В настоящее время большинство женщин у тувинцев грамотно. Женщина заняла подобающее ей место в создании социалистической культуры и экономики. Тувинские партийные организации проводят большую работу по повышению активности женщин. Среди них ведется массовая политико-просветительная работа, устраиваются собрания и беседы, на которых разъясняются задачи и значение быстрейшего завершения социалистических преобразований в экономике и культуре Тувы. Для женщин специально устраивают лекции, читки газет.

Народное образование

Крупнейшим показателем уровня современной культуры тувинцев является состояние их народного образования. Вхождение Тувы в СССР и установление в ней советской власти создали исключительно благоприятные условия для развития народного образования и роста образованности тувинцев. Советское правительство, Коммунистическая партия уделили этому вопросу исключительное внимание. Ряд постановлений Совета министров РСФСР и СССР отразил эту заботу в конкретных практических формах.

Дети трудящихся тувинцев, обучающиеся в школах, были приняты на полное государственное обеспечение, до питания и обмундирования включительно. Это открыло дорогу к образованию массам тувинских детей. В Туве существует несколько десятков школ-интернатов, особенно в связи с тем, что еще не все тувинские араты перешли на оседлость. Уже за первое пятилетие ее существования в Тувинской автономной области бюджет народного образования вырос по сравнению с 1944 г. в семь раз и составил около 50 млн руб. Число школ по сравнению с 1943/44 учебным годом, когда Тува была еще Народной Республикой, выросло почти в два раза (с 86 до 160), а число учащихся тувинцев — в три с половиной раза. Грамотность населения возросла до 95%.

Уже через пять лет после того, как Тува вошла в состав Советского Союза, было выпущено около 3 тыс. учащихся тувинцев, окончивших четыре класса, 400 человек — семь классов и 45 тувинцев получили аттестат зрелости. Часть выпускников поступила в различные высшие учебные заведения нашей страны, другие остались работать в области на различных участках социалистического строительства.

Студенты тувинского отделения Абаканского учительского института на лекции

Важной проблемой, которую приходится решать сейчас тувинцам в области народного просвещения, является подготовка национальных учительских кадров. За годы советской власти в г. Кызыле созданы институт по усовершенствованию учителей, педагогическое училище. В Абаканском учительском институте образовано отделение тувинского языка и литературы, готовящее преподавателей для тувинских школ. В г. Кызыле создан учительский институт — первое высшее учебное заведение, а с 1956 г. Педагогический институт. Сотни человек проходят заочно курс Иркутского и Красноярского педагогических институтов, Московских курсов иностранных языков, Абаканского учительского института и др. Указанные меры содействуют росту национальных учительских кадров. Сотни тувинских учителей уже ведут преподавание в школах. Среди них имеются выдающиеся педагоги, носящие почетное звание заслуженного учителя, например учительница С. Ш. Дукежек, которую тувинский народ избрал депутатом в Верховный Совет СССР.

Большое значение придается преподаванию русского языка. Через русский язык тувинцы полнее приобщаются к сокровищнице знаний передовой социалистической культуры и науки и прежде всего к трудам классиков марксизма-ленинизма. Недостаточный уровень развития современного тувинского литературного языка и письменности, недостаток кадров переводчиков и т. п. еще затрудняют образование на родном языке среди широких масс тувинцев. Рабочие, колхозники, учащиеся, городская и сельская интеллигенция стремятся параллельно родному овладеть русским языком. Большую помощь в изучении русского языка начинает оказывать местная школа. С 1946/47 учебного года во всех тувинских школах введено преподавание русского языка.

С 1949/50 учебного года при всех тувинских школах созданы для детей семилетнего возраста подготовительные классы, в которых со второго полугодия введено преподавание русского языка.

Овладение русским языком откроет тувинцам еще более широкий простор для получения среднего и высшего образования, позволит им овладеть богатством великой русской культуры. Некоторые тувинцы, в том числе и выпускники тувинских средних школ, успешно учатся на разных курсах Восточного и Филологического факультетов в Ленинградском университете. Есть среди них уже окончившие Государственный университет и Военно-медицинскую академию в Ленинграде, Московский ветеринарный институт, Омский сельскохозяйственный институт и т. д.

Тувинская национальная школа занимается по учебникам на родном языке. Ведется большая работа по переводу и созданию учебной литературы; появился ряд специальных средних учебных заведений: сельскохозяйственный техникум, торгово-кооперативная школа, училище механизации сельского хозяйства, медицинское училище, музыкальная школа, совпартшкола и др.

Большое значение имеет также массовая работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности (ликбез) густой сетью покрывают всю Туву. В них взрослые тувинцы обучаются по специально составленным учебным программам. Преподавателями этих кружков (как их называют «культармейцами») работают представители самых различных слоев населения: учителя, учащиеся старших классов школы, приезжающие на каникулы, рабочие, служащие, грамотные передовые колхозники и др. Огромная роль в ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослых принадлежит сельским комсомольским организациям, работникам красных юрт-передвижек, библиотек и т. д. Районные исполнительные комитеты советов депутатов трудящихся и их отделы народного образования, районные комитеты партии и комсомола руководят и следят за развитием этой исключительно важной работы во всех районах Тувы. Большой размах приобрела эта работа и в наиболее отсталом в культурном отношении Тоджинском районе.

В повышении культурного уровня тувинцев большая роль принадлежит системе политико-просветительных учреждений. Массовые и разнообразные формы, социалистическое содержание работы этих учреждений, ведущейся на тувинском языке, являются серьезными факторами не только расширения умственного кругозора, но и формирования социалистического мировоззрения тувинцев. Около 70 стационарных и передвижных кино, свыше 200 библиотек, в том числе одна областная и 14 районных, 15 районных домов культуры, несколько десятков изб-читален, десятки сельских клубов, красные юрты-передвижки, десятки радиоузлов и т. п. ежедневно несут в массы тувинцев самые разнообразные конкретные знания по различным отраслям науки, искусства, культуры, политики и т. д. Все это способствует самообразованию, помогает тувинцам быстрее развивать социалистическую национальную культуру.

Специфической, хотя уже отживающей формой в системе тувинских политико-просветительных учреждений является красная юрта-передвижка, а иногда просто красная палатка (Тоджинский район), которая, передвигаясь из колхоза в колхоз, из одного стойбища скотоводов-единоличников в другое, несет тувинцам разнообразный комплекс теоретических и практических знаний и культурных развлечений. Красная юрта-передвижка имеет свежие газеты, библиотеку, плакаты, радиоприемник, музыкальные инструменты, там читаются лекции и доклады на важнейшие

Тувинские пионеры у географического знака — центра Азии. Город Кызыл

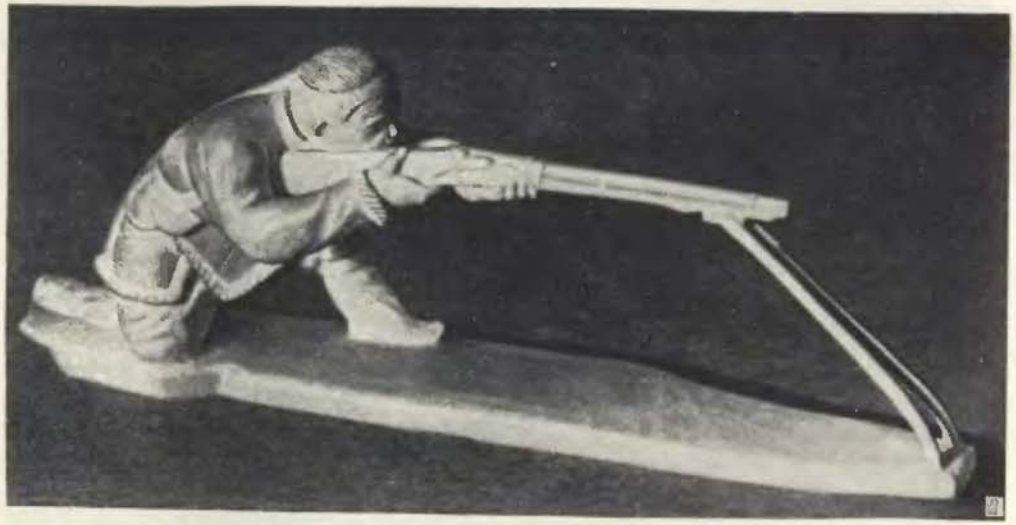
темы международной и внутренней политики, по вопросам сельского хозяйства, ведется пропаганда естественно-научных знаний и новой социалистической культуры.

Работники юрт-передвижек дают практические советы по вопросам организации оседлого быта, по юридическим вопросам, устраивают слушание радиопередач, организуют художественную самодеятельность, помогают наладить выпуск стенгазеты в колхозе или сумонном (сельском) совете, в которой отражают хозяйственную и общественную жизнь, организуют социалистическое соревнование.

Значительную лекционную работу ведет Тувинское отделение Всесоюзного Общества по распространению политических и научных знаний, насчитывающее в составе своих членов несколько сот тувинцев. Ежегодно по линии этого общества читается свыше тысячи лекций.

С включением Тувы в состав СССР выросли издательские возможности. Область издает 5 областных и 7 районных газет, большинство которых печатается на тувинском языке. Тувинское национальное издательство выпустило в свет несколько сот названий различных книг на русском и тувинском языках общим тиражом свыше 2 млн. экз. Тувинцы при всех трудностях и недостатках перевода впервые получили возможность читать на родном языке произведения классиков марксизма-ленинизма, некоторые произведения классической русской, советской и мировой литературы, а также произведения тувинских национальных писателей и поэтов. В большом количестве издается учебная и научно-популярная, политическая и сельскохозяйственная литература.

Развивается национальная художественная литература. Союз советских писателей оказывает большую помощь молодой национальной литературе тувинцев. В 1945 г. в Туве организовано Тувинское отделение Союза советских писателей. Тувинские писатели и поэты уже завоевали признание своего народа. Широкой известностью пользуются писатели С. Тока, О. Саган-оол, Л. Чадамба, С. Сарыг-оол и др. Некоторые из них получили известность далеко за пределами Тувы. С 1946 г. Тувинское отделение регулярно издает свой альманах «Улуг-хем». Альманахи издавались и раньше: «Заря революции», «Боевой клич», «За родину». Тувинская проза зародилась в советской Туве. Первым значительным произведением ее была автобиографическая повесть С. Тока «Слово арата». Эта повесть переведена на русский язык, на некоторые западно-европейские языки. Она широко известна советским читателям и является вкладом тувинской национальной литературы в братскую литературу народов СССР.



Скульптура из камня. Работы резчика Х. К. Тойбу-хаа

1 — тувинка в старинном костюме; *2* — охотник; *3* — шахматные фигурки

Впервые в истории тувинцев появилась и драматургия. Еще в период народной республики были написаны и поставлены в национальном театре первые пьесы тувинских писателей (С. Тока, А. Тэмир). В настоящее время драматургии уделяет много внимания писатель О. Саган-оол. В пьесе «Чуткуль» («Стремление») он показывает колхозное движение в Туве, пьеса «Осуществленная мечта» посвящена великому событию в истории тувинцев — воссоединению с народами СССР.

Большой и важной темой, разрабатываемой тувинской национальной литературой, является тема дружбы советских народов. Она нашла удачное отражение в упомянутой повести С. Тока «Слово арата», в поэме «Саны-Могэ» С. Сарыг-оола, в рассказе «Дружба» О. Саган-оола и в ряде стихов тувинских поэтов.

Тувинская национальная литература является одним из важнейших и ярких показателей роста социалистической национальной культуры тувинцев в братской, заботливой семье советских народов; она помогает делу завершения социалистических преобразований в Туве и строительству коммунизма в нашей стране.

В настоящее время в Туве имеется ряд научных учреждений: Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в г. Кызыле, Тувинская опытная сельскохозяйственная станция и Государственный краеведческий музей. Во всех научных учреждениях Тувы уже работают национальные кадры научных работников.

Медицина

Широко распространены в Туве медицинские учреждения. Бесплатная медицинская помощь уже вошла в повседневный быт тувинцев как горожан, так и колхозников и аратов-единоличников. В Туве теперь нет ни одного сельсовета или колхоза без медицинского пункта. Медицинские учреждения тувинцев работают на основе достижений советской медицины и отличаются благоустроенностью. Центральная больница в г. Кызыле обладает прекрасным современным оборудованием. То же следует сказать о поликлинике с ее физиолечебницей, различными специальными кабинетами и лабораториями.

Медицина, доступная народу благодаря бесплатному лечению, разветвленной сети медицинских учреждений и наличию специального санитарного транспорта (автомобильного и воздушного), завоевала широкое признание и доверие тувинцев. Еще за первое пятилетие советской власти в Туве число врачей и среднего медицинского персонала возросло по сравнению с 1944 г. в четыре раза. В 1954 г. одних только врачей в области работало свыше 200 человек. В связи с развитием оседлости в колхозах появились новые медицинские пункты, амбулатории, больницы. Созданы женские и детские консультации, ясли, местные курорты и санатории, эпидемиологические станции. Исчезли из быта приемы «лечения», которые применяли ламы и шаманы.

Медицинские учреждения, особенно в районах, начинают обслуживаться национальными кадрами, что еще более облегчает внедрение в быт тувинцев медицинской помощи. Широкой известностью пользуются имена врачей тувинцев С. Серрекея и К. Балчий-оола. Развивается профилактическая работа. Резко увеличилась рождаемость и снизилась смертность. Вопросы медицины и профилактики здоровья широко освещаются у тувинцев через радио, национальную прессу, путем издания популярной литературы, листовок, плакатов, а также через лекции, доклады, беседы.

Народное искусство

На базе общего политического, экономического и культурного подъема развивается искусство тувинцев. Тувинский областной театр состоит из двух трупп: тувинской и русской. Театр ставит пьесы на русском и тувинском языках. На тувинском языке идут не только ори-

Игра в волейбол на стадионе. Тоджа, пос. Тоора-хем

гинальные, но и переводные пьесы. В репертуар театра входят произведения советских и русских классических, а также иностранных драматургов. В национальную тувинскую труппу входят певцы, в том числе и солисты (мужчины и женщины), музыканты — исполнители различных произведений на национальных инструментах. Характерным и специфическим для тувинцев является так называемое двухголосое сольное или «горловое» пение, весьма распространенное в тувинской народной среде и почти нигде более не наблюдающееся. Певец поет двумя голосами. Низким голосом он ведет мелодию и сопровождает ее, как бы аккомпанируя, удивительно чистым и нежным звуком, похожим на звук флейты. Национальная труппа пользуется большой популярностью. Тувинские артисты исполняют наиболее известные и распространенные советские песни, как хоровые, так и сольные, танцы народов СССР. Они знакомят тувинский народ с искусством всех советских народов, с русской классикой, с творчеством выдающихся советских композиторов и композиторов стран народной демократии.

Тувинская труппа много внимания уделяет гастрольным поездкам по области, где выступает в колхозных селениях и на полевых станах. Во время таких поездок исполняются концертные программы и одноактные пьесы на тувинском и русском языках. Особенной популярностью пользуются тувинские и русские народные песни в хоровом и сольном исполнении артистов этой труппы. Среди тувинских артистов особенно выдаются М. Мунзук, Кара-кыс, Оскал-оол.

Тувинцы очень музыкальный народ. Из их среды уже вышли советские композиторы, дирижеры, режиссеры — композитор и режиссер театра М. Мунзук, композитор А. Чиргал-оол и др. Ведется сбор и музыкальная обработка тувинских народных песен для печати. Растут и крепнут таланты тувинцев-артистов. Некоторые из них уже широко известны всей советской стране, например талантливый артист и руководитель тувинской труппы циркового искусства Оскал-оол. С искусством Оскал-

оола и его труппы познакомились москвичи, ленинградцы. С большим успехом эта труппа выступала также в Риге, на Украине, в некоторых областях Сибири. Создание комплексного сценического искусства у тувинцев является большим достижением развивающейся социалистической национальной культуры. Зарождается также искусство живописи. Художник С. Ланзы не только театральный живописец: он пробует свои силы в станковой живописи.

Тувинский музыкант Анай-оол играет на пызанчи

Наряду с этим продолжает бытовать и прекрасное народное изобразительное искусство тувинцев, образцы которого имеются в крупных этнографических музеях Советского Союза. Оно представлено резьбой по камню (агальматолиту) и дереву, художественным литьем из меди и бронзы, живописной росписью на деревянных предметах быта (шкафчики, кровати, ящики). Особенно высокими художественными достоинствами отличаются вырезанные из камня или отлитые из металла своеобразные фигурки тувинских шахмат, различные детские игрушки или статуэтки из камня и дерева, изображающие преимущественно зверей и домашних животных, представленных иногда в сложных борющихся позах. Резьба по камню сосредоточена в Бай-Тайгинском районе. Камнерезы расширяют ассортимент и тематику своих изделий. Выделяются художественностью исполнения скульптурные изображения В. И. Ленина. Особенно нужно отметить работы талантливого резчика Х. Тойбу-хаа, который создает новые сюжеты, например «Пограничник на посту», «Арат Самбажик» (народный герой, руководитель антифеодального восстания «Алдан Маадыр»), «Табунщик», «Охотник» и др.

Кроме шахмат и статуэток, тувинцы-камнерезы изготовляют красивые чернильные приборы. Литье металла распространено в Монгун-Тайгинском районе; среди изделий выделяются художественные украшения для седел и сбруи из бронзовых и серебряных пластинок, гравированных тонким орнаментом. Хороши изготовляемые тувинцами костяные полированные пуговицы, украшенные тонким узором. Бытуют у тувинцев и теперь интересные игры, кратко описанные в этнографической литературе. Такова игра *талы*, напоминающая домино, а также своеобразные игры на расчерченных досках: *буга-шатра*, *черги-шатра*, *тугул-шатра* и др., совершенно отличные от шахмат или шашек.

Со времени вхождения в состав СССР у тувинцев начался быстрый рост национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Процесс завершения социалистических преобразований в Туве идет одновременно с процессом национальной консолидации тувинцев. Исчезает характерная для прошлого территориальная, экономическая, языковая и культурная изолированность отдельных районов Тувы. Создается и развивается единый национальный язык тувинцев, закрепленный в национальной литературе. Возникают и налаживаются экономические связи между различными частями Тувы на основе нового разделения труда, экономической специализации районов. У тувинцев формируются признаки социалистической нации, возникающей в условиях советского строя. Наметились и характерные черты социально-политического облика будущей тувинской нации. Появляется тувинский рабочий класс, ведущая роль которого в деле социалистического переустройства жизни тувинцев растет с каждым днем. Под руководством рабочего класса Советского Союза и его Коммунистической партии у тувинцев укрепляется союз этого нарождающегося рабочего класса с трудовым колхозным крестьянством.

ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ ТАТАРЫ

Общие сведения

Западносибирские татары живут главным образом в сельских местностях, селения их вкраплены среди русских селений. В меньшем количестве они живут в городах Западной Сибири: Тюмени, Тобольске, Томске, Таре, Барабинске, Новосибирске, Омске и др. В Тюменской области — тюменские и тобольские татары живут в районах Байкаловском, Велижанском, Вагайском, Дубровинском, Тобольском, Тюменском, Ялуторовском, Ярковском и в меньшем количестве в других, по берегам рр. Тобол, Иртыш, Тура, Тавда, Исеть, Пышма, Ачиры, Носка, Лайма. Тарские татары расселены в Тарском районе Омской области по берегам Иртыша и Тары. Барабинские татары живут дальше на юго-восток, в Новосибирской области (в районах Барабинском, Куйбышевском, Чановском, Каргатском, Кыштовском, Северном и др.) по берегам Оми и ее притокам и в Барабинской степи. Томские татары живут в окрестностях г. Томска.

Сами себя татары называют, сохраняя территориальные (географические) названия: *тоболик* (тобольские), *тарлик* (тарские), *бараба* (барабинские). В конце XVI в., когда татары стали платить московскому царю дань пушниной (ясак), в отличие от населения, освобожденного от ясака, они называли себя *ясаклы*, т. е. ясачные. Существовало также название *топ-иерлы-халк*, т. е. старожилы, которым коренные татары отличали себя от пришедших в этот же период в места их расселения выходцев из Бухары. Последние иногда называли себя *бухарлык*, но большинство из них именовало себя сартами, а некоторые — узбеками.

Наряду с этими территориальными названиями существовали племенные и родовые: шибанцы — из фамилии Шейбанидов, к которой принадлежал Кучум; тарские, которые делились на племена: Аялы, Туралы, Курдак, Сарт; суштинские от названия одного татарского рода Еушта, жившего около Томска; тобольские — Курдак, Тугус, Яскалбы, Нанга; ишимские — Саргачики, по имени властвовавшего над ними хана Саргачика; барабинские — Терена, Тара, Барама, Келебе, Лонга, Ловей, Карганы. Соседи — ханты и манси, башкиры и казахи — называют татар *хатань*, *турали*, *ногай*, селькупы — *тын*. Позднейших татарских переселенцев из-за Урала русские называли захребетными.

Язык тобольских и барабинских татар относится к кыпчакской группе тюркских языков. Он распадается на ряд диалектов, подраз-

деляющихся в свою очередь на говоры: тюменский, ялуторовский — у тюменских татар, тарлыкский — у тарских, барабинский — у барабинцев, иртышский — у тобольских и др.

Следует отметить близость культуры сибирских татар к казанским. Это объясняется не только тем, что предки современных татар в прошлом близко соприкасались с казанскими, были тесно связаны с ними экономически и культурно, но также и многочисленными переселениями казанских татар из европейской России в районы расселения сибирских татар. Первая группа переселенцев появилась в XVIII в. В XIX и начале XX в. переселенческое движение усилилось. Переселенцы иногда создавали отдельные селения, но селились и вместе с сибирскими татарами. Различие между коренными и пришлыми татарами поддерживалось принадлежностью их к разным сословиям: инородческому и крестьянскому.

По данным всесоюзной переписи населения в 1926 г. тюменских татар насчитывалось 22 636 чел., тобольских — 32 102 чел., тарских — 11 517 чел., барабинских — 7528; томские татары не были выделены, бухарцев учтено 11 659 чел.[1]

Ближайшими историческими предками различных территориальных групп современных сибирских татар считаются кыпчакские тюрко-язычные племена, обитавшие в XII—XIII вв. на широких пространствах от Западно-Сибирской низменности до низовьев Волги. В XIII в. кыпчакские племена были покорены монголами и включены в состав империи Чингис-хана. В это время происходит смешение тюркских этнических элементов с монгольскими. Позднее упомянутая территория была заселена главным образом тюркоязычными кочевыми племенами, в том числе и предками сибирских татар, и входила в Золотоордынское государство, образованное внуком Чингис-хана Бату (Улус Джучи). Восточная часть этого государства именовалась Белой Ордой. После смерти хана Бату (1255 г.) Белая Орда была поделена между его сыновьями. В связи с распадом Золотой Орды и политическим раздроблением этого государства в первой половине XV в. в результате междоусобий распалась и Белая Орда. Из Белой Орды возник ряд улусов, из которых наиболее крупными были улусы: Ногайский, управляемый ханом Едигеем и его потомками, занимавшими степи между Волгой и Уралом; Шейбанидский, управляемый династией из рода Шейбани, объединявший ряд тюркоязычных племен, этногенетически связанных с современными узбеками. К этому же времени относится образование Сибирского ханства, расположенного к северу от Шейбанидского улуса с центром вначале в Чинги-туре (Тюмень), позднее в Кызыл-Туре (Усть-Ишим) и наконец в г. Искер (близ Тобольска). Здесь также правили ханы Шейбанидской династии. Историческим памятником этого времени является героический эпос современных сибирских татар (тюменских, тобольских, барабинских, ишимских), в котором сохранились сказания о золотоордынских ханах Едигее, Тохтамыше, астраханском хане Касыме и т. д.

Границы Сибирского ханства простирались на запад до Уральских гор, на севере граничили с р. Тавдой, на юге — с ишимскими степями, а на востоке доходили до Барабинской степи.

С Монголией, Западным Китаем и Русским государством Сибирское ханство вело торговлю и было посредником между перечисленными госу-

---

[1] Регистрация бухарцев в переписи 1926 г. очень неточна, так как в это время многие из них уже считали себя татарами, и, наоборот, статистические управления некоторых районов (Таврического и др.) отнесли к бухарцам собственно татарские группы.

дарствами, с одной стороны, и северными племенами Сибири — с другой. Торговля велась по караванным дорогам, проложенным в отдаленные времена. Одна из дорог шла через нынешний Тобольск, Иртыш, Вагай, верховья Ишима на Туркестан, через пески Кзыл-Кума в Бухару; другая дорога шла на запад через Уральские горы, Поволжье в Москву. Проходившие по ним караваны часто подвергались нападению со стороны обитавших на этих путях кочевников. Из Сибири вывозились меха, кожа, рыба, мамонтовая кость, шерсть и др. Из Средней Азии в Сибирь ввозились хлеб, чай, бумага, сушеные фрукты, украшения, железные изделия, сундуки, посуда, зеркала и т. д. Торговлей занимались в основном бухарцы, хотя и новгородские купцы знали уже эти земли.

Сибирское ханство было феодальным. Население его резко делилось на две части: основная масса представляла собой трудовые слои татар, выполнявшие различные повинности своим феодалам; меньшая часть составляла господствующий слой, состоящий из хана, его сыновей-султанов, вельмож при хане — уланов, татарских князей-беков и их детей мурз. К господствующей верхушке принадлежали и многие бухарцы, которые вели торговые сношения со среднеазиатскими государствами, знали все их порядки и законы.

Рядовые тюркоязычные кочевники-скотоводы, а также иноязычные зависимые племена (в том числе ханты и манси), обитавшие по Иртышу и Оби, платили ясак. В одной из летописей говорится: «весна же близу, приспе время Кучуму ясак с подданных собирати, соболи и лисицы и прочих зверей и рыб».

Население делилось на административные единицы, которые возглавлялись князьями, старшинами и т. д. Позднее царские воеводы воспользовались этой системой для сбора ясака в казну русского царя. Бывшие татарские административные деления были превращены в волости.

В связи с падением ханства Кучума (1582 г.) при столкновении с русскими отрядами под предводительством Ермака ряд тюркоязычных кочевых племен продвигается далеко на восток. Часть этих племен оказывается на территории современного Томска, другие осваивают Чулымский бассейн, где образуют, в смешении с другими тюркоязычными племенами, группу чулымских татар. На запад от территории теперешнего Тобольска в заболотном районе по рр. Носке, Лайме, Ачирке и мелким притокам осели так называемые заболотные татары, которые считали себя потомками Кучума, пришедшими в эти места после падения Сибирского ханства.

С включением Западной Сибири в состав Русского государства у сибирских татар наступает новый период в их истории, изменивший во многих отношениях их жизнь. Русская экономика и культура быстро были восприняты татарами: изменились хозяйственные занятия, тип татарского жилища, усовершенствовалась одежда, стала разнообразнее пища, были заимствованы многие орудия труда.

С приходом русских в Западной Сибири стали возникать города и острожки: Тобольск (1587 г.), впоследствии ставший административным центром Сибири, Тюмень (1586 г.), Тара (1594 г.) и многие другие. Своей политикой Московское государство закрепило социально-экономическое неравенство среди татар; оно поддерживало татарскую феодальную знать, давая ей при этом различные льготы. Появилось особое сословие служилых татар, которые поступали на административную и военную службу в русских городах (острожках). В XVIII в. среди татар насаждалось христианство. Для этого в городах строились церкви, приехавшее духовенство заняло лучшие места, получило большие земельные наделы.

Основная масса татарского трудового населения должна была платить ясак и другие подати. Ясачные татары не в состоянии были полностью выплачивать налоги, недоимки с годами накапливались, переходили на сыновей и внуков и составляли в итоге очень крупные суммы. Дополнительные налоги в несколько раз превышали размеры ясака. Это положение служило поводом к неоднократным открытым восстаниям татар против царской администрации.

В первой четверти XIX в., согласно «Уставу об инородцах», выработанному Сперанским (1822 г.), сибирские татары были отнесены к оседлым инородцам. С этого времени еще более возросли налоговые недоимки. Многие татары вынуждены были бросать сельское хозяйство и идти на заработки в города, на предприятия русских и татарских мелких хозяев (в районе Тюмени в это время было развито кожевенное производство, в Тобольске — лесопильное). В конце XIX в. появились рабочие из татар и усилился рост национальной буржуазии, преимущественно мелкой.

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции сибирские татары составляли меньшинство среди русского населения и жили главным образом в сельских местностях, часто смешанно с русскими.

Тесное общение с русским народом не могло не оказать прогрессивного влияния на культуру татар. Однако дружбе татар с русскими вплоть до Октябрьской революции мешала колониальная политика царизма, разжигавшая национальную рознь, угнетавшая трудящихся татар и препятствовавшая их культурному развитию.

Хозяйство и быт до Октябрьской революции

До революции у сибирских татар основные отрасли хозяйства были довольно разнообразны. Тюменские татары, проживающие в лесостепных районах, были в основном земледельцами; живущие по берегам озер занимались рыболовством; проживающие в этом же районе выходцы из Бухары, захватившие богатые пастбища, занимались коневодством и вели караванную торговлю со Средней Азией. В их руках до постройки Сибирской железной дороги находилась перевозка грузов. Часть тюменских татар уходила в города, где становилась ремесленниками и наемными рабочими.

Наиболее распространенным занятием для сибирских татар было земледелие, бытовавшее у них уже в конце XVI в. Основной формой земледелия была залежная система. Поле обрабатывалось деревянной сохой (*сабан*), деревянной, с железными зубьями, бороной. Сеяли ячмень, рожь, овес. С начала XX в. распространились посевы пшеницы. Жали серпами. Молотили деревянными цепами.

Периодически высокий подъем весенних вод Иртыша и его притоков мешал во-время обрабатывать пашню; разлившиеся весенние воды губили озимые посевы, как, например, у заболотных татар, живущих на небольших сухих островах. Не имея запаса семян для вторичного посева, татары оставались без хлеба на следующий год. Особенно тяжела была обработка пашни у барабинских татар, наделы которых в болотистой Барабинской степи расположены на вытянутых гривах, замкнутых озерными и болотистыми впадинами, требовавшими мелиорации. Техника земледелия, позволяющая обрабатывать большие участки земли, была усвоена от русских переселенцев, которые сыграли крупную прогрессивную роль в дальнейшем развитии земледелия у татар. Пахотные земли основной массы трудящихся татар к концу XIX — началу XX в. были вкраплены мелкими участками в земли богатых татар и русских крестьян. Разбросанные отдельными мелкими наделами среди лесов,

болот и покосов, они находились иногда за десятки километров от селений. Пришлое татарское население, например переселенцы из Казани, было совсем лишено прав на землю и арендовало ее у богатых татар.

Формально пахотная земля принадлежала всему селению (юрту) в целом и делилась по количеству душ, с учетом ее качества (черноземная, песчаная, заболоченная) и отдаленности от селения (приусадебная, средняя, дальняя). Наделы определялись на несколько лет. Не обрабатываемая систематически земля передавалась «обществу». По закону наделами могли пользоваться только те татары, которые исправно вносили подати и исполняли разные повинности. На деле же лучшие и наиболее значительные угодья находились в руках богачей, сосредоточивавших у себя лучшие наделы самыми различными путями, а также у служилых людей, монастырей (Знаменский, Успенский) и духовенства. Беднякам доставались худшие и дальние наделы, которые они либо сдавали в аренду тем же богачам, либо отказывались от них, так как обработка таких наделов была им не под силу из-за отсутствия сельскохозяйственного инвентаря, семян и т. д. С рождением в семье ребенка-мальчика на его долю выделялся надел (а равно и пай в рыбном и охотничьем промысле), девочкам ничего не полагалось. В начале XX в. в кулацких хозяйствах появились в незначительном количестве сельскохозяйственные машины (жатки, молотилки, сеялки). Богачи применяли наемный труд.

Среди заболотных татар было распространено рыболовство, занимались они также и охотой. На озерах и больших реках орудиями лова были сети (*ау*), невода (*ельп*). Зимой невод тянули через ряд специальных прорубей лошадьми посредством ворота. Применялись переметы с покупными крючками на волосяных поводках. С лодки ловили на блесну, «дорожку», осенью били острогой щуку.

На мелких реках поперек русла ставили «запоры» из тонких прутьев, переплетенных мочальной веревкой, с одной стороны у берега делались котцы, в открытый конец которых входила рыба и оставалась в лабиринте; ее черпали оттуда примитивными сачками (*салбу*) из срезанной ветки с развилиной и натянутым на нее куском старой сети.

Делали так называемые копанцы — канавы, идущие из озера, длиной 1 км и больше. В них устанавливали загородь со свободным входом только с одной стороны. В поисках свежей воды рыба устремлялась в копанец, откуда ее черпали сачками.

Из корзинных ловушек татарам известны верши (*чёта*). Ставили их в устьях рек, опуская на дно с помощью жерди и козел. Фитили, однокрылые и двухкрылые, ставились в протоках и тростниках. Рыбу ловили круглый год. Угодья находились формально в общинном пользовании. Улов делился поровну между всеми участниками лова. Выловленная рыба в основном шла для потребления, частично улов продавался скупщикам-торговцам.

Охота на пушных зверей была распространена главным образом у татар, живущих в таежной и, меньше, в степной полосе. В болотистых районах охотились на водоплавающую птицу. Тюменские татары промышляли клецкую белку, которая высоко ценилась. Охотились татары, кроме белки, на крота, куницу, соболя, колонка, выдру, лисицу, зайца, горностая (барабинские татары), россомаху, на крупных животных: медведя, лося, козулю, волка (барабинские татары); из птиц — на различные виды уток, огромные стаи которых водятся в болотных зарослях и на глухих озерах Заболотья и Барабинской степи, на тетеревов (косачей); добывали также рябчиков, куропаток, гусей и других птиц, в изобилии обитающих в Обь-Иртышском бассейне.

Охотничий сезон начинался с первым снегом. Охотились пешком, а зимой на лыжах; исключение составляли охотники Барабинской степи, у которых распространена была верховая охота, особенно на волков. Уходили на промыслы на несколько недель. Главным орудием охоты служило ружье. Почти у всех охотников были собаки — сибирские лайки, обученные ходить на зверя и птицу. На пушных зверей применялись различные самодельные ловушки. Крупных зверей (лося, оленя) добывали самострелами (*айя*), которые устанавливали на трех кольях или пнях. Заболотные татары на лосиной тропе в расщепы наклоненного дерева на определенной высоте укрепляли острый нож или копье, маскируя его травой. Лось напарывался на нож. Заболотные охотники ходили на медведя с рогатиной, поднимая его зимой из берлоги, весной добывали живых медвежат и выращивали их дома. При охоте на птиц повсеместно уже применялось ружье центрального боя, хотя у заболотных татар местами били уток из лука.

Шкурки пушного зверя продавали скупщикам. Мясо водоплавающей дичи потребляли сами, из перьев делали подушки и перины, широко распространенные у татар. Мясо медведей и лосей также шло в пищу, а лосиную кожу скупали торговцы.

Барабинские татары до самого начала XX в. летом кочевали. Богатые хозяйства имели сотни голов рогатого скота (лошадей, коров, овец), который обслуживался наемными работниками. Бедняцкие хозяйства скота имели мало или вовсе не имели его. На этой почве происходила эксплуатация бедноты богачами. В каждом селении были свои выгонные земли. Выгон обычно огораживался с началом посева (май) и открывался после уборки полей (конец сентября). Стадо охраняли пастухи. В смешанных по национальному составу селениях татары пользовались отдельным выгоном.

Заготовка сена с лугов Западно-Сибирской низменности и Барабинской степи обеспечивала полностью зимний корм скота. Покосы формально распределялись, как и пашня, по наличным душам, делясь на участки по качеству лугов (луговые, дубровные, болотные) и по отдаленности от селения. Фактически лучшие покосы сосредоточивались у крупных скотовладельцев.

Траву косили косами-литовками, высушенное сено свозили в копны на волокушах; оно стояло в копнах до зимы, и по мере надобности его подвозили на санях. Бедняки сдавали свои покосы в аренду. Богатые увеличивали свои покосы за счет дешевой аренды, нанимали бедноту выкашивать их.

Продукты скотоводства — кожа, мясо — скупались торговцами-бухарцами и вывозились гужевым транспортом на ярмарки. Обозы некоторых бухарских торговцев составляли до 500 подвод. Они вывозили миллионы штук кож. Устраивались ежегодные ярмарки в разных местах (Ембаево—Тюменский район, Тобольск, Тармакуль—Барабинская степь), где сбывалась местная продукция татар.

Молоко сбывалось на маслобойные заводы. Владельцы их собирали у татар молоко через скупщиков, часто задерживавших расчеты. Это вызывало недовольство татар, иногда принимавшее форму открытого выступления против владельцев заводов. Одно такое выступление — в Уленкуле в 1915 г. — кончилось увозом оборудования завода. Скотоводству наносили большой урон частые эпизоотии (сибирской язвы и др.), борьба с которыми не велась.

К подсобным занятиям татар относилось производство кулей в районах липовых лесов, например у заболотных татар. Весной заготовлялось мочало из липовой коры. Месяца полтора мочили кору в реке у берега,

придавив ее грузом, затем снимали верхний покров, перевозили на лодках в селение, сушили и получали мочало. Разделив его на волокна, ткали рогожи (на ткацком станке русского типа), из которых шили кули. На станке работали вдвоем, обычно взрослый и подросток. В день делали до 15 кулей. Их продавали приезжим купцам. Из лыка плели также веревки.

Из лесных промыслов у татар (тобольских) существовал издавна кедровый промысел, служивший в урожайные годы большим подспорьем в хозяйстве. Кедровники распределялись по участкам: собирали орех в августе—сентябре семьями в 3—4 человека.

Отдельные татарские хозяйства Томской губернии занимались пасечным пчеловодством.

Значительную роль в хозяйстве некоторых групп сибирских татар играл извоз. Кроме уже упоминавшихся бухарцев, извозом занимались татары, живущие вблизи больших трактов (Москва—Иркутск). Возили разные товары на ярмарки, из Тюмени в Тару, Тобольск, Омск, Ишим и т. д. Перевозили продукты животноводства: кожи, шерсть, мясо, масло. Зимой возили дрова с лесосек к пристаням. Барабинские татары работали с лошадьми на лесозаготовках в верховьях Оби, тобольские татары из Нижних Аримзян также занимались перевозкой лесоматериалов. В конце XIX в., в связи с постройкой Сибирской железной дороги, извоз сократился. Часть татар, работавших ранее в извозе, стала грузчиками (тюменские, тарские).

В районах расселения татар большую роль в качестве средств сообщения играли естественные водные магистрали. Грунтовые дороги весной, при разливе рек, и осенью, во время дождей, были непроходимы. На населении лежала обязанность исправлять мосты на дорогах, делать гати, держать перевозы. Зимой дороги были лучше, и с заболотными татарами, например, живущими в 65 км от Тобольска, сообщение было возможно только зимой по замерзшему болоту; летом они совершенно были отрезаны.

По рекам передвигались на лодках, которые, по рассказам заболотных татар, научились делать от остяков (долбленки) и от русских (кедровки). Долбленка делалась из осины, а досчатая лодка — из кедра. Управляется долбленка однолопастным веслом и вмещает не более двух человек. Она и до сего времени распространена у заболотных татар. На дальние расстояния, иногда очень значительные, ездили в кедровках — больших вместительных лодках с 2 парами весел. По сухопутью грузы перевозили летом на телегах, где это было возможно, а зимой на санях или дровнях.

Татарские селения располагались на больших расстояниях друг от друга. Они носили название *юрт* (тобольские, тюменские), *аулов* (барабинские) и были расположены обычно на берегах рек или озер. Характерные черты старинных селений татар — отсутствие определенной планировки, кривые узкие улицы, наличие тупиков, разбросанность и т. д. Селения были обычно небольшие. В каждом селении имелась мечеть с минаретом, кладбище-роща, где строго охранялись деревья. В селениях позднейшего времени прослеживается линейный план; здесь сказалось влияние русских крестьян, принесших с собой свои навыки планировки деревень. В селениях почти не было деревьев, отсутствовали палисадники.

Жилищем являлись срубные, покрытые тесом, а у барабинских татар дерном, избы. У богачей встречались и каменные дома, главным образом в селениях бухарцев близ городов Тюмени и Тобольска. Жилища барабинцев резко отличались: у них были плетневые дома, обмазанные

глиной, напоминавшие украинские хаты, но с плоской крышей из дерна. У старинных татарских домов имелось большое высокое открытое крыльцо, на которое входили по лестнице или по бревну с зарубками. До последнего времени сохранились двухэтажные старинные дома. Нижний этаж в этих домах служил зимним помещением, верхний — летним. Внутреннего сообщения между этажами нет: во второй этаж вела наружная крутая, иногда без перил, лестница, оканчивающаяся площадкой, также без перил. В редких случаях в доме были сени. Вдоль одной из стен жилого помещения устраивались нары, на которые во время еды ставили низкий круглый или четырехугольный столик. На нарах обычно стояли сундуки с имуществом, на них же были сложены перины, положены подушки. Нары застилали ковриками или цыновками своего производства. Здесь обедали, спали, работали. В переднем углу на нарах принимали гостей. В некоторых домах нары задергивались на ночь занавеской. Над нарами, на горизонтальной перекладине, была развешана сложенная одежда. В комнате у дверей ставился медный кувшин и таз для омовения перед едой.

Раньше дома отапливались чувалом, сделанным из вертикально стоящих тонких жердей, обмазанных глиной, с прямой, широкой и еле выступающей над плоской крышей трубой. Дрова ставили в чувал вертикально, топили его весь день. В конце XIX в. к чувалу стали пристраивать очаг со вмазанным чугунным котлом для варки пищи. Для выпечки хлеба устраивали особые печи на открытом воздухе из сырцовых кирпичей.

К надворным постройкам принадлежали: загон для скота, сделанный из жердей (на зимнее время загон крылся крышей, летом стоял открытым), деревянный амбар для хранения продуктов, сетей, инвентаря, баня, устроенная по-черному, т. е. без трубы (дым выходил через дверь и через отверстие в крыше).

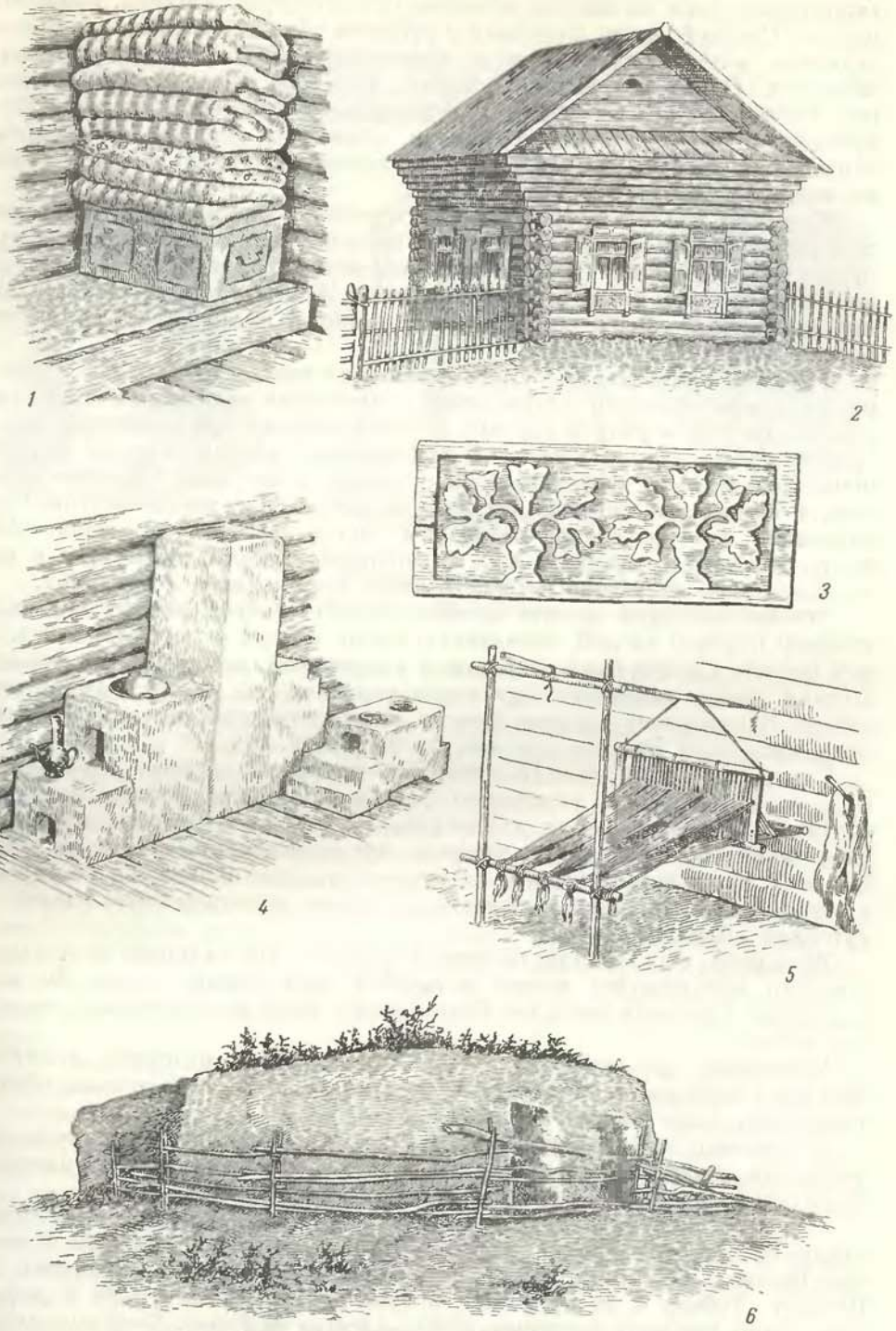
В период полевых работ и сенокоса делали в поле из прутьев шалаши, покрытые сеном и дерном. Шалаши были куполообразные и двухскатные.

В одежде татар в конце XIX в. еще сохранялись некоторые национальные особенности, в большей степени у сельских жителей, в меньшей — у городских. Характерным мужским костюмом был *бешмет* (*бишмят*) — кафтан, длиной ниже колен, с большим стоячим воротником, сборками и короткой талией. Украшением его были пуговицы, пришиваемые попарно на коротеньких шнурках. Бешмет надевался на ситцевую цветную нательную рубашку. Носили широкие и короткие шаровары, заправленные в сапоги; кроме бешмета, летней одеждой служил более короткий камзол. Зимой носили шубы из овчин, без воротника, крытые сукном, нанкой или дабой. Поверх шубы носили кожаный пояс, украшенный металлическими бляхами и пряжкой, или пестрые шерстяные пояса.

Голову мужчины обычно брили и носили круглую, с плоским околышем шапочку-тюбетейку (*аракчин*). На нее надевали суконную или войлочную шапку летом и меховую зимой. Татары, побывавшие в Мекке (*хаджи*), имели право носить зеленые чалмы. Муллы носили белую чалму.

Мужская обувь состояла из шерстяных чулок и кожаных сапог, на которые надевались кожаные галоши с язычком на подъеме. В зимнее время носили обычно валенки. Заболотные татары по условиям местности носили бродни — высокие мягкие кожаные сапоги на мягкой подошве, прикреплявшиеся к поясу кожаными ремешками. Обильно смазанные несколько раз дегтем, такие сапоги не пропускают воду.

Женщины носили широкую рубашку с разрезом посредине спереди и низким мягким стоячим воротником. Праздничная одежда у наиболее



Жилище и его внутренняя обстановка

1 — передний угол жилища; *2* — срубный дом; *3* — резной оконный наличник; *4* — печь и плита; *5* — станок для тканья кулей; *6* — жилище, крытое дерном

зажиточных была из шелковых полосатых и пестрых материй, привезенных из Средней Азии. Воротник у рубашки обшивался красным сукном, вышитым золотом и серебром и украшенным пуговицами, блестками, монетами. Обычная рубашка делалась из ситца. Под верхней носили еще холщевую или миткалевую рубаху, поверх которой надевали безрукавку — *камзул*. Женский камзул обшивался кругом позументом, лентой или шнуром фабричного изготовления. Камзул всегда делался на подкладке из легкой материи.

Женщины носили шаровары шире мужских, завязывая их под коленями. При выходе на улицу надевали пальто с низким воротником, полуприлегающее к талии. Зимний халат выстегивался ватой и был с опушкой из меха, чаще всего бобра или котика. Женская обувь — многоцветные сафьяновые сапоги — была заимствована от казанских татар. Ичиги носили всегда с галошами.

Девушки причесывались гладко, заплетая волосы в две косы. Замужние женщины вплетали в косы ленту с нашитыми на нее монетами. Старинным головным убором служил колпак (*колфак*). Он надевался непосредственно на волосы и являлся праздничным убором девушек и женщин. Колпак имел вид мешка, закругленного на конце, часто — вязаный, и вышивался шерстью, серебряной ниткой, бисером, жемчугом. При надевании его на голову свободный конец закидывался набок или назад. Начиная с середины XIX в. колпаки исчезли из быта, и в настоящее время их можно встретить лишь хранящимися в сундуках.

Обычно женщины носили платки. В день свадьбы невесте надевали повязку (*сарауц*) на лоб, завязанную сзади, поверх ее надевался шелковый платок. Сарауц бывал бархатный с вышивкой, носили его замужние. Носили также маленькие бархатные шапочки, покрытые платком или тюлем. Барабинские татарки раньше, согласно мусульманским законам, закрывали лицо платком при выходе на улицу.

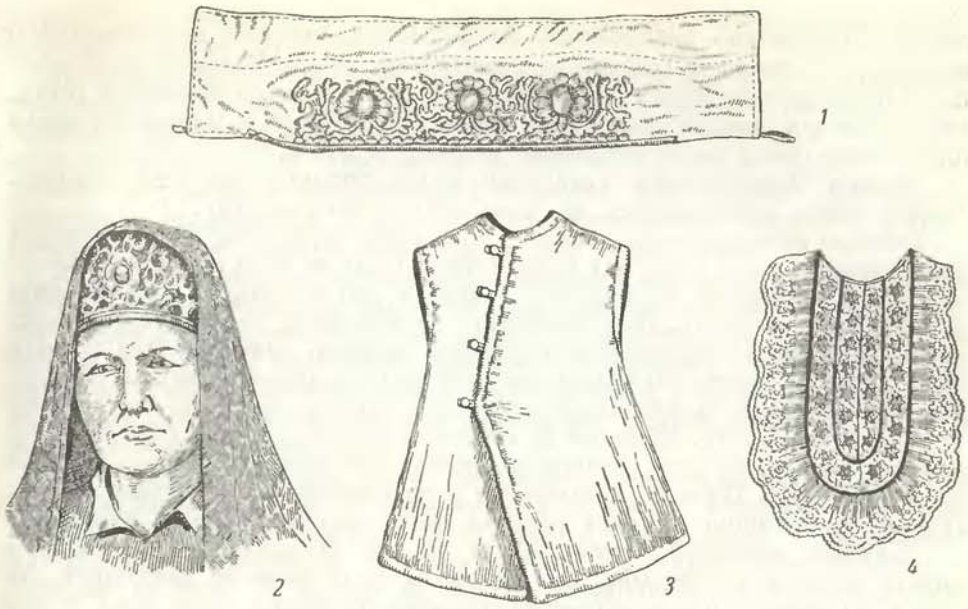
Богатые татарки носили тяжелые, трубчатой формы, серебряные и золотые нагрудные украшения тонкой ювелирной работы, которые считались одновременно и амулетами. На обратной стороне пластины были написаны арабские изречения, предохраняющие якобы от злых духов. В ушах носили серьги, на руках браслеты, кольца, на шее бусы, в волосы вплетали ленты с монетами. Детям на одежду нашивали монеты, пуговицы, бляшки.

Женщины употребляли белила и румяна. От бухарцев было заимствовано окрашивание ногтей в желтый цвет (мятой гвоздикой) или в красный (свежими листьями бальзамина), было распространено чернение зубов.

Классовые различия у татар проявлялись в одежде главным образом в качестве и стоимости ее материала. У богачей одежда, обувь, украшения были дороже и лучше.

Постепенно татары заимствовали более удобную одежду от русского населения, утрачивая тем самым своеобразие своей национальной одежды, от которой сохранились лишь отдельные элементы.

В пищу сибирские татары употребляли в основном растительные продукты (хлебные злаки), рыбу, в меньшей степени молочные и мясные (конина, баранина, дичь). Основным питанием татар, живших по Иртышу, Тоболу и их притокам, в прежнее время были рыба и рыбий жир. Пищу готовили женщины, летом — всегда на улице. Хлеб выпекался также в уличных печах. Любимым национальным блюдом была лапша, сваренная на мясном бульоне или на воде. Из других мучных изделий были распространены пресные лепешки, оладьи, пирожки четырехугольной формы с творогом, мясом, а позднее с картофелем; пельмени,



Женская одежда

1,2 — головная повязка; *3* — верхняя одежда — камзол; *4* — нагрудное украшение

блины, а также и большие пироги с запеченной внутри рыбой были обязательны на национальных праздниках. Часто готовили *алюва* из пшеничной муки, заваренной молоком и приправленной топленым маслом. Другое мучное блюдо — *затуран* — приготовлялось из поджаренной на масле муки, варилось в чайном отваре и подавалось к столу с молоком. Обычным угощением в праздники был *баурсак* — кусочки теста, сваренные в кипящем масле. При подаче на стол их смазывали медом и посыпали сахаром. Перечисленные блюда чаще всего готовились в богатых и зажиточных домах, а бедняки питались проще и однообразнее.

Крупу обдирали в деревянной ступе деревянным пестом. Из нее варили кашу в чугунном котле, вмазанном в плиту. Любимым блюдом была уха (*шурба*), особенно часто распространенная в районах, где развито рыболовство. Рыбу употребляли в вареном виде. Стерлядь ели сырую, немного подсолив. Чебаков жарили без масла на сковороде, подливая воду.

Из мясных блюд любимым была баранина, употребляемая на праздниках и при угощении гостей. Свинина запрещалась религией. В охотничьих районах широко пользовались разной дичью: утками, куропатками, рябчиками, глухарями, перепелками, гусями. Из дичи варили суп. Гусей жарили на вилках над огнем, причем вытапливаемый жир стекал в чашку. Из крупных животных потребляли в вареном виде мясо лося, медведя.

Из напитков, кроме чая, пили квашеное молоко (*катык*) и кумыс (барабинские татары). В кумысе мариновали иногда (вместо уксуса) огурцы.

Женщины раньше ели отдельно от мужчин, чаще всего после них. На свадьбах и праздниках угощение мужчин и женщин устраивалось отдельно в разных домах.

Основную массу татар составляли ясачные крестьяне, обложенные тяжелой податью. К началу XX в., в условиях развивающегося капита-

лизма, значительно увеличилось количество бездворной и безземельной бедноты, не имевшей собственной запашки и скота. В основе этого процесса было неравномерное распределение как земельных наделов у татар, занимавшихся земледелием, так и скота у скотоводов и утрата трудовым населением своих незначительных наделов и скота.

Обычно крестьянская татарская семья состояла из 5—7 человек. Члены семьи повиновались во всем главе семьи — отцу.

Богатые татары имели, согласно мусульманскому обычаю, до четырех жен, которые жили в разных домах. Жена была во всем подчинена мужу. Она была не только ограничена в правах, но и связана целым рядом религиозных запретов. При похоронах на кладбище ходили только мужчины, женщинам запрещалось посещение мечетей, кладбищ. Они должны были ходить с закрытым лицом, не показываться посторонним мужчинам. На национальных праздниках, в домашнем быту женщины находились отдельно от мужчин. Женщин не отдавали в школы (*мяктябэ*), они обучались лишь начальной грамоте в школах при мечетях (*медресе*), учила их жена муллы. Путь к дальнейшему образованию женщине был закрыт. Показания женщин в судах должны были подтверждаться мужчиной.

Девушек выдавали замуж иногда 13 лет. Невеста не должна была видеть жениха до свадьбы. От жениха к отцу невесты приходили две свахи, сговаривались о размерах калыма, и жених переезжал в дом тестя (*коин ата*) и жил там до уплаты калыма. У барабинских татар калым часто выплачивался после свадьбы. Многие бедняки не в состоянии были уплатить калым, доходивший до 300—500 руб. и оставались неженатыми.

Имение после умершего делилось на равные части между сыновьями, дочерям давалась половина части сыновей. Если сыновей не было, дочери получали половину имущества, остальное поступало родственникам. Мать и отец имели разные права на наследство, матери полагалась одна треть, остальное отдавалось отцу.

По религии сибирские татары были мусульманами (суннитами). Их главное духовное лицо — *ахун* — жил в с. Ембаево (Тюменский район), где владел большими земельными наделами. Однако у сибирских татар сохранялись и доисламские верования. Широко распространена была вера в духов — «хозяев». Главными из них были: «хозяин» дома, «хозяева» воды, «хозяин» леса. У многих татар существовал культ деревьев (березы или сосны). Сохранялись жертвоприношения. При засухе все жители селения выходили в поле и закалывали лошадь, корову или теленка, а иногда овцу, прося бога о ниспослании дождя. Затем располагались против солнца, варили убитое животное и угощали всех собравшихся, объеденные кости бросали в воду. В дни поминовения покойников в жертву приносили петухов. Для защиты от молнии, грома, злых духов, болезней носили на шее амулеты: медвежьи клыки и когти. Амулеты подвешивались и к детским колыбелям.

Народное искусство у сибирских татар было представлено преимущественно устным народным творчеством. Основные виды фольклора тобольских и тюменских татар — сказки, песни (четверостишия), лирические песни, плясовые песни (скороговорки; *такмак*) обычно юмористического характера, пословицы и загадки, героические песни и сказания о богатырях, исторические песни (*баиты*). Последние следует рассматривать уже как литературные произведения, так как их сочиняли и записывали на бумаге грамотные татары. Попав в народную массу, исторические песни приобретали устную форму, изменялись, дополнялись и бытовали уже как фольклорные произведения. На развитие фольклора отрицательно влияло мусульманство, которое вытесняло оригинальное

народное творчество и распространяло вместо него общемусульманские легенды и песни.

Несмотря на то что музыка и пляски осуждались мусульманской религией, у тобольских и тюменских татар сохранились национальные музыкальные инструменты: *курай* — дудка из полого стебля с несколькими прямоугольными отверстиями на его тонком конце; *кобыз* — язычковый инструмент с вибрирующей стальной или медной пластинкой. Женщинам разрешалось играть на этих инструментах только в присутствии ближайших членов семьи, но не при посторонних.

Изобразительное искусство татар бытовало в основном в виде вышивки на одежде. Вышиванием, как и шитьем одежды, занимались женщины. Вышивали на полотенцах и на одежде геометрический орнамент. Особенным искусством отличались вышивки на женских бархатных повязках и шапочках. Переднюю часть этих головных уборов вышивали шелком, серебром, золотом, бисером, жемчугом, цветной шерстью. Сюжеты вышивок — цветы, растения.

Народное образование среди сибирских татар ограничивалось сельскими духовными школами при мечетях — мектэб. Царское правительство не было заинтересовано в просвещении «инородцев», а муллы препятствовали обучению в светских школах, которых было немного — одна-две на уезд. В районе расселения барабинских татар школ было еще меньше, грамотными были лишь единицы.

Мектэб строились на частные средства богачей или за счет «общества»; учителя содержались также на указанные средства. Ученики обучались 4—5 лет и не всегда выучивались читать и писать. Преподавание велось муллой, носило чисто религиозный характер и сводилось к заучиванию арабского текста Корана. Мальчики и девочки учились отдельно. Ученики платили за обучение хлебом и деньгами. Детей бедняков заставляли прислуживать богачам. Практиковались телесные наказания палками.

Хозяйство и быт после Октябрьской революции

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила условия жизни сибирских татар. У них началось социалистическое переустройство жизни. Однако первые шаги советского национального строительства были прерваны колчаковщиной. В 1919 г. Колчак был окончательно разгромлен, и вся Сибирь была освобождена от белогвардейских банд. В рядах Красной Армии много было татар-добровольцев, героически боровшихся против белобандитов. Немало татар отдали свою жизнь в борьбе за власть советов.

Первые сельскохозяйственные артели сибирских татар организовались еще в 1928 г. Массовое же вступление в колхозы здесь развернулось в 1930—1931 гг.

Колхозы сибирских татар по своему направлению в большинстве сельскохозяйственные и в меньшем числе рыболовецкие. Рыболовецкие колхозы заболотной части Тобольского района расположены на небольших сухих «островах» среди болот. В Барабинской степи (Новосибирская область) татарские сельскохозяйственные артели до укрупнения колхозов были небольшие. Это обстоятельство отрицательно сказалось на развитии татарских колхозов.

Мелкие, особенно земледельческие, колхозы экономически были не рентабельны. Они тормозили развитие колхозного хозяйства, так как не позволяли вести хозяйство в больших масштабах, применять мощную современную технику.

В татарских колхозах каждая производственная бригада имеет порученный ей участок и несет за него полную ответственность. В колхозе им. И. В. Сталина в Иртышатских юртах, например, одна из бригад косит.

Комбайн на колхозном поле. Барабинские татары

другая ловит рыбу, бригада плотников строит дома, скотные дворы. Бригадиры большей частью молодые татары, среди которых много участников Великой Отечественной войны, отличников производства.

Наряду с чисто татарскими существуют и смешанные, русско-татарские колхозы (например колхоз «Рабочий» в Нижних Аримзянах Тобольского района), в которых дружно работают русские и татары. Русские помогают отсталой в прошлом татарской национальной группе. Татарским колхозам Барабинского района при уборке урожая часто помогают русские рабочие и служащие из г. Барабинска. Каждый колхоз в Барабе имеет земли по государственному акту примерно от тысячи до четырех тысяч гектаров. Исчезли узкие земельные полоски с межами, прекратились и раздоры из-за земельных наделов. Созданы крупные земельные колхозные массивы, доступные обработке сложными сельскохозяйственными машинами. На болотных участках проводится мелиорация.

Наибольший процент посевной площади занимают зерновые культуры (пшеница, рожь, овес), за ними идут технические (лен, конопля), картофель и овощные культуры. В отдельных колхозах средний урожай пшеницы достигает 18 ц с 1 га и выше (например в колхозе им. И. В. Сталина в Иртышатских юртах Тобольского района). Впервые появилось и развивается огородничество.

Вместе с земледелием растет и укрепляется социалистическое животноводство. В большинстве колхозов построены утепленные скотные дворы, улучшается племенной состав скота. К колхозам прикреплены зоотехники.

Рыболовством занимаются в основном заболотные татары. Татарские рыболовецкие колхозы имеют свои рыболовные участки. Рыбу ловят круглый год большими неводами (в 200—400 м в зависимости от размеров водных угодий). В таких колхозах имеется от одной до трех бригад, примерно по 10 человек в каждой. На озера выезжают рано утром. В бригады часто входит *башлык* — опытный старый рыбак. Бригады работают на неводниках, а бригадир отдельно на осиновке. Выловленную рыбу сортирует бригадир, часть ее идет на питание рыбаков, основная же масса улова продается заготовительным организациям. Рыбу

отвозят на засолочные пункты и затем на каюках отправляют в Тобольск на рыбозавод. В Заболотье есть опытные рыбаки с большим стажем (30—40 лет), они перевыполняют план на 400—500% и учат рыбной ловле молодежь. На Тобольском рыбозаводе заболотные колхозы занимают из года в год одно из первых мест по выполнению плана рыбосдачи.

В некоторые годы, когда подъем весенних вод особенно высок, рыба расходится по болотам, а при спаде воды запутывается в траве и гибнет. В такие неурожайные годы бригады рыбаков Заболотья отправляются на рыбные угодья по р. Иртышу, и, таким образом, татарские колхозы не лишаются заработка. До революции, при единоличном хозяйстве и старой системе распределения участков, это было невозможно, и рыбаки Заболотья в таких случаях голодали.

Наряду с указанными выше отраслями сельского хозяйства татары имеют в колхозах пасечное пчеловодство, разводят домашнюю птицу (уток, гусей). В лесных районах с кедровыми насаждениями колхозы собирают кедровые орехи.

Охота не является основным видом хозяйства в татарских колхозах. Конторы заготживсырья заключают договоры на сезон охоты с отдельными охотниками и колхозами. Шкурки зверей охотники сдают уполномоченным заготживсырья. Среди охотников есть отдельные мастера, имеющие значок отличника, почетные грамоты.

В последние годы, благодаря акклиматизации ондатры, у барабинских татар появился новый объект пушного промысла.

В связи с колхозным строительством год от года меняется внешний вид татарского колхозного селения: вместо кривых улиц, тупиков, одиночных отдаленных усадеб, планируются прямые улицы; в центре селения обычно располагаются общественные здания. Школы многих колхозов имеют опытные участки для выращивания зерновых культур, овощей, фруктовых деревьев. Большинство колхозников живет в новых просторных домах. В строительстве их часто принимают участие русские плотники. Вместо старой планировки с окнами во двор новые дома выходят фасадом на улицу.

Изменилось и внутреннее убранство жилых домов колхозников. Вместо нар везде имеются столы и стулья, вместо чувалов сложены голландские печи и плиты. Подобие камина встречается еще в некоторых домах барабинских татар, сохраняется в них и «осло» — земляной фундамент чувала, огороженный бревнами. На этом фундаменте летом стоит кухонная посуда, а зимой ставится железная временная печь с трубой, выходящей через потолок на улицу. Часто встречаются плиты с широким дымовым ходом, напоминающим чувал. Спят на металлической кровати, покрытой в некоторых домах коврами; на кровати свернуты в трубку перины и подушки. Старое поколение не пользуется новыми удобствами. Старики говорят, что не умеют и устают сидеть на стульях, некоторые из них предпочитают сидеть с подогнутыми ногами на кровати, заменяющей им нары. Запрещенные мусульманской религией картины теперь часто встречаются в татарских домах.

Национальная одежда встречается изредка у пожилых колхозников, колхозная молодежь носит обычное платье городского покроя. Национальные особенности в деталях костюма еще сохранились. Девушки и женщины носят, например, распространенные до революции платки разных размеров, ситцевые, шелковые с кистями, шерстяные. Изредка можно встретить старушку с головной бархатной повязкой (сарауп), покрытой платком. Распространенные в прошлом колфаки сейчас изменили размеры и назначение, но сохраняют свою форму. Раньше размеры колфака были 43.5 см на 25 см, т. е. соответствовали величине головы,

В комнате колхозника. Тюменские татары

сейчас изредка встречаются еще миниатюрные шапочки размером 5 см на 7.5 см. Их прикрепляют на макушку, поверх накидывают платок. Украшения, как и раньше, носят многие. Любят бусы, серьги, браслеты, кольца, броши. Маленьким детям в виде украшений нашивают на рубашки разноцветные пуговицы.

В результате развития новых видов хозяйства и подъема благосостояния населения улучшилось питание татар. Любимые национальные кушанья, употреблявшиеся в прошлом, сохранились и стали доступны всем. К тому же питание стало разнообразнее. Из новых видов питания нужно отметить особенно овощи, получившие большое распространение.

Основным видом пищи являются в большинстве случаев мучные блюда. В некоторых колхозах, особенно во время полевых работ, на станах организуется общественное питание. Часто старики для этого ловят рыбу и сдают ее специально выделенной поварихе, которая готовит обед, кипятит чай, распределяет хлеб и другие продукты на весь день. Исчезли запреты в пище, установленные мусульманской религией, в частности на свинину. Большинством не соблюдаются и мусульманские посты.

Улучшение жилищных и бытовых условий, рост зажиточности и культуры улучшили и общую гигиену. Гигиенические навыки прививаются с детства дома, в дошкольных учреждениях и в школе. Женщины получают консультацию по уходу за детьми на медицинских пунктах, имеющихся во всех колхозах. Повсюду есть родильные дома. Медицинские работники систематически следят за здоровьем колхозников, выезжают летом на полевые станы, проводят беседы на профилактические темы. В необходимых случаях в отдаленные места врач вылетает на самолете.

Заново сооружены в районах расселения татар сотни километров дорог. Улучшились пути сообщения и появились современные виды связи.

Такие изолированные в прошлом районы, как территория Заболотья, связаны регулярным сообщением с центром. Татары Заболотья в первые годы советской власти прорубили на болоте узкие каналы-«резки» в 80 см шириной, по которым могла пройти долбленка-осиновка, и установили трассу от озера до озера протяжением 200 км. Путь от Тобольска по резкам продолжается три дня с ночевкой в озерных избушках. Таким образом, сообщение с Тобольском с недавнего времени стало воз-

можным круглый год. Обычно на лодке едет не более двух человек. Доехав до резки, один из них выходит и идет по болоту, а другой складывает весла и подталкивает двумя шестами лодку. В настоящее время здесь курсируют гидросамолеты. В экстренных случаях гидросамолет вылетает специальным рейсом. Такие рейсы совершаются по требованию колхозов для оказания медицинской или ветеринарной помощи, при пожарах и т. п.

В Тобольск, отстоящий на 300 км от железной дороги, летом курсируют пароходы по Иртышу, Туре, Тоболу. По шоссейной дороге совершают регулярные рейсы автобусы. Перевозку различных грузов осуществляет в основном автотранспорт. Во многих колхозах есть свои автомашины, моторные лодки.

Часто ездят на лошади, запряженной в «ходок» с плетеным кузовом, иногда верхом.

В колхозах Барабинской степи особенно распространены велосипеды, которыми пользуются для поездок в сельсоветы, в город по колхозным делам. Урожай зерна увозят автомашины. Для этого в районных центрах организуются автоколонны в 60—70 машин, обслуживающие колхозы во все время уборочной кампании.

Широкая почтовая сеть обслуживает все колхозы Тюменской и Новосибирской областей. Из отдаленных районов почтальон ездит на лодке; так, например, из Нижних Аримзян, где находится два колхоза — русский и смешанный, татарско-русский, почтальон татарин ежедневно ездит на лодке в Бронниковский сельсовет за почтой, газетами и с колхозными поручениями. Из Заболотья почтальон ездит по резкам, идет пешком по болотам с почтовой сумкой. Газеты и почта в Заболотье летом доставляются еженедельно.

Все колхозы связаны с районными центрами телефоном. С Заболотьем срочная связь осуществляется рацией, работающей ежедневно в определенные часы.

Новая колхозная жизнь обеспечивает всестороннее и свободное развитие национальной культуры татар. В колхозах выросли новые люди: трактористы, комбайнеры, бригадиры, председатели колхозов, мастера высоких урожаев, передовики производства. Наряду с татарами-колхозниками имеется много и татар-горожан, живущих в различных городах Западной Сибири. Городские татары работают в качестве служащих государственных учреждений и предприятий, рабочих заводов и т. д., и в большинстве своем знают хорошо русский язык. Татары и русские связаны общими интересами и одной целью.

Особенно резко сказалось социалистическое переустройство быта на положении татарской женщины. Все запреты и ограничения, связанные с мусульманством, исчезли навсегда. Советская татарская женщина заняла теперь равноправное положение в семейной и общественной жизни. Она работает в сельском совете, в правлении колхоза, педагогом и директором школы. Среди женщин много членов КПСС и еще больше комсомолок.

На медицинских пунктах работают почти исключительно женщины. В детских садах почти все воспитательницы — татарки. В сельских магазинах продавцами являются женщины. Большая сеть постоянных и сезонных детских яслей и очагов дает женщине возможность активно участвовать в общественной жизни. Быстро развивается народное образование. Особенно широко развернулась в советский период сеть начальных и средних школ, в которых преподавание ведется на татарском языке.

Школы имеются во всех без исключения татарских колхозах. Даже в самых отдаленных и малодоступных юртах, например у татар Забо-

лотья, куда трудно привозить школьные пособия, керосин для освещения, тетради, учебники, преподавание ведется бесперебойно. Учителя в большинстве местные жители.

В крупных селениях работают средние школы. Осенью детей организованно, в сопровождении учителя, привозят в селение, где есть средняя школа. Там их помещают в интернат или на частную квартиру.

В школах имеются библиотеки, где дети знакомятся как с произведениями русских классиков — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, М. Горького и др., — переведенными на татарский язык, так и с татарской литературой (писатели Габдрахман Әпсәләмов, Сахаб Урайский, Әхмәт Фәйзи, Мостай Кәрим, Газиз Иделле и др.).

Окончив среднюю школу, многие продолжают образование в татарских педагогических училищах ряда городов: Тобольска, Томска, Свердловска, Казани и др. Тобольское татарское педагогическое училище существует с 1934 г., ранее оно было в Тюмени. Оно создано для подготовки учителей начальных татарских школ не только для Тюменской, но и для Свердловской, Омской, Курганской и Новосибирской областей. Училище имеет 6 классов (с параллельными 12). В училище имеется библиотека, в которой насчитывается до 20 000 книг.

За время своего существования училище подготовило свыше 700 учителей татар. Преподаватели Тобольского педагогического училища все с высшим образованием.

Летом учителя начальных татарских школ съезжаются в Педагогическое училище на краткосрочные курсы для повышения своей квалификации.

Большую популярность в области приобрел драматический кружок педагогического училища. В нем участвует свыше 70 студентов. Кружок хорошо известен не только среди городского, но и окрестного колхозного населения. В своей работе кружок связан с видными татарскими драматургами, как, например, Гиззат Таэки. Колхозники Медянских, Саусканских, Кызылбаевских юрт приезжают в город на спектакли драматического кружка.

Большую роль в просвещении татарского населения играют татарская пресса и различные культурно-просветительные учреждения.

В Омске, Тюмени и Тобольске имеются татарские библиотеки; в Омске издается областная татарская газета. Большой популярностью пользуется кино, являющееся любимым видом развлечения не только татарской молодежи, но и старшего поколения. У колхозников татар появились новые народные праздники, за которыми пока сохраняется их старое название. Так, например, весенний праздник «сохи» — Сабантуй, связанный с окончанием посева, празднуется у барабинских татар. Колхозы вступают между собой в социалистическое соревнование на первенство по проведению весеннего сева. Колхоз, закончивший первым свои посевы, становится победителем, в его ауле устраивается праздник Сабантуй, на который съезжаются все окрестные колхозы. Колхозы устраивают общественное угощение. После угощения происходят различные состязания в беге. Бегут в мешках, перегоняя друг друга, бегут на определенное расстояние, держа в руке ложку с яйцом, бегают с завязанными глазами. Соревнуясь в ловкости, взбираются по столбу, добравшиеся до вершины получают приз.

Современное устное творчество татар выражается преимущественно в песнях.

В колхозах создаются песни о современной жизни колхозников, обеспеченной и зажиточной. Песнями обычно откликаются на все важнейшие события.

Песни поют под аккомпанемент музыкальных инструментов. Молодежь в часы отдыха танцует, поет, водит хороводы. Исполняют как татарские, так и русские песни. Молодежь знает много русских и татарских стихов. Из последних популярны стихи народного татарского поэта Тукая.

Сибирские татары с большим вниманием и интересом следят за выдающимися успехами в развитии татарской национальной социалистической культуры своих собратьев, объединившихся в Татарскую автономную социалистическую республику, и поддерживают с ними культурную связь.

ШОРЦЫ

Общие сведения

Шорцы — небольшая тюркоязычная народность, возрожденная Великой Октябрьской социалистической революцией. Шорцы обитают в отрогах Кузнецкого Алатау, в бассейнах среднего течения р. Томи и ее притоков Кондомы и Мрассы. Значительная группа шорцев выселилась в течение XVII и XVIII вв. в бассейны левых притоков Абакана (Матур, Таштып, Тёя и др.), где они были известны до революции под общим наименованием сагайцев, в среде которых они разделились на ряд административных родов: Кивинский, Каргинский, Карачерский и др. В настоящее время эта группа шорцев вошла в состав хакасской народности. В небольшом количестве можно встретить шорцев в предгорной степи Солтонского района Алтайского края и в Турочакском аймаке Горно-Алтайской автономной области. Здесь они находятся в процессе слияния в Солтонском районе с русским народом, а в Турочакском — с алтайцами Горно-Алтайской автономной области.

Основная территория расселения шорцев (Горная Шория) находится в центре расположения знаменитого промышленного района—Кузбасса. Это — горная страна, отличающаяся, однако, мягким рельефом; лишь вершины Пустаг (1851 м), Коль-тайга (1876 м) и Падын-Таг представляют гольцы (*таскылы*), почти все лето покрытые снегом. Многочисленные реки носят горный характер и, за исключением главных артерий (Томи, Мрассы, Кондомы), мелководны. Выпадает большое количество осадков. Из-за глубокого снега затрудняется, а на юге временами и совершенно прекращается сообщение, а копытные животные (марал и козуля) перекочевывают зимой в верховья Томи или Абакана. Большая часть территории покрыта малодоступной горной тайгой с преобладанием елово-пихтово-осиновой черни, кедровых лесов и т. д.; на десятки километров по узким речным долинам тянутся болота. Тайга еще 25—30 лет тому назад была основным источником хозяйственных ресурсов для шорцев (пушные и копытные звери и др.). Кедровые леса занимают около 2% всей лесной площади, дают населению в урожайные годы орехи. На р. Кондоме сохранились на площади свыше 4 тыс. га липовые леса, и здесь развито пчеловодство. Для района характерны обилие кустарника и высокотравие. В северной части Горной Шории горы снижаются, а тайга редеет. Сглаженная холмистая местность в низовьях Кондомы представляет лесостепь с островками елово-пихтового леса. Почвенные условия и меньшее коли-

чество осадков делают эту местность более пригодной для земледелия. Площадь лугов и пашни составляет 5—7% всей территории района.

Официальное название народности «шорцы» и самоназвание «шор» окончательно утвердилось лишь после Октябрьской революции. До этого у шорцев общего самоназвания не было, и они называли себя по наименованию сеока (рода): Кобый, Карга, Кый и т. д., или по названию административного рода или управы, например Таяш-чоны (т. е. Таяшская волость). Вместе с этим шорец называл себя иногда и по месту жительства, по названию реки, например: Мрас кижи (мрасские люди), Мондым-чоны (Кондомский народ, кондомцы). За пределами своей тайги называли себя «чыш кижи» («черневой», т. е. «житель тайги», «черни») или «аба-кижи», т. е. «абинец». Название «аба» по существу было названием рода, как и название «шор». Под термином «аба» у шорцев был известен род, обитающий преимущественно по р. Томи, близ г. Кузнецка (ср. шорское название г. Кузнецка — «Аба-Тура»). Под названием «абинцы» группу шорцев описывают участники академических экспедиций XVIII в. (Гмелин, Георги).

В основе современного наименования шорцев лежит название довольно многочисленного сеока (рода) Шор, обитающего в основном на р. Кондоме. С представителями этого рода впервые столкнулись миссионеры Алтайской духовной миссии, основавшие в 1858 г. свой первый миссионерский стан на р. Кондоме в пункте, получившем позднее название села Кузедеева. Миссионеры именем этого рода стали называть все местное население Кузнецкой тайги. По имени того же сеока Шор называли всех шорцев и их тюркоязычные соседи (телеуты, алтайцы, хакасы). Под этим названием они вошли и в этнографическую литературу конца XIX и XX в. В русских исторических документах XVII и XVIII вв. и сибирских летописях современные шорцы выступают под названием мрасских, кондомских и кузнецких татар. Кузнецкими татарами они именуются и в известных трудах XVIII в. по истории Сибири (Миллер, Фишер).

Ранние этапы истории шорцев совершенно не разработаны в научной литературе. Эта задача осложняется еще весьма слабой изученностью основной территории обитания шорцев в археологическом отношении. Судя по антропологическим и этнографическим данным, материалам языка, топонимики, фольклора, современные шорцы представляют собой тюркизированных потомков угрских, самодийскоязычных племен и кетоязычных аборигенов северной, таежной части Саяно-Алтайского нагорья. Антропологические материалы сигнализируют также об общности элементов, лежащих в основе физического типа шорцев, хантов и манси. Особенности шорских диалектов (в фонетике, морфологии, лексике и т. д.) указывают на то, что тюркизировали их древнеалтайские, уйгурские и енисейскокиргизские племена в период VI—IX вв., т. е. в период последовательно сменяющегося господства в Саяно-Алтайском нагорье тюркского, уйгурского и киргизского каганатов. Тюркизация языка этих таежных (по местообитанию) племен, постоянно плативших дань пушниной и железом тюркоязычным каганам, происходила одновременно с частичным их смешением с тюркским, а через него и монгольским этническим элементом. По своему этническому происхождению шорцы сходны с северными алтайцами (челканцы, кумандинцы, частично тубалары). В отличие от южных алтайцев, язык северной группы относится по классификации тюркских языков к так называемой уйгурской, или северо-восточной, группе, в которую входит и ряд диалектов хакасского языка. Еще в дореволюционное время некоторые исследователи (Корш, Радлов) обратили внимание на связь языка северных алтайцев с восточно-финскими, или угорскими, языками Сибири.

Советские ученые установили, что особенности языков северных алтайцев являются характерными для угро-самодийских языков (ненецкий, селькупский, а также хантов и манси).

Указание на некоторую языковую общность северных алтайцев с угорскими и самодийскими народностями Сибири согласуется с антропологическими данными. Отличаясь меньшей монголоидностью основных антропологических признаков, шорцы и кумандинцы обнаруживают общность антропологического типа по измерительным и описательным признакам с хантами и манси. Общность шорцев, как и некоторых других северных алтайцев, с хантами и манси ясно выступает на этнографическом материале. Как показали исследования Н. Ф. Прытковой, верхняя мужская и женская распашная одежда шорцев одинакова по покрою с одеждой хантов (среднее и нижнее течение Оби). Сходство это распространялось раньше и на материал одежды, изготовлявшейся из самодельного холста. Такую же картину дает сопоставление орнамента. Исследовавший этот вопрос С. В. Иванов пришел к заключению, что прямолинейный геометрический орнамент, характерный для тканых и вязаных изделий шорцев и кумандинцев, распространен и у южной группы хантов (живущих по Иртышу, Салыму, Конде). Сопоставление общих элементов народной культуры шорцев с культурой хантов и манси можно продолжить и на других примерах. Наблюдается, например, общность типа древней ручной охотничьей нарты, которую охотники в зимнее время, идя на лыжах, тянут за собой. Шорцы, так же как ханты и манси, имели в своем жилище (в дореволюционный период) однотипный очаг (чувал) с трубой из жердей, обмазанных глиной. В качестве хозяйственной постройки, устраивавшейся раньше как в тайге в районах промысла зверя, так и вблизи жилища, у этих народностей сооружались совершенно одинаковые по конструкции небольшие срубы-амбарчики на высоких жердях для хранения продуктов питания, особенно мяса. Общие и древние элементы культуры у шорцев, хантов и манси хорошо сохранились в области культа. У северных шорцев и кумандинцев во время некоторых видов шаманских молений употреблялась берестяная маска, надеваемая отдельными участниками моления, а это характерно также было для общественных молений хантов и манси, где такая маска играла видную роль. Манси и ханты, как известно, во время обрядового праздника в честь убитого медведя изготовляли деревянный фаллос. Элементы фаллического обряда при охоте на медведя наблюдались и у шорцев. Характерные для хантов и манси представления и изображения духов предков в виде крылатых людей находят свою полную аналогию в изображениях некоторых духов шамана, наносившихся в виде рисунков на шаманский бубен.

Этнографический материал и данные топонимики свидетельствуют о былой общности шорцев и с кетоязычным населением бассейна Енисея: с кетами, или так называемыми енисейскими остяками, и с коттами XVII—XVIII вв., ассимилированными позднее тюркоязычными племенами Минусинской котловины. Еще Радлов, основываясь на данных топонимики, выдвинул гипотезу, что шорцы являются тюркизированными по языку енисейскими остяками. Не соглашаясь целиком с этой гипотезой, недостаток которой заключается в упрощении этнического происхождения шорцев, следует все же отметить, что общность некоторых этнических элементов кетов и шорцев не может вызвать сомнения. Так, еще недавно кеты почитали божество Мать-Томь, которая, по их верованиям, обитала на юге, в каменном доме. В этом представлении еще сохранилась народная память о проживании кетов в каменных горах в верховьях р. Томи, где кетскую топонимику до сих пор хранят современные шорцы. Целый ряд бытовых особенностей, обрядов и обычаев кетов и шорцев отражает общность их

исторической жизни и этнического происхождения. Как те, так и другие в XVII в., несмотря на их территориальную разобщенность и удаленность, славились кузнечным делом. Поэтому волости их расселения на Томи и Енисее одинаково именовались кузнецкими. В жизни тех и других охота на зверя имела первостепенное значение. Некоторые детали охотничьего быта кетоязычных коттов, описанные в XVIII в. Георги, сохранили поразительное сходство с современными шорскими. Например, Георги сообщает об обычае коттов во время охотничьего промысла спать «около огня попарно, так что головы лежат одна супротив другой, а ноги одного под руками у другого».[1] Но точно так же спят в тайге на охоте современные шорцы, особенно те, предки которых переселились из долины Мрассы в бассейн Абакана. Сходен был до революции у тех и других и обряд захоронения умерших маленьких детей на дереве завернутыми в бересту. В шаманстве обеих народностей выдающуюся роль играет береза. Шаманский бубен шорцев обнаруживает сходство с кетским и относится к общему типу.

Существуют некоторые признаки того, что в среде шорцев имеются и самодийскоязычные этнические элементы. В преданиях шорцев говорится о том, что в состав их вошел небольшой народец чот, или шот, который жил в старину по р. Мрассе. В этом названии нельзя не узнать самодийскоязычную родоплеменную группу Чода, или Чоды, которая растворилась в среде карагасов-тофаларов, северо-восточных тувинцев, вошла в состав кумандинцев (сеок Чоты, Иоты), тубаларов (сеок Дьуты). На связь шорцев с самодийскими элементами, в частности с селькупами, указывают некоторые этнографические данные. Вместе с этим сохранение у шорцев некоторых этнонимов позволяет говорить об участии в их этногенезе древнетюркских элементов. Таковым является этноним киби, отнесенный китайскими источниками к наименованию одного из поколений теле. Г. Е. Грум-Гржимайло связывает его с названием шорского сеока Киби, или Киви.[2] Этноним Киби, или Киви, сохранился в названии Кивинской волости у шорцев и сагайцев, упоминаемой в русских исторических документах с XVII в. Необходимо привлечь внимание к наименованию гаогюйского поколения Аба, упоминаемому в летописи Суйской династии (581—618 гг.). Этот этноним фигурирует в качестве одного из названий поколений теле и у Шаванна под 603 г.[3] Наименование Аба известно из русских исторических документов начала XVII в. как название волости и поколения «кузнецких татар» — предков современных северных шорцев. У последних этноним Аба отмечен всеми исследователями в качестве названия сеока. Участники русских академических экспедиций XVIII в. Гмелин и особенно Георги дают довольно подробное описание культуры и быта абинцев и подчеркивают их полное сходство «в рассуждении *виду, душевных качеств, внутреннего своего устроения, нравов, языка, счисления времени* и *обрядов*» с телеутами.[4] Видимо, еще в XVI в. абинцы входили в состав телеутов, как в VII в. они входили в состав теле. Несмотря на то что в начале XVII в. абинцы описываются звероловами и металлургами, они были также и скотоводами; Георги отмечает, что их «скотоводство во всем подобно телеут-

---

[1] И. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. III, СПб., 1777, стр. 29.

[2] Г. Е. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Пгр., 1925, стр. 248.

[3] E. Chavannes. Documents Sur les Tou-kiue (turcs) occidentau, стр. 50 со ссылкой на летопись Суйшу и St. Julien'a.

[4] Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743, I, Cöttingen, 1751. — И. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. II, СПб., 1776, стр. 167.

скому», а это означает, что еще в XVIII в. абинцам было известно кочевое скотоводство, в отличие от предков южных шорцев, занимавшихся только звероловством, таежным рыболовством и собиранием корней. В этой связи следует обратить внимание на фольклор северных шорцев, в котором имеется героический эпос, отражающий жизнь, культуру и быт скотоводов-кочевников, в то время как в целом для фольклора шорцев характерны коротенькие сказки, охотничьи рассказы и легенды, отражающие культуру и быт исконных таежников — пеших звероловов. Факт наличия героического эпоса у шорцев, тождественного героическому эпосу южных алтайцев, объясняется участием в этногенезе северных шорцев телеутов — древних кочевников-скотоводов, происхождение которых, как мы видели выше, связано с тюркоязычными племенами Алтая VI—VIII вв.

Таким образом, в составе современных шорцев прослеживаются отдельные древние этнические элементы, входившие в VI—VIII вв. в объединения тюркоязычных племен обширного Саяно-Алтайского района, известные в китайских летописных хрониках под наименованием теле и тугю. Поэтому вполне естественно, что в некоторых наиболее консервативных элементах дореволюционного быта шорцев сохранились остатки, например, шаманских верований древних алтайских или орхонских тюрков VI—VIII вв. Характерным примером этого может служить культ женского божества, покровительницы детей Умай, или Май-ене, имя и культ которой известны по орхонским надписям. Ближайшими же историческими предками современных шорцев являются различные тюркоязычные племена, роды и территориальные группы, известные в начале XVII в. в русских исторических источниках под общим наименованием кузнецких, мрасских и кондомских татар. Более детально в это время они известны по наименованиям ясачных волостей, расположенных по рр. Томи (среднее и верхнее течения), Кондоме, Мрассе: Тюлюберской, Абинской, Сары-Чорской, Елейской, Каргинской, Кобыйской, Кивинской, Кыйской, Итиберской и др., отражавшим родоплеменные названия шорцев, которые сохранились у них вплоть до революции в названиях сеоков: Аба, Сары-Шор, Челей, Карга, Кый, Кобый, Четтибер и др. Эти близкие исторические предки шорцев находились в XVII в. в контакте с киргизскими племенами бассейна Абакана и их данниками (качинцы, аринцы, бельтиры, койбалы и др.), с которыми они, видимо, частично смешивались, так как для XVII в. документально засвидетельствованы «откочевки» шорцев с Кондомы и Мрассы к киргизам. Впоследствии этих шорцев представители царской власти в Сибири отыскивали и возвращали «на их старые кочевья». В XVII в. и позднее происходило довольно интенсивное смешение северной группы шорцев с телеутами, осевшими в Бочатских степях, прилегающих к Кузнецку с севера. Значительная часть телеутов, в этническом составе которых наличествует монгольский элемент, вошла в состав северных шорцев и слилась с ними. Героический эпос шорцев в дошедших до нас редакциях как нельзя лучше подтверждает это.

Племена северного Алтая, в том числе и далекие предки современных шорцев, по крайней мере с VI—VIII вв. находились на положении данников тюркских каганов, уйгурских ханов, киргизских ажо и различных монгольских феодалов вплоть до включения в состав Русского государства. Особенно тяжелым было положение рядовых шорцев в период подчинения их Джунгарии, т. е. государству западных монголов (ойратов), или калмыков. Угнетение и эксплуатация шорцев калмыцкими феодалами довело их до крайнего разорения, и только включение в состав России буквально спасло шорцев в то время от полного исчезновения, на которое они были обречены господством калмыков.

Процесс освобождения шорцев от многовековой даннической зависимости от различных монгольских и тюркских ханов, тайшей, мурз, зайсанов, биев и т. д., начавшись в 1618 г., завершился полностью только в первой половине XVIII в. Процесс этот протекал в обстановке ожесточенного сопротивления со стороны феодальной верхушки сибирских татар (из династии Кучумовичей), северных и западных монголов, енисейских киргизов. Монгольские и тюркские владельцы не хотели лишаться своих данников. Особенно они дорожили своим господством над северными шорцами, у которых было широко развито производство различных железных изделий домашним способом. Шорцы были для них основными поставщиками железного оружия (пик, мечей, наконечников к стрелам и т. д.) и военных доспехов. Железоделательная промышленность шорцев, несмотря на ее домашний характер и примитивность техники, в силу своего широкого распространения содержала в себе в то время большие производственные возможности. Русские казаки, ходившие на Мрассу и Кондому в 1641 г., сообщали, например, что «ясачные люди конломские и мрасские приготовили на продажу черным и белым калмыкам больше двух тысяч куяков и шапок железных против того же». Отсюда видно, что даже после того как шорцы вошли в состав Русского государства и, как правило, уже не платили дани своим бывшим монгольским и тюркским владельцам, последние продолжали снабжаться военной амуницией и оружием из железа от шорцев, но уже в порядке натурального обмена.

С включением шорцев в состав Русского государства в их истории наступил новый и наиболее важный по сравнению со всеми предыдущими период. Главное значение его заключалось не только в том, что шорцы были освобождены от многовекового, истощающего их экономику многоданничества, а особенно в том, что они оказались в непосредственном общении с русским народом и его несравненно более развитой культурой. Это обстоятельство, несмотря на тяжесть колониальной политики царизма, сыграло в их дальнейшей истории положительную роль.

Занятия

В начале XVII в. у северной части шорцев, живущих по рр. Томи (близ Кузнецка и в верхнем течении), низовьям Мрассы и Кондомы, главным занятием было кузнечество. Оно настолько было характерным для шорцев, что их долго называли в русских исторических документах «кузнецкими людьми», «кузнецкими татарами», район их обитания — «Кузнецкой землей», а ходить к шорцам за сбором ясака обозначали выражением «ходить в кузнецы», да и острог, построенный у шорцев, получил название Кузнецкого. Впоследствии это название было перенесено на город Кузнецк, возникший близ острога. Теперь это название отразилось в наименовании крупнейшего угольного и металлургического центра нашей страны — Кузнецкого бассейна.

Шорцы в то время не только ковали из железа различные изделия, но сами добывали и плавили железную руду, в изобилии имеющуюся в этом крае. Это занятие имело для них настолько важное экономическое значение, что когда в 1641 г. царское правительство предложило, чтобы шорцы «куяков и шапок железных и копий и рогатин и никакой ратной збруи и черным и белым калмыкам и киргизским и саянским людям не продавали и на лошади и на скотину не меняли», то шорцы, жители Мрассы и Кондомы, заявили, что прекратить этот обмен и продажу им никак нельзя, ибо, говорили они, «тем-де мы ясачные люди живем». И действительно, шорцы вели натуральный обмен с кочевниками — калмыками, или джунгарами, телеутами, енисейскими киргизами и так называемыми «саянскими татарами», выменивая у них на свои железные изделия главным образом скот и войлок, а иногда и пушнину, которую они вносили в ясак

русскому царю. Ясак платили они также и железными изделиями. В первой половине XVIII в. шорцы плавили и сбывали железо уже русским кузнецам. Участники русских академических экспедиций (XVIII в.) оставили описание плавильных печей у шорцев, устроенных в зимних хижинах в виде небольшого углубления в глиняном полу, покрываемого глиняной крышкой. В них плавили истолченную железную руду на мелких углях, при помощи маленького ручного меха. Шорское кузнечество дополнялось примитивным земледелием и охотой на зверя, рыболовством.

Земледелие было сосредоточено на южных склонах пологих гор, расчищенных из-под леса. Землю вскапывали *абылами*, т. е. железными мотыгами собственного производства. Сеяли пшеницу и ячмень, а также коноплю, шедшую на изготовление самодельного холста. Охота и рыболовство у северных шорцев играли значительную роль, но не являлись ведущими отраслями хозяйства. Напротив, охота на зверя была главным занятием для южных шорцев, обитавших в глухой горной тайге по верховьям рр. Томи, Мрассы и Кондомы. Предания шорцев, восходящие к XVI—XVII вв., сообщают, что охота на крупных зверей (оленя, марала, козулю, лося) производилась первобытно-коллективным способом при помощи больших деревянных загородей, которыми преграждали путь обычного сезонного хода копытного зверя.

Культура и быт шорцев претерпели значительные изменения за период пребывания их в составе Русского государства. Кузнечное железоделательное производство исчезло к концу XVIII в. Причиной этого послужило прежде всего прекращение спроса на железные изделия со стороны их главных потребителей — кочевников. Увод калмыцкими зайсанами енисейских киргизов в 1703 г. в Джунгарию, разгром джунгаров китайцами в 1755—1756 гг. и присоединение южных алтайцев и телеутов к России прекратили связи кочевников с шорцами. С другой стороны, русские кузнечные изделия, более разнообразные и совершенные по ассортименту, среди которых были орудия, каких не знало шорское кузнечество (например сошник, железный топор, пила, лопата), вытеснили местные кузнечные изделия. Исчезновение кузнечного производства внесло существенное изменение в соотношение отраслей хозяйства у северных шорцев, занимающих частично и предгорную степь. С этого времени на первое место у них выступает охота на пушного зверя, спрос на которого возрастал не только под влиянием все увеличивавшихся окладных сборов в царскую казну, но и со стороны торговцев. Развивается и земледелие, которое в течение XIX в. у этой части шорцев становится пашенным. Применение сохи с конной тягой резко увеличило производительность шорского земледелия, и в питании северных шорцев главную роль стал играть хлеб. Вместе с этим продолжало развиваться и рыболовство и не только с целью потребления, но и для продажи на рынке в г. Кузнецке. По данным экономического обследования 1899 г., 71.5% хозяйств на Мрассе и 38.7% на Кондоме занимались рыболовством. Еще выше этот процент был для изолированного от северных шорцев и русских крестьян населения южной Шории, хотя там рыболовство имело чисто потребительское значение и служило важным подспорьем в питании населения, продолжавшего жить охотой, при крайне неразвитом, мотыжном земледелии.

По данным статистического обследования экспедиции С. П. Швецова (1900 г.), 80% шорских хозяйств на Кондоме и 90% на Мрассе были заняты охотничьим промыслом, в отдельных волостях процент этот был значительно выше: в Казановской волости (верховья Томи) он составлял 85.1, в Кивинской (по р. Кобырсу) — 90, в Кыйской (верховья р. Мрассы) — 99.9. Охота велась и мясная и пушная. В связи с истреблением копыт-

ных животных и ростом спроса на пушнину доминирующее значение получила пушная охота.

Основными объектами промысла были соболь, белка, колонок, выдра, лисица, горностай, рысь; из копытных — дикий олень, марал, лось (сохатый), дикий козел (козуля) и кабарга. Охотились также на медведя, барсука, россомаху и на птиц (тетерева, куропатку, рябчика).

С уменьшением запасов соболя в результате его хищнического истребления на первое место по количеству добычи выдвигается в конце XIX—начале XX в. белка. Беличьи шкурки получают главное значение в обмене и торговле.

Основными орудиями охоты у шорцев еще в XVIII в. были лук и стрелы. В течение XIX в. их заменили ружья шомпольные и кремневые, фитильные и пистонные. Лук и стрелы сохранились только в охоте на бурундука, в рыбной ловле и в качестве составной части самострела. Ружья (за исключением редко встречавшихся ружей центрального боя) снабжались сошками, служившими опорой при прицеле. Пули шорцы отливали сами при помощи пулелейки — *калып*. Порох покупали у торговцев и частично получали через местную администрацию (*паштыка*) из казны. Паштык часто закупал порох для всей своей волости, извлекая из этого немало выгоды.

Орудиями промысла были деревянные черканы (*шергей*), пасти (*паспак*), самострелы (*айа*), сети на соболя (*ан'нык*), на выдру (*сайып*, или *пара*), петли (*кыл*). Настороженный черкан ставили у отверстия норы мелких зверьков, особенно колонка. Зверек, выходя из норы, неминуемо задевал настороженную вилку и зажимался стрелой.

Самострел (айа) состоял из деревянной основы, лука и стрелы 4-гранной формы, с железным наконечником в виде треугольника. Курок изготовлялся из березы, тетива — из кендыря (волокон конопли). Сети на выдру (сайып) вязали в виде рукава также из кендыря. В ограниченном, обычно не обеспечивающем промысла количестве пользовались покупными капканами. Маралов приманивали особыми дудками из кедрового дерева (*пыргы*). На крупных копытных устраивали загороди и ямы.

Каждый род (позднее *тöль* — большая семья) владел вполне определенной территорией промысла и охотился только в «своей» тайге. Нарушение границ родовых территорий строго преследовалось: у виновных отбирали добычу, разрушали охотничий стан, иногда их били или предавали родовому суду. В годы плохого улова зверя в той или другой тайге только собрание рода (во главе с паштыком) могло разрешить охоту в «чужой» тайге. Некоторые шорцы получали разрешение промышлять в тайге того рода, из которого брали жен или в который отдавали своих женщин. Иногда ходили на промысел на территории соседних племен. Так, род Таяш принужден был промышлять (в конце XIX столетия) в тайге, принадлежавшей челканцам-шелганам. В годы неурожая соболя, а также при погоне за козулями, перекочевывавшими из-за глубоких снегов за Абакан, шорцы выходили в системы рр. Абакана и Енисея. Население этих районов (хакасы) далеко не всегда пускало их на свои территории.

В охотничьем промысле шорцев сохранялось в значительной степени коллективное начало, выражавшееся как в артельном производстве промысла, так и в нормах распределения добычи. Этот примитивный коллективизм, ведущий свое начало от первобытно-общинной родовой организации, удерживался долго и после ее распада в силу исключительно трудных условий охотничьего промысла в тайге, особенно в зимнее время, исключающих индивидуальный выход на промысел. Первоначально охотничьи коллективы или «артели» составлялись из родственников ис-

ключительно по родовому принципу, позже, с распадом рода, родовой принцип уступил место территориальному.

Охотой занимались мужчины, преимущественно зимой, с половины ноября (после того, как выпадало достаточно снега и замерзали реки) до половины или конца декабря и с половины февраля до первой половины марта. На зимний промысел отправлялись группами от 4 до 7 человек. Отойдя от улуса на 50—100 и более километров, артель останавливалась в старом, оставшемся от прежних лет шалаше, чинила его или делала новый из пихтовых ветвей или расколотых пополам деревянных плах. Охотничий шалаш (*одаг*, или *агыс*) ставили сообща. Промышляли охотники по-одиночке или по-двое. Вся добыча, шкурами или деньгами, делилась поровну между всеми членами артели, независимо от того, кто сколько убил. В первый сезон охоты, в начале зимы, промышляли главным образом белку, ловили сетью соболя, ставили ловушки на горностая и колонка, загоняли козла, били птицу. Во вторую половины охоты, когда снег делался плотнее, брали с собой собак. Промышляли в это время тех же животных. На соболя охотились (второй сезон охоты совпадал с периодом «соболиного гона») капканами.

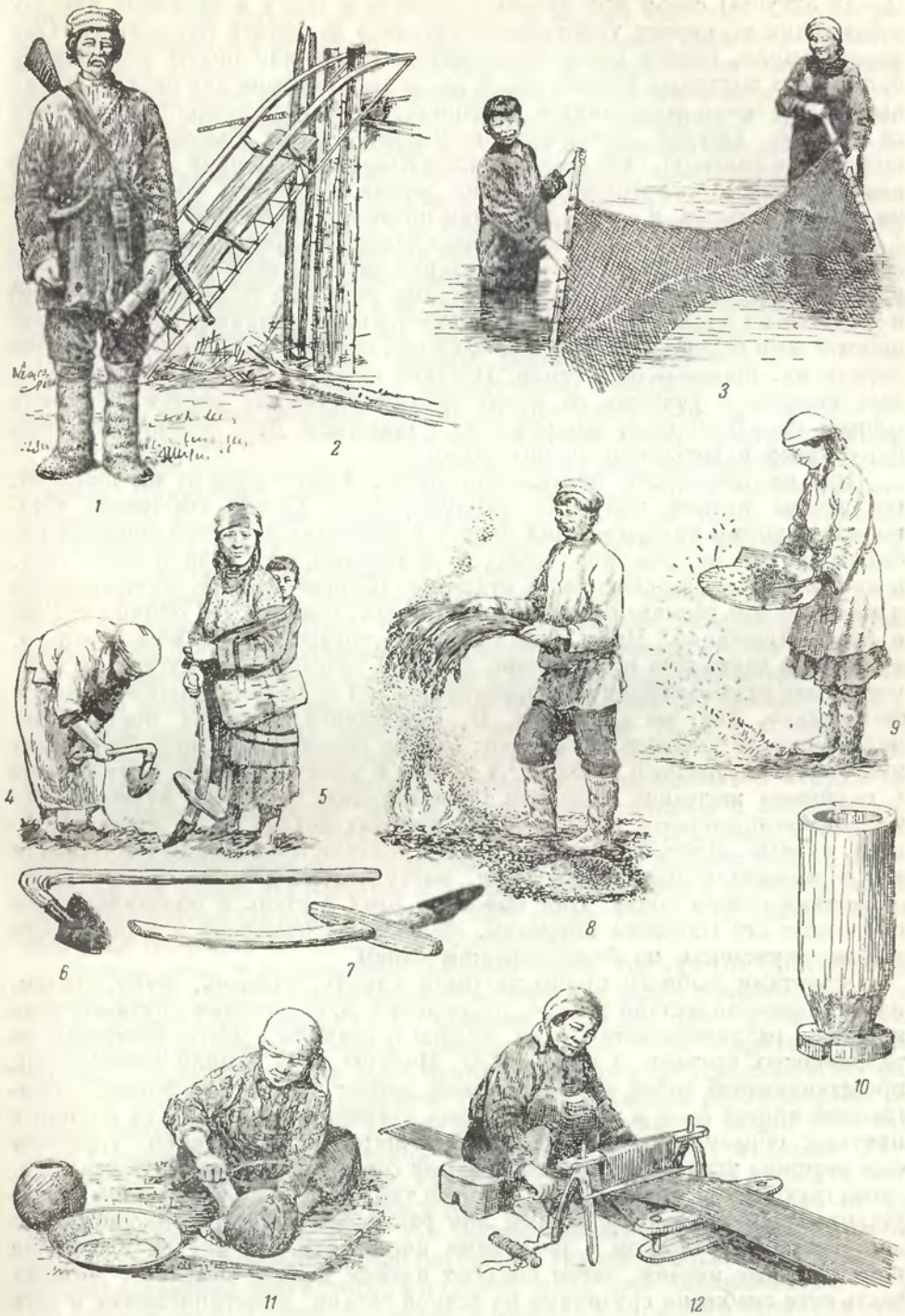
На крупного копытного зверя ставили на тропах, на местах переправ через реки загороди и петли, настораживали самострелы, охотились и гоном (особенно по насту), подкарауливали на солонцах и били из ружья, устраивали искусственные солонцы.

Сеть на соболя ставили у норы его в россыпях камней и выкуривали зверька из норы дымом. Иногда загоняли соболя с помощью собаки на дерево и убивали из ружья, ловили и капканами. Белку добывали ружьем, медведя поднимали из берлоги и били из крупнокалиберных ружей. На выдру охотились, перегораживая речки и ставя сети (в форме рукава), зимой подкарауливали ее у проруби и стреляли из ружья. На колонка, горностая, лисицу, зайца и др. ставили ловушки и капканы. На бурундука охотились весной; его приманивали свистом и убивали палкой. На птиц ставили петли и охотились с ружьем.

Средством передвижения на промысле служили лыжи (*шана*) из черемухи, тальника или березы, подшитые шкуркой с голени жеребенка. Для ходьбы по насту лыжи делали из сосны и не подбивали их шкуркой. Специальной палкой — ложкообразной лопаткой (*курчек*) охотник регулировал свое движение, особенно при спуске с гор. Этой же лопаткой он выкапывал яму в снегу для ночлега и черпал в роднике воду для питья. Запасы пищи, принадлежности промысла и добытую продукцию (шкуры и мясо) охотники тянули за собой на нартах (*шанак*) или в шкуре жеребенка (*суртке*). Если отправлялись недалеко от дома, складывали запас в берестяную коробку, которую привязывали к плечам в виде ранца. Охотились в обычных халатах (*шабур*) из кендыря, часто надевали несколько таких халатов (один поверх другого). Специальяо охотничья одежда имела вид зипуна из кошмы (войлока), нашитой на холст и простеганной нитками. Носили также круглую пелерину из барсуковой шкуры или козлиных камусов.

Кедровый орех в старину добывали в незначительном количестве для собственных нужд. Проникновение в тайгу русской торговли сделало продукцию этого промысла товарной и способствовало его развитию. К концу XIX в. (по данным С. П. Швецова) ореховым промыслом было занято 28.2% шорских хозяйств на Кондоме и 35.5% хозяйств на Мрассе. В отдельных волостях процент таких хозяйств доходил до 50—70, в Казановской волости — 47, Кондомо-Борсоятской — 70.1.

Орех шел в основном на рынок. Доход от его продажи (в годы урожая) имел значительный вес в бюджете шорцев. К моменту поспевания ореха



Хозяйство и техника

1 — охотник в полном снаряжении; *2* — охотничья нарта; *3* — ловля рыбы бреднем; *4* — обработка земли абылом; *5* — шорка с овупом для копания кандыка; *6* — абыл; *7* — овуп; *8* — обжигание колосьев на огне (старинный способ обмолота); *9* — веяние ячменя на берестяном лотке; *10* — деревянная ступа; *11* — изготовление глиняной посуды; *12* — работа на старинном ткацком станке

(1—15 августа) семья или артель выезжала в тайгу и занимала участок кедровника по своему усмотрению, стараясь захватить ближайший. Она располагалась станом около развесистого кедра или пихты или ставила балаган из пихтовых ветвей. Здесь же делали закрома для ореха. Другая артель или семья могла занять участок только на определенном расстоянии от первой. Орудия орехового промысла — терки (*паспак*), молотки-колотушки (*токпак*), сита (*элек*), веялки (*сыграш*), лукошки для переноски ореха (*тергиш*) — изготовлялись из дерева и бересты обычно тут же, на месте промысла, и оставлялись там после его окончания.

Мужчины сбивали кедровые шишки тяжелой деревянной колотушкой, насаженной на длинную рукоять, ударяя ею по стволу дерева, или сбивали шишки, залезая на деревья (такими лазаками бывали и мальчики) и доставая их с соседних кедров и с далеких ветвей длинным шестом. Женщины и дети переносили шишки в закрома, где орех «доходил», затем перетирали их, просеивали и веяли. Поздней осенью собирали так называемый *тушкен* — упавшие от ветра вполне созревшие шишки: спешили собрать их в 5—6 дней, оспаривая их у грызунов. Дети отыскивали норы бурундуков и доставали из них орехи.

При распределении орехов или денег, вырученных от их продажи, все члены артели получали равную долю. Позже (частично) установились нормы распределения орехов в зависимости от выполняемой работы. Продавали орех или сообща всей артелью, или делили его в лесу, и каждый продавал свою часть отдельно. Шорцы-бедняки, нуждающиеся в немедленной реализации собранного ореха, сдавали его обычно тут же в лесу скупщикам. Часть отдавалась за товар или наличные деньги, а большая часть шла в погашение долга за забранные у скупщиков в течение года разные продукты. Эксплуатировали скупщики шорцев-бедняков беспощадно. Так, по словам В. И. Вербицкого, пудовка ореха (одна мерка) шла за таковую же ячменя; иногда шорец давал орех берестяной пудовкой, вмещающей около $1^1/_2$ пудов, в уплату за хлеб, взятый дома у скупщика железной пудовкой (вместимостью около 30 фунтов). Потери промышленников при подобных приемах доходили, по словам Швецова, до 80%. Лишь зажиточные шорцы увозили орех домой, высушивали его и выжидали повышения цены, наступавшего обычно вскоре после окончания сезона сбора. Они вывозили орех в степь и обменивали или продавали его соседним племенам, сбывали на ярмарках в городах или тем же скупщикам по более высоким ценам.

Объектами рыбного промысла были хариус, таймень, щука, налим, язь и различная мелкая рыба — пескари и т. д. Основными орудиями лова являлись различные сети (*энгме*, *агыспа*) и снаряды (*суген*), плетенные из тальниковых прутьев, в виде мòрды. Мелкую рыбу ловили сетью (*пара*), представляющей собой узкий длинный мешок конической формы, достигающий иногда 5—6 м длины. Эту сеть ставили в загородку из плетеных прутьев, образующую острый угол с широким основанием, укрепляя ее в вершине угла. Среди разнообразных сетей следует отметить два типа, существующие до сего времени. Первый тип — это комбинированная сеть, рассчитанная на одновременный лов различной по величине рыбы, что достигается устройством и размерами ячеек сети. Сверху от поплавков идут крупные ячейки, затем следуют ячейки мельче и мельче. Нижняя часть сети снабжена грузилами из речной гальки, прикрепленными к сети расщепленным корнем кедра. Второй тип сети (*агыспа*) представляет собой длинную сеть, без поплавков и грузил. Верхний конец ее привязан к жерди. Сеть пускают ночью поперек реки по течению, следуя за ней по бокам на лодках и придерживая концы жерди. Применялись неводы двух типов: плетенный из ниток в ячейку (*шуун*), бытующий и теперь,

и холщевый (*суске*). Ловили рыбу ящиком из жердей, скрепленных прутьями (*ашпар*); его устанавливали осенью на местах быстрого течения речек, перегороженных запорами. В запоре была выемка, куда устремлялась вода, падая вместе с рыбой в подставленный ящик. Били рыбу ночью острогой, стреляли ее из лука деревянными стрелами-лопаточками, ловили волосяными петлями-силками и удочками. Женщины и дети добывали рыбу из-под камней руками и ловили ее сачками (из конопляных ниток). При коллективной ловле все его участники, независимо от выполняемой работы и владения орудиями лова, получали равную долю. Но этот порядок подвергся в начале XX в. существенным изменениям. Владельцу сетей стали выделять, с общего согласия участников, немного рыбы сверх его доли, иногда и целую долю «на сеть», а накануне Октябрьской революции богатые шорцы сами уже не участвовали в промысле, снабжали сетями артели и получали за это значительную часть добычи.

От русского населения шорцы усвоили пчеловодство. Пчеловодство существовало наряду с примитивным пчелованием. Пчелование было давно известно шорцам. Мед диких пчел добывали при помощи солонца — моха, пропитанного человеческой мочей. Пчелы летели к солонцу, привлеченные запахом дыма от костра из гнилушек, разложенного вблизи солонца. Напившись мочи, они летели к себе в дупло, а промышленник выслеживал их и отмечал зарубкой дерево, где жили пчелы, и впоследствии вынимал оттуда мед. Отмеченное дерево с дуплом, населенным пчелами, составляло собственность нашедшего. Пасечное пчеловодство шорцы восприняли от поселившихся среди них сравнительно недавно (XIX в.) русских крестьян. Природные условия территории расселения шорцев обеспечивали богатые возможности пчеловодства, но примитивная техника не позволила использовать их полностью. Несмотря на сравнительно большую распространенность пчеловодства (по данным 1909 г. пасечным пчеловодством занималось на Кондоме 14.19% хозяйств, на Мрассе — 16.9%), эта отрасль не получила должного развития: архаические приемы ухода за пчелами, общая необеспеченность и некультурность шорского хозяйства вели к частым заболеваниям и гибели пчел. Шорцы держали пчел в дупляпках или колодках, выдолбленных из обрубка дерева (рамочные ульи были редкостью). У богатых шорцев бывало по нескольку сот ульев. На Кондоме и Антропе встречались с середины прошлого века пасеки богатых шорцев в 1000 ульев. Воск и мед шли в обмен соседним племенам и скупались торговцами.

Скотоводство у шорцев было развито слабо. На юге (на рр. Кобырсу, Пызас) были улусы, где совершенно не держали коров и многие не знали вкуса молока. По данным С. П. Швецова (1899 г.), около 10% шорских хозяйств совершенно не имело лошадей, около 50% владело 1—2 лошадьми, свыше 3 лошадей было приблизительно у 40% хозяйств, из них более 10 лошадей у 0.6% хозяйств. Аналогично было и распределение рогатого скота: не имело его совсем около 19% хозяйств, около 14% владело 1 головой, свыше 10 голов было у 7% хозяйств, а свыше 20 — у 0.7% всех шорских хозяйств. Глубокие снега заставляли запасать сено. Заготовке сена шорцы научились у русского населения, делали это по русскому образцу, при помощи тех же несложных орудий (коса, грабли, вилы). Богачи заготовляли сено батрацким трудом. Большинство таежных шорцев оставляло сено в стогах и кормило зимой скот, подгоняя его к стогу. В северной части Шории скот зимой содержали и кормили в пригонах-стойлах, устроенных по типу русских крестьянских скотных дворов-пригонов. Скотоводство, было усвоено шорцами от русских соседей, хотя и в несколько ином виде. Тюркские термины для обозначения скота говорят о том, что с видами домашнего скота шорцы познакомились у тюркских кочевни-

ков. Однако шорцы содержали скот и вели молочное хозяйство по русскому крестьянскому образцу. Они не умели приготовлять молочные продукты, характерные для тюркских кочевников, не знали даже терминологии, связанной с этими продуктами.

Шорское земледелие бытовало в двух резко отличных типах. Для степных шорцев и населяющих горную часть северной Шории было характерно плужное земледелие, усвоенное от русских крестьян. Здесь пахали деревянной сохой с железным сошником, боронили деревянной бороной, иногда с железными зубьями, жали серпом, молотили лошадьми, цепами и мололи зерно на водяной мельнице. Земледельческие орудия и их части называли по-русски. У зажиточных шорцев были железные плуги и простейшие сельскохозяйственные уборочные машины. Словом, здесь шорцы перешли к настоящему сельскому хозяйству. В соответствии с этим размеры посевов исчислялись гектарами, а у зажиточных запашка составляла десятки гектаров. Иной тип земледелия был характерен для южной Шории (выше порогов по р. Мрассе), куда не проникала русская народная культура и где господствовало мотыжное земледелие с посевами, измерявшимися «загонами» ($^1/_{12}$ десятины).

Здесь полностью бытовала архаическая техника, характерная для древнего шорского земледелия, которым они занимались до знакомства с русской народной культурой. Клочок земли на южном горном склоне, очищенный от тайги при помощи огня и топора, вскапывали мотыгой. Для этого семья в 4—5 человек переселялась из своего постоянного жилища на пашню, где жила во временном шалаше, и в течение нескольких недель обрабатывала 1—2 загона. Разбросав зерна и заборонив их суком, шорец приходил на пашню только осенью для уборки урожая. Созревшие колосья выдергивали или срезали ножом, складывали в маленькие пучки, перевязывали и попарно вешали для просушки на жерди, поставленные на козлах. Для молотьбы устраивали маленький ток, около которого разводили костер. Затем колосья поджигали и трясли над гумном, а солому бросали в костер. После этого колосья молотили короткой толстой палкой и веяли на берестяных лотках. Зерно хранили в берестяных чанах, поставленных на сваях тут же на пашне. Мололи зерно на ручных каменных мельницах. Однако и мотыжное земледелие было доступно не каждому шорцу. У 33.7% шорских хозяйств не было совершенно посевов, а 20.3% имели посевы от 0.1 до 0.5 десятины (1900 г.). Больше всего южные шорцы сеяли ячмень, а у северных шорцев преобладали посевы пшеницы, овса, хотя ячмень также сеяли. Мотыжное земледелие у южных шорцев, так же как и охота и рыболовство, далеко не обеспечивало их потребности в питании. Восполнить постоянный недостаток в продуктах покупкой они не могли, во-первых, из-за отсутствия покупательной способности, во-вторых, из-за отсутствия рынка сельскохозяйственных продуктов. Ближайшие рынки — г. Кузнецк и с. Абакан — находились от них за много сотен километров невероятно трудного горно-таежного пути и были совершенно недоступны. Торговцы, проникавшие в южную Шорию, привозили с собой лишь в ничтожных количествах муку и убойных лошадей (*согум*), что и сбывали в долг по неимоверно высоким ценам, отнюдь не разрешая проблемы обеспечения питанием южных шорцев. Поэтому вплоть до революции шорцы стремились восполнить недостаток пищи заготовкой корней съедобных растений, из которых первостепенное значение имели клубни кандыка, сараны и корни пиона. Заготовка дикорастущих была для южных шорцев своеобразной «страдой», ибо целыми неделями шорские женщины и дети, почти не разгибая спины, выкапывали корни деревянной палкой, снабженной железным наконечником (*озуп*). Заготовка кандыка производилась иногда в таком размере, что часть его поступала к сосед-

ним племенам бассейна Абакана — качинцам и сагайцам — в обмен на консервированные молочные продукты (сыр курут).

Из технических культур сеяли коноплю, обычно ради волокна. Приготовление масла из семян не было известно таежным шорцам. Зерна конопли они запекали в лепешки. Обработка волокон была тяжелым трудом и лежала на женщинах. Они же ткали на горизонтальных примитивных станках холст, который шел на одежду. Основа натягивалась между двумя кольями. Станок имел нитченку, укрепленную на палочке *(кузук агажи)*, поддерживаемой двумя развильчатыми ножками. Через петли нитченки пропускался верхний ряд нитей основы. При тканье перемещение зева производилось при помощи основоразделителя *(отра)*, состоящего из двух длинных досок, соединенных по концам двумя колышками в виде узкой рамы. Отра закладывалась поперек основы между двумя рядами ее нитей: верхней пропущенной через петли нитченок и нижней свободной. При передвигании отра взад и вперед ряды нитей механически перемещались, образуя зев. Нити утка набивали деревянным бердом, имеющим форму широкого ножа *(кылыш*, буквально „сабля"). Челноком служила простая круглая палочка *(салгыш)*.

Домашним способом производили обработку шкур и кожи животных, дерева (нарты, лыжи, лодки-долбленки, деревянная утварь и посуда), бересты (посуда и домашняя утварь), рога (черенки, ножи, мерки для пороха, шистонницы, кольца для оглоблей нарт), глины (посуда), волокна (одежда, сети веревки). Гончарство было известно по р. Томи и в низовьях Мрассы. Горшки вылепливались ручным способом при помощи деревянной лопатки (*чапкыш*), ножа (*кескиш*) и обручей (*шыйык*). Кожу вымачивали в воде, брили острым ножом, натирали порошком из пихтового угля и отвара костей, проветривали на воздухе, смазывали салом. Затем дважды мяли в специальной мялке (*талыг*) — деревянной колоде с зазубринами и дымили в земляной печке. Сети вязали из волокон дикой крапивы, кендыря или посеянной конопли. Вязание сетей к концу XIX в. в некоторых районах Шории начинало приобретать характер кустарного промысла. По данным 1900 г., вязанием сетей для продажи занималось 15.1% хозяйств. В низовьях Мрассы и по берегам Томи количество это было гораздо выше (в Казановской волости 66.7%, в Бочатской — 67.1%).

Одним из наиболее ярких признаков отсталости шорского хозяйства до революции, преимущественно у южных шорцев, было преобладание естественного разделения труда, т. е. разделения труда между полами, при котором мужчина занимался промысловым трудом, а женщина — домашним. Наряду с этим хозяйство шорцев, главным образом южных, несло в себе и другие характерные черты отсталости и первобытности, к которым нужно отнести прежде всего преобладание промыслов над сельским хозяйством, комплексность хозяйства, вытекающая из его производственной слабости (ни охота, ни земледелие, взятые в отдельности, не были в состоянии обеспечить существование шорца), первобытную техническую отсталость, низкую производительность труда и исключительно высокую трудоемкость промыслов.

Вместе с этим необходимо подчеркнуть и большой прогресс хозяйства шорцев по сравнению с периодом пребывания их под господством джунгарских и киргизских ханов, зайсанов, биев и т. п. Прежде всего это относится к возникновению и распространению у значительной части шорцев (степных и северных горных) сельского хозяйства в форме плужного земледелия и стойлового скотоводства, а также огородничества. Эти гораздо более производительные отрасли хозяйства сразу придали хозяйству шорцев значительную устойчивость и обеспечили его собственную про-

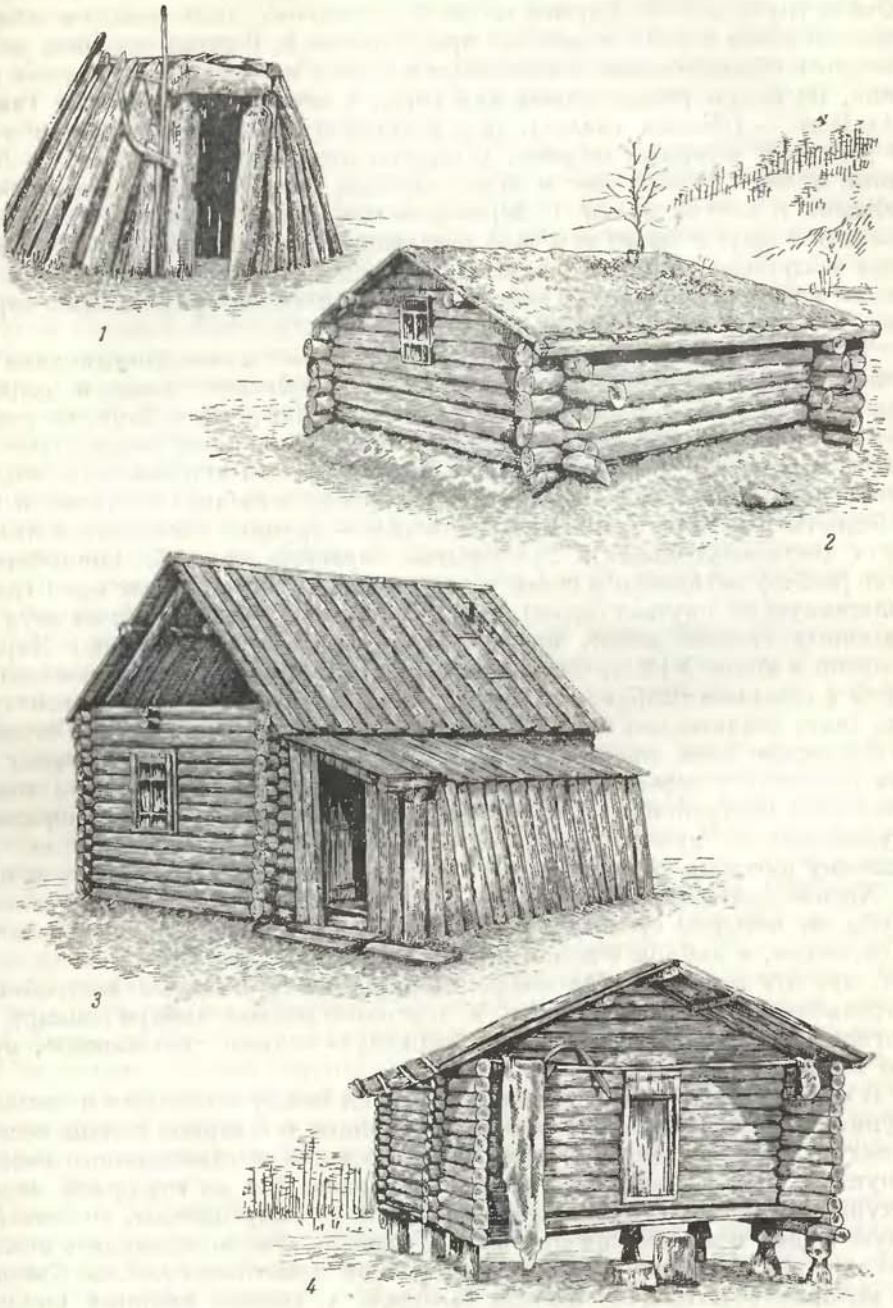
Обработка кожи на кожемялке

довольственную базу. Оседлое скотоводство по образцу русских крестьян дало возможность шорцам применить тягловую силу животного в хозяйстве, а разведение крупного рогатого скота (молочного) подкрепило пищевую базу шорцев таким ценным продуктом, как молоко. Введение в пищу хлеба, молока, масла и овощей не могло не сказаться положительным образом на физическом состоянии северных (в том числе и степных) шорцев.

Введение таких заимствованных от русских крестьян орудий, как топор и пила, помогло развитию строительной техники у шорцев; появление в хозяйственном обиходе телеги и саней облегчило передвижение. Наконец, некоторые отрасли промыслового труда шорцев при соприкосновении с русскими приняли товарную форму (охота на пушного зверя, частично рыболовство). Этот краткий перечень успехов в развитии шорского хозяйства, вызванный культурным общением с русским народом, должен быть дополнен указаниями на крупные изменения в домашнем быту шорцев, возникшие на новой хозяйственной основе.

Жилище, одежда и пища

Шорцы жили оседло. Их переселения носили временный характер и вызывались потребностями производства: либо это было переселение со всей семьей на пашню во время посева или уборки урожая, либо мужская часть переселялась во временное жилище, устроенное в глуши горной тайги, в районе зверового промысла. Менял местожительство по-настоящему шорец только в двух случаях: когда забрасывал старые пашни и переселялся поближе к вновь разработанным и когда бросал старое место после смерти кого-либо из членов семьи. У степных и северных горных шорцев и такие переселения редко имели место. Селились шорцы, особенно южные, маленькими селениями, удаленными друг от друга на большое расстояние. Если селения степных северных



Жилище

1 — бревенчатый шалаш — одаг; *2* — бревенчатая юрта; *3* — изба с сенями; *4* — амбар

шорцев почти не отличались от маленьких русских деревень, то у южных шорцев они включали до десятка юрт. Некоторые из них состояли только из 2—3 юрт и носили название, как правило, по имени старшего родственника, например, «Накпай-Аал» — «Накпаев улус», или «Очай-Аал» — «Очаев улус», и т. д. Другим типом было селение, включавшее в себя несколько родов или их отдельных представителей. В таких селениях насчитывалось обычно больше десятка юрт и домов, и назывались они, как правило, по имени речки, ключа или горы, у которой находились. Таковы «Ак-Кая» — («Белая скала»), «Узун-Аргы» «(Длинный остров») и т. д. В деревнях северных шорцев, в отличие от русских деревень, не было улиц, и жилые дома, как и хозяйственные постройки, выглядели более бедными и запущенными. С переходом обитателей маленького шорского селения в другое место исчезало и название селения. Поэтому исследователи и путешественники, посещавшие шорцев в начале XX в., часто не могли найти тех или иных селений, значащихся на официальных картах еще до второй половины XIX в.

В конце XIX—начале XX в. у шорцев было в основном два типа жилища. Один — деревянный шалаш (*одаг*) из бревен, досок и жердей, крытый берестой, с земляным полом и очагом посредине. Этот тип сохранился в качестве временного жилья на пашнях во время земледельческих работ и в местах охоты. В южной Шории данный тип жилища, обычно утепленный, покрытый двойным слоем бересты, с набросанной землей, был у бедноты и зимним жильем. Другой тип — срубная бревенчатая низкая юрта (четырехугольная), с покрытой берестой крышей. Глинобитный очаг (*кебсге*) находился у стены влево от двери. Нередко очаг имел трубу, сплетенную из прутьев (*суген*). В таких случаях очаг состоял из двух обмазанных глиной досок, поставленных вертикально к стене. Наряду с юртой в конце XIX в. были и избы русского типа, почти вытеснившие юрты в северной Шории. На юге (по притокам главных рек) бревенчатых юрт было значительно больше, чем домов русского типа. Богачи строили двухэтажные дома, крытые тесом или даже железом. Усадьбы таких домов обносились деревянным забором и застраивались различными хозяйственными постройками. Внутреннее убранство шорских жилищ поражало скудностью и примитивностью. Только дома богачей имели обстановку русского типа, характерную для зажиточных крестьян и мещан.

Хозяйственными постройками были в южной Шории деревянные срубы на четырех столбах (*тастак*), предназначавшиеся для хранения мяса, зерна, и амбары с полом, крышей и дверью, на четырех-шести столбах, врытых в землю. На севере Шории наряду с такими постройками встречались и русские амбары. У торговцев шорцев амбары (*анмар*), достигали значительных размеров — были двух- и даже трехэтажные, крытые тесом, реже железом.

В одежде шорцев существовали различия между северными и южными группами и по социальному признаку. Степные и северные шорцы носили одежду и обувь русского образца, которую шили из самодельного холста, покупных тканей, овчин. Богатые шорцы одевались на городской манер, покупая готовое платье или заказывая его по типу одежды, носившейся в купеческих и мещанских кругах г. Кузнецка. Они пользовались исключительно фабричными тканями и не носили домотканину. Своеобразная по материалу и покрою одежда бытовала у южных таежных шорцев, где во всем царила нищета и нужда. Недостаток, а чаще полное отсутствие скота, особенно овец, и уменьшение численности крупного копытного зверя в лесах вынуждали большинство таежных шорцев делать себе летнюю и зимнюю одежду из кендыря, так как фабричные ткани, завозимые торговцами, были недоступны рядовым охотникам.

Обычная одежда шорца — рубаха (*кунек*) из кендыря или из покупной ткани, с прямым или косым воротом, иногда обшитым цветной материей, застегиваемым на пуговицы, и штаны (*чембар*, *штан*) с поясом-веревкой из кендыря. Верхняя одежда — халат (*шабур*), короткий, застегивающийся вверху на одну пуговицу и запахивающийся слева направо, подпоясываемый кушаком. Ворот, грудь, иногда и нижняя часть пол обшивались тесьмой. Часто в таком халате из самотканного конопляного холста шорец бродил по тайге в дожди и холода, только зимой надевая еще второй, дополнительный.

Шапку (*пӧрӱк*) шили из холста или бязи, хотя у некоторых можно было встретить и меховую (с ушами). Обувь — просторные чирки (*чарык*) из продымленной кожи, у бедных обычно с голенищами из кендыря. Чирки подвязывались у колен ремнями. В них вкладывали мягкую траву осоку (*озангат*). Эту траву собирали в июне, сушили, связав в пучки на деревьях, затем обертывали ею ноги. Встречалась обувь из оленьих камусов. С собой шорец носил всегда нож в ножнах, а также курительные принадлежности: деревянную, с выгнутым чубуком трубку (*канза*), огниво (*отук*), кремень (*отук таш*) и трут для высекания огня, а для табака кисет кожаный или матерчатый (*нанчык*).

Женская одежда, за исключением рубахи-платья, почти одинакова с мужской. Длинная, почти до земли, рубаха служила одновременно и платьем и шилась с разрезом на груди. Штаны (*штан*) короче мужских, без разреза. Верхний халат шили из кендыря или покупного манчестера (у зажиточных) и плиса (темного цвета). Грудь халата украшалась вышивкой цветными нитками или раковинами каури, полы и обшлага тоже украшались примитивной вышивкой.

Зимой шорки носили тот же халат, но для тепла часто надевали два таких халата один поверх другого. Носили и рукавицы из овечьей шерсти, на юго-западе — шерстяные чулки и кушаки, приобретаемые от соседей кумандинцев.

Основными продуктами питания служили мука (*талкан*) и крупа (*шырак*) из поджаренного ячменя. Поджаренные в плоском котле зерна (*коргуш*) толкли в деревянных ступах (*сок*) деревянным пестом (*сок палазы*), затем провеивали деревянным или берестяным широким лотком (*сыргаш*) и мололи на ручной мельнице. Полученную крупу или муку просеивали на деревянном, обтянутом кожей решете (*элгек*). Просеянную крупу и отруби провеивали вторично тем же лотком. Талкан ели с чаем, холодной водой, молоком, с медом, маслом и со сметаной. Из талкана приготовляли густую кашу (*саламат*). Крупа шла на приправу к супу, ее варили также (на Кондоме и ее притоках) с молоком, рыбой, мясом или кандыком. Пресное пшеничное тесто, скатанное в жгутики и разделенное на мелкие кусочки (*тутпаш*), варили в воде, иногда с мелкой рыбой, с мясом и в молоке. Это было наиболее популярным и характерным блюдом шорцев. Тутпаш, как и похлебку с крупой (*шырак*), ели без хлеба. *Тертпек* — лепешки из пресного теста, вареные в кипятке, ели с мясным супом или с ухой.

Хлеб из покупной пшеничной или ржаной муки имели в достаточном количестве далеко не все шорцы. Больше всего хлеба имели северные шорцы, где было развито земледелие, но вдоволь — только богачи. Напитками служили *абыртка* — брага из ячменной муки (талкан), иногда из кандыка, *арагы* — водка из хлебной браги и чай.

Из дикорастущих потребляли в пищу стебли зонтичных растений (*болтырган*), корни сараны (*саргай*), кандыка (*пес*), черемшу (*калба*), мелкий дикорастущий лук (*оксум*). Большинство растений ели в сыром виде. Корни кандыка и сараны варили в воде и молоке. Дикорастущие

Мужской халат из домотканного холста, украшенный вышивкой цветными нитками по черному бархату

растения играли большую роль в питании бедняков шорцев, особенно во время голода.

Конина считалась роскошью. Только состоятельные шорцы имели возможность покупать так называемых *согум* — старых, предназначенных на убой лошадей. В пищу потребляли мясо козули, оленя, марала, лося, медведя, барсука, зайца, белки. Запеченные в золе костра тушки белок охотники приносили домой: они считались лакомством. Из птиц ели глухарей, тетеревов, рябчиков, куропаток и уток.

В тех районах, где держали коров, некоторое значение в питании имели молочные продукты. Из молока, кроме масла, делали пресный сыр (*пышмак*), заменявший хлеб: ели его с чаем.

В домашнем быту шорцев под влиянием русских произошли большие изменения. Широко распространилась у шорцев русская срубная изба, несравненно более теплая, удобная и гигиеничная, а с ней и соответствующая домашняя утварь (столы, скамьи, табуреты, кровати, шкафчики, посуда и др.) и хозяйственные постройки (амбары, загоны и стойла для скота).

Усвоена более теплая, удобная и практичная одежда русского образца, ношение нижнего белья, стирка, баня; в пищу, кроме хлебных и молочных продуктов, начали употреблять много овощей и др. Учитывая

относительно широкое распространение этих важных заимствований в результате тесного общения с русским трудовым населением, мы должны сделать вывод о положительном влиянии русской народной культуры на хозяйство и материальный домашний быт шорцев.

Пути сообщения и средства передвижения

Пути сообщения в тайге были очень трудными. По Кузнецкой тайге проходила всего одна тележная дорога в 60 км (от Кузнецка до улуса Красный яр). Верховые таежные дороги — узкие тропинки — пролегали через горы и лесные чащи, упавшие деревья, камни, через топкие болота и почти не отличались от звериных троп. Летом передвигались по воде в лодке, верхом или пешком по тропам, зимой ездили на санях (на севере) и ходили на лыжах — *шана* (на юге). Лодки-долбленки (*кебе*) передвигали вверх по течению при помощи шестов. Передвижение по Мрассе затруднялось порогом, имевшим протяжение в 7 м. Лодку приходилось тянуть в районе порога на веревке около берега, люди шли по каменистому берегу и перетаскивали грузы. В преданиях упоминается лодка из бересты. Многоводными были рр. Томь, Мрасса и Кондома. К средствам передвижения следует еще прибавить ручные нарты (*шанак*), конскую шкуру-волокушу (*суртке*). У северных, степных шорцев была в широком употреблении русская упряжь, сани и телега.

Общественные отношения

Большие изменения произошли под влиянием русских и в области общественных отношений. В период присоединения шорцев и позднее, вплоть до XIX в., а местами и до XX в., в общественной и семейной жизни шорцев большую роль играло родовое начало. Всюду шорцы знали свое родовое наименование. Волости или административные роды фактически совпадали (в основном) с настоящим родом. Большая часть селений (в южной Шории) состояла из родственников по признаку принадлежности к одному и тому же роду. Управлялись административные волости или роды выборным (формально) *паштыком* из того рода, большинство которого составляло население административной единицы. Ясак и подати раскладывались внутри рода. Юрисдикция паштыка, ограниченная разбором мелких бытовых дел, простиралась, по существу, на членов своего рода, поскольку административный и настоящий род совпадали.

Однако это было характерным для южных шорцев. У северных (особенно степных) шорцев, в расселении, в пользовании землями, в административном управлении родовой признак не играл существенной роли, ибо внутреннее развитие экономики, а также экономические и культурные связи шорцев с русскими разрушили родовое начало. Но и здесь сила родовых традиций проявлялась в области различных обычаев, обрядов, по преимуществу в сфере семейно-брачных отношений и религиозного культа.

Род у шорцев (*сööк*) был экзогамен, основан на отцовском праве. Каждый род еще в XVIII в. владел определенной территорией, промысловые угодья принадлежали всем членам рода. Принадлежащие к одному роду называли друг друга *карындаш*, т. е. единоутробный, что отражало более раннюю, материнскую стадию развития рода, когда возник этот термин. О том, что в более ранние времена род был основан на материнском начале, убедительно говорят и различные пережитки, зафиксированные советскими этнографами. К пережиткам относятся прежде всего следы авункулата, а также следы матрилокального брака, выражавшиеся в том, что большинство свадебных пиров (в том числе и главный) происходило в доме родителей невесты, а не жениха. После свадьбы молодые должны были отправиться в дом тестя с подарками, угощением и пожить там некоторое время; только после этого мог поехать в гости к зятю и тесть.

По рассказам стариков, раньше зять был обязан определенное время снабжать родственников жены стеблями борщевника, потреблявшимися шорцами в пищу, и в течение всей жизни делиться с тестем мясом убитых зверей. Наконец, на наличие в прошлом материнского рода у шорцев указывают следы группового брака, обнаружившиеся в классификационной системе родства, обычаях левирата, запретах общения (обычай «избегания») между женщиной и старшими братьями мужа, родными и коллатеральными. Эту категорию родственников мужа женщина не могла не только называть по имени, но и здороваться с ними за руку, оставаться наедине, сидеть рядом, появляться при них с непокрытой головой, босой и т. п.

Остатком былых родовых первобытно-общинных отношений являлось прежде всего общеродовое владение охотничьими территориями. Достаточно было принадлежать к определенному роду и носить его имя, чтобы иметь право охотиться в тайге, принадлежащей этому роду. Позднее (с середины XIX в.), с разложением родового строя, охотничьи угодья перешли в пользование отдельных больших семей — *тёль*. Сохранялись остатки первобытно-общинного родового строя и в самом процессе производства и в распределении продукции. Сюда относится совместная, коллективная охота на копытных животных (с ямами, изгородями, загоном зверя и т. д.) и на пушных зверей с уравнительным распределением добычи. Сохранялись и другие обычаи — пережитки первобытно-общинного распределения. Так, каждый встретившийся охотнику при возвращении с промысла, обязательно наделялся долей добычи. Участником распределения добычи являлся и не принимавший участия в промысле (в выслеживании и добыче зверя), но подошедший случайно к охотнику в момент добычи. Существовал обычай обязательного угощения мясом убитого на промысле зверя жителей своего селения (первично членов одного рода).

Рост производства, укрепление частной собственности, развитие отношений обмена и торговли у шорцев в период пребывания их в составе царской России неизбежно привели к распаду рода в экономическом отношении на отдельные семейные общины — тёль. Эти тёль, ставшие основными хозяйственными единицами у южных шорцев, охватывали 2—3 поколения близких родственников, которые жили вместе, вели общее хозяйство и имели общую собственность. Промысловые угодья, особенно в южной части района, еще долго находились в общем пользовании тёль, охота в значительной степени оставалась коллективной («артелями»), но после уравнительного раздела добычи последняя становилась уже индивидуальной собственностью охотника. Охотник, член артели, получал уже право на самостоятельный обмен и торговые операции с выделенной ему долей пушнины. Женатые сыновья, которые в условиях большой семьи должны были, особенно на первых порах, отдавать свою долю в общее пользование, стали пользоваться ею индивидуально.

Земли, годные для пашни, в южной Шории принадлежали в целом родам, члены которых могли выбирать и пользоваться свободным участком. Большая семья пользовалась землей сообща; члены ее совместно обрабатывали участок, полученный урожай или оставался неделенным (в общем пользовании) или поступал в известной части каждому женатому сыну. Позднее выделенные женатые сыновья получали в личное пользование участок для посева и индивидуально пользовались его урожаем. Выделенный имел свой дом, хозяйство, участок посева, нарту, индивидуально продавал добытую на промысле пушнину.

Рост производительности труда в охотничьем промысле (появление ружья), появление топора вместо прежнего примитивного тесла, давшее

возможность более легкой и быстрой обработки лесных участков, некоторое развитие земледелия способствовали индивидуализации производства и укреплению частной собственности и в южной части Шории.

Спрос рынка на пушнину и орех, развитие торговли, переход на оплату ясака деньгами стимулировали развитие этих частнособственнических тенденций. В результате всего этого тёль стали распадаться на отдельные моногамные семьи. Каждый женатый член семьи получил право на участие в обмене и торговых операциях, что повело к неравномерному накоплению имущества в отдельных индивидуальных семьях; это в свою очередь открыло широкие возможности для эксплуатации богатыми семьями неимущих родственников. Вместо прежних родственных связей крепли территориальные связи (совместное проживание, соседство). Процесс этот особенно быстро протекал в северной Шории и у степных шорцев, где было значительное влияние русской деревни с развитыми капиталистическими отношениями. Таким образом, постепенно ко времени Великой Октябрьской социалистической революции отношениями, определяющими общественно-экономическую жизнь шорцев, были отношения господства и подчинения, отношения экономической и политической зависимости большинства шорцев от царского колониального аппарата и частично от численно небольшой собственной эксплуататорской верхушки. Шорцы находились на стадии перехода к классовому обществу. У них еще не было резкого разделения на классы. Проникновение в улусы капиталистических отношений весьма ускоряло разложение первобытно-общинного строя. Развитие торговли, денежного обращения, ростовщичества привело к образованию у шорцев небольшой группы людей, которая сосредоточила в своих руках богатства за счет ограбления своих соплеменников и была тесно связана с царскими колонизаторами.

В то время как полуголодные шорцы бродили по тайге в поисках зверя и систематически голодали, кучка шорцев-торговцев вела торговые операции непосредственно с Кузнецком и Томском и сильно наживалась. Весной, при обычных голодовках в тайге, эти торговцы ссужали охотников хлебом, огнеприпасами и другими товарами под будущую продукцию — пушнину и орех. После возвращения артелей из тайги с добычей наезжали торговцы или их приказчики и забирали за гроши добытую продукцию, применяя обычный метод спаивания.

Большинство шорских эксплуататоров формировалось на базе торгово-ростовщической эксплуатации. Так называемые *таныш* (буквально «приятель», «знакомый») выросли из наиболее предприимчивых шорцев, которые сдавали по поручению всей артели пушнину или орех или отвозили ясак, наживались на этом, вступали в торговые сделки с более крупными торговцами, становились посредниками. Вышедшие сами из среды охотников, они скоро переставали заниматься охотой, а снаряжали на промысел бедняков, давали им в долг продукты, охотничьи припасы и ставили этим их в кабальную зависимость от себя. В конце концов такие шорцы всецело переходили к занятию торговлей и наживали большие состояния. Таковы были богачи-торговцы Тотышевы в Мысках, Сыркашев в Чульджане, Тельбезеков в Осинниках. Для работ в своем хозяйстве (заготовка сена и дров, работа на пасеках и т. д.) они держали наемных рабочих — своих же шорцев. Шорский бай жил исключительно личными, отнюдь не родовыми или племенными интересами. Он не менее русского торговца обирал и спаивал своих сородичей, закабалял их бесконечными долгами, вел дружбу с царскими колонизаторами и был на хорошем счету у миссионеров. В силу экономического, отсюда и общественного своего положения, баи подчинили себе местную «родовую» адми-

нистрацию, так называемых паштыков и их помощников, превратив их в защитников своих интересов, и при их помощи выколачивали долги со своих соплеменников. Баи — торговцы и ростовщики, паштыки и их помощники, а также известные грубыми и дикими приемами эксплуатации невежественные шаманы — вот та эксплуататорская верхушка, которая выделилась в результате разложения родового строя у шорцев. Над всем этим стоял еще колониальный аппарат царизма, являвшийся главной силой политического, национального гнета и эксплуатации шорцев. Русские чиновники, миссионеры, торговцы и кулаки были основными проводниками царской политики среди шорцев. Эта политика тормозила и ослабляла тесные экономические и культурные связи шорцев с русским трудовым народом, в ней было заложено основное зло бесправного положения шорцев в царской России. Основное направление этой политики выражалось в налогах, уплачиваемых вначале пушниной, а перед революцией — деньгами, в разорительных для рядовых шорцев торговых, посреднических операциях купцов, выколачивающих ценное сырье, добываемое шорцами за вечные долги, в отбирании земель у шорцев царским Кабинетом путем «землеустройства», в принудительном крещении и во многом другом. Царский Кабинет считал все земли Алтайского округа, куда входила Шория, личной собственностью царя. Было придумано наделение шорцев небольшими участками (15 десятин), а сотни тысяч десятин, «высвободившихся» при этой комбинации, царский Кабинет решил сдать в аренду (для заселения крестьянами) в казну по выгодной цене. «Землеустройство» произошло у шорцев в период с 1910 по 1913 гг. Одновременно с земельной грабительской реформой было упразднено родовое управление у шорцев, которое было заменено обычным территориальным волостным управлением. Родовое управление, полезное и необходимое для царизма, когда с шорцев выколачивали ясак пушниной, теперь стало ненужным. Платежи и повинности рядовых шорцев после этой реформы выросли в несколько раз. Теперь нужно было платить: 1) оброчную подать, 2) губернский земский сбор, 3) уездный земский сбор, 4) волостной сбор, 5) сельский сбор, 6) церковный сбор и т. п. Словом, в северной Шории (и у степных шорцев) взрослый работник должен был платить всяких налогов и повинностей около 15 руб. Наряду с этим требовалось брать платные билеты на рубку леса для дров и построек, на сбор кедрового ореха.

Таковы были общественные отношения у шорцев накануне Октябрьской революции. Ни о каком родовом строе в это время у них, разумеется, не могло быть и речи. Род сохранял свое значение только как пережиток и то лишь в области семейно-брачных отношений и культа.

Просвещение; народное творчество

Гнет двойной эксплуатации, политическая, хозяйственная и культурная отсталость шорцев определяли довольно убогие формы их духовной жизни. Среди шорцев не было просвещения, медицинской помощи. Русские миссионеры хотя и разработали для шорского языка алфавит на основе русского, но письменная литература у шорцев так и не появлялась. На шорском языке издавалась только церковная литература, составлявшаяся и издававшаяся русскими миссионерами. На огромной территории расселения шорцев было всего 6 миссионерских и церковно-приходских школ, сосредоточенных преимущественно в северной Шории. В 1900 г. грамотность среди шорцев не превышала 1% и то за счет северных шорцев, живших в тесном общении с русским населением. Миссионеры выбирали отдельных мальчиков шорцев и отправляли их в Бийское катехизаторское училище, откуда лишь одиночки выходили миссионерами, псаломщиками и редко школьными учителями. Эти отдельные шорцы,

воспитанные в миссионерском духе, и составляли шорскую интеллигенцию того времени. Среди них заслуживает внимания только одна фигура — миссионер И. Штыгашев, который писал по-русски и, помимо публикации своих миссионерских отчетов, выступал в печати с этнографическими статьями, посвященными шорской мифологии. Некоторые богачи из шорцев, жившие поблизости от г. Кузнецка, посылали своих сыновей в городское училище.

У шорцев была развита устная народная словесность. Основными видами устного творчества шорцев являлись: героические поэмы (*кай, ыбак*), песни (*сарын*) различного содержания, поговорки и пословицы (*улгер сос, кеп сос*), загадки (*тапкак*), сказки, легенды и предания (*пурунгу чоок, ербек*). Из всех этих жанров выделяются своим содержанием героические поэмы, которые рассказывались сказителями речитативом, низким гортанным голосом, под аккомпанемент двухструнного комыса.

Героические былины такого типа попали к шорцам через телеутов, для которых они весьма характерны и у которых они бытуют едва ли не по сей день под теми же наименованиями. Случилось это вследствие того, что телеуты перемешивались с северными шорцами. Поэтому героический эпос встречается преимущественно у северных шорцев и очень редко у южных. Вообще же для шорского фольклора характерны сказки, охотничьи рассказы и легенды. Они хорошо отражают типичные еще для недавнего прошлого шорцев первобытно-общинные отношения и ранние формы религиозных представлений, выросших и сложившихся в среде пеших охотников-звероловов, рисуют типичную охотничью таежную обстановку и наполнены упоминаниями о различных зверях и птицах, которые иногда выступают и в качестве самостоятельных персонажей таких произведений.[1]

Полное отсутствие научных знаний о природе и человеке у шорцев было причиной того, что у них получили широкое распространение различные фантастические и религиозные представления, при помощи которых объяснялись, конечно совершенно искаженно, все явления жизни. Наряду с этим в народе существовал определенный запас практических сведений, выросший на основе опыта в процессе трудовой деятельности и передаваемый из поколения в поколение. Шорцы хорошо знали (эмпирически) окружающую их природу. Не говоря о местной географии и топографии, они прекрасно знали местных диких животных, крупных и мелких, особенно промысловых, их образ жизни, экологию и т. д. При этом шорцы обнаруживали изумительную наблюдательность, тонкую и точную, позволяющую им увязывать явления жизни животных с другими явлениями окружающей их природы. Они, например, судили о размере растущих рогов марала весной и летом по размерам одного из зонтичных растений. Они точно предугадывали смену сезонов года в тайге, основываясь на поведении тех или иных представителей местной фауны и т. д. Их знания, выросшие на основе опыта, распространялись и на растительный мир, но не ограничивались народной фенологией. Они имели представление о расположении стран света, отразив это в своем языке, называя их описательно (восток — сторона восхода солнца, запад — сторона захода или падения солнца, север — сторона-сирота солнца и т. д.). У шорцев был свой народный календарь, согласно которому велся счет месяцам и дням по лунному исчислению. Названия месяцев отражали хозяйственные занятия шорцев (месяц битья пашни или месяц сбора кандыка — май; месяц охоты на маралов — сентябрь и др.), исчисление дней велось от новолуния («пир на», «эки на». т. е. «первое, второе число

[1] См. Н. П. Дыренкова. Шорский фольклор. М—Л., 1940.

нового месяца») до 14 и затем обратно, в соответствии с убыванием луны. Существовали в зачаточной форме народные меры длины, веса. Народная медицина в крайне незначительной степени опиралась на эмпирические способы и приемы лечения (например некоторыми лекарственными растениями). Она почти целиком находилась в руках невежественных шаманов и знахарей, наносивших огромный ущерб не только здоровью, но и хозяйству заболевшего.

Не было достаточно развито у шорцев также и народное изобразительное искусство. Представлено оно было примитивной резьбой и выжиганием по кости (на табакерках, пистонницах, пороховницах, черенках ножей, кольцах для оглобель к ручным нартам и т. п.) и весьма простой вышивкой цветными нитками (на вороте, рукавах халатов, на шапках и т. д.).

Верования и обряды

Формально шорцы считались православными. Алтайская духовная миссия, начавшая свою деятельность на Алтае в 1830 г., открыла в 1858 г. первый миссионерский стан в улусе Кузедеевском на Кондоме. Затем она продвинулась глубже в тайгу, вверх по Кондоме, и перенесла в 1894 г. свой стан в улус Кондомский (в 150 км от Кузнецка). Позднее миссия распространила свою деятельность на районы Мрассы (Усть-Анзасский и другие станы) и даже на юго-запад Енисейской губернии (Матурский стан, 1905 г.). Таким образом, миссия охватила своими станами весь обширный район расселения шорцев. Но и будучи крещеными, шорцы продолжали оставаться шаманистами. Их верования были тесно связаны с охотничьим промыслом. Основные обряды — различные жертвоприношения «хозяевам» гор и леса, от которых, по их представлениям, зависел успех на охоте, воскрешение и умилостивление убитых зверей. Культ гор — охотничьих территорий отдельных сеоков — был родовым. Существовал ряд обрядов, связанных с охотой на медведя.

Шаманство шорцев еще носило частично родовой характер. Шаманы и их мнимые духи считались наследственными в определенных родах. Шаман почти уже не занимался производительным трудом и жил главным образом на доходы от камлания. Камлания устраивали по случаю болезни членов семьи или для удачи в промысле зверя. Шаман получал шкуры жертвенных животных, лучшие части мяса; оплачивали его и деньгами. Бедняки шорцы, не имевшие возможности уплатить за камлание, вынуждены были работать на шамана. Эксплуататорская роль шамана, его служение интересам богачей и кулаков выступали достаточно ясно. Атрибутами шамана были бубен и колотушка (специальное облачение отсутствовало).

Способы захоронения у шорцев были различными. Наиболее древний из них, удерживавшийся в отношении взрослых до конца XIX в., для детей даже до первой четверти XX в., состоял в захоронении покойника, завернутого в бересту, на дереве. В конце XIX—начале XX в. наиболее распространено было захоронение в земле, с оставлением на могиле сломанных охотничьих нарт. Шаманов хоронили в лесу, в глухом месте, а бубен вешали на ближайшее дерево, где он и сгнивал.

* * *

Краткий обзор культуры и быта шорцев за период пребывания их в составе царской России показывает, что, несмотря на тяжелый гнет колониальной политики царизма, тормозивший их развитие, общий уровень культуры шорцев за это время значительно повысился. Небольшая часть северных и степных шорцев в некотором отношении (хозяйство, домашний быт) приблизилась к уровню жизни соседнего русского крестьянства. Основной причиной этого культурного прогресса было свободное, есте-

ственное общение большей части шорцев с русским трудовым населением, активное заимствование многих элементов русской народной культуры. В южных, глухих таежных районах обитания шорцев, куда русская народная культура не проникала, где появлялись только представители царского колониального аппарата в лице чиновников, миссионеров или торговцев, напротив, культура и быт шорцев находились на уровне первобытности. Здесь царили потрясающая бедность, темнота и невежество. Попытки царской администрации и духовенства русифицировать шорцев, проводившаяся в грубой насильственной форме борьба священников и миссионеров с шаманскими верованиями шорцев, телесные наказания и штрафы за неисполнение церковных обрядов, пренебрежение к шорскому языку со стороны царской администрации — все это вызывало у трудящихся шорцев враждебное отношение к царским колонизаторам.

Особенно тяжелым был для шорцев перевод их в разряд так называемых «оседлых инородцев». С формальной стороны это было уравнение их в правах и обязанностях с русским крестьянством. Практически это означало резкое ухудшение социально-экономического положения шорцев, попавших в эту категорию, так как никаких особых прав от этого они не приобретали, ибо, как известно, не имел их в царской России и русский крестьянин, но обязанности и повинности шорцев от этого весьма вырастали. Шорцы получили 15-десятинный земельный надел на хозяйство, вместо отобранной у них огромной земельной территории и должны были платить больше податей, нести больше трудовых повинностей и отбывать солдатчину. Зачисление части шорцев в категорию «оседлых инородцев» лишало их тех немногих льгот, которыми они пользовались как «кочевые». Стремясь избежать зачисления в «оседлые», многие шорцы отказывались и от этого маленького официального надела (в котором пригодной для сельского хозяйства земли было ничтожное количество), чем пользовалась байская верхушка, сосредоточившая в своих руках надельные земли. Таким образом, царская русификация с ее так называемым «землеустройством» и принудительной христианизацией оказывала самое отрицательное влияние на культуру и быт шорцев, разоряла их хозяйство. Только естественно выраставшие связи шорцев с русским трудовым населением имели глубоко прогрессивное значение для всех сторон жизни шорцев. Вот почему к рядовому русскому крестьянину-труженику со стороны рядовых шорцев наблюдалось дружелюбное отношение. Трудовые слои шорского и русского народов мирно уживались в общих селениях, шорцы во многом заимствовали различные элементы русского крестьянского быта и смешивались с русским населением путем браков.

ШОРЦЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила угнетенных шорцев от эксплуатации. Коммунистическая партия и Советское правительство проделали огромную работу по оказанию всесторонней практической помощи отсталым в прошлом народам, в том числе и шорцам. Глубокая экономическая и культурная отсталость, порожденная всем ходом исторического развития и колониальной политикой царизма, явилась основной причиной, мешавшей шорцам реализовать в практической жизни права, предоставленные им Великой Октябрьской революцией. Ликвидация этой отсталости составляла первую основную задачу, практическое решение которой пришлось взять на себя партийной организации Западносибирского края, куда входили в административном отно-

шении шорцы. Ясная, конкретная программа национальной политики, разработанная для ряда групп народов Советского государства, различных по своему общественно-экономическому уровню, принятая на X и XII съездах ВКП(б), была применена и к шорцам. Последовательное проведение этих принципов дало поразительно быстрые положительные результаты, особенно с момента образования Горно-Шорского национального района в 1925 г. С этого времени была создана шорская районная партийная организация, которая, опираясь на решения съездов Коммунистической партии по национальному вопросу, сплотила вокруг себя трудящихся шорцев на борьбу с шорскими и русскими кулацкими эксплуататорскими элементами, организовала борьбу с великодержавным шовинизмом и местным национализмом. В процессе этой борьбы постепенно рождалась и развивалась творческая энергия рядовых шорцев, росли местные шорские советские и партийные кадры, и уровень культуры шорской народности стал быстро подниматься.

Горно-Шорский национальный район охватывал огромную территорию (почти 30 тыс. км²), не уступающую по размерам Бельгии. Однако свыше 90% этой территории занимала горная тайга, а географическая плотность населения здесь еще в 1931 г. составляла 2,2 человека на 1 км². На этой обширной территории шорцы являлись национальным меньшинством, вкрапленным в массу русского населения. В 1931 г. шорцы составляли еще 38.8% всего населения района, а в 1938 г. уже 13%, причем и это число в дальнейшем быстро снижалось. Это объясняется исключительно быстрым ростом здесь населения как русской, так и других национальностей под влиянием бурно развивающейся, грандиозной по размерам промышленности Кузбасса, имеющей общегосударственное значение. Административный центр Горно-Шорского национального района был вначале в с. Мысках (по-шорски Томазак), основанном еще в 1826 г. при впадении Мрассы в р. Томь. Это селение до революции представляло собой резиденцию шорских баев-торговцев. С проведением железной дороги вглубь Шории в начале 1930-х годов районный центр шорцев был перенесен в с. Кузедеево на р. Кондоме, через которое проходила железная дорога, и находился там до упразднения национального района.

С установлением советской власти все удобные для земледелия и скотоводства земли, которые до революции были захвачены кулацко-байской эксплуататорской верхушкой, поступили в распоряжение трудящихся шорцев. Однако шорцы в первое время не могли освоить эти земли в силу своей исключительной экономической и культурной отсталости. Так, например, в южной Шории обработка пашни и уборка урожая производились старым, примитивным способом, а домашний скот у большинства трудящихся шорцев был редкостью. Большинство шорцев добывало средства к существованию от таежных промыслов. Помощь шорцам со стороны государства, выражавшаяся в денежных ссудах, в снабжении их сельскохозяйственными орудиями, семенами, домашним скотом, в посылке к ним специалистов сельского хозяйства и, особенно, в объединении шорцев в коллективные хозяйства, быстро выдвинула на первое место в их жизни сельское хозяйство и укрепило их экономику. Горно-Шорский район получал ежегодно от Советского государства на развитие и укрепление экономики и культуры миллионы рублей только по государственному бюджету. Наряду с развитием народного хозяйства, в котором из года в год росло значение промышленности, еще быстрее развивалась культура шорцев, ибо повышение культурного уровня являлось необходимым условием, способствующим нарастанию темпов развития социалистической экономики, требующей высокой культуры работников производства. Большая часть государственных ассигнований у шор-

цев направлялась на развитие у них социалистической культуры и в первую очередь грамотности. За короткий срок была создана шорская письменность, введено обучение на родном языке и издана учебная литература. Количество шорских школ выросло с 8 школ в 1925 г. до 32 в 1935 г. (в числе последних были неполная средняя и средняя школы); ежегодное количество учащихся соответственно возросло с 243 до 2645 детей шорцев. Но еще важнее было то, что теперь у шорцев появились собственные учительские кадры. В шорских школах в 1935 г. преподавало уже 64 учителя шорца. В Кузедееве было открыто педучилище, в котором училось много шорцев. Наряду с развитием школьного дела велось обучение грамоте взрослых шорцев через специально устроенную сеть пунктов по ликвидации неграмотности и школ для малограмотных. Пункты начали работать с 1925 г., когда в единственном в то время пункте обучалось 34 шорца. В 1935 г. таких пунктов было уже 17, в них обучалось 2120 взрослых шорцев. Школа для малограмотных открылась в 1928 г., в ней училось тогда 30 шорцев. В 1935 г. таких школ работало 16, а количество учащихся шорцев было 712 человек. За первое десятилетие существования Горно-Шорского района прошли обучение в пунктах по ликвидации неграмотности 5782 шорца, и окончили школы для малограмотных 1616 шорцев. Среди окончивших был большой процент женщин.

Повышение культурного уровня и просвещение шорцев происходили также и по линии различных культурно-просветительных учреждений, впервые появившихся среди шорцев в 1925 г. К 1935 г. у шорцев работало 10 изб-читален, 5 клубов, библиотека, несколько передвижных кино, 3 радиоузла. В эти же годы среди шорцев также впервые была организована медицинская помощь. В районе работало только в сельских местностях 7 больниц, 6 амбулаторий и 14 фельдшерских пунктов.

Создание Горно-Шорского национального района, несмотря на то что шорцы в его населении составляли незначительный процент, сыграло большую положительную роль в поднятии культуры трудящихся шорцев. Огромная территория Горно-Шорского района, непригодная по природным условиям для широкого развития сельского хозяйства, оказалась настоящим кладом для развития тяжелой индустрии, весьма важной для экономики всего народного хозяйства Советского государства. Развитие мощного индустриального центра вызвало большой приток сюда населения, преимущественно русского, вследствие чего численность шорцев стала составлять здесь ничтожный процент.

В 1939 г. Горно-Шорский национальный район был упразднен, а огромная территория его была разделена в административном отношении на ряд районов вновь созданной Кемеровской области, объединившей Кузбасс. В настоящее время шорцы живут в трех районах Кемеровской области: Таштагольском, Мысковском и Кузедеевском, охватывающих бывшую территорию Горно-Шорского района. На всем этом обширном пространстве шорцев насчитывается свыше 10 тыс. человек. Большинство обитает в южной части Шории, в Таштагольском районе, где числится (по неполным данным) 6626 человек (1949 г.). Следующим по численности шорского населения идет Мысковский район, в котором проживает 2297 шорцев. Еще меньше шорцев живет в Кузедеевском районе. Во всех трех указанных районах шорцы живут разбросанно, вперемежку с русским населением, и только в некоторых довольно отдаленных (расположенных в глухой горной тайге) сельсоветах Таштагольского района (Челейсу-Анзаский, Усть-Кобырзинский, Усть-Анзаский и др.) они являются преобладающим населением.

Основная часть шорцев занимается сельским хозяйством и объединилась в колхозы; значительное число их работает в различных отраслях

промышленности, высоко развитой в Кемеровской области, в качестве рабочих и служащих, и только небольшая часть занимается охотой на зверя. По двум основным районам местообитания современных шорцев эти данные представлялись в следующем виде (на 1 VII 1949).[1]

Колхозники	49.1%
Рабочие горной промышленности . . .	28.0
Охотники — члены промысловых артелей	2.5
Служащие и прочие	20.4

Приведенные цифры показывают те глубокие сдвиги, которые произошли в социально-экономической и культурной жизни шорцев. Они говорят прежде всего о том, что половина шорцев занимается теперь сельскохозяйственным трудом, т. е. земледелием и скотоводством. Почти для трети шорского населения источником существования является работа в промышленности. В истории шорцев за короткое время возникла и распространилась эта новая отрасль труда. Появилась совершенно новая социальная категория шорцев — категория рабочих. Наконец, среди шорцев образовалась и другая новая социальная категория, охватывающая пятую часть населения, категория служащих, куда относится главным образом шорская интеллигенция, также впервые появившаяся в их истории. Появление новых социальных групп населения шорцев отражает коренные изменения в их социально-экономической жизни, свидетельствующие о фактической ликвидации их многовековой экономической и культурной отсталости. С промысловым трудом, служившим основой для существования большинства шорцев до революции, связано теперь только 2.5% шорского населения. При этом нужно иметь в виду, что современный промысловый труд шорцев сам по себе претерпел большие изменения и является показателем прогресса, охватывающего все стороны шорской жизни.

Если при анализе приведенных выше цифр иметь в виду отдельные районы, то это позволит указать еще на одну особенность современного состояния шорцев. В экономике южных шорцев первое место занимает сельскохозяйственный труд, второе — труд в промышленности. Количество населения, занимающегося промыслами, оказалось теперь весьма незначительным, уступая даже количеству населения, живущего интеллигентным трудом, т. е. категории служащих. У северной части шорцев, уровень культурного развития которой еще и до революции был выше, чем у южной части, наиболее многочисленную категорию составляют служащие, более чем в два раза превышающие по численности категорию колхозников.

Безраздельное господство социалистической экономики, систематическая помощь со стороны государства неузнаваемо изменили труд и быт шорцев. Все население, живущее сельским хозяйством, объединилось в колхозы, представляющие собой не только экономические единицы, но и культурно-хозяйственные центры. В Таштагольском районе шорцы объединились в несколько десятков колхозов, из которых большинство шорских, а в некоторых колхозах шорцы живут и работают вместе с русскими колхозниками. В Мысковском районе шорских колхозов меньше. В настоящее время шорские колхозные поселки представляют собой довольно крупные и благоустроенные селения, получившие новые наименования по названию колхозов. Старые мелкие селения в большинстве вместе с их наименованиями исчезли.

---

[1] Приведенные данные получены нами во время научной экспедиции к шорцам в 1949 г. в местных советских органах власти.

Возникновение и развитие шорского сельского хозяйства стало возможным только благодаря советскому общественному строю, который предоставил в распоряжение шорцев прежде всего землю. Вместо нищенского земельного надела, который ввело для шорцев царское правительство в результате «землеустройства», шорские колхозы получили в вечное пользование по государственным актам значительные территории пахотной земли, лугов, пастбищ, земли под огороды и т. д., которые исчисляются в сотнях и даже тысячах гектаров для отдельных колхозов. В среднем по Мысковскому району на одно колхозное хозяйство закреплено всего земли по 233 га, вместо 15 десятин на каждое хозяйство после царского «землеустройства».

Вторым важным условием, обеспечивающим развитие сельского хозяйства у шорцев, особенно земледелия, является наличие новой технической базы. В северной части Шории колхозы применяют тракторную вспашку, которую у них производит Мысковская машинно-тракторная станция. В местах, недоступных для трактора, колхозники пашут легкими конными плугами. Боронят железными боронами (зигзаг), а сеют в некоторых колхозах сеялками (Таштагольский район). Машинный труд господствует и при уборке урожая, хотя ручной труд здесь еще применяется. Зависит это главным образом от невозможности применить наиболее распространенные в СССР уборочные машины в специфических горно-таежных условиях, где живет большинство шорцев. Если вспомнить, что до революции здесь преобладало мотыжное, ручное земледелие, то прогресс земледельческой техники у южных шорцев становится особенно очевидным. В Мысковском районе, где плужное земледелие было усвоено шорцами еще до революции от русских крестьян, но находилось на низком техническом уровне, теперь, благодаря применению новых современных машин (через машинно-тракторные станции) и использованию в хозяйстве отдельных колхозов электроэнергии, техника земледелия весьма выросла и окрепла. Если к этому прибавить применение в шорских колхозах агротехники, разработанной передовой советской наукой, то становится очевидным, что в отношении земледелия шорцы не только ликвидировали первобытную отсталость, но догнали исстари земледельческие народы.

Вторую основную отрасль сельского хозяйства шорцев представляет животноводство. В хозяйстве шорцев южного Таштагольского района удельный вес животноводства выше, чем земледелия. Доход от животноводства в этих колхозах в несколько раз превышает доход от земледелия. В южной Шории, где многие поколения до революции не знали вкуса молока и не видели никогда коров, животноводство имеет молочное направление. Содержание скота во всех колхозах стойловое, за исключением летнего периода, когда скот выгоняют на пастбища. Глубокие снега, выпадающие в Шории, исключают возможность тебеневки. Поэтому шорцы заготовляют на зимнее время большое количество сена, закладывают силос, используют в качестве корма и солому. Потребность в корме покрывается главным образом за счет заготовки сена с естественных лугов. Заготовка его производится ежегодно в каждом колхозе по определенному плану и собственными силами. Весь обобществленный скот содержат в крытых, оборудованных дворах, с окнами, деревянным полом, кормушками. При заготовке сена применяются сенокосноуборочные машины там, где это позволяют условия рельефа и характер луговых угодий. Шорцы прекрасно освоили технику заготовки сена сенокосноуборочными орудиями. Однако ручной труд здесь продолжает иметь важное значение, ибо к этому часто вынуждают природные условия горной тайги. Сенокосные угодья часто во многих местах распо-

ложены в лесу, на крутых склонах гор, либо в долинах, изобилующих крупными камнями, остатками вырубленного леса и т. п., где нельзя пустить тракторную или даже конную сенокосилку и приходится косить и сгребать сено вручную. Шорское сельское хозяйство, созданное в условиях колхозного производства и в невиданно короткий срок, показало свою жизнеспособность и прочность, выдержав многие испытания и трудности, вызванные Великой Отечественной войной.

Кроме этих двух основных отраслей сельского хозяйства, шорцы, объединившиеся в колхозы, занимаются охотой на пушного зверя и пчеловодством, но оба эти занятия имеют подсобный характер. Развитие пасечного пчеловодства у шорцев явно недооценивается, и для него не используются широкие и благоприятные возможности, которыми давно славится Шория. Шорцы, издавна занимавшиеся разыскиванием и добыванием меда диких пчел, хорошо знают жизнь пчел и являются прекрасными пчеловодами.

Что касается охоты на пушного зверя, то она служит основным занятием, как было показано выше, только для небольшой части шорского населения. Большинство охотников шорцев объединено в промысловые артели. Следовательно, как и раньше, в настоящее время охотничий промысел основан на принципе кооперации, но кооперации социалистической, а не первобытной, которая пережиточно существовала у шорцев вплоть до Октябрьской революции в форме временных производственных объединений (только на время промысла) с первобытно-общинным уравнительным распределением добычи. Шорцы охотятся теперь главным образом в лесах государственного фонда, в специальных промысловых угодьях, организованно, планируя промысел на основе учета естественных запасов зверя, его сезонных миграций, качества меха и т. д. Они делают это в контакте со специальной научной организацией, занимающейся вопросами охотничьего хозяйства в Западной Сибири. Продукция промысла продается заготовительным организациям, а доход поступает в артель, которая распределяет его в соответствии со своим специальным уставом. Техника охотничьего промысла у современных шорцев основана на широком применении капканов, преимущественно покупных, но в значительной степени и старых, самодельных, деревянных, в устройстве которых отразился большой и длительный опыт исконных таежных звероловов. Объектами массового промысла являются крот и белка. Более редкими объектами добычи теперь являются соболь, колонок, горностай, хорь, лисица. Крота добывают кулемками, кротоловнями, капканами, расставляемыми охотником. Ставят кулемки и на колонка, ловят капканами горностая, хорька и белку. Употребляются ружья новых выпусков, старые ружья, особенно шомпольные, почти совершенно исчезли. Охота на соболя ведется по специальному разрешению соответствующих государственных органов, ведающих охотой на ценного зверя, в пределах нормы, указанной в разрешении. Сезоны охоты на зверя, регулируемые советским законодательством, совпадают с таковыми, выработанными многовековой практикой шорцев. Зимой на промысел ходят пешком. Охотничья ноша укладывается на ручные нарты или зашнуровывается в волокушу, сделанную из шкуры (лошади, козла и т. д.). Эти старинные охотничьи средства переноски груза при пешем передвижении, созданные на основе многовековой охотничьей практики, целесообразны в зимних условиях горно-шорской тайги и теперь, что и объясняет их сохранение у современных охотников. Бытовые условия охотников шорцев во время промысла в тайге резко изменились в лучшую сторону. Это проявляется в одежде, питании и жилищной обстановке. Промысловый костюм шорских охотников теплый,

легкий и удобный; он состоит из ватной (стеганой) куртки и таких же штанов, шапки и кожаной обуви старого типа, надеваемой с сушеной травой вместо онуч. В этой обуви, при обертывании травой, ноги не потеют, всегда сухие и теплые, под ступней на лыжах не образуется наледь. Живут охотники в палатках, срубных охотничьих благоустроенных избушках, которые строятся и оборудуются в тайге промысловыми артелями. В этих избушках находится запас питания, хозяйственная утварь, аптечка, газеты, журналы. Здесь, как и на более легких и временных станах, снимаются шкурки зверей. Охотятся шорцы бригадами, составленными из опытных охотников, в которые включают для приобретения опыта и молодых охотников.

Большое значение в жизни современных шорцев, как говорилось выше, имеет труд в промышленности и появление у них своего рабочего класса. Шорцы, несмотря на их невероятную хозяйственную и культурную отсталость в прошлом и вопреки мрачным предсказаниям некоторых буржуазных исследователей, оказались вполне способными к труду в промышленности, быстро привыкли к нему, оценили его и проявляют себя в нем с самой хорошей стороны. Предприятия Кузбасса и его непрерывно развивающаяся мощная индустрия с момента своего возникновения привлекали к работе и шорцев, которые с большим интересом отнеслись к строительству этого гиганта в районе их расселения и промыслов и, более того, внесли и продолжают вносить определенный вклад в работу его различных предприятий. Достаточно сказать, что шорцы явились первооткрывателями некоторых крупнейших месторождений железа. Знаменитый Таштагольский рудник был открыт шорцем-охотником Василием Скворцовым еще до революции. Он вспомнил об этом только в 1930 г., когда до дальних улусов Шории дошел слух о предстоящем крупном строительстве. Советский патриот шорец Скворцов понял, какое значение может иметь сделанное им открытие. Он снова посетил речушку Таштагол, взял там образцы руды и доставил их в Управление Кузнецкстроя. В указанное им место была направлена геологическая партия. Шорец Александр Шарагашов, житель отдаленного шорского улуса, узнав о строительстве, специально пришел пешком за 200 км посмотреть строительство завода в г. Сталинске. Узнав, что для завода будут возить железную руду с Урала, он заявил, что руду не надо возить так далеко, ибо он знает целую железную гору у себя в Шории. Так был открыт известный Шарагашов рудник, получивший название в честь первооткрывателя. На упомянутых и других рудниках теперь наряду с русскими рабочими трудятся шорцы. Шорцы работают с момента основания и на Тельбесском руднике. Шорец Василий Табаргин появился здесь вместе с десятками других молодых шорцев в первые дни организации рудника. Он работал сначала землекопом, лопатчиком, а затем проходчиком. В 1940 г. он, как опытный рабочий-проходчик, был переведен на строительство Таштагольского рудника. В годы Великой Отечественной войны В. Табаргин работал бригадиром, а затем уже горным мастером. После войны он стал сам обучать кадры, работая мастером производственного обучения в одной из школ фабрично-заводского обучения, которая готовит из молодого поколения пополнение кадров горняков. У опытных, с большим стажем работы шорских рабочих учатся теперь и русские и шорские молодые рабочие. Шорец Дмитрий Пыжлаков родился в 1919 г. в улусе Качыбай. Он окончил семилетку и поступил в школу фабрично-заводского обучения, в которой получил квалификацию проходчика. Пыжлаков стал рабочим на руднике Темиртаге. Во время Великой Отечественной войны он ушел на фронт. После окончания войны он снова вернулся к своей мирной специальности.

Бурильщик. Рудник Таштагол

В 1948 г. Д. Пыжлаков становится одним из лучших рабочих рудника и участвует в известном совещании работников черной металлургии Урала и Сибири в г. Свердловске.

На Кузнецком металлургическом комбинате шорцы освоили и продолжают осваивать сложные профессии. Среди них встречаются огнеупорщики цеха ремонта металлургических печей, рабочие автотранспортного цеха. Шорцев можно встретить и в составе служащих отдела технического контроля и т. п. Работают они на Кузнецком машиностроительном заводе, на алюминиевом заводе в качестве машинистов, монтеров, кузнецов, подсобных рабочих и т. д.; имеются они среди рабочих угольной промышленности Сталинского городского промышленного комбината. В предприятиях треста Сталинскпромстрой шорцы работают в качестве электросварщиков, слесарей, сверловщиков, водопроводчиков, такелажников, штукатуров, маляров и т. д.

Не ставя перед собой задачи исчерпать перечень промышленных предприятий и специальностей, в которых работают шорцы, мы отметим еще одну важную отрасль промышленности, развитую на территории Горной Шории. Имеется в виду золотодобывающая промышленность. Если обратиться к системе предприятий, входящих в группу Спасских приисков, то и на этом участке можно встретить значительное количество шорцев, работающих забойщиками на открытых и подземных работах, подводчиками-обогатителями, промывальщиками, мониторщиками, драгерами электродраг и т. д.

Участие в промышленности женщин шорок показывает, как изменилось положение женщины в Шории и сама психология шорцев. Процесс вовлечения шорцев в промышленность Кузбасса расширяется, чему способствует система подготовки кадров через школы фабрично-заводского обучения. Нередки случаи, когда на предприятии работают представители нескольких поколений. Горное дело начинает становиться семейной традицией, семейной специальностью.

Шорцы практически проявили себя способными металлургами и горняками. На Кузнецком металлургическом комбинате им. И. В. Сталина среди инженеров есть и шорцы. Шорцев-инженеров можно встретить также на Иркутском машиностроительном заводе, в дальневосточном флоте и др. Все они окончили советские высшие учебные заведения (Томский индустриальный институт, Металлургический институт в г. Сталинске, Высшее военно-инженерное морское училище в г. Ленинграде и др.). Отцы и деды этих молодых советских инженеров были пешими

звероловами, которых дореволюционные этнографы и историки культуры относили в своих классификациях к наиболее первобытным племенам Сибири. Это словно сказочное превращение людей, которое по старым представлениям может казаться невероятным, является естественным практическим результатом советской национальной политики. Подготовка шорцев специалистов в высших технических учебных заведениях продолжается и по сей день. Среди рабочих шорцев имеются и женщины, которые овладели сложными специальностями. На швейных фабриках шорки работают швеями-мотористками.

Будучи до революции наиболее отсталыми из всех народностей южной Сибири, шорцы в настоящее время обогнали многих из них. Среди шорцев, как мы видели, возник и образовался многочисленный рабочий класс, удельный вес которого среди других социальных групп, характерных для нашего социалистического общества, составляет более высокий процент, чем, например, у алтайцев, тувинцев или хакасов. Это объясняется тем, что шорцы оказались в сфере непосредственного влияния мощного социалистического индустриального центра.

Большой интерес представляет еще одна социальная категория шорцев, объединяющая пятую часть всего населения, — шорская интеллигенция. Впервые в Шории за весьма короткий срок благодаря исключительно благоприятным условиям, порождаемым социалистическим общественным строем, создана советская шорская интеллигенция. Шорская интеллигенция ныне представляет собой важную реальную силу в культурной жизни описываемых районов, несмотря на то, что шорцы составляют здесь национальное меньшинство. Она состоит из учителей, работников советского районного административного аппарата и партийных организаций, служащих различных категорий. Многие из шорцев занимают либо по избранию, либо по назначению ответственные должности, руководят важными участками советской государственной или партийной работы. Шорцев можно встретить в должности председателей районных исполнительных комитетов советов депутатов трудящихся, среди секретарей и других ответственных работников райкомов КПСС, в числе работников прокуратуры, в качестве председателей сельских советов и т. д. Особенно значительна прослойка шорцев среди учителей указанных выше трех районов. Среди них имеются учителя с высшим образованием, окончившие Сталинский педагогический институт, Томский университет и другие учебные заведения. Пополнение учительских кадров шорцев с высшим образованием происходит ежегодно. Учителя шорцы преподают различные предметы и в русских школах, в том числе в неполных средних и средних.

Большой интерес для характеристики современного состояния культуры и быта шорцев имеют вопросы народного образования, культурно-просветительной работы, медицинской помощи. Современные шорцы почти поголовно все грамотны. Они обучаются в многочисленных школах, как исключительно шорских, так и в русских. Школа у шорцев, как впервые возникшее в их истории общественное культурное учреждение, имеет совершенно особое значение в жизни народа. Особенно велика была роль начальной школы у шорцев в первые годы ее возникновения, когда она являлась единственным типом школьного учреждения. В эти годы ее значение состояло не только в том, что она давала основы грамотности, а преимущественно в том, что она воспитывала шорских детей в духе социалистических правил общественной и личной жизни, способствовала формированию у них нового мировоззрения. Советская школа разрушала старые отсталые устои быта шорцев, разрушала мировоззрение, насыщенное первобытными фантастическими представлениями

о природе, о самом человеке и их взаимосвязи, которые дети получали в старой шорской семье. Школа несла правду о социальном устройстве жизни шорцев и других народов Советского государства и зарубежных стран. Ей приходилось не только вести упорную борьбу со старыми семейными традициями в деле воспитания детей, но и влиять через своих питомцев на изменение мировоззрения взрослых членов семьи, на переустройство всего семейно-бытового уклада шорцев. Шорские школьники несли в семью грамоту и научные сведения о жизни: они объявляли войну религиозным предрассудкам, старым семейным порядкам и убогим формам старого домашнего быта. Школьник не мог мириться с отсутствием в его домашнем быту такой элементарно необходимой мебели, как стол и стулья, ибо готовить уроки на земле у костра или чувала было невозможно. Получив познания и практические навыки огородничества на пришкольном участке, школьник стремился завести огород и дома и научить этому своих родителей. Он нес домой элементарные правила и навыки гигиены и т. д. Естественно, что школа не была единственным рычагом даже в начальный период социалистического переустройства жизни шорцев. Однако ее важную роль на этом этапе нельзя недооценивать. В настоящее время, когда в результате укрепления у шорцев советского государственного строя и социалистической экономики культурный уровень шорцев настолько вырос, что приблизился к уровню культуры окружающего русского населения, советская школа продолжает выполнять важнейшую государственную функцию по воспитанию молодого шорского поколения. Но теперь этот процесс протекает несравненно проще и легче, ибо современная шорская семья уже настолько изменилась, что она не только не тормозит, а, напротив, облегчает воспитание ребенка.

Шорцы повседневно повышают свой культурный уровень через систему различных культурно-просветительных учреждений, в которых они проводят свой досуг. К ним относятся дома культуры, районные и сельские библиотеки, избы-читальни и сельские клубы. В Таштагольском районе районный дом культуры находится в Усть-Кобырзе, т. е. среди шорского населения, и является важным центром политической, культурно-просветительной работы. Из имеющихся в районе 2 сельских библиотек одна находится в шорском селении, из 13 изб-читален — 8 у шорцев, из 6 сельских клубов — 5 у шорцев. Культурно-просветительные учреждения у шорцев имеют свой штат, состоящий из работников преимущественно шорской национальности. В Мысковском районе все избы-читальни находятся в шорских селениях. Большинство из перечисленных культурно-просветительных учреждений является также центрами художественной самодеятельности шорцев, в которую входит исполнение устного, в том числе и песенного, шорского народного творчества.

Ярким показателем культурного уровня шорцев и важным этапом в истории их культуры было возникновение национальной письменности, а также и литературы сначала на шорском, а затем на русском языках. Шорская письменность возникла в середине 20-х годов XX в. Шорцы сами разработали свой алфавит на основе русского, и в 1927 г. был издан первый шорский букварь. В 1930 г. шорский алфавит был латинизирован, что весьма затрудняло развитие письменности шорцев. Через несколько лет эта ошибка была исправлена, и шорцы снова перешли к более простому, доступному широким массам и более близкому шорскому языку русскому алфавиту. Появилась оригинальная и переводная литература. Из среды шорцев вышли молодые поэты и писатели. В их произведениях, тесно связанных с устным народным творчеством, нашли свое отра-

жение тяжелое прошлое и процессы социалистического строительства. Издан сборник стихов «Красная Шория». Широкую известность получило стихотворение поэта и писателя Ф. С. Чеспиякова «Аргыш Ленин» («Товарищ Ленин»). Оно стало популярной народной песней шорцев. Получило большую популярность и другое его стихотворение «Быстрая Томь». Стихи и песни о партии и ее руководителях слагают не только шорские поэты, но и рядовые колхозники, народные сказители. Из песен сказителей выделяется произведение 70-летнего колхозника М. Наназакова «Слово старого сказителя». В 1938 г. вышел сборник произведений шорских поэтов «Новая Шория» на русском языке. Из шорских писателей и поэтов наиболее талантливым и оригинальным нужно признать Ф. С. Чеспиякова, являющегося членом Союза советских писателей. В 1949 г. издан сборник его произведений (стихи и проза) на русском языке под названием «В долинах Мрассу», в котором опубликована большая повесть, давшая наименование всему сборнику. Произведения этого сборника рисуют жизнь шорцев в ранние годы строительства социализма. На шорский язык переведены избранные произведения А. С. Пушкина, М. Горького, политическая и сельскохозяйственная литература. На шорском языке издана и учебная литература для начальных классов. Шорцы уже давно осознали необходимость знать и пользоваться параллельно со своим национальным языком еще и языком русским; все они стали двуязычны; шорский язык теперь повсеместно существует параллельно с русским языком, преобладая как разговорный язык в семейном быту.

Ф. С. Чеспияков — поэт шорец

Медицинская помощь, отсутствовавшая до революции, сейчас широко практикуется во всех районах. Развитая сеть лечебных учреждений различного типа обслуживает как русское, так и шорское население. В Таштагольском районе, кроме районной больницы (с большим количеством коек, в том числе для туберкулезных, инфекционных и гинекологических заболеваний), при которой имеются врачи всех специальностей, рентгеновский кабинет, санитарный самолет и т. п., существует свыше 10 врачебных участков больнично-амбулаторного типа (с больничными койками), с аптеками и несколько десятков фельдшерско-акушерских пунктов. Такие пункты организованы во многих шорских колхозах (Колзаский, Челейсу-Анзайский, Усть-Анзайский и другие сельские советы). Район располагает большим количеством медицинского персонала, в составе

Новый дом рабочего-горняка

которого насчитывается несколько десятков одних только врачей (всех специальностей) и свыше сотни фельдшеров и работников среднего медицинского персонала. Вся эта большая медицинская сеть создана в советский период. Лечение шорцев производится, как это принято в социалистическом государстве, бесплатно. Медицина пользуется среди них большой популярностью и полным доверием.

Домашний быт шорцев также принял новые формы. Шорское селение состоит обычно из жилищ колхозников и различных хозяйственных и общественных строений колхоза: дома правления колхоза, избы-читальни или клуба, различных складов, амбаров, скотных дворов и т. д. Срубный дом является основным жилищем шорцев. Его внутренняя обстановка состоит из необходимой мебели (столы, стулья, лавки, кровати, сундуки, шкафчики и т. д.), различной домашней утвари, преимущественно покупной посуды и весьма приближается к обстановке дома русского колхозника. Даже в сохранившихся местами в качестве летнего жилища срубных низких деревянных юртах преобладает такая же меблировка и утварь. Шорцы носят покупную, готовую одежду. Только среди женщин-колхозниц в качестве рабочей одежды можно еще встретить старинный холщевый халат. Мужчины предпочитают одежду военного образца, а из обуви русские кожаные сапоги, которые широко распространены и в качестве повседневной женской обуви. Пища шорцев та же, что у русского колхозника; из старых блюд сохранился только тутпаш. Шорцы — рабочие промышленности и служащие живут более удобным и благоустроенным советским городским бытом. Отдельные квартиры или домики на рудниках и приисках, занимаемые рабочими шорцами, теплы, чисты, уютны. Материальное благосостояние, особенно рабочих-горняков, сказывается не только в благоустройстве жилища, его внутренней обстановке, но и в костюме, в их разнообразном питании как домашнем, в котором большое место занимают продукты гастроно-

мических магазинов, так и общественном. Рабочий шорец (особенно из молодежи), отправляющийся в праздничный день на прогулку, пешком или на собственном мотоцикле (как это мы наблюдали в Таштаголе), идущий в кино или в клуб, имеет вид хорошо одетого горожанина. Этот облик современного шорца бесконечно далек от того кажущегося теперь невероятным внешнего вида шорца дореволюционного периода: изможденного и бледного, заросшего волосами, одетого в лохмотья.

Но изменился не только внешний вид шорцев. Социалистические условия жизни резко изменили их характер. Вместо молчаливых и забитых полуголодных таежных звероловов, всегда мрачных и озабоченных, подавленных трудностью существования и нелюдимых, каким было большинство трудящихся шорцев еще накануне Октябрьской революции, современные шорцы, напротив, отличаются живостью характера и общительностью. Обеспеченные материально, грамотные, они приобрели особые моральные черты характера, среди которых преданность делу социализма, глубоко идейный советский патриотизм и дружественное отношение к другим национальностям занимают главное место. Эти черты проявляются конкретно в трудовой патриотической деятельности шорцев, особенно рабочих и колхозников. Они проявляются в дружеской совместной работе шорцев и русских на рудниках, заводах, фабриках, в колхозах, советских учреждениях, партийных и общественных организациях, где шорцы, наряду с русскими, занимают видные руководящие должности. Маленькая шорская национальность имеет Героя Советского Союза, колхозника из селения Адашево Михаила Михайловича Куюшева, погибшего в боях за родину. Его имя с гордостью произносят теперь все шорцы.

Развитие грандиозной тяжелой промышленности территории б. Горно-Шорского района потребовало мощного притока населения. Шорцы оказались вкрапленными в большой массив главным образом русского населения, но не потеряли своего национального своеобразия. Советский государственный строй и его национальная политика обеспечивают свободное национальное развитие и таким народностям, которые составляют национальное меньшинство в инонациональной среде. Прекрасным историческим примером этого являются современные шорцы.

ТОФАЛАРЫ

Тофалары (самоназвание их «тубалар») известны были в дореволюционной литературе под именем карагасов. Численность тофаларов — около 400 человек.

Общие сведения

До коллективизации и перехода на оседлость тофалары кочевали по таежным пространствам северного склона Восточных Саян, в верховьях рр. Уда, Бирюса, Кан, Гутар, Ия и других левых притоков Оби. Эта территория примыкает к территории расселения восточных тувинцев — тоджинцев, к которым тофалары близки по происхождению, языку и многим элементам культуры. На протяжении всей своей истории они находились в тесном общении друг с другом. Различия, наблюдаемые в настоящее время в культуре тофаларов и оленеводов-тоджинцев, являются в значительной мере результатом их различных исторических судеб на протяжении последних трех столетий. В то время как тоджинцы в силу политических условий оставались в значительной степени в стороне от русского влияния, тофалары уже с середины XVII в. испытывали на себе влияние русской культуры.

В 1648 г. в районе обитания тофаларов, по р. Уде, был построен русскими казаками Удинский острог (ныне Нижнеудинск). С этого времени тофалары вступили в общение с трудовым русским населением, от которого постепенно заимствовали орудия труда, одежду и другие элементы русской народной культуры; от русских они получали хлеб, ружья, порох, свинец и т. д.

Однако вместе с тем в течение более 200 лет они являлись объектом колониальной политики царизма. Тофалары, как и другие народы Сибири, были обложены ясаком. Исчислялся ясак в соболях и взимался «с ружья», т. е. с каждого промышляющего охотника. Платили ясак тофалары с 18 до 60 лет. Взимался он уравнительно, независимо от мощности хозяйства, соответственно номинальному, а не действительно существующему числу охотников. Так, в 1889 г. тофалары платили за 248 «бойцов» (по числу, установленному ревизией 1851—1852 г.), а охотников было в это время 103 человека. Высокий оклад ясака, низкая приемочная оценка соболя (в 2—2½ раза ниже рыночной), бесчисленные дополнительные поборы разоряли трудящихся тофаларов. Это усиливалось ограблением их со стороны «карагасников» (купцов, торговавших с карагасами), которые проникали в тайгу, спаивали охотников и вымо-

Охотники

гали за бесценок их добычу. Русские и бурятские кулаки селились среди тофаларов и также опутывали их сетью ростовщических операций. Не меньше эксплуатировали тофаларов вышедшие из их же среды торговцы.

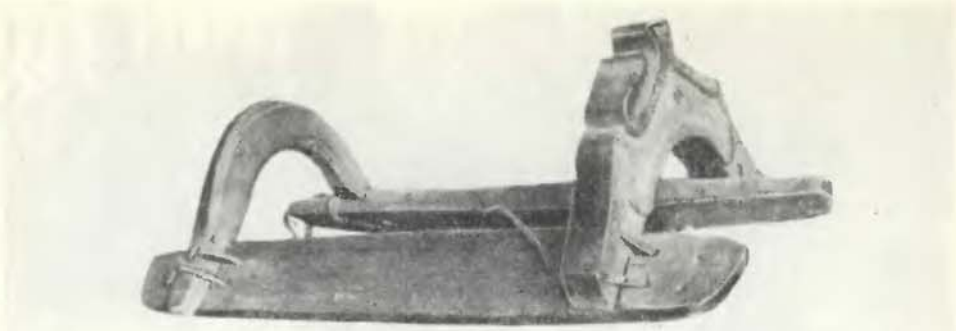
Хозяйство и быт

До революции хозяйство тофаларов было основано на охоте и оленеводстве. Транспортным средством на промысле служил домашний олень. От количества оленей в хозяйстве зависел охват промысловой территории, т. е. успех пушного промысла.

Тофалары охотились поодиночке или семьями; в артели соединялись преимущественно на промысле крупного зверя (медведя, оленя, изюбря, лося). Основными объектами пушной охоты были соболь и белка, которая к концу XIX в., в связи с истреблением соболя, заняла первое место. Охотились также на колонка, горностая, норку, выдру, хорька, лисицу, волка, медведя. Объектами мясной охоты были изюбр, дикий северный олень, лось (сохатый), козуля, кабарга, дикий козел. За кабаргой охотились прежде всего ради мускусного мешка — «струйки», на изюбря — из-за ценных пантов, пользовавшихся большим спросом на рынке. Из птиц били глухарей, рябчиков, тетеревов и куропаток. Тофалары охотились с ружьем (берданкой или кремневым). Лук вышел, видимо, из употребления к началу XIX в. Характерной чертой охотничьей техники тофаларов было полное отсутствие у них всяких ловушек (самоловов), столь распространенных у других народов Сибири. В сущности им был известен только один такой способ охоты: при помощи ям (на крупных копытных зверей). Необходимым помощником охотника была собака.

Техника оленеводства такая же, как у тувинцев; оленей использовали под седло и под вьюк; распространено было доение важенок.

Рыболовство было мало развито. Немногие, занимавшиеся им, тофалары пользовались сетями и заездками, перегораживающими речки. Крупную рыбу били ночью острогой, освещая воду факелами из бересты,



Вьючное оленье седло

или загоняли ее в мелководные места и стреляли из ружья. Кроме того, тофаларам было известно орудие лова (*дортха*) в виде шеста, к которому прибивали два гвоздя, загибая их наподобие крюка или багра. Этим крюком рыбу выбрасывали на берег.

Существенное значение имел и сбор дикорастущих — ягод, черемши, ревеня, дикого лука, корней кандыка и сараны. Добытые растения и корни шли в пищу (корни сараны запасали впрок). Осенью тофалары добывали кедровый орех.

В 60-х годах XIX в. у тофаларов появились лошади. Имели лошадей только зажиточные хозяева.

Домашнее производство состояло в обработке дерева, бересты, кожи и рога. Продукция его тоже имела некоторое товарное значение. На рынок поступали посуда, трубки, лыжи, остовы седел, изготовляемые с помощью ножа и топора (приобретаемых от русских и бурят или местных

Шалаши в лесу

кузнецов), берестяные «свечи» (их поставляли на прииски для работы в забое).

Тофаларам известны были простые приемы кузнечества.

Путями сообщения в Саянах служили лишь вьючные тропы, проложенные часто в почти непроходимой тайге ездовыми оленями или пешеходами, и реки. Средствами передвижения служили челнок и плот — по рекам, лыжи и ездовой олень — по таежной тропе.

Тофалары перекочевывали несколькими семьями, иногда одной семьей и оставались на одном месте недели две-три. Летом располагались в падях, где более прохладно, в жару откочевывали в горы, зимой укрывались у подножьев горных хребтов. Стойбище тофаларов состояло из 2—5 чумов, редко больше; только летом, когда олени, спасаясь от мошки, больше лежат и меньше вытравливают пастбище, соединялись стойбищем в 8—10 чумов.

Доение оленя

Жилищем служил конический чум из жердей, покрытый зимой дымленной ровдугой из шкур изюбря или лося, летом — берестой. Вход располагался на восток, входное отверстие прикрывалось шкурой животного или тряпкой. Сторона налево от входа считалась мужской, направо от входа — женской. Место против входа считалось почетным.

Для сохранения запасов пищи и имущества, оставляемого во время перекочевок в тайге, ставили лабазы — помосты, поддерживаемые четырьмя столбами, реже срубные амбарчики, крытые берестой. Постелью служили шкуры диких животных и домашнего оленя, иногда войлок, выменяваемый у бурят. Кроме покупных медного чайника и чугунного котла, вся немногочисленная и незатейливая утварь — чашки, ложки, ковши из дерева, туясы из бересты, мешки из шкур — изготовлялась самими тофаларами.

Зимнюю одежду шили из шкур оленей и изюбрей шерстью наружу, летнюю — из ровдуги. К концу XIX в. материалом для одежды служили также русские ткани и сукна, отчасти плис, китайская «далемба», бурятские грубо выделанные сукна и овчины. Одежду часто покупали готовую или отдавали ее шить бурятским или русским женщинам. Состоятельные тофалары охотно носили русскую покупную одежду. Женская самодельная одежда состояла из штанов и платья, имевшего разрез на груди; платье подпоясывали кушаком. Зимой верхней одеждой служила шуба (шитая мехом внутрь), собранная у пояса и по вороту в сборку; левая пола, грудь, обшлага и подол шубы опушались красным

или черным сукном, плисом, иногда (у богатых) бобровыми шкурами. Летом женщины носили верхнюю одежду того же покроя из ровдуги или из покупной материи. На поясе они носили нож в ножнах. Зимним головным убором женщин была шапка из оленьих шкур, шитая шерстью наружу, летом — платок, повязанный вокруг головы. Женская обувь не отличалась от мужской. Украшениями служили серьги, оловяшные браслеты, кольца. Летние мужские штаны делали из ровдуги или покупной материи, зимние — из шкуры кабарги или козла. Летнюю обувь шили из шкур, очищенных от шерсти, зимнюю — из шкур шерстью внутрь. Зимой поверх надевали еще обувь из оленьих камусов. Зимним головным убором была шапка, которую шили из оленьих шкур в два слоя — шерстью внутрь и шерстью наружу, с наушниками, завязывавшимися под подбородком. Верхней одеждой мужчин служил летом кафтан, застегивавшийся на правую сторону, с рукавами, широкими вверху, в плечах, и узкими внизу. Зимой носили шубу из шкур с широкими рукавами, иногда обшитыми по краям черным плисом. Верхнюю одежду подпоясывали ременным поясом, к которому прикреплялись курительные принадлежности (кисет, трут, огниво) и нож в ножнах. Большинство тофаларов надевало шубы прямо на голое тело.

Питание тофаларов было крайне скудным. Основной пищей служили выпеченные в золе очага или на горячих камнях у костра лепешки, замешанные из ржаной муки с горячей водой, и мучная болтушка с солью. Мясом (зверей и птиц) питались лишь во время промысла, более зажиточные — осенью, когда кололи домашних оленей. Оленье молоко, получавшееся в незначительном количестве, шло на забелку чая и детям. Немногие обеспеченные оленями хозяйства приготовляли из молока сметану и запасали осенью молоко на зиму: в очищеняый желудок или кишки оленя наливали молоко и замораживали его. По мере надобности зимой отрезали куски замерзшего молока. Рыбу ели редко, вяленую или жареную, зимой и сырую (строганину). Много потребляли в пищу дикорастущих — дикий лук, черемшу, сарану, кандык. Сарану и кандык ели в сыром и вяленом виде, а также сушили и толкли в деревянных ступах, приготовляя из клубней муку. Сарану запасали впрок. Осенью собирали кедровые орехи, которые при неурожае сараны и скудной охоте служили для тофаларов, вместе с ягодами, чуть ли не главной пищей. Наиболее распространенным напитком был зеленый кирпичный чай с солью.

Общественные отношения

Тофалары до революции делились на пять родов: Каш, Сарыг-Каш, Чогду, Кара-Чогду и Чептей. Каждый род представлял собой экзогамную группу, связанную между собой общностью происхождения, ведущую счет родства по отцовской линии. У каждого рода были некогда свои кочевья, границы которых определялись бассейнами рек, и свои обособленные промысловые угодья.

К концу XIX в., когда угодья тофаларов значительно сократились вследствие проникновения в их тайгу пришлых промышленников, и в отдельных районах тайги ценный зверь был истреблен, границы родовых территорий были нарушены. Это вызвало ежегодные переделы охотничьих территорий. На собрании рода (*суглане*) перед началом сезона охоты распределялись промысловые угодья на предстоящий год. В основу существовавшего у тофаларов административного устройства были положены указанные выше родовые деления. Во главе родов стояли выборные представители (*улуг паш*, буквально «большая голова»), которые носили титул *дарга*; все пять родов подчинялись выборному — *шуленге*. В ведении шуленги и дарги находился суд. Приговор состоял обычно в наказании розгами. Дела, касавшиеся всех родов (вопросы перекочевок,

спор о границах охотничьих угодий, взаимоотношения родов и отдельных их представителей) решались на собрании всех пяти родов.

Разложение первобытно-общинных родовых отношений происходило главным образом на основе роста частной собственности на основные средства производства — оленей и под влиянием торговли. Немногочисленная зажиточная группа тофаларов сосредоточивала у себя основное поголовье оленей, что давало ей возможность не только расширять территорию охотничьего промысла, но и держать в кабальной зависимости малооленных тофаларов. Богатые оленеводы предоставляли тофаларам, не обеспеченным оленями, животных для перекочевок на период охотничьего промысла, а за это получали от них половину добычи или заставляли отрабатывать. Богатые оленеводы пользовались оленями и для перевозки грузов (на прииски, для завоза различных товаров в тайгу) и занимались скупкой пушнины.

Безоленная и малооленная беднота принуждена была оседать и в отдельных случаях продавать свой труд на приисках.

У тофаларов не было к концу XIX в. ни одной отрасли производства (за исключением оленеводства), которая бы сохранила полностью натуральный характер и не стала в той или иной степени товарной. Сюда прежде всего относится продукция охотничьего промысла (пушнина, мускусный мешок кабарги — «струйка», панты).

По религиозным мировоззрениям тофалары были шаманистами. Главные обряды состояли в испрашивании у «хозяина» горы и леса зверя на промысле и приплода домашних оленей.

Существовал обычай для сохранения и умножения стада посвящать оленя горному «хозяину». К гриве и хвосту посвященного оленя привязывали пестрые ленты. Никто, кроме самого владельца оленя, не имел права садиться на него. Женщинам запрещалось касаться посвященного оленя и подходить к нему.

Шаманами могли быть и мужчины и женщины. У шаманов были особые облачения и бубен. Шаманы пользовались большим влиянием и извлекали материальные выгоды, особенно от «лечения» больных, так как медицинская помощь совершенно отсутствовала. В их пользу шла большая часть мяса и шкур заколотого в жертву духу оленя.

Тофалары были поголовно неграмотны. К революции среди них было только два человека, случайно научившихся грамоте.

Современный быт

После установления советской власти в Сибири тулунские и иркутские организации приняли на себя снабжение тофаларов и оказание им медицинской помощи; была послана экспедиция для обследования положения населения и принятия срочных мер помощи. В 1926 г. были выбраны на сугланах первые советы.

Изгнание с территории расселения тофаларов «карагасников» и конфискация у них имущества, освобождение населения от старой задолженности и прочие меры вызвали доверие тофаларов к новой власти. Громадное впечатление произвела в самом начале советизации отмена ясака.

Важнейшее значение имела организация охотничьего хозяйства тофаларов. Вопрос об этом был поднят по инициативе самого населения на суглане в 1926 г. СНК РСФСР 10 сентября 1927 г. вынес решение о создании такого хозяйства. Была выделена для охотничьего населения территория в 3 млн га под Центральное саянско-карагасское хозяйство, произведено выселение нетрудовых элементов и организована охрана территории от вторжения браконьеров. Из общей территории хозяйства была выделена в свою очередь площадь в 500 000 га под Саянский заповедник общегосударственного значения. Полный запрет промысла в запо-

веднике обеспечил сохранение и размножение промысловых зверей и заселение ими смежных эксплуатируемых угодий.

Организация саянского хозяйства имела громадное значение для восстановления и реконструкции исконного промысла тофаларов. Она создала прочную экономическую базу для дальнейшего роста их благосостояния. Видное место в работе по восстановлению и реконструкции хозяйства тофаларов заняла кооперация. Реальная помощь кооперации видна была во всем. Ассигнование средств на покупку оленей для индивидуального пользования колхозников, на улучшение быта пастухов, на развитие сельского хозяйства, строительство и оборудование школы с интернатом и домов для оседающих тофаларов — все это поднимало авторитет кооперации. Кооперация приучила население к хозяйственному ведению дел и явилась первой школой общественной работы.

В 1930 г. был организован Тофаларский национальный район с административно-культурным центром Алыгджер. В настоящее время тофаларские сельсоветы входят в состав Нижне-Удинского района Иркутской области.

В 1929 г. у тофаларов были созданы первые товарищества по совместному выпасу оленей. Общий хозяйственный и культурно-политический подъем населения обусловил переход в последующие годы к промыслово-оленеводческой артели и к осуществлению сплошной коллективизации. В 1930—1931 гг. все тофалары были объединены в трех колхозах: «Красный охотник» (Алыгджер), им. С. М. Кирова (Нерха) и Кызыл-Тофа (Верхняя Гутара).

Организация саянского хозяйства и коллективизация вызвали подъем охотничьего промысла — этой основы благосостояния тофаларов.

Развилась и другая важная отрасль — оленеводство. Ветеринарно-зоотехническая помощь и коренное изменение организации хозяйства в связи с коллективизацией способствовали росту поголовья. Коллективизация сделала возможной рациональную организацию труда в оленеводстве. Надлежащая подготовка к отелу, отделение маток в особые стада, наблюдение за отелом, установление норм выращивания телят и премиальная оплата труда привели к решительному перелому в деле сохранения молодняка. Установление такой же премиальной системы оплаты труда за выпас, организация курсов для пастухов, плановое использование кормовых угодий и пр. способствовали сохранению стада.

Падение охоты до революции принуждало тофаларов прибегать к убою оленей для потребительских нужд. В настоящее время при обеспеченности тофаларов продуктами питания размеры убоя резко сократились и не влияют на рост поголовья.

Появились в хозяйстве тофаларов новые отрасли. Успешно развиваются животноводство и огородничество. Лошади приобрели в условиях оседлости большое значение и используются на возке дров, сена и пр. Уже в 1929 г. в Алыгджере появились первые огороды. В настоящее время огороды имеются во всех колхозах; основные культуры — картофель и овощи. Таким образом, в настоящее время колхозы получают доход от сельского хозяйства а также и от извоза.

Заготовительная работа кооперации вызвала увеличение промысла дичи и сбора кедрового ореха.

Коллективизация разрешила важнейшую хозяйственную задачу перехода исконных кочевников на оседлость. Оседание началось в 1927 г. Пунктами поселения были выбраны Алыгджер, Уткум, Нерха и Гутара. Первыми стали переходить на оседлость западная группа тофаларов в Алыгджере и восточная — на р. Уткум (правый приток Ии, к юго-востоку от Алыгджера), селясь в непосредственной близости от мест

Урок географии в школе. Пос. Алыгджер

охоты, летних пастбищ оленей, луговых угодий и рыбных озер. Позже начала оседать гутаринская западная группа. К лету 1928 г. осело 20 хозяйств (из 95 хозяйств), а в 1932 г. процесс оседания был полностью закончен.

Большую роль сыграло оседание в развитии охотничьего промысла: отсутствие на промысле семьи и лишнего груза (чума и всего имущества) обеспечило быстрое передвижение охотников, расширение осваиваемых ими угодий и тем самым повышение производительности труда охотников.

Переход на оседлость был неразрывно связан с мерами по реконструкции и расширению хозяйства: организацией рыболовства, животноводства, земледелия и пр. Переходившие на оседлость тофалары получали на условиях долгосрочной ссуды готовые дома. Постройка первых изб осуществлялась русскими плотниками, а тофалары заготовляли и подвозили лес и исполняли подсобные работы. Затем они уже стали строить дома самостоятельно, среди них появились плотники.

Пример тофаларов показывает полную противоположность социально-экономического содержания процессов оседания до революции и в советскую эпоху. Оседание в условиях колониальной эксплуатации обычно не влекло за собой перехода к высшему типу производства, оно само было результатом деградации хозяйства и обнищания кочевого населения. В советских условиях оседание означало безболезненный переход к более высокому типу производства и свидетельствовало не о регрессе и разрушении хозяйства, а о его нормальном развитии на более высокой производственной основе.

Оседание ознаменовалось настоящей культурной революцией в жизни тофаларов. В связи с ним стал исчезать прежний, примитивный бытовой уклад. Благодаря длительному культурному влиянию со стороны русского трудового населения тофалары были в значительной степени подготовлены к коренной перестройке быта. Многие элементы материальной

Доставка кинокартины на горное пастбище. Колхоз «Красный охотник»

В детских яслях. Пос. Алыгджер

культуры русских были им знакомы и частью уже заимствованы, поэтому широкое распространение их произошло очень быстро.

Тофалары живут в настоящее время в деревянных домах русского типа, возле которых расположены и необходимые хозяйственные постройки — амбары, закрытые стойла для скота и др. У многих колхозников тофаларов домашняя обстановка ничем не хуже, чем у местного русского населения.

Тофалары обслуживаются больницей в Алыгджере, врачебной амбулаторией в Верхней Гутаре, акушерским пунктом в Нерхе.

Большую роль в культурном подъеме тофаларов сыграла Алыгджерская школа с интернатом. Школа была инициатором многих хозяйственно-культурных начинаний, в том числе развития новых отраслей хозяйства. Она завела рыболовные снасти, школьники явились первыми постоянными рыболовами. Улов шел на улучшение питания в интернате. Школой устроен был первый показательный огород, заведено опытное животноводство. В школе появились первые молочные козы.

Помимо Алыгджерской средней школы, имеются школы в Нерхе и в Верхней Гутаре. Все дети школьного возраста охвачены обучением. Почти ликвидирована неграмотность среди взрослого населения. Окончившая школы тофаларская молодежь продолжает образование в Иркутске и других городах. Интересно отметить, что в 1952 г. среди студентов оленеводческого техникума в Салехарде были тофалары. У тофаларов имеются свои учителя, счетоводы, руководители колхозов.

Культурный подъем выразился также в полном отмирании шаманства. Завершено освобождение женщин тофаларок; они стали принимать большое участие в общественной жизни.

Годы послевоенных пятилеток сопровождаются новым подъемом хозяйства и культуры тофаларов.

Успехи социалистического строительства у тофаларов — яркий пример осуществления национальной политики Коммунистической партии.

НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО У НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Великая Октябрьская социалистическая революция изменила судьбы многочисленных народов Российской империи. Национальная политика Коммунистической партии обусловила построение социалистического общества у всех народов Союза ССР, находившихся ко времени революции на весьма различных ступенях общественного развития.

Многие отсталые народности и этнографические группы получили в условиях Советского государства возможность непосредственного перехода от первобытных форм хозяйства к социалистическим, минуя промежуточные стадии развития.

Революция сделала эти народы равноправными членами великой советской семьи, открыла им возможность неограниченного развития.

Дореволюционная Россия отличалась исключительной пестротой хозяйственно-экономических укладов и соответствующих им общественных форм.

Многонациональный состав населения Российского государства, среди которого находились десятки чрезвычайно отсталых народностей (европейского Севера, Кавказа, Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока — всех, в сущности, окраин страны), делал поставленную историей задачу особенно значительной и актуальной. Разрешение ее началось с первых дней образования советской власти.

«Декларация прав народов России» 2(15)ноября 1917 г. возвестила равенство всех народов, отмену всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений и «свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Провозглашенное «Декларацией» национальное освобождение уничтожало национальное угнетение, деление населения на господствующие и угнетаемые народности. Но это правовое равенство народов, входящих в состав Советского Союза, само по себе не ликвидировало, конечно, исторически сложившегося и унаследованного Советским государством фактического неравенства. Уничтожение этого неравенства требовало, помимо законодательной отмены привилегий и ограничений, усиленного

развития отсталых народностей, скорейшего подъема их до уровня передовых народов страны. Понятно поэтому то огромное внимание, которое уделяло Советское государство этой сложной и трудной задаче, нахождению наиболее эффективных, быстрых и безболезненных путей к ее разрешению.

Важнейшей задачей явилось разрешение национального вопроса в его конкретно-исторической обстановке. Национальная политика Коммунистической партии требует особенного подхода к отдельным районам, к разным народностям, соответственно конкретному историческому состоянию, уровню развития и всей жизненной обстановке, в которой застала их революция.

Необходимость считаться в социалистическом строительстве со всеми особенностями каждой народности: хозяйственными, политическими, бытовыми и культурными неоднократно подчеркивалась В. И. Лениным.

Другим существеннейшим требованием национальной политики Коммунистической партии является оказание отсталым народам помощи со стороны Советского государства в ликвидации их фактического неравенства.

Решения XII Съезда РКП(б) прямо указывали, что такие народности «не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне».[1]

История социалистического строительства в Союзе ССР являет собой наглядное осуществление этих основных принципов политики партии в национальном вопросе. Первая Конституция РСФСР 1918 г., исходившая из начал национально-территориальной автономии, обеспечила широчайшие возможности для национально-государственного строительства.

Различные формы и степени автономии (от автономной республики до национального совета) обусловливались уровнем развития отдельных национальных меньшинств, отличиями их по этнической принадлежности, языку, экономическому состоянию и пр. и отражали, таким образом, своеобразие, присущее разным народам и этнографическим группам. Автономии эти открывали широкий простор для самоуправления во всех областях местной жизни, в пределах территории расселения тех или иных групп, привлекали их к участию в общегосударственном управлении, обеспечивали защиту особых национальных интересов. Строительство автономий содействовало организации и активизации отсталых народностей, мобилизовало их на разрешение важнейших политических, хозяйственных и культурных задач, развивало дружбу между ними и русским народом, способствовало укреплению Советского государства.

Советская Конституция 1936 г., отразившая опыт построения многонационального государства на основе полного равноправия всех народов, окончательно приобщила самые отсталые этнографические группы к общегосударственной жизни и к социалистическому строительству в стране.

Замечательные успехи социалистического строительства у запоздалых в развитии народов достигнуты благодаря громадной помощи русского народа.

Наиболее сложным участком национального строительства являлись исключительно отсталые окраины северной Сибири и Дальнего Востока. Именно у населения этих районов, сохранившего наиболее примитивные

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, 1953, стр. 713—714.

формы производства и быта, хозяйственного уклада, общественных отношений и идеологии, были весьма своеобразны и особенности их исторического состояния. Особенности эти сводились в общих чертах к следующему.

Малые народы Севера вели комплексное, недифференцированное хозяйство, состоявшее из нескольких отраслей. Основным источником существования были у них добывающие промыслы: рыболовство, сухопутная и морская охота и зачаточное, первобытное, специфическое северное скотоводство — оленеводство.

Промысловая техника была примитивна. Зверей и птиц добывали преимущественно разными ловушками, копьем, луком со стрелами, рыбу промышляли самоловами, удой, острогой, мелкими сетями. Морские охотники пользовались кожаной лодкой (байдарой) и метательным гарпуном.

Значительно меньше было привозных, более совершенных орудий лова — огнестрельного оружия, неводов и других уловистых снастей. В условиях низкой техники и такой же организации труда промыслы были весьма ненадежным источником существования, так как ставили людей в сильнейшую зависимость от стихийных сил природы. Неожиданные изменения погоды (направления ветра и пр.) тяжело отражались на добыче. Отсутствие наиболее важных промысловых животных приводило к гибельным последствиям.

Таким же отсталым было и оленеводство. До самой революции оно велось дедовскими приемами, для улучшения которых люди не обладали необходимыми средствами и знаниями.

Грандиозные по протяженности перекочевки сопровождались громадной непроизводительной потерей времени, труда и изнурением животных. Многие пастбища были стравлены или служили очагами эпизоотий, губивших целые стада. При всем напряжении сил пастухи не могли уберечь полудиких оленей от хищных зверей. Все это вызывало громадные потери животных.

У народов Севера был натуральный уклад хозяйства; почти все необходимые для жизни средства производства, продукты потребления, домашнюю утварь они делали собственными силами из доступного им растительного и животного сырья.

Работали только вручную, главным образом самодельным ножом, имевшим универсальное назначение. И все же, несмотря на такую технику, изделия отличались большой добротностью, чистотой, а часто и изяществом работы.

Материальная культура малых народностей характерна замечательной приспособленностью к суровым условиям жизни на Севере. Разнообразные ловушки на животных строго отвечали своему назначению, таковы же были и легкие, упругие и прочные средства сообщения (лыжи, нарты, челны и байдары). Практическая сметливость, знание природной среды и материала сказывались и в устройстве жилища, в типах одежды и обуви и в разных предметах домашнего обихода. Однако, несмотря на ценность многих культурных завоеваний отсталых народов, жизненный уклад их был убог, примитивен и опасен для здоровья.

Отсталые, неразвитые формы были присущи и социальным отношениям малых народов. Имущественное неравенство складывалось у них на основе частной собственности на средства производства. Наиболее резкая дифференциация наблюдалась, конечно, у скотоводов на почве владения оленями.

У рыболовецкого и охотничьего населения расслоение было несравненно слабее и носило менее контрастные формы. Низкие техника и

производительность труда, сильная неустойчивость хозяйства ограничивали возможность накопления в сфере производства. Почти вся масса оседлых рыбаков и охотников принадлежала повсюду, за редкими исключениями, к необеспеченным, бедным, но самостоятельным производителям. Имущественное неравенство складывалось здесь преимущественно на почве торгового посредничества.

Общественный строй малых народностей являл собой сложное сочетание разнообразных по своему содержанию элементов, одни из которых уходили вглубь веков к древнейшим этапам человеческого общества, другие были разультатом влияния более поздних классовых отношений. К первым относятся различные, у некоторых народностей очень сильные, у других слабые, остатки первобытно-общинных отношений; сущность их состояла в сохранении начал первобытной общности, в тех или иных ограничениях частной собственности и индивидуального начала вообще, а бытование их поддерживалось отсталым производством и хозяйством. Вторые выражались в усилении индивидуального начала: обособлении самостоятельного производителя, развитии частной собственности, частного присвоения и ранних форм классовых отношений. Взаимоотношениям отдельных общественных групп были присущи поэтому формы, свойственные докапиталистическому обществу.

Архаические примитивные формы, характерные для отсталых охотничьих племен, были свойственны и идеологии малых народностей. Круг реальных представлений относился главным образом к трудовой деятельности (предмету труда, технике и соответственным действиям человека) и к той природной среде, где она протекала. Именно в этой сфере народности Севера накопили много чисто практических знаний, переходивших из поколения в поколение и позволивших им создать упомянутые хорошо приспособленные формы материальной культуры. За пределами этого ограниченного круга реальных знаний господствовали иррациональные анимистическо-шаманистские представления.

Большая одаренность северных народностей, сказавшаяся так наглядно в формах материальной культуры, проявилась и в разнообразном и своеобразном художественном творчестве — фольклоре и изобразительном искусстве, которые создали эти народности, несмотря на свой тяжелый исторический путь.

Указанные выше условия требовали особых форм во всех областях национального строительства: в административном устройстве, хозяйственной деятельности, культурно-просветительной работе. В соответствии с этим народности и этнографические группы Севера были выделены в особую группу, получившую официальное наименование «малые народности Севера».

Осуществление национальной политики среди них было возложено на специальный правительственный орган и выразилось в особой системе мер, направленных к всестороннему их развитию.

Всесторонняя и планомерная деятельность Советского правительства по устроению жизни малых народностей началась после окончания гражданской войны, дольше всего затянувшейся на северных окраинах. Окончательное освобождение Сибири от белогвардейцев датируется 15 января 1920 г., а ликвидация интервенции на Дальнем Востоке — 15 октября 1922 г.

На крайнем же севере Сибири и Дальнего Востока события эти наступили в 1922—1923 гг. (на Сахалине — в 1925 г.). Советское строительство у народностей Севера развернулось, таким образом, на 5—8 лет позже, чем в центральной России. Между тем за продолжительный период империалистической и гражданской войн положение населения Севера

катастрофически ухудшилось. Прекращение торговых связей с южными районами, падение промыслов и оленеводства, грабежи белогвардейцев и интервентов совершенно разорили население. Свыше 60% охотников остались к 1924 г. без огнестрельного оружия, громадный упадок испытало оленеводство, особенно в Якутии и на Дальнем Востоке, где десятки тысяч оленей были истреблены и угнаны белобандитами.

По мере восстановления советской власти в отдельных местах делались попытки улучшить положение населения: создавались советские органы управления и кооперативные организации, оказывалась медицинская помощь, проявлялась забота о снабжении, но, за отсутствием необходимых средств и сил, все эти отдельные, частные меры были мало эффективны.

Поступавшие в центральные органы из освобожденных районов Сибири сведения гласили, что «туземцы Севера живут за пределами Конституции РСФСР», нуждаются в «экстренных мерах по спасению», скорейшем включении их в сферу влияния советской власти.[1]

Правительство нашло необходимым создать особый орган по устройству малых народностей.

Невозможность для малых народностей в силу их исключительной отсталости осуществить права, предоставленные им конституцией и преодолеть собственными силами эту отсталость вызвала необходимость в особой государственной помощи и защите. Постановлением Президиума ВЦИК от 20 июня 1924 г. был создан при ВЦИК Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера) для «содействия планомерному устроению малых народностей Севера в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении». Комитет призван был помочь осуществлению того равноправия, которое было провозглашено «Декларацией» 1917 г. и Конституцией 1918 г. Ему надлежало сплотить, организовать малые народности, пробудить в них сознание своего равноправия с другими народами, поднять их на высший уровень развития.

Основная задача состояла в том, чтобы путем всестороннего развития вовлечь само местное население в строительство нового социалистического общества.

В первые годы отсутствовали сведения даже о численности и расселении малых народов. Первый по времени советский закон о туземцах северных окраин приводил, наряду с обычными названиями существовавших этнографических групп, много наименований мелких, локальных и родовых подразделений (юраки, орочоны, самагиры, манегры, маньчжутазы, карагинцы, олюторы, кереки) или такие неопределенные указания, как «орды затундринских обществ». В дальнейшем, по мере выяснения этнической принадлежности и расселения отдельных групп, перечень их постепенно уточнялся и в начале 30-х годов определился окончательно.

В группу «малых народов Севера» вошло 27 народностей и этнографических групп, в том числе 26 сибирских. [2] Две из них (ненцы и манси) живут частично и на европейском Севере и одна (лопари-саамы), обитает исключительно на европейском Севере.

---

[1] Доклад Енисейского губернского исполнительного комитета ВЦИК о положении в Туруханском крае, 1923 г. Журн. «Советский Север», 1934, № 2.

[2] Ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, кеты, эвенки, долганы, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, удэгейцы, орочи, ороки, нивхи, чукчи, коряки и ительмены, юкагиры, чуванцы, эскимосы, алеуты, тофалары и сойоты.

Десятилетняя деятельность Комитета явилась реализацией программы по национальному строительству, намеченной Коммунистической партией применительно к отсталым народностям.

Одной из первоочередных задач было «собирание необходимых сведений о жизни и нуждах малых народностей, изучение истории, культуры и быта» (Положение о Комитете, п. 2). В 1925 г. начались поэтому экспедиции Комитета для исследования малоизвестных групп населения. Работы этих экспедиций и местные материалы позволили уточнить перечень групп, причисляемых к «малым народностям», и послужили основой для важнейших шагов по их устроению (организация низовых советов, национальное районирование, землеустройство, реконструкция хозяйства и т. д.).

Ценным историческим памятником первых этапов строительства служит обширное и разнообразное законодательство, относящееся к малым народностям, «переустройству их быта на социалистических началах», «социалистической перестройке сельского и промыслового хозяйства» и т. д.

Многочисленные постановления, касающиеся административного и земельного устройства, революционной законности, снабжения, кооперирования, школьного строительства и пр., свидетельствуют об особой заботе Советского государства о малых народах, об особых формах помощи им, о громадных материальных затратах на подъем их хозяйства и культуры.

В народных комиссариатах и центральных кооперативных организациях учреждаются северные секторы, или «специальные группы для обслуживания районов Крайнего Севера». Создаются органы надзора за осуществлением национальной политики — местные комитеты содействия народностям северных окраин, с участием представителей малых народностей, — назначаются уполномоченные Центрального Комитета Севера при областных и краевых исполнительных комитетах и ЦИК Якутской и Бурят-Монгольской АССР.

Сметно-бюджетное финансирование национальных районов происходит в специальном порядке, обеспечивающем интересы населения. Устанавливается особый порядок для планирования и снабжения этих районов. Текущая работа во всех отраслях строительства пользуется постоянным вниманием правительства.

Президиум ВЦИК и Совет Народных Комиссаров систематически заслушивают отчеты Комитета Севера, краевых и областных исполнительных комитетов и автономных республик «о руководстве и помощи с их стороны хозяйственно-культурному подъему и советскому строительству у малых народностей Севера».

Первоначальная советизация Севера осуществлялась на основе родового деления населения. Построение низовых советов требовало организации населения, стягивания его отдельных разрозненных частей. Применение нормального территориального принципа было в то время затруднено в силу большой распыленности населения и отсутствия сведений о расселении и взаимосвязях отдельных групп, даже о связи их с определенными территориями.

Принятое в 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР «Временное положение об управлении туземных народностей и племен Северных окраин РСФСР» положило начало административно-судебному устройству. Законодательные мотивы его были следующие: «В целях защиты прав и интересов трудящихся туземцев северных окраин, а также в целях вовлечения их в дело управления, наиболее полного и правильного проведения среди них законов Советского правительства, для поднятия их хозяйства и культурных

условий жизни, организуются органы туземного управления среди народностей и племен северных окраин РСФСР, ведущих бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни и занимающихся, главным образом, охотой, рыболовством и оленеводством, а также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским звероловством, поскольку, однако, эти народности и племена не выделены в особые республики и области» (ст. 1). Органами управления были: родовые собрания. родовые советы, районные туземные съезды и районные туземные исполнительные комитеты. Низовой коллективной единицей был род «или другое туземное объединение (ватага, наслег, улус и т. п.)», имеющее определенную территорию хозяйственно-промысловой деятельности. На общем родовом собрании выбирался родовой совет.

Следующей ступенью была совокупность нескольких родов или других объединений, принадлежащих к одной этнической группе и тоже занимающих известную территорию. Территория эта управлялась районным туземным исполнительным комитетом («тузрик»), избиравшимся на районном туземном съезде нескольких родов или других объединений.

«Временное положение» во всех своих деталях исходило из особенностей быта и состояния малых народов. Так, «время созыва родовых собраний приурочивалось к бытовым и хозяйственным условиям данного туземного объединения»; решения их, при отсутствии грамотных, могли иметь словесную форму; малочисленные объединения не избирали советов, а управлялись непосредственно общим собранием членов рода, во главе с его председателем и т. д. Судебные функции в пределах, указанных во «Временном положении», были возложены временно на те же туземные органы.

Самые принципы, положенные в основу «Временного положения», и весь порядок его применения были направлены к осуществлению важнейшей задачи национальной политики — помочь отсталым народам «развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов» (из резолюции X съезда РКП(б) «Об очередных задачах партии в национальном вопросе»). «Временное положение» было рассчитано на постепенный переход к нормальной территориальной системе советов. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР предоставляло краевым, областным и губернским исполнительным комитетам «право, в соответствии с местными особенностями, делать необходимые отступления» от «Временного положения». Так, у тех групп, у которых сильное разложение родовых связей делало нецелесообразным строительство советов по родоному признаку (у некоторых групп нанайцев, ульчей, нивхов, негидальцев, эвенков), они были образованы уже в то время по территориально-национальному принципу. Так же были они созданы и у западных ненцев (канино-тиманских и малоземельских), и у чукчей и эскимосов, у которых были организованы так называемые лагерные комитеты.

Деятельность первых родовых советов протекала в сложной обстановке. Население было не в состоянии организоваться собственными силами. Ему были непонятны самые принципы новой власти: выборность, коллективность, самоуправляемость. У северных народностей были крепки традиции подчинения единовластию родовых князьцов, старшин и т. п. Сугланы, как общеродовые полномочные собрания, превратились в фикцию: на них вершили дела те же князьцы.

С трудом уясняло население разницу между советом и судом. Раньше и административные и судебные функции осуществлялись одним лицом (тем же князьцом), причем «управление» сводилось в сущности лишь

к одному — взиманию ясака. В советских условиях суд, как таковой, был еще понятен населению, но не так обстояло с советами: взимание ясака отпало, а основная деятельность советов (административная и особенно хозяйственная и культурная) была вначале совершенно нова и непонятна. Отсюда, очевидно, родилось оригинальное сопоставление суда и совета. Суд считался более высокой властью, чем совет. Немало препятствий встретило привлечение в советы молодежи и особенно женщин; их первоначально отстраняли даже от обсуждения общественных дел.

Велики были организационные трудности. В глухих местах, отрезанных в те годы даже от ближайших русских пунктов, первоначальную связь с населением устанавливали случайно попавшие туда работники. Собрания и съезды приходилось назначать чуть ли не за год: иначе не удавалось собрать даже членов одного рода.

Если упомянуть еще о большом влиянии, а иногда и непосредственном участии в первых советах враждебных элементов, о пассивности бедноты, о сплошной неграмотности, то общая картина условий, в которых нужно было приступать к социалистическому переустройству жизни, станет ясной.

В этих тяжелых условиях была предпринята прежде всего огромная разъяснительная работа, направленная к тому, чтобы сделать советскую власть «прежде всего понятной» для населения. Нужно было помочь ему осмыслить необходимость полной перестройки старой жизни, осознать идеи и задачи советской власти, принципы управления, значение здравоохранения, просвещения и пр.

Деятельность советов распространилась постепенно на всю местную жизнь и стала наглядно полезной, понятной населению. Советы боролись с нарушением правил охоты, заботились о снабжении, об открытии торговых и медицинских пунктов, оказывали материальную помощь бедноте. При большинстве советов были созданы для этого комитеты взаимопомощи, выдававшие ссуды оленями, огнеприпасами, продуктами питания. Устраивались, на случай голодовок, общественные запасы питания — мясные ямы на Чукотке, склады юколы у коряков и т. д.

Присвоение советам права административного взыскания (а районным исполнительным комитетам — издания обязательных постановлений) и самостоятельного распоряжения общественными средствами способствовало укреплению авторитета советов. Даже наличие у них печати импонировало местному населению, и акт ее передачи принимал часто торжественный характер.

Население осознало постепенно, что ему принадлежит власть, почувствовало себя хозяином тайги и тундры. Вокруг советов появился актив, охотно помогавший им в работе. Из этого актива вышли первые комсомольцы и коммунисты Крайнего Севера.

Сеть советов стала расширяться. Жители отдаленных мест, где советов еще не было, узнавали о новой власти, заботящейся о трудящихся, и не умея образовать советы, обращались за помощью к посещавшим их торговым работникам, врачам. Нивхи селения Ныйво и окрестных поселков потребовали открытия нового совета, так как ближайший к ним — Лунский — был отдален от них. «Плохо наши люди на Онголе и в Дженке живут — у них нет своего туземного совета», — жаловались торгонские нанайцы. Собравшиеся на суглан (собрание) таймурские, чунские и другие эвенки сами решили организовать не один, а два родовых совета. К 1930 г. у малых народностей действовали уже 381 родовой совет и 61 туземный районный исполнительный комитет.

Наиболее наглядной и убедительной для населения явилась советская экономическая политика, состоявшая в конкретной помощи, в постоян-

ных заботах об его нуждах. Это выразилось в различных льготах, предоставленных северным народностям, в особой защите их от эксплуатации, в целой, наконец, системе разнообразных мер, направленных на восстановление и развитие промыслов и оленеводства.

Постановлениями Правительства РСФСР и СССР от 1927 г. и следующих лет малые народности Севера были освобождены от уплаты всех налогов, сборов и пошлин. Особенности бытового, хозяйственного и культурного состояния вызвали освобождение их от воинской обязанности, а равно от разных трудовых повинностей (лесозаготовок, грузоперевозок и пр.).

Сильно улучшила положение населения уже в эти первые годы борьба с эксплуатацией его частным торговым капиталом, происходившей в форме неэквивалентного обмена пушнины, спаивания, наследственного долгового закабаления. Постановления Правительства РСФСР ограничили, а затем совершенно прекратили деятельность частного капитала на окраинах Крайнего Севера, находящихся в особых бытовых и хозяйственных условиях.[1] В 1927—1930 гг. запрещены были ввоз и продажа спиртных напитков на северных окраинах.[2] Нарушителям грозили штраф, принудительные работы, конфискация предмета сделки, высылка и запрет проживания в северных районах. Сделки с местными жителями, связанные с торговлей алкогольными напитками, считались недействительными.

Много внимания было уделено восстановлению промыслового хозяйства малых народов.

Основные промыслы, особенно пушная охота, находились в сильном упадке. Разнообразные меры были направлены на восстановление и охрану сырьевой базы (естественных запасов промысловой фауны) и на регулирование самого процесса добычи.[3]

Среди мер по укреплению местного хозяйства надо упомянуть о начатом в те годы землеустройстве малых народов. Землеустройство и водоустройство преследовали цель обеспечить действительную охрану экономических интересов этих народов, особенно в отношении закрепления за ними в трудовое пользование необходимых для ведения хозяйства угодий. Оно разрешало важные политические и хозяйственные задачи: защищало население от возможных утеснений при отводе земель предприятиям и новоселенцам, лишало пользования угодьями отдельных лиц и их группы, если они эксплуатируют население или ведут хищническое использование угодий.

В результате малые народности получили много отторгнутых у них до революции угодий, а места их расселения были очищены от самовольных поселенцев, скупщиков пушнины, торговцев спиртом и опиумом. В это же время было ликвидировано иностранное хищничество (английское, норвежское, шведское — на западе, американское и японское — на востоке), губительно отражавшееся на положении населения окраин.

Все эти меры имели громадное значение для уничтожения тяжкого дореволюционного наследия. Они явились сильным фактором перелома в отношении населения к новой власти.

Мощным средством восстановления хозяйства малых народов была на этом этапе торгово-кооперативная политика. В основу всей торговой

---

[1] Собр. узакон. и распор. 1924 г., № 18, ст. 180; 1925 г., № 61, ст. 498 и др.

[2] Там же, 1930 г., № 31, ст. 406 и др.

[3] «Положение об охотничьем хозяйстве» (Собр. узакон. и распор. 1923 г., № 17, ст. 216 и 1930 г., № 9, ст. 109) и «Положение о рыбном хозяйстве» (там же, 1927 г., № 102, ст. 684). Были образованы заповедники и заказники, объявлены запуски, запрещены вредоносные орудия добычи и пр.

работы положены были интересы населения. Плановость, регулярность и полнота снабжения составляли предмет большого внимания Советского правительства. Свидетельством этого является образование в районах обитания малых народностей особых товарных запасов и устройство хлебозапасных магазинов для местного населения Севера в целях поддержания его экономического благосостояния и хозяйственного развития.

Коренные изменения претерпел ассортимент снабжения. Исчезли спиртные напитки и разная колониальная «заваль», появились «тяжеловесы» (мука, крупа, соль, сахар), почти отсутствовавшие в прошлом вследствие невыгодности их транспортировки. Промысловое и хозяйственно-бытовое снабжение, сводившееся раньше лишь к ружьям с боеприпасами и металлической посуде, значительно расширилось и состояло уже из разнообразных инструментов, оружия, материалов и сырья в зависимости от местных особенностей.

Большие изменения произошли и в области сбыта местной продукции. Орудовавший в прошлом частный капитал скупал, за редкими исключениями (европейская тундра, Обь, Амур), лишь пушнину. Советские заготовки распространились на самую разнообразную промыслово-оленеводческую и кустарную продукцию (рыба, шкуры, сало и другие продукты морской охоты, оленье сырье, мясо диких зверей и птиц, орехи, ягоды, изделия домашнего производства). Это расширение сбыта сильно повысило товарность хозяйства и улучшило материальное положение населения.

Благотворную роль сыграла политика цен, исходившая из интересов населения: твердые отпускные цены на привозные товары и такие же заготовительные на местную продукцию, в том числе и на пушнину. Население почувствовало реальные блага, принесенные новой властью.

Тогда же началась ликвидация «торговых пустынь» Крайнего Севера. Торговая сеть увеличилась с 677 точек (факторий, кооперативов, госторгов, агентур) в 1926 г. до 1865 в 1933 г. Глубинные, особенно кочевые, районы обслуживались развозным торгом и возродившимися, но совершенно изменившими свое лицо ярмарками и (впоследствии) колхозными базарами.

Важнейшим проводником экономической политики была в те годы интегральная кооперация. Своеобразие обстановки (чрезвычайная рассыпленность населения на громадных пространствах, комплексный характер хозяйства и т. д.) вызвало организацию единой кооперации смешанного (интегрального) типа, которая могла охватить все население, все стороны его деятельности. Интегральные формы кооперации соответствовали хозяйственному укладу малых народностей. В задачи кооперации входили не только торгово-заготовительные, но и производственные и кредитные функции.

Кооперативы оказывали разнообразную помощь населению: снабжали его средствами производства и материалами, обслуживали ремонтными мастерскими и т. д. В первые годы охотники получили (частью бесплатно) свыше 10 тыс. ружей с патронами, много капканов, сетей и пр. В дальнейшем кооперация проникла еще глубже в местное хозяйство и стала охватывать различные производственные объединения народов Севера.[1] Организация кооперированного труда в ряде случаев облегчалась тем обстоятельством, что многие способы промысла по самой природе своей

---

[1] Речь идет о так называемых бытовых или внеуставных объединениях, искони существовавших у народностей Севера и представлявших собой в большинстве случаев простейшую сезонную кооперацию труда. В литературе они именовались обычно артелями.

требовали коллективных усилий (запоры и заездки в рыболовстве, загоны и облавы в сухопутной охоте, добыча моржей и китов в морской охоте, промысел линной птицы). В 1925—1927 гг. действовали повсюду, при интегральных кооперативах, различные промысловые артели. Наиболее широко они были распространены в рыболовстве, требовавшем больших трудовых затрат в массовой добыче рыбы. Кооперация предоставляла таким объединениям крупные и дорогие орудия добычи, недоступные для индивидуального хозяйства. У населения низовьев Амура было учтено в 1927 г. до 70 таких артелей, много их было на Оби и на Енисее. В тайге, у охотских и камчатских эвенов, эвенков и др., было много объединений охотников, которые кооперация обеспечивала оружием и снаряжением. У эвенков образовались «товарищества» по грузоперевозкам. У морских охотников (чукчей и эскимосов, пензинских коряков) такие объединения при кооперативах назывались промысловыми группами. Производственно-экономической базой их служили вельботы с необходимым оборудованием, предоставленные им кооперацией. У нанайцев появились артели даже в таких новых отраслях, как огородничество и лесозаготовки. Возникли и женские объединения — бригады по обработке шкур и пошивке одежды и обуви (у эвенков, эвенов, нанайцев, чукчей, коряков, эскимосов и др.), по выделке мешков из налимьей кожи и берестяных тисок — полос выделанной бересты (у хантов и др.), по вышивке художественных изделий (у коряков, хантов, ненцев, нанайцев и др.). Эти первые «прикооперативные» объединения послужили ячейками колхозов, строительство которых и началось через несколько лет. Советская власть осуществила на Севере ленинский кооперативный план переустройства крестьянского хозяйства, план, включавший все формы кооперации — от низшей, снабженческо-сбытовой, до высшей, производственно-колхозной.

Отношение малых народностей к кооперации — одна из интересных страниц истории национального строительства. Кооперация была наиболее доступной пониманию населения формой советской общественной организации. Большим преимуществом, сравнительно с прошлым, было значительное приближение товара к населению, которому уже не нужно было отправляться лично на далекие фактории или поручать свои торговые дела посреднику-эксплуататору. Очень удобно было сосредоточение в одном месте продажи товаров, покупки местного сырья, кредитных операций и пр. Торговая работа кооперации завоевала ей полное доверие населения. Учет в натуральной форме всех отпущенных населению товаров и всей принятой от него продукции (так называемая талонная система) убеждал жителей в невозможности былого обмана, «оторговывания». Каждый из них мог легко вспомнить и проверить свои «натуральные расчеты» с лавкой. Особенно это сказалось в важнейших, пушных, операциях. Полезную работу кооперации население чувствовало не только в области торговли, но и во всей своей жизни. Кредитование бедноты на покупку оленей, предоставление объединениям более совершенных орудий добычи, содействие развитию новых отраслей производства, активное участие в строительстве школ и медицинских пунктов не могли не поднять авторитета кооперации. Отсюда понятна ее огромная популярность, способствовавшая исключительно быстрому кооперированию населения.

Кооперативы стали первыми очагами общественной жизни малых народностей. Они шли туда со всеми своими делами. Там они находили впервые в своей жизни такие культурные развлечения, как кино и радиовещание, получали медицинскую помощь, посещали «заезжую» избушку с излюбленным горячим чаем. Вокруг кооперации создался актив, насчитывавший немало женщин; многие кооперативы даже в таких глухих

местах, как Чукотка, обслуживались самим населением. Кооперация выполнила на первом этапе советского строительства громадную воспитательную работу. Она явилась проводником политики партии, приучила население к сознательному ведению своих хозяйственных дел, была первой школой общественной работы.

Уничтожение главной формы эксплуатации — торгово-ростовщического капитала — достигнуто было сравнительно легко. Эта внешняя эксплуатация имела явные формы, и носителями ее были чуждые и ненавистные населению торговцы. Аналогично обстояло дело и с другими пришлыми эксплуататорами — бывшей царской администрацией, самовольными засельщиками — захватчиками угодий и др. Борьба с ними была завершена в первые годы административно-судебным и экономическим путем (запрет частной торговли, аннулирование прежней задолженности, выселение). В 1931 г. СНК РСФСР уже констатировал «освобождение туземцев и трудового населения Крайнего Севера от вековой эксплуатации частного капитала путем ликвидации в основном в районах расселения малых народов частного торгово-посреднического и прочего предпринимательства, замененного кооперацией и государственными хозорганами».[1]

Сложнее протекала борьба с эксплуататорами из среды северных народностей, сохранявшими в значительной степени свои позиции и в родовых советах и в экономической сфере. Хотя «Временное положение» о советах и лишало избирательных прав лиц, предусмотренных ст. 69 Конституции РСФСР, но родовой принцип построения советов не обеспечивал полного устранения «старших», «лучших» сородичей, являвшихся зачастую эксплуататорами. Во многие советы проникли поэтому бывшие князьцы, старшины и богачи, эксплуататоры чужого труда. Но даже не проникнув в советы, они пользовались, по традиции, большим влиянием на собраниях, где решались важнейшие дела. Сохранилось и экономическое господство крупных оленеводов как держателей основного источника существования тундровой бедноты.

Советская политика по отношению к различным социальным группам исходила из общих принципов национального строительства у отсталых народностей, прежде всего из конкретно-исторической обстановки их бытия. Именно с учетом этой обстановки велась непрестанная разъяснительная работа и осуществлялась советская экономическая политика, которая дала возможность почувствовать преимущества новой власти и привлекла население на ее сторону. Это позволило уже в первые годы начать наступление на эксплуататорские группы путем их ограничения, изоляции и вытеснения.

Группы эти ожесточенно боролись с новой властью, активно противодействовали всем начинаниям: организации советов, кооперированию населения, строительству совхозов. На родовых собраниях и в советах эксплуататоры добивались нередко враждебных советской политике решений: прикрепления бедняков «на еду» (скрытый вид эксплуатации) к богачам, выгодной для богатых разверстки угодий или подушной раскладки местных сборов.

Ожесточенное сопротивление встретило вовлечение в социалистическое строительство женщин, борьба за их равноправие, за участие в общественной жизни, за отмену калыма и других норм старого семейного права.

---

[1] Постановление СНК РСФСР «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера» от 8 сентября 1931 г., № 957.

Стремясь сохранить влияние на бедноту и восстановить против советов всю массу населения в целом, враждебные элементы пользовались пережитками старой патриархальной идеологии.

Покорность зависимой бедноты усиленно поддерживалась экономическим воздействием — «кормлением», раздачей скота, подарками и т. п.

Однако беднота даже самых глухих тундр начала сознавать необходимость борьбы с эксплуататорами. В начале 30-х годов «кулачество»[1] в оленеводческом хозяйстве было значительно ослаблено во многих местах: в ненецких тундрах, от Канино-Тиманской до Ямала, на севере современных округов Ханты-Мансийского и Эвенкийского, на Таймыре и в Якутии. В других же, глухих районах, на Сосве и Казыме, на Югане и Вахе, среди коряков и особенно на Чукотке, богачи оленеводы были еще сильны.

Важнейшей предпосылкой успехов на этом этапе было социально-культурное строительство, направленное к ликвидации общекультурной отсталости малых народностей. Именно в эти годы началось приобщение их к просвещению и образованию, внесены в быт зачатки культурных навыков. Большим своеобразием отличалась и эта работа. Обычные формы ее — школьное обучение и ликвидация неграмотности, политико-просветительная деятельность, лечебная помощь и пр. — были приспособлены к местным условиям. Так возникли, наряду со стационарными, передвижные учреждения, осуществлявшие комплексное обслуживание населения.

Оригинальным учреждением явились культурные базы Комитета Севера, в которые входили: школа-интернат, больница с амбулаторией и яслями, «дом туземца», клуб, радио- и киноустановки, ветеринарно-зоотехнический пункт, показательные ремесленные мастерские, исследовательская краеведческая ячейка. Устраивали их в наиболее глухих изолированных районах, куда тяготели оседлые и кочевые жители.[2]

«Положение о культурных базах» подчиняло их работу «основной цели — вовлечению всех туземцев в социалистическое строительство и превращению баз в центры хозяйственно-культурной жизни каждой народности»; при этом подчеркивалось, что «достижение этой цели невозможно без глубокого всестороннего изучения людей и природы северных районов». Помимо просветительной и лечебной работы, культбазы создали много показательных, хозяйственных и бытовых предприятий, сообщавших населению новые практические знания. Таковы были питомники племенных собак, оленей и пушных зверей, опытные агрономические и животноводческие пункты, столярные, слесарные, сетевязальные мастерские, показательные хлебопекарни, даже жилища. Действовали различные курсы для подготовки работников из среды местного национального населения.

Население скоро оценило деятельность баз. И мужчины и женщины приняли участие в их повседневной работе в качестве пастухов, каюров, санитарок. Женщины учились уходу за детьми, стирке белья, хлебопечению. Мужчины становились слесарями, механиками, инструкторами по

---

[1] Этот термин, относящийся к деревне капиталистической эпохи, применим в данном случае лишь условно.

[2] Комитетом Севера были открыты следующие базы: Хаседа-Хард, Ярсале и Хальмер-Сэдэ (для большеземельских и ямальских ненцев и селькупов), Сосвинская (для манси), Казымская (для хантов), Туринская, Усть-Калаканская, Усть-Майская и Чумиканская (для нижнетунгусских, витимо-олекминских, алдано-майских и чумиканских эвенков), Хатангская (для долганов и нганасанов), Нагаевская (эвенская) на Охотском побережье, Сахалинская (для нивхов, ороков, эвенков), Пенжинская (корякская), Чаунская и Вилюнейская (для обслуживания чукчей), Чукотская — в бухте Лаврентия (для чукчей и эскимосов).

промыслам, работниками советских и кооперативных учреждений. Показательная работа баз распространилась далеко по тайге и тундре.

В ближайшие годы базы стали настоящими городками, подлинными центрами хозяйственно-культурной жизни северных народностей. Там обычно находились советы и районные исполнительные комитеты, кооперативы, учреждения связи и т. д. Около баз возникали первые поселки и колхозы (Хоседа-Хард, бухта Лаврентия, Тура и др.). Современем они стали центрами национальных округов и районов.

Культурным базам Комитета Севера принадлежит почетное место в истории национального строительства на Крайнем Севере. Их деятельность заслуженно привлекала широкое внимание как советской общественности, так и иностранных ученых и общественных деятелей.

Аналогичным комплексом были широко распространенные на Севере передвижные «красные чумы», которые вели политико-воспитательную, культурно-бытовую и санитарно-просветительную работу среди населения, не охваченного стационарными учреждениями (культурными базами и «домами туземца»). Красные чумы передвигались на оленях, собаках и лодках («красные лодки»), сопутствуя кочевникам, останавливаясь в местах массового скопления населения на сугланах, ярмарках, факториях. Работа их охватывала все стороны жизни населения — от ухода за детьми до борьбы со знахарством.

Привлечение детей в школы встретило вначале сильное противодействие населения. От открытия школ до появления первых учеников проходило иногда много времени в уговорах и разъяснениях. Учителя ездили по району, обходили юрты и чумы, долго увещевали родителей отдать детей в школу. Население не могло сначала понять необходимость образования. Родители боялись, что дети, узнав в школе что-то новое, неизвестное, отобьются от старой жизни, разучатся охотиться и рыбачить, пропадут в тундре и тайге.

Работа педагогов на Севере была нелегкой. Дети поступали в интернаты привычными к совершенно иному быту. Все им в школе было в диковинку; они долго и с трудом воспринимали элементарные культурные навыки. Много недель проходило, пока они приучались носить белье и раздеваться на ночь, спать на кроватях, мыться, пользоваться мебелью и посудой. Постепенно они привыкали к новому быту.

Вся работа школы исходила из особенностей быта северных народностей, была приспособлена к их нуждам. Учебные программы строились на краеведческом материале (более понятном и нужном для школьников), применительно к главным типам хозяйства — оленеводческому, охотничьему и рыболовецкому. Распределение учебного года соответствовало хозяйственному календарю населения. Родители внимательно следили за жизнью и учением детей в школах-интернатах и убеждались, что им живется там лучше, чем дома. В дальнейшем население уже само требовало открытия новых школ, снабжало их юколой, олениной, само потянулось в школы.

Трудно переоценить культурное значение северной школы. Пионеры-школьники были активными проводниками советского влияния в массы местного населения. Они приносили в семью материалистическое объяснение явлений природы, новые представления об общественной жизни и советской власти, русскую речь, культурные навыки (мыло, гребенка, нательное белье). А следом появлялся букварь, правда еще недоступный в те годы взрослым. Окончившие школу продолжали образование на курсах и в национальных отделениях техникумов, рабочих факультетов, школ советско-партийных и школ промысловой молодежи. Позднее возникли самостоятельные национальные техникумы и училища (в Колпа-

шеве, Енисейске, Хабаровске, Николаевске на Амуре и др.). Видное место в подготовке кадров занял Институт народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. Зародышем его была северная группа рабочего факультета (впоследствии Северный факультет) Ленинградского университета; там появились в 1925 г. первые 26 студентов из народностей Крайнего Севера.

Развернулась массовая политико-просветительная работа. Широко использовались для этого все возможности общения с населением на съездах советов, кооперативных собраниях, на культурных базах и ярмарках, в заезжих домах («дома туземца»), в избах-читальнях.

Уже в это время родилось среди взрослого населения стремление к просвещению. Представители малых народностей, работавшие в советах и кооперативах, самостоятельно или с помощью русских соседей усваивали грамоту, счетоводство.

Проникновение медицинской помощи сопровождалось едва ли не бо́льшими трудностями, чем образование. Шаманы, осуществлявшие и функции лекаря-знахаря, всячески противодействовали врачам. И тут косность и предубеждение были сломлены наглядной работой советских медиков. С 1924—1925 гг. на Севере действовали врачебно-обследовательские отряды Российского общества Красного Креста. Кроме оказания медицинской помощи, они вели большую санитарно-просветительную работу. Чрезвычайно восприимчивые к инфекционным заболеваниям («мягкие к смерти», по выражению чукчей), страдавшие профессиональными и бытовыми болезнями люди оценили пользу медицины.

Этот первый этап национального строительства у малых народов (1925 — 1930 гг.) показал во всем ее величии глубокую, подлинно демократическую и гуманную политику первого в истории социалистического государства. Молодое Советское государство, еще материально неокрепшее, нуждавшееся в самых необходимых ресурсах, терпевшее много лишений и трудностей, пришло на помощь, не отложило до более благоприятных условий заботы о населении далеких северных окраин. Напротив, оно предоставило большие материальные средства и человеческие силы, чтобы спасти и возродить отсталые народы.

Важнейшим результатом первого пятилетия национального строительства было окончательное укрепление советского строя у малых народностей. Население осознало сущность новой власти, неизменно заботившейся о трудящихся. Оно поняло, что все появившееся у них новое и хорошее принесла советская власть. Отсюда родилось прочное доверие ко всему, от нее исходящему.

Громадный авторитет завоевала Коммунистическая партия. В эти годы положено было начало разрешению важнейшей задачи для практического осуществления национальной политики, состоявшей в создании на окраинах связанных с массами коммунистических организаций. В самых отдаленных уголках Севера возникли партийные организации, появились первые коммунисты и комсомольцы из местных жителей, активисты из бедняков и батраков. Исчезло недоверие к русским как представителям господствовавшей в прошлом нации. Русские, пришедшие строить советы, оказались совершенно другими людьми, чем былые эксплуататоры и белогвардейцы. Постоянное общение с советскими учреждениями способствовало сближению населения с русским народом, усвоению русского языка, проникновению новой культуры.

Развивалось национальное самосознание отсталых северных народностей. После векового бесправия они проснулись к самостоятельной общественно-политической жизни. Протоколы местных собраний и съездов

показывают, как быстро они поняли сущность советской работы, научились видеть недостатки своих учреждений. Широкий отклик встречали все советские начинания: подписка на займы, заготовка пушнины и рыбы, самообложение и т. д.

Разъяснительная работа, борьба с насильственными браками, многоженством, калымом и другим архаическим наследием вызвали доверие женщин к советской власти. Они сделались самостоятельнее, стали участвовать в общественных делах и в советах. У енисейских эвенков первыми добились совещательного голоса вдовы — главы семей. А в 1928 г. суглан тех самых таймурских и соседних родов, которые за несколько лет перед этим лишили женщин права голоса, постановил: «Восстановить женщин в одних правах с мужчинами решать вопросы из тунгусской жизни и, кроме того, допустить женщин быть избираемыми в родовые советы и в родовые суды».[1] Многие женщины стали обращаться в суд при семейно-имущественных и брачных недоразумениях, связанных чаще всего с калымом, левиратом, родовыми нормами наследования.

Важным событием в жизни женщин было состоявшееся в 1930 г. при ЦК ВКП(б) совещание по работе среди женщин северных народностей. Совещанием была принята обширная программа мер по раскрепощению трудящихся женщин-туземок и развертыванию массовой воспитательной работы среди них в целях широкого вовлечения тружениц Севера в социалистическое переустройство северных окраин Советского Союза. Деятельность местных организаций сильно оживилась. Побывавшие на совещании женщины стали пользоваться на родине исключительным авторитетом и сделались активными проводниками партийной политики.

Советская власть к этому времени прочно укрепилась среди трудового населения Крайнего Севера и стала для него своею властью. И на Крайнем Севере полностью оправдались слова Ленина, относящиеся к бывшим среднеазиатским колониям: «. . . можно пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности и там, где нет почти пролетариата. . . крестьяне, находящиеся в полуфеодальной зависимости, отлично могут усвоить идею советской организации и осуществить ее на деле».[2]

Успехи национальной политики подготовили почву для следующего этапа — национально-территориального районирования Крайнего Севера. Новые задачи, поставленные в те годы перед страной, — завершение индустриализации и реконструкция сельского хозяйства — требовали коренного изменения старой системы управления на Севере, перехода от условного «Временного положения» к постоянной нормальной организации власти. В 1926—1930 гг. возникли первые национальные районы: Нанайский, Ульчский, Чукотский, Эскимосский, Алеутский, Тофаларский. В 1929 г. был образован первый национальный округ — Ненецкий.

Опыт организации национальных районов оказался удачен: повысилась активность населения, ускорилось хозяйственное и культурное развитие. Вскоре этот опыт был распространен на всю территорию обитания северных народностей. Постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г. «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» было учреждено 8 национальных

---

[1] Н. Никульшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 88.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 218.

округов (в составе 36 районов) и 8 национальных (эвенкийских) районов, не входящих в округа.[1]

Организация новых национально-административных единиц была закончена в 1931 г. Изданное в следующем году «Положение об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР» определило порядок образования, структуру и компетенцию новых органов управления. Одновременно был решен вопрос о низовых советах. В национальных округах были созданы сельские (с большинством оседлого населения) и кочевые (с большинством кочевого и полукочевого населения) советы. Сельские советы действовали на основе общего о них Положения, кочевые — на основании особого Положения, утвержденного ВЦИК. Вслед за этим были образованы органы юстиции — окружные и народные, сельские и кочевые общественные суды. Все это завершало построение у народов Севера единой советской системы управления и суда, исходившей, однако, из их особого состояния.

«Положения» о низовых советах и окружных органах прямо ссылались на «особые условия работы органов советской власти в национальных округах на Крайнем Севере РСФСР».[2] Эти особые условия сказались более всего в законах, относящихся к кочевому населению, его советам и судам.[3]

В перечне «предметов ведения кочевых советов» особо упоминались защита интересов батраков и охрана сирот от бытовой эксплуатации. Предусматривались специальные формы связи совета «с отдельными кочевыми группами, кочующими не по линии передвижения кочевого совета», через особых уполномоченных. Каждый совет должен был «иметь два временных местопребывания на летних и зимних стоянках основной массы населения, а остальное время передвигаться с основной массой кочевого населения». Работу советы вели на родном языке населения. Аналогичную специфику находим и в «Положении» о кочевых судах: «время суда устанавливается с учетом всех местных условий, причем всячески должны быть использованы общие собрания граждан, ярмарки, массовый приезд на факторию и т. п.». К проступкам, подведомственным судам, было отнесено, между прочим, «удаление роженицы из дома в опасное для жизни и здоровья матери и ребенка место» и пр.

«Положение» об окружных органах проникнуто особой заботой о северных народностях. Специальные нормы представительства на Всероссийском Съезде давали возможность каждому округу послать на этот съезд не менее одного представителя; на окружных съездах обеспечивалось представительство всех малых народностей, соответственно их численности. Большие отличия от общих норм в таких вопросах, как советско-административное устройство, планирование, финансы, предоставляли национальным округам широкую самостоятельность и инициативу, оберегали от шаблонного отношения к ним вышестоящих органов, увеличивали их ответственность и значение в общей системе Советского государства. В своей совокупности черты эти, свойственные положениям об автономных областях, придавали объединениям малых народностей характер первичной формы национально-территориальной автономии.

---

[1] Округа: Остяко-Вогульский (ныне Ханты-Мансийский), Ямальский (Ненецкий), Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Витимо-Олекминский (Эвенкийский впоследствии упразднен), Чукотский, Корякский, Охотский (Эвенский, впоследствии упразднен). Районы: Катангский (Восточно-Сибирский край), Зейско-Учурский и Джелтулакский (Дальневосточный край), Анабарский, Булунский, Вилюйско-Мархинский, Тулуканский и Жиганский (Якутская АССР).

[2] Собр. узакон. и распор. 1932 г., № 39, ст. 176.

[3] Там же, 1933, № 49, ст. 209; № 54, ст. 241.

Национально-территориальное районирование Крайнего Севера означало новый этап развития советской власти на громадной территории, создание на самых отдаленных окраинах опорных пунктов Советского государства, осуществлявших социалистическое переустройство. Районирование открыло новую страницу в истории национального строительства у малых народов. Образование самостоятельных районов, объединивших распыленные ранее родовые советы, а для многочисленных народностей (ненцев, хантов и манси, эвенков, чукчей, коряков) — округов, охвативших разрозненные «туземные районы», уничтожило административную чересполосицу.

Национальное районирование ликвидировало унаследованную от прошлого разобщенность малых народностей от остального, в массе русского, населения Севера, объединило северные народности со всеми другими жителями в общем деле социалистического строительства, усилило культурное влияние русского народа. С организацией национальных объединений увеличилась помощь Советского государства малым народностям. Высшие правительственные органы РСФСР и СССР уделяли неизменное внимание и громадные материальные средства национальным округам и районам.

Национальное районирование сопровождалось значительным общеполитическим подъемом малых народностей, выразившимся, в первую очередь, в росте партийных организаций. Уже при первых выборах в советы по новому «Положению» наблюдался прилив в партию лучших представителей северных народов. Известны характерные случаи, когда вновь избранные советы в своем полном составе заявляли о желании вступить в ВКП(б). А с образованием новых, окружных и районных, партийных органов повсюду забила ключом партийная жизнь. Вырабатывались новые формы и методы работы, особенно сложной среди кочевников, создавалась широкая сеть первичных организаций, усилилась партийно-просветительная и массовая политическая работа. Партийные ряды пополнялись как местными работниками-активистами, так и возвращавшейся после ученья молодежью, получившей общее и политическое образование в техникумах, на рабочих факультетах и т. д. К XVII съезду ВКП(б) партийные организации национальных округов и районов (кроме Якутии) насчитывали около 3500 членов и кандидатов партии, в том числе около 1200 представителей малых народов. В самых глухих, недавно еще недоступных тундрах появились коммунисты из числа местных жителей, занявшие авангардную роль в социалистическом переустройстве своих родных мест (68 ямальских ненцев, 42 жителя Таймыра, 156 коряков, 80 чукчей и др.). Ряды ленинского комсомола возросли к этому времени за счет народов Севера на 4200 человек.

Наиболее важным событием в области просвещения в этот период было создание письменности на языках малых народностей. Этому предшествовала большая работа по изучению языков, выполненная главным образом научно-исследовательской ассоциацией Института народов Севера. В 1932 г. были утверждены алфавиты, и началось издание литературы (на языках малых народностей) — учебной, массово-политической, детской и художественной. В окружных и районных центрах стали выходить газеты, доступные местному населению.

Создание письменности явилось мощным фактором дальнейшего культурного развития малых народностей. К 1934 г. было уже более 300 национальных школ с 11 тыс. учащихся (свыше 60% детей школьного возраста); в некоторых национальных районах (Алеутском, Нанайском и др.) школой было охвачено 100% детей. К началу того же года общая грамотность малых народов поднялась до 30%, появились районы сплош-

ной грамотности (Нанайский, Ульчский, Катангский и др.). Усилилась в эти годы подготовка национальных кадров. И в этом важнейшем деле, как и во всех областях социалистического строительства, направляющей и руководящей силой была Коммунистическая партия, оказавшая громадную помощь в практическом осуществлении задачи создания у народов Севера собственных кадров. Организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) в 1933—1934 гг. выяснил положение с кадрами во всех районах Крайнего Севера и разработал общий план подготовки национальных кадров для всех отраслей советской и хозяйственной работы. Общее количество учащихся в техникумах и институтах народов Севера достигло около 900 чел. В Ленинградском институте народов Севера было 400 студентов. С 1931 г. по 1937 г. институт выпустил 206 специалистов из среды малых народностей Севера. Многие из них стали впоследствии государственными деятелями. Из его стен вышли первые писатели и ученые.

Конституция СССР открыла новую главу в истории малых народностей. Она завершила разрешение ранее поставленной важнейшей задачи о приближении новой власти к массам. Изменился состав Советов, в основном ставший национальным.

Отсталые в прошлом северные народности полностью приобщены к государственной жизни страны. Через Совет Национальностей они участвуют, наравне с другими, в законодательной деятельности, в образовании Президиума Верховного Совета, Правительства и Верховного Суда и т. д.

Неизменное внимание к малочисленным и отсталым народностям нашло яркое отражение в избирательном законе 1937 г., предусматривавшем представительство в Совете Национальностей каждого национального округа независимо от численности его населения. «Положение о выборах» стремится приспособить всю процедуру к специфическим особенностям этих народов, дать им реальную возможность осуществить свои права по Конституции.

Уже первые выборы 1937 г. показали активность, организованность и культурный рост малых народностей Севера. С тех пор дни выборов и открытия новых сессий Верховного Совета стали у народностей Севера популярными праздниками. Они знаменуются перевыполнением производственных планов, принятием новых социалистических обязательств. В эти дни происходят любимые населением спортивные состязания и олимпиады художественной самодеятельности, устраиваются оленьи и собачьи бега. Чукчи, коряки, эскимосы и эвены Камчатской области в своем приветствии первой сессии Верховного Совета в январе 1938 г. писали: «Впервые в истории в верховном органе власти будут решать государственные вопросы бывшие пастухи северной тундры чукча Тывлянто и коряк Обухов».

Успехи национального строительства у малых народов неразрывно связаны с общей политикой Советского государства в области размещения производительных сил страны. Национальное районирование Севера создало прочную основу для разрешения важнейшей национально-политической и народнохозяйственной задачи ликвидации отсталости бывших окраин, задачи, неоднократно подчеркнутой решениями партийных съездов (X, XII, XV, XVI, XVII). Пятилетние планы уделяли много внимания подъему северных окраин, и годы их исполнения совершенно преобразили облик Крайнего Севера.

Большие изменения, происшедшие в состоянии Крайнего Севера и во всей жизни малых народностей, явились предпосылкой для коренной социально-технической реконструкции их хозяйства. Коллективизация

происходила с учетом особенностей хозяйства, быта, общекультурного состояния малых народностей. Господствующей формой колхоза в начальном периоде (1928—1932 гг.) было простейшее производственное объединение (ППО), равнозначащее по социальному содержанию ТОЗ (товариществу по совместной обработке земли) в русском крестьянском хозяйстве. Основой ППО являлось объединение промысловых угодий и коллективное их использование без обобществления средств производства. В оленеводческом хозяйстве ППО создавались для совместного выпаса оленей. Временный характер объединения, отсутствие обобществленного имущества, распространение коллективного труда лишь на одну отрасль, а не на все комплексное хозяйство — таковы отличительные черты первых ППО.

ППО стали крепнуть, превращаться в постоянные и охватывать все отрасли труда. Появились так называемые смешанные ППО. Возникли новые источники дохода — второстепенные промыслы (дичи, ягод, ореха и др.) и заработки (извоз, лесозаготовки). Бригадная организация труда и применение новых, более совершенных средств производства (неводов, плавучих средств, капканов и пр.) повысили производительность труда. Увеличивалось благодаря лучшему выпасу оленье поголовье. Возросли доходность и товарность. Создавались в результате обобществления части доходов неделимые фонды.

К 1932 г. относятся важнейшие директивы ЦК ВКП(б) (от 22 и 26 июня и 1 сентября 1932 г.) о коллективизации среди малых народностей и появление на их основе «примерных уставов» (интегрального кооперативного товарищества и других отраслевых товариществ, а также северной смешанной промысловой артели), окончательно определивших социально-экономическую природу и юридическое положение колхозов.

Дальнейшее строительство колхозов развивалось в двух основных формах — товарищества и артели. Артели создавались в более освоенных, хозяйственно и политически окрепших районах, обычно южных (таежных) и приморских, в большинстве у оседлого промыслового населения. В северных, тундровых и внутренних районах, в соответствии с общим более низким уровнем развития, преимущественно у кочевых оленеводов, основной формой оставалось товарищество (ППО). Но по мере своего хозяйственного укрепления и развития района они переходили на устав артели.

Колхозный строй складывался в обстановке сопротивления эксплуататорских элементов, принявшего особенно острые формы у оленеводов тундры. Одним из сильнейших средств в борьбе была попрежнему экономическая политика. Сосредоточение товарооборота в социалистическом секторе изменило социальное содержание товарных связей местного хозяйства, ликвидировало зависимость его от хищника — торгового посредника. Классовая линия в снабжении и землеустройстве, широкое применение твердых заданий и контрактаций окончательно вытеснили и изолировали былые эксплуататорские группы. Видное место в окончательном наступлении на них заняли кочевые общественные суды и кочевые советы, которые в лице местных активистов строго защищали интересы трудящихся. Практика ненецких, хантыйских, эвенкийских, корякских судов показывает, что они расторгали кабальные сделки богачей с беднотой, часто вскрывали бытовую эксплуатацию и т. д. Широко практиковалось лишение нетрудовых элементов избирательных прав и изгнание их из советов.

К 1939—1940 гг. было коллективизировано в среднем около 75% хозяйств малых народностей (от 98% в Эвенкийском национальном

округе до 42.1% в Чукотском). Социалистический уклад стал, таким образом, господствующим на Крайнем Севере.

Социалистическая реконструкция хозяйства сильно изменила технику старых, исконных промыслов народностей Севера: охоты, рыболовства и оленеводства. Преобладающие ранее устарелые ружья (шомпольные, кремневые, пистонные) сменились усовершенствованным патронным оружием центрального боя и специально созданными для малых народов новыми типами ружей. Реконструирована архаическая пасть — основное орудие песцового промысла: современная «корытная пасть» защищает добычу от хищников. Появились новые приборы — ящичные ловушки, повсюду распространены железные капканы. Особенно улучшилась техника рыбного лова. Широко применяются эффективные сетеснасти (в том числе крупные неводы), редко встречавшиеся в прошлом у малых народов. Механизирована неводная тяга, промыслы обслуживаются самоходным флотом. Морской зверобойный промысел оснащен китобойными «пушками», гарпунными и нарезными ружьями, рульмоторами и вельботами. Заметную роль в основных отраслях играют уже не самодельные, а привозные, более совершенные средства производства. Почти исчезли архаические орудия, лук и стрелы, копье, и различные экономически нецелесообразные или вредоносные приборы, давящие и ущемляющие зверька ловушки, запоры и др. Хотя повсюду пользуются еще и старыми орудиями добычи, но решающее значение в промыслах приобретают уже новые. Особенно это относится к рыболовству.

Большое распространение получил механизированный водный транспорт: катеры, моторные лодки; вместе с тем повсюду бытуют старые средства передвижения: лодки-долбленки, ветки и баты, берестяные оморочки и др. Незаменимый в условиях Крайнего Севера оленный и собачий транспорт сохранил свое значение, но наряду с ним применяются современные виды транспорта — вездеходы, самолеты, тракторы. Развивается сравнительно широко и конный транспорт.

Коллективные способы ведения оленеводческого хозяйства позволили существенно улучшить приемы выпаса, охраны и ухода за стадом. В оленеводство широко проникли неизвестные ранее зоотехника и ветеринария. Это привело к росту колхозных стад, снизило гибель оленей от болезней, бескормицы. Очень повысилась степень сохранения молодняка. Рост основных промыслов (сухопутной и морской охоты и рыболовства) был связан с использованием новых объектов промысла, с удлинением охотничьего сезона, переходом к круглогодичному рыболовству, освоением новых угодий и т. д.

Весь хозяйственный комплекс у народностей Сибири испытал заметный подъем. Восстановление хищнически истреблявшихся до революции естественных ресурсов, акклиматизация и реакклиматизация ценных промысловых видов, плановое нормирование добычи вызвали рост основных промыслов: рыболовства, сухопутной и морской охоты. Расширился рыбный промысел у тех народностей, у которых он ранее был случайным и малозначащим (у эвенков, чукчей, эскимосов); у других он стал из второстепенного основой хозяйства (у отдельных групп ненцев, кетов, долганов). Приобрела значение мало развитая в прошлом у некоторых народностей пушная охота (у чукчей, чуванцев, эскимосов). Во многих северных колхозах возникло пушное звероводство. Развились у всех обитателей тайги второстепенные добывающие промыслы — ягодный, ореховый, совершенно отсутствовавший раньше сбор грибов и лечебно-технического сырья. Появились и другие постоянные источники денежного дохода: работа на предприятиях и в учреждениях, грузоперевозки, различные ремесла.

Примечательно развитие сельского хозяйства, хотя и в очень ограниченных размерах. У большинства народностей эта отрасль возникла только после революции. Впервые узнали его чукчи, некоторые коряки, ненцы, селькупы, кеты, эвенки и эвены, орочи, удэгейцы и др. Изменились технический уровень и экономическое значение сельского хозяйства, которое местами механизировано и дает доход. У некоторых групп хантов, манси, эвенков, нанайцев, ульчей и др. оно стало иметь существенное значение. В отдельных нанайских и ульчских колхозах появились даже плодоводство и пчеловодство.

Изменилась и самая природа комплексности хозяйства. В прежних условиях недифференцированное комплексное хозяйство малых народов свидетельствовало о неразвитой ступени производства, о ненадежности источников существования, о примитивном натуральном укладе хозяйства. В новых советских условиях комплексное хозяйство отражает всестороннее развитие производительных сил в социалистическом хозяйстве; рост доходности и товарности свидетельствует о распаде натурального уклада.

Подъем хозяйства малых народностей Севера обусловлен изменениями не только в технике, но и в организации труда. Коллективизация сделала возможной правильную расстановку сил в комплексном хозяйстве в форме постоянных специализированных бригад. Новая техника и организация труда снизили громадную в прошлом трудоемкость производства. Крупные орудия лова и механизированные плавучие средства понизили затраты труда в рыболовном и зверобойном промысле.

Те же результаты дала реконструкция оленеводческого хозяйства.

Повысилась общая культура труда. Требующая четкости работа новыми орудиями труда, в частности механизированными, приобщила население к сложным трудовым процессам. Совместная с русскими рабочими и крестьянами деятельность на рыбных промыслах, лесозаготовках, в смешанных колхозах привила новые производственные навыки и оказала большое организующее и дисциплинирующее влияние.

Постоянным повсеместным явлением стали новые социалистические формы труда. Социалистическое соревнование возникло внутри бригад, затем распространилось на целые бригады, колхозы, сельские и кочевые советы, районы. Большую популярность завоевали ударничество и соревнование в пушном промысле.

Техническое перевооружение, рациональное распределение рабочей силы и новое отношение к труду вызвали значительный подъем производительности труда, а вместе с тем повысили и заработки колхозного населения. У малых народностей появились зажиточные колхозы.

Замкнутое в прошлом хозяйство народностей Севера связано теперь неразрывными узами с общесоветским народным хозяйством и его товарооборотом. Сильно возросла товарность рыболовства, которое было в прошлом, за редкими исключениями (у народов Оби, Амура, отчасти Енисея), чисто потребительским. Отличавшиеся в прошлом исключительно низкой товарностью оленеводство и морская охота дают в настоящее время товарную продукцию.

Одновременно возросло приобретение населением самых разнообразных привозных товаров, свидетельствующее о ломке всего сложившегося веками жизненного уклада.

Социально-экономические изменения в хозяйстве малых народов обусловили переход кочевого населения на оседлость. Уже в годы простейшего производственного кооперирования наблюдалось местами уменьшение так называемого бытового кочевания. Отвод при землеустройстве удобно расположенных угодий, усиление совместного выпаса мелких

стад, обслуживание передвигающихся охотников и пастухов уменьшили и размеры кочевок и контингент их участников.

Важнейшей задачей было преобразование хозяйственной базы населения путем интегрирования новых оседлых и прежних кочевых занятий. Это выразилось в развитии отраслей, связанных с оседлостью (рыболовного, зверобойного промысла, сельского хозяйства), при одновременном сохранении старых, вызывавших кочевание (оленеводство, охота). Решающая роль принадлежала землеустройству, такой организации территории, которая сочетала все необходимые для комплексного колхозного производства угодья (охотничьи и оленно-пастбищные, с одной стороны, рыболовные, зверобойные, сельскохозяйственные — с другой).

Социальное содержание процессов оседания в дореволюционное время и в советскую эпоху совершенно различно. В дореволюционное время переход на оседлость был обычно следствием разорения, потери оленей, возвратом к чисто промысловому производству. В условиях колхозного хозяйства это связано с более интенсивным и широким использованием природных ресурсов, с переходом к высшему уровню развития производительных сил, с общим подъемом хозяйства и культуры.

В середине 30-х годов началось, по инициативе колхозников, «стягивание» мелких поселков, укрупнение старых и образование новых селений. В результате этого движения оседлого и оседания кочевого населения появилось много новых, крупных (по северным масштабам) населенных пунктов.

Многие старые населенные пункты совершенно изменили свой облик. В них проложены улицы, правильными рядами стоят новые дома. В крупных колхозных центрах выстроено много общественных зданий: школы, больницы, клубы, пекарни, магазины, в результате чего эти поселки стали похожими на русские села.

Повсюду возникли колхозы, в состав которых вошли представители различных этнических групп. В колхозах Нижне-Колымского района объединены чукчи, эвенки, юкагиры, якуты; ненецкие колхозы включают хозяйства хантов, манси, коми, селькупов и др.; много смешанных по своему этническому составу колхозов возникло на Амуре и в других районах Сибири. Повсеместно в национальных колхозах Севера работают русские. Это свидетельствует о ликвидации былой племенной разобщенности, сопровождавшейся иногда недоверием и враждой, о возникшей дружбе между соседствующими народностями.

С оседанием и возникновением новых селений связано появление нового типа жилища. Наиболее распространена теперь русская рубленая изба в разных ее вариантах. На первых порах встречались разные переходные типы, связанные с изменениями старого жилья, с использованием нового материала или новым его устройством. Эти улучшения были вызваны стремлением населения приспособить старое жилище к новым требованиям. Так, в старой бревенчатой юрте хантов, манси и нарымских селькупов чувал сменился русской печью, появились деревянный настил на земляном полу, дощатый потолок и т. д.

На Амуре, наряду с новыми домами и сохранившимися старыми, встречалось причудливое сочетание старого и нового жилища: пристройка новой избы к старому жилью при одной входной двери. На новой половине жило молодое поколение, на старой доживали век старики. Так и эвенки ставят нередко рядом с новым домом летний чум.

Любопытные формы наблюдаются у чукчей и эскимосов. Спальное меховое отделение яранги («полог») обтягивается материей, устраиваются в нем окна и вытяжное отверстие для вентиляции.

У сохранивших кочевой быт малоземельских ненцев, нганасанов, энцев и некоторых эвенков распространились так называемые партяные чумы с окнами, крашеным деревянным полом, железной печью и т. д.

Стремление улучшить бытовые условия сказывается в изменении всего устройства жилища, начиная от его отопления и освещения и кончая внутренней обстановкой. Характерно при этом, что, изменяя условия своей жизни, население старается, особенно на первых порах, сохранить наиболее привычные и важные в быту части старой обстановки. Именно поэтому легче и скорее всего прививались те новые элементы, которые более близки к старому укладу. Так получили распространение повсюду матерчатая палатка и маленькая переносная печь из листового железа с выведенной наружу трубой, напоминавшие по своему устройству и простоте первая — обычный разборный чум, а вторая — привычный костер-очаг. Вместе с новым жилищем изменяется и внутренняя обстановка: появляются кровати, мебель, утварь, посуда, предметы культурного обихода (умывальники, стенные часы, зеркала, музыкальные инструменты, радиоприемники).

Что касается хозяйственных построек, то наряду с новыми, связанными в основном с развитием сельского хозяйства (конюшни, скотные дворы, овощехранилища), сохранились старые амбарушки, шайбы и прочие сооружения на столбах, весьма удобные в северных условиях и столь же распространенные среди русских старожилов.

Резко изменилось питание. Подобающее место в нем заняли, кроме мяса и рыбы, хлеб и мучные изделия, крупа, масло, соль, сахар, кондитерские изделия, собственные овощи и молоко. Население восприняло также новые способы приготовления пищи и консервирования продуктов питания. Исчезают и старые ограничения в пище, связанные с существовавшими ранее запретами.

Совершенно новое явление у малых народностей — общественное питание, развивающееся главным образом в сезонных рыболовецких, оленеводческих, охотничьих и полеводческих бригадах.

Внешние перемены в быту сказались и в одежде, получившей новые материалы и покрой. Широкое проникновение современной городской одежды вызывалось прежде всего ее большими преимуществами сравнительно с прежней: прочностью, удобствами в носке, дешевизной и т. д. Качества эти сильно сказались, между прочим, при переходе в новое жилище, где многие старые виды оказались неудобными и непрактичными. Именно этим объясняется большая популярность пиджака, брюк, особенно русской рубахи (косоворотки), кеши, головного платка. И, наоборот, новые вещи, почему-либо неудобные или резко несоответствующие требованиям и привычкам населения, прививаются меньше. Примером служат такие типы верхней одежды, как шубы, полушубки, длинные, ниже колен, пальто, неудобные и при ходьбе и при езде. В одежде особенно наглядно проявляется сочетание новых и старых форм. Повсюду наряду с большим распространением нового костюма сохраняется и старый, самобытный. Это относится в первую очередь к верхней зимней одежде населения тундры, по своему покрою (глухая, без продольного разреза, одевающаяся через голову) и материалу (меховая) прекрасно приспособленной к суровому климату Севера. Старые типы меховой и кожаной обуви, удобной, легкой и теплой, без каблуков, с мягкими голенищами и подошвой, приспособленные к местным условиям и промысловой деятельности, не только сохраняются у народностей Севера, но и широко бытуют среди русского населения.

Неправильно было бы считать, что переход к новому быту происходит легко. Столкновение старого с новым, исконных привычек с новыми

и часто непонятными явлениями происходит порой очень болезненно. Изменения в технике, менее консервативной, чем быт, совершились скорее. Нелегко, в частности, кочевникам было приспособиться к оседлой обстановке. Исконные охотники (такие, как, например, эвенки и эвены) не представляли себе, как можно постоянно жить на одном и том же месте. Вызывало недоумение, откуда возьмутся дрова, если изведешь весь сушняк около дома и не будешь передвигаться дальше по тайге, как добудешь зимой воду, если в одном постоянном месте поселится много народа. Перейдя в настоящие дома, кочевники нередко покидали их и возвращались в старое жилье. Смущали их и замкнутое стенами пространство, и размеры нового жилья, и отсутствие привычного костра. Трудно было привыкнуть пользоваться столами, табуретами, кроватями или нарами. Бывали в те годы случаи, когда в новых домах прорубали пол для устройства костра и над ним выходное отверстие для дыма.

Нелегко воспринимались на первых этапах навыки личной гигиены, пользование баней, ношение нижнего белья, его стирка, замена древесных стружек и мха полотенцами и т. п.

С повышением культурного уровня началось оздоровление жилища. Энергичную деятельность в этом направлении проявила местная общественность и молодежь. Особенно большую роль сыграли созданные повсюду женские советы, ставшие пропагандистами и проводниками нового быта. Трудно переоценить ту помощь, которую оказали местному населению русские люди, не только служившие примером, но и непосредственно принимавшие участие в переустройстве быта народностей Севера. Разъяснения о необходимости чистоты, периодические обходы населения, соревнование, конкурсы на лучшее жилище помогли навести порядок в доме и благоустроить поселки.

Социалистическая реконструкция хозяйства, коренные изменения в быту были неразрывно связаны с общим подъемом культуры народностей Севера. Уже в предвоенные годы школьная сеть широко охватила не только оседлое, но и значительную часть кочевого населения самых отдаленных уголков Севера. Получившие общее и специальное образование национальные кадры стали активными проводниками новой, социалистической системы во всех областях хозяйственного и культурного строительства. Политическая активность трудовых масс народностей Севера неизмеримо выросла. Уже в годы, предшествующие Великой Отечественной войне, из среды народностей Севера выдвинулись талантливые общественные деятели, писатели и поэты. На многие языки народов Севера были переведены произведения классиков марксизма-ленинизма, художественные произведения русских классиков и советских писателей. Появилась значительная переводная, политико-просветительная и научно-популярная литература. Все это в корне подрывает основы старой идеологии, прежних религиозных представлений. Проникновение новых явлений и знаний расширяет умственный кругозор людей. В советских условиях постепенно исчезают родовая ограниченность и консерватизм, чуждые социалистическому обществу.

В сознании северных народностей твердо укрепилось понятие советского государства, социалистического отечества и своего гражданского долга перед ним. Это сказалось еще в период первых пятилетних планов и в начальные годы действия Конституции СССР и проявилось в полной мере в грозные годы Великой Отечественной войны.

Отдельные группы населения давно уже добивались у местных властей права исполнять почетную обязанность — служить в Красной Армии. При обсуждении проекта Конституции СССР это стремление стало массовым. Так, третий чрезвычайный съезд советов Ямало-Ненецкого нацио-

нального округа постановил «просить правительство призывать в ряды Красной Армии ненцев и хантов, живущих на Крайнем Севере. Мы, ненцы и ханты, желаем вместе со всеми народами Советского Союза защищать с оружием в руках свою родину».

Великая Отечественная война явилась для народностей Севера, как и для всех народов нашего многонационального государства, временем испытаний и героического труда.

Многие представители народов Севера сражались в рядах Советской Армии на разных участках фронта. Тут они проявили замечательные качества охотников-следопытов: искусство ориентироваться в любой природной обстановке и незаметно подкрадываться, беспримерную выносливость, мужество, хладнокровие и находчивость, исключительную меткость и высокое мастерство стрельбы. Ударники пушного промысла стали на фронте прекрасными разведчиками, лыжниками, снайперами. Из глухой тайги и далеких тундр отправились защищать свою родину сотни представителей малых народностей Севера. Многие никогда не выходившие за пределы своего совета жители Севера дошли в рядах Советской Армии до самого Берлина. Они защищали Ленинград, участвовали в освобождении Украины, Румынии и Венгрии, сражались на Дунае и на Шпрее. Летописи войны упоминают выдающиеся подвиги уроженцев далекого Севера, неоднократно отмеченные высокими наградами.

Велики были и трудовые подвиги народностей Севера в тылу. Производительность труда достигла в колхозах небывалых размеров, и национальные районы дали стране большое количество продуктов питания, промышленного сырья, экспортной пушнины. На промысел выходили в полном составе целые семьи. Во многих, в том числе и запретных для них ранее, отраслях труда появились впервые женщины. На Амуре они охотились наравне с мужчинами, чукчанки и эскимоски промышляли моржа и кита; среди ненецких пастухов было большинство женщин, среди обских рыбаков их было до 70%. Вернулись на промыслы глубокие старики. Дети участвовали в путине, в весенне-летней пушной охоте, работали на полях и в костерезных мастерских, собирали ягоды и грибы. Больших размеров достигла добровольная помощь фронту.

Послевоенные годы социалистического строительства ознаменовались в национальных округах и районах Севера дальнейшим развитием хозяйства и культуры. Это были годы дальнейшего укрепления колхозного строя, развития всех отраслей северного хозяйства, роста новой техники.

Дальнейшее техническое оснащение рыболовецкого промысла, создание новой сети моторно-рыболовецких станций, обслуживающих колхозы современной техникой, строительство различных предприятий рыбной промышленности — все это повысило товарное значение рыболовства, сделало эту отрасль хозяйства, еще недавно носившую преимущественно потребительский характер, одним из важнейших источников колхозного дохода в ряде национальных колхозов Севера.

Одновременно с дальнейшим укреплением колхозного хозяйства и ростом колхозных доходов продолжают расти доходы колхозников. Годовой денежный заработок колхозника в 20—30 и более тысяч рублей в год — частое явление в колхозах различного направления.

Все шире разрастаются и благоустраиваются многочисленные северные населенные пункты — центры хозяйственной и культурной жизни колхозов. В послевоенные годы выросло много новых благоустроенных поселков в самых отдаленных районах. На Севере имеются сейчас целые районы, где колхозные поселки электрифицированы и радиофицированы.

Налицо новые успехи и в области культурного строительства. В центрах национальных округов действуют сейчас не только общеобразовательные средние школы, но и техникумы, различные курсы, где готовятся национальные кадры для различных областей хозяйства Севера. Создана широкая сеть школ колхозных кадров, готовящих квалифицированных работников сельского хозяйства, животноводов, оленеводов и др.

Значительно увеличилось число представителей народов Севера, получающих высшее образование в различных вузах страны. В Ленинграде на северном отделении Педагогического института им. А. И. Герцена учатся представители почти всех народов Севера. Талантливая молодежь обучается в художественных школах.

Успехи, достигнутые отсталыми в недавнем прошлом малочисленными народами Севера во всех областях хозяйства и культуры, наносят сокрушительный удар расистским теориям об обреченности таких народов самой историей на вымирание, разоблачают лживость «теории» буржуазной науки о том, что эти народы неспособны якобы подняться на более высокую ступень развития и догнать «цивилизованные» народы. Эти человеконенавистнические «теории», призванные оправдать империалистическую политику колониального угнетения и расовой дискриминации, глубоко проникают в современную реакционную буржуазную этнографию.

Национальное строительство у малых народов Севера занимает почетную страницу в истории Советского государства. Вместе с тем это замечательный пример торжества национальной политики Коммунистической партии. Исторический путь народов Севера, переживших в условиях победы пролетарской революции грандиозный скачок от архаических форм хозяйства и общественной организации к социализму, знаменует собой торжество марксистского учения о судьбах отсталых народностей в условиях социалистической революции и победы пролетариата.

Само собой разумеется, что в практике социалистического строительства у малых народностей Севера были, есть и еще будут значительные трудности и недостатки, преодоление которых является постоянной и насущной задачей. Это наблюдается, например, в некоторых местах в таких важных областях переустройства, как ликвидация распыленности населения и укрупнение селений, как переход к оседлому образу жизни и развитие новых отраслей хозяйства и т. д. Мы не ставили себе цели описать все затруднения такого рода, поскольку они носят временный, преходящий характер и не являются типичными. Мы пытались сосредоточить внимание на главном — охарактеризовать в общих чертах тот замечательный путь социалистического переустройства жизни крайне отсталых в прошлом народностей, который они совершают, минуя капиталистическую стадию развития, и показать наиболее выдающиеся результаты этого процесса, имеющего важное историческое значение.

ХАНТЫ И МАНСИ

В научной литературе ханты и манси объединяются общим названием «обские угры». Ханты были известны раньше под названием «остяки», «обские остяки», «остяки обдорские, березовские, сургутские» и т. д., а манси — под названием «вогулы». Но некоторые группы манси тоже назывались остяками.

В литературе даются различные объяснения термина «ханты». Его производили от словосочетания «хонды-хо» (по-хантыйски «человек с р. Конды»), объясняли его как «ханские люди», связывали с названием хуннов. Однако все эти объяснения не могут считаться удовлетворительными. Происхождение русского названия хантов «остяки», появившегося в XVI в., также объясняли различно, трактуя его или как перегласовку хантыйских слов «ас», «ях» («ас» — Обь, «большая река»; «ях» — «народ»), или от слова «уштяк» — как называли хантов сибирские татары. Казахи именем «эштек» называли не только хантов, но и башкир и барабинцев. Камские башкиры в русских писцовых книгах 1623—1624 гг. именовались также остяками. Остяками вплоть до революции называли также кетов и селькупов. Таким образом слово «остяк» связано не только с хантами и Обью —это название охватывало целую группу сходных по культуре народностей; в нем можно видеть термин, применявшийся тюрками для соседнего им населения лесной полосы, возможно, восходящий к какому-либо древнему этнониму. Название «вогулы» впервые становится известным по письменным источникам XIV—XV вв. в форме «вогуличи» и «гогуличи». Коми-зыряне называют хантов «ёгра», «егра» (отсюда, повидимому, летописная «югра»). Ненцы называют хантов и манси «хаби».

Общие сведения

Ханты и манси, за исключением небольших, периферийных групп, живут в бассейне Оби. В 1926 г. хантов было около 17 800 человек, а манси несколько более 5700 человек. Большая часть хантов и манси сосредоточена сейчас в Ханты-Мансийском национальном округе. В нем ханты составляют все коренное население районов Самаровского, Сургутского и Ларьякского (Ваховского). В Березовском и Микояновском районах половина коренного населения ханты, а половина манси, в Кондинском — манси 70, а хантов 30%. Большое количество хантов (обдорских) живет в южной приобской части Ямало-Ненецкого национального округа. Кроме того, значительное количество их живет на севере Томской области, где на р. Ва-

сьюгане и по Оби, ниже устья р. Тым, они составляют все коренное население. Более 500 манси обитает за пределами Ханты-Мансийского национального округа в Ивдельском, Слободо-Туринском и Тавдинском районах Свердловской области. Здесь манси живут в окружении русских и многие из них уже забыли свой язык и говорят только по-русски.

Во многих местах своего расселения ханты и манси в настоящее время также живут в соседстве и близком контакте с русскими. На севере ханты и манси соседят с ненцами и коми, на востоке с селькупами. По своей культуре обские угры (ханты и манси) очень близки друг другу, особенно в области изобразительного искусства, верований, фольклора и формам социальной организации.

Между отдельными группами манси и хантов в области хозяйства и материальной культуры было больше общего, чем у разных групп хантов: так, например, кондинские ханты, очень отличные от обдорских, имели много общих черт с кондинскими манси. Точно так же ваховские ханты по своей материальной культуре были ближе к тазовским и тымским селькупам, чем, например, к тем же кондинским хантам. Иртышские оседлые ханты были ближе к татарам, чем к северной группе своего же народа, и т. д. В материальной культуре северных (р. Сосва) и южных (р. Конда) манси также замечались значительные различия.

Хантыйский и мансийский языки вместе с венгерским составляют угорскую группу финно-угорских языков. Их строй характеризуется агглютинацией с сохранением ряда архаических черт. По своей фонетике, морфологии и лексике хантыйский и мансийский языки близки друг к другу. Языки эти распадаются на несколько диалектов, расхождение между которыми настолько велико, что препятствует взаимопониманию представителей разных диалектов.

Хантыйский язык имеет 3 группы диалектов: северную (обдорский, шурышкарско-березовский, казымский, шеркальский), южную (атлымский, леушинский, иртышско-кондинский) и восточную (сургутский, салымский, вахо-васюганский).

В лексике хантыйского языка отразились связи с соседями. Так, оленеводческая терминология и названия зимней одежды общи с ненецкими. Скотоводческая терминология близка к татарской и коми-зырянской. За последние годы все большее количество слов заимствуется из русского языка.

Современная территория расселения хантов и манси расположена к востоку от Уральского хребта, по Оби и ее притокам. За исключением Уральского хребта и неширокой полосы предгорий, страна представляет собой обширную низменность, покатую к Северному Ледовитому океану, прорезанную многочисленными реками бассейна крупнейшей реки Сибири — Оби. К наиболее крупным рекам относятся: Тура — приток Тобола, Лозва и Пелым — притоки Тавды, впадающей в Тобол, Конда — приток Иртыша, северная Сосва — приток Оби, где расселены преимущественно манси, и рр. Куноват, Казым, Аган, Тром-Юган, Вах, Васюган, Большой Юган, Салым и другие притоки Оби, где живут ханты. Наибольшую часть территории, как более возвышенные части, так и низменности, покрывают громадные болота: моховые, торфяные, осоковые, заросшие мелкой болотной сосной.

Климат суровый, резко континентальный, особенно при приближении к Уралу. Устойчивый 2-метровый снеговой покров держится в среднем свыше полугода. Летом наблюдаются большие половодья. Разлившиеся реки затопляют низменные левые и отчасти правые берега на десятки километров. Реки Обь, Иртыш и их главные притоки в течение всего лета представляют собой необозримое водное пространство.

С наступлением лета температура быстро нарастает, солнце греет свыше 20 час. в сутки, что компенсирует малую длительность весны и лета, дает возможность растительности быстро развиваться, созревать овощам и ягодам. Лесная зона представлена в основном хвойными лесами — кедровыми, сосняком, лиственничными; строевые полноценные сосняки растут по возвышенным холмам, мелкая полярная сосна — по болотам. кедры массивами прилегают к высоким речным берегам. Леса богаты зверем: белкой, горностаем, лисицами, выдрой, куницей, соболем, медведями, росомахами. Волк и рысь редки. Прежде был распространен бобер, теперь сохранившийся лишь в трудно доступных местах на рр. Конде и Сосве. В тайге обитают лось и северный олень, в тундровой зоне — песец. Очень велики запасы боровых и водоплавающих птиц: тетерева, глухаря, куропатки, рябчика, гусей, уток, лебедей. Реки богаты ценной рыбой: сиговыми, лососевыми и различными видами черной рыбы.

Историческая справка

Древняя история обских угров, хантов и манси в настоящее время изучена еще недостаточно. Намечаются лишь отдельные вехи в длительном процессе формирования обско-угорской культуры Западной Сибири и Приуралья.

К началу II тысячелетия до н. э. лесная полоса Приобья была населена племенами северных уральцев, оседлых охотников и рыболовов, культура которых сложилась в результате смешения древних уральских племен, пришедших на эти территории в предшествующий период с юга (из Приаралья), с аборигенными племенами (возможно палеоазиатскими). Археологические материалы показывают, что северные уральцы имели круглодонную керамику со штампо-гребенчатым орнаментом, покрывавшим всю поверхность сосудов, употребляли стрелы с костяными и каменными наконечниками, гарпуны, острогу и разные типы рыболовных костяных крючков.

В эпоху бронзы и раннего железа в степях и лесостепях Западной Сибири (в Прииртышье) обитали племена кочевников-коневодов. Есть основания видеть в этих кочевниках ранние угорские племена.

Степняки-коневоды и северные уральцы охотники-рыболовы тесно соприкасались друг с другом в лесостепной и лесной полосе Западной Сибири. Это соседство не могло не отразиться на культуре тех и других племен. С давних времен между ними существовали межплеменные связи — мирные (обмен) и военные, облегчавшие взаимное проникновение отдельных элементов культуры.

С середины первого тысячелетия н. э. наблюдается переселение на север, вероятно, довольно значительных групп степняков угров, из Прииртышья, в результате чего в Нижнем Приобье возникает новая культура, легшая в основу культуры современных хантов. Угорские группы, проникшие на север, попав в новые условия существования (таежная полоса), сильно изменили свою культуру. В частности, они утратили коневодство, неприспособленное в существовавших у них формах к условиям тайги. Однако память о коневодстве сохранилась в терминологии, фольклоре и изобразительном искусстве современных угров.

В культуре северных охотничьих племен в связи с приходом на их территорию кочевых племен ранних угров появляются черты южного происхождения, в том числе и среднеазиатские (в языке, искусстве, ткацком деле, одежде и т. д.), сохранившиеся в IV—VII вв. н. э. и позднее.

Возможно, что некоторые элементы этнографического комплекса, характерного для современных хантов и манси, прослеживаются уже во второй половине I тысячелетия н. э.

Современная культура обских угров (хантов и манси), сохраняющая в своей основе типично таежный облик, является культурой оседлых охотников-рыболовов, сохранившей много элементов южных культур.

Известную роль сыграло в истории части хантов и манси оленеводство, обусловившее в значительной степени специфику их хозяйства и быта. Оленеводство у обских угров появилось под влиянием ненцев, которые распространились, видимо, около конца I тысячелетия н. э. по западным тундрам, проникнув туда с низовьев Енисея. В дальнейшем отмечается соприкосновение в эпоху Сибирского царства юго-восточных манси и части иртышских хантов с татарами.

Русские, в лице новгородских промышленных и торговых людей, были знакомы с «югрой», как это видно из летописей, уже в XI в. В Киевской начальной летописи помещен сказ (1096 г.) новгородца Гюряты Роговича о югре. В нем говорится о югре, соседящей с «самоядью» и ведущей торговый обмен железными изделиями с обитателями Уральских гор. С XII в. новгородцы установили постоянные сношения с зауральскими племенами. Они вывозили оттуда собольи и куньи меха.

Название «югры» («угры») исчезает в письменных источниках в XVII в. Термины, производные от «югра» (например «югорский»), остаются в географических названиях: так, Урал называют «Югорские горы», южный берег Карского моря — «Югорский берег», пролив между о. Вайгач и материком — «Югорский пролив», «Югорский шар».

С того времени, когда Новгород вошел в состав Московского государства, дальнейшее освоение Сибири проходило по инициативе московского правительства. В целях закрепления административной власти над Югорской землей московское правительство снаряжает за Урал в XV в. ряд экспедиций. Походы Курбского и других дополнили титул московских князей наименованием «князь югорский». В 1583 г. после победы Ермака над сибирским ханом Кучумом и взятия Искера ближайшая часть иртышских хантов и манси обратилась к Ермаку с просьбой принять их под покровительство московского князя; они добровольно брали на себя ясачные обязательства, стремясь обеспечить себе безопасность от татар.

Уже в 1584 г. в устье Иртыша в результате похода воеводы Мансурова был построен первый русский острог на хантыйской земле — Обский городок, просуществовавший до 1594 г. В этом же году был построен г. Сургут. Почти одновременно были основаны городки Пелым, Березов. Обдорский (Носовой) городок был построен в начале XVII в. С этого времени на Югорскую территорию начинается приток русских промышленных и служилых людей.

Из укрепленных центров шло постепенное заселение русскими окрестных земель. «Вогульские» и «остяцкие волости» вошли во вновь организованные уезды: в Тобольский — тавдинские манси, в Березовский — севернососвинские и ляпинские манси, в Верхотурский — лозвинские, чусовские, сыгвенские манси, в Туринский — туринские манси. Северные ханты вошли в Березовский уезд, южные — в Тобольский, восточные в Сургутский.

Русские воеводы опирались на родоплеменную верхушку и именовали в официальных документах того времени племенных вождей князьцами, стремясь создать из них мелких феодалов. Особенно выделялись кодские князьцы Алачевы, которые участвовали во многих походах русских к хантам, ненцам и эвенкам. С их помощью были поставлены Томский город, Маковский и Енисейский остроги. За усердную службу московским царям Алачевы были пожалованы в 1594 г. беспримерной в истории Сибири милостью: правом собирать на себя ясак и «поминки»

с двух остяцких волостей. Такое положение Алачевых сохранялось до тех пор, пока они были нужны в качестве опоры московскому правительству. По миновании этого царское правительство ликвидировало Кодское княжество. Кода была уравнена в правах с прочими волостями хантов и манси и стала облагаться ясаком на общих основаниях.

Размеры ясака были велики. В начале XVII в. ясак доходил до 10 соболей с женатых и 5 с холостых. Помимо официального ясака, ханты и манси отдавали лучшую пушнину местным воеводам и чиновникам, требовавшим «подарков», нещадно обиравшим своих подопечных. Не в силах выплатить все требуемое, ханты и манси разбегались. Документы нередко упоминают, что ханты и манси, не выдержав жестокой эксплуатации, «разбрелись розно». Обнищание заставляло даже «детишек закладывать». Ясак и недоимки взыскивались воеводами с большими жестокостями; к ним прибавлялись вымогательства сборщиков.

Ханты и манси обращались к правительству с жалобами и просьбами о защите. Правительство издавало грамоты, предлагавшие воеводам обращаться с «вогулами» и «остяками» кротко, не чинить насилий, не брать ясака сверх правительственного указа, не торговать в иных местах, кроме пунктов, указанных для взимания ясака и торговли. Предписания эти оставались, однако, по большей части только на бумаге. Пользуясь отдаленностью сибирских земель от Москвы, воеводы продолжали обирать местное население.

Хантыйские и мансийские князьцы, недовольные тем, что пушнина утекает в царскую казну и в руки воевод, а они лишаются основного источника своего обогащения, неоднократно организовывали заговоры против русских властей.

В 1592 г. произошло восстание манси под руководством князьца Аблегирима. В 1607 г. кодская «княгиня» Анна и обдорский князец Василий организовали восстание березовских и обдорских хантов и осадили Березов, но были разбиты. В 1608 г. опять был организован заговор во главе с той же «княгиней» Анной и князьцом Чумеем; к ним примкнули сургутский князец Кеул и князец Таир Самаров. Заговорщики вошли в связь с иртышскими татарами, кондинскими и сосвинскими «остяками», с обдорским князьцом Мамруком. Весной 1609 г. к ним присоединились манси и тюменско-туринские татары. Заговор охватил всю северо-западную Сибирь, но был раскрыт, и главные участники его были казнены царским правительством.

С конца XVII в. усилился захват земель хантов и манси русскими купцами и богатыми крестьянами. Последние с разрешения правительства насильно селились на земли хантов и манси и захватывали пашенные и сенокосные угодья. Купцы захватывали лучшие места для рыбалок, перегораживали реки в устьях, не пропуская тем самым рыбу в верховья и лишая население добычи. Они захватывали лучшие охотничьи угодья и хищнически истребляли пушного зверя. Ханты и манси пробовали жаловаться, но начальство во всех этих случаях не выселяло захватчиков с земель, принадлежавших хантам и манси, а лишь старалось «примирить» обе стороны.

Стремясь укрепить свое влияние среди хантов и манси, царское правительство насаждает у них христианство. Особенно энергично крещение хантов и манси проводилось в начале XVIII в. и считалось завершенным к 1751 г. Но крещение носило исключительно формальный характер и не могло существенно изменить религиозные представления хантов и манси.

В XIX в., в связи с развитием на Оби рыбных промыслов, рыбопромышленники захватывали под видом аренды лучшие рыболовные угодья.

Ханты и манси, продолжая числиться номинально владельцами этих угодий, превратились фактически в батраков, связанных кабальными договорами с арендаторами-собственниками крупных орудий лова. Кабальным кредитованием рыбаков и охотников, досрочным перезаключением арендных договоров купцы добивались такого запутанного положения, при котором ханты и манси не могли уже разобраться, выплачивают ли они долг текущего или прошлого года, за себя или за деда, получают ли арендную плату за год вперед или за прошедший год. Долги росли, переходили по наследству от отца к сыну, от деда к внуку. Такая же кабала возникала и на почве взимания ясака. Стремясь получить почти даровую рабочую силу, купцы-рыбопромышленники уплачивали за неимущих хантов и манси ясак с отработкой его на рыбных промыслах.

Одновременно с эксплуатацией населения пришлым купечеством и местными богачами росло имущественное неравенство и внутри самих хантов и манси на базе владения основными средствами производства (оленями, неводами, ружьями) и торгового посредничества (перепродажа пушнины, вина, различных товаров). Местные эксплуататоры не уступали в алчности и беззастенчивости пришлым купцам. В целом трудящиеся ханты и манси разорялись, страдали от алкоголизма и разных социальных болезней. Лишенное всякой помощи, заброшенное население нищало и голодало. Смерть от истощения была частым явлением в быту бедноты. Большие опустошения производили эпидемии, особенно оспы.

В 1841 г. низовые ханты района Обдорска, доведенные до отчаяния кулацко-купеческой эксплуатацией и вымогательствами царской администрации, приняли участие в повстанческом движении ненецкой бедноты, возглавляемом Вавлё Ненянга (Ваули Пьеттомин). Вавлё придавал большое значение вовлечению хантов в ряды своих сторонников; одной из причин его продвижения на Обдорск было намерение сместить хантыйского князьца Тайшина, стоявшего во главе Обдорской управы, в которую входили и ханты и ненцы. Это восстание, как и другие, было жестоко подавлено.

Особенно тяжелое положение сложилось для хантов и манси во второй половине XIX и в начале XX в. Развитие капиталистических отношений в Сибири ускоряло разорение и обнищание трудовых масс хантов и манси.

Для многих хантов и манси работа на купеческих рыбных промыслах становилась основным источником существования, а их собственное хозяйство принимало подсобный характер. Многие вовсе лишались своего хозяйства; у всех остальных оно теряло свой натуральный характер. Они все в большей степени оказывались в кабале у купцов и кулаков, через которых сбывали рыбу и пушнину и покупали пряжу для сетей, охотничье оружие, боеприпасы, а также часть продуктов питания и материалов для одежды .

Купеческая и кулацкая торговля на Обском Севере, как и в других районах Сибири, отличалась всеми отвратительными чертами хищнической торговли: она сопровождалась спаиванием, обсчетом, обвесом, сбытом явно негодных залежалых товаров, огромными наценками и, как уже указывалось выше, кабальной системой кредитования. Однако наряду с русскими эксплуататорами на Обском Севере была и масса русского трудового населения, работавшего на рыбопромыслах. Это население вместе с политическими ссыльными сыграло огромную положительную роль в жизни хантов и манси. В результате дружеских связей с трудовым русским народом значительно поднялась культура хантов и манси. Они познакомились с более совершенными орудиями труда, новыми типами построек, узнали земледелие и животноводство.

Охота и рыболовство

Широкое расселение хантов и манси на территориях с разнообразным географическим ландшафтом и различные культурные влияния соседних народов обусловили довольно пеструю картину их хозяйства. Для основной массы хантов и манси был характерен тип хозяйства, сочетавший рыболовство и охоту с оленеводством или скотоводством, имевшими подсобное значение. В зависимости от местных условий на первый план выступало рыболовство, охота или оленеводство. У хантов и манси, обитавших по Оби и в низовьях ее притоков (Казым, Сосва, Вах, Юган, Аган и др.), основным занятием было рыболовство. Жители верховьев рек, как ханты, так и манси, занимались главным образом охотой, а рыболовство имело у них подсобное значение. Приемы и орудия рыбного лова были различны у отдельных локальных групп. Ханты и манси с низовьев рек из своих селений выезжали на Обь для сезонной рыбной ловли. Весь период лова они с семьями жили в летних жилищах, добывая рыбу и заготовляя ее впрок. После окончания рыбного промысла, перед самым ледоставом, ханты и манси возвращались на свое зимнее местожительство. У этих групп запасы добытой рыбы далеко превосходили нужды личного потребления, и большая часть добычи шла на продажу.

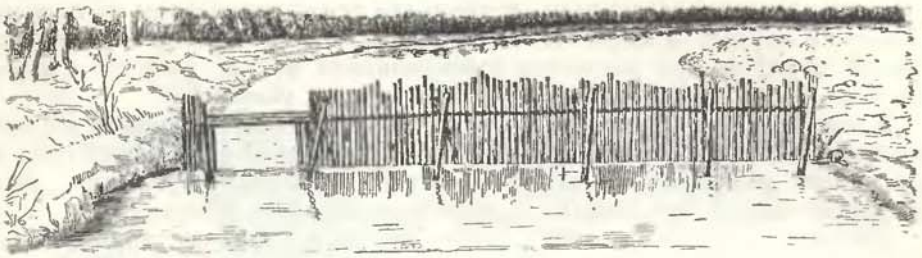
Помимо основного сезонного лова, ханты и манси круглый год промышляли рыбу самыми разнообразными способами в близлежащих от жилья протоках и озерах. По мелким протокам, в верховьях рек ханты и манси для промысла рыбы имели различного рода плетеные ловушки, заграждения из кольев — запоры и сети.

Из сетевых снастей у хантов и манси были распространены различные мешкообразные сети — *колыдан* — примитивный трал или драга, *сырп* — вид бредня и *сежа*. Сети плели из конопляных веревок, а в старину из крапивы. Их окрашивали настоем коры черемухи, отчего они принимали темнокоричневый цвет и были мало заметны в воде. Кроме сетей применялись уды с железными или костяными крючками и острога. В период икрометания рыбу, главным образом щуку, били из лука.

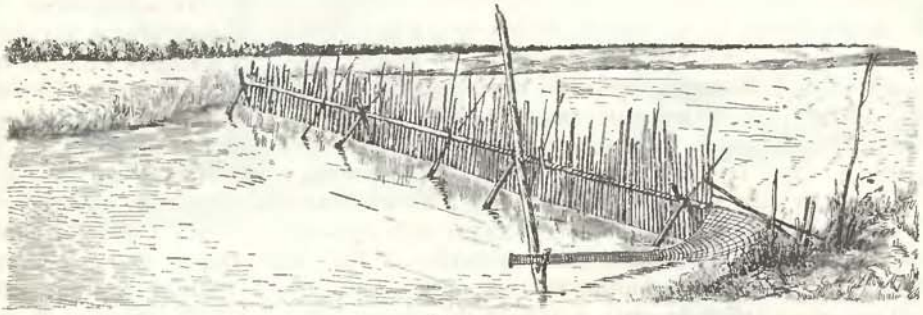
Охотничий промысел состоял из охоты мясной (на крупного зверя и птицу) и пушной, уже с давних времен получившей товарное значение. Основную роль играл пушной вид промысла. Из пушных зверей на первом месте стояла белка. В отдаленном прошлом ее место занимал соболь, служивший основной единицей при уплате ясака. В верховьях р. Конды был значительный промысел бобра, шкура и «струя» которого очень ценились.

«Лесовать» ханты и манси начинали с конца сентября, когда выпадал первый снег. В половине декабря охотники собирались в зимние юрты и жили дома, примерно, до половины января. В это время они ездили на ярмарку, сдавали ясак, продавали пушнину, забирали товар. Вернувшись домой к половине января, они снова шли «лесовать» до половины апреля, т. е. до весенних оттепелей. Со вскрытием рек ханты и манси перебирались из своих зимних юрт к рекам и озерам в летние жилища. Начинались рыболовство и охота на птиц.

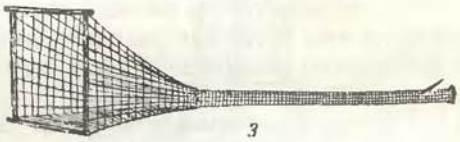
Ружья появились у хантов и манси в XVIII в. В начале XX в. кремневые ружья у них вытесняются ружьями центрального боя. При охоте на крупного зверя (оленя, лося, медведя) употребляли копья. Соболя промышляли всю зиму с ружьем, капканами и сетями-обметами. На белку ходили с собакой, которая выслеживала зверька. Еще в первые годы советской власти на промысле белки и боровой птицы употребляли лук со стрелами, имевшими тупые наконечники, не портившие шкурки. Добывали белок также плашками и черканами (рр. Юган, Вах). На росомах обычно настораживали капканы на местах старых стоянок.



1



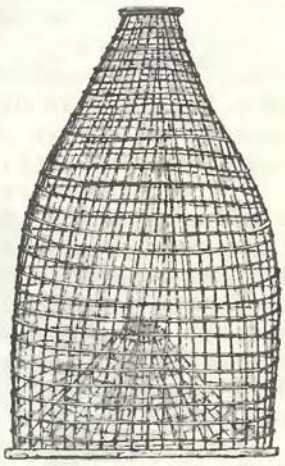
2



3

4

5



6

Орудия рыболовства. Ханты

1 — вапор (вар) для промысла рыбы на больших реках важаном (сетью в виде мешка); *2* — вапор для промысла рыбы на узких протоках с помощью ловушки — рукава; *3* — рукав; *4* — ваездок для подледного лова рыбы; *5* — сачок для вынимания льда из проруби; *6* — гимга — рыболовная ловушка из тальника, ставящаяся в вапорах

Горностая добывали черканом. Юганские ханты били очень много северного зайца и привозили на ярмарку в Сургут заячьи шкуры возами. Промышляли зайцев капканами, самострелами и пастями. На лисицу ходили с ружьем, ставили самострелы, устраивали также гон верхом на лошадях и оленьих нартах. В марте по насту лисиц ловили капканами; в мае добывали лисят из нор подкопом, выкармливали рыбой, а когда к осени они вырастали и мех принимал нужный вид, их убивали.

В августе—сентябре начиналась охота за лосями. Охотник с собакой выслеживал лося и гнал его, иногда 4—5 дней, пока не приближался на расстояние выстрела. На сухих болотных островках, куда лось ходит за свежей травой, его добывали настороженными самострелами.

Добывали лося и другим, очень старинным коллективным способом — загородками и ямами, устраиваемыми на ежегодных путях миграции зверей. Манси сообща строили на этих путях очень длинные, до 70 км изгороди в две жерди. В изгороди оставляли на известном расстоянии несколько проходов. По обеим сторонам прохода настораживали самострелы с большими стрелами и железными наконечниками в виде ножей. Насторожку делали очень тщательно, лук натирали пихтовыми ветками, чтобы уничтожить запах человека; деревья поблизости не рубили, не трогали. При проходе лось задевал насторожку, обе стрелы спускались и попадали ему между лопаток. Удар бывал настолько силен, что стрелы иногда пробивали насквозь грудную клетку животного. Делали в этих проходах также «подрези» (настороженные балансирующие жерди с ножеобразным острием), ранившие зверя при проходе; иногда выкапывали в проходах глубокие ямы, тщательно маскировали их хворостом и на дне их устанавливали колья или ножи на древках.

Эти способы охоты на лося давали большую добычу, но были хищническими: в ямы попадали самки и детеныши, много раненых зверей уходило и бесполезно погибало. Кроме того, эти насторожки и ямы были небезопасны и для самих охотников.

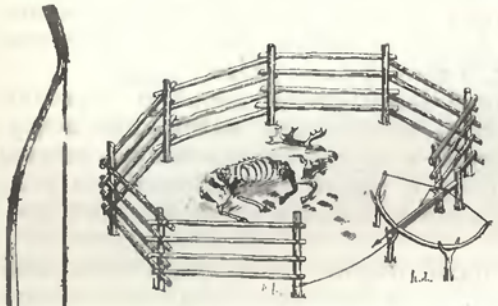
Изредка промышляли медведя. Добывали его артелью большей частью в берлоге рогатиной и ружьем или специальными ловушками. Добыча медведя сопровождалась «медвежьим праздником».

Боровую птицу, главным образом глухаря, добывали ловушками, которые ставили недалеко от дома, чтобы и дети и старики могли их осматривать. Промышляли птиц и ружьем. Главный промысел на боровую дичь происходил осенью. Добытую птицу заготовляли впрок — вялили на солнце и коптили на огне.

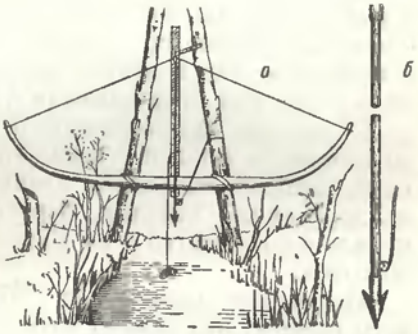
На водоплавающую птицу охотились обычно весной, во время прилета, и летом, во время линьки. Весной добывали уток и гусей перевесами: в лесу между водоемами — озерами, протоками реки и др. — прорубали просеку, в которой натягивали сети. Птицы, перелетая с одного водоема на другой, попадали в эти сети. Зимой добывали куропатку петлями-силками; на куропатку охотились также с ружьем и с собакой. Летом добывали изредка уток волосяными петлями-пленками. Во время перелета гусей и лебедей употребляли чучела-приманки и били спускавшихся птиц из ружей.

Как было уже отмечено, до недавнего времени у хантов и манси бытовали самострел и ручной лук. Лук самострела делался из одного куска дерева. Настораживали лук и на мелкого зверя, и на медведя, и на лося. Ручной лук у хантов и манси был сложный. Склеивался он из двух полос дерева: внутренняя делалась из кедровой «крени», а наружная — из березы. Эти склеенные полосы снаружи обертывались тонкими полосками вываренной бересты. Тетиву делали из крапивы или конопли; для этого волокна их мочили, сушили, вытягивали и, наконец, проклеив, обматы-

1

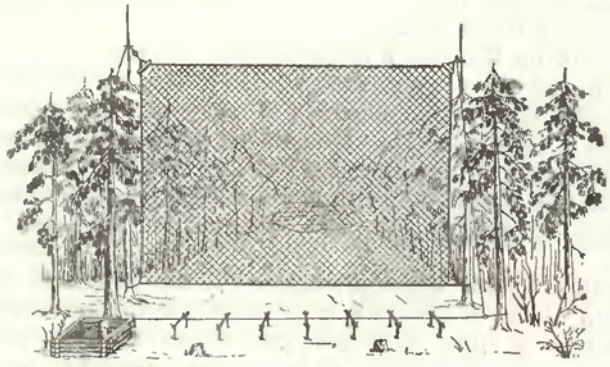


3



4

2



5

6

Приемы и орудия охоты. Ханты

1 — охотник с волокушей; *2* — охотничий лук; *3* — способ добывания медведя с помощью самострела; *4* — самострел на выдру: *а* — способ настораживания самострела, *б* — стрела с катушкой и веревкой; *5* — перевес — подвесная падающая сеть на уток; *6* — стрела с тупым наконечником для охоты на дичь и белку

вали тончайшими берестяными полосками. Длина лука была около 2 м. Стрелы делали еловые в 1/2 м длиной; железные наконечники были разных видов: развилкой — на уток, копьем — на медведя и выдру, неглубокой развилкой и в виде ножа — на лося, с зубцами — на рыбу и т. д. Наконечник вклеивали в древко серой и обматывали ниткой. Оперение делали из перьев орла или ястреба. Употребляли стрелу, свист которой напоминал свист ястреба, несущегося на добычу. Услышав этот свист, утки и гуси падали вниз на воду, где их били уже стрелой с развилкой. Свистящую стрелу употребляли также при охоте на зайца, пуская стрелу над ним. Услышав свист стрелы, заяц со страху забивался в первый попавшийся куст, где его настигал и убивал охотник. Особой деревянной стрелой били уток-маток. Стрелу пускали над водой, и она, летя над поверхностью воды, оперением разбрызгивала воду, подобно утенку; мать-утка бросалась навстречу и падала убитая. К древнему оружию обских угров относится копье с наконечником в виде двусторонне отточенного ножа и рогатина. Употреблялись они при охоте на медведя.

Оленеводство

Оленеводство северных хантов и манси, судя по историческим и языковым данным, было заимствовано ими около XV в. от ненцев. По сравнению с ненецкими стадами оленьи стада хантов и манси были невелики. Вместе с оленеводством проникли к хантам и манси от ненцев ряд производственных навыков, типы одежды, кочевое жилище — чум и пр. В язык их вошла ненецкая терминология оленеводства. Кочуя вместе с ненцами, некоторые ханты-оленеводы весной со стадами отходили на север к морю. Там эти ханты занимались, как и ненцы, морской охотой и рыбной ловлей. С наступлением осени они откочевывали к югу, в полосу лесотундры.

Обдорские ханты-оленеводы, как и ненцы, вели меновую торговлю со своими таежными соплеменниками — казымскими, ваховскими и другими хантами, обменивая оленьи шкуры и другие продукты оленеводства на деревянные поделки, бересту, рыбу и рыбий жир. Подсобную роль играло оленеводство и на Казыме. Казымцы имели в среднем стада в 25—30 голов.

Несколько оленеводов объединяли обычно свои стада для летнего выпаса; это давало возможность части населения оставаться ловить рыбу на Оби. Такого же характера оленеводство было и у ваховских хантов. Количество оленей было здесь так невелико, что не обеспечивало даже потребностей транспорта.

В то время как на Казыме в оленеводстве применялись загоны, дымокуры, колодки на ноги и окарауливание пастухами, на Вахе и Агане ханты оставляли оленей большую часть года без надзора. Олени были предоставлены самим себе и разбредались. Поиски их начинались с первым снегом и длились иногда до 2 месяцев; собрав стадо, ханты с семьями отправлялись на места охоты. Лишь некоторые хозяйства держали свои небольшие стада при себе, строили для них загоны и большие бревенчатые сараи.

У манси лишь очень незначительное число хозяйств по верховьям Лозвы, северной Сосвы и Ляпина, т. е. там, где была возможность уйти для летнего выпаса в горы на Урал, развивало оленеводство в качестве основной отрасли. У большинства манси олени служили лишь транспортным целям, и количество их было очень невелико. Зимой оленей держали на моховищах около селений, а летом по большей части отправляли в горы на Урал, отдавая их на выпас упомянутым оленеводам или, соединив оленей, посылали общее стадо в горы под присмотром нескольких пастухов. В низовьях Сосвы на Оби, где выгон на Урал был затруднителен, оленей и летом держали близ дома; при этом в защиту от гнуса для них делали

специальные сараи и дымокуры. Безоленные манси на время зимнего охотничьего промысла иногда нанимали оленей, уплачивая за них добытой пушниной. Кондинские манси и обские ханты в качестве транспорта использовали собак; однако ездовое собаководство среди обских угров было очень примитивно.

Животноводство и земледелие

Животноводство у хантов и манси было развито слабо. Способы ведения скотоводческого хозяйства были таковы, что большого значения оно не могло иметь. Березовские, васюганские, иртышские ханты, кондинские, сосьвинские и обские манси имели лошадей, овец, домашнюю птицу. Коров держали очень мало. Лошадьми пользовались зимой, после ледостава, а летом отпускали их пастись без надзора.

Зачатки земледелия у иртышских хантов существовали еще до прихода русских. Сеяли тогда главным образом ячмень. Обрабатывали поля мотыгами, колосья вырывали, а не срезали, вместо молотьбы обжигали. У манси перед революцией земледелие было занятием подсобным, малозначительным даже у оседлых, обрусевших манси Верхотурья, низовий Лозвы и Пелыма, которые уже в XIX в. почти не отличались по быту от русских крестьян. Сеяли они овес и ячмень. Орудия земледелия были очень примитивны, часто сеяли без пахоты, взрыхляя землю лишь бороной-«суковаткой». Основным источником существования и здесь были охота и рыболовство.

Огородничество, очень незначительное, существовало лишь у иртышских и части кондинских и приобских хантов. Угодья, пригодные для земледелия, и выгоны ханты часто сдавали в аренду, подобно рыболовным пескам.

Пища

Основной пищей хантов и манси в прошлом были мясо и рыба. Домашнего оленя забивали только зажиточные оленеводы. Главную роль в питании играло мясо дикого оленя, лося и других промысловых зверей. Почки, печень, костный мозг, глаза, уши, губы, а иногда и другие части туши ели сырыми. Остальное мясо варили; свежую кровь пили сразу после забоя, остаток ее собирали и на ней замешивали мучные лепешки, прибавляли в мясной навар. В пищу употреблялись и молодые мягкие оленьи рога.

Осенью, при большой добыче диких оленей, мясо их заготовляли впрок: его нарезали длинными тонкими ломтями и раскладывали для вяления на особых высоко поднятых над землей настилах. Иногда мясо слегка подкапчивали. Сало оленя коптили; оно считалось лакомством. Зимой мясо оленей ели замороженным, нарезая ножом тонкие стружки.

Рыбу ели сырой, вареной и вяленой. Летом рыбу вялили на вешалах, устраиваемых тут же около летнего стойбища, подкапчивали над разведенным под вешалами дымным костром. Из внутренностей вытапливали в больших котлах рыбий жир, который являлся немаловажным продуктом для хантов и манси: он шел в пищу в чистом виде или смешанный с толчеными ягодами черемухи; на нем жарили мучные лепешки и приготовляли из него «варку», для чего проваривали в нем истолченную сухую рыбу. Такую «варку» всегда брали в дорогу и на охоту. Зимой рыбу ели мороженой. Головки рыбы, иногда и всю мелкую рыбу сушили и толкли в муку, из которой варили болтушку. Вынутые при изготовлении юколы из крупных рыб кости не выбрасывали, а сушили, толкли и тоже употребляли в пищу и на корм собакам. Рыбьи пузыри сушили и делали из них клей. Боровую и водоплавающую дичь ели в вареном виде или вялили и коптили. Употребляли в пищу также яйца диких птиц.

Из дикорастущих ханты и манси потребляли ягоды (чернику, черную смородину, бруснику, черемуху), которые ели сырыми, смешивая с жиром; собирали растения из семейства зонтичных, «медвежью дудку»,

Хлев для коров. Ханты

дикий лук и различные клубни. Грибов не ели, считая их нечистым порождением. Весной собирали и пили березовый сок.

Печеный хлеб стал широко потребляться хантами и манси лишь в недавнее время, несмотря на то, что он был, видимо, им известен давно. Еще в XVII в. ханты и манси изредка в обмен на пушнину и рыбу брали у русских печеный хлеб. Мука, особенно ржаная, значительно раньше печеного хлеба вошла в употребление у этих народов. Бедняки из нее делали болтушку, забалтывая муку в кипящей воде, бросая в нее плоды шиповника и «марьин корень». Более зажиточные пекли из муки на золе и камнях пресные лепешки. Соли раньше не употребляли ни при приготовлении пищи, ни при заготовке впрок продуктов.

Общеупотребительно было жевание древесной смолы, преимущественно лиственничной, которая считалась средством для предупреждения цынги.

Средства передвижения

Раньше единственными средствами передвижения по водным путям служили лодки разных типов. Долбленку (облас) изготовляли из осины; для этого срубали ствол дерева, отесывали поверхность его топором и заостряли корму и нос. Дальнейшее выдалбливание производилось теслом — поперечным топором с полукруглым лезвием. Затем, подняв долбленку над землей, разводили под ней костер, а внутрь наливали воду. Древесина распаривалась и позволяла развести борта, которые закреплялись вставленными поперечными палками. Иногда для увеличения грузоподъемности вдоль бортов пришивались тонкие доски. Долбленки делались разной величины; они могли поднимать от одного до восьми и более человек.

На Сосве и Оби были распространены более совершенные лодки с днищем из кедра и с бортами из еловых досок, пришитых к днищу сосновыми корнями. Лодки эти были легки, устойчивы и обладали хорошим ходом.

Для дальних сезонных переездов пользовались большими лодками типа енисейских илимок, грузоподъемностью до 7—8 т, имеющими каюту из

Изготовление челнока (обласа). Ханты

досок и мачту для прямого паруса. Такая лодка служила и летним жильем на промысле. Иногда при переездах семьи связывали вместе две небольшие лодки, устанавливали на них каркас из жердей и покрывали его берестой. До середины XVIII в. существовали берестянки — лодки, сделанные из бересты.

Упряжное оленеводство у хантов и манси, как упоминалось выше, заимствовано от ненцев. Конструкция оленьих нарт, способ упряжки оленей, оленеводческая терминология — ненецкие. Северные ханты на оленьих нартах ездили круглый год. Ханты и манси, державшие лошадей, употребляли русские сани и особые конные нарты. Безлошадные и безоленные передвигались на лыжах, а груз перевозили на собаках. На собаках же отправлялись на промысел, подвозили к жилью воду, дрова. Собак запрягали одну или несколько веером или цугом. Иногда охотник на лыжах сам впрягался и помогал собакам тянуть ручную нарту. Собачья нарта отличается по типу от оленьей. Она ниже, у́же, легче; копылья ее укреплены ремнями. Для переноски груза на пешей летней и осенней охоте применялись крошни, а вишерские и чердынские манси употребляли специальную накидку — *лузан*, или *луз* (у коми *лаз*), представлявшую собой прямоугольный кусок кожи на войлочном подкладе с круглым вырезом для головы посредине; переднее и заднее полотнища скреплялись по бокам у пояса. Верх и подклад лузана сбоку сшивался неплотно, образуя место для хранения запасов (хлеба, спичек, табака и т. п.); снаружи к лузану пришивали петли из кожи для некоторых орудий (топора и др.) Ханты такой накидки не знали.

Селения и жилища

Селения хантов и манси в прошлом состояли из 1—10 домов с пристройками, расположенными без всякого плана. Селения отстояли далеко одно от другого. Общее название селения — *пугол корт* (хант.), *паул* (манс.; ср. венгерское *фалу* — «деревня»).

Соответственно с характером своего хозяйства ханты и манси имели жилища кочевого и оседлого типов. Так, ханты и манси-оленеводы жили

в заимствованном ими у ненцов чуме (манс. *ёрн кол*, хант. — *ёрн хот* — «ненецкий дом»). Чум этот по устройству ничем не отличался от ненецкого.

Постоянным зимним, а иногда и летним жилищем большинства хантов и манси служил срубный дом из нетолстых бревен или толстых плах. Строился такой дом без потолка, с очень пологой двускатной крышей, покрытой по деревянным планкам полосами специально выделанной бересты, сшитой в большие полотнища. Поверх бересты клали ряд тонких жердей — накатник; вышина сруба равнялась 2—3, длина 5—9 и ширина 4—5 м. Крыша по переднему фасаду несколько выдавалась вперед и опиралась на столбы, образовывая сени. В избушку вела небольшая, высоко прорубленная дверь. У манси дверь ориентировали на юг, у хантов — по направлению к реке. В одной или обеих боковых стенках дома делали окна. Прежде зимой в окна вставляли льдину (вместо стекла), летом оконное отверстие затягивали рыбьим пузырем.

В углу дома, справа или слева от двери, устраивали очаг — чувал (*чогал*, или *човал*) из жердей, обмазанных глиной. Дрова в чувал ставились стоймя. По окончании топки трубу чувала закрывали деревянным кругом или комком моха, сена. Огонь чувала был единственным отоплением и освещением жилища. Летом в чувале также весь день поддерживали огонь, но не для тепла, а для дыма, защищающего от комаров и мошки.

По двум-трем стенам внутри дома делались из земли низкие широкие нары, которые обшивались по бокам досками или жердями. На нары клали плетенные из травы или тростника цыновки, поверх которых расстилали оленьи шкуры («постели»). Далеко не все ханты умели, однако, плести цыновки. Вдоль свободной от нар стены около входа на полках размещалась посуда. В случае совместного проживания в одном доме семей нескольких братьев нары разделялись невысокими перегородками на отдельные отсеки, служившие помещением для отдельных семей. У хантов, проживших на р. Вах, бытовали земляные жилища (*мыг-кат* — «земляной дом»). Они представляли собой четырехугольную яму, укрепленную срубом, с крышей из жердей, покрытых дерном. Крыша имела сбоку или посредине довольно большое отверстие для дыма и света. В одной из сторон землянки был устроен ход со спуском из ряда ступенек, закрытый дощатой дверью. Перед дверью жердями отгораживалась небольшая площадка, называемая *тебын* — сени. Здесь помещались собаки. Очаг устраивали сбоку или посредине землянки.

Встречались у хантов и полуземлянки, имевшие форму усеченной пирамиды. Над ямой глубиной 0.5 м ставили 4 наклонных столба, соединенных сверху перекладинами, образующими квадрат. Сбоку к этим перекладинам приставляли бревна и плахи, служившие стенками; верхний квадрат из перекладин покрывался жердями. Вся постройка снаружи обкладывалась землей и дерном. В некоторых случаях в основании землянки устраивали сруб, три звена которого возвышались над землей. Крышу делали двускатную из накатника и покрывали берестой.

Манси строили только срубные дома; описанные нами выше землянки и полуземлянки у них не встречались. Они были характерны главным образом для групп восточных хантов (живших на рр. Вах, Васьюган, Юган).

Особенностью хантыйских и мансийских селений была установка в них специальных столбов для привязывания оленей и лошадей. Такой столб вбивался перед каждым домом против переднего фасада. Иногда столбы украшались зарубками, изображениями человеческих лиц, животных и птиц.

Жилище хантов.

1 — зимнее жилище; *2* — свайный амбар; *3* — берестяной шалаш — летнее жилище; *4* — печь для выпечки хлеба

В старину при общественных молениях к этим столбам привязывали жертвенных животных. Каждое хозяйство имело амбар. Амбары — срубные четырехугольные постройки из плах или бревен, поставленные на столбы или на пни высотой в 1—2 м. Количество столбов было различным — от 1 до 4 и более. Столбы затесывались уступом, чтобы воспрепятствовать мелким грызунам проникать в амбары. Подымались в амбар при помощи приставной лесенки — бревна с зарубками. В амбарах хранили запасы пищи, одежду, утварь, оружие и другое имущество; летом в амбарах спали.

Ханты и манси, имевшие лошадей, строили для них холодные стойла с тонкими стенками и крышей. Иногда ограничивались постройкой навеса на столбах без стенок.

Летом, выезжая на рыбалку или охоту, ханты и манси на местах промысла строили временные жилища — шалаши. Шалаш имел прямоугольную форму. Остов такого шалаша строился на месте, из жердей. Снаружи и сверху этот остов закрывали берестяными полотнищами. Внутри его вешали пологи от комаров. В этом шалаше помещалась вся семья. Земляной пол в шалаше закрывали ветками и цыновками, плетенными из прутьев ивы или из тростника; поверх цыновок клали оленьи шкуры. В центре шалаша находился очаг — *рат* Около шалаша постоянно поддерживался огонь — костер, на котором варили пищу, вываривали рыбий жир. В свободное от варки пищи время костер постоянно тлел, давая едкий дым, спасавший людей от мошки и комаров (для этого в него подкладывали ветки гнилой сырой ивы). Зимой, находясь на далеком расстоянии от дома на промысле, охотники жили в избушках (в случае длительного обитания на одном месте) или в различного вида шалашах, навесах и снежных ямах, крытых плахами, еловыми ветвями или берестяным полотнищем. В стороне от зимних и летних постоянных жилищ на деревянном помосте строили печи для выпечки хлеба. Их сбивали из глины, наподобие русской печи без трубы. Над печью устраивали навес. Такими печами пользовались сообща несколько хозяев.

Посуда собственного изготовления — ложки, чашки, ковши — делалась в основном из дерева и бересты. Из дерева делали блюда, называвшиеся по-хантыйски *ан*, а по-мансийски *аны*. В былинах этим же термином называют глиняную посуду. Черепки глиняной посуды находят в раскопках и на территории расселения хантов и манси.

У всех групп хантов и манси широко бытовала покупная глиняная и фаянсовая посуда (чайные чашки), ножи и ложки. Варили пищу в покупных больших медных или железных круглых котлах с железными ручками (хант. *саран-пут* — «зырянский котел»), или, что чаще, в чугунных *ахтас-пут*, т. е. «каменный котел». Котлы подвешивались над костром. Упоминания об этих котлах встречаются и в былинах.

Изделия из бересты снаружи украшались орнаментом, выполненным техникой соскабливания внутреннего слоя. Широко распространены были плетенные из кедрового корня корзиночки-корнватики. Необходимой принадлежностью в хозяйстве хантов и манси были древесные, мелко наскобленные стружки; ими вытирали посуду, лицо, руки. Изготовляли их из промерзшей древесины тальника, березы, редко сосны и ели, путем скобления ножом при оттаивании. Эти же стружки употреблялись как перевязочный материал при ранениях, как подстилка для ребенка и т. д.

Одежда

У северных оленеводов хантов и манси в качестве мужской верхней одежды служила глухая (без разреза впереди, надеваемая через голову) одежда с капюшоном, заимствованная ими от ненцев (малица, гусь). Эта одежда у других групп хантов и манси употреблялась только как дорожная. Обычную же верх-

нюю одежду их составляли шубы из оленьего и заячьего меха, беличьих и лисьих лапок: по покрою эти шубы были распашными, прямоспинными; они завязывались с помощью ровдужных ремешков или же запахивались и подпоясывались кожаным ремнем с большим напуском — пазухой. На р. Вах охотники ханты на зимний промысел надевали так называемый *колек*. Это короткая одежда из оленьей шкуры, сшитая мехом наружу. Колек туго подпоясывали и полы спереди затыкали за пояс, чтобы они не мешали быстрой ходьбе на лыжах.

Летняя мужская одежда северных оленеводов хантов и манси по покрою не отличалась от зимней. В качестве летней одежды служили старые малицы или суконные гуси. У южных и восточных хантов-охотников летней одеждой был короткий халат из грубого сукна, отороченный по вороту, рукавам и правой поле мехом. Иногда летняя одежда шилась из брезента в виде плаща.

Зимняя обувь оленеводов хантов и манси (*ёрн-вай*, т. е. «ненецкая обувь») представляла собой ненецкие пимы из камусов с меховым чулком. Южные приобские ханты эту обувь покупали у северных хантов-оленеводов. Как и у ненцев, обувь эта прикреплялась под малицей к поясу.

Большинство хантов и манси носило короткую обувь — *няра*, сшитую из продымленных лосиных, оленьих или конских камусов, мехом наружу. У зимней обуви этого типа верхняя часть оторачивалась сукном, а подошвы выкраивались из прочных и не скользящих «щеток» и шкуры, снятой со лба оленя. Няра надевалась на толстый, длинный чулок (*вай*), сшитый из сукна, брезента или ровдуги. Подобную обувь носили мужчины и женщины. У мужчин чулки тонкими ремешками прикреплялись к поясу поверх рубахи. Летом мужчины и женщины носили ровдужную обувь с подошвой из лосиной кожи. На эту обувь (с помощью растительных красок) часто наносился орнамент.

У южной группы хантов и манси мужские рубахи (хант. *ернас*, манс. *суп*) прежде шили из домотканного крапивного холста; они были длиной до колен, с отложным воротником, с вышивкой шерстью на груди и подоле; позднее появились рубахи-косоворотки, также вышитые. Рубахи подпоясывали с напуском. В первой четверти XX в. рубахи стали шить из покупных тканей. У северной группы хантов и манси рубахи и раньше шили только из фабричных тканей. Рубаха прикрывала узкие, заходящие немного ниже колен штаны (хант. *кась*, манс. *маньсуп*), которые шили из ровдуги, рыбьей кожи, холста и бумажных тканей. Поверх рубахи мужчины надевали ременный или тканый пояс (хант. *антып*, манс. *энтап*), к которому в расшитых бисером мешочках привешивались деревянные ножны с ножом, оселок и огниво. Нижняя часть ножен привязывалась к ноге, чтобы нож можно было легко и быстро вытащить.

Женская зимняя одежда северных хантов (*сах*) и манси (*сахи*) — оленья двойная меховая шуба, завязывающаяся спереди. В районах, где было мало оленей, подклад шубы делался из заячьих и беличьих шкурок и из беличьих лапок, из утиных, гагарьих и лебединых шкурок. Женские шубы у восточных хантов шились из заячьих шкурок, беличьих лапок, оленьих ушей и обрезков оленьего меха; сверху их покрывали сукном. Покрой шуб был распашной, с прямыми полами. На такую шубу шло до 800 беличьих лапок. При дальних поездках на оленях женщины, как и мужчины, надевали малицу и гусь. Зимняя женская обувь была ненецкого типа, такая же, как и у мужчин, но отличалась иным расположением украшений из полосок разноцветного сукна.

Женской летней одеждой был суконный или хлопчатобумажный халат яркого цвета, украшенный по подолу, полам, обшлагам и вороту нашивками

Мужская летняя одежда манси

из бисера, цветной материи и четырехугольных литых из олова бляшек; такие бляшки женщины отливали сами в специальных формочках из мягкого камня или сосновой коры. Женские пояса отличались от мужских более нарядным оформлением и были у́же мужских.

Женские рубахи южных групп хантов и манси были туникообразного покроя, из крапивного и льняного холста; их вышивали крестом синей и красной шерстью. Рубахи у северных групп хантов и манси были русского покроя; их шили из различных тканей, с прямым разрезом на груди. Бытовавшие у них платья были татарского покроя, с кокеткой и широким воланом. У рубах восточных хантов широкий отложной воротник, обшлага и ластовицы делались из иного материала, чем вся рубаха. С прекращением производства крапивного холста южные ханты стали шить платья, кофты и юбки такие же, как и местные русские крестьяне, причем юбки делали очень широкие.

Штаны женщины носили не везде. Как у хантов, так и у манси с наступлением половой зрелости девушка надевала особый пояс-повязку (*вэ́рып*), который носила до старости.

Других головных уборов, кроме шапки-капора, не было ни у мужчин, ни у женщин. Мужчины летом, а часто и зимой не покрывали голову. Летом для защиты от комаров голову повязывали шейным платком.

Женщины зимой и летом носили большие головные платки с широкой каймой и бахромой. Платок носили наброшенным на плечи и голову, со свободно свисающими концами, сложенными неровным треугольником по диагонали; малый треугольник женщины спускали на лицо, закрывая его таким образом от мужчин, старших родственников мужа.

Женская зимняя одежда хантов

В прошлом у южных хантов женщины носили головные повязки с налобниками из бисера, которые назывались *саравать* (ср. татарск. *сарауц*). Волосы ханты и манси в прежние времена не стригли. Мужчины, разделив волосы на прямой пробор, связывали их по бокам в два пучка и обвивали их красным или другим цветным шнурком. Женщины заплетали волосы в две косы, вместе с ложными косами обвивали их цветным шнурком в виде жгутов и украшали медными подвесками. Как мужчины, так и женщины вплетали в косы тесьму, украшенную по затылку прямоугольным кусочком кожи или сукна с нашитыми на нем медными пуговицами (у женщин пуговиц было пять, у мужчин четыре). Косы у женщин соединялись внизу толстой медной цепочкой, которая не давала им раскачиваться и свисать, мешая при работе. На цепочку подвешивали кольца, бубенцы, бусы и другие украшения. Женщины у хантов и манси носили большое количество медных и серебряных колец. У южных хантов были широко распространены женские бисерные украшения; воротники, различные нагрудные украшения, накосники и т. п. Бисер завозился русскими купцами. Основные цвета бисера были: белый, синий, черный и красный. Детская одежда более прочно сохраняла в покрое и в материале старые формы одежды взрослых, например детям еще шили одежду из птичьих шкурок уже в то время, когда в одежде взрослых этот материал исчез. Изготовление одежды лежало целиком на женщине. Женщины приготовляли шкуры, ровдугу и другие материалы для одежды, различные нитки для сшивания шкур, бересты, материи; они вышивали бисером, наносили орнамент различными способами и т. д.

Ткацкое искусство было известно хантам и манси, проживавшим по Салыму, Иртышу, Демьянке и Сосве, а также на Оби, в районе устья Ир-

Старинная вышитая рубаха. Ханты

тыша и вверх до устья Салыма. У этих групп имелся очень примитивный ткацкий станок. Такой же ткацкий станок и тот же способ тканья был распространен и у тобольских татар. Многие названия частей ткацкого станка у этих групп хантов и манси и у тобольских татар совпадают. Ткацкое искусство у хантов и манси не шло дальше изготовления самого простого холста, который в прежние времена делали из крапивы и лишь впоследствии из конопли. Но уже к началу XX в. ханты холстов не ткали, и ткацкие станки встречались в быту очень редко.

Социальный строй и религия

Ханты и манси делились в прошлом на ряд племен. Каждому племени соответствовал особый диалект. Так, у манси различались племена: верхней Лозвы, нижней Лозвы, верхней Конды, средней Конды. Нижнее течение Конды было заселено хантами, составлявшими единое племя с хантами среднего течения Иртыша. Племенную общность образовывали ханты и отчасти манси средней Оби (теперешнего Микояновского района) и казымские ханты. На Сосве было три племени: верхней Сосвы, нижней Сосвы и Ляпина; известны и другие племена. У каждого племени был свой определенный центр и были свои военные вожди. Для ляпинских манси, например, таким центром было с. Лопынг-ус, или Лопынг-вож. В этом селении периодически устраивались общие племенные празднества с военными плясками. К месту, где происходили пляски, вели две

дороги; каждая фратрия этого племени приходила сюда своей дорогой. На Конде таким центром было с. Нахрачи, на Оби — Белогорье, Кондинск, Самарово, Сургут, Березов (Сугмытвож), на Казыме — Юильский городок и т. д. В периоды военной опасности отдельные племена заключали между собой союзы для объединенных действий против общего врага. Именно такие объединения племен, вероятно, производили набеги на строгановские городки Чердынь, Вымь и т. д. Эти союзы возникали по мере надобности и по миновании ее распадались. Каждая племенная группа имела отличия в орнаментации одежды, посуды и т. д.

Способ ношения ребенка. Манси

Все обские угры (манси и ханты) независимо от племенной принадлежности делились на две фратрии, из которых одна именовалась «мош» (манс.), «моньть» (хант.), а другая «пор». В прошлом фратрии были строго экзогамны, поскольку считалось, что в пределах одной фратрии все являются кровными родственниками — «братьями» и «сестрами». Позднее во многих местах фратриальная экзогамия уступила место родовой.

Каждая фратрия состояла из ряда родов. В недавнем прошлом количество этих родов было весьма значительно, но в древности их было, видимо, меньше. Анализируя имена родовых предков, можно выделить роды более древние и более поздние. Дробление родов вызывалось ростом населения, переселением в поисках лучших охотничьих и рыболовных угодий и т. д. Роды назывались по имени тотемного предка (наиболее древняя из всех встречающихся категорий родовых наименований) или по имени предка-богатыря. Нередко род имел два-три имени, отражавшие различные эпохи его истории. Род имел общий для всех его членов знак — тамгу, употреблявшийся как знак родовой собственности, а позднее как подпись в русских документах. Семейные, а затем и личные знаки являлись вариациями родовой тамги. В прошлом каждый род располагал определенным фондом имен, что было связано с представлением о переселении души умершего предка в родившегося в том же роде ребенка.

У каждого рода существовал культ предка. На священном родовом месте, где обитал дух-предок и имелось его изображение, находилась обычно и родовая сокровищница.

Еще в прошлом веке (в пережитках) сохранялся институт кровной мести. При этом существовала месть как по линии родичей отца («от отца унаследованная месть»), так и по линии матери («от материнских родичей унаследованная месть»). У каждого рода было свое кладбище, где

Группа женщин в старинной одежде. Ханты

хоронили только сородичей. Как в роде, так и в племени имелись лица, наделенные властью, вожди (хант. *урт.*, манс. *отыр*) с функциями главным образом военного порядка. Руководство хозяйственной деятельностью, судя по фольклору, часто, если не всегда, лежало на женщинах.

В отдельных местах, например в Кодском княжестве, складывались отношения, которые можно рассматривать как патриархально-феодальные. В эпоху Сибирского царства Кода была в особо близких отношениях с Искером. В южной части расселения хантов и манси, на Иртыше, еще в XVII в. существовало патриархальное рабство.

Разложение первобытно-общинного строя обских угров, которое началось еще до появления в Сибири русских, особенно интенсивно протекало в XIX в., чему способствовал частичный переход хантов и манси от натурального, замкнутого патриархального хозяйства к товарно-денежным отношениям. Русский капитализм все более захватывал в свои руки экономику Обского Севера, разоряя основную массу трудящихся хантов и манси. Сюда проникали различные скупщики, часто бывшие представителями крупных промышленников, которые наживались на доставке в тайгу и перепродаже хантам и манси различных товаров и в первую очередь спирта.

Крупные оленеводы ханты и манси эксплуатировали бедноту, работающую у них при стадах в качестве пастухов, и тех представителей бедноты, которых они на кабальных условиях снабжали транспортными оленями. Бедняки ханты и манси, совсем или почти не имевшие своих средств производства, вынуждены были работать как у своих богатых соплеменников, в частности у владельцев неводов, так и у русских купцов и кула-

Женская одежда. Казымские ханты

1 — халат с аппликацией из цветной материи; *2* — шерстяной вязаный чулок с головкой из черной ткани; *3* — кожаная обувь, расшитая бисером; *4* — рукавица, расшитая бисером

ков. Таким образом, среди хантов и манси были богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые.

Еще в XVIII в., по свидетельству В. Зуева, на Оби в некоторых местах продолжали сохраняться большие семьи в составе до тридцати брачных пар. В XIX в. размер большой семьи сократился до 4—6 брачных пар, а в XX — и до 2—3 пар. Такая семья состояла из родителей, женатых сыновей и иногда замужних дочерей, поскольку случаи матрилокального брака были нередки среди манси и хантов.

Социальный строй обских угров на рубеже XIX—XX вв. сохранял главным образом традиции отцовского рода. Хотя некоторые пережитки матриархальных форм и существовали, но в общем положение женщины у манси и хантов до революции было приниженным. Для брака согласия девушки не спрашивали. После выбора невесты родители жениха засылали сватов или жених ехал сам в сопровождении своих товарищей к родителям невесты. Сват или товарищ жениха вел с родителями невесты переговоры о размере калыма — выкупа за невесту. Размеры калыма были высокими. Уплачивался калым живыми оленями, одеждой, хозяйственной утварью. В переговорах значительную роль играла мать невесты.

Другой формой заключения брака был брак «угоном», естественно, пользовавшийся популярностью среди малоимущей молодежи. Пережиточной формой древнего матрилокального брака была система отработки за жену, взамен калыма, когда муж входил в дом жены и, занимая там довольно бесправное положение, жил три-четыре года, после чего мог выделиться с женой в самостоятельное хозяйство. Нередко, однако, особенно в случае отсутствия у жены братьев, он так и оставался в доме тестя.

Ханты и манси, будучи формально крещеными, сохраняли дохристианские религиозные верования, включавшие в себя довольно полный комплекс тотемистических представлений. Предками родов и фратрий считались животные или птицы, реже растения и даже иногда насекомые (бабочки).

Почитание распространялось на всех представителей данного вида животных или растений, поскольку они являлись своего рода «кровными родственниками». Животное-тотем нельзя было убивать всем членам данного рода, или, если его и убивали, то с соблюдением различных церемоний. Предком фратрии «мош» считалась Калдащ, представлявшаяся в образе белой зайчихи или бабочки. Ее священным деревом была белая береза. Фратрия «пор» вела свое происхождение от медведя. По некоторым мифам это — медведь, сын хозяина Верхнего Мира, Нуми-Торума, а по другим, более архаическим, — медведица, родившая первую женщину.

Помимо фратриальных, каждый род почитал и своих родовых тотемов, в подавляющем большинстве тоже зооморфных. Зооморфные изображения предков хранились в определенных местах, где периодически, обычно перед началом промысловых сезонов, им приносили жертвы.

Особо характерным для тотемистических верований обских угров является так называемый «медвежий праздник», представлявший собой ряд обрядовых действий, совершавшихся после убийства медведя. Дольше всего у обских угров сохранялась развлекательная часть праздника, состоявшая из песен, танцев и драматических представлений сатирического характера.

Шаманство у хантов и манси сохраняло значительные черты семейного шаманства. Шаманы не имели специальных одеяний, кроме шапок-колпаков. В религии хантов и манси намечалось создание общеплеменных и общенародных божеств, например Нуми-Торума—верховного божества — и его матери.

Приведенные выше материалы по хозяйству, культуре, общественному строю и идеологии хантов и манси дают представление о том низком уро-

Столб с медвежьими черепами, повешенными после медвежьих праздников. Ханты

вне производительных сил, о тех крайне отсталых формах культуры и быта, которые были характерны для хантов и манси в дореволюционный период. Жестокая эксплуатация трудовых масс кулаками и торговцами, гнет царской административной системы препятствовали широкому проникновению к ним русской культуры, тормозили более тесное сближение хантов и манси с трудовым русским крестьянством.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Новую эру в жизни хантов и манси, как и в жизни других народов нашей страны, открыла Великая Октябрьская социалистическая революция.

Первый совет на Тобольском Севере был организован в Самарове весной 1917 г. с приходом туда красногвардейского отряда. Но в декабре того же года власть была захвачена бандами белых. Два года продолжалось господство контрреволюционного режима. В конце 1919 г. партизанский отряд, состоявший из жителей Самаровского района, уничтожил здесь колчаковцев и вновь организовал советы.

Советское строительство проходило здесь, как и в других районах, через организацию советов, которые первоначально назывались туземными, иногда родовыми, а затем получили название сельских советов, организацию кооперативной и государственной торговли, развертывание сети культурных и медицинских учреждений. На Казыме в 1931 г. и на Сосве в 1934 г. были организованы культбазы Комитета Севера.

В 1931 г. постановлением ВЦИК от 10 декабря 1930 г. о национальном районировании Крайнего Севера был организован Остяко-Вогульский, в дальнейшем переименованный в Ханты-Мансийский национальный округ, охватывающий основную территорию расселения хантов и манси. На правом берегу Иртыша, в 8 км ниже бывшего центра с. Самарово, возник новый окружной центр — Ханты-Мансийск.

Коллективизация коренного населения на территории Ханты-Мансийского национального округа началась в 1929 г., когда в дер. Заводной 10 бедняцких хантыйских и русских хозяйств объединились в первое простейшее производственное объединение — ППО. В 1931 г. процент коллективизации достиг 49%, в 1932 г. 58%. С 1939 г. начался процесс слияния карликовых ППО в колхозы.

Советское государство оказало большую помощь хантам и манси при организации колхозов. Были отпущены большие средства на землеустрой-

ство и мелиоративные работы, проводившиеся в связи с укрупнением ППО. В настоящее время ППО в Ханты-Мансийском национальном округе — пройденный этап колхозного строительства.

С 30-х годов в Ханты-Мансийском национальном округе созданы и работают рыбоконсервный и рыбозаготовительный заводы, леспромхозы, маслозаводы, экстрактно-ягодный комбинат и разные кооперативные предприятия как в Ханты-Мансийске, так и в районных центрах.

Еще в 1936 г. Окружной исполнительный комитет утвердил план оседания населения и наметил строительство хозяйственных центров в наиболее удобных пунктах территории колхозов. С этого времени в округе развертывается строительство колхозных поселков и наблюдается процесс оседания колхозников. Прежние небольшие поселки—юрты, избранные в качестве хозяйственных центров, постепенно застраиваются и разрастаются. В них съезжаются жители таежных селений.

Многие маленькие селения, затерянные в таежных дебрях, были оставлены населением. Опустевшие юрты превратились в рыболовные и охотничьи базы, куда промысловики приезжают только на сезон промысла. В один колхоз объединялись жители многих поселков, расположенных далеко один от другого.

Общее направление хантыйских и мансийских колхозов в настоящее время идет по линии развития и интенсификации как старых исконных отраслей хозяйства — рыболовства, охоты, оленеводства, сбора ягод, кедровых орехов, так и развития новых для них отраслей — скотоводства, пушного звероводства и земледелия.

Существенное значение получило земледелие в колхозах южных районов округа. Наряду с работой в колхозах многие ханты и манси заняты сейчас работой в промышленных предприятиях, советских, партийных, хозяйственных и культурно-просветительных учреждениях своего национального округа.

Большое значение в экономике колхозов Ханты-Мансийского национального округа сохраняет рыболовство. Рыбная промышленность дает 50% всей продукции округа. По богатству рыбой Обь занимает одно из первых мест среди больших рек Сибири, но ее ценные естественные ресурсы используются далеко не полностью.

В советскую эпоху в корне изменились технические условия рыбного промысла, основного источника существования большинства коренного населения. Появились новые орудия лова и механизированный флот, ведутся работы по мелиорации и очищению рыболовных угодий. Для сохранения запасов ценной рыбы в Оби и других водоемах на некоторых нерестилищах созданы заказники; установлен особый режим рыболовства. Сургутская и Самаровская моторно-рыболовецкие станции (МРС) обслуживают рыболовецкие колхозы механизированными пловучими средствами. Раньше много сил и времени приходилось тратить рыбакам на то, чтобы завозить невода на лодках и вытаскивать их. Теперь на Оби большие колхозные невода завозят катеры, а вытаскивают их специальными воротами. Однако сохранили свое значение и старые способы лова, например запоры, атармы и пр.

В усовершенствовании способов лова, засолки и консервирования рыбы большую помощь оказали рыбакам хантам и манси русские рабочие государственных рыболовецких организаций и кооперации.

Следующим по своему значению в хозяйстве хантов и манси после рыболовства является охотничий промысел, который в настоящее время также реорганизуется. Большую роль в организации охотничьего промысла играют промысловые охотничьи станции (ПОС) и промыслово-охотничьи хозяйства (ПОХ) округа. Повысилась техническая вооруженность

охотников. Охота разрешается сейчас только в определенные, установленные законом сроки.

В округе произведена акклиматизация новых промысловых видов — ондатры с 1932 г. и норки с 1935 г. Разведение ондатры в округе продолжается, охватываются все новые и новые районы. Из Березовского района, где ондатра, выпущенная в 1932 г., акклиматизировалась и расплодилась, в 1935 г. было отловлено несколько десятков этих зверей и выпущено на территорию Ямало-Ненецкого округа. Охота на ондатру в настоящее время уже играет весьма значительную роль в заготовках пушнины. Ондатру ловят обычно капканами и металлическими вершами.

В 1952 г. Тюменское областное управление охотничьим хозяйством стало проводить работы по разведению в округе баргузинских соболей, доставленных сюда из г. Иркутска. За выпущенными на волю соболями ведется наблюдение.

Большое значение для поднятия эффективности охотничьего промысла имела замена старых ружей-шомполок и даже кремневых, широко распространенных у хантов и манси еще в недавнем прошлом, современными усовершенствованными ружьями. Помимо охоты с ружьем пушного зверя добывают теперь усовершенствованными капканами; на белку продолжают ставить старые ловушки-плашки.

Главными промысловыми зверями в Ханты-Мансийском округе являются: белка и ондатра, дающие бо́льшую часть всей пушнины, заготовляемой в округе, а также лисица, горностай, лось, дикий олень. Реже добывают медведя, росомаху, выдру, волка, рысь и др.

В 1951—1952 гг. в округе было проведено закрепление за колхозами охотничьих угодий. На закрепленной территории организуется колхозное охотничье хозяйство, где запрещается охота без разрешения правления колхоза.

В тайге перед промыслом производятся разведки пушного зверя, а также лосей и диких оленей. Для этого совершают специальные объезды охотничьих угодий, на что затрачивается обычно много времени и труда. В 1953 г. в округе впервые были произведены опыты охотничьих разведок с самолета.

Основной промысловой единицей является теперь колхозная охотничья бригада, осваивающая определенный участок в охотничьих угодьях колхоза. Формирование бригад, распределение их по участкам производит правление колхоза. Для колхозных охотничьих бригад разрабатываются маршруты, предусматривающие полное освоение охотничьих территорий и рациональное использование кадров охотников. Размеры бригад бывают различны, но, как правило, не более 5—6 человек. Каждая бригада имеет свою базу — промысловую избушку и палатку с печью для ночевок вне базы. Специально выделенные колхозом или заготпунктами сборщики пушнины поддерживают связь охотников с колхозом и заготпунктом; они своевременно вывозят пушнину, доставляют охотникам боеприпасы и продукты питания. Таким образом, охотники не теряют времени на поездки домой или на заготовительные пункты. Такое снабжение охотников на месте в тайге намного увеличило производительность их труда.

В округе имеется немало охотников-передовиков, ежегодно сдающих государству по две и даже по пяти годовых норм пушнины. По специальным решениям колхоза к старым опытным охотникам прикрепляется для обучения приемам охоты молодежь.

С 1936 г. в Ханты-Мансийском округе стало развиваться колхозное клеточное звероводство. Были построены две первые зверофермы в Самаровском районе. В настоящее время многие национальные колхозы округа

имеют свои звероферм ы черно-серебристых лисиц. В 1953 г. по сравнению с 1949 г. в Ханты-Мансийском округе количество звероферм увеличилось почти в три раза, а поголовье зверей, выращенных на фермах, в 11 раз.

В колхозе им. В. М. Молотова (р. Согом) в 1953 г. денежный доход от звероферм ы составил значительную долю всего дохода колхоза. В 1954 г. звероводы этого колхоза вырастили от 74 самок ценных лисиц 149 щенков.

Звероводы колхоза разработали новый пищевой режим для зверей, включающий в себя значительное количество (свыше 70%) рыбы. Успешный опыт выкармливания зверей рыбой в этом рыболовецком колхозе имеет большое значение для других рыболовецких колхозов округа.

Оленеводством в Ханты-Мансийском национальном округе занимаются 58 хантыйских и мансийских колхозов. Свыше 80% оленеводческого поголовья округа имеет Березовский район. Примером успешно развивающегося оленеводческого колхоза в округе является укрупненный колхоз им. М. И. Калинина Березовского района Сартыньинского сельсовета.

С 1941 по 1954 гг. количество оленей в этом колхозе увеличилось почти в 5 раз только за счет воспроизводства. Денежный доход колхоза от оленеводства за этот же период вырос более чем в 10 раз.

С развитием многоотраслевого хозяйства национальных колхозов оленеводство появилось и в тех колхозах северных районов округа (Березовский и Сургутский), которые имели раньше основными отраслями рыболовство и охоту. В этих колхозах развивается транспортное оленеводство, способствующее развитию охоты. Охотники до последних лет отправлялись на промысел пешком, что затрудняло освоение всей площади охотничьих угодий.

Проводится работа по улучшению породы оленей. С 1953 г. в оленеводческих колхозах Березовского района стали организовывать племенные стада. Оленями улучшенной породы из этих стад впредь будут пополняться оленьи стада всех северных колхозов. С 1951 г. в Березовском и Сургутском районах проводятся землеустроительные работы, имеющие задачей правильное распределение пастбищ и их расширение. В ближайшие годы в этих районах будут созданы новые пастбища в горах и тундре путем осушки болот, подсева трав и ягеля. В связи с расширением оленеводства перед оленеводческими колхозами встала задача выращивания специальной породы оленегонных собак. Такая собака помогает пастуху окарауливать оленей, вести их по определенному маршруту. В некоторых колхозах в 1951—1952 гг. заложены питомники оленегонных собак.

Не потеряли своего значения и старые подсобные промыслы. Увеличились в колхозах, по сравнению с прошлым временем, сборы кедровых орехов, ягод и грибов. Большую роль в этом сыграли кооперативы, организовавшие заготовки указанных продуктов. В ханты-мансийских колхозах развивается и укрепляется земледелие и животноводство.

До революции земледелие развивалось только в самой южной части территории нынешнего Ханты-Мансийского округа. За годы, прошедшие со времени организации округа, земледелие значительно продвинулось в северные районы, где раньше нельзя было и предположить о возможности разведения каких-либо сельскохозяйственных культур.

В 1931 г. в округе была организована первая машинно-тракторная станция (МТС). В 1952 г. в округе работали четыре МТС — в Самаровском, Кондинском, Микояновском и Сургутском районах. МТС обслуживают русские приобские, смешанные и национальные колхозы. Одним из передовых национальных колхозов Самаровского района является колхоз «Авангард». Упорным трудом члены этой артели раскорчевали участок

сплошной тайги площадью около 100 га. На отвоеванном у векового леса участке колхозники ханты получают урожаи ржи, пшеницы, ячменя по 12—15 ц с га.

Большую помощь оказывают национальным колхозам в освоении полеводства и огородничества русские колхозы. Передовыми в Ханты-Мансийском национальном округе являются обские русские и смешанные земледельческие колхозы, первыми внедряющие на своих полях достижения агрономической науки. Так, смешанный колхоз им. И. В. Сталина на р. Батлым Микояновского района, в котором дружно работают русские и ханты, увеличил посевную площадь в 1952 г., по сравнению с 1940 г., почти в 7 раз. Колхоз выращивает рожь, овес, пшеницу и получает высокие урожаи огородных культур: картофеля, репы, моркови, лука, огурцов, помидоров и бобовых.

В развитии северного земледелия помогает зональная станция Института полярного земледелия в г. Ханты-Мансийске и три опорных пункта этой станции в районах округа. В глухих таежных колхозах, осваивающих новую отрасль хозяйства, агрономы зональной станции ведут постоянные наблюдения. Выросли в колхозах округа национальные кадры полеводов-практиков.

Другой новой отраслью хозяйства хантов и манси является животноводство. В национальных колхозах, где раньше не имелось крупного рогатого скота, теперь созданы молочные фермы. Многие колхозники имеют в личной собственности коров и мелкий скот. По сравнению с 1931 г. (годом организации округа) в 1952 г. поголовье лошадей, крупного и мелкого рогатого скота выросло в округе в 20 раз. В некоторых районах округа (например, в Ларьякском) животноводство стало развиваться с 1948 г. В национальные колхозы Ларьякского района «Луч Севера», им. В. М. Молотова в 1951 г. впервые были завезены лошади и коровы. Успешно развивает животноводство национальный колхоз им. М. И. Калинина Микояновского района. Колхоз имеет молочно-товарную ферму, лошадей, овец и свиней. В 1951 г. за успехи в животноводстве этот колхоз был премирован Министерством земледелия СССР.

Овцеводство для многих хантов и манси является совершенно новым делом. Прежде только южные ханты держали по 2—3 овцы и выпасали их круглый год под открытым небом. В северных районах овец совсем не знали. Теперь овцеводство развивается во всех районах округа.

Большое промышленное значение имеет для Ханты-Мансийского округа наличие в нем богатых лесных массивов. Во всех районах округа имеются леспромхозы, проводятся лесозаготовки.

Работы на лесозаготовительных площадках механизированы. Под руководством русских специалистов-лесорубов ханты и манси осваивают новую технику (электропилы и т. п.), получают новые профессии: лесорубов, плотовщиков, механиков, техников лесного дела.

1951 год и на Обском Севере ознаменовался переходом к новому этапу в колхозном строительстве. В Ханты-Мансийском округе начался процесс слияния мелких оседлых и полукочевых колхозов. В начале 1951 г. хантыйский колхоз «Путь Ленина» (с. Шеркалы) и русский колхоз деревни Лохтоткурт объединились в одну артель. В объединенном колхозе 106 хозяйств. После объединения колхозное хозяйство выросло и окрепло. Хантыйский колхоз посевов не имел. Русский колхоз в 1951 г. засевал только 20 га. В 1952 г. под зерновые и огороды было занято свыше 45 га. Выросло и поголовье скота. Теперь укрупненный колхоз имеет большую молочную ферму, насчитывающую свыше 200 голов, более 100 лошадей и около 200 оленей. В 1951 г. объединились хантыйские рыболовецкие колхозы им. В. М. Молотова и им. М. И. Калинина (дер. Нюркой).

Прием молока у колхозных доярок. Березовский район

Объединенный колхоз им. В. М. Молотова имеет рыболовецкое направление. Колхоз владеет богатейшими рыбными угодьями — целой системой озер и речек, обеспечивающими богатый рыбный промысел. В укрупненном колхозе создано и успешно развивается клеточное звероводство. В 1952 г. звероводческая ферма колхоза имела свыше 100 голов черно-серебристых лисиц. В колхозе развивается также полеводство и животноводство. Уже в первый год после укрупнения колхозники получили большие доходы. В 1952 г. доходы от рыболовства составили свыше четверти миллиона рублей, от зверофермы — свыше 100 тыс. руб. Значительно повысилась стоимость трудодня. В 1952 г. трудодень стоил на 25% больше, чем в 1951 г.

Дер. Согом, расположенная на берегу оз. Согом, когда-то была глухой таежной деревушкой, отрезанной от мира бесконечными речками и болотами. Чтобы добраться до нее из г. Ханты-Мансийска зимой, нужно проделать путь в 130 км, а летом проехать по реке около 500 км. В досоветские годы жители деревушки влачили нищенское существование. Сейчас дер. Согом — хозяйственный и культурный центр богатого укрупненного рыболовецкого колхоза им. В. М. Молотова. На берегу оз. Согом белеют новые жилые дома для колхозников и ряд хозяйственных построек. В 1952 г. началось строительство электростанции, клуба, детских яслей и других культурно-бытовых учреждений. Налажена связь колхоза с окружным центром, зимой сухопутная, летом водная. Новые культурно-хозяйственные центры хантыйских и мансийских колхозов рождаются в самых глухих углах округа. Так, на высоком берегу р. Аган, где еще в 1951 г. была дремучая тайга, в 1952 г. появился новый хантыйский поселок с несколькими десятками новых домов. Это — центр хантыйского колхоза им. С. М. Кирова Сургутского района.

В 80 км от центра Ларьякского района на маленькой речке Пасол выросло новое крупное хантыйское селение Большой Ларьяк. До революции здесь стояли только две избушки, в которых жили купеческие приказ-

чики, скупавшие у хантов пушнину. Теперь здесь центр многоотраслевого хантыйского колхоза «Ударник второй пятилетки». В благоустроенном поселке имеются школа-интернат, медпункт, клуб, детские ясли, магазин и т. д.

Еще в 1930 г. вблизи слияния рр. Оби и Иртыша была непроходимая кедровая чаща. Сейчас здесь вырос новый город Ханты-Мансийск. За последние годы город слился с речным портом Самарово, находившимся на берегу Иртыша в 8 км от города.

В новом городе имеется много культурных учреждений и учебных заведений: дом культуры, кинотеатр, краеведческий музей, библиотека и 14 учебных заведений. Город связан телефоном с Москвой и другими городами СССР, а также сельсоветами и многими колхозными центрами.

В настоящее время в округе продолжают свою деятельность две культбазы (Казымская и Сосвинская), насчитываются многие десятки домов культуры, клубов, изб-читален, красных чумов и библиотек. Летом для обслуживания рыбаков местные советы создают культлодки.

Неузнаваемо изменился быт местного населения. Повсюду в поселках выстроены и продолжают строиться удобные, благоустроенные дома. Даже в самой глуши не встречаются сейчас архаические окна с льдинами вместо стекол.

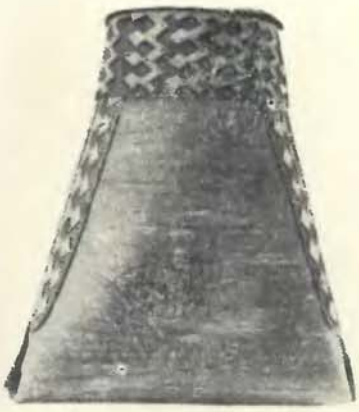
Идет процесс освоения хантами и манси нового типа жилища. Однако еще наблюдаются случаи, когда летом семья колхозника живет не в избе, а в выстроенном рядом легком летнем шалаше; когда в избу переносится полностью обстановка кочевого жилища и в избе нет мебели; когда в зимний охотничий период вся семья охотника снимается вместе с ним с места и едет кочевать и т. п. Большую работу по освоению нового дома и внедрению новых навыков проводят организованные в 1951 г. во всех райкомах КПСС женотделы, а в колхозах и сельсоветах — женсоветы. Хантыйки и мансийки любовно заботятся о порядке в новых домах, штукатурят и белят комнаты. Жилище становится уютным. Исчезло в доме деление на женскую и мужскую половины. Стол, стулья, табуреты, кровати входят в быт. Во многих домах колхозников горит электрический свет.

Изменилась и одежда хантов и манси, появилось нижнее белье, прочно вошла в быт стирка белья и платья. Женсоветы организуют в колхозах кружки кройки и шитья. Хантыйки и мансийки научились кроить и шить белье и платье, вязать кружева. Летняя одежда, особенно мужская, в настоящее время покупается готовой. После Великой Отечественной войны мужчины, побывавшие в армии, принесли с собой мужской костюм военного образца — гимнастерку и брюки. Этот костюм быстро вошел в быт хантов и манси и стал распространенной мужской одеждой.

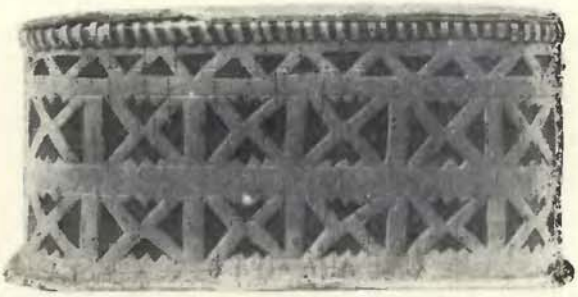
В северных районах зимняя одежда, особенно дорожная, сохраняется прежняя, так как она прекрасно приспособлена к местным условиям; малица, совик, меховая обувь и т. д. восприняты также и русским населением.

Национальная женская одежда и бисерные украшения сохранились и бытуют у северных (сосвинских и казымских) и восточных (сургутских и ларьякских) хантов. Молодежь в этих районах, сохраняя старый покрой, употребляет для одежды новые материалы: летние халаты, например, теперь шьют из красивых шелковых тканей. Широко бытуют старинные женские платки, но женщина уже давно не закрывает платком лицо при встрече с мужчиной-родственником.

Сохранилась повсеместно и летняя обувь, сшитая из ровдуги, прекрасно защищающая от укусов комаров и мошек. Повсюду национальная



1



2

3

4

5

Декоративное искусство

1 — берестяной короб, аппликация; *2* — берестяная коробка, сквозная резьба; *3* — берестяная коробка, орнамент процарапан ножом; *4* — берестяная коробка, раскраска; *5* — деревянная ложка с подвеской в виде фигурки животного

Новые дома. Березовский район, пос. Тутлейм

одежда сохранилась в качестве праздничного костюма. В дни советских праздников ханты и манси надевают национальную одежду, которую тщательно хранят для таких случаев. Среди женщин сохранился обычай надевать в праздники один поверх другого несколько халатов. Прежде только богачки хантыйки демонстрировали подобным образом свое богатство. Сейчас колхозницы, надевая несколько красиво расшитых халатов, показывают этим свою зажиточность. На концертах самодеятельности девушки и юноши ханты и манси всегда выступают в национальных костюмах.

С ростом и дальнейшим развитием многоотраслевого хозяйства колхозов, с появлением молочно-товарных ферм, огородов изменился и пищевой режим хантов и манси. Прочно вошли в пищевой рацион овощи, молоко, масло, крупы и т. п. На курсах и в кружках кулинарии активисты женсоветов обучают хантыек и мансиек новым способам приготовления пищи, печению хлеба и т. п. Почти во всех колхозах имеются свои пекарни; пекарями нередко в них работают сейчас местные женщины.

В рыболовецких станах, оленеводческих бригадах и в школах-интернатах организовано общественное питание. Широко вошла в быт хантов и манси эмалированная и алюминиевая посуда для варки пищи. Появилась также столовая посуда: тарелки, миски. В быту сохраняется и старинная берестяная и деревянная посуда, вошедшая также и в быт местного русского населения: туясы, коробочки, корытца, ведра, резные деревянные ложки и черпаки.

За годы советского строительства коренным образом изменилось мировоззрение хантов и манси, исчезают старое обычное право, брачные нормы, многочисленные запреты.

Особенно большие изменения произошли в жизни женщины. В 1952 г. в округе, главным образом в колхозах, имелось более 60 женсоветов, в которых работали местные женщины учителя, медработники и жен-

щины других профессий совместно с активистками-колхозницами. Деятельность женсоветов очень разнообразна. Женсоветы проводят среди хантыек и мансиек большую санитарно-просветительную работу, организуют кружки по ликвидации безграмотности и малограмотности, помогают колхозным клубам и домам культуры в организации культурно-массовой работы. Женсоветы всемерно содействуют развитию новых отраслей хозяйства в колхозах и вовлечению женщин в общественное производство. Наиболее распространенными формами работы женсоветов являются кустовые собрания женщин, вечера «красных посиделок», собрания сельского и районного актива женщин. В Ханты-Мансийском округе нет сейчас ни одного участка хозяйственного или культурного строительства, где бы не работали женщины коренной национальности.

Многие хантыйки и мансийки получают специальное образование. Среди них имеются врачи, учителя, воспитательницы и другие специалисты.

В педучилищах, фельдшерско-акушерских, торгово-кооперативных, сельскохозяйственных школах округа и области в 1952—1953 гг. училось свыше 300 женщин и девушек местных национальностей. Хантыйки из далеких таежных Угутских, Большеюртовских и других юрт учатся сейчас в Ленинграде, в Государственном Педагогическом институте им. А. И. Герцена и других учебных заведениях.

В 1953 г. около 200 женщин хантыек и мансиек было выбрано депутатами местных советов, 4 женщины — депутатами областного совета, 2 хантыйки в том же году успешно работали секретарями РК КПСС.

Интересна и поучительна биография хантыйки Хионии Петровны Пухленкиной.

Х. П. Пухленкина родилась в 1916 г. Детство свое она провела в Тобольском детском доме. Впоследствии, получив педагогическое образование, работала учительницей в Низямской школе Микояновского района. Х. П. Пухленкина, завоевавшая авторитет и доверие населения, была избрана депутатом Верховного Совета 2-го созыва. В 1950 г. она снова была избрана депутатом Верховного Совета 3-го созыва. В настоящее время Х. П. Пухленкина является членом окружкома КПСС. Она руководит работой женсоветов округа. Вышедшей из недр самого народа Хионии Петровне особенно близка судьба ранее отсталых, эксплуатируемых хантыйского и мансийского народов.

Еще в недавнем прошлом лечение болезней находилось целиком в руках у знахарей-шаманов. Правда, шаманы-знахари и население употребляли для лечения некоторые полезные травы и растения, встречающиеся в народной медицине и других народов, например корень сасаапарели, листья брусники и вересковые ягоды (от ревматизма и «ломоты»), медвежье сало, смешанное с грудным молоком (от кожных болезней). Но наряду с этими полезными средствами чаще применялись такие, которые приносили вред. Особенно были распространены различные магические средства, «предупреждающие», «изгоняющие» болезнь. Так, от укусов змей «предохранял» Марьин корень, стружки от медвежьего зуба будто бы способствовали скорейшему заживлению ран и т. п. Универсальным «очищающим» (освящающим) средством, предупреждающим все болезни, считалась бобровая «струя», широко применявшаяся шаманами и знахарями. Лечебным средством считалась также и татуировка. Над местом перелома рук и ног и т. п. щучьей челюстью наносились тамга — изображение родового знака и другие рисунки. При этом, если болью была поражена одна рука, то на ней наносился рисунок полностью, а на другой — на соответствующем месте делалось только несколько черточек.

Квалифицированной медицинской помощи ханты и манси до Великой Октябрьской социалистической революции почти совсем не имели. На территории Березовского уезда была лишь одна больница и пять фельдшерских пунктов. Отсутствие медицинской помощи создавало широкое поле для распространения эпидемических и социальных болезней. Известны случаи вымирания во время эпидемии кори, оспы целых поселков.

В 1952 г. в Ханты-Мансийском округе работало 33 больницы, 271 медицинский пункт. В районных центрах имелись, кроме того, 8 амбулаторий и поликлиник и 6 санитарно-эпидемиологических станций. Врачи и средний медицинский персонал не только работают в стационарах, но и разъезжают при красных чумах, красных лодках по самым отдаленным уголкам округа, оказывая населению квалифицированную медицинскую помощь и проводя попутно большую санитарно-просветительную работу Сеть медицинских учреждений в округе с каждым годом растет. В медицинских учреждениях округа работает много специалистов хантов и манси. Медицинские кадры из среды коренного населения готовит окружная фельдшерско-акушерская школа в Ханты-Мансийске.

Значительным достижением в области культурного строительства в Ханты-Мансийском национальном округе является развитие народного образования. До Великой Октябрьской социалистической революции среди населения на территории округа грамотных почти не было. В 1923 г. Наркомат по делам национальностей просил прислать в Москву для работы на сельскохозяйственной выставке грамотного ханта. Тобольский уездный исполнительный комитет ответил, что грамотных хантов не имеется.

В 1924 г. в юртах Муллигорт (Березовский район) открылась первая школа. Русский коммунист-учитель первые годы проводил занятия в обычной хантыйской юрте. Учитель обучал грамоте и русскому языку детей и взрослое население.

В 1952 г. в 72 национальных школах-интернатах округа на полном государственном обеспечении училось свыше 3 тыс. детей хантов и манси. Только на эти школы в 1952 г. государство ассигновало 12 млн руб. Количество школ и интернатов ежегодно увеличивается. В округе создана также широкая сеть дошкольных учреждений. К 1952 г. имелось 46 детских яслей и садов, на содержание которых государство отпустило тогда около 2 млн руб. Каждый крупный колхозный поселок имеет начальную школу, после окончания которой ханты и манси могут продолжать образование в ближайшей школе-семилетке, десятилетке.

В округе имеется целый ряд различных школ, где ханты-мансийская молодежь получает специальное образование: фельдшерско-акушерская школа, торгово-кооперативная, мореходная школа юнг, политпросветшкола, сельскохозяйственная и окружная партийная школа. Особенно большое значение имеет Ханты-Мансийское педагогическое училище. Число учащихся в нем хантов и манси в 1951 г. возросло, по сравнению с первым годом его организации (1932 г.), в 9 раз. В 1952 г. ассигнования на содержание училища достигли около 3 млн руб. В училище имеются прекрасно оборудованные кабинеты физики, биологии, химии и др., кабинет музыки, снабженный различными музыкальными инструментами, в библиотеке — свыше 40 тыс. книг. Педучилище за время своего существования выпустило более 500 учителей. Из 50 хантов и манси, обучавшихся в 1952—1953 г. в Ленинграде (в Государственном университете им. А. А. Жданова и Государственном Педагогическом институте им. А. И. Герцена), 40 человек — бывшие воспитанники этого училища.

В приобщении к социалистической культуре коренного населения, не владеющего в достаточной мере русским языком, сыграло большую роль

Группа хантов и манси — студентов Государственного Педагогического института им. А. И. Герцена вечером в интернате

создание хантыйского и мансийского литературных языков. Они служат базой первоначального образования, помогают овладеть русским языком. До революции ни на мансийском, ни на хантыйском языках письменности не существовало. После революции, когда была разработана письменность, стала издаваться учебная, политическая и художественная литература на хантыйском и на мансийском языках. В 1930 г. был выпущен первый букварь для хантыйской начальной школы; в 1932 г. вышел из печати первый букварь на мансийском языке. Эти буквари были изданы на латинском алфавите, но в 1939—1940 гг. письменность на хантыйском и мансийском языках была переведена на русский алфавит, как более близкий и удобный.

В настоящее время на хантыйском и мансийском языках существует переводная литература, среди которой видное место занимают произведения русских классиков. На язык хантов и манси переведены многие советские песни.

С 1933 г. на Обском Севере издаются местные газеты. В настоящее время в округе выходит окружная и 5 районных газет, в которых систематически печатаются материалы на хантыйском и мансийском языках.

В советских условиях широкое развитие получило и народное творчество хантов и манси; продолжает бытовать традиционное поэтическое народное творчество, представленное мифами, мифологическими сказками и песнями, героическим эпосом, сказками, бывальщинами, лирическими песнями и т. д. Различные исследователи собрали очень большое количество образцов обско-угорского фольклора, однако богатство его еще далеко не исчерпано. Из собранного материала издана лишь небольшая часть.

Мифы, мифологические сказки и песни содержат повествования космогонического характера, многие из них рассказывают о происхождении

Книги на хантыйском и мансийском языках

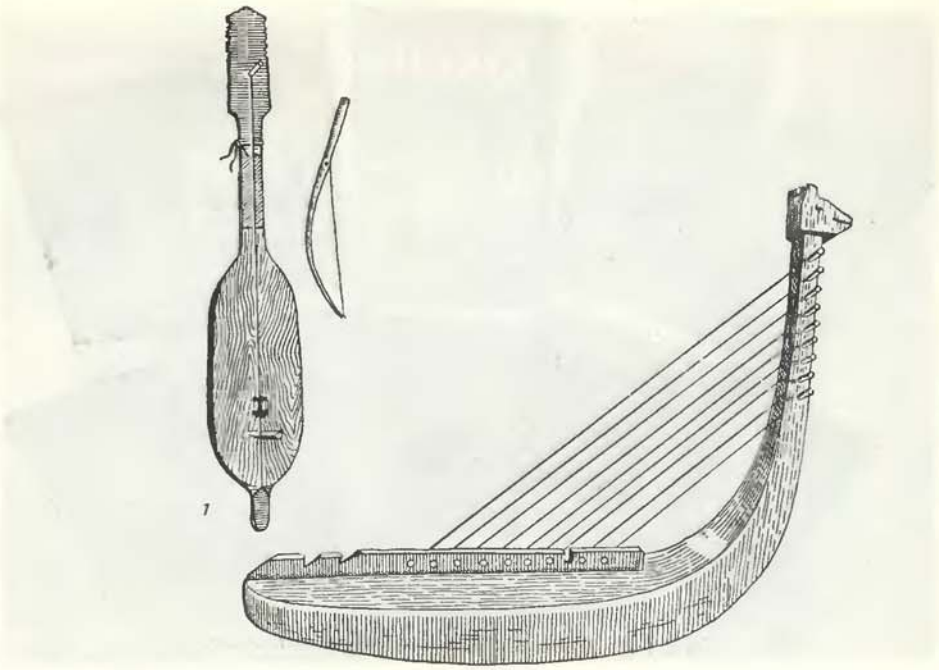
фратрий, о тотемных предках и т. д., отображая, таким образом, ранние периоды истории угорского общества. Героический эпос содержит песни и сказки, причем последние являются лишь пересказом песен. Этот эпос относится к более позднему времени и повествует о межродовых военных столкновениях, о войнах с соседними народностями, о похождениях отдельных героев и т. д.

Большую группу среди сказок составляют мансийские сказки про Эквашырица (вероятно, несколько трансформированный образ мифического предка фратрии мош). В сказках отразилась русская колонизация и появление классовой дифференциации. Очень много заимствованных русских сказок, иногда они передаются целиком лишь с некоторой переработкой. Подобные сказки, несмотря на то что они заимствованы уже давно и подверглись некоторой переработке, называются обычно русскими.

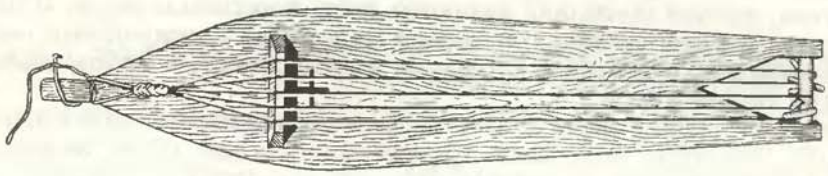
Из всех народов северной Сибири только у хантов и манси были струнные музыкальные инструменты. Наиболее широко распространен был так называемый *сангылтап* (манс.) или *нарас-юх* (хант.) типа пятиструнной цитры. Несколько реже встречается «лебедь» — 9- или 13-струнная арфа. Кое-где, в частности на Лозве и в верховьях Сосвы, сохранялся одно- или двухструнный смычковый инструмент *нэрнэ ив*, в прошлом, видимо, имевший более широкое распространение. На нем играли смычком в виде лучка с натянутым пучком конских волос. Струны для всех инструментов делались из лосиных сухожилий. Женским музыкальным инструментом был *тумран* — варган. Музыкальное творчество обских угров почти совсем не изучено.

Столь же богато, как и фольклор, изобразительное искусство манси и хантов. Разнообразные и обильные узоры украшают одежду, обувь и берестяную посуду. Деревянные предметы обычно украшались резьбой и круглой скульптурой.

У южных хантов широко применялась вышивка одежды овечьей шерстью. Вышивались мужские и особенно женские рубашки, а также мужские штаны. Хантыйские вышивки представляют собой большой



2



3

Старинные музыкальные инструменты

1 — смычковый, манси; *2* — щипковый (лебедь), ханты; *3* — щипковый, ханты

интерес по красоте и разнообразию орнамента. Как об украшении, бытовавшем еще в XIX в., следует упомянуть о татуировке у хантов. Наносили татуировку щучьей челюстью или иглой, втирая в пораненное место сажу. Татуировка обычно состояла из геометрических элементов; иногда встречались изображения птиц.

Основным источником, питающим современное творчество хантов и манси, является социалистическая действительность, новая, свободная жизнь.

Первый хантыйский поэт Г. Лазарев начал писать с 1935 г. В его поэзии органична связь народной формы с новым социалистическим содержанием. В дальнейшем появляется ряд молодых хантыйских поэтов, произведения которых вошли в изданный в 1940 г. первый сборник «Хантыйская и мансийская поэзия». Из среды манси выдвинулась писательница и научный работник М. Вахрушева. Особый интерес представляет ее биографическая повесть «На берегу малой Юконды». К числу талантливых писателей принадлежит мансийский прозаик М. Казанцев. В своей повести «Рассказ о себе» он говорит о пути манси к новой жизни и культуре. Молодые писатели изучают и переводят на родной язык русские классические и советские произведения, обогащая свой

язык и повышая свое мастерство. Появились свои национальные художники. Картины ханта Н. Натускина, написанные им совместно с ненцем К. Панковым и выставленные в 1939 г. в советском павильоне на Международной выставке в Париже, были удостоены золотой медали.

В округе и районах систематически проводятся смотры художественной самодеятельности.

На смотрах обычно исполняются русские и национальные песни, старые национальные танцы: женский и мужской — охотничий. Наряду с выступлениями оркестров русских народных инструментов звучат мелодии, исполняемые на национальных инструментах.

Большое место на смотрах занимают спортивные состязания на оленях и лошадях, гонки на лыжах, метание аркана и стрелковые состязания.

М. Вахрушева, мансийская писательница

В декабре 1955 г. исполнилось 25 лет существования Ханты-Мансийского национального округа. Трудящиеся округа под руководством партии и правительства, при постоянной помощи русских, развивают и укрепляют свое хозяйство и культуру.

НЕНЦЫ

Общие сведения

Ненцы — в настоящее время самый крупный из самодийских по языку народов. Название «ненцы» происходит от слова *ненец* — «человек». Это самоназвание основных групп ненцев европейских и сибирских принято после революции как официальное название всей народности. Другое самоназвание — *хасава* («мужчина») встречается у всех ямальских ненцев, у части гыданских и наряду с самоназванием «ненец» у некоторых других групп. Архаическое самоназвание *ненэй ненэць* («настоящий человек») распространено преимущественно к востоку от Оби, частично в ее низовьях и на Ямале.

До революции русские называли ненцев самоедами и юраками. Первое название было распространено на Европейском и Обском Севере, второе на Енисейском. До XIX в. первое название бытовало в формах «самоядь», «самоди» и распространялось на всех ненцев, а также на энцев и нганасанов.

У русских и иностранных исследователей встречаются различные объяснения названия «самоед». Совершенно ненаучны попытки связывать этот этноним со словообразованием «само-ед» (т. е. сам себя едящий), «сам-один» (т. е. одиноко живущий), «семго-ед» (т. е. едящий семгу) и др. Некоторые исследователи сопоставляли название «самоед» с лопарскими (саамскими) словами «самэ-едне» («земля саамов»). Это сопоставление основано на том, что территория расселения ненцев Севера Европейской части СССР, с которыми впервые встретились русские, была в более древние времена областью распространения лопарей (саамов). Однако окончательное объяснение этого названия еще не найдено.

По далеко неполной переписи 1897 г. ненцев насчитывалось 9427 человек, по переписи 1926—1927 гг., охватившей все группы ненцев, — 16 375 человек.

Территория расселения ненцев была очень велика и почти целиком охватывала европейскую тундру и лесотундру от р. Мезени на западе и до левых притоков р. Пясины — Пуры и Агапы на востоке в Сибири. С XIX в. незначительное число ненцев проживало на Кольском полуострове (главным образом в Левоозерском и Понойском районах Мурманской области). Небольшие группы их заходили и на запад от Мезени до Северной Двины. На севере ненцы расселялись до берегов Баренцова и Карского морей, жили на о-вах Колгуев, Вайгач, Новая Земля и посе-

щали о-ва Долгий, Белый, Шокальского, Олений и Сибирякова. На юге отдельные группы ненцев доходили вплоть до среднего течения Мезени; они расселялись по южным притокам р. Цыльмы (приток Печоры). Группы ненцев жили также в бассейнах рр. Полуя, Таза, по притокам Енисея — Большой и Малой Хете, а также от устья Хантайки вниз по Енисею, до берегов Ледовитого океана. Южная самодийская группа, так называемые «лесные ненцы», в основном кочевала в бассейнах рр. Пура и Надыма, заходя и на северные притоки р. Вах и др.

Основными районами расселения современных тундровых ненцев являются тундры: Канинская (Канин полуостров и побережье Чешской губы до р. Снопа), Тиманская (между рр. Снопа и Вельт), Малоземельская (между Вельтом и Печорой), Большеземельская (между рр. Печора, Кара и Уса), Приуральская (восточный склон Урала, между рр. Щучья и Собь), Ямальская (п-ов Ямал), Малоямальская (между Обской и Тазовской губами), Гыданская (между Обской губой и Енисеем) и часть Таймырской (от Енисея до рр. Пура и Агапы).

В настоящее время подавляющая масса ненцев сосредоточена в трех национальных округах: Ненецком Архангельской области, Ямало-Ненецком Тюменской области и Таймырском (Долгано-Ненецком) Красноярского края. О-ва Колгуев и Новая Земля подчинены непосредственно Архангельскому облисполкому. Остальные острова, населенные ненцами, входят территориально в соответствующие национальные округа. Соседями ненцев являются многие народности. На европейской территории — лопари (саамы), коми; в Сибири — коми, ханты, селькупы, эвенки, долганы, энцы и нганасаны; в южной части своего расселения ненцы почти повсюду соседят с русскими, а во многих районах русские селения расположены и в отдаленных участках тундры, населенной ненцами.

Территория расселения ненцев к западу и востоку от Полярного Урала носит равнинный характер и богата озерами. Лишь Северный Урал и отроги Тиманского хребта возвышаются над тундрами. Продолжительная зима и короткое лето, сильные ветры, дующие летом с моря, зимой — с материка, повсеместное развитие вечной мерзлоты (сплошной на крайнем северо-востоке, островной в южной полосе) — таковы общие черты суровых климатических условий этой территории. Только в бассейне р. Пур преобладают леса. Остальная территория расселения ненцев занята лесотундрой (леса — еловые западнее Урала и лиственничные восточнее его — перемежаются здесь с тундрами), а севернее, до морского побережья и на островах, простираются тундры с зарослями кустарниковых ив. Всюду встречаются различные типы болот.

Промысловая фауна представлена лесными (белка, бурундук, лисица, бурый медведь, горностай, лось и др.) и тундровыми (песец, а на океанском побережье белый медведь и др.) видами. В тундре и в лесу встречаются северный олень, росомаха, белая куропатка. Летом в тундру прилетает масса гусей, уток и других птиц. В прибрежных водах обитают различные виды тюленей, морж, белуха (последняя особенно у Новой Земли и в Обской губе); пресные воды — озера и реки — населены различными рыбами (осетровыми, сиговыми, лососевыми).

Наиболее многочисленная группа (более 14 тыс) — тундровые ненцы. Они обитают в тундровой и лесотундровой зонах и говорят на тундровом диалекте ненецкого языка. Обособленная группа — лесные ненцы (самоназвание «нещанг»), известная под названием «пян хасаво», «пяд-хасаво», «хандеяры», населяет, как указывалось выше, таежную зону, входящую в Пуровский район Ямало-Ненецкого и в Сургутский район Ханты-Мансийского национальных округов. Лесных ненцев, по переписи

1926—1927 гг., насчитывалось 1129 человек. Говорят они на особом диалекте ненецкого языка.

Многие ненцы Большеземельской тундры (Ненецкий округ) и северных районов Коми АССР (Ижемский, Печорский и Усть-Цылемский районы) подверглись сильному влиянию коми-ижемцев. Оседлые ненцы с. Колва (юг Большеземельской тундры) и ряда селений по рр. Ижма, Печора, Колва, Уса, Адзьва говорят на ижемском диалекте коми языка и ведут образ жизни, близкий к коми-ижемцам. Соседние с ними кочевые ненцы также говорят на этом диалекте. Прежде ненцы эти именовали себя «яран» (мн. ч. «яраньяс»), т. е. так, как называли ненцев коми. Сохранивших свой язык ненцев они, в отличие от себя, называли «выненьци» (от ненецкого «вы'ненэця» — «тундровые ненцы»).

Следует еще отметить группу ненцев, обитающую в низовьях Оби, на Малом Ямале, в низовьях Таза и отчасти на Большом Ямале и в Гыданской тундре. Эта группа известна остальным ненцам под названием «хаби». Так называют ненцы всех вообще иноплеменников и, в частности, хантов. Хаби являются потомками нижнеобских хантов, смешавшихся с ненцами и утративших родной язык и большинство национальных черт в культуре. Сами они тоже называют себя «хаби».

Ненецкий язык, как было указано, принадлежит к группе самодийских языков. Как и все самодийские языки, он характеризуется агглютинацией. Кроме того, в языке имеются и элементы флективности, которые выражаются в чередовании гласных корня. В лексике ненецкого языка отразились древние взаимосвязи самодийских языков с тюркскими и с языками досамодийского населения. В отдельных говорах отражены связи с языком коми. За последние годы наблюдается большое влияние со стороны русского языка. Однако следует отметить, что лексика ненецкого языка изучена мало. В ненецком языке различаются два основных диалекта: тундровый и лесной; каждый из них распадается на ряд говоров. Основные расхождения между диалектами относятся к звуковому составу; некоторые различия отмечаются в области лексики и морфологии. Лексические расхождения между диалектами тундровых и лесных ненцев состоят в том, что в лексике последних имеются многочисленные включения селькупских и хантыйских слов. Ряд элементов в языке лесных ненцев связывает его с языками энцев и нганасанов. Тундровый диалект распадается на западные (канинский и малоземельский) и восточные (большеземельский, ямальский и тазовский) говоры. Однако различия между западными и восточными говорами очень незначительны и не препятствуют ни в какой мере взаимопониманию представителей разных групп тундровых ненцев.

Историческая справка

Самодийские языки сложились в области Саянского нагорья. Еще 150—200 лет назад на самодийских языках говорили в Саянах маторы (койбалы), камасинцы, карагасы (тофалары) и др. В результате длительного влияния тюркоязычных народов племена эти восприняли тюркский язык, только камасинцы еще в 1921—1925 гг. сохраняли самодийский язык. Предположение о родстве ненцев, энцев, нганасанов и селькупов с упомянутыми саянскими племенами было высказано еще в XVIII в. В середине XIX в. известный исследователь М. А. Кастрен на основании изучения языкового и этнографического материала по северным самодийским и саяно-алтайским группам выдвинул гипотезу саянского происхождения самодийских групп. Советский этнограф-лингвист Г. Н. Прокофьев, сопоставляя языки, материальную культуру и этнонимы различных самодийских групп, в ряде своих работ подтвердил гипотезу Кастрена.

Большой интерес в плане решения проблемы происхождения северных самодийских групп представляет вопрос об оленеводстве. Хотя уже довольно ранние летописные сведения говорят о самоедах-оленеводах, имеющих упряжное оленеводство, однако некоторые группы самодийцев (пян-хасаво, селькупы), повидимому, имели вьючно-верховое оленеводство, предшествовавшее современному санному. В языке тех и других сохранился специальный термин для обозначения седла. Исследователи середины XIX в. еще застали у южных групп самодийцев вьючное седло. Это сближает южные самодийские группы с сохранившимися и доныне саянскими оленеводами-тувинцами Тоджи и тофаларами. Можно считать, что оленеводство было известно самодийцам еще до переселения их на север, где оно развилось впоследствии в особый тундровый тип оленеводства, свойственный современным ненцам. В то же время в материальной культуре и языке самодийских народов наблюдаются или наблюдались еще в недалеком прошлом черты, отсутствовавшие у саянских групп. Эти особенные черты, специфические для населения полярной зоны, в частности для древних морских зверобоев, появились у современных самодийских народов, вероятно, в результате смешения их саянских предков с древнейшими насельниками полярной зоны, которых они застали здесь. В эскимосском, чукотском и корякском языках существуют слова, совпадающие с соответствующими терминами современного ненецкого языка, относящиеся именно к той части словаря, которая охватывает характерные только для полярной зоны явления. Так, нерпа по-ненецки *няк*, а по-эскимосски — *нэ·сак*, полярная куропатка по-ненецки *хабэвко*, по-чукотски — *хабэв*; передняя часть малицы, ниже кашюшона, по-ненецки *луху*, по-нганасански глухая одежда вообще называется *лу*, а по-корякски — *лху* (*лъку*) — корень слова, обозначающего всякую одежду.

Эти и другие сопоставления позволяют предполагать, что современные северо-восточные палеоазиатские народности были тоже связаны с досамодийским населением северо-западной Сибири. Обнаруженные здесь остатки землянок согласуются с данными ненецкого фольклора, упоминающего о подземных жилищах каких-то аборигенов.

Первые письменные сведения о ненцах относятся к 1096 г. В летописи Нестора есть следующее упоминание: «Сказа ми Гюрята Рогович, новгородец: послах отрока своего в Печору, людие же суть дань дающе Новугороду, и пришед отрок мой к ним, оттуду иде в Югру, югра же суть язык нем и соседят с самоядью на полунощных странах». Следовательно, уже в XI в. ненцы были известны новгородским промышленным, торговым людям, проникавшим в глухие окраины. После падения Великого Новгорода инициатива освоения богатых сибирских земель перешла к Московскому княжеству. Целый ряд походов организует Москва за Урал, приводя под «высокую руку» московского князя народы Сибири.

В XVI в. начинается широкое движение русских промышленных людей на восток. Царское правительство строит на ненецких территориях ряд опорных пунктов — острогов, городков. В 1499 г. основывается Пустозерский острог, а примерно через столетие, — Березов (1593 г.), Обдорск (1595 г.), Сургут (1594 г.), Мангазея (1601 г.) и Туруханск (1607 г.). Население этих острогов состояло из служилых людей, крестьян и промышленников. Во главе стояли назначаемые правительством воеводы, управлявшие приписанными к острогу землями. Остроги и городки являлись не только первыми административными пунктами, но вместе с тем и первыми культурными центрами в глухих северных сибирских землях. Здесь начались регулярные торговые сношения ненцев с русскими. Здесь ненцы знакомились с более высокой

русской культурой крестьян и промышленников, закрепляли с ними тесные дружеские связи, помогали русскому трудовому населению в борьбе с суровой северной природой. Источники XVII в. показывают постепенное сближение ненцев с теми русскими, с которыми начались у них соседские торговые, нужные для обеих сторон, сношения. Сближение с русским населением сыграло большую роль в развитии ненецкого народа. В быт и производство ненцев проникли новые средства производства и предметы материального быта: огнестрельное оружие, сети, металлические изделия, ткани и т. д.

Царское правительство наложило на ненцев ясак, размеры которого были различны в зависимости от районов (2—3 песца, 1 соболь или 15 белок). Много ненцев (ямальские, пуровские) платили ясак «не по окладу», т. е. вносили сколько могли или хотели заплатить. В XVIII в. натуральный ясак был частично заменен денежным. Для уплаты ясака ненцы прибегали к займам и часто лишались своих, отданных в заклад, оленей. Сопротивление ненцев колониальной политике царского правительства, в частности обложению их ясаком, выражалось в XVII в. в «погромах» ясачной казны, когда ее везли из Сибири через Урал, в нападениях на русские остроги как административные центры царского правительства и т. д. Один только Пустозерский острог подвергался нападениям шесть раз на протяжении ста лет (XVI—XVII вв.).

Разработанный комиссией Сперанского в начале XIX в. «Устав об управлении инородцев в Сибири» (1822 г.) распространялся и на ненцев, отнесенных к инородцам третьего разряда — «бродячим». Специальные разделы «Устава» — «Права бродячих инородцев» (ч. I, гл. 6) и «Об инородцах Архангельской губернии, именуемых самоедами», обещали ненцам владение землями, внутреннее самоуправление на основе обычного права и т. д. Большинство этих пунктов, однако, практически не осуществлялось.

Учреждение новых органов управления — инородческих управ и института старшин— способствовало дальнейшему ухудшению положения ненецких масс. Старшинами являлись обычно зажиточные ненцы, и присвоение им известных прав: сбор ясака, некоторые судебные функции и пр., усугубляло эксплуатацию трудовых ненецких масс, укрепляло имущественное неравенство среди ненцев. В первой четверти XIX в. началось насаждение среди ненцев христианства. С этой целью была учреждена в 1824 г. для ненцев Архангельской губернии специальная «Духовная миссия для обращения самоядов в христианскую веру». Ненцев крестили целыми семьями. Сотнями сжигали изображения духов на священных местах. Было также предписано «у всех, кто, приняв христианскую веру, продолжает еще идолопоклонствовать, всех идолов отбирать полицейской властью». Все это еще более усиливало возмущение ненцев против действий царского правительства.

Беззастенчивая торговая эксплуатация со стороны купцов, плативших ненцам за песцовую шкурку кирпич чая или ковш муки, кабальные отношения, в результате которых ненцам приходилось выплачивать долги отцов и дедов, и т. д., вызывали массовое разорение и обнищание ненцев. Бедняки шли работать к богатым ненцам-оленеводам и впадали в кабальную зависимость от них. Разорению широких ненецких масс способствовала и экспроприация угодий. Родовые рыболовные угодья захватывали одноплеменники-богачи и сдавали в аренду русским промышленникам; ненецкие, русские и ижемские богатые оленеводы, имевшие тысячные стада, захватывали пастбищные угодья.

В ответ на это происходят организованные выступления как против представителей царской власти, так и против собственной эксплуататорской верхушки.

Самым выдающимся из таких выступлений было восстание обдорских и тазовских ненцев под руководством ненца Вавлё Ненянга (иначе Ваули Пьеттомин). В конце 30-х годов XIX в. Вавлё, собрав группу ненцев, организовывал нападения на стада богачей, отбирая оленей и раздавая их беднякам. Он призывал ненцев прекратить уплату ясака царским властям. В 1839 г. Вавлё был пойман, заключен в тюрьму городка Березово, а затем сослан в Сургутский уезд. Оттуда он вскоре бежал в родные тундры на р. Таз. В 1841 г. Вавлё вновь собрал ненцев с Таза, Малого и Большого Ямала, а также обдорских хантов и подступил с отрядом в 400 человек к самому Обдорску. Целью его было захватить город, прогнать царских чиновников и их ставленника — хантыйского князя Тайшина и прекратить уплату ненцами ясака. Обманом и хитростью царским властям и местным богачам удалось заманить Вавлё в Обдорск и взять его в плен. Он был судим, наказан плетьми и сослан на каторгу. Но движение протеста в среде ненцев не угасло. В 1856 г. ненцы Пани Тохо, Тум Пэ и др., в том числе и участники восстания Вавлё, вновь собравшись дружиной, отбирали у ненецких богачей оленей и другое имущество. В конце концов они при помощи богачей и старшин были пойманы и сосланы на каторгу.

В 70-х годах XIX в. царское правительство начало переселение ненцев на Новую Землю. Колонизация эта была предпринята, чтобы положить конец норвежским притязаниям на богатую промысловыми ресурсами Новую Землю, издавна принадлежавшую России.

Во второй половине XIX в. значительно усилилась торговая эксплуатация ненцев. Наряду с одиночными торговцами-скупщиками пушнины в тундру проникают представители крупных купеческих фирм Архангельска, Чердыни, Тобольска и Красноярска. К мелкому разъездному, главным образом меновому, торгу присоединяется крупная торговля с разветвленной сетью лавок и собственным флотом. Капитал проникает в рыболовство, организуются рыбные промыслы; в результате этого значительно усиливаются товарные отношения. В западных районах (Канинской и Малоземельской тундрах), где товарность промыслово-оленеводческого хозяйства была несравненно выше, возникают уже элементы капиталистических отношений. Все это способствует дальнейшему росту эксплуатации трудовой части ненцев и увеличению количества безоленных хозяйств. Значительная часть стад переходит в некоторых районах к русским, ижемским и ненецким богачам. В 1895 г. в Печорском уезде русским и ижемским богачам принадлежало 229 365 голов, а всему остальному ненецкому населению — лишь 46 950 голов. Такое перераспределение оленей сопровождалось захватом пастбищ, бывших некогда общинной собственностью. Разорение и обнищание ненецких трудовых масс продолжалось вплоть до самой революции.

Основные занятия

В прошлом ненцы занимались оленеводством, рыболовством и охотой (сухопутной и морской). Характерными чертами ненецкого тундрового оленеводства были круглогодовой выпас оленей под надзором пастухов, пастьба с помощью оленегонных (пастушеских) собак и исключительно санный способ езды на оленях.

Тундровому оленеводству ненцев были свойственны далекие сезонные перекочевки. Зимой стада выпасались в лесах, в лесотундре или в кустарниковой тундре, где снег более мягок, и олень добывал себе корм без труда. Не было там и недостатка в топливе, столь необходимом в холодные месяцы. Весной начиналась откочевка к северу, во время которой ненцы доходили порой до берегов Ледовитого океана: постоянно дующие там ветры отгоняли комаров, изнуряющих оленей; там также находились

Осенняя переправа оленей с о. Вайгач через прол. Югорский шар

богатые рыболовные и зверобойные угодья. Осенью начинали кочевать обратно. В некоторых районах (северный Ямал, Большеземельская тундра) малооленные хозяйства оставались круглый год в тундре, совершая лишь незначительные перекочевки.

Оленеводство ненцев, обитавших в более южных районах (в бассейнах рр. Пеша, Мезень и др.), и лесных ненцев Пура носило черты обычного лесного оленеводства. Мелкие стада выпасались здесь всегда в лесу, и зимние кочевья отстояли от летних всего на 40—60, редко на 100 км. Олени лесных ненцев как более крупные охотно приобретались тундровыми оленеводами.

Хозяйственный год ненца-оленевода распадался на зимний и летний периоды. При выборе места для зимних стойбищ придавалось большое значение изобилию ягеля и дичи в занимаемой части леса или лесотундры. Зимний чум оставался на одном месте недели две и даже больше. Пастухи ежедневно обходили стадо, делая при этом очень большой круг; заметив, что олень вышел из круга, они загоняли его обратно с помощью оленегонных собак. Когда ягель в одном месте оказывался выеденным, стадо перегоняли на другое место, но чум оставался на старом месте и переносился только тогда, когда новое пастбище оказывалось слишком отдаленным. Большим бедствием для оленеводов являлись зимой глубокие снега и наст, образующийся при заморозках после оттепели. Олени, не имея возможности докопаться до ягеля, погибали массами от бескормицы.

Малооленные хозяйства обычно проводили лето около озер и рек, где занимались рыболовством; оленей своих они на лето отдавали в стада уходящих на север оленеводов. Кастрировали оленей осенью, на пути к зимним стойбищам. Поимка их для запряжки или убоя производилась в сооруженном из нарт загоне; наиболее диких животных ловили сплетенным из оленьей кожи арканом.

Оленеводство давало ненцам мясо, сало и кровь для питания; шкуры для пошивки одежды, обуви и покрышек зимних чумов; кожу для вы-

делки арканов, летней обуви, упряжи и т. д.; сухожилия для сучения ниток и плетения веревок; рога для различных поделок. Стадо в 70—100 голов обеспечивало хозяйство всем необходимым.

Важное значение в хозяйстве ненцев имело рыболовство, особенно в низовьях Оби, Надыма, Пура, Таза и Енисея. У лесных ненцев нижнего течения рр. Пура и Надыма оно являлось основным занятием. Главные промысловые виды рыб: осетровые, сиговые, лососевые, отчасти язь, и навага. Ловили рыбу разными сетями и запорами. Повсюду применялись невода 80—100 м длиной, с которыми без труда справлялись 3—4 человека. Распространены были также сети, которые ставили поперек течения реки. Ими пользовались и в начале зимы для подледного лова. Загородями из вбитых в речное дно жердей ненцы перегораживали небольшие реки. В «окна» загородей, т. е. в проходы между жердями, вставляли «морды» — ловушки, сплетенные из прутьев. Лов с помощью загородей практиковался и зимой. В Большеземельской тундре, на Карском пороге распространена была добыча кунжи острогой. По преданиям, рыбу добывали в старину и стрельбой из лука.

Некогда охота на дикого оленя была одним из важнейших занятий ненцев. Это подтверждается и многими ненецкими преданиями и самим термином для обозначения дикого оленя — *илебць* (т. е. «средство к жизни»), сохранившимся до настоящего времени. С развитием оленеводства, а также с уменьшением количества диких оленей в тундрах, значение охоты на дикого оленя у ненцев сильно пало. Основными объектами охоты, кроме дикого оленя, были песец, лисица, заяц, горностай. Изредка промышляли росомаху, речного бобра, выдру, волка, белого и бурого медведей. Охота, особенно на белку, имела важное значение в хозяйстве лесных ненцев верховьев рр. Пура и Надыма.

На дикого оленя охотились обычно, выгоняя его на засаду или подкрадываясь на оленьей парте на расстояние выстрела. В этом случае преследование велось по прямой линии, в то время как спугнутый олень шел зигзагами. Раньше, по преданиям, охотились на него с помощью обученного оленя-маньщика. На рогах маньщика укрепляли ременные петли и пускали его к стаду диких. Дикий олень, вступая в драку с маньщиком, запутывался своими рогами в петлях и становился добычей охотника, который пристреливал его. Остальных зверей добывали самострелами (настороженными луками), пастями (деревянными ловушками давящего типа) и, после знакомства с русскими, железными капканами.

Огнестрельное оружие появилось у ненцев не ранее XVIII в. До самой революции в ходу были кое-где кремневые и почти повсеместно пистонные ружья. Охотничьим оружием служил до конца XIX—начала XX в. клееный сложный лук, длиной в 1.5—2 м. Оперенные стрелы были снабжены костяными и железными наконечниками разных типов (раздвоенными — на птицу, грапеными — на крупного зверя, тупыми — на белку и др.).

Охота на морского зверя была распространена по морскому побережью и в устьях больших рек среди западных групп ненцев. Основными объектами были нерпа и морской заяц, второстепенными — белуха, гренландский тюлень и морж. Уже в XIX в. охота производилась главным образом с помощью ружья. Лежавшего на льду зверя «скрадывали», подползая к нему с подвижным прикрытием — продолговатым щитом, укрепленным на двух полозьях. Применялся также способ добычи нерп железными крючьями, подвешиваемыми внутри продушины, сделанной зверем во льду. Крючья не мешали нерпе вылезти на лед, но при попытке нырнуть в воду задерживали ее. В настоящее время этими крючьями добывают главным образом раненых зверей. В старину тюленей про-

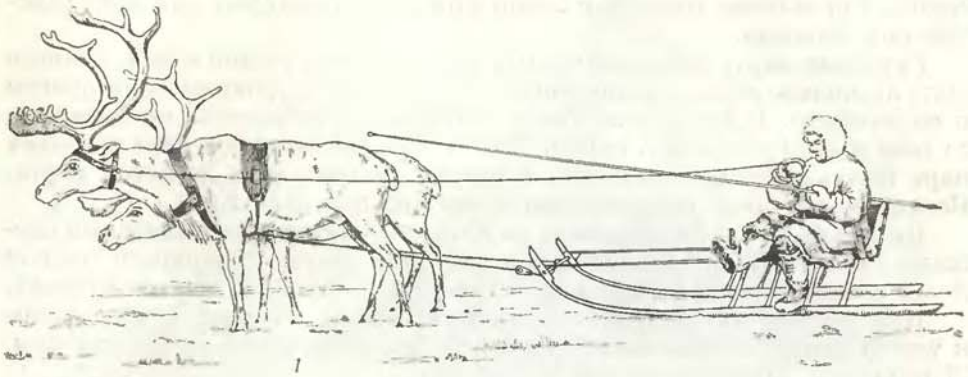
Пасть — ловушка давящего типа на росомаху

мышляли только гарпуном. Имеющиеся сведения о распространении зверобойного промысла у западных ненцев в прошлом согласуются с приведенными выше данными о древних аборигенах — морских охотниках. В процессе ассимиляции этих племен ненцы, видимо, заимствовали и бытовавшую у этих охотников технику добычи морского зверя.

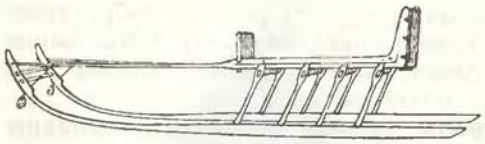
Водоплавающую птицу (гусей и уток) ненцы промышляли луками (позднее ружьями), а в период линьки при помощи специально устраиваемых загонов. Для этого на выбранном заранее месте вбивали на низменном крае берега несколько кольев, обтягивали их сетями так, что образовывался довольно просторный круг с отверстием, обращенным против течения реки. Круг этот служил для загона гусей. Два сетчатых крыла, натянутые перпендикулярно к берегу, соединяли круг с берегом и тянулись на некоторое расстояние поперек реки. Охотники осторожно гнали гусей вниз по реке, загоняли в круг и там убивали. При такой охоте 3—4 охотника добывали в течение нескольких дней от 1500 до 2000 гусей. Этот хищнический способ охоты в настоящее время запрещен. Белую куропатку ловили петлями или сетями, в которые во время метели против ветра загоняли птицу.

Средства передвижения

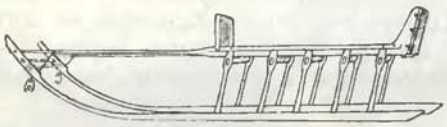
Основным средством передвижения ненцев была оленья упряжка. Нарта (*хан*) изготовлялась из ели и березы. Нарты всех самодийских народов по характерным особенностям их конструкции принадлежат к одному типу и резко отличаются от оленных нарт оленеводов крайнего востока — чукчей и коряков. Они состоят из пары высоко загнутых полозьев, на которые при помощи 2—6 пар наклонно поставленных копыльев, соединенных поперечинами, укреплена рама из реек, передние концы которых входят в головки полозьев; у легковой нарты имелся дощатый настил для сиденья, спинка и более высокие, чем у грузовых, копылья. Различаются два типа легковых нарт: мужская и женская. Женская нарта большего размера, так как мать ездила с маленькими детьми. В легковую



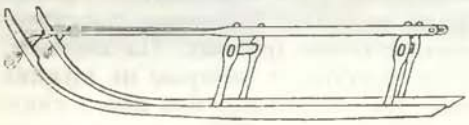
1



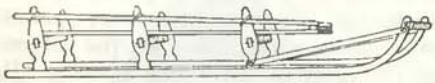
2



3



4



5

6

7

Оленья упряжка и типы оленьих нарт

1 — упряжка и способ управления оленями; *2* — легковая мужская нарта; *3* — легковая женская нарта; *4* — грузовая нарта; *5* — грузовая нарта для перевозки дров; *6* — грузовая нарта для перевозки шестов чума; *7* — пастух с арканом для вылавливания оленей

нарту запрягали веерообразно от 2 до 6 оленей. Первым слева впрягался специально обученный олень-передовик. Ездок садился с левой стороны и управлял упряжкой с помощью тонкого деревянного шеста (*тюр*) и одной вожжи, прикрепленной к недоуздку крайнего левого (передового) оленя. Управление вожжей с левой стороны характерно для всех самодийских народов.

Грузовых нарт, предназначенных для перевозки разной клади, у ненцев было несколько видов, различавшихся по величине, деталям конструкции и назначению. В эти нарты обычно впрягали двух оленей, привязанных за шею к задку передней нарты. Таким образом, из нескольких грузовых нарт составлялся обоз (*аргиш*), в голове которого шла легковая нарта. Всеми видами нарт пользовались в течение круглого года.

На Новой Земле, а отчасти и на Вайгаче, упряжными животными служили собаки. В небольшие оленьего типа нарты запрягали веером 3—12 собак. Ездовое собаководство ненцев воспринято ими от русских.

Для ходьбы по глубокому снегу (главным образом в лесотундре и тайге) употребляли лыжи двух типов: 1) лыжи, подклеенные камусом, 2) голицы — лыжи без меховой подбивки.

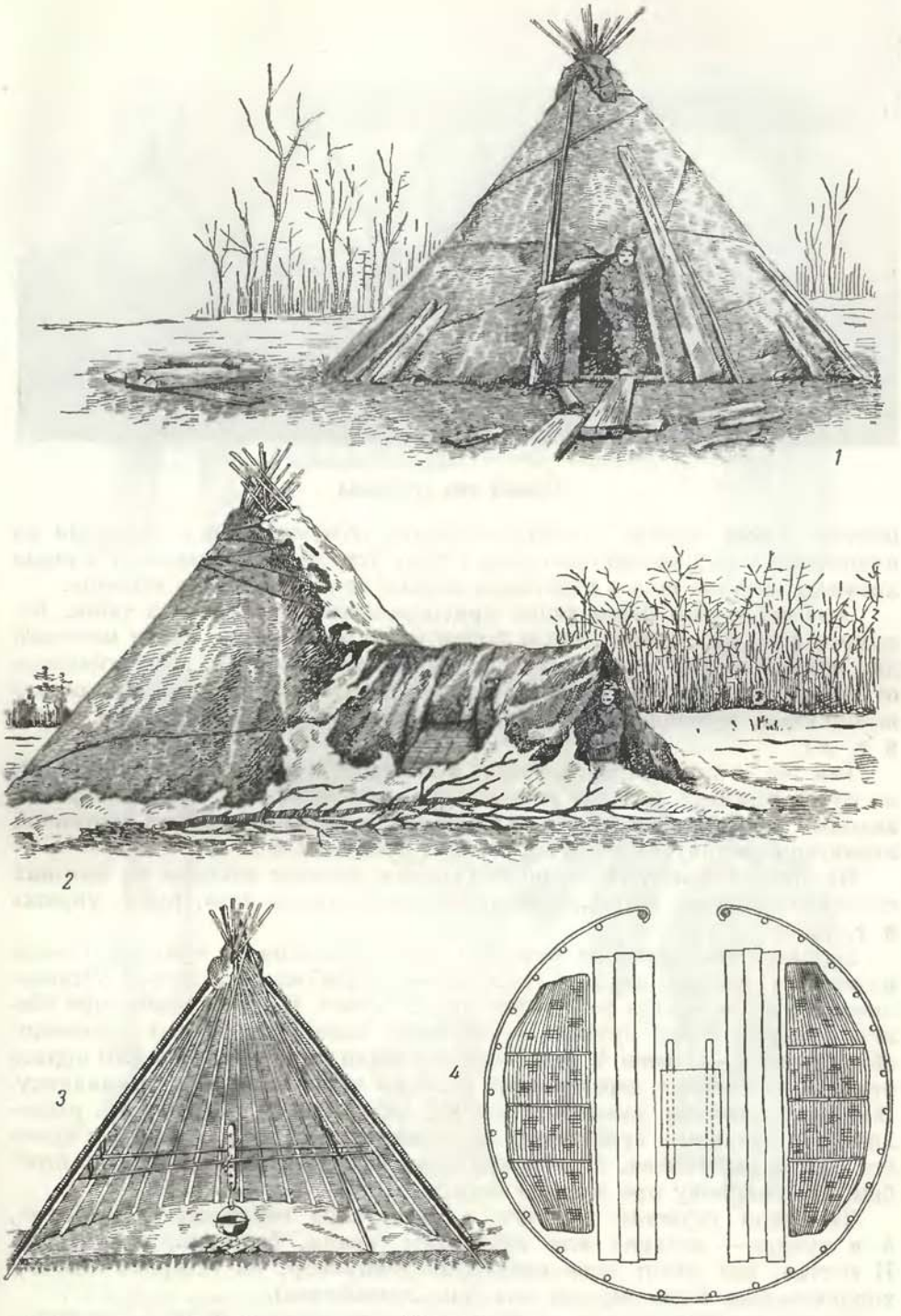
Летом на рыбной ловле, на морской охоте и для различных поездок пользовались лодками разных типов: большими, шитыми из досок лодками, приобретавшимися большей частью у русских, и разнообразными долбленными из ствола осины или кедра челноками и др. Пользование парусом (обычно прямым) было распространено лишь на островах, по морскому побережью и в низовьях больших рек.

Жилище

Основным типом старого ненецкого жилища является конический чум (*мя*). Его сооружали из 30—50 (в зависимости от размера чума) шестов, покрытых зимой двумя слоями покрышек, сшитых из оленьих шкур с подстриженной на них шерстью. Внутренние покрышки клали шерстью внутрь чума, верхние — шерстью наружу. Летом чум иногда покрывали покрышками, сшитыми из полос вываренной бересты.

Очаг находился в центре чума на железном листе. По диаметру чума, на высоте около 1.5 м, горизонтально подвешивали 2 жерди. Концы их вдевали в петли у шестов по обе стороны от входа, а противоположные концы — в петлю на особом вертикальном шесте (*симзы*). На горизонтальные жерди укладывали короткие поперечины, к которым на крюках подвешивали за дужки котлы и чайники. По обеим сторонам очага укладывали по 1—4 доски, служившие полом. Место по обе стороны очага, справа и слева от входа в чум, составляло собственно жилую и спальную части чума. На земле раскладывали цыновки из ивовых прутьев, на них другие цыновки, сплетенные из сухой травы. Поверх цыновок расстилали оленьи шкуры. Постелью служили целые зимние шкуры оленей. Противоположная от входа часть чума считалась «чистым» местом. Там хранились домашние святыни, посуда и некоторые продукты. Размеры чума бывали различны. Богатые хозяйства ставили большие, постоянно подновляемые чумы. Летом такие хозяйства почти никогда не пользовались меховыми покрышками, что приходилось зачастую делать беднякам, не имевшим возможности так легко, как богатые, выменивать у таежного населения нужную для летних покрышек бересту.

Бедняки жили обычно в небольших, тесных чумах с меховыми покрышками, почти лишенными волоса от длительного употребления. Дощатого пола в бедных чумах подчас не было. Сломанные шесты годами не заменялись новыми. Прогоревшие от искр верхние части меховых покрышек подолгу не чинились из-за недостатка шкур. Встречались бедняки, имевшие только полчума, т. е. одну пару покрышек и несколько



Жилище

1 — чум; *2* — чум с пристройкой — «сенями»; *3* — разрез чума, схема; *4* — план чума, схема

Общий вид стойбища

шестов. Такие два-три хозяйства обычно объединялись и собирали из имевшихся у них частей один общий чум. Встречались, наконец, и такие хозяева, которые шли в работники именно из-за отсутствия жилища.

Чум полностью перевозился при перекочевках. Только в тайге, например у лесных ненцев, где в любом месте можно было найти материал для шестов, остовы чумов оставляли на местах стоянок, что избавляло от перевозки лишнего груза. Установка и разборка чума производились женщинами, мужчины помогали лишь при плохой погоде (в буран, дождь и т. д.).

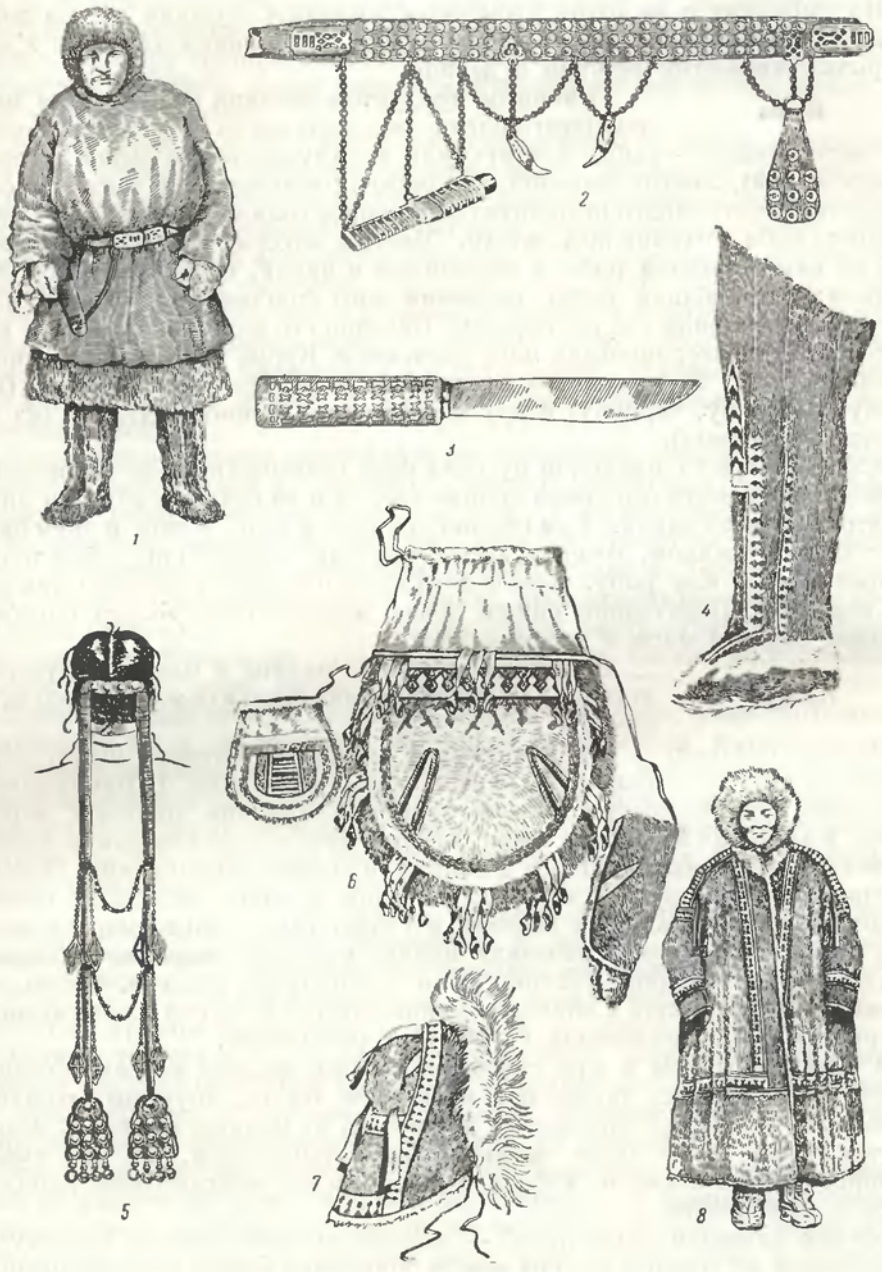
Там же, в лесотундре и тайге, а местами и в тундре (п-ов Канин), на путях обычных кочевок сооружались из бревен или плах амбары на высоких подпорках (*тин*). В них оставляли временно зимний охотничий инвентарь, меховую одежду, пушнину, продукты и т. п.

На зимних и летних стоянках строили дощатые настилы на высоких столбах-подпорках (*паре*), куда складывали запасы мяса, рыбы, упряжь и т. д.

Большинство хозяйств кочевало самостоятельно, и чумы их стояли в одиночку, реже по два или три. Только на рыболовных песках устанавливались летом иногда по 7—10 и даже 20 чумов. В летнее время, при обилии комаров, более крупное стадо легче выпасать, поэтому оленеводы объединяли 2—3, реже 4 хозяйства и ставили свои чумы рядом. В период отела и на осенних перекочевках к лесам чумы ставились в одиночку. Богатые оленеводы, имевшие стада в 2—5 и даже 10 тыс. оленей, располагались большими стойбищами, состоявшими из чума хозяина и чумов его жен и работников. Подчас один такой хозяин имел несколько стойбищ (по стойбищу при каждом стаде).

Топливом служили в тайге и лесотундре валежник и сухостой, а в тундре — плавник или кустарник (ивняк, березняк, ольховник). В местах, где редок даже кустарник (например, на северном Ямале), топливом был часто черный мох (вид лишайника).

Освещался чум жировыми светильниками, свечами из оленьего жира, замороженного в формах из оленьего пищевода, лампами без стекол и покупными свечами (у зажиточных), а чаще всего только огнем от очага.



Одежда и украшения

1 — мужская зимняя одежда; *2* — мужской пояс; *3* — мужской нож; *4* — мужская зимняя обувь; *5* — женские подвесные косы с украшениями; *6* — женская сумочка для хранения швейных принадлежностей; *7* — женский головной убор; *8* — женская зимняя одежда

Пищу принимали сидя на полу, скрестив ноги, за столиком на низких ножках. Лишь на Новой Земле и в северных районах нынешней республики Коми оседлые ненцы уже со второй половины XIX в. жили в рубленых избах.

На рыбалках и на охоте временным жилищем служили иногда перевернутые лодки, заслоны от ветра (*хангг*) и землянки (*я'харӑ, я'мя*), покрытые хвойными ветками и дерном.

Пища

Основным продуктом питания ненцев было мясо домашнего оленя, оно составляло до 85% всей пищи, а у малооленных — рыба, которую ели преимущественно сырой (свежей и мороженой), меньше вареной. Из рыбы приготовлялась также юкола. Вследствие постоянного недостатка соли, впрок солили рыбу редко и слабо, поэтому рыба сохранялась плохо. Частым блюдом был жир, вываренный из внутренностей рыбы и смешанный с икрой, кусочками рыбы или ягодами; употребляли также нерпичий жир (топленый) и оленье сало. Мясо обычно варили (но не жарили). Нередко его ели сырым (парное или мороженое). Консервировали мясо копчением. Кроме мяса оленя и птицы, изредка в пищу шло песцовое и нерпичье мясо. Потребляли ягоды (морошку, голубику, чернику) и другие растения, например дудник (из семейства зонтичных).

Хлеб, который с приходом русских стал повсеместно известен ненцам, потреблялся в незначительном количестве, да и то главным образом лишь зажиточной верхушкой. Ели обычно три раза в день. Утром и днем пили чай с хлебом и жиром, вечером, после чая, ели мясной или рыбий навар и вареное мясо или рыбу. Дети с двухлетнего возраста питались так же, как взрослые. Переходной пищей после материнского молока служило жеваное вареное мясо и вареный мозг.

Одежда

Ненецкая одежда — малица и совик у мужчин, ягушка — у женщин; национальная меховая обувь — пимы.

Малица (*мальця*) — длинная глухая одежда из оленьих шкур, спитая мехом внутрь, с пришивным капюшоном и рукавицами. В Канинской и Тиманской тундрах распространена малица с высоким круглым воротником. Капюшона малица не имеет, его заменяет высокая шапка из оленьего меха, со вшивным круглым дном и с короткими наушниками. Поверх малицы обычно надевают чехол из плотной материи, иногда из сукна, предохраняющий мездру от сырости и грязи. Еще недавно многие мужчины рубах не носили и надевали малицу прямо на голое тело. Штаны, доходившие до середины голени, шили встарину из ровдуги. Во второй половине XIX в. вошли в обиход покупные штаны из сукна или бумажной материи, почти вытеснившие из обихода ровдужные.

В сильные холода и при снегопаде поверх малицы надевали совик, известный у русских также под названием «гусь», «кумыш», «сокуй». Одежда эта несколько отличалась по покрою от малицы и шилась мехом наружу. Она тоже была с пришивным капюшоном, но не имела рукавиц; у енисейских и, иногда, у европейских ненцев совик кроился вместе с капюшоном.

Обувью служили пимы (*пива*) — высокие меховые сапоги из камуса, с подошвами из «щеток» (шкура между большим и малым копытом оленя), реже из кожи, снятой с оленьего лба. Внутрь пимов вкладывали стельки из сухой травы. Пимы надевали с меховым чулком, известным у русских под названиями «чижи», «тяжи», «липты». Женская обувь отличалась лишь деталями выкройки. Летом и осенью мужчины носили пимы из нерпичьей шкуры или обычные, но уже поношенные, а также ровдужные сапоги с меховой подошвой (*танггад*). Одеждой в это время служили

старые, поношенные малицы и суконные совики. Специальной летней одежды не было.

Женскую одежду — паницу или ягушку (*паны*) — шили из оленьего меха в виде двойной, мехом наружу и внутрь, распашной шубы, с низким воротником из оленьего или песцового меха и пришивными как у малицы, рукавицами. Головным убором в сильные холода служил меховой капор. К капору прикреплялись звенящие металлические (медные) прорезные бляхи и бусы. Летом носили старую паницу или одежду аналогичного покроя из сукна.

Одежда детей до 3—4-летнего возраста состояла из мехового комбинезона (мехом внутрь), «парки» — одежды такого же покроя, как малица, но двойной (мехом внутрь и наружу) и меховых сапожек, мало отличавшихся от чулков взрослых. С 5—6 лет дети носили обычно одежду, почти ничем не отличавшуюся от одежды взрослых. Грудных детей укладывали в деревянные зыбки, укрывали меховым одеялом. Всю меховую одежду (а нередко и суконную) шили нитками из спинных и ножных сухожилий оленя. У богачей малицы были из шкур оленей, хорошо подобранных по масти, нередко с капюшоном из меха выдры. На женских паницах имелась опушка из лисьего и выдрового меха, воротники делались из песцовых хвостов.

Праздничная одежда отличалась от будничной обилием украшений и меховых аппликаций (у женщин) и цветом (белые или темные совики у мужчин, пимы из пестрых камусов и т. д.). Украшалась одежда, особенно женская, вставками широких горизонтальных и вертикальных полос из цветного меха, меховыми аппликациями из белого и черного меха, реже полосками цветного сукна, пришиваемыми одним концом к одежде (например, к совику). Широко были распространены покупные металлические украшения (узорчатые бронзовые бляхи, колокольчики, бубенцы), бусы, реже бисер.

Мужчины чаще всего подстригали волосы в кружок, реже отращивали и заплетали их в две косички. Женщины расчесывали волосы на прямой пробор и заплетали их в две косы, иногда удлиненные ложными косами из полосок цветного сукна и шерстяных шнурков с прикрепленными к ним медными звенящими украшениями. У женщин было распространено расшитое бисером налобное украшение *судыр* с подвешенными к нему металлическими цепочками.

Общественные, семейные отношения и религия

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции у ненцев, главным образом сибирских, сохранялись многочисленные пережитки родового строя. Род (*еркар*) был отцовским, т. е. состоял из группы кровных родственников по мужской линии.

Родовая группа владела особой территорией, состоявшей из зимних и летних оленьих пастбищ и различных промысловых угодий. В постоянном индивидуальном владении отдельных хозяйств находились лишь летние рыбалки, расположенные в местах их летовок.

Род имел свое кладбище, на котором хоронили умерших родичей. В случае смерти на чужой территории, например во время перекочевки, труп умершего старались привезти на территорию рода и похоронить на родовом кладбище. У каждого рода были также свои жертвенные места.

Браки были строго экзогамными. Роды объединялись во фратрии; внутри фратрий браки не заключались. Количество родов изменялось, так как по мере расселения ненцев на огромной территории шел непрерывный процесс дробления немногочисленных вначале основных родовых групп. По ненецким преданиям, у обдорских ненцев первоначально было

два рода: Харючи и Вануйта. В результате дробления каждый из них распался на несколько десятков групп. Группы эти занимали особые территории и образовали новые роды, которые, однако, продолжали вести свое происхождение от двух прародителей. К началу XX в. у ненцев насчитывалось до ста таких групп.

Правонарушения внутри рода (убийство сородича, кража, отказ нуждающимся сородичам в помощи, нарушение экзогамных норм) случались крайне редко. Но отношения между родами, позднее даже между отдельными группами внутри рода, связанными общностью происхождения, часто были враждебными. Существовала родовая месть, действие которой распространялось лишь на мужчин.

В производственной деятельности широко применялся коллективный труд. В начале XX в. для коллективной охоты объединялись обычно несколько соседних стойбищ разного родового состава. Однако пережитки сознания права собственности рода на определенную территорию сказывались во многом. Так, например, на местах поколок оленей хозяевами считались члены рода, которому когда-то эта территория принадлежала. Представители других родов могли участвовать в коллективной охоте, но считались «гостями». На распределении добычи, однако, это положение «гостей» никак не отражалось. Охота на линную птицу, сооружение запоров и лов рыбы этим способом, выпас оленей в некоторые периоды также производились коллективно. Продукция совместной охоты и рыбной ловли делилась поровну между всеми участниками. Эта форма распределения носила некоторые черты первобытно-общинного характера: продукты распределялись не только между теми, кто их добыл, но и между лицами, не принимавшими личного участия в данном промысле: получали свою долю старики, сироты и больные. К формам взаимопомощи относится и всеобщий обычай гостеприимства. Коллективная собственность распространялась помимо родовой территории и на некоторые средства производства — запоры, дощатые «шитые» лодки для морского промысла и др.

Все эти обычно-правовые отношения сохранились у ненцев к началу XX в. лишь как пережитки родовых отношений. Источники почти двухсотлетней давности содержат указания на резкое имущественное неравенство ненцев. Важнейшей основой имущественного неравенства явилось владение основными средствами производства — оленями. Уже в XVII—XVIII вв. были налицо ясно выраженные группы многооленных богачей, с одной стороны, и бедняков, владевших, в лучшем случае, несколькими десятками оленей, — с другой. В конце XIX в. 82.8% хозяйств большеземельских ненцев принадлежало лишь 24.6% всего поголовья оленей (размеры отдельных стад колебались у них от нескольких единиц до ста голов), а 17.2% хозяйств владели стадами от ста до нескольких тысяч голов, составлявших в общей сложности 75.4% всего поголовья.

Процесс имущественной дифференциации усилился и ускорился в результате проникновения в тундру товарных отношений. Объектами натурального обмена, возникшего некогда среди ненцев в результате общественного разделения труда между оленеводами, зверобоями и рыболовами, являлись олени и продукты оленеводства (мясо и шкуры), рыба, продукты морского промысла (нерпичьи шкуры, моржовые клыки, ремни из кожи морского зайца) и различные изделия (нарты, хореи, шесты, береста для сооружения чумов).

В дальнейшем к этому обмену присоединяется обмен промысловой продукции (пушнины, рыбы и оленьих шкур) на привозные товары (металлические изделия, сукно, хлеб и т. д.). Появляется, хотя и слабое, денежное обращение. Усиливается товарность ненецкого хозяйства.

Проявлявшееся все резче и резче имущественное неравенство приводило к классовому расслоению. Если прежде в экономическую зависимость попадали лишь сироты и чужеродцы (военнопленные), то впоследствии внутри любого рода появляются эксплуатируемые и эксплуататоры.

Почти около каждого богатого хозяйства группировались бедняки, исполнявшие для богача различные работы, выпасавшие его стада, промышлявшие для него зверя; они получали от богача в долг оленье мясо и шкуры и попадали таким образом в кабалу.

Различные пережитки первобытно-общинных отношений умело использовались богачами для маскировки эксплуатации зависимых от них оленеводов. Совместный выпас оленей (так называемая *парма*), бывший некогда весьма распространенной формой коллективного труда, при объединении тысячных стад богачей с несколькими десятками бедняцких оленей стал ширмой для самой беззастенчивой эксплуатации. Аналогичные отношения установились и в области землепользования при формально сохранившейся общеродовой собственности на землю. Богачи, обеспеченные транспортными средствами (оленями), а следовательно, и возможностью доставки в тундру материала для устройства пастей, а также рабочей силой для их установки и высмотра, устраивали пастники (т. е. ряд установленных пастей-ловушек) длиной до 50 и даже 100 км. Захватывая большие угодья, они лишали бедняков даже той скудной доли промысла, на которую те могли рассчитывать на своих небольших пастниках.

Различные виды эксплуатации в ненецком оленеводческом хозяйстве могут быть сведены к следующим основным формам:

1) Наем батраков для выпаса стад; наем этот развился из эксплуатации труда мелких оленеводов и безоленных ненцев, формально самостоятельных, но впавших в фактическую зависимость от крупных оленеводов.

2) Предоставление в период осеннего убоя оленей бедноте в долг мяса и шкур с последующей уплатой (зимой и осенью следующего года), пушниной, продукцией рыбного или морского промысла и т. п.

3) Отдача необученных езде оленей во временное пользование с обязательным возвращением их обученными; иногда взималась, помимо того, еще и особая плата за пользование оленями.

Эксплуатация бедняков не ограничивалась областью оленеводства. Богачи посылали своих батраков на пушной и рыболовный промысел, причем вся их добыча поступала в собственность хозяина.

Развитие в XIX в. рыбопромышленности в районах расселения ненцев значительно повысило товарность ненецкого рыболовства и ускорило разложение натурального хозяйства. Сотни ненецких хозяйств разорились и попали в кабалу. Рыболовные угодья (пески), составлявшие некогда родовую собственность и находившиеся позднее в наследственном пользовании отдельных семей — «вотчинников», попали в аренду к русским промышленникам. Лов производили ненцы, получавшие от промышленника все орудия и питание, в том числе хлеб. В уплату за орудия лова и продукты питания, выданные авансом, промышленник брал половину улова, другую половину он покупал тут же по низкой цене. Арендную плату за рыболовные угодья (300—500 руб. за сезон) в 1900-х годах промышленники платили только «вотчиннику», в пользовании которого находились пески. Таким образом, хозяйства «вотчинников» получали явно нетрудовой доход. Этот порядок являлся обходом, фактическим нарушением общинной собственности на угодья при ее формальном существовании.

Размеры ненецкой семьи были различны. Встречались большие семьи в 10—15 и больше человек с общим хозяйством под единым руководством главы семьи. Господствующими были патриархальные отношения, связан-

ные с рядом правовых отношений и запретов религиозного характера по отношению к женщинам. Так, женщина (жена, дочь) была лишена права наследования; имущество переходило к сыновьям и братьям. Затруднялось расторжение брака по желанию жены, хотя оно легко осуществлялось мужем. Следует отметить и многоженство. Встречались ненцы, имевшие 2—3, даже 4 жены; в большинстве случаев это были богачи, имевшие возможность уплатить за каждую жену немалый выкуп. Калым — выкуп (когда-то он уплачивался, видимо, не отцу невесты, а ее роду) состоял из оленей (от 5—10 до 100—200 голов), лисьих и песцовых шкурок и т. д. Невеста, в свою очередь, приносила в приданое хозяйственную утварь, парты, одежду и оленей. Олени, полученные в приданое, составляли, как и их приплод, собственность жены и в случае развода или смерти мужа оставались у нее.

В качестве пережитка древней формы заключения брака практиковались среди ненцев и отработка за жену (вместо калыма) и, очень редко, умыкание. Широко бытовал обычай левирата. Этот обычай в условиях существования отцовского рода, интересам которого он вполне соответствовал, сохранялся до недавнего прошлого.

Система родства у ненцев — классификационная, объединяющая под одним термином родства целую группу лиц, находящихся друг к другу в различных родственных отношениях. Так, например, в группу, обозначаемую термином *няка(ми)* — «мой старший брат», входят не только старшие сыновья моего отца, но и младшие его братья, т. е. лица старшего для меня поколения; наоборот, старшего брата отца я называю тем же термином *ирими* — «мой дед», что и отца моего отца, причисляя, таким образом, брата отца к категории дедов и т. п.

Терминология ненецкого родства содержит некоторые особенности, восходящие к отдаленной эпохе группового брака. Так, детей моих братьев я зову своими детьми; сохранились выражения, в которых термины «отец» и «мать» употребляются во множественном числе. Широко практиковался так называемый перекрестный кузенный брак: брак с дочерью сестры отца, но не с дочерью сестры матери. Это вытекало из существенных экзогамных норм и характера наследования.

В круг постоянных обязанностей ненецкой женщины входили все домашние работы: установка и разбор чума, заготовка воды и топлива, приготовление пищи, выделка шкур, шитье одежды и уход за детьми. Некоторое участие она принимала в оленеводстве (окарауливание стада) и в рыболовстве (разделка рыбы, иногда неводьба). При решении семейных дел мнение жены имело большой вес, с ним всегда считались. Все домашние дела находились почти в полном ведении женщины, а обычное право предусматривало собственность жены на ее приданое и на все имущество, приобретенное ее личным трудом.

До 5—7-летнего возраста дети находились под опекой матери. После этого возраста мальчики учились под руководством отца мужским работам, девочки под наблюдением матери — женским. Бездетность считалась величайшим несчастьем и служила важным поводом для развода. Взрослые сыновья часто не отделялись от родителей и продолжали вести общее с ними хозяйство. В случае смерти отца мать переходила на попечение сына (обычно младшего) и пользовалась в его семье большим авторитетом. Старики, женатые сыновья которых жили отдельно, часто брали к себе внуков «гостить» на несколько месяцев, даже на год, а часто оставляли их совсем у себя. В случае смерти родителей ребенок переходил в чум деда и бабки или других родственников.

В религиозных представлениях ненцев важную роль играли пережитки первобытного анимистического мировоззрения. Стихии и урочища,

сопки, реки, озера и т. п. имели в представлении ненцев своих духов-«хозяев». Считалось, что землю и все живущее создало божество Нум, от которого зависело благополучие людей. Сын Нума, Нга, считался злым богом болезней и смерти. Нум, по верованиям ненцев, не входил сам в нужды людей и помогал им, защищая от Нга, только в случаях обращения к нему с соответствующей просьбой. Эти просьбы и ответы на них Нума передавали небесные духи *тадебцю*, общаться с которыми могли только шаманы. Кроме Нума, в представлении ненцев было еще доброе божество: Я-небя — «мать земля», которая тоже помогала людям, в частности покровительствовала женщинам, оказывая им помощь при родах.

Умилостивление духов и божеств совершалось с помощью жертв, приносимых непосредственно духам (например, опускание жертвы водяному хозяину в воду) или их изображениям из дерева и камня, водружаемым в определенных урочищах. Нуму приносили жертвы весной и в начале зимы. Жертвы приносили бескровные — *ханггор'* (хлеб, вино, сукно, деньги и т. п.) и кровавые — *хан* (олень, собака). Жертвоприношения выражались также и в «кормлении» изображений духов (например, духов-хранителей жилища); при неисполнении обращенных к ним просьб духов наказывали и «оставляли без пищи».

Шаманство играло у ненцев значительную роль. Однако магические действия мог производить и не шаман. Можно было наблюдать остатки семейного шаманства: камлание с бубном, например, иногда производилось и простыми смертными. Выделение профессиональной группы шаманов уничтожило существовавшее, повидимому, ранее семейное шаманство.

Шаман считался избранником духов и мог якобы общаться с ними. Функции шаманов были весьма разнообразны: «лечение» больных, «предсказания» будущего, «помощь» в промысле, «нахождение» утерянных или похищенных предметов, похороны и проводы души покойного. В зависимости от выполняемых определенных функций существовали различные категории шаманов.

Основным атрибутом шаманов был бубен (*пензер*). Бубен представлял собой неширокий деревянный обод, на который натягивали оленью кожу; ударяли в бубен деревянной колотушкой. С помощью бубна шаман «вызывал» духов-помощников, и они, передав Нуму вопросы шамана, «сообщали» его ответы. Специальное полное шаманское облачение сохранилось в XIX в. лишь у восточных ненцев, у западных имелась только особой формы шапка. Шаманы взимали плату за камлание. Размеры платы (*хасо*) колебались от пары рукавиц или оленьей шкуры до нескольких оленей и ложились тяжелым бременем на бедняков.

Видное место в дореволюционном быту ненцев занимали различные магические обряды, например сжигание ногтей или волос человека, которому желают несчастья, сжигание гагарьей шкурки для вызова хорошей погоды и т. д.

Широко распространены были различные запреты, особенно тяжелые для женщин, считавшихся «нечистыми». Женщина не могла обходить кругом чум, дабы не пройти мимо «чистой» его части; она не должна была ступать через веревку, упряжь, аркан, ружье и другой промысловый инвентарь, находившийся в ведении мужчины. Существовали ограничения и в пище: женщина не могла есть голову оленя, мясо медведя, некоторых рыб (щуку, сырого осетра).

Рождение и смерть сопровождались особыми шаманскими обрядами. При рождении приносили жертву, а через некоторое время происходило

Мольбище в тундре

«очищение» чума путем окропления его водой с пучка багульника. Нередко женщина рожала в особом «нечистом» чуме. Ребенка называли по имени кого-нибудь из предков.

Покойника хоронили обычно на поверхности земли в особом срубе — *нэмб*, или *хальмер тин*; вместе с ним в могилу клали посуду, продукты и т. п.; возле могилы оставляли поломанную нарту покойного и убивали несколько оленей. Душа умершего, по представлениям ненцев, оставалась еще некоторое время на земле и могла причинить вред живым. Поэтому в течение нескольких лет имя покойного не называли и выказывали умершему всяческое почтение. Раз в год приходили на могилу и, позвонив в подвешенный над нею колокольчик, говорили: «я пришел к тебе», показывая этим, что покойный не предан забвению. Через несколько лет участвовавший в похоронах шаман категории *самбана* должен был проводить душу покойного в загробный мир, где она, как полагали ненцы, плавала вместе с душами других умерших в медной люльке по «Ильиному морю» и охраняла с луком в руках свое обиталище от вторжения живых. Детей, умерших вскоре после рождения, обычно хоронили в свертке, подвешенном к дереву или, при его отсутствии, к воткнутым в снег палкам.

Среди ненцев было распространено почитание разных животных, особенно медведя. Существовали даже особые правила пережевывания медвежьего мяса. Волк считался одним из воплощений злого духа — *нгылека*. Настоящее его название — *сармик* — почти никогда не произносили вслух. Почитались и некоторые рыбы: щука, осетр, налим, кунжа. Большим почетом пользовался олень, считавшийся воплощением чистоты. В каждом хозяйстве были особые священные олени, посвященные Нуму, солнцу, огню и т. п. Обычно для этой цели избирали оленей белой масти и на боках выстригали знак солнца или изображения духов. Таких оленей не впрягали в нарты, не убивали. Уши и рога посвященных оленей украшали красными ровдужными лентами. Когда такой олень погибал, то вместо него посвящали другого.

Поголовное крещение ненцев фактически не изменило их религиозных воззрений. Влияние новой религии сказалось лишь в том, что к исстари почитаемым божествам прибавился Николай-угодник — «Никола», особо почитавшийся у русских на Севере. Ему нередко приносили в жертву

оленя и мазали оленьим салом и кровью иконы с его изображением. Некоторые христианские праздники (пасха, Ильин день и др.) стали праздновать и ненцы, не придавая им, однако, значения, приписываемого православной церковью.

НЕНЦЫ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция встретила искреннее сочувствие трудового населения тундры. В боевые страницы истории гражданской войны на Севере вошло немало имен ненцев, героически боровшихся за советскую власть. Г. Хатанзейский, работавший до революции в низовье Печоры на лесопильном заводе, носящем ныне его имя, руководил там забастовочным движением и организовал в феврале 1917 г. рабочий комитет. Летом 1918 г. он был схвачен орудовавшими на Печоре белыми и увезен в Архангельск, а оттуда на остров Мудьюг. После побега с русскими товарищами с «острова смерти» — Мудьюга он был пойман и расстрелян. Та же участь постигла М. Ядопчева, члена Обдорского совета, арестованного карательным отрядом белых. Ненец В. Ф. Ядопчев, батрак с Малого Ямала, боровшийся в 1918 г. за советскую власть в красногвардейском отряде Сенькина, тоже был арестован колчаковцами и брошен в тобольскую тюрьму. Впоследствии В. Ф. Ядопчев был на хозяйственной и советской работе в пределах нынешнего Ямальского округа.

В 1920 г. на Печоре, в с. Тельвиске, был организован первый Нижнепечорский «самоедский» волостной исполнительный комитет, в который вошли ненцы И. С. Хатанзейский, А. Г. Выучейский, А. С. Вылка и др. В 1921 г. в Обдорске была окончательно установлена советская власть и полностью разгромлены белогвардейские банды, терроризировавшие трудовое население, убивавшие в тундре ненцев и грабившие их стада.

После установления советской власти на Печоре, на Тобольском Севере и на севере Туруханского края под руководством партии в тундрах начало развертываться советское строительство. В 1926 г., на основе утвержденного ВЦИКом «Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», началась организация родовых советов, но в ряде ненецких районов (Канинская и Малоземельская тундры) советы эти существовали с самого начала как территориальные, так как разложение родоплеменной организации зашло там весьма далеко.

Важную роль в развитии ненецкого хозяйства на первом его этапе сыграла кооперация. Первым ненецким кооперативом был «Кочевник», основанный на Печоре еще в 1922 г. Большую работу провели организованные в 1928—1931 гг. культбазы — Хоседа-Хардская (Большеземельский район Ненецкого национального округа), Ямальская (Ямальский район Ямало-Ненецкого национального округа) и Тазовская (Тазовский район того же национального округа).

В 1929—1930 гг. были созданы Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Таймырский национальные округа, объединившие советы, построенные уже целиком по территориальному признаку. Существование этих округов закреплено Конституцией СССР в 1937 г.

Большое значение в развитии ненецких национальных округов и приобщении ненцев к социалистическому строительству имело создание там советских административных центров. Эти центры — Нарьян Мар, Амдерма, Воркута, Салехард, с. Тазовское (б. Хальмерседе), Караул, Устьпорт, Дудинка и др. — имели решающее влияние на рост экономики и культуры народов Севера.

Коллективизация среди ненцев началась в 1929 г. В это время в Малоземельской тундре был организован первый ненецкий оленеводческий колхоз (ПНОК), в который вошли сначала всего 5 бедняцких и 2 середняцких хозяйства. В 1929—1930 гг. были созданы первые колхозы («Новая жизнь», «Харп» и «Красный Октябрь») в Ненецком, Ямало-Ненецком и Таймырском национальных округах.

Первоначальной формой коллективизации были товарищества по совместному выпасу оленей. Вокруг организации колхозов велась жестокая классовая борьба. Богачи и шаманы проникали, где могли, в колхозы, а в некоторых случаях даже к руководству ими и разваливали работу изнутри. Одновременно они запугивали наиболее отсталые группы населения, ведя антиколхозную и антисоветскую агитацию. Группа богачей с левобережья Оби (Ямальский округ) организовала «моления», причем для «жертвоприношений» убивали сразу по 35—40 оленей. Эта группа уничтожила за какие-нибудь полтора месяца около 2500 оленей на еду и угощение.

Однако сопротивление богачей не могло остановить движение трудовых масс к новой жизни. Государство оказывало огромную материальную помощь колхозному строительству. Каждому колхозу были отведены определенные пастбищные, охотничьи и рыболовные угодья, что в сочетании с организацией широкой сети факторий позволило сократить радиус кочевок.

К началу 1949 г. в Ненецком национальном округе в колхозы входило 98% хозяйств, в Ямало-Ненецком — 97% хозяйств, в Таймырском — 98% хозяйств ненцев. В 1950 г. коллективизация была полностью завершена. В колхозах ненецких национальных округов совместно дружно работают ненцы, ханты, селькупы, лесные ненцы, коми и русские.

Коренным образом изменилась ведущая отрасль ненецкого хозяйства — оленеводство. Общественное оленеводство в большинстве колхозов ненецких национальных округов стало важнейшей и наиболее доходной отраслью хозяйства. Так, в Ямало-Ненецком национальном округе денежные доходы только от продажи оленьего мяса, шкур и мехсырья, а также от оленьего транспорта уже в 1951 г. составляли 22% всего дохода округа. Общественное оленеводство становится главным источником поднятия материального благосостояния колхозников, обеспечивая их меховой одеждой, мясопродуктами и транспортом.

Внедряются новые приемы ведения оленного хозяйства, регулярно проводятся съезды передовиков оленеводов. На съездах обобщается и изучается опыт передовых колхозов, добившихся лучших успехов в оленеводстве.

Колхозники проводят большую работу по улучшению породы тундрового оленя. Эта работа в округах уже дала известные результаты. Колхозники производят поголовную кастрацию неполноценных производителей, оставляя в стаде лучших. Колхоз «Харп» Малоземельской тундры в течение ряда лет ведет работу по улучшению породы оленей. В основное колхозное стадо уже передано из племенного стада около 800 голов оленей улучшенной породы. Племенные стада созданы и в других ненецких колхозах. Дружеские связи, установившиеся между районами в округах и между целыми национальными округами, позволяют в широких масштабах производить обмен оленями-производителями. Колхозы, наиболее продвинувшие племенную работу, помогают организации племенных стад в других колхозах, выделяя для этого лучших оленей.

В январе 1951 г. оленеводы Таймырского национального округа отправили группу колхозников в Ямало-Ненецкий национальный округ для закупки оленей. Колхозники проехали на оленных упряжках около

Оленье стадо во временном загоне. Ненецкий национальный округ

двух тысяч километров. На месте они закупили 4800 оленей и отправились обратно. На протяжении 600 км их сопровождали проводники-оленеводы Ямала. Три с половиной месяца длилось это путешествие по тундре. Смелых колхозников не останавливали ни мороз, ни пурга, ни полярная ночь. Они благополучно, без потерь, пригнали стадо, предназначавшееся для колхозов Дудинского и Авамского районов. В 1952 г. за оленями вновь выехала на Ямал группа колхозников Таймыра из Усть-Енисейского района.

Не во всех районах ненецких национальных округов имеются многооленные колхозы. В районах, преимущественно рыболовецких, оленные стада невелики. Таковы Дудинский и Усть-Енисейский районы Таймыра, Нижнепечорский район Ненецкого национального округа. Но и перед этими районами поставлена сейчас задача довести оленье поголовье в каждом колхозе до 800—1000 голов, для чего маломощным колхозам выдаются долгосрочные ссуды на покупку оленей.

Для рационального использования пастбищ повсюду в тундрах проводятся землеустроительные работы.

Для подготовки квалифицированных кадров оленеводов во всех национальных ненецких округах созданы специальные школы; в Ямало-Ненецком национальном округе создан зооветеринарный техникум.

В ведении оленеводческого хозяйства ненцы сочетают новые, выработанные зональными оленеводческими станциями приемы с рациональными традиционными. Борьба с оводами и забота об отдыхе стада вызвали необходимость организации дежурств при дымокурах, организации вылова оводов над стадом. Вылов производят, приманивая оводов на разостланные на земле белые оленьи шкуры. В борьбе против оводов активно участвуют подростки. Применяются новые приемы выпаса: телят и яловых важенок весной собирают в отдельное стадо для того, чтобы они не беспокоили стельных важенок. В эти молодняковые стада для спаянности присоединяют на каждые 1000 телят по 10—20 старых важенок. Чтобы легче можно было установить пропажу, применяются новые приемы подсчета оленей в стаде, заменившие специально строившиеся для этой цели раньше дорогостоящие загоны (корали).

Езда на нарте по глубокому снегу

Рационализируется вылов оленей из стада. Молодые пастухи, чтобы меньше беспокоить стадо, отказываются от прежней практики метания аркана. Вылавливают обычно крайних оленей-быков в стаде или быков из отделенной от стада группы и т. п.

Для повышения работоспособности рабочих оленей в упряжке применяется новый прием — запрягают 2 передовиков в одну нарту. После некоторого времени их меняют местами. Как известно, олень тянет нарту одним плечом и поэтому быстро утомляется. Перестановкой оленей достигается значительное повышение их работоспособности и устраняются травмы.

Зональные станции провели опыты с подкормкой важенок, телят и быков рыбьей мукой и рыбьей крошкой. Опыты дали хорошие результаты. Особенно важна подкормка для рабочих транспортных быков. Перевозки по Ненецкому округу (а также и по другим ненецким национальным округам) велики. Ежегодно на них работает несколько тысяч оленей. Большое значение имеет подкормка стельных важенок. Подкармливаемые важенки дают телят значительно большего веса. Внедрению подкормки в широкую практику оленеводов способствовало то, что и в старину при дальних поездках на оленях в местах с плохими пастбищами ненцы подкармливали оленей вареной рыбой. Опыт колхоза «Родина» Ямало-Ненецкого национального округа показал, что подкармливаемые олени легче приручаются.

При пастьбе применяется старинное правило: выпас оленей днем на обширных пространствах и скучивание их ночью на хорошем пастбище в местности, имеющей естественные преграды от волков с одной или двух сторон (река, озеро). Изменились условия работы пастухов. Прежде не было смен пастухов при стаде летом в течение суток; ныне вводится и летом окарауливание стад двумя пастухами в две смены. Бригадиры заранее ставят в известность членов бригады о перекочевках стада, сообщают маршрут, срок пребывания стада на новом месте. Бригады заблаговременно подвозят нужный запас топлива к месту стоянки.

Для повышения продуктивности оленеводства установлены строгие сроки забоя, организуются благоустроенные забойные пункты. Запрещен забой оленей без выбраковки.

По распоряжению Совета Министров РСФСР мясозаготовительные организации обязаны строить в оседлых базах колхозов пункты для забоя оленей и холодильники.

Повысилась сохранность оленьего мяса при забоях. Ныне широко применяется старый прием копчения мяса, но с предварительным легким посолом. Куски мяса весом в 5—6 кг коптятся на вешалах в течение 6 час. (2 часа над горячим дымом с огнем и 4 часа только над дымом). Один работник в течение 6 часов перед двумя кострами легко закапчивает 2 туши оленя, т. е. 70—80 кг мяса. Обработанное таким методом на месте мясо от вынужденного летнего забоя питательнее и вкуснее соленого, не требует сложной тары для перевозок и может быть употребляемо в пищу без предварительной варки. При осеннем массовом забое часть оленьего мяса вывозится из округа в свежем виде на транспортных самолетах. Улучшены способы собирания шерсти с оленей: шерсть выбирается параллельными полосами, без оголения больших участков кожи.

При новой организации труда необходимость бытового кочевания всего населения исчезает. Со стадами совершают кочевки главным образом пастушеские бригады. В пастушеских бригадах работают и женщины в качестве работниц при чуме.

Рыболовный промысел ненцев также подвергся после революции переустройству. В ненецких национальных округах немало колхозов, где доход от рыболовства является основным.

Переустройство рыболовного промысла связано в первую очередь с созданием парусного и моторного флота, с организацией на морских побережьях моторно-рыболовных станций (МРС) и с механизацией трудоемких процессов при массовом лове рыбы. В ненецких национальных округах имеются уже несколько десятков механизированных тоней.

Мощность моторного флота в Ненецком национальном округе в 1952 г. по сравнению с 1940 г. возросла в 4 раза. В результате непрерывно повышается добыча рыбы. С увеличением морского промыслового флота стал развиваться активный, так называемый глубинный лов рыбы. Мотоботы и малые рыболовные тральщики позволяют рыбакам не дожидаться подхода косяков рыбы в мелководье, а активно искать ее и добывать на глубине.

Постоянно повышается производительность труда на рыбопромыслах благодаря внедрению новых усовершенствованных орудий лова. Однако если в период массового лова ход рыбы почему-либо прекращается или уменьшается, то часть бригады переключается на добычу в протоках, озерах и других водоемах, применяя старые ловушки и снасти. Большую помощь оказывают ненцам в усовершенствовании приемов лова рыбы русские рабочие рыбозаводов, моряки морского рыболовного флота. Постоянное общение на рыбопромысле с русскими рабочими и рыбаками повышает культуру труда ненцев-рыбаков. Русские рыбаки и моряки рыбопромыслов готовят технические кадры из среды ненцев. Многие ненцы-рыбаки работают в качестве штатных рыбаков и рабочих на рыбоконсервных заводах.

Вместе с тяжелым прошлым ушел безрадостный труд ненца-рыбака, всю жизнь находившегося в неоплатном долгу у купца-промышленника. Труд рыбака стал почетным и славным.

Совершенно изменились условия быта на промыслах. Теперь рыбаки не спят ночью под перевернутой лодкой, не мокнут под открытым

Осмотр орудий лова. Таймырский национальный округ, Усть-Енисейский район, колхоз «Новая жизнь»

небом на рыболовном участке. На всех рыболовных участках идет большое строительство. Строятся жилые дома, благоустроенные бараки, общественные кухни, бани. Проработав свою смену, рыбак может вымыться в бане, культурно отдохнуть в теплом чистом доме. На рыбоучастках появляются также промысловые постройки: льдохранилища, засольные и коптильные пункты. Это значительно повышает сортность рыбы, а следовательно, и доходность и товарность ненецкого рыболовства.

В настоящее время охота стала одной из отраслей комплексного хозяйства ненецких колхозов. В разные сезоны года для охоты в колхозах выделяются специальные бригады и звенья. Особенно важное экономическое значение имеет пушная охота, главным образом на песца. Наряду с охотой на песца в тундре и на белку в тайге сильно развился промысел второстепенных видов: зайца, горностая, лисицы, волка, тундровой куропатки и т. д.

Освоено много новых охотничье-промысловых угодий, ранее недоступных населению. Улучшается техническое вооружение охотников. Примитивные кремневые и шистонные ружья исчезли и заменены ружьями центрального боя. Старинная песцовая пасть реконструирована в так называемую корытную пасть, предохраняющую пойманного зверя от пожирания хищниками. Охотники активно участвуют в работе по усовершенствованию орудий лова.

В Амдерме и других районах Большеземельской тундры ведется большая работа по обучению молодых охотников. Они обучаются на семинарах, знакомятся с новыми ловушками, которые ныне повсеместно вытесняют старые кустарные капканы.

В южных районах Ямало-Ненецкого и в Ненецком национальных округах акклиматизировалась и уже является важной статьей пушнозаготовок ондатра.

Охотники проводят также разведки местонахождения песца и путей его миграции. Учитывая пути песца, колхозники на тех территориях, где замечены песцы, летом развозят в соответствующие места подкормку для песцов — туши павших оленей, морских зверей и рыбу. В результате подкормки качество песцовых шкурок улучшается. Подкормка способствует также увеличению количества песцов в тундре. Так, например, прежде считалось, что Карская тундра бедна песцом и промысел в ней плохой. После нескольких лет подкормки в ранее бедной песцом Каре в большом количестве появился этот ценный зверь.

В самые последние годы в Ненецком и Ямало-Ненецком округах вновь стал широко практиковаться старый способ охоты на песца — загонами. Ряд колхозов организовал охоту загонами и получил прекрасные результаты.

В ненецких колхозах развиваются земледелие и животноводство. Значительную роль в развитии земледелия на севере сыграли опытные сельскохозяйственные и зональные станции Института полярного земледелия. Ныне некоторые овощеводы Ямала получают по 200—240 ц картофеля с га.

Существующие на Ямале овоще-животноводческие совхозы настойчиво пропагандируют среди местных колхозов новые приемы агротехники и животноводства. Расширяются в колхозах посевные площади под овощи и зерновые культуры.

В ненецких национальных округах постоянно ведется работа по освоению новых земель. Эту трудоемкую работу по выкорчевке леса, кустарников, по осушке и удобрению новых земель ведет ряд колхозов. С 1938 по 1950 г. площадь открытых посевов в Ямало-Ненецком национальном округе выросла более чем в 10 раз. Выведение морозоустойчивых культур в дальнейшем заменит дорогостоящее парниковое хозяйство за счет посевов в открытых грунтах.

Из года в год растет поголовье крупного и мелкого рогатого скота и лошадей на колхозных животноводческих фермах. В Ямало-Ненецком округе поголовье крупного рогатого скота возросло в 1951 г. по сравнению с довоенным временем в $1^1/_2$ раза.

Ведется работа по разведению племенного скота. Лучшую для Севера печоро-холмогорскую породу коров разводят колхозники Ненецкого округа. Многие ненецкие колхозы округа имеют молочно-товарные фермы. Показательно, что в одном только Ненецком округе уже в 1952 г. имелось три маслозавода, обрабатывающих молоко колхозных молочно-товарных ферм. В округах создается кормовая база как для стойлового (зимнего), так и для пастбищного (летнего) содержания скота. Для заготовки кормов — сена и силоса — в ненецкие национальные округа завезены сельскохозяйственные машины. Помимо молочно-товарных ферм в колхозах организуются конефермы. В Ненецком национальном округе разводят крупных, выносливых лошадей печорско-мезенской породы.

С развитием многоотраслевого хозяйства ненецких колхозов был связан процесс перехода на оседлость бывших кочевников. Оседлые колхозы, возникшие в старых поселках со смешанным населением, развивались с самого возникновения как многоотраслевые хозяйства. В кочевых колхозах, не имевших оседлых баз, до последних лет была обобществлена лишь основная отрасль хозяйства — оленеводство.

Рыболовство и охотничий промысел в таких кочевых хозяйствах не были обобществлены, и колхозы не получали от них доходов. Такое положение было особенно характерно для Ненецкого национального округа, где до 1952 г. существовали мелкие кочевые колхозы, такие,

Животноводческая ферма. Таймырский национальный округ, Усть-Енисейский район, колхоз «Новая жизнь»

как, например, колхоз «Едэй ты» Канино-Тиманского района. Этот колхоз не имел своей оседлой базы, и члены колхоза по-старинке кочевали с оленьими стадами. Колхоз владел стадом в 3 тыс. оленей. В колхозном труде — пастьбе оленей — были заняты лишь немногие колхозники. Колхоз рос медленно. В 1952 г. члены этой артели и члены колхоза им. Папанина решили объединиться. Небольшой рыболовецкий колхоз им. Папанина имел оседлую базу и сенокосные угодья, которые им не использовались.

Объединившись, колхоз разработал план развития многоотраслевого хозяйства. Бригада рыбаков освоила глубинный, высокопродуктивный лов рыбы; наличие сенокосных угодий позволило организовать молочно-товарную ферму, на отходах от забоя оленей и рыболовства создана кормовая база для зверофермы. Государственные организации всемерно помогают колхозникам в переходе на оседлость. В 1951 г. решением правительства колхозникам, переходящим на оседлый образ жизни, был открыт долгосрочный кредит. Каждому кочевому хозяйству выдается 15 тыс. руб. ссуды с погашением, начиная с третьего года по получении ссуды в течение 10 лет. Ссуда выдается и на приобретение крупного рогатого скота и овец.

В Ненецком, Ямало-Ненецком и Таймырском национальных округах появились в 1951—1952 гг. первые укрупненные колхозы. Так, в Ненецком округе, в Нижне-Печорском районе слились три колхоза: им. Кирова, им. Чапаева и им. Выучейского; другой крупный колхоз возник на базе двух колхозов — «Красная Печора» и «Родина».

У ненцев появились новые виды транспорта. Летом связь между районными центрами и отдельными селениями поддерживают моторные катеры и боты. Воздушные трассы связали самые отдаленные пункты с центрами, куда ненцы прилетают на учебу, на съезды, для лечения. Однако оленья упряжка и сейчас остается очень важным средством передвижения.

Новые дома колхозников. Ямало-Ненецкий национальный округ, колхоз им. В. М. Молотова

До революции единственным средством связи была почтовая гоньба на оленях. В настоящее время связь осуществляется обширной сетью радиостанций, почта доставляется самолетом. В Ненецком национальном округе большинство районных центров телефонизировано.

Переход из грязного, дымного чума в новые дома связан с коренным изменением всего домашнего быта ненцев. Освоение нового дома — сложный процесс, он не везде проходит одинаково. Так, первое время наблюдалось использование площади дома наподобие площади чума. Встречались случаи одновременного проживания в доме и в чуме. Бывало, что основным жильем оставался чум, а дом служил вначале складом имущества.

Ненецкий чум, там, где он еще сохранился, значительно изменился и в конструктивном отношении и во внутреннем своем устройстве. Все чаще встречаются летние чумы с брезентовыми покрышками, сменившими берестяные. В Малоземельской тундре не редкость чумы с одним-двумя окнами и крашеными полами. Многие из них отапливаются железными печами. Считавшееся прежде священным место против входа занято теперь полочками с посудой, будильником, фотографическими карточками. На смену жирнику и коптилке в чуме пришла керосиновая лампа.

В тундрах с кочевым прежде населением появились новые оседлые поселки. Выросли районные центры, поселки вокруг рыбо- и лесозаводов, оседлые культурно-хозяйственные центры колхозов. Побережье океана покрылось сетью промысловых баз и промысловых участков. Окружной центр Ненецкого национального округа — г. Нарьян-Мар — превратился ныне в крупный город с многотысячным населением.

Основанный в конце XVI в. русскими казаками Салехард (б. Обдорск) в течение столетий почти не менял своего облика. До революции в Обдорске было всего несколько десятков избушек и только в четырех из них были окна со стеклами. В современном Салехарде много сотен жилых домов, двухэтажные здания дворца культуры, зоотехнического и ветеринарного техникумов, педагогического училища и др. По улицам города ходят автобусы, легковые машины. Круглые сутки летом работает мощный речной порт, оснащенный современной техникой, принимающий сотни пассажирских и грузовых судов.

Новый колхозный поселок. Лесные ненцы. Ямало-Ненецкий национальный округ, Пуровский район

Неузнаваемы стали старые села и деревни. Захудалая в прошлом дер. Андега (Ненецкий национальный округ), в которой символами власти выделялись церковь и дом кулака-кущца, в настоящее время превратилась в благоустроенный центр одного из крупных колхозов округа. В этом селе имеется клуб, врачебный пункт со стационаром, семилетняя школа, детские ясли, магазины, контора связи и др. В 1952 г. здесь завершено строительство электростанции. В домах и на улицах горят электрические лампочки. Село радиофицировано.

Поселок колхоза «Харп» Ненецкого национального округа Кореговка, основанный в 1931 г., имеет сейчас несколько десятков домов. Здесь живут и работают ненцы, русские и коми. В центре поселка — большое и красивое здание школы. В конце прямой улицы — производственные и хозяйственные постройки. В этом поселке живут все колхозники, не связанные по своей работе непосредственно с оленьими стадами.

В настоящее время во многих колхозных поселках построены электростанции. При строительстве их применяется метод «народной стройки». В 1952 г. в Ненецком национальном округе завершена радиофикация всех рыболовных и ряда оленеводческих колхозов.

Огромный размах строительства в округах вызвал необходимость подготовки местных кадров строителей разных профессий. В окружных и районных центрах организованы курсы, где ненцы, коми, ханты, селькупы обучаются плотничному и столярному ремеслу. Специалисты-строители возглавляют строительные бригады в колхозах и обучают колхозников строительному делу.

В прошлом ненцы жили в тяжелых санитарных условиях. Одежду, сшитую из тканей, никогда не стирали, меняли ее обычно после износа. Чтобы избавиться от насекомых, меховую одежду время от времени вымораживали и выколачивали. Бань нигде не было.

Антисанитарные бытовые условия вызывали различные заболевания— глазные, накожные (чесотка и экзема). Распространены были также ревматические и легочные заболевания. Оспа опустошала чумы и целые стойбища. Медицинской помощи никакой не было, отсутствовала и помощь

при родах. Ненка рожала стоя на коленях, в холодном чуме и через несколько дней приступала к обычной работе.

Народная медицина знала некоторые эффективные способы лечения и предупреждения заболеваний — смазывание обмороженной кожи жиром, ношение весной особых предохранительных «очков» от снежного блеска, которые представляли собой две круглые медные пластинки с узкими щелями для глаз, вшитые в меховую повязку, и т. д. Но были и вредные приемы «лечения» — сжигание трута на коже, поедание медных опилок, протягивание под кожей нитки, натертой сажей и т. д. Только советская власть организовала для ненцев широкую охрану народного здоровья, обеспечила их квалифицированной медицинской помощью.

Сеть медицинских учреждений охватила самые отдаленные уголки тундры. В Ненецком национальном округе в 1952 г. расходы на здравоохранение увеличились по сравнению с 1940 г. в 3 раза, а по сравнению с 1930 г. — в 230 раз (!). К 1952 году в округе имелось 12 больниц и 55 врачебно-фельдшерских пунктов и ряд других лечебно-медицинских учреждений. В Ямало-Ненецком национальном округе в 1952 г. работали 18 больниц, 72 фельдшерско-акушерских пункта и другие медицинские учреждения. В Салехардском музее имеется документ, который говорит, что в царское время единственным лечебным заведением в Обдорске была изба на 6 коек. В настоящее время в поликлинике г. Салехарда имеется большой штат квалифицированных врачей, рентгеновский и зубоврачебный кабинеты и клиническая лаборатория. В больницах работают ненцы-врачи и фельдшеры, окончившие медицинский институт и техникум в Архангельске.

Обычным для ненцев стало посещение бани. В тундрах колхозники, кочующие в оленеводческих бригадах, требуют организации при красных чумах передвижных бань. Прочно вошли в быт ношение нижнего белья и ранее вовсе неизвестная ненцам стирка белья и платья.

Национальная зимняя одежда ненцев в значительной степени сохранилась. Очень удобная в условиях тундровой зимы ненецкая одежда получила широкое распространение и среди оленеводов хантов, коми, и среди русского населения Севера. Но теперь наряду с малицей и совиком распространена повсеместно и покупная одежда.

На рыбной ловле ненцы носят теперь резиновые и кожаные сапоги, прорезиненную и брезентовую одежду.

В питании населения произошли также большие перемены. Хлеб, бывший ранее зачастую лишь лакомством, доступен теперь в самой отдаленной тундре.

Изменились и способы приготовления пищи. Мясо и рыбу, например, теперь жарят, а не только варят. В охотничьих, рыболовецких и пастушеских колхозных бригадах широко развивается общественное питание.

В корне изменились в настоящее время семейный быт и взаимоотношения в ненецкой семье. Жизнь и труд в колхозах разрушили прежние родовые традиции и создали новые формы общественных связей, взаимной помощи, гостеприимства и т. д. Старинное обычное право сменилось новым, советским законом. Все чаще нарушаются старинные брачные нормы. Уплата калыма исчезла, при вступлении в брак играет роль взаимное желание молодежи, воля родителей не имеет большого значения. Еще в недавнем прошлом считалось предосудительным для женщины вступать в разговор со своим старшим братом; ей запрещалось употреблять в пищу определенные породы рыб (осетр, щука, налим), обходить вокруг чум, чтобы не «осквернять» его; женщина считалась «нечистой», и поведение

Дом Совстов в г. Нарьян-Маре

Дом культуры в г. Салехарде

Группа детей детского сада

ее было связано рядом запретов. Все это сейчас имеет место лишь в отдельных случаях. Ненецкая женщина стала равноправным членом семьи и общества. В настоящее время женщины, ранее занятые главным образом в домашнем хозяйстве, все более вовлекаются в общественное производство, принимают участие в оленеводстве, в рыболовном и охотничьем промыслах.

Среди депутатов окружных, районных, сельских и тундровых советов есть немало ненок. Дочь бывшего батрака ненца А. И. Хатанзеева окончила Ленинградский институт народов Севера и Свердловскую партийную школу и работает заместителем председателя Надымского райисполкома (Ямало-Ненецкий национальный округ). Заслуженным почетом пользуется в Ненецком национальном округе А. И. Выучейская, председатель оленеводческого колхоза.

В советскую эпоху произошли огромные сдвиги в мировоззрении ненцев. Советская школа и политико-просветительная работа среди населения, новые общественные отношения — все это вызывает отмирание старых религиозных представлений. Исчезло шаманство. Исчезают и старые религиозные обряды и праздники.

Прочной традицией стали у ненцев общесоветские и революционные праздники — 7 ноября, 1 мая, 8 марта и др. 8 августа празднуется в тундре традиционный «День оленя», посвященный итогам хозяйственного года.

Чрезвычайно красочную картину представляют собой ненецкие селения в праздничные дни. Женщины наряжаются в лучшие национальные одежды — шубы, расшитые цветными суконными лентами, меховыми аппликациями. Мужчины надевают праздничные малицы, подпоясанные старинными широкими поясами, украшенными медными цепочками, меховую обувь, сшитую из тщательно подобранного по цвету меха и вышитую

цветными сукнами. Звенят старинные медные украшения на женских шапках. Ярко горят в солнечные дни пучки оранжевых лент на рогах оленей, запряженных в легковые празднично украшенные нарты.

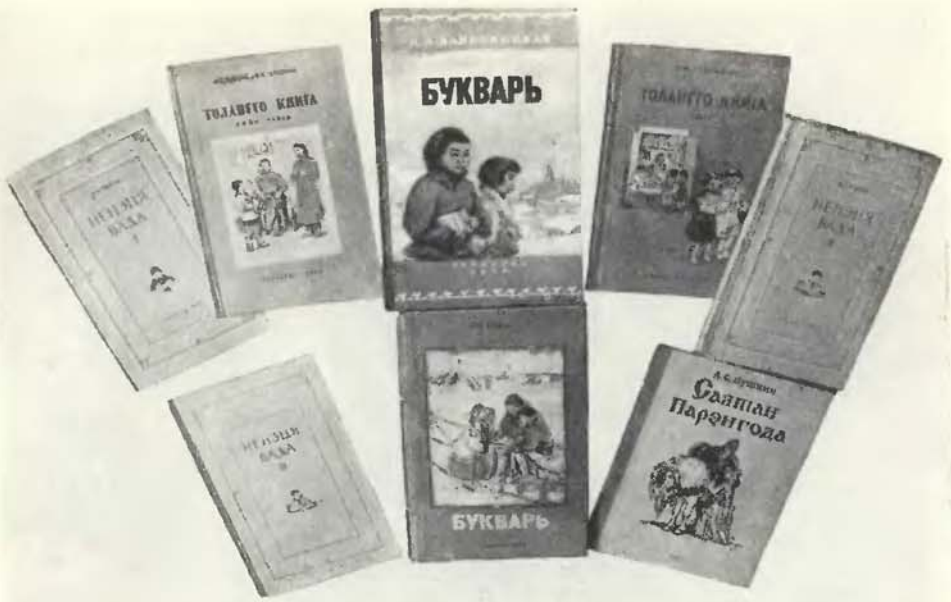
Особым своеобразием отличается празднование «Дня оленя», обычно продолжающееся два дня. В первый день происходит межколхозные собрания, где обсуждаются итоги работы колхозов. На второй день устраиваются состязания — в беге, метании топора, аркана, в ходьбе на лыжах, стрельбе. Финалом праздника являются гонки на оленьих упряжках. Тут же на празднике происходит премирование лучших бригадиров и пастухов за высокие показатели в выполнении плана по развитию оленеводства.

Богато и многообразно ненецкое народное творчество. Традиционный фольклор представлен былинами (*сюдбабц*), повестями (*ярабц*), преданиями (*ва'ал*), сказками (*вадако*) и загадками (*хобцоко*). Былины рассказывают о военных подвигах богатырей, о самоотверженности и находчивости женщины (обычно сестры героя-богатыря) и т. д. Повести описывают чаще всего приключения какого-либо героя, борьбу его с врагами-иноплеменниками, с жестокими родственниками или хозяевами и сложный путь, которым он достигает успеха в жизни. Несомненно, многие повести сложились уже в эпоху дифференциации ненецкого общества и зарождения эксплуатации. Предания рассказывают об истории отдельных родов, о создании земли и людей и т. п. Сказки очень разнообразны по сюжету. Существуют волшебные сказки, в которых действуют оборотни, людоеды, люди, не имеющие рта, и т. д. Есть множество сказок, главными персонажами в которых являются животные. Большую группу составляют сказки шуточного характера, не без едкого юмора описывающие похождения бедняка-хитреца, обманывающего незадачливого богача. Былины и повести обычно исполняли речитативом без аккомпанемента.

Из музыкальных инструментов раньше имелся лишь шумовой инструмент — *вывко*. Вращение дощечки на сухожильной нитке производило своеобразный шум, напоминающий завывание ветра. Вывко позднее стал детской игрушкой.

Выше уже было указано на богатую орнаментацию ненецкой одежды. Меховые аппликации, служащие украшением главным образом женской одежды, очень разнообразны. Орнамент имеет в основном геометрический характер, но в прошлом были, вероятно, и другие его виды. Это подтверждается тем, что большинство орнаментальных мотивов осмысливается до сих пор как зооморфные, растительные и антропоморфные («оленьи рога», «заячьи уши», «безголовый соболь», «лягушка», «щучьи зубы», «развилка березы», «головки»). Кроме одежды, орнаментом украшают меховые сумки для хранения одежды и швейных принадлежностей, рукоятки ножей (большей частью с металлической насечкой) и другие предметы. Ненцам известна резьба по кости (она украшает, например, костяные части упряжи), по рогу и деревянная скульптура.

В настоящее время художественное творчество ненецкого народа наполнилось новым содержанием. Наряду со старинными песнями и богатырскими былинами в тундре поют теперь новые советские песни. Широко развернулась художественная самодеятельность. В смотрах художественной самодеятельности, проводимых в национальных округах, выступают сотни исполнителей ненцев и целые ненецкие коллективы, показывающие свое искусство. На вечерах художественной самодеятельности можно услышать в исполнении ненцев русские и национальные песни, игру на скрипке и других музыкальных инструментах.



Книги на ненецком языке

Зарождается национальный театр. Осуществлено уже несколько постановок на ненецком языке в окружных центрах и в районах. Группа ненцев получила образование в Ленинградском театральном институте.

Образование было для ненцев до революции совершенно недоступно. Попытки обучения ненецких детей начались, впрочем, давно. Так, еще в 1774 г. в Архангельскую духовную семинарию было привезено 15 ненецких мальчиков. В 30-х годах XIX в. при построенных в Боль-

Семилетняя школа. Ямало-Ненецкий национальный округ, пос. Ярсале

Урок рисования в подготовительном классе ненецкой школы-интерната. Город Нарьян-Мар

шеземельской, Канинской и Тиманской тундрах церквах началось обучение ненецких детей, но оно не дало почти никаких результатов. В 1846 г. священник Попов открыл в Обдорске школу, в которой учились, наряду с русскими, и несколько «инородцев». В 1898 г. там же был открыт «инородческий пансион» для детей хантов и ненцев. Основными предметами обучения были молитвы, евангелие, богослужение и т. п.

Обучение на родном языке, несмотря на неоднократные попытки переводов различных книг (преимущественно духовного содержания) на ненецкий язык, не привилось. Единственный до революции «Букварь для самоедов, живущих в Архангельской губернии» был издан Православным миссионерским обществом в Архангельске в 1895 г. и содержал опять-таки главным образом молитвы. Грамотность среди ненцев почти отсутствовала.

Ненцы до революции своей письменности не имели. Первые попытки создания ненецкой письменности относятся к 30-м годам XIX в., т. е. ко времени начала деятельности православных миссий. Возглавлявший миссию в Архангельской губернии архимандрит Вениамин (Смирнов) разработал ненецкий алфавит на основе элементов русского, церковнославянского и греческого алфавитов. Алфавит этот был использован для рукописных переводов евангелия на ненецкий язык, но не нашел более широкого применения и после почти двадцатилетнего обсуждения в различных инстанциях, до Синода включительно, был забракован. Вениамином была написана и грамматика ненецкого языка, дошедшая до нас в переработанном виде.

Коммунистическая партия и Советское правительство уделили много внимания развитию у ненцев письменности на родном языке. В 1932 г. была создана ненецкая письменность и вышел из печати первый букварь «Новое слово». В основу литературного языка положен большеземельский говор, занимающий центральное место среди говоров тундрового диалекта

Занятия кружка вышивки в школе. Ямало-Ненецкий национальный округ, пос. Ярсале

ненецкого языка. В последующие годы вышли из печати десятки названий учебной, политической и детской литературы на ненецком языке. В 1937 г. ненецкая письменность, разработанная первоначально на основе латинского алфавита, была переведена на русский алфавит, что облегчило ненцам изучение русской письменности и языка. Местная печать — газеты «Советский Таймыр», «Нарьяна Нгэрм» («Красный Север»), «Правда тундры», «Нарьяна Вындер» («Красный тундровик») публикуют часть материалов на ненецком языке. На смену церковно-приходским и миссионерским школам и «инородческим пансионам» пришла советская школа и дошкольные учреждения. В Ямальском округе количество школ возросло с 7 в 1931 г. до 44 в 1952 г. В Ненецком национальном округе в 1952 г. на народное образование было израсходовано более 20 млн руб. В 1953 г. в округе имелось 60 школ, в которых обучалось свыше 60 тыс. детей ненцев, русских и коми. В этом же округе в 1953 г. имелось свыше 20 детских садов и яслей и детский дом для детей-сирот.

В Ненецком национальном округе имеется 21 массовая библиотека с общим книжным фондом свыше 110 тыс. томов, не считая библиотек сельских клубов и изб-читален. Библиотеки организуют передвижки, которые снабжают литературой промысловые бригады. В 1952 г. на организацию и работу красных чумов только в одном Ненецком округе было израсходовано около 1 млн руб. В Ямало-Ненецком национальном округе организована плавучая культбаза, которая представляет собой специально оборудованное судно. На нем имеются зрительный зал, радиоузел, библиотека, столовая, медицинский пункт, магазин. Во всех районных центрах ненецких национальных округов созданы дома культуры. Студенты техникумов читают для ненецкого населения доклады на родном языке. В домах культуры и клубах демонстрируются советские кинофильмы. Кроме стационарных кинотеатров, в округах имеются кинопередвижки.

Беседа агитатора в колхозной бригаде. Колхоз им. И. П. Выучейского

Растут местные национальные кадры. В 1945—1951 гг. около 200 выпускников нарьянмарской школы-десятилетки окончили вузы и стали работать учителями, агрономами. Педагогическое училище в Нарьян-Маре выпустило немало учителей для ненецких школ округа. Окончившая местные десятилетние школы ненецкая молодежь отправляется для продолжения образования в Дудинку, Игарку, Красноярск и Ленинград. В 1955 г. в Ленинградском Государственном Педагогическом институте им. А. И. Герцена обучалось 68 ненцев.

Важное значение имеют школы подготовки колхозных кадров, имеющиеся во всех национальных округах. Такая школа в Ямало-Ненецком национальном округе организована в 1945 г. За первые 7 лет своего существования школа подготовила около 300 работников различных специальностей — председателей колхозов, оленеводов, звероводов.

В настоящее время эти школы, бывшие раньше одногодичными, перешли на двухгодичный курс обучения, с принятием всех расходов по содержанию учащихся на счет государства. С переводом на двухгодичное обучение появилась возможность 40% учебного времени отвести на общеобразовательные предметы.

Помимо этих школ, повсеместно организуется массовое обучение колхозников. В Ненецком национальном округе в 1951 г. организованы трехлетние зоотехнические курсы. Обучение проводится в колхозах, куда специалисты сельского хозяйства — зоотехники, ветеринарные врачи, научные сотрудники зональных станций — выезжают для чтения лекций. Повсюду организованы вечерние школы рабочей молодежи.

Необходимо также отметить появление среди недавно отсталых кочевников ненцев кадров советского рабочего класса. Нет сейчас ни одного промышленного предприятия и новостройки в пределах ненецких национальных округов, на котором не работали бы ненцы и пенки.

Ненецкий народ выдвинул из своей среды талантливых общественных деятелей, ученых, художников. Ненец А. П. Пырерка, окончивший аспирантуру при Ленинградском институте народов Севера, работал

в области лингвистики в Институте языкознания Академии Наук СССР; он пал смертью храбрых при обороне Ленинграда. Первый председатель ненецкого окрисполкома И. П. Выучейский еще до организации Ненецкого округа много сделал для просвещения ненцев. Организатор первого колхоза «Победа» на Ямале коммунист Дмитрий Тесэда — председатель Тазовского райсовета, ныне депутат Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Широко известно имя ненца И. К. Вылко (Тыко Вылко). Более трех десятилетий он бессменно работает председателем Новоземельского островного совета и пользуется большим авторитетом у местного населения. Тыко Вылко большой знаток природы. В свое время он составил карту Новой Земли, был участником ряда экспедиций В. Русанова. В. Русанов называл Вылко «живой картой Новой Земли». Вылко — член Всесоюзного Географического общества и ныне продолжает вести наблюдения над природой острова. Он — первый ненецкий художник. Его талантливые рисунки и картины хранятся в областном краеведческом музее в Нарьян-Маре. В его переводе впервые на ненецком языке прозвучали стихи Пушкина и Лермонтова. Тыко Вылко награжден двумя орденами и несколькими медалями Союза ССР.

И. П. Выучейский — первый председатель Ненецкого окружного исполнительного комитета депутатов трудящихся

В 1955 г. исполнилось 25 лет существования Ненецкого, Ямало-Ненецкого, Таймырского и Долгано-Ненецкого национальных округов. За эти годы жизнь ненецкого народа изменилась неузнаваемо.

НГАНАСАНЫ

Общие сведения

Нганасаны обитают в Таймырском национальном округе. Это самый северный народ Советского Союза. Климат Таймыра суровый, континентальный. Зимой часты сильные метели в тундрах, занимающих почти весь полуостров. Фауна Таймыра — полярная: песец, волк, заяц, мышь, дикий олень, на побережье — белый медведь, южнее — горностай. Летом много гусей и уток; зимуют из птиц только куропатка и сова. Некоторые водоемы, особенно связанные с Таймырским озером, богаты рыбой (чир, муксун, кунжа, нельма и др.).

Территория расселения нганасанов, численность которых составляла в 1897 г. 876 и в 1926 г. — 867 чел., входит в Авамский и Хатангский районы Таймырского национального округа Красноярского края.

Соседями нганасанов являются на западе энцы и ненцы, на юге и востоке — долганы и якуты. На севере у нганасанов раньше соседей не было. Арктические пустыни берегов Таймыра были совершенно безлюдны. Сейчас там имеются поселки при станциях Главного управления Северного морского пути.

Нганасанский язык относится к самодийской лингвистической группе. От ненецкого он отличается и по словарному и по звуковому составу. Основной состав нганасанской лексики соответствует ненецкой, но встречаются и слова, отсутствующие в ненецком языке, восходящие к древним самодийским языкам Саянского нагорья, а также слова несамодийского происхождения, большей частью тунгусские.

Нганасаны в дореволюционное время в административном отношении делились на авамских самоедов, вадеевских самоедов и отдельный род Око, входивший в так называемое Долгано-есейское родовое управление.

Название «авамские самоеды» появляется в исторических документах со второй половины XVII в. По данным Б. О. Долгих, они образовались из слияния четырех существовавших ранее самостоятельно групп: кураков (по-энецки «вороны»), пясидских самоедов (называвшихся также «орлами»), тидирисов и тавгов.

Наиболее многочисленными среди авамских нганасанов были тавги. Поэтому и всех нганасанов в XVII—XVIII вв. именовали тавгицкой (тавгийской) самоядью. По традиции название «самоеды-тавгийцы» или

просто «тавгийцы» сохранялось за нганасанами в литературе вплоть до недавнего времени.

Группа вадеевских нганасанов, по данным Б. О. Долгих, образовалась в результате ассимиляции авамскими нганасанами в середине XVIII в. переселившихся на Таймыр из района оз. Ессей эвенков племени Ванядир.

Род Око представляет собой потомков долгана по имени Око, жившего среди нганасанов в первой половине XIX в. Еще до 1931 г. этот род, несмотря на полную ассимиляцию его нганасанами, входил в долганский «родовой» совет.

Сами себя все нганасаны называют «ня».

Русские впервые встретились с нганасанами в 1618 г., когда мангазейские казаки проникли в бассейн р. Пясины и обложили ясаком «пясидскую самоядь». К 30-м годам XVII в. все группы нганасанов приняли русское подданство.

Нганасаны на всем протяжении XVIII—XIX вв. были лишены элементарных забот об их экономическом и культурном развитии. Частые эпидемии, при полном отсутствии медицинской помощи, вели к уменьшению численности населения. Вплоть до Октябрьской революции нганасаны сохраняли архаические формы хозяйства и техники, общественных отношений и идеологии.

Хозяйство

Основными отраслями хозяйства нганасанов были охота, оленеводство и рыболовство. В отличие от ненцев, у нганасанов охота на дикого оленя была главным занятием. Перекочевки нганасанов были обусловлены главным образом сезонными миграциями дикого оленя. Весной нганасаны вслед за стадами диких оленей откочевывали от границы леса, где проводили зиму, на север, вглубь полуострова. Летом часть охотников налегке уезжала охотиться за диким оленем еще дальше на север на плато Бырранга, остальные ловили рыбу и добывали линных гусей. Осенью нганасаны располагались на «поколках» (на местах, где из года в год охотились на диких оленей, переправлявшихся через реки и озера). После охоты на «поколках», осеннего подледного лова рыбы нганасаны в начале зимы снова возвращались к границе леса.

По преданиям нганасанов, их предки оставались в тундре и на зиму. На р. Пуре, на реке и озере Таймыр группы из 2—3 семей устраивали себе жилища из каменных плит, плавника и дерна. Кустарник на топливо запасали с лета. Оленей тогда было совсем мало, их отправляли с пастухами, которые, охотясь по пути на диких оленей, уходили в лесотундру и возвращались весной. Оставшиеся занимались подледным рыболовством, запасая в дополнение к сушеному мясу диких оленей рыбий жир и юколу; в темные зимние месяцы они совсем почти не выходили из своих жилищ.

Весной, до прилета птиц и появления рыбы, когда истощались запасы мяса и рыбы и приходилось питаться главным образом корнями растений, часто бывали случаи смерти от истощения.

До появления во второй половине XIX в. у нганасанов русских ружей орудиями охоты служили лук и копье. Луки у нганасанов вначале были собственного изготовления, сложные, скленные из многих кусочков дерева; в XIX и начале XX в. русские купцы завозили к ним «остяцкие» (кетские и селькупские) луки, а из Якутии доставлялись якутские. В охоте на гусей и уток эти луки нганасаны употребляли до самой революции.

Способы и приемы охоты, еще сохранившиеся в памяти современных нганасанов, были очень архаичны и своеобразны.

Летом охотиться на диких оленей отправлялись пешком в одиночку или небольшими группами. Если места охоты были далеко от стойбищ.

выезжали на нартах, но, прибыв на место, оленей распрягали, привязывали на длинном ремне и охотились все же пешком. Убив дикого оленя, пеший охотник оставлял его на месте, и за ним затем приезжал кто-нибудь, обычно женщина.

Летом и осенью устраивали поколки. Выследив стадо диких оленей, втыкали в два ряда «махавки» (крылья куропаток, веерообразно привязанные на тонких палках) в виде суживающегося прохода, упирающегося узким концом в воду. С помощью собак загоняли оленей по этому проходу в воду, и охотники, подъезжая на ветках (лодках-однодеревках), закалывали оленей копьями. Несколько человек с луками пряталось около места, где олени входили в воду, и убивали бегущих назад. Для поколок выбирали озеро с далеко выходящим пологим мысом и высоким берегом на противоположной стороне, позволявшим охотникам скрыться там с ветками и длинными копьями. Проход, направлявший диких оленей к воде, устраивали также из палок, с насаженными на них торфом и дерном. Были поколки и на таких местах, где дикие олени сами из года в год переплывали реки или озера, направляясь осенью из тундры к лесу. Здесь надо было только подкараулить их. Поэтому близко от таких переправ весной и осенью устраивали стойбища. С выпадением снега на диких оленей охотились гоном: запрягали хороших оленей, гнались за стадом и, догнав, стреляли. Зимой охотились на диких оленей, загоняя их в специальные ременные сети. В тундре выбирали невысокую возвышенность. У склона ее устанавливали на 3 или 4 столбах сеть длиной около 50 м. От концов сети уходили далеко в стороны, так же как на поколках, две линии (крыла) «махавок». Оленей гнали на сеть, и когда они запутывались в ней рогами, одни охотники, спрятавшиеся за глыбами снега близ сети, закалывали их копьями или ножами, а другие стреляли из луков в неопавших или вырвавшихся из сетей оленей. Был распространен также способ охоты с маньщиком; применялось и подползание с маскировочным щитком.

Уток ловили сетями, растянутыми над небольшими озерами, а линных гусей травили собаками или загоняли в загоны из поставленных стоймя сетей и били палками или свертывали им шеи, а над гнездами гусей настораживали железные капканы.

В старину пушной промысел имел сравнительно небольшое значение в хозяйстве нганасанов. Изредка добывали песцов, которых сбывали кущам.

Для охоты на песцов нганасаны применяли самострелы и каменные пасти, позже привозные капканы.

По преданиям в старину у нганасанов было очень мало оленей. Большинство нганасанов тогда передвигалось пешком, причем люди иногда сами впрягались в нарты. К середине XIX в. нганасаны стали самыми крупными оленеводами Таймырского края. Их олени низкорослы и малосильны, но выносливы в суровых условиях климата тундры. Ценным качеством этих оленей является способность очень быстро поправляться после истощения. Тем не менее иногда, вследствие дальних откочевок в поисках диких оленей, поправившиеся за лето домашние олени теряли свою упитанность уже осенью, в октябре—ноябре, не дойдя еще до лишайниковых зимних пастбищ.

Нганасанские олени, по сравнению с долганскими, более дикие. В пору появления овода и с наступлением осени, когда трава поблекнет и олени устремляются на юг, чтобы не упустить их, необходима была круглосуточная пастьба. В очень темные ночи к рогам оленей привязывали колокольцы. Для сбора и охраны стада пользовались коротконогими и пушистыми собаками из породы лаек. Эту породу собак («самоедскую») охотно покупают и теперь у нганасанов долганы и якуты.

Хозяйство и быт

1 — махавка — веер из гусиных крыльев, употребляемый при облавной охоте на диких оленей; *2* — костяная подставка для ружья; *3* — каменная пасть — ловушка для добывания песцов; *4* — женская зимняя нарта; *5* — мужская зимняя одежда; *6* — железный скребок для обработки кожи; *7* — скребок из ножной кости оленя; *8* — сосуд для хранения жира — снятая целиком шкура оленьего теленка; *9* — сосуд для хранения жира — снятая целиком рыбья кожа; *10* — штамп из дерева для нанесения орнамента на коже; *11* — узорные оттиски штампа

Олени являлись у нганасанов основным средством транспорта. Лыжи в тундре из-за сильных заструг совершенно не применялись. Оленей запрягали в нарты зимой и летом. Запряжка была такой же, как у ненцев и энцев, с передовым оленем слева, нарты тех же в общем типов, что и у ненцев, за исключением своеобразной женской нарты, с очень высокими копыльями и с полукруглыми щитками спереди и сзади сиденья. Такие женские нарты были и у энцев. Верховой езды на оленях нганасаны почти совершенно не знали; в случае необходимости вадеевские нганасаны верховых оленей приобретали у долганов. Оленей нганасаны, так же как и энцы и ненцы, не доили.

Рыбу ловили ставными сетями — «пущальнями» и костяными спицами, заменявшими крючки. Эти спицы делались из пожных костей оленя и представляли собой длинные пластинки, заостренные с обоих концов, с отверстием посередине для привязывания лески. На один конец спицы насаживалась наживка. Когда рыба проглатывала наживку вместе со спицей, последняя становилась поперек горла рыбы. Сети прежде вязали из нитей, выдергиваемых из привозных мешков. У вадеевских нганасанов встречались сети из конского волоса, привозимого из Якутии. На рыбном промысле, при переправах через реки, при «поколках» употреблялись лодки-однодеревки, которые завозились из Якутии и с Енисея.

Пища, жилище и одежда

Нганасаны питались осенью и зимой главным образом мясом дикого оленя, летом — гусями, утками и рыбой. Так как основные запасы пищи заготовлялись нганасанами в течение сравнительно короткого сезона летней и осенней охоты, то в их хозяйстве имела большое значение заготовка мяса впрок и способы хранения мяса и жира. Мясо диких оленей вялили длинными кусками на нартах, поставленных друг на друга, затем его резали на мелкие кусочки, смешивали с жиром и еще раз вялили на разостланных шкурах. Сосудами для хранения жира служили: снятая целиком шкура теленка, пищевод и желудок оленя, плавательный пузырь и кожа кунжи и надутая кожа с гусиных лап. Мясо, жир, рыбу нганасаны осенью оставляли иногда в тундре в ящиках из льда, чтобы воспользоваться этими запасами весной, после возвращения из леса. Печеного хлеба нганасаны раньше почти не употребляли. Из покупавшейся в небольших количествах муки пекли пресные лепешки, которые употребляли как лакомство. Из привозных продуктов в значительном количестве потребляли только чай и листовой табак.

Народная техника нганасанов была весьма отсталой. Орудиями служили нож, топор и большое и малое лучковые сверла. Распространено было примитивное кузнечество, нганасаны перерабатывали привозное железо, делали из него ножи, курительные трубки (из старых ружейных стволов), приспособления для чистки трубок, витые цепи женских подвесок. Из мамонтовых бивней вырезали женские курительные трубки и нащечные пластинки оленьей упряжки.

Была также развита обработка оленьих шкур; выделывалась в частности высокого качества ровдуга. Дубильным веществом для обработки шкур служили прожеванная вареная печень оленя, налимья печень, оленьи мозги; обработкой шкур занимались исключительно женщины.

Нганасанский чум в целом близок по своей конструкции к ненецкому. Как и ненцы, нганасаны при перекочевках перевозили весь чум целиком. Внутреннее убранство было таким же, как и в ненецких чумах. В преданиях нганасанов упоминается, что у их далеких предков были полуподземные конические жилища из дерева и земли.

Материалом для одежды служили нганасанам исключительно оленьи шкуры. Покупными тканями, главным образом красными и черными сук-

нами, пользовались лишь для аппликации. По своему покрою одежда нганасанов значительно отличалась от ненецкой. Мужская и женская зимняя одежда была короче и легче ненецкой и более приспособлена для ходьбы пешком, чем для езды на оленях. В этом отразился отличный от ненцев образ жизни нганасанов — когда-то преимущественно пеших охотников. Мужская одежда (*лу*) шилась двуслойной. Верхняя часть лу изготовлялась по большей части из белых выпоротков и орнаментировалась. На спине лу пришивали ленты и кисти из цветных (красных и черных) лоскутьев или из окрашенной охрой ровдуги. Внутреннюю часть лу шили из осенней шкуры дикого оленя и носили шерстью внутрь. По подолу лу пришивалась опушка из белой собачьей или песцовой шкуры.

При поездках поверх лу надевали сокуй (*фиа*) из белых оленьих шкур. На верхушке капюшона нашивался стоймя, в виде султана, олений хвост. Летом служила та же лу, но поношенная. Летний сокуй шили из шкур с остриженной шерстью.

Нижняя одежда женщин состояла из *фонне* — ровдужного комбинезона с нашитыми на груди серповидными медными пластинками и с медными трубочками, с кольцами на нижних концах, нашитыми спереди на штанины выше колен. Под коленом комбинезон туго затягивался с помощью ременной вздержки и поверх голенища обуви. Поверх комбинезона надевали *лифарие* — одежду типа лу, но с разрезом. В зимние поездки поверх ровдужного комбинезона надевали меховой, а поверх лифарие — короткую шубу. Летом женщина тоже пользовалась поношенной зимней одеждой. Шапка была исключительной принадлежностью женского костюма. Домашние шапки — из белой оленьей шкуры с опушкой из черного собачьего меха, выездные — из такой же шкуры, но орнаментированные черными и красными кантами из сукна.

У мужской и женской обуви спереди не было выема. Шили обувь из белых оленьих камусов, с кантами из черного и красного сукна. Мужская обувь отличалась от женской большей длиной.

Мужчины носили две пары коротких натазников (*нингка*), внутренние — из ровдуги и наружные — из шкуры оленя. На нижней части женских комбинезонов и мужских натазников были нашиты ровдужные кисти, окрашенные в черный и желтый цвета.

Детская одежда по форме ничем не отличалась от одежды взрослых; для маленьких детей шили специальный меховой комбинезон — *минар*.

Одеяло привязывалось передним краем к жердям чума и имело вид полога. Спали под ним несколько человек, независимо от пола. Мужчины брали на зимние поездки *мыли* — оленью шкуру, зашитую с одного конца в виде мешка, куда, сидя на нарте, засовывали для тепла подогнутые ноги. Весной носили *сейми-кунди* — снеговые очки из металлических пластинок, с узкой прорезью посредине, вшитых в орнаментированный кусок ровдуги.

Общественные отношения

К Великой Октябрьской социалистической революции нганасаны в своей общественной жизни сохраняли много черт патриархально-родового строя. Авамские нганасаны делились на 5 родов, вадеевские — на 6. Каждый из родов представлял собой экзогамную единицу.

Помимо экзогамии сохранялись и некоторые другие черты патриархально-родового строя, главным образом в области культа (племенное празднество «чистого чума», наличие родовых идолов — *куойка* и др.). Однако расселенные по обширной территории роды нганасанов не имели территориального и экономического единства. Нганасанские кочевые селения — стойбища (*малир*, или *мая*), как правило, состояли из семей,

принадлежащих к разным родам и объединенных уже не родовыми, а соседскими связями. Социальный состав этих стойбищ был различен. Иногда это было объединение группы трудовых хозяйств для совместной охоты, рыболовства и выпаса оленей. Но чаще это были малоимущие хозяйства, группировавшиеся вокруг хозяйства богача-оленевода и экономически зависимые от него. Имущественная дифференциация среди нганасанов, основанная главным образом на неравномерном распределении оленей, была достаточно ярко выражена. Еще в 1926 г. 11% богатых хозяйств владели 60% оленей, а масса малооленных хозяйств, составлявшая 66% всех хозяйств, владела всего 17% оленей. Малооленные часто вынуждены были пользоваться за определенную плату оленями своих зажиточных соседей. До революции в уплату за пользование одним оленем в течение года отдавали одного песца (хороший олень, бык, стоил тогда 10 руб., а песец — 5 руб.).

Наряду с имущественным расслоением бытовали и общинные порядки. Места поколок и промысла диких оленей сетями считались общим достоянием. Места эти очень оберегались, около них запрещалось охотиться с ружьем, чтобы не разогнать зверей. Если кто-либо не подчинялся этому и в результате поколка или охота сетями оказывались неудачными, общество обязывало нарушителя возместить ущерб убоем своих домашних оленей.

При коллективной охоте на диких оленей сетями владелец сети делил добычу пропорционально числу членов семьи каждого из участников охоты. Такой же дележ был при сетевой ловле линных гусей.

В стойбище существовали и элементы коллективного потребления. Охотники должны были обеспечить своей добычей всех соседей по стойбищу. Этот обычай превращался в некоторых случаях в средство эксплуатации охотников: богатые оленеводы сберегали стадо, живя за счет своих соседей бедняков-охотников, обеспечивавших их мясом. На почве этих взаимоотношений часто происходили споры, которые разрешались стариками на сходах, собиравшихся весной и осенью. На сходах можно было услышать жалобу соседа на охотника, что тот не давал ему на «варево» и что он, чтобы не голодать, должен был питаться мясом своих домашних оленей. Если охотник в свою очередь заявлял, что и сосед не помогал ему ни в чем, то сход оставлял жалобу без последствий; в противном случае общество принуждало охотников к возмещению стоимости убитых на еду оленей. Существовал также обычай, по которому охотник, убив дикого оленя, отдавал соседу заднюю половину туши вместе со шкурой. Убитого оленя в таких случаях оставляли на месте охоты, и получавший дар сам доставлял тушу, причем переднюю часть ее он должен был вернуть охотнику.

Среди нганасанов еще недавно встречалось многоженство, выдача замуж малолетних, за невесту платили калым. В случае несостоятельности отца жениха, родичи помогали ему в уплате калыма, за что они должны были получить потом оленей из приданого невесты. Отец считался в семье полным хозяином.

Замужняя женщина с наступлением первых признаков беременности считалась «нечистой» и подвергалась различным запретам. Роды происходили в том же чуме, в котором жили. При появлении ребенка бабки умывали его изо рта водой и для «очищения» окуривали собачьей шерстью. Через три дня после родов происходил обряд очищения. На раскаленную сковороду клали жир дикого оленя, и все живущие в чуме вытягивали над дымом руки.

Давать детям имена нганасаны не торопились. Можно было встретить 2—3-летних детей, еще не получивших имени. Обычно детей наделяли

именами старшие члены семьи. Имена или имели предохранительное (от злых духов) значение или связывались с определенными событиями. Мальчику, например, дали имя Нгоробие — «радостный»: в день его рождения застрелили четырех диких оленей.

Система родства у нганасанов, как и у ненцев, была классификационная. Кроме запрещения заключать браки внутри своего рода, нельзя было вступать в брак также с членами рода матери. Существовал левират, часто женились, обмениваясь сестрами. Внутри семьи существовало строгое разделение труда. Женщины занимались домашними работами: устанавливали и убирали чум, обрабатывали шкуры, шили, плели веревки из сухожилий, приготовляли еду и смотрели за детьми. Мужчины охотились, ловили рыбу, пасли оленей, занимались обработкой дерева, плели ременные арканы. Женщины пасли оленей только во время осеннего сезона охоты, когда не оставалось в чуме мужчин.

Верования

Основу религиозного мировоззрения нганасанов составлял комплекс очень примитивных доанимистических и анимистических представлений. Нганасаны верили, например, в то, что даже вещи, сделанные человеком, живут и могут понимать человеческую речь. Оставляя весной нарты с зимними вещами, к ним обращались с небольшой речью и обещали осенью привезти им жир и мясо.

Рекам Пясине, Аваму, Дудыпте, Таймыру, Большой Балахне весной приносили в жертву оленей. Осенью приносили жертвы (оленей или собак) духам определенных священных сопок. Сверхъестественные существа, по представлениям нганасанов, делились на три основные категории: 1) *нгуо* — «хозяева» отдельных явлений природы и отдельных категорий вещей; так, были нгуо неба, солнца, земли, огня, оленей и т. д.; очень большим нгуо считалась болезнь оспа; голод, по мнению нганасанов, вызывался специальным нгуо голода; 2) *баруси* — антропоморфные существа, вредящие людям; они, по представлениям нганасанов, обитали, в частности, в воде — реках, озерах, в море; 3) *дямада* — особые духи, служившие шаманам, обычно зооморфные.

Материальные предметы, почитаемые домашними покровителями, назывались *куойка*. В одних случаях они представляли собой камни, рога оленей и другие предметы необычной формы, бросающиеся в глаза, в других — зооморфные и антропоморфные изображения, сделанные из металла или дерева. Возились они в специальных нартах, запряженных священными оленями, отмеченными на шерсти особыми тамгами. Куойка назывались также и почитаемые за священные объекты природы, например сопки, скалы, деревья необычного вида и т. д. Домашних куойка каждый месяц окуривали жиром дикого оленя, а также «кормили» после удачной охоты: клали в их нарту кусочки жира и мяса дикого оленя. Сопкам, скалам и деревьям приносили в жертву оленей и дарили лоскутки материи, нанизанные на шнурки, деньги и т. п.

У нганасанов было сильно развито шаманство. Шаманские костюмы отличались богатством подвесок, причем многие шаманы имели по два-три костюма и по нескольку бубнов на разные случаи камлания. Костюмы состояли из головного убора, плаща с отдельным передником и обуви, иногда из комбинезона, подобного женскому. К другим атрибутам шаманов относились, кроме бубнов, шкурки птиц и животных, железные трости и т. п.

Главнейшими религиозными обрядами нганасанов было празднество «чистого чума» (*мадуся*) и обряд прохождения через «каменные ворота» (*фала-футу*). Празднество «чистого чума» происходило в феврале, когда после полярной ночи появлялось солнце. Строился особый чум, в котором

Изображение двухголового духа чума

3—9 дней с утра до вечера камлал шаман, испрашивая у божеств благополучие для всего народа в предстоящем году.

Во время праздника около «чистого чума» происходили пляски и игры молодежи. Иногда праздник «чистого чума» заменялся обрядом прохождения через каменные ворота. Для этого из каменных плит сооружалось нечто вроде туннеля. В течение трех дней совершалось камлание, после которого шаман и все присутствующие трижды проходили через эти ворота.

Нганасаны верили в переселение душ. По их представлениям, человек после смерти продолжал на «нижней земле» вести жизнь, похожую на земную, а душа его возвращалась к хозяину душ и затем снова вселялась в родившегося ребенка. Нганасаны зимой покойников не закапывали, а оставляли на поверхности земли, положив на оленью нарту. В лесотундре над партой с покойником устраивали коническое сооружение из срубленных стволов деревьев. На могилу женщины клалось все ее приданое.

Народное творчество

Фольклор нганасанов очень разнообразен и богат. Основные виды фольклора: былины, сказки, исторические предания, песни и загадки.

Былины бывают очень длинными, рассказывают их иногда в продолжение нескольких вечеров. Описание обстановки, в которой происходит действие былины, рассказывается, диалоги между героями поются, причем сказитель поет одним голосом, не стараясь различать героев интонацией, как то делают якуты или долганы. Герои былин — богатыри с медными или железными малицами, серебряными или медными шапками или поясами; имена они получают по этим частям одежды. Былины или сказки обычно начинаются фразой: «Вот вышло наше слово, долго носилось оно и набрело на один чум» или «на одного человека», дальше идет повествование. Сюжеты былин очень сложны, они обычно повествуют о борьбе богатырей добрых духов с богатырями злых духов; причиной распри часто служат женщины. Широко распространены сказки о людоедах (*сигие*) и сказки о похождениях хитреца и плута (*дяйку*).

Многочисленные исторические предания отразили войны нганасанов, главным образом с ненцами и эвенками. Часть их очень близка к так называемому оленекскому хосунному эпосу, распространенному среди северных якутов. Песни, преимущественно любовного содержания, распеваются молодыми людьми в присутствии своих возлюбленных. Искусство хорошо говорить ценилось у нганасанов очень высоко. В старину устраивались словесные поединки между умеющими красно говорить.

Музыкальных инструментов у нганасанов не было, если не считать детской свистульки из гусиного пера и шаманского бубна.

Изобразительное искусство нганасанов представлено гравировкой на мамонтовой кости, инкрустацией и штамповкой по металлу, окраской кожи и узорным шитьем оленьим волосом. Орнамент у нганасанов исклю-

чительно геометрический; изображение живых существ допускалось только на культовых предметах, например на чехлах шаманских бубнов или на сумках для хранения куойка, представлявших собой квадратные мешки, шитые мехом внутрь, расписанные изображениями духов. Наиболее разнообразна гравировка пластинок из мамонтовой кости на оленьих недоуздках. В углубленную резьбу втиралась черная и красная краска, причем на одной и той же пластинке один вид орнамента окрашивается в красный цвет, другой — в черный. По железу делали инкрустацию медью и серебром. На женских нагрудных украшениях из листовой меди выбивали специальными железными штампами орнамент в виде развилок, звездочек и т. д.

Орнамент на коже окрашивался в черный цвет графитом, в красный — охрой. Краски разводили на воде, наносили специальной палочкой широкие линии и окантовывали жгутиком из оленьего волоса. Кроме того, на кожу наносили орнамент деревянным штампом. Скульптура была представлена предметами культа — антропоморфными и зооморфными фигурками (куойка), изготовляемыми из дерева, мамонтовой кости и металла.

Нганасаны после Великой Октябрьской социалистической революции

Затянувшаяся гражданская война в Сибири, отдаленность и труднодоступность таймырских тундр были причинами сравнительно позднего развертывания советского строительства среди нганасанов. В 20-х годах в район расселения нганасанов проникали лишь отдельные работники. Это были инструкторы Туруханского районного исполнительного комитета, работники кооперации и госторговли и медико-санитарные отряды. В 1924—1925 гг. у нганасанов были организованы родовые советы. В 1928 г. для приближения советов к населению был выделен из Авамского родового совета Таймырский совет. В 1931 г. был организован Таймырский национальный округ, в который вошли также и нганасаны. В том же году нганасанские родовые советы были преобразованы в кочевые советы, для председателей этих советов были организованы первые краткосрочные курсы. Тогда же нганасаны рода Око перешли из долганского родового совета в Таймырский и Вадеевский кочевые советы.

Социалистическое строительство у нганасанов связано с коллективизацией и общим бурным народно-хозяйственным и культурным развитием севера Красноярского края в годы пятилеток. Нганасаны организовали четыре колхоза. В Авамском районе их было три — им. VIII съезда Советов, «Пура» и им. О. Ю. Шмидта, а в Хатангском один — «Ленинский путь». В 1950 г. колхоз «Ленинский путь» объединился с соседним якутским колхозом в один колхоз «Путь к коммунизму». В 1952 г. колхоз «Пура» объединился с колхозом им. VIII съезда Советов в колхоз им. Маленкова.

В условиях колхозного строя все старые отрасли хозяйства нганасанов подверглись значительным изменениям. В настоящее время в нганасанских колхозах существуют для пастьбы оленей специальные оленеводческие бригады. Олени колхоза делятся на отдельные стада в 600—800 голов. Колхозные оленеводы охраняют оленей круглосуточно во все сезоны. Большая часть пастухов — мужчины, но привлекают и девушек, обучая их приемам пастьбы. Обычно пастухи дежурят по двое, но в период гона оленей, когда не следует ни кричать, ни стрелять для отпугивания волков, назначают и по три пастуха. Отел, гон, годовой учет, переход с зимних на летние пастбища и обратно производится организованно, с соблюдением зоотехнических правил, предупредительных мер против заболеваний оленей и при ветеринарной помощи. Некоторые нганасаны окончили окружную школу оленеводов и добились хороших результатов в раз-

Группа нганасанов

витии колхозного оленеводства. Резко сократилась гибель молодняка. Для сохранения телят сейчас нганасаны-колхозники применяют щитки от ветра, а если их не хватает, то заменяют их оленьими шкурами или выкапывают специальные защитные рвы в снегу.

Пушной промысел организован у нганасанов в настоящее время по-новому. В колхозах выделяются специальные охотничьи бригады. Каждая бригада получает в свое распоряжение определенное число капканов и участок тундры с расположенными на нем пастями. Высмотр пастей производится по возможности ежедекадно. Бригады и отдельные звенья обеспечиваются балками (передвижным домиком на нарте), в них ночуют охотники при поездках на высмотр отдаленных пастников. Получили широкое распространение современные орудия добычи песца — железные капканы. Во всех колхозах организован частый высмотр капканов, и таким образом потери пушнины снижены до минимума.

Широко распространенными почти по всему Северу деревянными пастями, боковые стенки которых иногда делали также из каменных плит, нганасаны раньше пользовались сравнительно мало; теперь нганасанские колхозы имеют длинные линии пастей и применяют усовершенствованные, так называемые корытные пасти, предохраняющие попавших песцов от хищников. Охотники заранее устанавливают местонахождение нор и затем ставят близ них капканы. Искусство бригадира и каждого охотника заключается в умелом маневрировании предоставленными в его распоряжение капканами, правильной насторожке пастей и в своевременном высмотре ловушек. Песца привлекают к ловушкам разбрасыванием подкормки (крошеного мяса или рыбы). Места установки капканов меняют в зависимости от хода песца и вообще условий промысла в текущем году.

Из старинных приемов охоты на дикого оленя сейчас практикуются немногие. Совсем исчезли хищнические поколки, охота с сетью и др. Колхозные бригады для охоты на дикого оленя теперь снабжены дально-

бойными винтовками, что намного увеличило производительность охоты и способствовало вытеснению старых приемов этого промысла.

На гусей и уток сейчас также охотятся с ружьем. Охота сетями на уток и линных гусей, как хищническая, запрещена.

Большое значение для интенсификации пушного промысла нганасанов имеет социалистическое соревнование. Оно охватывает целые колхозы, соревнующиеся между собой, отдельные бригады и звенья и отдельных охотников внутри колхоза, соревнующихся друг с другом. В результате колхозной организации труда, социалистического соревнования и улучшения качества капканов и конструкции пастей значительно выросла общая производительность труда в пушном промысле.

Периоды и приемы охоты сейчас регулируются советским законодательством, направленным на борьбу с хищническими приемами охоты, истреблением молодняка и невыходных пушных зверей.

Значительны изменения и в быту нганасанов. В настоящее время у нганасанов все больше распространяются нартяные чумы и балки, введенные на Севере впервые русскими, а нганасанами заимствованные у долганов.

Резко изменился пищевой рацион нганасанов-колхозников: прочно вошли в быт хлеб, сахар, масло и другие продукты, регулярно доставляемые в эту отдаленную окраину Советского Союза. Благодаря организации в тундре хлебопекарен нганасаны получили возможность постоянно иметь печеный хлеб. Способы приготовления пищи стали более гигиеничными и рациональными. Нганасаны перестали пользоваться примитивными приспособлениями для хранения продуктов, заменяя их покупной тарой.

Нганасаны и сейчас сохраняют национальные формы одежды, хотя изготовляют в настоящее время ее не только из оленьих шкур, но также из сукна. Наряду с одеждой старого покроя в употребление входят рубашки, пиджаки, брюки, сапоги, резиновая обувь, куртки и брюки на вате. Все более входит в быт нижнее белье, которого раньше нганасаны совершенно не знали.

В последние годы нганасаны переживают период ликвидации своей вековой отсталости и приобщаются к советской социалистической культуре.

Из старых семейно-правовых норм устойчивее всего сохраняются пока экзогамные запреты, хотя есть уже случаи их нарушения. Многое из старого уже ушло в прошлое. Исчезло многоженство. Исчез калым. Изменилось в условиях колхозного быта положение женщины. Нганасанки участвуют в производственной и общественной жизни колхозов.

Культурно-просветительная работа партийных и советских организаций дала свои результаты. Среди нганасанов появились советские, партийные, комсомольские и колхозные работники. Выросли и укрепились партийные и комсомольские организации в нганасанских колхозах. Если в 1938 г. среди нганасанов был только один коммунист Турдагин Кондюо, то в 1950 г. партийные группы имелись уже в трех из четырех нганасанских колхозов.

Некоторые нганасаны прошли курсы и школы подготовки колхозных кадров — председателей колхозов, бригадиров-оленеводов, ветеринарных фельдшеров.

Нганасаны являются членами исполкомов Авамского и Хатангского районов. Много нганасанов, в том числе и женщины, выбрано народными заседателями.

Дети школьного возраста все учатся, живя в течение учебного года в интернатах при начальных или семилетних школах на полном государственном содержании.

Большую помощь нганасанам оказывает русский народ. Русские работники в окружных и районных организациях, в школах, больницах, магазинах, заготовительных пунктах, красных чумах, кочевых советах, колхозах помогают нганасанам преодолеть их вековую отсталость, учат их детей, лечат, ведут культурно-просветительную работу, воспитывают нганасанские кадры. Помогают нганасанам и их более культурные соседи долганы. Возросли культурные запросы и политическая активность нганасанов.

Так в результате последовательного осуществления национальной политики советской власти приобщается к социалистической культуре и участвует в строительстве социализма одна из самых отсталых в недавнем прошлом народов северной Сибири.

ЭНЦЫ

Энцы в языковом и этнографическом отношениях близки к нганасанам и ненцам. Общая численность энцев по переписи 1926—1927 гг. была определена в 378 человек.

Общие сведения

По месту жительства и диалекту энцы до революции делились на две части. Большая часть их кочевала летом в тундре между Енисеем и Енисейским заливом на западе и р. Пурой, притоком Пясины, на востоке. На зиму эти энцы откочевывали в лесотундру у Енисея между р. Малой Хетой и оз. Пясино. Меньшая часть их кочевала постоянно в лесах по Енисею выше с. Дудинки, около станков Лузино, Потапово и др. Тундровые энцы состояли из группы Сомату, Бай и половины группы Муггади. Остальные энцы называли их «маду» (это старое название группы Сомату). Раньше энцы-маду сами называли себя также архаичным названием онэй-энэтэ, т. е. «настоящие люди». Ненцы называли их «манто». Лесные энцы состояли из другой половины группы Муггади, группы Ючи, отдельных семей группы Бай и др. Общее их название было «пэ-бай» (т. е. «лесные баи»).

До революции энцы были известны под названием хантайских и карасинских самоедов. Хантайские энцы — это группа Сомату, карасинские — Муггади, Бай и Ючи. Энцы не имели общего самоназвания. Название «энцы» образовано уже после революции от слова «энэтэ», что на их языке означает «человек», «мужчина».

Язык энцев близок ненецкому языку; он отличается от последнего некоторыми фонетическими и лексическими расхождениями. По своему звуковому составу язык энцев приближается к языку нганасанов.

В XVII в. Сомату (маду) кочевали в лесотундре между низовьями Енисея и Таза, Бай и часть Муггади — в бассейне Турухана, остальные Муггади и Ючи — в бассейне Таза. На Тазу жили также энецкие группы Аседа и Салерта.

В общем энецкие группы в XVII в. занимали бассейны рр. Таза и Турухана и все низовье Енисея от р. Нижней Тунгуски до Енисейского залива. От ненецкого произношения названия земли Муггади происходит и название города Мангазея (по-ненецки *монгкаси-я* — «земля Муггади»), основанного русскими в 1601 г. в низовьях Таза.

С Таза и Турухана энцы были вытеснены в конце XVII и начале XVIII вв. селькупами и кетами, а из тундры и лесотундры между Обской

Рыбак в челноке

и Тазовской губами и Енисеем — ненцами. Оставшиеся на Тазу и левобережье Енисея группы Аседа, Салерта и часть группы Ючи были ассимилированы ненцами.

Общая численность энецких племен в начале XVII в. достигала 3 тыс. человек, т. е. была значительно выше численности нганасанов и приближалась к численности ненцев в Сибири. Но ряд эпидемий, столкновения с селькупами, ассимиляция ненцами и селькупами, а на рубеже XIX—XX вв. и долганами сократили численность энцев.

В настоящее время в Усть-Енисейском районе энцы окончательно сливаются с ненцами, причем в колхозе «Новая жизнь» этот процесс уже завершился. В Авамском районе они сливаются с нганасанами. В колхозе «Заполярник» Дудинского района лесные энцы усвоили ненецкую материальную культуру, но язык лесных энцев здесь был воспринят и ненцами.

Хозяйство и быт до Октябрьской революции

По своим занятиям энцы издавна были охотниками, оленеводами и рыболовами. Охотились на дикого оленя и песца. Мясо и шкуры дикого оленя потреблялись в хозяйстве, песцовые шкурки шли для сбыта. Оленеводство было самодийского типа, оно имело главным образом транспортное значение. Рыболовством занимались в довольно больших масштабах, особенно лесные энцы.

Раньше энцы охотились на диких оленей, как и нганасаны, с луком, с помощью оленей-маньщиков, сетями. Охота на речных переправах — поколки — у энцев имела меньшее значение, чем у нганасанов.

Жилищем энцам служил конический шестовой чум, по своей конструкции совершенно аналогичный нганасанскому. Одежда тундровых энцев даже в деталях совпадала с нганасанской. Лесные энцы одевались по-ненецки, с небольшими отличиями: носили более короткие малицы, реже покрывали их сукном и т. д. Орнамент одежды тундровых энцев такой же, как у нганасанов, — в основном геометрический.

Социальный строй и религия энцев (особенно тундровых энцев) в прошлом были сходны с таковыми у нганасанов. Энцы-Сомату состояли из девяти экзогамных родов; группы Муггади, Бай и Ючи представляли экзогамные единицы.

Поселок колхоза им. С. М. Кирова

Энецкий фольклор очень богат и представлен былинами, сказками, историческими преданиями, песнями, космогоническими сказаниями. В отличие от нганасанов, у энцев почти отсутствуют сюжеты оленекского хосунного эпоса, но вместо них распространены предания об охотнике Моррэдэ, охотящемся с оленем-маньщиком. Энцы сохранили много преданий о военных столкновениях с ненцами и эвенками.

В прошлом энцы, жившие и кочевавшие недалеко от Енисея, подвергались особенно сильной эксплуатации со стороны купцов. Среди тундровых энцев существовала также значительная имущественная дифференциация: были владельцы больших табунов в 2—3 тыс. голов и были малооленные и безоленные бедняки, работавшие на богачей.

Энцы в советский период

После революции энецкая беднота выдвинула большую группу советского и партийного актива, сыгравшего большую роль в социалистическом строительстве в Таймырском национальном округе.

В течение истекших десятилетий энцы достигли значительных успехов в деле социалистического строительства. Все энцы сейчас объединены в колхозы, некоторые работают в оленеводческих совхозах и в советских учреждениях.

Хозяйство колхозов, в которые входят энцы, основано на трех основных отраслях — оленеводстве, охоте и рыболовстве. В колхозе «Заполярник» начинает приобретать значение и заполярное огородничество.

Серьезные изменения произошли в энецком рыболовстве. Колхозы, в состав которых входят энцы, дают большое количество товарной рыбы и перевыполняют планы сдачи рыбы государству. Увеличилась техническая оснащенность колхозов. Колхозы, кроме рыбной ловли, в пределах своей территории практикуют также выезд на экспедиционный лов в Енисейский залив, куда рыболовецкие бригады доставляются на катерах и пароходах.

В пушном промысле главное значение попрежнему сохраняет охота на песца. В колхозе «Заполярник» наряду с этим играет большую роль

добыча зайцев, а в колхозе им. С. М. Кирова Усть-Енисейского района — охота на диких оленей.

Техника охоты на дикого оленя — наиболее древнего вида охоты, бывшего главным занятием предков энцев, сейчас коренным образом изменилась. Исчезла охота с сетями из кожаных ремней, охота с маньщиком, охота на поколках и т. п. В основном сейчас охотятся с винтовками, позволяющими бить оленей с дальнего расстояния.

Основными производственными единицами являются бригады оленеводов существующие круглый год, и сезонные — охотников и рыбаков. Поскольку энцы нигде не образуют отдельных колхозов, то в бригадах они работают вместе с ненцами, нганасанами, русскими, долганами.

Энцы-колхозники, особенно в колхозе «Заполярник», частью переходят к оседлости. Кочевой образ жизни ведут охотничьи и оленеводческие бригады. Но и они зимой уже не живут в шестовых чумах, а заменили их нартяными чумами, или балками. Балок (нартяный чум) представляет собой домик на полозьях. Деревянный остов домика обтягивается оленьими шкурами и парусиной. Отапливается балок железной печкой. Перешедшие на оседлость энцы живут в домах и избах русского типа.

У энцев сейчас широко распространилась русская одежда в качестве нижней и летней и ненецкая — в качестве зимней. Только энцы в Авамском районе и часть энцев в колхозе им. С. М. Кирова Усть-Енисейского района сохранили свою старую национальную одежду, похожую во всем на нганасанскую.

В семейной жизни исчезли многоженство, левират и калым. Отступает на задний план прежнее строгое половое разделение труда. Из пережитков в семейно-брачной жизни сохранилась родовая экзогамия, соблюдаемая и до сих пор.

Отход от религии у энцев — общее явление. Верующих осталось очень мало, это главным образом старики и старухи. Совершенно исчезли шаманы.

Школой охвачены у энцев все дети школьного возраста. Некоторые энцы учатся на колхозных курсах в Дудинке, а также в Ленинграде. Среди энцев имеются председатели колхозов, ветеринарные фельдшеры, воспитатели в школах-интернатах и т. д.

Медицинские пункты оказывают большую помощь энцам, в случае необходимости энцы охотно обращаются за медицинской помощью. Роды, например, теперь, как правило, происходят в больницах, которых в районе расселения энцев сейчас уже несколько.

Во всех колхозах, в состав которых входят энцы, имеются партийные и комсомольские организации, в которых много энцев.

СЕЛЬКУПЫ

Общие сведения

Селькупы принадлежат к народам самодийской языковой группы. Современные самодийские народы сложились, как показали работы советских исследователей, в результате длительных и сложных связей аборигенного населения севера с самодийскими по языку племенами, распространившимися на эти территории из области Саянского нагорья в первые века нашей эры. В процессе этих передвижений самодийских групп в таежной полосе бассейна Оби сложился селькупский народ, по хозяйству, быту и культуре более приближающийся к своим соседям хантам и кетам, чем к родственным по языку северным самодийским народам — ненцам, энцам и нганасанам.

Уже после прихода в Сибирь русских, в XVII в., часть селькупов переселилась из бассейна Оби на р. Таз, а затем и на р. Турухан. На Тазе селькупы усвоили оленеводство. Так сложилась группа северных селькупов, отделенная от обской хантыйским населением на р. Вах и кетским по р. Елогуй. Раньше селькупов, так же как и хантов и кетов, русские называли остяками; в этнографической литературе они были известны под названием остяко-самоедов.

Так как южная группа селькупов в XVII в. входила главным образом в Нарымский уезд, а затем в Нарымский округ, то их называли нарымскими селькупами. Селькупов-оленеводов, живущих на севере, в бассейнах рр. Таза и Туруханa, называли тазовско-туруханскими, или северными. Раньше тазовские селькупы назывались также тымско-караконскими остяками, а туруханские — баихинскими остяками.

Численность селькупов по переписи 1926—1927 гг. определялась так: северных селькупов было 1500 человек, нарымских около 4500, всего около 6 тыс. человек.

Значительная часть нарымских селькупов, особенно проживавших по Оби, уже с XVI в. вошла в тесные дружеские связи с русскими крестьянами и рыбаками, заселившими Обь. Уже с XVII в. нарымские селькупы осваивали русский язык и к началу XX в. обские селькупы были все двуязычны, многие из них вовсе утратили свой родной язык и употребляли в быту русский.

Селькупы в прошлом не имели единого самоназвания. Наименование «селькупы» происходит от самоназвания северных селькупов. Северная,

тазовско-туруханская группа селькупов именует себя *сӧлькуп* (на р. Таз) или *шӧлькуп* (на р. Туруханн) — «таежный человек».

Нарымские селькупы состоят из двух групп: тымской (по р. Тым), именующей себя *чумыль-куп* — «земляной человек» (от *чу* — «земля»), и кетской (по р. Кеть) *сӱс-се кум*, или *шӧш-кум* — «таежный человек» (от *сӱт* и *шӧт* — «тайга»). Русские старожилы Туруханского района называли северных селькупов, выходцев из Сургутского уезда, сургутами. Ненцы, живущие в низовьях Таза, называли селькупов *тасунг хаби* — «тазовские остяки».

В настоящее время селькупы расселены в основном в Томской области и в Ямало-Ненецком национальном округе. Нарымские (южные) селькупы проживают в Томской области, главным образом в Каргасокском, Верхнекетском и Колпашевском районах. В Каргасокском районе селькупы расселены по бассейну р. Тым, в Тымском сельсовете (до 1950 г. бывшем Тымским национальным районом). В том же районе селькупы живут в низовьях р. Васюган и по его притокам — Чижапке и Нюрольке, а также по верхним притокам р. Парабели — Чузику и Кенге. В Верхне-Кетском районе селькупы, именующие себя здесь *сӱссэ кум*, в основном заселяют Максимояровский сельсовет, расположенный по верхнему течению р. Кеть.

В Каргасокском и Колпашевском районах селькупы занимают ряд селений по самой Оби, до юрт Сондоровских на юге (60 км выше г. Колпашева).

В пределах Ямало-Ненецкого национального округа селькупы компактной группой живут в Красноселькупском, Тазовском и Пуровском районах, по р.Таз и его притокам и по среднему и верхнему течению р. Пур. В верховьях левых притоков Таза селькупы живут совместно с хантами, населяющими Ларьякский район Ханты-Мансийского национального округа. В Пуровском районе селькупы проживают совместно с лесными ненцами, в Тазовском — с тундровыми ненцами. Баишенские (баихинские), или туруханские, селькупы населяют бассейны рр. Турухана, Елогуя, где живут по соседству с кетами. Таким образом, нарымские селькупы, подобно хантам и манси, живут в таежной зоне, а тазовские и туруханские в лесотундре.

В соответствии с указанными выше тремя группировками селькупов (шӧль ~ сӧль куп — на севере, чумыль-куп — на Тыме и сӱссе-кум — на Кети), в селькупском языке различаются три диалекта: тазовский (с примыкающим к нему говором баихинских селькупов), тымский и кетский. Тазовский диалект объединяет в себе целый ряд признаков тымского диалекта, с одной стороны, и кетского — с другой. Морфология селькупского языка отличается от ненецкой бо́льшим количеством падежей. Различны в селькупском языке падежные суффиксы одушевленных и неодушевленных имен существительных, чего в других самодийских языках нет.

Словообразование глагольных основ в селькупском языке богаче, чем в других самодийских языках. По своему звуковому составу селькупский язык близок к кондинскому говору мансийского языка и диалекту лесных ненцев.

Следы проживания аборигенных племен — предков современных селькупов — можно видеть во многих местах нынешней селькупской территории, например по рр. Тым, Кеть, Парабель. По берегам указанных рек имеется много следов старинных землянок (*карамо*). Землянки эти сохранили только подземную часть; никаких наземных сооружений нет. Это ямы правильной четырехугольной формы, большей частью квадратные, глубина их в настоящее время доходит до 1 м. Они занесены почвенным слоем с давно уже развившейся растительностью, в некоторых из них

растут многолетние кедры, сосны. Встречаются землянки, от которых отходит небольшой узкий коридор. Этот коридор ведет в сторону реки. Землянки находятся на расстоянии 1/2 км и более от современного берега реки. На Кети встречаются целые группы таких землянок. Вокруг отдельных групп землянок ясно заметен земляной вал, которым они некогда были обнесены. По словам нарымских селькупов, еще не так давно встречались землянки, лучше сохранившиеся; там находили глиняную остродонную посуду, медные наконечники стрел, пряжки от поясов, украшения женских кос, катушки для жильных ниток из мамонтовой кости и рога оленя.

Нарымские селькупы считают эти землянки жилищем своих предков и рассказывают о них следующее. Землянки в виде пещер выкапывали в крутых обрывистых берегах рек. Коридор служил входом в пещеру. Вырывали его на уровне воды в реке, и он шел, постепенно повышаясь, вглубь горы к самой пещере. Пол пещеры также поднимался от входа к задней стене, где находилась собственно жилая площадь — постели, домашняя утварь. Очаг был расположен у передней стороны жилища, сбоку от входа, таким образом дым от него выходил наружу по этому коридору. Проникали в пещеру с реки на лодках (обласках), которые затем втаскивались внутрь жилья. У тазовских селькупов до сих пор сени носят название *кӓт щӱньчи*, что значит «нутро горы», а направления к очагу и от очага в старых жилищах обозначается древними терминами *каррэ* — «под гору» и *коннэ* — «на гору». Несомненно, что вся эта терминология сохранилась от далеких времен их обитания в пещерах-землянках. На Туруханке, его притоках, на Тазе следов таких землянок не встречается. Археологического исследования землянок в Нарымском крае, к сожалению, пока не производилось.

Упоминание в «Сказании о человецех незнаемых в восточной стране» о том, что «в вверх тоя же реки великая Оби есть люди ходят по подземелью», вероятно, относится к древним предкам селькупов, жившим в подземных карамо.

Первые достоверные исторические сведения о селькупах восходят к концу XVI в. Нарымские селькупы назывались тогда в русских актах Пегой ордой.

Это название отразило, вероятно, тот факт, что селькупы носили пестрые одежды, сшитые из шкурок мелких зверей и птиц. Во главе их в конце XVI в. стоял «князь» Воня, оказавший упорное сопротивление русским воеводам. Имея до 400 вооруженных людей, Воня долго отказывался от уплаты ясака, вступил в союз с татарским ханом Кучумом и угрожал наступлением на Сургут. Только с основанием Нарыма (1596 г.) Пегая орда была подчинена московскому князю.

В XVII в. селькупы составляли коренное население Нарымского и Кетского уездов. Кроме того, часть их жила на территории Томского и Сургутского уездов. Территория расселения селькупов состояла в XVII в. из 27 «волостей» (кетских — 5, нарымских — 12, томских — 7 и сургутских — 3).

Во главе «волостей» стояли «князьцы» из местного населения, бывшие родовые вожди и их потомки. В начале XVIII в. селькупы подверглись массовому крещению; единичные случаи крещения имели место еще в XVII в.

Уплату ясака селькупы производили до 1880-х годов пушниной. В XIX в. при плохой добыче пушного зверя, они часто вынуждены были покупать пушнину для выплаты ясака у русских купцов. Обложение селькупов не ограничивалось одним ясаком: в XIX в., помимо ясака, они платили губернские, земские и казенные сборы, несли волостные по-

винности и расходы мирские, церковные и гоньбовые. Торговцы выменивали у селькупов пушнину, рыбу, птицу, орехи, ягоды и закабаляли их неоплатными долгами, переходившими от поколения к поколению.

Общее ухудшение экономического положения селькупов усиливается в последние десятилетия XIX в. в связи с переходом их лучших рыболовных угодий к торговцам и кулакам в уплату за долги путем аренды или прямого захвата. Однако постоянное общение с русским трудовым населением развило дружеские отношения между селькупами и русскими. Селькупы и русские совместно промышляли рыбу в богатейшем Обском бассейне, зверя в глухих лесах Приобья.

Русские, пришедшие на Обь уже в XVII в., пользовались на охотничьем промысле огнестрельным оружием. Но селькупы приобретать его не могли, потому что по правительственному указу русские служилые люди не имели права продавать оружие и боеприпасы «инородцам». Лишь в начале XIX в. ружья примитивного типа появились у зажиточных селькупов, а со второй половины XIX в. они получают уже широкое распространение. Появление ружья значительно изменило пушной промысел у обских, а затем и у всех остальных групп селькупов. Русские принесли с собой и более совершенные орудия лова рыбы, более совершенные лодки. Участвуя вместе с русскими в промыслах, селькупы стали переходить на оседлый образ жизни, менять свои жилища на избу русского типа. Появляются зачатки животноводства и огородничества; изменяется пищевой режим. В общее потребление входит печеный хлеб. В селькупских селениях появляются русские печи, которые сначала строили под открытым небом, а затем и в избе. Входит в употребление русская одежда. Все это вместе взятое значительно повысило культурный уровень нарымских селькупов, живущих по Оби, отличив их от тех групп, которые, живя в глухих таежных областях, не соприкасались постоянно с русскими.

Основные занятия

Основными исконными занятиями селькупов были охота и рыболовство. Оленеводство было известно только северным селькупам, у которых оно имело транспортное направление. Главным орудием охоты у селькупов со второй половины XIX в. стало ружье (по-селькупски *пушкат*, или *тюльше*; первое от русского слова «пушка», второе в переводе с селькупского значит «огненный язык»). Но ружья были самых устарелых систем — шомпольные и кремневые. Другими орудиями добычи были лук, пасть, кляпцы, черкан, силок, плашка, капкан. Лук был распространен как у туруханско-тазовских, так и у нарымских селькупов. Пользовались им главным образом для охоты на птицу (гусей, уток) и на белку. Селькупский сложный лук славился своими качествами среди соседних групп — ненцев, хантов, эвенков — и выменивался ими у селькупов. Стрелы оперялись орлиными, реже лебяжьими, перьями. Прежде в Нарыме особенно широко был распространен самострел (поставушный лук). Ставили его и на мелкого и на крупного зверя: на медведя, росомаху, лисицу, колонка. Для настораживания луков имелись выточенные из дерева мерки с изображением медведя, лося и т. д. Зайца и лисицу добывали кулемой. Очень распространена была добыча куропаток силками, «пленницами», изготовляемыми из конского волоса. Этой охотой занимались дети с очень раннего возраста, и она носила у них характер игры-соревнования на лучшее знание мест залета куропаток, на лучшее умение маскировать западню.

Нарымские селькупы на белку охотились почти исключительно с ружьем, часто с собакой, специально выращивая «беличьих» собак. Кроме того, на белку и бурундука ставили плашки. Белка была основным объектом охоты селькупов. В XIX в. основной меновой единицей была связка из десяти беличьих шкурок (*сарум*). Это отразилось даже в сель-

купском наименовании числительных: все наименования десятков, начиная со второго (двадцати) содержат слово «связка»: двадцать — «две связки», тридцать — «три связки» и т. д. Песец или соболь стоил 3 связки (т. е. 30 белок), росомаха или красная лисица — 1 связку и т. д. В Тазовской тундре значительное место в пушном промысле занимал песец. Добывали его капканами и пастями. У нарымских селькупов в прошлом большое значение имела добыча соболя, водившегося в большом количестве в лесах по рр. Тым, Васьюган, Обь. Добывали соболей капканом и сетью. Вследствие хищнического истребления запасы соболя к началу XX в. сильно сократились. Некоторое значение имела в Нарыме и охота на лося, населявшего прежде урманы левобережья Оби. Зверь этот беспощадно выбивался, особенно телята, и к этому времени тоже почти совсем исчез. Добывали лося ружьем и самострелом. Тазовские и туруханские селькупы охотились также на дикого оленя.

Селькупы охотились и на медведя, хотя у них сохранились следы медвежьего культа, они верили, что медведь прежде был человеком. На р. Тым жил «медвежий род», представители которого считали медведя своим родоначальником. Недалеко от юрт Пыль-Карамо в лесу, в родовом амбарчике хранилось изображение медведя, вырезанное из латуни. Селькупы этого рода в прошлом не охотились на медведя и не ели медвежьего мяса.

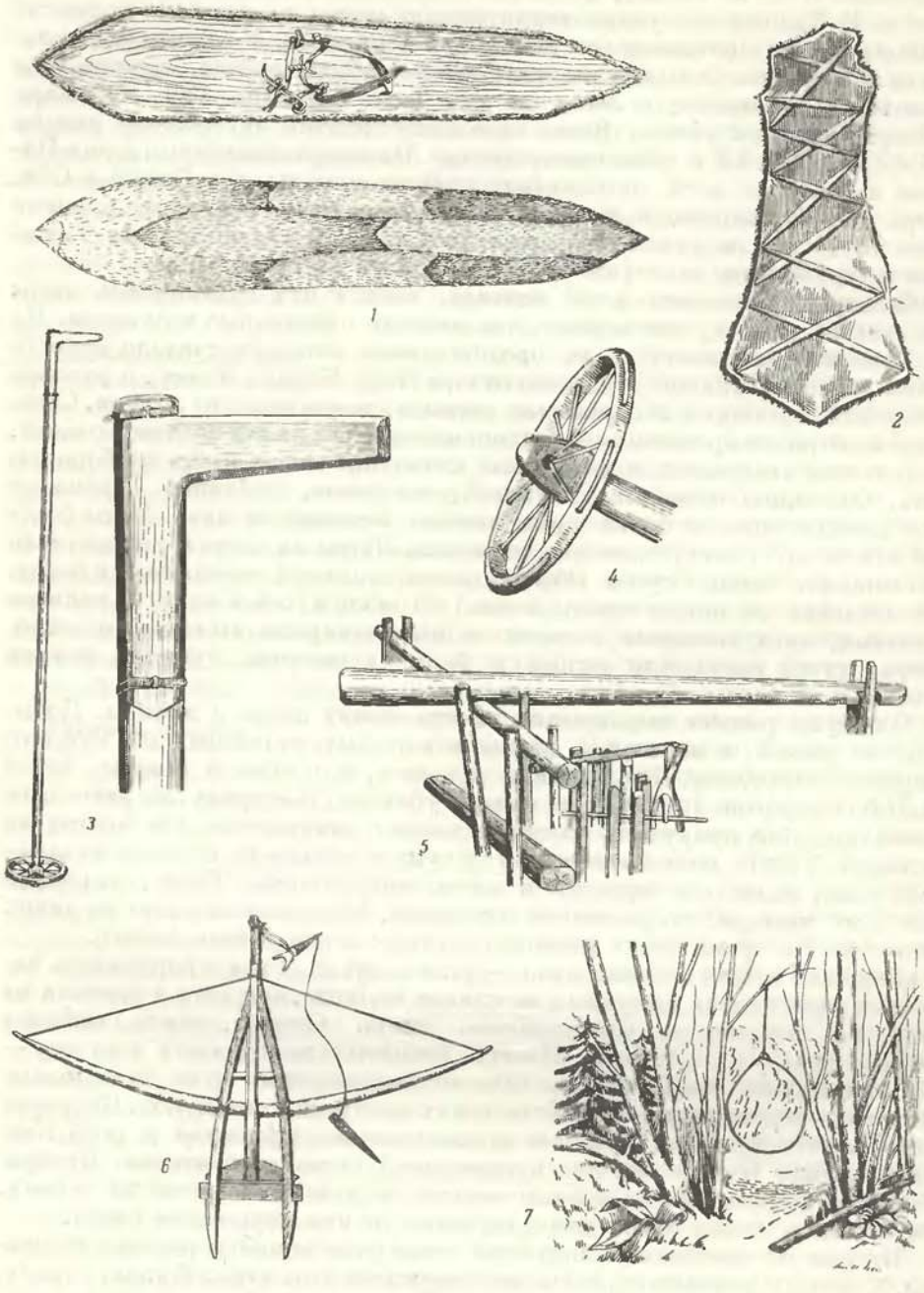
Большое значение для нарымских селькупов имела охота на боровую дичь. Охотились осенью на глухарей, тетеревов, рябчиков. Промысел этот являлся прежде почти единственным источником мяса. Мясо боровой птицы заготовлялось впрок, солилось. Летом на озерах коллективно промышляли линных гусей. Обычно несколько семей съезжалось к озеру. На обласках (челноках-однодеревках) загоняли гусей в один из заливов и сетями, натягиваемыми поперек залива, запирали им выход в озеро. Сверху гусей накрывали сетями и били их веслами, душили, ловили руками.

Селькупы раньше выращивали иногда щенят песца и лисицы. Добывали их весной, в половодье, держали в особых, отдельных для каждого зверька, загородках. Их кормили все лето, а глубокой осенью, перед «большой дорогой» (выходом на охоту), убивали. В старину, по рассказам селькупов, они приручали также медвежат специально для охоты на медведей. Такого медведя держали в чуме и называли его *ман иямы* — «мой сын», иначе «он сердился и плохо приручался». Такие, выращенные дома медведи, по рассказам селькупов, бросались на охоте на диких медведей. Во время драки медведей охотник легко убивал дикого.

Держали в чуме и диких птиц — утят и гусят. Гуси приручались настолько, что, будучи выпущены из клетки на волю, они хотя и улетали на воду, но непременно возвращались домой. Осенью, когда выпадал первый снег, их убивали. Иногда воспитывали кедровку и кукшу — обе они хорошо приручаются. Обычай выращивания этих птиц можно объяснить пережитками тотемистических воззрений селькупов. Кедровка до недавнего времени считалась родоначальницей фратрии и рода Коссыль-тамдыр. Кукша считалась священной шаманской птицей. Изображения ее встречались на одежде шамана и в виде подвесок на бубнах. Выращивали также орлов для получения от них перьев для стрел.

Вторым по значению в хозяйстве селькупов являлся рыбный промысел. У южных, нарымских, селькупов промысел этот играл бóльшую роль, чем у северных, тазовско-туруханских. Предметом добычи являлись лососевые и сиговые (осетр, нельма, омуль, муксун, стерлядь, чир, налим, щука, карась, окунь, язь и др.).

Рыбный сезон прежде открывался «малым промыслом». Промысел этот начинался после возвращения с «белковки» и длился до спада воды,



Принадлежности охоты

1 — лыжи, подклеенные камусом; *2* — способ распяливания шкур при сушке; *3* — лыжный посох и ручка лыжного посоха (из оленьего рога); *4* — колесо лыжного посоха; *5* — кулема — ловушка на медведя; *6* — черкан — ловушка на горностая; *7* — петля на куропатку и зайца

т. е. до обнажения песков. С этого времени приступали к «большому промыслу»: все рабочее население из зимних селений переходило на «пески» и добывало здесь рыбу сетями (пущальнями) и неводами, заготавливая ее впрок.

Из орудий рыболовства была распространена у селькупов ставная сеть, можно считать, что она была в обиходе еще у саянских самодийских племен, из языка которых объясняется селькупское название пущальни — *поккы*. Лов рыбы запором (*кинчи*), повсеместно известный селькупам, бытовал, в частности, и у камасинцев. В то же время есть все основания предполагать, что этот способ лова применялся и приречными насельниками древних землянок карамо.

Кормление прирученного орла

Нарымские селькупы ставили на озерах жерлицы на щуку и других рыб. Жерлица — это большие поплавки с крючками. Очень распространено было уженье рыб удой (*пуп*). В прежнее время крупную рыбу добывали также острогой. Выезжали на реку ночью с огнем; две лодки соединяли вместе и на носу зажигали берестяные факелы; ловцы, стоя, били рыбу острогой. Существовал еще один способ добычи крупной рыбы — стрельбой из лука. Для более верного попадания кончик стрелы при стрельбе погружали в воду.

Оленеводством занимались, как указывалось выше, только северные селькупы, у нарымских оно отсутствовало. Перед революцией тазовские селькупы, имеющие 200—300 оленей, считались богачами, у большинства было от 1 до 20 голов, а туруханские селькупы были почти все безоленными.

Селькупы, в отличие от ненцев, не употребляли пастушеской собаки; пастьба оленей вообще практиковалась редко. Даже зимой, когда хозяин пользовался оленями и для транспорта и для забоя, оленей не пасли. Вечерами оленей отпускали на волю, и они бродили без пастуха, а утром сами собирались к юрте. Для того чтобы олени не уходили далеко, особенно в период наста, на ноги нескольких оленей в стаде надевали деревянные «башмаки» (*мокта*). Летом оленей отпускали; с наступлением комарной поры олени собирались в стада, уходили в лес и их совсем теряли из виду. Только осенью, после окончания лова рыбы, хозяева начинали разыскивать своих оленей по их следам на земле, по кожице от рогов, застрявшей на ветках деревьев. Выслеживали их так же, как выслеживают всякого дикого зверя. Так, «охотясь за своим стадом», селькуп в конце концов собирал основную массу оленей. Обычно хозяин, найдя

Перевозка хвороста

чужого оленя, извещал о своей находке владельца и при случае возвращал ему оленя. Узнавали принадлежность оленя тому или иному хозяину по метам на ушах оленей. Иногда мету делали на боках оленя, выстригая шерсть. Отдельные хозяева, преимущественно туруханские селькупы, летом строили из коры для оленей примитивные сараи, где разводили дымокуры и собирали в них оленей, охраняя от комаров.

У северных (тазовско-туруханских) селькупов ездовыми животными были олени и собаки, у нарымских — собаки и лошади. Езду на оленях в санной упряжке селькупы заимствовали от своих северных соседей — ненцев. В этой связи интересно отметить, что у селькупов сохранилось предание, повествующее о заблудившемся в «чужой земле» селькупе, который повстречался там с *олыкытыль куп* — «безголовым человеком». У этого «безголового человека» селькуп выменял на свой лук упряжных оленей.

Безоленные селькупы при ходьбе на охоту употребляли ручную нарту, на которой охотник вез продукты питания и боеприпасы. Ручная нарточка (*канджи*) по своей конструкции отличалась от оленной и была сходна с кетской. В эту нарточку в помощь охотнику иногда впрягали собаку. В большом употреблении были лыжи (*тангыш*), которые делали из елового дерева, выгибали их на особой раме и подклеивали оленьим камусом. В старину на подбивку лыж шла шкура выдры. Длина лыж достигала 1—1½ м, ширина 20—25 см. Ходили на лыжах с посохом (*тюры*).

По воде селькупы передвигались на долбленых челнах (по-русски «ветка» или «обласок», по-селькупски *анты* — «большой облас», *антока* «малый облас»). Челны делали из ствола кедра или осины. Они бывали разных размеров — на двух человек и больше (до 8—10 человек). Гребли одним веслом (*лапы*) ланцетовидной формы; на конце стержня весла имелась рукоятка в виде перекладины.

Северные селькупы ездили на ветке сидя; у нарымских широко практиковалась езда стоя.

Пища

До революции селькупы питались в основном рыбой. Рыбу солили и приготовляли из нее *порсу* (мука из сушеной рыбы) и юколу. Главная заготовка рыбы впрок происходила летом, во время «большого лова». Для приготовления порсы рыбу разделяли на части, поджаривали, сушили и толкли в ступах («начевках»). Отходы, получавшиеся при приготовлении юколы и порсы (кости, головы, печени), также использовались: в котлах вытапливали из них жир. Из желчных пузырей и печени рыб вытапливали желчь, которая шла на обработку замши; из осетровых пузырей

варили клей для склеивания луков и подбивки лыж. Раньше рыбу не солили, а квасили в ямах с ягодами; укладывали рядами рыбу, затем — пласт ягод (клюквы, брусники, морошки) и засыпали землей. Впрок заготовлялась боровая дичь, а также утки, гуси, куропатки.

На поймах рек селькупские женщины собирали дикий лук и копали специальной заостренной палкой сарану. Хлеб, чай, соль употребляли в прошлом преимущественно селькупы, жившие по рр. Обь и Кеть. Вместо чая обычно пили настой можжевельника. Из него же приготовляли хмельной напиток, прибавляя иногда молодые мухоморы.

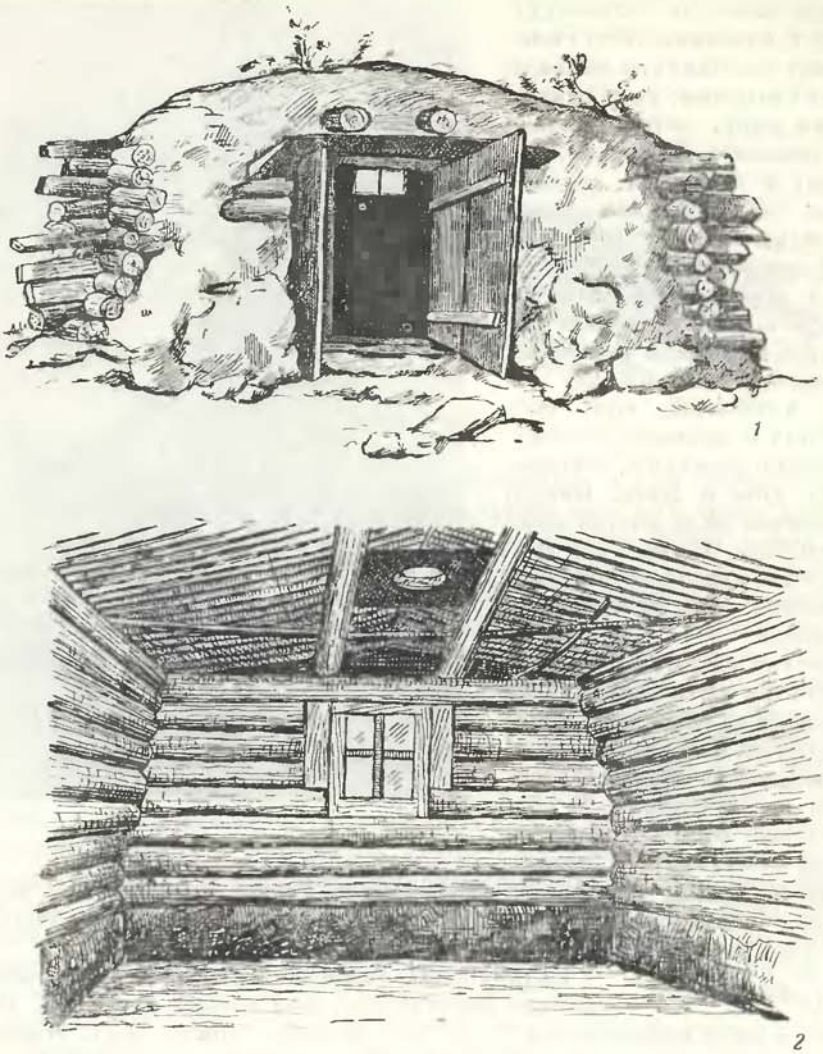
Охотник в челноке-вятке

Посуду селькупы, так же как ханты, изготовляли сами из дерева и бересты. Глиняная посуда, известная насельникам древних карамо, у селькупов отсутствовала. В обиход давно вошла привозная посуда — чугунные и медные котлы, чайники, сковороды; встречались также у селькупов тарелки, блюдца, чашки и т. п. В качестве мочалок, полотенец и т. п. употреблялись стружки березы (*шюр*).

Жилище

Селькупские селения располагались обычно на высоких берегах рек, при устьях притоков, проток, стариц и были невелики: от 2 до 10 землянок, домов, юрт. Жилые постройки ставились без плана, разбросанно. В нижнем течении Тыма имелись постройки русского типа; в низовьях р. Кети и на Тазу также можно было встретить разные типы жилищ: русские избы, землянки, полуземлянки, шалаши из древесных плах. Селькупские селения в Нарыме напоминали хантыйские селения наличием «хозяйственных амбариков» на сваях, предназначенных для хранения одежды, домашней утвари и продуктов.

Сохранявшееся еще недавно среди северных селькупов старое зимнее жилище представляло собой обложенный дерном и проконопаченный травой бревенчатый сруб, поставленный над четырехугольной ямой глубиной около полуметра. Иногда стены землянки (*чуль мат*) делали из жердей и даже из дранки. Против двери, навешанной на кожаных петлях, в землянке устраивалось окно (размером 25×40 см), в которое вместо стекла вставлялась льдина. По мере оттаивания льдину сменяли. Справа от входа, иногда против него, посреди землянки сооружался очаг — чувал (*шöнгаль*). Заднюю стенку его составляли поставленные несколько наискось полукругом жерди из хвойного дерева, обмазанные глиной. Жерди выводились на полметра над плоским накатом крыши землянки.

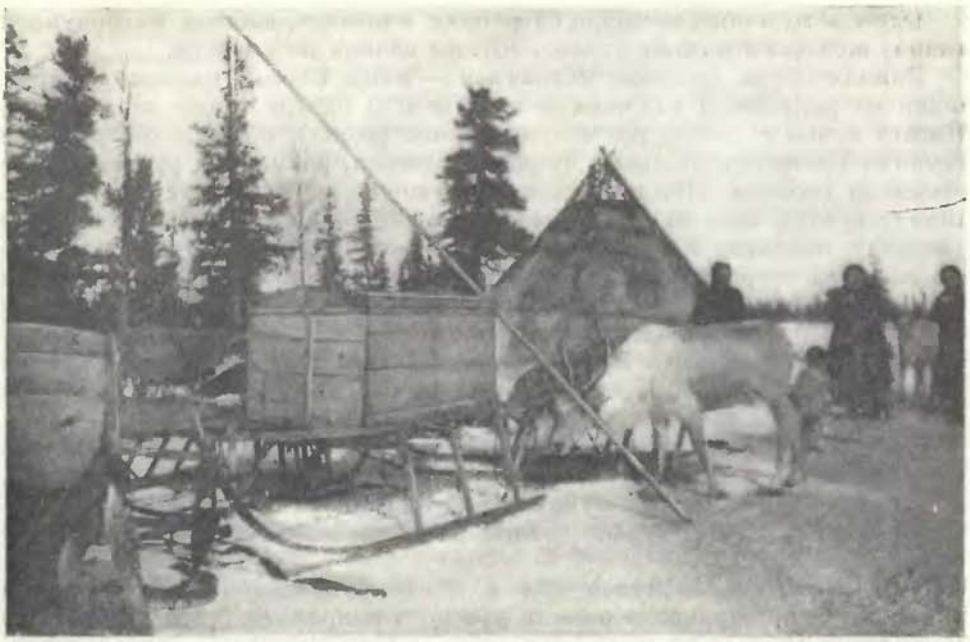


Землянка — старинное жилище

1 — внешний вид; *2* — внутреннее устройство

К этой основе чувала спереди приделывалось «чело» из части пришедшей в негодность ветки-обласа; возвышавшаяся над крышей часть обласа вместе с жердями чувала составляли отверстие-трубу для выхода дыма. Жилой площадью в землянке являлось все пространство от очага до стенки, в которой было устроено окно. Место между очагом и входом служило для хранения дров, пищевых припасов и т. п. Кроме таких жилищ у тазовско-туруханских селькупов существовало и другое зимнее жилище разборного типа. Это был заимствованный ими от ненцев чум с остовом из шестов, покрытым нюками (шкурами взрослых оленей). На большой чум (для большой семьи) шло 24—28 шкур. Шерсть со шкур, предназначенных на нюки, состригали. Шкуры для нюков собирали в течение нескольких лет.

Летним жилищем северных селькупов являлся берестяной чум. На этот чум шло 9 кусков тиски — сшитых в полотнища полос вываренной бересты. Во время летних кочевок на рыбалке селькупы жили также в крытых лодках.



Чум и нарты с ларями для перевозки имущества

Оседлые нарымские селькупы совсем не знали зимнего чума из шкур, а летний берестяной чум встречался у них редко. Постоянным жильем у них зимой служили землянки, полуземлянки и юрты (деревянные). Землянки и полуземлянки встречались довольно благоустроенные. Имелись полуземлянки с деревянным полом, остекленными окнами, с русской печью. Землянки бывали бревенчатые, жердяные, подобные имевшимся у тазовских и туруханских селькупов; сверху землянка обкладывалась дерном и засыпалась землей. На Кети селькупы жили в срубах, сложенных из тонких бревен, со слабо заделанными углами; срубы устанавливались без фундамента и были с земляным полом, без потолка. Избы крылись хворостом, дерном, корой. Внутри избы, как и в землянке, обязательно устраивался направо от входа чувал.

Летним жилищем нарымских селькупов были берестяные балаганы наподобие хантыйских. Встречались и конические шалаши из еловой коры. Так же как и у тазовско-туруханских селькупов, у нарымских летним жильем служила и крытая лодка. В летних жилищах всех типов очага не устраивали. Варили пищу, кипятили чай и прочее на костре под открытым небом. При продолжительном пребывании на одном месте женщины устраивали в «угоре» (в высоком берегу) в песке нечто вроде русских печей или делали около юрт печь из глины на помосте, над печью устраивали навес. В таких печах пекли хлеб. Зимой во время «белковки» охотники устраивали заслоны от ветра из еловых ветвей или вырывали в снегу ямы, в которых раскладывали костры.

Одежда

Характерной зимней верхней одеждой северных селькупов была парка (*паргы*) — открытая спереди шуба из оленьих шкур, сшитых мехом наружу. В сильные морозы поверх парки надевали сакуй (*соккы*), по своему покрою ничем не отличавшийся от ненецкого совика (глухой одежды из оленьих шкур, мехом наружу, с пришитым к ней капюшоном). Сакуй, заимствованный селькупами от ненцев, бытовал только как мужская одежда; парку носили и мужчины и женщины.

Одежда мужчины состояла из рубахи и штанов, сшитых из покупной ткани; женщины носили платье. Штаны делали из ровдуги.

Зимняя обувь северных селькупов — пимы (*пемы*), головки которых шили из камусов, а голяшки — из сукна, а иногда также из камусов. Вместо чулка служила расчесанная трава (осока), которой обвертывали ступню. Траву эту собирали пучками, сушили, разминали руками и расчесывали гребнем. Летом носили ровдужную обувь и русские сапоги. Шапку (*ӣкы*) в виде капора делали из «пешки» (шкурки новорожденного теленка), песцовых и беличьих лапок, из шкурок с шеи гагары. Повсеместно распространенным головным убором у мужчин и у женщин был платок, который носили в виде косынки или тюрбана. Летом мужчины носили платок, повязав под подбородком, или, свернув его жгутом, обвязывали вокруг головы. Рукавицы (*нопы*) северные селькупы шили из камусов мехом наружу. Одежда была очень бедна орнаментом. На ней не имелось ни меховых вышивок, ни бисерных украшений.

Лингвистический материал свидетельствует, что и верхняя одежда (парка), и штаны из ровдуги, и обувь (пимы), изготовляемая из камусов, и шапка в виде капора, и рукавицы из камусов — все это достояние материальной культуры, унаследованной современными селькупами от их саянских предков.

У нарымских селькупов еще в дореволюционное время получила широкое распространение одежда русского покроя. Селькупы на Оби и Кети шили ее сами из покупных тканей. Национальный покрой сохраняла только та верхняя одежда, которую шили из шкур. Зимой носили тулуп или (в верхнем течении Тыма) парку, но покрытую сверху вместо меха сукном. Головным убором у них служили или русские ушанки, или тунгусские капоры. Повсеместно вошли в обиход русские рубахи и брюки у мужчин, сарафаны, платья у женщин. Женщины подпоясывали сарафаны поясом, плетенным из цветных ниток. На поясе носили нож и наперсток. У мужчин единственным украшением в одежде был пояс. Пояс делали из кожи и украшали его металлическими бляхами. К нему подвешивали на цепочке нож в ножнах, украшенных орнаментом.

Праздничные рубахи и сарафан надевали поверх старой одежды. Старую одежду и белье носили обычно не снимая до полной их негодности. Нижнее белье носили редко. В Нарыме раньше рукавицы и летнюю обувь делали из кожи осетра и стерляди. Нарымские селькупки были большие мастерицы сшивать в различных сочетаниях беличьи и собольи лапки. Из искусно подобранных лапок шили шубы. Шуба из беличьих лапок была очень красива и прочна. Женщины работали над сшиванием этих шкурок по нескольку лет.

Мужчины и мальчики волосы стригли в кружок. Мужчины иногда носили одну-две серьги. Девушки вплетали в волосы цветные лоскутки, удлиняя этим косы; к косам они привешивалибляхи, бусы, бубенчики. Об этих девичьих украшениях у селькупов сохранилось следующее предание. В далеком прошлом у селькупов были особые юрты для мужской молодежи, в которых жили, отдельно от своих семей, юноши до зрелого возраста (до 17 лет), по обычаю не имевшие права видеть девушек своего рода. Однако услышав бренчание бубенчиков, блях, они знали, что это девушки пошли по воду, и звуки эти служили вызовом на свидание. Юноши тихонько пробирались к реке и встречались там тайком с девушками. Замужние женщины также носили две косы, но никаких украшений к ним не привешивали.

Новорожденных детей завертывали в тряпки — пеленки, в мех или шкурки оленьих телят и туго пеленали. В колыбель клали гнилушки березы, которые очень гигроскопичны, и часто их меняли.

Общественные отношения и религия

Уже в XIX в. основной общественной единицей у селькупов была территориальная соседская община, состоявшая из ряда родственных и неродственных между собой хозяйств, но в большой степени сохранявшая черты прежней родовой организации. Селькупский род состоял из группы родственников по мужской линии. Роды были объединены в экзогамные фратрии.

Северные селькупы делились на две экзогамные «половины» — фратрии: *лимбыль пелäккыль тамдыр* («орла половинный род») и *коссыль пелäккыль тамдыр* («кедровки половинный род»), каждая из которых делилась на ряд родов.

Тымские селькупы (чумыль-куп) в свою очередь считали себя принадлежавшими к «половине» *коссыль кула* — «окуневые люди» (р. Тым по-селькупски называется *коссыль-кы* — «окуневая река»). Эта «половина» делилась на роды: *коркыль-тамдыр* («медвежий род»), *кулäл-тамдыр* («вороний род»), *мулинт-тамдыр* («коршунов род»), *чингкыль-тамдыр* («лебяжий род»), *карэль-тамдыр* («журавлиный род»), *сэнгкыль-тамдыр* («глухариный род»). В XVII—XVIII вв., насколько мы можем судить по имеющимся историческим данным и преданиям селькупов, каждый род имел свою территорию. Охотничьи и рыболовные угодья, находившиеся на этой родовой территории, считались коллективной собственностью всех членов рода.

Река Тым в целом считалась собственностью всех проживавших на ней родов, и весенний лов рыбы производился в низовьях Тыма сообща, всеми родами, съезжавшимися к началу лова в центральный пункт — юрты Напас. Однако, как указывалось, в XIX в. селькупский род уже не представлял собой экономической единицы. Широко применявшийся в охоте и рыболовстве коллективный труд объединял группы хозяйств обычно независимо от родовой принадлежности. Традиции этого коллективного труда сохранялись у селькупов до недавнего времени. Наиболее распространенным видом коллективного труда являлся лов рыбы запором (или заколом), в сооружении которого обычно участвовало несколько хозяйств. Рыба, добываемая таким запором, подлежала коллективному распределению между всеми участниками сооружения запора. Селькупы нижнего течения Таза устраивали коллективную охоту на линных гусей, коллективные облавы на дикого оленя. У туруханских селькупов коллективный труд применялся при сооружении оленных сараев, в которых олени, принадлежавшие обычно нескольким хозяйствам, содержались в период, когда их необходимо было уберечь от оводов и комаров.

Существовала взаимопомощь; широко было развито гостеприимство, которое распространялось не только на сородичей, но и на членов других родов. Оказать приют гостю селькуп считал своим священным долгом.

Возникновение имущественного неравенства в селькупском обществе и появление начатков классовой дифференциации было связано с развитием обмена, приведшим к обособлению селькупской семьи в самостоятельную хозяйственную единицу. Первоначально, до проникновения к селькупам денежных отношений, обмен был натуральным. Объектами обмена были продукты промысла (разная пушнина, рыба, у северных селькупов — продукты оленеводства) и всевозможные изделия, среди которых видное место занимали лук и стрелы.

Со времени присоединения Сибири к России и проникновения в селькупское общество новых товарно-денежных отношений внутренний натуральный обмен все больше и больше вытеснялся обменом продуктов промысла (главным образом пушного) на привозные товары — разные

металлические изделия, в частности топоры, наконечники, ножи, котлы и др., мануфактуру, муку, чай, сахар, табак, водку и др.

Оленеводство туруханских селькупов никогда не было крупным: хозяйства с поголовьем свыше 20—30 оленей насчитывались единицами, и в связи с этим имущественная дифференциация среди этих селькупов была выражена значительно слабее, чем, например, у ненцев. Но несмотря на это, существовали определенно выраженные формы эксплуатации.

Наиболее характерными формами эксплуатации бедноты крупными оленеводами у северных селькупов были следующие: 1) раздача бедняцким безоленным и малооленным хозяйствам товаров, особенно продуктов питания и боеприпасов, «под промысел»; расплата за полученные в долг товары производилась добытой пушниной, причем цены на отпущенный товар и на пушнину устанавливались произвольно заимодавцем; 2) предоставление богачами бедняцким хозяйствам оленей на время промысла, расплата за пользование оленями производилась также добытой пушниной; 3) использование рабочей силы бедняка-сородича за прокорм: в большинстве случаев это были сироты, в раннем детстве лишившиеся родителей и воспитанные сородичами; в более отдаленном прошлом, во времена межплеменных войн, о которых рассказывают предания селькупов, это были попавшие в плен дети иноплеменников.

Хотя женщина в семье селькупов находилась в подчинении у мужа, положение ее не было приниженным: во многих отношениях селькупская женщина пользовалась теми же правами, что и мужчина. Так, например, она могла принимать участие в промыслах, в то время как у некоторых народов Крайнего Севера женщина не только не участвовала в промысле, но и не имела права прикасаться к орудиям лова во избежание неудачи на охоте, на рыбной ловле.

Система родства у селькупов — классификационная, такого же типа, что и у ненцев. Устойчиво сохранялись у селькупов идеологические связи рода. У каждого рода был свой родовой шаман, свое кладбище. В случае смерти селькупа на «чужой земле», сородичи были обязаны доставить его труп на «родную землю» и похоронить его на родовом кладбище. Хоронили селькупы в долбленых гробах, иногда в «ветках», закапывали в землю и на могиле делали сруб («домовину»). С покойным клали его имущество (все в сломанном виде). В преданиях упоминается, что прежде хоронили на деревьях (на кедрах).

Селькупы, хотя и считались официально крещеными, продолжали сохранять древние религиозные представления и обряды. Они верили в духа-«хозяина» леса (*мачиль лоз*), духа-«хозяина» воды (*ӣткыль лоз*) и т. п. Для того чтобы обеспечить успех в промысле, «хозяину» леса и «хозяину» воды приносили жертвы.

Добрым началом было, по представлению селькупов, божество Ном (Нум), злым началом являлся подземный дух Кызы. У этого Кызы имелось множество духов-помощников, которые, «как ветер», проникали в человеческое тело даже через кожу и вызывали болезнь, поедая тот или иной орган. Они вселялись в человека в виде червяка или насекомого и двигались по кровеносным сосудам. Поэтому шаман, приступив к лечению больного, задавался целью выгнать из его тела непрошенного гостя. Духи (*лозы*) шамана начинали «гонять» в человеке злых лозов, стараясь выгнать их на поверхность тела. Со смертью человека погубившие его лозы не гибнут, а «на ветер ходят» и проникают в другого человека. Причина болезни объяснялась и тем, что злой дух якобы похищал у человека одну из его душ. В таких случаях шаман отправлялся на поиски похищенной души; если ему удавалось разыскать ее и водворить обратно, больной выздоравливал, в противном случае он умирал.

Одним из своеобразных обрядов в шаманстве селькупов (существовавшим также у кетов) была церемония «оживления» бубна и других предметов шаманского облачения. Селькупы считали, что бубен является оленем, на котором шаман совершает свои путешествия на небо или в подземный мир. Для того чтобы совершать эти путешествия, шаману необходимо оживить свой бубен. Церемония «оживления» бубна приурочивалась обычно к весеннему перелету птиц и продолжалась десять дней. Центральным моментом церемонии считалось путешествие на юг, в страну, «где светят семь солнц, где камень до неба достает». Эту дорогу шаман совершал будто бы на олене, из кожи которого сделан был «оживляемый» бубен. Приближаясь к цели своего пути, шаман начинал сильно потеть; это служило указанием на жаркий климат той «каменной земли», которую он посещал. Церемония заканчивалась всеобщим пиром и кормлением идолов, олицетворявших духов-предков. В этой церемонии нашли свое отражение представления, связанные с конкретной историей селькупов. Взятая в целом церемония может рассматриваться как обряд почитания предков селькупов, живших в высокогорной стране, на юге (на Саянах).

По представлению селькупов, шаманский дар обязательно передавался по наследству. Обычно один из сыновей наследовал этот дар от отца, матери или деда. В шаманстве селькупов видную роль играли сексуальные мотивы. По представлению селькупов, молодой шаман вступал в сексуальную связь с *мачил лозыт нäля* — дочерью «хозяина» леса.

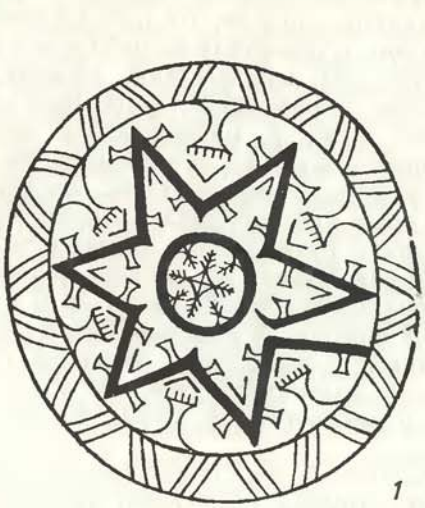
Фратриальные и родовые названия: «орлиный», «кедровый», «медвежий», «лебяжий», «журавлиный» и «глухариный», говорят о некогда существовавших у селькупов тотемистических представлениях. Об этом свидетельствует также наблюдавшийся до последнего времени среди селькупов обычай приручать таких бесполезных птиц, как кедровка. Выращивали также и орлят. У северных селькупов кедровка называлась братом всех членов рода кедровки, а орел — братом всех членов рода орла. Одна из селькупских поговорок гласит о том, что член рода кедровки не имеет права убивать кедровку — члена рода — своего брата.

У селькупов существовали специальные жертвенные места — святилища, связанные с определенными родами и фратриями. Остатки этих святилищ в виде небольших бревенчатых срубов — амбарчиков (*лозыль сэссан*) с установленными внутри родовыми шайтанами (*парга*) встречались на р. Тым в глухих уголках тайги до самого последнего времени. В эти амбарчики до 1930 г. приносили в жертву духам предков серебро, ценные ткани и пушнину. Недалеко от юрт Пылькарамо стоял амбарчик «медвежьего рода» с латунным изображением родоначальника — медведя.

Народное творчество

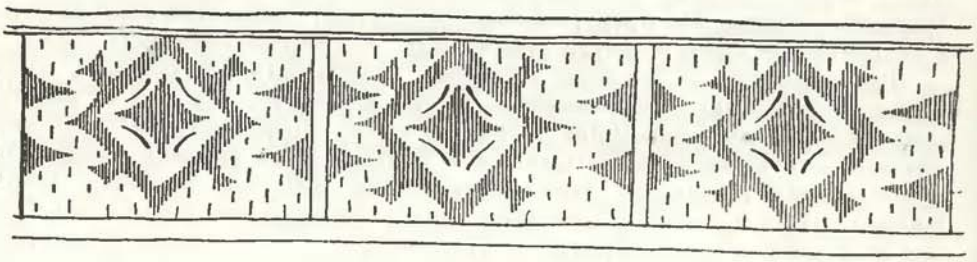
Традиционное поэтическое творчество селькупов представлено преданиями (*тентыль*), сказками (*чаптä*), загадками (*нӱркытсä*) и шутками-поговорками. В традиционном фольклоре занимают большое место повествования о всевозможных приключениях героя, о его столкновениях со злыми духами — «хозяевами» стихий. Несмотря на все свое коварство в борьбе с человеком, злые духи всегда оказываются побежденными. Предания селькупов повествуют о войнах, которые предки их вели с ненцами и эвенками; у нарымских селькупов сохранились предания о войнах с татарами. Союзниками селькупов, по этим преданиям, выступают кеты и ханты. Самым широким распространением среди селькупов пользуется сказка. В фольклоре селькупов содержится много указаний на старые, давно отжившие свой век верования и связанные с ними культы.

Изобразительное искусство у селькупов представлено орнаментом на берестяной посуде, дверцах летних чумов, костяных частях упряжи.



1

2



3

4

5

Орнамент и музыкальные инструменты

1—3 — образцы орнамента на изделиях из бересты; *4* — варган — губной музыкальный инструмент из оленьего рога; *5* — игра на варгане

В основе своей селькупский орнамент геометрический (треугольники, кружки). Более разнообразна орнаментация, встречающаяся на берестяной посуде у нарымских селькупов, которые, повидимому, восприняли ее от своих соседей хантов. Орнамент на расшитых цветным сукном нарукавниках у северных селькупов в большинстве случаев заимствован от ненцев.

У нарымских селькупов старинным музыкальным инструментом был семиструнный «лебедь»; широко был распространен варган — костяная пластинка с вибрирующим язычком. Варган служил также женским шаманским инструментом и заменял шаманке бубен. У северных селькупов единственным музыкальным инструментом являлся шаманский бубен.

СЕЛЬКУПЫ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

После того как в западных районах Сибири была свергнута власть Колчака (1919 г.), в местах расселения селькупов утвердилась власть Советов. Одним из первых мероприятий советской власти в Сибири было кооперирование населения. В своем кооперативе селькуп мог получить необходимые ему боеприпасы, рыболовные снасти, продукты питания. Расчет за полученные товары производился по установленным на промысловую продукцию расценкам. Это явилось могучим фактором в деле подъема бедняцкого хозяйства; для маломощного охотника-рыболова отпала необходимость вступать в кабальные сделки со своими извечными эксплуататорами — кулаками и купцами.

В 1932 г. в Нарымском округе был организован Тымский национальный район с центром в сел. Напас. Район объединил 4 сельских совета: Напасский, Кананакский, Кулеевский и Ванжелькынакский. В 1950 г. район этот был упразднен.

Населению Тымского национального района был предоставлен ряд льгот; оно было освобождено от сельхозналога, содержание детей в школах-интернатах было отнесено на счет государства. С организацией национального района было предпринято переселение селькупов (чумыль куп'ов) из южных пределов Нарымского округа (с Кети, Парабели, Васюгана, Чаи и среднего течения Оби) на Тым — на территорию национального района. Одновременно с переселенцами селькупами в бассейн Тыма стали продвигаться русские, чулымские татары, ханты, коми-зыряне.

Заселение малообжитого в дореволюционное время Тыма имело в свое время огромное значение для дальнейшего хозяйственного и культурного роста коренного населения. В короткий срок были созданы простейшие производственные объединения (ППО), в которые вошли селькупы, ненцы, русские, ханты, эвенки и чулымские татары. ППО были организованы и у остальных селькупов, в том числе и у северных. По мере укрепления своего хозяйства эти простейшие производственные объединения преобразовались в артели с обобществленными основными средствами охотничьего и рыболовного промысла (лодками, неводами и пр.).

Различные мероприятия по сохранению запасов пушного зверя, запрещение хищнических способов лова, регулирование сроков промысла и пр., вооружение промышленников новыми эффективными орудиями добычи (ружьями центрального боя, капканами заводского производства и др.), а также новая организация коллективного труда значительно повысили производительность труда колхозников, способствовали увеличению доходов населения. В новых условиях четко определены и закреплены за отдельными бригадами промысловые участки. Бригадная организация

охотничьего промысла в колхозе позволяет обеспечить своевременный осмотр расставленных капканов, лучшую их эксплуатацию, что невозможно было сделать в одиночку.

Охотничьи бригады выходят в тайгу дважды: в первый раз на период октябрь—декабрь («малая дорога»), во второй раз — на период январь—март («большая дорога»). Семьи охотников остаются в поселках, а не идут вместе с охотниками в «большую дорогу», как это было прежде.

В районах расселения селькупов были организованы промыслово-охотничьи станции (ПОС). ПОС ведут учет запасов промыслового зверя, руководят работой охотничьих бригад, производят (наряду с кооперацией) снабжение охотников необходимыми товарами и приемку добытой пушнины. Примером работы ПОС может служить станция, созданная в с. Ванжелькынаке (верховья Тыма). Эта станция построила в глухой тайге промысловые избушки — базы для охотничьих бригад; на рр. Лимбыль-кы, Ванжель-кы и Пэджаль-кы она оборудовала промысловые базы, где имеются жилища для охотников, торговые пункты, бани, избы-читальни. Ванжелькынакская станция выпустила в верховьях Тыма ондатру. В настоящее время в бюджете колхозов тымских селькупов промысел ондатры составляет уже видную статью дохода. Наряду с промыслом ондатры Ванжелькынакская станция организовала на Тыме добычу крота и бурундука; в дореволюционное время зверьков этих тымские селькупы не промышляли.

В Красноселькупском и других районах Ямало-Ненецкого национального округа, где живут селькупы, также организованы ПОС. У селькупов приобрела товарное значение и продукция промысла дичи, как боровой (глухаря, тетерева, рябчика), так и водоплавающей (уток). В 1934 г. впервые начался у нарымских селькупов промысел кедровки, который был в свое время под строжайшим религиозным запретом.

Наряду с расширением охотничьего промысла начинает развиваться у селькупов и звероводство; создаются в колхозах зверофермы, питомники пушного зверя. В колхозе им. Смидовича (сел. Фарково Туруханского района) на звероферме разводят серебристых лисиц, песца, соболя. В колхозе им. С. М. Кирова Красноселькупского района Ямало-Ненецкого национального округа имеется крупная звероферма, организованная в 1940 г. На этой звероферме колхозники селькупы успешно выращивают серебристых лисиц. Руководит зверофермой известная в округе звероводческая селькупка Варвара Калина. Эта звероферма снабжает колхозы района племенными лисами. В 1952 г. были созданы зверофермы серебристых лисиц в ряде колхозов Пуровского района.

В прошлом рыболовство у большинства селькупов имело подсобное значение. Только те селькупы, которые жили по Оби и устьям больших ее притоков, имели основным промыслом рыболовство. В настоящее время ряд укрупненных смешанных ненецко-селькупских колхозов в Красноселькупском и Пуровском районах и русско-селькупских колхозов в Каргасокском и Колпашевском районах, имеет рыболовецкое направление. Повсеместно производятся мелиоративные работы — очистка сильно засоренных русел рек, благодаря чему стало технически возможным широкое применение наиболее эффективного орудия лова — невода. Прежде неводы были мало распространены среди селькупов, так как из-за своей высокой стоимости они были доступны только отдельным зажиточным хозяйствам. Подавляющая часть рыбацкого населения пользовалась более дешевыми, но и гораздо менее эффективными орудиями добычи — пущальнями, переметами и т. д. В настоящее время колхозы обеспечены неводами, часто очень крупных размеров. В колхозном рыболовецком хозяйстве появились моторные лодки, позволяющие обеспечить быструю

доставку добытой рыбы на засольные пункты, организовано также снабжение рыбаков необходимыми продуктами и инвентарем.

С первых лет советской власти селькупам оказывалась большая помощь в развитии их оленеводческого хозяйства. В сельских советах выделялись средства, так называемые оленные фонды, для закупки оленей у многооленного населения и снабжения ими на льготных условиях безоленных и малооленных хозяйств. Ныне в колхозах северных селькупов оленеводство получило значительное развитие. У селькупов-единоличников оленеводство имело лишь подсобное значение, обеспечивая потребности транспорта, в настоящее время оно служит колхозникам источником мясошкурной продукции.

Колхозный строй дал селькупам-оленеводам возможность рационально организовать пастьбу стад в летнее время. В условиях единоличного хозяйства селькупы, как указывалось, отпускали на лето своих оленей в тайгу без присмотра. В колхозах оленеводы огораживают пригодный для летнего выпаса участок тайги, на котором в нескольких местах разводят дымокуры, и постоянно караулят стадо.

В селькупских и смешанных колхозах ведется большая работа по увеличению поголовья оленей. Богатые ягельные пастбища Красноселькупского, Тазовского и Пуровского районов позволяют значительно развить оленеводство.

Нарымские селькупы, кроме основных промыслов — охоты и рыболовства, продолжают заниматься второстепенными промыслами: ореховым (кедровым), ягодным и др. С 1 августа начинается сбор кедровой шишки. Раньше на сбор шишки выезжали всей семьей и проводили на местах добычи до 2 недель. Для сбора орехов в настоящее время выделяются временные бригады. Шишку продолжают добывать старым способом, с помощью большого деревянного молота (колот). Молот длиной до 3 м крепко привязывают к стволу кедра на расстоянии около метра от земли. Веревкой, привязанной к верхней части молота, оттягивают его от ствола и затем веревку отпускают. Шишки от удара падают. В дальнейшем шишки сушат над кострами на помостах и выбивают орехи. Орехи раньше выбивали и просеивали вручную, а теперь эти процессы производятся в машинах-дробилках и особых ситах. Значительная часть орехов в настоящее время закупается кооперативными организациями.

Нарымские селькупы собирают чернику, смородину (черную), клюкву. Чернику и черную смородину селькупы научились сушить и сдают ее кооперативам в сушеном виде. Сушат ягоды в общественных печах для выпечки хлеба, имеющихся в юртах (поселках). Чернику, бруснику, клюкву собирают особой лопаткой — совком с зубьями в виде пальцев. Развивается у нарымских селькупов и сбор грибов. Ягодным промыслом и шишкованием занимаются и северные селькупы, но они имеют у них гораздо меньшее значение и носят только потребительский характер.

Колхозы северных селькупов, имеющие оленей, так же как и нарымские колхозы, имеющие лошадей, получают значительный доход от перевозки грузов, почты и пассажиров.

Нарымские селькупы имеют подсобные заработки на лесозаготовках и лесосплаве, в леспромхозах Каргасокского и других районов.

В колхозном хозяйстве селькупов развивается также земледелие и животноводство. Прежде земледелие и животноводство было знакомо лишь небольшой группе нарымских селькупов, но и здесь оно было весьма примитивным. В настоящее время многие колхозы нарымских селькупов (колхоз им. Смидовича, им. В. М. Молотова и др.) обзавелись скотом, имеют молочные фермы, огороды и посевы зерновых культур, разводят свиней. Колхозники имеют в личном пользовании коров и домашнюю птицу.

Первое радио у селькупов. 30-ые годы. Школа в пос. Янов-стан. Тазовская тундра

Во всех отраслях колхозного хозяйства успешно работают женщины селькупки, принимающие также активное участие в общественной жизни.

Процесс укрупнения местных колхозов, происходивший в 1951—1952 гг., способствовал дальнейшему развитию колхозного хозяйства. Укрупненный колхоз «Третья пятилетка» Тазовского района объединяет 75 селькупских хозяйств. Основные отрасли хозяйства — оленеводство, рыбный и пушной промыслы. Развивается здесь также коневодство и молочное животноводство. Колхозники селькупы выращивают картофель и овощи.

Во многих укрупненных колхозах совместно живут и дружно работают селькупы, ненцы, русские и др.

В настоящее время завершается процесс перехода к оседлости всех кочевых селькупских хозяйств. Каждому хозяйству, переходящему на оседлость, предоставляется государством кредит в сумме 15 тыс. руб. Половина этой суммы выдается как безвозвратная ссуда, другая половина выплачивается колхозником в течение 15 лет. Колхозникам для постройки домов бесплатно предоставляется строительный лес.

Развертывается строительство различных культурно-просветительных учреждений. В каждом колхозном поселке открываются медицинские пункты, школы, клубы, магазины и т. п.

Неузнаваемо изменились и старые селькупские поселки. Административный центр Тазовского района — с. Тазовское (б. Хальмер-Седе) — в настоящее время является культурно-хозяйственным центром; население его с 1940 по 1952 г. выросло в двадцать раз. Районный центр Красноселькупского района — с. Красноселькупск (б. Церковенское), расположенный в районе Тазовской губы, представляет собой благоустроенный, культурный поселок. В его районной библиотеке имеется более 5 тыс. книг. В доме культуры регулярно работает звуковая киноустановка, демонстрируются новые советские фильмы. В селе имеются больница

и амбулатория, где охотники и оленеводы получают квалифицированную медицинскую помощь.

Совершенно изменились условия сообщения и связи в малонаселенных в прошлом районах расселения селькупов. Красноселькупск имеет постоянную связь с окружным центром — г. Салехардом (водную — летом и воздушную — зимой), туда регулярно доставляются свежие газеты, книги, журналы, почта. В прошлом долина Тыма была почти отрезана от внешнего мира: летом сюда проникали только на лодках или на обласках, зимой — на лыжах. Регулярной почтовой связи в дореволюционное время население Тыма, конечно, не знало. Ныне в местах расселения селькупов налажена регулярная почтовая связь, пассажирское сообщение — зимой оленным транспортом, летом по рекам. У нарымских и тазовско-туруханских селькупов широко распространилась лодка русского типа (*алако*), часто с мачтами для паруса и бичевы, с каютой, покрытой брезентом, берестой или лиственничной корой.

Большие перемены произошли в быту селькупов. Уютные теплые дома во многих колхозных поселках освещены электричеством; изгнаны из нового жилища вековые копоть и грязь, характерные для старых чумов. Еще недавно (в 1930-х годах) селькупы, привыкшие сидеть поджав ноги на земляном полу своего чума, с трудом осваивали непривычную для них мебель — стулья, табуреты. Ныне везде в селькупских домах обычной стала различная мебель. Редкий поселок не имеет своего радиоузла. Изменилась одежда селькупов. Вместо ровдужных штанов и рубах повсеместно вошли в быт белье, платья, костюмы из фабричных тканей. В качестве промысловой одежды широко распространен ватник. Селькуп-охотник часто надевает ненецкую малицу. Головные платки сохранились только у стариков. Молодежь носит фуражки, кепки и меховые головные уборы.

Пища селькупов стала значительно разнообразнее. Обычным стало потребление овощей и молочных продуктов. Повсеместно освоено печение хлеба и других изделий из муки. У северных селькупов с развитием оленеводства, а у южных — животноводства оленье и коровье мясо приобрело большое значение в пищевом режиме. Сильно возросший материальный уровень колхозного населения, улучшение питания, изменение бытовых условий и распространение культурных навыков, здравоохранение — все это значительно улучшило физическое состояние селькупов. В одном только Красноселькупском районе, где до революции имелся лишь один фельдшер, разъезжавший по всей Тазовской и Туруханской лесотундре, в 1953 г. насчитывалось более 30 медицинских, фельдшерских и акушерских пунктов, родильных домов, женских консультаций. Расходы на здравоохранение по этому району в 1952 г. по сравнению с 1945 г. выросли вдвое. В Туруханском районе в новом благоустроенном центре — с. Фарково, где еще в 1925 г. была одна фактория Госторга, сейчас в числе многих культурных учреждений имеется прекрасно оборудованная больница. В отдаленные районы выезжают врачи.

В дореволюционное время селькупы сплошь были неграмотны. Сейчас в каждом селении, где живут селькупы, имеется школа. В ряде районных центров работают школы-десятилетки. Во всех классах в нарымских селькупских школах преподавание ведется на русском языке, так как нарымские селькупы все хорошо владеют русским языком, а молодежь почти полностью утратила родной язык.

У северных селькупов (в Красноселькупском, Тазовском и Пуровском районах) имеется пять специально селькупских школ, кроме того, местные селькупы учатся и в смешанных школах. Обучение в первом классе начальной школы в первое полугодие проводится на родном языке, но уже

со второго полугодия начинается обучение русскому языку. Для северной группы селькупов создан букварь на родном языке. Северные селькупы также в огромном большинстве владеют русским языком. Однако, в отличие от нарымских, в их быту сохраняется родной язык, и дети, приходящие впервые в школу, в основном говорят на родном языке. В Туруханском районе Красноярского края селькупы учатся вместе с кетами, эвенками и русскими. В районе имеется 37 школ. В 1952 г. по сравнению с 1945 г. ассигнования на народное образование возросли более чем в два раза.

Во всех районах организованы школы рабочей молодежи. Взрослое малограмотное население селькупов обслуживается сетью школ для взрослых, проводящих свою работу в летний период. Много селькупской молодежи продолжает учебу в техникумах. В центре Колпашевского района Томской области, в г. Колпашево, и в г. Салехарде (Ямало-Ненецкий округ) имеются национальные педагогические училища, в которых учатся и селькупы. Растут кадры селькупской интеллигенции. В 1954 г. окончил курс в Ленинградском Государственном университете бывший фронтовик селькуп М. Мальков. В 1953 г. получила диплом эконом-географа селькупка Л. Тихомирова. Многие селькупы окончили в свое время Институт народов Севера в Ленинграде и работают сейчас на руководящей советской и партийной работе в округе и области.

В одном Красноселькупском районе в 1952 г. имелось 8 изб-читален, 4 сельских клуба, 5 сельских библиотек. Во всех районах работают комсомольцы-агитаторы, которые постоянно находятся в бригадах и звеньях, систематически ведут там массовую разъяснительную работу на родном языке среди рыбаков, охотников, оленеводов. Организовано культурное обслуживание промысловых бригад красными чумами.

КЕТЫ

Общие сведения

В XVII в., когда русские впервые пришли на Енисей, в бассейне среднего его течения обитал целый ряд племен, говоривших на языках, резко отличных от языков окружавших их тюркских, самодийских и тунгусских народов. Расселение этих племен можно представить себе по историческим источникам XVII—XVIII вв. следующим образом: по р. Кану (правый приток Енисея) были расселены *котты*, по рр. Усолке и Оне (левобережье нижнего течения Ангары) — *асаны*; на Енисее, в районе г. Красноярска, жили *арины*, выше их по правобережью Енисея до устья р. Тубы — *яринцы* и *байкотовцы*. Несколько родов этой языковой группы жило в районе г. Енисейска и в верховьях р. Кети. Наконец, ниже по Енисею и по его притокам Касу, Сыму, Дубчесу, Елогую, Бахте и по низовьям Подкаменной Тунгуски обитали предки современных кетов.

В последующее время, в XVIII и первой половине XIX в., почти все эти племена утратили свой язык, слившись с русским населением (котты), с эвенками (асаны), с тюркоязычными племенами, вошедшими в состав хакасского народа (арины, яринцы, байкотовцы) и др. Только наиболее северные племена — предки кетов — сохранили свой язык, и, таким образом, кеты являются в настоящее время единственными представителями перечисленной группы племен.

Наименование «кеты» образовано от слова «кет», буквально «человек», «мужчина» на языке этого народа (множ. ч. «денг» — «люди», «народ»). В начале XVII века русские называли кетов на р. Елогуй инбаками, а остальных — остяками.

Но уже в середине XVII в. название «остяки» распространилось на всех кетов. Кеты, жившие по рр. Касу, Сыму и Дубчесу, имеют особое общее название «югунь».

Кетский язык, как уже указано, вместе с исчезнувшим коттским, аринским и др., стоит изолированно среди языков всех других народов Сибири. Письменности у кетов не было.

В административном отношении территория расселения кетов входит в настоящее время в состав Туруханского и Ярцевского районов Красноярского края. В 1926 г. на кетском языке говорило 1225 человек. Почти все кеты знали наряду с родным и русский язык, а многие также и селькупский.

На всем протяжении своего расселения по Енисею кеты живут в тесном соседстве со старожильческим русским населением; на востоке они соседят с эвенками, на западе — главным образом с селькупами.

Вопрос о происхождении упомянутой выше группы племен, говоривших на языках кетской языковой группы, пока еще далеко не разрешен. Несомненно, однако, что их языковые связи ведут далеко на юг. Арины, яринцы, котты и байкотовцы в XVII в. были коневодами и скотоводами, знавшими также земледелие и плавку железа из руды. В материальной культуре современных кетов также обнаруживаются черты, указывающие на более южные традиции (одежда типа халата, техника кузнечного дела, близкая к тюркской, и др.).

В преданиях кетов упоминается о высоком непроходимом хребте, через который кеты проникли в Сибирь с юга. Кеты рассказывали также, что в то время, когда они жили далеко на юге, на них нападали тысьтади — горные («каменные») люди. Из-за них кетам и пришлось уходить дальше на север. Затем на них напал с юга могущественный народ килики, и они вынуждены были спуститься далее вниз по Енисею. Большинство названий притоков верховьев Томи может быть объяснено и переведено по данным кетского языка. Вместе с тем в культуре современных кетов преобладали северные элементы, характерные для охотников и рыболовов тайги (землянки, способы охоты и рыболовства, зимняя охотничья одежда и др.).

Очевидно, кеты сложились в результате взаимодействия древнего населения среднего Енисея с этническими элементами, распространившимися на север из более южных районов — области расселения коттов, аринов и других племен котто-кетской языковой группы.

Можно считать, что кеты вошли в состав Московского государства в 1607 г., когда в северном пределе их территории мангазейскими служилыми людьми было поставлено Инбатское зимовье, в котором с этого времени стали платить ясак кетские группы — инбаки, земшаки и богденцы. Позже мангазейскими же служилыми людьми было основано близ устья р. Дубчес Закаменное зимовье, где платили ясак «закаменные остяки». Кеты, жившие по рр. Касу и Сыму, с 1619 г. входили в Енисейский уезд, а до этого с 1605 г. они платили ясак в Кетский острог на р. Кеть.

Почти все современные кеты являются потомками инбаков, земшаков и богденцев XVII в. Но вместо прежнего своего деления на инбаков, богденцев и земшаков, уже в XVIII в. кеты разделились на волости: Подкаменно-Тунгусскую, Верхнеинбатскую и Нижнеинбатскую; эти волости сохранились вплоть до революции. В середине XVIII в. несколько семей кетов переселилось на Курейку и вошло там в состав местной селькупской Карасинской волости. Много кетов-земшаков в XVIII в. переселилось на р. Турухан и там, смешавшись с селькупами, восприняло селькупский язык и образовало селькупскую Баихинскую волость. «Закаменные остяки» с Дубчеса и кеты с рр. Сыма и Каса образовывали Сымско-Касскую волость.

Присоединение кетов к Русскому государству прекратило их военные столкновения с соседними народами и включило их в сферу влияния русской культуры. Но ежегодная выплата в ясак пяти и более соболей (до 12) и разные неофициальные поборы царской администрации подрывали их хозяйство. Эпидемии, особенно оспы, приводили к заметному сокращению их численности.

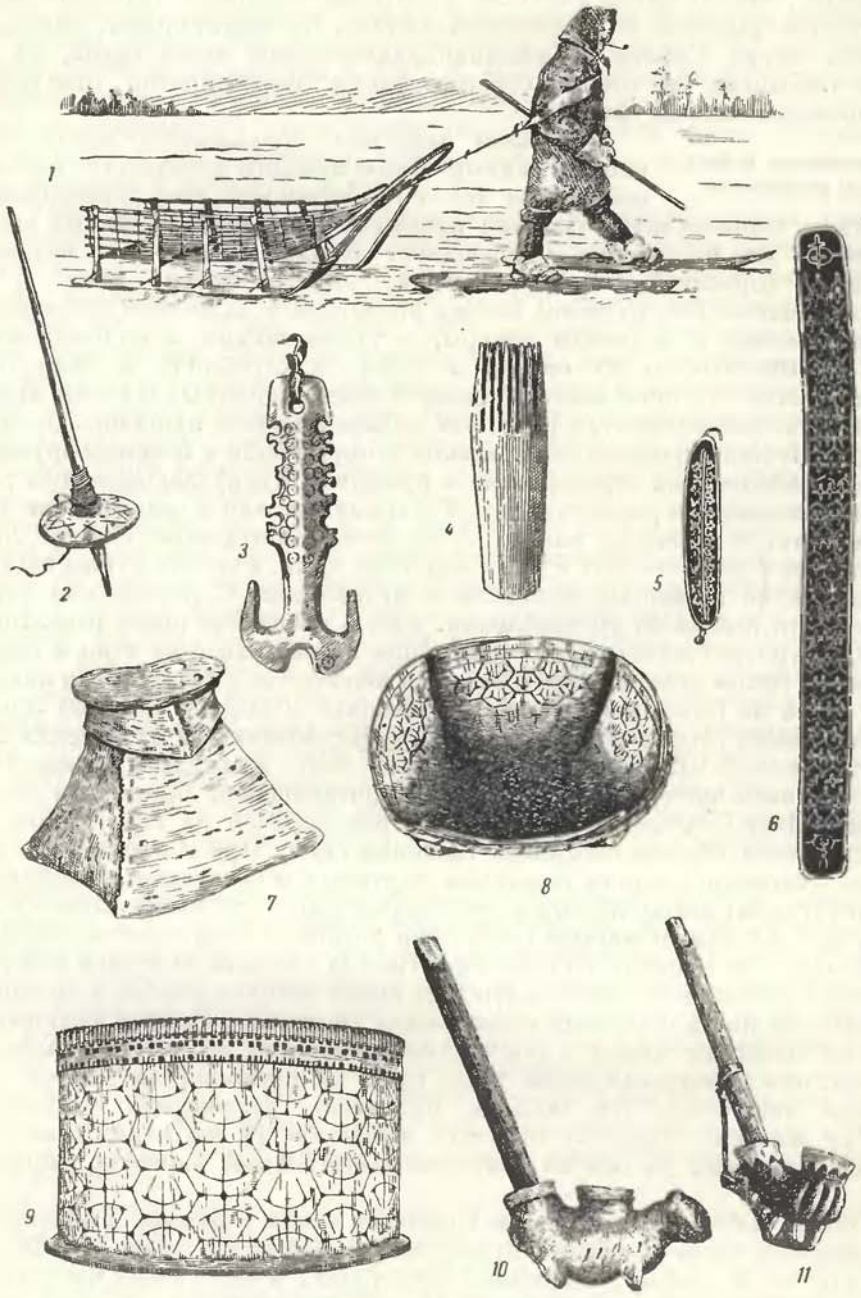
Главной отраслью безоленного промыслового хозяйства большинства кетов уже давно, с XVIII в. по крайней мере, стала добыча товарной пушнины. Поэтому издавна хозяйство большинства кетов перестало быть

натуральным и целиком зависело от скупщиков пушнины, которые одновременно занимались также торговлей предметами первой необходимости, охотничьим и рыболовным снаряжением и систематически спаивали население. Много кетов работало у купцов, кулаков, особенно часто в качестве рыбаков в Енисейском заливе. Исключительное, даже для старого севера Сибири, обнищание значительной части кетов, их частые голодовки и тому подобные факты неоднократно отмечались в дореволюционной печати.

Хозяйство и быт до революции

Основным занятием большинства кетов была охота. Главный объект пушного промысла — белка — составляла 80—90% стоимости всей добывавшейся пушнины. Сильнее всего беличий промысел был развит у южных кетов; к северу он постепенно уменьшался. Кроме белки, кеты добывали колонка, горностая, лисицу, соболя, дикого оленя, лося, а на севере и песца. Вся пушнина кетами продавалась. Для себя оставлялись только заячьи и медвежьи шкуры, а также шкуры и большая часть мяса добываемых диких оленей и лосей. Употребляли в пищу кеты также птичье и беличье мясо. Но добыча диких копытных и птицы играла в хозяйстве кетов меньшую роль, чем добыча товарной пушнины. Орудием добычи служили прежде луки и стрелы, которые были и военным оружием. Острые наконечники стрел (позже и ружейные пули) обмазывались ядом из разложившегося рыбьего жира. В старину кетские и селькупские луки под названием остяцких славились по всему Енисейскому Северу; лишь на востоке конкурировали с ними якутские луки. Русские купцы ввозили кетские луки к ненцам, долганам и нганасанам. С появлением ружей луки почти вышли из употребления. Уже в последние перед революцией годы они употреблялись очень редко — при летней охоте на птиц и зимней на белок. Летом промышляли в большом количестве уток во время линьки. При охоте на белку и глухаря пользовались собаками. Соболей ловили специальными сетями с колокольцами, заимствованными от русских промышленников XVII в. Попав в сеть, соболь бился и запутывался еще сильнее. На звон колокольцев приходил притаившийся охотник и душил соболя. Лисиц добывали самострелами или травили их стрихнином. На диких оленей больше охотились северные кеты. При коллективном промысле охотники уходили большими партиями в безлесные пространства болот (тундры) между лесами и оттуда, идя цепью, загоняли оленей в лес. Там, на глубоком и мягком снегу, они догоняли животных на лыжах и закалывали их копьями или ножами. Иногда убивали из ружья или лука самцов диких оленей, прибегавших во время осенней случки к домашним оленям. На лосей охотились несколькими способами. Осенью выкапывали ямы на звериных тропах в тайге, зимой гонялись за ними на лыжах, а весной, при переправах лосей через реки, их промышляли с веток (долбленых челноков). На медведя охотились коллективно с ружьями. Шкуру животных получал охотник, выследивший его первым, мясо потреблялось всеми на особом, имевшем религиозный характер, празднестве.

Второе место после охоты в хозяйстве кетов занимало рыболовство. У северных кетов (особенно курейских) рыболовство даже преобладало над охотой. У южных, подкаменно-тунгусских и елогуйских кетов основным орудием лова была крючковая снасть — самолов, у северных — сеть-пущальня, имевшая на юге второстепенное значение. Кроме того, приенисейские кеты заимствовали у русских невод. Самоловом (снастью из 30—40 железных крючков, привязанных на длинной веревке), отличающимся от перемета отсутствием наживы, добывали обычно стерлядей. Весной в маленьких речках устраивали запоры с «мордами». Зимой в не-



Предметы быта

1 — нарта пешего охотника; *2* — веретено; *3* — костяной крюк для подвешивания колыбели; *4* — костяной гребень для расчесывания травы; *5* — матерчатая орнаментированная подвязка мужской обуви; *6* — матерчатый орнаментированный мужской пояс; *7* — берестяной короб; *8* — берестяное блюдо; *9* — круглая берестяная коробка; *10, 11* — курительные трубки

больших ручейках сооружали земляной вал, перегораживавший ход рыбе из мелких мест в глубокие. Осенью, с наступлением темных ночей, били рыбу острогой. Два или три рыбака выезжали на лодке с берестяным факелом. Один из них держал наготове острогу, чтобы пронзить освещенную спящую рыбу, остальные гребли. После замерзания рек рыбачили сетями или удочками в прорубях.

Оленей имело раньше только около 40% кетских хозяйств. Оленеводство кетов было очень примитивно. Весной, в начале рыболовного сезона, когда олени в качестве ездовых животных становились ненужными, кеты, как и селькупы, отпускали их в лес, где они и находились в течение всего лета без всякого присмотра. Иногда оленей отпускали даже до отела, и отел происходил, таким образом, без всякого надзора. Только кеты, жившие в районе Туруханска и с. Верхнеимбатского, сооружали для защиты животных от комаров сараи, куда загоняли оленей, и разводили дымокуры.

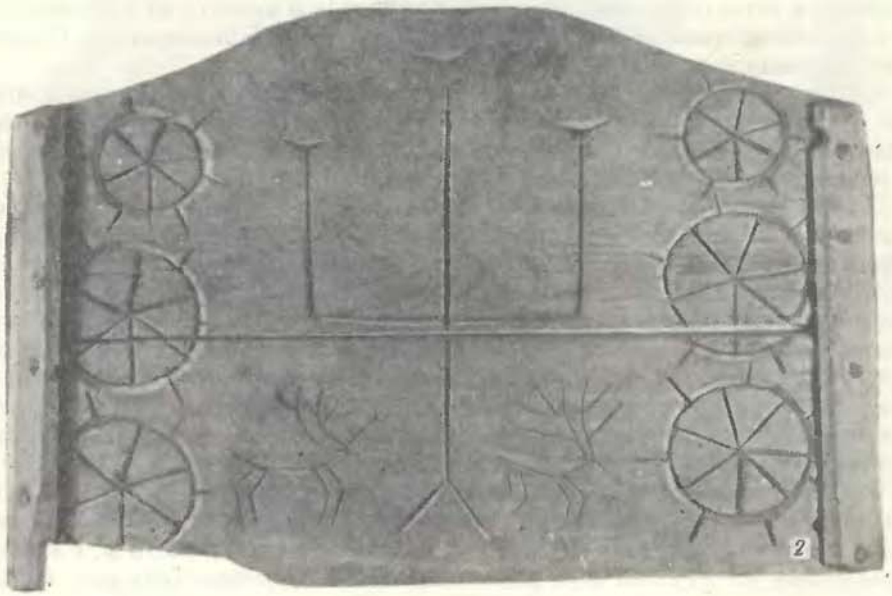
Приобретаемая у русских на выручку от продажи пушнины мука уже давно стала основой питания кетов. Из нее кеты пекли на костре или в золе лепешки. Иногда делали и небольшие печи, в которых сами выпекали хлеб. Часто примешивали в тесто сырую рыбу. Варили изредка кашу из муки на воде, иногда с прибавлением порсы. Мясо (оленя, лося, белки и др.) ели только вареным, навар пили.

Сырую рыбу поджаривали, нанизав на рожон. В теплые летние дни рыбу вялили на специальных вешалах. Из вяленой рыбы приготовляли порсу: раскладывали провяленную рыбу на полосы выделанной бересты (тиски) и размельчали ее ударами большой деревянной колотушки. Из стерлядей готовили варку: варили их в котле до тех пор, пока не выкипала вся вода и не получалась густая кашица. Из внутренностей рыб вываривали жир. Летом питались утками, зимой куропатками. Уток и рыбу в жаркое время сохраняли в яме глубиной в 1 м. Их клали туда, очистив от внутренностей, слоями, отделяя один слой от другого настилом из травы. Сверху все это покрывали берестой и землей. Порса хранилась в мешках из налимьей или щучьей кожи; для хранения других продуктов пользовались берестяными корзинками и туясками.

Растительной пищи кеты сами почти не добывали. Весной, при появлении у лилейных растений зеленых побегов, выкапывали специальными палочками луковицы, которые ели сырыми или вареными. Ягод не ели, за исключением морошки, которую варили с рыбьим жиром.

Олень служил транспортным животным у северных кетов только зимой. Оленей запрягали в нарты ненецкого типа; верхом кеты не ездили. Упряжь у кетов ненецкая (с передовым оленем слева). Упряжного собаководства кеты не знали. Летом впрягали одну или двух собак в лодку, и они тянули ее вдоль берега. У южных кетов зимой на охоте одиночные собаки тащили небольшие нарты, следуя за человеком, идущим на лыжах. Обычно охотник сам впрягался в нарту, помогая собаке тащить кладь. При зимних кочевках пользовались иногда волокушами из оленьих шкур. В шкуру помещали разные вещи, обвязывали ее веревками и впрягали оленей или собак; иногда впрягались сами.

Средствами водного передвижения служили долбленые челноки-однодеревки из осины (ветки) с однолопастным коротким веслом, дощатые лодки и илимки. Илимки — это большие лодки, длиной до 15 м, с крытым помещением из прутьев и бересты. Крытое помещение делилось перегородкой на две части: передняя — жилье, задняя — склад. На середине илимки устанавливалась длинная мачта, украшенная железным трезубцем или вымпелом. Илимку тянули по реке, вдоль берега, люди и собаки, веслами пользовались только при переправах; при ветре устанав-



Оленный транспорт

1 — езда на оленях; *2* — задняя доска женской пешей нарты

Лодки-илимки, служившие летним жилищем

ливали парус. Внешне илимка с крытым жильем на ней и мачтой напоминала китайский сампан. Тяжелые илимки применялись для дальних переездов всем хозяйством, удобные и легкие однодеревки — для сообщения между стойбищами. Илимки имели подкаменно-тунгусские и елогуйские кеты, у северных кетов их не было. Ветки-однодеревки и дощатые лодки распространены среди всех кетов.

На зимней охоте употреблялись лыжи, при твердом снеге узкие, на мягком, весеннем, широкие. Лыжи с нижней стороны подклеивали оленьими или лошадиными камусами. Употреблялись и голицы, т. е. лыжи без камусов.

Раньше весной, летом и во вторую половину зимы кеты жили в конических чумах диаметром от 3 до 4 м. Особенностью конструкции кетского чума было скрепление шестов летнего чума деревянным обручем, привязанным веревками на высоте 1.5 м. Остов покрывался так называемыми тисками — сшитыми полосами выделанной бересты, длиной 3 м и шириной 1 м, легкими и непроницаемыми для воды. Тиски простречивались нитками и имели иногда деревянные перекладины для прочности. Вход в чум завешивали отдельным орнаментированным куском бересты. В середине чума раскладывали костер. Над ним устраивали из палок треножник с деревянным крюком для подвешивания котла и чайника.

Летом на местах рыбного промысла кеты устраивали иногда особые шалаши. Таловые прутья втыкали в землю двумя параллельными рядами. Вершины каждой пары прутьев из обоих рядов связывали. Полученный таким образом короткий сводчатый коридор переплетался еще несколькими горизонтальными талинами и покрывался тисками. Дверь устраивали на одном из концов коридора, тогда как другой конец завешивали тисками. Костер разводили снаружи, перед входом. Этот принцип сводчатого шалаша лежал также в основе жилища, устраивавшегося на илимках.

Жилище

1 — общий вид поселка; *2* — землянка

В северных районах и зимой жили в конических чумах, но покрытых вместо тисок оленьими шкурами, с железной печью вместо очага.

Южные, подкаменно-тунгусские и елогуйские, а в более отдаленном прошлом и северные кеты осенью, когда замерзали реки, устраивали на зиму землянки. Это были четырехугольные ямы, глубиной 0.5 м, шириной и длиной в 3—3.5 м. Наземную часть землянки образовывал двускатный остов крыши из бревен и жердей, покрытый сучьями или полосками бересты. Все это засыпали землей, оставляя в крыше только отверстия для трубы и света. Небольшой очаг делали из обмазанных глиной жердей и плах. Во время зимней охоты в таких землянках жило несколько семейств. Около землянок северные кеты устраивали конические кладовушки из жердей, крытые хвоей и корой. В них хранили продукты и различную утварь. Летом зимние вещи хранили в бревенчатых амбарчиках на сваях. Для защиты от наводнения их устраивали на высоких местах. К хозяйственным постройкам кетов относились также лабазы — широкие помосты на столбах высотой около 1.5 м, устраивавшиеся в тайге и служившие для хранения продуктов и различного имущества.

Одежду кеты еще до революции шили преимущественно из покупных тканей и сукна (зипуны) и из шкур домашнего и дикого оленей. Материалом для одежды служили также заячьи и беличьи шкурки.

Летний мужской костюм состоял из короткого, до колен, суконного халата — *котлям* (от *котл* — «сукно»), запахивающегося справа налево, с характерными нашивками из тесьмы на плечах и по бортам, из матерчатых штанов, суконных или шерстяных чулок до колен и кожаной обуви — чирков, часто окрашенных отваром ольхи в красноватый цвет. Зимой халат заменялся такого же покроя шубой на заячьем меху — *бесем* (от *бесь* — «заяц»), а чирки — камусной обувью с длинными суконными голенищами. Внутри обуви были стельки из мягкой травы, расчесанной специальным гребнем. Зимние шубы-халаты по бортам и подолу обшивались лапками белок и других мелких животных в виде широкой (в 3—4 пальца) меховой каймы. Пояса были из материи, орнаментированные шитьем из оленьего волоса. Халат и шуба запахивались и подпоясывались. Эта халатообразная кетская одежда резко отличается по покрою от одежды всех народов Восточной Сибири и сближается с одеждой южно- и западносибирских народов. Но, кроме халата и шубы, у кетов была зимняя парка (*хагыт*), короткая, с завязывающимися спереди полами, без воротника, выкраивавшаяся целиком из одной оленьей шкуры.

Головным убором мужчин и женщин служил и зимой и летом ситцевый платок, совершенно не защищавший от холода. Шея оставалась открытой. Иногда носили шапку с длинными загнутыми вперед ушами, сделанную из шкуры, снятой с головы теленка оленя. Во время поездок на оленях мужчины надевали ненецкого покроя малицы и сокуй с капюшоном. Малицу покрывали сверху грубошерстными сукнами ярких цветов. Женщины, так же как мужчины, носили летом суконные халаты, а зимой — заячьи шубы.

Часть мужчин носила длинные волосы, заплетенные в одну косу, с подвешенными к ней специальными украшениями; женщины заплетали две косы и украшали голову повязками, вышитыми бисером.

До недавнего времени у кетов сохранялись черты древней дуальной организации — они состояли из двух экзогамных фратрий (*хуотпыль*): Кантанг (Кэнтанденг) и Богдэйгет (Богдзденг). Это деление можно проследить, начиная с XVII в.

В начале XVII в., когда кеты вошли в состав Русского государства, основная масса их была известна в русских источниках, как указывалось

выше, под названиями инбаков, земшаков и богденцев. Инбаки представляли собой одну фратрию (предки позднейших Кэнтанденг), а земшаки и богденцы — другую (предки позднейших Богдэденг). Эти фратрии подразделялись на несколько родов (*бисним денг*, дословно «братство»). Для конца XVII в. известно разделение инбаков на четыре рода: Хентянский, Инбатский, Бульванский и Хонигетский.

Деление на эти роды у кетов можно было проследить еще недавно. Отдельные группы родственников, носившие уже русские фамилии, вели свое происхождение от определенных родов XVII в.

Фратриальные нормы проявлялись у кетов, помимо строго соблюдавшейся фратриальной экзогамии, в ряде обрядов и в культе. Так, во во время свадьбы присутствующие рассаживались полукругом друг против друга строго по фратриям. Запрещено было давать огонь в жилище людей другой фратрии. Убив медведя, устраивали церемонию для выяснения, к какой фратрии он послан умершими родственниками. По-видимому, фратрии кетов носили тотемистический характер: фратрия Кэнтанденг была связана с орлом, фратрия Богдэденг — с кукушкой. Существовали запреты убивать этих птиц людям соответствующих фратрий. Имеются указания на существование в недавнем прошлом игрищ-состязаний в стрельбе из лука и других, носивших фратриальный характер.

Родовые нормы в значительной степени определялись фратриальными. Кроме того, существовала родовая взаимопомощь, определявшая обязанности членов рода по отношению друг к другу, например при уплате калыма, при родовой мести. Были идолы, изображавшие умерших сородичей и хранившиеся в семьях данного рода; в случае, если род вымирал, эти идолы переходили в другой род, но в пределах той же фратрии. Кетский род, насколько мы его можем проследить по имеющимся данным, был строго патрилинейным. При этом надо заметить, что если в XVII и даже XVIII вв. род у кетов сохранял еще в значительной степени территориальное и экономическое единство, то в позднейшее время члены рода были рассеяны по различным и нередко очень отдаленным друг от друга территориальным группам, и родовые связи в повседневной хозяйственной и общественной жизни сменились связями соседскими, территориальными.

Охота и рыболовство производились коллективно. Охотник, выследивший крупного зверя, медведя или лося, оповещал соседей по стойбищу. Для этого он, по возвращении в стойбище, у входа в свой чум громко колотил одну лыжу о другую. Соседи собирались в его чуме, намечали сообща план промысла и отправлялись добывать зверя. Убив зверя, разделывали тушу и оставляли ее на месте. Затем тушу привозили женщины.

Хотя орудия рыболовства (неводы) и средства водного транспорта и находились в частной собственности, пользование ими было коллективное. Так, неводами владели 2 или 3 хозяйства, а промышляли ими все обитатели стойбища. Не имевшие илимок кеты пользовались чужими, с разрешения их собственников. Кеты также коллективно пользовались и мелкими предметами домашнего обихода. Продукция охоты и рыболовства, добытая коллективно, распределялась между всеми участниками промысла. Существовала и соседская взаимопомощь: прием на иждивение круглых сирот, стариков и беспомощных инвалидов; нуждающимся оказывали трудовую помощь.

Основной хозяйственной единицей у кетов была семья. После смерти отца имущество семьи переходило к младшему сыну, так как женатый старший получал свою долю ранее и жил отдельным чумом. Младший сын выделял из полученного наследства доли сестрам при выходе их замуж. Если после смерти отца оставались маленькие дети, наследство разде-

лялось между ними поровну; имущество доставалось также тем, кто жил долго вместе с покойным, кормил его и ухаживал за ним в последнее время.

Имущественная дифференциация наиболее отчетливо выступала среди кетов, имевших оленей. Обычной формой эксплуатации более зажиточными хозяевами своих сородичей была перепродажа во время охотничьего сезона охотничьего снаряжения и продовольствия.

Терминология родства у кетов классификационная. Группа *бисеп* включает в себя членов моей фратрии, поколение моих родных и двоюродных братьев и сестер, младших братьев и сестер отца, а также детей моих старших братьев. С родственниками бисеп нельзя было вступать в брак, но их можно было называть по имени. Группа *куй* включает в себя младших братьев и сестер матери, детей ее старших братьев, т. е. поколение той же категории, как и бисеп, но другой фратрии. Родственников куй нельзя было называть по имени и с ними также нельзя было вступать в брак, несмотря на их принадлежность к другой фратрии. Группа *кип* (для мужчин) и *кипа* (для женщин) включает в себя старшее поколение, независимо от фратрии, — дедов и бабок как с отцовской, так и с материнской стороны, а также старших братьев и сестер отца и матери. Лиц, принадлежавших к этой группе, нельзя было называть по имени. Группа *каль* включает в себя младшее поколение, независимо от фратрии, а именно детей моих сыновей и дочерей (т. е. внуков и внучек).

Деревянное изображение духа

За невесту платили калым. При заключении брака не считались с согласием жениха и невесты.

Религией кетов был шаманизм. Согласно их анимистическим представлениям, весь мир казался им населенным множеством добрых и злых духов. Олицетворению доброго начала (небу) Есю было противопоставлено злое начало, олицетворенное в образе жены Еся — Хоседабам, низвергнутой мужем на землю и приносящей людям и животным всяческое зло, несчастья и болезни. Посредниками между божествами, духами и людьми выступали шаманы. Функции шаманов были разнообразны. При камланиях они надевали специальный костюм с металлическими привесками и пользовались бубном, крытым выделанной шкурой дикого оленя с рисунками. Кетский шаманский бубен и костюм напоминали селькупский. Помимо шаманов (*сенинг*), у кетов были еще колдуны (*бонгось*). Последние не имели специального костюма. Значительную роль в религии кетов играло почитание медведя.

Кеты хоронили умерших в земле. Раньше во время похорон у могилы разжигали костер, который тушили, когда могилу закапывали. С покойником укладывали и его вещи: нарты, челнок, нож, трубку (все в сломанном виде); иногда убивали собак. Детей хоронили внутри высокого, расколотого вдоль пня кедра, специально срубленного для этой цели.

Дети с учительницей

Кеты в послеоктябрьский период

Новая жизнь у кетов началась после Великой Октябрьской социалистической революции. Система разнообразных мер по поднятию хозяйства кетов (организация советской торговли, землеустройство, рационализация охотничьего и рыбного промыслов и пр.), социально-культурное строительство создали необходимые условия для хозяйственного и культурного прогресса кетов.

Уже в 1938 г. в Туруханском районе было 6 кетских колхозов, объединивших 72 хозяйства. В настоящее время почти все кетское население Туруханского и Ярцевского районов объединено в колхозы.

Изменились условия охотничьего промысла кетского населения. Многие архаические орудия и приемы промысла исчезли в результате широкого распространения патронных ружей и капканов. Организованы промыслово-охотничьи станции на Черном острове в низовьях Подкаменной Тунгуски и в пос. Келлог на Елогуе. В тайге устроены промысловые избушки для охотников. Успешно развиваются новые социалистические формы труда, организуются специальные охотничьи бригады. В охоте теперь принимают участие и женщины.

В области рыболовства также произошли значительные изменения. Лов рыбы производится колхозными бригадами, за которыми закреплены постоянные места лова. Значительно повысилась обеспеченность колхозов средствами производства — хорошими неводами, ставными сетями, лодками и т. д. Большое значение имеет также развитие круглогодичного лова и освоение новых водоемов. Большие успехи достигнуты кетскими колхозами и в обработке рыбной продукции.

В условиях колхозного хозяйства получило значительное развитие и оленеводство. Оленеводством занимается в настоящее время большинство кетских колхозов. Реконструкция оленеводства направлена к улучшению охраны и выпаса стад и повышению всей техники оленеводства.

Сооружаются загоны, используются более рационально пастбищные угодья, улучшается порода местного оленя. В результате наблюдается рост поголовья оленей в колхозных стадах.

Расширилась торговая сеть, обслуживающая кетские колхозы.

Коллективизация и индустриализация Енисейского Севера совершенно изменили там положение с транспортом. Помимо общих регулярных пароходных рейсов, кетские колхозы обслуживаются специальным рыбопромысловым флотом.

Примером изменений в хозяйстве и быте кетов, происшедших за годы социалистической реконструкции, может служить колхоз им. И. В. Сталина Ярцевского района. Этот колхоз объединяет основную массу кетов, которые кочевали раньше в низовьях р. Подкаменной Тунгуски, а в настоящее время живут в пос. Черный остров. Колхоз организован в 1934 г. Хозяйство его основано на охоте и рыболовстве, но в настоящее время стали развиваться и другие отрасли хозяйства: огородничество, животноводство, звероводство. Охота и рыболовство ведутся специальными бригадами, в которых принимают участие и женщины. Охотничьи бригады снабжены хорошими ружьями. Для них построены на охотничьих тропах избушки. Налажена регулярная доставка в бригады продовольствия. Новое для кетов занятие — огородничество — приобретает в колхозах все большее значение; имеются помимо колхозных и индивидуальные огороды, где сажают картофель, капусту, морковь и другие овощи. Организованная в 1948 г. в колхозе молочно-товарная ферма дает ежегодно тысячи литров молока. В 1949 г. колхоз завел питомник серебристо-черных лисиц.

Члены колхоза перешли на оседлость. В поселке построены дома, школа-интернат, клуб, больница, хлебопекарня, баня и ряд хозяйственных построек колхоза. Вся молодежь колхоза грамотна. В школе-интернате обучаются все дети школьного возраста. Культурно-просветительная работа ведется в колхозном клубе. Клуб получает целый ряд центральных и областных газет. На сцене клуба ставятся пьесы кружком художественной самодеятельности. Регулярно демонстрируются кинофильмы.

Изменения сказались и на внешнем облике кетов, на их одежде. Уже нельзя теперь встретить мужчину с косой. В костюмах заметно сочетание новой одежды русского покроя и старой, национальной. Многие уже предпочитают покупную одежду русского покроя. Вошло в быт белье, раньше совсем не употреблявшееся кетами. На промыслах кеты, особенно рыбаки, пользуются привозной спецодеждой. Хлопчатобумажные и шерстяные ткани, готовое платье, обувь и пр. пользуются у кетов большим спросом.

Изменения в домашней жизни кетов помогают ликвидировать старую антисанитарную обстановку. В жилище стала поддерживаться чистота. Появились и неизвестные ранее личные гигиенические навыки. В кетских колхозах построены бани; строят бани и в тайге для обслуживания охотников на зимнем промысле.

До революции кеты совершенно не знали медицинской помощи. Теперь в Туруханском и Ярцевском районах несколько врачебных пунктов, некоторые из них (Келлогский, Суломайский и др.) обслуживают преимущественно кетов. При пунктах имеются специальные койки для рожениц. Неуклонно растет авторитет советской медицины у народности, единственными «врачевателями» которой были ранее шаманы.

Большие успехи достигнуты за годы советской власти в области просвещения и подъема общей культуры кетов. Еще в 1926 г. грамотных среди кетов было лишь 2% мужчин и 0.3% женщин. Но уже в 1936 г. грамотным было 13.4% всего кетского населения. В настоящее время дети школьного

возраста полностью охвачены школой. Политико-просветительную работу в Туруханском районе среди кетов вели красные чумы. Летом они обслуживали бригады колхозников-рыбаков, зимой — бригады охотников.

Широко распространился среди кетов русский язык. В настоящее время большинство кетов владеет этим языком. Прочные навыки в русском языке прививает школа. Через школу язык проникает и в семью. Работа по ликвидации неграмотности, по массовому политическому просвещению усиливает проникновение русского языка. В то же время сохраняется родной язык: в быту кеты говорят по-кетски.

Многие окончившие начальную школу кеты и кетки продолжают образование в Енисейске, Туруханске и Игарке, где получают разные квалификации. В районе уже перед войной были кеты учителя начальных школ, преподаватели школ взрослых и другие культработники.

В связи с общим культурным подъемом отошли в прошлое религиозные обряды, изменилось мировоззрение кетов. Изменилось положение женщины — теперь она равноправна с мужчиной. Новое отношение к женщине зиждется не только на советских законах, но и на активном участии женщин в производстве — в охоте, рыболовстве и пр.

Утратило свое значение деление на фратрии, о котором помнят еще старики.

Традиционный фольклор, носителями которого являются кеты старшего поколения, популярен и в настоящее время среди местного населения.

Целый ряд образцов кетского эпоса известен всем кетским группам. Таков, например, герой Бальна («Черемуховая палица»), сражавшийся с врагами исключительно дубинкой, сделанной из ствола черемухи. Старики кеты указывают даже место, где, по преданию, ставил раньше свой чум Бальна; это место находится на берегу Енисея, неподалеку от с. Верхнеимбатского. Помимо героического эпоса, относящегося к наиболее отдаленному прошлому, существует целый ряд исторических преданий, повествующих о военных столкновениях кетов с ненцами и эвенками. В сказках повествуется о злых существах (*доотем-ы*, *каскиты* и др.),стремящихся нанести вред людям, которые ведут с ними более или менее успешную борьбу. Большое распространение имеют также рассказы на бытовые темы (например, истории неудачного сватовства и т. п.), причем очень часто героями таких повествований выступают лица или недавно умершие, или живущие и часто лично известные рассказчику и слушателям. Очень широко распространены также загадки, часто основанные на забытом значении какого-либо слова или на не употребляющемся в настоящее время названии какого-либо предмета или действия.

Из музыкальных инструментов существовали раньше только струнный инструмент, напоминающий балалайку, и варган (*люмель*) — вибрирующая пластинка из мамонтовой кости или дерева. Сейчас в кетских селениях молодежь поет массовые советские песни под аккомпанемент русских народных инструментов. Многие из этих песен принесли в родные селения кеты, побывавшие в рядах Советской Армии.

ЭВЕНКИ

Эвенки — самая многочисленная и наиболее широко расселенная народность из числа так называемых малых народностей северной Сибири.

Общие сведения

Общими границами расселения эвенков служат: на западе — Обь-Иртышский водораздел, на востоке — побережье Охотского моря и Сахалин, на юге — р. Верхняя Тунгуска (Ангара), оз. Байкал и р. Амур; на севере эвенки граничат с эвенами, якутами, долганами и ненцами. Общие размеры территории расселения эвенков определить трудно, приблизительно она составляет около 1/4 всей Сибири и Дальнего Востока (2 1/2—3 млн км²).

За пределами СССР эвенки живут в северо-восточном Китае, по отрогам Хингана (б. северная Маньчжурия) и в небольшом количестве в Монгольской Народной Республике, в верховьях р. Иро и у оз. Буир-Нур.

В административном отношении места расселения эвенков входят в Тюменскую и Томскую области, в Красноярский край (Туруханский район; Эвенкийский национальной округ с районами Байкитским, Илимпийским и Тунгуско-Чунским; Таймырский национальный округ с районами Дудинским и Авамским), в Иркутскую область (районы: Бодайбинский, Катангский, Качугский, Киренский), в Читинскую область (районы: Каларский, Тунгиро-Олекминский и Тунгокоченский), в Амурскую область (районы: Джелтулакский, Нюкжинский, Зейский, Зейско-Учурский, Верхне-Селемджинский, Верхне-Буреинский), в Бурят-Монгольскую АССР (районы: Баргузинский, Баунтовский и Северо-Байкальский), в Якутскую АССР (районы: Олекминский, Токкинский, Усть-Майский, Верхне-Колымский, Алданский, Томмотский, Учурский и Тимптонский), в Хабаровский край (районы Кур-Урмийский, Аяно-Майский, Тугуро-Чумиканский), в Сахалинскую область (районы: Восточно-Сахалинский и Рыбновский) и др. Все перечисленные районы в настоящее время не чисто эвенкийские. В большинстве они по составу населения смешанные, с количественным преобладанием русских или якутов.

Эвенки — наиболее широко распространенное самоназвание народа, раньше бывшего известным под названием тунгусов, ороченов, бираров, манегров. В настоящее время название «эвенки» стало общепринятым.

Эвенков делят на две большие части, обособленные друг от друга территориально и различавшиеся направлением своего хозяйства. Это эвенки охотники-оленеводы части описанной выше огромной территории от Ени-

сея до Охотского моря и эвенки-коневоды и скотоводы, а также земледельцы, сосредоточенные на сравнительно небольшой территории южного Забайкалья, а также в смежных равнинных участках северо-восточного Китая и Монголии, но по численности на рубеже XIX—XX вв. превосходившие эвенков охотников-оленеводов.

По переписи 1897 г., численность эвенков и эвенов (тунгусов) в России была определена Паткановым в 64 500 человек, из которых жило в южном Забайкалье и занималось сельским хозяйством 33 500 человек. За рубежом, в Маньчжурии, эвенков было в начале XX в. около 10 500 человек, из которых охотников-оленеводов было не более 500 человек, и в Монголии, в бассейне р. Иро, около 2 тыс. (все коневоды и скотоводы). Таким образом, можно считать, что к началу XX в. эвенков охотников-оленеводов (вместе с эвенами) было около 31 500 человек и эвенков-коневодов и скотоводов около 45 500 человек. Перепись 1926—1927 гг. учла в СССР 38 804 эвенка. В это количество не вошла уже большая часть перешедших на оседлость эвенков-земледельцев и скотоводов Забайкалья, которые к этому времени слились с русскими и частично с бурятами.

Среди эвенков охотников-оленеводов существовали наряду с названием «эвенки», также самоназвания *илэ* — «человек» (район верховьев Лены, Подкаменной и Нижней Тунгусок, низовьев Витима) и *мата* (бассейн Олекмы). Очень широко было распространено у южной части (от Забайкалья до Зейско-Учурского района) эвенков-оленеводов самоназвание *орочён*. Одну из групп оленных эвенков Маньчжурии называли там якутами (*йэкэ*), так как предок их был якутом.

Эвенки-коневоды и скотоводы наряду с названием «эвенки» сохраняли свои племенные и территориальные названия. Из них наиболее известны манегры (*манягир*) по р. Кумаре и Ган-хэ, откуда их другое название «кумарчены»; бирары (*бирарчен*), солоны (*солон*), хинганские «орочены» и другие группы северо-восточного Китая. Забайкальских эвенков-скотоводов эвенки-оленеводы называли *мурчен* («лошадные»).

У соседних народов эвенки известны под различными названиями. Китайцы называли эвенков килин, или цилин. В китайских литературных источниках встречаются также названия о-лунь-чунь, или э-лунь-чунь, т. е. «орочен». Маньчжуры называли прежде всех эвенков орончун, орочен, орочан, уорончо. Нивхи зовут эвенков кили; орочи — киле; ульчи и негидальцы — килэ(н); нанайцы — килэн. Килэн — также родовое название эвенков Охотского побережья, отмеченное в XVII в.; кили — самоназвание группы нанайцев эвенкийского происхождения. Буряты и монголы называют эвенков хамнеган, якуты — тонгус. Хамнеганами и тонгусами называют и сами себя многие оякутившиеся, обурятившиеся и омонгольвшиеся эвенки.

Шире всего было распространено в прошлом название «тунгус», или «тонгус», принятое также и в этнографической литературе.

Происхождение слова «тунгус» не выяснено; по этому поводу высказывались лишь различные предположения. Можно пока утверждать, что этноним «тунгус» не русского и не эвенкийского, а видимо очень древнего центрально-азиатского происхождения.

Эвенкийский язык агглютинативный и, по общепринятой классификации, является основным языком северной (тунгусской) подгруппы тунгусо-маньчжурских языков, в которую входят также языки эвенов (ламутов) и негидальцев. В основном словарном фонде следует отметить значительное соответствие с монгольскими и тюркскими языками, свидетельствующее о родстве всех этих языков. В говорах эвенков, живших и живущих смежно с якутами, кроме того, большое количество слов

представляет и более поздние заимствования из якутского языка. У эвенков, живущих вокруг Байкала, где они длительное время находились смежно с бурятами, имеются поздние лексические заимствования и от последних. На северо-западе в говоры вошли некоторые слова самодийского происхождения. И, наконец, за последние два века отмечается большое влияние русского языка, особенно усилившееся в советский период. Эвенкийский язык делится на три больших диалектных группы: северную — хакающие диалекты, южную — секающие и шекающие диалекты и восточную — секающе-хакающие диалекты. Каждый диалект подразделяется на говоры. Граница между северной и южной группами диалектов проходит по Нижней Тунгуске до устья р. Еромо, далее к низовью Витима и по Витиму. К востоку от линии Лена—Витим распространены восточные диалекты. В Забайкалье, между Баргузином и Баунтом и на верховьях Лены, среди эвенков, говорящих на южных диалектах, имеются группы, говорящие на говорах восточных диалектов.

Природный облик громадной территории расселения эвенков, конечно, не однороден. И все же для районов расселения эвенков характерна известная близость ландшафта. Прежде всего все эти районы, за исключением крайних северных лесотундровых между Енисеем и Хатангой и на рр. Таз и Туруханом, — таежные. Таким образом, эвенки — обитатели тайги, в основном горной, раскинувшейся среди многочисленных хребтов, окаймляющих бассейны Лены и Амура, и по гористым пространствам между Енисеем и Леной. Для континентального климата этих таежных областей характерны продолжительная холодная зима и теплое лето. Гористый, пересеченный рельеф и широкое распространение вечной мерзлоты вызывают летние паводки реки почти всюду быстрых, порожистых горных потоков. Мощность снегового покрова почти везде невелика. Некоторым своеобразием отличается климат горнотаежных районов Тихого океана. Здесь характерны ясно выраженная сезонная смена ветров и значительно большее количество летних осадков в бассейне Амура и на Охотском побережье.

В эвенкийской тайге повсюду преобладают лиственничные леса, кроме того, встречаются там сосна, кедр, ель, пихта, береза, осина и пр. Хвойные леса, разреженные в северных районах, по мере поднятия в горы сменяются альпийской растительностью с кедровым стлаником (восточнее Лены—Байкала), а на высотах около 1200—1500 м — каменистыми россыпями и горными тундрами гольцов. Травянистые луговые участки встречаются лишь в речных долинах. Промысловая фауна эвенкийской тайги, из которой наибольшее значение имеют белка и соболь, достаточно разнообразна: северный олень, лось, бурый медведь, лисица, кабарга и др., а на востоке к ним присоединяются изюбрь, чубук (каменный баран) и др. В реках преобладают сиговые — хариус, нельма, голец; много так называемой черной рыбы — окуня, щуки и др. В реки бассейнов Охотского моря и Енисея проникают проходные лососи.

Историческая справка

Наиболее широко распространенной в литературе (начиная с XVIII в.) теорией происхождения эвенков была теория, рассматривавшая их как выходцев из южных районов. Самым веским аргументом здесь были указания на действительные связи между тунгусскими языками, с одной стороны, и тюркскими и монгольскими — с другой. В недавнее время теория южного происхождения эвенков получила свое развитие в трудах работавшего в Китае антрополога и этнографа С. М. Широкогорова и была подхвачена этнографами венской католической школы (Копперс, Флор и др.). Широкогоров пытается аргументировать положение, что

«прародина» эвенков находится в Китае, в бассейнах рр. Желтой и Голубой, откуда они, якобы вытесненные предками китайцев, распространились в конце III и начале II тысячелетия до н. э. на север. Их путь лежал через Маньчжурию и Амур; оленеводство они будто бы заимствовали у аборигенов Севера. Как показали исследования советских ученых, антропологические и этнографические аргументы Широкогорова не имеют под собой никаких реальных оснований. Попытки Широкогорова выделить в населении Китая антропологический тип, характерный для эвенков, в свете собранных советскими антропологами материалов совершенно несостоятельны. Столь же необоснованы этнографические аргументы Широкогорова и его единомышленников о южных чертах в материальной культуре и психике эвенков.

Антропологические и археологические исследования в Прибайкалье показали, что характерный для большинства эвенков антропологический тип восходит к антропологическому типу древнего неолитического населения Прибайкалья. Археологические находки в долине Ангары, на Селенге (энеолитический могильник у дер. Фофаново), Лене позволили А. П. Окладникову показать, что целый ряд особенностей тунгусской культуры восходит еще к энеолиту Прибайкалья. Черты сходства проявляются в жилище (конический чум), производственном инвентаре (костяные рыбки-приманки), в средствах передвижения (лодки-берестянки) и др. Особенно убедительно сходство в одежде. Одежда древних обитателей Прибайкалья была, судя по расположению сохранившихся в погребениях различных украшений, сходна с позднейшей эвенкийской. А. П. Окладников отмечает совпадения и в области искусства.

Таким образом, не подлежит сомнению, что при формировании эвенков в их состав вошли и местные древнесибирские элементы. Но наряду с этим и в антропологическом типе, и в языке, и в культуре эвенков можно вскрыть их связь с населением других, в том числе и более южных территорий. Происхождение эвенков — результат разновременных сложных процессов смешения разных древнейших аборигенных племен северной Сибири с племенами, формировавшимися в более южных районах, родственными по языку тюркам и монголам. Язык этих племен победил языки аборигенного населения.

Прибайкалье и Забайкалье были той областью, где протекали процессы формирования древних тунгусоязычных групп. Отсюда они распространились на восток — на Амур и к Охотскому морю, на север — в бассейны Лены, на северо-запад — по бассейну Енисея и т. д., ассимилируя и вытесняя палеоазиатские племена северной Сибири. Находясь длительное время в тесном взаимодействии с тюрко- и монголоязычными коневодами и скотоводами, эвенки образовали группы так называемых конных тунгусов. Отметим, что диалекты именно этих групп в значительной степени монголизированы.

Первое знакомство русских с эвенками относится к 1606 или 1607 г. После основания Кетского острога (1602 г.) русские казаки вышли на Енисей и начали продвигаться по Верхней Тунгуске (Ангаре). Одновременно казаки стали продвигаться из построенной в 1601 г. недалеко от устья Таза Мангазеи по рр. Таз и Турухан к Енисею, на его правобережье, заселенное эвенками. В 1614 г. мангазейские казаки обложили ясаком эвенков, живших на Нижней Тунгуске. В 1623 г. ясак платили почти все эвенки, обитавшие вблизи Енисея, по Нижней и Подкаменной Тунгускам, Вилюю и Чоне. С появлением русских отрядов на Лене и основанием Якутского (1632 г.) и других восточных острогов были обложены ясаком эвенки бассейна Лены и севера Якутии. В 1647 г. было поставлено Охотское зимовье. К середине XVII в. казаки проникли

в Прибайкалье и Забайкалье и основали остроги: Баргузинский (1648 г.), Нерчинский (1658 г.) и др. Для обеспечения уплаты ясака царское правительство использовало родовую организацию эвенков. От каждого рода брали заложников (аманатов) из числа его «лучших» людей. Для уплаты ясака эвенки приходили в острог или ясачное зимовье — местопребывание ясачных сборщиков и аманатов. Кроме ясака, эвенки должны были давать еще так называемые «поминки».

Система аманатов, тяжесть ясака, произвол царской администрации вызывали в отдельных районах выступления эвенков против чинивших насилия служилых людей, главным образом против жестоких и жадных приказчиков в острожках. Вообще же эвенки весьма нуждались в мирных культурных связях с русским народом и охотно воспринимали различные элементы более высокой русской культуры. Они были заинтересованы в приобретении в обмен на пушнину разных товаров, особенно железа, олова, меди, медных котлов, топоров, ножей, сукна и др.

В сложных и разнообразных отношениях находились эвенки в XVII в. с соседними народами. У якутов эвенки выменивали на пушнину железные изделия и скот на мясо, у бурятов, кроме железа и скота, хлеб (просо), ткани, разные украшения (в том числе серебряные), поступавшие к бурятам из Монголии и Китая. Но бывали и столкновения эвенков с якутами, постепенно расселявшимися в Ленском бассейне и занимавшими эвенкийские территории. В Прибайкалье до прихода русских часть эвенков находилась в зависимости от бурят, была «брацкими кыштымами»; русские освободили этих эвенков от тяжелой эксплуатации со стороны бурятских «князьцов». В Забайкалье «оленные» и особенно многочисленные «конные» эвенки боролись с попытками монгольских феодалов подчинить их и после прихода сюда русских были союзниками последних в борьбе с монголами и маньчжурами. С оседлыми земледельцами Амура — даурами, а также с маньчжурами имели связи амурские, забайкальские и охотские эвенки. В обмен на пушнину, шкуры, мясо, панты, осетровые хрящи они получали муку, ханшин (водку), китайские ткани, посуду, украшения. Манегры и бирары, жившие в XVII в. по левым притокам Амура, находились в зависимости от дауров, а «конные» эвенки северо-восточного Китая — солоны — обязаны были выставлять небольшие отряды конницы непосредственно маньчжурскому правительству.

В XVIII в. связи эвенков с русскими усилились. Огромную роль в меновой торговле стали играть ярмарки, приуроченные к определенным сезонам и местам. Царское правительство пыталось также усилить свое влияние на эвенков путем насаждения христианства. Христианизация эвенков началась в конце XVII в. В XVIII в. деятельность миссионеров охватила ряд эвенкийских районов. К 1862 г. миссионеры насчитывали, например, среди забайкальских эвенков 9480 христиан и 5789 язычников. Но принятие православия ограничивалось соблюдением самых элементарных обрядов (крещения, причастия и т. д.) и не мешало эвенкам придерживаться старых религиозных воззрений и обращаться постоянно к шаманам.

С XVII в. произошли и некоторые изменения в расселении эвенков. Эвенки покинули ряд старых районов своего расселения: средний Вилюй, Ангару, Бирюсу, верхнее течение Ингоды, нижнее и среднее течения Баргузина, низовья притоков Амура. Эти районы были заняты якутами, русскими и бурятами. С другой стороны, эвенки появились в некоторых новых районах. В XIX в. часть эвенков переселилась в низовья Амура и на Сахалин. Группа «оленных» эвенков из Якутии, а также манегры и бирары перешли в Маньчжурию; много эвенков ушло с побережья Енисея в бассейн Таза и Оби и т. д.

Эвенки, жившие в соседстве с русскими и другими народами, испытывали экономическое и культурное влияние соседей и нередко полностью ассимилировались ими. Большое положительное влияние в различных районах Сибири оказало на эвенков русское крестьянское население. Это влияние сказалось в разных областях культуры эвенков, начиная с хозяйственного уклада, одежды, жилища и кончая языком. Сильное влияние оказали на эвенков якуты. В течение XVIII—XIX вв. вилюйские, оленекские, анабарские и нижнеалданские эвенки настолько оякутились, что даже забыли родной язык. Влияние бурятов и монголов на забайкальских эвенков обусловило в ряде случаев переход эвенков на монгольский или бурятский язык и усвоение ими ламаизма. Манегры, бирары и солоны испытали в свое время на себе сильное влияние маньчжуров, дауров и китайцев. В связи с этим хозяйство и материальная культура эвенков давно утратили свою однородность и обнаруживают значительные различия в зависимости от района обитания той или иной группы.

Царское правительство с давних пор пыталось использовать имущую верхушку эвенков как свою опору. По «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. большинство эвенков было отнесено к группе «бродячих инородцев» и объединено в родовые управления во главе с родовыми старшинами или «князьцами», избираемыми на три года. В обязанности «князьца» входили главным образом сбор ясака и судебные функции. Проникновение товарных отношений к эвенкам усилилось в XIX в. В связи с этим увеличилось имущественное неравенство и зависимость трудовой бедноты от своих соплеменников — крупных оленеводов-торговцев. Положение эвенков продолжало ухудшаться, и в последнее время перед революцией наблюдалось сильное обнищание и повышение смертности среди эвенкийского населения.

Охота

Эвенки, как указывалось, в XVII в. разделялись по формам своего хозяйства на «пеших» или «сидячих» (охотников и рыболовов-охотников Охотского побережья), «оленных» (охотников-оленеводов), «конных» и «скотных» (охотников, имевших табуны лошадей и содержащих рогатый скот). Конные жили в южном Прибайкалье, Забайкалье, верхнем Приамурье, в б. Маньчжурии, верховьях рек Иро и Онона в Монголии. В отдельных районах Забайкалья оленеводство сочеталось с коневодством. В районах, прилегающих к Ангаре — Байкалу и Охотскому морю, были и «пешие» или «сидячие» тунгусы, у которых охота на мясного и пушного зверя сочеталась с промыслом тюленей и рыболовством. В XVIII—XIX вв. в районах, смежных с местами расселения якутов, охота стала сочетаться с разведением рогатого скота, а в ряде районов по соседству с русским населением (р. Чуна, истоки Лены, Нижней Тунгуски, Киренги, притоки Амура) к охоте, рыболовству и оленеводству добавилось не только скотоводство, но и земледелие. Им стали заниматься главным образом перешедшие на оседлость безоленные хозяйства, число которых особенно увеличилось в конце XVIII и в XIX в.

Охота, тем не менее, оставалась самым распространенным и любимым занятием. Первое место занимала охота на копытных животных, служившая основным источником питания и дававшая материал для одежды, жилища и всевозможных предметов, необходимых в примитивном хозяйстве охотника. Коллективная и индивидуальная охота на лосей, диких оленей и на птицу упоминается во всех преданиях, в то время как в них совершенно не говорится о промысле пушного зверя, который в натуральном хозяйстве играл весьма малую роль. Шкурки пушных зверей служили в далеком прошлом больше для украшения и только частично

были предметом обмена. Дальнейшее развитие обмена увеличивало значение пушной охоты в хозяйстве эвенков, а появление русских служилых людей, которые требовали ясак пушниной, и русских торговцев, скупавших ее, выдвинуло этот промысел на первое место.

Основными охотничьими орудиями длительное время (в некоторых районах до начала XX в.) были двояковыгнутый сложный лук и простой лук (у охотско-амгуньской части эвенков), самострелы и пасти, кулемы, черканы, плашки. В конце XVIII в. у эвенков появляются ружья, ставшие впоследствии главным орудием промысла. Наряду с луком или ружьем при охотнике всегда была «пальма» (*кото*, *уткэн*) — большой нож на длинной рукоятке, заменявший топор при переходах по густой тайге и копье при охоте на медведя. Несколько позже появления ружья к упомянутым выше самодельным деревянным ловушкам добавились стальные капканы, получившие особенно широкое распространение на севере, в полосе лесотундры. Луком с железными стрелами и ружьем охотились главным образом на лося, оленя, козулю, медведя, россомаху, рысь, волка, тарбагана, лисицу, соболя. На них же обычно расставляли на тропах различной высоты самострелы, разных размеров пасти и кулемы. Капканы ставили преимущественно на лисиц, иногда на волка. Для охоты на мелких пушных зверей (горностай, колонок) пользовались черканами, на белку — плашками. На соболя в начале зимы охотились с собакой, которая лаем давала знать о местонахождении соболя или загоняла его на дерево или в нору, откуда его выгонял охотник и убивал.

При добывании соболя из норы амурские и енисейские эвенки еще недавно пользовались заимствованной от русских сеткой с колокольчиками. Вокруг норки охотники устанавливали сеть и ждали звука колокольчика, дававшего знать, что соболь выскочил из норки и запутался в сети. За последние десятилетия значительное место в добыче заняла белка и соответственно этому среди охотничьих орудий — дробовик, берданка и малопулька. Птицу долгое время продолжали бить различного рода стрелами из лука и лишь в последние десятилетия начали охотиться с дробовиками. В полосах лесотундры и примыкающих к ним районах наряду с ружейной охотой на белку производился промысел песца пастями. Дальше на север песцовый промысел совершенно сменял беличий.

В конце сезона пушного промысла, ранней весной, во всех районах по насту издавна охотились гоном на лося и дикого оленя. Охотник гонялся на лыжах — голицах (не подбитых мехом) за зверем до тех пор, пока не настигал его. Убив зверя, освежевав его и досыта наевшись мяса, охотник «залабаживал» тушу, т. е. укладывал мясо на помост или оставлял его на земле, хорошо заложив ветвями. Доставить тушу к чуму было уже делом женщин.

При охоте на копытного зверя забайкальские и амурские эвенки иногда пользовались берестяной трубой — *оревун*. Звук ее похож на крик самца. Самец, услышав этот звук и принимая его за крик другого самца, подошедшего к важенкам, бежал на охотника, который и бил его. Применялась и маленькая берестяная пищалка *пичавун*, при помощи которой подманивали козуль и кабаргу. Олекминские и амгунские эвенки раньше устраивали на копытного зверя изгороди с настороженными в них самострелами. Эвенки бассейнов Подкаменной и Нижней Тунгусок устраивали на лосей длинные изгороди с замаскированными ямами в проходах. Амурские эвенки практиковали, как своего рода спорт, охоту на изюбря с «лизной». Для этого устраивали на деревьях, над местом, где протекают соленые источники, небольшие помосты с бортами. С них били изюбрей, когда животные приходили лизать соленую землю.

Снаряжение охотника и орудия лова

1 — лыжи; *2* — отправление на охоту с лыжей-волокушей; *3* — ловушка; *4*, *5* — охотник в полном снаряжении; *6* — поняга — пасшинан дощечка

У нерчинских и верхнеамурских эвенков иногда практиковалась облавная охота на диких коз. Охотники делились на две части: одна садилась в засаду, другая гнала к ним зверя.

Охотские эвенки в начале осени иногда охотились на диких оленей с манщиком. Этого специально обученного для охоты оленя подпускали к диким оленям. Манщик с опутанными ремнем рогами вступал в драку с дикими оленями, которые запутывались рогами в этих ремнях. Охотник поджидал в засаде и во время драки убивал диких оленей. Охота на копытного зверя в основном имела потребительский характер. В отдельных случаях мясо и изделия из шкур продавали русским из ближайших селений и рабочим золотых приисков или обменивали.

Необходимой частью снаряжения охотника всегда была поняга (*понагэ*, *талми*) — небольшая дощечка на двух лямках с многочисленными тесемками из ровдуги. Тесемками этими привязывали, каждый отдельно, различные предметы, необходимые охотнику: мешочки с мукой и солью, котелок, мешочек с охотничьими припасами, пару унтов, иногда охотничий полог. Поняга за лямки надевалась на спину.

Эвенки уже с осени откочевывали на территории, богатые белкой, иногда очень отдаленные, и там расходились по тайге по одному-два семейства. Енисейские и амгуно-чумиканские эвенки на охоту выходили пешком. Олени обычно паслись около чума без пастуха, но иногда в отгороженном месте. Пользовались ими лишь при перекочевках на новое место. Сымские, токминские, непские и верхоленские, амгуньские и урминские эвенки во время промысла вместе с семьями и всем грузом иногда даже перекочевывали пешком. Груз и маленьких детей они тащили за собой, верхоленские — на ручных санках, сымские — на корытообразной нарте. При отсутствии санок и нарт устраивали волокушу: обливали водой старую шкуру и замораживали ее в виде корыта (*умэй*), к которому привязывали лямки. В лямки ручных нарт впрягались люди (женщины — у сымских эвенков, мужчины — у верхоленских и амгуньских) и собаки. Оленями эти группы эвенков пользовались главным образом для выезда на торговые точки.

У безоленных эвенков на верховьях Нижней Тунгуски и Непы семьи оставались на месте, а охотники по два-три человека, иногда с сыновьями-подростками, уходили с осени на всю зиму. Эти эвенки употребляли особую нарту (*келчи*) в виде широкой с загнутым вверх передним концом лыжи с рядом ремешков, которыми привязывались продукты, боеприпасы, палатка, запасная одежда, и лямками, в которые впрягались охотник и его собака. После охоты на белку и соболя охотники иногда еще оставались охотиться в тайге по насту на лося. Эвенки оленеводы Яблонового и Станового хребтов всегда охотились на оленях.

Богатые и многооленные эвенки сами мало участвовали в охоте на пушного зверя. Они или давали малооленным на охотничий сезон своих оленей и получали за это часть добытой пушнины, или забирали у малооленных всю их добычу, вывозили ее к русским и якутским купцам и затем доставляли в тайгу вымененные на пушнину необходимые эвенкам товары. Эти посреднические операции крупные оленеводы производили с большой выгодой для себя, оставляя в свою пользу часть пушнины.

На охоте для передвижения по насту служили лыжи-голицы без камусов (*кингнэ* или *кигнэ*), а для глубокого снега — лыжи с подклеенным камусом (*суксилла*). Последние представляли собой тонкие, длиной с человеческий рост и шириной в две пяди, еловые доски, выгнутые в средней части, с острыми, загнутыми вверх концами. Место для ступней подклеено берестой и снабжено ремнями для ноги. Для устранения во время скрадывания зверя всякого шума некоторые эвенки надевали на лыжи

Охота с трубой и ружьем на изюбря

чехол из шкуры собаки, волка или россомахи. Ходили на лыжах без палки или с одной палкой (*сэвгурэ*). Палки служили не столько для отталкивания, сколько для захватывания за стволы деревьев при подъемах и для торможения при спусках. Для этого на верхнем конце палки имелся металлический крючок.

Оленеводство

Оленеводство у эвенков в разных районах их распространения было развито в различной степени, но в целом оно обладало рядом общих черт. Несмотря на наличие в прошлом в ряде районов довольно значительного количества крупных оленеводов, для большинства эвенкийских хозяйств оленеводство имело главным образом транспортное значение, и преобладали хозяйства с количеством оленей до 25 голов.

Оленеводство эвенков характеризовалось рядом особенностей, свойственных оленеводству таежной полосы. Это было в основном оленеводство с вьючно-верховым использованием оленей для транспорта, с доением оленей, с устройством летом дымокуров, с отсутствием, в отличие от самодийских народов, пастушеской оленегонной собаки и другими особенностями.

В прошлом после окончания зимнего промысла несколько эвенкийских хозяйств обычно соединялись. Они перекочевывали в удобные для отела места: возвышенные, сухие, богатые оленьим кормом, с рыбными речками и чистой проточной водой. Для стельных важенок огораживали особые участки, чтобы уберечь новорожденных телят от затаптывания в большом табуне. Совместный выпас оленей несколькими хозяйствами продолжался все лето, пока не наступал сезон осенне-зимней охоты и эвенки снова не расходились по тайге. Зимой олени обычно паслись у стойбища.

Многооленные эвенки для ухода за стадом держали работников или имели для этой цели сирот — «воспитанников». Некоторые оленеводы (р. Сым, Приангарье, верховья Лены) оставляли свои стада без присмотра

Перекочевка на новое стойбище

и собирали оленей в случае дальних перекочевок и выездов на торговый пункт.

Постоянные тропы в тайге существовали только к местам выхода на торговые точки. Перекочевки происходили всегда по новым местам. Летние тропы обычно проходили по водоразделам, зимние — по рекам, тундрам, с отходом в сторону только на перевалы.

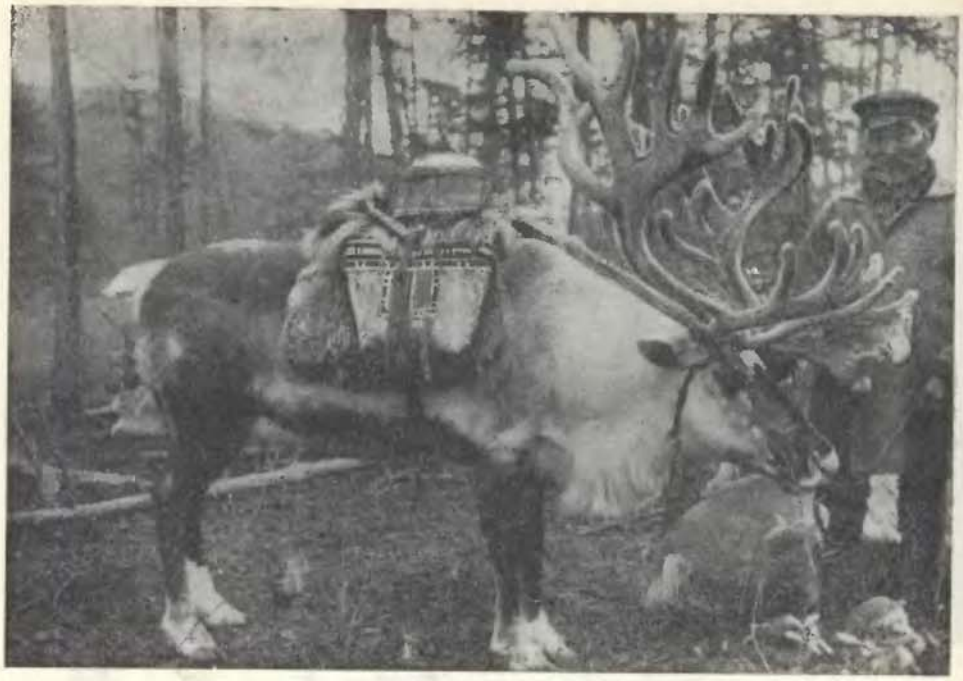
Эвенкийская упряжь оленя состояла из недоуздка (*уси*, *ухи*), седла (*лочоко*, *нэмэ* — верховое седло, *эмэгэн* — вьючное седло) и подпруги (*тынгэптун*). При езде верхом пользовались палкой (*тыевун*), служащей опорой при посадке на оленя и при переездах через бурные потоки. Для перевозки груза предназначали вьючные сумы из камуса с берестяной основой, или из камуса и ровдуги. Обычный вес вьюка — около 20 кг, иногда до 40 кг.

Нарты у эвенков различны по типу, в зависимости от того, от кого они заимствованы. В Красноярском крае, в Томской и Тюменской областях у эвенков нарты ненецкого типа — высокие, с пазовым креплением, но, в отличие от ненецких, с упругим изогнутым «бараном» (горизонтальной дугой) на передке нарты, предохраняющим ее от ударов о деревья. Сидят эвенки на такой нарте справа. У олекминских эвенков нарты якутского типа — низкие, с ременными креплениями. Сидят на них, вытянув вперед ноги.

На восток от Олекмы нарта низка и мала; сидят на ней верхом поверх легкого и мягкого груза; средние копылья в виде дужек делают из комля, и сиденье в этом месте вырезано. На нарту грузят 100—160 кг, а по легкой гладкой дороге до 200 кг.

Рыболовство

Рыболовство в прошлом играло подсобную роль в хозяйстве эвенков, и рыба шла только на собственное потребление. Исключение составляли эвенки, жившие у Байкала и Охотского моря, эта группа эвенков производила массовый лов не



Вьючный олень

только для себя, но и для продажи и обмена. Рыболовство занимало первое место в экономике также у некоторых групп эвенков, живших в озерных районах (например, в районе к югу от оз. Ессей, в истоках Вилюя и в южном Забайкалье).

У основной массы эвенков рыболовство приурочивалось к лету. Подледным ловом регулярно занимались лишь в бассейне Хатанги и Вилюя. Основным орудием лова служили пущальни — ставные сети, плетенки — морды в запорах, устроенных на небольших реках, остроги и крючки.

Некоторые эвенки (сымские, тазовские) на реках, богатых белой рыбой, пользовались до недавнего времени очень примитивным орудием лова — деревянным крючком (*печер*) с пучком подшейного волоса — наживкой. Распространена была также короткая удочка (*хинда*) с железным крючком для подледного лова через лунку. При подледном лове ставили подо льдом от проруби к проруби сети-пущальни. Спускали также в проруби крючки с наживкой (на налимов). Устраивали во льду прорубь и сооружали над ней небольшой чум, в котором сидел рыбак с удочкой или с острогой. Летом применялось лучение — рыбу кололи острогами.

На Охотском и Байкальском побережьях рыбу обычно ловили коллективно неводами, заимствованными от русских. Эвенки бассейна Амура кололи крупную красную рыбу острогой с неподвижным (*бадар*) и подвижным (*эйгу,элгу*) наконечниками. В отдельных случаях эти же эвенки охотились на рыбу, убивая ее выстрелом из лука. Такие «охотники на рыбу» точно знали, в какое время дня и какая рыба «играет»— выходит на поверхность.

Средствами передвижения по воде служили лодки: долбленная из ольхи или тополя, иногда с дощатыми бортами (*онгкочо*, или *утунгу*),

и берестянка (*дяв*). При поездках вниз по течению или для переправы связывали бревна в небольшой плот (*тэму*). Берестянка настолько легка, что при поездках без груза речную луку часто не огибали, а переносили берестянку через мыс. В берестянке, а иногда и в долбленке, обычно передвигались при помощи двухлопастного весла. При подъеме в долбленке по бурным горным рекам амурские эвенки пользовались шестами. В некоторых районах (истоки р. Лены и к западу от Енисея) при охоте на дичь с лодки пользовались короткими веслами с листообразной лопастью. Эвенки, жившие на больших и глубоких реках, имели дощатые лодки (низовья Нижней Тунгуски). У эвенков, называвшихся раньше ороченами, была в прошлом в употреблении кожаная лодка (*мурекэ*) для переправ через реки при перекочевках. Она состояла из чехла, сшитого из двух лосиных ровдуг, который натягивали на остов, сделанный тут же у переправы.

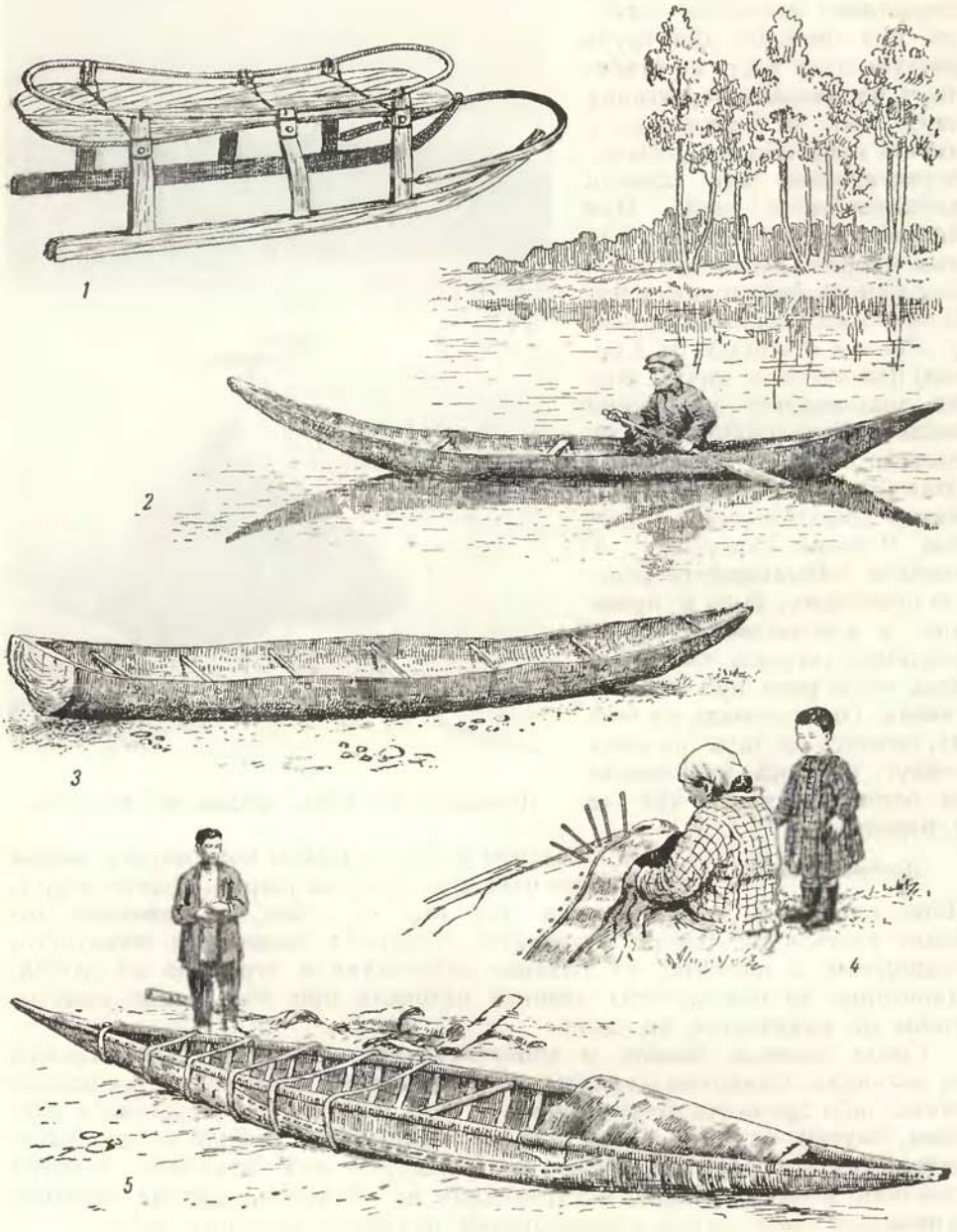
Подледный лов рыбы. Шалаш над прорубью

Прочие занятия

На Охотском и Байкальском побережьях эвенки занимались охотой на тюленей (нерца, лахтак и др.). Чаще охотились весной, когда лед еще не ушел, а животные выходят греться на льдины. Охотники, подражая движениям животного, подползали к лежбищу на близкое расстояние и стреляли из ружей. Некоторые из байкальских эвенков надевали при этом белые халаты, чтобы не выделяться на снегу.

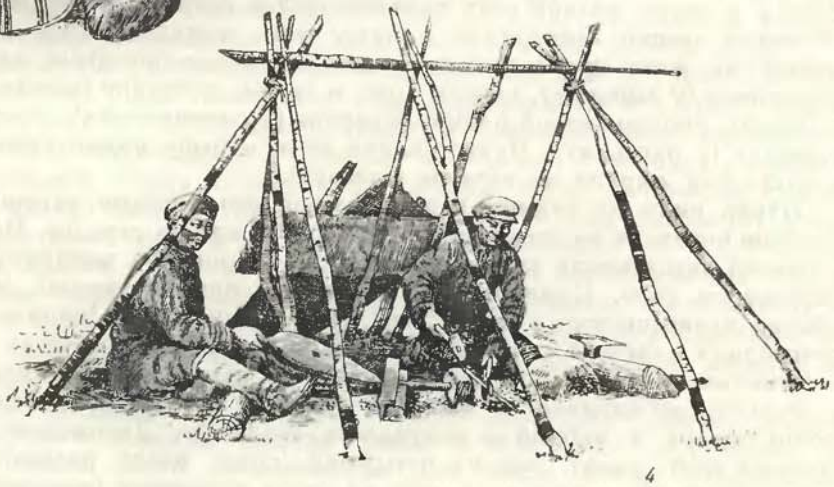
Среди эвенков бывали и золотоискатели — старатели, работавшие на делянках. Одиночки (*гиркутмар*), не имевшие своего хозяйства или по каким-либо причинам оторвавшиеся от него, нанимались батраками к русским, якутам, бурятам и работали на сенокосе, на рыбной ловле, плотничали и т. п. В Забайкалье и Приамурье под влиянием русских крестьян некоторые эвенки переходили на оседлость, делали попытки заниматься земледелием и разведением крупного рогатого скота.

К домашним занятиям эвенков относилось изготовление различных изделий из бересты, обработка шкур, пошивка из них разных предметов обихода и кузнечество. У некоторых групп эвенков эти занятия имели уже характер ремесла. Это было преимущественно изготовление лодок-берестянок, тисок — водонепроницаемых покрышек из бересты, изготовление из дерева лодок-долбленок, лыж, нарт, седел; пошивка одежды (парок), обуви (унтов), рукавиц, сум, ковриков и других изделий из



Средства передвижения

1 — нарта, распространенная к востоку от линии Олекма—Амур; *2* — лодка-долбленка, распространенная между Енисеем и Обью; *3* — лодка-долбленка, распространенная по притокам Амура; *4* — сшивание бересты для чехла на лодку; *5* — надевание берестяного чехла на остов лодки



Техника

1 — пропаривание бересты для придания ей эластичности; *2* — изготовление спинки праздничного кафтана; *3* — сшивание полос бересты (тисок) для покрывания чума и крупных вещей; *4* — обработка металла

оленьих шкур. Кузнечным делом для своих нужд умел заниматься каждый эвенк, но известных мастеров было немного. В каждом хозяйстве всегда был ящик (*сэлэрук*) с необходимыми инструментами — клещами, молотком, напильниками, тисками и небольшой наковальней, но мехи бывали не у всех. Уголь приготовляли в ямах, куда складывали недогоревшие дрова. Раньше к известным кузнецам обращались не только соседи, но и заказчики издалека; кузнецы эти делали ножи, пальмы, копья, остроги, всякие мелкие вещи, украшения для женских кафтанов и нагрудников. Кузнечество было известно эвенкам еще до прихода русских.

Обработка бересты была женским делом и состояла в следующем: бересту, полосами длиной 5—8 м, осторожно срезали с дерева, очищали, долго выпаривали в котле, обложив свернутую в трубку бересту мохом, и сушили, затем сшивали вместе по три полосы и обшивали края кантом тоже из бересты. Так получалась тиска (*тыкса*). При изготовлении берестяной лодки женщины сшивали тиски ивовым корнем, а места проколов замазывали варом из смолы. Затем мужчины натягивали сшитые полосы на заготовленный ими каркас, закрепляли по бортам и между берестой и ребрами прокладывали продольную щепу.

Выделка шкур и пошивка одежд также были делом женщин. В особой сумке (*ук*) у женщин хранился обычно целый набор различных скребков: *у*, *чучун*, *сидывун* и кожемялка (*кэдэрэ*). Шкуру сначала высушивали, затем смачивали смесью воды с завкаской и давали несколько дней попреть, потом соскабливали мех и мездру, дубили смесью, приготовленной из воды и печени оленя и продымливали для прочности, подвешивая ее на несколько дней над очагом-костром и разминали кожемялкой. Так получалась ровдуга.

О гончарстве у эвенков нет упоминаний даже в преданиях.

Пища

Основу питания эвенков составляли раньше мясо и рыба. Развитие связей с русскими способствовало введению в их питание печеного хлеба, потреблявшегося, однако, не регулярно. Дополнением к основному питанию летом служили ягоды и оленье молоко. В мясной пище преобладало мясо лося, дикого оленя и медведя, в восточных районах — мясо козули и горного барана. Осенью и летом мясной стол разнообразился водяной и боровой дичью. «Конные» эвенки потребляли в пищу мясо лошадей. Убой домашних оленей на мясо производился у эвенков разнообразными способами: удушением (у сымских), уколом ножа в первые позвонки (между Енисеем и Леной), уколом острой палкой в сердце (у олекминских), уколом ножа в сердце (у охотских). Приготовляли мясо и рыбу примитивно: варили в котле или жарили на вертеле (*силавун*).

Навар пили из чайных чашек, заедая его кусками вареного мяса, которые подавали на доске, на куске бересты или на тарелке. Мясо лосей и оленей заготовляли впрок вялением на солнце (на вешалах) в мелко нарезанном виде. Сушеное мясо (*хуликта*) при перевозках от трения обычно превращалось в муку. Эту муку заваривали в кипятке. Кровь потребляли в свежем и вареном виде. При разделке туши кровь собирали в вымытый желудок и в дальнейшем при варке мяса ее прибавляли в бульон, взбалтывая с наваром. Кишки промывали, выворачивали салом внутрь и варили — получалась «колбаса». Лакомством считался костный мозг (*уман*), еще не остывший (сразу после разделки туши). Сердце, а иногда и печень убитого на охоте животного (копытного) охотник съедал сейчас же после свежевания.

У охотских, илимпийских и амурских эвенков была распространена заготовка на зиму юколы — вяленой на солнце рыбы. Из сушеной на огне рыбы заготовляли порсу, которую потребляли обычно с нерпичьим

жиром. Охотские эвенки приготовляли смешанное блюдо из кетовой сушеной икры, нерпичьего жира, брусники и стеблей кипрейника.

Праздничным блюдом считался *сэвэн* — мелко накрошенное вареное медвежье мясо, перемешанное с прожаренным медвежьим жиром. По традиции, его ели коллективно, приглашая всех, кто оказывался поблизости. Ели по одной-две ложки поочереди, начиная со старейшей женщины.

Из растений там, где они были, в пищу употребляли ягоды (бруснику, голубику, чернику, малину, шикшу) иногда полевой лук, дикий чеснок. Ягоды ели, размяв и залив их оленьим молоком (*мэни*).

Приготовлять хлеб эвенки научились от русских. Два русских дорожных способа печения хлеба — колобками в золе и лепешками у огня — перешли к эвенкам. Печенье колобков — хлебов из кислого теста в золе — было характерно для эвенков к западу от линии Лена—Байкал. На востоке было распространено печение пресных лепешек.

Любимый напиток эвенков — чай, иногда заправляемый оленьим молоком. Чай пили по нескольку раз в день и обязательно перед едой. Сахар и сладости раньше попадали к эвенкам только в те дни, когда они сбывали купцу свою пушнину.

Жилище и хозяйственные постройки

Занятия эвенков обусловили различные типы их поселений и жилищ в прошлом. Стойбища охотников, зимой немноголюдные, состояли из одного-двух чумов. Весной на совместные стоянки собиралось до десяти хозяйств, а в случае каких-либо празднеств собирались еще эвенки с окрестных стойбищ и некоторое время кочевали все вместе. Чумы располагались обычно по кругу, в середине которого раскладывались дымокуры для оленей.

Чум (*дю*) — был основным жилищем эвенка-охотника в прошлом. Три соединенные или связанные вверху жерди составляли его основу. На эту связку опирали остальные жерди (от 21 до 35 штук, в зависимости от площади чума). Конический остов обычно покрывали нюком — покрышками из ровдуги, сукна или, в районах, где имелись березняки, тисками (от 4 до 6 штук). Ровдужный или суконный нюк составлялся из двух частей — верхней и нижней. Для того чтобы ветер не сорвал их, покрышки придавливали снаружи жердями. При перекочевках остов оставляли на месте и перевозили только покрышки. Нюк складывали и клали на вьюк, тиски сворачивали в трубки и подсовывали их под вьюк.

В центре чума устраивали очаг — костер. Над ним на горизонтальной жерди *икэптун* (один конец этой жерди привязывался к шесту основы чума, а другой к особому шесту *чимка*, устанавливаемому вертикально около очага) подвешивали чайники и котлы. Еще одна, верхняя, горизонтальная жердь служила для сушки обуви и одежды. В чуме у входа обычно лежало топливо. Место направо или налево от входа (*чонга*) считалось местом хозяйки, дальше шли места *бе* — для членов семьи, а против входа за костром *малу* — для гостей-мужчин. Спали в спальных мешках, вокруг костра, а если ночевало много народа — головой к стенам чума, ногами — к костру. До недавнего прошлого подушки и ватные одеяла были только у зажиточных эвенков, живших на восток от Лены.

Эвенки безоленные и имевшие только двух-трех оленей устраивали корьевое жилище (*голомо утэн*) — коническое сооружение из шлах и крытое корой лиственницы. Для тепла голомо обкладывали осенью дерном или землей, а зимой еще и снегом.

К востоку от Витима и на Охотском побережье уже в начале XX в. эвенки начали пользоваться палаткой из бязи, обогреваемой с железной печкой. В этих же районах летом устраивали жилище с квадратным

1

2

3

4

Жилище

1 — срубное жилище, крытое корой; *2* — летний чум, крытый парусиной и берестой; *3* — корьевой чум; *4* — войлочная юрта забайкальских эвенков

Мужская одежда енисейских эвенков

основанием из коры лиственницы (*угдан, угдама дю*); по внешнему виду оно было похоже на двускатный шалаш, или палатку, или дом со стенами.

По мере упрочения связей с русским оседлым населением эвенки чаще начали строить жилища по типу местных русских изб (в Катангском районе, Приамурье, Забайкалье и верховьях Лены). В районах, смежных с поселениями якутов, эвенки строили якутскую юрту (балаган). Эвенки Забайкалья, занимающиеся скотоводством, строили юрту бурятского типа. Оседлые бирары Приамурья жили в домах типа фанзы из тонких бревен с двускатной крышей, с очагом в сенях и дымоходом под нарами.

Временным жилищем на промысле служили шалаши, охотничьи палатки типа полога (Витим и Олекма), а у сымских эвенков — маленький сферический чум (*марма*), покрываемый пюком или тисками.

Хозяйственные постройки эвенков-охотников — различного рода амбары и лабазы. Для предохранения зимней одежды и мучных продуктов от грызунов устраивали на двух снаях настил (*дэлкэн*). На него также

Женская одежда енисейских эвенков

ставили вьючные сумы и покрывали их тисками. Более прочный лабаз (*нэку*) представлял собой бревенчатый сруб в 3—4 венца на невысоких сваях; в нем хранили сумы и вещи. Сруб сверху покрывали тисками или жердями, а также плоской или двускатной крышей. Зажиточные эвенки устраивали амбары на невысоких сваях с дверью, полом и потолком.

Материал, из которого изготовляли утварь, в прошлом определялся условиями кочевого быта. Главная масса всяких сосудов делалась из бересты. Сюда относятся «чуманы» — квадратные и прямоугольные плоские сосуды, туясы — высокие сосуды для воды, теста, продуктов, мелкие чашки («чумашки»). Была и деревянная посуда — чаши-долбленки разных размеров — и разная покупная: котел, чайник и чашки для чая, которые хранились в особом «чайном» ящике. У амурских эвенков была распространена китайская посуда. Освещением обычно служил огонь очага или железной печи; у оседлых в избах иногда имелась лампа.

Одежда

Одежда эвенков, несмотря на ее разнообразие, вызванное близким соседством с другими народностями, сохраняла до известной степени свою специфичность. У всех эвенков сохранилась обувь (*унтал*), настолько приспособленная для переходов по тайге, что ее заимствовали и русские соседи. Существует два типа унтов. К первому типу относятся унты, подошва которых загибается кверху сборами на носке и пятке, ко второму — унты, подошва которых выкроена по ноге и пришита внутренним швом. Различные виды унтов имеют свои особые названия.

Унты делаются из ровдуги, сукна и кожи — летние, камусов, «щеток», «лбов» — зимние. Длина голенища унтов бывает различна. Самые короткие унты (*хомчура*) покрывают ногу лишь чуть выше щиколотки, и их поэтому носят с длинными ноговицами. Самые длинные унты — до паха называются *хэвэри*, *бакари*. Зимние унты носят обычно с меховым чулком.

Частью одежды, характерной для всех эвенков, были натазники (*хэрки*) из ровдуги, редко из сукна, а также ноговицы (*арамус*, *гуруми*) — длинные гамаши из ровдуги или сукна.

Полностью старинный национальный костюм сохранялся недавно только у эвенков к западу от Енисея. Частично он сохранялся у эвенков, живущих между Енисеем и Леной, и у эвенков к востоку от линии Лена—Байкал; у последних сохранялись только зимние меховые парки и обувь.

Кафтан изготовлялся из шкур оленя (летний — из летней, осенний — из осенней, зимний — из зимней шкур). Спереди на груди полы связывались узкими завязками из ремешков; под кафтаном носили нагрудник. Нагрудник завязывали сзади тесемками на шее и на талии. Длина нагрудника была несколько выше колен. Тип мужского и женского кафтана был одним и тем же, но мужской нагрудник (*хэлми*) оканчивался острым углом, а женский (*нэлли*) — прямым срезом; второй тип женского нагрудника был иногда очень широк вверху и закрывал всю грудь и плечи. Бахрома из козьего меха, вставленная в плечевой шов, предохраняла от сырости — капли дождя скатывались по меху. Спинка парадного кафтана была украшена на лопатках мелким орнаментом из меховых полосок. Из таких же полосок сшивался целиком и будничный нагрудник; праздничный, сшитый из ровдуги, обычно был покрыт орнаментом из бисера. Позднее летний и осенне-зимний кафтаны (*сун*) стали изготовлять из сукна и только зимний — парку (*хэгилмэ*) — из меха убитого зимой оленя. Рукавицы с прорезью для кисти обычно пришивались к рукавам парки. В лесотундре при далеких поездках поверх парки или кафтана надевали глухой меховой сокуй.

К востоку от линии Лена—Байкал из национальной одежды сохранились только унты и зимняя парка. Эвенки-коневоды Забайкалья, а также манегры и солоны носили халат с широкой, запахивающейся слева направо полой. Эвенки, живущие по соседству с якутами, заимствовали от них кафтан с отложным воротником (мужчины) и безрукавку (женщины).

Нижнее белье появилось у эвенков сравнительно недавно. Русская женская рубаха, которую носили под сарафаном, превратилась у эвенков в платье (*урбакэ*), дополнившись воланом по подолу. Развитие русской торговли в тайге ввело в быт мужчин, особенно в восточной части, пиджаки, жилеты, брюки, у женщин в некоторых местах — юбки и кофты.

Старинный головной убор делали из шкурки с головы оленя (*авун* и *мета* — буквально «шкурка с головы оленя»), отверстия от глаз и рогов зашивали и орнаментировали бисером. Сырую шкурку выделывали, вытягивали по форме головы и высушивали, затем обшивали ровдужной каймой, также орнаментированной бисером.

Старинная мужская праздничная одежда. Сымские эвенки
1 — вид спереди; *2* — вид сзади

Эвенки Илимпийского района носили шапки типа капора, отороченного вокруг лица и шеи мехом. Праздничная шапочка (*элдэн* и *дэрбэки*) дольше всего сохранялась у сымских, а отчасти и у илимпийских эвенков. Она состояла из обода и двух-трех перекрещивающихся на макушке полосок, расшитых бисером. На виски и уши спускались петлями ровдужные тесемки с нанизанными корольками. К югу от Нижней Тунгуски среди мужчин было широко распространено ношение сложенных широким жгутом платков, которые повязывали вокруг лба и затылка.

Короткие, до плеч, волосы раньше носили распущенными. Более длинные волосы связывали на макушке пучком особой орнаментированной бисером полоской материи (*чирэптун*). На восток от Енисея до Лены мужчины и женщины, независимо от возраста, носили косы, но косы не заплетали, а пучок волос, крепко стянутый на темени, плотно обматывали полоской ровдуги или тесьмой. К востоку от Лены мужчины подстригали волосы, женщины обматывали вокруг головы две пряди волос или косы, прикрывая голову платком. В XIX в. у некото-

Одежда забайкальских эвенков

рых енисейских эвенков сохранялась еще татуировка лица. Сухожильной тонкой ниткой, смоченной в разведенной саже, прошивали кожу. Полуовальные точечные линии окаймляли рот; у некоторых татуировка была на щеках, на лбу и на руках.

Обязательную принадлежность одежды составлял у мужчин пояс, с привешенным к нему ножом в ножнах. Эвенки, жившие от Лены на запад, ножны привязывали к правому бедру. У женщин к поясу подвешивались игольница, сумочка для наперстка, трутница и кисет с табаком.

Социальный строй

Предания эвенков рисуют их далекое прошлое в несколько воинственно-героических тонах. Трудно по фольклорным данным полностью восстановить реальную картину социального строя эвенков в далеком прошлом, а тем более приурочить сообщаемые факты к определенному историческому периоду, однако собранные советскими исследователями фольклорные материалы дают следующую реконструкцию социальной организации полулегендарного древнего периода истории эвенкийского народа. По преданиям енисейских эвенков, их предки когда-то жили родами (*халан*). Каждый род имел свое название, бывшее иногда именем предка (Чапагир от Чапа, Куркагир от Курка и т. д.). Роды были экзогамны. Каждый род владел «речкой», т. е. имел свою территорию. Члены одного или нескольких родов

устраивали коллективные охоты на дикого оленя, лося. Добыча делилась поровну между участниками коллективного промысла.

Высшим органом управления рода было родовое собрание (*сагдагул*, букв. «старейшины»), состоявшее из взрослых мужчин и женщин — глав семейств. На собраниях решали все важные хозяйственные и общественные дела рода: принимали и усыновляли чужеродцев, решали вопросы войны и мира, кровной мести, судили за проступки. Собрания обычно приурочивались ко времени выполнения разных обрядов. На них присутствовали и шаманы рода. Роды эвенков входили в более крупные объединения — племена. Роды одного племени имели общую территорию, находившуюся во владении всего племени, были тесно связаны брачными отношениями и интересами обороны от внешних врагов.

Причинами войн были: похищение женщин, кровная месть, иногда споры из-за угодий и попыток захватить имущество, оленей и т. п. Оружием служили лук (*бэр*) и стрелы, пальмы (*кото* и *уткэн*), мечи (*тутэкэн*); у эвенков были панцыри (*сэллулэн*) и шлемы (*сэлли*). Военное снаряжение делали в каждом роде свои кузнецы.

Каждый член рода был и охотником и воином, умеющим владеть оружием. Военному искусству учились с малых лет. Состязания в беге, прыжках, в стрельбе из лука, фехтование мечами и умение увертываться от стрел — все это входило в военную подготовку.

При организации военного похода выбирали предводителя (*нёрамни, иничэн, сонинг*) из наиболее сильных и лучше всех владевших военным искусством мужчин. Предводитель набирал себе дружину из охотников-воинов рода. Кроме военного предводителя и простых воинов, в дружину входили часто старики — для совета и участия в мирных переговорах и для ухода за ранеными, шаман — для обеспечения «помощи» его духов-помощников, которые должны были указывать путь и место пребывания врага, а также защищать отряд от злых духов противника. Нередко борьба решалась поединком богатырей-предводителей (*сонингов*).

По преданиям сымских и амгунских эвенков, при приближении врага расставляли чумы по кругу и перед каждым из них делали изгородь (*урга*), из-за которой отстреливались. Все деревья вокруг стойбища стесывались и на белом фоне их даже ночью было заметно появление неприятеля.

Мужчин убивали, детей и женщин брали в плен и заставляли их выполнять хозяйственные работы, в отдельных случаях победители женились на захваченных женщинах. Иногда враждующие стороны разрешали споры мирным путем. Одно из преданий эвенков ярко рисует картину мирных переговоров. Отряд во главе с шаманом переходит реку, доходит до лагеря противника и дает знать криком о своем прибытии. Противник выделяет двух старух с развязанными ремешками унтов, что свидетельствует об их мирных целях. Их принимают пожилые женщины отряда и передают старикам и шаману условия заключения мира. Шаман отвергает эти предложения и приказывает готовиться к бою. Затем приходят два старика, также с развязанными завязками унтов и снова обращаются к старикам нападающего отряда. Шаман опять отсылает послов обратно. Тогда прибывает сам шаман противника. Оба шамана садятся по обеим сторонам воткнутых в землю скрещенных мечей, спиной друг к другу и начинают переговоры, оканчивающиеся уплатой выкупа женщинами и заключением мира. В этом предании шаман выполняет функции военного вождя отряда.

Реальную картину социального строя эвенков к приходу русских в XVII в. можно восстановить по архивным материалам, а также изучая пережитки, бытовавшие у эвенков в последующее время.

Социальный строй эвенков в XVII в. может быть определен как патриархально-родовой. Олени в XVII в. составляли собственность отдельных семей, экономически уже в значительной степени обособившихся. Характер семей был различен. Наряду с большими патриархальными семьями, насчитывавшими несколько десятков членов, владевших сравнительно крупными стадами, существовали и малые семьи.

Нам известны для XVII в. названия целого ряда эвенкийских племен (в русских документах того времени их нередко называют родами): ванядыры в бассейне Хатанги, нюрумняли в верховьях Вилюя, чемдали в верховьях Подкаменной Тунгуски, налягиры в верховьях Лены, шилягиры на Лене и в верховьях Нижней Тунгуски, шамагиры на Ангаре и др. Племена эти, как сообщали казаки, часто враждовали друг с другом. Племена делились на кровные, экзогамные роды. Так, например, племя ванядыров состояло из шести родов. Во главе родов стояли старшие по возрасту люди. Во главе племен стояли военные предводители, иногда сравнительно молодые люди. Имена некоторых из них известны по архивным документам, которые нередко именуют их «князьцами».

Развитие торговых отношений в связи с развитием русской торговли в Сибири, концентрация оленей в отдельных хозяйствах вели к разложению натурального хозяйства эвенков и разрушали прежние родоплеменные связи. Истощение пушных богатств, особенно соболя, и расширение территорий, занимаемых оседлым населением, вызывали переход эвенков из одних районов в другие, что неизбежно приводило к образованию общин, состоявших из представителей разных эвенкийских родов, а также представителей других племен и народов. Такие территориальные или соседские общины преобладали до революции во всех эвенкийских районах.

Установилось совместное владение территорией всеми членами общины, принадлежащими к разным родам. Охотничьи угодья, пастбища, рыболовные водоемы находились в общем пользовании.

Изменились и формы коллективного труда. Вместо коллективного труда родственников в рамках большой семьи и рода появился коллективный соседский труд внутри общины. Для охоты, рыболовства и совместного выпаса оленей из членов общины создавались временные производственные объединения, распадающиеся после окончания промысла, той или иной работы или сезона.

Наряду с этим, еще необходимым коллективным трудом, все более распространялся индивидуальный труд членов общины, практиковавшийся во всех тех случаях, когда процесс и орудия труда позволяли обойтись одному, без помощи коллектива.

Наряду с индивидуальным присвоением пушнины и продукции оленеводства сохранились остатки прежних форм коллективного распределения, а также обычаи гостеприимства и взаимопомощи. Так, еще в XX в. сохранялись черты коллективизма в распределении охотничьей добычи. Это особенно ярко выступает в обычае *нимат*, состоящем в том, что охотник обязан делиться своей добычей со всеми обитателями стойбища, независимо от их родовой принадлежности. Существовали также обычаи широкой взаимопомощи, но за ними нередко скрывались уже завуалированные формы эксплуатации бедных родственников и соплеменников эвенкийскими богатеями.

Соседская община эвенков таила в себе внутреннее противоречие. Противоречивыми ее элементами были, с одной стороны, общинная собственность на землю, коллективный труд и коллективное распределение, и с другой стороны, частная собственность на оленей и другие средства

производства и индивидуальное присвоение наиболее товарной продукции хозяйства — пушнины. Если первые отношения способствовали сохранению относительного первобытного равенства, то частная собственность, особенно на оленей, наоборот, приводила к накоплению богатств в руках отдельных лиц, подрывала это первобытное равенство.

Многие крупные оленеводы в ряде районов имели до революции тысячные стада оленей. Это отразилось и в соответственной терминологии. Слово *абду, авду* одновременно стало обозначать и «стадо» (оленей) и «имущество» (вообще), слово *абдучи* получило значение «богач».

Бедняк, лишившийся оленей, во всем зависел от богатого оленевода. Для выхода на промысел он должен был обратиться к нему за необходимыми для перекочевки оленями. Не имея возможности ездить за товарами в отдаленные торговые пункты, бедняк вынужден был брать у такого оленевода продукты питания (муку, чай, масло и сахар), охотничье снаряжение (ружье, порох, дробь и т. д.). Забиралось все это обычно в долг перед промыслом и уплачивалось после него пушниной. Но долги никогда не выплачивались полностью и, как правило, все бедняки были в постоянном долгу у богатых оленеводов своего района.

Получив оленя в подарок или в долг, бедняк считал это проявлением родовой и соседской взаимопомощи. Поэтому бедняк считал своей обязанностью помогать богатому оленеводу в пастьбе оленей и другой работе. Таким образом, с крупным оленеводом, как правило, совместно кочевала группа экономически зависимых от него бедняков. За свой труд они получали только мелкие подачки мясом, оленьим сырьем, несколькими оленями; последних богачи часто давали в долг. Значительно меньше развита была эксплуатация в форме наемного труда. Постоянных и сезонных работников нанимали преимущественно для перевозки товаров (в Аянском или Илимпийском районах). Реже использовался труд постоянных и сезонных работников для пастьбы оленей у крупных оленеводов. Бедняк часто работал на такого оленевода несколько лет, получая от хозяина лишь поношенную одежду или оленье сырье и продукты питания. Только при уходе бедняка хозяин давал ему за работу несколько оленей.

Кроме этой торговой и производственной эксплуатации со стороны крупных оленеводов эвенков, охотники эвенки жестоко эксплуатировались также русскими, якутскими и бурятскими купцами. Проникновение товарных отношений к эвенкам особенно усилилось в XIX в. В связи с этим углубилось имущественное неравенство и зависимость трудовой бедноты от своих соплеменников — крупных оленеводов. Как уже указывалось, положение эвенков значительно ухудшилось перед революцией, когда наблюдалось у них сильное обнищание и повышение смертности.

В XIX и начале XX в. обычной хозяйственной единицей у эвенков была уже индивидуальная семья; большие семьи встречались редко. Существовало строгое распределение труда между мужчиной и женщиной: мужчина добывал пищу, следил за стадом оленей: все остальные работы были возложены на женщину. Особенно много труда падало на женщину во время пушного промысла. Она разбирала чум, складывала и нагружала вещи на оленей, вела оленей с грузом и детьми. Ее же делом было расчистить от снега место для чума, поставить чум и приготовить пищу к приходу охотников. Если в семье было несколько женщин, то молодые занимались и охотой. В соответствии с ее большой хозяйственной ролью, был сравнительно высок авторитет женщины в семье. Но господствующее положение в семье занимал мужчина, который доставлял основные средства существования. Олени находились в собственности всей семьи

и в распоряжении ее главы. Часть оленей была в постоянном личном пользовании у отдельных членов семьи (ездовые олени — приплод от важенки, которую дарили ребенку в день его рождения). В личной собственности членов семьи была одежда и обувь и тот инвентарь, которым они пользовались в трудовой деятельности. Ловушки, сети были общей семейной собственностью. При разделе имущества каждый брал себе личные вещи и получал часть общесемейного имущества, необходимую для ведения самостоятельного хозяйства. Родители обычно оставались жить вместе с младшим сыном. Имущество наследовалось по мужской линии и после смерти мужа оставалось в его роде.

Брак у эвенков заключался различным образом: путем уплаты калыма (*тэри*), обмена женщинами (у западных эвенков) или, наконец, путем отработки зятя в хозяйстве у тестя в течение нескольких лет. Свадебный обряд состоял из сватовства, передачи калыма и свадьбы. Между сватовством и свадьбой часто бывали промежутки до года — срок, в течение которого приготовлялось приданое невесты, обычно равное калыму (*тэри* обозначало также пару равных предметов).

В терминологии родства эвенков сохранились черты классификационной системы. Мужчина, например, зовет одним термином (*акинми*) всех своих старших братьев и всех младших братьев отца и матери. В случае смерти старшего брата, младший мог жениться на вдове. Всех жен младших братьев эвенки называли *кукинми*; с ними старший брат не имел права вступать в половую связь. Для обозначения понятия «родители» до сих пор преобладает слово «матери» (*энтыл*) над словом «отцы» (*амтыл*).

Хотя в XX в. эвенки сохраняли деление на роды и племена, причем племена удерживали еще различия в диалектах и некоторые этнографические особенности, сохранялась также и закрепленная русской администрацией родоплеменная организация управления (родовые управы, родовые «князьцы», старшины), фактически родовая организация к этому времени, как указывалось выше, почти полностью исчезла. Дольше всего удерживался обычай родовой экзогамии.

Религия

Как уже указывалось, христианство у эвенков ограничивалось лишь формальным исполнением обрядов православной церкви, которые приурочивались обычно к приезду священника в тайгу. При этом образы святых православной религии переплетались с древними представлениями о духах; например Микола (святой Николай) превратился в товарища духа-хозяина верхнего мира.

Религия эвенков представляет большой исторический интерес, так как она сохранила весьма ранние архаические формы религиозных верований. К началу нашего века религия эвенков заключала в себе пережитки различных стадий развития религиозных представлений. К древнейшим представлениям относятся: одухотворение всех явлений природы, очеловечивание их, представление о верхнем и нижнем мирах как о нашей земле, представления о душе (*оми*), и некоторые тотемистические представления. Существовали различные магические обряды, связанные с охотой и охраной стад. Позднее этими обрядами руководили шаманы. В связи с шаманством развились имевшиеся представления о духах-хозяевах, о душе, о духах-помощниках, создалась космогония с миром мертвых. Появились новые обряды: проводы души умершего, очищения охотников, посвящения оленя и множество обрядов, связанных с «лечением» и борьбой с враждебными шаманскими духами.

Согласно шаманскому представлению енисейских эвенков, мир состоит из трех миров: верхнего, находящегося на востоке, там, где начинается главная шаманская река *энгдекит*, среднего мира — самой этой реки,

и нижнего — на севере, куда впадает эта река. У этой реки много притоков с мелкими притоками — реками отдельных шаманов. В позднейших представлениях верхний мир стал местом пребывания хозяина верхнего мира (*сэвэки*, *эксэри*, *маин*) и *оми* — душ людей, еще не рожденных на земле, а низовье главной шаманской реки стало миром душ мертвых.

Общие всем эвенкам древние представления о происхождении земли, людей и животных были таковы. Первоначально были два брата: старший — злое начало, младший — доброе начало, ставший потом духом-хозяином верхнего мира. Старший брат жил вверху, младший внизу. Между ними была вода. У младшего были помощники: гоголь и гагара. Однажды гоголь, нырнув, принес землю в клюве. Земля была брошена на поверхность воды. На нее приходили братья работать; младший делал людей и «хороших» животных, старший — «плохих» животных, т. е. таких, мясо которых нельзя употреблять в пищу. Материалом для изваяния людей была глина. По вариантам преданий, помощником при творении был ворон (у илимпийских эвенков), или собака (у всех остальных эвенков).

С развитием шаманства появились представления о населяющей землю массе добрых и злых духов-помощников шаманов (*сэвэн*, *хэвэн*). Одни и те же сэвэн могли быть добрыми к своему шаману и злыми по отношению к другим шаманам. При помощи этих сэвэн шаман защищал членов своего рода от злых духов-помощников шаманов других родов. «Помощники» в охране территории рода были везде: в воздухе, в воде и на суше. Они сторожили, отгоняли и не пропускали злых духов на свою территорию. Если же враждебным духам все же удавалось попасть на родовую территорию, люди данного рода начинали болеть и умирать. Тогда шаман должен был найти и прогнать враждебных духов. Духи-помощники, по представлениям эвенков, всегда были тесно связаны с шаманом. Вместе с его душой, после его смерти уходили и его духи. Это сознание сильно действовало на людей с больной психикой. Обычно больной видел сон, в котором в нему «приходили» духи умершего шамана и приказывали ему стать шаманом. Так по наследству в каждом роде, часто в одной и той же семье «передавался» шаманский дар. Вместе с даром «переходили» и духи-помощники предыдущего шамана. Шаманский дар мог «передаваться» как в следующее поколение, так и через поколение, как от мужчин к женщинам, так и наоборот, следовательно, по мужской и женской линиям. Иногда к одному человеку «переходил дар» двух шаманов. В редких случаях шаманский дар «получался» не по наследству.

К принадлежностям шамана относились: шаманский кафтан (*ломболон*, *самасик*), шапка обязательно с бахромой, спускавшейся на лицо; бубен (*унгтувун*, *нимнгангки*) неправильно овальной формы с колотушкой (*гису*), а иногда посох и длинный ремень. В целом костюм должен был символизировать животное (оленя или медведя). Самым богатым по количеству бахромы и металлических нашивок, похожим на сплошной панцырь, был шаманский кафтан у эвенков, живущих к западу от Лены и ближе к Енисею. На восток от Лены на кафтане шамана было меньше нашивок, и шапка не всегда делалась из металла в виде венца с рогами оленя, чаще она была из ровдуги также в виде венца, на кафтане же преобладала длинная ровдужная бахрома с привешенными между нею колокольчиками. Отличался этот кафтан и по покрою.

В основе больших религиозных церемоний эвенков лежали древнейшие охотничьи и оленеводческие обряды. Мелких шаманских камланий было множество: *иллэмэчэпкэ* — «лечение больных», *сэвэнчэпкэ* — «посвящение оленя», камлания, связанные с разными случаями жизни и обра-

щенные к одному из духов-хозяев, и, наконец, специальные камлания шамана — «борьба» с вредными духами, «умилостивление» своих духов и т. д.

На камлания, связанные с большими религиозными церемониями, шаман всегда надевал специальное одеяние; в остальных случаях он мог камлать в обычной одежде, но все шаманы обязательно должны были закрывать лицо спущенным с головы платком. Во время камлания в чуме должен был быть полумрак, поэтому костер пригашивали, тлели одни угли. Каждое камлание начиналось ударами в бубен и пением шамана, которым он созывал своих духов-помощников.

В религиозных обрядах эвенков имелись обряды, связанные с медведем, его убиением, вскрытием туши и устройством специального лабаза (*чуки*) для захоронения его головы и костей.

В преданиях енисейских эвенков медведь — герой, пожертвовавший собой, чтобы дать человеку оленей. На крайнем востоке сохранялись обрывки мифа о рождении девушкой медвежонка и мальчика. Выросли братья, вступили между собой в борьбу, и победил человек.

У медведя было до 50 иносказательных названий. Свежевать тушу всегда приглашался человек из другого рода. Разрезая шкуру медведя, «успокаивали» его, приговаривая, что это «муравьи бегают». При разделке туши нельзя было перерубать или переламывать кости. Всю тушу разнимали по суставам. Съев мясо медведя, собирали все его кости и раскладывали их на плотно уложенные ивовые прутья в том порядке, в каком они были в живом медведе. Затем эти прутья сворачивали и обвязывали. У западных эвенков связку из костей ставили «на задние лапы», и мальчик «боролся» с ней. После этого связку с костями «хоронили» — насаживали ее на высокий пень или на два пня головой на север или же клали на помост. Восточные эвенки «хоронили» отдельно голову и остальные кости; голову насаживали на ствол, кости клали рядом на сук дерева или на лабаз. Кроме этого обряда, сохранялись и другие охотничьи обряды, в которых шаман не участвовал.

Часть степных забайкальских эвенков-скотоводов еще в XVIII в. приняла ламаизм и его обрядовую сторону. Ламаитами были и ирой-ские эвенки в северной Монголии.

Народное творчество

Все виды своего фольклора эвенки разделяют на *икэр* — песни-импровизации, *давлавур* — новые песни; *нимнгакан* (*нимнгакавун*) — мифы, рассказы о животных, сказания типа былин; *нэнэвкэл*, *тагивкал* — загадки; *улгурил* — рассказы исторического и бытового характера.

Песни эвенки импровизировали по любому поводу на мотив музыкальной строки. Слова этой музыкальной строки, служившие для ритма (одна-две 8—10—12-слоговые строки) уже давно потеряли свое значение и сохранялись в виде припева к импровизации. Широко распространена у эвенков импровизация со вставкой слога для сохранения ритма. Способ импровизации с добавлением этих слогов был использован и при создании современных песен и стихотворений.

Мифы отразили древние представления о мироздании, о происхождении земли, человека, животных, отдельных форм рельефа, теснин, страшных порогов и т. д., в них нашли свое отражение также представления о шаманских мирах, о главной реке энгдекит, ее обитателях — различного рода чудовищах и т. д.

Дошел до нас и ряд мифов о первых шаманах, о состязаниях в «искусстве» шаманов разных родов. Рассказы о животных, превратившиеся в наше время в сказки для детей, почти во всех случаях «объясняют» происхождение тех или иных внешних особенностей зверей, птиц и рыб, а также

особенностей характера некоторых животных. Особенно много эпизодов в рассказах о животных относится к лисе.

Излюбленным жанром эвенков был былинный и героический эпос. Способ передачи этого вида фольклора отличен от других. Если все остальные виды просто рассказываются, то былины и рассказы о героях, кроме того, и поются. Речитативом или пением передается прямая речь героя. Повествователь, пропев слова героя, иногда повторяет их, и вместе с ним хором поют слушатели. Повествование былин происходило в темноте. Начиналось оно обычно вечером и часто продолжалось всю ночь до утра. Иногда повествование о длинных похождениях не заканчивалось в одну ночь, его продолжали и оканчивали в следующие ночи. У отдельных групп эвенков были свои *сонинги* — герои. Так, у илимпийских эвенков любимый сонинг был — Урэн, у эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски — Хэвэкэ и т. д. Сонинги обычно рисовались воображению эвенков идеальными людьми со всеми чертами, к которым мог стремиться первобытный охотник: «медведей через голову бросал», «чирикающей, кукующей над головой пролетать не давал — всех стрелял» и т. д.

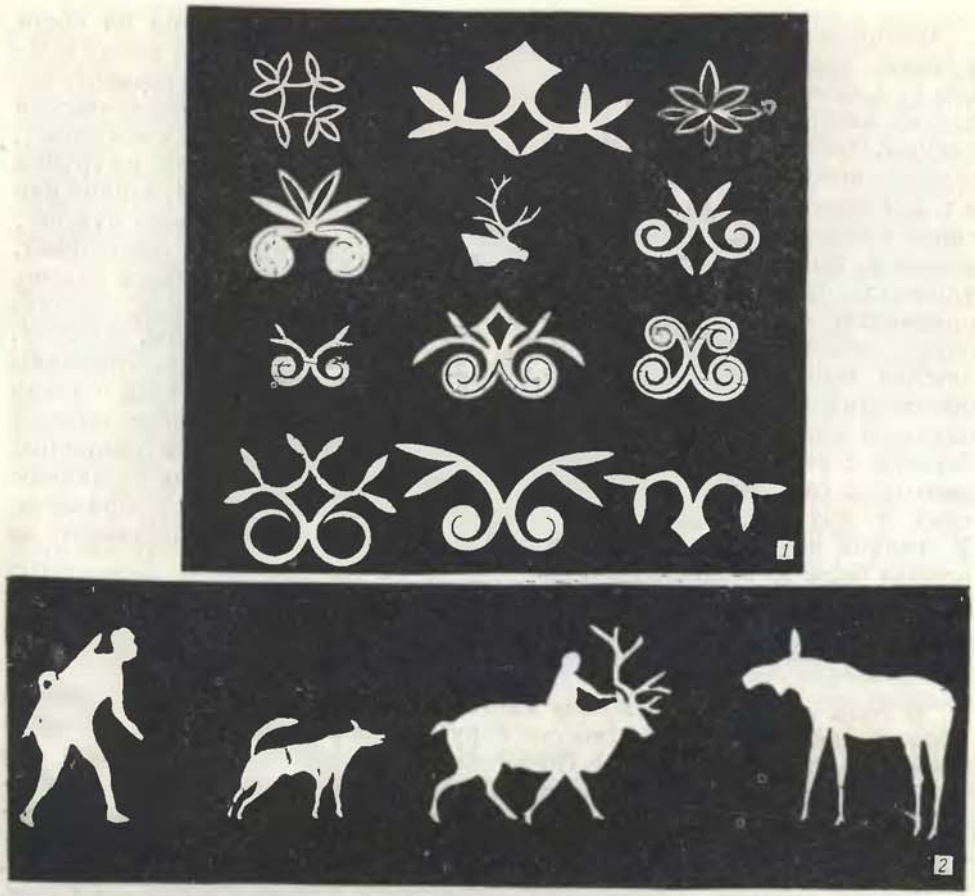
Заветная мечта всех героев — пройти подальше, увидеть побольше, встретить соперника и помериться с ним силой и ловкостью. Во всех преданиях описываются поединки богатырей. Обычно победитель берет себе в жены сестру или жену побежденного противника. В сказаниях восточных эвенков сонинги сталкиваются с сонингами других племен — Сивир, Кедан, Кеян, Оха и др., имеющих оленей и лошадей, но по внешности и быту отличающихся от эвенков. Живут некоторые из них в восьмигранных полуподземных жилищах с выходом через дымовое отверстие или в квадратных домах. У эвенков существовали рассказы о враждебных людям чудовищах и людоедах (*чулугды*, *эвэтыл*, *илэтыл*, *дептыгир*).

Исторические рассказы отражают явления сравнительно недавнего времени. В них уже говорится о появлении богатства у отдельных родоначальников, приводятся определенные родовые названия, существующие до сих пор. В таких рассказах много говорится о межродовых столкновениях. Ряд преданий отражает взаимоотношения эвенков с купцами, русскими крестьянами, царскими властями.

К темам бытовых рассказов относятся случаи на охоте, высмеивание человеческих недостатков (лени, глупости, хитрости). Таковы многочисленные рассказы об Ивуле (у западных) или Мивчэ (у восточных эвенков), построенные на игре слов. У Ивуля есть умный старший брат. Брат этот посылает Ивуля принести необходимые для изготовления лодки корни тальника (*нгингтэл*). Ивуль вместо этого убивает детей и приносит детские пятки (*нгингтыл*). Брат просит его принести зажимы-щемила для лодки (*нинакир*), Ивуль приводит собак (*нгинакир*). Его посылают за ребрами для лодки, а он приносит ребра убитой им матери. Брат просит перекочевать и поставить чум на крутом берегу (*нгэку*), Ивуль ставит чум на помосте — лабазе (*нэку*); его просят устроить стоянку у реки (*бираду*), он пытается поставить чум на реке и т. д.

У эвенков, живших смежно с другими народностями, бытовали в своеобразном переплетении с мотивами, а иногда и сюжетами собственного фольклора, сказки и предания, проникшие от соседей. Сюда относятся, например, русские сказки об «Иванушке-дурачке», названном у эвенков Учанай-Тонганай, бурятское предание о «Хани-Хубун-Хэхэр-Богдо» и др.

Единственный музыкальный инструмент эвенков — очень древний и характерный почти для всех народов Азии *кэнгипкэвун* (или *пэнгипкэвун*). Это маленький (до 10 см высоты) металлический варган в форме лиры, с припаянным к середине обода язычком. Резонатором служит



Берестяные игрушки и трафареты

1 — берестяные трафареты для вышивания; *2* — бумажные и берестяные игрушки

полость рта. Варган вставляют узкой частью между губами и легким подергиванием кончика язычка заставляют его вибрировать и издавать слабые звуки, меняющиеся в зависимости от изменения величины полости рта. На нем можно наигрывать разные простые мелодии. Если под рукой не оказывалось металлического варгана, делали деревянный. Это была пластинка с вырезанным в ней язычком, в основании которого продергивали ниточку с узелком.

Хоровод — единственный известный ранее эвенкам танец. Водили хоровод обычно вечером. Один из участников хоровода начинал импровизировать песню с ритмом, приноровленным для переступаний; все присутствующие повторяли строки импровизации. Народу прибавлялось, круг рос, ритм постепенно учащался, быстро нарастал, движения становились стремительными, и хоровод несся вихрем. Тогда уже не пели, а только быстро выкрикивали слова мотива (чаще всего *е-хорь-е* и *эхегей-е*). Выбившиеся из сил люди выходили из круга, их заменяли новые участники. Для действий «плясать», «петь» и «играть», «состязаться в стрельбе, фехтовании и др.» у эвенков существовал один термин *икэ*(*н*), или *эви*(*н*).

Игры у эвенков носили характер состязаний в борьбе, беге, прыжках и стрельбе.

Изобразительное искусство было представлено орнаментом на кости и дереве, вышивкой бисером и из полосок меха или тканей, а также шелком (у восточных эвенков) и объемными изображениями. В орнаменте западных эвенков преобладают прямые линии и простейшие геометрические фигуры. Орнамент наносился на седельные дужки (деревянные и костяные), черенки ножей, металлические подвески к женским костюмам, на трубки и т. д. Орнамент на дереве иногда окрашивали красной, белой, черной или синей краской. Орнаментировка металла, кости, дерева — дело мужчин; женщины вышивали бисером (западные), шелком и нитками (восточные), украшали одежду полосками меха и тканей. Нагрудники были сплошь орнаментированы. Орнаментировались также борта кафтанов, позднее обувь, пояса, рукавицы, сумочки, торсуки — вьючные сумы, уздечки, детские шапки, зимние чехлы для люлек и другие вещи. Женщины орнаментировали и берестяную посуду: орнамент продавливали острием оленьего копытца, или на раскрашенную основу прикрепляли полоски бересты с резным орнаментом. Вырезали из бересты также различных животных (игрушки для детей). Среди манегров и некоторых забайкальских и амурских эвенков был распространен спиральный орнамент. У эвенков на севере Красноярского края и в Якутии в орнаменте на одежде были якутские элементы.

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ ЭВЕНКОВ

В годы гражданской войны многие эвенки участвовали в партизанском движении Сибири и вместе с русскими рабочими и крестьянами помогали Красной Армии. После освобождения Сибири и Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев началось переустройство хозяйства, быта и культуры народов Крайнего Севера, в том числе и эвенков.

На первом этапе советского строительства у эвенков, как и везде на Севере, были организованы родовые советы и туземные районные исполнительные комитеты, которым временно были предоставлены судебные функции.

Родовые советы занимались также хозяйственным и культурным строительством (открытие новых факторий, организация медицинской и ветеринарной помощи и т. п.). С 1925 г. началась подготовка эвенкийских кадров для работы в советах, кооперации и школах. На Крайнем Севере с 1928 г. начался переход от родовых советов к советам, организованным по территориальному принципу. Укрепление советской работы, рост сознания и политической активности трудящихся эвенков послужили предпосылкой для организации национальных районов и округа. В 1927 г. были созданы два национальных района: Илимпийский и Байкитский. Это был период организационного укрепления национальных советов. В районах организовались разъездные красные чумы, сотрудники которых проделали большую работу по поднятию общей культуры и по ликвидации неграмотности среди эвенкийского населения.

10 декабря 1930 г. постановлением ВЦИК был создан Эвенкийский национальный округ, в который вошли три национальных района: Илимпийский, Байкитский и Тунгусско-Чунский. Организация округа подняла на более высокую ступень всю политическую, хозяйственную и культурную работу. В окружном центре были сконцентрированы основные партийные и хозяйственные силы, которые осуществляли руководство всей жизнью районов и отдельных селений.

В 30-х годах в Эвенкийском национальном округе создаются коллективные хозяйства. Организовывались простейшие производственные объединения (ППО), основанные на добровольном обобществлении рабочих оленей на время совместной охоты. Это была начальная форма колхозного строительства. Государство оказало этим новым хозяйствам большую помощь, им предоставлялись лучшие охотничьи угодья, оказывалась помощь оленями, денежными ссудами. Эвенки-бедняки, благодаря этой помощи, стали независимыми от богачей. Создание товарищества облегчило труд, обеспечило рост материального благосостояния эвенков.

Коллективизация хозяйств эвенков протекала в условиях обостренной борьбы. Богатеи и шаманы, используя свое влияние, всеми способами стремились сорвать советские мероприятия. Для сохранения своего влияния на бедноту они давали ей оленей, устраивали угощения; распространяя ложные слухи, они запугивали бедняков, агитировали против колхозов и т. д. В отдельных случаях богатеи уходили в другие районы и, уводя с собой бедноту, пытались устроить свои «артели». Однако им не удалось сорвать или затормозить колхозное строительство.

В 1937 г. в Эвенкийском национальном округе существовало уже 32 ППО, охвативших 86% всех хозяйств коренного населения округа. В то же время осуществляется переход на оседлость. С 1939 г. в округе ППО стали переходить на устав сельскохозяйственной артели. В колхозах начали развиваться новые для эвенков отрасли хозяйства: земледелие, животноводство. Началось оседание эвенков, связанное с новой, колхозной организацией труда, с развитием новых отраслей хозяйства и т. д. В тайге возникали новые поселки. Государство оказало эвенкам большую помощь: для них были построены теплые дома русского типа, созданы школы, больницы и т. д. Хозяйство, культура и быт эвенков благодаря всем этим мероприятиям были в корне преобразованы.

Оленеводство в колхозах Эвенкийского национального округа имеет два направления: транспортное и охото-промысловое. Прежде оленеводство у эвенков велось чрезвычайно примитивно. В настоящее время большое внимание уделяется улучшению породности оленей. В колхозах имеются племенные и рабочие стада. На территории округа имеется племенной оленесовхоз, который связан со всеми оленеводческими колхозами. Советские зоотехники разработали новые методы ухода за оленями. В оленеводческих бригадах имеются зоотехники и ветфельдшеры, под руководством которых колхозники осуществляют различные профилактические мероприятия по борьбе с заразными болезнями оленей. С каждым годом совершенствуются методы выпаса оленей; все шире внедряется практика круглосуточного окарауливания оленей и т. д. В колхозах созданы постоянные пастушеские бригады, которые выпасают оленей по определенным маршрутам, заранее разработанным правлениями колхозов, с учетом запасов кормов на местности и правильного их использования. На летний период строятся теневые навесы, предохраняющие оленей от гнуса. Повсеместно применяется подкормка оленей минеральными веществами, концентрированными кормами и т. д.

Соревнование за образцовое проведение гона, отела, сохранение молодняка все больше входит в практику эвенков-оленеводов. Ежегодно на праздник «День оленя» в окружной центр съезжаются лучшие оленеводы для подведения итогов своей работы.

Прежде эвенки использовали оленей только под вьюк и седло; ныне широко применяются оленьи нарты.

Организация работ в оленеводстве строится в настоящее время на совершенно других основах, чем прежде. До коллективизации вместе

Поселок эвенкийского колхоза «Ударник», Амурская обл., Зейско-Учурский район

с оленями кочевало все семейство эвенка, и весь домашний и хозяйственный быт оленеводов был тесно связан с кочеванием. Ныне в колхозах выделяются специальные пастушеские бригады. Семьи оленеводов колхозников живут в постоянных поселках, где они занимаются звероводством, земледелием, строительством и т. д. В этих поселках в школах-интернатах учатся все дети колхозников.

В экономике всех эвенкийских колхозов большое значение имеет охота. Охотятся преимущественно на белку, лисицу, норку, а также на соболя. За последние годы получила развитие охота на ондатру. В северной части Илимпийского района охотятся главным образом на песца, горностая, диких оленей. В охотничьей практике широко распространены наряду с современным оружием орудия охоты старого типа: плашки, черканы, кулемы, пасти; на лисиц и песца и сейчас охотятся преимущественно с капканами. Обычно охотничьи бригады на сезон охоты делятся на звенья по 3—4 человека, во главе которых стоят звеньевые.

Современный быт охотников организован по-новому; колхозы снабжают их теплой одеждой, продовольствием, палатками, во многих местах охоты выстроены теплые зимовья. Звено живет в одном жилище, охотится на территории, заранее определенной для него на общем собрании колхозников. В каждое звено входит колхозница, которая готовит пищу охотникам и ремонтирует их одежду. Регулярно в определенном месте в тайге собираются вместе все члены бригады; сюда же приезжают сборщики пушнины и культработники. Здесь устраиваются для охотников лекции, беседы, читки газет и т. д.

Ряд молодых охотников эвенков за отличные показатели были награждены почетными грамотами крайкома ВЛКСМ; среди них есть также женщины-охотники. Десятки передовых охотников Эвенкийского национального округа были участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Охота являлась недавно главным занятием эвенков.

В бригаде охотников

Еще в 1937 г. доходы эвенкийских колхозов от охотничьего промысла составляли 75.5% общей суммы доходов. В настоящее время, в связи с развитием других отраслей хозяйства — животноводства, пушного звероводства и земледелия, охотничий промысел стоит в одном ряду со звероводством. Эта отрасль хозяйства особенно развилась у эвенков с 1947 г. Зверофермы, на которых разводятся обычно серебристо-черные лисицы, имеются сейчас почти во всех колхозах Эвенкийского округа.

Почти одновременно с созданием колхозов эвенки стали заниматься сельским хозяйством. В южных районах округа возделываются зерновые культуры (ячмень, овес), но наибольшее значение имеют овощи и картофель. В 1952 г. в ряде эвенкийских колхозов собрали с каждого гектара по 120—160 ц картофеля и овощей. Такая урожайность является очень высокой для эвенков, не знавших прежде земледелия.

Наряду с земледелием все бóльшее значение в эвенкийских колхозах приобретает животноводство.

Во время Великой Отечественной войны в колхозах Эвенкийского национального округа особенное значение получило рыболовство. Добыча рыбы резко возросла, была организована ее засолка и вывозка. В настоящее время рыболовство наиболее интенсивно развито в колхозах Илимпийского района, где оно дает большое количество товарной продукции. В остальных районах Эвенкийского национального округа рыболовство имеет в колхозах главным образом потребительское значение.

Развитию многоотраслевого хозяйства и повышению его доходов в сильной мере способствовало укрупнение колхозов, происходившее в 1951—1952 гг. В 1951 г. доходы колхоза «Победа» Илимпийского района превысили 1 млн руб. В 1952 г. свыше миллиона рублей дохода получил колхоз «Красная Звезда» Байкитского района.

Современные эвенкийские селения ничего общего не имеют с прежними стойбищами. Они представляют собой правильно спланированные села, в которых помимо жилищ колхозников — рубленых домов русского типа — расположены различные культурно-бытовые и хозяйственные здания. В каждом селении имеется школа, медпункт, клуб или красный чум.

Красный чум — это благоустроенное здание, куда приходят после работы колхозники отдыхать, учиться, почитать свежие газеты. Название «красный чум» отражает тот начальный период деятельности этого культурно-просветительного учреждения, когда он был передвижным и работники его «кочевали» по местам скопления кочевников-оленеводов и охотников.

Уже в 1952 г. 80% селений Эвенкийского национального округа было радиофицировано. В 1951 г. в колхозе «Омакта Хокто» начала работать первая колхозная электростанция; лампочки Ильича загорелись и в эвенкийских домах. В последующие годы электростанции были построены во многих эвенкийских колхозах.

Вместе с ростом материального благосостояния и культуры эвенков изменяется и их быт. Прежние конические чумы сохранились в настоящее время в качестве жилища только в оленеводческих и охотничьих бригадах. В срубных домах появилась обстановка городского типа.

Среди эвенков большое распространение получила покупная одежда и обувь, хотя некоторые формы национальной одежды и обуви и весь комплекс промыслово-охотничьей одежды продолжают стойко удерживаться. Поэтому не утеряла и в настоящее время своего значения обработка оленьих шкур для зимней одежды, обуви и разных поделок, которая производится женщинами прежними способами.

В пищевой рацион эвенков, наряду с распространенной в прошлом (и почти единственной) мясной и рыбной пищей, вошли различные продукты с колхозных огородов и ферм; кроме того, большое место заняли в нем покупные продукты. Изменились и способы приготовления пищи. Женщины-эвенкийки научились приготовлять котлеты, тушить мясо, варить различные супы, печь пирожки и т. д. Прочно вошла в быт покупная посуда и утварь. Интересно отметить, что одним из наиболее стойких элементов материальной культуры оказалась характерная эвенкийская колыбель, которая до сих пор удерживается в быту.

Исчезает антисанитария в быту эвенков. Резко сократилась детская смертность; значительно увеличилась рождаемость. В прошлом эвенки были лишены какой бы то ни было медицинской помощи, и смертность среди них была очень высока. Бичом эвенков являлся туберкулез, а также болезни, вызываемые условиями быта и занятий: ревматизм, простудные и трахома. Не были свободны многие эвенки и от специфически северного нервного заболевания — эмеряченья. Такие эпидемические болезни, как, например, корь, оспа, до революции выкашивали целые стойбища. При этих заболеваниях эвенки даже не обращались к шаманам, а бросали больных и бежали в тайгу, умирая в дороге, если оказывались зараженными. Только единицам удавалось избежать «красной смерти». Бессильной была против болезней эвенкийская народная медицина, знавшая только некоторые травы, останавливающие кровотечения из ран, и другие примитивные приемы лечения. Роды обычно происходили в тяжелых условиях в особом чуме, заранее устроенном из разного старья. Роженица проводила там несколько дней и после родов, а затем чум этот бросали. Помощь при родах оказывали старые женщины. В случае трудных родов прибегали к различным магическим действиям, например развязывали всякие узлы во всем стойбище, а в особенно тяжелых слу-

Школа для детей эвенков в с. Вершина Иркутской области

чаях приглашали шамана. По прошествии 3—7 дней роженица мылась, «окуривалась» и переходила в общий чум.

Первая больница для эвенков была открыта в 1927 г. в пос. Тура, а уже в 1950 г. в округе работали 11 больниц и амбулаторий, 6 детских яслей и садов, 3 родильных дома, 8 врачебных участков, 18 фельдшерских пунктов, имелся туберкулезный санаторий. В настоящее время во всех эвенкийских селениях имеются медицинские пункты. Местным медицинским учреждениям оказывается помощь квалифицированными силами округа и края. В 1943 г. в окружном центре — пос. Тура — была создана фельдшерско-акушерская школа. Эта школа уже дала несколько выпусков медицинских работников из среды местного населения.

Для культурного обслуживания эвенков в 1920—30-х годах в разных районах их широкого расселения были открыты культбазы: Усть-Калаканская — для обслуживания витимо-олекминских эвенков, Усть-Майская — для алдано-майских групп и Тугурская на Охотском побережье — для обслуживания чумиканских эвенков.

На территории нынешнего Эвенкийского национального округа, в пос. Туре на Нижней Тунгуске, культбаза была создана в 1927 г. В первой школе-интернате стали жить и обучаться 26 учеников. При культбазе были открыты: ветеринарная лечебница, туберкулезный диспансер, «дом туземца», баня и прачечная. С этого времени развернулась широкая культурная работа, направленная на ликвидацию вековой отсталости и темноты. В 1950 г. на территории округа работали уже 3 дома культуры, 2 сельских клуба, 13 красных чумов, 11 изб-читален, 1 окружная и 8 сельских библиотек, много стационарных киноустановок, радиоузлов и т. д.

До революции среди эвенков почти не было грамотных; не было у них и своей письменности. Только после Великой Октябрьской социалистической революции была создана эвенкийская письменность. В 1928—1929 гг. были размножены стеклографическим способом первые тексты.

В 1931 г. появилась первая эвенкийская книга, отпечатанная в типографии. С этого года массовыми тиражами стали выходить из печати

учебники для школ и всякого рода брошюры для взрослых. В последующие годы территория Эвенкийского национального округа покрылась сетью школ. Уже в 1950 г. в округе, кроме 25 начальных, имелись 3 семилетние и 3 полные средние школы-интернаты, в которых на полном государственном обеспечении содержалось около 800 детей эвенков. С каждым годом растут в округе ассигнования на народное образование. В 1950 г. средства эти в пятьдесят раз превысили ассигнования на народное образование, отпущенные в 1932 г. Окончив семилетние или десятилетние школы, эвенки едут учиться в педагогические училища и институты, в фельдшерские, ветеринарные и юридические школы в Игарку, Минусинск, Красноярск и другие города. Еще в начале 30-х годов эвенкийскую молодежь начали направлять на учебу в Ленинградский институт народов Севера. Ныне эвенки обучаются в Государственном Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Ежегодно многие десятки эвенков уезжают учиться. Среди учащейся молодежи много женщин. В 1952 г. в различных высших и средних учебных заведениях получали специальное образование свыше 60 женщин-эвенкиек из Эвенкийского национального округа.

Во всех учебных заведениях вплоть до их окончания эвенки, как и представители других народов Севера, находятся на полном государственном обеспечении. Эвенки имеют сейчас свои партийные, хозяйственные и культурные кадры. В 1952 г. в трех исполкомах райсоветов и в 19 сельских советах работали председателями эвенки. Эвенки работают в окружкоме и райкомах партии, в окружном и районных советах, председателями колхозов, заведующими красными чумами и избами-читальнями, счетоводами, бухгалтерами, зоотехниками, фельдшерами, работниками в районных газетах, педагогами в эвенкийских школах и т. д. В течение ряда лет председателем исполкома окружного совета депутатов трудящихся работает эвенк-орденоносец М. П. Койначенок. В 1947 г. он был избран депутатом Верховного Совета СССР. Из среды эвенков выросли кадры научных работников, преподавателей вузов. Окончили аспирантуру и защитили кандидатские диссертации В. Н. Увачан (Академия общественных наук) и А. В. Романова (Академия педагогических наук).

Большое внимание уделяется изданию литературы для эвенков. Появилась большая переводная литература, причем переводчиками являются сами эвенки. В настоящее время переведены и изданы на эвенкийском языке Конституции СССР и РСФСР и другая политическая литература. Переведены и переводятся на эвенкийский язык произведения Пушкина, Горького, Толстого, Шолохова и др. В округе издаются две районные и одна окружная газета, где периодически печатаются статьи на эвенкийском языке. Книга и газета прочно вошли в быт эвенков, стали обычным явлением в охотничьих избушках и палатках оленеводов.

Появилась оригинальная эвенкийская литература. Эвенкийский народ выдвинул ряд талантливых писателей и поэтов. Среди них надо назвать Алексея Салаткина и Анастасию Салаткину (с Нижней Тунгуски), Г. Чинкова (с о-ва Сахалина), покойного Алексея Платонова (с р. Учура), Николая Сахарова (с. р. Тунгира). Перу поэта А. Салаткина принадлежит книга стихов «Тайга играет». Эвенкийские поэты и писатели обработали и опубликовали произведения эвенкийского фольклора (Г. Чинков — «Сулакичан», «Гарпанинди»; Алексей Салаткин — «Гегдаллукон, ульгориккон»; Анастасия Салаткина — «Интылгучан» и др.). В 1938 году был выпущен первый альманах «Учэлэ. Тыкан» («Прежде. Теперь»).

В настоящее время у эвенков получили распространение длинные песни (в прошлом у эвенков существовали коротенькие песни-импрови-

Акварели эвенка Н. Марфусалова

— «Охота на белку»; *2* — «Нападение волка на оленя»

Студенты Государственного Педагогического института им. А. И. Герцена эвенки и манси у здания института

зации на определенные мелодии). Любовью к ритму и песне можно объяснить преобладание стихотворной формы в современной художественной литературе эвенков. На поэтические произведения, вызванные к жизни нашей социалистической действительностью, оказало большое влияние эвенкийское народно-поэтическое творчество. Новые темы вошли и в современный песенный эвенкийский фольклор. В советское время среди эвенкийской молодежи появилось также много талантливых рисовальщиков и живописцев.

Коренным образом изменилось мировоззрение бывших кочевников. Ушли в прошлое старые верования, обряды, обычаи, исчезло шаманство. Рост политической сознательности эвенков с особой силой проявился в годы Великой Отечественной войны. Многие эвенки-фронтовики были награждены боевыми орденами и медалями. Эвенк И. Увачан был удостоен звания Героя Советского Союза.

Свидетельством общего роста культуры эвенков является также современное положение эвенкийских женщин. Женщины-эвенкийки, не

знавшие прежде ничего, кроме кочевого домашнего хозяйства, активно включились в общественную и производственную жизнь. Около 200 женщин-эвенкиек были награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Во всех колхозах работают женсоветы, которые совместно с партийными организациями ведут большую культурно-воспитательную работу среди женщин. Женщины активно участвуют в общественном производстве, охотничьем промысле, оленеводстве, земледелии. Среди лучших охотников Эвенкийского национального округа орденом Трудового Красного Знамени награждена эвенкийка Ч. А. Пикунова из колхоза им. С. М. Кирова.

В местных советах в 1950 г. было более $^1/_3$ депутатов женщин.

Мы привели некоторые данные, характеризующие современное хозяйство, культуру и быт эвенков Эвенкийского национального округа. Но где бы ни жили эвенки — в своем ли национальном округе, среди якутов или среди русских, вблизи крупных городов или в отдаленных уголках необозримых таежных просторов, за сотни километров от районных и за тысячи километров от областных центров — везде развивается их культура, растет их хозяйство.

В 360 км от районного центра, в тысяче километров от областного центра в с. Усть-Нюкжа Нюкжинского района Амурской области расположен эвенкийский колхоз «Ленин октон» («Ленинский путь»). Хозяйство колхоза многоотраслевое, включающее пушной промысел, рыболовство, земледелие, скотоводство. В прошлом эвенкийские хозяйства этого района были малооленными. Ныне в колхозе «Ленин октон» рационально развивается оленеводство; там создан оленепитомник, поголовье оленей с каждым годом увеличивается, и уже в 1952 г. оно достигало около 2 тыс. В колхозе создана звероферма серебристо-черных лисиц, которая приносит большой доход. Общий доход колхоза в 1952 г. превысил 1 млн руб.

В с. Усть-Нюкжа имеется большой клуб. При клубе работают различные кружки художественной самодеятельности; участники драматического кружка ставят русские пьесы, переведенные ими на эвенкийский язык. Усть-Нюкжинская библиотека — лучшая в районе. В поселке имеется семилетняя эвенкийская школа с интернатом. Среди сельской интеллигенции много эвенков.

Оленеводов и охотников эвенков этого колхоза в отдаленных бригадах обслуживают красные палатки — своеобразные передвижные клубы или избы-читальни, созданные райкультпросветотделом. Зимой на оленях по тайге, летом в лодках по р. Нюкже красные палатки регулярно объезжают самые отдаленные уголки тайги. Прежде вся культурная работа проводилась среди эвенков русскими, а в настоящеее время все культработники красных палаток — эвенки; они проводят всю работу среди населения на родном языке. В этом отдаленном селе имеются больница и амбулатория. Председателем исполкома Нюкжинского районного совета много лет работал эвенк И. П. Сынгалеев. В 1950 г. он был избран депутатом областного совета Амурской области.

В Северо-Байкальском районе Бурятии основной отраслью хозяйства эвенкийских колхозов является рыболовство, но в них развивается также оленеводство, сельское хозяйство, пушной промысел, добыча нерпы в Байкале. После укрупнения колхозов, происшедшего здесь в 1951 г., колхозное хозяйство еще более развилось и окрепло. Уже в 1951 г. доходы укрупненного колхоза им В. И. Ленина, в котором работают эвенки, буряты и русские, превышали миллион рублей.

В течение ряда лет председателем исполкома Северо-Байкальского районного совета работает эвенк Д. Ф. Колмаков — депутат Верховного Совета

Книги на эвенкийском, эвенском и нанайском языках

Бурят-Монгольской АССР, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

В колхозах Баунтовского района Бурят-Монгольской АССР, где широкое развитие получило сельское хозяйство, эвенки приобрели большие навыки в этом новом для них занятии. Активным общественным деятелем Бурят-Монгольской АССР является эвенкийка Е. Г. Корсакова. В 1938 г. а затем и в 1947 г. она дважды избиралась депутатом Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР; она же была избрана заместителем председателя Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР. В 1951 г. она была избрана депутатом Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР в третий раз.

Мы привели лишь немногие примеры, иллюстрирующие те коренные изменения, которые произошли в хозяйстве, культуре и быте эвенков во всех районах их обширного расселения. В прошлом неграмотные кочевники-оленеводы и охотники, испытывавшие на себе всю тяжесть гнета и эксплуатации хищников-купцов и местных богатеев, обреченные на голодовки в годы неудачного промысла, скованные вековыми предрассудками, характерными для патриархально-родового общества, — эвенки неузнаваемо изменились за годы советской власти.

ДОЛГАНЫ

Долганы составляют основное население Таймырского национального округа.

В настоящее время долганы говорят на особом диалекте якутского языка. Сложились они из групп различного происхождения. Ядро долганов составляли четыре родовые группы тунгусского происхождения — Долган, Эджен, Карыпту о и Донгот.

Общие сведения

Долганы называют себя *дулгаан*. Это самоназвание одной из родовых групп в XIX в. распространилось на всех долганов. Многие долганы, однако, еще недавно называли себя по имени той группы, к которой принадлежали: Эджен, Донгот или Карыпту о. Таким образом, раньше у них не было общего самоназвания. В районе Норильска некоторые долганы называют себя также *тыа кисите* (по-якутски «лесной человек») или *тегг* (по-эвенкийски «племя», «народ»). Иногда долганы называли себя тунгусами, но отличали себя от местных эвенков Таймырского и Эвенкийского национальных округов. Они не считают себя якутами и этнографически отличаются от последних.

Численность долганов составляла в 1897 г. 1224 человека, а в 1926—1927 гг. 1445 человек. С начала XX в. к долганам причисляли себя обычно помимо «настоящих» долганов и другие различные оякутившиеся группы (так называемые затундренные крестьяне, местные эвенки), а также и часть якутов, живущих в том же районе. Фактически долганами можно считать почти все коренное население Авамского и Хатангского районов, за исключением нганасанов, а также эвенков, живущих к югу от р. Хеты и в ее истоках, и все коренное население Норильско-Пясинского сельского совета Дудинского района Таймырского национального округа. Небольшие группы долганов живут также на Енисее в Дудинском и Усть-Енисейском районах.

До революции долганы образовывали следующие административные «роды», возглавлявшиеся родовыми старостами, или «князьцами»: долгано-енисейский (собственно Долган), долгано-тунгусский (Донгот), жиганско-тунгусский (Эджен) и боганидско-тунгусский (Карыпту о). Якуты, слившиеся с долганами, образовывали Нижне-затундринское «родовое» управление, частью входили в наслеги Бету (Чорду) и др.

Язык долганов является диалектом якутского языка, отличающимся наличием эвенкийских слов. Степень близости долганского диалекта к якутскому языку уменьшается по направлению с востока на запад.

По данным русских источников, в XVII в. территория расселения современных долганов была занята предками нганасанов. Упомянутые выше группы, составившие в дальнейшем ядро долганского народа, жили тогда в сравнительно далеких от Таймыра районах: группа Долган занимала районы устьев Вилюя и Муны на Лене; группа Эджен (Азян) жила в низовьях, а Донгот — в верховьях Оленека. На Оленеке, вероятно, обитали и предки Карынтуо.

Роды с названиями Долган, Эдян (Эджен) были широко распространены среди эвенов и эвенков. Так, долганские роды известны в районах Анадыря, Гижиги, на Камчатке, Охотском побережье; эдженские роды — в бассейне Алдана, в районе Аяна на Охотском побережье и т. д.

В течение XVIII в. предки современных долганов переселились на северо-запад: группы Долган — на рр. Попигай и Хатангу, Донгот и Эджен — в район Норильских озер, Карынтуо — в бассейн р. Боганиды. Оставшиеся на Лене долганы вошли в местные якутские наслеги в качестве отдельных родов.

В конце XVII в. в бассейне Хатанги на р. Хете появляются первые якуты-переселенцы, приток которых все более усиливался. Из этих якутов в XVIII в. образовалась Нижне-затундринская якутская волость.

Еще раньше якутов, с первой половины XVII в., поселились по рр. Пясине, Дудыпте, Боганиде, Хете, Хатанге русские промышленные люди, положившие начало старожилому русскому населению этих мест, ставшему известным в дальнейшем под названием затундренных крестьян. Они занимались главным образом рыболовством, в меньшей степени охотой. От них, в частности, долганы и нганасаны научились сооружать ловушки-пасти на песца. В жилище и быте долганов уже издавна, после переселения их на Таймыр, сказывалось влияние их русских соседей.

В течение XVIII и XIX вв. усиленно протекал процесс взаимного сближения культуры и быта этих разных групп населения рассматриваемой территории. Господствующим становился якутский язык, осваиваемый не только тунгусскими по происхождению группами, но и большей частью затундренных крестьян. Взаимные браки все более стирали прежние различия между эвенками, якутами и русскими.

Система царского административного управления ничем не отличалась здесь от существовавшей в остальных районах северной Сибири. Долганы, якуты, эвенки как «инородцы» платили ясак, образовывали «роды», возглавлявшиеся князьцами, между тем как затундренные крестьяне были обложены подушной податью, составляли «общество» и возглавлялись старостой. Отдаленное на многие сотни километров от ближайших центров, местное население находилось в экономической зависимости от купцов, сосредоточивших в своих руках все снабжение района, скупавших пушнину и жестоко эксплуатировавших население.

Хозяйство и быт

Основными занятиями долганов были в прошлом оленеводство и охота, а в отдельных районах рыболовство. Еще недавно долганы вели кочевой образ жизни. При этом их кочевки в основном сводились к двум типам. В районе Норильских озер и в бассейне р. Попигай долганы сохраняли более архаический порядок кочевок, не выходя в общем из полосы лесотундры, зимой держась лесистых долин рек, а на лето откочевывая в безлесные гольцы. Зимние стойбища других групп долганов были вытянуты в полосе лесотундры от оз. Пясина до низовьев р. Попигай. Это были типичные жители «края леса». Зиму они проводили в лесотундре, немного отступая к югу от северной границы древесной растительности, лето — в тундре,

несколько севернее этой границы. Переход с зимних на летние стоянки и обратно происходил весной и осенью.

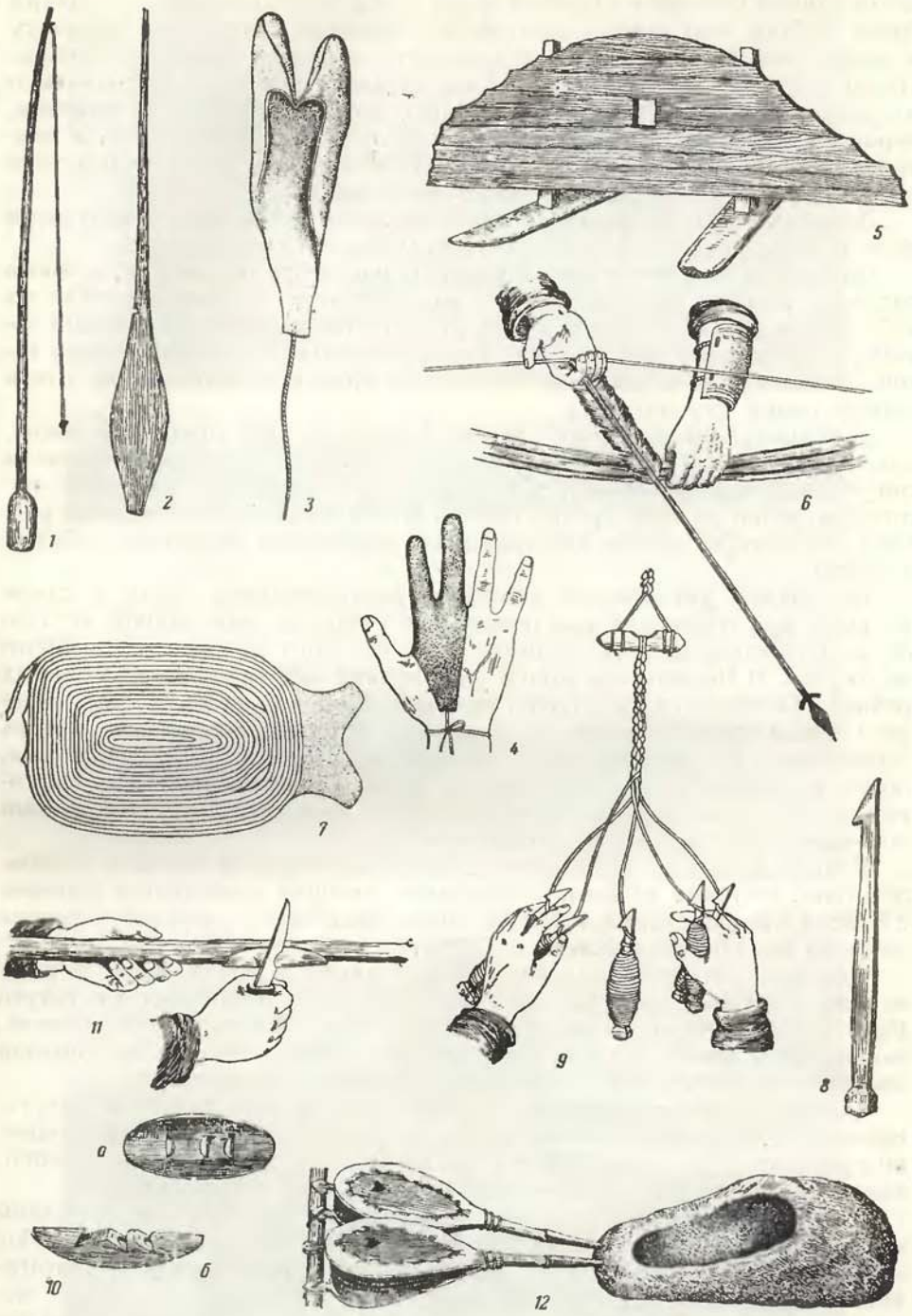
Зимой семьи (хозяйства) норильских и попигайских долганов жили обособленно друг от друга, часто по-одиночке. Остальные долганы, кочевавшие вдоль северной границы леса, образовывали цепь «станков» (станций) зимнего тракта Норильск—Попигай и стояли группами в 5—10 хозяйств, причем часть этих станков представляла даже группы постоянных жилищ — изб. Но так как олени требуют частой смены пастбищ, то стойбища отдельных семей и целые станки, а также и пастухи оленей долганов, живших на станках в избах, должны были менять свое местопребывание несколько раз в течение зимы.

С наступлением весны, после того как снимались станки, долганы образовывали кочевые группы. Эти кочевые группы являлись объединениями по территориально-соседскому признаку хозяйств, связанных общими экономическими интересами. При таких объединениях сокращалось количество необходимых для выпаса оленей пастухов, так как присмотр за одним большим стадом требует меньше людей, чем за несколькими малочисленными. Весной, при появлении трав, и летом, в период появления комаров и гнуса, долганы охраняли свои стада круглые сутки, выделяя караульных от каждого хозяйства по очереди. Кочевые группы долганов размежевывали свои кочевья по озерам, рекам и горам. Осенью, с исчезновением гнуса, каждая летняя кочевая группа вновь распадалась на отдельные семьи, которые кочевали около своих песцовых пастей, исправляя их к зиме, или охотились в одиночку на диких оленей, пока не приходила пора становиться на станки.

Оленеводство долганов сочетало в себе традиции тунгусского верхового оленеводства с приемами и техникой, заимствованными у оленеводов самодийской группы. Так, долганы употребляли оленей под седло и вьюк (летом) и вместе с тем широко применяли упряжку оленей в нарты (зимой). Но еще в первой половине XIX в. долганы в некоторых районах ездили на оленях только верхом. Типы нарт в основном сходны с ненецкими и нганасанскими, но имеются и нарты якутского типа — с низкими прямо поставленными копыльями. Способ упряжки отличен от ненецкого: передовой олень запрягается и управляется вожжой справа, тогда как у ненцев, энцев и нганасанов передовой олень запрягается и управляется вожжей слева (в этой связи можно отметить, что эвенки и долганы и при верховой езде садятся на оленя справа и управляют вожжой справа же). Сохраняется у долганов характерное для эвенков доение оленей; употребляется пастушеская собака, как у ненцев и нганасанов. Седла и способ ездить верхом у долганов — тунгусского типа.

Долганы охотились на песцов, диких северных оленей и птиц — гусей, уток, куропаток. Еще недавно широко применялись на охоте луки, которые долганы получали от кетов через посредство русских, а также от якутов и южных эвенков. Имели долганы и самострелы для охоты на диких оленей, которые ставили в засеках, расположенных к востоку от Хатанги. По преданиям, в далеком прошлом долганы охотились на диких оленей пращами и метательными стрелами.

Большое значение в хозяйстве долганов имели и осенние коллективные поколки диких оленей при переправах их через реки и различные способы охоты с ружьем, сменившим старый лук. Осенью, во время гона диких оленей, промышляли их с помощью специально дрессированных домашних оленей-маньщиков. Зимой охотились на диких оленей с ружьем и луком почти исключительно гоном: запрягали в легкие нарты четырех сильных оленей и гонялись часами за выслеженным стадом. Другая форма зимней охоты с ружьем была связана с маскировкой: охотники



Орудия и принадлежности охоты. Техника

1 — упругая палка с веревкой для пуска метательной стрелы; *2* — метательная деревянная стрела; *3, 4* — перчатка, надеваемая при стрельбе из лука; *5* — щит на лыжах для маскировки охотника; *6* — способ предохранения руки при стрельбе из лука; *7* — способ выревывания ремня спиралью из шкуры оленя; *8* — деревянный крюк для плетения аркана; *9* — способ плетения аркана; *10, а, б* — деревянный струг с отверстиями для лезвия ножа; *11* — способ употребления струга; *12* — глиняный горн с кузнечными мехами

подкрадывались к стаду под прикрытием щитка, поставленного на полозья. Зимой охотники надевали белые сокуи с нагрудниками из шкуры белой собаки, что давало возможность бесшумно подползти по снегу к оленю, летом — защитную серую малицу под цвет каменной тундры. Летом и осенью, до первого снега, выслеживали диких оленей с помощью охотничьей собаки. Долганы употребляли отравленные пули (в прошлом, вероятно, и стрелы). Ядом служил прогорклый жир дикого оленя. У долганов, живущих в лесотундре, встречались широкие лыжи тунгусского типа. В тундре ими не пользовались из-за заструг.

Добыча дикого оленя имела значение лишь как источник получения мяса и шкур для собственного полунатурального хозяйства.

Для охоты на гусей ставили капканы или петли на гнездах, а также загоняли линных гусей в заранее расставленные сети или травили их собаками и избивали палками. На уток охотились со специальными сетями, протянутыми над озерами. Также с сетями, но исключительно зимой, охотились на куропаток. Иногда для приманки привязывали у сети живую самку куропатки.

Довольно большое хозяйственное значение имел промысел песца, дававший главную товарную продукцию. Промышляли песца в основном ловушками-пастями. Песец, хватая наживу, вытягивал наживную палочку и ронял на себя бревно гнетка. Пасти были заимствованы от русских, до этого на песцов настораживали самострелы на кольях, забитых в землю.

Из орудий рыболовства наиболее распространены были и летом и зимой при подледном лове пущальни — ставные сети длиной от 6 до 30 м. Пущальни делали из ниток или конского волоса, привозимого из Якутии. В Норильском районе пущальнями неводили осенью в горных речках. Тягловой силой служил при этом верховой олень, к седлу которого привязывали веревки от пущальни. Неводы употреблялись очень ограниченно. Были распространены также переметы на стерлядь, налима, щуку, хариуса и кунжу, с крючками, раньше изготовлявшимися из согнутых 10-сантиметровых гвоздей. Налимов ловили также специальными костяными спицами, заменявшими крючки.

Водные средства передвижения, связанные главным образом с рыболовством, состояли из веток-однодеревок, которые привозились купцами с Енисея или покупались у якутов. Лодок было мало — ими пользовались лишь на рр. Пясине и Хатанге.

Долганы питались главным образом мясом и рыбой. Мясо и рыбу варили и вялили; рыбу ели и сырую мороженую (строганину) и талую. Рыбу хранили также в ямах, где она прокисала. Убитых гусей хранили, закапывая в землю. Ели также некоторые корни, которые выкапывали оленьими посохами или особыми деревянными копалками.

Старым кочевым жилищем долганов был конический чум тунгусского типа, покрытый тонкими покрышками из ровдуги (летом) и оленьих шкур (зимой). Встарину на зиму долганы устраивали, как и эвенки, голомо и балаганы якутского типа, но без окон, нар и чувала.

С приходом русских голомо и балаганы постепенно были вытеснены нартяными чумами, или балками. Нартяные чумы представляют собой домики на полозьях. Каркас, собранный из деревянных реек, обтягивается ярким пестрым ситцем, сверху для тепла его обтягивают покрышкой из оленьих шкур, и для предохранения от сырости — чехлом из парусины. В нартяном чуме два застекленных окна, железная печь, нары, стол, иногда и стулья. В то время как установка шестового чума требовала во время зимних холодов много труда, нартяной чум прямо подвозят к месту стоянки. Нартяные чумы были заимствованы в

Охота

1 — охотник с оленем-маньщиком; *2* — охота на дикого оленя под прикрытием щита; *3* — ловля куропаток сетями

Зимнее жилище — партяный чум

прошлом столетии от русских купцов, которые ездили в них по тундре.

Из хозяйственных построек можно отметить амбарчики и лабазы на высоких столбах для хранения зимней одежды и утвари.

Известно более десятка разновидностей долганской национальной одежды, имевших особые названия, но отличавшихся друг от друга очень незначительными деталями. Характерная особенность и мужской и женской одежды — несколько удлиненный сзади подол. Сами долганы объясняли это тем, что, садясь в чуме на холодную землю, они подстилают под себя длинный подол.

Уже до революции домашняя одежда мужчин и женщин шилась из покупных тканей. Мужчины носили рубашки и штаны русского покроя, женщины — платья, поверх которых надевали закрытые фартуки. Мужские рубашки, так же как и женские фартуки, были почти всегда с боковыми карманами и украшены узкими кантами из цветной материи и многочисленными пуговицами. Нижнего белья долганы не носили.

Мужчины и женщины носили и летом и зимой суконные кафтаны — *сонтап*. Зимой под них надевали песцовые или заячьи шубы. Вместо суконных кафтанов зимой иногда носили оленьи распашные дохи (парки) и глухую меховую одежду с капюшоном, шитую шерстью вверх — *сокуй*. При поездках поверх суконного кафтана или оленьей парки мужчины надевали сокуй. В дождливую погоду летом надевали суконные сокуи. Женщины зимой носили *сон* — длинные песцовые или заячьи шубы, поверх которых надевали сонтап (суконные кафтаны) или *сангыйак* (оленьи шубы). Мужчины и женщины подпоясывались вышитыми бисером поясами. *Мукалкаан* — расшитый бисером мужской кафтан (парка), был близок к эвенскому кафтану. Были сходны с эвенскими и старинные мужские и женские долганские передники. Мужские и женские шапки (*бэргэсе*) имели форму капора. Верх кроился из лисьих камусов или из сукна. Сукно расшивалось бисером или отделывалось узкими цветными полосками ткани. Зимняя обувь из оленьих камусов двух видов, до колен и выше, соответствовала эвенкийским унтам; она часто расшивалась бисером.

Летняя обувь шилась из ровдуги. В середине подошвы летней обуви протыкалось отверстие для стока попадающей во время ходьбы воды.

Мужская одежда

1, 2 — зимняя; *3, 4* — летняя

Мужские снеговые очки

Общественные отношения и религия

К приходу русских предки долганов делились на роды. Счет родства у долганов велся по мужской линии. Бытовали некоторые пережитки матриархата. Например, в старину несколько семей долганов, живя в одном голомо или балагане, выбирали общую хозяйку, которой подчинялись и мужчины. Еще недавно у долганов материнское родство считалось ближе отцовского. Женщины поддерживали огонь и «кормили» его, они же надзирали над семейными святынями. Родовая организация у долганов распалась уже в XIX в.

Развитие торговли, проникновение более совершенной техники в основное производство долганов — охотничий промысел — привели к накоплению пушнины у отдельных лиц. Пушнина давно стала товаром. Товарное значение пушнины отразилось на отношениях долганов в области распределения. Продукция охоты на дикого оленя или рыболовства подлежала разделу между родственниками и соседями, а пушнина (шкурки песца, горностая, соболя) считалась безусловной собственностью охотника и разделу не подлежала. Важнейшим фактором социальной дифференциации у долганов было сосредоточение основной части оленьих стад, в целом не особенно многочисленных, в руках небольшой группы богатых хозяйств. На этой базе возникали различные формы эксплуатации: одалживание оленей беднякам, которое ставило их в зависимость от многооленных хозяев; наем пастухов, большей частью сирот или бедных родственников, и др. Кочевые группы часто стали складываться путем объединения малооленных хозяйств вокруг крупного оленевода, который использовал труд своих соседей для выпаса и охраны своего табуна. Во второй половине XIX в. среди долганов появилась и мелкая агентура русского, а также и якутского купечества, эксплуатировавшего своих сородичей.

Тем не менее в производстве и распределении долганов сохранялись многочисленные пережитки первобытно-общинных отношений. Сюда относились отмеченные выше коллективные формы промысла дикого оленя (засеки, поколки), совместная добыча птиц, рыбы и т. д. Хотя средства производства охоты и рыболовства давно стали индивидуальной собственностью, продукция их считалась коллективной собственностью, особенно летом, при совместном кочевании нескольких хозяйств. Охотник, убив дикого оленя, обязан был отдать шкуру и мясо семьям своей кочевой группы, оставляя у себя голову и шею. При коллективной ловле гусей сетями или при поколке диких оленей для дележа выбиралось особое лицо, и все добытое делилось по семьям, соответственно числу членов.

Место летней охоты и рыбного промысла отдельных кочевых групп определялось весной, до появления комаров. Главы групп сговаривались,

Женская одежда

1, 2 — зимняя; *3, 4* — летняя

в каких местах будут охотиться их люди. При таком порядке каждая группа ежегодно занималась промыслом на новых местах. Иные формы имело владение ловушками на песцов (пастями). Пасти были частной собственностью. При сооружении новых пастей «позади» (т. е. южнее) старых никакого разрешения не требовалось, но если они устраивались «впереди» старых, т. е. к северу от них, откуда идет песец, обязательно нужно было разрешение владельца старых пастей, так как при набеге песцов они попадались главным образом в новые пасти. Промышлять других животных в местах расположения пастей не запрещалось.

Система родства у долганов была классификационная, терминология родства — якутская. Семья была патриархального типа, но молодежь пользовалась до вступления в брак большой свободой.

Хотя долганы и считались христианами и соблюдали внешнюю обрядовую сторону православия, они сохраняли и старые анимистические воззрения. Божества и духи, по представлению долганов, делились, как и у якутов, на три категории: *иччи* — бестелесные невидимые существа, которые, поселяясь в любой объект, делают его живым; *айыы* — духи, доброжелательные к людям; *абаасы* — духи, недоброжелательные к людям, причиняющие им различные болезни и несчастья, и обитающие на земле и в подземном мире. Человек болел и умирал якобы от того, что абаасы похищали душу человека и уносили ее в подземный мир и потом, поселяясь в человеке, ели его. Защитниками людей от злых духов и посредниками между людьми и духами являлись у долганов *ойун* — шаманы. Шаманское одеяние и бубен были у долганов эвенкийского типа.

В религии долганов имело место почитание так называемых *сайтаанов*. Сайтаанами могли быть самые различные предметы, например камень необыкновенной формы, уродливый рог дикого оленя. Сайтааном мог стать любой предмет, если в него шаман поселил духа — иччи. Сайтааны очень почитались как семейные и охотничьи покровители.

Долганы хоронили покойников в земле. Западные (норильские) долганы обычно над могилой сруба не делали, а ограничивались земляным холмиком, на который сваливали дерево. Восточные долганы делали над могилой срубы, которые часто украшали затейливой резьбой. У могилы убивали оленя; одежду, в которой умер человек, или оставляли на земле, или подвешивали на дерево.

Народное творчество

Самобытное народное поэтическое творчество долганов было представлено загадками, сказками, историческими преданиями, былинами и бытовыми рассказами, составляющими преобладающий вид долганского фольклора. Последние повествуют о кочевой жизни долганов с ее реальной бытовой обстановкой. Рассказы эти незначительны по своему объему, но чрезвычайно разнообразны по содержанию. Пользовались популярностью сказки о животных — о происхождении их, о превращении их в людей и обратно. Особую группу представляли сказки *устуоруйа* (русск. «история»), где героями являлись русский купец, бедняк «пашенный» (крестьянин), Иван-царевич и другие персонажи русской сказки. Сюжеты их также близки к сюжетам русских сказок. В исторических преданиях повествуется о путешествиях по различным неведомым странам и необычайных приключениях. Некоторые из них близки по своему содержанию к преданиям оленекского хосунного эпоса.

Былины как по своему сюжету, так и по способу передачи были очень близки к якутским олонхо и даже назывались так же. В них часто описывается быт, не свойственный долганам; упоминаются лошади и коровы

и почти никогда не упоминается олень. Сюжет их составляет борьба добрых героев с героями, связанными со злыми духами. Диалоги, так же как и в якутской былине, пелись.

Песни долганов короткие (лирические) и длинные. Первые исполнялись не профессионалами: авторы и исполнители их — обычно юноши и девушки. Длинные песни исполнялись высокоодаренными импровизаторами, «песенными» людьми, встречающимися довольно редко.

Сказители рассматривались как особые избранники добрых божеств и духов. Талантливые сказители создавали свою школу, у них учились целые поколения молодых сказителей. По старым воззрениям долганов, все образы, которые рисовались сказителями, могли превращаться в видимые образы, тени. Это представление о способности сказителей своими словами создавать реальные образы было использовано долганскими шаманами для придания большей убедительности их способам «лечения» больных. Иногда, чтобы определить, от какого духа происходит болезнь, шаман призывал к больному сказителя. Последний, с угасанием вечерней зари, начинал рассказывать былину. Когда в былине герой доброго божества начинал одерживать победу над злым духом, тогда, по представлениям долганов, из больного должен был выйти поедающий его злой дух, чтобы притти на помощь своему собрату. Увидев злого духа и узнав, какой он, шаман начинал камлать, теперь зная будто бы, что предпринять, чтобы спасти больного. Во время сильных эпидемий также прибегали к помощи сказителей — просили их вечерами рассказывать былины, в которых всякие испытания героев имели бы счастливый исход. Так как считалось, что образы былин приобретают видимость, то весной, во время прилета гусей, их не рассказывали, чтобы не отпугивать этими образами гусей. Чтобы не испугать диких оленей, не рассказывали былин накануне охоты на них.

Нагрудник женского костюма, вышитый цветным бисером

Музыкальных инструментов у долганов не было. Только в конце XIX—начале XX вв. начал распространяться якутский варган. Танцевальное искусство у долганов почти отсутствовало. Они, как и эвенки, только водили (с припевом «хейро») хороводы, в которых мужчины и женщины кружились, взявшись за руки и притопывая ногами.

Изобразительное искусство долганов носило прикладной характер. Вся одежда и праздничная и будничная богато расшивалась бисером или аппликациями из узких полосок цветной ткани. Распространены были узорные вышивки оленьим волосом по ровдуге, окрашенной в красный цвет отваром ольховой коры или охрой и в черный — графитом. Встре-

чались тонкие ажурные вышивки нитками из сухожилий на лямках и поясах оленьей упряжки. Украшение одежды — труд женщин. Мужское искусство было связано, главным образом, с обработкой мамонтовой кости. Особенно большого мастерства оно достигало в орнаментировании резьбой нащечных пластин оленьего недоуздка. Встречалась инкрустация оловом передков оленьих седел и черенков ножей. Очень искусными считались кузнецы в узорной инкрустации медью и серебром железных изделий. Разнообразны по своей причудливой окраске копылья и спинки легковых низких нарт, распространенных главным образом в Хатангском районе. Долганский орнамент в подавляющем большинстве случаев — геометрический; он состоит из сочетания крестиков, полукругов, зигзагообразных и ломаных линий. Была широко распространена деревянная скульптура религиозного назначения. Изображения передавались в ней очень условно.

Послеоктябрьский период в жизни долганов

Великая Октябрьская социалистическая революция направила жизнь долганского народа по совершенно новому историческому пути. Организация родовых советов, разъяснительная работа инструкторов Туруханского районного исполнительного комитета были первыми советскими мероприятиями среди долганов. Вместе с советским строительством развивалось и хозяйственное, в частности работа торгово-заготовительных организаций. Уже к 1926 г. на территории долганов было 17 государственных и кооперативных магазинов. Купеческая торговля была ликвидирована. В 1931 г. прежние родовые советы были перестроены и заменены территориальными кочевыми советами, которые вошли в районы образованного тогда же Таймырского долгано-ненецкого национального округа.

Коренным образом изменились условия материального производства, которое получило новую базу. Коллективизация долганов началась в 1930—1931 гг. и была закончена к 1938 г. Хозяйство их подверглось коренной реконструкции. Долганские колхозы имеют обобществленные стада оленей, линии постоянных ловушек на песцов — пастей, фонд переносных стальных ловушек-капканов, фонд огнестрельного оружия для охоты и охраны стад, неводы, ставные сети (пущальни), оленьи сбруи, нарты, постройки, фонды специальной полярной одежды. В личном хозяйстве членов колхозов имеются олени (до 100 голов), транспортный инвентарь (нарты, упряжь), сети-пущальни, охотничьи ружья и другой охотничий и рыболовный инвентарь.

Ряд колхозов в Авамском, Хатангском и Дудинском районах Таймырского национального округа являются долганскими; во многих колхозах долганы живут и работают вместе с русскими, якутами, эвенками, нганасанами и энцами.

Оленеводство продолжает оставаться главной отраслью современного хозяйства долганов и ведется сейчас по-новому: применяется отделение маток от стада, проводятся мероприятия по улучшению породы, применяется подкормка оленей, введен рациональный пастбищный оборот, ведется борьба с хищниками. Стадо каждого колхоза делится на табуны, которые пасутся отдельными звеньями. Общее руководство оленеводством колхоза в целом осуществляет бригадир-оленевод — член правления колхоза. Ему помогают техник-оленевод и ветеринарный фельдшер.

Оленеводы долганы в колхозах днем пасут стадо на хорошем пастбище в отдалении от пастушеского чума, а с наступлением темноты подгоняют оленей к чуму. Отдохнув, олени в полночь начинают кормиться близ чума; на новую кормежку в стороне от чума они угоняются утром на рассвете. Такой системой пастьбы, с одной стороны, обеспечивается упи-

танность оленей, а с другой — олени ночью не разбредаются, и их легко сторожить. Круглосуточное дежурство в течение всего года стало законом колхозного оленеводства.

Если в прошлом в единоличных долганских хозяйствах процент гибели оленей, особенно молодняка, из-за бескормицы, отсутствия ветеринарного надзора, слабой борьбы с хищниками был очень велик, то в настоящее время долганские колхозы добились серьезных успехов в сохранении оленей в стадах.

В колхозах систематически растет поголовье оленей. Так, в Авамском районе количество оленей увеличилось за последнюю пятилетку более чем на 50%. Хатангские колхозы также добились больших успехов, главным образом в оленеводстве. Малооленным колхозам помогают более богатые, большую помощь колхозникам оказывает государство, отпуская им ссуды на покупку оленей.

Прежде на долганах лежала тяжелая обязанность зимних перевозок товаров на оленях по тундрам от Дудинки до Анабара. Перевозки эти отражались очень неблагоприятно на долганском оленеводстве. Теперь перевозки на оленях значительно уменьшились благодаря доставке грузов в Авамский и Хатангский районы Северным морским путем и далее по рекам к глубинным точкам на пароходах и катерах. Зимой единственным путем, соединяющим Дудинку с Авамским и Хатангским районами, раньше был, как уже указывалось, оленный тракт от Дудинки до Попигая. В настоящее время зимой и летом связь поддерживают на самолетах, хотя оленный транспорт продолжает сохранять и в настоящее время немалое значение. Транспортный оленный инвентарь (седла, нарты, виды упряжек), а также способ езды остаются прежними.

Реконструирован и охотничий промысел. Орудия песцовой охоты, имеющей важное значение в хозяйственной деятельности долганских колхозов, пасти старого типа заменены более усовершенствованными корытными, предохраняющими попавшего зверя от хищников. Пасти, принадлежащие теперь колхозам, устанавливают рядами длиной в несколько километров на возвышенных местах тундры для предохранения их от заносов. Колхозы ежегодно летом ремонтируют их. Настораживают осенью, до наступления пурги. Для этого охотничьи бригады выезжают на север иногда за несколько сот километров, ночуя в нартяных чумах с железной печью. В течение зимы теперь высматривают пасти ежедекадно (раньше, до колхозов, долганы высматривали пасти только три-четыре раза в зиму, иногда ночуя при этом под открытым небом).

Еще задолго, за 2—3 месяца, до наступления зимнего охотничьего сезона в долганских колхозах начинается подготовка к нему, установка новых и ремонт старых пастей. Перед началом промысла формируются охотничьи бригады, между которыми распределяются капканы и пасти из расчета 150—200 пастей и 10 капканов на одного охотника. С выпадением первого снега охотничьи бригады выезжают в тундру и начинают охоту на дикого оленя. Сдавая излишки мяса и шкуры диких оленей, охотники заготовляют на приманку в пасти и капканы потроха и кровь оленей. Подготовляются и специальные подкормочные ямы, в которые закладывают приманку, чтобы задержать песца на местах промысла. О размерах этих подготовительных работ можно судить хотя бы по тому, что в одном Хатангском районе, большинство охотников в котором составляют долганы, на сезон 1948—1949 гг. колхозы установили около 5000 новых пастей, подготовили 1000 подкормочных ям, в которые заложили свыше 40 т приманки, заготовили, кроме того, на зиму 50 т мясной и рыбьей накрохи и завезли 2250 нарт дров для отопления балков и нартяных чумов охотников во время промысла в тундре.

Подкормка песцов. Таймырский национальный округ, Хатангский район, колхоз «Победа»

С 15 ноября начинается промысел песца. Охотники объезжают настороженные линии пастей и охотятся с капканами. Капканы опытные охотники ставят обычно на местах, где осенью происходила разделка туш дикого оленя или на кровавом следу раненых диких оленей, около подкормочных ям и заранее найденных нор. Интенсивная охота длится всю зиму.

Охота, в частности на песца, до сих пор занимает первое место среди приходных статей долганских колхозов. Развитию и интенсификации этой отрасли хозяйства уделяется большое внимание.

Основным видом охотничьего оружия стало ружье, вытеснившее прежние хищнические способы охоты — поколки и загороди на диких оленей, сети на гусей. Колхозы осенью выделяют специальные бригады или звенья охотников для отстрела диких оленей. Теперь, в связи со снабжением долганов хлебом и другими продуктами, охота на дикого оленя тоже стала источником товарной продукции и дает денежный доход долганским колхозам.

В ряде районов (Норильском, Пясинском, на Хете, в низовьях Хатанги) получило большое развитие рыболовство. Снабжение населения более совершенными средствами производства (неводами и др.), а также организация заготовок рыбы, сильно увеличили количество добываемой долганами рыбы. Некоторые долганские колхозы уже стали по своему типу рыболовецкими. Особенное развитие рыболовство после коллективизации получило в Хатангском районе. Промышляют там главным образом в низовьях Хатанги. Колхозы, территории которых непосредственно не прилегают к рыболовным речным устьям Хатанги, высылают туда специальные бригады для экспедиционного лова. В связи с интенсификацией рыболовства среди долганских колхозов распространились неводы. Многие колхозы имеют по нескольку неводов и моторных лодок.

Во многих долганских колхозах появились новые отрасли хозяйства — огородничество и скотоводство. Колхозники выращивают в основном редис, капусту, лук. Долганские женщины обучаются огородничеству

Отпуск продуктов охотникам в тундре. Таймырский национальный округ, Хатангский район, колхоз «Победа»

на окружных колхозных курсах. В колхозах созданы товарно-молочные фермы, обслуживаемые долганами.

Коллективизация внесла в хозяйство долганов новые формы организации труда; лучшие охотники на песцов стали во главе охотничьих бригад, лучшие рыболовы — бригадирами рыболовных бригад, и т. д.

Вместе с ростом колхозного хозяйства растет и благосостояние колхозников. Так, в артели им. В. И. Ленина в Аамском районе в 1945 г. приходилось доходов на одно трудохозяйство 1549 руб., а в 1950 г. 5282 руб., т. е. доход увеличился почти в 3.5 раза.

Идет процесс оседания прежде кочевого населения. Создаются новые населенные пункты. Там, где еще недавно были пустынные места, возникли новые поселки. В новых поселках, где постоянно живут колхозники, не связанные по условиям производства с кочеванием, а также нетрудоспособные, старики и др., выстроены жилые дома русского типа, различные хозяйственные и культурно-бытовые здания: правления колхозов, сельсоветы, заготовительные пункты, магазины, общественные складские помещения для хранения продукции охоты и рыболовства, школы и т. д. Многие поселки имеют свои электростанции, которые дают свет в дома колхозников.

Кочевой образ жизни ведут члены оленеводческих и охотничьих бригад. Часто вместе с ними кочуют и их семьи. Отдельные кочевые группы складываются теперь не на основе личных взаимоотношений отдельных семей, а определяются правлением колхоза, так же как и их маршруты. Рыболовецкие бригады, посылаемые на промысел на ту или иную реку или озеро, живут там оседло, частью в домах, выстроенных колхозом на месте промысла.

Избы были у долганов и раньше, особенно у потомков затундренных крестьян, но сейчас в колхозах строятся хорошие дома, мало похожие на прежние маленькие избушки. Строительство новых поселков связано с развитием лесозаготовок на местах, успешно используется для строительства и плавник. В связи с развитием строительства домов в колхозах создаются специальные бригады из долганов — плотников, столяров и печников.

В оленеводческих и охотничьих бригадах, по роду своих занятий вынужденных вести кочевой образ жизни, старые конические чумы зимой заменяются более удобными нартяными чумами. В колхозах «Новая жизнь» и «Новый путь» устроены особые походные бани.

Теперь уже тщетно искать зимой, по пути от Дудинки до Хатанги, старые шестовые чумы долганов. Их целиком вытеснили партяные чумы, часто такие большие, что вполне заменяют дом средней величины. Шестовые чумы употребляются только летом. Нартяные чумы содержатся в большой чистоте; стенки, обтянутые пестрыми ситцами, придают им нарядный вид; полы в них часто моют. Стены чумов украшены портретами вождей, плакатами. Распространенные прежде иконы почти исчезли.

Рост благосостояния долганов-колхозников сказывается и в тех резких изменениях, которые произошли в их питании. В настоящее время одним из основных продуктов питания долганов наряду с мясом и рыбой является хлеб. Пекарни имеются во всех населенных пунктах. Из пшеничной муки высших сортов долганы пекут на масле или рыбьем жире лепешки. Чай густо заваривают и пьют его с сахаром. Неизмеримо выросло потребление долганами различных круп, кондитерских изделий, масла и т. п. Все это регулярно доставляется в местные магазины.

В настоящее время у долганов широко распространена готовая покупная одежда — пиджаки и брюки у мужчин и готовые платья у женщин. Наряду с этим долганки шьют и сами одежду из покупных тканей. Ранее неизвестное нижнее белье стало обычным. Из традиционной долганской одежды сохраняются различные виды меховой верхней одежды, приспособленные к местным условиям. Некоторые виды старой одежды, например передники, совсем исчезли.

На огромной территории Туруханского края было до революции два медицинских пункта — в Туруханске и Дудинке. Каждый из них обслуживал площадь примерно в 500 тыс. км². Врачебной помощью могло пользоваться только немногочисленное русское население Дудинки и Туруханска. Эпидемические болезни — корь, оспа — уничтожали коренное население иногда целыми семьями. Бытовые условия также сказывались пагубно на здоровье населения. Жизнь в полутемном и дымном чуме способствовала развитию туберкулеза и вредно отражалась на зрении. Питание гнилой рыбой и квашеными гусями вызывало много желудочных заболеваний.

К 1952 г. в округе было 9 больниц и 40 врачебных и фельдшерских пунктов. Долгано-якутское население обслуживается теперь больницами в Норильске, в поселках Черное, Волочанка, Хатанга. Врачебный персонал часто выезжает в тундру.

До Октябрьской социалистической революции на все население Таймыра была лишь одна церковно-приходская школа. Там обучались главным образом дети местных русских купцов, чиновников и духовенства. Дети коренного населения попадали в нее единицами. В 1953 г. в Таймырском национальном округе было 52 школы, в том числе 3 семилетние; долганское и якутское население округа обслуживается школами в Норильске-Часовне, в Воронцове, на станках и поселках Черное, Долганы, Волочанка, Хета, Хатанга, Попигай и др. Учащиеся живут в интернатах. Летом долганские дети проводят время в пионерских лагерях. Более 100 ребят ежегодно отдыхают в пионерском лагере на берегу р. Хеты, в пос. Боярке. В 1951 г. открылся новый пионерский лагерь на р. Котус, в пос. Каяк. У южных границ Таймыра, в живописном лесном уголке, расположена санаторная окружная школа. В ней обучаются дети долганов, неяцев, нганасанов и эвенков. Обучение в школах

Детский сад на прогулке. Таймырский национальный округ, Хатангский район, колхоз «Победа»

ведется на русском и якутском языках. Сейчас все меньше и меньше становится людей, не умеющих писать и читать.

Много долганов учится в Дудинской десятилетке, в окружной школе оленеводов, на различных курсах, в техникумах, в вузах Игарки, Томска, Енисейска, Красноярска, Ленинграда и в Горном техникуме в Норильске, многие долганы оканчивают колхозные курсы.

Население станков обслуживается красными чумами. Заведуют ими в большинстве долганы и долганки, получившие образование в Дудинке или в Енисейске.

Долганы работают учителями, пропагандистами РК КПСС, в учреждениях связи, рыболовецких кооперативах, заведуют районными сберкассами, работают бухгалтерами, кассирами, заготовителями пушнины, продавцами и т. п.

Большую работу провели местные партийные и советские организации по вовлечению ранее бесправных долганских женщин в общественную жизнь. Многие из долганок избраны в местные сельские, районные и окружные советы; наравне с мужчинами они работают в советских учреждениях; среди них есть медицинские работники и педагоги. Многие из них отмечены высокими правительственными наградами. Активно работают организованные при колхозах женские советы. В колхозах создаются кружки самодеятельности, проводящие культурно-массовую работу.

Таковы в общих чертах современное хозяйство, быт и культура долганов.

ЭВЕНЫ

Эвены, известные раньше под названием ламутов, по своему происхождению, языку и культуре близки к эвенкам. Они расселены северо-восточнее эвенков и соседят на севере и северо-востоке с юкагирами, коряками и чукчами.

Культура эвенов, близкая в основном к культуре эвенков, имеет, однако, и известное своеобразие. Вопрос об отношении эвенов к эвенкам в научной литературе решался по-разному. Старые авторы (Миддендорф, Шренк и др.) рассматривали эвенов лишь в качестве географического подразделения эвенков; известный исследователь тунгусов Патканов предложил совсем отказаться от термина «ламуты» и «ограничиться применением его лишь в качестве синонима для тунгусов некоторых прибрежных местностей». Действительно, провести разграничение между эвенскими и эвенкийскими родовыми и племенными названиями затруднительно. Еще в XVII в. на Охотском побережье, по данным казачьих отписок, одни и те же роды выступают то под названием тунгусов, то под названием ламутов.

Общие сведения

Самоназвание эвенов в различных районах их расселения неодинаково. Самоназвания *эвен* и *овен* распространены среди эвенов, живущих в Охотском районе Хабаровского края и Средне-Канском районе Магаданской области, Пенжинском районе Корякского национального округа, Анадырском, Марковском и Восточно-Тундровом районах Чукотского национального округа, Оймяконском и других национальных районах Якутской АССР.

Большая часть эвенов северной части Охотского побережья (Ольского, частично Средне-Канского и Северо-Эвенского районов) и Быстринского района на Камчатке называют себя *орочел* (ед. ч. *ороч*), что значит «олешные». Оседлые эвены двух селений Ольского района (Армань и Ола) называют себя *мэнэ*, *мэнэл*, что буквально значит «живущие на одном месте».

Термин «ламуты», принятый в этнографической литературе до установления официального единого названия «эвен», восходит к русским актам XVII в., в которых «ламутами», «ламутками» или «ламуцкими людями» называются отдельные территориальные группы этой народности, обитавшие по рр. Яне, Индигирке, Колыме и др. Эти русские названия можно объяснить из эвенкийского языка, в котором *ламу* означает «море» (например Охотское), «озеро» (например Байкал) и другие крупные водоемы. Одним из якутских наименований для ламутов является термин *ломук*, *ломут*. Скорее всего именно через якутов этот термин могли заимствовать русские.

В некоторых районах в качестве самоназваний фигурируют старые родоплеменные названия. Так, эвены бывшего Тюгясирского «рода» Саркырырского района Якутской АССР называют себя *тюгес*; эвены Усть-Янского и Аллаиховского районов — потомки юкагиров — называют себя *дуткиль*. С 1930 г. одно из самоназваний ламутов — «эвены» — стало официальным и широко применяется в специальной литературе в качестве названия для всей народности в целом.

По переписи 1926—1927 гг. числилось всего 2109 эвенов, но эта цифра явно преуменьшена. Значительная часть эвенского населения Якутии и других районов (например, Охотского побережья от Гижиги до Ульи) была учтена вместе с эвенками. В числе эвенов учтены были лишь эвены Камчатской области (тогда округа) и лишь небольшая часть эвенов Якутии; фактическая численность эвенов достигала 7 тыс.

Территория современного расселения эвенов охватывает Саркырырский, Усть-Янский, Оймяконский, Нижне-, Средне- и Верхне-Колымский, Томпонский, Момский, Аллаиховский и Верхоянский районы Якутской АССР. Однако и в этих районах эвены составляют меньшинство населения. В Хабаровском крае эвены живут в Охотском районе, в Магаданской области — в Ольском, Северо-Эвенском и Средне-Канском районах, в Чукотском национальном округе, а также в Быстринском районе и Корякском национальном округе Камчатской области.

Эвенский (ламутский) язык относится к северной (тунгусской) подгруппе тунгусо-маньчжурских языков и имеет много общего с эвенкийским. Особенности эвенского языка, отличающие его от эвенкийского, проявляются как в лексике, так и в фонетике (опускание конечных согласных и гласных в основе слов, например эвенкийское *умукта*, эвенское *умта* — «яйцо», эвенкийское *дюкэ*, эвенское *дюк* — «лед» и др.).

Эвенский (ламутский) язык может быть подразделен на две группы говоров — восточную и западную. В восточную группу входят говоры колымско-омолонский, ольский, камчатский, охотский и некоторые другие; в западную группу — индигирский, томпонский, аллаиховский и другие говоры эвенов Якутской АССР. Кроме того, особо выделяется арманский диалект (в Ольском районе), не имеющий широкого территориального распространения. За основу литературного языка принят один из восточных говоров — ольский, как говор наиболее многочисленной группы эвенов.

Различные группы эвенов, входившие в прошлом в соприкосновение с другими народами и ныне живущие в окружении других народов, заимствовали многое от своих соседей и в свою очередь воздействовали на них. Так, эвены, переселившиеся в 40-х годах XIX в. на Камчатку, подверглись влиянию коряков. На севере эвены в большой мере ассимилировали юкагиров, в результате чего образовалось смешанное, эвено-юкагирское население. Эвены Охотского побережья (*мэнэ*) подверглись последовательно влиянию оседлых приморских коряков, затем русских. Эвены Якутии испытали влияние якутов и в языковом и в культурном отношениях. В настоящее время все эвены, живущие в Якутской АССР, двуязычны.

Происхождение эвенов неразрывно связано с происхождением эвенков. На всей обширной территории бассейна Колымы, Яны и Индигирки, а возможно, и далее к западу носители древних тунгусских языков вступали в тесные взаимоотношения с древними юкагирскими племенами и восприняли многое из юкагирской культуры. В районах северо-восточной Азии в результате смешения тунгусского и юкагирского элементов шло формирование эвенов. Интересно отметить, что еще в XVII в. документы говорят о «ламуцких юкагирах» Чанжина рода, кочевавших вместе с ламутами.

Загон для оленей

Указанная выше территория расселения эвенов сложилась сравнительно недавно: еще в XVIII в. северная часть Охотского побережья вплоть до р. Олы на юге была заселена оседлыми коряками. Их отмечали здесь в XVIII в. путешественники Крашенинников, Линденау, Лессепс. Продвижение эвенов на восток в северную часть Охотского моря относится уже к последующему периоду, а на Камчатку эвены попадают лишь в 40-х годах XIX в.

Занятия и быт

Основная масса эвенов до революции была типичными кочевыми оленеводами и охотниками. Оленеводами они были уже в XVII в., когда русские впервые ознакомились с ними. Среди кочевых охотско-колымских эвенов различалась группа хозяйств с большим радиусом кочевок, охватывавшая бассейны Колымы, Омолона, Индигирки, и группа хозяйств с малым радиусом кочевок, державшаяся главным образом в бассейне Охотского моря.

Кроме этой основной массы кочевых оленеводческих и охотничьих эвенских хозяйств, существовала на Охотском побережье еще небольшая группа полуоседлых эвенов, преобладающим занятием которых было рыболовство и морской промысел. Транспортным животным в этих хозяйствах служила собака. Лишь некоторые хозяйства имели по нескольку оленей, которые паслись в стадах их кочевых сородичей.

Основу относительного благосостояния эвенского кочевого хозяйства в прошлом составляла обеспеченность необходимым количеством ездовых оленей. Только при этом условии семья могла совершать далекие кочевки, связанные с мясной и пушной охотой и с летним выходом на реки для рыболовства. В прошлом эвены, потерявшие оленей, обрекались обычно на голодовку и неминуемо попадали в зависимость от крупного оленевода.

Эвенский олень отличается от корякского и чукотского бóльшим ростом, силой и выносливостью. Чукчи и коряки охотно выменивали своих оленей на эвенских, отдавая за одного эвенского оленя двух своих.

Оленегонной собаки эвены не знали. Единственным способом использования собаки в оленеводстве был следующий: осенью, когда олени раз-

Езда на олене

бегались в поисках грибов, пастух привязывал охотничью собаку к длинному ремню и заставлял ее лаять. Лай собаки пугал оленей, которые тотчас же начинали грудиться в кучу. Собак всегда держали на привязи и никогда не пускали в стадо. Для защиты животных от комаров пастухи устраивали иногда дымокуры. Оленей эвены раньше не доили, исключение составляли лишь эвены Охотского района.

Эвены использовали оленя для верховой езды и под вьюк. Детей при перекочевке укладывали в специальную колыбель. Запряжка оленя в нарту являлась исключением и практиковалась только на Камчатке и в других местах, пограничных с чукчами и коряками. Олень запрягался в характерную для чукчей и коряков нарту с гнутыми копыльями, заимствованную у них эвенами вместе со всей оленьей упряжью. В бассейнах Индигирки и Яны эвены также знали упряжное оленеводство и использовали нарты и упряжку, заимствованные от якутов.

Важнейшей отраслью хозяйства эвенов была охота. Во время зимних кочевок охотились на пушного и мясного зверя. Пушная охота имела товарное значение. Она приносила до самого последнего времени около 90% денежного дохода. Главным объектом пушного промысла была белка, добыча которой связана с охватом значительной охотничьей территории.

Большую роль играла и охота на северного оленя, лося, горного барана, реже на медведя. Эвены преследовали северного оленя в одиночку — верхом на олене или на лыжах (лыжи у эвенов такие же, как у эвенков), с ружьем и охотничьей собакой. На Камчатке эта собака была известна под названием ламутской и ценилась очень высоко (в конце XIX в. она стоила не менее 100 руб.). Собака применялась на Камчатке для охоты на соболя, а на Колыме и Охотском побережье — на белку и лису. Распространена была охота на дикого оленя с оленем-манщиком. На волка эвены встарину никогда не охотились: так же как и у чукчей, волк считался у эвенов запретным животным.

Рыболовство у тех колымских эвенов, которые не выходили весной к Охотскому морю, имело лишь подсобное значение. Так, в горных речках ловили хариуса и другую рыбу. Рыбу били острогой, ловили удой в проруби или полынье. Способ добычи рыбы запорами для эвенов не был характерен. Правда, колымские эвены его применяли, но «морды» сами не изготовляли, а выменивали их у юкагиров.

Наиболее развито было рыболовство у эвенов Охотского побережья. Они промышляли лососевую рыбу (горбушу и кету) во время ее массового хода. Орудием лова служили острога, а также сети из конского волоса и прядева. Встарину сети вязали из крапивного волокна.

У оседлых эвенов Охотского побережья имел значение и морской промысел. Осенью охотники объединялись в артели (из 4—5 человек) и отправлялись на собаках к кромке льда. Раньше тюленей били гарпунами, позже из ружья. Весной, когда береговой лед начинал ломаться, охотились на байдаре (шитой из досок лодке), подкрадываясь к лежбищам, находящимся на льдинах. Для маскировки надевали белые матерчатые халаты — камлейки. Особенно распространена была охота на тюленей с палками. Этот способ охоты имел то преимущество, что не пугал животных звуком выстрела. В середине XVIII в. на Охотском побережье существовал архаический способ охоты на тюленя с пловучим гарпуном длиной до 30 м. Такие гарпуны были известны у орочей, ороков, нивхов и ульчей еще в 20-х годах нашего века.

Между оседлым и кочевым населением Охотского побережья издавна происходил деятельный обмен. Оседлые снабжали кочевых, в частности, нерпичьей кожей, которая шла на оленьи арканы, подошвы и другие нужды; кочевые давали в обмен оседлым оленье мясо и шкуры.

У полуоседлых или оседлых эвенов, главным занятием которых были рыболовство в устьях рек и морская охота, транспортным животным, как указывалось, служила собака. В середине XVIII в. эвены Охотского побережья запрягали в нарту по 5—7 собак «змейкой», т. е. не попарно, а поочередно, привязывая собак с одной и другой стороны от потяга. Этот древний способ собачьей упряжки существовал еще в конце XIX в. у нивхов и других групп Приамурья. В XIX—XX вв. упряжное собаководство эвенов относилось уже к так называемому восточносибирскому типу. Этот новый тип нарты, упряжки и сбруи появился под влиянием русских. Кое-где на Охотском побережье пользовались для транспорта и лошадью. Лошади находились круглый год на подножном корму, и поимка их всегда была связана с немалыми трудностями.

У эвенов существовало два типа переносных жилищ: *дю* и *чорама-дю*. Дю — это распространенный в прошлом в Сибири конический чум, характерный также и для эвенков. Такого рода чумы, крытые берестой, были распространены у эвенов Охотского района. Чорама-дю — весьма оригинальное по своей конструкции жилище. Оно имело также коническую крышу, но для его конструкции характерно было наличие невысоких вертикальных стенок. При сооружении жилища этого типа ставили спачала четыре главные опорные жерди, сходившиеся между собой вершинами. После установки опорных столбов над местом очага к ним привязывали горизонтальную жердь для подвешивания котла, а затем начинали сборку каркаса вертикальных стен из палок одинаковой длины, называвшихся *чора*. Каждые три палки были связаны между собой ремешком, пропущенным в отверстие на концах палок. Две из этих палок ставили по кругу будущей площади чума, под острым углом друг к другу, третья шла горизонтально и служила для связи с двумя другими палками, поставленными на землю аналогично предыдущим, и т. д. Употреблялось четное число таких связок из трех палок: 8, 10, 12, 14. Образовавшие каркас стены

Ребенок в колыбели, приспособленной для перекочевок

палки (чора) представляли, таким образом, ряд острых треугольников, стоящих друг от друга на некотором расстоянии; горизонтально расположенные палки, соединявшие вершины этих треугольников, составляли замкнутое кольцо, прерывавшееся лишь двумя расположенными друг против друга входами. Когда цилиндрическая стена высотой около одного метра бывала установлена, к ней надстраивали крышу из жердей (*харанг*), концы которых сходились в виде конуса. Вершина этого конуса опиралась на перекрест четырех главных опорных жердей. Ровдужные покрышки жилища (*элбитынг*) располагали в три ряда, один над другим. Вверху оставляли дымовое отверстие. В Ольском районе Охотского побережья встречались жилища такого типа, отличавшиеся материалом своего покрытия, сделанным из рыбьей кожи (*гарми*). Покрышки из рыбьей кожи были отмечены Линденау в XVIII в. у так называемых «пеших» тунгусов Охотского побережья. Вход в жилище закрывался ровдужной занавеской, часто украшенной узорной аппликацией. На полу жилища от одного входа к противоположному прокладывали по земле две слеги, отграничивавшие очаг от жилых мест, расположенных по бокам от очага. Пол по бокам от очага устилали невыделанными шкурами оленя и других животных. Конструкция эвенского чорама-дю была аналогична конструкция чукотских и корякских яранг.

Жилище оседлых эвенов отличалось большой архаичностью. Зимним жилищем встарину служила землянка. В середине XVIII в. Линденау еще застал на Охотском побережье землянку (*утан*) с плоской крышей и входом через дымовое отверстие. Линденау сообщает также о других землянках круглого плана, с коническим покрытием и с боковым входом.

Летним жилищем полуоседлых эвенов Ольского района Охотского побережья были летники из коры лиственницы. Такие летники были сходны

Разборка жилища

по своей конструкции и терминологии, даже в деталях, с жилищем чорама-дю. Их устраивали на рыбалках, и они служили там несколько лет. Палки (чора), образующие вертикальные стены, при постройке такого жилища вбивали в землю. Ввиду того, что кора лиственницы не сгибалась, жилища эти имели форму скорее многоугольную, чем круглую. Остальные детали: коническая крыша, очаг посредине, занавески по стенам и др. совпадали с таковыми у чумов эвенов-кочевников. В XVIII в. Линденау описывал их как жилища восьмиугольные, с двумя входами на восток и на запад, с очагом посредине. В качестве хозяйственных построек кочевым эвенам служили свайные амбарчики — небольшие срубы на четырех высоких сваях. Кроме того, близ чумов эвены устраивали невысокие открытые помосты, на которые складывали мясо и разные хозяйственные вещи или ставили конические шалаши из плотно составленных бревен, где и держали запасы мороженой рыбы и юколы.

Старинная одежда эвенов сходна с эвенкийской. Мужской и женской верхней одеждой служили кафтаны, сшитые из пыжика или из ровдуги. Спинку, полки и верхнюю часть рукавов выкраивали из одной шкуры. В нижней части спинки было две прорези, в которые вставляли клинья. Борта и подол кафтана обшивали меховой полосой, что и было основным отличием эвенского кафтана от эвенкийского. Шов покрывали орнаментированной бисером полоской. Борта кафтана не сходились на груди, поэтому обязательным дополнением к кафтану, как и у эвенков, служил нагрудник. Эвенский нагрудник (*нэл*) представляет собой собственно нагрудник и короткий, до колен, передник, сшитые наглухо друг с другом или выкроенные из одного куска. К мужским нагрудникам на уровне пояса пришивали неширокую ровдужную бахрому, нижнюю часть женских нагрудников украшали орнаментом, вышитым бисером и подшейным волосом. К подолу пришивали ровдужную бахрому с многочисленными металлическими подвесками — колокольчиками, медными литыми бляхами, кольцами и серебряными монетами. Нагрудники делали из ровдуги, зимние из пыжика, еще недавно их надевали прямо на тело.

Стойбище

Одежда ниже пояса была такая же, как у эвенков: натазники (*хэрки*), ноговицы и унты. Ноговицы, в зависимости от времени года, бывали ровдужные и меховые. Хэрки — очень короткие, ровдужные или меховые натазники — выкраивались из цельного куска кожи, без всяких вставных частей.

Обувь эвенов имела более или менее высокие голенища из ровдуги или камусов оленя.

Головным убором, мужским и женским, была плотно облегающая голову шапочка, расшитая обычно бисером, особенно богато у женщин. Вместо шапочки иногда надевали платок. Зимою поверх шапочки носили большую меховую шапку.

Общественные и семейные отношения

Еще в начале XX в. эвены сохраняли пережитки патриархально-родовой организации. Они разделялись на экзогамные патрилинейные роды. Отдельные роды были часто рассеяны на громадных пространствах. Некоторые эвенские роды вели свое происхождение от коряков и юкагиров. Таковы, например, род Чагачибаирах (первый Гижигинский), ведший свое происхождение от коряков, род Дудки, связанный с юкагирами, и т. д.

В основу официального административно-родового устройства эвенов в период царизма были положены их кровные роды, которые у них нашли русские в XVII в. Ввиду их разбросанности на очень большой территории, эти роды дробились, и части их получали поэтому дополнительно к родовому названию еще порядковые номера. Так, по официальным документам числилось десять Уяганских, семь Долганских, несколько Делянских родов и т. д. Некоторые роды не получили официального наименования и входили в тот или другой из административных «родов». Таков, например, род Дойдал на Охотском побережье.

Во главе административного рода прежде стоял выборный староста, представитель «рода» перед русской администрацией, обычно из зажиточных эвенов. На нем лежали следующие обязанности: сбор ясака, получение из казны пороха, его хранение и распределение среди членов рода, исполнение судебных функций, в том числе рассмотрение различных нарушений обычного права. Помощником старосты был «капрал», осуществлявший управление в территориально разобщенной части «рода».

Родовые связи среди некоторых групп эвенов (например, среди эвенов, выходящих для рыболовства к устьям рек Охотского побережья) к началу XX в. были утрачены. В совместно кочующие группы и стойбища входили эвены из разных родов. Уже по данным XVII в. можно констатировать у эвенов далеко зашедшее разложение кровного рода и, в частности, значительную имущественную дифференциацию внутри рода. Социальная дифференциация нашла свое отражение в соответственных терминах эвенского языка: *кэлмэнчи бай* — «хозяин» («человек, имеющий много работников»); *кэльмэ* — «батрак», «работник»; *бууч, джогри* — «бедняк», «неимущий». В основе социально имущественного расслоения лежало владение оленями. В конце XIX в. были хозяйства, владевшие стадами свыше 5000 оленей и имевшие несколько десятков работников. В предшествовавший коллективизации период в группе эвенов из 202 хозяйств, тяготевших к Наяханскому району Охотского побережья, 13% хозяйств владело тремя четвертями всего поголовья оленей. Вместе с крупным оленеводом кочевали его работники и группы малооленных хозяйств, не имевшие возможности кочевать самостоятельно.

Обычным явлением была скрытая форма эксплуатации под видом помощи неимущим родственникам и сородичам или просто неимущим соседям, независимо от их родовой принадлежности. Наряду с производственной уже давно была развита также и торговая эксплуатация. Крупный оленевод закупал товары на ярмарках, происходивших ежегодно в определенных местах скопления кочевых эвенов, или покупал их в факториях на побережье. Затем он сбывал эти товары в обмен на пушнину тем соплеменникам, которые не имели возможности из-за недостатка транспортных оленей самостоятельно покупать нужные товары. Зависимые от богача группы эвенов нередко называли по его фамилии: «Зыбинский род», «Валтухиновы люди», «Хабаровы люди».

Кроме этого типа вынужденного объединения трудовых хозяйств вокруг крупного оленевода, объединения, сопровождавшегося эксплуатацией зависимых эвенов, существовал, особенно у эвенов с небольшим радиусом кочевок, другой тип объединения, уходящий своим корнями в первобытно-общинный строй. Это были группы хозяйств, объединенных общим районом кочевых и рыболовческих угодий, совместным выпасом своих небольших оленных стад и совместным ловом рыбы. В такой кочевой группе отдельные семьи обычно поочередно пасли стадо оленей; летом часть семейств оставалась при оленях, другая занималась заготовкой юколы, которая распределялась между всеми, в том числе и между пастухами.

До самого последнего времени среди эвенов можно было наблюдать древний общетунгусский обычай *нимат*, вытекающий из первобытно-общинного способа распределения. Этот обычай заключался в том, что охотник, убивший какое-нибудь мясное животное, обязан был отдать его своим соседям по стойбищу. Обычай нимата распространялся также на морского зверя и птицу, а с некоторыми ограничениями и на пушного зверя, несмотря на то, что пушнина уже несколько веков имела товарное значение и, более того, служила денежной единицей. Если двое эвенов охотились вместе, то пушной зверь, даже самый ценный, отдавался охотником, убившим зверя, товарищу (причем не обязательно сородичу). Обычай нимат распространялся и на иноплеменников. На несоблюдение нимата раньше даже жаловались старосте, который имел право налагать за это взыскание.

Семья эвенов в том виде, в каком мы знаем ее по материалам XVIII, XIX и начала XX вв., была семьей патриархальной, однако лица, наблюдавшие семейные отношения у эвенов, отмечали сравнительно независимое положение женщины в семье. Сыновья до раздела с отцом, т. е.

до женитьбы, были в полной зависимости от него; они обязаны были, например, сдавать отцу всю добытую ими пушнину. За невесту уплачивали калым — *тори*. До начала XX в. отмечались единичные случаи многоженства. В отдельных случаях имели место неравные по возрасту браки: малолетнему сыну «покупали» взрослую жену. Известны случаи помолвки малолетних. Браки заключались через сватов. У камчатских эвенов отмечен обычай, по которому родители невесты и сама она выражали согласие на брак принятием от сватов раскуренной трубки, переходившей от отца к матери и, наконец, к невесте. Взять девушку из состоятельной семьи мог только такой же состоятельный жених. Стоимость калыма превосходила часто в 2—3 раза приданое. После уплаты калыма родители и другие родственники невесты привозили ее с приданым к родителям жениха. Невеста три раза объезжала по солнцу вокруг чума, и затем родители вручали ее жениху. После этого обряда невеста входила в чум, где уже был повешен новый полог для молодых (первое время молодожены обычно жили у родителей мужа). Невеста вынимала свой котел и варила мясо убитого оленя. Приданое развешивали вне чума для обозрения.

Эвенка в национальной одежде

При рождении ребенка ему выделяли в стаде определенное количество оленей. Весь приплод от этих оленей считался личной собственностью подрастающего ребенка. При выходе девушки замуж она получала в приданое стадо, образовавшееся от размножения этих оленей.

Религия

Религиозные взгляды и культ эвенов изучены мало. В XIX в. этнографы наблюдали у них соединение христианства, шаманства и дошаманских представлений. Существовал культ «хозяев» природы и стихий: тайги, огня, воды и т. д., а также особый культ солнца, которому приносили в жертву оленей. Шкуру жертвенных животных вешали на наклонно прислоненный к дереву шест, по бокам которого с двух сторон ставили молодые лиственницы. Кости жертвенного оленя не раздробляли, а складывали после ритуальной трапезы на особый помост. Жертвоприношение всегда совершалось коллективно и мясо потреблялось совместно и обязательно в тот же день. Поводом для жертвоприношения часто бывала болезнь кого-нибудь из жителей стойбища. В таких случаях оленя для принесения в жертву указывал шаман, приглашенный для «лечения»; иногда «угодного» оленя

узнавали с помощью гадания (по треску огня очага и по другим приметам).

К древнейшему, дошаманскому, культу следует отнести культ медведя. Охотник должен был поздороваться с убитым медведем и поблагодарить его за то, что он пришел: предполагалось, что медведь идет добровольно навстречу охотнику. Указанный выше обычай нимат применялся при охоте на медведя особенно строго. Эвен, получивший в качестве нимата медведя, устраивал общественный праздник, на котором съедалось мясо медведя. Особенно священным считалось мясо головы и передней части туши. Его варили мужчины; женщинам было запрещено есть это мясо. Кости медведя хоронили на свайном помосте, причем складывали их в строго анатомическом порядке. До недавнего времени кое-где как древний пережиток сохранялся обряд похорон черепа медведя путем укрепления его на вершине небольшой лиственницы (дерево с черепом на нем называли *чуки*).

Костюм эвенского шамана отличался от эвенкийского и якутского меньшей сложностью и прежде всего отсутствием многочисленных кованых железных изображений духов, нашиваемых на шаманский плащ. Эвенские шаманские бубны сравнительно узкоободные, круглые, небольшого диаметра; они стоят ближе к амурскому варианту шаманских бубнов, чем к эвенкийскому и якутскому.

Эвены издавна хоронили детей и взрослых на помостах, поставленных на сваях. В гроб клали деревянную фигуру птицы *кор* («ворон»). В XIX в., с распространением христианства, эвены стали хоронить умерших в земле. Над могилой ставили сруб с крестом, но на кресте вырезали изображение птицы; около могилы складывали вещи умершего, постельные принадлежности, оленье седло, посуду. Все эти предметы ломали.

Народное творчество

В эвенском фольклоре различаются следующие жанры: сказки (*немкан*), были-предания (*тэлэнг*), песни (*икэ*), загадки (*нэнукэн*), поговорки. Среди сказок особо выделяются сказки о животных и птицах; обычные персонажи этих сказок — лиса, медведь, заяц, волк, россомаха, нерпа, мышь, лягушка, ворон, орел, кукушка, гагара и др. Многие из этих сказок, например цикл сказок о лисе, сказки о птицах, близки по содержанию к сказкам эвенков, другие (например сказка о нерпе и человеке) напоминают сказки палеоазиатов, в частности коряков. Широко распространены сказки о чудесных превращениях. В бытовых сказках особенно популярен сюжет о старике и старухе, влачащих полуголодное существование и на этой почве ссорящихся и обманывающих друг друга.

Среди охотских эвенов издавна широко бытуют русские сказки о царе Салтане, о царевне-лягушке и др., проникшие в среду эвенов, вероятно, еще во времена первых походов казаков. Некоторые части сказаний о героях-богатырях, например речи героев, обычно поются. Среди былин особенно интересны былины о героях-женщинах, побеждающих в состязаниях мужчин. В былях-преданиях сохраняются воспоминания о межродовых войнах, о столкновениях с коряками и чукчами, о первом появлении русских, о взаимоотношениях с якутами и т. д.

Из музыкальных инструментов известен был только варган, характерный для всех тунгусо-маньчжурских и многих других народностей Сибири.

У эвенов широко распространен был круговой танец-хоровод, сходный с хороводом эвенков.

Музыкальное творчество эвенов совершенно не изучено. При исполнении преданий, былин для каждого героя существовала своя особая мелодия. Эвенам известны также короткие песни-импровизации, исполнявшиеся на различные мелодии.

Национальный танец

Эвены в послеоктябрьский период

Социалистическое переустройство хозяйства и быта эвенов началось сразу же после освобождения районов их расселения от белобандитов. В 1923 г. на Охотском побережье появляются первые национальные советы. Вскоре среди эвенов была организована охотничья кооперация, преобразованная затем в интегральную кооперацию, задачей которой являлось снабжение эвенов промысловыми орудиями, сбор продукции промыслов и снабжение населения необходимыми товарами и продуктами.

Одновременно с мероприятиями по улучшению экономического положения эвенов была развернута работа по ликвидации их вековой отсталости. На Охотском побережье, в бухте Нагаево, была организована культбаза для обслуживания эвенского населения. В разных районах расселения эвенов были созданы школы, медпункты, красные чумы и другие культурные учреждения.

В 1929—1930 гг. появились первые эвенские колхозы. Коллективизация среди эвенов происходила в условиях ожесточенной борьбы. Богачи-оленеводы, используя свое влияние, всячески препятствовали созданию колхозов: они хищнически истребляли оленей, уходили с оленными стадами в труднодоступные далекие районы, увлекая за собой и зависимые от них в прошлом бедняцкие хозяйства.

Ранними формами кооперирования в эвенских районах, как и в других районах Севера, были простейшие производственные объединения — промысловые товарищества и товарищества по совместному выпасу оленей. По мере укрепления этой первичной формы был осуществлен переход к более высоким формам артельного хозяйства. В 1936 г. закончилась коллективизация эвенских хозяйств в районах Охотского побережья, а позднее и в других районах расселения эвенов.

С коллективизацией появились новые, прежде не известные эвенам отрасли хозяйства — земледелие и животноводство. Одновременно с развитием колхозного хозяйства шел процесс перехода к оседлости кочевого населения; в тайге стали строиться колхозные эвенские поселки.

В колхозной библиотеке. Хабаровский край, колхоз «Новая жизнь»

На побережье Охотского моря созданы по преимуществу рыболовецкие колхозы.

Таков, например, эвенский колхоз «Хулан эвен» («Красный эвен»). В 1933 г. на р. Улье в эвенском стойбище Юдман впервые объединились в артель несколько десятков хозяйств. Это были малооленные хозяйства, добывавшие себе средства к существованию преимущественно рыболовством и охотой. Группа беспорядочно разбросанных по берегу реки чумов — так выглядело стойбище Юдман в те годы. Из года в год рос и укреплялся колхоз «Хулан эвен». Основное направление хозяйства колхоза, как уже указывалось, — рыболовецкое. Снабжение колхоза более совершенными орудиями лова, механизация многих процессов труда рыбаков, помощь моторно-рыболовецкой станции, созданной в Охотском районе, коренным образом изменили эту отрасль хозяйства. В 1949 г. колхоз «Хулан эвен» занял первое место в социалистическом соревновании рыболовецких колхозов страны и ему были присуждены переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и первая премия Министерства рыбной промышленности. Выросли и укрепились в колхозе и другие исконные для эвенов отрасли хозяйства. Оленеводство, как отмечалось выше, у этой группы хозяйств в прошлом было незначительным. Рационализация этой отрасли хозяйства, ведущегося на новых основах, зоотехнические и ветеринарные мероприятия, усовершенствование метода выпаса оленей — все это обеспечило рост оленьего стада. В 1952 г. колхозное стадо насчитывало уже около 5000 голов. Появились в колхозе и успешно развиваются полеводство и животноводство. «Хулан эвен» — колхоз-миллионер. Его неделимый фонд в 1952 г. превышал 4 млн руб. Хозяйственный и культурный центр колхоза представляет собой крупный, благоустроенный поселок. Этот поселок, как и другие эвенские колхозные поселки Охотского района, электрифицирован и радиофицирован. В нем имеются школа, медицинский пункт и другие культурные учреждения.

На занятиях по химии в педагогическом училище.
Город Магадан

Значительная часть эвенских колхозов, расположенных главным образом в северных районах Якутской АССР, имеет оленеводческое направление. В большинстве из них эвены работают совместно с чукчами, юкагирами, русскими и якутами. Таков, например, колхоз им. Сталина Нижне-Колымского района Якутской АССР. Коллективизация в этом районе началась в 1932 г., когда здесь были организованы первые простейшие объединения рыбаков и охотников. Несколько позднее возникли товарищества по совместному выпасу оленей, объединившие малооленные хозяйства батраков и бедняков. В 1940 г. в районе были созданы первые колхозы со сравнительно крупными общественными стадами. Тогда же был организован и эвенский колхоз «Сутаня-удёран», слившийся впоследствии с юкагирско-эвенским колхозом «Оленевод», после чего колхоз стал называться им. Сталина. Организация колхоза позволила эвенам развить многоотрасленое хозяйство. В недавнем прошлом ведущей отраслью хозяйства эвенов в этом районе была охота на мясного зверя. Оленеводство, рыбный промысел и пушная охота играли здесь меньшую роль. Ведущей отраслью хозяйства в колхозе им. Сталина в настоящее время является оленеводство, доходы от которого составляют свыше $^2/_3$ всего денежного дохода колхоза. Резко увеличилось количество оленей в колхозном стаде. В ведении оленеводческого хозяйства эвены заимствовали многое от своих соседей чукчей — исконных оленеводов; однако техника оленеводства в колхозе строится на новых, научных основах. Как и в других северных колхозах здесь внедрен новый метод выпаса оленей, предложенный в 1942 г. ветеринарным врачом Д. Л. Николаевским. При этом методе летом и осенью практикуется частая смена

пастбищ, сокращается расстояние между отдельными стоянками: благодаря этому олени находятся все время на свежих кормах и меньше утомляются от перегонов. В результате применения этого метода резко сократилось число заболеваний оленей, в частности копыткой, бывшей раньше грозным бичом оленных стад.

Введение нового метода выпаса оленей стало возможным в связи с изменением быта оленеводов. В прошлом, когда оленеводы кочевали со своими семьями, частая смена пастбищ, связанная с переносом жилища на новое место, с перевозкой всего домашнего скарба, с транспортировкой детей и стариков, была затруднена. В настоящее время, когда оленеводы в основном перешли от бытового кочевания к производственному, когда с оленьими стадами передвигаются только члены пастушеских бригад, а семьи их летом и осенью, а нередко и зимой живут оседло в колхозных поселках и промысловых базах, отпали затруднения для частых перекочевок, и бригады меняют места стоянок до ста раз в году. Новым для оленеводов северо-восточной Сибири является применение оленегонной лайки, которую раньше ни чукчи, ни эвены не знали. Новым является и использование лошадей при пастьбе оленей: в колхозе все пастухи объезжают стада верхом на лошади. Рациональное разделение труда — организация специализированных бригад — позволило широко развить в этом колхозе и пушной промысел. Охотятся главным образом на песца, на которого наряду с пастями широко применяются и капканы; практикуется подкормка песца. В единоличном хозяйстве рыболовство, требующее длительного пребывания на берегах рек и озер, находилось в неразрешимом противоречии с оленеводством, связанным с постоянными перекочевками на новые пастбища. Это противоречие разрешено в колхозном хозяйстве.

В колхозе им. Сталина имеются специальные рыболовные бригады, и хотя рыболовство в основном носит потребительский характер, оно все более приобретает и товарное значение. Большие доходы получает колхоз от перевозки грузов, а также от пошивки меховой одежды и обуви в колхозных мастерских.

Хозяйственный центр колхоза расположен на берегу р. Алазеи. В колхозном поселке более 30 типовых жилых дома. Это — срубные дома, которые для утепления обмазываются снаружи глиной. В центре поселка помещаются здания правления колхоза, школы, зооветеринарного и фельдшерского пунктов, клуба.

В домах колхозников появилась новая для них мебель и утварь. Старинный тип эвенского жилища — чорамо-дю — сохраняется сейчас главным образом как жилище пастухов. Но и он изменил свое внутреннее устройство. Вместо костров чорамо-дю обогреваются железными печами. Охотники широко используют матерчатые палатки. Среди охотников и пастухов получили распространение спальные мешки с матерчатыми сменяющимися вкладышами.

Мужской зимний эвенский костюм за последние годы все более заменяется в таежных районах Якутии одеждой якутского типа, а в тундровой зоне, где эвены соприкасаются с чукчами, — чукотской одеждой. Сохраняется старый тип головного убора — шапки в виде капора. Женщины в основном сохраняют традиционные формы одежды, наряду с которыми все шире распространяется и покупная одежда.

Развитие в ряде районов расселения эвенов крупной промышленности и работа эвенов на различных участках нового строительства еще более способствуют приобщению их к социалистической культуре. Ограниченные в прошлом узкими, примитивно-материальными интересами

своего чума, своего промысла, самое большее — своего стойбища, эвены неизмеримо расширили свой кругозор.

В настоящее время среди эвенов осуществляется всеобщее обязательное обучение. Полностью завершена ликвидация неграмотности среди эвенов Якутской АССР.

В 1932 г. были изданы первые учебные пособия на эвенском языке. Теперь в первых классах эвенских школ обучение проводится на родном языке. Окончившая школы эвенская молодежь получает дальнейшее образование в педагогических училищах, в медицинских школах и других учебных заведениях в Якутске, Николаевске-на-Амуре, Хабаровске. В Ленинграде, в Государственном Педагогическом институте им. А. И. Герцена обучаются студенты эвены. Из числа бывших студентов Ленинградского института Народов Севера вышли авторы литературных произведений на эвенском языке. Эвен Николай Тарабукин, уроженец далекого стойбища на р. Индигирке, опубликовал сборник стихов и повесть «Мое детство». Эвен Черканов с Камчатки выпустил сборник песен «Горячие ключи». В этих художественных произведениях нашли свое отражение любовь к природе и развитое чувство ритма, выражавшееся в прошлом в песнях-импровизациях. Яркие образы былин, простота и лаконичность языка сказок также оказали на них свое влияние.

В большинстве районов своего расселения, как указывалось выше, эвены живут вместе с якутами, чукчами, коряками и др. Социалистическое строительство среди эвенов неразрывно связано с изменением хозяйства, культуры и быта их соседей. Одновременно здесь отчетливо выступает процесс взаимного влияния — усвоение каждой из этих групп хозяйственных навыков и бытовых особенностей своих соседей.

Все эти группы испытывают на себе влияние социалистической культуры русского народа.

НЕГИДАЛЬЦЫ

Общие сведения

Негидальцы (426 человек по переписи 1926—1927 гг.) живут в Хабаровском крае по рр. Амгуни и Амуру. В 1926—1927 гг. более двух третей всех амгуньских негидальцев (так называемых низовских) жило в пяти сравнительно крупных селениях: Усть-Амгунь, Дальджа, Самня, Яхса и Им. Селения эти были расположены на протяжении 150 км от устья Амгуни и чередовались с довольно многочисленными русскими деревнями. Выше с. Им, на протяжении почти 250 км, негидальские селения отсутствовали; выше русского населенного пункта на Амгуни, Керби, начинались селения верховских негидальцев (Вели, Болин, Таликит и др.).

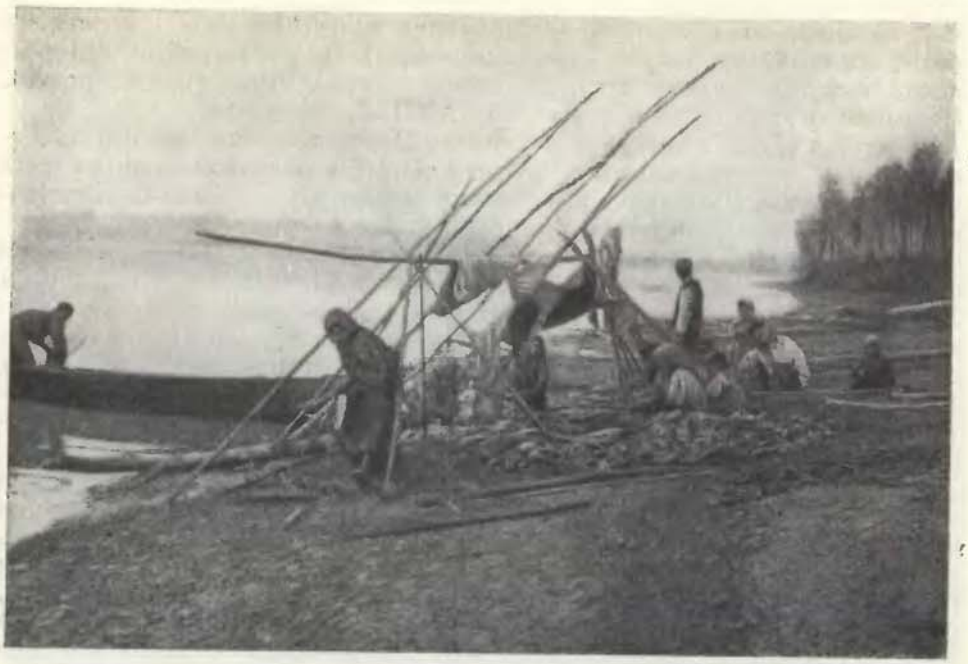
В прошлом (XIX в.) небольшая обособленная группа негидальцев обитала в устьях рр. Пильду и Бичи, впадающих в озеро Удыль. Отдельные семьи негидальцев жили на нивхской территории Амура, в селениях Тыр, Кальма, Мочула, Кальга, Яли и др. Группа негидальцев жила также по р. Горин (селения Ямихта и Сорголь). Негидальские роды, теперь совершенно ассимилировавшиеся с ульчами, встречались на территории расселения ульчей (роды Дункан и Хатхиль).

В конце XVIII—первой половине XIX в. негидальцы занимали почти весь бассейн р. Амгуни, а также район озер Орель и Чля, где попадались и нивхские поселки. Для зверобойного промысла негидальцы выходили на Охотское море.

В настоящее время расселение негидальцев сильно изменилось в результате социалистической реконструкции хозяйства: большинство негидальцев сосредоточено в трех крупных колхозных поселках: Красный Яр, Дыльма и Дальджа.

Негидальцы известны в литературе под именем негидальцев, негда, ниегда, нейдальцев, ниждальцев, негеданцев, нигидаттеров. Названия эти — руссифицированные формы термина *нгегида*, означающего на эвенкийском языке «береговой», «крайний» (*нге* — «низ склона», «берег», «край»; *гида* — «сторона»). Оленные эвенки, кочевавшие по отрогам Станового хребта, называли так нанайцев, ульчей, негидальцев, противопоставляя это название термину *дункан* — «житель сопок», которым они называли самих себя. Сами негидальцы называли себя *элькан бэйэнин* или *элэкэм бэйэ* — буквально «здешний», «местный человек».

По языку негидальцы относятся к северной (тунгусской) подгруппе тунгусо-маньчжурской группы языков. Негидальский язык незначительно



Приготовление рыбы для вяления

отличается фонетически, грамматически и лексически от эвенкийского и в ряде случаев фонетически сближается с языками орочей и удэгейцев.

По происхождению негидальцы — эвенки, которые в нижней части р. Амгуни и на Амуре смешались с нивхами, нанайцами и ульчами.

В культуре негидальцев в прошлом выступали черты эвенкийской таежно-охотничьей культуры: приемы охоты на пушного и мясного зверя, коническое жилище, широкие подбитые камусами лыжи эвенкийского типа, нагрудник, кожаная и меховая одежда с разрезом по средней линии, обувь, берестяная оморочка, форма колыбели и др. У негидальцев верхнего течения Амгуни сохранялось эвенкийского типа верховое оленеводство. Другие элементы свидетельствуют о значительном влиянии нижнеамурской культуры: собаководство, тип нарты, упряжка, дощатая плоскодонная лодка, охота на морского зверя, нерпичья мужская юбочка, одежда из рыбьих кож и способы обработки последней и др. Как и у других народов Амура, у негидальцев (особенно у низовских) сказывалось влияние культуры маньчжуров и китайцев (форма халатов, жилище с отапливаемыми нарами и другие элементы).

С конца XIX в. низовские негидальцы под влиянием русских стали строить рубленые избы, но продолжали заниматься главным образом рыбной ловлей, охотой, а некоторые и земледелием (огородничеством). Верховские негидальцы жили преимущественно распыленными группами в 1—3 семьи, часто меняли места поселений, занимались охотой и рыбной ловлей.

Первые известия об Амгуни доставил в 1636 г. атаман Перфильев, но сведения о ее населении отсутствуют до конца XVII в. В опубликованных документах население Амгуни упоминается впервые под 1680 г. в донесениях Ф. Щербакова. К этому времени относятся попытки удских и тугурских казаков заселить Амгунь. В 1682 г. на Амгуни были сооружены Усть-Дукинское и Усть-Немиленское зимовья. В сведениях, доставлен-

ных казаками этих зимовий, упоминаются тунгусские пешие и оленные роды, а в низовьях Амгуни — гиляки (нивхи). По показаниям Ф. Щербакова, «и тех же де всех тунгусов живет по той Амгуне реке 12 родов». Название «негидальцы» в донесениях XVII в. отсутствует.

Еще в XVII в. все южное побережье Охотского моря, вплоть до Тугура, было заселено нивхами, селения которых находились также и на озерах Орель и Чля. Здесь негидальцы входили в особенно близкое соприкосновение с ними и подвергались воздействию их культуры.

Родовой состав амгуньских тунгусов, по данным XVII в., частично совпадает с родовым составом современных негидальцев. По данным XVIII в., удские тунгусы считали себя одним народом с тунгусами, живущими по Амгуни, у которых они брали дочерей в жены. Термин «негидальцы» появляется впервые в середине XIX в. в работах Миддендорфа и донесениях Невельского. По данным советских исследователей, некоторые роды негидальцев были связаны по происхождению с нивхскими, нанайскими и ульчскими родами.

Хозяйство и быт Основой негидальского хозяйства еще недавно были рыболовство и охота. Значение рыболовства уменьшалось по мере продвижения от устья Амгуни к ее верховьям, но и в верховской группе оно имело большое значение. Главные объекты рыболовства негидальцев — лососевые (горбуша, летняя и осенняя кета), осетровые, карповые (амур, сазан, толстолоб). Лов рыбы начинался в апреле. В начале июля начинали подготовку заездков и сетей для лова горбуши и летней кеты. Летний ход лососевых продолжался 15—20 дней. Осенняя добыча кеты происходила в августе—сентябре. Сети раньше делали из нитей, которые вырабатывали из крапивы или дикой конопли при помощи веретена; нити варили в золе и окрашивали лиственничной корой.

У негидальцев, кроме обычных прямоугольных сетей, имелась мешкообразная сеть такого же типа, как у ульчей и нанайцев; название ее (*тамты*) сходно с ульчским. Прежде широко применялась трехзубая острога с длинным, до 5 м, древком и однозубая, с коротким древком, которой били крупную рыбу с оморочек. Зимой ловили рыбу удочками в проруби. Верховские негидальцы, как и амгуньские эвенки, при ловле рыбы в мелкой воде употребляли крючок на палке, легко соскакивающий с нее. Пойманную рыбу супили, коптили, делали из нее юколу.

В пушном промысле первостепенное значение раньше имел соболь; амгуньские соболи славились на китайском рынке. Но в конце XIX в., вследствие истребления соболей, промысел пришел в упадок. Чисто потребительское значение имела охота на дикого оленя и лося. Способы охоты были такими же, как у эвенков. Широко была в прошлом распространена у негидальцев охота на птиц: уток, гусей, глухарей, рябчиков, куропаток. Лет 30—40 тому назад за дичью отправлялись на Охотское море, откуда возвращались с богатой добычей.

Была распространена в прошлом и охота на морского зверя. Охотились на нерпу в Амурском лимане и на Охотском побережье артелями на больших дощатых лодках. Били нерпу железным гарпуном. Теперь об этой охоте помнят лишь старики.

Оленей у негидальцев в прошлом было немного (у верховских и жителей с. Им). Ездили на них верхом, но чаще их впрягали в нарту такого же типа, как у алданско-зейских эвенков.

У негидальцев было несколько типов жилищ. Летним жилищем, распространенным главным образом у низовских негидальцев, был небольшой домик из коры с двускатной крышей, в общем очень похожий на ульчский летник (*даура*): в таком летнике жила негидальская семья все лето и всю

Летнее жилище в низовьях Амгуни

осень. Наряду с этим у негидальцев были летние конические чумы (*джокча*), характерные для всех эвенков.

Временное охотничье жилище строилось из дугообразно согнутых и укрепленных в земле 6—10 тальниковых ветвей, которые ставились в ряд на небольшом расстоянии друг от друга; продольные ветви сверху и с боков связывались с поперечными в виде переплета, на который накладывалось покрытие из берестяных полос (тисок). Высота такого шалаша была незначительна (130—140 см), но он вмещал от двух до пяти человек.

Старинными зимними жилищами у верховских негидальцев были конические чумы или двускатные шалаши из плах, засыпанных сверху землей. В негидальских селениях, главным образом нижней Амгуни, были распространены зимние жилища с отапливаемыми нарами (*хагдун*). У негидальцев были распространены помосты на четырех столбах для складывания различной утвари, срубные амбары на сваях, с двускатной крышей.

Основным питанием негидальцев была раньше рыба и в меньшей степени мясо дикого оленя и лося. Низовские негидальцы раньше приготовляли своего рода холодец (*мосин*) из вареной рыбьей кожи, рыбьего жира, черемши и лука; блюдо это, напоминающее нивхское блюдо *мось*, потреблялось в большом количестве на медвежьих праздниках. Из свежей рыбы делали путем продолжительной варки и сушки сухой порошок (*барча*), который запасали на зиму в мешках; из голов вытапливали жир, икру сушили и варили из нее суп. Кости шли на корм собакам. Мясо сохатых и диких оленей заготовляли впрок: резали тонкими длинными ломтиками и сушили на солнце, коптили в дыму.

Большое значение в питании имели раньше различные ягоды (брусника, голубика, черемуха, жимолость и др.), травы, коренья, клубни

(сараны). Собранную голубику и бруснику хранили в тайге в берестяных коробах; их перевозили домой уже зимой. Жимолость, черную смородину варили вместе с кетовой икрой и сохраняли в виде густой массы; зимой ее ели с рыбьим жиром. Черемуху толкли, затем перемешивали с рыбьим жиром и сушили в виде лепешек, которые также запасали на зиму.

От китайцев, а впоследствии от русских, негидальцы получали различные продукты: *буду* (род пшена), рис, чай, сахар, водку, муку, из которой обычно пекли у костра на деревянных палочках пресные лепешки. От русских они узнали картофель, овощи, коровье молоко. Однако потребление всех этих продуктов было очень невелико.

В середине прошлого века негидальцы шили одежду преимущественно из рыбьей кожи и китайских материй, а также из лосиной кожи. Рыбью кожу сушили и выделывали так же, как нивхи и ульчи. Рыбья кожа употреблялась для изготовления мужских и женских халатов, поговиц, мужских и женских нарукавников, обуви. Элементы негидальской одежды имели разное происхождение. Покрой мужских и женских халатов у низовских негидальцев был сходен с покроем этой одежды у всех нижнеамурских групп; кроме халатов, женщины носили нагрудники эвенкийского типа, вышитые орнаментом, характерным для народов Амура. Нивхское влияние выразилось в наличии короткой мужской юбочки. Ее шили из нерпичьей кожи и надевали, отправляясь в дальнюю дорогу. Верховские негидальцы носили одежду эвенкийского типа. Негидальская обувь в общем такая же, как у соседних эвенков, но у низовских, кроме того, употреблялась обувь, сходная с ульчской и нивхской.

У негидальцев еще сравнительно недавно имели место значительные пережитки родового строя. Негидальцы разделялись на экзогамные роды. Крупнейшим из них был род Нясихагиль. Каждый негидальский род, подобно родовым группам всех тунгусо-маньчжурских племен, вел свое происхождение от общего предка, имел общий огонь, общих духов-предков, общее родовое моление перед сезоном охоты и общий медвежий праздник. Негидальские роды, подобно родам других амурских групп, объединялись в экзогамные группы — *доха*.

Брачные нормы негидальцев даже в деталях были близки к нормам эвенков. Широко был распространен обычай брать жену из рода матери (дочь брата матери). При этом платили калым в половинном размере. После смерти старшего брата его вдова переходила к младшему. Система счета родства негидальцев — общетунгусская (объединение одним термином лиц разных поколений). Среди негидальцев имели место неравные браки: двадцатилетнюю девушку выдавали за шестилетнего мальчика, старики женились на молодых девушках. Многоженство встречалось редко.

Разложение родового строя началось у негидальцев еще до заселения русскими низовьев Амура во второй половине XIX в. Некоторые негидальцы занимались торговлей, посредничая между амурскими группами и эвенками, жившими по р. Уд и на Тугуре. Сел. Бурукан было местом главной ярмарки в районе расселения негидальцев, эвенков, якутов и русских. Шелк и другие китайские изделия обменивались там негидальцами на русский порох и свинец, а также на соболиные шкуры, которые затем перепродавались негидальцами на Амуре маньчжурам. Буруканская ярмарка имела для негидальцев настолько большое значение, что несколько негидальских семей жило постоянно в Бурукане. Все это не могло не усиливать распада прежних родовых отношений.

До революции негидальцы официально числились православными, но сохраняли свое древнее анимистическое мировоззрение. В религии неги-

Негидальцы на сенокосе. Сел. Красный Яр

дальцев сочетались представления и образы, характерные как для эвенков, так и для народов Амура.

Декоративное искусство негидальцев (аппликация, вышивка шелком, берестяной орнамент) близко к амурскому, но у верховских негидальцев рисунок орнамента был эвенкийского типа. В прошлом у негидальцев были вышивки из подшейного волоса лося, что характерно для эвенков.

Современный быт негидальцев

Коренным образом изменилось хозяйство и быт негидальцев за годы советского строительства. Эти перемены коснулись и их расселения и всего направления их хозяйственной деятельности и бытовых условий.

Если и раньше, живя в соседстве с русскими, негидальцы в известной степени заимствовали от русских переселенцев тип жилища, стали носить русского покроя платье из покупных тканей, завели небольшие огороды, то все же до коллективизации основная масса негидальцев вела необеспеченную жизнь рыбаков и охотников, жила в грязных и дымных шалашах и терпела постоянную нужду. Теперь это ушло в прошлое.

Все негидальцы объединены в настоящее время в колхозы промыслово-сельскохозяйственного типа. С коллективизацией связано укрупнение мелких в прошлом селений, переход в наиболее удобные для жительства места. Жители негидальского селения Им, подвергавшегося частым наводнениям, переселились в 1943 г. в с. Красный Яр (в 120 км от устья Амгуни) и в настоящее время живут с русскими в объединенном колхозе. Ведущей отраслью колхозного хозяйства является здесь земледелие, а животноводство и рыбный промысел имеют второстепенный характер. Аналогичные перемены произошли и у населения Усть-Амгуни, переселившегося по той же причине в 1947 г. в с. Дыльма на Амур. Направление хозяйства местного колхоза — рыболовецкое; в качестве подсобных отраслей в нем развиваются земледелие и животноводство. В с. Дальджа, лежащем на одноименной протоке, образовался смешанный, негидальско-русский колхоз с главной отраслью — рыболовством и второстепенными —

земледелием и животноводством. Подсобной отраслью во всех колхозах является охота.

Негидальские колхозы развивают в настоящее время многоотраслевое хозяйство, в котором видную роль играет сельское хозяйство, рыболовство и животноводство. Огороды имеются повсеместно и в индивидуальном пользовании негидальских хозяйств.

Негидальцы живут теперь в благоустроенных селениях, в домах русского типа; быт их очень сходен с бытом их соседей русских, хотя некоторые элементы старой культуры продолжают сохраняться. Они сохраняются и у их русских соседей, которые заимствовали от негидальцев тип обуви, лыжи, типы лодок, некоторые виды пищи.

До революции школ у негидальцев не было. В настоящее время все дети негидальцев полностью охвачены школой; обучение проводится на русском языке. В школах преподают учителя негидальцы. Национальная молодежь сейчас прекрасно владеет русским языком. В селениях построены клубы, детские ясли, медицинские пункты. Так, приобщаясь к русской культуре, отсталые в прошлом негидальцы строят свою новую жизнь на социалистических основах.

НАНАЙЦЫ

В нижней части бассейна Амура, в Приморье и на Сахалине расселен ряд сибирских народов, сходных между собой по языку, хозяйству, быту и историческому прошлому. Это нанайцы, ульчи, удэгейцы, ороки, орочи и негидальцы. Все они говорят на близких друг другу языках тунгусо-маньчжурской группы и противопоставляются в этом отношении еще одному народу Амурского лимана и Сахалина — палеоазиатам-нивхам.

Общие сведения

Акад. Л. Шренк, путешествовавший по Амуру в 50-х годах XIX в., выделил в населении Амура все указанные выше группы в качестве отдельных народов. Крупнейший исследователь народов Амура Л. Я. Штернберг считал нанайцев, ульчей, ороков и орочей одной народностью. Он исходил при этом из наличия у всех этих групп термина «нани» в качестве одного из самоназваний. Штернберг предлагал называть нанайцев (гольдов) нижнеамурскими нани, ульчей — низовоамурскими нани, ороков — сахалинскими нани и орочей — юго-восточными нани. Несомненно, что в культуре всех этих групп имеется много общего; во многом сходны и их языки. Анализ родового состава (наличие многих общих родовых названий) также свидетельствует, что по происхождению они тесно связаны друг с другом.

Выше, в разделе, посвященном древнему населению Сибири, было указано, что в неолитическую эпоху на нижнем Амуре была распространена культура, резко отличавшаяся от культуры Прибайкалья и северо-восточной Сибири. Для амурского неолита характерны подземные жилища, отражающие оседлый образ жизни неолитических обитателей берегов Амура, плоскодонная керамика со спиральным орнаментом, резко отличная от круглодонной керамики с прямолинейно-геометрическим орнаментом неолита Сибири. Керамика Амура тяготеет к неолитическим культурам Маньчжурии и Северного Китая.

Главным занятием неолитического населения Приамурья и Приморья было рыболовство, чем и следует объяснить его оседлый образ жизни. В культуре населения Амура можно проследить целый ряд черт сходства с неолитической культурой этой области. Это сходство прослеживается в культуре всех этнических групп Амура, но непосредственными потомками неолитического населения Амура следует, повидимому, считать палеоазиатов нивхов. Палеоазиатские по языку племена, в какой-то степени

родственные нивхам, были несомненно распространены в прошлом значительно выше по Амуру. Есть основания считать, что для этих палеоазиатов Амура были характерны: оседлое рыболовство, землянки, ездовое собаководство со специфическим типом упряжки, сбруи и нарты, одежда из рыбьей кожи, собачьих, а в устье Амура и из тюленьих шкур, некоторые черты культа, связанные с рыболовством и почитанием реки. Отдельные эти черты мы прослеживаем у всех народов Амура.

В настоящее время, за исключением нивхов, коренное население Нижнего Приамурья говорит, как известно, на языках тунгусо-маньчжурской группы. Уже это одно указывает на тесные исторические связи этих народностей с эвенками Сибири. В языках народов Нижнего Приамурья лексические и грамматические элементы эвенкийского языка преобладают над элементами маньчжурского языка.

В составе нанайцев, ульчей и других тунгусо-маньчжурских народностей Нижнего Приамурья прослеживается целый ряд родов эвенкийского происхождения. В культуре народов Амура прослеживаются также особенности, свойственные более северной таежной культуре эвенков. Таковы эвенкийского типа большие лыжи, подклеенные камусом, конический чум, лодка-берестянка, очень характерная для эвенков форма колыбели, такая своеобразная деталь одежды, как нагрудник, и некоторые другие элементы культуры.

Но наряду с этим, все народы Амура (в особенности нанайцы) испытали на себе, кроме того, многовековое влияние маньчжуров и китайцев. Это влияние сказалось, например, в широко распространенном типе одежды — халате, запахивающемся направо, зимнем жилище типа фанзы с отапливаемыми нарами — канами, в утвари, украшениях, некоторых мотивах орнамента и т. д.

Древнейшие китайские известия называют население Амура, Сунгари и Уссури II—I тысячелетия до н. э. общим названием «сушень». Сушени описываются как дикий народ, не знавший хлеба и питавшийся сырым мясом. Они выделывали стрелы с каменными наконечниками, жили в землянках, занимались охотой и рыболовством. В I в. до н. э. китайские известия называют здесь тунгусские племена илоу. Илоу, как и сушени, входили в сферу влияния Китая. Они занимались охотой и рыболовством, но отчасти заимствовали у китайцев земледелие, разводили свиней, лошадей и рогатый скот. Часть илоу, жившая по нижнему Амуру, сохраняла быт рыболовов-охотников и не признавала власти Китая. В V—VII вв. н. э. население этой области известно было в китайских источниках под названием «уцзи» и «мохэ». Эти племена мало отличались от илоу.

В начале VIII в. на территории Маньчжурии и Северной Кореи складывается государство Бохай, в пределы которого входила и значительная часть современного Приморья. Бохайское государство (719—925 гг. н. э.) оказало несомненно влияние на народы Приморья. В эту эпоху в низовьях Амура, у оз. Кизи, китайские историки называют племена кушо (кушо-бу), в которых можно видеть айнов (куши, куи — так именовали айнов ительмены Камчатки, народы Амура, а также маньчжуры и китайцы).

Основные этапы позднейшей истории Приамурья рисуются следующим образом. После падения под натиском киданей Бохайского государства, а затем и в период государства чжурчженей — нюйчжей (1125—1280 гг.), большая часть рассматриваемой нами территории не входила в состав государств киданей и чжурчженей. В китайских источниках низовья Амура в этот период описываются как земля цзи-ля-ми (ги-ля-ми), т. е. нивхов. В преданиях народов Амура отразилась и эпоха монгольской династии в Китае (1280—1368 гг.).

Большой интерес представляет памятник, относящийся к минской династии в Китае (1368—1644 гг.), — знаменитая плита с надписью на трех языках (китайском, чжурчженском и монгольском), поставленная на Тырском утесе против впадения Амгуни в Амур. Эта надпись сообщает о том, что в 1413 г. сюда прибыл с отрядом китайский чиновник Ишиха, обложивший население данью. Ишиха пишет, что страна эта населена цзи-ля-ми и «другими дикарями», которые не знают земледелия, «разводят собак», «занимаются рыболовством, питаются мясом, одеваются в шкуры и любят стрелять из луков». Тот же Ишиха в 1434 г. повторяет свой поход.

По археологическим данным, в минскую эпоху уже широко были распространены жилища с теплыми нарами — канами, посуда и другие предметы маньчжуро-китайской культуры.

В 40-х годах XVII в. на Амур проникают первые отряды русских казаков. Первые известия об Амуре русские получили еще в 30-х годах от эвенков и юкагиров. В 1643 г. на Амур спускается по Зее «письменный голова» Василий Поярков, в сопровождении 130 человек казаков и промышленных людей. К 1649 г. относится первый поход на Амур Е. П. Хабарова.

По сведениям казаков, этнический состав населения Амура в первой половине XVII в. рисуется следующим образом. Верхнее течение Амура вниз до устья Зеи было заселено даурами. Дауры говорили на монгольском языке, занимались земледелием, жили в крупных укрепленных селениях, имели в значительном количестве скот и лошадей. Ниже по течению Амура жили дючеры (дзючеры, джучеры). Они говорили на маньчжурском языке. В бассейне р. Зеи жили эвенки — мапегры, а в бассейне Буреи — бирары, имевшие лошадей. Ниже устья Уссури, где кончались в то время поселения дючеров, жили натки (их называли также ачанами). Есть все основания думать, что натки (ачаны) — это нанайцы.

В низовьях Амура, по его лиману, жили гиляки (нивхи). Гиляками в XVII в., повидимому, называли и ульчей. В целом этнографическая карта Амура (ниже Уссури), видимо, не отличалась от расселения этих народов в середине XIX в., когда их изучал Л. Шренк. Можно указать разве лишь на расселение в XVII в. в районе современной территории ульчей айнских групп, известных в русских источниках того времени как куи, куви (повидимому, они же куяры, о которых сообщает русский посланник в Китай Н. Спафарий, проехавший через Маньчжурию в 1676 г.). Русскими был основан на Амуре г. Албазин, ставший центром русского Приамурья.

После Нерчинского договора 1689 г. и официального ухода русских с Амура китайцы пытались вовлечь в сферу своего влияния и низовья Амура. Они назначали из населения старшин, наделяли их знаками отличия и поручали им собирать ясак и чинить суд. Но, если эти *халада* (родовые старшины) и *гасянда* (деревенские старшины) и имели влияние среди нанайцев, то среди других народов низовий Амура оно было ничтожным.

В 1858—1860 гг., когда по Айгунскому и Пекинскому договорам весь левый берег Амура и Уссурийский край отошли к России, началась массовая русская колонизация. Низовья Амура и Сахалин заселялись в административном порядке казаками, вольными колонистами и ссыльными. Позже развилась здесь капиталистическая рыбопромышленность. Оттеснение населения с лучших рыболовных угодий, торговая эксплуатация привели коренное население к обнищанию. Особенно угрожающие размеры приняла эксплуатация этого населения в 90-х годах прошлого века, на что вынуждена была обратить внимание даже местная администрация. В то же время развитие рыбной промышленности и транспорта, основание городов, постоянное соседство и общение с трудовым русским населением

способствовали проникновению к народам Амура более высокой культуры. Они стали заводить лошадей, а вместе с этим и заниматься сенокошением, устраивали огороды; в их рыболовство проникли более совершенные орудия. Отдельные нанайцы, ульчи, нивхи стали учиться грамоте.

Среди тунгусо-маньчжурских народов Амурского бассейна самым крупным являются нанайцы. Основная масса нанайцев живет в Советском Союзе; они расселены по обоим берегам Амура, вниз от устья Уссури и до с. Карги, а также по притокам и озерам системы Амура, главнейшие из которых Тунгуска с ее притоками, оз. Болонь, рр. Горин, Хунгари (устье), Анюй, Уссури и его правый приток Бикин. Нанайцы встречаются также за пределами указанной основной территории, например в местах расселения ульчей и нивхов. Нанайцы, живущие за рубежом, населяют правый берег Амура (от устья Сунгари до устья Уссури), левый берег Уссури и его левые притоки — Нор, Доман, Мурэн, отчасти р. Белую. Среди этой группы нанайцев проживает много китайцев.

По данным всесоюзной переписи населения 1926—1927 гг., нанайцев насчитывалось на советской территории 5757 человек, из них 2964 мужчины и 2793 женщины. По литературным данным 1928 г., зарубежных нанайцев насчитывалось около 1500 человек.

В административном отношении основная масса нанайского населения Советского Союза сосредоточена в Нанайском, Комсомольском, Кур-Урмийском, отчасти Вяземском районах Хабаровского края.

В верхнем своем течении, на территории расселения нанайцев, Амур протекает среди плоской низины и разбивается на протоки между островами. Ниже устья Хунгари такие участки чередуются с плесами, где горы обрываются на правобережье непосредственно к руслу реки; здесь Амур несет свои воды одним мощным и широким (около 2 км) потоком. Затем, в пределах Удыль-Кизинской котловины, река опять разбивается на протоки. Амур и главнейшие его притоки (левые — Тунгуска с Урми и Кур, Горин, Лимури; правые — Анюй, Хунгари) служат важнейшей транспортной артерией области и в то же время богаты рыбными ресурсами, особенно проходными лососевыми (кета и горбуша), осетровыми и др.

Зима здесь, несмотря на южное положение (48—51° с. ш., т. е. широта Харькова), суровая, с холодными ветрами и мощным снеговым покровом. Лето более теплое выше по Амуру, а на севере более прохладное. Быстрые и сильные, иногда опустошительные разливы рек бывают во второй половине лета и в начале осени (июль—сентябрь), в период муссонных дождей, когда выпадает главная масса годовых осадков.

Долина Амура в этом районе ограничена с юга возвышенностями хребта Сихотэ-Алиня, склоны которого местами обрываются к руслу реки, а чаще отделены от него широкой долинной низменностью. На левобережье Амура, где расположено крупнейшее оз. Болонь-Оджал, возвышенности почти всюду отдалены от Амура.

Растительность области пестрая и богатая в южной части, более однообразна в бассейне Горина, севернее его и в отдаленных от Амура горных районах. Во многих местах — среди низменностей, в горных падях с пологими склонами и т. д. — широко развиты мари — болота, открытые и с редкой криворослой лиственницей. В пойме Амура и по заливным его островам распространены ивовые (тальниковые) заросли и кочкарные вейниковые луга. Вообще вдоль рек, вплоть до среднего течения Горина, простираются приречные леса с густым и высоким травяным покровом — разнообразные, увитые лианами лиственные породы и кустарники (тополи, черемуха, ясень, амурская сирень, клены, жимолость, спирея и пр.). На горных склонах — смешанные леса из кедра, лиственницы, ели,

пихты, желтой березы, осины, липы, кленов, дуба, сирени, орешника и т. д. В бассейне Горина встречается уже сосна, а севернее, в нижнем поясе гор, преобладают однообразные лиственничные леса. На высотах около 1400 м и выше развита альпийская растительность с кедровым орешником и лишайниковым покровом на каменистых участках.

Животный мир представлен маньчжурскими и сибирскими формами. Распространены белка, лисица, выдра, соболь; вплоть до бассейна Горина встречается енотовидная собака, заяц, медведь, кабан, тигр, лось, кабарга. Из птиц — рябчик, черный рябчик — дикуша, тетерев и др.

Основное самоназвание нанайцев — *нанай* — «местный человек» (*на* — «место», «земля», *най* — «человек»). Из других самоназваний укажем на *киле* и *акани*. Самоназвания «нанай», «киле» и «акани» соответствуют трем группам нанайского населения, отличающимся некоторыми особенностями в области хозяйства, быта, языка и фольклора. Но несмотря на отличия, эти группы не являются в настоящее время самостоятельными этническими единицами. Представители этих групп живут более или менее смешанно друг с другом, но собственно нанай расселены наиболее компактной массой в основном в долине Амура. Места наибольшей концентрации киле — рр. Кур и Горин, система оз. Болонь и правобережье Амура, от оз. Гасян до р. Хунгари. Акани населяют преимущественно левые притоки Уссури, Сунгари и Уссурийско-Сунгарийское междуречье и являются, таким образом, зарубежными нанайцами.

Название «киле» встречается в литературных источниках XVII — XIX вв. в различных вариантах: киль, кили, киле, киленг, килер, чилиндаза и т. д. Изучение названий, применяемых различными народами Амура для обозначения этой группы нанайцев, позволяет высказать предположение об ее эвенкийском происхождении.

Название «акани» происходит, возможно, от слова *аха*, что значит по-нанайски «раб», «слуга». Это обусловлено, вероятно, тем, что зарубежная группа нанайцев эксплуатировалась маньчжурами и китайцами в большей степени, чем остальные нанайцы, и действительно находилась на положении рабов.

Наименование «ачаны», встречающееся в русских исторических документах XVII в., относящееся к нанайцам и ульчам, является, повидимому, видоизменением термина «акани».

Среди различных групп нанайцев существовали, в зависимости от их местообитания в верхней или в нижней по отношению к другой группе части рек, два основных взаимоназвания: *хэдзеэн* (живущие ниже по реке) и *гольди* (живущие выше по реке), встречавшиеся в самых различных вариантах. Маньчжурский вариант названия «хэдзеэн» — *хэчжень* относился первоначально ко всем народам Амура, а впоследствии закрепился за нанайцами и ульчами. «Нижние» нанайцы называли напайцев, живущих выше по течению Амура (от Комсомольска до устья Уссури) *голди*, а эти последние именовали зарубежных, т. е. самых «верхних» нанайцев, — *солды*, *солдон*. Ульчи называли нанайцев *голды*, орочи — *гогды*, негидальцы — *голдых*, удэгейцы — *мангму* (амурские), нивхи — *янты* (нижние), *чолдох*, *чолдок* (остальные). Японцы называли нанайцев *сята*, *сантан* и *кордекке*. Термин «гольды» вошел в литературу в середине XIX в. как общее название для нанайцев.

Тадзы, таузе (русск. «тазы») — общее китайское название нижнеамурских народов. Вариантом его является юпитадзы, т. е. «рыбокожие тазы» — термин, в основном относящийся к нанайцам. Называли нанайцев китайцы также ши-цюань-бу, т. е. «пользующиеся собаками», туанг-мао-цзе, т. е. «бритоголовые»; наименование нанайцев в современных китайских географических и этнографических описаниях — ва-эр-ка.

В русских известиях XVII в., помимо термина «ачаны», имеется наименование «натки», которое можно рассматривать как производное от «нгатки», «нгатку», «нгаткуй» — наименования нанайцев и ульчей эвенками, якутами и негидальцами.

Помимо перечисленных названий и самоназваний нанайского народа существуют многочисленные обозначения территориальных групп нанайцев. Жители собственно Амура называют себя *мангонкан* (диалектологически *мангу*, *мангбо*) — «амурские», «большеречные», слово производное от Манго, которым обозначается большая река вообще и Амур в частности. Жители притоков Амура называют себя *биранкан* или *оникан* — «речные», так как слова *бира* и *они* означают «река». Жители озер называют себя *хэвэнкэн* — «озерные», от *хэвэн* — «озеро». Кроме того, употребляются термины, связанные с наименованием реки или озера; например: *урминкэн* — «жители Урмина», *урсункэн* — «жители Уссури» или *боланкан* — «жители озера Болонь» и т. д.

По языку нанайцы относятся, как указывалось, к маньчжурской подгруппе тунгусо-маньчжурской языковой группы. Язык нанайцев включил элементы языков племен, вошедших в состав этого народа, а именно: ряд элементов маньчжурского языка, значительное количество элементов эвенкийского языка и, наконец, ряд элементов более древних языков, отложившихся во всех тунгусо-маньчжурских языках нижнего Приамурья и Приморья.

Основные две группы в лексике — общетунгусская и маньчжурская, незначительный процент составляют китайская и какая-то более древняя лексика. Как и всякий язык народов Советского Союза, нанайский язык имеет значительное количество русских слов. Нанайский язык объединяет две группы говоров: верховскую (вверх по р. Амуру от с. Найхин) и низовскую (вниз от с. Найхин).

Проблема происхождения современных нанайцев крайне сложна. Наиболее распространена теория их маньчжурского происхождения. Представители этой концепции, акад. Л. Шренк, И. Лопатин и др., полагали, что родина нанайцев находилась по соседству с маньчжурами, у подножия хр. Шан-Алиня (Чан-бай-шана), откуда маньчжуры распространились по бассейну Сунгари, а нанайцы спустились в долину Уссури и достигли нижнего Амура. Этот взгляд противоречит фактическому материалу, который свидетельствует о несравненно более сложной истории образования нанайцев. Другую точку зрения на происхождение нанайцев развивал Л. Я. Штернберг, который считал, что нанайцы «по составу и истории своих родов представляют конгломерат родов самого различного происхождения», и рассматривал группу киле как потомков эвенкийских родов. Точка зрения Штернберга правильно подчеркивает сложность родового состава нанайцев.

Проблема происхождения нанайцев неразрывно связана с вопросами происхождения всех других амурских народов, в том числе и нивхов. По отношению к нанайцам можно привести следующие факты, связанные с их историей и указывающие на наличие в их составе как потомков древнего аборигенного населения, так и различных тунгусских и маньчжурских групп и даже китайцев и, может быть, монголов.

Среди нанайских родов выделяется группа (например роды Гаил, Гэйкар, несколько подразделений рода Бельды и др.), считающая себя аборигенной. Эта часть нанайцев, по фольклорным данным, всегда занималась рыболовством и охотой, держала ездовых собак. В составе нанайцев рода Бельды намечается ряд подразделений, среди которых имеется и айнское по происхождению. Нанайцы этого подразделения именуют себя в преданиях *куи* и ведут свое происхождение от хозяина моря Тэму. Искон-

ным местообитанием их предков, по преданиям, были острова, откуда они переселились на материк. Группа нанайских родов — Донкан, Юкэминкэн, Удыкэн, Самагир и др. — называет себя *киле*. Л. Я. Штернберг считал киле кочевыми тунгусскими родами, осевшими среди нанайцев. По данным нанайских исторических преданий, киле среди нанайцев представляют собой ряд родов, включающих в основном потомков биджанских, кур-урмийских и амгуньских эвенков, в прошлом оленеводов. Самагир (Самар) — род эвенкийского происхождения, позднее других влившийся в состав нанайцев. Мысль о тунгусском происхождении киле подтверждается вышеприведенными данными о самоназвании, а также языковыми и фольклорными материалами. Язык киле (особый диалект нанайского языка) по своим фонетическим, морфологическим и лексическим особенностям может быть сближен с эвенкийским. Преобладание у киле охоты над рыболовством также сближает их с эвенками.

Имеются основания для предположения, что в состав нанайцев вошли также чжурчжени (маньчжуры). В районе Хабаровска обнаружено много поселений, состоявших из жилищ с канами (отоплением маньчжурского типа). Исторические известия приписывают такие селения чжурчженям, или нюйчжам, — предкам маньчжуров. Коренным местообитанием нанайских родов Одзял и Пассар предания указывают р. Сунгари (по соседству с маньчжурами), где они помимо охоты занимались земледелием, огородничеством и разводили лошадей.

Среди нанайцев имеются группы, ведущие свое происхождение от китайцев; в составе нанайцев Хэдзэр подразделение Сандукан ведет свое происхождение от одного из шаньдуньских китайцев. Нанайцы рода Наймука ведут свое происхождение от китайца (раба) и т. д. Среди многочисленных подразделений нанайцев Бельды имелось подразделение Мориал, которое вело свое происхождение от монголов.

Как указывалось, нанайцы в течение нескольких веков находились под непосредственным влиянием маньчжуров и китайцев и подвергались с их стороны жестокой эксплуатации. На территории расселения нанайцев существовали постоянные сторожевые посты и местопребывания маньчжурских чиновников. Таковы, например, посты Джангджу, Гайди, Хехцир, Джоада, Шаньʼен и Мыльки. Посты эти, как отмечает Л. Шренк, были местами взимания податей, торговли — обирательства и лихоимства маньчжуро-китайских властей. Все взрослое мужское население (от 15 лет и старше) обязано было платить ежегодно дань в размере одной собольей шкуры с человека. Для взимания подати существовала особая система. Территория, занятая нанайцами, делилась в административном отношении на округа.

В округе во главе каждого рода стоял назначенный из среды нанайцев маньчжуро-китайскими властями в Саньсине родовой старшина (*халада*), которому подчинялись сельский старшина (*гасянда*) и сельский исполнитель (*седихиэн*). Основной обязанностью этих лиц был сбор ясака для передачи его маньчжурским чиновникам, а также учет умерших и новорожденных в своем роде. Отсутствие окладных листов при взимании дани усугубляло произвол и насилия над податным населением со стороны сборщиков податей. Нанайские старшины представляли собой привилегированную категорию нанайского общества. Маньчжуры наделяли эту группу лиц не только званиями маньчжурской чиновной иерархии (халада, гасянда и т. д.), но и соответствующими служебному званию знаками отличия. Все эти лица получали специальную грамоту на маньчжурском языке, определявшую их права и обязанности. Основной привилегией этой части нанайского общества было закрепление за нею маньчжур-

скими властями в пожизненное и наследственное пользование охотничье-промысловых угодий, т. е. основных средств производства. Это создавало базу для эксплуатации старшинами массы населения.

Торговые сношения нанайцев с Китаем начались, повидимому, задолго до установления там маньчжурской династии. Центрами китайско-нанайской торговли в период маньчжурского владычества были Сан-Син на Сунгари и Дэрэн в нижнем течении Амура. Довольно оживленными торговыми пунктами были с. Дондон (на территории нанайцев) и Пули (на территории ульчей). В обмен на продукцию нанайцев с китайского рынка поступали продукты сельского хозяйства (пшено, ячмень, бобы и пр.), табак, водка, различные китайские ткани (бумажные, шерстяные, шелковые, бархатные), шелковые халаты, затканные золотом и серебром, китайские шубы, различные украшения и хозяйственные принадлежности. Обмен производился непосредственно в Сань-сине и Дэрэне или на местах при помощи китайских и нанайских торговых посредников. Исторические известия XVII и XVIII вв. указывают на торговые связи нанайцев с народностями нижнего течения Амура и с Японией. Торговля с японцами происходила главным образом в Сирануси, на юго-западном побережье Сахалина. В середине XIX в. она прервалась.

Оценочной единицей был китайский лан. Среди китайских товаров очень важное значение получили расшитые халаты, куски шелкового материала и многие другие предметы, вся совокупность которых обозначалась термином *джака*.

Торгово-ростовщическая эксплуатация периода маньчжурского владычества ложилась тяжелым бременем на трудовое население. Китайские купцы, в основном выходцы с Сунгари и Уссури, спаивали и обирали нанайцев и делали их неоплатными должниками путем снабжения в кредит по высоким ценам необходимыми товарами. Центрами китайской торговли на территории расселения нанайцев были к середине XIX в., по сведениям Л. Шренка, торговые пункты в нанайских селениях Ца, Онмой, Мыльки, Цянка, Кзурми и Ади.

Помимо китайских купцов, среди нанайцев селились китайцы-хлебопашцы и огородники, занимавшиеся в небольших размерах животноводством и мелкими ремеслами. Значительное китайское земледельческое население было среди сунгарийских и уссурийских нанайцев, а на нижнем Амуре встречались лишь хозяйства одиноких, бессемейных китайцев-огородников. Эта трудовая часть китайского населения оказывала положительное влияние на нанайцев, прививая им навыки земледелия и животноводства.

Торговые отношения русских с народностями Амура не прекращались и после Нерчинского договора 1689 г., а с середины XIX в. русское население окончательно обосновалось в этом крае. С возвращением русских на Амур там появились почтовые станции, пароходы, телеграф, началось строительство гаваней и городов. На территории расселения нанайцев был основан в 1858 г. пост Хабаровск, ныне центр Хабаровского края. Получили широкое распространение огнестрельное оружие, порох, свинец и пр. Русское население принесло с собой элементы новой культуры, более высокую технику и ремесла. От русского населения нанайцы получали топоры, пилы и напильники, дрова, научились строить более теплые бревенчатые избы со стеклами в окнах, с потолком и полом. Старые жировые лампы заменялись керосиновыми, появилась русская мебель, русская обувь, головные платки, русские фабричные ткани, посуда, ложки и ножи. Под влиянием русского народа произошли изменения и в пищевом режиме нанайцев. Они стали потреблять печеный хлеб, картофель, масло, крупы, молоко, сахар. В художественной вышивке нанайцев

появилась техника вышивания крестом и мотивы, близкие к русскому народному орнаменту. Все эти новые элементы культуры были, однако, распространены до революции незначительно, главным образом, у населения Амурской магистрали. Торговля с русскими способствовала ускорению процесса разложения натурального хозяйства нанайцев. В начале XX в. хозяйство нанайцев было уже полутоварным.

Царские власти ввели среди народностей Амура институт сельских старост, которые подчинялись окружным начальникам (исправникам). Но и после перехода в подданство России нанайцы сохраняли свои старые связи с маньчжурами и китайцами. Они сбывали часть охотничье-рыболовецкой продукции китайским купцам, которые снабжали их необходимыми товарами и держали попрежнему в кабале.

Жестокой торгово-ростовщической эксплуатации подвергались нанайцы со стороны торговцев из своей среды. К этому присоединялась тяжелая эксплуатация трудящихся нанайцев со стороны русских купцов и промышленников, наживавших огромные богатства при скупке пушнины и рыбы у населения. Кулацкая часть русского крестьянства захватывала лучшие рыболовные участки, эксплуатировала нанайцев как дешевую рабочую силу на покосах и рыбалках.

До революции на территории расселения нанайцев и ульчей было всего 8 школ (найхинская, торгонская, кондонская и др.). Школы ютились в дымных, грязных и темных фанзах. Население не видело пользы от школы и неохотно отдавало туда детей; в школу попадали главным образом сироты и дети бедноты, так как зажиточная часть населения откупалась от нее взятками. Результатом такой «просветительной» деятельности было почти полное отсутствие грамотности среди нанайцев.

Хозяйственная деятельность

Археологические памятники амурского неолита указывают на рыболовство и охоту как на основные занятия древнего населения нижнего течения Амура. Эти виды хозяйственной деятельности были основным источником существования нанайцев и в XVII—XIX вв., как свидетельствуют письменные исторические документы. Богатейшая терминология, связанная с объектами, орудиями, процессами и продукцией охоты и рыболовства, указывает на большое значение этих промыслов в жизни нанайцев. Из вспомогательных, существовавших до революции занятий нужно отметить зачаточное сельское хозяйство, сбор жень-шеня (на притоках Уссури) и другие мелкие отрасли хозяйства.

В период маньчжуро-китайского владычества важным объектом рыболовства нанайцев были осетровые рыбы: из них добывались хрящи и вязига, составлявшие доходный предмет торговли с маньчжуро-китайцами. В связи с истощением осетровых в Амуре значение этого вида рыболовства со временем упало, и в период царской колонизации Амурского края большую роль в хозяйстве нанайцев стал играть промысел лососевых, главным образом кеты, и частиковых рыб, которые стали одним из основных объектов торговли с русскими. Произошли существенные изменения за этот период и в пушном промысле. Сокращение запасов соболя, имевшего важное значение в торговых сношениях нанайцев с Китаем, выдвинуло на первое место белку. Белка стала в конце XIX—начале XX в. главным объектом промысла и сохранила это значение и в дальнейшем.

В хозяйстве нанайцев можно было отметить два основных направления: у жителей долины Амура (т. е. в районе наиболее компактного расселения группы, именующей себя нанай) преобладающее значение имело рыболовство; у населения притоков Амура (т. е. в основном месте обитания группы, именующей себя киле) охота превалировала над рыболов-

ством. Это находилось в известной зависимости от распространения рыбы и зверя в указанных районах расселения нанайцев.

Основой хозяйства нанайцев издавна служил лов различных лососевых, в первую очередь кеты. Подъем кеты по Амуру продолжается с августа до рекостава, т. е. до октября.

В районе расселения нанайцев кета проходит большими косяками с конца августа до середины сентября. Известное значение имеет и летняя кета, проходящая по Амуру в середине июля. Менее важную роль играл другой вид лососевых — горбуша. Лососевых ловили неводом, плавными сетями, крючковой снастью и заездками, били острогой. Ход кеты — центральный момент хозяйственной жизни нанайцев. Все население в это время было поглощено ловом и заготовкой рыбы, которая составляла основу питания людей и собак и давала материал для одежды и обуви. Существенное значение имели частиковые рыбы (карась, сазан, щука, сом и др.), добывавшиеся в Амуре круглый год. Основными орудиями их лова служили: невод, плавные и ставные сети и острога. Из голов, костей и внутренностей этих рыб вываривали много рыбьего жира, из кожи делали одежду и обувь.

Большое значение, особенно у нанайцев, расселенных по притокам Амура, всегда имела охота (пушная и мясная). Основные объекты пушного промысла — белка, соболь, выдра, лисица, рысь, колонок и др.; из мясных животных — лось, изюбрь, кабарга, козуля, кабан. Пушной промысел происходил главным образом осенью и зимой, мясной — весной и летом. До появления огнестрельного оружия, т. е. до середины XIX в., основными орудиями охоты были у нанайцев луки и стрелы, различные ловушки, самострелы и копья.

Несмотря на появление ружья, существенно изменившего технику охоты, эти примитивные орудия продолжали существовать до самой революции.

Осенью нанайцы уходили на длительную и отдаленную охоту на белку и соболя. Они отправлялись по реке до ледостава, погрузив в лодку собак, нарту, лыжи, продовольствие и охотничье снаряжение, и возвращались зимним путем в феврале или в марте. В охоте на соболя применялось несколько способов: настораживание самострелов, добыча ловушками давящего типа, петлями и сетями. Сети расставляли перед норой, где соболь укрывался от преследований охотника. Дымом его выкуривали из норки, он попадал в сети и его убивали ударом особой колотушки или посредством удушения. Самострелами, кроме соболя, промышляли и других пушных животных — лисицу, колонка, выдру, рысь.

Главными орудиями добычи мясных животных были в старину, до распространения огнестрельного оружия, ямы, загороди, самострелы, копья, луки и стрелы. Большое значение в хозяйстве имела охота на изюбря, лося, кабаргу и козулю. Козулю били копьем, главным образом весной, преследуя ее по насту на лыжах. Охота на изюбря, молодые рога которого (панты) высоко ценились, происходила в основном летом.

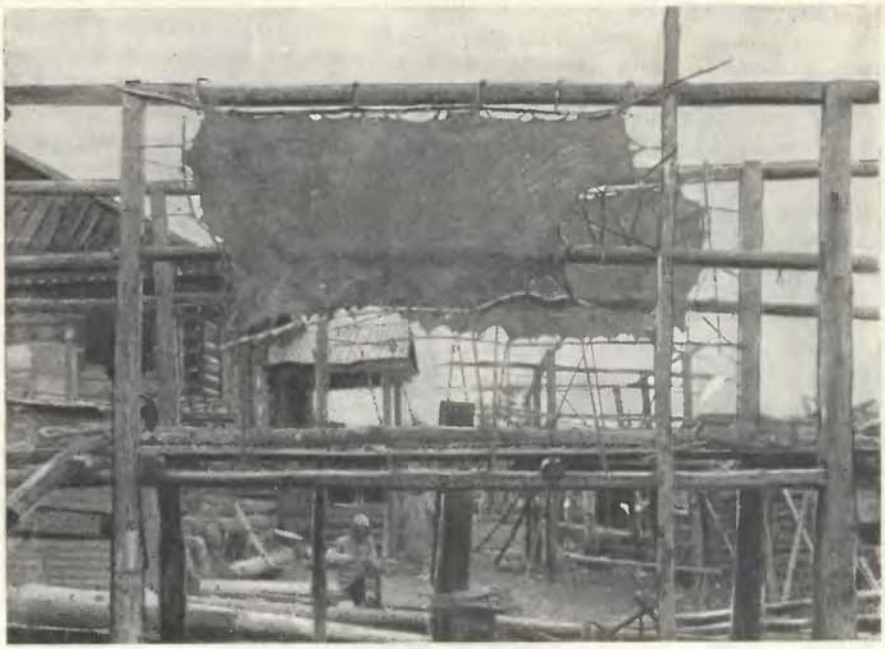
С установлением в прошлом торговых связей с китайцами пушная продукция нанайцев приобрела товарное значение. Мясная охота носила главным образом потребительский характер, но часть ее продукции (шкуры, сухожилия, панты, кабарожья струя) была тоже важным объектом меновой торговли с маньчжурами и китайцами.

Домашнее производство

Среди домашних производств видное место раньше занимало кузнечество. Искусство обработки железа у нанайцев развилось под влиянием маньчжуров и китайцев. Из железа нанайцы изготовляли орудия охоты и рыболовства, различную утварь, панцыри и шлемы маньчжурского

Снаряжение и одежда охотника

1 — охотничьи лыжи; *2* — лыжный посох; *3* — лук, употреблявшийся и как лыжный посох; *4* — пояс с принадлежностями; *5* — охотник в полном снаряжении; *6* — верхняя часть копья в деревянном резном футляре; *7* — передник; *8* — головное покрывало; *9* — головной убор; *10* — колчан из рыбьей кожи; *11* — нарукавник



Сушка шкуры лося

образца, состоящие из тонких и узких железных пластинок. Панцыри эти высоко ценились маньчжурами и северными соседями нанайцев — ульчами и нивхами. Кузнечное дело начало выделяться в ремесло в середине XVII в.

К этому времени на территории нанайцев было два довольно крупных центра кузнечества: Кадан (у выхода Болонской протоки на Амур) и Уксуми (на правом берегу Амура, в 100 км ниже устья Уссури).

Нанайцы достигли высокого совершенства в постройке лодок и в изготовлении нарт, лыж и других изделий из дерева. Металл, дерево и кость обрабатывались мужчинами. Нанайки занимались выделкой звериных и рыбьих кож, изготовлением ниток и рыбьего клея, пошивкой одежды и обуви, вышивкой, плетением корзин и цыновок, приготовлением берестяной посуды и пр. Заготовка материалов для изготовления веревок, поплавков и грузил, самое производство этих предметов и плетение сетей лежали на обязанности стариков. Они же обучали охоте и рыболовству мальчиков, которые уже с 12-летнего возраста выходили на промысел.

Средства передвижения

Главным ездовым животным нанайцев была до революции собака, в гораздо меньшей степени — лошадь. Фольклорные данные свидетельствуют о сравнительно давнем появлении этого животного у нанайцев. Но лошадей держали в основном «верхние» нанайцы, т. е. акани, и использовали их главным образом для верховой езды и как вьючных животных и лишь отчасти — как упряжных. Важную роль играла собака, имевшая транспортное и охотничье значение. Она применялась как тягловая сила: зимой для упряжки в нарты, летом для подъема лодок бичевой вверх по течению реки.

Типы нарт, способы упряжки, устройство собачьей сбруи были сходны у всех народов Амура. Характерны были прямокопыльные нарты с двусторонне загнутыми полозьями, упряжью шейного типа и продольной

Техника

1 — склеивание бересты для лодки-берестянки; *2* — укрепление поперечных и продольных щеп в лодке; *3* — укрепление бортов нащепами; *4* — готовая лодка-берестянка; *5* — плетение цыновки на станке; *6* — витье веревок

упряжкой «змейкой» или «елочкой». С начала XX в. эта форма упряжного собаководства сменилась новым, так называемым восточносибирским типом, широко распространенным на Охотском побережье, Камчатке, Чукотке среди коренного и старожильческого русского населения. Помимо нарты нанайцы пользовались санями (*пара*), в которые впрягали лошадь.

Лыжи нанайцев двух типов: малые без меховой подбивки (*кунгултэ*) и большие, более широкие и длинные, подклеенные мехом (*сохсильта*). При ходьбе на лыжах пользуются лыжной палкой.

Для плавания по Амуру служила плоскодонная лодка (*тэмчиэн*, или *угда*), сделанная из трех досок с выступающим вперед дном и приподнятым острым носом. На быстрых горных притоках Амура пользовались другой лодкой, долбленной из целого куска дерева, преимущественно из ивы (*аурпя*, или *огдима*). Местное русское население называет этот тип батом. В бате вверх по реке поднимаются при помощи шестов, вниз по течению спускаются, почти не прибегая к веслам. Широко были распространены маленькие лодки-долбленки, дощатые и берестяные. У долбленой оморочки — острый нос и корма; этим и меньшей величиной она отличается от бата. Оморочки приводятся в движение двухлопастным веслом или парой небольших весел с лопатообразными лопастями. Нанайцам было известно применение паруса.

Селения и жилища

Раньше у нанайцев были отдельные зимние и летние селения. Наличие зимних и летних селений связано было с сезонными перемещениями, практиковавшимися нанайцами в зависимости от хозяйственных нужд. После вскрытия Амура часть населения отправлялась на осетровые рыбалки для заготовки хрящей и вязиги. По окончании лова осетровых нанайцы передвигались в места, богатые частиковой рыбой, и заготовляли эту рыбу и рыбий жир. Интересы летней охоты, главным образом на изюбря, играли существенную роль при выборе места летнего пребывания. К началу хода кеты население сосредоточивалось на осенних рыбалках для заготовки основного продукта питания, и только после окончания лова лососевых нанайцы возвращались в зимние селения.

Жилища нанайцев разделялись, как и селения, на летние и зимние. Нанайские летники представлены были разнообразными формами: щитом-заслоном, двускатным, коническим и сферическим шалашами, четырехстенным летником, крытым корой (*дауро*), бязевой палаткой, пологом от комаров. Шалаш конической формы (*чоро*) покрывался соломой или полосами бересты и был наиболее характерен для жителей притоков Амура, т. е. в основном для киле и акани. Сферический шалаш (*хомуран*, или *анко*) служил исконным летним жилищем нанайцев долины Амура. Куполообразный остов этого шалаша состоял из тонких прутьев и покрывался сверху берестяными полосами, нижняя часть жилища опоясывалась цыновкой из камыша. У шалаша было два отверстия — дымовое сверху и входное, преимущественно в части, обращенной к реке. Входное отверстие завешивалось куском бересты или камышевой цыновкой. Корьевой шалаш дауро встречался главным образом на р. Горин.

Зимним жилищем в недавнем прошлом служили: землянка (*серома*) со срубом, установленным в вырытой в земле яме; полуземлянка (*хурбу*) со срубом, несколько возвышающимся над землей; зимник типа китайской фанзы (большого и малого размера); зимнее промысловое жилье (*ундхэн*) и русская изба. Промысловое жилье ставили на месте зимней охоты; по внешнему виду оно напоминало четырехскатную крышу, в одной из сторон которой была дверь.

Жилище и хозяйственные постройки

1 — землянка со срубом; *2* — зимнее жилище; *3* — амбар; *4* — летний шалаш

Большой каркасного типа зимник китайского образца (фанза) имел решетчатые стены из ивовых и ольховых прутьев, обмазанные с обеих сторон глиной. В зимнике этом были глинобитные печи (от 2 до 4) со вмазанными сверху китайскими чугунными котлами и земляной пол. Отапливалось жилище дымоходами, проходящими от печей в пустотелых нарах вдоль стен (канами). Далее дым поступал в высокую трубу из дуплистого дерева, находившуюся поодаль от жилья. Оконные рамы заделывали зимой рыбьей кожей или китайской промасленной бумагой, а летом — камышевой решеткой. Отличительная особенность внутреннего убранства этого жилья, как и у других жителей Амура, — большой помост, установленный на подпорках посреди зимника. На помосте хранились различные предметы домашнего обихода и орудия охоты и рыболовства. В домах этого типа в старину обитали большие патриархальные семьи. Каждый член патриархальной семьи имел определенное место на нарах. Глава семьи и его жена занимали почетное место у очага. В период маньчжуро-китайского господства перед домом шамана обычно стояли высокие деревянные столбы с резными изображениями драконов, змей, ящериц, лягушек и т. д. Перед жилищем судьи, а также нанайца, женатого на маньчжурке (обычно дочери какого-либо чиновника с Сунгари), были шесты с изображением кукушки. У подножья шестов устанавливали деревянные изображения духов предков.

Китайское влияние сказывалось и на домашней обстановке: в жилищах встречались шкапчики со множеством выдвижных ящиков, различного типа сундуки китайского происхождения. Китайская мебель — привилегия зажиточной части нанайского населения — была недоступной роскошью для бедноты.

Из хозяйственных построек особенно характерны были амбары на столбах.

В период русской колонизации большие дома китайского образца (фанзы) стали сменяться малыми фанзами, с двумя нарами и одним очагом. Это стояло, видимо, в непосредственной связи с процессом разложения большой патриархальной семьи. Во второй половине XIX в. у нанайцев появились первые русские избы. Эти жилища с характерной для них обстановкой были также лишь у наиболее зажиточной части нанайцев. Под влиянием русского населения на Амуре довольно широко распространились печки из листового железа и керосиновые лампы. До появления керосина для освещения пользовались жирниками, изготовлявшимися из песчаника, глинистого сланца и других материалов.

Условия жизни нанайцев были до революции весьма тяжелыми. Жилища, при отоплении дымоходами, проходящими под нарами, бывали обычно полны дыма; земляной пол, вследствие сырости и привычки плевать на пол, покрыт слоем грязи; пыль и копоть осаждались в изобилии на полочки, перекладины и балки жилища. Употребление мыла и стирка одежды были почти не известны нанайцам. Тяжелые жилищные условия, некультурность, нищета массы трудящихся и отсутствие каких-либо мер по охране народного здоровья способствовали развитию различных болезней и увеличивали смертность.

Одежда

Преобладание того или иного промысла у разных групп нанайцев отражалось в прошлом на материале, употреблявшемся для одежды. Жители притоков Амура, т. е. киле, у которых охота доминировала над рыболовством, одежду делали главным образом из лосиных и оленьих шкур и кож. У насельников долины Амура, где ведущее значение имело рыболовство, изготовлялась, главным образом, летняя одежда из рыбьих кож. Торговля

Плетение циновки

с китайцами способствовала проникновению к нанайцам тканей и одежды китайского происхождения. Значительное распространение эти предметы получили у «верхних» нанайцев, акани.

Шелковые материи, дорогие китайские халаты и шубы были только у богатых нанайцев. Нанайские старшины носили халаты из шелка высшего качества, специальные шапки и обувь. Одежда этих нанайцев резко отличалась и по материалу и по покрою от одежды всей остальной массы. Во второй половине XIX в. получили некоторое распространение материалы и одежда русского происхождения. Но несмотря на китайское и русское влияние, самобытная одежда нанайцев из рыбьих и звериных кож сохранялась вплоть до Октябрьской социалистической революции.

Существовало несколько видов нанайской национальной одежды — повседневная, праздничная, промысловая, обрядовая и т. д. Основные части мужской и женской одежды следующие: халат (*тэтуэ*) с запахивающейся направо полой, отличающийся от китайского отсутствием стоячего воротника и более узкими рукавами, пояс (*омол*), узкие и короткие штаны (*пэру*) и ноговицы (*гарон*), оригинальная часть женского костюма — особого вида нагрудник (*лэлу*) с металлическими подвесками, который некоторые женщины носили под халатом. Зимой носили несколько халатов, а также ватную и подбитую мехом одежду.

Национальная обувь (*ота*) имела невысокое голенище, с разрезом спереди. Внутрь обуви вкладывали стельку из уссурийской осоки. Зимняя обувь делалась из рыбьей, а летняя — из звериной, преимущественно кабаньей, кожи. Среди горинских киле распространена была обувь эвенкийского покроя. Обувь надевали поверх чулка (*доктон*) матерчатого (иногда на вате), мехового или кожаного.

Рукавицы (*качама*) покрывали рыбьей кожей или материей. Руку у запястья обматывали нарукавником (*хуэптун*) из материи или рыбьей кожи, обычно орнаментированным.

Головные уборы (*апун*) нанайцев очень разнообразны: меховые шапки с наушниками, поярковые шапки китайского типа, летние берестяные шляпы (невысокий конус с широким основанием), китайские широкополые соломенные шляпы и пр. Женские головные уборы, особенно зимние, по форме отличались от мужских. Широко распространена была прежде зимняя стеганая шапка на вате, имеющая вид шлема, с шишечкой на макушке. Женщины носили также фетровые шапки в форме колпака, с отогнутыми вверх краями, а летом — берестяные конусовидные головные уборы. С приходом на Амур русских распространились головные платки.

Из промысловой одежды своеобразием отличался костюм охотника на соболя. Он состоял из небольшой, богато орнаментированной шапочки с наушниками, увенчанной собольим или беличьим хвостом, головного и наплечного покрывала, меховой безрукавки (*миата*), наголенников из рыбьей кожи, обуви и орнаментированного передника.

Праздничная одежда отличалась от повседневной главным образом лучшим качеством материала и обилием украшений. Среди обрядовой одежды множеством своеобразных деталей и богатством орнаментировки особенно выделялся женский свадебный костюм.

Украшения были довольно широко распространены среди зажиточных нанайцев. Получали их главным образом от маньчжуров и китайцев, отчасти от якутов и русских. Из старинных украшений следует отметить кольца, браслеты, женские ушные и носовые серьги. Последние продергивались через перегородку и боковые крылья носа.

Мужчины нанайцы, начиная с середины XVII в., стали придерживаться маньчжурского обычая брить или коротко выстригать переднюю часть головы от виска до виска, заплетая остальные волосы в одну косу. Женщины стали заплетать волосы в две косы и плоско укладывать их вокруг головы, по примеру маньчжурок. Женская маньчжурская прическа распространена была больше среди «верхних» нанайцев; у других нанайцев замужние женщины обычно заплетали волосы в две косы, а девушки носили одну косу.

Еще в конце XIX в. у нанайцев существовала татуировка. Она была распространена главным образом среди акани. Татуировали руки, переносье и лоб. Производили татуировку, продергивая сквозь кожу нитку, окрашенную китайской тушью или соком особого растения (дафаро).

Пища

В недалеком прошлом основу питания нанайцев составляла рыба; только у киле большую роль играло мясо. Зерновые культуры, овощи и мясо домашней свиньи у «верхних» нанайцев играли бóльшую роль, чем у других групп, так как именно у них существовали зачатки хлебопашества, огородничества и животноводства. Пищевой режим зажиточных нанайцев отличался от питания бедноты обилием и разнообразием продуктов. Излишек продуктов у богатых нанайцев давал им возможность эксплуатировать бедноту. Известны были случаи, когда бедняк продавал в голодные годы в рабство своего ребенка богатому нанайцу за несколько фунтов пшена.

Основная масса трудящихся питалась в основном продуктами рыболовства, охоты и дикорастущими растениями. Из рыбы первенствующее значение имела кета. Рыбу и мясо потребляли в сыром, мороженом, вареном, вяленом (юкола) и копченом виде. Наиболее распространенные способы заготовки впрок — вяление (сушка на солнце и ветру) и копчение. Засолка рыбы и икры появилась, по-видимому, после русской колонизации. Кроме того, существовал весьма оригинальный способ сохранения частиковой рыбы: рыбную массу вываривали в собственном жиру, продукт, получающийся при этом, назывался *таксан*. Растительная пища —

Старинная женская одежда.

1 — халат из рыбьей кожи; *2* — головной убор из бересты; *3* — обувь

различные съедобные травы, грибы, ягоды и коренья — заготовлялась впрок преимущественно просушкой на солнце и ветру.

Излюбленные блюда нанайцев: *бода* — жидкая каша из чумизы (чумиза — вид пшена) с икрой, без соли, *тала* — мелко нарезанная сырая рыба, *фирун* — сухая черемуха, смешанная с рыбьим жиром. Лакомством считались также голова кеты, костный мозг, желудок белки, наполненный орехами, и т. д. Обрядовая пища употреблялась на поминках и в других случаях. К ней относилось и фигурное печенье, изображавшее птиц. Отвар чумизы считался напитком духов.

Посуда зажиточных нанайцев свидетельствовала о сильном китайском, а позднее русском влиянии. Основная масса нанайцев пользовалась преимущественно посудой собственного изготовления. Делали ее из дерева, бересты и рога. Тонкостью и изяществом работы отличались деревянные ложки и коробки для табака, украшенные резным орнаментом. Широко распространены были плетенные из ивовых прутьев корзины.

Социальные отношения

Ко второй половине XIX в., накануне русской колонизации Приамурья, нанайцы находились на стадии разложения патриархально-родового строя, но сохраняли многие нормы отцовской родовой организации. Нанайцы делились на патрилинейные роды. Род нанайцев — группа лиц, связывающих себя общностью происхождения от мужского предка, — сохранял закон родовой экзогамии и ряд других социальных и религиозных обычаев и запретов, но экономические связи членов рода давно стали разлагаться. Переход от материнского рода к отцовскому, а затем и разложение последнего были обусловлены развитием производительных сил и ростом обмена с Китаем, куда нанайцы в течение многих столетий сбывали пушнину.

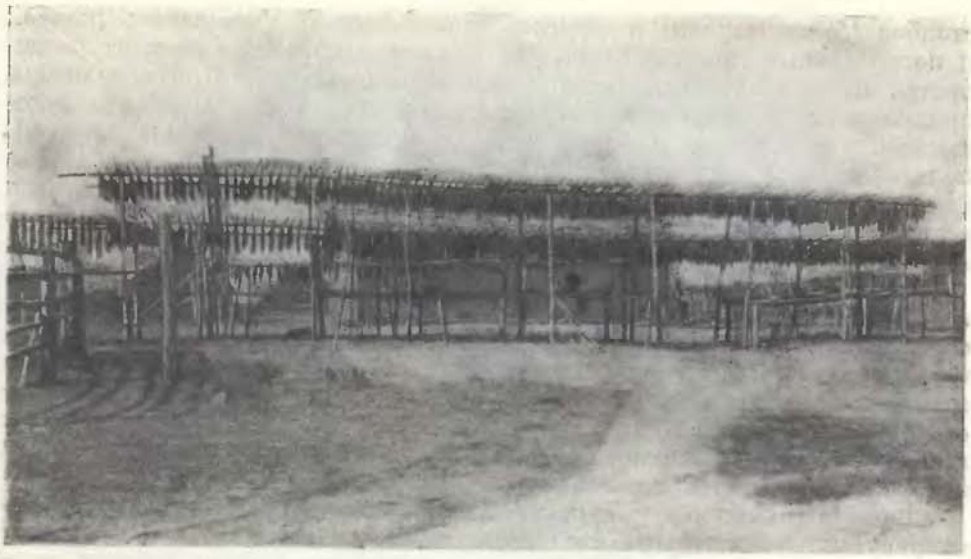
В некоторых нормах семейно-брачных отношений нанайцев и в их фольклоре обнаруживаются пережитки материнского рода. Сохранялись и обычаи, связывающие особыми узами детей с братом матери. На его обязанности лежала забота о воспитании детей своих сестер.

Вплоть до недавнего времени отцовский род нанайцев сохранял, помимо экзогамии, такие нормы, как левират, право наследования имущества сородичами, родовой суд, родовой культ и др. Отметим также наличие общеродового огня и связанных с ним обычаев. У нанайцев, как и у других народов Амура, сохранялись некоторые пережитки родового владения угодьями.

Особенностью родовой организации нанайцев, ульчей, орочей и других приамурских народов было наличие института *доха*, представлявшего собой объединение родов. Роды, входящие в доха, образовывали одну экзогамную группу, и брак между членами доха был запрещен. Роды, входящие в доха, были связаны между собой и другими обязательствами (в кровной мести, культе и т. д.). Отношения доха возникли как результат членения первоначально единого рода, при утере им территориального единства, а также как союз различных по своему происхождению родов.

До вхождения нанайцев в состав России у них существовало патриархальное рабство. Рабы вербовались главным образом из иноплеменников, но были рабы и из самих нанайцев. Часто рабами были китайцы, и слово *некан* означало одновременно «раб» и «китаец». Наиболее распространенным для обозначения раба был термин *аха*.

В течение XIX в. у нанайцев произошел переход от большой патриархальной семьи, господствовавшей у них, видимо, в течение первой половины прошлого столетия, к малой семье, утвердившейся к концу



Вяление юколы

XIX в. Распад нанайской большой семьи вызван был развитием денежных отношений. Но экономическая слабость мелкого единоличного хозяйства, обусловленная общим низким уровнем развития производительных сил, вызывала необходимость соединения отдельных хозяйств для охотничьего и рыболовецкого промыслов, возникавшего по чисто территориальному принципу.

Нанайцы, лишенные орудий и средств рыболовного промысла, вынуждены были итти работать также в богатые хозяйства или на рыболовные промыслы предпринимателей-капиталистов.

Семейно-брачные нормы, система и номенклатура родства очень сходны у всех тунгусо-маньчжурских групп Амура. Старые ортодоксальные нормы предписывали брак на дочери брата матери или сестры отца — перекрестно-кузенный брак, при котором два рода из поколения в поколение находились между собой во взаимно-брачных отношениях. Допускались браки лиц восходящих и нисходящих поколений. Обычными считались браки с дочерью сестры. Классификационная номенклатура родства отражала эти брачные нормы. Для нее характерны (и в этом ее резкое отличие от номенклатуры родства нивхов) смешение поколений: одним термином обозначаются лица разных поколений.

Народное творчество

У нанайцев были развиты различные виды народного творчества — фольклор, изобразительное искусство, музыка. Основные жанры устного народного творчества — сказка (*ненгма*) и предания (*тэлунгу*).

По полу сказителя сказки различались — мужские (*хусэ най нингмани*), в которых слова героев пелись, т. е. сказки с пением, и женские (*эктэ най нингмани*) — сказки без пения. Объясняется эта особенность женской сказки обычаем, вообще запрещавшим женщине петь.

Орнаментальное искусство нанайцев достигло высокого совершенства. Нанайцы декорировали большинство предметов своего обихода — одежду, обувь, головные уборы, домашнюю утварь, орудия рыболовства, охоты и т. д. Большого внимания заслуживает художественная отделка старинного жилища: орнаментировка карнизов окон и дверей,

столбов (*бакса торани*) и других частей жилья. Украшались резьбой и погребальные домики *кэрэн*. По сюжету нанайский орнамент разделяется на животный, растительный и геометрический. При исполнении орнамента пользовались набором специальных орудий. Большую художественную ценность имели женские вышивки (гладь и аппликация), пользовавшиеся заслуженной популярностью. В начале XX в. особенно славились своими вышивками селения Торгон, Найхин и Дондон. Для покупки вышитых изделий сюда съезжались из разных мест. Нанайские вышивки встречались даже у населения о. Сахалина.

Рисунок, изображающий деревья, драконов, птиц, пресмыкающихся, насекомых, всадников, человеческие фигуры, исполнялся прежде главным образом на предметах шаманского облачения, а также на кусках белой ткани или бумаги, служивших нанайцам своего рода иконами. Рисунки предварительно наносились черной тушью (контуром), а затем расписывались красками. В этих рисунках уже имелись элементы пейзажа и была налицо сложная многофигурная композиция, отдельные части которой подчинялись строгой симметрии.

Деревянная скульптура нанайцев была значительно проще и грубее их рисунков и носила архаические черты, сближавшие этот вид искусства с шаманской скульптурой многих других народов Сибири (эвенков, хантов, кетов, селькупов и ненцев). Нередко скульптурные фигуры слегка раскрашивались красной и черной красками.

Из старых музыкальных инструментов следует отметить широко распространенный в Сибири деревянный и металлический варган и однострунный смычковый инструмент, заимствованный, повидимому, у китайцев. Известны были также свирель и флейта из камышевой трубки.

Религиозные представления

До революции официально нанайцы считались православными, но христианство не оказало существенного влияния на их религиозные представления. Господствующим оставался шаманизм со сложной системой анимистических представлений. Сказывалось и заметное влияние китайских и маньчжурских обрядов. С большим уважением нанайцы относились к медведю, но особого праздника в честь его не устраивали. Мясо убитого медведя съедали с соблюдением ряда обрядов, а связку костей вешали на дерево. Особым почитанием пользовался тигр, с которым представители рода Актанка связывали свое происхождение.

В каждом предмете нанайцы различали его материальную форму и живое начало, которому приписывали иногда человеческие черты. Считалось, что огонь, вода, тайга, горы и пр. имели своих «хозяев». «Хозяин» огня, например, рисовался воображению нанайцев в виде старой женщины, называвшейся Фадзя мама. Зимой в тайге старики, подходя к огню, говорили часто: «Фадзя мама, посторонись и дай мне местечко около огня». Молодежи не разрешалось неожиданно подбегать к огню из опасения причинить вред Фадзя мама. Предполагалось, что среди «хозяев» были женщины и мужчины, которые женились, имели детей, а дожив до глубокой старости, не умирали, но обновляли свою внешнюю оболочку, становясь опять молодыми. От людей «хозяева» требовали почтения и приношений. В жертву им приносили главным образом свиней, а также различные продукты земледелия.

Существовали и представления о духах, освободившихся от своей материальной оболочки, независимых и свободных в своих движениях. Духи эти наделялись зооморфными и антропоморфными чертами. Для облегчения сношений с духами нанайцы делали их изображения, занимавшие видное место в религиозных обрядах. По месту своего обитания духи разделялись на небесных и земных. Среди земных духов выделялись

1

2

3

4

Орнамент

1 — на наушниках, вышивка цветными нитками; *2* — на чулке, вышивка цветными нитками и аппликация цветными тканями; *3* — на коробке, тиснение по бересте; *4* — на коробке, резьба и раскраска по бересте

две категории: *сэвен* и *бусю* (или *бусеу*). Севен были наиболее многочисленным разрядом духов. В отношении человека духи эти могли быть и добрыми и злыми. Бусю являлись исключительно злыми духами. Считали, что в бусю превращаются души самоубийц, рабов и нарушителей экзогамии. Среди бусю особенно вредоносным считался Сайка (или Сатка).

Душа ребенка, с момента его зарождения и до одного года включительно, представлялась в виде птички *омя-гаса* («душа-птица»), которая до вселения в женщину жила на ветках большого дерева *омя-мони* («дерево души»). Каждый род имел такое дерево. Омя-гаса вили гнезда, выводили птенцов и питались плодами этого дерева.

Одежда шамана

Похоронные обряды состояли в следующем. Ребенка, умершего до одного года, хоронили не в земле, а клали его между сучьями дерева или в дупло, завернув тело в материю и кусок бересты. Остальных покойников хоронили в земле. Некоторые вещи, принадлежавшие умершему, помещали вместе с ним в могилу, остальные или раскладывали поверх могилы или сжигали на больших поминках (*каса*). Вещи приводили в негодность (ломали, рвали). Считалось, что тем самым освобождается душа предмета. В прошлом распространено было также захоронение в деревянных усыпальницах (кэрэн), внешний вид которых напоминал собой жилище. По умершему совершался ряд поминок. Первые из них устраивали тотчас после смерти человека и на седьмой день после похорон. Изготовляли особую подушку (*фанян*) и делали изображение души покойника в виде деревянной человекообразной фигуры (*фанялко*), считавшейся вместилищем души. После этих малых поминок (*нингман*) покойника поминали ежемесячно вплоть до больших поминок каса (*каса-таэри*), для которых не было определенного календарного срока. Большие поминки требовали значительных затрат. На этих поминках шаман «увозил» душу умершего в загробный мир (*буни*). Этот мир был, по представлению нанайцев, как бы сколком с мира живых (*илу*), но он отличался и своеобразными особенностями; так, если в буни было лето, то в илу — зима, и наоборот.

Посредником между миром духов и людьми служил шаман, основными функциями которого считалось лечение больных, предсказание будущего и доставка душ умерших в буни. Шаманы нанайцев разделялись на три категории: *сиуринку саман* — шаманы-врачеватели, *нингман-тэй-саман* — шаманы, совершавшие помимо лечения больных обряды при первых поминках, и, наконец, *касатэй-саман* — шаманы, достав-

лявшие души умерших в загробный мир. Эта последняя группа шаманов считалась наиболее могущественной. Шаманами могли быть мужчины и женщины (касатэй-саман — только мужчина). Для всех народов Амура был в прошлом характерен своеобразный шаманский костюм, состоявший из юбки, кофты, пояса-ремня с прикрепленными к нему металлическими конусообразными подвесками; рукавиц с изображением змей, ящериц и лягушек; шапки с ветвистыми железными рогами и с прикрепленными к ней полосами из меха медведя, волка, лисицы и енота. Атрибутами шаманского облачения были также металлические китайские зеркала — *толи*, шаманский посох и другие предметы. Полным облачением пользовались только большие шаманы — касатэй-саман.

Религиозные воззрения нанайцев отражали черты родового строя. Таким был культ *эдзэхэ уйлэри*. В молениях *эдзэхэ* принимали участие все мужские представители данного рода. Религиозные воззрения нанайцев находились под сильным маньчжуро-китайским влиянием, что сказывалось, например, в праздновании нового года, в культе *мао*, т. е. китайских икон, и т. д. Среди шаманских атрибутов встречались китайские медные зеркала и бубенчики, одежда нанайских шаманов во многом напоминала облачение маньчжурских шаманов. «Иконы» с изображениями шаманских духов своей формой отчасти напоминали буддийские религиозные изображения на тканях. К сравнительно позднему времени (начало XX в.) относится возникновение у нанайцев культа Хэри Мапа— легендарного шамана из рода Ходэр (Хэдзэр), в котором стали видеть межродовое божество.

НАНАЙЦЫ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Нищей, политически бесправной, жестоко эксплуатируемой была трудовая часть нанайского населения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. После Великой Октябрьской революции на Дальнем Востоке началась длительная гражданская война. Она происходила на главнейших путях сообщения, в том числе и в бассейне Амура.

Героическая борьба дальневосточных партизан и народнореволюционной армии была неразрывной частью общей борьбы трудящихся Дальнего Востока; народности Амура не оставались в стороне от партизанского движения. Там, где они входили в тесное соприкосновение с партизанскими отрядами, они в значительном количестве вливались в эти отряды и принимали непосредственное участие в боях. В организованном специальном отряде лыжников участвовали нанайцы, ульчи, нивхи и другие народности Амура. На Кизи и Де-Кастри, в Николаевске-на-Амуре во время провокационного выступления японцев отряд этот оказал существенную помощь в борьбе с интервентами. В с. Болонь нанайцы собственными силами ликвидировали банду, терроризировавшую местное население грабежами и убийствами. Остальное население оказывало посильную помощь партизанским отрядам. Женщины шили теплую одежду и обувь партизанам, кормили проходящие через тайгу отряды. Мужчины снабжали партизан оружием, боеприпасами, средствами передвижения и оказывали деятельную помощь в качестве проводников и разведчиков. Известный Волочаевский бой, вошедший в историю под названием Дальневосточного Перекопа, решил исход борьбы в пользу народнореволюционной армии, вдохновлявшейся большевиками. Гражданская война на Дальнем востоке закончилась в ноябре 1922 г.

Планомерное советское строительство среди коренного населения Дальнего Востока началось с 1924 г., со времени организации при Отделе Управления Дальневосточного революционного комитета Тузем-

ного подотдела с институтом районных уполномоченных по туземным делам. 15 июня 1925 г. Дальревком созвал первый Дальневосточный туземный съезд. В 1926 г. ВЦИК утвердил «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», в основу которого был положен принцип самоуправления в форме родовых и туземных советов. В Хабаровском округе родовые советы не создавались, так как родовой состав жителей отдельных селений был различный. Начало организации национальных районов среди народностей нижнего Амура относится к 1926—1928 гг. В эти годы был организован Нанайский район.

С советизацией Дальнего Востока коренное население Амура стало постепенно вовлекаться через местные органы в общее государственное, хозяйственное и культурное строительство. Началась социалистическая реконструкция нанайского хозяйства.

Социалистическое строительство вызвало большие изменения в хозяйстве, быте и культуре нанайцев.

Появление первых колхозов среди нанайцев относится к 1930 г. В начале они объединяли незначительное количество хозяйств, но с течением времени колхозное движение приобрело широкое развитие; преобладающей формой колхозов стали артели. Социалистическая организация труда сделала возможным развитие всех отраслей хозяйства нанайцев — прежде всего рыболовства, сельского хозяйства и охоты.

Рыболовство — это исконное основное занятие населения бассейна Амура — изменило свой характер. Колхозы вооружены более высокой, не известной прежде техникой — неводами, моторными лодками, катерами; повсюду в районах созданы предприятия по переработке продукции рыболовства. В ряде районов организованы моторно-рыболовецкие станции (МРС). Построены рыбоконсервные заводы с подсобными предприятиями: засольными, коптильными, солехранилищами, пристанями для приема рыбы, мастерскими. Нанайские колхозы снабжают эти предприятия сырьем. В настоящее время нанайцы в ряде колхозов занимаются ловом рыбы в течение всего года. В некоторых колхозах практикуется круглосуточный лов рыбы, а также маневренный лов с помощью моторной лодки. Рыбаки по нескольку раз меняют места лова, не ожидая подъема воды, когда рыба устремляется в протоки и заливы.

Следует отметить, что сейчас нанайцы практикуют также лов рыбы в море, которым раньше они не занимались. В этой области многие колхозы добились крупных успехов (например, колхоз «Рыбак Севера» Нанайского района). Нередки случаи, когда рыбаки-колхозники в несколько раз перевыполняют годовые задания. Многие нанайские рыбаки награждены значками «Отличник рыбной промышленности», почетными и похвальными грамотами и получали право участвовать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Наряду с рыболовством развивается и другое исконное занятие нанайцев — охота. На территории охотничьих угодий нанайских колхозов построены охотничьи избушки; в них охотники получают приют и снабжаются всем необходимым.

В колхозном хозяйстве нанайцев помимо исконных промыслов развивается и земледелие, почти совсем не известное до революции.

Многие колхозы сеют пшеницу и овес. На колхозных огородах возделывают картофель, помидоры, капусту, морковь, лук, огурцы, кукурузу, дыни, арбузы, тыкву, табак и др. Наряду с этим у колхозников имеются индивидуальные огороды. Колхозная сенокосная площадь, впервые появившаяся в 1934 г., непрерывно возрастает. Сельское хозяйство с каждым годом все более и более механизируется. На колхозных

Подледный лов рыбы. Нанайский район, колхоз «Новый путь»

полях работают тракторы, молотилки, сенокосилки, вязалки, сеялки, жнейки.

За последние годы в нанайских колхозах появилась такая отрасль хозяйства, как пчеловодство; созданы колхозные пасеки, организованы специальные бригады пчеловодов. Уже в 1949 г. нанайские колхозы имели около полутора тысяч пчелосемей.

От русских колхозников нанайцы усваивают навыки садоводства; в селениях Сикачи-алян, Найхине и других нанайцы разводят сливовые деревья. Успешно развивается животноводство. Во многих колхозах имеется рогатый скот, созданы коневодческие, свиноводческие и молочнотоварные фермы.

Новая бригадная организация труда дает возможность одновременно развивать все отрасли комплексного колхозного хозяйства. Во многих колхозах работают бригады: охотничья, рыболовецкая, огородная, пчеловодческая, полеводческая и лесозаготовительная.

Перед уходом охотничьих бригад в тайгу правления колхозов отправляют в намеченный район предварительную разведку. В бригады входят опытные кадровые охотники. Массовое распространение современного огнестрельного оружия значительно повысило технику промысла.

В рыболовецкие бригады входят опытные рыбаки. Они хорошо знают места, богатые рыбой, дно реки, знают, при каком лове какие нужны сети, подобно тому как опытные охотники знают охотничьи угодья, повадки зверя, наиболее благоприятные условия добычи зверя и т. д.

Рост и укрепление нанайских колхозов, появление новых отраслей хозяйства, улучшение технического оснащения наглядно иллюстрируются деятельностью отдельных колхозов. Колхоз «Новый путь» Нанайского района расположен в с. Найхин. Основная отрасль его хозяйства — рыболовство. Наряду с рыбной ловлей колхозники успешно занимаются охотой и сельским хозяйством. Еще в 1938 г. этот колхоз получил валового дохода 1150 тыс. руб. Чистая прибыль выразилась в 266 тыс. руб., из которых 136 тыс. руб. было зачислено в неделимый фонд. В том же году колхоз вложил собственные средства в капитальное строительство и сделал крупные приобретения на 137 тыс. руб. Были построены дома для колхозников, детские ясли, бани, овощехранилище и рыболовецкий стан. Приобретены два катера и автомашина. В этом колхозе

имеется электростанция, школа-десятилетка и больница. На постройку нового клуба (старый уже не удовлетворял возросших потребностей колхозников) было ассигновано 80 тыс. руб. В 1940 г. колхоз «Новый путь» добился новых крупных успехов и получил право участвовать во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Самоотверженно трудились члены этого колхоза в дни Великой Отечественной войны. В связи с уходом на фронт многих нанайцев ведущую роль в колхозе стали играть женщины. Член партии Екатерина Оненко успешно руководила работой рыболовецкой бригады. Ее бригада, в основном состоявшая из женщин, считалась одной из лучших не только в колхозе, но и во всем Нанайском районе. В дореволюционное время, как известно, нанайки ловом рыбы не занимались. Они гребли, когда заводили невод, на их обязанности лежала также чистка и засол рыбы.

В 1940 г. денежные доходы колхоза «Новый путь» от сельского хозяйства и животноводства составили 70 351 рубль, а в 1944 г. они достигли уже 344 800 руб.

Успешно развивается хозяйство колхоза «Новый путь» и в послевоенные годы. Ведущей отраслью хозяйства колхоза попрежнему остается рыболовство, все шире развиваются земледелие и животноводство. В 1952 г. было засеяно уже 90 га зерновых культур, овощей и картофеля. Увеличивается поголовье рогатого скота, лошадей, свиней и птиц. Все большее внимание уделяется дальнейшей механизации сельского хозяйства, которая позволит высвободить людей для рыбного промысла.

Крупных успехов добились и другие нанайские колхозы.

В настоящее время нанайцы работают не только в колхозах. Часть их занята в промышленности. По соседству с нанайскими селениями в глухой тайге вырастают города и промышленные предприятия, прокладываются железные дороги. На территории расселения нанайцев возник новый город Комсомольск.

Нанайцы работают сейчас на различных предприятиях, заводах, новостройках г. Комсомольска. Среди них появились за последние годы хорошие специалисты — слесари, бетонщики, электромонтеры, литейщики, строительные рабочие, быстро освоившие новые для них отрасли труда. Петр Тумали из с. Нижняя Эконь в 1942 г. впервые увидел слесарные тиски, а вскоре сам стал опытным, квалифицированным рабочим и даже изобрел прибор для скорейшей сборки деталей. Другой нанаец Лука Киле прибыл в Комсомольск еще в 1935 г., когда строительство этого города было в полном разгаре. Увидев город, юноша решил остаться в нем и работал сначала бетонщиком, потом увлекся электромонтажем и стал работать в том же городе слесарем-электромонтером.

Нанайцы работают на рыбозасольных заводах, в бондарных мастерских, на кирпичном заводе в Найхине, на лесозаготовках. Они освоили профессии резчиков, электропильщиков, лесорубов и другие.

За последние годы произошли существенные изменения в области транспорта и связи. Многие нанайские колхозы имеют свои моторные лодки и грузовые машины. Распространен велосипед. У некоторых колхозников имеются мотоциклы. Все районы расселения нанайцев связаны регулярным сообщением глиссеров, самолетов, аэросаней. Почта, телеграф, телефон стали обычными средствами связи.

Старые средства передвижения — плоскодонная лодка, различные виды оморочек, зимой лыжи и собачья нарта — сохраняют свое значение и сейчас, наряду с новыми видами транспорта. В качестве ездового животного служит также лошадь — верховая и в упряжке (зимой в санях, летом в телеге).

В новом доме. Нанайский район, колхоз им. Максима Пассара

За годы советской власти сильно изменился и облик нанайских селений. Неузнаваемым, например, стало с. Троицкое на Амуре — нынешний центр Нанайского района. За последние годы там построены двухэтажные здания Дома советов и школы, родильный дом, аптека, летний и зимний кинотеатры, а также много жилых домов. Новые жилые дома — обычно рубленые избы русского типа — появились и в других селениях нанайцев. Иногда сооружаются и большие многоквартирные дома. Помощь в постройке новых домов оказывают нанайцам русские колхозники.

Наряду с новыми видами жилища, встречаются еще, особенно в отдаленных от Амура районах, и описанные выше старые типы, в которых, однако, существенно изменилось их внутреннее устройство, в первую очередь освещение и отопление. Глинобитные печи со вмазанными сверху китайскими чугунными котлами сменяются плитами и русскими печами. Керосиновое освещение полностью вытеснило старинные жировые светильники. В ряде нанайских селений работают колхозные электростанции. В связи с развитием колхозного животноводства во многих нанайских селениях сооружены специальные отепленные скотные дворы. Из старых хозяйственных сооружений еще встречаются амбары на сваях.

Существенные изменения за последние годы претерпела одежда нанайцев.

В настоящее время широко распространены покупные материи и готовое платье, белье, обувь и головные уборы. Женщины носят белье и городское платье, но иногда поверх них надевают национальный халат. Национальная одежда сохраняется главным образом среди старшего поколения. Особенно прочно сохранились обувь, чулки и рукавицы.

Питание населения также изменилось. Широко распространилось потребление хлеба и продуктов пищевой промышленности. В колхозных поселках имеются хлебопекарни. О популярности изделий пищевой промышленности свидетельствует, между прочим, содержимое посылочек, которые нанайцы, пользуясь всякой оказией, посылают своим друзьям в соседние селения. Здесь наряду с национальными лакомствами — «черемуховыми» лепешками (*дутун*), различными видами юколы (*борохси, бади*) и пр., есть и сахар, пряники, конфеты, мука, крупа и т. д.

В колхозах, колхозных бригадах, на рыбацких станах, на детских площадках, в яслях и школьных интернатах организовывается общественное питание.

До Октябрьской социалистической революции медицинское обслуживание нанайцев осуществлялось одним фельдшером, часто остававшимся к тому же без медикаментов. Эпидемии тифа, оспы, кори уносили много человеческих жизней. В селениях, подвергшихся эпидемии, вымирало нередко до трех четвертей населения. В силу религиозных предрассудков женщину удаляли во время родов из жилого помещения и лишали необходимого ей в это время ухода.

На приеме у врача. Сел. Найхин

В настоящее время на территории расселения нанайцев открыты десятки фельдшерских пунктов, несколько больниц и сельских родильных дом , ряд амбулаторий и детских к ультаций. Из краевого центр рактикуются частые выезды высококвалифицированных врачей. В числе местных медицинских работников есть сейчас и нанайцы, получившие специальное образование в Хабаровском Государственном медицинском институте.

Значительны успехи нанайцев во всех областях культурного строительства. Осуществлено всеобщее начальное обучение. Помимо начальных школ, открытых в большинстве нанайских селений, имеются и неполные средние школы. В настоящее время почти полностью ликвидирована неграмотность среди взрослого нанайского населения.

У нанайцев появились свои педагогические кадры. Среди педагогов имеются и женщины. Учительница школы взрослых Полина Онинка испытала в прошлом судьбу многих женщин нанаек. Малолетней она была продана замуж. Муж не разрешал учиться. Она ушла от него и в 1932 г. научилась читать и писать. Затем вступила в комсомол, пославший ее учиться в техникум народов Севера в Николаевске-на-Амуре. Окончив его, она стала работать учительницей в школах неграмотных и малограмотных. Полина Онинка организовала первый кружок ликбеза в с. Джари, где, кроме нее, не было ни одного грамотного нанайца. В школу сначала шли неохотно. Но потом в школе научились писать и читать более 50 человек. В 1938 г. там учились последние 10 неграмотных.

С каждым годом растет число нанайцев, обучающихся в вузах и техникумах. Много нанайцев учится в хабаровских институтах, медицинском и педагогическом, в Педагогическом училище народов Севера в Николаевске-на-Амуре, в Государственном Университете и в Педагогическом институте им. А. И. Герцена в Ленинграде, в мореходной школе

Нанайская молодежь. Комсомольский район, сел. Верхняя Эконь

в Комсомольске и других учебных заведениях. Успешно закончил Педагогический институт в Хабаровске Кирис Конганович Киле. Он оставлен при институте для преподавания нанайского языка. Сулунгу Николаевич Оненко в 1952—1954 гг. проходил аспирантуру на Северном факультете Ленинградского Государственного университета, защитил кандидатскую диссертацию и в настоящее время состоит научным сотрудником Института языкознания Академии Наук СССР.

В настоящее время в подготовительном, 1-м и 2-м классах начальной школы преподавание ведется на нанайском языке; в 3-м и 4-м классах — на русском языке и продолжается обучение родному языку. Нанайский алфавит и орфография были разработаны и утверждены в начале 30-х годов на межрайонной языковой конференции в с. Вознесенском. В основу литературного языка был положен найхинский говор.

Большую помощь в развитии нанайской письменности оказал в свое время Институт народов Севера, разработавший букварь, грамматику, учебники и словари. С 1932 г. регулярно издается учебная, массово-политическая и художественная (переводная и оригинальная) литература. На нанайский язык переведен ряд произведений классиков марксизма-ленинизма, а также отдельные произведения Пушкина, Крылова, Тургенева, Мамина-Сибиряка, Толстого, Горького и др. В послевоенные годы на нанайский язык переведено много книг для юношества, среди них: «Сын полка» В. Катаева, «РВС» А. Гайдара, «Талеко и его храбрый Лилит» Т. Семушкина, «Двенадцать месяцев» С. Маршака. В переводе этих произведений на нанайский язык принимали участие нанайцы С. Н. Оненко, Н. Б. Киле, М. Тумали и др.

Появилась и оригинальная литература на нанайском языке — рассказы К. Гейкера и стихи А. Д. Самар, павшего смертью храбрых в боях под Сталинградом. В посмертный сборник его стихов «Песни нанайца» вошли произведения, написанные и опубликованные автором в разное время. Среди них песни о Родине и ее вождях, песни о природе и людях

Урок химии на подготовительном отделении Хабаровского медицинского института

родного края, песни и сказки нанайского народа, обработанные поэтом.

Художественное наследие нанайцев — их национальный фольклор — широко бытует и в настоящее время. Это — богатейший источник для изучения неписаной истории народа. И в настоящее время мужчины и женщины, старики и молодежь любят слушать и рассказывать насыщенную меткими, образными выражениями сказку. Среди сказителей выделяются крупные мастера. Сказка рассказывается обычно на досуге, после трудового дня как дома, так и на промысле. Главное содержание старинных сказок составляют поединки народных героев с богатырями иноземного происхождения. Действующие лица могут быть разбиты на две группы: с одной стороны, это народ, трудовое население, с другой — группа завоевателей (*мохан*, *батур* и *эдзэнхан*), живущая главным образом за счет эксплуатации трудящегося населения покоренных земель и за счет военной добычи. Особенно популярны герои нанайских сказок Мэргэн и Пудин. Мэргэн — трудолюбивый охотник-богатырь. Пудин — главный женский персонаж; по одним вариантам она живет до замужества одиноко и занимается охотой, ходит в мужской одежде, имеет колчан и стрелы. По другим, Пудин — дочь эдзэнхана, наделенная сверхъестественными чертами. Обычно она занимается шитьем и вышивками, но также принимает участие в борьбе героев. Кроме людей, действующими лицами в сказках выступают животные и зооантропоморфные существа.

Предания, в отличие от сказок, воспринимаются как повествование о реальных исторических событиях. Однако анализ их позволяет выделить из их состава, помимо исторических преданий, также легенды о героях и мифы о тигре, медведе и т. д. Загадки, также распространенные у нанайцев, связаны в основном с рыболовством и охотой, с домашним хозяйством и основными орудиями мужского и женского труда.

Своеобразной музыкальностью отличаются нанайские скороговорки, произносимые с сильным повышением голоса на последнем слоге.

У нанайцев появились свои поэты и писатели. Коренные изменения в жизни нанайцев образно описал в своем стихотворении, посвященном молодому городу Комсомольску, талантливый выразитель дум и чувств своего народа поэт Аким Самар:

Вчера неистово шаманы,
Народ обманывая, выли, —
Сегодня школы и больницы
Нанайцам двери распахнули.
Вчера бедняк лопатой старой
Копал свой жалкий огородик, —
Пласты целинные вздымают
Стальные тракторы сегодня.
Вчера в лесу летали птицы, —
Сегодня реют самолеты:
Вчера текла в болотах речка, —
Сегодня радостно стремится
Вода в бетонных крепких стенах
Построенного здесь канала.
Вчера в озерах возле Мэлки
Икру в тиши метала рыба, —
И днем и ночью порт советский
Шумит сегодня на Амуре.

Наряду с фольклором богатейшей областью народного творчества является нанайский орнамент. Большую роль в развитии этой области искусства играют женщины. Используя цветные нитки и материю, они искусно орнаментируют одежду, обувь, подушки, ковры.

Для нанайского орнамента, в особенности вышивки, характерно преобладание кривых линий, в частности спиралей. Из изображений чаще всего встречаются рыбы, птицы, змеи, лягушки и ящерицы. Хвостам рыб и птиц, а также змеям придаются формы спиралей. Преобладание спиралей роднит современный нанайский орнамент с орнаментом, найденным на остатках неолитической керамики Амурского бассейна. Кроме вышивки цветными нитками, большое место в декоративном искусстве занимают аппликация из цветных тканей, тиснение и резьба по бересте, накладной и исполненный красками орнамент по рыбьей коже.

В процессе исторического развития изобразительное искусство нанайцев испытало на себе некоторое влияние маньчжуро-китайского искусства и его символики. Особенно отчетливо прослеживается это влияние в женской вышивке, менее заметно — в резьбе по дереву и кости. Среди мотивов нанайского орнамента нередко встречаются, например, такие явно китайские мотивы, как парные и одиночные драконы, летучие мыши, петухи, бабочки, изображения медных китайских монет с квадратным отверстием посредине и др. Однако большинство этих мотивов представлено в нанайском искусстве в значительно переработанном виде.

После Великой Октябрьской социалистической революции в нанайское искусство вошли мотивы советской эмблематики — пятиконечная звезда, серп и молот, колосья и др. У нанайцев созданы артели вышивальщиц. Одна из них организована в с. Сикачи-Алян, жители которого объединены в колхоз, носящий имя отважного сына нанайского народа, героя Советского Союза Максима Пассар, павшего смертью храбрых в дни Великой Отечественной войны. В этой артели вышивальщиц работает известная в районе мастерица художественной вышивки Майла Егоровна Актанка. В 1936 г. она ездила со своими изделиями в Москву на Всероссийскую выставку колхозных художников. За свою

Группа студентов Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР на занятиях по живописи. На первом плане нанаец Андрей Бельды

долгую жизнь М. Е. Актанка вышила десятки ковров, сотни скатертей и других изделий. Ее произведения отличаются оригинальным орнаментом и тонким рисунком. Крупные вышивки носят картинный характер и посвящены какой-либо теме, например «Великий Амур», «Первый снег», «Мужество нанайских рыбаков» и др. К 25-летию установления советской власти на Дальнем Востоке М. Е. Актанка и ее ученицы В. Оненко, С. Удинка и М. Дункан выполнили большой шелковый ковер с изображением герба Советского Союза. Жизнь подсказывает мастерицам все новые и новые темы для рисунков, обогащающие нанайское искусство произведениями национальными по форме и социалистическими по содержанию. В 1949 г. один из ковров, выполненный Майлой Егоровной, получил на краевой выставке работ сельских художников первую премию.

Большой интерес представляют произведения станковой живописи нанайцев, их акварели и карандашные рисунки. На Ленинградской выставке, устроенной в 1939 г. в Доме писателя, успехом пользовались изящные акварели нанайца Кили Пячки и вышивки Ольги Бельды. Профессиональной зрелостью отличаются работы нанайских художников Виктора и Андрея Бельды. Интересны, в частности, иллюстрации Виктора Бельды к нанайской сказке «Мэргэн».

Нанайцы очень любят театральное искусство. Зародилось оно у них в 1934 г., когда группа бывших студентов Института народов Севера стала выступать со своими постановками не только в Нанайском районе, но и в Хабаровске. В репертуаре театральной группы были переводные русские и оригинальные нанайские пьесы. В настоящее время драматические кружки имеются во многих колхозах: постановки кружковцев пользуются большой популярностью. Участники кружков во время уборочных кампаний выезжают в поле. На краевом смотре сельской театральной самодеятельности высокую оценку получила в 1950 г. постановка «Рев лахтака» в исполнении драматического коллектива избы-читальни колхоза «Интернационал». В 1953 г., на смотре художественной самодеятельности Нанайского района большой интерес вызвала постановка

пьесы «Балана эси» («Прежде и теперь»), написанной заведующим клубом с. Дада нанайцем Гейкер. На краевой олимпиаде детской художественной самодеятельности в Хабаровске в 1952 г. исполнялись на нанайском языке русские и советские песни. Заслуженным успехом пользуется исполнительница нанайских песен Мэйла Бельды. Факт публичного выступления женщин-певиц свидетельствует об отмирании древнего обычая, запрещавшего петь нанайке. Отмирают и многие другие обычаи, много лет сковывавшие нанайский народ, все шире развертывается социалистическое строительство среди нанайцев.

УЛЬЧИ

Общие сведения

Ульчи живут в Ульчском районе Хабаровского края. Они населяют 10 селений, из которых с. Калиновка является самым южным, а с. Ухта — самым северным пунктом. Все эти селения расположены по течению Амура и только одно (Кольчом) — близ оз. Удыль. Во многих ульчских селениях можно встретить людей, которые по происхождению относятся к орочам, нанайцам и нивхам; в настоящее время все они говорят на ульчском языке, по культуре почти ничем не отличаются от ульчей и считают себя ульчами. По данным переписи 1926—1927 гг., ульчей было 758 человек.

Ульчи называют себя *нани*, а термин «ульчи» употребляется как официальное название. Китайские источники XIV в. называют ульчей вместе с нивхами «ги-ля-ми», в русских источниках XVII—XVIII вв. они иногда вместе с нивхами именовались гиляками и гиляцкими мужиками. Впервые в литературе ульчей отличает от нивхов Иакинф (Бичурин) в «Статистическом описании Китайской империи» (1842 г.); со слов беглого ссыльного Гурия Васильева он называл ульчей орликами (от нивхского названия ульчей — орныр).

Название «мангуны» было дано ульчам участниками экспедиции Г. И. Невельского; так же их называл русский путешественник Р. Маак (от ульчского названия Амура — Мангу), и под этим названием они известны в литературе 50—80-х годов XIX в. Л. Шренк ввел термин «ольчи», утвердившийся в форме «ульчи».

Ульчский язык близок к нанайскому и иногда рассматривается как диалект нанайского языка. Советские этнографы выявили смешанный состав ульчей. У них обнаружены роды, общие с нанайцами, орочами, удэгейцами, ороками, эвенками, негидальцами, нивхами, а также роды айнского, монгольского и маньчжурского происхождения. По своей культуре ульчи ближе всего к нивхам.

Ульчи до конца XVII в. были относительно независимыми. После Нерчинского договора России с Китаем правительство Китая сделало попытку подчинить себе нанайцев, ульчей и нивхов. Оно назначало из местного населения старшин (халада) и деревенских старост (гасянда). Обязанностями старшины было составление списков населения и наблюдение за сбором ясака с каждого достигшего 15 лет мужчины по одному соболю в год. Китайские чиновники раз в год появлялись на Амуре для сбора ясака.

Однако это мероприятие не достигло цели: все население, включая старшин и старост, было неграмотным. Списки не составлялись. Охотник отдавал соболя, лишь приезжая торговать. Поэтому сбор по одному соболю с охотника рассматривался населением лишь как плата за право торговли. Жители низовий Амура (в том числе и ульчи) сбывали в Китай пушнину, получая в обмен много различных необходимых товаров и продуктов. Этот торговый обмен с давних времен играл важную роль в жизни местного населения.

В 1849 г. транспорт «Байкал» под командой Г. И. Невельского вошел в в устье Амура. В 1850 г. был основан пост Николаевский; началось освоение края русскими. Через несколько лет на нижнем Амуре поселяются русские крестьяне-переселенцы. На территории современного Ульчского района возникли села Богородское, Михайловское, Иркутское.

Хозяйство и быт

Исконным занятием населения на рассматриваемой территории являлось рыболовство. Река Амур богата различными видами рыб: лососевых, осетровых, карповых. Орудиями летней добычи карповых рыб служили плавные прямоугольные и мешкообразные сети, ставные сети, а также маленькие закидные неводы, которые стали появляться у ульчей лишь со времени поселения на Амуре русских. Рыбу били с лодок при помощи остроги. Осетровых рыб добывали с помощью крючковых снастей, а также больших крюков, вделанных в деревянные бруски. Весной и поздней осенью ульчи ловили корюшку с лодок сачками. Особенно большое значение в жизни местного населения имели проходные лососевые. Прежде добыча лососевых и запасы юколы из лососевых определяли благосостояние ульчских семей на целый год: юкола из лососевых была основой питания ульчей; отходы во время заготовки юколы запасались впрок и служили кормом для собак, которых ульчи держали в большом количестве. Лососевых добывали при помощи небольших заездков — сооружений из кольев и прутьев, перегораживавших часть реки и преграждавших путь рыбе, поднимавшейся вверх по течению для икрометания. Эта подводная изгородь глаголеобразной формы имела на конце длинную узкую мешкообразную сеть, куда попадала рыба. Добывали лососевых также при помощи плавных сеток и маленьких закидных неводов. Зимний подледный лов производился при помощи ставных прямоугольных и мешкообразных сетей, а также крючковых снастей.

Охота в хозяйстве ульчей имела подсобное значение. Охотились на мясных животных — лося, оленя, медведя, а также на пушных — белку, соболя, колонка, выдру и др. Продукция охоты на мясных животных целиком шла для потребления семейств охотников; за пушнину ульчи получали у китайских, маньчжурских, а позднее и русских купцов дешевые ткани, различные продукты сельского хозяйства и другие вещи.

На мясных животных ульчи охотились круглый год. Лося и оленя зимой добывали, гоняя их по глубокому снегу, весной — по насту. Летом этих животных били с оморочек, неслышно подплывая к ним, когда они кормились водорослями на берегах проток или озер. На медведя охотились преимущественно зимой с копьем, поднимая его из берлоги.

Луки у ульчей были двух типов: простые прямые луки (*пила*), которые зимой на охоте использовались также в качестве лыжной палки, и сложные луки (*бури*) с обкладкой из китовой кости, ценившиеся очень высоко.

На соболя охотились в своем районе, а также на Сахалине, где его было гораздо больше. В начале осени ульчи артелями в 6—8 человек

отправлялись на Сахалин на промысел и возвращались оттуда уже весной, после того как проходил лед в Татарском проливе.

Морской промысел (охота на нерпу и сивуча) в прошлом у ульчей был широко развит. Охотились ульчи в Татарском проливе, добираясь туда через оз. Кизи и впадающие в озеро и в пролив реки. Отправлялись артелями в 7—8 человек под руководством опытного человека. Уходили из дома в апреле. Охотились на большой лодке до 10 м длиной с 5—6 парами весел. Нерп били с помощью железного гарпуна (*джёгбо*), который кидали на расстояние до 15 м. Употребляли и другое оружие — плавучий гарпун (*дарги*); он состоял из длинного (до 30 м) составного древка, на переднем конце которого укреплялся руль (*лаху*), при помощи которого оружие можно было направить в любую сторону, независимо от движения лодки, скорости и течения. На передней части руля укреплялся наконечник (джёгбо) обычного типа. Управление этим оружием было очень сложно. Иногда охотники выходили из лодки на льдины и били там нерп гарпуном и колотушкой (*маг'ли*). Охотились на нерп из-за шкур и жира и лишь частично из-за мяса. В начале XX в. при охоте на нерпу наряду с гарпуном употреблялось и ружье, проникшее к ульчам от русских.

С ростом имущественной дифференциации среди ульчей выделялись отдельные представители, наиболее обеспеченные и богатые, которые противостояли основной бедной и малоимущей массе рыбаков и охотников. Они образовали имущественную верхушку, которая наряду с иноземными купцами постепенно стала забирать в свои руки торговлю. Представители этой эксплуататорской верхушки ульчей ездили для торговых операций на территорию приморских орочей, к негидальцам, орокам Сахалина, а также в Маньчжурию. Они скупали также продукцию охоты и у своих соплеменников.

Главным продуктом питания ульчей в прошлом служила рыба. Ее потребляли в сыром, мороженом, вяленом, копченом, вареном и жареном виде. Основным способом консервации рыбы было вяление, копчение и сушение. Юколу приготовляли из лососевых и карповых рыб; для юколы у ульчей имелось 8 названий в зависимости от сорта. Некоторую роль играла мясная пища; ели мясо лосиное, медвежье, оленье, нерпичье и собачье (мясо ездовых собак). Большое значение в питании имели дикорастущие — ягоды, корни растений, травы, лишайники. Получаемые путем обмена мука, крупа и другие сельскохозяйственные продукты имели сравнительно небольшое значение, особенно в экономически малосостоятельных семьях.

Из домашних занятий ульчей в первую очередь следует отметить обработку рыбьих кож для изготовления обуви и одежды. Этим занимались женщины. Обрабатывали кожу различных рыб — кеты, щуки, горбуши и пр. Кожу снимали с рыбы, несколько дней сушили в доме или на воздухе в тени, затем на специальной деревянной подставке (*дэли*) били деревянной колотушкой (*пааты*). Завертывали в кожу полынь (*суакта*) и слегка ее мочили. Спустя несколько часов кожу растягивали до отказа на специальной доске (*худэ*) и вешали вблизи очага. Так ее коптили недели две, пока она не пожелтеет; после этого кожа считалась пригодной к употреблению.

К области женского труда относилась и обработка лосиных, оленьих и нерпичьих кож специальными инструментами, плетение цыновок и корзин из корня тальника. Женщины также обрабатывали бересту, выделывая из нее домашнюю утварь, шляпы и др. Мужчины вырезали из дерева орнаментированные коробки, ящики, люльки и т. п., занимались обработкой кости, из которой изготовляли мелкие вещи — иголь-

Зимнее жилище

ники, рукоятки ножей, резные пряжки для поясов. Из крапивы и дикой конопли мужчины при помощи веретена (*порпу*) изготовляли нитки для сетей. Из таловой коры делали веревки. Известно, что в XIX в. ульчи знали кузнечество. Они перековывали старые китайские изделия — котлы, цепи, ножи, умели сами делать стрелы, копья, ножи и другие предметы.

Главными средствами летнего передвижения являлись лодки (*угда*), сделанные из трех основных досок, с выступающим вперед дном и острым приподнятым носом; лодки такого же типа, но с тупым носом, назывались *кэньзумэ*. Лодки раньше богато орнаментировались и украшались скульптурными изображениями птиц. Ульчи употребляли четырехугольные паруса из рыбьей кожи. Оморочки использовались главным образом охотниками. Их изготовляли из трех досок, с острым носом и кормой, или из одного ствола дерева; такие оморочки назывались *утонго*. Оморочки из бересты назывались *заи*. Долбленые оморочки изготовлялись, главным образом, в верхней части территории расселения ульчей в XIX веке.

Средствами зимнего передвижения служили нарты и лыжи. Ульчи еще недавно были собаководами и ездили на собаках. Исконная ульчская упряжка собак была сходна со старинной нивхской. С появлением русских она стала вытесняться парной упряжкой, но старая сохранялась до 30-х годов XX в. и применялась только на медвежьем празднике. У ульчей существовала нарта амурского типа, с двусторонне загнутыми полозьями и 5—7 парами копыльев. С появлением русских она стала исчезать и заменяться нартой так называемого восточносибирского типа. Охотники употребляли ручную нарту (*он'со*) с двусторонне загнутыми полозьями, с 2—3 парами копыльев и оглоблей спереди. Лыжи у ульчей двух типов: подклеенные камусом и голицы для ходьбы по насту.

В XIX в. ульчи жили в маленьких селениях, состоящих из 2—5 домов, расположенных на берегах рек. Таких селений было около 40.

Каркас ульчского зимнего дома старого типа (*хагду*) строился из столбов; стены дома сооружались из тонких бревен, заостренные концы

Амбар

которых входили в пазы вертикальных столбов. Дом обычно отапливался двумя очагами (*дуэнтэ тава* — «огонь лесного бога» и *тэму тава* — «огонь бога воды»), дымоход которых проходил под нарами, примыкавшими к трем или четырем стенам дома; горячий воздух, проходивший по дымоходам, обогревал их; эта система отопления занесена на Амур из Маньчжурии. В стенах делались большие окна, в которых стекла заменяла рыбья кожа. Кроме нар, внутри дома находился помост для кормления собак и небольшие столбики, к которым привязывали медведя во время медвежьего праздника. На нарах, покрытых цыновками, размещались семьи, жившие в доме (дом строился обычно для нескольких семей). Здесь протекала зимой вся жизнь: тут спали, ели, работали, тут находились постельные принадлежности — цилиндрической формы орнаментированные подушки, одеяла, тюфяки. Сюда же во время еды ставили маленькие китайские четырехугольные столики. Для освещения пользовались примитивными жировыми светильниками. На балках развешивалась различная утварь, домашняя и рыболовная. Пол в домах был земляной, потолка не было.

Наряду с зимниками (хагду) у ульчей существовали летники на столбах (*генга*). Это были длинные сооружения, у которых задняя часть, сложенная из бревен, использовалась обычно для хранения вещей, а в передней, дощатой, летом жили; здесь же иногда коптили юколу. Летники из коры (*дауpa*) строились прямо на земле, поблизости от реки; в них также иногда коптили юколу.

На охоте пользовались временными жилищами конической формы (*наму аунзаны*) и двускатным прочным шалашом (*аунза*); на рыбалке строили летние шалаши (*хомура*), которые делались из прутьев, ветвей и травы. Хозяйственными постройками у ульчей являлись срубные амбары (*такту*) на столбах. Сооружения для сушки юколы (*пэулэ*) представляли собой помосты с системой жердей над ними и с крышей; часто употребляли и открытые вешала (*сан*).

Женская одежда из рыбьей кожи

Исконной ульчской одеждой являлись халаты из рыбьей кожи и ровдуги, которые иногда богато орнаментировали. Позднее халаты стали шить из привозной материи, но покрой монголо-маньчжурский (с застежкой на правом боку) оставался прежним. Зимние халаты (*лэбэли*) подбивались ватой. Женские халаты шили ниже колен, мужские — до колен (у стариков); молодые люди носили куртки. Зимней одеждой, помимо ватных халатов, служили шубы из собачьего меха. Мужчины носили юбочки (*хоси*) из нерпичьей шкуры, надевавшиеся поверх меховой шубы. Штаны (*пэру*) имели одинаковый покрой и у мужчин и у женщин; к женским штанам спереди в верхней части пришивался небольшой нагрудник (*дыльба*). Кроме того, женщины носили длинные эвенкийские нагрудники (*лэлуэ*) с большим количеством украшений из бисера и медных побрякушек. С короткими штанами носили ноговицы (*гару*), которые шились из покупной материи, а также из меха собаки или рыбьей кожи (*ои*).

Охотничий костюм ульчей состоял из халата из рыбьей кожи выше колен, ноговиц, фартука и обуви из того же материала. Головным убором служила маленькая, напоминающая тюбетейку шапочка (*порогдо*) из собачьих камусов или нерпичьей шкуры. Шапочка оставляла открытой большую часть головы, поэтому под нее надевались еще подбитые мехом наушники и шлем из материи, спускающийся на шею.

Мужчины носили меховые шапки в виде капора, изготовлявшиеся из белого собачьего камуса, очень похожие на нивхские. Женские шапки делались из материи с помпоном на макушке и подбивались мехом. Летние берестяные шляпы также встречались повсеместно. Необходимой принадлежностью праздничного женского костюма были рысьи шапки; позже они стали употребляться лишь в качестве свадебного головного убора.

Промысловая и обрядовая одежда

1 — зимняя охотничья; *2* — женская свадебная

У ульчей бытовала обувь двух покроев — амурского и эвенкийского. Первая отличается от тунгусской тем, что не имеет отдельной пришивной подошвы; подошва загибается вверх и представляет одно целое с головкой. Голенища у обуви отдельные, короткие, всегда из иного материала, чем головки. Материалом для этой обуви служили нерпичьи, сивучьи и рыбьи кожи. Украшалась обувь шитьем по коже оленьим белым волосом, разноцветными шелками и др. В зависимости от формы головки и материала для украшения обувь амурского покроя имела разные названия. Эвенкийская обувь на Амуре имела отрезную подошву и шилась из ровдуги, сохатиных или оленьих камусов. Зимой в праздники и на свадьбу женщины надевали пелерины-накидки из собольего меха (*сини*) или круглые меховые воротники из меха рыси или соболя.

Общественные отношения и религия

Подобно другим тунгусо-маньчжурским группам Амура, ульчи разделялись в прошлом на ряд патрилинейных родов, которых насчитывалось более тридцати. Самыми крупными считались роды: Чорули, Баяусали, Вальдю, Ольча, Дечули, Килер, Бельды, Удзяли, Оросугбу, Ходзер, Джаксор, Дзятала, Пильдунча, Куйсали. Названия некоторых из этих родов встречались и у соседних с ульчами этнических групп. Первоначально сородичей связывало многое: представление об общем предке, общее родовое имя, общий огонь; родовые селения, родовые охотничьи территории, коллективное потребление добычи; родовая взаимопомощь,

родовой суд, кровная месть за убитого сородича, право наследования имущества сородичами. В области культа родовые связи проявлялись в представлении об общих родовых духах и совместном устройстве сородичами медвежьих праздников. Родовые отношения ульчей подверглись разложению еще до присоединения Приамурья к России.

В обычном праве ульчей, относящемся к охоте, наряду с остатками первобытно-общинных отношений отчетливо выступала тенденция к обособлению индивидуального производителя; коллективному распределению подлежала только продукция мясного промысла; добытого зверя съедали все живущие на стойбище.

Пушной промысел полностью индивидуализировался. Уже к концу прошлого века основные орудия труда — лодка, невод, снасти — находились в частной собственности. Обособление отдельных хозяйств, систематическая торговля в прошлом с маньчжурами и китайцами, нивхами и негидальцами способствовали имущественной дифференциации ульчского общества. Торговля с маньчжурами и китайцами ускорила разложение общинно-родового строя и развитие товарных отношений, но некоторые его формы сохранялись до начала XX в. Эта же торговля способствовала укреплению патриархального рабства, которое просуществовало до начала XX в.

В конце XIX—начале XX в. исчезают родовые охотничьи территории, родовые селения, кровная месть. Однако вплоть до Октябрьской социалистической революции в той или другой степени или в измененном виде существовали многие элементы родовых связей.

Как и у других народов Амура, у ульчей существовали объединения родов, так называемые *доха*. Члены доха обязаны были помогать друг другу при организации медвежьего праздника, участвовать в мести за убитого сородича, были связаны экзогамными запретами. Для предотвращения кровной мести устраивалось судебное разбирательство (*байта*); кровавая расправа происходила только при неудачном его окончании. Как и у других народов Амура, главную роль в байта играл обычно *манга* — выборный посредник, судья из нейтрального рода.

На брачных отношениях ульчей лежала печать глубокой архаичности. Старинная ортодоксальная норма предписывала ульчам брать жен у *гуси*, т. е. у братьев матери или сестер отца. Поэтому из поколения в поколение два рода обменивались женами. Брачные нормы допускали брак между лицами восходящих и нисходящих поколений. До революции существовало многоженство. Каждый состоятельный ульча имел несколько жен.

Ульчские женщины занимали в семье сравнительно высокое положение, хотя и были очень загружены работой. Они не только несли заботы по дому, но и гребли на лодках, участвовали в неводьбе.

При заключении брака большую роль играл калым и хозяйственные соображения. Иногда выплата калыма заменялась отработкой за жену от года до трех лет. По окончании отработки или по выплате калыма жених увозил невесту в свой дом. У порогов дома родителей невесты и дома жениха совершался обряд «топтания котлов». Перед отправлением в путь родичи жениха и невесты вступали между собой в «борьбу».

Номенклатура родства ульчей почти не отличается от классификационной номенклатуры прочих тунгусо-маньчжурских народностей.

Хотя официально ульчи считались крещеными, христианство почти не повлияло на их религиозные представления. Больше было заметно влияние китайских и маньчжурских верований и обрядов. По древним представлениям ульчей камни, леса, горы, тайга, вода — всё имеет своих «хозяев». Этим «хозяевам» приносили жертвы, для того чтобы они послали зверя, рыбу и т. д. Основных промысловых молений было три:

Орнамент

1, 2 — на коврах, аппликация из цветной ткани; *3* — на верхней части женского свадебного халата, вид сзади, вышивка

4

5

6

7

Орнамент (продолжение).

4 — на коробке, резьба по дереву; *5* — на подушке, аппликация из цветной ткани; *6* — на коврике, аппликация из цветной ткани; *7* — на коробке, резьба и раскраска по бересте

моление небу (*эзэхэ уйли*), моление воде (*войси няали*) и моление тайге (медвежий праздник — *буюмба хупи*). Обряды эти отличались от нивхских только деталями.

Основным отличием ульчского праздника медведя от нивхского было то, что роду хозяина медведя разрешалось есть мясо этого медведя. В обрядах, связанных с культом неба, воды и тайги, с культом медведя шаманы не принимали никакого участия.

Одним из древнейших культов был культ близнецов. Рождение близнецов считалось крупнейшим событием. После него сородичам необходимо было соблюдать много строгих запретов, табу; нарушение их отзывалось на взаимоотношении людей с «хозяевами» тайги. Близнецы считались священными людьми. Предполагалось, что один близнец — «таежный человек», другой — «водяной человек».

Как и другие тунгусо-маньчжурские народности, ульчи хоронили своих покойников в лесу (в отличие от нивхов, которые их сжигали). Для покойников в XIX в. строили великолепно орнаментированные домики, а также простые деревянные срубы. Для похорон утопленников, близнецов и их матерей существовали особые обряды. Ульчские представления о загробной жизни сочетали нивхское верование в переселение души умершего в собаку (*прыску*) с нанайским представлением о душе (*паня*), увозимой шаманом в загробное царство (*буни*). Большие поминки совершали только некоторые, так называемые большие шаманы (*дай самани*). Это был чрезвычайно сложный обряд, такой же как у нанайцев. Многое в ульчском шаманстве нанайского происхождения. У большинства ульчских родов не было своих шаманов; обрядовая сторона шаманства, костюм, тексты были очень близки к нанайским.

Народное творчество

Космогонические мифы ульчей связаны отчасти с культом близнецов, отчасти с культурным героем Хадау. Другие мифы дают описание порядка организации того или иного обряда и предостерегают от нарушения этого порядка или несоблюдения самого обряда.

Кроме рассказов мифологического характера, у ульчей из поколения в поколение передавались *тэленгу* (былины) и *нингма* (сказки). Тэленгу — это рассказы о кровной мести, об охотничьих приключениях, о поездках в Сань-син и т. д. Рассказы эти были наполнены всякими небылицами, чудесами; по характеру своему они приближались к эпическому творчеству других тунгусо-маньчжурских народов. Наиболее популярный сюжет нингма — похождения различных животных. У ульчей существовало много поговорок.

Изобразительное искусство ульчей достигло высокого развития в орнаменте. Различные деревянные и берестяные предметы, посуда, утварь, коробки, карнизы амбаров, нос и корма лодок покрывались резьбой, одежда и постельные принадлежности — вышивками и аппликациями, наконечники копий и металлические предметы инкрустировались. По стилю ульчский орнамент стоит ближе к нивхскому, чем к нанайскому. Он состоит главным образом из спиралей, витых линий и стилизованных изображений животных. Наиболее часты белый, черный, красный и синий цвета. Вышивание, орнаментация по бересте и аппликация — женское занятие, резьба по дереву, кости и металлу — мужское. Женщины применяли при работе специальные трафареты, передававшиеся из поколения в поколение почти без всяких изменений.

Влияние русской культуры

Соседство с русскими, поселившимися здесь с середины XIX в., оказало благотворное влияние прежде всего на хозяйство и материальную культуру ульчей. Совершенствовалась техника и повышалась произ-

водительность рыболовства. От русских ульчи заимствовали небольшие неводы, которые при определенных условиях с большой эффективностью заменяли сети. Рыболовная продукция стала поступать на рынок. На охоте применяются более совершенные русские ружья. В начале XX в. в ульчских хозяйствах кое-где появляется домашний скот, главным образом лошади. Делаются первые попытки завести огороды, где сажается табак и картофель. С появлением лошадей и в связи с ростом товарности рыболовства начинает снижаться значение собаководства, связанного с большим расходом рыбы на корм собакам.

Русское влияние коснулось и ульчского жилища. В начале XX в. появляются дома переходного типа, при постройке которых сочеталась исконная амурская пазовая техника со срубной русской техникой. Первоначально такие дома были во многом схожи со старым жилищем: отсутствовали полы, потолки; система отопления и конструкция крыши оставались прежними. К этому же времени относится и появление некоторых видов русской одежды, главным образом у мужчин, а затем и у женщин. У мужчин появляются русские рубахи, в летнее время носят русскую обувь. В пищевой рацион входят некоторые овощи, которые покупались у русских крестьян.

Современная жизнь ульчей

Однако вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции ульчи оставались отсталым народом. Царское правительство не заботилось о культурном росте ульчей. Только после Октябрьской революции ульчи получили возможность экономического и культурного развития. На территории расселения ульчей в 20-х годах появляются первые точки кооперативной сети, которые оказывают большую экономическую поддержку появлявшимся здесь маленьким рыболовецким артелям и ульчскому населению в целом. Работники кооперативных организаций вели и культурную работу среди местного населения; они организовывали вокруг себя молодежные группы, в которых проводили работу по ликвидации неграмотности, устраивали вечера для населения, демонстрировали кинокартины и т. д.

В конце 20-х годов в ульчских селениях были созданы первые комсомольские организации. Они сыграли большую роль в переустройстве ульчского быта и в подъеме культуры. Комсомольцы первыми усвоили навыки гигиены, первыми стали учиться; они проводили среди населения большую политико-просветительную работу, организовывали избы-читальни, клубы.

Появляются красные юрты, проводившие особенно большую работу с женщинами; здесь их учили грамоте, здесь же с ними проводилась и политико-воспитательная работа. Работники красных юрт оказывали медицинскую помощь населению, демонстрировали кинокартины. В 1930—1932 гг. во всех ульчских селениях были открыты пункты по ликвидации неграмотности, где занималось все взрослое население. Для обучения детей была создана сеть школ. В 1927 г. в с. Ухта открылась первая начальная школа с большим интернатом, в котором жили ульчские дети из других селений. В 1933 г. в с. Койма открылась вторая начальная школа с интернатом, вскоре превратившаяся в семилетнюю. Затем появляются школы и в других наиболее крупных ульчских селениях. Учителями в первых ульчских школах были русские. Они провели огромную работу по воспитанию у ульчских детей культурных навыков, по организации пионерских отрядов; они вели борьбу с суевериями, предрассудками и т. д. В 1932 г. в Николаевске-на-Амуре начал работать Педагогический техникум народов Севера, переведенный сюда из Хабаровска, впоследствии — педучилище для народов Севера. В 1930 г. открылся Институт Народов Севера

в Ленинграде. Эти учебные заведения оказали большую помощь в формировании ульчской интеллигенции; туда ежегодно с 1930 г. отправлялись большие группы национальной молодежи. В 1935 г. в Ульчском районе уже работали 12 учителей-ульчей. В 1940 г. в ульчских селах были закрыты последние ликбезы, так как в них отпала необходимость; с вековой неграмотностью было покончено.

Постановление Совета Министров СССР 1948 г. о бесплатном обучении детей народов Севера и о принятии их на полное государственное обеспечение вплоть до окончания среднего и высшего образования, открыло перед ульчами, как и перед представителями других национальностей, широкие возможности для получения высшего образования. В Хабаровском крае открылись новые медицинские и юридические учебные заведения для народностей Севера. Ульчи едут для продолжения учебы в Ленинград. Некоторые учителя-ульчи учатся в высших учебных заведениях заочно. Растут кадры национальной интеллигенции. В 1952 г. работало свыше 30 педагогов-ульчей, что для такой маленькой народности является большой цифрой. Многие педагоги-ульчи работают и в русских школах Ульчского и соседних с ним районов; они преподают в них часто русский язык и литературу.

До революции на территории нынешнего Ульчского района и соседних с ним не было никаких медицинских учреждений. В 1929 г. в с. Аури открылся первый медпункт. Свою работу он начал с массовой прививки против оспы. Работники пункта боролись с шаманами, с их влиянием среди населения. Медпункт вел работу по внедрению гигиенических навыков и т. д. Вскоре были открыты больницы в селах Койма, Булава и др., в результате чего снизилось число заболеваний туберкулезом, трахомой, резко понизилась смертность среди населения. Во всех ульчских селениях ныне имеются медпункты.

Культурный рост ульчей был неразрывно связан с неуклонным подъемом экономики и материального благосостояния. В 1930—1932 гг. в Ульчском районе были организованы первые колхозы.

С появлением колхозов и школ начинается процесс укрупнения селений. В начале 30-х годов насчитывалось 15 довольно крупных ульчских селений. Процесс укрупнения колхозов и селений продолжался и в дальнейшем; в 1952 г. на территории Ульчского района было уже 10 ульчских селений. Население некоторых из них достигало двухсот человек. В 1952 г. в Ульчском районе было 8 ульчских колхозов, где численно преобладали ульчи, и один смешанный, ульчско-русский колхоз.

Основное направление хозяйства в ульчских колхозах — рыболовецкое. В ульчских колхозных хозяйствах появились большие неводы, высокопроизводительные, современной конструкции заездки для добычи лососевых, катеры, моторные лодки; механизируются тяжелые виды труда. Применяются также и старые орудия — плавные и ставные сети, крючковые снасти.

Новыми отраслями в ульчском хозяйстве являются полеводство и животноводство. На первых этапах колхозного строительства посевные площади были очень незначительны. В настоящее время во многих ульчских колхозах посевная площадь насчитывает несколько десятков гектаров. На полях некоторых колхозов работают тракторы, которые производят обработку земель для посева, а также раскорчевку новых площадей. Основные сельскохозяйственные культуры, возделываемые на полях ульчских колхозов, — картофель, овощи, овес и кое-где ячмень.

Однако часто еще в тех ульчских колхозах, где имеются русские, сельским хозяйством занимаются преимущественно они. В смешан-

ном ульчско-русском колхозе «Пятилетка» в сельскохозяйственных бригадах больший процент русских, чем ульчей, и, наоборот, в рыболовецких бригадах больший процент ульчей, чем русских.

Во всех ульчских колхозах имеются животноводческие фермы. Среди ульчей, никогда не знавших прежде иных домашних животных, кроме собак, в настоящее время появились уже опытные животноводы.

Сельское хозяйство приносит ульчским колхозам большой доход, который в колхозах им. В. И. Ленина и «Пятилетка», например, составил в 1952 г. около половины общего дохода. Совершенно новое явление за последние годы — развитие садоводства в Ульчском районе. Инициаторами в этом деле явились колхозники-ульчи из с. Булава.

Третьей по значению отраслью современного ульчского хозяйства является охота. В настоящее время ульчи охотятся главным образом на пушного зверя. В последние годы, после длительного запрета, в Ульчском районе был разрешен отстрел соболя. Наряду с использованием современного оружия в охоте применяются и старые методы лова при помощи различных ловушек давящего типа; при охоте на соболя употребляется сетка; лисиц ловят капканами, ловушками.

Растут доходы ульчских колхозов; так, общий доход ульчского колхоза «Таймень» уже в 1951 г. составил более 700 тыс. руб. На доходы, полученные от своего многоотраслевого хозяйства, ульчские колхозы покупают моторные лодки, автомашины, катеры, строят электростанции и т. д. В колхозах ведется большое строительство. Так, например, в передовом колхозе «Пятилетка» за один 1951 г. были построены: клуб, медпункт, баня, лесопилка, овощехранилище, конюшня, построен корпус нового катера, два кунгаса, введена в действие электростанция.

Построены электростанции и в ульчских селениях Булава, Койма. Электричеством освещены здесь дома, улицы, животноводческие помещения. В колхозе «Таймень» электрифицированы рыбацкие тони. Электрифицированы жилые дома и производственные помещения ульчского колхоза им. К. Е. Ворошилова.

С ростом доходов колхозов растет и материальное благосостояние колхозников. В некоторых колхозах рядовые рыбаки-колхозники получают от 15 до 30 тыс. руб. деньгами в год, помимо продуктов. Кроме того, колхозники ульчи имеют индивидуальные огороды, коров, свиней.

В настоящее время в каждом ульчском селе имеются магазины, где можно купить различные продовольственные товары, без которых не обходится теперь ни одна ульчская семья. В пище сохранились национальные особенности. Так, например, картофель ульчи приготовляют и по русскому способу и по своему: они делают из картофеля особые блюда — *моси*, «картофельную талу». Большим лакомством считают *баду* — жидкую кашицу без соли, сваренную из пшена или риса. До сих пор большой популярностью пользуется *тала* — мелко нарезанная мороженая рыба. Старики и до сих пор заготовляют себе осенью небольшое количество юколы.

С коренными изменениями в хозяйстве и образе жизни ульчей связаны также существенные изменения в средствах передвижения. Большую роль в настоящее время играют современные виды транспорта; автомашины имеются во многих ульчских колхозах, точно также как катеры, мотолодки, мотоботы. Однако лодки-плоскодонки, так хорошо приспособленные для плавания по Амуру и его притокам, имеют и поныне очень большое значение в жизни ульчей, все селения которых расположены на побережьях рек. Широко пользуются ульчи конным транспортом. Ездовое собаководство у ульчей резко сократилось; собачьи упряжки еще можно встретить иногда в Ульчском районе у жителей с. Дуди, которым, однако, чтобы составить упряжку в случае необходимости выехать за пределы

села после бурана, когда дороги занесены, приходится набирать собак из разных хозяйств. Повсеместно можно и теперь еще встретить старого типа охотничьи нарты. Ими пользуются охотники, отправляющиеся на охоту, а также рыбаки, которые складывают на них снасти или сетки, отправляясь на индивидуальный подледный лов. На таких же нартах привозят дрова. Сохранились также старого типа лыжи.

Совершенно изменилось ульчское жилище. Со второй половины 30-х годов ульчское жилище уже приобрело современный вид. Исчезли деревянные нары. Их повсеместно заменили кроватями. В большинстве домов имеются кирпичные русские печи. Изменилась и планировка жилищ, первоначально однокамерных. В настоящее время ульчские дома строятся при помощи срубной техники и почти все имеют несколько комнат и кухню.

Новое явление — наличие около домов скотных дворов, которые или пристраиваются вплотную к жилому дому, или стоят отдельно на территории индивидуального участка. Такие помещения для скота строятся часто при помощи старой пазовой техники. Во всех ульчских селениях до сих пор бытуют срубные амбары на сваях. Раньше они занимали передний план селений, а в настоящее время располагаются за домами. Улицы повсюду выровнены, во многих селениях устроены деревянные тротуары; ульчские селения имеют в большинстве случаев правильную планировку. Однако и теперь еще иногда можно встретить старого типа летники (даура) — четырехстенные домики из коры; в них летом живут старики, но чаще всего они служат летней кухней. Конические и двускатные шалаши встречаются теперь только на ульчских рыбалках и покосах.

Изменилась и ульчская одежда. В магазинах имеется в продаже одежда городского типа, которую носят как женщины, так и мужчины. Но наряду с этим в ульчской одежде прочно держатся и национальные элементы. Ноговицы зимой носит большинство мужчин и женщин. Халаты старого типа носят преимущественно женщины и старики. Молодые мужчины носят куртки, богато украшенные национальным орнаментом. Традиционным орнаментом женщины украшают иногда и покупную одежду русского типа.

Халаты из рыбьей кожи в настоящее время найти довольно трудно. Их уже почти не носят, хотя кое-кто и сохраняет. Лишь очень редко, в праздники, старые женщины надевают их. Теперь не шьют уже шуб из собачьих шкур, но их можно еще видеть на некоторых пожилых мужчинах и женщинах во время зимней рыбной ловли.

Прочно сохраняется у ульчей национальная обувь из нерпичьей кожи и оленьих камусов. Хотя у ульчей имеется и покупная валеная обувь, зимой на рыбной ловле носят всегда национальную обувь из рыбьей кожи, в которую для тепла вкладывается прокладка из высушенной травы особого вида. Рыбья кожа имеет то преимущество, что она совершенно не пропускает воды и, кроме того, отличается большой прочностью.

Из элементов охотничьего костюма ныне сохраняются охотничьи маленькие шапочки и наушники. Редко встречаются сейчас берестяные конические шляпы и старинные матерчатые ватные шапки с помпонами. Их носят лишь немногие старые женщины. Более молодые носят шали, шерстяные платки, иногда покупные меховые шапки. Платки повязывают обычно так же, как и русские, но существует и своеобразный способ ношения платков: их складывают узкой полосой и прикрывают ими темя и уши, а затылок оставляют открытым. Концы платка перекрещивают под подбородком, перекидывают назад и там завязывают.

Национальная одежда (в том числе и обувь) до настоящего времени обычно украшается старинным орнаментом. В быту сохраняется различная орнаментированная утварь из бересты или из дерева, однако она все более заменяется покупной посудой.

Изменения в общественной жизни и быту хорошо иллюстрируются на примерах отдельных ульчских селений. Кольчом, лежащий в стороне от Амура, на Ухтинской протоке, — благоустроенный ульчский поселок; более 50 домов русского типа, теплых и чистых, вытянулись вдоль прямых широких озелененных улиц; по вечерам улицы освещаются электричеством. В каждом доме горит электрический свет, есть радио. В селе своя начальная школа, изба-читальня, детские ясли, медпункт, почтовое отделение, магазин. В сельской библиотеке свыше 3 тыс. томов художественной, политической и научно-технической литературы. В активе читателей библиотеки около 100 человек. В селе своя интеллигенция: ульчи-педагоги, заведующие библиотекой, избой-читальней, детскими яслями и почтовым отделением, колхозные счетоводы, работники сельсовета и др. В селе имеется большой, около 20 человек, коллектив агитаторов — передовой культурной молодежи. Местная интеллигенция регулярно читает в колхозе лекции и доклады на естественно-научные и политические темы. Каждая семья с. Кольчом выписывает газеты и журналы, в каждом доме имеются книги.

В ульчском селении Булава около 100 домов русского типа. В селе имеются семилетняя школа с интернатом, клуб, изба-читальня, библиотека, радиоузел, электростанция, почтовое отделение, больница, баня, сельсовет и другие общественные учреждения. Село электрифицировано и радиофицировано. В местной библиотеке свыше 3 тыс. томов различной литературы. При клубе работают молодежные кружки художественной самодеятельности — хоровой, танцевальный, драматический. Клубы, избы-читальни, школы и другие культурно-бытовые учреждения имеются и в других селениях.

Среди ульчской интеллигенции появились свои художники, писатели, поэты.

В 1952 г. в Ульчском районе было создано отделение общества по распространению политических и научных знаний, куда вошли представители русской и ульчской интеллигенции. Возглавил общество ульча Г. Агдумсал.

Во всей общественной, производственной и культурной жизни самое активное участие принимают ульчские женщины. В 1950 г. сельсовет с. Булава, руководимый ульчанкой Ниной Даниловной Даргачи, завоевал первое место среди сельсоветов Хабаровского края и получил первую премию и переходящее Красное Знамя Исполкома крайсовета.

УДЭГЕЙЦЫ

Удэгейцы расселены по обоим склонам Сихотэ-Алиня. Они живут в селениях, разбросанных на большой территории Приморского (районы: Пожарский, Красноармейский, Тернейский и Ольгинский) и Хабаровского (районы: Комсомольский, Нанайский и им. Лазо) краев.

Численность удэгейцев, согласно данным переписи 1926—1927 гг., 1357 человек.

Общие сведения

Сами себя удэгейцы называют *удээ* (*удеэ*, *уддэ*) или *удехэ* (*удихэ*, *удэхэ*, *удэгэ*). Часть их, живущая на юге Приморья, в прошлом довольно сильно китаизированная, называет себя *тазы*. «Тазы» (китайское название «та-цзы») является общим китайским наименованием нижнеамурских и приморских народностей.

Язык удэгейцев относится к южной (маньчжурской) подгруппе тунгусо-маньчжурских языков. По своим морфологическим особенностям и лексике он ближе других языков своей подгруппы к языкам северной (тунгусской) подгруппы. Но по фонетике он занимает особое место среди всех тунгусо-маньчжурских языков.

В состав Русского государства удэгейцы вошли в 1860 г., в связи с присоединением к России Уссурийского края. Известно, что на протяжении XIX в. представители китайских торговых фирм покрыли сетью пунктов всю южную часть края до рр. Хор и Самарга на севере. Агенты этих фирм, так называемые цай-дун, разделили для своих торговых операций всю территорию края с его промысловым населением — удэгейским и пришлым, китайским. Многочисленные цай-дун скупали пушнину, жень-шень, панты; они кредитовали население, снабжали его товарами. Широко практиковались спаивание ханшином, продажа спирта и обман при оценке соболей, продажа товаров по произвольным ценам и в долг с последующей уплатой пушниной, расценивавшейся по пониженным ценам.

Долговая зависимость промыслового населения принимала характер долгового рабства. У должника-удэгейца китайский купец отнимал жену и детей, брал их себе или продавал другим; имели место случаи продажи в рабство целых семей вместе с их главой. Таких купленных людей называли *фулацзы* — «рабы».

Русское крестьянство начало селиться в Приморской области особенно интенсивно с 1883 г., когда правительство приняло на казенный счет

перевозку переселенцев морским путем. Крестьянам отводились крупные земельные участки на Уссури и на юге, на морском побережье. Однако в условиях изолированного положения удэгейцев, которые бродили в поисках охотничьей добычи в горах и верховьях рек, прогрессивное культурное влияние русского народа тормозилось; тем не менее все путешественники, посещавшие Уссурийский край, отмечали, что удэгейцы дружелюбно относились к русским, с которыми соприкасались, и всегда противопоставляли их китайским купцам-эксплуататорам.

Дружеское отношение удэгейцев к русским особенно проявилось в тяжелые годы гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Многие удэгейцы помогали партизанским отрядам в их героической борьбе с бандами белых атаманов и оккупантов и были им полезны в качестве лучших проводников по таежным тропам Уссурийского края. В широко известном романе А. Фадеева «Последний из удэге» красочно отображен этот период истории.

Советская власть избавила удэгейцев от векового гнета и эксплуатации. После окончательного разгрома интервентов и белобандитов, (1925—1926 гг.), началось социалистическое строительство, в корне изменившее всю жизнь удэгейцев.

Занятия и быт. В прошлом основу хозяйства удэгейцев составляли охота и рыболовство. Удэгейцы охотились на изюбря, пятнистого оленя, лося, кабана; из пушных зверей они промышляли соболя, енота, выдру. Из птиц добывали главным образом уток и рябчиков, реже гусей и лебедей. Охота на молодых изюбрей и пятнистых оленей происходила летом, так как лучшие панты — июньские. Панты удэгейцы продавали китайским купцам.

На лося охотились круглый год: летом с луком и самострелом (позднее — с ружьем), а в зимнее время на лыжах с собакой; зверя били копьем или ружьем, а в более далеком прошлом — луком. Мясо и жир лося заготовляли впрок. Осенью, начиная с сентября, охотились на самцов благородного оленя с берестяной трубой. Для охоты на мясных животных удэгейцы устраивали засеки — двухаршинной высоты изгороди, в которых на расстоянии 200—300 м устраивали проходы и около них — замаскированные ямы. В ямы попадали кабаны, волки и иногда даже тигры. Енота добывали осенью с собаками, к ошейникам которых привязывали бубенчики. Тигра убивали только при самозащите или в случае, если он нападал на стойбище. Тигр у удэгейцев, как и у многих других племен Амура, в прошлом почитался как священный зверь.

Удэгейцы охотились и на других мясных животных: кабаргу, медведя. На кабаргу ставили самострелы и петли на тропах, ее приманивали также берестяным манком. Ценность представляла струя кабарги, которую продавали китайцам. Медведей били у берегов рек во время хода рыбы, настораживали самострелы на тропах, подкарауливали их у ягодников, поднимали их из берлоги (коллективно) и били копьем. На охоте удэгейцы применяли простые деревянные луки (*бэи*). Большое значение имела охота на пушных зверей. На соболей ставили самострелы, ловили их при помощи петель и сетей. На других пушных зверей ставили различные самодельные ловушки. Продукция пушного промысла вся шла на сбыт; ее забирали китайские купцы.

Другим таежным промыслом являлась добыча корня редкого растения уссурийской тайги — жень-шеня. Жень-шень растет в Уссурийском крае в самых глухих частях тайги. Найти его очень трудно и для этого требуется большой опыт. Вся продукция женьшеневого промысла целиком шла в руки китайских купцов.

Охотники возвращаются с промысла

Рыболовство по сравнению с охотой играло второстепенную роль. Промышляли лососевых, карповых и прочих рыб. Основным орудием добычи рыбы была острога различных видов. Известно было удэгейцам и лучение. Местами в северной части употребляли для рыбной ловли сети, которые делали из крапивного волокна. Основным способом консервации рыбы было вяление на солнце. В пищу рыба употреблялась также в сыром, мороженом, вареном и других видах и была дополнением к мясной.

На юге по берегу моря некоторые тазы, под влиянием китайцев, добывали морскую капусту и трепангов. Тазы, батрачившие у китайцев, занимались этим промыслом постоянно.

Переправа на лодках к новому месту жительства

Морская охота имела место только на севере побережья Татарского пролива, и значение ее было невелико. Удэгейцы не знали морских, шитых из досок лодок, не знали паруса и не могли поэтому уходить далеко от берега.

Земледелие было раньше известно только на юге среди тазов. Больше всего огородов и пашен было в долинах по берегу моря. К югу от залива св. Ольги оно было даже главным занятием. Культивировались в огородах картофель, лук, чеснок, в небольшом количестве выращивалась кукуруза, бобы, тыква, огурцы, арбузы. На пашнях возделывались пшеница, ячмень, буда, опийный мак, гаолян, чумиза (разновидность проса). При обработке земли тазы пользовались чаще всего инвентарем и скотом, принадлежащим хозяину китайцу. Таким образом, земледельческие хозяйства тазов были, как правило, в полной экономической зависимости от зажиточных китайцев.

Домашнее производство удэгейцев было представлено кузнечеством, обработкой звериных и рыбьих шкур, дерева, бересты и сетевязанием. Кузнецы выковывали предметы обихода и охотничьего снаряжения. Некоторые из них были искусными мастерами по выделке ушных и носовых серег, браслетов, тонких украшений на наконечниках копий и т. д.

Средства передвижения были довольно ограничены. Ездовое собаководство существовало только у некоторых северных групп. Тяжести переносили при хождении пешком обычно за спиною, на специальном приспособлении для переноски тяжестей. Зимой для доставки туш, топлива и других тяжестей к охотничьему шалашу пользовались партами, в которые впрягались сами промышленники. Охотничьи собаки только помогали им тянуть нарты. Охотничьи нарты удэгейцев (*тухи*), с загнутыми кверху на обоих концах полозьями, были похожи на орочские.

Лыжи удэгейцев длинные (обычно больше человеческого роста), с ясно выраженным изгибом посредине. Снизу они подклеены камусом.

Селение на р. Хор

Удэгейская лодка — бат (*ана*), долбленный из ствола свежесрубленного тополя. Выдающееся вперед в виде широкой лопаты днище бата является оригинальным приспособлением для подъема бата на шестах по горным рекам. Пользовались им для перевозки грузов, а также при перекочевках всей семьи с имуществом. На батах передвигались с помощью шестов и весел. На охоте применялись долбленки с заостренными кормой и носом, приводимые в движение двухлопастным веслом. Встарину у удэгейцев были берестянки.

Удэгейцы селились отдельными семьями и часто меняли свое местопребывание в поисках рыбы или зверя. К месту, где был убит крупный зверь, подкочевывала обычно вся семья охотника. Для удэгейцев характерно было приготовление пищи вне жилища, на костре.

Старые жилища удэгейцев были следующих типов. Летнее жилье — двускатный шалаш (*джугды*), покрытый продольными рядами берестяных полос (тисок), положенных на обрешетку. Остов шалаша строился из двух треног, на связи которых клали длинную продольную жердь. Входное отверстие завешивали полосой бересты; по бокам от входа расположены были невысокие нары, посредине — прямоугольный очаг. Иногда у удэгейцев встречался еще другой тип шалаша; его делали из коры с прямоугольным остовом, невысокими вертикальными стенами и поставленной на них двускатной крышей — типа орочской *кава*.

Зимнее жилище (*туо джо*) — такой же двускатный шалаш, но с остовом из более толстых жердей, покрытым поверх берестяных тисок еще корой кедра. В зимниках селилось иногда несколько семей, от количества которых зависели и размеры жилищ: их длина достигала иногда 9 м.

При перекочевках удэгейцы пользовались коническим чумом (*чоло*), крытым берестяными тисками, покрышками из рыбьих шкур или просто корой. У занимающихся земледелием удэгейцев встречалась, а у тазов преобладала маленькая фанза китайского типа. Хозяйственными постройками были примитивные помосты (*дяка*) и свайные амбарчики (*джали*) для хранения юколы, мяса, шкур, сетей, охотничьих принадлежностей и разного инвентаря.

Костюм удэгейцев мало отличался от костюма других этнических групп Амура. Рыбья кожа и ровдуга, служившие ранее основным материалом, постепенно были вытеснены китайскими хлопчатобумаж-

ными тканями. В начале XX в. халаты из рыбьей кожи встречались уже редко. Халаты удэгейцев по своему покрою примыкали к общему для всего амурского бассейна монголо-маньчжурскому типу верхней одежды; они запахивались направо, застегивались на правом боку и имели орнаментированный борт левой полы и край ворота. Мужской костюм мало отличался от женского. Женские халаты были длиннее мужских и обычно богаче орнаментированы: по подолу они были обшиты китайскими монетами, бляшками или раковинами. В XIX в. еще сохранялись женские нарядные эвенкийские нагрудники (*лэли*).

Зимой на охоте удэгейцы носили короткие куртки из меха изюбра с тремя парами завязок спереди. Мужчины обычно ходили с непокрытой головой, летом иногда носили берестяные орнаментированные шляпы или капюшон для защиты головы и шеи от мошки. Зимняя охотничья шапочка (*боздо*) имела кисточку из собольего или беличьего хвоста.

Как мужчины, так и женщины зачесывали волосы на прямой пробор и заплетали в две косы, обматывая их шнурком; женщины, кроме того, носили накосники с большим количеством бисера и бляшек.

Общественные отношения и религия

Удэгейцы делились на экзогамные роды. В старину каждый такой род имел свой огонь. У стариков хранилось родовое огниво. Выносить огонь из жилища имел право только мужчина-сородич. Сородичи имели свои родовые места охоты и рыболовства. Перекочевки на территорию другого рода происходили всегда только с согласия членов этого рода. Охотник, убивший козулю, лося или другое животное, делил его между всеми жившими поблизости. Пережитки первобытно-общинного строя проявлялись в широко практиковавшемся гостеприимстве. Была широко распространена родовая помощь. Старики, больные и другие нетрудоспособные пользовались помощью рода. На членах рода лежала обязанность кровной мести. На этой почве происходили еще в XIX в. межродовые войны, которые велись с соблюдением традиционных норм: применялось только холодное оружие; на территории враждебного рода запрещалось пить воду, ловить рыбу и охотиться; женщины и дети были неприкосновенны.

Спорные дела между родами решались межродовым судом. Разбор дела производил самый уважаемый и почтенный старик из нейтрального рода. Кроме того, каждый род выбирал по одному защитнику — представителю для участия в переговорах об условиях примирения. У таких защитников были особые знаки достоинства — деревянные жезлы с копьем на одном конце и изображением головы антропоморфного духа *манги* — на другом. Межродовой суд назначал штрафы, которые уплачивались виновным или его родом.

Проникновение китайского торгово-ростовщического капитала привело к полному экономическому закабалению удэгейцев и ускорило распад общинно-родовой организации. В конце XIX в. появились отдельные торговцы из удэгейцев. Деятельность их мало чем отличалась от деятельности китайских торговцев.

В конце XIX в. среди удэгейцев были учреждены выборные старосты, на обязанности которых лежали и сношения с русской администрацией. Роль их была невелика.

Среди удэгейцев было много бедняков, оставшихся всю жизнь бобылями, так как они не имели возможности заплатить за жену высокий калым (*тори*), который легче было выплатить китайцам и уссурийским нанайцам. Китайцы платили за женщину-удэгейку по 400—500 серебряных рублей; часто они получали их в уплату за долги. Недостаток женщин приводил к бракам с малолетними. Практиковался также обмен женщинами, который облегчал уплату калыма или сводил его к минимуму

Брачный обряд был очень прост. После выплаты калыма устраивалось угощение. Тазы заимствовали у китайцев брачный обряд «общей чаши», после которого брак считался заключенным. По окончании угощения, которое иногда продолжалось несколько дней, брат невесты выносил сестру на плечах из жилища и передавал ее жениху.

Религиозные воззрения и культовые обряды удэгейцев были очень близки к орочским и нанайским. Культ медведя был выражен значительно слабее; удэгейцы, в частности, не воспитывали медведей в клетках и не устраивали праздника вскормленного медведя.

В религии удэгейцев различались следующие элементы: культ «хозяев» природы, культ отдельных животных, шаманский культ. Из духов-«хозяев» наиболее почитаемым был *буа*, считавшийся духом-«хозяином» тайги и вселенной. В шаманском культе буа не фигурирует. Почитались и другие духи-«хозяева» (*одзян*): лесной, горный, болотный, водяной духи, дух грома, очага, огня и др. Духу-«хозяину» рыбы (*сукдзя одзяни*) приносили в жертву у воды сжигаемые на камне сало и рыбьи хвосты. Солнце фигурирует в удэгейских мифах как женщина, любви которой ищет месяц.

Культ животных примыкает к культу «хозяев» природы. Культ тигра (*куты мафа*) аналогичен орочскому и близок этому же культу других народов Амура. С тигром связаны мифы, возможно, тотемистического характера.

Праздник медведя устраивался в виде ритуального пира по случаю всякого убитого на охоте медведя. Центральное место занимало ритуальное поедание головы медведя. Череп не разбивали и хоронили после пира, насаживая на шест или на сук дерева в тайге, но, в отличие от орочей, не чернили сажей. Для женщин существовал ряд ограничений в отношении употребления медвежьего мяса. У удэгейцев, как и у некоторых других народностей низовьев Амура, существовал миф о происхождении их народности от брака девушки с медведем. Кроме культа этих зверей, существовал еще культ касатки, которой при случае приносили жертвы на море.

Шаманство у удэгейцев было очень сильно распространено. Шаманили как мужчины, так и женщины и девушки. Костюм удэгейского шамана соединял в себе черты эвенкийского и амурского шаманского одеяний. К шаманским обрядам относились: обряд «лечения» больных, обряд, совершаемый для обеспечения удачи промысла или другого предприятия, обряд проводов души покойника и др.; камлание, посвященное заходящему солнцу, обычно совершалось женщиной.

Весьма своеобразен был так называемый обряд «*дуни*» (известный и у орочей) — обряд ритуальной поездки шамана, во время которой шаман объезжал на лодке стойбища данной реки; к нему присоединялись в своих лодках мужчины и женщины из посещенных им стойбищ. Этот обряд был связан с жертвоприношением свиньи и потреблением ее крови. В обрядах и шаманской пляске обычно принимали участие все присутствующие.

У тазов значительное распространение получили китайские кумирни и некоторые буддийские обряды. Деятельность православной миссии совсем не коснулась удэгейцев.

У удэгейцев существовало несколько способов захоронений: они или просто оставляли труп в лесу, или хоронили его на деревьях, или ставили гроб с трупом на землю и строили над ним погребальный домик, или, наконец, хоронили в земле. Наиболее распространенным способом было захоронение в землю. Покойника клали в колоду или гроб, расписанный красными и черными поперечными полосами. Иногда колоде

придавалась форма животного. Довольно широко бытовало характерное для эвенков захоронение детей на деревьях или на двух сваях в небольшой колоде с крышкой.

Как и нанайцы, удэгейцы делали подушки разной величины, которые связывались в их представлении с умершим. Если хоронили женщин, к подушке пришивали серьги. Этот обычай удэгейцев, вероятно, связан с древнекитайским: в Китае, приблизительно до X в., после смерти человека делали куклу, изображавшую покойника, и строили для нее жилище — мавзолей с полной житейской обстановкой. Весьма возможно, что погребальные домики удэгейцев, ульчей, орочей и древних китайцев представляют собой одно и то же явление, утраченное в Китае, но сохранившееся на Амуре.

В мифологии удэгейцев различаются мифы космогонического и тотемистического характера. В космогонических мифах земля изображается живым существом — растянувшимся драконом. Дракон этот лежит на другом живом драконе, плавающем в воде. Небо — дно верхнего моря, над которым другие миры. Под землей также несколько миров.

Тотемистические мифы связаны с тигром и медведем и рассказывают в разных вариантах о происхождении племени удэгейцев. Есть мифы, посвященные и другим животным.

Народное творчество

Народное творчество удэгэйцев многообразно. Широко распространены сказки волшебно-фантастического характера. Сказки хорошо знают почти все удэгейцы, но есть талантливые сказочники, знающие их десятки. Основными темами сказок являются поиски жениха или невесты, поиски похищенных мужа или жены, борьба героев или просто приключения героя, которые заканчиваются чаще всего браком и рождением детей.

Бытовую песню удэгейцев можно рассматривать как вид музыкального творчества. Это — напевы, очень простые по мелодии, с повторением одного и того же слова, сопровождаемого горловыми звуками и прищелкиваниями языком.

Изобразительное искусство удэгейцев весьма богато и разнообразно. Будучи во многом сходно с искусством орочей, ульчей и нанайцев, оно в то же время имеет и ряд существенных отличий. Скульптура, в прошлом религиозная по своему назначению, представляла собой фигуры животных и человека, сделанные из дерева, кожи и металла. В общем скульптура удэгейцев носила более реалистический характер, чем орочская, нанайская или ульчская.

Среди деревянных фигур попадались крупные изображения антропоморфных духов, превышающие рост человека. Эта черта — монументализм — роднит их с некоторыми памятниками деревянной скульптуры эвенков.

Рисунок у удэгейцев встречался на одежде и атрибутах шамана. Он выполнялся красками в декоративной манере и состоял из фигур животных и человека, иногда стилизованных, иногда трактованных реалистически. Фигуры располагались симметрично и представляли собой изображения различных духов. Расцветка, за редкими исключениями, носила фантастический характер.

Удэгейская вышивка, исполняемая цветными нитками, отличается безукоризненной композицией узоров и яркой расцветкой. Основу орнамента составляют мелкие спирали и завитки, густо заполняющие собой фон. Зооморфные элементы крайне редки. Орнаментом покрывается мужская и женская одежда, но последняя особенно обильно. Резные и исполненные красками орнаменты можно встретить также на разнообразной посуде и коробках, сделанных из бересты.

Почтальон раздает письма и газеты колхозникам. Сел. Гвасюги

Современная жизнь удэгейцев

Хозяйство и культура удэгейцев получили возможность быстрого развития лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

Трудно было объединить разбросанные на громадной территории, живущие в горах и тайге отдельные удэгейские семьи. Большая работа в этом направлении была проведена русскими людьми, главным образом коммунистами, которые добирались до каждого стойбища, до каждого отдельного жилища, неся удэгейцам правду о новой жизни, призывая их спускаться в долины. В 1935 г. самаргинские удэгейцы собрались в с. Акзу, где организовали артель «Сихотэ-алиньский колхозник». Удэгейцы, кочевавшие по р. Хор и ее притокам, поселились в с. Гвасюги, где также в эти годы был создан колхоз «Ударный охотник». То же самое происходило и в Бикинской долине, в долине р. Анюя и в других местах расселения удэгейцев.

Перестройка старого хозяйственного уклада сопровождалась длительной и упорной борьбой. Но уже к 1937 году коллективизация среди удэгейцев была полностью закончена.

Самодеятельный струнный оркестр. Сел. Гвасюги

В настоящее время удэгейцы, проживающие в селениях Сяин, Улунга и Красный Перевал Пожарского района Приморья, в с. Михайловка Ольгинского района, в с. Санчихеза Красноармейского района, в с. Акзу Тернейского района, в с. Гвасюги района им. Лазо, в с. Кун Комсомольского района и в с. Бира Нанайского района Хабаровского края, объединены в несколько колхозов.

Удэгейские колхозы преимущественно охотничье-промысловые. Однако есть и сельскохозяйственные колхозы: «Красный удэгеец» (с. Санчихеза) и им. М. Горького (с. Михайловка). Самаргинский колхоз «Сихотэ-алиньский колхозник» — рыболовецкий. Вообще же хозяйство во всех удэгейских колхозах комплексное: охотничьи колхозы развивают сельское хозяйство и занимаются рыболовством; в сельскохозяйственных колхозах занимаются также и охотничьими промыслами. Охотники-удэгейцы славятся в Хабаровском и Приморском краях своим высоким мастерством; они сочетают веками накопленный опыт таежных охотников с современными способами лова, современной техникой, с новейшими способами организации труда. Охотники в удэгейских колхозах организованы в бригады. Они снабжаются в плановом порядке оружием,

боеприпасами, одеждой, палатками, продовольствием и т. д. Одновременно применяются и старые методы лова: пушных животных промышляют ловушками, соболей — сетками. Многие удэгейские охотники, за высокое мастерство награжденные почетными грамотами Министерства заготовок, являлись участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Появляются охотники женщины, создаются специальные женские охотничьи бригады.

Советское правительство помогает развитию удэгейских охотничьих колхозов. Так, несмотря на то, что в Приморье в 1951 г. существовал строгий запрет на добычу соболя (в целях сохранения и размножения этого ценного животного), для оказания помощи удэгейскому населению, у которого пушной промысел является одним из важнейших занятий, было разрешено добыть 200 соболей охотникам-удэгейцам селений Сяин, Красного Перевала, Акзу, Гвасюги и Михайловки.

Первый удэгейский писатель Джанси Кимонко

Русские, приложившие много усилий, чтобы собрать самаргинских удэгейцев в колхоз, помогли затем колхозникам удэгейцам в овладении новыми навыками рыболовства, особенно морского, в частности в овладении техникой лова морскими ставными, закидными и кошельковыми неводами. Теперь удэгейский рыболовецкий колхоз «Сихотэ-алиньский колхозник» является одним из ведущих в районе.

Повсеместно, в большей или меньшей степени, развивается сельское хозяйство, обеспечивающее овощами и картофелем промысловые колхозы удэгейцев. Среди удэгейских колхозов выделяется колхоз «Красный удэгеец», основной отраслью хозяйства которого является сельское хозяйство. Здесь возделываются пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза, соя, а также картофель и овощи. Колхоз «Красный удэгеец» занял одно из первых мест в районе, а отдельные знатные колхозники, например Анна и Татьяна Кялундзига, в 1950 г. стали известны во всем Приморье, так как получили рекордный урожай сои. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 января 1951 г. они были награждены орденом Трудового Красного Знамени, а другие колхозники удэгейцы — медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

В с. Михайловка Ольгинского района Приморья живут потомки тазов-удэгейцев. В 30-х годах они съехались в одно селение, где организовали колхоз им. М. Горького. Тазы издавна занимались сельским хо-

Вышивальщица за работой. Сел. Гвасюги

зяйством, выращивая чумизу, овощи и табак на крохотных клочках земли — огородах. Ныне у них создана крупная артель сельскохозяйственного направления; возделываются зерновые, технические культуры, овощи и картофель. Колхоз занимает одно из ведущих мест в районе. На полях работают тракторная бригада, комбайны. Профессия трактористов и комбайнеров освоена тазами; среди них появились кадры мастеров-механизаторов. В колхозе создано несколько животноводческих ферм. Значительные прибыли дает колхозу пчеловодство — новое занятие, которым овладели тазы в советское время. Хозяйство этой артели растет и крепнет. Быстрыми темпами развивается жилищное строительство. В 1951 г. здесь были построены производственные помещения, медпункт, электростанция.

Повсеместно в удэгейских колхозах развивается мясное и молочное животноводство. Большинство колхозников не только в сельскохозяйственных, но и в охотничьих артелях имеют индивидуальный мясной и молочный скот.

Не потерял значения и женьшеневый промысел. Добыча жень-шеня направляется и организуется государственными предприятиями. В колхозах создаются бригады промысловиков-женьшеньщиков, которые сдают государству большое количество драгоценных корней.

Новым занятием, освоенным удэгейцами за последние годы, является добыча коры бархатного дерева. Наиболее активно этим занимаются удэгейцы Бикинской долины.

Наряду с изменением хозяйственной жизни удэгейцев изменился и их быт. Нет больше дымных холодных шалашей; даже охотники на промыслах живут в теплых промысловых избушках. В селениях выстроены рубленые жилые дома, различные хозяйственные помещения. Лишь кое-где встречаются старого типа амбарчики на сваях. В каждом удэгейском селе имеется школа, изба-читальня, магазин, медпункт. При тяжелых заболеваниях удэгейцы обращаются в районные больницы, а жители отдаленных селений обслуживаются санитарной авиацией.

Во многих удэгейских домах есть радио, обстановка городского типа; хозяйственную утварь теперь обычно покупают, но сохраняется и утварь старых форм, изготовленная из дерева или бересты.

В колхозах для перевозок все чаще используют лошадей. Появились автомашины, а на морском побережье — моторные лодки и катеры. Продолжают бытовать старые средства передвижения, хорошо приспособленные к горнотаежной местности: лыжи, подбитые камусом, большие долбленые баты и легкие долбленые охотничьи оморочки.

В современной удэгейской одежде сочетаются старые и новые формы. Удэгейцы, особенно мужчины, охотно носят покупную одежду городского типа. Вместе с тем имеют широкое распространение традиционные формы удэгейской одежды; мужчины и женщины всех возрастов носят халаты, украшенные орнаментом. Сохраняется охотничий костюм. Повсеместно распространены национальные формы обуви, главным образом зимней.

Покончено с вековой неграмотностью. В каждом селе имеется начальная школа, а в некоторых и семилетние. В 1950 г. удэгейцы с. Сяин обратились в районные организации с просьбой о преобразовании их начальной школы в семилетнюю. В селе была открыта школа-семилетка и при ней интернат на 50 человек, в котором дети удэгейцев и нанайцев находятся на полном государственном обеспечении.

Развивается национальное прикладное искусство. Работы талантливых мастеров-удэгейцев пользуются заслуженным успехом на выставках в Москве и Хабаровске.

Из среды удэгейцев, в прошлом не имевших даже своей письменности, вышел писатель Джанси Кимонко. Его книги хорошо известны не только в нашей стране, но и переведены на иностранные языки.

ОРОЧИ

Орочи живут в Хабаровском крае. Прежде они жили в бассейнах рек, впадающих в Татарский пролив, а также в верховьях р. Хунгари. Теперь бóльшая часть орочей живет в с. Уська, расположенном вблизи устья р. Тумнин, и в нескольких мелких близлежащих селениях. Небольшая группа орочей проживает, кроме того, на р. Хунгари, в с. Кун Комсомольского района, где расположен орочско-удэгейский колхоз «Красная тайга». По переписи 1926—1927 гг. орочей числилось 405 человек.

Общие сведения

В конце XIX в. небольшая группа орочей (240 человек) выселилась на Амур к оз. Кизи. Эта группа орочей в настоящее время ассимилировалась среди ульчей.

Самоназвание орочей — *нани* — такое же, как и у ульчей. Местное русское население неправильно называло орочей ороченами. Орочей смешивали до последнего времени с удэгейцами, часто называя удэгейцев орочами. Причиной такого смешения является их большая языковая и культурная близость. Однако особенности исторического прошлого этих групп привели к некоторому своеобразию их культуры, что с учетом определенного лингвистического различия заставляет отличать их друг от друга.

Язык орочей относят к южной (маньчжурской) подгруппе тунгусо-маньчжурских языков. Для орочского, как и для всех языков Приморья и частично Нижнего Приамурья (исключая нивхский), характерны некоторые фонетические особенности: нетерпимость к стечению согласных с фонемами «р», «л», перестановка согласных в общетунгусском сочетании «пк» («кп») с последующей ассимиляцией («пп»).

Орочи	Удэгейцы	Негидальцы	Эвенки	
тыппэ	тыкпэ	тыкпэн	тыпкэн	«клин», «гвоздь»
дяппу	дякпу	дяпкун	дяпкун	«восемь»

В области морфологии язык орочей стоит ближе к тунгусской подгруппе. Спряжение и склонение также ближе к эвенкийскому и выражены более четко, чем в удэгейском. По лексическому составу орочский язык занимает место между негидальским и удэгейским языками.

Несмотря на свою малочисленность, орочи представляют весьма смешанную по происхождению группу. Среди них можно встретить роды, связанные по происхождению с удэгейцами, нанайцами, ульчами, негидальцами, нивхами, эвенками.

Рыбаки у лодки

Таким образом, в составе орочей имеются как древние приморские, так и северные, таежные этнические элементы. Все это наложило некоторый отпечаток и на культуру орочей, на которой сказалось также в некоторой степени влияние маньчжурской и китайской культур.

Хозяйство и быт

Орочи издавна занимались рыболовством и охотой; эти промыслы составляли основу их хозяйства. Некоторым группам орочей был известен и морской зверобойный промысел. Зачатки сельского хозяйства у них появились лишь в XX в.

Рыболовством занимались круглый год, добывая зимой осетровых и карповых рыб, а летом и осенью еще и лососевых. Во время хода лососевых из моря в реки для нереста орочи заготовляли рыбу впрок в виде юколы, а из отходов ее создавали запасы корма для собак. Несовершенство орудий лова было причиной голодовок, которые были частым явлением в жизни орочей. Орудиями лова орочам служили сети из крапивного волокна, остроги различных видов (пользовались обычно большими трехзубыми острогами с разъемными зубцами, из которых можно было сделать и двузубую и однолопастную острогу). Добывали рыбу и лучением, а также с помощью удочек. Крючки иногда делали из резца кабарги.

В конце XIX в. от русских были заимствованы маленькие неводы. При подледном лове рыбу били острогой, применяя для приманки вырезанных из кости рыбок; при этом над прорубью ставили маленький конический шалаш для маскировки света.

Орочи, занимавшиеся морским зверобойным промыслом, били нерп и сивучей, получая таким образом мясо и жир для питания и шкуры для одежды, обуви и различных хозяйственных нужд. Выходили в море на больших дощатых лодках группами по 6—8 человек или в одиночку на легких оморочках. Били зверя острогой и стреляли из ружья, устраивали

Охотник

искусственные лежбища для нерп из плавающих бревен с якорем и подстерегали нерп у таких ловушек.

Объектами сухопутной охоты были лось, изюбрь, кабарга, козуля, кабан, медведь и пушные зверьки, из которых самым важным считался соболь.

Продукция пушного промысла шла в обмен, а продукция промысла мясных зверей обеспечивала орочей питанием и материалом для одежды и обуви. Соболей ловили петлями, сетками, били самострелами; последние настораживали также и на других зверей. Мелких пушных зверьков промышляли самодельными ловушками. Крупных мясных зверей били из лука или ружья, копьем (медведя), ставили на них самострелы.

При осенней охоте на лося и изюбря применяли для подманивания берестяную трубу, а на кабаргу — берестяной свисток. Крупных копытных (лось, изюбрь, олень) гоняли по насту на лыжах.

Небольшие огороды и покосы, а также домашние животные (коровы и лошади) появились у орочей, живших в непосредственном соседстве с русскими крестьянами, лишь в начале XX в.

Из домашних производств существовали: кузнечество, обработка рыбьих кож и звериных шкур, изготовление берестяной и деревянной посуды, плетение веревок и сетей. Никаких следов гончарства не сохранилось, хотя известно существование его на этой территории в прошлом. Орочи пользовались веретенами для прядения ниток из крапивного волокна и особыми инструментами для скручивания веревок из тальниковой коры. Они хорошо умели обращаться с топором, пилой, лучковым сверлом, теслом и другими плотничьими и столярными инструментами, изготовляли морские дощатые лодки (шитые), речные долбленые баты, нарты, различные костяные изделия. Все домашние изделия отличались тщательностью изготовления, а порой и художественностью работы. Большинство железных вещей покупалось, меньшая часть изготовлялась собственными кузнецами (из металлического лома ножи, наконечники гарпунов, острог и охотничьих, а в прошлом и боевых стрел, крючки для подвешивания колыбели, погремушки для шаманского пояса, различные украшения и др.). Железная наковальня, клещи, молоток,

Старинное жилище

заж им, зубило, подпилок были покупными; кузнечные меха (*куггэ*), парные и одинарные, были собственного изготовления, материалом для них служили дерево и рыбья кожа.

Орочам было известно металлическое литье; имелись формы из песчаника для отливки медных украшений.

Обычным способом зимнего передвижения орочей всегда была езда на собаках. Конструкция нарты, тип собачьей упряжки — надевание хомута на шею собаки и прикрепление собак цепочкой (не попарно) к потягу — были идентичны со старинными нивхскими. На охоте применялась парта с двусторонне загнутыми полозьями, тянуть которую помогала охотничья собака. Других упряжных животных орочи до революции не знали.

Лыжи орочей широкие (16—18 см), длинные (около 2 м), выгнутые, сходные с эвенкийскими. Имеется и другой тип лыж, не подклеенных мехом, более узких, употребляющихся весной.

В XIX в. у орочей существовали 4 типа лодок: морская дощатая лодка, морская долбленка, речная долбленка и бат. Морская дощатая лодка большой грузоподъемности управлялась при помощи двух-трех пар весел; эта лодка изготовлялась из пяти основных досок, из которых одна служила дном, а остальные попарно шли на борта; корма и узкий нос забирались небольшими дощечками. С бортов таких лодок можно было снимать по одной верхней доске, и она превращалась в лодку-трехдощатку, на которой плавали в устьях больших рек и в бухтах. Морская долбленка, поднимающая одного-двух человек, приводилась в движение при помощи двухлопастного весла. Речная долбленка — оморочка, меньших размеров, чем морская, управлялась так же, как и последняя. Во время охоты на крупного мясного зверя, подплывая к нему на оморочке, употребляли короткие весла — лопатки, которые не опирались о борта лодок. Бат (*ульмагда*) с днищем, выдающимся вперед в виде широкой лопаты, поднимал до 8—10 человек.

При спуске по реке ульмагда управлялась одним кормовым веслом; при подъеме пользовались шестами. В зависимости от величины груза шестами работали 2—3 человека. В исторических преданиях орочей упоминаются также лодки-берестянки.

Селения орочей, как и других амурских народов (ульчей, нанайцев, нивхов), занимавшихся рыболовством и охотой, были двух типов — летние и зимние. Зимние селения орочей обычно были более постоянными и создавались где-нибудь в тайге, близ рек, а также охотничьих промысловых мест. Летние селения возникали чаще всего у больших рек и у их устьев, но носили менее постоянный характер: в поисках хороших мест лова рыбаки часто переселялись, меняя рыболовные угодья.

Жилища орочей также разделялись на летние и зимние, однако различия между ними были незначительны. Зимние и летние жилища строились в виде двускатных шалашей. Основой такого шалаша служила пара тонких столбов, поставленных на некотором расстоянии и соединенных горизонтальной жердью, которая иногда опиралась концами на перекрещенные жерди, связанные верхушками. Покрытием шалаша служили берестяные тиски или полосы лиственничной коры. Зимние жилища имели иногда дополнительное покрытие в виде второго ряда такой же коры. Внутреннее устройство и летнего и зимнего двускатного шалаша очень просто: продольный очаг в центре жилища, над ним — дымовое отверстие; вдоль продольных стен были места для спанья. В летнем жилище спали прямо на земле, разостлав вдоль стен берестяные тиски. В зимнем шалаше устраивали низенькие деревянные нары. Обычно летний двускатный шалаш служил орочам и для производственных целей: в нем изготовляли юколу высшего сорта, коптили ее. Для этого в жилище устраивался помост из жердей, на которых подвешивалась распластанная рыба, предварительно подвергшаяся сушке на открытом воздухе. В зимнем жилище таких помостов не существовало. В летниках орочи часто устраивали две двери — в обеих поперечных стенах. В зимних же шалашах дверь всегда была одна.

Существовал летник и другого типа, по внутреннему устройству сходный с описанным. Это — корьевой домик (*кава*) с двускатной крышей и вертикальными стенками. Такой летник имел опорой тонкие вертикальные столбы, врытые в землю в центре поперечных стен и на углах; продольные жерди, опирающиеся на эти столбы, составляли основу двускатной крыши. Невысокие вертикальные столбики равной длины ставили также вдоль продольных стен на некотором расстоянии друг от друга, они служили основой для покрытия стен, состоявших из горизонтально располагавшихся полос лиственничной коры; покрытие крыши делалось из того же материала. Летник имел один вход (иногда без двери) и дымовое отверстие над очагом; окон чаще всего не было. Такие летники, как и двускатные летние шалаши, служили для приготовления в них копченой юколы и имели целую систему жердей под крышей.

Имелись также строения чисто хозяйственного назначения, например амбары, устанавливаемые на сваях. Амбары строили в виде четырехугольного сруба с двускатной крышей. Сооружались они вблизи как летних, так и зимних селений. Кроме них, существовали односкатные и двускатные навесы на сваях, под которыми хранили различный громоздкий хозяйственный инвентарь: нарты, остроги, весла и др. Вдоль летних селений тянулись вешала для вяления рыбы и для сушки сетей. До революции строили в селениях деревянные срубы, в которых выкармливали медведей; содержали также лисиц и орлов (перо последних шло на китайский и японский рынки).

На промысле нерпы устраивали конический чум — *аанга* (буквально «ночлег») с покрышками из рыбьих кож.

Такие же чумы ставились иногда при летних перекочевках по реке.

Национальная одежда орочей отражала смешанный этнический состав этой группы населения Амура.

Орочи носили короткие штаны — натазники, которые шили из ровдуги, рыбьей кожи, китайской дабы или русских хлопчатобумажных тканей. У женщин они спереди были соединены с нагрудником. Носили ноговицы, летом заправляемые в обувь, а зимой выпускаемые наружу. Ноговицы завязывали внизу поверх обуви (унта), которую шили из рыбьей кожи. На носках обуви обычно вышивали узоры. Обувь орочей была с низким и высоким (торбаза у мужчин) голенищем. Верхней одеждой орочам служили халаты. Мужчины носили летом на голове берестяные шляпы в виде невысокого конуса большого диаметра. Зимой охотники надевали небольшие шапочки, напоминающие тюбетейку. Для защиты от снега зимой и от комаров летом под шапочку надевали шлем из материи. Лбы мужчины спереди никогда не брили (выбривать волосы на лбу — маньчжурский обычай). Волосы они раньше заплетали в косу. Женщины заплетали волосы в две косы и обматывали их красным шнурком.

Группа орочей в национальной одежде

У орочей была распространена также одежда с разрезом спереди посредине, с узкими рукавами и с открытой грудью. Грудь закрывалась богато украшенным нагрудником (*нёлли*). Этот нагрудник сохранился до наших дней в качестве элемента свадебного костюма.

На зимней охоте мужчины носили поверх халата или рубахи кожаный передник (*бопи*). Раньше орочи мужчины носили короткие юбочки из нерпичьей шкуры, аналогичные нивхским и ульчским юбкам (*коська, хоси*). К старинной одежде следует отнести и мужскую зимнюю охотничью безрукавку, так называемую *миата* (буквально «шкура с головы лося»), которую шили из двух шкур, снятых с голов сохатых, и застегивали ременными завязками на груди. Именно этот тип одежды фигурирует в орочской мифологии. Безрукавка эта была известна у всех народов нижнего Амура.

Основным питанием орочей, как и нивхов, ульчей и нанайцев, служила рыба в разных видах. Видное место в питании занимали мясо лося,

кабарги в свежем и вяленом виде, мясо нерпы и лесной птицы, а также жир нерпы. Шли в пищу дикорастущие — брусника, клюква, морошка, голубика, черемуха, малина, черемша свежая и сушеная, сарана. Одним из любимых кушаний орочей была смесь кусков юколы с разными ягодами, политая первичьим жиром.

Лепешки из муки пекли на вертеле у очага. Орочи употребляли раньше в пищу мясо собак, убивая их удушением, а при жертвоприношении (например, на медвежьем празднике) — ударом палки по голове. Потребление собачьего мяса характерно для народностей, занимавшихся собаководством.

Общественные отношения и религия

Былая родовая организация орочей сохранялась до революции в значительном количестве различных пережитков. У орочей было еще в начале XX в. шесть родовых экзогамных объединений. Каждое такое объединение включало от 2 до 7 родов (*хала*), связанных родственными отношениями — *доха*.

В более раннее время каждый род брал себе жен из другого определенного рода и своих женщин отдавал в этот же род; представители таких двух родов были связаны друг с другом отношениями *сэнги*.

У каждого рода была в прошлом своя родовая территория, на которой он и был по преимуществу расселен. У членов рода было общее родовое имя, связанное часто с географическим названием реки или урочища. Члены рода были обязаны кормить обнищавших и помогать больным сородичам. Сородичи были связаны обязательством кровной мести: род в целом за убитого чужеродца уплачивал штраф (в редких случаях — девушку, чаще — китайскую материю, чугунные котлы, халаты, деньги и т. п.). При наследовании имущество не должно было выходить за пределы рода. У рода было свое кладбище. Сородичи устраивали медвежий праздник: покупали или добывали медвежонка и совместно его выкармливали. В приготовлении праздничного угощения участвовали все сородичи: каждая семья вносила на «пир» свой вклад продуктов. Члены рода участвовали в ежегодных двукратных жертвоприношениях родовым богам. Родовым духом была, между прочим, «хозяйка» родового огня Пудья. У орочей, как и ульчей, существовали нормы междуродового суда.

Патриархально-родовой быт орочей начал разлагаться особенно быстро с середины XIX в. В это время интенсивно развивается экономическое неравенство, появляются свои торговцы — скупщики пушнины, конкурирующие с русскими и китайскими скупщиками. Старшины заводят русские бревенчатые дома с мебелью, керосиновыми лампами, посудой, зеркалами и пр.

Орочская семья, как и семья нанайцев и др., была основана на нормах отцовского права, при наличии полигамии. Хотя женщина у орочей занимала подчиненное положение, она пользовалась у них, по отзывам всех исследователей, значительно большей независимостью и самостоятельностью, чем, например, у нивхов. Были распространены неравные по возрасту браки и помолвки детей, не достигших брачного возраста. За женщину платили калым (*тэ*) — китайские шелковые халаты, котлы, копья и деньги (до 300 руб.). Жена приносила приданое, часто не меньше калыма. На памяти орочей еще практиковался брак за отработку. Система родства у орочей была классификационной, близкой к системам родства других тунгусо-маньчжурских народностей Амура. Излюбленной формой брака был взаимный обмен сестрами со стороны мужчин, принадлежавших к разным родам.

Весь быт орочей, их личная и социальная жизнь были обставлены многочисленными запретами и обрядами, тормозившими развитие их культуры.

Древнейший слой в религии орочей — культ «хозяев» природы — тайги и моря (воды), культы огня и отдельных животных: тюленя, медведя, тигра, касатки. К более позднему слою относится шаманский культ. И, наконец, наиболее позднее наслоение — буддизм и христианство. «Хозяином» тайги считался *буа*, что собственно значит «вселенная», «хорошая погода», «небо» (в шаманском комплексе буа не фигурирует). Ему приносили в жертву собак или растительные продукты. Представление о буа весьма древнее и известно всем тунгусским народам. «Хозяин» моря — *тээму* — изображался в виде автропоморфизированного хищного китообразного — касатки. Морю делалось ежегодное жертвоприношение, как у нивхов и ороков. Жертвоприношения полагались и «хозяйке» огня очага. Культ нерпы был аналогичен нивхскому и орокскому. Он был связан с представлениями о нерпе как о человеке и выражался обычно в ритуальном потреблении ее мяса, в похоронах черепа, в ряде охотничьих табу. Культ касатки выражался в жертвоприношении черемши на морской охоте, похоронах костей и черепа выброшенных морем на берег касаток, в соблюдении на охоте разных табу по отношению к касатке и к раненным ею тюленям. Орочский культ касатки был близок к нивхскому. Культ тигра был ярко выражен у орочей, так же как у удэгейцев и нанайцев. Тигр — это *амба*, начальник, хозяин всех зверей тайги. Охотиться на него запрещалось. Убивали его только в порядке родовой мести за убитых им сородичей. Кости тигра хоронили так же, как кости медведя.

Женщина в национальной одежде

Предания о происхождении отдельных родов орочей носят часто тотемистический характер. Они сообщают о происхождении родов от неодушевленных предметов, растений и животных. Так, некоторые роды считаются происшедшими от скал, другие — от морских водорослей, третьи — от утки, четвертые состоят в родстве или свойстве с тигром и т. д. Так, например, род Еминка вел свое происхождение от тигра. Только представители этого рода имели право поедать убитых тигром животных.

По своему характеру культ медведя у орочей был близок ульчскому и нивхскому. С ним было связано воспитание медведя в клетке, устройство праздника по особому ритуалу, обрядовое потребление его мяса, принесение ему в жертву собак и священных стружек и похороны его черепа и костей и т. д.

У орочей существовали особые кумирни, где шаманы приносили своим духам-покровителям в жертву свиней, петухов, собак; в определенных местах, чаще всего у деревьев, устанавливали резные столбы с антропоморфными и зооморфными изображениями и деревянные изображения животных и птиц. Столбы (*му*) делали иногда высотой в 8—10 м. Скульптурные изображения птиц на вершине столба достигали иногда 1 м. В этих кумирнях шаманы совершали свои камлания с целью обеспечить успех промысла и для проводов души в загробный мир. Шаманы совершали также особые ритуальные поездки по селениям.

У орочей существовали мифы об отдельных духах-«хозяевах» (например о «хозяине» моря, о таежном духе — *какдзяму*), о медведе и тигре. Среди космогонических представлений выделяется миф о Хадау — культурном герое, творце природы, зверей и человека, изобретателе кузнечества, устроителе социальной жизни.

Православные миссионеры появились среди орочей лишь во второй половине XIX в. Христианская религия не была воспринята орочами. Христианские обряды в повседневном быту не привились и выполнялись лишь при крайне редких наездах миссионеров. Крещение и русские имена орочи принимали формально. Некоторое, хотя и весьма незначительное, влияние на религию орочей оказал буддизм.

Обряд погребения у орочей имел различные формы. Практиковались общетунгусские формы погребения — на помостах, поставленных на сваи, погребение в земле, установка гроба в погребальном домике. Обряд погребения был связан с представлением о жизни тела после смерти и направлен на сохранение его путем обвертывания тканями и берестой, помещения в крепком гробе или колоде с дальнейшим хранением под крышей или под землей. Покойнику готовилось для загробной жизни богатое снаряжение. Предполагалось, что душа умершего отправляется в мир мертвых пешком.

Народное творчество

В устном поэтическом творчестве орочей можно выделить сказки, исторические предания и песни. Бытовые песни носят характер импровизации и в музыкальном отношении просты и монотонны.

Сказки по своему сюжету волшебно-фантастические. Всяческие превращения и оборотничество играют в них большую роль. Они наполнены, однако, конкретными бытовыми подробностями, тесно связанными с бытом охотника. Многие из них очень длинные. Исторический интерес представляют предания о столкновениях между родами, связанных с кровной местью, о родовых судах, об утрате орочами письменности.

Старинные музыкальные инструменты орочей — ударный инструмент (бревно), употреблявшийся раньше на медвежьем празднике, варган из тростника, смычковый инструмент с одной струной и цилиндрическим резонатором (такой же, как и у нивхов).

Изобразительное искусство орочей было представлено скульптурой, рисунком, резьбой по дереву и кости, орнаментировкой по бересте и тканям. Оно примыкает по своему стилю к искусству нивхов, ульчей и других народов Амура. Орочам свойственна любовь к ярким краскам. Это проявляется в подборе тканей и других материалов для одежды, в орнаментике и, отчасти, в окраске скульптуры. Скульптура у орочей была почти исключительно связана с шаманством, но использовалась также при изготовлении детской игрушки и погребальных домиков. Рисунок также был связан с шаманством и встречался значительно реже, чем у удэгейцев. Резьба по дереву и кости — область мужского искусства. Она применялась для украшения бытовых предметов: ложек, рукояток ножей, деревянных коробок и особенно ритуальной утвари, употреб-

лявшейся на медвежьем празднике — корыт, ложек, ковшей. Орнаментальные мотивы орочей — спирально-ленточные, примыкают к нивхско-ульчским и отражают, несмотря на свой внешне чисто геометрический характер, конкретную тематику медвежьего праздника: столбы для привязывания медведя, ошейники медведя и другие подобные мотивы.

Область женского художественного творчества — орнаментация разнообразных берестяных изделий и одежды из тканей, рыбьих шкур и мехов. Широко применялись аппликации, вышивка гладью и тамбурным швом. Наиболее богато были орнаментированы погребальные костюмы. Сложные узоры отличались удивительной композиционной стройностью и богатством. Узоры вырезались маленькими ножами на кроильных дощечках, концы которых обычно также покрывались разнообразной художественной резьбой.

Шаманский жертвенник

Современная жизнь орочей

Коренным образом изменилась жизнь орочей после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1933 г. в с. Уська был создан рыболовецкий колхоз «Ороч», в который вошли также и орочи близлежащих селений. Позднее большинство орочей, живших в дальних селениях по Тумнину и его притокам, также переселилось в Уську. Государство оказало новому колхозу большую помощь денежными ссудами, орудиями лова. Были построены кунгасы, лодки, изготовлены большие ставные и закидные неводы. В 1940 г. колхоз уже имел свои моторные лодки, быстроходные катеры. За последние годы колхозники освоили морской подледный лов рыбы. Колхоз «Ороч» является передовым в Совгаванском районе. Сельское хозяйство, не занимавшее в прошлом у орочей сколько-нибудь значительного места, в настоящее время стало важной статьей дохода в колхозе «Ороч».

В колхозе имеются молочно-товарная, свино- и конефермы и оленеводческая ферма (оленеводством занимаются состоящие в колхозе эвенки). В 1950 г. колхозники получили на трудодень по 40 руб. деньгами, по 5 кг картофеля, по 2 кг капусты, жиры и молоко. Навсегда ушли в прошлое дни голодного существования. Некоторые колхозные семьи получают только деньгами по 20—30 тыс. руб. в год (помимо сельскохозяйственных продуктов). Многие хозяйства имеют коров и свиней. Почти при каждом доме огород.

Известную роль продолжает играть в колхозном хозяйстве охотничий промысел.

Большие изменения произошли во всем бытовом укладе орочей. С. Уська, выросшее на том самом месте, где в прошлом были разбросаны убогие шалаши орочей, ныне представляет собой хорошо распланированный поселок с площадью в центре, с прямыми улицами, с добротными срубными домами. Улицы и дома освещаются электричеством, которое дает колхозная электростанция. В селе имеется семилетняя школа с интернатом, есть изба-читальня, почта, больница, дом престарелых. В центре селения установлен памятник в честь воинов-орочей, погибших в Великую Отечественную войну. Перепись 1926—1927 гг. зарегистрировала у орочей грамотных всего 18 мужчин и 1 женщину. В настоящее время неграмотность полностью ликвидирована. Вся орочская молодежь получает семилетнее образование в школе в родном селе. Многообразна и интересна жизнь школы и интерната, где воспитываются дети орочей. Школьники поддерживают тесную связь с соседними русскими школами, устраивают совместные вечера, игры, походы, ведут переписку со школьниками удэгейцами. В школе имеется собственный киноаппарат, работают различные кружки художественной самодеятельности, литературный кружок.

Большую работу проводит школа по внедрению новых сельскохозяйственных культур. При школе имеется большой опытный участок, где проводятся опыты по выращиванию различных сортов ячменя, пшеницы, проса, овса, кукурузы, сои. На пришкольном участке заложен небольшой фруктовый сад. В 1952 г. школа была приглашена на краевую сельскохозяйственную выставку. Десятки воспитанников школы теперь работают учителями, фельдшерами.

Несколько женщин орочек, окончивших педучилище в Николаевске-на-Амуре, работают в орочской школе и в интернате в селении Уська.

Изба-читальня с. Уськи располагает большим книжным фондом. При ней работает лекторская группа, насчитывающая свыше 10 человек из числа местной интеллигенции. Более 100 журналов и около 400 экземпляров газет получают жители с. Уськи. Большая, хорошо оборудованная больница с квалифицированным медперсоналом обслуживает жителей не только с. Уськи, но и других населенных пунктов. Много лет в Уське существует дом для престарелых, где на полном государственном обеспечении живут старики орочи.

Такова современная жизнь орочей, еще в недавнем прошлом отсталых охотников и рыболовов одной из самых отдаленных окраин нашей страны.

ОРОКИ

Перепись 1926 г. зарегистрировала на северном Сахалине 162 орока, в том числе 90 мужчин. Кроме того, около 300 ороков проживало тогда в южной части Сахалина.

В недавнем прошлом ороки кочевали в восточной части Сахалина, от зал. Терпения на юге до р. Сабо, впадающей в Пильтунский залив, на севере. Они кочевали небольшими группами (обычно состоящими из представителей одного-двух родов) в районе морских заливов, причем с весны до осени держались ближе к морю и устьям рек, а к зиме удалялись от берега в тайгу, в более защищенные от ветра места.

Общие сведения

В настоящее время почти все ороки северной части Сахалина объединились в колхоз «Вал», центр которого расположен близ нивхского селения Ныйво на восточном берегу Сахалина. Ороки южной части Сахалина, находившиеся с 1905 до 1945 г. под властью Японии, многое испытали за эти годы. Они резко уменьшились в численности, подверглись насильственной японизации и влачили жалкое существование. В настоящее время небольшая группа ороков южного Сахалина живет оседло в нескольких населенных пунктах Поронайского района, а несколько семей до последних лет кочевали в горах по р. Лухтоме в районе зал. Терпения.

Язык ороков относят к южной (маньчжурской) подгруппе тунгусо-маньчжурских языков. В нем можно выделить ряд элементов, общих как с нанайским и ульчским, так и с языками северной подгруппы (негидальским и эвенкийским). Лексический состав орокского языка наряду с основной массой общетунгусских слов имеет большое количество слов нетунгусского происхождения.

Русская географическая литература и русское население Сахалина часто называют ороков ороченами. Китайцам ороки были известны под именем «ороньчо». Этимология этого и близких к нему этнонимов объясняется, вероятно, из маньчжурского и тунгусского названия домашнего оленя *оро*, или *орон*. Названия с этим корнем означают «оленный народ» или «оленеводы». Самоназвание ороков — *ульта* (некоторые роды произносят *ульча*). В основе лежит, вероятно, тот же корень «*ула*» (на языке ороков — «домашний олень»). Отсюда «ульта» означает «оленный». У ороков, кроме основного названия «ульта», есть второе — *нани*, общее с другими народностями Амура.

По своим этнографическим особенностям ороки близки к орочам и ульчам, но резко отличаются от них своим оленеводческим хозяйством. Предания о происхождении ороков, собранные среди них экспедицией Г. И. Невельского и позднейшими исследователями, говорят об их материковом происхождении и оленеводческом прошлом. Согласно этим преданиям, ороки переселились на Сахалин не позднее XVII в.; есть основания предполагать, что предки ороков вышли с Амгуни: в XVII в. русские казаки сообщали об орильском роде на Амгуни. Около 1745 г. удские тунгусы рассказывали участнику Камчатской экспедиции Академии Наук Якову Линденау о роде Орис, или Орил, жившем на большом острове и подчиненном китайцам. Посланные на Сахалин императором Кан-Си в 1709 г. маньчжуры также сообщали, что, кроме оседлых нивхов, там жил еще кочевой народ, который запрягал своих домашних оленей в нарты.

В 1853 г. Г. И. Невельский объявил населению южного Сахалина о государственных правах России на этот остров, и 22 сентября (ст. ст.) был поднят русский флаг в зал. Анива на юге Сахалина. В переданной Невельским японцам декларации указывалось, что на основании Нерчинского договора между Россией и Китаем (1689 г.) «остров Сахалин, как продолжение нижнеамурского бассейна, составляет принадлежность России» и что «еще в начале XVI ст. удские наши тунгусы (т. е. ороки) заняли этот остров».

Тяжелые последствия для ороков, как и для всего трудового населения Сахалина, имели захват японцами южного Сахалина в 1905 г. и японская интервенция 1920—1925 гг. Расхищение природных ресурсов острова и ограбление его населения достигли громадных размеров. Становлением советской власти на Сахалине начался новый период в истории ороков.

Занятия и быт

Несмотря на наличие у ороков оленей, вызывающих необходимость перекочевок, их быт имел много элементов оседлости, объясняемых большой ролью рыбного промысла.

Орокское рыболовство было сходно по технике с рыболовством тунгусо-маньчжуров в низовьях Амура. Важной отраслью хозяйства являлся промысел нерпы. Мясо и жир нерпы имели большое значение в питании ороков. Им хорошо известны все зоологические подвиды тюленя и его разные возрастные вариации; для всех разновидностей имеется своя терминология. Это сближает ороков с орочами и ульчами и отличает их от эвенков, у которых для всех видов нерпы имеется лишь один общий термин. Еще совсем недавно (в 1928 г.) охотились на нерпу при помощи гарпуна. Ороки применяли при охоте на нерпу плавающий гарпун (*дарги*), известный нивхам, ульчам и айнам южного Сахалина, а в XVIII в. применявшийся также безоленными эвенками Охотского побережья.

У своих ближайших соседей, нивхов Сахалина, ороки славились как очень искусные лесные охотники. Охотились ороки теми же орудиями, что и орочи, удэгейцы, нанайцы, ульчи и материковые нивхи. Луки в старину были простые плоские и сложные выгнутые. На охоту охотники отправлялись или на лыжах, таща за собой при помощи собаки небольшую охотничью нарту, или верхом на олене.

Ороки раньше отпускали оленей летом без пастуха. Это вызывалось комплексным характером хозяйства: летняя пастьба оленей отрывала бы часть рабочей силы от самого нужного сезонного дела — рыбного промысла, обеспечивавшего население питанием на круглый год. Стада оленей у ороков, как и у других таежных охотников, были небольшими: не более 20 голов на хозяйство. Олень был транспортным животным, которым ороки пользовались под вьюк и для запряжки в нарты.

Корьевой чум

Для передвижения по заливам летом ороки пользовались главным образом долбленкой из тополя. По своему типу орокская долбленка идентична нивхской; передвигались на ней с помощью весел и шестов.

Как уже упоминалось, относительная оседлость ороков была связана с летним рыболовством. Весной, оставив в тайге оленей и зимние чумы, они переселялись на берега заливов и впадающих в них рек. Летние стойбища представляли собой постоянные селения и состояли из 3—10 жилищ. Близ них располагались кладбища и шаманские кумирни. Недалеко от жилищ, вверх по течению реки, где-нибудь в тайге устраивались свайные лабазы.

Орокское летнее жилище — большой двускатный шалаш (*каура*) — было сходно в основном с летником орочей и удэгейцев (джугды). В летниках жили часто две-три семьи, причем у каждой был свой очаг. В другие времена года каждая семья жила в отдельном коническом чуме.

С наступлением осени ороки оставляли свои летние жилища и отправлялись на лодках вверх по рекам вглубь тайги для лова хариуса. В это время они снова собирали в стада бродивших летом без присмотра в тайге оленей. На осенних стойбищах жили в конических чумах (*аундау*), крытых корой; корьевое покрытие с окончанием осенних дождей и с наступлением зимы заменялось покрышками из рыбьих шкур (*гуйде*).

Старинная одежда ороков была близка к одежде остальных амурских народностей, но уже к началу XX в. национальный костюм ороков, и мужской и женский, был почти полностью утрачен и в основном заменен русской одеждой.

Интересно отметить наличие в старинном костюме ороков тунгусского нагрудника, который носили под халатом, что указывает на бытование у них в прошлом верхней тунгусской одежды. Широкое распространение среди лиц обоего пола имела короткая курточка из нерпичьих шкур. Мужчины носили ее на охоте в комбинации с юбочкой (*хосе*) и наголенниками из нерпичьей кожи.

Общественные отношения, религия, народное творчество

Ороки делились в прошлом на экзогамные патрилинейные роды. На северном Сахалине в 1928 г. были известны следующие 9 родов: Гэтта, Торся, Бояуса, Синаходо, Туэсо, Муйотта, Намисса, Сукта, Балита.

Родовой организации ороков, как и других тунгусо-маньчжурских народностей Амура, был известен институт доха (объединение родов). В отношениях доха находились также подразделения рода в случае его дробления на части и расселения этих частей на значительном расстоянии от основной территории первоначального рода.

До недавнего времени сохранялись некоторые пережитки первобытно-общинного строя, например обязательный раздел мяса убитой нерпы среди всех семей данного стойбища и т. д. Пережитки родовой организации проявлялись в устройстве и проведении медвежьего зимнего праздника: сородичи строили вместе большой конический чум для участников праздника и совместно расчищали площадку для стрельбы в медведя. Устроителем праздника, ответственным за соблюдение всех обычаев, считался род в целом, все члены его поставляли необходимую еду для гостей — представителей других родов. Убитый медведь передавался старшему в роде, на котором лежала организация обрядовой трапезы.

Ороки находились в отношениях торгового обмена со своими соседями — нивхами и айнами Сахалина, с ульчами, якутами и русскими. Они получали через их посредство рис, муку, просо, чай, сахар, табак, русскую и китайскую посуду, китайские материи; в обмен они отдавали пушнину, жир, мясо и шкуры тюленя. Они ездили также обменивать пушнину к ульчам на Амур и вели меновую торговлю на самом острове с ульчскими и нивхскими скупщиками пушнины.

Брак у ороков сопровождался уплатой за невесту калыма (*тори*), ценность которого соответствовала ценности приданого (*мирахуни*). Тори уплачивали оленями и набором определенных вещей. В приданое входили олени и ряд вещей женской работы: оленные переметные сумы, покрышки для чума, одежда (в частности, орнаментированный халат из рыбьих кож, передник — *нолу*, орнаментированная обувь — *утта*, лисья шуба), домашняя утварь из бересты и дерева, а также металлическая — котлы.

Свадьба происходила, как правило, зимой или ранней весной, так как обычай требовал, чтобы свадебный поезд ехал на оленях, запряженных в нарты. Верховая езда на олене считалась для невесты предосудительной. При выходе ее из дома совершался обряд «топтания котлов», аналогичный ульчскому, негидальскому и эвенкийскому; невеста выходила из своего чума по двум опрокинутым котлам, из которых один входил в состав приданого, а другой — калыма.

Существовал также брак за отработку. Известны были случаи похищения невесты.

В религии ороков можно различить три исторически различных комплекса. Древнейшим следует считать культ «хозяев» природы и элементы культа животных; вторым слоем — шаманский культ. Шаманство несколько видоизменило древний культ животных и придало ему специфические формы. Позднейшим слоем было христианство, с обрядовой стороной которого ороки познакомились в XIX в.

Окружающие ороков урочища, подземный мир, небо и вода представлялись им населенными подземными, водяными и небесными людьми. Каждая из стихий имела своего духа-«хозяина», которому приносили жертвы.

Жертвоприношения «хозяину» моря Тэуму совершались два раза в год: весной, после вскрытия моря от льда, и осенью, после окончания

хода кеты. Море «кормили» студнем (*моси*) из рыбьих шкурок. Эту пищу приготовляли в особых фигурных орнаментированных корытцах, имевших форму нерпы. Женщинам присутствовать при этом не разрешалось. Обряд жертвоприношения морю был близок к нивхскому.

С нерпой и касаткой у ороков были связаны представления, близкие нивхским и орочским. Убой нерпы, употребление ее мяса в пищу носили ритуальный характер. Для мяса нерпы существовала даже особая ритуальная посуда. Подобно орочам, ульчам, нивхам и айнам, ороки считали медведя священным животным и воспитывали его в клетках-срубах близ своих жилищ. По четырем углам клеток ставили елочки и привязывали к ним стружки *инау*. При перекочевках медведя привязывали к нарте и перевозили с собой. Ороки устраивали медвежий праздник. Если нивхи, орочи, ульчи устраивали на медвежьем празднике гонки на собаках, то ороки заменяли их бегами на оленях.

Шаманство ороков было однотипным с шаманством нанайцев и орочей. В шаманском пантеоне фигурировали известные у нанайцев и орочей мифические персонажи.

Древней формой погребения у ороков были захоронения в дощатых гробах, которые ставили на высоте человеческого роста в тундре на помост на четырех стойках (сваях). Детей хоронили в небольших колодах, которые подвешивали между двумя стойками.

Зимняя мужская одежда

По старым воззрениям ороков, покойник «ехал» в загробный мир (*буни*) на запряженной оленем нарте. Вместе с покойником клали копье, оленное седло, оленный посох и другие предметы. Похоронный обряд ороков указывает, таким образом, на весьма древние корни их оленеводческого хозяйства.

Ороки были крещены в XIX в., но христианство вошло в религию ороков только своей внешней, обрядовой, стороной.

В мифах ороков можно выделить мифы космогонического цикла. К ним относятся мифы о первобытном творце и культурном герое Хадау, о сотворении человека и медведя, земли и небесных светил. Хадау приписывается уничтожение двух «лишних» солнц на небе, устройство гор и рек, Млечного пути и т. д. Ему же приписывается установление религиозных обрядовых действий.

У ороков существует много преданий, рассказывающих о приходе их на Сахалин и об аборигенах острова — айнах и легендарных «тондзях», о голоде и перекочевке рода Гэтта с западного берега острова на восточный; о гибели рода Бояуса от отравления мясом кита; о попытках приручения дикого оленя и др.

Изобразительное искусство ороков имеет много общего с искусством других народностей Амурского бассейна. Орнамент спиральный, поэтому, например, оленное седло ороков с орнаментом на луках легко отличить от эвенкийского.

Современная жизнь ороков

В настоящее время почти все ороки северного Сахалина, как указывалось выше, объединены в одном оленеводческом колхозе «Вал», который организован в 1932 г. В этот колхоз, кроме ороков, входят несколько семей эвенков, русских и нивхов. Центр этого колхоза представляет собой новый благоустроенный поселок с рублеными домами русского типа. Около домов расположены огороды (ороки сажают картофель, редис, табак и др.). Имеется медпункт, клуб, магазин. Поголовье оленей в несколько тысяч голов в течение круглого года находится под неусыпным надзором пастухов. Количество оленей быстро растет благодаря хорошему зоотехническому надзору. Плановый ежегодный забой оленей обеспечивает колхозников мясом. Бригады пастухов в тайге живут уже не в чумах, а в более удобных палатках. Палатки можно также видеть летом около домов в колхозном центре. Колхоз в своей мастерской изготовляет на продажу унты, перчатки, дохи, изящные коврики из оленьих шкур и из замши.

Несмотря на то, что колхоз в основном оленеводческий, весной всегда организуются бригады для охоты на сивуча и нерпу, летом — для рыболовства и специально женские бригады для сбора черемши и кедровых орехов. Колхоз разводит также лошадей и коров, поэтому часть колхозников летом занята сенокошением. Общий доход этого колхоза уже в 1949 г. составил около миллиона рублей, полученных от оленеводства (доход от забоя оленей и оленьего транспорта), от пошивочной мастерской, от полеводства и огородничества, от животноводства, морского зверобойного промысла, рыболовства и охоты.

Резкий контраст с нищенским существованием ороков в прошлом представляет современное материальное положение колхозников. Так, например, некоторые пастухи колхоза получили в 1950 г. до 12 тыс. руб. деньгами и по 250—300 кг мяса.

В ближайшем к колхозу «Вал» районном центре более 20 лет существует Ногликовская культбаза. При культбазе имеется семилетняя школа с интернатом, где обучаются и живут на полном государственном обеспечении дети ороков, нивхов и эвенков.

НИВХИ

Нивхи живут в нижнем течении Амура и прилегающих районах, а также на Сахалине. Они резко отличаются по языку от своих соседей, говорящих на языках тунгусо-маньчжурской группы, и относятся к так называемым палеоазиатам.

Название народности происходит от самоназвания *нивх* — «человек». В русской дореволюционной литературе они были известны под названием «гиляки». Это слово происходит, повидимому, от названий «гилэкэ», «гилями», под которыми нивхи известны в тунгусо-маньчжурской среде.

Общие сведения

По переписи 1926—1927 гг. численность нивхов определялась в 4076 человек (1700 на советском Сахалине и 2376 на материке). Кроме того, по данным 1928 г., 111 нивхов жило в бывшей японской части Сахалина.

Таким образом, в территориальном отношении нивхи составляют две группы: материковую, или амурскую, и сахалинскую. Материковые нивхи живут по нижнему течению Амура, на прибрежьях Амурского лимана и в примыкающих районах Татарского пролива и Охотского моря. На Амуре селения нивхов расположены вперемежку с русскими и негидальскими. Самое верхнее по Амуру нивхское селение — Пад, далее нивхские селения тянутся ниже по Амуру и лиману; на юг по лиману они доходят до мыса Лазарева; самым северным по лиману является с. Куль (181 км от Николаевска-на-Амуре). Отдельные семьи нивхов живут среди ульчей. В прошлом отдельные группы нивхов доходили до р. Уды. В 1844 г. известный русский путешественник Миддендорф встречал их на Чумикане. На Сахалине нивхи живут в настоящее время как на западном, так и на восточном берегу, а также по среднему течению р. Тымь. На западном берегу основная масса их сосредоточена в Рыбновском районе; в Александровском и Широкопадском районах живут лишь небольшие группы нивхов, оставшиеся после переселения значительной части их в Кировский район. Население этого последнего сосредоточено в настоящее время почти полностью в одном крупном колхозе Чир-Унвд. На восточном берегу наиболее южным пунктом является с. Ныйво, далее к северу расположены крупные селения, в которые стянулось население разбросанных ранее по побережью мелких селений — Даги, Чайво, Пильтун. На южном Сахалине единичные семьи живут в с. Таран Поронайского района.

В административном отношении территория расселения нивхов входит в Сахалинскую область, Нижне-Амурский и Тахтинский районы Хабаровского края.

Нивхский язык обычно относят к группе палеоазиатских языков. Но среди языков этой группы он стоит особняком.

Нивхский язык по строю относится к синтетическо-агглютинирующим. К синтетическим чертам относится слияние именных и глагольных основ друг с другом (ккан «собака», пил'а-ǧан «большая собака»); к агглютинативным — добавление аффиксов (*ккан-гу* «собаки»). Фонетика этого языка отличается большой сложностью. В языке выделяются следующие части речи: имена существительные, числительные, местоимения, глаголы, наречия. Прилагательные имеют много сходств с глаголами. Интересны нивхские числительные. В нивхском языке нет числительных, общих для счета всех предметов. Их заменяют различные группы числительных для счета: 1) длинных предметов (палок, шестов, деревьев, растений и др.), 2) мелких круглых предметов, 3) крупных круглых, цилиндрических предметов и предметов неопределенной формы, 4) тонких плоских предметов, 5) животных и насекомых, 6) людей и человекоподобных духов, 7) парных предметов. Например: т'игьр-н'эх «одно дерево», к'у-в' ик «одна пуля», тыв-н'аккр «один дом», тамх-н'рах «один листок табака», ккан-н'ын «одна собака», нивх-н'ин «один человек», му-н'им «одна лодка», т'у-н'ирш «одна нарта», н а «одна ручная сажень» и т. д.

Вследствие тесной связи нивхов с тунгусо-маньчжурскими народами в нивхском языке имеется значительное количество общих с языками этих народов слов.

В бассейне низовьев Амура нивхи несомненно являются древними обитателями. В нивхах с достаточным основанием можно видеть наиболее прямых потомков неолитического населения этой территории. От этого населения остались многочисленные ямы — следы жилых землянок квадратной или круглой формы, каменные шлифованные орудия, своеобразная керамика — плоскодонная со спиральным орнаментом. Такие ямы найдены как на Амуре, так и на Сахалине. По вопросу о том, что является областью древнейшего расселения нивхов — Амур или Сахалин, высказывались разные точки зрения. Известный исследователь народов Амура акад. Л. Шренк считал первоначальной родиной нивхов о. Сахалин, откуда они, по его мнению, распространились на материк. Противоположная точка зрения была высказана Л. Я. Штернбергом, отстаивавшим материковое происхождение нивхов и сравнительно позднее распространение их на Сахалине. Исторические данные указывают на более далекое в прошлом распространение нивхов на север по берегу Охотского моря. Несомненно также, что в прошлом нивхи были распространены и выше, чем сейчас, по р. Амуру. По китайским источникам, в XII в. в низовьях Амура жили племена цзи-ля-ми, в которых с полным основанием видят гиляков — нивхов.

Первые русские сведения о нивхах относятся к XVII в. По этим сообщениям, нивхи не платили дани Китаю. Первым русским, прошедшим по Амуру до устья, был «письменный голова» Василий Поярков (1643—1646 гг.); за ним на территории нивхов побывали Ерофей Хабаров, Иван Нагиба, боярский сын Пущин, приказный человек Степанов и др. В казачьих отписках XVII в. «гиляцкими мужиками» называются и нивхи и ульчи. Они жили, по отпискам казаков, многолюдными селениями, в деревянных эимниках, рядом с которыми находились амбары, вешала для рыбы, срубы для медведей. Носили нивхи одежду из рыбьих кож и звериных шкур, держали много собак, занимались рыболовством и пи-

Сшивание невода

тались главным образом рыбой. Они вели торговлю с китайцами, айнами и тунгусами.

Хозяйство и быт

Основными занятиями нивхов издавна были рыболовство и морской промысел. В рыболовстве первое место занимал промысел проходных лососевых рыб — кеты и горбуши. Лососевых рыб добывали заездками, сетями и неводами. Заездок представлял собой изгородь из толстых кольев и прутьев в форме буквы «Г», расположенную перпендикулярно к берегу и «глаголью» по течению. В этой части устанавливали подъемную сеть, у которой дежурили на лодке. Рыба, идущая сплошной массой вдоль берега, натыкалась на стенку заездка, поворачивала вдоль стены и попадала в сеть. Заметив движение сигнальных веревок, рыбаки поднимали сеть и выгружали пойманную рыбу в лодку. Этот способ обычно давал хозяйству за несколько дней путины 4—5 тыс. лососей, вполне удовлетворивших его потребительские нужды. Заездок сооружался обычно коллективно несколькими семьями.

Неводы, небольшие по размерам, раньше плели из крапивных ниток. Тянули невод два-три рыбака, один из которых шел по берегу, а другие плыли в лодке. Позже нивхи от русских научились сшивать большие неводы. Белуг и осетров нивхи добывали гарпунами и крючковыми снастями — крючками на коротких веревочках, прикрепленных к длинной натянутой в воде бичеве.

Большое значение для нивхов имел лов частиковой рыбы, производившийся в течение всего года. Ее добывали с помощью удочек, ставными сетями (зимой и летом), плавными сетями (летом) и неводами (в весенне-осенний сезон).

Среди сахалинских и лиманских нивхов был развит морской промысел. Охотились на сивучей и тюленей. Сивучей ловили большими ставными сетями. Промышлять тюленей выходили ранней весной, с первыми признаками вскрытия льда. Били их гарпунами и дубинами (палицами),

когда они вылезали греться на льдины. Охота на тюленей продолжалась и летом. На открытой воде охотились на них с помощью пловучего гарпуна (*лых*). Он представлял собой дощечку с острием гарпуна, прикрепленную к палке, длиной 10—30 м. Лых спускали на воду, охотник скрывался неподалеку на лодке или на берегу. Завидев добычу, охотник осторожно направлял на нее лых и быстро вонзал его в животное.

Охота, по сравнению с другими народами Амура, играла у нивхов меньшую роль. Сезон охоты начинался осенью, после окончания хода рыбы. В это время медведи выходят к речкам полакомиться рыбой, и нивхи поджидали их с луком или ружьем. Иногда ставили самострелы. Зимой охотились на медведей с копьем. Вслед за охотой на медведя наступал сезон промысла соболя. Соболь и некоторые другие пушные звери (выдра, рысь, колонок) играли значительную роль в хозяйстве нивхов. Пушнина шла на китайский, позже на русский рынок. Амурские нивхи отправлялись каждую осень на своих больших, дощатых, тяжелых на ходу лодках на соболиный промысел на Сахалин и возвращались оттуда только ранней весной. Вызывалось это обилием соболя на Сахалине. По берегам речек и на свалепных деревьях, служивших для соболей переходами через речки, нивхи ставили многочисленные западни.

Главным орудием охотничьего промысла служило ружье, в начале XX в. заменившее нивхский сложный лук с роговыми накладками. Но и позднее лук сохранялся в медвежьем празднике и в детских играх. На белок и лисиц охотились с собаками. На крупных и мелких животных ставили самострелы.

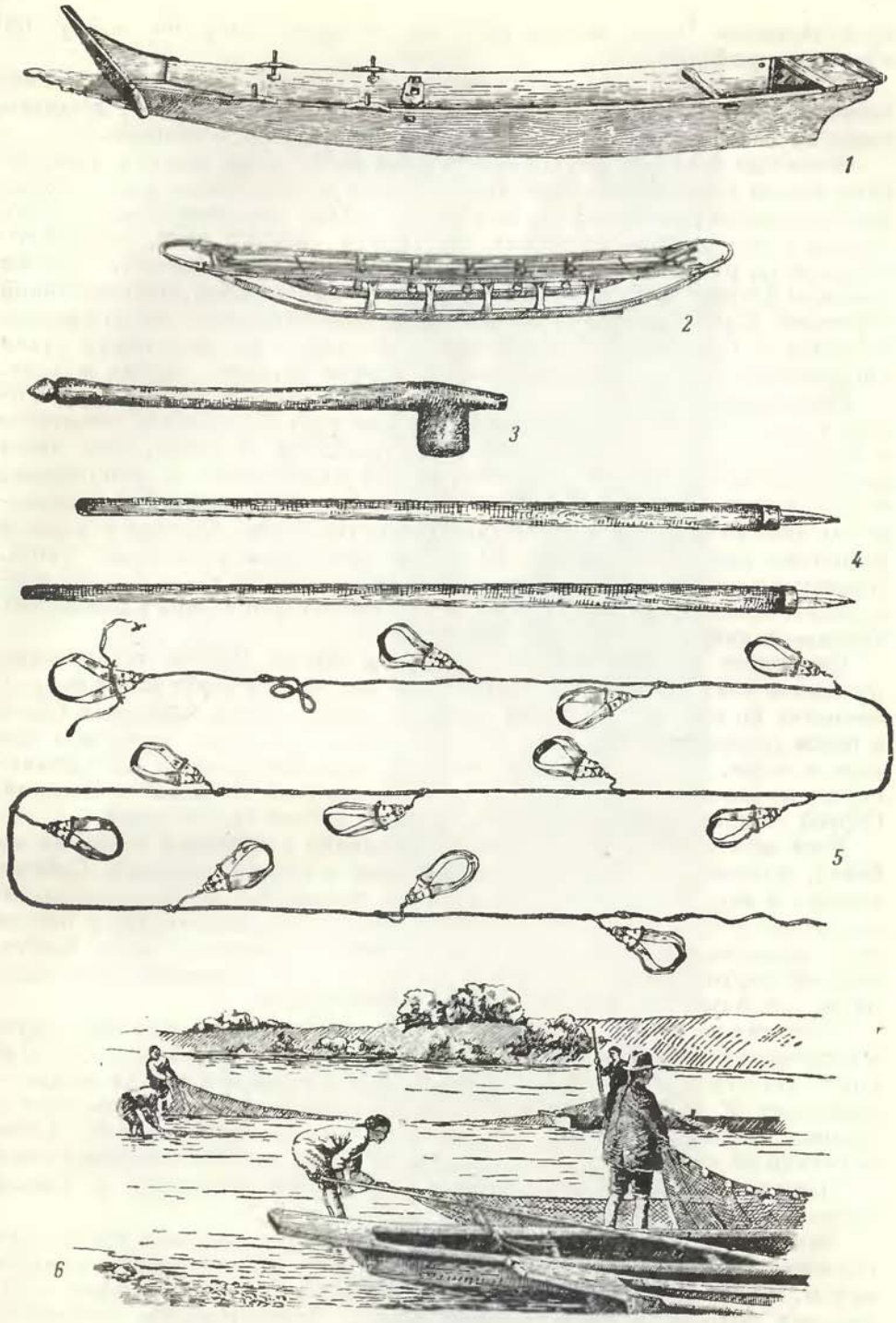
Сельское хозяйство стало проникать к нивхам еще в середине XIX в., когда они начали впервые сажать картофель. Единичные нивхи работали раньше на извозе и других работах по найму.

Еще до прихода русских в некоторых поселках имелись специалисты кузнецы, перековывавшие японские, китайские, а позже и русские металлические изделия для своих нужд; они изготовляли ножи прямые и изогнутые, приспособленные для обстругивания дерева, наконечники стрел, гарпунов, копий и др. Кузнецы пользовались двойным мехом, наковальней и молотом. Сохранившиеся остатки массивных цепей говорят о высоком мастерстве кузнечного ремесла в прошлом.

Среди нивхов была распространена инкрустация серебром и медью наконечников копий. Старики занимались производством веревок из лыка и крапивы, а также изготовлением нарт и собачьей упряжи.

К мужским работам относились рыболовство, охота, выделка орудий производства, в том числе снастей и средств передвижения, заготовка и перевозка дров, кузнечество. Женщины занимались обработкой рыбьих, тюленьих и собачьих шкур, а также бересты, пошивкой и орнаментацией одежды, приготовлением берестяной посуды, сбором растительных продуктов, домашним хозяйством и уходом за собаками.

Ко времени советизации Дальнего Востока уклад материковых нивхов характеризовался довольно сильным развитием товарных отношений. Старые формы коллективного производства и распределения почти полностью исчезли под влиянием нараставших процессов имущественной дифференциации. Много рыбаков и охотников, лишенных орудий промысла, вынуждено было уходить на лесозаготовки, работать по найму, заниматься извозом. Незначительный доход от рыболовства заставлял нивхов обращаться к сельскому хозяйству. Пушная охота имела у амурских нивхов ничтожное значение. Продукция охоты на морских животных — нерпу, белуху, сивуча — шла главным образом на потребительские нужды. Лов рыбы производился артелями. Артели эти были обычно мелкие, из 3—7 человек. Практиковался наем рабочих в виде



Средства передвижения и охота

1 — речная дощатая лодка; *2* — старинная собачья нарта; *3* — колотушка для добивания нерпы; *4* — тормозные палки для управления нартой; *5* — старинная собачья упряжь; *6* — ловля рыбы неводом

полупайщиков. Часть нивхов работала во время лова по найму на обработке рыбы.

У сахалинских нивхов рыболовство также имело очень важное значение, но наряду с ним широко практиковался промысел на морского зверя и охота на медведя, соболя и некоторых других животных.

Основным питанием нивхов всегда была рыба, чаще всего в вяленом виде, юкола заменяла им хлеб. Мясная пища употреблялась редко. Пища приправлялась рыбьим жиром или жиром нерпы. Лакомым блюдом всегда считался *мось*, приготовляемый из отвара рыбьих кож, тюленьего жира, ягод, риса, иногда с прибавлением накрошенной юколы. Другим лакомым блюдом являлась *талкк* — салат из сырой рыбы, приправленной черемшой. С рисом, пшеном и чаем нивхи познакомились еще во времена торговли с Китаем. После появления на Амуре русских нивхи стали употреблять, хотя и в незначительном количестве, хлеб, сахар и соль.

Исконным, а до недавнего прошлого единственным домашним животным у нивхов была собака. Она выполняла роль упряжного животного и давала мех для одежды, мясо ее употребляли в пищу, она была распространенным объектом обмена, играла видную роль в религиозных представлениях и обрядах. Количество собак в хозяйстве было показателем зажиточности и материального благополучия. Обычно в каждом хозяйстве содержали по 30—40 собак, требовавших немалого ухода. Кормом им чаще всего служили рыба и тюлений жир; запасы корма приходилось заготовлять на всю зиму, в течение которой собаки максимально использовались как ездовые животные.

Старинная нарта нивхов, которую еще застал Шренк в половине, прошлого века, была настолько узкой, что на ней ездок сидел верхом, опираясь ногами на небольшие лыжи, а иногда приподнимался и бежал в таком положении на лыжах. Полозья этой нарты были загнуты и спереди и сзади. Собак запрягали змейкой, т. е. привязывали их к ремню-потягу не попарно, а по одной, то с той, то с другой стороны по очереди. Сбруей служил простой ошейник, так что собака тянула шеей.

Еще не так давно на медвежьем празднике устраивали гонки на собаках, употребляя для этого старые нарты и старую упряжку. Собачья упряжь и нарта, появившиеся у нивхов в начале XX в., значительно отличаются от прежних. Более позднее упряжное собаководство у нивхов (так называемого восточносибирского типа) характерно более вместительной нартой с вертикальной дугой и попарной упряжкой не в ошейники, а в лямки, в которых собаки тянут грудью.

Развитие извозного промысла вызвало переход на новый тип нарты. Увеличение устойчивости и размера нарты позволило перевозить до 200 кг груза. Впрягали обычно 9—11 собак. Самая обученная и ценная собака — передовик. К ней были обращены обычно окрики управления возницы — каюра. Останавливали собак окриком и тормозной палкой. Собак впрягали не только в нарту, но иногда и в лодку на более длинном потяге.

Лошадь в качестве транспортного животного появилась у нивхов сравнительно недавно.

Зимой средством передвижения по суше, кроме собачьего транспорта, служили лыжи — голицы без меха или лыжи с подклеенным тюленьим мехом. Первыми пользовались для небольших переходов, вторыми — для дальних походов в сезон пушной охоты. Отличительную особенность нивхских лыж составляли деревянные нащепы, прибивавшиеся поверх шкуры.

По речкам (главным образом на Сахалине) плавали на легких долбленках, которые делали из тополя. Долбленки эти были настолько легки, что их переносили на руках через встречавшиеся

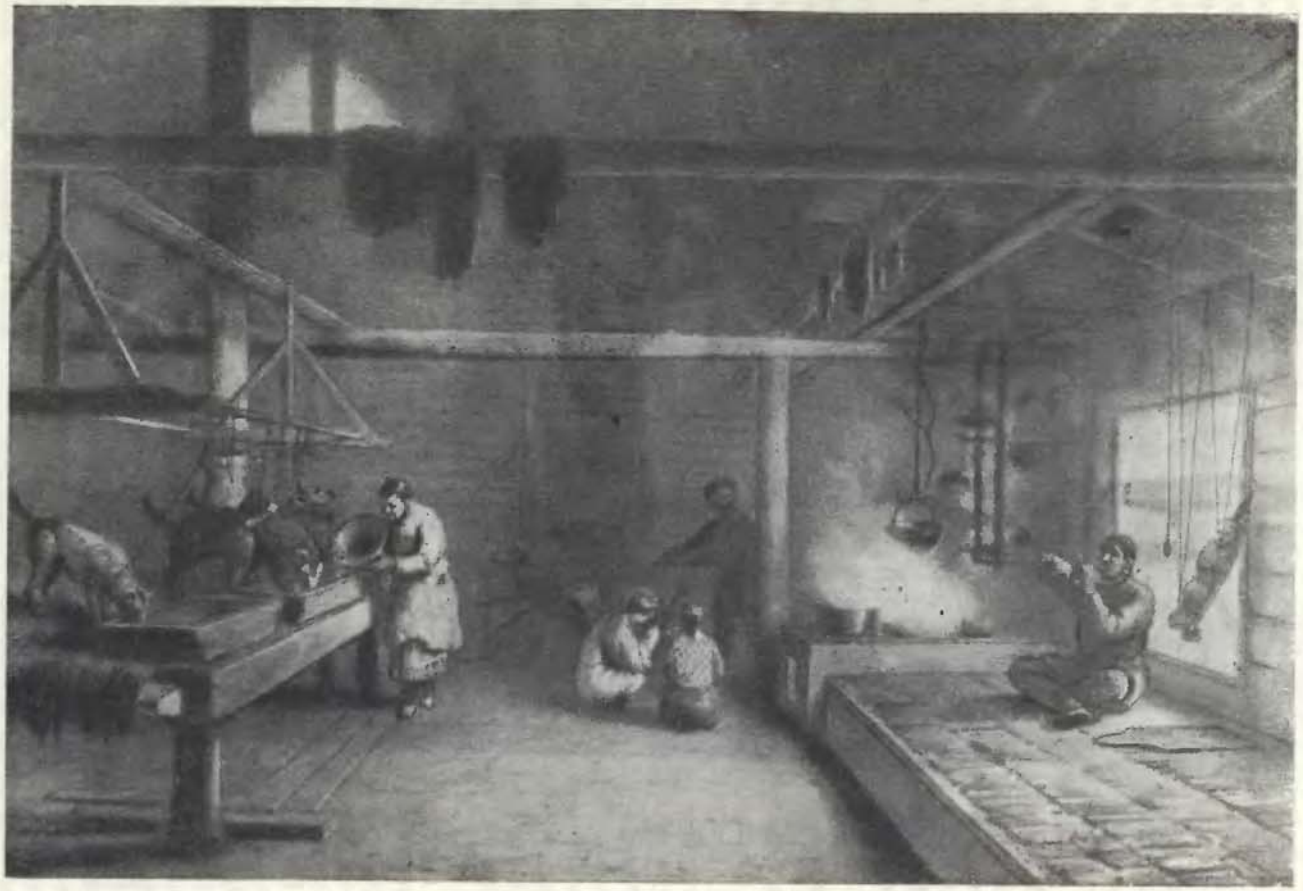
Общий вид селения

Землянка

препятствия (мели, перешейки). Передвигались на них при помощи весла и шеста, которым пользовались обычно при подъеме против течения. Для дальних переездов у нивхов имелась большая лодка, аналогичная ульчской, нанайской и орочской. Ее строили из трех широких кедровых досок, нижняя (дно) на носу была загнута кверху и выдавалась над водой лопатой. Гребли на ней 2—4 парами весел, занося отдельно весла правого и левого бортов.

Селения нивхов обычно располагались около устьев нерестовых речек и лишь редко насчитывали более 20 жилищ. Еще недавно дома сородичей ставились рядом. Лет 40—50 назад среди сахалинских нивхов была еще широко распространена землянка. Для нее вырывали яму глубиной в 1.25 м, над которой ставили из тонких бревен остов и снаружи засыпали его землей. Дымовое отверстие служило окном, очаг устраивали посредине, вокруг шли нары. В конце XIX в. вход в землянку был уже не через крышу, а через длинный низкий коридор.

У амурских нивхов, примерно со времени Минской династии, землянки стали вытесняться маньчжурскими фанзами каркасного типа, распространившимися по всей территории нанайцев и перешедшими к нивхам. Тип постройки и распределение мест внутри зимника у нивхов были такие же, как у ульчей. Лето нивхи обычно проводили в летниках. Летник — это постройка на сваях в 1.5 м высотой. Он состоял из двух половин: задней — жилой, освещаемой через отверстие в крыше, и передней, служившей амбаром. Вокруг летника обычно были расположены вешала для вяления рыбы и свайные лабазы для хранения разных продуктов. Общий вид свайного летнего жилища нивхов ничем не отличался в общем от ульчского летника-амбара.



Внутренний вид старинного зимнего жилища

Старый летний мужской костюм нивхов во многом совпадал с нанайским. Он состоял из штанов (*варш*), халата, доходящего до колен и застегивающегося слева направо, обуви, сшитой из тюленьей кожи, и конической берестяной шляпы (*х'ифх'акк*). Штаны и халат шили из синей или серой бумажной материи. Женский летний халат из рыбьей кожи или из материи был более длинным и украшался по подолу медными пластинками. Зимой поверх халата носили одежду из темного меха, сшитую мехом наружу. Во время поездок на нартах для предохранения меха от вытирания мужчины поверх меховой одежды носили юбочку из нерпичьей шкуры (для одежды покойника шкура нерпы не употреблялась). На голову надевали наушники и меховую шапку. Отличия мужской одежды от женской сводились к большему количеству вышивок и аппликаций и большему разнообразию материала для женской одежды (шелк, сукно, рысий мех на шапке).

Материал для одежды нивхи приобретали прежде у китайских и русских торговцев. Для обуви, халатов и шуб пользовались специально выделанными кожами сазана, кеты и щуки, нерпичьей и лосиной кожей, собачьим мехом и т. п.

В дореволюционное время как мужчины, так и женщины волос не стригли, а заплетали — мужчины в одну, женщины в две косы.

Общественные отношения и религия

Вопросы древнего социального строя нивхов имеют особый интерес в связи с их значением для изучения проблемы происхождения семьи и брака. Благодаря известным работам русского этнографа Л. Я. Штернберга мы располагаем подробной характеристикой родовой организации нивхов (гиляков, как их раньше называли) в конце прошлого столетия. Штернберг в течение ряда лет вел этнографическое изучение нивхов и собрал материалы, обратившие на себя в свое время внимание Ф. Энгельса. Об этих работах Штернберга Энгельс писал в специальной статье «Вновь открытый случай группового брака» (впервые напечатано в «Die neue Zeit», 1892, а затем как приложение к изданию «Происхождение семьи, частной собственности и государства»).

Нивхи разделялись на экзогамные роды (*кк'хал*), которых было несколько десятков. Большинство их называлось по речкам, например: Мыбинг, т. е. «на реке Мы живущие», Чомбинг — «на реке Чом живущие» и т. д. Уже во времена Штернберга род нивхов не представлял территориального и экономического единства, в одном селении жили члены различных родов. Но нивхский род сохранял многие формы социальных связей между сородичами, эти связи проявлялись в первую очередь в семейно-брачных нормах и религиозных обрядах и обычаях.

Род у нивхов был отцовский, лишь с очень немногими пережитками более древнего материнского. К таким пережиткам можно отнести, например, особые отношения к брату матери, который принимал участие в получении выкупа за убийство сына своей сестры, существование обычая посылать подарки и долю от всякой добычи зятьям (возможный пережиток матрилокального брака).

Нивхский род представлял собой группу родственников по мужской линии, которых связывали: строго соблюдавшиеся правила родовой экзогамии, взаимные обязанности в уплате выкупа (*тхусинд*), заменившего у нивхов кровную месть, участие членов рода в уплате калыма, в расходах по похоронам членов рода и общность родового культа (родовой огонь, родовая организация медвежьего праздника, родовой амбар для хранения предметов культа и др.).

В отличие от тунгусо-маньчжурских народов Амура у нивхов существовало в брачных нормах правило, согласно которому род брал жен не из

Детская люлька

того рода, куда отдавал своих женщин, а из третьего рода. Таким образом, каждый род оказывался связанным брачными узами еще по крайней мере с двумя родами. Например: род Хыйегнунг брал женщин из рода Кегнанг, Кегнанг — из рода Тыкфинг, последний — из рода Хыйегнунг. Это было связано с тем, что у нивхов, в отличие от их тунгусо-маньчжурских соседей, мужчина мог жениться на дочери брата матери, но не мог жениться на дочери сестры отца. Род, из которого мужчины данного рода брали жен, являлся для него *ахмальк* (тесть); и обратно — род, куда отдавались девушки данного рода, назывался *ымгʻи* (зять). Отсюда сами нивхи определяли род так: «у нас ахмальк (тесть) — один (т. е. общий), ымʻги (зять) — один, огонь — один, медведь — один, тхусинд (вира) — один, грех — один».

Роды нивхов могли дробиться, расселяясь в разные места, а также принимать в свой состав (адаптировать) людей другого рода и племени. При разделении рода ломали огниво, которое хранилось у старшего в роде (огнивом добывали ритуальный огонь, например для варки медвежьего мяса), и вручали кусок его отделившейся части рода.

Когда-то у нивхов существовал институт кровной мести. Все члены рода должны были за убийство мстить всем мужчинам рода убийцы. Позже кровная месть, как уже указано, стала заменяться выкупом (тхусинд). В примирении родов путем выкупа главную роль играли посредники из нейтрального рода (*хлай-нивх*). На их обязанности лежали уговоры и переговоры о размере выкупа за убитого. Когда соглашение бывало достигнуто, к обидчикам приходили хлай-нивх с мужчинами из рода обиженного в полном вооружении и разыгрывался поединок представителей двух родов. Затем представители родов убивали по собаке, и мир считался заключенным. После этого передавали выкуп, который состоял из кольчуг, копий, шелковых материй и других ценных вещей.

У нивхов была классификационная система родства, но в отличие от тунгусо-маньчжурской системы у них определенный термин родства относился всегда к лицам одного, а не разных поколений. Как показал Штернберг, классификационная система нивхов еще в его время отражала вполне реальные брачные нормы. У нивхов существовали вплоть до конца XIX в. некоторые пережитки группового брака. Эти отношения были возможны лишь для лиц одного поколения и категорически были запрещены между лицами разных поколений.

Все члены рода делились на четыре возрастные группы: 1) дедов и прадедов (*атак*), 2) отцов (*ытык*), его братьев (*тувнг*), мужей сестер матери и братьев мужей сестер матери, 3) братьев и сестер (*тувнг*), 4) детей (*ола*).

Торговые связи с Китаем, превращение пушной охоты, а позже и рыболовства в товарные отрасли хозяйства стимулировали разложение родового строя нивхов, которое произошло раньше всего у нивхов амурских. Последние рано начали вести торговлю с маньчжурами. Торговцы нивхи поднимались по Сунгари до Саньсина и обменивали пушнину и белужьи хребты на чай, табак, материи и металлические изделия. Они обменивались также с айнами, с японцами и с другими соседями. Представители рода Твабинг, например, были долгое время посредниками между сахалинскими нивхами и айнами. Таким образом, еще задолго до русской колонизации среди нивхов стали выделяться богатые и бедные. Богатые могли иметь несколько жен и 3—5 рабов. Калым богатого всегда включал множество привозных ценностей. Но товарные отношения развивались слабо, поскольку в товарооборот включалась только пушнина и в меньшей степени рыба. Основная масса нивхов продолжала вести натуральное хозяйство.

Рабы выполняли исключительно домашние работы. Они могли заводить свое хозяйство и жениться на свободной женщине. Потомство раба в пятом поколении считалось свободным. В целом рабство у нивхов было развито незначительно и носило патриархальный характер.

В конце XVII и в XVIII в. маньчжуры установили у нивхов, как и у нанайцев, должности халада — родовых старшин и гасянда — деревенских старшин.

С середины прошлого века ускорилось разложение натурального хозяйства нивхов. После того как нивхи окончательно вошли в состав России, рабство исчезло; появилась новая форма эксплуатации в виде института «полупайщиков». В полупайщики попадали нивхи, не имевшие

Кормление медведя

средств производства. Улов делился по числу участников, но полупайщик за пользование чужими средствами производства должен был оставлять половину своей доли владельцу снастей.

До революции нивхи официально считались православными, но мировоззрение их оставалось анимистическим. О. Сахалин они представляли себе человекоподобным существом; такие же представления были у них о деревьях, горах, реках, воде, земле, утесах. Касатка по представлению нивхов была *ызь* — «хозяином» других животных. Почти все явления природы имели своего ызь. Главнейшими из них были Пал-ызь — «хозяин» гор и тайги и Тайрнадз, или Тольызь, — «хозяин» моря. Как в жилище нивха, так и в каждой речке были свои ызь, которые якобы заботились о человеке. Небо, по представлению нивхов, было населено «небесными людьми». Небесные люди — солнце, луна — не имели близкого отношения к человеку, с ызь же нивхи всегда находились в тесных взаимоотношениях. «Получая» от них рыбу, морского зверя и т. п., нивхи должны были и «давать» им — приносить жертвы. Культ, связанный с «хозяевами» природы, носил ярко выраженный родовой характер.

«Горный человек», «морской человек» и медведь, как считали нивхи, у рода общие. И медвежий праздник (*чхыф-лехерид* — «медвежья игра») был родовым праздником. Род, устраивавший праздник, брал на себя расходы и заботы по устройству его. Праздник этот был связан с культом мертвых, так как устраивался обычно в память покойного сородича. Добывали в тайге или покупали медвежонка, которого помещали в специальный сруб. Медвежонка выкармливали члены данного рода. В определенные дни его водили на цепи гулять по стойбищу. Медведя откармливали несколько лет. К празднику все члены рода передавали хозяину медведя припасы и деньги. Семья хозяина приготовляла угощение для праздника (который обычно бывал в феврале), устраивала площадку — стрельбище с одной или несколькими парами деревьев-столбов, обвешанных ритуальными стружками (*инау*) и покрытых резьбой. Между ними привязывали медведя. Почетная обязанность убивать медведя предостав-

лялась нарх'ам — людям из «рода зятя» устроителя праздника. Праздник длился несколько дней и представлял сложную церемонию убиения медведя выстрелом из лука, ритуального угощения медвежьим мясом, жертвоприношения собак и т. д. Шкуру медведя с головой спускали в юрту через дымовое отверстие на высоком шесте. В промежутках между угощениями устраивали гонки на собаках, стрельбу из луков, фехтование на палках, танцы. После праздника голова, кости медведя, ритуальная посуда и вещи складывались в специальный родовой амбар. Где бы нивх не жил, он сохранял связь со своим родовым амбаром, куда всегда приносил черепа убитых им медведей.

Погребальный обряд нивхов резко отличался от погребального обряда тунгусо-маньчжуров Приамурья; характерным для нивхов было сжигание покойников, но наряду с этим они хоронили их также в земле. Во время сжигания ломали нарту, на которой привозили покойника, и убивали собак; их мясо варили в больших котлах и съедали тут же. «Проводы души» устраивали через несколько дней, в день «поднимания дерева». У каждого рода было свое место «поднимания дерева», т. е. кладбище. Там устраивали *раф* — домик для фигурки, заменявшей покойника. На кладбище в этот день опять убивали собак. Женщины шили одежду для фигурок. На фигурку нацепляли модели промысловых орудий и рядом клали разную утварь. Настоящее ружье, котел, чайник и другие предметы ломали в стороне. Считалось, что в этот день душа на нарте переезжает в мир мертвых, находящийся под землей. Хоронили покойника только члены его рода.

Много всевозможных запретов было связано с огнем, дух-«хозяин» которого представлялся старухой. Обязанности шаманов у нивхов были связаны с «лечением» человека и постоянной борьбой со злыми духами *милк* и *кинр*, причиняющими болезнь и смерть. Шаманы имели своих духов-помощников (*кехи*). Однако шаманство у нивхов не было развито. Интересно, что в родовых культах нивхов шаманы никакого участия не принимали.

Народное творчество

Традиционное народное поэтическое творчество нивхов разнообразно. Им известны различного рода песни, сказки, поговорки, пословицы, а также мифы, отражавшие древнейшие представления о мироздании, о происхождении всей природы и отдельных ее явлений, о происхождении духов; эпические и исторические сказания (*тыл'гуд*), описывающие охотничьи похождения, войны между родами и т. д. Среди мифов нивхов есть и тунгусо-маньчжурский миф о трех солнцах. Люди, по одному из нивхских мифов, произошли от деревьев: нивхи — от лиственницы, орочи — от березы.

Из декоративных искусств большое развитие получили у нивхов резьба по дереву и кости, вышивка и аппликация на халатах из материи и рыбьей кожи. Большинство бытовых предметов — деревянные корытца, ложки, ковши, берестяные коробки, рукоятки ножей, наконечники копий, подушки, одеяла, халаты, шапки, рукавицы — покрывалось спирально-ленточным орнаментом, исполненным с большим вкусом и мастерством. Резной по дереву орнамент украшал также амбары, погребальные домики, жилища. По своим мотивам и стилю нивхский орнамент примыкает к орнаменту ульчей и нанайцев. Основные мотивы орнамента на одежде и берестяной посуде — симметричное сочетание изогнутых, часто приближающихся к спирали линий и стилизованные изображения птиц. Накладки из рыбьей кожи, материи и бересты вырезывались по берестяным или кожаным трафаретам, передаваемым из поколения в поколение. Халаты, берестяные коробки, шапки

Игра на деревянном ударном инструменте

из бересты и другие предметы имели стандартные сочетания орнаментальных мотивов, воспроизводившихся на предметах определенной группы. Основными цветами в аппликациях из бересты, рыбьей кожи и материи являлись черный, белый, красный, синий. Аппликация на бересте, материи, рыбьей коже составляла женское, резьба по дереву, кости — мужское занятие. Многие женщины считались мастерицами и славились своим искусством.

Происхождение нивхского орнаментального искусства, как и искусства других народов Амура, еще недостаточно выяснено. Некоторые мотивы (например, изображения петухов, драконов, змей-чудовищ) несомненно навеяны китайским искусством и мифологией, но подверглись своеобразной местной переработке; другие (спираль) восходят, вероятно, к неолитическому времени.

Деревянная скульптура религиозного назначения была сходна с орочской, ульчской и нанайской. Скульптурные фигурки медведя на ковшах и ложках, употреблявшихся на медвежьем празднике, исполнялись тонко и носили реалистический характер. Медвежьи ковши представляли собой нередко замечательную по своему художественному выполнению посуду. На некоторых ковшах вырезывалась с помощью пиктографических знаков история охоты или выращивания данного медведя. Резьба на ручках ковшей также имела свою символику. В ней отмечалось разными знаками, убит ли медведь на охоте или выращен в неволе, убит ли он летом и т. д.

Музыкальная культура нивхов была очень бедна. Играли на примитивном однострунном инструменте (*тʻынгрынг*) и на губном варганчике (*ккангга*); на медвежьих праздниках вместо музыкального инструмента пользовались простым бревном, по которому женщины били палками.

Образование среди нивхов до революции отсутствовало. Написанный в 80-х годах прошлого столетия миссионером Протодьяконовым нивхско-нанайский букварь никакого значения для нивхов не имел.

В 1895 г. была открыта в г. Мариинске низшая школа, в 1899 г. еще две, но к 1905 г. за отсутствием средств и они были закрыты. Лишь единицы среди нивхов обучались в русских школах.

Современная жизнь нивхов

В 1918 г., вскоре после установления на Дальнем Востоке советской власти, этот край, в частности бассейн Амура и Сахалин, стал ареной гражданской войны и интервенции. Для отпора белогвардейцам и интервентам были организованы партизанские отряды, вступившие в ожесточенную борьбу с захватчиками, продолжавшуюся несколько лет.

В начале 1920 г. трудящиеся Сахалина свергли колчаковских ставленников и вновь установили советскую власть, которая стала немедленно налаживать связь русских революционных рабочих и крестьян с нивхами и другими народами Сахалина. Однако советы просуществовали на Сахалине всего три с лишним месяца. В апреле 1920 г. японцы высадили десант и овладели городом Александровском. Слабо вооруженные красногвардейские отряды вынуждены были отступить и укрылись в тайге. Перейдя затем на положение партизан, эти отряды, пополненные людьми, бежавшими от интервентов, повели упорную борьбу с захватчиками. В этой борьбе, наряду с русскими, приняли участие и нивхи. Перевозя на собаках отряды из одного района в другой, они оказывали существенную помощь партизанам. Боясь партизанского движения, оккупанты начали жестокую расправу с населением. Многие борцы за революцию были казнены. Насилия и террор продолжались пять лет. Лишь 25 января 1925 г., после изгнания японских войск с Дальнего Востока, Япония подписала соглашение о передаче северной части Сахалина Советскому Союзу. К 15 мая того же года красные партизаны полностью очистили северный Сахалин от остатков интервентов, и с этого момента там окончательно установилась советская власть.

В августе 1945 г. Советская Армия освободила от японских захватчиков южный Сахалин и на исконные русские земли пришли советские люди. На месте бывшей Владимировки вырос Южно-Сахалинск.

Период японской интервенции принес нивхам большие бедствия. Хозяйство их было совершенно подорвано. Японцы беззастенчиво отбирали у них рыболовные участки, насаждали пьянство, сеяли вражду между отдельными нивхскими родами. Пьяные матросы насиловали нивхских женщин и избивали их мужей. Нивхи терпели крайнюю нужду и вымирали от голода и болезней целыми селениями. Японцы нанесли сильный ущерб и природным богатствам Сахалина. Они хищнически истребляли соболя, кабаргу, дикого оленя; опустошали рыбные водоемы, бухты и мелкие речки. Леса вырубали без всякого плана, засоряли лесосеки; не вели борьбы с вредителями лесных массивов. Много лесной площади было истреблено пожарами. Так же хищнически добывались уголь и нефть.

В 1925 г., после восстановления советской власти на Дальнем Востоке, в Хабаровске был созван первый Дальневосточный туземный съезд, на котором присутствовали представители разных народов Дальнего Востока, в том числе три нивха. Съезд принял важные решения для улучшения экономического и культурно-бытового положения дальневосточных народов.

В 1929 г. на Сахалине на смену первоначальным сельским и районным комитетам (ревкомам) были созданы туземные сельские советы и 2 туземных районных исполнительных комитета. Уже в 1933 г. в туземные

и русские сельсоветы было избрано 63 нивха, в два туземных районных исполнительных комитета — 30 нивхов и в Сахалинский областной исполнительный комитет — 5 нивхов. Такое же активное участие принимали нивхи в сельских советах и на материке.

Неграмотные в прошлом, крайне отсталые в хозяйственном и культурном отношениях нивхи вовлекались постепенно в работу различных советских организаций и приобщались к новой, не известной им ранее, культуре; развивалась и повышалась их политическая активность. Прежнее недоверие к русским, посеянное произволом царской администрации, а позже — белогвардейцами, орудовавшими на острове и в низовьях Амура вместе с японскими интервентами, стало исчезать, уступая место новым отношениям, основанным на дружбе и взаимном доверии. Не следует забывать о том огромном расстоянии, которое отделяло вначале нивхов от советской культуры. Из всех приамурских народов нивхи, особенно сахалинские, были наиболее забитыми. Это были люди, целиком зависевшие от окружающей их суровой природы, замкнутые в узком кругу семейных и родовых интересов, боязливо сторонившиеся новых, не известных им людей.

Коренным изменениям подверглись в советское время хозяйство и быт как материковых, так и сахалинских нивхов. Социалистическое переустройство жизни материковых нивхов развивалось теми же путями, что и у других близких им по культуре и быту народностей нижнего Амура — негидальцев, ульчей, нанайцев. Социалистическая реконструкция у сахалинских нивхов, отличавшихся по своему хозяйству и материальной культуре от вышеназванных народностей, шла несколько иными путями. После изгнания интервентов с северного Сахалина советские организации взялись за налаживание хозяйства острова, за правильную эксплуатацию его природных ресурсов. Развернулось широкое социалистическое строительство, оказавшее большое влияние на развитие экономики и культуры нивхов. Многие из них стали работать на предприятиях рыбной и лесной промышленности. Первые простейшие производственные объединения были организованы у нивхов в 1927 г. В дальнейшем нивхи стали обобществлять орудия и средства производства — сети, лодки, собак и т. п., и перешли к более совершенной форме общественного производства — сельскохозяйственной артели. Часть нивхского населения вошла в русские колхозы, расположенные вблизи нивхских селений.

По мере освоения новых приемов ведения хозяйства и обогащения колхозов новой техникой нивхи стали успешно развивать не известные им ранее отрасли хозяйства: полеводство, огородничество и животноводство. Работа простейших производственных объединений, особенно на восточном побережье, где селения значительно удалены друг от друга, носила вначале сезонный характер. Сезонность выражалась в том, что нивхи собирались на рыбацкий стан из нескольких ближайших селений и в течение 3—4 месяцев ловили рыбу артелью, а затем разъезжались. Зимой они занимались извозом, используя в качестве ездовых животных собак. Впоследствии артели эти стали постоянными. Как правило, в колхоз объединялось первоначально население какого-нибудь одного селения. Но возникали и более крупные колхозы, например «Чир-унвд» («Новая жизнь»), объединивший хозяйства трех селений среднего течения Тыми (Кировский район). При организации колхозов значительную роль сыграла нивхская молодежь, в первую очередь комсомольцы.

Организация колхозов и успешное их развитие встретили открытое сопротивление со стороны богатых нивхов и бывших старшин. Особенно сильное сопротивление вызвало строительство новых колхозных посел-

ков и переселение колхозников со старых мест на новые. Переселение связано было с необходимостью укрупнить селения, состоявшие иногда из двух-трех домов, и перенести их в более удобные места, расположенные вблизи от хороших рыболовных угодий. Советское правительство отпускало для этого значительные средства. Большинство колхозников покинуло старые дымные жилища и переселилось в новые светлые дома.

Важное место в хозяйстве нивхов занимает в настоящее время рыболовство. Прежние примитивные способы лова в колхозах отошли в прошлое. Наряду с неводами устанавливаются усовершенствованные заездки, ручные черпалки заменяются лебедками; рыбу подвозят на кунгасах, применяются катеры, широкую помощь колхозникам оказывают моторно-рыболовецкие станции (МРС).

Многие колхозники нивхи выезжают в настоящее время на экспедиционный лов рыбы. С этой целью они отправляются в Охотск и другие районы. Экспедиционный лов продолжается обычно с апреля по август. Производится он и на Сахалине, куда для этого выезжают также и материковые нивхи. Весной на лимане и на Сахалине члены рыболовецких колхозов занимаются промыслом нерпы. Зимой колхозники охотятся на пушного зверя.

Новой отраслью хозяйства сахалинских нивхов является сельское хозяйство. Первый нивхский сельскохозяйственный колхоз «Чир-унвд» был организован в 1930 г. на северном Сахалине, в бассейне р. Тымь. В 1937 г. колхоз объединял уже около 50 хозяйств. Посевная площадь колхоза увеличилась с 1.5 га в первом году существования колхоза до 61 га в 1937 г. Главная культура — картофель. Колхоз имеет свои квалифицированные сельскохозяйственные кадры — бригадиров, звеньевых, а было время, когда нивхи считали земледелие большим грехом: «кто начнет рыть землю или посадит что-нибудь, — говорили старики, — тот непременно умрет».

Колхоз «Чир-унвд» уже в предвоенные годы добился значительных успехов. В 1939 г. от Хабаровского края на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке участвовали колхозники — нивхи Куч, Плыгирш, Урзюк и Тыксан. В 1951 г. колхозники собрали уже по 200 ц картофеля и капусты с каждого гектара. Всего за три года, с 1949 по 1951, количество пахотных земель увеличилось на 30%.

Наряду с сельским хозяйством в колхозе «Чир-унвд» развивается и животноводство. В послевоенные годы значительно увеличилось поголовье крупного рогатого скота, создана овцеводческая ферма. Имеются достижения и в других нивхских колхозах.

В результате укрепления колхозного строя, применения новых методов организации труда и постоянной помощи государства неузнаваемо изменилась жизнь нивхов.

Необходимой предпосылкой для успешной организации и развития колхозов было объединение мелких селений, разбросанных прежде на значительном расстоянии друг от друга. Селения нивхов до революции, как уже отмечалось, часто состояли всего лишь из 3—5 домов. Но и в сравнительно крупных селениях дома располагались без всякого плана. Укрупнение старых поселков и строительство новых населенных пунктов особенно развилось после коллективизации нивхского хозяйства. Современные селения нивхов представляют собой благоустроенные поселки, выстроенные по плану и имеющие улицы. При строительстве новых поселков особое внимание уделяется выбору для них удобных и здоровых мест. До революции наиболее распространенным типом жилища у сахалинских нивхов была описанная выше землянка, а у материковых — наземное каркасное жилище, близкое по форме к маньчжуро-китайской фанзе.

Стирка белья

Наиболее распространенным новым типом жилища является теплая рубленая русская изба. Вблизи домов колхозников располагаются различные хозяйственные постройки. В каждом колхозном поселке имеется ряд общественных зданий: школа, изба-читальня, клуб, правление колхоза, а также постройки хозяйственного назначения (колхозный гараж, кузница, овощехранилище, скотные дворы и др.). Почти во всех колхозных поселках имеются и бани, которыми в прошлом нивхи никогда не пользовались. Сейчас бани строят для себя и многие отдельные семьи колхозников.

Существенно изменилась и внутренняя обстановка нивхского жилища, которое сейчас по убранству мало чем отличается от жилищ русских колхозников. Некоторые колхозные поселки полностью электрифицированы и радиофицированы. В домах нивхов, особенно материковых, нередко встречаются оштукатуренные и побеленные стены или стены, оклеенные обоями, много различной покупной мебели, на окнах занавески и цветы. Нивхи очень любят картины: всякого рода иллюстрации, плакаты и фотографии украшают стены их домов.

В настоящее время у нивхов широко распространена покупная одежда русского покроя. Вошло в употребление белье, о котором нивхи не имели прежде никакого представления. Зимой материковые нивхи носят пальто городского типа, валенки, боты, а также обувь из кожи лося или нерпы; сахалинские нивхи предпочитают одежду, сшитую из шкур оленя или нерпы. Шкуры оленей приобретают у колхозников ороков. Меховая одежда и головные уборы сохраняют традиционный покрой и материал. Многие нивхские женщины сами шьют себе платье из фабричных тканей, приобретаемых в магазинах, открытых в колхозных поселках. Кое-где сохраняется и старинная национальная одежда. Молодежь любит в праздничные дни надевать халаты, сшитые из материи и богато украшенные орнаментом. Такие халаты шьют и теперь. Почти вышла из употребления одежда из рыбьей кожи, не носят и конических берестяных головных уборов.

Отъезд студентов после летнего отдыха из родного села. Тахтинский район, с. Кальма

Существенные изменения произошли в пищевом рационе нивхов. Значительно увеличилось потребление овощей, хлеба, масла, чая, сахара и других покупных продуктов. В результате коренного улучшения санитарно-бытовых условий жизни нивхов и широкого распространения сети медицинских учреждений резко снизилось количество заболеваний, в частности туберкулезом, широко распространенным в прошлом. Уже в первые годы советской власти для нивхов были открыты больницы, фельдшерские и акушерские пункты, но понадобилась большая массовопросветительная работа, чтобы приучить нивхов обращаться в эти учреждения за медицинской помощью. Советская медицина быстро завоевала доверие нивхов.

В настоящее время нивхов обслуживает обширная сеть различных медицинских учреждений, широко практикуются выезды врачей-специалистов в самые отдаленные колхозные поселки.

Большая работа была проделана местными партийными и советскими организациями по поднятию общего культурного уровня нивхов. Одной из первоначальных задач советской власти было вовлечение детей в школы и ликвидация неграмотности среди взрослого населения. Уже в первые годы установления советской власти на Сахалине были открыты школы. Группа нивхской молодежи была отправлена на учебу на материк, а взрослые стали обучаться грамоте на открытых пунктах ликбеза.

Нивхский алфавит был создан в 1931 г. В 1932 г. были изданы и первые учебники. В 1933/34 учебном году в школах Сахалинской области училось уже около 300 детей, что составляло 86% всех нивхских детей школьного возраста. Наладить ежедневную посещаемость школ удалось только после организации при них интернатов. Сейчас все дети учатся в школах. В с. Кальма имеется школа-семилетка, в Ногликах — школа-десятилетка. Часть нивхской молодежи (мальчики) учится в ремесленных училищах

Группа нивхов — учащихся Педагогического училища народов Севера около здания общежития. Город Николаевск-на-Амуре

Комсомольска и в школах фабрично-заводского обучения в Комсомольске и Николаевске-на-Амуре.

Многие нивхи, имеющие среднее образование, поступают в высшие учебные заведения. В Ленинградском Государственном университете в 1953 г. училось 2 нивха, в Педагогическом институте им. А. И. Герцена — 10 нивхов. Ныне в том же институте обучается 16 нивхов. Среди студентов нивхов имеются и женщины. В 1953 г. Ленинградский Педагогический институт им. А. И. Герцена успешно окончила Лиза Дехаль из с. Пад на Амуре. Нивх Чунер Таксами из с. Кальма проходит в настоящее время аспирантуру в Институте этнографии Академии Наук СССР. Нивхи, получившие специальное образование, работают сейчас капитанами, мотористами катеров, педагогами, заведуют избами-читальнями, клубами.

Неизмеримо выросла политическая активность трудящихся нивхов. Многие из них выдвигаются на руководящую работу в колхозах и в различных учреждениях, состоят инструкторами районных комитетов партии и районных исполнительных комитетов.

Студент Ленинградского университета нивх Ч. Таксами на студенческом балу в Кремлевском дворце

Большую культурно-просветительную работу среди нивхов вели и ведут открытые на территории их расселения культбазы. Первая культбаза была основана в 1928—1929 гг. в с. Ноглики Восточно-Сахалинского района в устье р. Тымь. Вторая культбаза народов Севера была организована в 1946 г. на Сахалине же в с. Юково. При культбазах имеются библиотеки, избы-читальни, клубы, школы-семилетки для детей нивхов и эвенков, интернаты.

На вечерах самодеятельности в колхозах выступают как мужчины, так и женщины. Они поют песни и исполняют национальные и русские пляски. Песни нередко сочиняются тут же, экспромтом. Колхозная нивхская молодежь принимает участие и в областных олимпиадах.

Развивается у нивхов и театральное искусство. Сначала нивхи, до революции никогда не видевшие театра, были только зрителями на постановках, устраиваемых русскими, но вскоре при колхозных клубах возникли драматические кружки, и нивхи стали ставить пьесы на родном языке.

Нивхи — большие любители спорта. Раньше они плавать не умели и боялись воды. Теперь нивхская молодежь с увлечением занимается водным спортом. Появились специальные спортивные оморочки (с одним

Игра на детском билиарде

веслом), на которых молодые люди обоего пола вступают друг с другом в соревнование на скорость проплыва.

Сохранились и национальные спортивные игры, например прыгание через веревку.

Новую идеологию, совершенно новое восприятие всего внешнего мира, современную, несравненно более богатую и разнообразную жизнь, новые интересы и запросы отражает современное художественное творчество нивхов. Социалистическая действительность оказывает свое влияние и на старый фольклор. По новому осмысляются старинные сказания о героях-богатырях; новые идеи и мотивы проникают и в другие произведения устнопоэтического творчества нивхов.

Изменившиеся трудовые, бытовые и культурные условия жизни нивхов: коллективизация их хозяйства, вовлечение в промышленность, объединение в одном колхозном поселке людей, принадлежавших прежде к различным родам, и, наконец, общее повышение их культурного уровня— все это окончательно разрушило прежние связи и нормы, основанные на сохранявшихся у нивхов вплоть до самой революции многочисленных пережитках родовых отношений. Потеряли всякое значение в настоящее время и старые религиозные представления, праздники и обряды.

Особенно изменилось положение женщины. Прежде нивхская женщина была робкой, забитой, знала лишь узкий круг своих обязанностей по дому и хозяйству. Ее могли купить или продать, могли выгнать из дома. При встрече с мужчинами она должна была прятать лицо и поворачиваться к ним спиной. В первые годы советской власти много усилий и труда пришлось приложить для преодоления пережитков прошлого. При попытке учиться грамоте или поступить на курсы культармейцев много молодых женщин и девушек подвергалось со стороны отцов, мужей и матерей насмешкам, некоторые, не выдержав пересудов, прекращали занятия. Особенно упорно пришлось бороться с древним обычаем помещать роженицу в особый шалаш, выстроенный поблизости от жилища.

Приезд почтальона к пастухам. Сахалинская обл., Поронайский оленеводческий совхоз

Этот шалаш был обычно легкой, холодной постройкой, куда свободно проникали ветер и сырость. В такой обстановке, без всякой помощи женщина оставалась несколько дней, подвергая опасности здоровье свое и ребенка. Сила вековой традиции была так велика, что еще в 1932 г. некоторые женщины категорически отказывались рожать в больницах, хотя знали, что там им обеспечены хороший уход и бесплатное приданое ребенку (белье и одеяло). Лишь в результате широко поставленной санитарно-просветительной работы женщины стали сами обращаться в родильные дома и больницы. Понимание роли и значения новых медицинских учреждений выразилось также и в том, что многие нивхские женщины стали работать в них в качестве санитарок, а затем и медицинских сестер, получив образование в медицинской школе в г. Николаевске-на-Амуре.

В настоящее время нивхская женщина сама устраивает свою личную жизнь, вступает в брак не по принуждению. Многоженство, левират и пережитки былого группового брака отошли в прошлое.

ЮКАГИРЫ

Общие сведения

Юкагиры территориально разделены на две части: одна часть их расселена по притокам Колымы: Коркодону, Балыгычану и Ясачной, а также в предгорьях Арга-таса. В административном отношении эта территория входит в Средне-Канский район Магаданской области и Верхне-Колымский район Якутской АССР. Другая часть юкагиров обитает у «края лесов», между низовьями Колымы и Алазеи в бассейне р. Чукочей. Юкагиры встречаются еще в Нижне-Колымском, Аллаиховском и Усть-янском районах Якутской АССР, где они почти слились с эвенами. Отдельные юкагирские семьи, обитавшие раньше на Большом и Малом Анюях и притоках Омолона, живут сейчас оседло в с. Омолон.

В настоящее время юкагиры в районах своего расселения не составляют единого этнического целого. Совместно с верхнеколымскими юкагирами живут якуты. Тундровые юкагиры живут среди эвенов, чукчей, якутов и русских старожилов.

По переписи 1926—1927 гг. было учтено всего 443 юкагира. Однако еще в 30-х годах XVII в. юкагиры занимали обширное пространство от низовьев Лены на западе и до бассейна Анадыря включительно на востоке, от берегов Северного Ледовитого океана на севере и до верхнего течения рр. Яны, Индигирки и Колымы на юге. Есть основания предполагать, что в отдаленном прошлом юкагиры жили к западу от Лены и в более южных районах современной Якутской АССР и только впоследствии эти группы юкагиров были вытеснены или ассимилированы тунгусскими племенами и предками якутов. Юкагирские предания говорят о том, что некогда юкагиры были столь же многочисленны, как звезды во мраке полярной ночи. Дым юкагирских очагов был столь густым, что пролетающая птица скрывалась в нем; одно из преданий гласит, что ворон почернел, пролетев через него. Северное сияние рассматривалось как отражение огней юкагирских стойбищ. Якуты и по настоящее время называют северное сияние *юкагир-уот*, что значит «юкагирский огонь».

К приходу русских юкагиры состояли из большого количества отдельных племен: чуванцы (они же шелаги), ходынцы и др.; юкагирами были и исчезнувшие группы, например анаулы, омоки (некоторые из этих племен в этнографической литературе неправильно рассматривались раньше в качестве отдельных народностей).

Многочисленные данные XVIII и XIX вв. говорят о непрерывном уменьшении численности юкагиров. Так, в 1859 г. их насчитывалось 2350 человек, в 1897 г. — около 1500 человек. В начале XX в. наблюдалось дальнейшее уменьшение численности их вплоть до 1924 г., когда численность юкагиров не только стабилизировалась, но и показала впервые повышение. Уменьшение численности юкагиров в значительной степени явилось результатом ассимиляции юкагиров их соседями — эвенами, отчасти якутами. Значительные группы юкагиров слились с русскими.

Юкагирский язык относится к так называемым палеоазиатским, причем он занимает среди других языков этой группы особое место. Юкагирский язык распадается на диалекты. Верхнеколымские юкагиры не понимают тундровых. И те и другие в настоящее время двуязычны. Верхнеколымские юкагиры владеют помимо своего родного языка якутским, тундровые — эвенским, а нередко также чукотским и якутским. Многие юкагиры хорошо владеют русским языком.

Название «юкагиры» русские заимствовали от якутов, но по происхождению оно, вероятно, тунгусское. Значение его не установлено. Сами себя тундровые юкагиры называют *одул* и переводят это как «могучий», «сильный». Остальные юкагиры называют себя по своим родовым терминам.

Ассимилированные эвенами юкагиры, живущие между рр. Индигиркой и Яной, называют себя по-эвенски *илконбей* («местный человек») или *дюткиль* («бесстрашный»). Ассимилированные якутами юкагиры в бассейне Яны называют себя все же юкагирами; ассимилированные чукчами юкагиры-чуванцы в бассейне Анадыря, называют себя *этел*; обрусевшие юкагиры на р. Колыме назывались раньше юкагирами и чуванцами, а теперь считают себя русскими. Юкагиров, живущих в тундре между низовьями Колымы и Индигирки, русское население Колымы называло также тунгусами. В настоящее время их часто называют эвенами, так как по образу жизни они действительно ничем не отличаются от эвенов.

Историческое прошлое юкагиров изучено пока еще недостаточно. Раскопки последних лет, произведенные в низовьях р. Лены А. П. Окладниковым, и его же разведки на Колыме позволили ему выделить здесь особую область неолитической культуры Восточной Сибири. Эта культура охотников, озерных и речных рыболовов может рассматриваться как культура предков юкагиров. Основным типом жилища этого неолитического населения была землянка. В инвентаре покинутых жилищ обнаружена керамика, отсутствовавшая у юкагиров в XIX в., но по археологическим данным широко распространенная в прошлом на территории расселения юкагиров.

Период, предшествовавший приходу русских в «юкагирскую землицу», является в истории юкагиров периодом военных столкновений их с распространявшимися на север и северо-восток тунгусскими группами и слияния отдельных юкагирских и тунгусских групп. Этот процесс теснейшим образом связан с формированием эвенов и проникновением к юкагирам от тунгусов целого ряда культурных явлений, в том числе, повидимому, и оленеводства.

Первые соприкосновения юкагиров с русскими относятся к начальному периоду русского проникновения на северо-восточные окраины Азии. Якутский казак Иван Ребров первым столкнулся в 1633 г. с юкагирскими племенами на Яне и Индигирке. «А преж меня, — писал он в своей челобитной, — на тех тяжелых службах, на Янге и Собачьей, небывал никто». Следует отметить экспедицию енисейского казака Елисея Бузы, «нартенным» путем достигшего р. Яны и по ней в 1639 г. водным путем спустившегося к ее устью и затем добравшегося до устья р. Чендон. Сведения

о племенах бассейна р. Индигирки сохранились в донесении Ленского воеводы Петра Головина: «А юкагирская-де, государь, землица людна, и индигирская-де река рыбна, — и в Индигирку-де, государь, реки многие впали, а по всем тем рекам живут многие пешие и оленные люди, а соболя и зверя много по всем тем землицам, да у юкагиров же де государь, людей серебро есть». Описание пушных и рыбных богатств на «великой и широкой» Колыме и обилия ценного моржового зуба «за Ковымою рекою» и в устье р. Анадыря характерно для наказов и «наказных памятей» якутских воевод XVII в.

В обмен с коренным населением со стороны русских шли железные изделия, медная посуда, железо для наконечников стрел и инструменты. Спрос на эти русские товары был весьма велик. Юкагиры, заинтересованные в приобретении этих товаров, не оказали сопротивления первым казачьим отрядам, проникшим в их земли, и добровольно согласились платить ясак.

Юкагиры служили «вожаками» (проводниками) русских промышленных людей и казаков. Так, например, дорогу на Анадырь «сухим» путем Семену Моторе показали анюйские юкагиры. Они же привели М. Стадухина на р. Пенжину.

Как свидетельствуют архивные документы, в XVII—XVIII вв. юкагирские племена враждовали с эвенами и нередко подвергались нападениям со стороны чукчей. В этой борьбе русские казаки встали на защиту подданных России ясачных юкагиров. Однако казачьи походы против чукчей не увенчались успехом, и значительная часть юкагиров (чуванцы, ходынцы) была разорена и рассеяна чукчами в середине XVIII в.

В конце XVIII и в первой половине XIX в., в связи с прекращением миграций диких оленей через рр. Колыму, Малый и Большой Анюи и Омолон, положение нижнеколымских юкагиров резко ухудшилось. Ежегодные голодовки побудили юкагиров выселиться из своих родных районов и поселиться вблизи русских селений по р. Колыме. Но прекращение хода диких оленей совпало с рядом лет, когда улов рыбы был крайне незначителен и русские старожилы сами голодали. Во второй половине XIX в. юкагиров постиг ряд других бедствий. В связи с падежом оленей обнищали верхнеколымские юкагиры. В конце XIX в. в среде юкагиров свирепствовала эпидемия оспы и кори. В связи со всем этим численность юкагиров резко сократилась. На бедственное положение юкагиров было обращено внимание печати и общественности.

В 1903 г. Министерство внутренних дел отправило на Колыму уполномоченного С. А. Бутурлина. Отчет его раскрывает потрясающие картины нужды юкагиров и эвенов в верховьях Колымы. По свидетельству С. А. Бутурлина, на три семьи юкагиров приходилось в среднем только по одному ружью и одной сети. Ни оленей, ни собак не было. Для уходящего на промыслы охотника собирали теплую одежду у нескольких человек, которые оставались дома в легких ровдужных одеждах, а иногда совсем без одежды. Последовавшие мероприятия со стороны губернских властей носили характер полумер и ставили юкагиров в зависимость от якутской знати, и без того державшей юкагиров в ростовщической кабале.

В конце XIX в., в период, к которому относится большинство этнографических материалов об юкагирах, тундровые юкагиры, обитавшие между Индигиркой и Колымой, имели оленей и вели кочевую жизнь; верхнеколымские юкагиры в конце XIX в. оленей уже не имели и зиму жили оседло. В соответствии с этими особенностями хозяйства и быта, а также с различиями в географических условиях мест обитания, между двумя указанными группами сложились и различия в материальной культуре (например, в жилище), социальной организации и в других областях.

Занятия и быт

Ранние источники изображают юкагиров как охотников, озерных и речных рыболовов. Оленеводство хотя и имело место у юкагиров в XVII в., но было, повидимому, до некоторой степени нововведением, привнесенным от тунгусских племен. Важнейшее значение имела охота на дикого оленя. Верхнеколымские юкагиры ставили на оленьих тропах самострелы, настораживали петли, охотились на диких оленей с помощью оленя-маньщика. На охоте широко применялись лук и стрелы; в конце XVIII в. у юкагиров появились кремневые ружья. Тундровые юкагиры охотились на «плавных» диких оленей. Весной дикие олени проходили большими стадами на север, к Ледовитому океану. В конце лета и осенью они возвращались на юг, в леса. Во время сезонных переправ оленей весной и осенью происходила коллективная охота, так называемая «плавь». Когда оленье стадо входило в воду, охотники, сидевшие в лодках, окружали оленей, и начиналась поколка. При такой охоте, потерявшей свое значение уже в середине XIX в., употреблялись специальные железные копья и пальмы.

К весенней охоте относилась также охота на дикого оленя загоном. Избранное для охоты место где-нибудь на лесистом холме обносилось редко сплетенной сетью из ремней, высотой в два метра, в которой оставлялось отверстие для загона оленьего стада. Охотники разбивались на три группы. Одна из них окружала загон, чтобы не дать оленям разбежаться, другая группа охотников спугивала оленей и загоняла их в место, загороженное сетью, тогда как основная масса охотников бросалась вслед за оленями в загон и производила массовую поколку. В этой охоте участвовало много семей, так как сеть для загона была сборной и части ее представляли собственность ряда отдельных хозяйств. Зимой на дикого оленя охотились с помощью приученного оленя-маньщика, под прикрытием которого охотник в одежде из шкуры белого оленя подкрадывался к табуну диких оленей.

На рубеже XX в. вместо мясной охоты на дикого северного оленя и в более южных районах на лося важнейшими объектами охоты стали пушные звери. Соболь, являвшийся в XVII в. предметом оживленного обмена и сбыта, был хищнически истреблен уже к середине XIX в. В XIX в. из юкагирской земли вывозили различные сорта лисиц — красную, сиводушку и чернобурую, а также белого и голубого песца.

Тундровые юкагиры до недавнего времени охотились на лисиц и песцов, настигая их на оленьей нарте и убивая с помощью палицы. При охоте на лисиц, когда снег был неглубоким, нередко использовалась собака. Летом тундровые юкагиры разрывали песцовые норы и добывали песцовых щенят. Верхнеколымские юкагиры охотились на горностая и белку, которую били тупыми стрелами, не портящими шкурку.

Значительную роль у юкагиров играла охота на птицу. У тундровых юкагиров практиковалась осенняя охота по берегам озер на гусей и уток во время линьки. Охотничий отряд при этом разделялся на две партии. Одна группа охотников окружала часть озера рыболовными сетями, а другая, сидящая в лодках, загоняла лишенных возможности летать птиц в сети.

Юкагиры устья Колымы еще во второй половине XIX в. сохраняли древние орудия для охоты на морских птиц — метательный дротик и *болас* — метательное оружие, состоящее из ремней с камнями на концах. В качестве охотничьего оружия у юкагиров сохранялся также и лук. В середине XIX в. у верхнеколымских юкагиров лук окончательно сменило кремневое ружье, которое сохранялось еще и в начале XX в.

В весеннее время непременной принадлежностью одежды охотника являлись «снеговые очки» из кожи, дерева, бересты или серебряные

Подледный лов рыбы на р. Ясачной

выкованные эвенскими мастерами («снеговые очки» с узкой прорезью служат для защиты глаз от ослепляющего блеска снега).

Юкагиры широко использовали различные типы ловушек. Известный русский путешественник 20-х годов XIX в. Ф. П. Врангель писал, что «берега обоих Анюев покрывались бесчисленным множеством ловушек, силков, кляпцов и пастников всякого рода для соболей, росомах, лисиц, белок и горностаев». Каждый трудолюбивый юкагир ежегодно выставлял с первым снегом в разных местах до 500 ловушек и в продолжение зимы осматривал их 5—6 раз.

Наряду с охотой большое значение как для тундровых, так и для таежных (верхнеколымских) юкагиров имело рыболовство. Ловили нельму, омуля, муксуна и др. В горных речках ставили заездки, т. е. перегораживали речки изгородью из кольев и тальниковых ветвей, в которой оставляли ворота для верш. Старинным орудием лова являлась уда с костяным крючком, употреблявшаяся во время весеннего лова на полыньях. При массовом ходе рыбы, когда она поднималась вверх по рекам для нереста, юкагиры в мелкой воде добывали ее баграми и крючьями. Сети изготовлялись обычно из конского волоса, который юкагиры получали от якутов. Практиковался также подледный лов рыбы.

Основной пищей юкагирам служили рыба и мясо дикого оленя. Из рыбы летнего улова изготовляли юколу. Зимой ели замороженную рыбу в виде строганины. Оленье мясо консервировали путем вяления на вешалах и замораживания. Ягоды и различные коренья служили добавочным сезонным питанием. Излюбленной ягодой была голубика, которая и называлась *одун леэвейди* — «одульская ягода».

В качестве наркотического средства в XVII—XVIII вв. юкагиры употребляли грибы мухоморы. После знакомства с русскими в обиход вошли чай, хлеб, мука, сахар и, в особенности, табак, который стал для них необходимостью.

Во время голодовок, которые в прошлом были частым явлением в юкагирских стойбищах, употребляли в пищу древесную кору, лиственничную заболонь, варили и ели старые ремни.

По описаниям русского этнографа В. И. Иохельсона, в конце XIX в. верхнеколымские юкагиры совершали регулярные сезонные перекочевки. Лишь четыре зимних месяца они отсиживались в постоянных жилищах, питаясь запасами рыбы. К концу зимы, разделившись на группы, они перекочевывали в верховья Колымы или в ее притоки, где охотились на лося и оленя. Когда реки вскрывались, разобщенные группы объединялись, спускались на лодках и плотах на рр. Ясачную и Коркодон. Здесь в течение летнего времени они жили в ровдужных чумах и занимались рыбной ловлей и охотой. С выпадением первого снега они уходили в горы «белковать», а с наступлением сильных морозов возвращались в постоянное зимовье.

К концу XIX в. только юкагиры, жившие в бассейне рр. Колымы и Анадыря, применяли ездовых собак. Количество собак в юкагирских хозяйствах верховьев Колымы не превышало в среднем 6—7, поэтому при перекочевках несколько хозяйств объединялось, чтобы перевезти свои палатки, одежду и пищевые запасы; подобным же образом охотники объединялись в партии, чтобы доставить на место охоты свое охотничье снаряжение. Женщинам и детям часто приходилось впрягаться в упряжку, чтобы помочь собакам. В случае глубокого снега мужчина на лыжах шел впереди собак, прокладывая путь. Собак впрягали цугом в легкие нарты. Юкагирская собачья нарта служила исключительно для перевозки грузов и была короче и шире, чем обычная собачья нарта северо-востока Сибири.

В конце XIX в. юкагирское хозяйство в Индигирско-Колымском междуречье имело в среднем всего 10—20 оленей. Этого числа оленей было недостаточно не только для того, чтобы снабдить семью мясом, но его не хватало и для перевозок. При перекочевках нескольким хозяйствам приходилось объединять своих оленей, чтобы перевезти свои пожитки. Оленя использовали как в упряжке, так и для верховой езды. Применявшаяся тундровыми юкагирами оленья нарта сходна с чукотской и коряцкой.

Старинным средством передвижения по реке у юкагиров был плот. Он имел форму треугольника, вершина которого образовывала нос, а основание — корму, и состоял из бревен, связанных ивовыми ветками. На нем помещалась семья юкагира и весь ее домашний скарб. Мужчины в легких челноках плыли впереди.

Старинной охотничьей лодкой была долбленка из ствола тополя. Другой тип лодки юкагиры заимствовали от русских: такие лодки делали из трех тонких осиновых досок (двух боковых и днища), сшиваемых жильными питками. Швы заливались лиственничной смолой. При подъеме вверх по течению лодки тянули на лямках, используя при этом собак. Юкагиры верховьев Колымы научились также от русских строить большие лодки — карбасы. До недавнего времени они даже снабжали этими лодками русских рыбаков низовьев Колымы.

Лыжи у тундровых юкагиров были так называемые ракетные, аналогичные чукотским; встречались лыжи и тунгусского образца. У верхнеколымских юкагиров были лыжи тунгусского типа. Размер подобных лыж позволял их использовать как волокушу.

Зимним жилищем верхнеколымским юкагирам в XIX и начале XX в. служила юрта якутского типа (*янах-нумеу* — «якутское жилье»). Бревенчатая плоская крыша имела настил из слоя коры и земли. Чтобы отеплить жилище, нижнюю часть стены заваливали мокрым снегом и им же забивали пазы балок. В окна вставляли куски льда. Отапливали такие избы камельком якутского типа, находившимся слева от входа. Вся обстановка состояла из низкого стола и нар вдоль стен.

Поселок

С марта по сентябрь юкагиры жили в конических чумах, крытых оленьими шкурами или (у безоленных юкагиров) корой лиственницы. У тундровых юкагиров было распространено жилище типа чукотской яранги или эвенского жилища чарамо-дю.

Для хранения зимних запасов и одежды юкагиры строили бревенчатые амбарчики на одном или двух высоких столбах.

Предания юкагиров сохранили упоминания о гончарстве, хотя место глиняной посуды в быту давно заняла деревянная и берестяная утварь. Деревянные блюда, берестяные сосуды четырехугольной и круглой форм различных размеров, мешки из кожи оленя или рыбы, ложки из оленьего рога и каменный молот для разбивания костей и толчения жира, ягод и лиственничной заболони составляли основную домашнюю утварь юкагиров.

Приготовление горячей пищи, а также вытапливание рыбьего жира производилось еще в начале XIX в. в корытообразных деревянных сосудах с помощью раскаленных камней.

Кость и рог преобладали над камнем в старинных изделиях юкагиров. Копья и ножи изготовлялись из ребер сохатого, скребки для кож, наконечники стрел — из костей оленя. Еще в XX в. употреблялась костяная игла для нанизывания вяленого мяса. Металлический котел, подвешиваемый на палках к жердям чума, и чайник, нередко заменяемый банкой из-под пороха, даже в конце XIX в. были у юкагиров иногда единственной привозной посудой.

Обработка металлов носила у юкагиров более примитивный характер, чем у их соседей эвенков и, в особенности, якутов. Литье металлических украшений было заимствовано ими у эвенов. Ковка железа была заимствована ими от якутов, повидимому, в XVII в. Предания юкагиров, записанные участником экспедиции Ф. П. Врангеля Ф. Ф. Матюшкиным (20-е годы XIX в.), говорят о том, что кузнечество было знакомо юкагирам еще до прихода русских. Во всяком случае, в середине XVII в. юкагиры имели железные изделия. В XIX в. юкагирские кузнецы иногда обслуживали и эвенов.

Одежда у верхнеколымских юкагиров в XIX в. была сходна с эвенской, у тундровых мужской костюм приближался по типу к чукотско-корякской одежде.

Ценным и почитаемым, переходящим из поколения в поколение предметом у юкагиров считался серебряный или бронзовый диск, прикрепляемый к одежде на груди, так называемое «грудное солнце». Наряду с другими сюжетами на нем нередко изображали крылатого кентавра и заполняли фон условным растительным орнаментом.

Женская и мужская одежда

Имеются сведения, что одежда древнего юкагирского воина состояла из боевого шлема и панцыря из роговых пластин, скрепленных жильными лосиными нитями.

Общественные отношения

Социальный строй верхнеколымских юкагиров к концу XIX в., когда они были подробно изучены В. И. Иохельсоном, рисуется следующим образом. Все верхнеколымские юкагиры, которых насчитывалось около 180 человек, представляли собой группу, составившуюся из остатков некогда значительно более многочисленных юкагирских родов и племен и слившихся с ними эвенских родов. Основной единицей юкагирского общества того времени было стойбище или поселение, состоявшее из нескольких, не всегда даже родственных друг другу семей. В пределах стойбища сохраня-

лись многие черты первобытно-общинных отношений. Так, охотничья добыча — туша убитого мясного зверя — распределялась между всеми обитателями стойбища. Семья охотника получала равную долю и только шкура дополнительно доставалась тому, кто убил зверя. При рыбной ловле этот коллективизм проявлялся в меньшей степени, и каждое хозяйство вело лов на выделенном ему участке.

Все авторы, писавшие в XIX в. о юкагирах, настойчиво подчеркивают отсутствие у них родовой экзогамии, видя в этом особенность социальной организации юкагиров. Но вопрос этот представляется более сложным.

Как известно, на протяжении XVII—XIX вв. юкагиры резко уменьшились в численности. Сохранившиеся отдельные группы юкагиров, выступавшие официально в качестве юкагирских «родов», включали в свой состав людей различного происхождения. Браки внутри таких «родов» нельзя рассматривать как нарушение норм родовой экзогамии. Вместе с тем вполне возможно, что в отдельных группах юкагиров вследствие их малочисленности и разобщенности действительно приходилось отказываться от экзогамных правил в отношениях между лицами в прошлом запретных категорий. По архивным данным в XVIII в. браки юкагиров заключались, как правило, между представителями разных родов.

В семейно-брачных отношениях юкагиров еще в конце XIX в. очень ярко выступали пережитки материнского рода. Здесь надо в первую очередь указать на матрилокальность брака — поселение мужа в семье родителей жены. Калым у верхнеколымских юкагиров отсутствовал. Жених в течение некоторого времени выполнял разную работу в семье невесты. Этот период, предшествовавший браку, бывал различной продолжительности. Впрочем, при существовавшей у юкагиров добрачной половой свободе девушек будущие муж и жена и до брака обычно фактически уже находились в брачной связи. Получив согласие родителей невесты на брак, жених приносил свое имущество, заключавшееся только в охотничьем снаряжении, в дом тестя и оставался жить там. Никаких особых церемоний при этом не было. По описаниям наблюдателей, зять обычно находился в зависимом положении от старших членов семьи жены. При матрилокальности брака наследование шло, однако, по отцовской линии. По преданиям, в прошлом существовал особый порядок, представлявший переходную форму от материнского права к отцовскому, согласно которому старший сын и дочь причислялись к роду матери, следующие дети — к роду отца. У тундровых юкагиров брак был патрилокален. Существовали обряды сватовства и свадьбы. Но в общем различия в семейно-брачных нормах между тундровыми и верхнеколымскими юкагирами были невелики.

Если материальная культура и искусство юкагиров говорят о столь длительном и тесном соприкосновении их с эвенами, что стерлись даже грани между этими двумя группами, то религия юкагиров, как и фольклор, сохраняла своеобразные черты. У юкагиров существовало шаманство в характерной форме родового шаманизма. Умершие шаманы сами становились объектами культа. Их тело расчленялось и части его хранились в качестве реликвий. Им приносили жертвы и считали их покровителями рода. В дальнейшем шаманство юкагиров потеряло свой специфический характер и приобрело формы, близкие к типичному тунгусскому шаманству. Костюм, бубен и прочие атрибуты юкагирского шамана были тунгусского типа.

Из культа животных особенно ярким был культ лося. Существовал целый ряд обрядов и запретов, связанных с охотой на него и дикого оленя.

Интересным памятником юкагирской культуры является пиктография. Юкагиры употребляли пиктографическое письмо на кусках бересты. Изображения точками, нарезками, прямыми линиями наносились кончиком острого ножа на только что содранную бересту. Существовало два вида этого письма. Один — письмо с нанесенным маршрутом, которое можно рассматривать как зародыш географической карты. Им пользовались преимущественно мужчины. При весенних перекочевках, когда юкагиры расходились по разным рекам, ушедшие вперед оставляли на покинутой стоянке это письмо идущей вслед за ними группе. Второй род пиктографии — письмо с условным изображением людей, мужчин и женщин, применялся по преимуществу девушками. Эти письма передавали обычно сердечные чувства девушки.

Фольклор юкагиров изучен мало. Легенды сохранили нам представление о древнем народе гигантов-охотников за лосем, который противопоставляется предкам юкагиров, находится в борьбе с ними и в конце концов покоряется юкагирами. Эти древние люди делились на людей леса и людей моря. Их подлинный облик спрятан за фантастическими чертами. Они были так велики и сильны, что привязывали убитого лося к завязке своего кафтана, ходили на железных лыжах и т. д. Юкагиры победили их, так как великаны отличались малой сообразительностью.

Распространены у юкагиров небольшие сказки о животных. В них немаловажное участие принимает ворон, который, однако, не рисуется, как у некоторых других народов Севера, мироустроителем и великим вороном, а наделяется сатирическими чертами. Зато к образу героя приближается умный и хитрый заяц. Это он убивает враждебного юкагирам «Древнего старика».

Исторический фольклор содержит рассказы о первых встречах с русскими, об юкагирско-корякских войнах, о взаимоотношениях между отдельными родами. Характерны короткие сказки бытового содержания, рисующие изолированное существование мелких кочевых юкагирских групп в прошлом. Трагическая концовка многих сказок — тема потухшего огня в очаге и гибели юкагирской семьи.

Юкагиры в послеоктябрьский период

Советское строительство среди юкагиров развернулось в 1928 г., спустя некоторое время после ликвидации разрозненных банд бочкаревцев и пепеляевцев, бежавших от преследования отрядов Красной Армии, посланных из Владивостока, в районы Крайнего Севера. Напуганные грабежом белогвардейцев обитавшие в устьях Ясачной и Коркодона юкагиры откочевали глубоко в тайгу и узнали об образовании в Средне-Колымске первого совета лишь в 1928 г., встретясь с первыми торговыми агентами Якутторга. В конце 1929 г., когда в стойбище Нелемное приехали уполномоченные Среднеколымского районного исполнительного комитета, охотники выбрали депутатов в первый юкагирский сельсовет.

В 1929 г. юкагиры-кочевники обратились в Комитет Севера при ВЦИК с просьбой помочь им перейти к оседлой жизни и построить для них в местности Нелемное два больших дома на 90 человек. Эта просьба была удовлетворена правительством, отпустившим для этой цели специальную денежную ссуду.

В 1930 г. по заданию земельных органов было проведено землеустройство и составлен план хозяйственного строительства. В это же время было организовано два колхоза: один в Нелемном — «Светлая жизнь», другой на Коркодоне — «Новый путь». Одновременно юкагиры получили от государства ссуду на приобретение инвентаря и оленей.

7 ноября 1936 г. было особенно радостно в Нелемном. В этот день, по сообщению наблюдателей, юкагиры снесли последние чумы, сожгли на

кострах закоптелые шестики и перешли в благоустроенные дома. Общераспространенным типом жилища стала теперь русская рубленая изба. На берегах Ясачной возник новый юкагирский поселок. В нем были открыты: магазин, школа, медицинский пункт, изба-читальня, при которой работает радиоузел.

В 1937 г. нелемненские и коркодонские юкагиры впервые начали заниматься огородничеством. Повседневная пища юкагиров пополнилась овощными блюдами, а еще в 1935 г. они не имели представления о картофеле и при случайных угощениях выбрасывали его как несъедобный.

Большое развитие получило в настоящее время рыболовство. На закрепленных за колхозами рыболовных участках организованы промыслы. Наряду со старыми способами лова рыбы юкагиры стали употреблять закидные неводы.

Большие доходы юкагирам дает также пушная охота. Бригады охотников, уходя глубоко в тайгу, помимо специального снаряжения, снабжаются палатками, маленькими печками, запасом продуктов.

Возникли новые юкагирские поселки. Недалеко от крупного овощеводческого совхоза «Нижний Сеймчан» основан пос. Балыгычан. Юкагиры-коркодонцы, живущие в нем, работают совместно с якутами.

В 1931 г. юкагирские дети впервые сели за букварь, к охотникам пришло впервые печатное слово. Ныне многие юкагирские юноши и девушки учатся в школах и техникумах нового города Магадана, возникшего в 1932 г. на берегу Охотского моря, в Николаевске-на-Амуре и в других городах.

Коренным образом изменилась жизнь и тундровых юкагиров. Накануне коллективизации, в 1929 г., тундровых юкагиров постигло большое бедствие. В эти годы из Нижнеколымской (Халерчинской) тундры откочевали стада диких оленей — главный объект охоты юкагиров. Тундровых юкагиров ожидал голод, так как большинство юкагирских хозяйств имело весьма незначительное количество оленей только для перекочевок. Советская власть помогла юкагирам, объединившимся в товарищества, перейти к новым для них формам хозяйства — оленеводству мясо-шкурного направления и пушной охоте.

Большая часть тундровых юкагиров входит в настоящее время в колхозы им. Сталина и «Турваургин» Нижне-Колымского района Якутской АССР. Оба эти колхоза являются миллионерами. Ведущей отраслью хозяйства в обоих колхозах является оленеводство мясо-шкурного направления. Оленеводство сочетается с пушной охотой и рыболовством. И в колхозе им. Сталина и в «Турваургине» юкагиры работают совместно с чукчами, эвенами, якутами. Оба колхоза имеют благоустроенные поселки с типовыми жилыми домами, со многими культурно-бытовыми учреждениями и электростанциями. Дети юкагиров обучаются в школах на якутском и русском языках.

Так, живя и работая в содружестве с другими народами Севера — чукчами, эвенами — при постоянной помощи представителей русского и якутского народов, возродились к новой жизни юкагиры, находившиеся накануне Октябрьской революции на грани вымирания.

ЧУКЧИ

Чукчи — самый крупный народ в группе северо-восточных палеоазиатов, к которой, кроме них, относятся коряки и ительмены. Близость чукчей (и коряков) с ительменами проявляется почти исключительно в области языка; близость между чукчами и коряками существует не только в языке, но и в различных областях материальной и духовной культуры. И чукчи и коряки делились на приморских охотников и на оленеводов — обитателей тундры. Следует отметить, что в хозяйстве, быте, культуре между оленными чукчами и коряками издавна существовало сходство большее, чем, например, между оленными и приморскими чукчами.

Общие сведения

Приморские чукчи называют себя *ан'калын* (мн. ч. *ан'калыт*) — «морской житель», «помор», а тундровые чукчи-оленеводы — *чавчу* (мн. ч. *чавчуват*), как и оленные коряки. Кроме того, как приморские, так и оленные чукчи называют себя *лыгъоравэтлян* (мн. ч. *лыгъоравэтлят*), что означает «настоящий человек».

Русское название «чукча», «чукчи» происходит от упомянутого термина «чавчу».

В 1929—1930 гг., при разрешении вопроса о названиях малых народностей Севера, в качестве общего для чукчей было принято название «лыгъоравэтлян», трансформированное по-русски «луораветлан», «луораветланы».

Однако в статистике и во всех вообще официальных документах (записи в паспорте и пр.) применяют термин «чукча» (ж. р. «чукчанка»); только в Нижнеколымском районе Якутской АССР термин «луораветлан» привился в официальной статистике, но и там он совершенно не употребляется в живой речи.

Соседние с чукчами коряки называют их *лыгитанн'ытан* — «истинный иноплеменник». Это же древнее название для коряков есть и в чукотском языке.

В обоих языках первоначальное значение термина *танн'ытан* было «враг», «иноплеменник».

Чукотский язык относится к группе инкорпорирующих или включающих языков. Инкорпорация выражается в комплексе-слове, состоящем из двух или трех основ. Главная основа (либо глагольное сказуемое, либо именное определяемое слово) принимает все изменения в числе, па-

деже, лице, наклонении и времени. Диалекты в чукотском языке отсутствуют, лишь морфологические особенности отличают язык западных — оленных — от языка восточных — приморских — чукчей. У первых инкорпорация сохраняется в большей степени.

Одной из особенностей чукотского языка является различие женского и мужского произношения.

Женщины произносят «ц», там где мужчины произносят «р»; например, *к'рым — кцым* («нет»). Можно также отметить наличие в чукотском языке многих древних словарных элементов эскимосского языка.

Характерна система счета в чукотском и корякском языках — двадцатиричная — счет по количеству пальцев, поэтому считать буквально значит «пальчить», 20 — буквально «двадцать пальцев», 40 — «две руки, две ноги».

По переписи 1926—1927 гг. чукчей насчитывалось 12 364 человека, в том числе около 70% кочевых и около 30% оседлых. Чукчи живут только в пределах СССР. Основная масса их сосредоточена в Чукотском национальном округе Магаданской области (окружной центр — рабочий поселок Анадырь). В округ входят шесть районов: Анадырский, Восточной Тундры, Марковский, Чаунский, Чукотский, Иультинский. Около 300 чукчей (по переписи 1926—1927 гг.) жило в Нижнеколымском районе Якутской АССР. Около 1000 чукчей обитало в Корякском национальном округе, главным образом в районе Парапольского дола на севере Олюторского района.

Соседи чукчей: на побережье Берингова моря — эскимосы, на юге — коряки, к западу от Колымы — якуты и единичные семьи юкагиров. С эвенами чукчи встречаются в бассейнах рр. Колымы и Анадыря. Соседями чукчей являются также чуванцы, которые в прошлом были подразделением юкагиров. Чукчи и коряки называли их, как и юкагиров, *этэл* (*атал*).

Оленные чуванцы, говорящие по-чукотски, живут в верховьях Анадыря в Марковском районе Чукотского национального округа и в настоящее время могут быть причислены к чукчам. Потомки оседлых чуванцев, говорящие по-русски, живут в ряде селений Чукотского и Корякского национальных округов (Марково, Пенжино и др.). Их можно считать теперь русскими.

Территория Чукотского округа — 660.6 тыс. км². Природные условия отдельных частей этой обширной территории очень различны. Отметим некоторые общие черты, присущие всей или почти всей территории. Это, прежде всего, суровость климатических условий. Нужно сказать, что, несмотря на относительно южное положение значительной части округа, климат его несравненно суровее климата Кольского полуострова, целиком лежащего за полярным кругом. Климат отличается низкими, не только зимними, но и летними температурами, что обусловлено влиянием морей, особенно Чукотского, обильного льдом в течение всего лета.

Северная часть Чукотского округа, охватывающая водоразделы и северный склон Анадырского хребта, протянувшегося от мыса Шелагского к зал. Креста, а также гористый Чукотский полуостров и прибрежные районы до мыса Медвежий (у Колымской губы) целиком относятся к зоне тундры. Климат этой части отличается сыростью, туманами и очень низкими температурами. В другой обширной части округа — в бассейне крупнейшей его реки Анадыря — климат, по мере удаления от Берингова моря на запад, становится все более континентальным.

В растительности бассейна Анадыря преобладают заросли кустарников (кедровый стланик, ольха). В горах распространены каменистолишайниковые тундры, а в долинах — луга и заболоченные простран-

ства. По речным долинам, за исключением среднего и нижнего течения Анадыря, встречаются даже лиственные леса (тополь, береза). Хвойные леса (лиственница) встречаются и в верховьях Анадыря и по р. Майну. Таким образом, несколько условно можно считать, что описываемая область принадлежит к зоне лесотундры, за исключением районов, расположенных к северу от Анадырского лимана, где находятся только тундры.

Территория к западу от хр. Гыдан и Анадырского плато — горные области в бассейне правых притоков Колымы (Омолона, Большого и Малого Анюя) — отличается еще большей континентальностью климата и относится преимущественно к лесотундре и к горнотаежной полосе лесной зоны.

Промысловая наземная фауна округа представлена не только тундровыми зверями и птицами — такими, например, как белый и, реже, голубой песец, полярный волк, северный олень, куропатка (последние два вида встречаются также в лесной зоне), но и лесными: белкой, горностаем, лосем, лисицей, бурым медведем, заходящим в тундру, росомахой, живущей преимущественно в лесотундре, но забегающей в тундру и в тайгу. Встречаются также представители горной фауны (баран, почти уже истребленный) и реликтовые степные (суслик-еврашка). Богато представлены морские млекопитающие: кит, белуха, касатка, морж (тихоокеанский), разные виды тюленей (нерпа, лахтак), сивуч. На побережье водятся белые медведи. Из морских рыб следует отметить треску и проходных лососевых, крупный ход которых, впрочем, наблюдается лишь у Анадыря и южнее. В пресноводной рыбной фауне преобладают лососевые (сиги, нельма и другие в бассейне Колымы; хариусы — в реках и озерах более восточных районов).

По своему хозяйству и образу жизни чукчи совсем недавно делились на две основные группы: оленеводов — чаучу (чавчу) и приморских охотников на морского зверя (ан'калыт).

Они подразделялись на несколько территориальных групп: 1) западнотундровские чукчи; расселены были в Нижне-Колымском районе Якутской АССР; 2) малоанюйские чукчи; кочевали между Анюем и Ледовитым океаном, летом выходили к берегу моря; 3) омолонские чукчи; кочевали по р. Омолону и его правым притокам ниже р. Молонды, к морю никогда не выходили; 4) чаунские чукчи; кочевали близ Чаунской губы и мыса Шмидта; 5) амгуэмские чукчи; кочевали по р. Амгуэме; 6) чукчи Чукотского полуострова; расселены были на территории к востоку от линии, соединяющей зал. Креста и Колючинскую губу; эта группа больше других была связана с приморскими чукчами; 7) онмыленские (внутренние) чукчи; кочевали по левым притокам р. Анадыря: Белой, Танюреру и Канчалану, а также по верховьям Анадыря, где чукчи смешались с ассимилированными ими чуванцами; 8) туманские или вилюнейские чукчи; расселены были по р. Великой и по берегу моря южнее устья Анадыря. К этой же группе относились чукчи, жившие на территории расселения коряков, а также небольшая группа чукчей бассейна р. Майна.

Поселки приморских чукчей на побережье Берингова моря располагались от мыса Дежнева до р. Хатырки. Несколько западнее бухты Провидения, от с. Серинек (русское произношение Сиреники) до прол. Сенявина, чукотские поселки прерывались поселками эскимосов. В ряде поселков население смешанное, чукотско-эскимосское. На побережье Ледовитого океана приморские чукчи жили от нос. Уэлена до мыса Шелагский (Эрри), с перерывами между устьями рр. Ванкарэма и Амгуэмы. Как правило, приморские поселки располагались на

выдающихся в море мысах или косах (Яндагай, Нунямо, Уэлен и т. д.), т. е. там, где обильнее встречается крупный морской зверь. Селения эти прежде были очень мелки: в них было от 2 до 20 яранг (жилищ). За последнее время в связи с коллективизацией наблюдается укрупнение поселков. Особенно интенсивно этот процесс проходит в Чукотском районе.

Историческая справка

Вопрос о происхождении чукчей неразрывно связан с проблемой происхождения эскимосов. В этнографической литературе широко распространена наиболее полно разработанная русским исследователем В. Г. Богоразом теория, согласно которой в прошлом существовала непосредственная связь между палеоазиатскими племенами северо-восточной Азии и индейцами северо-западной Америки. Согласно этой теории, эскимосы являются в области Берингова моря сравнительно недавними пришельцами, словно клином разделившими палеоазиатов и индейцев. Эта теория «эскимосского клина» вызывает целый ряд возражений. Археологические, исторические и лингвистические материалы рисуют нам более широкое распространение населения, не знавшего оленеводства, жившего оседло в полуподземных жилищах, занимавшегося преимущественно охотой на морского зверя, — населения, в котором можно видеть предков эскимосов.

В культуре чукчей, в первую очередь приморских, мы находим много элементов, характерных для эскимосов. Выше было указано на черты общности в эскимосском и чукотском языках. Антропологические данные также свидетельствуют об общей основе в формировании чукчей и эскимосов и противоречат, таким образом, теории «эскимосского клина».

Если учесть очень большую близость чукчей и коряков и по культуре и по языку, можно предположить, что область формирования чукотско-корякской группы лежала южнее современной территории их расселения. Отсюда предки чукчей распространялись на север, ассимилируя эскимосов и в свою очередь сами испытывая влияние эскимосского языка и культуры.

В фольклоре чукчей отражены столкновения между чукчами и азиатскими эскимосами, между чукчами и коряками. Хотя даже приблизительная датировка чукотских сказаний затруднена, все же В. Г. Богораз считает сказания о чукотско-эскимосских столкновениях более древними, чем о корякско-чукотских: первые сказания сохранились менее отчетливо и ярко, в них отсутствуют имена собственные. В этих сказаниях чукчи чаще всего выступают как оленеводы. Они совершают набеги на эскимосов, захватывают у них добычу — морских животных и пленников, которых заставляют пасти своих оленей.

Археологические раскопки С. И. Руденко на побережье в 1945 г. и раскопки А. П. Окладникова у мыса Баранова в 1946 г., а также топонимика свидетельствуют о том, что территорию от мыса Шмидта до мыса Дежнева занимали в древнее время эскимосы. Сейчас на большей части этой территории живут чукчи. Повидимому, происходил процесс слияния обеих групп, сопровождавшийся победой чукотского языка над эскимосским. В результате этого образовались современные приморские чукчи, экономика, культура и быт которых носит следы эскимосского влияния.

Так, можно предполагать, что способы и приемы охоты на морского зверя, орудия этой охоты были заимствованы чукчами у эскимосов. В области верований нужно отметить совпадение многих распространенных прежде обрядов и праздников у приморских чукчей с эскимосскими, сюда относятся: жертвоприношения морю для удачи в промысле, праздник

Кэрэткун'а — духа-хозяина моря (у эскимосов — *Качак'а*, или «Большой женщины»), «праздник байдар», «праздник голов», китовый праздник и т. д.

Из многочисленных чукотских сказаний о столкновениях с коряками видно, что целью набега чукчей на коряков был захват оленьих стад. Частые столкновения между чукчами и коряками подтверждаются и историческими документами XVIII и начала XIX вв.

Взаимоотношения чукчей с соседними народами не ограничивались столкновениями. Большое место занимал одновременно и межплеменной обмен. По преданиям, в Уэлене и в Наукане происходили встречи чукчей и эскимосов для обмена; обе стороны являлись в полном вооружении и предлагали друг другу предметы обмена на концах копий или обменивались ими с обнаженными ножами в руках. Обмен происходил между эскимосами Аляски и о. св. Лаврентия, с одной стороны, и приморскими чукчами и азиатскими эскимосами — с другой. Американские эскимосы нуждались в шкурах оленей и в одежде из шкур. Оленные чукчи через азиатских эскимосов выменивали у них ворвань, шкуры моржа, морского зайца и речного бобра, ремни. В тундре у чукчей происходил широкий обмен с коряками, юкагирами и эвенами.

Русские впервые столкнулись с чукчами в середине XVII в. В 1642 г. казак Иван Ерастов с товарищами встретил чукчей к западу от Колымы на р. Алазее.

В 1644 г. был основан Нижнеколымский, а в 1649 г. Анадырский остроги. Отсюда казаки впоследствии вошли в непосредственное соприкосновение с чукчами. Вместе со служилыми людьми проникали на северо-восток промышленные и торговые люди.

Попытки обложить чукчей ясаком окончились неудачно, так как территория расселения чукчей была бедна пушниной, а сбор ясака в тундре с кочевого населения представлял большие трудности. Во второй половине XVIII в. правительство отказалось совсем от насильственного обложения чукчей ясаком: походы в места обитания чукчей — в совершенно не известные и труднодоступные тундры вызывали большие материальные расходы и не оправдывались какими-либо экономическими выгодами. В 1770 г. была ликвидирована Анадырская крепость, содержание которой с 1710 до 1764 г. обошлось в 1381 тыс. руб., а доставленный через нее за это время ясак оценивался всего в 29 тыс. руб. С открытием морского пути на Камчатку Анадырский острог потерял и свое транзитное значение.

Последние десятилетия XVIII и начало XIX в. характеризуются установлением торговых отношений русских с чукчами, в которых были заинтересованы сами чукчи. Русские товары (особенно котлы и другие железные изделия), табак пользовались у чукчей большим спросом. Архивные источники свидетельствуют, что западные чукчи-оленеводы неоднократно обращались к местной администрации с просьбами о развертывании торговли.

К концу XVIII в. относится возникновение первых русско-чукотских ярмарок, которые просуществовали до самой революции. В 1788 г. было положено начало Анюйской ярмарке (на р. Анюй, в с. Островном), сыгравшей большую роль в развитии торговых отношений на всем северо-востоке. Быстрый рост ее оборотов, достигших уже в 1822 г. 200 тыс. руб. ассигнациями, объясняется тем, что в торговые отношения были втянуты не только чукчи-оленеводы, но и оседлое население Чукотки — приморские чукчи и эскимосы, а через них и эскимосы Аляски. Таким образом, в обменные отношения было втянуто население громадной территории в несколько тысяч километров. Позже возникло еще несколько русско-чукотских

ярмарок: Тумапская (на притоке Анадыря — Майне), Марковская (на Анадыре), Чукотская (восточнее с. Пенжино) и др. Основными единицами обмена в русско-чукотской торговле служили: с русской стороны табак и котлы, с чукотской — красная лисица. Все остальные товары исчислялись в этих единицах.

Одновременно с организацией торговли царская администрация старалась обложить чукчей ясаком и этим путем окончательно подчинить их своему влиянию. Стремясь привлечь на свою сторону чукчей, местные власти действовали очень осторожно. Ясак платился на началах добровольности, причем уплата его поощрялась подарками. Ежегодно казна отпускала местной администрации некоторую сумму на покупку различных товаров (табака, котлов, ножей). Товары эти привозили на ярмарку и дарили чукчам, добровольно платившим ясак.

После установления добрососедских отношений с русскими, чукчам не чинилось больше препятствий к расширению территорий их кочеваний. Поэтому с начала XIX в. чукчи стали постепенно распространяться на запад и юго-запад на территории, населенные прежде юкагирами. Вызывалось это сильным ростом чукотского оленеводства, требовавшего новых пастбищ.

По «Уставу об управлении инородцев» 1822 г. чукчи были отнесены к особому разделу «инородцев, несовершенно зависящих от правительства», которые «управляются и судятся по своим обычаям и обрядам» и платят дань «по собственному их произволу как в количестве, так и в качестве».

К концу 50-х годов XIX в. относится организация среди чукчей «родового управления». Колымский исправник Г. Майдель, известный впоследствии как исследователь чукчей, разделил их на «роды» и назначил в каждом «роде» князьца, стремясь таким образом использовать зажиточную верхушку чукчей для сбора ясака. Еще в начале XX в. потомки князьцов сохраняли кортики, медали и тому подобные знаки отличия, выданные их предкам. Но эти мероприятия не дали ожидаемых результатов, чукчи не признавали власти назначенных князьцов и не платили ясак.

Приморские чукчи известны по историческим документам с 1648 г., со времени плавания Семена Дежнева. В XVIII и XIX вв. у них неоднократно бывали русские казаки, посылавшиеся из Анадырского острога, а также русские путешественники и мореплаватели, топографы, купцы и др. В 50-х годах XIX в. в морях, омывающих Чукотский полуостров, появляются американские промышленники — китобои, которые одновременно с морским промыслом занимаются и торговлей с местным населением (приморскими чукчами и эскимосами). Проникновение американцев на Чукотку имело разрушающее влияние на хозяйство приморского населения. Производимая в больших размерах торговля спиртом и массовое уничтожение наиболее ценных объектов местного промысла — китов и моржей — сказались губительно на благосостоянии приморских чукчей и эскимосов.

В последние десятилетия XIX в. царское правительство предпринимает некоторые шаги для изгнания иностранцев. В 1889 г. на Анадыре открывается специальный административный Мариинский пост. Поощряется развитие на Чукотке русской торговли, и русское купечество начинает успешно конкурировать с иностранцами. Налаживается также добыча угля, главным образом для пароходов. Так продолжалось до первой мировой войны. Военные годы сопровождались значительным наплывом на Чукотку мелких, преимущественно иностранных торговцев. На побережьях Ледовитого океана и Берингова пролива появилось много английских,

американских, норвежских и других китобоев и торговцев, спаивавших и обиравших коренное население. Удалены были они оттуда только после установления советской власти на Чукотке.

Хозяйство

Выше уже указывалось на сосуществование у чукчей двух резко отличных и обособленных в хозяйственном отношении групп: приморских («сидячих») зверобоев, основным занятием которых была морская охота, и тундровых кочевых оленеводов. Обе эти группы были связаны отношениями натурального обмена. Кроме экономической связи, между ними существовали и древние родственные связи. Среди оленеводов можно было всегда встретить чукчей, ведущих свою родословную «с берега», и наоборот. Наблюдался и переход от одного типа хозяйства к другому: приморский житель обзаводился оленями и становился оленеводом; оленевод, потеряв оленей, селился на побережье и делался зверобоем.

Кроме двух ярко выраженных типов хозяйств: оленеводческого и морского зверобойного, у чукчей встречался и смешанный тип хозяйства. Таким было хозяйство с небольшим поголовьем оленей (50—150), которое при мясо-шкурном направлении чукотского оленеводства не обеспечивало полностью существования его владельцев, и они принуждены были еще охотиться на морского зверя. Территориально такие хозяйства были расположены не в глубине тундры, а ближе к морскому побережью.

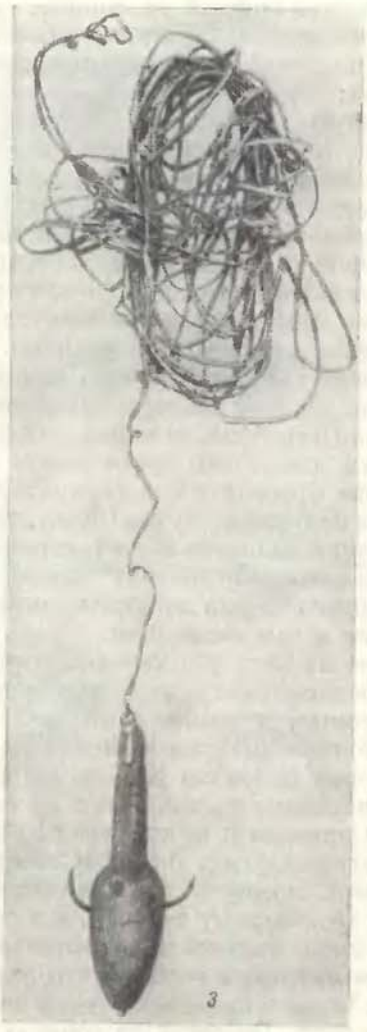
Чукотское оленеводство, по сравнению с оленеводством других народностей Севера, являлось одним из самых крупных как по своему общему поголовью, так и по размерам отдельных стад. Вместе с тем оно было наиболее архаичным оленеводством на всем азиатском Севере. Выпас оленей производился только силами пастухов. Оленегонных лаек чукчи, как и другие восточносибирские оленеводы, не знали. Пастух был вынужден гоняться сам за каждым оленем, который отделялся от стада. Особенно трудно было удержать стадо летом, в «период гнуса», а также во время зимней пурги из-за частых нападений волков. Часть оленей гибла от хищников, остальные же в панике разбегались, и пастухам приходилось очень долго искать и собирать разбежавшееся по тундре стадо, но зачастую им не удавалось найти всех оленей. Степень приученности чукотского оленя была очень низка. Даже упряжных оленей можно было поймать только арканом или привлечь запахом мочи, небольшой кожаный сосуд для которой висел привязанный к поясу у каждого пастуха. Иногда, когда нужно было отделить от стада транспортных оленей, сооружали примитивные загоны (корали) из ездовых нарт. Примитивность методов ведения оленеводства проявлялась и в способе кастрации. Оленя-самца ловили с помощью аркана и валили на землю, два человека удерживали его, а третий зубами раздавливал яички, после чего животное отпускали.

Все существование чукчей-оленеводов зависело от состояния их стад, так как при натуральном характере их хозяйства олень давал населению все необходимое для жизни: мясо для питания, шкуры на одежду, обувь и для устройства жилища и т. д. На продукты оленеводства чукча-оленевод выменивал у приморского населения жир морских животных для отопления, освещения и питания, ремни, летнюю одежду и обувь из шкур тюленей. Олень являлся также транспортным животным, но ездовое оленеводство чукчей обслуживало только внутрихозяйственные нужды.

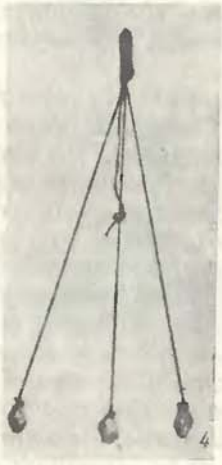
Со стадом передвигался один шатер, предназначавшийся для отдыха пастухов. Основная часть жителей стойбища — женщины, старики, дети и нетрудоспособные, как правило, перекочевывали несколько раз в год.

1

2



3



4

Оленеводство и охота

1 — загон для оленей; *2* — аркан для поимки оленей; *3* — орудие для вытаскивания убитых животных из воды; *4* — метательный снаряд для ловли птиц

Такое же место, какое в хозяйстве чукчей-оленеводов занимало оленеводство, в хозяйстве приморских чукчей занимал морской зверобойный промысел. Главными промысловыми животными являлись морж, кит, несколько видов тюленей (главным образом нерпа и морской заяц-лахтак).

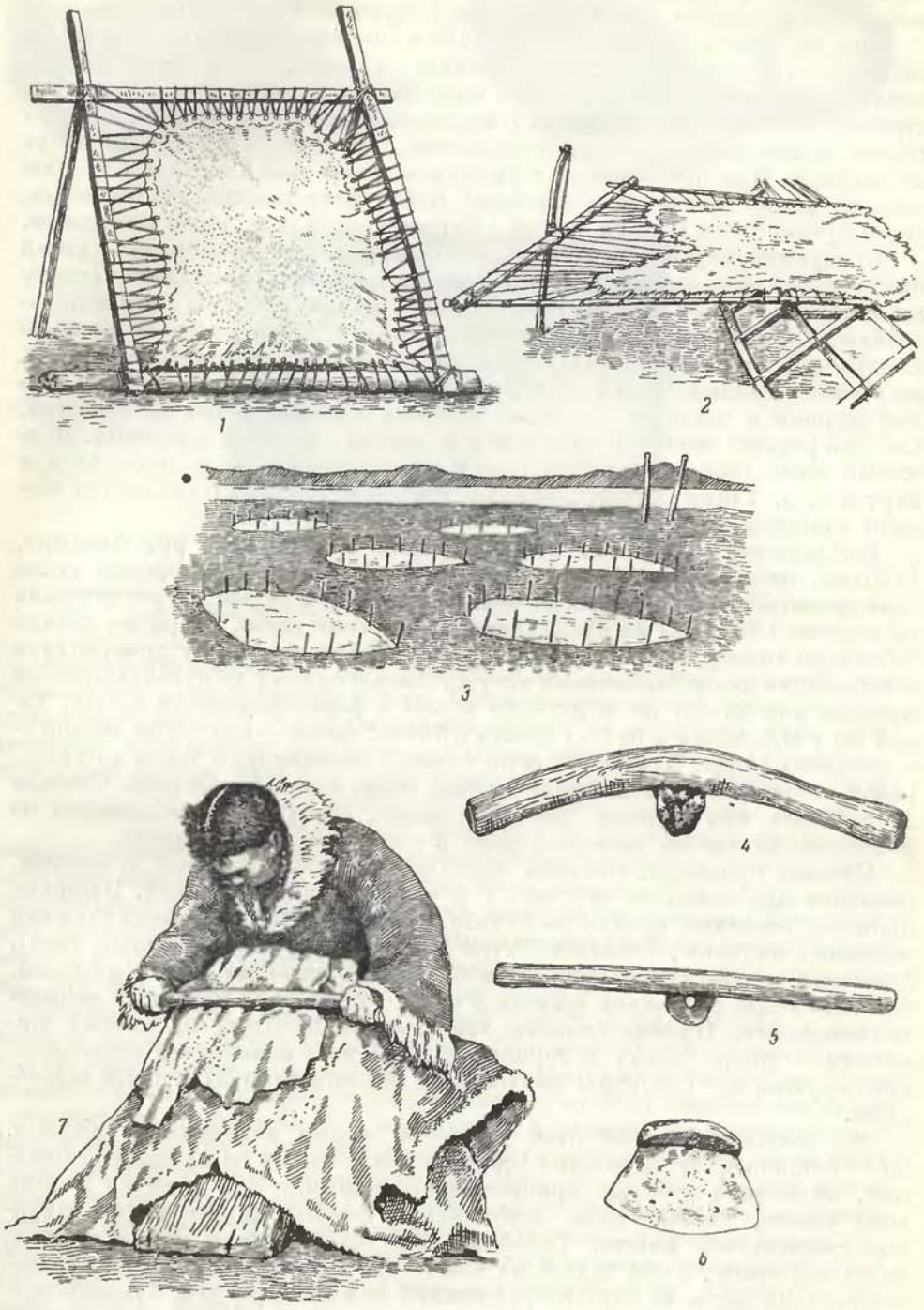
До распространения огнестрельного оружия основным орудием охоты на морских животных являлся гарпун, такого же типа, как и у эскимосов. Зимой и весной на нерпу охотились у так называемых продухов — отверстий во льду, проделываемых нерпой для дыхания. На зимнем промысле охотник с помощью обученной ездовой собаки отыскивал продух и ставил в него сеть в форме люльки, в которой запутывался тюлень. Другой, более распространенный вариант этого способа заключался в том что, найдя продух, охотник садился около него с подветренной стороны и ждал появления зверя. Услышав дыхание подплывавшего тюленя, он бросал в него гарпун, вытаскивал добычу на лед и добивал ее ударом по носу. Кроме такой охоты у продухов, чукчи выезжали зимой на собаках к кромке льда и охотились с гарпуном на тюленей, появлявшихся в разводьях.

Весной, когда начинало пригревать солнце и тюлени вылезали через продух на снег греться на солнце, охотник подползал к лежащему на льду зверю и убивал его гарпуном. Требовалось большое искусство, чтобы подползти к чутко дремлющему тюленю. При этом применялась маскировка: охотник надевал специальную шапку из шкуры тюленя, имитирующую его морду. Он полз медленно, подражая движениям этого животного, и время от времени царапал снег особым скребком с прикрепленными к нему когтями тюленя. Когда тюлень поднимал голову, охотник замирал, затем продолжал ползти, пока не приближался на расстояние броска гарпуна. Летом охотники добывали тюленей с помощью такого же гарпуна с небольшой байдары (кожаной лодки) или сетью, сплетенной из тонкого прочного ремня, сделанного из шкуры лахтака.

Тюленей промышляли индивидуально, а охота на моржа и, особенно, на кита производилась коллективно. Моржа промышляли главным образом весной и летом (с начала мая до октября). На промысел выезжали на байдаре. На носу байдары находились один или два гарпунщика, посредине — 5 или 6 гребцов, на корме — «байдарный хозяин» (владелец байдары). Обнаружив плывущих среди льдов моржей, охотники догоняли их, и гарпунщики бросали в них гарпуны. Поплавок из шкуры тюленя, снятой «чулком» и надутой воздухом (буек), привязанный к ремню гарпуна, затруднял движения раненого моржа, стремившегося спастись бегством, а также не давал затонуть убитому зверю и указывал его местонахождение. Обессилевшего моржа добивали копьем, буксировали к ближайшей прочной льдине и там свежевали.

В охоте на кита участвовало несколько байдар. Осторожно на веслах приблизившись к киту, охотники бросали в него гарпуны, более длинные, чем моржовые, и снабженные 2—3 парами поплавков. Добивали обессиленного кита специальным длинным копьем и буксировали к берегу.

Во второй половине XIX в. широко распространилось огнестрельное оружие (нарезные магазинные и специальные китобойные ружья); применение его привело к исчезновению одних из описанных способов охоты и к упрощению других. Зимой и весной стали убивать тюленя у продуха из винтовки. Во время весенней охоты отпала необходимость подползать близко к дремлющему тюленю, а в связи с этим исчезла и маскировка со всеми ее принадлежностями (специальной одеждой и скребками). Иногда охотились прямо с нарты. Почуя зверя, упряжка собак так быстро мчалась, что тюлень не успевал уйти под лед, и охотник, соскочив с нарты, стрелял в него. Выезжая на собаках к кромке льда, охотники брали на



Обработка шкур

1 — натянутая шкура моржа; *2* — сушка шкуры белого медведя на остове байдары; *3* — сушка тюленьих шкур на земле; *4* — скребок с каменным наконечником; *5* — скребок с железным наконечником; *6* — женский нож; *7* — обработка шкуры скребком

нарту маленькую байдару. Убитого из винтовки тюленя вытаскивали выброской — особым приспособлением с крючками на длинном ремне.

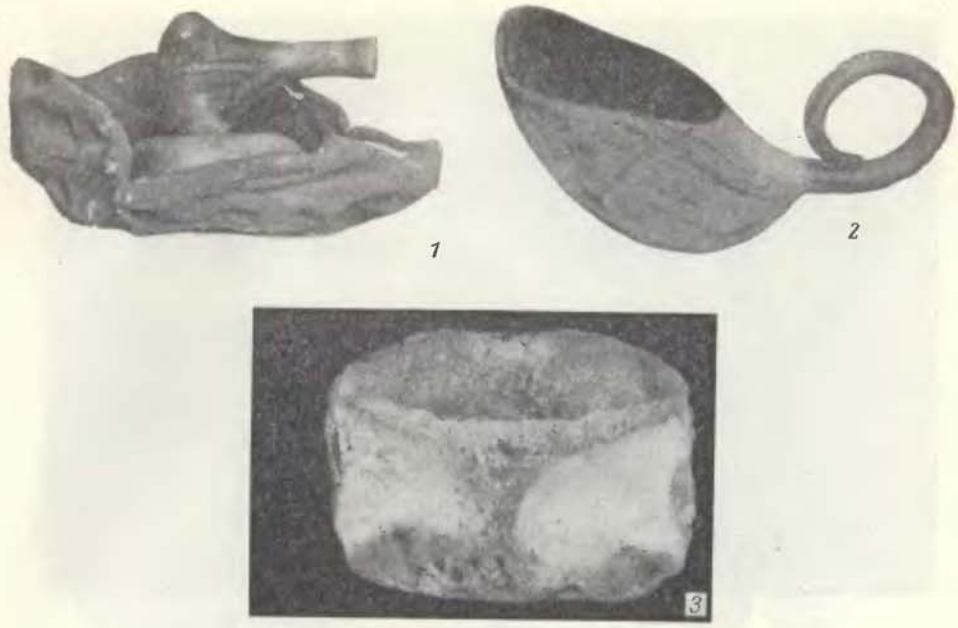
При охоте на моржей с огнестрельным оружием охотники с байдары (или вельбота) стремились сначала ранить животное. Когда раненый морж начинал выбиваться из сил, к нему подплывали ближе и убивали его выстрелом в голову. Одновременно с последним выстрелом бросали в моржа гарпун и выбрасывали за борт поплавок для того, чтобы убитый зверь не затонул. При преследовании группы моржей немедленно после убоя первого моржа гнались за следующим, выбрасывая каждый раз поплавки, затем буксировали убитых зверей к ближайшей льдине, где и свежевали.

Продукция морского зверобойного промысла для приморских чукчей имела громадное значение. Мясо убитых животных составляло основу их питания. Оно же шло на корм ездовым собакам. Шкуры перп использовались для пошивки летней одежды и обуви; шкуры моржей употреблялись при устройстве яранги (летняя покрышка, подстилка на полу), на обтяжку байдар и т. д.; из шкур лахтака делали подошвы и ремни разной ширины и толщины для хозяйственных и промысловых надобностей. Собачья упряжь целиком изготовлялась из шкур морских животных. Моржовый клык шел на мелкие поделки, кости кита — на подполозья для нарт и т. д. Таким образом, благосостояние приморского населения всецело зависело от удачной охоты на морских животных.

Рыболовство у чукчей, кроме живших в бассейнах рр. Анадыря, Колымы, отчасти Чауна, почти не имело значения. Приморские чукчи ловили летом навагу небольшим сачком с грузилом на дне. Сачок спускали на веревке с байдары на проходящий мимо косяк рыбы. Летом же ловили с байдары треску и палтуса. При ловле удой короткую лесу прикрепляли к небольшой палке, насаживая искусственную наживу из кусочка красной материи или блесну из моржового клыка в форме маленькой рыбки. Такой же удой ловили в бухтах навагу и бычка: зимой — в проруби, весной — в трещинах льда. Чукотская сеть, которой промышляли летом в бухтах, реках и озерах гольца и горбушу, была очень узкой и короткой. Ставили ее с берега при помощи длинного шеста. Продукция рыболовства не обеспечивала чукчей питанием даже в короткий летний период.

Пушной промысел, главным образом добыча белого песца и лисицы, развился под влиянием торговли с русскими и американцами. Пушнина являлась основным продуктом обмена. Орудиями этого промысла служили железные капканы, западнее Чауна — пасти (ловушки давящего типа). Ежегодно зимой чукчи убивали небольшое количество белых медведей, но только при случайной встрече с ними. Специально на белого медведя не охотились. Прежде большое значение имела охота на мясных животных — дикого оленя и горного барана, но с появлением огнестрельного оружия на Чукотском полуострове эти животные были почти истреблены.

До появления ружей птиц добывали особым метательным орудием. Оно состояло из 5—6 толстых шнурков, сплетенных из оленьих сухожилий, на концах которых прикреплялись камешки или кусочки моржового клыка, дерева, чаще округленной формы; другие концы шнурков связывались вместе. Такой снаряд, брошенный в летящую стаю, опутывал птицу, и она падала на землю. На морскую птицу и на куропаток ставили петли из оленьих сухожилий или китового уса. Существовавшая прежде для охоты на птиц метательная дощечка с дротиком исчезла в конце XIX в. На гаг охотились в конце июля, во время плавания птиц недалеко от берега. Чукчи окружали их на байдарах и били палками. С такой охоты обычно привозили полные байдары гаг. Поэтому охота на них служила большим подспорьем в хозяйстве многих чукчей.



Утварь

1 — кожаный сосуд, каменная подставка и каменный молоток для разбивания костей; *2* — ковш из рога горного барана; *3* — сосуд из позвонка кита

Широко практиковался сбор дикорастущих съедобных растений, которым занимались женщины и дети. Выкапывание корней производилось специальной мотыгой, которую раньше делали из загнутого рога, привязанного к деревянной рукоятке, а позднее вместо рога стали привязывать кусок железа. Много корней женщины добывали из мышиных нор.

Пища

Основной пищей чукчей-оленеводов являлось оленье мясо. Потребляли не только мясо, жир, мозг, но также кровь, кишки и содержимое оленьего желудка (*рилькэиль*) и даже мясо павших оленей. Рилькэиль представляет собой массу мелких растительных волокон, напоминающих зеленоватую кашицу. Его отжимали, прибавляли к нему кровь, жир, нарезанные кусочками тонкие кишки оленя и варили. Рилькэиль заготовляли впрок при массовом убое оленей. Это был обычный завтрак оленных чукчей.

Основной пищей приморских чукчей служили мясо и жир моржа, нерпы и лахтака. Впрок заготовляли только мясо крупных животных — белухи, кита, моржа. Способ заготовки моржового мяса был прост: тушу разрезали вместе со шкурой на большие части, до 80 кг каждая, зашивали в эту шкуру, замораживали и складывали в специально вырытые ямы. Низкая температура в яме предохраняла мясо от разложения, но не была достаточна для полного сохранения его. Мясо не солили, так как чукчи вообще не употребляли соли. Таким образом получалось квашеное моржовое мясо (*копальгын*). Этим квашеным мясом питались в течение всей зимы. Мясо оленя и морских животных потребляли в вареном, вяленом и сыром виде. Рыбу употребляли в сыром виде, а в бассейнах рр. Анадыря и Колымы делали юколу.

В пищу шли листья карликовой ивы, дикого щавеля и различные съедобные корни, которые заготовлялись обычно впрок. Ивовые листья смешивали с рилькэилем и употребляли в качестве приправы к мясу, нерпичьему жиру или ели с оленьей кровью, чаще всего замороженными.

Укладка мяса в мешок из шкуры тюленя

Корни также смешивались с оленьей кровью и жиром. Приморские чукчи листья и травы квасили, но без примеси рилькэиля, и ели их зимой как приправу к мясу. Летом они употребляли морские водоросли с жиром в сыром и вареном виде. Лакомым блюдом считались колобки, приготовляемые из толченых корней, смешанных с мясом и жиром. Приморские чукчи обычно привозили их в подарок оленеводам.

Потребление привозных продуктов — муки, сухарей, галет, чая, сахара — было незначительным, особенно мало их попадало в глубину тундры. Из муки делали пресные лепешки и жарили их в тюленьем жире; варили также мучную кашу.

Посудой у чукчей служили различные блюда, деревянные, костяные и кожаные сосуды; ложки из дерева, кости, бараньего рога; сосуды из позвонка кита; мешки из целых нерпичьих шкур. В мешках хранили нерпичий жир, рилькэиль, мясо, растительную пищу и пр. Широкое применение со второй половины XIX в. получила русская посуда (котлы, чайники, стаканы, чашки).

Одежда

Чукотская одежда была глухой, т. е. без продольного разреза спереди или сзади. Как приморские, так и оленные чукчи шили одежду из шкур молодых оленей и нерп. Мужчины на голое тело надевали двойную меховую рубаху (русские ее называли кухлянкой или кукашкой) длиной до колен или короче; нижняя рубаха надевалась мехом внутрь, верхняя — мехом наружу. Она шилась настолько широкой, что можно было свободно внутри нее вытащить руку из рукава. Подол, рукава, а часто и ворот рубахи, обшивались собачьим или росомашьим мехом. Штаны были также двойные (верхние из оленьего меха, камуса или из тюленьей шкуры; нижние, как правило, из оленьих шкур), узкие, длиной до щиколоток, плотно обтягивающие ноги. Обувь носили короткую с меховым чулком. Подошва обуви обычно делалась из кожи лахтака или из оленьих щеток (шкура с жесткой шерстью из-под копыт оленя). Кухлянка подпоясывалась ремнем, так что образовывался напуск. К ремню привешивался нож, кисет и другие предметы. Головные уборы чукчи носили редко, даже зимой

Мужская одежда

1 — зимняя одежда оленных чукчей; *2* — головной убор; *3* — меховая рубаха; *4* — меховая обувь

Женская и детская одежда

1 — керкер; *2* — детская одежда; *3* — женская обувь из нерпичьей кожи; *4* — женская обувь из оленьего меха

они ходили с непокрытой головой, надевая шапку главным образом в дороге. Наиболее распространенной была шапка в виде капора; в дороге во время буранов и сильных морозов надевали шапку с накидкой, которая закрывала шею и грудь. Иногда на шею одевали боа из беличьих хвостов. Кроме того, бытовала еще маленькая шапочка с наушниками, закрывавшая лоб и затылок, но оставлявшая открытым темя. Во время снегопадов и пурги надевали матерчатый или ровдужный балахон до колен, с капюшоном. Летнюю одежду и обувь шили из ровдуги и нерпичьих шкур. В дождливую погоду приморские чукчи надевали одежду, сшитую из кишок моржа.

Непромокаемая одежда из кишок

Женская одежда состояла из мехового комбинезона (*керкер*) длиной до колен, с широкими рукавами и воротом; зимой комбинезон был двойным, летом одинарным, мехом внутрь. Женская обувь делалась такого же покроя, как и мужская, но до колен.

Особых различий в покрое одежды между оленными и приморскими чукчами не наблюдалось.

Дети до 4—5 лет носили специальную одежду типа комбинезона. У грудных детей рукава и штанины зашивались наглухо для тепла. В штанах прорезалось отверстие, закрываемое специальным клапаном, на который клали в качестве подстилки сухой мох или оленью шерсть.

Чукчи в прошлом татуировались. Несмотря на тесное общение с эскимосами, у которых татуировка была сильно развита, у чукчей татуировка была крайне проста: она состояла обычно из небольших кружков по краям рта у мужчин, двух прямых линий на носу и лбу и нескольких линий на подбородке у женщин. Сложная татуировка встречалась только в виде исключения. Назначение татуировки было религиозно-магическое — защита от злых духов. Бездетные женщины против бесплодия наносили на обеих щеках на равном расстоянии друг от друга три закругленные линии. Татуировка наносилась иглой с тонкой ниткой, натертой сажей или порохом, которую продергивали сквозь кожу.

Украшениями у чукчей служили браслеты и ожерелья из бус. Браслеты делались из узкого кожаного ремешка с привязанной на конце бусиной.

Мужские прически были весьма разнообразны. Обыкновенно чукчи брили верхнюю часть головы, оставляя волосы у лба и на затылке в виде кружка; иногда такой же кружок волос оставляли вокруг самой макушки. Обычная прическа женщин — две туго заплетенные косы, концы которых связывались вместе ремешком; иногда в косы вплетали бусы или бисерные привески.

Жилище

Стойбища чукчей-оленеводов насчитывали от 2 до 10 шатров (*яран'ы*). Они обычно располагались один за другим в линию по степени зажиточности хозяев с востока на запад. Первой с востока ставилась яранга хозяина стойбища, последней — бедняка.

Жилище

1 — стойбище оленеводов; *2* — яранга

Селения приморских чукчей состояли обычно из 2—20 (иногда и более) яранг, разбросанных на некотором расстоянии друг от друга. Размеры селения определялись промысловыми возможностями того или иного района.

Чукотская яранга представляла собой большой шатер, цилиндрический в основании и конический в верхней части. Остов шатра состоял из вертикально поставленных по кругу жердей, на верхние концы которых клались горизонтально перекладины; к ним привязывались наклонно еще другие жерди, соединявшиеся вверху и образующие конусообразную верхнюю часть. В центре ставились три шеста в виде треноги, на которую опирались верхние жерди остова. Остов покрывался специальными покрышками. Оленные чукчи сшивали покрышку из старых оленьих шкур со срезанной шерстью; приморские покрывали ярангу брезен-

том или шкурами моржа. Чтобы свирепствующие на Чукотке ветры не разрушили и не опрокинули яранг, ее снаружи обвязывали ремнями с прикрепленными к ним большими камнями, а оленеводы приставляли к ней грузовые нарты. Яранги оленных чукчей, вследствие необходимости перекочевок, были меньше размерами и легче, чем у приморских. Внутри яранги к одной из горизонтальных перекладин (обычно у задней стенки ее) с помощью дополнительных шестов привязывался меховой полог. Полог являлся специфической особенностью жилища чукчей, коряков и азиатских эскимосов. По форме он напоминал ящик, перевернутый дном кверху. Обычно в яранге имелось 1—3, редко 4 полога. В пологе могли поместиться несколько человек. В него проникали ползком, приподнимая переднюю стенку. Здесь бывало так жарко, что сидели раздевшись до пояса, а иногда и донага. Для отопления и освещения полога служил жирник — каменная, глиняная или деревянная чашка с фитилем из мха, плавающим в тюленьем жиру. На этом огне приморские чукчи варили пищу, подвешивая котелок на колышек или на крюк. При наличии древесного топлива в холодной части яранги раскладывали для варки пищи небольшой костер.

Каменная лампа-жирник с подставкой

В яранге сидели на разостланных шкурах. Употребляли также низкие трехногие стулья или древесные корни. Для этой же цели приспособляли оленьи рога, срезанные вместе с теменной костью.

До половины XIX в. у приморских чукчей бытовал древний тип жилища — полуземлянки. Развалины их сохранились до наших дней. Круглый каркас полуземлянки делали из челюстей и ребер кита (отсюда ее чукотское название *валкаран* — «дом из челюстей кита»), затем покрывали его дерном и засыпали сверху землей. Иногда костяной каркас устраивали в углублении, тогда получалось полуподземное жилище с выступающей на поверхность крышей. Полуземлянка имела два выхода: длинный коридор, которым пользовались только зимой, так как летом его заливало водой, и круглое отверстие сверху, закрываемое лопаточной костью кита, служившее только в летнее время. Пол полуземлянки или, по крайней мере, середину его устилали крупными костями; в центре помещался большой жирник, горевший круглые сутки. По всем четырем сторонам полуземлянки устраивали возвышения в виде нар и на них сооружали 2—4 (по числу семей) полога обычного типа.

В результате замены полуземлянки ярангой жилищные условия приморских чукчей значительно улучшились. Но отсутствие окон, исключительная скученность в пологе, постоянная копоть от жирника, присутствие в ярангах собак и т. п. не позволяли поддерживать необходимую чистоту. В пологах чукчей-оленеводов, как правило, было чище, чем у приморских: вследствие частых перекочевок пологи разбирались и выколачивались, приморские же чукчи делали это лишь два раза в год — весной и осенью. Выколачивание покрышек яранги и полога — одна из трудных работ чукотских женщин. Для этого имелись специальные обивалки. Обивалка делалась из рога оленя или дерева и представляла собой слегка изогнутую с одного конца палку длиной от 50 до 70 см.

Летом часть приморских чукчей в период разъездов вдоль берега моря и некоторые оленеводы при перекочевках в тундре жили в палатках. При отсутствии палатки приморские чукчи сооружали из трех весел

и паруса жилище наподобие шатра или ночевали под перевернутой байдарой.

У чукчей-оленеводов не было никаких хозяйственных построек. Все лишние вещи и запас продуктов они хранили внутри яранги, а в летнее время ненужные вещи укладывали на грузовые нарты, установленные недалеко от жилища, и покрывали их сверху ровдугой для предохранения от дождя.

Приморские чукчи около яранг обычно устанавливали 4 китовых ребра с поперечинами на высоте около 2 м от земли. Летом на них ставили нарты, а зимой байдары, чтобы собаки не съели ремни, скрепляющие нарты, и кожаные покрышки байдары. Остальное имущество приморские чукчи хранили внутри яранги.

Средства передвижения

У чукчей-оленеводов основным средством передвижения служил олень, у приморских — ездовые собаки. На оленях ездили исключительно в упряжке, верховой езды чукчи не знали. Оленьи сани (нарты), аналогичные коряк-ским, были двух видов: легковые (ездовые) и грузовые. Легковая нарта сооружалась из тонких шестов и палок, скрепленных ремнями, и имела узкие полозья, загнутые спереди. К полозьям привязывалось несколько гнутых копыльев; один конец копыла прикреплялся к правому полозу, другой — к левому; на дугах копыльев из трех продольных шестов и нескольких поперечных делалась рама (сиденье). В задней части сиденья устраивалось нечто вроде спинки из выгнутых тонких палочек. Все части нарты скреплялись одними ремнями, без применения шипов и гвоздей. В легковую нарту запрягали пару оленей; управляли ими с помощью длинной вожжи, прикрепленной к недоуздку с правой стороны; подгоняли оленей длинным хлыстом. На нарте обычно ехал один человек, сидя верхом и балансируя ногами. Женская легковая нарта была больше и прочнее мужской.

Грузовые нарты, более громоздкие и тяжелые, употреблялись при перекочевках для перевозки имущества и маленьких детей. В последнем случае на нарте устанавливался деревянный каркас, покрытый меховой покрышкой. При перекочевке стойбища снаряжали обоз из нескольких десятков нарт, на которых перевозили жилище и домашнюю утварь. Впереди обоза ехали мужчины, расчищая дорогу, прорубая просеки в зарослях; самый обоз вели женщины, каждая из них управляла 10—15 нартами, шедшими друг за другом.

Ездовое собаководство у приморских чукчей с середины XIX в. претерпело существенные изменения. Существовавшие до этого времени собачья упряжка веером и нарта типа дугокопыльной оленьей нарты были вытеснены так называемой восточносибирской нартой и упряжкой цугом. Этот тип собаководства сложился под сильным влиянием русских. Восточносибирская нарта представляет собой длинные узкие сани на прямых копыльях с дугой спереди, от которой идет длинный ремень; к этому ремню пристегивались попарно до 12 собак. Ездовыми собаками пользовались как для грузовых перевозок, так и для разъездов. На зимнюю охоту в море также ездили на собаках. Кормили собак кваше-ным мясом моржа (*копальгын*).

По воде чукчи, как и эскимосы, передвигались на кожаных лодках — байдарах, представлявших собой деревянные каркасы, обтянутые моржовой шкурой. Байдару приводили в движение с помощью косого паруса или весел; размеры ее были различны — от одиночной до вмещающей 20—30 человек; средняя байдара рассчитана была на 7—10 человек. Незадолго перед революцией у зажиточной части чукчей стали появляться вельботы.

Средства передвижения

1 — олений обоз; *2* — собачья упряжка; *3* — байдара

Летом передвигаться по тундре чукчи могли только пешком, зимой же, кроме оленьего и собачьего транспорта, пользовались лыжами-ракетками («лапками») ступательного типа. Лыжи эти представляли собой овальной формы деревянную раму, переплетенную ремнями в виде сетки. В бассейне Колымы употребляли заимствованные от эвенков скользящие лыжи, подшитые шкурой.

Социальный строй и религиозные верования

Обширные материалы, собранные В. Г. Богоразом в конце XIX и начале XX в., свидетельствуют о существовании у чукчей пережитков первобытно-общинных отношений (коллективные формы производства и распределения, обычаи взаимопомощи, гостеприимства и т. п.). Однако по вопросу о том, на какой ступени развития находилось в тот период чукотское общество, высказывались разные мнения. Одни исследователи утверждали, что чукотское общество являлось дородовым; другие полагали, что оно, пройдя стадию материнского рода, утратило родовую организацию, и, наконец, некоторые склонны были считать, что оно являлось обществом патриархальным, но до такой степени разложившимся, что потеряло всякие следы родовой организации. Поводом к этим разногласиям послужило сосуществование у чукчей явлений, характерных для разных ступеней общественного развития: с одной стороны, пережитки первобытно-общинных отношений, с другой — имущественная и социальная дифференциация. Представление об обществе чукчей как об обществе дородовом основывалось на отсутствии у них экзогамии, родовых названий и родового самоуправления. Но этот взгляд настолько не обоснован, что не заслуживает сколько-нибудь серьезного рассмотрения.

Наличие ряда пережитков (брак путем отработки, представления о женских духах-владычицах) свидетельствует о том, что чукчи в своем историческом развитии прошли стадию материнского рода. Для решения вопросов о том, был ли у чукчей отцовский род и на какой стадии развития застали их русские, существенное значение имеет анализ общественного производства чукчей и изучение характера их социально-экономических отношений.

Основной социально-экономической единицей приморских чукчей в начале XX в. являлась так называемая байдарная артель — *этвэтйырын* («содержимое байдары»), объединявшая 3—5 родственных семей. Главой этой артели был владелец байдары — рулевой. Члены байдарной артели (не менее 8 человек) охотились вместе и по определенным правилам делили между собой добычу. При охоте на кита объединялось несколько таких артелей.

Основное ядро байдарной артели составляли родственники, но в нее включались часто и просто соседи. Этот факт указывает, что байдарная артель к началу XX в. представляла собой территориальное объединение. Члены байдарной артели обычно жили в одной части поселка. Более крупной общественной единицей приморских чукчей был поселок, тоже представлявший собой территориальное объединение родственных и неродственных семей, хотя в конце XIX и начале XX в. имелись еще поселки, состоявшие целиком из родственников.

Хозяйственным объединением оленных чукчей являлось стойбище. Обычно оно включало 4—5 семей, живших в нескольких ярангах и совместно выпасавших оленей. Наличие в стойбище лиц и семей, не связанных отношениями родства, так называемых *нымтумгыт* (дословно «товарищи по стойбищу», «соседи»), свидетельствует о том, что для оленных чукчей в конце XIX—начале XX в. в значительной степени были характерны черты соседской общины.

Наряду со стойбищем В. Г. Богораз отмечает у оленных чукчей объединения и по чисто родственному принципу — семейную группу (*варат*). Члены варата были связаны между собой рядом общих обязанностей и обрядов. Обычай кровной мести особенно объединял его членов, поэтому семейная группа называлась еще *чинйырын* — «группа участников кровной мести». Каждая семья имела свой огонь, добываемый из священного деревянного огнива. Передача огня допускалась только между родственниками по отцовской линии. Лица, принадлежащие к отцовской линии родственников, назывались людьми «одного огня». Существовали особые знаки, изображавшиеся на лице оленьей кровью во время осеннего жертвоприношения, причем семьи, связанные родством по отцовской линии, употребляли одни и те же знаки помазания, переходившие из поколения в поколение, отсюда другое название семейной группы — «люди одной крови». 15—20 стойбищ образовывали территориальную группу, связанную взаимопомощью.

В старину чукчи знали патриархальное рабство. Рабы, мужчины и женщины, захватывались во время военных столкновений, которые чукчи вплоть до середины XVIII в. вели со своими соседями — коряками, юкагирами-чуванцами и эскимосами. Рабы жили в яранге хозяина, пасли его оленей и выполняли другие работы. Иногда рабом считался и чукча убийца или кто-нибудь из членов его семьи, выданный родственникам убитого. Этот человек переселялся в семью убитого и должен был выполнять всю его работу, заменяя мужа его вдове и отца его детям. Укрепление власти Русского государства на Чукотке постепенно уничтожило рабство у чукчей.

В области семейно-брачных отношений в конце XIX и начале XX в. у чукчей господствовал индивидуальный брак, но наблюдатели отмечали у них яркие пережитки группового брака. По обычаю чукча мог вступить в «переменный брак», т. е. пользоваться правами мужа по отношению к женам своих товарищей по браку. По материалам В. Г. Богораза в переменный брак чаще всего вступали двоюродные братья или другие родственники. Индивидуальный брак был легко расторжим. Лишь у богатых, особенно у оленных чукчей, практиковалось многоженство.

Обычным условием заключения брака была отработка за невесту. Чукча, намеревавшийся вступить в брак, в течение определенного срока пас оленей будущего тестя, а у приморских чукчей выполнял разные домашние работы (заготовку топлива и т. п.) в течение 2—3 лет. Калыма чукчи не знали. Существовал также брак путем похищения и путем обмена женщинами. Свадебный обряд состоял из помазания кровью принесенного по этому случаю в жертву оленя, причем невесте наносили на лице знаки помазания семьи жениха. После брака жена поселялась в семье мужа.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции у чукчей было налицо уже значительное социальное расслоение. Процесс имущественной и социальной дифференциации ускорялся под влиянием торговли с русскими и американцами, следствием чего было: в области производства появление новых средств производства (огнестрельного оружия, вельботов и др.), рост товарного значения продукции промыслов (шкура и клык моржа, китовый ус), а в области социально-экономических отношений — появление торговых посредников, крупных оленеводов и безоленных пастухов, хозяев байдар и безбайдарных зверобоев. Пастухи вынуждены были пасти стада крупных оленеводов; зверобои — промышлять на чужой байдаре. Пастухами чаще были родственники; хозяин кормил пастуха вместе с его семьей, за что тот пас его стадо, выполняя все тяжелые работы. Если богатый оленевод

давал пастуху продукты морского промысла (жир, шкуры, ремни), выменянные им у приморских, то за это пастух должен был отдавать ему всю добытую им пушнину. Таким образом, за родственными и соседскими отношениями скрывалась эксплуатация.

Исторически сложившееся общественное разделение труда между оленными и приморскими чукчами давно породило между ними натуральный обмен. Оленеводы нуждались в жире морских животных для отопления и освещения, в шкурах для обуви, в ремнях из этих шкур. Приморским чукчам в свою очередь были необходимы мясо, а также шкуры оленей для зимней одежды и обуви и для устройства полога. Со временем, в связи с развитием торговли с русскими, а позже с американцами, этот натуральный обмен расширился за счет привозных товаров и продуктов питания. Русские товары проникали с запада и доходили до американского побережья. Оттуда в свою очередь шли американские товары. Посредниками в этом обмене явились сначала западные (колымские) чукчи-оленеводы, а затем приморские чукчи и азиатские эскимосы. Этот обмен через посредников по мере развития все больше утрачивал свой первоначальный патриархальный характер, из среды посредников выделились настоящие торгаши, хотя деньги при этом еще не фигурировали. Оленные чукчи глубинных районов тундры находились очень далеко от торговых пунктов, поэтому обычно один из членов стойбища получал от ближайших оленеводов продукты оленеводства для обмена и откочевывал к побережью. Через 3—4 месяца он достигал цели своего путешествия — мыса Дежнева или одного из расположенных по соседству селений. В течение лета он оставался на побережье, охотился вместе с приморскими жителями, получая свою долю добычи. Обменяв привезенные из тундры продукты на тюленьи шкуры, ремни, ружья, патроны, табак, спирт, он возвращался зимой домой. В результате такого посредничества среди чукчей выделились специальные лица *кавралыт* (ед. ч. *кавралын*) — «поворотчики», занятием которых являлись обменные операции.

Для чукчей, как и для других народностей Сибири, характерны были анимистические представления. Вся вселенная, по их представлениям, населена духами (*кэлет*). Считалось, что духи незримы, весьма подвижны, часто меняют свой внешний облик, могут увеличиваться и уменьшаться в размерах; жизнь духов подобна жизни людей. Чукчи верили, что духи имеют оленей, живут в стойбищах, женятся, ссорятся между собой, охотятся и т. д. Объектом охоты злых духов являлись человеческие души, которые они якобы резали и поедали. Болезнь и смерть человека объяснялась похищением его души духами. Защитой от болезней и несчастий и залогом удачи в промысле, по представлениям чукчей, служили амулеты, заклинания и различные обряды. Амулеты считались наделенными особой силой, защищающей их владельцев от злых духов. Их прикрепляли к одежде, привешивали к жилищу и промысловым орудиям, изображали на байдарах и бытовых предметах.

Особое место в быту чукчей занимали священные предметы, связанные с «охраной» стада у оленных чукчей и «обеспечивающие» удачу в промысле — у приморских. К ним относились: деревянный прибор для добывания огня (деревянное огниво), связки семейных «охранителей» (собрание амулетов) и семейные бубны. Деревянное огниво — доска, в углублениях которой вращалось лучковое сверло, имело грубую антропоморфную форму (чаще всего вырезывали только голову и плечи). Углубления, получавшиеся на доске от сверления, считались «глазами» этой доски, а звуки от трения — ее «голосом». Огонь, добытый при помощи такого прибора, считался священным, передача его другой семье могла, по воззрениям чукчей, повлечь за собой в первую очередь неудачу в хозяйствен-

ной жизни. Целью заклинаний также была удача в промысле (например привлечение зверей на охоте) или обеспечение благополучия стада. То же значение имели и сезонные праздники, устраивавшиеся с целью привлечь покровительство духов и тем самым обеспечить сохранение стад и удачу в охоте. Главными из таких праздников у оленеводов являлись осенние и зимние убои оленей и праздник рогов; у приморских — жертвоприношение морю, праздник байдары, праздник голов, праздник Кэрэткуна.

Важным моментом праздников было жертвоприношение. В жертву духам приносили оленей (у оленных чукчей) и собак (у приморских). Кроме этого, приносили в жертву маленькие фигурки оленей из жира, корней растений, снега и др. Эти фигурки заменяли настоящих оленей. Жертвой могли служить также кровь, мясо, внутренности, жир, костный мозг оленей и морских зверей. При жертвоприношениях, кроме обычной, употреблялась и специальная посуда, представлявшая собой кусок дерева с вырезанными в нем углублениями. Имеются также указания, что прежде жертвенная посуда делалась из снега. Мясо жертвенных оленей в большинстве случаев поедалось.

Прибор для добывания огня

Первый и второй осенние убои оленей являлись главными праздниками оленеводов. В день праздника пастухи пригоняли стадо оленей к летнему кочевью, женщины раскладывали костер. Стадо встречали громкими криками и выстрелами, которые должны были испугать и отогнать злых духов, затем совершалось жертвоприношение, разбрасывались кусочки пищи. Мужчины отделяли от стада и убивали оленей, преимущественно молодых телят, после чего совершался обряд помазания кровью людей и нарт. Мясо вносили в холодное помещение яранги и варили. После еды до конца дня все члены семьи поочередно ударяли в бубны. На таких праздниках часто присутствовали приморские чукчи и эскимосы, привозившие оленеводам продукты морского зверобойного промысла в обмен на шкуры и мясо оленей. Количество убитых и обмененных оленей и число гостей с побережья всецело зависело от зажиточности оленевода. Обычно на празднике устраивались состязания в беге.

Праздник жертвоприношения морю приморские чукчи совершали в конце лета или осенью. В сопровождении женщины лучший охотник в семье приходил к морю, неся свое охотничье снаряжение. Женщина приносила жертву: кровяную похлебку и кусочки колбасы из оленьих кишек, а мужчина «показывал» морю свое снаряжение и просил удачи и безопасности в промысле.

Ранней весной каждая байдарная артель устраивала праздник байдары. Утром байдару снимали с вешал и приносили в жертву морю мясную пищу. Затем байдару переносили к яранге и снова приносили жертву. Все участники праздника обходили вокруг яранги. Первой шла старейшая женщина семьи, за ней — хозяин байдары, рулевой, гребцы и остальные участники праздника. Утром следующего дня байдару относили к морю и помещали на устроенные там вешала. Совершив жертвоприношение морю, спускали байдару в море и отправлялись в первую поездку.

Летом, после окончания ловли тюленей на ловучих льдах, устраивали праздник голов. Из мясной ямы вынимали головы моржей и лахтаков и клали на шкуру посреди яранги. К самой большой голове привязывали длинный ремень и изображали вытаскивание из воды туши убитого моржа.

Праздник Кэрэткуна был посвящен «владельцу» всех морских зверей. Он устраивался поздней осенью и длился от 2 до 3 суток, в зависимости от зажиточности данной семьи; проводили этот праздник в помещении яранги. В качестве атрибутов на празднике употреблялась специальная сеть из сухожилий оленя («сеть Кэрэткуна»), разрисованные весла, фигурки птиц и изображение Кэрэткуна в виде небольшой человекообразной фигуры из дерева. Семья, устраивающая праздник, одевалась в одежду из кишок моржа и специальные головные уборы. В числе других праздничных блюд обязательно приготовляли толкушу из корней с тюленьим жиром и мясом оленя. По окончании праздника изображение Кэрэткуна сжигали на жирнике, пол подметали, мусор и остатки жертвоприношений собирали и бросали в море, считая, что этим возвращали морю всех убитых зверей.

При выполнении обрядов обычно употребляли бубен, который был в каждой семье. Чукотский бубен — узкоободный, круглый, диаметр его 40—50 см, с прикрепленной к обечайке ручкой. Колотушка делалась из китового уса или дерева.

Шаманы специального одеяния не имели, их можно было отличить лишь по большому количеству амулетов и кисточек, нашитых на одежду. Отличительной чертой шаманских действий являлось у чукчей чревовещание, шаман обычно проделывал различные фокусы (например, «прокалывал себя ножом» и т. д.).

Среди чукчей были широко распространены запреты, большинство которых вредно отражалось на оленеводстве и охоте. Так, чукчи-оленеводы, несмотря на огромный вред, наносимый стадам оленей полярными волками, убивали их лишь в случае прямого нападения, а обычно позволяли свободно разгуливать по тундре, так как волк считался оборотнем. Приморский охотник из-за обязательного траура по умершей жене иногда до 40 дней не выходил на охоту, пропуская ход моржей, и оставался на всю зиму без запасов пищи для семьи и для ездовых собак.

У чукчей существовало два способа погребения: сжигание трупа на костре и оставление его в тундре. Мертвого одевали в похоронную одежду, чаще из белых шкур. Когда труп оставляли в тундре, то при этом убивали оленей (у оленных) или собак (у приморских чукчей), считая, что покойник совершает на них путь в землю мертвых. Похороны сопровождались многочисленными магическими обрядами.

По представлениям чукчей, в царстве мертвых лучшие места для обитания предоставлялись людям, умершим добровольной смертью. Добровольная смерть была широко распространена среди чукчей. Человек, желающий умереть, заявлял об этом своему родственнику, и тот должен был исполнить его просьбу, т. е. удушить или убить ударом копья. Чаще всего добровольную смерть предпочитали старики, но нередко поводом для нее служила тяжелая болезнь, сильное горе, обида.

Обращение чукчей в христианство имело место только вблизи русских поселков (Анадырь, Нижне-Колымск), но и здесь оно ограничивалось усвоением лишь некоторых простейших православных обрядов.

Народное творчество

В. Г. Богораз подразделял чукотский фольклор по его содержанию на космогонические мифы («первоздания вести»), сказки о похождениях шаманов и бытовые («настоящие вести») и сказания о межплеменных столкновениях («времен раздоров вести»). Многие из чукотских мифов аналогичны корякским, ительменским, эскимосским и мифам североамериканских индейцев. В чукотских мифах о сотворении мира встречается образ Ворона-Куркыля (корякский Куйкынняку, ительменский Кутх). Куркыль проклевал в небе дыру, через которую пробился рас-

свет. Он же похитил у злого духа мячи с зашитыми в них солнцем, луной и звездами, расклевав оболочку мячей, освободил светила. При этом он якобы опалил свои белые перья и с той поры стал черным. Наряду с этим имеется значительное количество сказаний, в которых Куркыль выступает в смешных и глупых положениях и часто оказывается одураченным.

Во многих сказаниях говорится о злых духах кэлет, о чудовищах, главным образом морских, о страшном Кочатко — белом медведе с костяным туловищем и шестью лапами и других.

Очень обширен раздел сказок о животных, птицах и насекомых. В них бурый медведь всегда представлен глупым, неповоротливым и попадает впросак. Больше всего на свете он боится куропаток, внезапно вылетающих из кустов. Лиса (ее сказочное имя Нутэнэут — «полевая женщина») хитра и коварна. Росомаха в сказках отличается вороватостью.

«Времен раздоров вести» рассказывают о столкновениях с оленеводами — коряками и с американскими эскимосами.

В чукотском фольклоре отсутствуют загадки и очень мало пословиц, зато очень распространены скороговорки.

По сравнению с богатым устным поэтическим творчеством, пляски и пение, если не считать обрядовых, были развиты у чукчей слабо. Обрядовые мелодии передавались по наследству в пределах семьи.

ЧУКЧИ В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

Советская власть на Чукотке была провозглашена 16 декабря 1919 г. Анадырским подпольным ревкомом. Были арестованы ставленники Колчака, аннулированы права американской фирмы Свенсена и местных купцов на рыбные промыслы, приняты меры к улучшению торговли и т. д. Но 31 января 1920 г. оставшиеся на свободе колчаковцы произвели контрреволюционный переворот и расстреляли членов ревкома. В июле 1920 г. отряд Красной гвардии восстановил в Анадыре советскую власть. Участие чукчей в гражданской войне выразилось в организации совместно с эскимосами с. Наукан уэленского партизанского отряда. В 1923 г. был организован в Уэлене Чукотский районный ревком и на всем Чукотском полуострове окончательно установилась советская власть. Вскоре на территории расселения чукчей были организованы советы, вначале так называемые лагерные комитеты, замененные затем национальными советами, а впоследствии — сельскими советами.

В 1930 г. был организован Чукотский национальный округ. Национальное районирование стимулировало более быстрые темпы хозяйственного и культурного развития чукчей.

За 25 лет существования национального округа основные отрасли чукотского хозяйства — оленеводство и морской зверобойный промысел — подверглись значительным преобразованиям, подсобные промыслы — пушная охота и рыболовство получили широкое развитие. Перестройка хозяйства у приморских и оленных чукчей происходила по-разному. У оленеводов, кроме того, в глубинных тундрах она началась позднее и шла менее интенсивно, чем в районах с большим количеством русского населения.

Первыми новыми формами организации хозяйства явились товарищества по совместному выпасу оленей, которые начали создаваться в начале 30-х годов. При таком ведении хозяйства олени оставались собственностью их владельцев, но выпас производился совместно. Организация первых товариществ встретила сопротивление со стороны богатых оле-

неводов. История первых лет коллективизации на Чукотке знает немало фактов саботажа и вредительства со стороны крупных оленеводов.

Экономические успехи первых объединений явились предпосылками для перехода к более высокой форме объединений — артели. Переход товариществ по совместному выпасу оленей на устав сельскохозяйственной артели происходил одновременно с их укрупнением. В других случаях маломощные товарищества присоединялись к ранее организованным колхозам. Так за короткий срок возникли крупные колхозы, насчитывающие многотысячные стада. В Чаунском районе после перехода на устав сельскохозяйственной артели общественное поголовье оленей возросло в два раза.

Особо следует отметить объединение морских зверобойных колхозов с оленеводческими. Обычно в приморские колхозы вливались маломощные товарищества по совместному выпасу оленей, кочующие у побережья, а также и единоличники-оленеводы. Выше уже было сказано об оживленном обмене между приморским населением и оленеводами, существовавшем с глубокой древности. Оленеводы были заинтересованы в продуктах морского промысла, а приморские — в продуктах оленеводства. В социалистических условиях эта связь выразилась в новой форме — в организации комплексных коллективных хозяйств. Крупнейший в Чукотском районе колхоз им. Ленина был организован в 1940 г. Первоначально его обобществленное хозяйство состояло из 4 байдар и 300 голов оленей. После укрупнения в его хозяйстве в 1952 г. насчитывалось 8 байдар и вельботов и свыше 15 тыс. оленей.

Землеустройство пастбищных угодий в колхозах привело к значительному расширению кормовой базы, освоению новых пастбищ и к более рациональному использованию старых. Правление колхоза закрепляет пастбища за отдельными пастушескими бригадами, устанавливает точные маршруты кочевок стад. Практикуется частая смена пастбищ. Это помогло улучшить содержание оленей и повысить их упитанность. В технику оленеводства вводятся новые методы, как заимствованные из опыта других национальных округов, так и обобщенные на основании опыта передовиков-оленеводов Чукотки. В Чукотские колхозы был перенесен опыт более развитого ненецкого оленеводства, в частности при пастьбе стад начали применять оленегонных лаек.

Новым техническим достижением в чукотском оленеводстве являются усовершенствованные корали (загоны) для оленей. Прежде чукчи знали примитивный кораль, сооружаемый из ездовых нарт, когда нужно было отделить от стада транспортных оленей. В современных колхозах наряду с такими коралями появляются корали из веревочной сетки, проволоки, материи (переносные) или из жердей (стационарные). В них производится зоотехническая и ветеринарная обработка оленей, подсчет оленьего поголовья, клеймение, паспортизация и выбраковка оленей для убоя, выделение племенных и т. д.

В оленеводческих колхозах создаются промежуточные базы — подсобные хозяйственные постройки, сооружаемые на путях следования стад (в них пастухи могут оставлять инвентарь, не нужный им для данного сезона, продукты, запасные материалы и т. д.).

Улучшается зооветеринарное обслуживание стад. Зооветеринарные работники регулярно осматривают стада и осуществляют профилактические мероприятия. Ведется большая работа и по улучшению пород оленей. Практикуется межколхозный обмен производителями, приобретаются олени ламутской породы. Ламутский таежный олень более крупный, сильный и выносливый, чем чукотский, и при скрещивании дает более сильное потомство. Кадры оленетехников готовит Анадырская

Оленье стадо колхоза-миллионера им. И. В. Сталина. Анадырский район

школа подготовки руководящих кадров колхозов. Среди окончивших эту школу большой процент составляют чукчи.

Особое значение для роста поголовья оленей имеет сохранение молодняка. Поэтому большое внимание уделяется уходу за стадами во время отела (так называемой отельной кампании). После отбивки важенок от неплодовой части в марте их перегоняют на свежие малоснежные пастбища, имеющие естественную защиту от непогоды. Уход за ними в этот период поручается наиболее опытным пастухам, в помощь им дополнительно выделяются другие колхозники.

Основной формой организации труда в оленеводческих колхозах Чукотки является пастушеская бригада. За каждой бригадой закрепляется определенное стадо, необходимый инвентарь, средства передвижения и хозяйственные постройки (корали, промежуточные базы). Бригадир планирует выпас стад в пределах установленных маршрутов кочеваний, производит осмотр пастбищ и водоемов. На зоотехнических курсах и в кружках чукчи-пастухи приобретают технические знания по уходу за стадами и по борьбе с заболеваниями оленей. Партийные организации округа регулярно созывают районные и окружные совещания передовиков-оленеводов. Пастухи и бригадиры рассказывают об опыте своей работы на страницах местной печати.

Общественное поголовье оленей в Чукотском национальном округе значительно возросло: к концу 1952 г. оно выросло по сравнению с 1945 г. в 2.5 раза, а по сравнению с 1940 г. более чем в 7 раз.

Большие изменения произошли и в другой важной отрасли хозяйства чукчей — морском зверобойном промысле, составлявшем прежде основу существования приморских чукчей и эскимосов. Приморские чукчи и эскимосы, как указывалось выше, издавна живут в ряде селений совместно, близки по своей культуре и образу жизни. Техника зверобойного промысла у них почти не различалась. В настоящее время в Чукотском районе имеются смешанные чукотско-эскимосские колхозы.

Кроме Чукотского района, промыслом морского зверя в той или иной степени занимаются и остальные районы Чукотского национального округа, за исключением Марковского и Восточной тундры. Приморские колхозы оснащаются новой техникой. Наряду с гарпуном сейчас

На морском промысле. Колхоз «Ленинский путь»

колхозные бригады применяют на промысле специальное нарезное оружие, ружья, сетеснасти.

Растет производительность промысла: охотники на моторных вельботах имеют возможность промышлять далеко от берега, где больше зверя; увеличивается число выездов на промысел (при охоте на байдаре требовалось 10—12 человек, а на моторном вельботе достаточно 6—7 человек).

Приморские колхозы Чукотского района обслуживаются двумя моторно-зверобойными станциями (МЗС), в распоряжении которых имеются транспортные средства — шхуны, сейнеры, катеры, транспортно-буксирные суда и пр. При станциях организованы механические мастерские для ремонта промыслового оружия и плавучих средств колхозов. МЗС снабжают приморские колхозы боеприпасами, запасными частями, смазочными материалами, организовывают специальные курсы для подготовки мотористов, радистов, механиков, судовых водителей, бригадиров лова.[1]

Подсобные промыслы в колхозах Чукотского национального округа развиваются неодинаково, а значение их в каждом районе и даже в отдельных колхозах различно. Это объясняется не только географическими, но и историческими причинами.

За последние годы интенсивно развивается рыболовство в колхозах Анадырского и Марковского районов. Здесь этому благоприятствуют наличие рыбных богатств и близость к предприятиям рыбной промышленности, а также исторически сложившийся уклад жизни населения данных районов. Большой процент здесь составляют местные русские и чуванцы, которые издавна занимались рыболовством. От них чукчи и заимствовали производственные навыки. Рыболовство в настоящее время в этих районах все более приобретает товарное значение.

[1] В 1955 г. МЗС Чукотского района реорганизованы в моторно-зверобойные комбинаты, в функции которых входит также и обеспечение сбыта продукции.

Разделка туши моржа. Пос. Инчоун

Пушная охота (на песца, лисицу и росомаху) в той или иной степени развита во всех колхозах округа. Это единственный промысел чукчей, который и до революции имел высокое товарное значение; в настоящее же время товарность его увеличилась во много раз. В каждом колхозе имеются охотничьи бригады, за которыми закреплены определенные участки. Охотники разведывают новые места обитания зверя и практикуют подкармливание песца. В колхозах округа сейчас создаются звероводческие фермы, где выращиваются серебристо-черная лисица, голубой песец и норка.

Растет доходность колхозов и от развития других подсобных отраслей, таких, например, как пошивка одежды, извоз и других, совершенно не имевших прежде товарного значения.

Наиболее развиты подсобные промыслы в Анадырском и Марковском районах. Новым в хозяйственной жизни Чукотки является возникновение огородничества и животноводства.

С ростом обобществленного хозяйства и повышением его товарности увеличиваются доходы колхозов. Ряд укрупненных колхозов за короткий срок стали колхозами-миллионерами: «Турваургин» (р-н Восточной Тундры), «Пионер» (Иультинский р-н), им. Ленина (Чукотский р-н), им. Сталина (Анадырский р-н), «Турваургин», находящийся за пределами Чукотского национального округа, в Якутской АССР, колхоз, в котором свыше 50% составляют чукчи. Колхозы-миллионеры имеются как в наиболее экономически развитом районе округа — Анадырском (колхоз им. Сталина), так и в глубинных тундрах — колхоз «Пионер» (Иультинский р-н).

С ростом обобществленного хозяйства улучшается материальное благосостояние колхозников чукчей.

Колхозный строй ломает вековые традиции кочевого образа жизни оленных чукчей и создает условия для перехода на оседлость. Обычно при

Новый поселок. Анадырский район, колхоз им. И. В. Сталина

организации колхоза для руководства хозяйственной жизнью создается оседлый центр. Около него постепенно оседает население, первоначально колхозники, мало связанные с оленеводством, нетрудоспособные и т. д. Таким образом, вокруг центральной усадьбы, как обычно называют в округе центр оседания, вырастает поселок. Переход на оседлость связан с большими трудностями. Население, привыкшее к специфическим условиям кочеваний, с трудом отвыкает от старого уклада жизни (в частности, от кочевой яранги). Сложным оказалось и освоение новых занятий, связанных с оседлостью.

Тундровые поселки чукчей чаще всего построены по берегам рек, где имеется достаточное количество древесного топлива, так как при оседании встает проблема отопления жилища. Ничем не напоминает старое стойбище новый поселок Рыркайний передового колхоза «Пионер» (Иультинский р-н). В нем, кроме жилых домов колхозников, имеются школа, фельдшерский пункт, клуб, баня, магазин, сберегательная касса, почта. Рыркайний, как и многие другие поселки округа, радиофицирован и электрифицирован.

Новое строительство особенно интенсивно развернулось с 1951 г. Следует отметить строительство бань, которых раньше чукчи не знали. Новые поселки воздвигают сами оленеводы и охотники, осваивающие строительное дело, в прошлом им совершенно не известное. В колхозах развиваются новые отрасли хозяйства, связанные со строительством: производство кирпича, заготовка леса и т. д.

Меняют свой облик и поселки приморских чукчей и эскимосов. Происходит слияние мелких разбросанных селений в крупные колхозные поселки. В них имеются благоустроенные дома, которые отапливаются привозным каменным углем.

Наряду с новыми домами продолжает бытовать и старый тип жилища чукчей — яранга. В ее устройство внесен целый ряд усовершенствований, улучшающих санитарно-гигиенические условия этого типа жилища. В приморских поселках в ярангах настилаются полы, прорезаются окна,

В новом доме. Анадырский район, колхоз им. И. В. Сталина

устраивается печное отопление. В ярангах появляется различная мебель кровати, столы, стулья.

Растет торговая сеть округа.

Большую роль в развитии торговли играют традиционные ярмарки, устраиваемые ежегодно в районах. На них колхозы и колхозники привозят на продажу излишки своих продуктов — мясо, рыбу, шкуры и другие меховые изделия, а приобретают продовольственные и промышленные товары. Большим спросом у колхозников пользуется одежда городского типа, особенно летняя (суконные брюки, пиджаки, пальто, кожаная и резиновая обувь).

Национальная одежда чукчей хорошо приспособлена к местным суровым климатическим условиям и продолжает стойко сохраняться, хотя и в ней произошли значительные изменения. Многие приморские чукчи носят под меховой одеждой, которую прежде надевали на голое тело, нижнее белье. Постепенно выходит из употребления антигигиенический неудобный женский меховой комбинезон (*кэркэр*). Женщины носят меховую рубаху мужского покроя, а иногда одежду городского типа. Они научились шить белье и платье.

С хозяйственным развитием Чукотского национального округа постепенно ликвидируется вековая изолированность отдельных районов друг от друга. Для связи с внутренними районами округа сохраняет свое значение местный собачий и оленный транспорт.

Наряду с собачьим и оленным транспортом зимой широко используются вездеходы и аэросани. Летом для связи с селениями, расположенными вдоль побережья и по рекам, употребляются механизированные плавучие транспортные средства — вельботы и байдары с подвесными рульмоторами. Авиация связала отдаленную Чукотку с центрами нашей страны. Авиапочта регулярно доставляет газеты, журналы, корреспонденцию в отдаленные тундровые поселки. Появились полярные пилоты из числа чукотской молодежи. Начало этому было положено

На уроке чукотского языка в Анадырском педагогическом училище

в 1939 г., когда комсомольцы чукчи Елков и Тымнэтагын успешно выдержали испытания по теории летного дела и совершили первые парашютные прыжки с самолета, а затем стали пилотами на родной Чукотке.

Достигнуты большие успехи в области народного здравоохранения. Следствием общего антисанитарного состояния жилища и одежды в прошлом у чукчей были распространены накожные заболевания (чесотка, экзема, лишаи). Сильное опустошение производили в прошлом эпидемии кори, краснухи, гриппа и особенно оспы. Медицинская помощь у чукчей в прошлом отсутствовала. За последние 30 предреволюционных лет на Чукотке лишь 9 раз наездом побывали врач или фельдшер. Единственная больница в Средне-Колымске не обслуживала чукчей. «Лечили» чукчей только шаманы. Ныне больницы имеются во всех районных центрах округа; почти во всех поселках оборудованы фельдшерские пункты; кроме того, фельдшеры работают при красных ярангах. В 1952 г. в округе насчитывалось 11 больниц, 5 сельских амбулаторий, 42 фельдшерских пункта. Бюджет по здравоохранению в 1952 г. по сравнению с 1940 г. увеличился в 3 раза. Местному населению медикаменты отпускаются бесплатно. Первоначально под влиянием шаманов чукчи отказывались от врачебной помощи. Долго, а порою и безрезультатно приходилось убеждать больных принять лекарство или лечь в больницу. Теперь чукчи охотно обращаются за помощью к медицинским работникам. Это свидетельствует о большом авторитете, завоеванном советской медициной. Чукчанка, вынужденная раньше рожать в грязном пологе, теперь пользуется больницей. Значительно уменьшилась детская смертность.

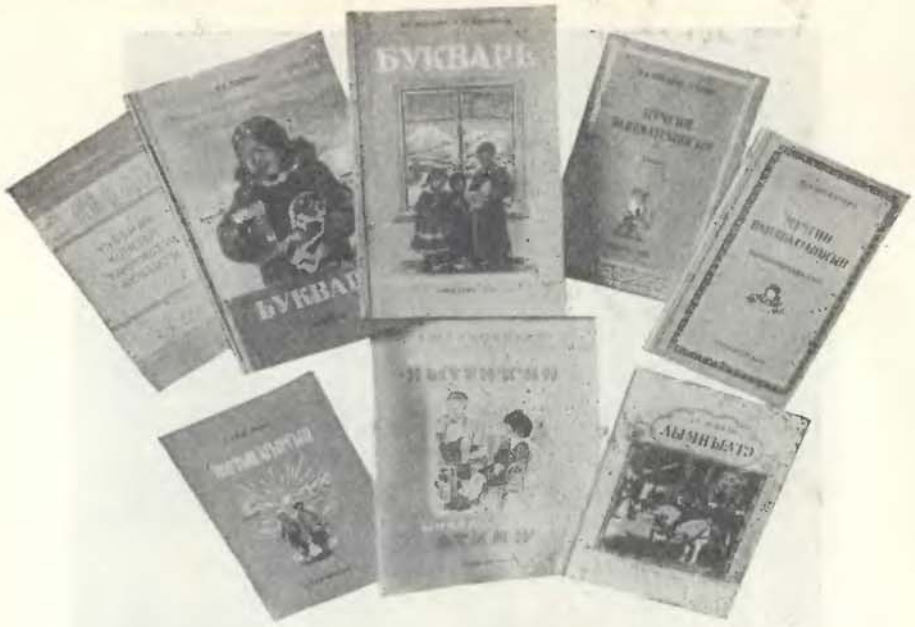
До революции чукчи были сплошь неграмотными. Еще в 1926 г. среди чукчей имелось всего 72 человека грамотных (62 мужчины и 10 женщин). Культурное строительство широко развернулось с 1930 г., после образования округа. В организованных в те годы кочевых школах учителям приходилось не только обучать детей грамоте, но также и прививать им

Аспирант Института языкознания Академии Наук СССР П. Инэнликэй в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР

навыки личной гигиены, приучать пользоваться одеждой из ткани, посудой и т. д. На первых этапах культурной работы среди чукотского населения большую роль сыграли культбазы (Вилюнейская, Чукотская и Чаунская). Культбазы располагались в пунктах, удобных для охвата культурным влиянием наибольшего числа как оседлого, так и кочевого населения. Наряду со школьной и санитарно-просветительной работой культбазы проводили большую работу по ознакомлению населения с советским законодательством, разъясняли вред религиозных предрассудков и т. д.

Большое значение имело создание в 1931 г. письменности на чукотском языке.

К 1951 году в округе уже имелось 84 средних, семилетних и начальных школ, в которых обучалось несколько тысяч детей; из них более 1200 человек находилось в интернатах на полном государственном обеспечении. В то время как до революции в единственной Уэленской школе обучалось



Книги на чукотском, корякском и эскимосском языках

лишь несколько детей чукчей, в настоящее время в Чукотском национальном округе осуществляется всеобщее семилетнее обучение и ведется большая работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения.

Педагогов для чукотских школ готовит Анадырское педагогическое училище народов Севера. В нем почти половина студентов — чукчи и чукчанки. Кадры для Чукотки готовят также Хабаровский Педагогический институт и Педагогический институт им. А. И. Герцена в Ленинграде. В 1953 г. в Ленинградском университете обучалось 5 чукчей. Комсомолец Рынтыргин окончил среднюю школу с серебряной медалью, а затем Ленинградский Государственный университет. В настоящее время он работает на Чукотке инженером-химиком. Петр Инэнликэй в 1955 г. успешно окончил Ленинградский Педагогический институт им. А. И. Герцена и был принят аспирантом в Институт языкознания Академии Наук СССР. Молодые специалисты оказывают деятельную помощь в развитии письменности на чукотском языке. Они участвуют в составлении учебников, переводят на родной язык политическую, художественную и детскую литературу. Количество названий книг, изданных на чукотском языке, исчисляется не одним десятком. В настоящее время в округе издается 7 газет. Окружная газета «Советская Чукотка» и «Блокнот агитатора» выходят на русском и на чукотском языках.

Существенно изменилось положение чукотской женщины.

Созданные в колхозах женские советы совместно с активом проводят работу по повышению общеобразовательного и политического уровня женщин, по внедрению культурных навыков в быт, организуют занятия с малограмотными, устраивают доклады, лекции и беседы на общеполитические, научно-популярные и бытовые темы. Специальные санитарные комиссии следят за чистотой в домах.

В настоящее время многие чукчанки-колхозницы работают в оленеводческих бригадах, участвуют в пушной охоте и рыболовстве, заняты

Беседа агитатора в оленеводческой бригаде.
Анадырский район, колхоз им. И. В. Сталина

в пошивочных мастерских, работают счетоводами и учетчиками и т. д.

Среди женщин-чукчанок имеются культработники, фельдшеры, медицинские сестры, педагоги. Многие чукчанки выдвинуты на руководящую работу в партийных, советских и хозяйственных учреждениях округа.

Рост хозяйственного, политического и культурного уровня чукчей благотворно отразился на развитии их национального искусства. Приморские чукчи, как и эскимосы, издавна славились резьбой по кости. Из моржового клыка они вырезывали фигурки животных, изображения шхун и различные бытовые предметы (курительные трубки, пряжки и т. д). Чукчам известна была и гравировка. На моржовых клыках они изображали охотничьи сцены, оленьи стада, поселки и т. д. В советских условиях резьба по кости у чукчей и эскимосов достигла высокого художественного уровня, сохранив свою национальную специфику. Скульптурные изображения животных поражают своей реалистичностью, тщательностью отделки деталей, разнообразием поз. Показательным является развитие гравировки. В советский период усовершенствовалась техника гравировки, большое развитие получила цветная гравировка. В рисунке на клыках, вместо прежнего нагромождения не связанных между собой фигур, появляется центральная тема, преодолевается схематичность в передаче образов животных и человека. Мельчайшие детали терпеливо, тонко и искусно выгравировываются мастером. Появился новый вид резьбы — плоскорельефная. Гравировка обогатилась новой общественно-политической тематикой. В Музее Ленина хранится

Олень. Скульптура из кости

гравированный клык, выполненный чукотским костерезом Вукволом на тему «Чукотские легенды о Ленине».

Имеются гравированные клыки с изображениями выборов в Верховный Совет на Чукотке, празднования Дня Победы 9 мая, эпизоды из колхозной жизни и др.

Выросли талантливые мастера из молодежи. Среди многочисленных работ чукотских резчиков своим высоким совершенством выделяются изделия таких мастеров, как Вуквол, Вуквутагин, Гемауге, Кейнитэгин, Рочылын, Рынтыргын, Ренвиль, Онно и др. Появились талантливые женщины-резчики (Эмкуль и др.) — явление, совершенно не известное прежде, так как резьба по кости была специфически мужским занятием. Изделия чукотских мастеров-костерезов были неоднократно представлены на всесоюзных и международных выставках. В 1937 г. на выставку в Париж были посланы работы костереза из пос. Уэлен Вуквутагина. Работа Вуквола на Международной выставке в 1939 г. получила высшую оценку; ему была присуждена золотая медаль. В 1950 г. за достигнутые успехи Вуквутагин был удостоен высшей награды — ордена Ленина.

Богатое традиционное устное народное творчество чукчей получило дальнейшее развитие в советское время, зарождается молодая чукотская литература. В 1940 г. вышло первое оригинальное произведение на чукотском языке — сборник сказок писателя-комсомольца Тинетева (Тын'этэгына). Сборник прекрасно иллюстрирован Вукволом. Художественное отражение прошлого не является единственной темой зарождающейся чукотской литературы; правдивое изображение советской действительности, новая жизнь на Чукотке все более вдохновляют молодых писателей. В 1950 г. выступлением на страницах газеты «Советская Чукотка» начал свою литературную деятельность молодой советский писатель Ю. Рытхэу. Первые стихи его были опубликованы в сборнике «Чычеткин вэтгав» («Родное слово»). С этого же года рассказы Рытхэу стали печататься в центральных журналах «Новый мир», «Октябрь», «Огонек» и др. В 1953 г. отдельным изданием вышел сборник его рассказов под названием «Люди нашего берега». Новые рассказы Рытхэу публикуются в журналах и отдельных изданиях. Высокая оценка рассказов Рытхэу, данная советской литературной общественностью, свидетельствует о большом таланте молодого писателя. Тепло встречены первые стихи начинающего чукотского поэта — В. Кеулькута.

Чукотский писатель Ю. Рытхеу

За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства и культуры в 1950 г. в связи с двадцатилетием Чукотского национального округа большая группа работников округа была награждена орденами и медалями Советского Союза. Среди них имеется много чукчей.

В числе других прав, предоставленных Конституцией СССР, чукчи наряду с другими народами Советского Союза получили представительство в высшем законодательном органе Советского Союза — Верховном Совете.

ЭСКИМОСЫ

В Советском Союзе эскимосы живут на побережье Чукотского полуострова от Берингова пролива на севере до залива Креста на западе, а также на о. Врангеля. По переписи 1926—1927 гг. численность их составляла 1292 человека. Основная масса эскимосов живет по арктическому побережью Америки от Аляски на западе до Лабрадора на востоке, а также в Гренландии (всего около 38 тыс. человек).

Общие сведения

Самоназвание азиатских эскимосов — *югыт*, *юпигыт* («люди», «настоящие люди»). В литературе они известны под разными названиями. В XVII в. их смешивали с родственными им по культуре приморскими чукчами и называли иногда «сидячие чукчи» или «пешие чукчи». Некоторые исследователи начала XIX в. называли эскимосов «онкилон» (Ф. Врангель), «намоллы» (Ф. Литке). Эти наименования — искажение чукотского слова *анкалын* — «поморянин» и корякского *нымылгын* — «поселянин».

Термин «азиатские эскимосы» вошел в литературу с конца XIX в. В 1931 г. это название было заменено названием «юиты», но оно не привилось, и с 1938 г. было восстановлено старое название «эскимосы» применительно к эскимосам Азии.

Наиболее крупными эскимосскими населенными пунктами являются селения Наукан, Чаплино, Сиреники: самое западное эскимосское селение — Узлькаль.

Эскимосы в настоящее время живут смешанно или в близком соседстве с приморскими чукчами, но в указанных пунктах эскимосское население преобладает.

Большинство взрослых эскимосов в этих поселках наряду с родным языком владеет и чукотским. В 1926 г. небольшая группа эскимосов переселилась на о. Врангеля. На более широкое расселение в прошлом эскимосов на запад до Анадыря и на север, вплоть до Чаунской губы, указывают многие данные: топонимика, остатки подземных жилищ, археологические предметы и др.

Археологические, этнографические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что история азиатских эскимосов тесно связана с историей чукчей. Археологические памятники Чукотского полуострова указывают, что древнеэскимосская прибрежная культура оседлых охотни-

ков на морского зверя существовала в Азии как на восточном (от мыса Дежнева до Анадыря и даже далее к востоку), так и на северном побережье Чукотского полуострова, вплоть до устья р. Колымы. Наиболее ранние памятники ее получили наименование уэленооквикских.

Характерными для следующей стадии древнеберингоморской культуры являлись наконечники гарпунов и предметы домашнего обихода из моржовых клыков, богато орнаментированные в особом стиле, характеризующемся сочетанием плавных кривых линий, кружков и эллипсов. Около тысячи лет тому назад древнеберингоморская культура сменилась пунукской. Среди памятников этой культуры обнаружены орудия с маленькими железными остриями — сверлами и резцами. Различие между двумя стадиями прослеживается в технике изготовления каменных орудий. В древнеберингоморской культуре преобладали оббитые, реже шлифованные орудия: ножи, наконечники копий и стрел из сланца и др. Орудия пунукской культуры, наоборот, в большинстве отшлифованы. Появляется также много новых не известных до этого предметов: костяное приспособление для защиты запястья при спуске тетивы лука, птичьи бола, панцыри из костяных пластинок. Богатый и тонкий орнамент древнеберингоморской культуры переходит в более простой, заключающийся в сочетании грубо выполненных точек, кружков и эллипсов.

Существенные изменения произошли и в жилище. Для первой стадии характерно полуподземное жилище прямоугольной формы, с каменным полом, деревянными стенами из плавника и длинным туннелеобразным коридором. В пунукском периоде оно остается таким же, но делается бо́льших размеров, стены складываются из камней, китовых костей и дерна.

Основным занятием населения, как и на прежних стадиях, оставалась морская охота. Охотились на моржей, китов и тюленей гарпуном с наконечником из кости и камня. Среди других предметов хозяйства известны плоские глиняные светильники, горшки с вдавленным орнаментом, тяжелые полозья ручных санок и мотыги из моржового клыка, сосуды, панцыри и сети на тюленя из китового уса.

Конец пунукского периода характерен грубо сделанными, без орнамента, наконечниками гарпунов. Эти наконечники хорошо датируются находимыми вместе с ними стеклянными бусами и кусками железа, полученными от русских (XVII в.). Таким образом, носители пунукской культуры непосредственно смыкаются с приморским населением, известным в русских источниках как «пешие», «сидячие» чукчи, под которыми подразумевались также и эскимосы.

Первые исторические сведения об азиатских эскимосах имеются с середины XVII в. (челобитная Семена Дежнева и др.). Сообщения об эскимосах содержатся в описаниях путешественников и исследователей конца XVIII—начала XIX в. (Сарычев, Литке, Врангель и др.). По ним можно заключить, что в этот период продолжался процесс смешения эскимосов с чукчами. Культура приморского населения сохраняла в основном черты, характерные для конца пунукской стадии. Орудия промысла и различный инвентарь делали из дерева, кости и камня. Известно было примитивное гончарство (изготовление из глины плоских сосудов, жировых светильников). Плавки железа эскимосы не знали, хотя в это время большое значение уже приобретают железные предметы, которые эскимосы получали от русских.

Исторические судьбы чукчей и эскимосов после присоединения Чукотского полуострова к России были общими для обоих народов. Эскимосы, как и чукчи, позднее других вошли в орбиту административной системы Русского государства и влияния торгового капитала. Они не пла-

тили ясак; на них, так же как на чукчей, распространялся указ 1822 г. «об инородцах, несовершенно зависимых от правительства». До середины XIX в. эскимосы, мало общавшиеся с русскими, слабо испытывали их культурное влияние.

Со второй половины XIX в. вследствие хищнического истребления китов американскими китобоями сократился китобойный промысел. Результатом этого были частые голодовки приморского населения, особенно эскимосов; приморские чукчи, связанные родственными отношениями с оленеводами, меньше испытывали недостаток продуктов. В конце XIX в. на побережье развивается торговля с русскими, успешно конкурирующая с американской.

С увеличением товарности промысла в конце XIX в. у эскимосов появляется новое охотничье и промысловое снаряжение. Основным орудием охоты становится огнестрельное оружие, появляются вельботы. Вместо пришедшего в упадок китобойного промысла увеличилась значимость добычи моржей и тюленей.

Социальная жизнь эскимосов в этот период также претерпела большие изменения. Наметилась социальная дифференциация, в результате которой выделилась социальная верхушка, связанная с американскими торговцами, эксплуатировавшая неимущее население. На этом этапе развития застала эскимосов Великая Октябрьская социалистическая революция.

Хозяйство и быт

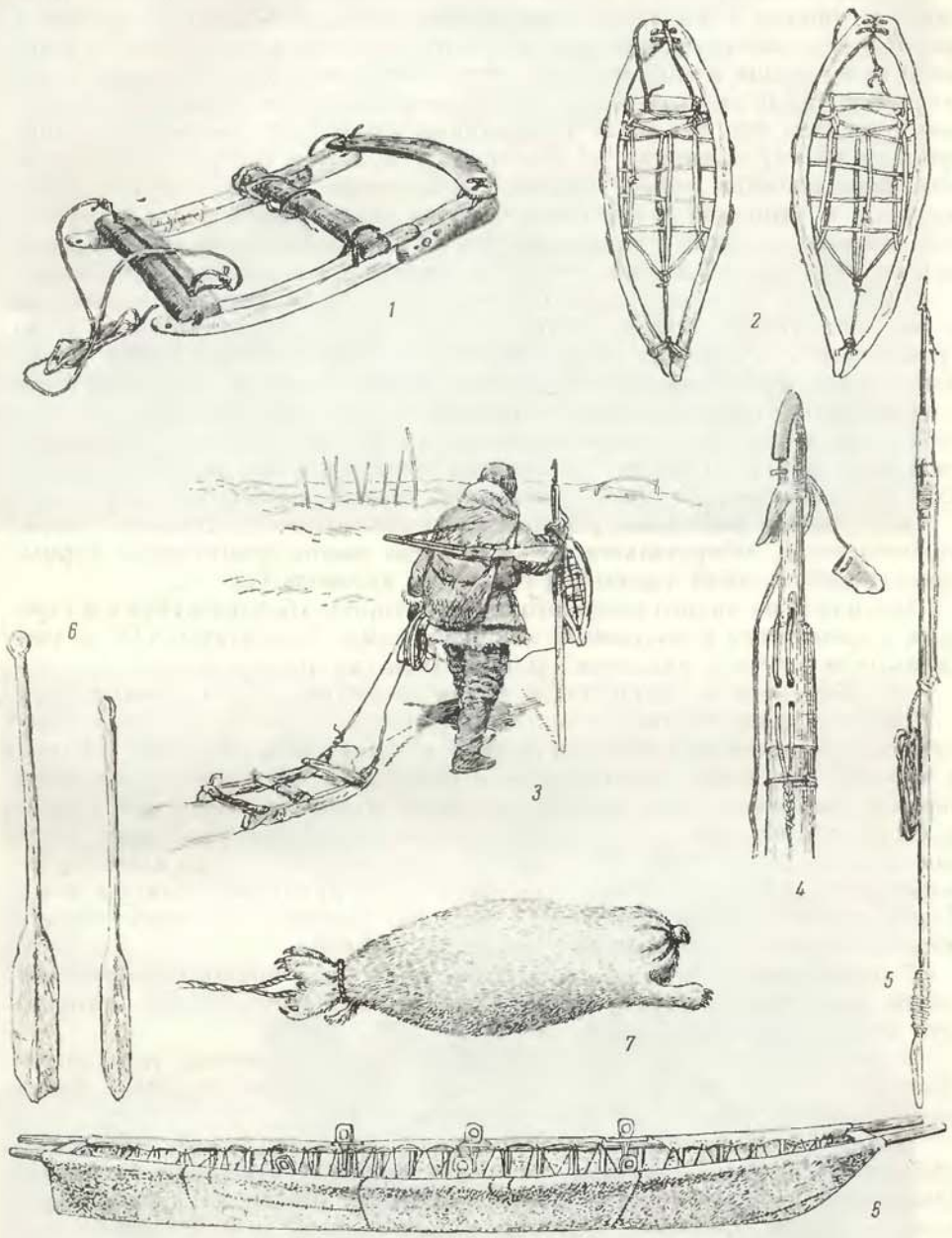
Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции первое место по экономическому значению в хозяйстве эскимосов, как и у приморских чукчей, занимал морской зверобойный промысел, главным образом охота на моржей и тюленей. Добыча китов в начале XX в. резко сократилась и не превышала нескольких штук в год.

Продукция морского зверобойного промысла удовлетворяла все насущные потребности натурального эскимосского хозяйства и быта. Мясо и жир шли в пищу людям и на корм собакам; из шкур шили одежду и обувь, они же служили материалом для сооружения жилища и изготовления орудий промысла и домашней утвари. Жиром морского зверя отапливалось и освещалось жилище.

До середины XIX в. главными орудиями добычи были копье и гарпун (метательное орудие с отделяющимся наконечником из кости, гораздо реже из железа) и ременные сети.

Важнейшим объектом морского промысла был морж. В зависимости от условий промысла существовало несколько способов добычи моржа. Ранней весной, когда льды с лежками зверя дрейфовали у берегов, эскимосы промышляли моржа на ловучих льдах. Когда льды исчезали, начинался промысел моржа на воде. Эскимосы на кожаных лодках (байдарах) выезжали в море и наблюдали за водной поверхностью. Как только появлялся морж, в него бросали гарпун с поплавком (надутая шкура тюленя), чтобы убитый зверь не затонул. Из других способов охоты на моржа эскимосам были известны добыча «отгоном» и охота копьем на береговых лежбищах. В последнем случае охотники, пользуясь неповоротливостью этого зверя на суше, в большом количестве били его копьями прямо на берегу. При промысле «отгоном» применяли специальную хлопушку из китового уса. Звуки, производимые ударами ею по воде, напоминали звук, издаваемый врагом моржей — хищной китообразной касаткой. Охотники на байдарах окружали перепуганных моржей и выгоняли их на берег. Выбравшихся на берег зверей убивали копьями.

С появлением огнестрельного оружия при охоте на моржей гарпуны стали играть подсобную роль. В моржей стреляли из ружей, причем ста-



Орудия и принадлежности морского промысла

1 — санки с полозьями из моржового клыка; *2* — лыжи «лапки»; *3* — охотник в полном снаряжении; *4* — наконечник гарпуна с железным лезвием; *5* — гарпун; *6* — весла; *7* — поплавок к гарпуну; *8* — байдара

рались не убить, а только ранить зверя. В раненого моржа бросали гарпун с поплавками, затем буксировали добытого зверя на льдину или к берегу. Появление огнестрельного оружия значительно увеличило добычу зверя.

В конце XIX в. одним из способов добычи тюленей был зимний промысел у кромки льда. Достигнув кромки берегового припая, охотники расходились, выбирали удобное место под прикрытием торосов, устанавливали на сошки ружья и ждали, когда зверь вынырнет из воды. В начале зимы, когда лед еще тонок, нерпу ловили ставными сетями из ремней. Сети опускали под лед через проделанные в нем отверстия, которые прикрывали сверху льдинами. К концу XIX в. почти совершенно исчезли старинные способы добычи тюленей: с помощью коротких метательных дротиков и гарпунов с кожаного челнока (каяка), гарпунами с берега, подползание охотника с накинутой на спину тюленьей шкурой к лежащим на льду животным, подстерегание тюленей с гарпуном у отдушины.

В связи с массовым истреблением кита американскими китобоями во второй половине XIX в. охота на него значительно сократилась, но промысел этот сохранил свое большое значение для населения. Один добытый кит обеспечивал целое селение мясом и жиром на круглый год и давал много ценной товарной продукции (китовый ус, жир). Поэтому добыча кита была настоящим праздником для всего селения. Охотились на кита всегда коллективно, обычно на нескольких байдарах или вельботах с гарпунами, а позднее с гарпунной «пушкой» и китобойным ружьем.

Подсобными занятиями у эскимосов были: охота на пушного зверя, рыболовство и собирательство. Рыболовство имело примитивные формы; мелкую рыбу ловили удочкой и сеткой из китового уса.

Охотились на дикого северного оленя и горного барана луками и стрелами с каменными и костяными наконечниками. С середины XIX в. увеличивается товарное значение пушной охоты (на лисицу, песца).

Способы охоты на птиц почти ничем не отличались от чукотских.

Главную пищу эскимосов составляли продукты морской охоты. Мясо потреблялось в пищу в вяленом (моржа, тюленя), замороженном (тюленя) и вареном (квашеное мясо моржа и кита) виде. Лакомством считалась черная, эластичная, как резина, со слоем розоватого жира кожа кита, которую ели в сыром виде. Высоко ценили эскимосы оленье мясо, называя его «сладкой пищей оленеводов». Большое место в их пищевом режиме занимала растительная пища, служившая приправой к мясу и жиру. Такой же приправой являлись и морские растения, главным образом морская капуста. Сырыми ели также моллюсков.

С развитием торговли в пищу эскимосов вошли привозные продукты. Самое широкое распространение получил чай, употребление которого они заимствовали у русских.

У эскимосов как приморских жителей были различные типы лодок. Для плавания в прибрежных водах они пользовались каяками, байдарами и вельботами (со второй половины XIX в.).

Каяк — одноместный закрытый челнок; решетчатый остов его наглухо обтягивали шкурой лахтака, оставляя круглое отверстие посредине. Охотник в меховой одежде и непромокаемом плаще из кишок моржа садился в это отверстие, которое дополнительно затягивалось ремнем из тюленьей шкуры.

Байдара (*ан'ъяпик*) — открытая, плоскодонная кожаная лодка. Деревянный решетчатый остов ее закреплялся ремнями и обтягивался шкурами моржа. Байдары были различных размеров (большие — грузоподъемностью до 4 т). Для передвижения на байдарах пользовались веслами и парусами. Несмотря на простоту сооружения и примитивность мате-

Жилище

1 — зимнее жилище; *2* — летнее жилище

риала, байдара очень удобна при плавании во льдах; борта ее под ударами льдин только пружинят, а не ломаются. Она исключительно легка, ее нетрудно вытащить из воды и даже перенести на значительное расстояние.

Сухопутными средствами связи являлся собачий транспорт. Для езды на собаках пользовались нартами. До середины XIX в. у эскимосов бытовали дугокопыльные собачьи нарты и веерная упряжка, такая же, как и у приморских чукчей. Позднее у эскимосов распространилась обычная восточносибирская нарта (такая же, как у чукчей, коряков и ительменов).

Бытовал у эскимосов еще один тип санок (*канрак*) — очень коротких, бесполозных, с полозьями из моржовых клыков. Они служили для перевозки байдар к воде и доставки добычи; тащил их сам охотник. Этот древний тип санок известен со времен древнеберингоморской культуры.

Для хождения по снегу употреблялись лыжи ступательного типа (такие же, как у чукчей), а по льду — специальные шипы из кости.

Зимой эскимосы жили в шатрах (*мын'тыг'ак'*), подобных по конструкции чукотским ярангам. Этот тип жилища вытеснил бытовавшую до середины XIX в. полуземлянку (*нын'лю*). Эскимосы чаще, чем чукчи, обкладывали шатер снаружи дерном в виде завалин, складывали стены шатра из дерна и камня, строили дощатые яранги, покрытые брезентом.

Старое летнее жилище было четырехугольной формы, с остовом из дерева, с покатой к задней стенке крышей. Остов жилища покрывали моржовыми кожами или брезентом. Размер типичного летнего жилища 3.5×5.5 м, высота передней стенки около 3, задней — 1.5 м. Внутри устанавливался небольшой полог, часто просто подвешенный на ремнях. Некоторые семьи жили летом в брезентовых палатках.

В начале XIX в. у эскимосов существовали еще общинные дома — большие землянки, в которых жило по нескольку семей, а также происходили собрания, религиозные церемонии, пляски и т. д.

В 90-х годах прошлого века у зажиточных эскимосов появились легкие дощатые дома с двускатной крышей и окнами. Дома эти приобретались у американских торговцев и обычно служили только летним жильем, а чаще — помещением для хранения товаров.

Эскимосы носили одежду и обувь из шкур морского зверя и оленьего меха. Только некоторые, наиболее богатые эскимосы пользовались бельем и имели верхнюю хлопчато-бумажную или шерстяную одежду городского типа.

Мужскую одежду составляли узкие натазники из нерпичьей шкуры, рубаха из оленьего меха (*аткук*), подобная чукотской, меховые штаны и торбаза. Летняя рубаха шилась одинарная, мехом внутрь, зимняя — двойная, мехом внутрь и наружу. На уровне бедер рубаху перетягивали поясом (*тафси*) из нерпичьей кожи, расшитым белым оленьим волосом.

На ногах, поверх меховых чулок, носили нерпичьи торбаза (*камгык*) различной высоты (обычно до середины голени).

Зимой в дальнюю поездку поверх одинарной рубахи надевали широкую из оленьих шкур кухлянку (парку) длиной до колен, с капюшоном.

Женщины носили на голом теле кожаные натазники типа трусов, поверх них надевали меховой комбинезон, такой же, как у чукчей. Женская обувь по покрою не отличалась от мужской, только была более высокая (достигала колен). Зимние торбаза часто делались из камуса, получаемого от чукчей-оленеводов.

Еще в конце XIX в., а в единичных случаях и позднее, эскимосы носили длинные кухлянки из птичьих шкурок, которые с развитием обмена с чукчами-оленеводами были вытеснены одеждой из оленьего меха. Из птичьих шкур в старину делался также спальный полог и постели.

Меховую шапку и рукавицы мужчины и женщины носили только в дороге. В остальное время, даже на сильном морозе и ветру, они ходили с непокрытой головой.

Прическа у всех женщин была одинаковая — две косы с пробором посередине. У мужчин она была разнообразнее. Обычно волосы стригли, оставляя длинные пряди на макушке или, наоборот, гладко выстригали макушку, оставляя «бахрому» вокруг головы.

Еще в начале XX в. эскимосы применяли татуировку. У мужчин она ограничивалась нанесением кружков около углов рта (диаметром 1.5—2 см), что было, несомненно, пережитком существовавшего ранее обычая носить губную втулку. Татуировка на лице женщины состояла из прямых или немного вогнутых параллельных линий, покрывающих часть лба, нос и подбородок. На щеках наносился более сложный геометрический орнамент. Особенно сложным и разнообразным рисунком отличалась татуировка рук: кисти и предплечья.

Общественные отношения

Общественное устройство эскимосов в прошлом недостаточно изучено. Существующие по этому вопросу отрывочные сведения по-разному интерпретировались отдельными исследователями. Этнографические и фольклорные данные свидетельствуют о том, что эскимосы прошли в своем социальном развитии эпоху материнского рода, пережитки которого сохранились до XX в. Наблюдатели отмечали важную роль женщин в общественной жизни эскимосов, особенно в религиозных обрядах.

Важнейшего института родового строя — экзогамии — у эскимосов не зафиксировано, хотя следы существовавших в прошлом экзогамных норм видны из различий терминов для обозначения родства со стороны отца и матери, в частности дядей с материнской и отцовской сторон. Так, дядя по матери назывался *ан'ак'*, а по отцу — *атата* (уназикский диалект).

Пережитком общеродового имени являлись, повидимому, долго сохранившиеся общие названия, которыми одна группа семей отличала себя от других семей. Например, в пос. Чаплино были известны группы семей, называющие себя общим именем Ныплювак, Лякаг'мит, Пагаг'мит и др.; в пос. Сиренеки — Сиг'инаг'мит, Силякаг'мит и др.; в пос. Наукан — Мамрох'паг'мит, Ситкомаг'мит, Тугаг'мит, Имтуг'мит и др. Свидетельством наличия в прошлом родовой организации служила и преобладающая форма брака — парный брак с отработкой за невесту, как у чукчей. Все это позволяет сделать предположение, что эскимосы также прошли в своем развитии стадию материнского рода.

В начале XX в. у эскимосов преобладали патриархальные отношения — наследование от отца к сыну, счет родства по отцу, патрилокальный брак. Яркие следы материнского рода и неоформившиеся патриархальные отношения свидетельствуют, что эскимосы, повидимому, находились на переходной ступени развития от материнского рода к отцовскому. Этот процесс в силу ряда условий не завершился, и формировавшийся отцовский род подвергся распаду.

В области экономических отношений следы первобытно-общинного строя прослеживались в «байдарной артели» (*ан'ям има*, т. е. «байдары содержимое»). Байдарная артель у эскимосов организовывалась по тому же принципу, как и у приморских чукчей. Члены артели были чаще всего ближайшими родственниками владельца байдары — его братьями, сыновьями, племянниками. Хозяином байдары являлся охотник, соорудивший ее силами своей семьи или получивший ее по наследству. Согласно преданиям, каждая байдарная артель занимала некогда отдельную круглую землянку с общим очагом, но каждая семья имела там особый полог.

В конце XIX в. отдельные семьи, входящие в байдарную артель, уже обособились. Каждая такая семья вела свое хозяйство индивидуально и объединялась лишь для промысла.

Порядок распределения добычи был следующий: мясо добытого моржа делили поровну между членами артели и всеми присутствующими при разделке зверя. Шкуру получали по очереди все охотники, но первым — хозяин байдары. Помимо этого он получал моржовые головы вместе с клыками. Так же распределялся и добытый лахтак. Убитый кит делился не только между всеми жителями поселка, но и всеми присутствующими. Хозяин байдары пользовался известным преимуществом: он получал лучшие пласты китового уса. Нерпа принадлежала охотнику, убившему ее.

Таким образом, уже в условиях натурального хозяйства бытовавший порядок распределения продукции (право владельца на лучшую и первую долю продукта) создавал предпосылки для возникновения имущественного неравенства. Имущественное неравенство возросло с того времени, когда морской промысел получил товарное значение. Установился новый порядок распределения продукции промысла, в частности половину китового уса стали получать охотники, убившие кита, и лишь вторая половина делилась между остальными участниками промысла. Возросла доля владельца основных средств промысла (вельбота, байдары). У него сосредоточивалась основная масса всей товарной продукции. Остальные охотники, лишенные средств промысла, получали ничтожную долю товарной продукции и попадали в зависимость от хозяина байдары. Таким образом, у эскимосов, как и у приморских чукчей, пережитки древних общинных отношений прикрывали эксплуатацию.

Эксплуататорская верхушка создавалась и в лице торговцев. Это было связано с развитием натурального обмена. С давних времен приморское население вело оживленный обмен с оленеводами, а также с американскими эскимосами. Роль азиатских эскимосов в обменных операциях с американскими эскимосами была значительно больше, чем чукчей. Азиатские эскимосы совершали поездки на о. св. Лаврентия и на побережье Аляски. Такой обмен происходил вплоть до начала XX в.

Развитие меновой торговли с русскими купцами и американцами, во-первых, снизило значение этого первобытного обмена, во-вторых, усилило роль отдельных эскимосов как посредников в американской торговле с чукчами-оленеводами. Из среды приморского населения выделились хозяйства, занимающиеся почти исключительно торговлей. Процесс выделения посредников шел быстрее у эскимосов, чем у приморских чукчей. В конце XIX—начале XX в. четырнадцать эскимосских торговцев обзавелись собственными лавками. Они торговали уже вельботами, механическими двигателями, китобойным огнестрельным оружием, боеприпасами и другими товарами. Торговцы, пользуясь своим экономическим преимуществом, иногда стояли во главе селений в качестве так называемого «хозяина земли», т.е. главы селения, руководившего всей общественной и производственной жизнью односельчан. «Хозяин земли» начинал и прекращал промысловый сезон, определял время поездок к оленеводам для обмена и т. п. Вместе со стариками селения он разбирал ссоры и тяжбы между односельчанами. Функции «хозяина земли» переходили по мужской линии, обычно от отца к сыну.

Верования и обряды

Религиозные представления эскимосов имели много общего с чукотскими. Эскимосы верили в благожелательных и вредоносных духов. Последняя категория (*туг'ныг'ат*) считалась опасной для людей. Различные несчастья, особенно болезни, приписывались действиям туг'ныг'ат.

У эскимосов было распространено почитание некоторых животных и птиц, убивать которых запрещалось. К ним относились касатка, волк и ворон. Большое значение имел культ касатки. Эскимосы верили, что касатка покровительствует морским охотникам; зимой она превращается в волка и наказывает скупых оленеводов, поедая их оленей, если те не дают мясо и шкуры оленей приморским жителям. Деревянное изображение касатки эскимосы носили при себе на ремне. Фигура касатки изображалась на байдарах и вельботах.

Для защиты от злых духов эскимосы применяли амулеты и наносили на лице красной охрой или графитом полоски — знаки помазания; последние особенно часто делались при болезнях. Иногда на лицо больных наносили татуировку в виде схематических человеческих фигурок.

Обрядовые празднества эскимосов чаще, чем у чукчей, сопровождались драматическими представлениями и плясками. Эти празднества были главным образом связаны с культом промысловых животных. Смысл их заключался, с одной стороны, в испрашивании богатой добычи в будущем году, с другой — в благодарности за удачную охоту. На празднике кита, устраиваемом членами байдарных объединений, различным ритуальным действиям, совершаемым в это время, придавали магическое значение обеспечения удачи в будущей охоте. Завершался праздник бросанием в море остатков обрядовой еды — кусков китового мяса. Эскимосы верили, что этим возвращалась жизнь убитым китам, которые в будущем снова станут добычей охотников.

Тот же характер имел и так называемый праздник голов, устраивавшийся в летнее время. На нем представлялась символическая охота на моржей. Всем обрядом руководила старейшая женщина семьи.

В каждом селении был свой главный шаман. Обычно шаманами были мужчины, но известны и «могущественные» шаманки. Вообще женщина в религиозных обрядах играла большую роль, особенно в заклинаниях и магических действиях. В ее ведении находились священные амулеты (охранители); она приготовляла обрядовую пищу; старейшая в семье женщина совершала татуировку, наносила знаки помазания и т. д.

Особого шаманского костюма у эскимосов не было, но подвески, бахрома, кисти на обычной одежде указывали на принадлежность эскимоса к шаманам. Шаманы получали вознаграждение за свои услуги.

Религиозные верования эскимосов получили отражение в их искусстве и мифологии. Существовали деревянные скульптурные изображения духов-охранителей. Некоторые предметы обрядовой одежды украшались специальным орнаментом. Распространены были различные мифы.

Современная жизнь эскимосов

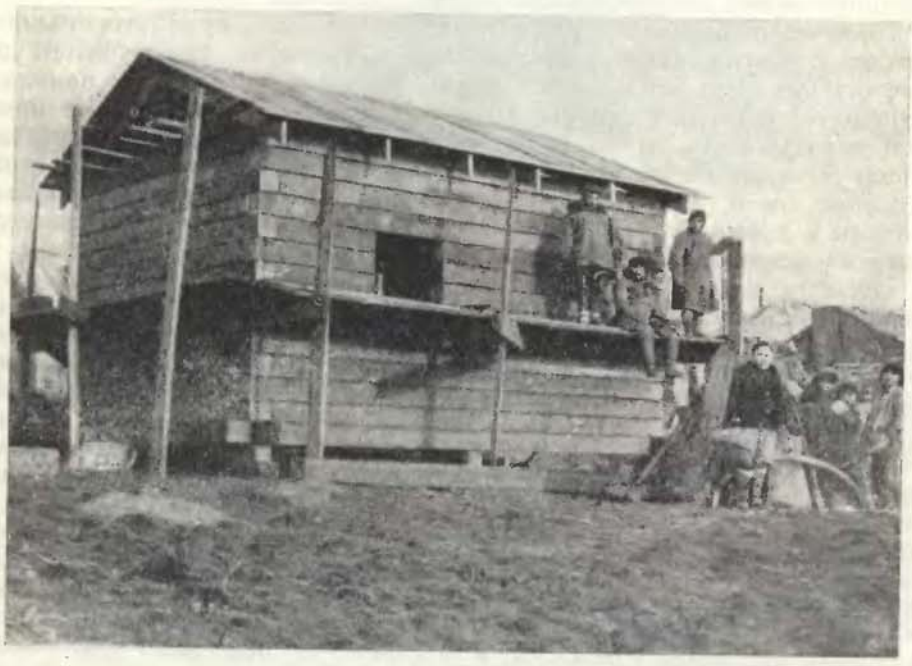
Исторически сложившаяся культурная и хозяйственная общность эскимосов и приморских чукчей обусловила единые пути социалистической реконструкции их хозяйства и быта. После окончательного установления советской власти на побережье Чукотки (1923 г.) среди приморского населения развертывается работа по культурному строительству и переустройству хозяйства приморских чукчей и эскимосов.

Первые мероприятия советской власти были направлены на ограждение населения от произвола торговцев и ликвидацию культурной отсталости. В 1925 г. были открыты первые школы. Большую культурную и оздоровительную работу среди эскимосов провела Чукотская культбаза, организованная в 1928 г. на побережье зал. Лаврентия. В эти же годы зарождается кооперация, которая организует торговлю, сезонные промысловые группы охотников и женские пошивочные артели. Эти сезонные промысловые объединения охотников на морского зверя были зародышами будущих колхозов. Первый эскимосский колхоз «Новая жизнь» организовался

Возвращение вельботов с добычей

Подготовка туши кита к разделке

Строительство колхозного поселка. Чукотский район, с. Сиреники



Постройка дома. Чукотский район, с. Сиреники

Эскимоска Галя Укэувун — ученица пятого класса. Бухта Провидения

в 1931 г. в пос. Чаплино; в том же году возникают колхозы «Ленинский путь» (пос. Наукан) и «Ударник» (пос. Сиреники).

С организацией Чукотского национального округа в 1930 г. эскимосы вместе с чукчами стали принимать непосредственное участие в государственном управлении. В 1932 г. на первом Окружном съезде Чукотского национального округа в состав Окружного исполнительного комитета впервые были избраны депутаты-эскимосы.

За годы советской власти на побережье Чукотки произошли большие изменения в хозяйстве и быте эскимосов. Реконструкция хозяйства, как и у приморских чукчей, происходила на базе морского зверобойного промысла. Уже к середине 1938 г. процент охвата эскимосских хозяйств коллективизацией достигал 95.

Большую помощь колхозам оказывают государственные моторно-зверобойные станции, которые обеспечивают колхозы усовершенствованными орудиями промысла, транспортом, боеприпасами и подсобными материалами. Моторно-зверобойные станции подготавливают кадры квалифицированных промысловиков из среды местных колхозников.

Техническое оснащение во много раз увеличило производительность промысла. Так, например, раньше, чтобы доставить кита, убитого далеко от берега, на байдаре требовалось 2—3 дня, теперь же с помощью моторного транспорта для этого нужно всего 3—4 часа. Рост технической оснащенности промысла и новая организация труда позволили наряду с морским промыслом развивать рыболовство, пушную охоту (особенно на о. Врангеля), оленеводство. В приморских колхозах появились новые занятия: переработка продукции морского промысла (вытопка жира и пошивка одежды из шкур морских животных и из оленьего меха). Женские пошивочные бригады при колхозах изготовляют из тюленьих шкур непромокаемую обувь и брюки, которые пользуются спросом не только среди колхозников-оленеводов, но и за пределами Чукотского национального округа. В настоящее время эскимосы южных селений Уэлькаль, Сиреники и Чаплино, кооперируясь с ближайшими по территории оленеводческими хозяйствами чукчей, создают смешанные промыслово-оленеводческие хозяйства. Так, например, в Сиреникovский эскимосский колхоз «Ударник» за последние годы влились отдельные малооленные хозяйства чукчей Курупканской тундры. Колхоз получил от государства обширные угодья для выпаса оленей. В нем организовано несколько оленеводческих бригад, возглавляемых опытными пастухами-чукчами. Благодаря правильной организации выпаса и постоянному ветеринарному надзору колхозное стадо за несколько лет почти удвоилось, и в 1954 г. в нем было уже около 10 000 голов оленей. Значительная часть оленей является личной собственностью членов колхоза. Первые опыты перехода к многоотраслевому хозяйству уже дали ощутительные результаты: повысились доходы

Студентки Государственного Педагогического института им. А. И. Герцена эскимоски и чукчанка у здания Зимнего дворца в Ленинграде

колхозов от оленеводства (которого ранее у эскимосов не было) и от механизированного промысла морского зверя, в связи с чем возросло благосостояние колхозников. Неделимые фонды колхозов Чукотского района — основного района расселения эскимосов — в 1954 г. по сравнению с 1940 г. возросли более чем в 4 раза, личные доходы колхозников от общественного труда за этот же период увеличились в 3 раза.

Советский строй обеспечил улучшение материально-бытовых условий жизни эскимосов и ликвидацию их культурной отсталости.

На территории расселения эскимосов и чукчей в настоящее время широко развертывается жилищное строительство. Во всех крупных населенных пунктах побережья идет строительство типовых деревянных домов, рассчитанных на одну семью. Многие эскимосские семьи из яранг перешли уже в светлые и благоустроенные новые дома.

Культурное строительство особенно интенсивно развернулось с начала 1930-х годов. К 1937 г. все дети школьного возраста были уже пол-

Эскимосский танец «Ворон». Самодеятельность Анадырской школы руководящих колхозных кадров

ностью охвачены обучением, успешно проходила ликвидация неграмотности и среди взрослых. В настоящее время осуществляется всеобщее семилетнее образование. Обучение в эскимосских школах проводится в первых двух классах на эскимосском языке, а затем на русском. Эскимосская молодежь учится в высших учебных заведениях — в Хабаровском медицинском и педагогическом институтах, в Чукотском медицинском и педагогическом училищах, а также в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена.

В настоящее время в Педагогическом институте имени А. И. Герцена обучаются эскимосы, окончившие средние учебные заведения у себя на родине. Эскимоска Валентина Кагак по окончании педагогического училища народов Севера в Анадыре более десяти лет проработала учительницей в школах родного края. Сейчас она продолжает свое образование в Ленинграде. Вместе с Кагак обучается ее землячка эскимоска Л. Айнана, получившая среднее образование на Чукотке. Выпускница Педагогического института имени А. И. Герцена эскимоска В. А. Аналькваса работает ныне преподавательницей эскимосского и русского языков в педагогическом училище народов Севера в Анадыре. Она является также переводчиком и автором ряда учебников для эскимосских школ.

В пределах Чукотского округа работают различные курсы по подготовке специалистов для промыслового и оленеводческого хозяйства, а также по подготовке руководящих работников для колхозов и партийно-советских учреждений. Эскимосы, прошедшие обучение на курсах, работают мотористами, старшинами местных промысловых судов, радистами, зоотехниками, председателями колхозов. Бывший охотник-эскимос из Чаплинского колхоза «Новая жизнь» Каля по окончании курсов руководящих работников был парторгом в родном колхозе, а в настоящее время является одним из секретарей Чукотского райкома КПСС и депутатом районного и областного Исполкомов.

Резьба из кости и изделия из меха

1 — деталь скульптурной группы, кость; *2* — медведь и заяц, кость; *3* — меховой ковер

В медицинских пунктах, имеющихся почти во всех селениях, а также в трех стационарных больницах, обслуживающих приморское население, среди среднего и низшего персонала насчитывается много эскимосок. Местные кадры медицинских работников готовит фельдшерское училище в Анадыре.

Развивается и народное искусство эскимосов.

Эскимосы, так же как и приморские чукчи, издавна славились искусством резьбы по кости. Из моржового клыка эскимосы вырезывали фигурки животных или гравировали моржовые клыки, изображая на них различные промысловые и бытовые сцены. Реалистическое в своей основе искусство эскимосов в годы советской власти развивается дальше по пути преодоления схематизма. Скульптурные изделия 40—50-х годов поражают уже не наивным реализмом, а реалистичностью всего облика, прекрасно переданными движениями, отсутствием стандартных форм. Создаются целые скульптурные группы, в которых все фигуры композиционно связаны между собой. Гравировка на клыках, слабо развитая в прошлом, обогащается новой тематикой, сохраняя при этом свою национальную специфику. Известны имена многих эскимосских мастеров: Хухутана — талантливого исполнителя скульптурных фигур, групп и миниатюрных украшений на различных бытовых предметах; Жиронтана — мастера плоскорельефной резьбы; гравера Емрыкаина и др.

Развивается и женское искусство — вышивка оленьим волосом и цветными нитками поясов, перчаток, ковриков, туфель. Художественные изделия эскимосов, так же как и чукотские, неоднократно экспонировались на всесоюзных, республиканских и международных выставках.

КОРЯКИ

Общие сведения

Коряки являются ближайшими южными соседями чукчей. Название «коряки», данное этой народности во второй половине XVII в., происходит от корякского корня *кор* — «олень». Основой для названия, вероятно, послужила форма местного падежа от этого корня — *кораk*, т. е. «у оленей находящиеся». Прежде общего самоназвания у коряков не было. Коряки-оленеводы называли себя *чавчывав* (ед. ч. *чавчыв*); так же называли их и различные группы оседлых коряков. Они известны в этнографической литературе под названием чавчувенов. Самоназвание приморских коряков — *нымылъу* (ед. ч. *нымылъын*). Слово это образовано от корня *ным*, *нымным* — «поселок», «место жительства» и означает, таким образом, «жители», «поселяне». От этого слова произошло распространившееся в советской печати название «нымыланы». Однако это название не является, как это видно, действительным самоназванием всей народности.

В настоящее время, в связи с процессом консолидации разрозненных групп коряков, термин «коряк» приобретает всеобщее распространение. Он осознается уже как название и самоназвание всей народности, но наряду с этим в быту и в местной печати можно встретить применительно также ко всей народности термин «нымылан».

Чукчи, живущие в северной части Корякского национального округа, иногда называют коряков *танн'о* (ед. ч. *танн'ытан*). Так же иногда называют коряки чукчей. Во времена чукотско-корякских войн слово «танн'ытан» значило «иноплеменник», «чужой», «враг». Теперь оно утратило свое первоначальное значение и осознается просто как название народности: в корякском языке — чукотской, в чукотском — корякской. Ительмены называют коряков *та луан*.

В прошлом коряки подразделялись на следующие 9 территориальных групп: 1) чавчувены — оленеводы (составляли около половины всей народности), расселенные по всей территории округа, преимущественно во внутренних его районах; 2) каменцы — своеобразная в экономическом, этнографическом и лингвистическом отношениях группа, заселявшая бóльшую часть побережья Пенжинской губы; 3) паренцы, проживавшие на р. Парень, в сел. Парень, на восточном побережье п-ова Тайгонос; 4) итканцы — жившие на восточном побережье того же

полуострова в трех селениях, носящих общее название «Иткана» (Верхняя, Средняя и Нижняя); 5) апукинцы — группа, жившая в устье р. Апуки и севернее ее, по побережью Берингова моря; 6) кереки — небольшая приморская группа, обитавшая к северо-востоку от апукинцев по побережью Берингова моря, от бухты Наталья на юго-западе до мыса Наварин на северо-востоке; 7) алюторцы — самая значительная по численности, после чавчувенов, группа коряков, населявшая обширную территорию Камчатского перешейка, от с. Тымлаты на юге до с. Олюторка (побережье Берингова моря) и селений Рекинники и Подкагерное (побережье Охотского моря); 8) карагинцы — группа, близкая по языку к алюторцам, обитавшая от с. Тымлаты на севере до с. Уки на юге (по восточному побережью п-ва Камчатки); 9) паланцы — расселенные в 5 селениях на побережье Охотского моря, от с. Лесная на севере до с. Ваямполка на юге.

Численность коряков, по данным переписи 1926—1927 гг., составляла 7434 человека, из которых кочевых было около 55% и оседлых около 45%.

В настоящее время почти все коряки живут в пределах Корякского национального округа Камчатской области. За пределами округа обитает лишь незначительное количество коряков — в Чукотском национальном округе (кереки), в Большерецком и Петропавловском районах Камчатской области. В Корякском округе 4 района: Пенжинский — центр с. Каменское (Вайкыпан), Олюторский — центр с. Тиличики (Тыллиран), Тигильский — центр с. Тигиль (Вуйвын) и Карагинский — центр с. Оссора. Центром округа является с. Палана в Тигильском районе.

Корякский национальный округ Камчатской области расположен между 56—65° с. ш. и 158—174° в. д. Отрицательные среднегодовые температуры воздуха, широкое, несмотря на относительно южное положение округа, развитие тундрового и лесотундрового ландшафтов — все это сообщает его природе общие черты суровости. Тем не менее, природные условия территории, простирающейся почти от полярного круга на севере до широты Москвы на юге, не однородны. Эта неоднородность усиливается еще сложным гористым рельефом. Крайний северо-западный угол округа — бассейн верхнего Омолона — является наиболее возвышенным и отличается наибольшей континентальностью климата. Эту область следует отнести к лесной зоне, хотя хвойные леса занимают здесь не очень большие площади, преобладают лишайниковые и другие тундры, заросли кустарников в горах и в речных долинах. Распространены здесь также травянистые заболоченные и луговые пространства.

Средняя часть бассейна р. Пенжины и соседние местности на Камчатском перешейке характеризуются преобладанием холмистых и равнинных пониженных пространств. Континентальность климата здесь, с приближением к Охотскому морю, ослабляется. Вся эта территория, несмотря на свое более южное положение, входит в зону лесотундры. Здесь нет хвойных лесов, много кустарниковых зарослей, нагорных тундр и каменистых россыпей в горах. Еще больше горных тундр на востоке округа — среди Корякских возвышенностей и на северо-востоке Камчатского перешейка.

Остальная территория округа охватывает заболоченные безлесные прибрежные низменности северо-западной части п-ова Камчатки и западный склон средней части Срединного Камчатского хребта. Рощи каменной березы, заросли кедровника и ольховника, сухие лишайниковые и другие тундры распространены здесь на склонах и вершинах гор, а в речных долинах среди гор и предгорий растительность представлена участками высокоствольного лиственного леса (тополь, ольха, ива, кореянка, южнее — береза) и лугами. В этой части округа, лежащей в умеренном поясе, господствует влажный, сравнительно мягкий климат. Для этих мест,

однако, характерны холодные морские ветры, зимой пурга и мощный снеговой покров.

Животный мир представлен лесной фауной (лисица, белка, горностай, бурый медведь, бурундук, тетерев, глухарь, сорока, кедровка, ворона и пр.), тундровой (песец на севере, белый медведь, встречающийся на востоке, олень, полярная куропатка), горной (горный баран) и реликтовой (евражка, тарбаган). Следует упомянуть о разнообразии птиц морских — гаги, чайки и др., и появляющихся весной в огромных количествах перелетных — гуси, утки, кулики, лебеди и др. Реки, озера и морские воды богаты рыбой. Основное промысловое значение имеют проходные лососевые (кета, горбуша, кижуч, чавыча и др.), сельдь, уек, треска и пр. Охотское и Берингово моря богаты морским зверем (киты, касатки, белуха, несколько видов тюленей).

Корякский язык объединяется с чукотским и ительменским языками в одну группу северо-восточных палеоазиатских языков. С чукотским языком он близок лексически и морфологически. Языки чукчей и коряков настолько близки, что они понимают друг друга.

В соответствии с указанными выше подразделениями коряков в их языке выделяется 9 диалектов. Основные различия между диалектами — фонетические. Значительно меньше диалекты различаются в области морфологии, еще менее в области лексики. По своим главнейшим фонетическим и морфологическим особенностям диалекты разделяются на две группы: северную и южную. Диалекты корякского языка восходят, вероятно, к языкам корякских племен, на которые распадались в прошлом коряки.

Проблема происхождения коряков разработана еще крайне недостаточно. Немногочисленные археологические разведки в северо-западной части Камчатки и на Охотском побережье обнаружили здесь остатки древних землянок, каменных и костяных орудий, керамику. Эти находки следует, повидимому, связывать с предками современных коряков. Эвены Охотского побережья считают упомянутые землянки корякскими и в качестве характерной черты быта древних обитателей называют посуду из глины.

Еще в XVII—XIX вв. селения береговых (приморских) коряков были распространены значительно шире. На Охотском побережье корякские селения доходили до Тауйской губы. По берегу Берингова моря их поселения встречались в XVII—XVIII вв. почти до устья Анадыря. Распространение эвенов на Охотском побережье, происходившее особенно интенсивно в XVIII в., сократило территорию расселения оседлых коряков. Если в приморских коряках можно видеть прямых наследников древнейшей неолитической культуры северной Камчатки и Охотского побережья, то вопрос о происхождении оленных коряков — чавчувенов — неясен. Некоторые исследователи видят в них потомков приморских коряков, развивших оленеводство под влиянием их соседей эвенов. Вопрос о времени и путях распространения оленеводства у коряков — задача дальнейших исследований.

Памятники устного народного творчества народов крайнего северо-востока свидетельствуют о тесных взаимоотношениях коряков с соседними народностями — чукчами, эвенами, юкагирами, ительменами. Эти взаимоотношения, с одной стороны, выражались в межплеменном обмене, с другой — в военных столкновениях. Многочисленные корякские и чукотские предания сообщают, что северные соседи коряков — чукчи — нападали на них, угоняли оленей, захватывали в плен мужчин и женщин. Корякский фольклор повествует также о враждебных столкновениях между приморскими и оленными коряками, происходивших до прихода русских.

Первые известия о коряках были получены от русских казаков Семена Дежнева и Михаила Стадухина. Движение русских из Анадырского острога на Камчатку началось с походов Морозко (1690 г.) и Атласова (1697—1698 гг.). Произвольное взимание ясака и особенно злоупотребления со стороны представителей царской власти встретили сопротивление коряков, которое выразилось в форме вооруженных нападений на отряды ясачных сборщиков.

Со второй половины XVIII в., в связи с изменением ясачной политики царского правительства (уменьшение ясачного обложения и установление твердых его размеров), прекращаются вооруженные нападения коряков на русские отряды. Со стороны царского правительства были также сделаны попытки использовать в своих интересах богатую верхушку коряков. По новым правилам ясак вносили богатые коряки, получившие право сбора ясака с населения. Поддерживая и укрепляя таким образом эксплуататорскую верхушку, царское правительство допустило некоторых ее представителей и к управлению. Так, крещеный богатый тойон с. Каменское Семен Умьявин во времена Екатерины II был даже членом нижнего земского суда.

Организуя ясачное обложение, местная русская администрация образовывала административные единицы («роды»), которые включали в себя соседние селения приморских коряков и определенные территориальные группы оленных коряков. Содействуя укреплению власти возглавлявших эти «роды» богатых коряков, царское правительство одновременно предоставляло коряков торговой эксплуатации русских купцов.

Хотя в целом у коряков во второй половине XVIII и в XIX вв. господствовало натуральное хозяйство, наряду с обменом между оленными и приморскими коряками некоторое развитие получает торговля с русскими. В XIX в. коряки уже не могли обойтись без привозных русских товаров: котлов, железных изделий, табака, чая и др. К концу XIX и в начале XX в. к корякам проникают также и американские товары. В это время американские комиссионеры имели на территории, занятой коряками, свои склады, своих агентов среди торговцев и т. д. Торговля сопровождалась обычно спаиванием и обманом коренного населения и, как везде в таких случаях, приносила огромные барыши купцам и скупщикам.

Со второй половины XVIII в. установились более тесные связи между коряками и русскими. В этот период возникают на территории коряков русские поселения: Пенжино, Гижига и др. От русских коряки получали железные орудия промысла, готовое прядево для сетей, более совершенные инструменты для обработки дерева, кости и т. д. Под воздействием русской культуры у оседлых коряков появились срубные избы. В быт прочно вошли товары русского производства: металлическая утварь, пищевые продукты; в более слабой степени — мануфактурные изделия и др. Наибольшее культурное влияние русских испытали на себе южные коряки. Среди них преобладали даже русские имена и фамилии.

Хозяйство

В прошлом в хозяйственной деятельности коряков были представлены оленеводство, промысел морского зверя, рыболовство и охота. Указанные выше территориальные группы коряков различались по направлению своего хозяйства. Чавчувены были типичными оленеводами. Морской промысел им был совершенно чужд; пушная охота была лишь подсобным занятием; рыболовство также не играло какой-либо заметной роли. В хозяйстве алюторцев имело место редкое сочетание рыболовства и морского промысла с оленеводством. Для остальных семи групп коряков — каменцев, паренцев, итканцев, апукинцев, кереков, карагинцев и паланцев — также был характе-

рен комплексный тип хозяйства, с преобладанием того или иного промысла.

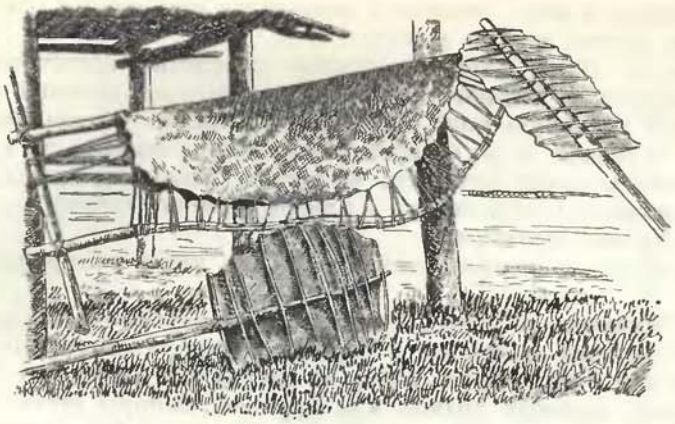
Корякское оленеводство в прошлом было представлено двумя типами. Первый тип оленеводства — крупнотабунное — существовал у коряков-чавчувенов. Для начала XX в. было характерно такое явление, когда небольшая группа оленеводов владела крупными стадами оленей, составлявшими до 80% всего поголовья. В районе р. Пенжины некоторые оленеводы имели по 2—3 табуна с общим поголовьем до 10 тыс. оленей. Пастьба крупнотабунных стад, принадлежащих богачам, осуществлялась малоимущими и безоленными коряками, которые вынуждены были за пищу и одежду пасти стада своих хозяев.

Олень давал оленеводам главный продукт питания — мясо и основной материал для одежды и устройства жилищ — шкуры, а также жилы, из которых изготовлялись нитки. Одновременно олень служил у оленеводов единственным средством передвижения. Поэтому вся жизнь коряков-оленеводов была приспособлена к потребностям оленеводческого хозяйства. Зимой стадо паслось вблизи стойбища. Как только пастбище истощалось, хозяин на легкой ездовой нарте, такой же, как у чукчей, запряженной парой оленей, выезжал на поиски другого пастбища, и затем все стойбище совершало перекочевку на новое место. Пастухи перегоняли туда стадо. В течение зимы перекочевки совершались 4—5 раз. Весной перед отелом (в апреле) важенок отделяли от остального стада. Время отела (май) было страдной порой для оленеводов. Новорожденных телят необходимо было уберечь от хищников — волков, лисиц, росомах, воронов; надо было не дать им погибнуть от морозов. В это время пастухи ни днем ни ночью не имели ни минуты покоя. На помощь пастухам приходили члены их семей, а на малолюдных стойбищах в это время в охране стада участвовали даже старики и дети. Потом на все лето пастухи угоняли стадо в горы, где были обильные пастбища. От правильного выбора летнего пастбища зависело благополучие стада в течение всего года. Летняя пастьба требовала от оленевода большого умения, опыта, знания тундры и условий жизни оленя. Стойбище в это время располагалось на летнике, обычно на берегу богатой рыбой реки. Осенью (в конце сентября—начале октября) пастухи подгоняли стадо к стойбищу. Встреча стада — одно из главных празднеств оленеводов — сопровождалась множеством обрядов. По первому снегу стадо и стойбище откочевывали на места зимних пастбищ.

Пастьба производилась без пастушеской собаки, которой не знали корякские оленеводы. Быстрые ноги, зоркие глаза да ременный аркан, требующий от пастуха большой ловкости, — вот те средства, которыми располагал он, чтобы сберечь табун от пурги и волков зимой, от лисиц и воронов весной, во время отела; от комара и гнуса летом.

Другой тип оленеводства — мелкотабунное — существовал у коряков-алюторцев. Оленеводством занималось более 50% всех алюторцев. В редком алюторском табуне насчитывалось 1000 оленей. Характерной особенностью оленеводческого хозяйства алюторцев являлось использование в нем собак в качестве основных ездовых животных. В каждом оленеводческом хозяйстве было по одной, две, три и даже больше упряжек ездовых собак. На оленях алюторцы-оленеводы совершали лишь недалекие поездки налегке.

Для этого типа оленеводства характерным являлось сочетание оленеводства с морским промыслом и рыболовством. Все алюторцы, за редким исключением, выезжали на морской промысел, особенно весной, для охоты на пловучих льдах. Летом, во время хода рыбы, все оленеводы алюторцы прикочевывали на устья рек; они жили там со своими оседа-



Сушка шкур

лыми сородичами и вместе с ними заготовляли запасы рыбы на зиму. Оленьи стада в это время оставались на попечении пастухов — мужской молодежи из числа членов семей. Этот второй тип корякского оленеводства возник значительно позднее первого.

Промысел морского зверя (различных видов тюленя, белухи) был основной отраслью хозяйства северных оседлых коряков, живущих по побережью Пенжинской губы: каменцев, паренцев, итканцев. Большую роль играл морской промысел и у всех остальных оседлых коряков: кереков, апукинцев, паланцев, карагинцев, оседлых алюторцев.

Морской промысел распределялся на два сезона: весенний и осенний. Весенний начинался в половине марта и заканчивался во второй половине июня.

Охотники с ружьями и копьями на нартах, запряженных собаками, выезжали артелью в 7—8 и более человек на морской лед за 5—10 км от берега. Тюленей, вылезших на лед, убивали из ружей. Добычу нагружали на нарты и в тот же день, а иногда переночевав во льдах, возвращались в селения. В артели, состоящей из 7—8 человек, ружья имели обычно два человека, остальные доставали добычу, нагружали ее на нарты, перевозили, а иные просто были зрителями. В мае, когда среди плавучих льдов появлялись разводья, на морскую охоту выезжали на байдарах (кожаных лодках).

Осенний сезон начинался в половине сентября и заканчивался во второй половине ноября. Осенний промысел происходил также на байдарах и баркасах; ловили неводами из нерпичьих ремней.

В древности у коряков был развит промысел кита. По преданиям и литературным источникам XVIII в., охота на кита производилась с помощью огромной сети, сплетенной из толстых ремней. Грузилами для сети служили большие камни. Сеть прикреплялась к прибрежным скалам и утесам. Десятки байдар, на каждой из которых находилось более десяти охотников, вооруженных гарпунами, выходили в море. Охотники загоняли кита в сеть, в которой он запутывался. Тяжелые грузила сети не давали ему возможности уйти в море вместе с сетью. Охотники забрасывали его копьями. Израненный, выбившийся из сил кит погибал, и охотники общими силами вытаскивали его на берег. У алюторцев вместо байдар при охоте на кита употребляли также сдвоенные лодки.

Из шкур морских животных делали ремни и подошвы для обуви. Мясо и жир шли в пищу и запасались впрок. Жир служил также для освещения. У каменцев, паренцев, итканцев продукты морской охоты: жир,

шкуры, а иногда и мясо, являлись основными предметами обмена с оленеводами на оленьи шкуры и мясо.

Рыболовство было издавна основой хозяйства восточных оседлых коряков побережья Берингова моря: карагинцев, оседлых алюторцев и апукинцев. Большую роль играло рыболовство у западных оседлых коряков — паланцев и у северных — кереков, несколько меньшую — у пенжинских оседлых коряков: каменцев, паренцев, итканцев. Рыболовством занимались весь летний и начало осеннего сезона — с половины июня до половины сентября.

Самым распространенным способом ловли рыбы у коряков были запоры.

Река с правого и левого берегов перегораживалась двумя сходящимися изгородями из кольев и прутьев. В месте схождения изгородей укреплялся под водой чируч (сачок из сетки) или «морда», сделанная из планок, узких длинных дранок или прутьев. Запоры ставили в мелких местах рек, где во время рунного хода рыбы можно было управиться без лодок и кунгасов. Рыбаки опоражнивали «морды» несколько раз в сутки. На время наиболее сильного хода рыбы (кеты, горбуши и других проходных лососевых) коряки переселялись на устья рек. Здесь отдельные хозяйства объединялись в артели и промышляли рыбу сетями, которые сшивались на время промысла из небольших сетей, принадлежавших отдельным хозяйствам.

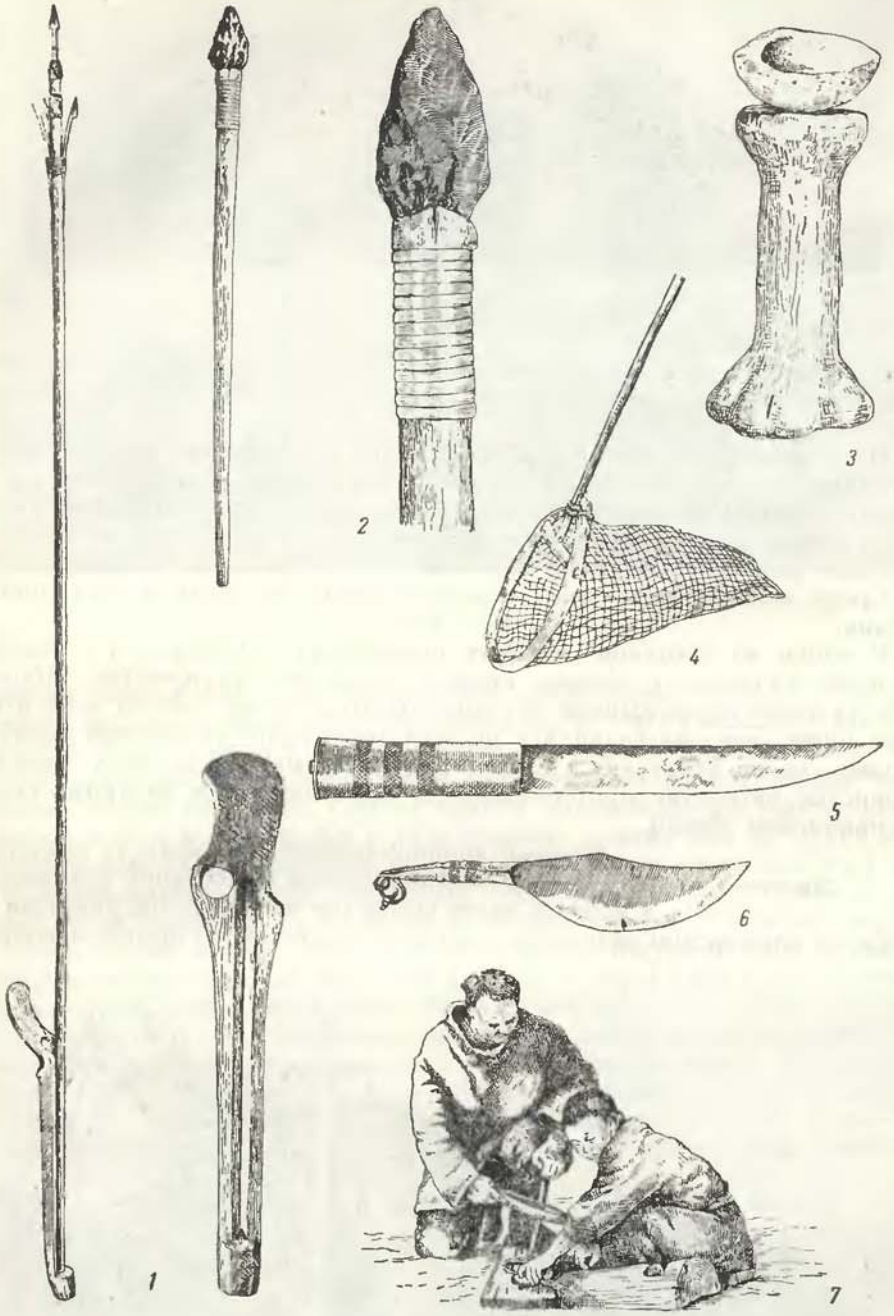
Из других способов лова следует отметить лов при помощи железного крючка «марика» и сачка «чершушки». Рыболов стоял по колено в воде и держал в руках орудие, напоминающее большой сачок на длинном шесте. Заметив рыбу, он быстро направлял сачок ей навстречу, зачерпывал ее и выбрасывал на прибрежную гальку. Такой способ ловли применялся обычно в начале хода рыбы, пока еще не начала работать неводная артель.

Бóльшая часть улова шла на приготовление юколы. Для этого рыбу потрошили и вешали для просушки на специальные вешала. Высохшую на солнце и ветру рыбу (юколу) складывали в амбары — шалаши на высоких сваях, крытые сухой травой. Приготовлением юколы обычно занимались женщины, в то время как в ловле рыбы участвовали преимущественно мужчины. Юкола весь год была основной пищей людей и главным кормом для собак. На корм собакам помимо юколы заготовлялась «кислая рыба»: только что выловленную рыбу сваливали в яму, засыпали землей и квасили там до момента использования.

Важным подспорьем в хозяйстве как оседлых, так и кочевых коряков служила охота, которая являлась исключительно мужским занятием. Из пушных животных добывали лисицу, росомаху, выдру, зайцев, горностаев.

Особенно велико было значение пушной охоты у паланцев, живших в районе распространения камчатского соболя. Соболей ловили сетками. Прочих зверей били из ружей. На лисиц и мелкого зверя — евражку, горностая — ставили капкан. Промысел евражек и горностаев был делом мальчиков-подростков. Зайцев и куропаток ловили петлями. Ранней весной многие охотники добывали на мясо медведей, тарбаганов, диких оленей, горных баранов. Охота на тундрового зверя производилась большей частью без охотничьей собаки. Охотничьи собаки были у сравнительно немногих охотников.

Значительную роль в хозяйстве коряков играло собирательство дикорастущих растений. Сбором съедобных корней, трав и ягод занимались исключительно женщины. Корни добывались преимущественно из мышиных гнезд. Отыскав мышиное гнездо, женщина раскапывала его с по-



Орудия и утварь

1 — трехзубая острога с метательной дощечкой для охоты на птиц; *2* — копье с каменным наконечником и деталь копья; *3* — лампа-жирник на деревянной подставке; *4* — сачок для ловли рыбы; *5* — мужской нож; *6* — женский нож для кройки кожи; *7* — добывание огня трением

Жилище оленеводов

мощью специальной деревянной мотыги и доставала оттуда запас съедобных корней, заготовленных мышами. Из ягод собирали шикшу, морошку, голубику.

Из травы приготовляли стельки для обуви, цыновки, а также плели корзины, сумки, сумочки. Плетение самых разнообразных по форме корзин, начиная от плетенки в виде блюда или миски и кончая овальной шкатулочкой с крышкой, а также сумок различных форм и размеров особенно развито было среди женщин у карагинцев и алюторцев.

Среди мужчин была распространена резьба по кости и рогу дикого барана.

В одном из поселков северных приморских коряков — в с. Парень на п-ове Тайгонос с давних времен развилось кузнечество. Паренские кузнецы перековывали случайно добытые куски железа и изготовляли ножи, которые славились по всей территории расселения коряков и даже за ее пределами. Еще в начале нынешнего века местное корякское население предпочитало их привозным как русским, так и американским ножам.

Жилище

Жилище коряков-оленеводов (яранга) представляло собой цилиндрический в основании конический в верхней части шатер (на чавчувенском диалекте — *яян'а*, на алюторском диалекте — *ран'а*) с остовом из шестов и покры-

Жилище приморских коряков

Летний поселок

тием из оленьих шкур шерстью наружу, аналогичный чукотской яранге. Шкуры, предназначенные для покрышки яранги, слегка скоблили, сдирали лишнюю мездру, мяли и продымливали для водонепроницаемости. Для летнего жилища со шкуры снимали всю шерсть или употребляли изношенные старые покрытия. Основу яранги составляли три толстых шеста высотой в 3—4 м, воткнутых в виде треноги. Вокруг них по кругу втыкались в землю (на расстоянии от 1 до 2 м) более короткие (высота 1½—2 м) вертикальные жерди. Последние соединялись вверху горизонтальными перекладинами, от которых к вершинам трех основных шестов клались другие жерди. Этот остов покрывался шкурами. Свет проникал в жилище через дымовое отверстие наверху и через вход в тех случаях, когда шкура, заменяющая дверь, была откинута.

Внутри яранги к горизонтальным перекладинам прикреплялись 3—4 полога из оленьих шкур. В пологах жили отдельные семьи. Полог представлял собой глухое помещение из шкур и освещался светильником, где горел олений или тюлений жир. В нем было очень тепло. В дневное время передняя часть полога поднималась обычно кверху, и он оставался открытым.

У коряков, кочевавших в южной части Камчатки, яранга имела от 3 до 6 пологов, которые были настолько высоки, что в них свободно можно было стоять, не касаясь головой потолка. Пологи выколачивались очень часто. Установкой яранг занимались женщины. Размеры ее зависели от имущественного состояния обитателей.

Жилищем почти всех приморских коряков служила полуземлянка. Основу полуземлянки составляла обширная яма глубиной 1—1½ м. Стенки ямы укреплялись вертикальными бревнами в виде частокола, образующего в разрезе восьмиугольник. Каждый из углов восьмиугольника соединялся вверху при помощи балки с концами четырех основных столбов, установленных в центре ямы. На эти балки клались плахи,

из которых образовывалась крыша. Остов покрывался сверху дерном. С одной стороны полуземлянки делался коридор длиной в 2—3 м, с небольшими дверцами с обоих концов — это был летний вход (собственно осенний и весенний). Вверху в центре крыши оставлялось квадратное отверстие (0.5×0.5 м), одновременно служившее для выхода дыма, окном и зимним входом. Вместо лестницы употреблялось толстое бревно с выемками-ступеньками. Снаружи, на крыше вокруг входа (дымового отверстия), сооружалась воронка из шестов (на побережье Пенжинской губы) или плетеная из прутьев (на восточном побережье) для защиты входа от снежных заносов. Воронка из шестов поддерживалась подпорками. Внутри жилища по трем сторонам делались невысокие нары, устилавшиеся шкурами, а над ними навешивались спальные пологи. У стены, к которой примыкал коридор, устраивался очаг. Зимой коридор служил кладовой, а также вентиляционной трубой; в потолке его имелось отверстие, открываемое во время топки очага. В полуземлянках обычно жило несколько (2—3 и более) родственных семей (так же как и в яранге оленеводов). Встречались полуземлянки с 30—40 обитателями. С наступлением весны коряки переселялись в высокие шалаши, устанавливаемые на сваях. Позднее распространились матерчатые палатки.

В старину селения оседлых коряков были укреплены. Некоторые корякские острожки, например Олюторский, были обнесены земляным валом и имели вид крепостей. Оленеводы также строили вокруг своих стойбищ оборонительные сооружения из саней, моржовых шкур и камней.

Стойбища оленеводов обычно состояли из 3—4 шатров; зимой они располагались в укрытых от ветра горных долинах, летом в устьях рек. Селения приморских коряков были сравнительно многолюдны и находились в удобных для промысла бухтах или близ устьев рек. Только керекские селения состояли из одного-двух жилищ. Однако в прошлом, как свидетельствуют развалины, и в этих селениях было 10—15 жилищ.

Результатом русского влияния было появление в селениях оседлых коряков деревянных срубных изб уже в 50-х годах прошлого столетия.

Средства передвижения

Транспортными животными у коряков-кочевников являлись олени, у оседлых — собаки. Оленя запрягали в нарту, верховой езды на оленях коряки не знали. Оленьи сани (нарты) по устройству не отличались от чукотских. Легковые были дугокопыльными, с загнутыми полозьями и рамой для сиденья. Грузовые нарты по конструкции не отличались от легковых, но были более массивными. В зависимости от назначения грузовой нарты на ней устраивалась либо кибитка (нарта для перевозки детей), либо просто площадка из шестов (нарта для перевозки тяжестей); имелась также особая нарта для перевозки остова жилища и т. д.

В легковые нарты запрягали обычно по два оленя, в грузовые — по одному. В легковую нарту оленей впрягали таким образом, что они бежали не прямо против нарты, а слева, так что ездок, сидящий верхом на нарте, видел все впереди себя. При спуске с откоса олени оказывались позади седока слева и сдерживали скатывающуюся нарту. Управляли оленями при помощи вожжи и бича с костяными наконечниками.

У приморских коряков и у оленеводов-алюторцев имелись ездовые собаки. Полная упряжка собак состояла обычно из 10—12 животных. Коряки для езды на собаках пользовались четырехкопыльной нартой, общей для всей Восточной Сибири. Она имела длину 2—2.5 м, ширину 0.5 м. Части ее соединялись при помощи ремней и заостренных шипов вставляемых в специально сделанные для них углубления. Собаки припрягались попарно «цугом». Управляли ими голосом, тормозили остолом — палкой (длиной около 1 м) с железным, нако-

Легковая нарта и нарта для перевозки детей

нечником. Норма груза на нарту 150—160 кг, не считая веса человека (каюра).

От русских поселенцев коряки заимствовали коневодство. Лошади имелись в хозяйствах оседлых коряков (паланцев, карагинцев и южных алюторцев). Ими пользовались только под вьюк в летний период. Зимой лошади были предоставлены самим себе, паслись на подножном корму и нередко погибали от бескормицы, пурги, морозов или от волков. Очень часто лошади дичали настолько, что владелец их считал более легким пройти пешком несколько десятков верст с тяжелым грузом на плечах, чем поймать своего одичалого коня.

Для езды по морю коряки пользовались кожаными лодками (байдарами и каяками). Корякская байдара имела много общего с чукотско-эскимосской, но делалась значительно короче и шире; нос и корма ее имели полукруглую форму. Байдара у коряков использовалась главным образом как промысловая лодка.

Летними средствами передвижения по рекам были баты — лодки, выдолбленные из толстых древесных стволов. Они очень неустойчивы на воде и требуют большого искусства от кормщика, управлявшего батом

Собачья упряжка

Изготовление долбленой лодки

с помощью длинного шеста. Несмотря на всю ненадежность этого средства передвижения, на батах ходили и по морю. В таких случаях чаще пользовались так называемыми сдвоенными батами. Для этого два бата соединяли при помощи толстых поперечных палок не вплотную, а так, что между ними оставался промежуток, равный приблизительно ширине одного бата. Иногда посредине клали доски, и тогда все сооружение становилось похожим на плот.

Одежда

Одежда коряков наиболее близка к чукотской. Материалом для летней и зимней одежды служили у всех коряков шкуры молодых оленей. Другие шкуры (собак, лисиц, волков, росомах) использовались лишь для отделки верхней одежды или для пошивки шапок и рукавиц.

Основной одеждой мужчин являлась длинная, почти до колен, меховая рубаха без продольного разреза, с широкими рукавами; меховые штаны и обувь. Рубаху шили с капюшоном и небольшим нагрудником или без капюшона с широким воротом, заложенным рубцом. В рубец продевался шнурок, стягивающий рубаху у шеи. Ворот обычно обшивался собачьим мехом: самым красивым считался черный мех.

Дорожная одежда имела тот же покрой, но была длиннее. Она состояла из двух не сшитых одна с другой меховых рубах, одна из которых надевалась шерстью внутрь, другая — шерстью наружу. Одежду эту шили обычно с капюшоном и небольшим нагрудником.

Одежду надевали обычно прямо на голое тело: только приморские коряки носили ее часто поверх матерчатых рубах, приобретаемых ими у местного русского населения.

Штаны шили из оленьих шкур. Обувь делали из камусов.

Зимняя женская одежда представляла собой широкий меховой комбинезон с рукавами. Шаровары комбинезона ниже колен заправляли в обувь; они часто сшивались из вертикальных белых и темных полос меха. Поверх комбинезона женщины обычно носили меховую рубаху. Она была похожа по своей форме на мужскую и отличалась только украшениями (кисти, вышивки).

Каяк

Характерной особенностью зимней коряк-ской одежды (как мужской, так и женской), отличающей ее от чукотской, являлась узор-чатая кайма на подоле — опуван. Опуван обыч-но делался из оленьего меха, но другого цвета, чем одежда; иногда он орнаментировался мо-заичными узорами.

Летняя одежда и оленеводов и приморских коряков не отличалась по форме от зимней, но делалась из ровдуги; летом носили также поношенную зимнюю одежду.

Дети до 5—6 лет носили меховой комби-незон (рубахи с капюшоном, штаны и обувь, сшитые вместе); в детском комбинезоне внизу делалось отверстие, закрываемое клапаном, ко-торый ремешками привязывался к поясу. У ма-леньких (грудных и не умеющих ходить) детей на клапан клали сухой мох или мелкие таль-никовые стружки.

На ноги как взрослые, так и дети от 6 лет и старше надевали сначала меховые короткие чулки шерстью внутрь и поверх них обувь из камусов, сшитую мехом наружу. Подшивалась обувь «щетками» оленя, лахтачьей и редко медвежьей кожей.

Мужская дорожная одежда

Головным убором у мужчин и мальчиков служила меховая шапка в виде капора. Спе-реди она имела опушку из меха собаки, выдры или тарбагана. Шапка шилась так, что можно было наглухо закрыть уши и лоб, а при же-лании открыть их. Шапки обычно украшались бисером и кисточками. Часто они шились из чередующихся полос белого и темного меха. Женщины носили шапки значительно реже мужчин. У оленных коря-ков только во время перекочевок женщины надевали шапку под ка-пюшон, в остальное же время они ходили с непокрытой головой или набрасывали капюшон.

В южных районах распространены были платки. Рукавицы делались из камуса оленя, мехом наружу.

Девушки и женщины расчесывали волосы на прямой пробор и туго заплетали в две косы. В косы вплетали ленточки из ровдуги, украшенные бисером. Мужчины обычно стригли волосы, оставляя лишь ободок вокруг головы.

Женщины и девушки носили серьги, которые делали сами, нанизывая на сухожильную нитку яркие бусы. Такие серьги иногда спускались до плеч.

По данным XVIII в., многие приморские коряки носили одежду из шкуры тюленя, но к началу XX в. лишь изредка можно было встретить штаны и обувь из тюленьей шкуры. Источники XVIII в. указывают, что «пешие» коряки носили одежду из птичьих шкурок. О форме этой одежды ничего неизвестно. В этнографической литературе XIX в. о ней уже не упоминается.

Особые отличия имела корякская погребальная одежда (меховая рубаха, штаны, обувь), сшитая обязательно из шкур белого оленя. Длинная до колен меховая рубаха оканчивалась сзади удлинением («хвостом»). Погребальная одежда богато украшалась кистями, бахро-

Имущественное неравенство у приморских коряков, даже ко времени Великой Октябрьской социалистической революции, не было резко выражено. Хозяйство в основном было натуральным, потребительским. Только пушнина имела товарное значение.

Совершенно иное положение было у коряков-чавчувенов. Еще Крашенинников в первой половине XVIII в. писал о богатстве отдельных оленеводов. Таким образом, у оленеводов уже в XVIII в. была налицо четко выраженная имущественная дифференциация. Этот процесс расслоения усилился позднее (в XIX в.) в связи с развитием торговых отношений.

Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции среди оленеводов были богачи, владевшие тысячными стадами оленей; с другой стороны, были и малооленные хозяйства, имевшие всего 10—15 оленей и вынужденные в силу этого работать у богачей в качестве пастухов. Часто пастухами становились и дальние родственники богачей. В таких случаях родственные отношения прикрывали обычную эксплуатацию.

За свой тяжелый труд — пастьбу оленей — пастух получал от хозяина только мясо для еды и шкуры для одежды, причем размер этого вознаграждения целиком зависел от воли хозяина. В кочевье богача жило по нескольку семей пастухов, экономически всецело зависимых от хозяина и во всем ему беспрекословно подчинявшихся. Пастухи не могли без разрешения хозяина убивать оленей себе на мясо, и потому им часто приходилось голодать. Помимо пастьбы оленей они выполняли и другие работы по хозяйству: заготовляли дрова, доставляли воду, добывали пушного зверя. Богатые оленеводы располагали рабочей силой не только самого пастуха, но и всей его семьи: жена и дочери выделывали для хозяина оленьи шкуры, изготовляли нитки из оленьих сухожилий, шили одежду и обувь из оленьих шкур и т. д. Расстаться с хозяином пастуху было нелегко. Хотя обычай и допускал переход пастуха от одного хозяина к другому (в начале сезона — осенью), но фактически ему это было трудно осуществить. Препятствием являлись прежде всего «долги», которые пастух успевал сделать у своего хозяина: в течение года он брал у него в незначительном количестве чай, сахар, муку, патроны и т. д. Привозные товары хозяин не был обязан давать пастуху; он должен был только «кормить» его. Пастух за год работы получал важенку. Обычно в хозяйском табуне у каждого пастуха было не более 5—6, редко 10 и больше оленей, принадлежащих ему лично, заработанных за несколько лет тяжелого труда. Естественно, что с таким количеством оленей нельзя было вести хозяйство самостоятельно.

У алюторцев-оленеводов преобладали объединения малооленных хозяйств, связанных между собой узами кровного родства или свойства. Типичное соотношение оленей в стаде совладельцев при пяти хозяевах было таково: 5%+10%+20%+25%+30%=90%. Остальные 10% стада принадлежали обычно оседлым родственникам оленеводов. Имущественное неравенство у коряков-алюторцев было выражено значительно слабее, чем у чавчувенов. Имелись лишь отдельные случаи, когда в объединениях одному из владельцев-родственников принадлежало 60% оленей соединенного стада.

Таким образом, отсталые формы натурального хозяйства коряков содействовали сохранению у них общинных отношений. Вместе с тем имущественное неравенство было настолько значительным, особенно у оленеводов, что в XX в. уже четко выделялась зажиточная прослойка, с которой позднее, в годы коллективизации, пришлось беднякам-оленеводам вести решительную борьбу.

мой, кусочками собачьего меха. Подол рубахи украшался полосой, вышитой геометрическим орнаментом, и опушкой из меха росомахи.

Пища

Основной пищей коряков-оленеводов было оленье мясо, обычно вареное. Костный мозг оленя, почки, хрящи, нежные сухожилия оленеводы ели и сырыми. Зимой употребляли толченое мерзлое мясо. Мясо и жир морских животных оленеводы выменивали у приморских коряков. Рыбы потребляли немного, летом вареную, зимой юколу. Юколу заготовляли летом или выменивали у приморских жителей.

Пища различных оседлых групп коряков зависела от характера их хозяйственной деятельности. Основной пищей была рыба: летом вареная, зимой юкола и квашеная («кислая») рыба. Верхняя часть рыбьей головы (мозг, хрящи, глаза) потреблялась в сыром виде и считалась лакомством. У алюторцев за лакомство почитались головки «кислой» рыбы. Южные коряки, испытавшие на себе наиболее сильное русское влияние, варили рыбу с крупой, преимущественно с рисом. Мясо и жир морских животных (тюленя, редко белухи) были любимой пищей приморских коряков.

Все группы коряков потребляли в большом количестве растительную пищу. Сарана, осока, дикий щавель, кипрей служили приправой к мясу или рыбе. Шикша и голубика шли на приготовление толкуши — кушанья из протертого оленьего или тюленьего мяса и жира с примесью съедобных корней и ягод. Приготовленная таким образом густая каша была любимым блюдом. Морошка и голубика потреблялись в сыром виде. Из голубики изготовлялся также опьяняющий напиток.

Из привозных продуктов коряки употребляли чай, сахар. Потребление муки, из которой пекли лепешки, было незначительным. Печеный хлеб и сухари знали лишь оседлые южные коряки, близко соприкасавшиеся с русскими. Сильно распространен был листовой табак, который курили, а чаще закладывали за щеку. Все источники, начиная с первых известий о коряках, отмечают употребление последними в качестве возбуждающего средства мухоморов.

Общественные отношения и религиозные верования

У коряков в конце XIX в. преобладала частная собственность на средства производства, но в области производства и распределения сохранились пережитки первобытно-общинных отношений, особенно у приморских коряков. Так, в летнее время родственные семьи коряков-алюторцев объединялись для совместной ловли рыбы. Добыча при этом делилась поровну. Морской промысел у алюторцев также носил коллективный характер. На охоту выезжали вместе 7—8 человек. Мясо и жир тюленей, добытых на охоте, по возвращении в поселок делили поровну между всеми жителями поселка, и только шкура лахтака или нерпы доставалась убившему. У коряков-каменцев при коллективной охоте на лахтака мясо и жир его делились также поровну, но иногда владелец промысловой лодки брал себе бóльшую долю добычи.

У алюторцев-оленеводов также существовали объединения 4—6 родственных хозяйств, кочевавших и выпасавших оленей совместно. Это были производственные объединения непостоянного характера, подобные временным объединениям рыболовов и охотников на морского зверя.

Семья у приморских коряков, по данным XVIII—XIX вв., обладала уже хозяйственной самостоятельностью; отдельные семьи владели лодками, сетями, капканами, которыми они могли распоряжаться по своему усмотрению, вплоть до продажи другим семьям. Но бывали случаи, когда сети находились у родственных семей в коллективной собственности.

О существовании у коряков в прошлом родового устройства свидетельствует целый ряд фактов общественной жизни и особенно семейно-брачные обряды, сохранявшиеся еще в первой четверти XX в. К пережиткам родовой организации следует отнести в первую очередь обычай взаимопомощи между родственными семьями, обычай, запрещающий чужим пользоваться огнем неродственной семьи, совместное проживание (по свидетельству источников XVIII—XIX вв.) в общем жилище нескольких родственных семей, обычай кровной мести, сохранявшийся у коряков еще в начале XX в., и др. Кроме того, у приморских коряков сохранялись остатки института старейшин. В некоторых селениях имелись лица, называвшиеся *ным'елген-ан* — «хранитель места», «хранитель старины». Им мог быть только мужчина, считавшийся потомком основателя селения. Каждая группа коряков, возглавляемая нымелгенаном, имела культовое деревянное изображение. Оно кроме общего наименования *ным'елген* имело еще собственное название. Некоторые из этих названий («ласточка», «утка») носили тотемистический характер. Изображениям приносили жертвы; их «кормили» и «одевали» в одежду из травы.

В области семейных отношений господствующими в конце XIX в. являлись нормы отцовского права (счет родства по отцовской линии, наследование от отца к сыну, патрилокальный брак). Наряду с этим сохранялись следы материнского права, наиболее ярким из них являлась передача детей при разводе матери.

К пережиткам исчезнувших форм группового брака относятся в первую очередь сохранившиеся обычай сорората, по которому вдовец был обязан жениться на младшей сестре, младшей двоюродной сестре или племяннице своей умершей жены, и обычай левирата, по которому младший брат был обязан жениться на вдове старшего, причем такую же обязанность несли при отсутствии брата, племянник или двоюродный брат умершего мужа. Но пережитков группового брака типа, например, чукотского «товарищества по жене» коряки не знали уже в XVIII в.

Наиболее распространенным способом заключения брака была отработка за невесту. Согласно этому обычаю, жених от 2—3 месяцев до трех лет должен был работать в семье будущего тестя, участвуя в пастьбе оленей и в других хозяйственных работах. По истечении срока отработки жених выполнял так называемый «обряд хватания»: невеста бегала по жилищу, а жених должен был поймать ее и, разорвав одежду, дотронуться до ее обнаженного тела. Присутствовавшие родственники невесты всячески старались помешать этому, били жениха прутьями, отталкивали и т. д.

По религиозным представлениям коряков, весь мир был населен множеством вредоносных существ — *нин'вит'-ов*. Нинвиты представлялись невидимыми, но при желании могли стать и видимыми. Они являлись людям в образе антропоморфных существ, с огромными ушами, горящими огнем глазами (иногда с одним или тремя), длинными острыми зубами, с покрытым густой черной шерстью телом. Считалось, что нинвиты охотятся за людьми и едят человека, вселившись в него и причиняя тем самым болезнь. Чтобы задобрить нинвитов им приносили жертвы. Так, охотник, проходящий мимо места предполагаемого обитания нинвита, должен был принести ему в жертву щепотку табаку, несколько патронов. Мест обитания нинвитов насчитывалось очень много; это были скалы необычного вида, горячие ключи или водопады, места сожжения мертвеца или гибели какого-либо охотника, развалины жилья, покинутого после смерти одного из его обитателей, и т. д. Представления коряков об умерших были двойственны. Считалось, что

Изображение духов-предков

1 — имеющий «потомков»; *2* — не имеющий (живых) «потомков»

человек после смерти становился нинвитом, т. е. вредоносным существом. Но вместе с тем существовало и другое представление об умерших предках, обитающих где-то под землей или на небе и якобы помогающих своим потомкам, посылая им удачу в промысле, охраняя их стада и т. д. Изображения предков делались из дерева. Это были грубо выстроганные деревянные фигурки (*калак*), которые представляли чаще сидящего, реже стоящего человека с плоским лицом, без носа, с двумя ямочками на месте глаз и с довольно большим углублением на месте рта. Во время семейных празднеств это углубление набивали жиром или жирным мясом. В каждой семье была целая связка калак. Каждый коряк имел своего калак — личного охранителя.

Коряки верили, что шаман имеет власть над нинвитами. Общение шамана с нинвитами совершалось в полной темноте; вход в жилище тщательно закрывался, дымовое отверстие затыкалось пуком травы, очаг тушился; шаман бил в бубен, выкрикивал отрывочные слова и фразы, плясал и пел.

Шаманские действия обычно вызывались действием дурмана от съедаемых им перед этим сушеных мухоморов. Утомившись, шаман засыпал. Коряки верили, что во сне «вещий мухомор» вел его в потусторонний мир, устраивал ему встречи с умершими сородичами, от которых шаман получал нужные наставления. Очнувшись от длительного сна, шаман передавал окружающим свои видения.

Специальной шаманской одежды у коряков не было. Шаманили в обычной одежде, отличающейся лишь большим количеством подвесок и кружков из кожи или из бисера. Некоторые шаманы надевали при камлании на одну ногу мужской торбаз, на другую женский, или вообще как-нибудь изменяли обычную одежду. Бубен был узкоободный.

Кроме профессионального шаманства, у коряков существовало шаманство семейное, преимущественно женское. Оно было тесно связано с культом семейного очага. Каждый родившийся член семьи рассматривался как возродившийся предок. Какой именно предок возродился — узнавалось с помощью гадания. Для этого камень в кожаном мешочке подвешивался на небольшой треноге. Старший член семьи произносил одно за другим имена умерших предков до тех пор пока при произнесении одного из них камень не качнет. Тогда считалось, что имя угадано, и оно давалось новорожденному.

Приготовление к сожжению трупа

У оленеводов и оседлых коряков ежегодно устраивались сезонные празднества. Основной оленеводческий праздник: весенний *кильвэй* — праздник рогов, справлялся после отела, когда стадо подгоняли к стойбищу. Из жилищ выносили миски с кусками мяса и священное деревянное огниво, которое «кормили». Осенью происходил праздник осеннего убоя оленей. Этот праздник тоже сопровождался шаманскими действиями, жертвоприношениями, «кормлением» деревянного огнива. У приморских охотников перед началом весеннего морского промысла на льдах (в мае) справлялся праздник спуска байдары, на котором приносились в жертву собаки. После этого праздника открывали летний вход в полуземлянку. По окончании осеннего сезона морского промысла (в ноябре) устраивался «праздник нерпы» (в древности — «праздник кита»). Участники праздника убеждали убитых во время промысла животных вернуться в море, с тем чтобы в будущем сезоне они снова дались в руки охотникам и привели бы с собой своих сородичей. Убитых животных заменяли зооморфные изображения из морской травы.

Создателем людей и всей вселенной, по воззрениям коряков, был *ан'ан'*, или *этыны*. Однако при сотворении людей вмешалось вредоносное существо (*нэн'вэтгыйн'ын*). Оно вынуло из первозданных людей твердые сердца и заменило их глиняными; от этого у людей якобы появились все слабости, болезни, несчастья.

Родственными людям считались у коряков волки (по некоторым рассказам и медведи). О волке говорили как о звере-шамане. Еще в XX в. многие коряки-алюторцы неукоснительно соблюдали запрет убивать волков, что, конечно, очень вредно отражалось на их оленеводстве.

Трупы умерших коряки сжигали.

Народное творчество

У коряков существовал цикл мифов, общий с чукотским и ительменским; к этому циклу тесно примыкают и мифы эскимосов. Главное действующее лицо этих мифов ворон-творец (по-корякски *куйкынняку*, или *куткынняку*), который, по представлениям этих народов, наделил людей всеми материальными благами: дал оленей и собак, обучил их оленеводству, рыболовству, морскому промыслу, езде на собаках. В некоторых мифах образ ворона смешивается с образом этыны. Однако большинство преданий рассказывает о разнообразных похождениях и проделках ворона; они изображают его хитрым похотливым стариком, постоянно обманывающим свою жену Мити и многочисленных сыновей и дочерей.

Часть преданий повествует о похождениях старшего сына ворона — Эмэмкута (или Амамкута), фигуры более героической и благородной, чем его отец. В преданиях о вороне Куйкынняку и об Эмэмкуте участвуют полулюди-полузвери: волчьи, медвежьи, лисьи, сорочьи, куропаточьи существа, корень-человек, трава-женщина и многие другие. Эти существа действуют как люди, но им присущи качества зверя (или растения), название которого они носят.

Исторические предания, в отличие от мифов, распространенных у всех коряков, носят локальный характер: каждой территориальной группе коряков свойствен особый цикл преданий. У чавчувенов, например, это предания о столкновениях с чукчами, у апукинцев — с оленеводами-чавчувенами, у паланцев — с эвенами. В преданиях каждого цикла выступает образ героя, особого у каждой группы коряков. Он называется *энхивылъын* (буквально «силач», термин, по значению близкий к русскому «богатырь»).

Однако образы героев всех циклов преданий наделены одними и теми же чертами; существует также и ряд мотивов, повторяющихся в различных преданиях. Таковы, например, эпизоды нападения на спящих врагов, обмана их с помощью чучел или обращения врагов в бегство ударами о сухую кожу, создающими впечатление топота быстро приближающейся кричащей толпы и др.

В корякском народном творчестве особый интерес представляют сказки о хозяине и работнике. Они отражают социальное расслоение, отчетливо наметившееся в среде коряков-оленеводов ко времени Великой Октябрьской социалистической революции. Особый раздел бытового фольклора представляли сказки об удачливых и неудачливых охотниках. Коряки заимствовали множество русских сказок. Однако произведения русского фольклора настолько изменены у коряков, что часто их бывает трудно выделить.

Загадок и пословиц у коряков немного. Песенный фольклор тоже слабо развит.

Из музыкальных инструментов, кроме бубна, можно отметить *ваннияр* — буквально «зубной бубен». Это широко распространенный в Сибири варган в виде костяной или железной пластинки, в середине которой вырезан узкий язычок. У основания язычка просверлена дырочка, в нее продет шнурок из оленьих сухожилий. Пластинку берут губами и дергают за шнурок. От вибрации язычка образуется негромкое однообразное гудение, похожее на приглушенные звуки бубна; резонатором при этом служит полость рта.

Пляски обычно исполнялись на сезонных праздниках. Это были обрядовые пляски, представлявшие собой почти всегда очень натуралистические подражания движениям тюленей, медведей, оленей, воронов. Они сопровождались характерным глубоко гортанным, хриплым пением. Пляски исполнялись преимущественно женщинами.

На сезонных праздниках устраивались также всевозможные игры и соревнования: борьба, состязание в беге, гонки на оленях или на собаках, подбрасывание на шкуре лахтака.

Широко распространено было изготовление различных художественных изделий и поделок из кости, шкуры, кожи и волос оленя, шелка, медных и железных пластинок и др. Костяные табакерки с барельефными или выгравированными фигурками зверей, птиц, людей; костяные трубки, орнаментированные свинцом или оловом и украшенные фигурками медведей, волков, собак, оленей, тюленей — все это предметы мужского искусства. Областью женского искусства являлся меховой орнамент,

Образцы орнамента на подолах меховой одежды

орнамент из бисера и шелка и из оленьего волоса. Меховой орнамент, служивший украшением подола меховой одежды и шапок, представляет собой мозаику из кусочков черного и белого оленьего меха. Он либо геометрический (квадратики, прямоугольники, треугольники, кружки), либо изобразительный (фигурки оленей, стилизованные фигурки зверей и птиц, причудливые растения).

Орнаментом из бисера, шелка и оленьего волоса украшали обувь, рукавицы, спичечницы, различные мешки и мешочки и пр. Областью женского искусства, особенно сильно развитой у карагинцев, являлось художественно выполненное плетение корзин, мешков и шкатулок из сухой травы.

СОВРЕМЕННАЯ ЖИЗНЬ КОРЯКОВ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед всеми отсталыми народами царской России, в том числе и коряками, некапиталистический путь развития, обеспечила социалистическое переустройство их хозяйства, культуры и быта.

В декабре 1917 г. на Камчатке установилась советская власть. Последовавшая вскоре гражданская война на Дальнем Востоке не дала возможности развернуть хозяйственное и культурное строительство на территории расселения коряков. В начале 1918 г. власть на Камчатке переходит к ставленникам Колчака. В 1920 г. подпольный ревком поднимает в Петропавловске-Камчатском восстание, в результате которого власть советов была восстановлена. В 1921 г. Петропавловск-Камчатский, Гижига, Наяхан были заняты отрядом белогвардейцев есаула Бочкарева. Петропавловский ревком был вынужден уйти в горы. Так как белогвардейцы заняли только крупные населенные пункты, то фактически советская власть в уездах продолжала существовать. Уполномоченные ревкома руководили борьбой местного населения против белых отрядов. Так, из русских и местных жителей (коряков, ительменов) Тигильского района был организован отряд красных партизан, который в погоне за отступавшими на Охотское побережье белобандитами совершил переход зимой на собаках через всю территорию современного Корякского округа. Вместе с отрядом Красной Армии, занявшим к этому времени (1922 г.) г. Петропавловск-Камчатский, русско-корякский партизанский отряд участвовал в ликвидации остатков бочкаревской банды близ с. Наяхан. Отдельные белобандиты, которым удалось бежать из Наяхана и Гижиги, были уничтожены отрядом Красной Армии при непосредственном участии коряков-оленеводов в районе бухты Корфа.

Зимой 1922—1923 гг. на территории расселения коряков окончательно устанавливается советская власть. Недолгое хозяйничанье белых было ознаменовано открытым грабежом населения, причем особенно пострадали коряки-оленеводы Тайгоносского полуострова, у которых белые банды отобрали оленей для передвижения и продовольствия. Уполномоченный белогвардейского правительства в г. Петропавловске-Камчатском предоставил исключительные права японским капиталистам на вылов рыбы, в том числе и на территории нынешнего Корякского национального округа. Японским и американским торговцам была также разрешена свободная покупка мехов у местного населения.

В первые годы (1923—1926 гг.) уездным, а затем районным ревкомам пришлось провести большую работу по ликвидации тяжелых последствий гражданской войны.

С 1930 г., после I съезда Советов Камчатки, развертывается работа по организации местных советов, кооперации и различных социально-культурных учреждений. На развитие советской торговли было обращено особенно большое внимание. В ряде селений были открыты новые торговые фактории, в которых коряки могли приобрести необходимые продукты питания, охотничье оружие и припасы. С установлением твердых государственных цен на меха и оленьи шкуры открылась для коряков возможность поднимать и улучшать свое хозяйство.

В развитии культуры корякского населения большую роль сыграла культбаза, открытая Комитетом содействия народностям Севера на р. Пенжине в 1930 г. Организация самостоятельного Корякского национального округа (декабрь 1930 г.) содействовала дальнейшим успехам хозяйственного и культурного строительства среди коряков.

Лов лососевых ставными неводами. Камчатская обл., Олюторский район, колхоз им. В. М. Молотова

Коллективизация среди коряков, главным образом среди кочевников-оленеводов, происходила в условиях классовой борьбы. Богатые чавчувены-оленеводы уничтожили значительную часть своих табунов и всячески мешали колхозам развивать свое хозяйство.

Пережитки первобытно-общинных отношений, прикрывавшие эксплуатацию, первоначально тормозили объединение хозяйств в колхозы. Однако вскоре трудящиеся коряки, убедившись в преимуществах коллективного хозяйства и распознав подлинное лицо богачей-оленеводов, прочно вступили на путь коллективизации.

Первыми формами кооперативных объединений у коряков были товарищества по совместному выпасу оленей. В дальнейшем основной формой объединений стали артели.

Развитие колхозов было связано с переходом на оседлость. Процесс оседания оленеводов был чрезвычайно сложен не только из-за традиций кочевого быта; трудности были вызваны условиями самого производства — смена пастбищ для крупных стад требовала частых перекочевок. При переходе на оседлость эта сложная проблема разрешается следующим образом: пастбища закрепляются за отдельными колхозами, а пастьба и уход за стадами поручаются специальным пастушеским бригадам, которые находятся при стадах. Все же остальные колхозники живут постоянно в поселках, занимаясь рыболовством и другими промыслами.

Совершенно иначе, чем прежде, организован труд и быт пастухов. Каждая пастушеская бригада имеет ярангу. Бригада состоит обычно из четырех-пяти пастухов, бригадира, учетчика и работницы чума, в обязанности которой входит приготовление горячей пищи, починка одежды и наблюдение за чистотой в жилище.

Новое внесено в технику пастьбы оленей. Особо важное значение придается теперь освоению новых пастбищ и плановости в использовании старых. Колхозное стадо распределяется по отдельным пастбищам, устанавливается точный маршрут и время кочеваний. В целях охраны поголовья, сохранения молодняка, лучшей организации выпаса и облегчения своего труда пастухи теперь пользуются верховыми лошадьми летом и оленегонными лайками зимой — явления, совершенно не известные прежде корякам. Различные мероприятия по организации и технике оленеводства сочетаются с расширением ветеринарного обслуживания стад. Ведется энергичная борьба с эпизоотиями, принимаются меры к улучшению породы северного оленя и др.

Подготовка невода. Корфская моторно-рыболовецкая станция

В 1947 г. в пос. Палана была открыта сельскохозяйственная школа руководящих колхозных кадров, которая готовит специалистов-оленеводов — бригадиров, учетчиков и др.

В колхозах Корякского национального округа насчитываются многотысячные стада оленей, растет продуктивность оленеводческого хозяйства. Так, например, в колхозе им. С. М. Кирова (Тигильский р-н) в послевоенные годы оленье поголовье увеличилось в несколько раз. Соответственно выросли и доходы колхозов от этой отрасли хозяйства. Имена передовых оленеводов Корякского национального округа стали известны далеко за его пределами. За достигнутые успехи в развитии социалистического оленеводства в связи с 20-летием Корякского национального округа в 1950 г. орденом Ленина награждены были бригадир оленеводческой бригады Таловского оленесовхоза Пенжинского района И. К. Кававыгин и бригадир оленеводческой бригады колхоза «Ударник» Карагинского района Е. А. Никифоров.

Исконное занятие коряков — оленеводство, основанное на новой технической базе, стало одной из важных отраслей народного хозяйства Корякского национального округа.

В приморских колхозах ведущей отраслью хозяйства является рыболовство. Развитие рыболовецких колхозов тесно связано с развитием рыбопромышленности в Корякском национальном округе. За годы пятилеток в округе создана крупная, технически оснащенная социалистическая рыбная промышленность общегосударственного значения. Создание промышленного рыболовства оказало сильное влияние на развитие и укрепление рыболовецких колхозов.

Рыболовецкие артели обслуживаются моторно-рыболовецкими станциями (МРС), располагающими моторным и безмоторным флотом. МРС проводят работу по повышению квалификации рыболовов. Здесь колхозники коряки обучаются новым для них специальностям мотористов, бригадиров лова и др. Основными орудиями лова вместо примитивных

Новые дома в пос. Култушино. Олюторский район

сетей стали ставные, закидные и кошельковые усовершенствованные невода. Кожаную байдару полностью заменил моторный и специализированный безмоторный флот.

Наряду с основными отраслями, рыболовством и оленеводством, в корякских колхозах развивается огородничество и животноводство. Попытки развить сельское хозяйство неоднократно делались и до революции, но даже среди оседлых коряков они не дали каких-либо значительных результатов. Плохо обрабатываемая земля давала слабые всходы, а от ранних заморозков часто погибал весь урожай. Кроме того, коряки имели очень слабое представление об уходе за огородами и не умели пользоваться сельскохозяйственным инвентарем. Не лучше обстояло дело и с животноводством — содержание скота круглый год на подножном корму снижало до минимума удойность коров.

Огородничество и животноводство стало развиваться у коряков с 1930 г. Большую роль в их развитии сыграли русские рабочие и местная советская интеллигенция, которые личным примером и передачей знаний помогали корякским колхозным животноводам и овощеводам. Нередко русские женщины приходили в колхозы и показывали приемы посадки и заготовки овощей, учили уходу за скотом. Наиболее благоприятные условия для развития овощеводства имеются в Тигильском районе. Некоторые колхозы этого района уже не только удовлетворяют собственные потребности в овощах, но и выращивают их на продажу.

Увеличиваются доходы корякских колхозов и от подсобных отраслей, в первую очередь от пушного промысла.

В настоящее время среди корякских колхозов имеется несколько колхозов-миллионеров. В передовом колхозе им. С. М. Кирова Тигильского района неделимый фонд в 1951 г. достиг 2 млн руб. Колхоз этот был организован в 1941 г. на базе товарищества по совместному выпасу оленей. Растут неделимые фонды и других колхозов. В 1951 г. в колхозах «Путь Севера» и «Маяк Севера» (Пенжинский р-н) неделимые фонды достигали 1.5 млн руб.

Одновременно с ростом и укреплением колхозов улучшается жизнь колхозников-коряков. Выросли и благоустроились колхозные поселки. Старая полуземлянка почти исчезла. Сейчас колхозники живут в домах

Здание начальной школы. Олюторский район, пос. Култушино

русского типа — в просторных деревянных избах с застекленными окнами. В тундре в связи с оседанием и укрупнением колхозов возникло много новых селений: Седанка кочевая (Тигильский р-н), Крестовое (Пенжинский р-н), поселок колхоза им. И. В. Сталина (Пенжинский р-н) и др. В Карагинском районе, в пункте, где в 1934 г. была лишь одна землянка, выстроен новый районный центр — крупное село Оссора.

Современный корякский поселок обычно состоит из нескольких десятков жилых и хозяйственных построек, бытовых и культурных учреждений. Из колхозных хозяйственных построек следует особо отметить новые для коряков скотные дворы. Во всех поселках имеются бани, пекарни и магазины. Большое внимание уделено строительству культурных учреждений. В каждом поселке есть школа (часто с интернатом), клуб или изба-читальня с библиотекой, медицинский или фельдшерский пункт, ясли. Многие поселки электрифицированы и радиофицированы.

В настоящее время все более ликвидируется былая разобщенность отдельных районов расселения коряков. Улучшаются средства местного сообщения и связи. В летнее время широко распространен моторный транспорт (катера и др.). В зимних условиях сохраняет свое значение оленный и собачий транспорт.

Общий подъем материального благосостояния коряков-колхозников выразился в росте потребления ими покупных продуктов питания и различных промышленных товаров. В настоящее время в пищевом рационе коряков видное место занимают продукты питания, поступающие к ним через органы советской торговли: мука, крупа, сахар и др. В последние годы все больше распространяется покупная одежда городского типа, но наряду с ней сохраняется и национальная корякская одежда, особенно зимняя, которая хорошо приспособлена к суровым природным условиям округа.

Культурное строительство, развернувшееся после организации округа, достигло больших успехов. До революции коряки были неграмотными. В двух существовавших в 1916 г. церковно-приходских школах обуча-

лось всего 13 корякских детей. Но уже в первые годы советизации края началось широкое школьное строительство. В 1925 г. открылись школы в ряде селений. Школа в с. Тиличики была реорганизована в школу-интернат специально для детей кочевников.

Перед Великой Отечественной войной в округе насчитывалось 30 корякских школ, а в 1951 г. в округе функционировало уже 97 начальных, семилетних и средних школ (27 из них были школы-интернаты).

Кадры для национальных школ округа готовит педагогическое училище, которое имеется в с. Тигиль. За годы своего существования училище подготовило свыше 100 учителей, в том числе и коряков. Корякская молодежь получает высшее педагогическое образование в Хабаровске. Выпускники Хабаровского педагогического института работают в школах Корякского национального округа. Среди студентов факультета народов Крайнего Севера Педагогического института им. А. И. Герцена в Ленинграде есть коряки, которые специализируются по языку, истории и экономике северных народов.

До революции у коряков не было письменности. Существовали у них некоторые зачатки пиктографического письма, не имевшего, однако, широкого распространения. В 1932 г. был издан на основе принятого тогда латинского алфавита первый корякский букварь. В основу корякского литературного языка был положен чавчувенский диалект. В 1937 г. выработан новый корякский алфавит на основе графики русского языка.

Для начальных корякских школ издается учебная литература на родном языке; выходит также политическая и художественная литература. Среди изданных на корякском языке книг имеются произведения корякских писателей. Еще во второй половине 30-х годов вышли в свет повести и рассказы Кецая Кекетына — «Эвныто-батрак», «Хоялхотэ», «Последняя битва» и Льва Жукова — «Нотаймэ». Последние два произведения написаны по материалам исторических корякских преданий. Молодая корякская интеллигенция принимает участие в составлении учебников, в переводе на корякский язык политической и художественной литературы. В Корякском национальном округе, кроме окружной газеты «Корякский коммунист», издаются и районные газеты.

Культурную работу среди коряков проводят сельские клубы, избы-читальни, библиотеки и дома культуры. Специфика корякского быта потребовала особых форм культурной работы (применительно к быту пастушеских бригад). Такой формой явились передвижные красные яранги.

Большая политическая и культурно-воспитательная работа ведется среди женщин корячек. Для руководства этой работой при райкомах КПСС созданы специальные отделы, а в каждом колхозе имеются женские советы. Женсоветы с помощью актива организуют занятия для малограмотных, проводят читку газет, вовлекают женщин в активную общественную жизнь. Бытовые и санитарные комиссии при женсоветах помогают трудящимся корячкам следить за чистотой и гигиеной жилищ, организуют различные кружки (санитарные, кройки и шитья), дают советы по различным вопросам культуры и быта, помогают в воспитании детей.

В годы социалистического строительства на территории округа выросла обширная сеть различных медицинских учреждений. В 1952 г. в одном только Карагинском районе насчитывалось 5 больниц и 14 фельдшерских пунктов. А еще в недавнем прошлом из-за отсутствия медицинской помощи и элементарных санитарно-гигиенических условий во время эпидемий вымирали целые селения.

Общий подъем культуры коряков вызвал большие изменения в их мировоззрении. Отходят в прошлое религиозные представления и связанные с ними обряды. Совершенно утратили всякое обрядовое значение пляски и игры, превратившиеся в веселые развлечения или спортивные соревнования. Традиционными оленьими и собачьими гонками обычно завершаются теперь все советские праздники. Торжественно проходят колхозные собрания, посвященные окончанию хозяйственного года: подводятся годовые итоги работы, отмечаются лучшие люди колхоза, устраиваются национальные игры, танцы, оленьи гонки, организуются выступления кружков художественной самодеятельности.

Партийная организация округа, играющая, как и везде, ведущую роль в перестройке хозяйства, культуры и быта, насчитывает в своих рядах немало коммунистов коряков. Среди них есть работники райкомов КПСС, пропагандисты, редакторы газет.

Многие коряки освоили совсем не известные им прежде технические и другие специальности и стали мотористами, радистами, счетоводами, бухгалтерами, зоотехниками, работниками здравоохранения и народного образования.

Среди депутатов местных советов, народных судей и народных заседателей округа преобладают представители местных национальностей. Коряки имеют своих избранников в Камчатском областном совете депутатов трудящихся и в высшем органе власти — в Верховном Совете СССР.

Большую помощь в хозяйственном и культурном строительстве оказывали и оказывают корякам русские люди. Среди обязательств рабочих, служащих и инженерно-технических работников рыбозаводов можно встретить такие: построить столько-то жилых домов для колхозников или радиофицировать колхозный поселок. Школьники русских школ Камчатки посылают в корякские школы книги; местное русское население помогает овладевать новыми профессиями и т. д.

Навсегда ушла в прошлое былая рознь между коряками и чукчами, коряками и эвенами. В настоящее время в округе имеются смешанные по национальному составу колхозы, такие, например, как колхоз-миллионер Пенжинского района «Полярная звезда», где дружно работают коряки, чукчи и эвены.

В декабре 1950 г., когда отмечалось двадцатилетие Корякского национального округа, за достигнутые успехи в развитии народного хозяйства и культуры Указом Президиума Верховного Совета СССР была награждена большая группа работников округа. Среди награжденных большой процент составляли коряки.

За последние годы, преодолевая немалые трудности в борьбе с пережитками прошлого, трудящиеся коряки добились новых успехов в хозяйственном и культурном строительстве.

ИТЕЛЬМЕНЫ

Древнее население Камчатки — ительмены — сохранили теперь свой язык и этническое самосознание только в нескольких селениях южной части Тигильского района Корякского национального округа. По языку ительмены включаются вместе с чукчами и коряками в северо-восточную группу палеоазиатов. По данным переписи 1926—1927 гг., ительменов насчитывалось 814 человек.

Общие сведения

Само название *ительмен* означает «житель», «живущий человек». В документах, а также в литературе XVIII в. и последующего времени ительмены именовались камчадалами.

Кроме жителей немногих селений, потомки ительменов совершенно слились с русскими. Официально они числятся русскими, но в живой речи еще сохранился термин «камчадалы». Однако под этим термином понимают не только обруселых потомков ительменов, но также потомков русских казаков и крестьян, переселенных на Камчатку в XVIII в. До революции эти составные элементы камчадалов относились к разным сословиям, но во всем остальном русскоязычные камчадалы представляли однородную группу.

Ближайшие соседи ительменов — оленные коряки — называли их общим именем с приморскими коряками: *нымылын* — «житель селения». В XVIII в. оленные коряки называли ительменов *хончало*. От этого слова некоторые исследователи производят названия «Камчатка» и «камчадалы».

В начале XVIII в. ительмены были расселены почти по всему полуострову, от южной оконечности до 58° с. ш., перемежаясь на севере с коряками. Особенно густо была заселена долина р. Камчатки. В то время среди ительменов выделялась обособленная группа под названием «ближние курильцы», населявшая мыс Лопатка и первые острова Курильской гряды. Эта группа находилась в непосредственном соприкосновении с айнами (курильцами) и значительно ассимилировалась с ними. По своему физическому типу, языку и бытовым особенностям «ближние курильцы» несколько отличались и от айнов и от ительменов.

В прошлом ительмены подразделялись по языку на северных, южных и западных. К первым принадлежали ительмены, обитавшие по р. Камчатке и по восточному побережью от с. Ука на севере до р. Налачевой на юге; ко вторым — ительмены, жившие от р. Налачевой до мыса Лопатки,

а также «ближние курильцы»; к третьим относились ительмены западного побережья п-ова Камчатки (Седанка—Хайрюзово). Особенно сильные различия наблюдались между языками северной и южной групп. Из диалектов ительменского языка до нас дошли лишь два — хайрюзовский и седанский, на которых очень сильно отразилось влияние коряк-ского и русского языков.

Вопрос о происхождении ительменов остается открытым. Археологические памятники полуострова изучены слабо. Они представлены полуподземными жилищами. В них встречается в большом количестве неолитический каменный инвентарь: наконечники стрел, копья, топоры, скребки, лампы-жирники, хорошо обработанные костяные предметы, остатки гончарных изделий. Они очень близки к орудиям ительменов XVII и XVIII вв.; подобный каменный и костяной инвентарь застали еще первые исследователи Камчатки — С. Крашенинников (1737—1742 гг.) и Г. Стеллер (1740—1744 гг.).

Первые этнографические сведения об ительменах были получены от В. Атласова, который с отрядом казаков и юкагиров из Анадырского острога в 1697 г. отправился на Камчатку. Атласов дошел по западному побережью почти до юга полуострова и собрал первый ясак с ительменов. Атласов застал у ительменов в полном расцвете неолитическую технику — каменные и костяные орудия. Его «скаски» (донесения) полны этнографических материалов. Довольно подробно описываются материальная культура (селения, жилища, одежда, способы приготовления пищи и др.), расселение, отдельные черты родовой организации. Особенный интерес представляют сведения Атласова о гончарстве, потому что уже сорок лет спустя С. Крашенинников не нашел у ительменев никаких следов этого занятия.

Хозяйство и быт, общественные отношения

Благодаря замечательному труду Степана Крашенинникова — участника Второй камчатской экспедиции Беринга, мы располагаем подробным описанием материального производства и социального строя ительменов первой половины XVIII в., когда они сохраняли еще свою самобытную культуру.

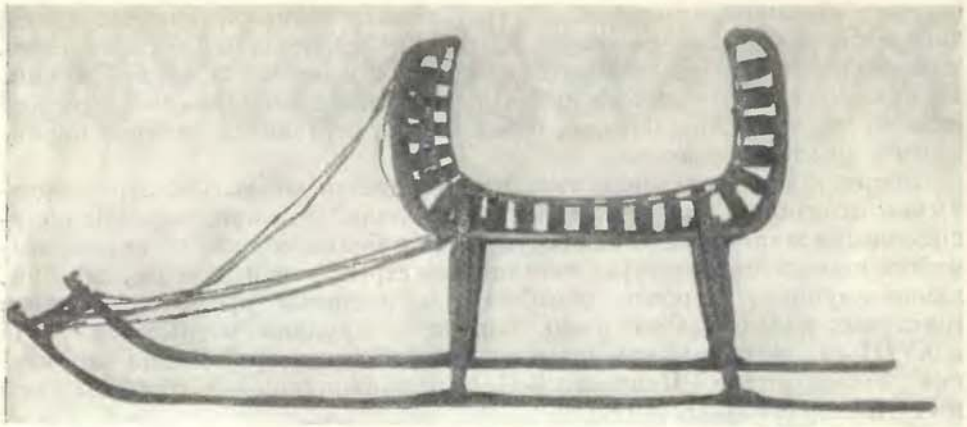
Это были рыболовы, жившие в постоянных селениях по берегам рек. Наиболее многочисленным было население в бассейне р. Камчатки. Основным сезоном промысла было время хода лососевых, когда рыба огромными массами устремляется вверх по рекам для икрометания. Орудиями лова служили сети, крючки.

Сети плели из крапивных ниток. Заготовляли рыбу впрок или в виде юколы или заквашивали в ямах. Рыбьи головы всегда квасили, это было любимым блюдом.

Вторым по своему значению занятием ительменов являлась охота. Камчатка в те времена была очень богата мясным и пушным зверем. Но и на пушного зверя охотились главным образом ради мяса, так как пушнина никакого сбыта не имела. В. Атласов сообщал об ительменах, что они при изготовлении глиняной посуды замешивали в глину нарубленные собольи хвосты.

Важную роль в хозяйстве ительменов играл промысел морского зверя. Охотились на тюленей, котика, морских бобров. Южные ительмены промышляли и китов отравленными растительным ядом стрелами.

Ни у одной северной народности Сибири не было так широко распространено собирательство дикорастущих растений, как у ительменов. Наибольшее значение в пищевом режиме ительменов имели клубни сараны (местное название различных лилейных), стебли сладкой травы, листья баранника, различные ягоды, кедровые орехи и др. Клубни растений вы-



Старинная собачья нарта XVIII в.

капывали особыми копалками из оленьего рога, привязанного к деревянной рукоятке. Впоследствии рог заменился железным наконечником. Собирательство было делом женщин. Рыболовство и охота были мужским занятием, но заготовка рыбы, ее обработка лежали на женщине, так же как и сучение ниток из крапивы для плетения сетей, изготовление цыновок и шитье одежды. С. Крашенинников сообщает, что приготовление пищи, уход за собаками и все плотничьи работы являлись мужским занятием.

Русские застали у ительменов развитую неолитическую технику. «Прежние камчатские металлы до прибытия почти россиян были кость и каменье. Из них они делали топоры, ножи, копья, стрелы, ланцеты и иглы», — сообщал об ительменах С. Крашенинников. Широко применялся для изготовления ножей и наконечников горный хрусталь. Огонь добывали при помощи деревянного сверла. Варка пищи, главным образом рыбы и мяса, еще в начале XVIII в. происходила в деревянных корытах, куда бросали раскаленные камни.

Единственным домашним животным у ительменов была собака. В позднейшее время на Камчатке распространилось упряжное собаководство, так называемого восточносибирского типа, но до середины XIX в. бытовала старинная ительменская нарта с двумя парами дугообразных копыльев и седлообразным сидением. У ительменов во времена С. Крашенинникова были скользящие лыжи, но более широко употреблялись «лапки» — плетеные лыжи ступательного типа. По рекам передвигались на батах — узких челноках, выдолбленных из цельного ствола тополя. Для устойчивости и большей грузоподъемности два бата иногда связывали вместе и настилали на них помост. С. Крашенинников сообщает, что на изготовление бата при помощи каменного тесла ительменам приходилось тратить целых три года.

Селения ительменов в XVIII в. были известны у русских под названием острожков. Они располагались по берегам рек и состояли из зимних и летних жилищ. Зимним жилищем была полуподземная «юрта», как ее тогда называли русские, с входом и выходом через дымовое отверстие в крыше. В жилище имелся и боковой выход, но им пользовались лишь женщины и дети. Летним жилищем для каждой отдельной семьи служили так называемые балаганы — крытые травой шалаши пирамидальной формы, расположенные на высоких свайных помостах. Старинная одежда ительменов была сходна с корякской и чукотской.

Селение. С гравюры XVIII в.

Такова была в общих чертах материальная культура ительменов в начале XVIII в. Крайне низкому уровню развития материального производства соответствовали и примитивные формы общественных отношений.

В эпоху первого знакомства русских с Камчаткой ительмены жили первобытно-общинным строем. «До покорения российскому владению, — писал С. Крашенинников, — дикой оной народ жил в совершенной вольности; не имел никаких над собою начальников, не подвержен был никаким законам, и дани никому не плачивал. Старые и удалые люди имели в каждом острожке преимущество, которое однакож только в том состояло, что их советы предпочитались; впрочем было между ими равенство, никто никем повелевать не мог, и никто сам собою не смел другого наказывать». В каждом острожке жили члены одного рода. В полуземлянке обитало несколько родственных семей; число жителей одной землянки доходило до 100 человек; они были связаны коллективным производством и потреблением. Существовал обычай кровной мести.

Женщина занимала в семейной и общественной жизни высокое положение. В социальном строе ительменов сохранялись многие черты материнского рода. Сюда относится, в частности, переселение мужа в дом жены или хотя бы временное проживание в доме тестя; брак за отработку, когда жених поселялся в доме невесты и выполнял различные работы. Но материнско-родовая организация у ительменов уже в начале XVIII в. находилась в стадии разложения. Постоянные войны между отдельными родами и с соседними народами, которые велись ради захвата женщин и пленных, частично обращавшихся в рабов, усиливали этот процесс. Проникновение русских на Камчатку с самого начала XVIII в. повело к быстрым изменениям в хозяйстве и быте ительменов.

Религиозные представления ительменов, судя по сообщениям исследователей XVIII в., главным образом С. Крашенинникова, имели ряд общих черт с верованиями коряков и чукчей: представление о вороне-

творце, обряды и празднества, связанные с годовым хозяйственным циклом: китовые, медвежьи и другие церемонии, состоявшие в «угощении» и «одаривании» убитых животных. Самым большим из них был осенний праздник, оканчивавшийся «очищением» — прохождением сквозь обручи из березовых прутьев. Ительмены верили в злых горных и лесных духов, в морского духа Митг, добрых духов-охранителей и т. д. Антропоморфные изображения духов делали обычно из дерева.

Центральной фигурой мифологии ительменов был ворон-творец Кутх. Но он не пользовался почетом и про него обычно рассказывали комические и скабрезные истории.

Трупы умерших взрослых людей ительмены отдавали на съедение собакам; детей хоронили в дуплах деревьев. Шаманы ительменов не имели специальных одеяний и бубнов.

В середине XVIII в. ительмены были обращены в православие, но у них продолжали сохраняться анимистические воззрения.

Известия о пушных богатствах Камчатки после походов Луки Морозко и Атласова привлекли к ней внимание царского правительства и якутских воевод.

Для сбора ясака с местного населения назначается особый «прикащик». Камчатские «прикащики», которые были фактически полновластными хозяевами полуострова, часто злоупотребляли своим положением. Помимо ясака они собирали с населения много пушнины в свою пользу. Хищническое истребление пушного зверя, в первую очередь соболя, привело к резкому снижению его добычи, и ительмены часто не могли вносить ясак полностью. Самовольные поборы в пользу приказчиков вяленой рыбы, «сладкой травы» для винокурения, сараны, ягод, кедровых орехов, тюленьего жира, шкур и даже нарт, батов, а также одежды стали систематическими. Ко всему этому присоединялась грабительская торговля и ее последствие — долговая кабала.

Борьба ительменов против поборов и угнетения выразилась первоначально в нападениях на отдельных представителей царской власти, в разгромах ясачной казны. Крупные восстания произошли в 1706, 1711 и 1731 гг.

Восстание 1731 г. охватило почти всех ительменов. После его подавления была послана специальная «походная розыскная канцелярия» для выяснения его причин. Руководители восстания были казнены. Некоторые из служилых людей также были наказаны.

Подавление восстаний вооруженной силой, произвол местных начальников приводил к сокращению численности ительменов; но главной причиной сокращения населения были губительные эпидемии (оспа, тиф и др.), опустошавшие целые районы. Остатки отдельных родов не могли уже существовать самостоятельно, а объединялись в более крупные территориальные единицы. Так, вместо прежних родовых селений возникали новые селения из представителей разных родов. Они создавались также и путем принудительного переселения. Например, после восстания 1731 г. жители с. Ключи были переселены в Козыревск; жители с. Начики были переселенцами с западного берега полуострова.

Сбор ясака через старейшин и развитие обмена с русскими повлекли за собой накопление частной собственности. Уже в 30-х годах XVIII в. были тойоны (старшины), у которых сородичи занимали соболей для выплаты ясака с последующей отработкой долга.

Экономическое положение ительменов во второй половине XVIII в. не улучшилось. Причиной была прежде всего система сбора ясака и произвол местного начальства. Ясак собирали не с наличного, а с номинально числящегося по спискам населения. Таким образом, приходилось вносить

Вид с. Седанка. Начало XX в.

налог за давно умерших родственников. Обременительной была и натуральная повинность — каюрная гоньба: ительмены развозили бесплатно по полуострову многочисленных чиновников и различные казенные грузы. Эта повинность отрывала их от промыслов и обрекала на частые голодовки.

Развившаяся торговля породила эксплуатацию ительменов купцами. Купцы давали ительменам в долг товары, часто принудительно, и при неуплате во-время удваивали и утраивали сумму долга. Иногда за какой-либо нож ительмен расплачивался в течение всей своей жизни. Этот характер торговли не изменился и с организацией Российско-Американской компании (1799 г.). Товары компании продавались дороже их номинальной цены раз в десять. Задолженность ительменов этой компании возросла к 60-м годам XIX в. до грандиозной суммы в 150 тыс. руб.

Ительменское хозяйство оставалось в основном натуральным. Продукция рыбной ловли шла исключительно на удовлетворение собственных нужд, а не на продажу. Товарное значение имели лишь продукты пушной охоты. Селения управлялись старостами, выбранными односельчанами и утвержденными русской администрацией. Очень часто должность старосты передавалась по наследству. Но пережиточные явления родовой организации сохранялись у ительменов до XX в. Сюда относятся элементы коллективного производства и распределения продуктов: коллективный лов рыбы запорами и охота на нерпу, раздел туши выкидного кита, сохранившийся обычай взаимной помощи и т. д.

Тесные связи с русским населением полуострова содействовали приобщению ительменов к русской культуре. От русских, в частности, ительмены усвоили навыки огородничества и разведения рогатого скота.

Первые попытки разведения сельскохозяйственных культур относятся ко времени основания монастыря на Камчатке (Успенской пустыни) в первой четверти XVIII в. В 1740-х годах была переселена на Камчатку первая партия русских крестьян. В дальнейшем такие переселения повторялись, но успехи сельского хозяйства были незначительны. Административный метод введения сельского хозяйства у ительменов при низком состоянии агротехники не мог дать хороших результатов. Продукция сельского хозяйства занимала очень небольшое место в хозяйстве ительменов. Более удачными были опыты с огородничеством. Во второй половине XIX в. во всех ительменских селениях имелись небольшие огороды с картофелем, репой, редькой. Огородничество это

Санитарные аэросани

все же было ничтожно по своим размерам и исключительно примитивно: население не умело ухаживать за посевами, не знало даже поливки; вскапывали землю деревянными мотыгами — копалками и т. п.

Рогатый скот был впервые завезен на Камчатку в 1733 г., и с тех пор время от времени такие завозы скота повторялись. Скот содержался на подножном корму, сенокошение было распространено слабо; лошади круглый год паслись свободно и поэтому так дичали, что их трудно было поймать. Лошади использовались главным образом осенью как верховое и вьючное животное. Колесного транспорта — телеги — население до революции не знало. Для рогатого скота устраивали холодные хлевы или навесы, зимой его подкармливали. Но удойность коров была крайне низка; кроме того, наблюдался большой падеж скота.

От русских ительмены получили более совершенные средства производства: огнестрельное оружие, сети и др. Каменные и костяные орудия и инструменты были полностью заменены металлическими. В быту ительменов стала появляться русская утварь и одежда; первобытная полуземлянка постепенно (а к началу XIX в. окончательно) сменилась деревянным бревенчатым жилищем и кое-где даже избой русского типа. Одновременно с освоением ительменами русской культуры шел в XVIII и XIX вв. и обратный процесс. Служилые люди, казаки и крестьяне, систематически переселяемые на полуостров с середины XVIII в., женились на ительменках и заимствовали некоторые элементы их быта и культуры. В результате появилось то своеобразное население полуострова, которое известно было, как указывалось выше, под названием камчадалов и ошибочно причислялось часто к ительменам.

В начале XX в. положение ительменов ухудшилось в связи с развитием на Камчатке капиталистической японской рыбной промышленности. Хищнический промышленный лов рыбы в устьях рек во время рунного хода приводил почти ежегодно к недолову у населения и неизбежным голодовкам.

Современная жизнь ительменов

В годы гражданской войны на Дальнем Востоке ительмены деятельно помогали партизанским отрядам, а затем частям Красной Армии в ликвидации белогвардейских банд. В партизанских отрядах были жители селений Напана, Утхолок, Ковран, Седанка. В 1921 г. на полуострове была окончательно установлена советская власть, и с этого момента началось восстановление разрушенного хозяйства.

В настоящее время ительмены по своему хозяйству, культуре и быту немногим отличаются от соседнего с ними старожилого русского населения Камчатки. Все они объединены в рыболовецкие колхозы, хорошо технически оснащенные. Известное значение в ительменских колхозах имеют охота на морского зверя и пушной промысел.

Из года в год увеличивается площадь, занятая под огородами. Повсеместно теперь сажают картофель в количестве, достаточном для питания до следующего урожая. В колхозах имеются плуги, бороны, сенокосилки, окучники и другие сельскохозяйственные орудия. Вспашку теперь производят на лошадях. Постепенно улучшаются породы рогатого скота, широко практикуется заготовка сена, выстроены теплые хлевы. Некоторые колхозы, например колхоз «Красный партизан», не только полностью обеспечивают себя молоком, но и снабжают им рабочих и служащих Тигильского района.

Живут колхозники ительмены в домах русского типа — просторных, светлых с большими застекленными окнами, с оштукатуренными стенами. Обстановка жилища ничем не отличается от обстановки дома русского колхозника.

Во всех ительменских селениях имеются медицинские учреждения, клубы, школы. Преподавание в ительменских школах ведется на русском языке, так как все ительмены, помимо родного, хорошо владеют русским языком. Выросли национальные кадры. Десятки ительменов, как мужчин, так и женщин, работают учителями, счетоводами, медицинскими сестрами в больницах, на выборных партийных и советских должностях и т. д.

Благодаря братской помощи русских ительмены успешно ликвидируют свою былую экономическую и культурную отсталость.

АЛЕУТЫ

Большинство алеутов обитает за пределами СССР, в США. В СССР алеуты живут только на Командорских островах (о. Беринга и о. Медный), административно выделенных в Алеутский район, входящий в Камчатскую область. Численность алеутов Камчатской области составляла по переписи 1926—1927 гг. 345 человек: 177 мужчин и 168 женщин. На родном языке тогда говорило 332 алеута.

Общие сведения

Общее самоназвание алеутов — *унанган* (ед. ч. *унангах*).

Среди жителей о. Медного название «алеуты» давно уже стало и самоназванием, хотя у них встречается и другое самоназвание — *сасигнан*.

Алеутский язык по своим фонетическим и морфологическим особенностям и по грамматическому строю близок к эскимосскому языку.

К приходу русских (в середине XVIII в.) алеуты жили на островах Алеутской гряды и на западном побережьи п-ова Аляски. Основным занятием их была охота на морского зверя (морских бобров, котиков, сивучей, нерп, моржей, китов). Охота на морского зверя была по преимуществу коллективной. Меньшую роль играло у них рыболовство. Орудия и оружие изготовлялись из дерева, камня и кости. Железо было распространено крайне незначительно. Есть основания предполагать, что оно попадало к алеутам от русских через эскимосов. Транспортным средством служили кожаные лодки (каяки и байдары). Зимним жилищем была большая полуземлянка, вмещавшая до 40 родственных семей; летом алеуты жили в шалашах, каждая семья отдельно.

Ко времени прихода русских у алеутов существовала родовая организация. Члены рода жили в одном селении, имели свои промысловые угодья. Старший и наиболее уважаемый член рода являлся старейшиной. Сыновья и племянники старейшины и старшие члены рода составляли привилегированную группу. Многочисленные межродовые и межплеменные войны вызывались захватом промысловых угодий, родовой местью и т. д. Главными военными трофеями были рабы, владеть которыми могла только привилегированная верхушка алеутов.

В таких примерно чертах представляется хозяйственное и общественное устройство алеутов к моменту открытия Алеутских островов русскими.

После возвращения экспедиции Беринга (1741 г.) на Алеутские острова устремляются партии русских промышленников, привлеченные

новыми пушными богатствами, в результате чего вскоре была открыта вся цепь Алеутских островов. Вновь открываемые острова поступали во владения Российской империи, и с жителей стали собирать ясак бобрами и котиками.

Следующий этап освоения Алеутских островов начинается, примерно, с 80-х годов XVIII в. и связан с деятельностью Российско-Американской компании. Согласно уставу компании, мужчины алеуты в возрасте от 18 до 50 лет должны были работать на компанию. Старики и подростки использовались в промысле птиц, женщины собирали для компании ягоды, шили одежду и т. п. Вместо оплаты они получали товары по установленным компанией расценкам.

Командорские острова во время открытия их в 1741 г. экспедицией Беринга были необитаемы. Заселены они были лишь в 1825 или в 1826 г. (дата точно не установлена) алеутами, переселенными Российско-Американской компанией с островов Атхи и Атту. Количество первых переселенцев неизвестно, но, повидимому, оно не превышало пятидесяти человек. Переселение это имело своей целью образование постоянного состава рабочих для эксплуатации пушных промыслов Командорских островов. В дальнейшем население Командорских островов пополнялось новыми партиями переселенцев — алеутами с Андреяновских, Прибылова и Лисьих островов, эскимосами с о. Кадьяка и другими (русскими, коми-зырянами, цыганами). Эти разные этнические группы смешивались, в результате чего командорские алеуты в настоящее время в большинстве являются метисами.

После ликвидации Российско-Американской компании и продажи Алеутских островов царским правительством США (1867 г.) Командорские острова были подчинены в административном отношении петропавловскому исправнику, а в 1871 г. были переданы в аренду Американскому торговому дому «Гутчинсон, Кооль и К°». Будучи монопольной, эта компания взвинтила цены на все товары, и алеутам едва хватало заработков на приобретение продуктов первой необходимости. С 1891 до 1917 г. Командорские острова арендовались различными торгово-промышленными компаниями. Положение алеутов в этот период, в связи с падением промыслов, продолжало оставаться тяжелым. После 1905 г. доход жителей о. Беринга колебался от 49 до 68 руб. на человека, в то время как прожиточный минимум в то время был не ниже 70 р. в год.

Русско-японская война отрезала Командорские острова от России. Японские шхуны, воспользовавшись этим, хищнически истребляли котиковые лежбища, тем самым нанося последний удар подорванному хозяйству островов. Алеуты с оружием в руках героически защищали острова от налета японских шхун.

Годы гражданской войны и интервенции (1918—1922 гг.) особенно тяжело отразились на хозяйстве населения островов. В эти годы острова несколько раз попадали в руки различных белогвардейских банд, которые, забрав пушнину, оставляли жителей на произвол судьбы. В этот период усилилось хищничество иностранных шхун, особенно японских.

В 1923 г. белогвардейские банды на Командорских островах были окончательно ликвидированы. В том же году на островах были организованы сельские комитеты, а в 1925 г. сельские советы. В 1932 г. острова были выделены в Алеутский район.

Хозяйство и быт

С момента своего переселения на Командорские острова алеуты были рабочими на промыслах. Они промышляли ценных пушных зверей — котика, морского бобра, песца. Добыча котиков совершалась палками (дрыгалками) на специальных убойных площадках, куда предварительно отгонялась часть котикового

лежбища. На бобров охотились до конца XIX в. предпочтительно гарпунами, позднее ставными сетями и ружьями. Песцов промышляли различными ловушками, крючками и ружьями. Для лучшей организации промысла пушных зверей острова были разбиты на участки («ухожи»).

Котиковый, бобровый и песцовый промыслы состояли в ведении торговых компаний. В конце XIX—начале XX в. деньги за добытых зверей компании выплачивали не охотнику, а сельскому обществу, которое и распределяло их. Один пай обычно получал семейный промышленник, имеющий не более 2 детей. Имеющие большее количество детей получали соответственно на $^1/_4$ или на $^1/_2$ пая больше. Вдовы, сироты, старики также получали часть пая.

Охота на сивуча и нерпу имела чисто потребительский характер. Продукция этого промысла шла на удовлетворение собственных нужд: мясо — в пищу, шкура — на обтяжку лодок и пошивку обуви; из кишок шили камлейки (короткие рубахи с капюшоном), желудки служили посудой и т. д. Дополнительными источниками существования у алеутов являлись охота на птиц (сачком и ружьями), рыболовство (запорами, неводами и удочками) и некоторые другие занятия.

Огородничество не играло у алеутов заметной роли. Недостаток овощей в прошлом пополнялся в значительной степени продуктами собирательства: корнями дикорастущих растений, морскими водорослями и беспозвоночными.

Животноводство, как и огородничество, не было исконным занятием алеутов и появилось на островах в период деятельности Российско-Американской компании. Разводился рогатый скот, свиньи, в 1909 г. были завезены козы. Скот содержался почти исключительно на подножном корму, заготовка сена была крайне незначительна.

Большие полуподземные жилища, характерные для алеутов до начала XIX в., сильно изменились в дальнейшем. Переселенцы принесли на Командоры уже измененный тип жилища, описанный в литературе под неправильным названием «юрты». Жилище это было менее углублено в землю и значительно меньших размеров, чем старое. Отверстие в крыше служило исключительно для выхода дыма; вход устраивался в одной из боковых стен и имел вид узкого коридора с дверью. В стенах прорубали небольшие окна, которые затягивали кишками сивуча. Остов жилища делался из выкидного леса и покрывался дерном и сухой травой. Пол был сплошь земляной или покрыт посредине досками. Отапливалось такое жилище плавником (выкидным лесом), освещалось жировыми лампами. Убранство его составляли нары, лавки, столы. Стены покрывались плетеными цыновками.

В 70-х годах XIX в. арендаторы Командорских островов — американская компания Гутчинсон — построили для алеутов стандартные бревенчатые домики с черепичными крышами. Дома эти мало соответствовали климатическим условиям Командорских островов и требовали много топлива, что сильно отражалось на бюджете населения. Зимой, спасаясь от холода, алеуты часто переселялись в старые жилища.

Главным средством сообщения алеутов примерно до 70-х годов прошлого века была кожаная закрытая лодка (каяк). Большая кожаная лодка (байдара) была распространена незначительно только на о. Медном. В конце XIX в. кожаные лодки всех видов были вытеснены вельботами и шлюпками.

Собаководство, заимствованное, вероятно, в конце XIX в. от жителей материка, развилось лишь на о. Беринга, где по условиям местности собаки служили прекрасным средством сообщения. Упряжка и нарты не отличались от общераспространенного восточносибирского типа.

Старинной национальной одеждой алеутов была парка из птичьих шкурок. Она имела вид длинной рубахи с неширокими рукавами и стоячим воротником. Промысловая одежда состояла из камлейки, торбазов и штанов. Камлейку шили из кишок сивуча, а штаны — из сивучьих или нерпичьих шкур; торбаза делались из нерпичьих шкур с подошвой из кожи сивуча. Остальная одежда (рубашки, платья, обувь и т. д.) была русского покроя и приобреталась у торговых компаний.

Родовая организация, характерная в прошлом для всех алеутов, у переселенцев Командорских островов не сохранилась. До Великой Октябрьской социалистической революции жители каждого острова составляли крестьянское общество и считались рабочими на казенных промыслах. Сход избирал на три года старосту, десятских, трех судей и писаря. Одной из главных функций схода было распределение рабочих по ухожам и распределение заработков от промыслов.

Из всех северных народностей Дальнего Востока алеуты испытали наиболее сильное культурное влияние русских благодаря тому, что большинство из них были рабочими на промыслах. В результате этого влияния в домашний быт алеутов проникли различные элементы русской культуры (одежда, пища, утварь и пр.), появилось животноводство и огородничество.

Грамотность среди командорских алеутов была сравнительно высокой. Уже среди первых переселенцев находились умеющие читать и писать. В 1909 г. на островах были две церковно-приходские школы: на о. Беринга с 23 и на о. Медном с 34 учащимися. Обучение происходило на русском языке, но ограничивалось в большинстве случаев чтением церковнославянских книг. Такая постановка преподавания в школах приводила к тому, что за три года обучения дети усваивали только чтение и письмо. Попытка обучения алеутов на родном языке не дала существенных результатов. Перевод на алеутский язык церковно-славянских текстов не был понятен для алеутов.

До Великой Октябрьской социалистической революции алеуты непрестанно уменьшались в численности. Причиной этого была безудержная эксплуатация их торговыми компаниями, которые обрекали алеутов на полуголодное существование. Содействовали этому также алкоголизм и различные эпидемические и социальные болезни. Всем этим объясняется высокая смертность алеутов, особенно среди детей, низкая рождаемость и очень невысокая продолжительность жизни. Общая убыль населения с 1890 по 1909 г. достигла 19%.

Современная жизнь алеутов

Коренным образом изменилось положение алеутов с того времени, как на Командорских островах установилась советская власть. За годы пятилеток было реконструировано все хозяйство островов, значительно повысились материальное благосостояние и культурный уровень населения.

В настоящее время алеуты являются рабочими и служащими звероводческого совхоза «Командор».

Командорский зверосовхоз сдает государству много ценной экспортной пушнины. Правительство высоко оценило самоотверженный труд работников зверосовхоза, и многие из них были награждены орденами и медалями Советского Союза.

В хозяйстве алеутов в настоящее время развивается рыболовство, скотоводство, огородничество. Лов рыбы производится не только для внутреннего потребления (в пищу населению, на подкормку песцов), но и для вывоза на материк. Успешно развивается огородничество в совхозном хозяйстве и в индивидуальных хозяйствах населения. Возделываются картофель, репа, редис, капуста, салат, редька, свекла и др.

Большое развитие получило в советское время коммунальное хозяйство. Домики, построенные американской компанией, заменены большими домами русского типа с железными крышами. Квартиры освещаются электричеством, отапливаются каменным углем. Изменились промысловые жилища — «юрташки». Раньше это были сырые, грязные землянки, теперь это — чистые, светлые домики, часто оштукатуренные.

На о. Беринга работает больница с родильным отделением и амбулаторией, на о. Медном — фельдшерский пункт. На каждом острове имеются детские ясли; летом открываются детские площадки. Рост лечебных и оздоровительных учреждений, улучшение жилищных условий и питания, охрана труда принесли значительные результаты в борьбе с социальными болезнями — туберкулезом и ревматизмом. Естественный прирост населения за последние годы значительно повысился.

На островах имеются клубы, звуковое кино, библиотеки. В районе издается своя газета «Алеутская звезда».

Алеутский район давно уже стал районом сплошной грамотности. С 1938 г. в районе работают начальная и неполная средняя школы. На о. Беринга при школе имеется интернат, работает также неполная средняя школа для взрослых. Алеутская молодежь учится в педагогическом и медицинском училищах в Петропавловске-Камчатском, во Владивостоке и других городах Советского Союза.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Библиографические указатели

Азадовский М. К. Обзор библиографии Сибири. Тр. Общ. этногр., истор. и археол. при Томск. унив., вып. 1, 1920.

Азадовский М. К. Литература по этнографии за последнее десятилетие XIX в. Перечень статей в периодических изданиях 1891—1900 гг. Сибирская живая старина, 2, 1924.

Азадовский М К. Этнография в краевых библиографических указателях 1913—1926 гг. Этнография, I—II, 1926.

Буссе Ф. Указатель литературы об Амурском крае. Изд. 2, дополн. до 1 января 1881 г. СПб., 1882.

Грачев В. А. Обзор источников по истории Приамурья и Охотско-Камчатского края, вып. I. С древнейших времен до половины XIX в. Владивосток, 1927.

Зеленин Д. К. Библиографический указатель этнографической литературы о внешнем быте народов России (1700—1910). Зап. Русск. Геогр. общ. по отд. этногр., т. 40, вып. 1, 1913.

Зеленин Д. К. Обзор советской этнографической литературы за 15 лет. Сов. этнография, 5—6, 1932.

Ивановский А. А. Указатель этнографических статей и заметок, помещенных в сибирских газетах от начала их издания. Этногр. обозрение, 2—4, 1890; 1—4, 1891; 1, 1892.

Ивановский А. А. Периодические издания Сибири и Средней Азии (1789—1891). Указатель статей по этнографии. Изд. журн. «Библиографические записки», М., 1892.

Косвен М. О. Указатель библиографических указателей и обзоров литературы по этнографии народов СССР. Сов. этнография, 1, 1947.

Косованов В. П. Библиография Приенисейского края. Систематический указатель книг и статей на русском и иностранном языках, опубликованных с 1612 по 1923 включительно, тт. II и III. Красноярск, 1923—1930.

Матвеев З. Н. Что читать о Дальне-Восточной области. Владивосток, 1925.

Межов В. И. Сибирская библиография, тт. I—III. СПб., 1903.

Попов А. А. Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства северо-азиатских народов. Л., 1932.

Слободский М. А. Литература по этнографии Сибири в этнолого-географических повременных изданиях 1901—1917 гг. Сибирская живая старина, 3—4, 1925.

Слободский М. А. Литература по этнографии Сибири в исторических журналах 1901—1919 гг. Сибирская живая старина, 7, 1928.

Указатель главнейших источников и пособий по Азиатской России. Азиатская Россия, т. III, СПб., 1914.

Указатель к изданиям Русского Географического общества и его отделов с 1846 по 1875 г. СПб., 1886; то же с 1876 по 1885 г., СПб., 1887; то же с 1886 по 1895 г., СПб., 1896; то же с 1896 по 1905 г., СПб., 1910.

Указатель литературы, изданной на языках народов Севера в 1931—1933 гг. Л., 1934; то же, изданной в 1931—1934 гг. Л., 1935.
Харузина В. Материалы для библиографии этнографической литературы. Прилож. к кн.: Н. Харузин. Этнография, вып. IV, СПб., 1905.
Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического музея. Описание Минусинского музея, вып. IV. Минусинск, 1900.
Якушкин Е. И. Обычное право. Матер. для библиогр. обычного права, вып. I, II, IV, Ярославль—М., 1875—1909.
Arctic Bibliography. Prepared for and in cooperation with The Department of Defense under the Direction of the Arctic institute of North America. Department of defense. Vol. I—III, 1953; vol. IV, 1954.
Kerner R. J. Northeastern Asia. A selected bibliography. Contributions to the Bibliography of Relations of China, Russia and Japan, with Special Reference to Korea, Manchuria, Mongolia and Eastern Siberia in Oriental and European Languages, vol. I—II. Berkeley, California, 1939.

II. Общие работы о народах Сибири

Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей XIII—XVII вв. 2-е изд., Иркутск, 1941.
Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. Л., 1939.
Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII—XIX вв. М.—Л., 1944.
Андреев А. И. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948.
Андриевич В. К. История Сибири, чч. I—II. СПб., 1889.
Бахрушин С. В. Научные труды. III. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв., ч. 2. История народов Сибири в XVI—XVII вв. М.—Л., 1955.
Берг Л. С. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга 1725—1742 гг. Л., 1946.
Берх В. Хронологическая история открытия Алеутских островов или подвиги российского купечества с присовокуплением исторического известия о меховой торговле. СПб., 1823.
Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I, М.—Л., 1950; т. II, М.—Л., 1950; т. III, М.—Л., 1953.
Богораз В. Г. Народная литература палеоазиатов. В кн.: Литература Востока, сборник статей, вып. 1, Пгр., 1919.
Богораз В. Г. Новые задачи российской этнографии в полярных областях. Пгр., 1921.
Богораз В. Г. Оленеводство. Возникновение, развитие и перспективы. В кн.: Проблема происхождения домашних животных, вып. 1, М.—Л., 1933.
Василевич Г. М. и М. Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение. Сов. этнография, 1, 1951.
Васильев Б. А. Медвежий праздник. Сов. этнография, 4, 1947.
Венюков М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952.
Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, чч. 1—4. СПб., 1799.
Долгих Б. О. О некоторых этногенетических процессах (переселениях народов и распространении языков) в северной Сибири. Сов. этнография, 1, 1952.
Долгих Б. О. Расселение народов Сибири в XVII веке. Сов. этнография, 3, 1952.
Долгих Б. О. и М. Г. Левин. Переход от родоплеменных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири. Сб. «Родовое общество», Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. XIV, 1951.
Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Под общ. ред. П. П. Семенова. Т. I, ч. 1; т. VIII, ч. 2; т. XI; т. XII, чч. 1 и 2. СПб., 1881—1901.
Зеленин Д. К. Народы крайнего Севера после Великой Октябрьской социалистической революции. Сов. этнография, сб. 1, 1938.
Иванов С. В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. XXII, 1954.
Искусство народностей Сибири. Л., 1930.
Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927). Благовещенск, 1929.
Кеннан Д. Степная жизнь в Сибири. Странствия между коряками и другими племенами Камчатки и Северной Азии. СПб., 1871.
Коптелов А. Л. Литература народов Сибири. Новосибирск, 1948.
Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949.

Кручинин Д. Экономический и культурный расцвет народов советского Севера (по материалам Таймырского и Эвенкийского национальных округов). Вопросы истории, № 2, 1953.
Крюк В. Социалистический путь развития народов нашего крайнего Северо-Востока. Дальний Восток, № 6, 1955.
Кук Д. Путешествие в Северный Тихий океан. . . на судах «Резолюция» и «Дискавери» в продолжение 1776, 77, 78, 79 и 1780 годов. СПб., 1805—1810.
Кюнер Н. В. Китайские исторические данные о народах Севера. Уч. зап. Лен. Гос. унив., сер. востоковедч. наук, вып. 1, 1949.
Лазарев А. П. Записки о плавании военного шлюпа Благонамеренного в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821, и 1822 годах, веденные гвардейского экипажа лейтенантом А. П. Лазаревым. М., 1950.
Левин М. Г. О происхождении и типах упряжного собаководства. Сов. этнография, 4, 1946.
Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, ч. 1—3. М., 1801—1802.
Литература народов Сибири. Новосибирск, 1956.
Маак Р. Вилюйский округ Якутской области, чч. 1—3. СПб., 1883—1887.
Материалы для истории русских заселений на берегах Восточного океана, вып. 1—4. Прилож. к №№ 1—4 «Морского сборника», 1861.
Материалы первой Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера. Л., 1932.
Материалы по туземному вопросу на Дальнем Востоке, вып. 1. Чита, 1924.
Материалы Приполярной переписи 1926—1927 гг. в Сибирском крае, вып. I—III. Красноярск — Новосибирск, 1928—1929.
Миллер Г. Ф. История Сибири. Кн. I, М.—Л., 1937; кн. II, М.—Л., 1941.
Объяснительная записка к этнографической карте Сибири Академии Наук СССР. Тр. Комисс. Акад. Наук по изуч. племен. состава населения СССР и сопредельн. стран, 17, Л., 1929.
Оглоблин Н. П. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), чч. 1—4. М., 1895—1901.
Оглоблин Н. Н. Красноярский бунт 1695—1698. (Очерк из истории народных движений в России). Томск, 1902.
Огородников В. И. Очерк истории Сибири до начала XIX ст. Ч. 1, Иркутск, 1920; ч. II, вып. 1, Владивосток, 1924.
Огородников В. И. Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Чита, 1922.
Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. В 2-х частях. М.—Л., 1953.
Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. . . СПб., 1773—1788.
Памятники Сибирской истории в XVIII в. Кн. 1, СПб., 1882; кн. 2, СПб., 1885.
Патканов С. К. Список народностей Сибири. Тр. Комисс. Акад. Наук по изуч. племен. состава населения России, 7, 1923.
Паули Ф. К. Народы России. Этнографический обзор населения России. СПб., 1862.
Попов А. А. Плетение и ткачество у народов Сибири в конце XIX — начале XX в. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XVI, 1955.
Потапов Л. П. О национальной консолидации народов Сибири. Вопросы истории, № 10, 1955.
Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926—1927 гг. Территориальные и групповые итоги переписи. М., 1929.
Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г. в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки. Приложения. СПб., 1899.
Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. П. П. Семенова. Т. XVI. Западная Сибирь. СПб., 1907.
Сайдер А. Красноярский бунт конца XVII века (историческая справка). Новое земское дело, №№ 17—18, 1919.
Сарычев Г. А. Путешествие флота-Капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение осьми лет, при Географической и Астрономической морской Экспедиции, бывшей под начальством флота-Капитана Биллингса с 1785 по 1793 г., 2 части. СПб., 1802; 2-е изд., М., 1952.
Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северо-Восточному океану в 1791 году. СПб., 1811.
Сборник обычного права сибирских инородцев. Изд. Д. Я. Самоквасова, Варшава, 1876.

Семенов П. П Географическо-статистический словарь Российской империи, тт. 1—5. СПб., 1863—1885.
Сергеев М. А. Литературное творчество народов Севера. Сов. этнография, 3, 1955.
Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. XXVII, 1955.
Сибирские летописи. Изд. имп. Археогр. комиссии, СПб., 1907.
Список народностей Союза Советских Социалистических Республик, сост. под ред. И. И. Зарубина. Тр. Комисс. по изуч. племен. состава населения СССР и сопредельн. стран, 13, Л., 1927.
Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.), т. I. Изд. Якутск. обл. уч. архивн. ком., Якутск, 1916.
Титов А. Сибирь в XVII в. М., 1890.
Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927—1928 гг. (по материалам обследования 1928 г.). Хабаровск—Благовещенск, 1929.
Учреждение для управления сибирских губерний. СПб., 1822.
Щапов А. П. Сочинения, тт. I—III. СПб., 1906—1908.
Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1883.
Ядринцев Н. М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб., 1891.
Языки и письменность народов Севера. Ч. I. Языки и письменность самоедских и финно-угорских народов. Ч. III. Языки и письменность палеоазиатских народов. Л., 1934—1937.
Cotteau Edmond. De Paris au Japon à travers la Sibérie. Voyage exécuté du 6 mai au 7 août 1881. Paris, 1883.
Czaplicka M. A. Aboriginal Siberia. A Study in Social Anthropology. Oxford, 1914.
Donner K. Sibirien. Folk och forntid. Stockholm, 1933.
Erman A. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin, 1833.
Findeisen H. Viehzüchter und Jägervölker am Baikalsee im Flussgebiet der Bureja und im Amurlande. Baessler-Archiv, XIV, Berlin, 1930—1931.
Finsch O. Reise nach West-Sibirien im Jahre 1876. Berlin, 1879.
Gmelin J. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743, тт. 1—4. Göttingen, 1751—1752.
Holmberg U. Über die Jagdriten der nördlichen Völker Asiens und Europas. Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsingfors, 1926.
Holmberg-Harva U. Die religiosen Vorstellungen der altaischen Völker. FF. Communications, vol. LII, № 125, Helsinki, 1938.
Jettmar K. Zu den Anfängen der Renntierzucht. Anthropos, Bd. 47, 1952.
Langsdell H. Through Siberia, vol. I—II. London, 1882.
Legras J. En Sibérie. Paris, 1899.
Müller F. Unter Tungusen und Jakuten. Erlebnisse und Ergebnisse der Olenek-Expedition. Leipzig, 1882.
Nioradze G. Der Schamanismus bei den sibirischen Völkern. Stuttgart, 1925.
Ohlmarks A. Studien zum Problem des Schamanismus. Lund—Kopenhagen, 1939.
Ohlmarks A. Heimdalls Horn und Odins Auge. Studien zur nordischen und vergleichenden Religionsgeschichte. Erstes Buch (I—II): Heimdallr und das Horn. Lund—Kopenhagen, 1937.
Price M. P. Siberia. London, 1912.
Sabir C., de Le fleuve Amoûr. Histoire, Géographie, Ethnographie. Paris, 1861.
Saint-Julien Ch., de. Voyage pittoresque en Russie suivi d'un voyage en Siberie par M. R. Bourdier. Paris, 1854.
Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. . . Frankfurt und Leipzig, 1774.

К статьям «ДРЕВНЕЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ И ЕГО КУЛЬТУРА» и «АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ СИБИРИ»

Указатель работ Государственной Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, изданных с 1921—1935 гг. Л., 1936.
Герасимов М. М. Мальта. Палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работы 1928—1929 гг. Иркутск, 1931.
Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. Инст. геол. наук, вып. 64, геол. серия, № 17.
Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.

Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. IV, 1948.
Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. Тр. Северовост. экспед., 1, Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. XVII, 1951.
Ефименко П. П. Первобытное общество. Киев, 1953.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
Левин М. Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока. Сов. этнография, 2, 1950.
Левин М. Г. К вопросу о древнейшем заселении Сибири. Сов. этнография, 3, 1950.
Левин М. Г. Древние переселения человека в северной Азии по данным антропологии. Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. XVI, 1951.
Левин М. Г. К антропологии Южной Сибири. (Предварительный отчет о работе антропологического отряда Саяно-Алтайской экспедиции 1952 г.). Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. XX, 1954.
Окладников А. П. Неолитические памятники как источник по этногонии Сибири и Дальнего Востока. Кратк. сообщ. Инст. истор. матер. культуры АН СССР, вып. IX, 1941.
Окладников А. П. Палеолитические жилища в Бурети. Кратк. сообщ. Инст. истор. матер. культуры АН СССР, вып. X, 1941.
Окладников А. П. К археологическому изучению Советской Арктики. Пробл. Арктики, № 2, 1945.
Окладников А. П. Ленские древности. Вып. 1, Якутск. 1945; вып. 2, Якутск, 1946; вып. 3, Л., 1950.
Окладников А. П. Освоение палеолитическим человеком Сибири. Матер. по четверт. периоду СССР, вып. 2, 1950.
Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Чч. I и II. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 18, М.—Л., 1950; ч. III. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 43, М.—Л., 1955.
Окладников А. П. Якутия до присоединения к Русскому государству. История Якутской АССР, т. 1, М.—Л., 1955.
Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.
Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953.
Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала. Свердловск, 1952.
Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки Северной Азии. Тр. II Междунар. конфер. Ассоц. изуч. четвертичн. периода Европы, вып. V, М.—Новосибирск, 1934.
Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья. Тр. Отд. истор. первобытн. культуры. Гос. Эрмитаж, т. 1, 1941.
Чернецов В. Н., В. И. Мошинская, И. А. Талицкая. Древняя история Нижнего Приобья. Матер. и исслед. по археол. СССР, № 35, М., 1953.

К статье «ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД»

Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры о Сибири, вып. 1. Иркутск, 1947.
Андрианов А. В. Томская старина. В кн.: Город Томск. Томск, 1913.
Бахрушин С. В. Научные труды. III. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVIII вв., ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1955.
Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев (к истории русских поречан на Индигирке). Уч. зап. Лен. пед. инст., т. X, Геогр. факультет, вып. 3, Л., 1955.
Богораз В. Г. Русское население на Калыме. Землеведение, кн. III, 1899; кн. VI, 1899; кн. IV, 1900.
Бухтарминские старообрядцы. Матер. Комисс. экспед. исслед. АН СССР, вып. 17, Л., 1930.
Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее населенников. Харьков, 1889.
Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. Сперанского о Сибири, тт. I—II. СПб., 1872.
Васильев А. В. Забайкальские казаки. Исторический очерк, тт. I—III. Чита, 1917—1918.
Ватин В. Восточная Сибирь в начале XIX в. Сибирская летопись, № 3—4, 1916.
Ветошкин М. Из истории большевистских организаций и революционного движения в Сибири. 1947.

Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожильческого населения Сибири. Сб. трудов профессоров и преподавателей Гос. Иркутск. унив., 1923.
Георгиевский А. П. Расселение русских на Дальнем Востоке. В кн.: Производительные силы Дальнего Востока, вып. 5, Хабаровск—Владивосток, 1917.
Головачев П. М. Очерк заселения Сибири в XVI—XVII ст. СПб., 1906.
Григоровский Н. Крестьяне старожилы Нарымского края. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., кн. 1, Омск, 1879.
Декабристы в Забайкалье. Чита, 1925.
Жеребцов Б. Старая Сибирь в воспоминаниях современников. Иркутск, 1939.
Зензинов В. М. Марковцы и русско-устьинцы. Этнографические параллели и сравнения. Этногр. обозрение, кн. CI—CII, № 1—2, 1914.
Зензинов В. М. Старинные русские люди у Холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. Изд. 2. М., 1914.
Кабо Р. М. Города Западной Сибири. Очерк историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX в.). М., 1949.
Карнилов. Замечания о Сибири. СПб., 1828.
Кауфман А. А. Очерк крестьянского хозяйства в Сибири. Томск, 1894.
Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
Козьмин Н. Н. Очерки прошлого и настоящего в Сибири. СПб., 1900.
Комаров В. Л. О русском населении Камчатки. Русский антропологический журнал, № 2—3, 1912.
Кубалов Б. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925.
Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков в Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939.
Кунгуров Г. Ранние культурные и литературные интересы в старой Сибири (XVII—XIX вв.). Уч. зап. Иркутск. пед. инст., вып. VII, Иркутск, 1941.
Латкин Н. В. Енисейская губерния. СПб., 1892.
Литературный сборник. Собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб., 1885.
Майнов И. И. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. Зап. Русск. Геогр. общ. по отд. статистики, т. XII, 1912.
Макаренко А. А. Материалы по народной медицине. СПб., 1897.
Макаренко А. А. Почитание огня у крестьян-сибиряков Енисейской губернии. Живая старина, вып. II, 1897.
Макаренко А. А. Новогодняя ворожба по деревням Енисейской губернии. Живая старина, вып. III—IV, 1901.
Макаревко А. А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. Восточная Сибирь. Енисейская губерния. Зап. Русск. Геогр. общ. по отд. этнографии, т. XXXVI, СПб., 1913.
Мартос А. Письма о Восточной Сибири. М., 1827.
Небольсин П. Покорение Сибири. СПб., 1849.
Нужды Сибири. Сборник. СПб., 1905.
Оланьон Кл. Сибирь и ее экономическая будущность. СПб., 1903.
Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии. Сборник документов. Составитель Н. С. Орлова. М., 1951.
Пестов И. Записки об Енисейской губернии 1831 г. М., 1831.
Петряев Е. Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. Чита, 1954.
Платонов С. Строгановы, Ермак и Мангазея. Русское прошлое, сб. 3, Пгр., 1923.
Плотников А. Ф. Нарымский край. Историко-статистический очерк. СПб.. 1901.
Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
Попов Г. А. Декабристы в Колымске. Сб. трудов общ. изуч. Якутской АССР, вып. 1, Якутск, 1936.
Попов И. И. Минувшее и пережитое, тт. I—II. Л., 1924.
Саблер С. В. и И. В. Сосновский. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. Исторический очерк. СПб., 1903.
Сватиков С. Россия и Сибирь. Прага, 1930.
Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
Серебренников И. И. Сибиреведение. Харбин, 1920.
Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. Сборник статей. СПб., 1908.
Сибирь и декабристы. Сборник. Иркутск, 1925.
Скалозубов Н. Л. Народный календарь. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. XII, 1901.
Скалозубов Н. Л. Организация общественных сил в целях изучения Сибири. СПб., 1912.
Скалон В. Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. М., 1951.
Степанов А. Енисейская губерния, тт. I—II. СПб., 1835.

Шашков С. С., Собр. соч., т. 2, кн. 4, СПб., 1898.
Швецов С. Очерк Сургутского края. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., кн. X, Омск, 1889.
Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., кн. XXVI, Омск, 1899.
Шелгунов Н. В., Сочинения, т. 1, СПб., 1871.
Шерстобоев В. Н. Илимская пашня, т. 1. Иркутск, 1949.
Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М., 1946.
Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.
Ядринцев Н. М. Культурное и промышленное состояние Сибири. СПб., 1884.
Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892.
Danckwortt P. W. Sibirien und seine wirtschaftliche Zukunft. Leipzig und Berlin, 1921.
Georgi J. G. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772, Bd. 1. St. Petersb. 1775.
Sievers Jch. Briefe aus Sibirien. St. Petersb. 1776.

К статье «БУРЯТЫ»

Хороших П. П. Указатель историко-этнографической литературы о бурятской народности. Сибирская живая старина, 1, 1923.
Агапитов Н. Н. и М. Н. Хангалов. Материалы для изучения шаманства в Сибири (шаманство у бурят). Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. XIV, № 1—2, 1883.
Архивчеев И. Образование новой автономной республики. Жизнь национальностей, № 5, 1923.
Бурят-Монголия за 30 лет советской власти. (Сб. статей). Улан-Удэ, 1953.
Вяткина К. В. Пережитки материнского рода у бурят-монголов. Сов. этнография, 1, 1946.
Гирченко В. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии. Улан-Удэ, 1940.
25 лет Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1948.
Долгих Б. О. Некоторые данные к истории образования бурятского народа. Сов. этнография, 1, 1953.
История Бурят-Монгольской АССР, т. I. Изд. 2, Улан-Удэ, 1954.
Клеменц Д. и М. Хангалов. Общественные охоты у северных бурят. Материалы по этнографии России, т. I, СПб., 1910.
Кроль М. Охотничье право и звериный промысел у бурят. Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. XXV, № 4—5, 1895.
Кроль М. О забайкальских бурятах. Зап. Читинск. отд. Русск. Геогр. общ., 1, 1896.
Кроль М. Очерк экономического быта инородцев Селенгинского округа. Иркутск, 1896.
Кроль М. Черта родового быта у забайкальских бурят. Изв. Иркутск. отд. Общ. изуч. Сибири, Иркутск, 1917.
Кудрявцев Ф. А. История бурят-монгольского народа. (От XVII в. до 60-х годов. XIX в.). Очерки. М.—Л., 1940.
Кудрявцев Ф. А. Роль русской литературы в развитии бурят-монгольского народа. Вопросы истории, № 10, 1946.
Молодых И. А. и П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губ. Пгр., 1896.
Осокин Г. М. На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии юго-зап. Забайкалья. СПб., 1906.
Разумов Н. И. Забайкалье. СПб., 1899.
Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен. Чита, 1921.
Санжеев Г. Д. Эпос северных бурят. Вводная статья в кн. Алашжи Мэргэн. Бурятский эпос. М.—Л., 1936.
Серебренников И. И. Буряты, их быт и землепользование. Верхнеудинск, 1925.
Стуков К. Очерки монголо-бурят, кочующих в Восточной Сибири. Зап-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. VIII, 1865.
Термен А. Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. СПб., 1912.
Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII в. Зап. Бурят-монг. научно-исслед. инст. языка, лит. и истории, вып. 1, Улан-Удэ, 1939.
Токарев С. А. Памятник обычного права бурят XVII в. Исторический архив, II, 1939.

Токарев С. А. О происхождении бурятского народа. Сов. этнография, 2, 1953.
30 лет Бурят-Монгольской АССР, Улан-Удэ, 1953.
Хангалов М. Н. Зэгэтэ-аба, облава на зверей у древних бурят. Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. XIX, № 3, 1888.
Хангалов М. Н. Юридические обычаи у бурят. Этногр. обозрение, кн. XXI, № 2, 1894.
Хангалов М. Н. Сказания бурят, записанные разными собирателями. Зап. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ. по отд. этнографии, т. I, вып. 2, 1895.
Хангалов М. Н. Балаганский сборник. Сказки, поверья и некоторые обряды у северных бурят. Труды Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. V, 1903.
Ходоровская Л. Бурят-монгольский театр. Гос. изд. «Искусство», М., 1954.
Щапов А. Бурятская улусная родовая община. Изв. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. V, вып. 3—4, 1874.

К статье «ЯКУТЫ»

Грибановский Н. Н. Библиография Якутии. Ч. I, 1932; ч. II, вып. 1, 1934; ч. II, вып. 2, 1935.
Хороших П. П. Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутской народности. Изд. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. XLVIII, вып. 1, 1924.
Августинович Ф. Три года в Северо-Восточной Сибири. За полярным кругом. Древняя и новая Россия, XVIII, № 12, 1880.
Андреев А. И. Якутия в первой половине XVIII в. Советский Север, сб. 5, Л., 1941.
Башарин Г. П. Земельные отношения в Якутии в конце XVIII—первой трети XIX в. Историч. записки, т. 35, 1950.
Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. Сб. статей. Якутск, 1955.
Вруцевич М. С. Обитатели, культура и жизнь в Якутской области. Зап. Русск. Геогр. общ. по отд. этнографии, т. XVII, вып. 11, СПб., 1891.
Гурвич И. С. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР. Сов. этнография, 4, 1950.
Гурвич И. С. Прогрессивное значение присоединения Якутии к Русскому государству. Якутск, 1952.
25 лет Якутской АССР. Якутск, 1947.
Документы о тридцатилетии Якутской АССР. Якутск, 1952.
Ионова О. В. Из истории якутского народа (первая половина XVII в.). Якутск, 1945.
Ионова О. В. Жилые и хозяйственные постройки якутов. Сиб. этногр. сборник, 1, Инст. этнографии АН СССР (новая серия), XVIII, 1954.
История Якутской АССР, т. 1, М.—Л., 1955.
Кочнев Д. А. Очерки юридического быта якутов. Казань, 1899.
Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-Сахалар. Очерки по древней истории якутов, т. I. Иркутск, 1937.
Маак Р. Вилюйский округ Якутской области, чч. 1—3. СПб., 1883—1887.
Окладников А. П. Социальный строй предков якутов. Сов. этнография, 2, 1947.
Павлинов Д. М., Н. А. Виташевский и Л. Г. Левенталь. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Тр. Комисс. по изуч. Якутской АССР, IV, Л., 1929.
Пекарский Э. К. Из якутской старины. Живая старина, вып. II—III, 1909.
Пекарский Э. К. Якутская сказка. Сб. «С. Ф. Ольденбургу», Л., 1933.
Приклонский В. Л. Три года в Якутской области (этнографические очерки). Живая старина, вып. III—IV, 1891.
Приклонский В. Л. Летопись Якутского края, составленная по официальным историческим данным. Кострома, 1896.
Прыткова Н. Ф. Гончарство у якутов. Сб. МАЭ, т. XVI, 1955.
Расцветаев М. К. Очерки по экономике и общественному быту якутов. Л., 1932.
Сафронов Ф. Г. Материалы о возникновении земледелия среди якутов. Истор. архив, т. V, АН СССР, 1950.
Сборник материалов по этнографии якутов. Якутск, 1948.
Серошевский В. Л. Якуты (опыт этнографического исследования). СПб., 1896.
Токарев С. А. Очерки истории якутского народа. М., 1940.
Токарев С. А. Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв. Якутск, 1945.
Тридцать лет Якутской АССР. 1922—1952. Якутск, 1952.

Трощанский В. Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Уч. зап. Казанск. унив., кн. 4, 1903. (Имеется отд. оттиск).
Трощанский В. Ф. Наброски о якутах Якутского округа. Под ред. и с прим. Э. К. Пекарского. Изв. Общ. археол., истор. и этногр. за 1911 г., т. XXVII, Казань, 1911.
Трощанский В. Ф. Якуты в их домашней обстановке. (Этнографический очерк). Живая старина, вып. III, 1908.
Худяков И. А. «Верхоянский сборник». Якутские сказки, песни, загадки, пословицы, собранные в Верхоянском крае И. А. Худяковым. Зап. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ. по отд. этнографии, т. I, вып. 3, Иркутск, 1890.
Эргис Г. У. Нюргун Боотур Стремительный. Редакция и перевод Г. У. Эргиса. Якутск, 1947.
Якутия. Сборник статей под ред. П. В. Виттенбурга. Л., 1927.
Якутия в XVII веке (очерки). Сборник под ред. С. В. Бахрушина и С. А. Токарева. Якутск, 1953.
Якутский фольклор. Тексты и переводы А. А. Попова. Л., 1936.
Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов. Л., 1929.
Jochelson Waldemar. The Jakut Antropological. Papers of the American Museum of Natural History, vol. XXXIII, p. II, New York, 1933.
Johansen U. Die Ornamentik der Jakuten. Wegweiser für Völkerkunde, H. 3, Hamburg, 1954.

К статье «АЛТАЙЦЫ»

Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1925.
Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893.
Дыренкова Н. П. Материалы по шаманству телеутов. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. X, 1949.
Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
Потапов Л. П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. М.—Л., 1935.
Потапов Л. П. Обряд оживления шаманского бубна у тюрко-язычных племен Алтая. Тр. Инст. этнографии АН СССР (новая серия), I, 1947.
Потапов Л. П. Героический эпос алтайцев. Сов. этнография, 1, 1949.
Потапов Л. П. Одежда алтайцев. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, XIII, 1951.
Потапов Л. П. К вопросу о национальной консолидации алтайцев. Сов. этнография, 1, 1952.
Потапов Л. П. Этнографический очерк земледелия у алтайцев. Тр. Инст. этнографии АН СССР (новая серия), XVIII 1952,
Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953.
Потапов Л. П. Пища алтайцев. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XIV, 1953.
Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. М.—Л., 1936.
Улагашев Н. У. Алтай Бучай (народный эпос). Новосибирск, 1941.
Улагашев Н. У. Малги Мерген. Новосибирск, 1941.
Шведов С. Горный Алтай и его население. Т. I, Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900.
Holenberg-Harwa U. Die religiosen Vorstellungen der Altaischen Völker. Helsinki, 1938.
Radloff W. Aus Sibirien, Bd. I—II. Leipzig, 1884.
Schmidt W. Die Asiatischen Hintervölker. Die primären Hintervolker Alt-Türken, der Altai und Abacan-Tataren. (Der Ursprung der Gottesidee. Ein historisch-kritische und positive Studie), Bd. IX, Freiburg, 1944.

К статье «ХАКАСЫ»

Григорьев В. К вопросу о поземельном устройстве инородцев Минусинского края. 1906.
Катанов Н. Ф. Образцы народной литературы тюркских племен. Т. IX. Тексты и переводы. СПб., 1907.
Киселев С. В. Краткий очерк древней истории хакасов. Абакан, 1951.
Костров Н. Качинские татары. Казань, 1852.
Костров Н. Бельтиры. Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., кн. IV, 1857.
Костров Н. Койбалы. Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., кн. VI, 1863.
Костров Н. Очерки быта минусинских татар. Труды IV Археологического съезда 1877 г. в Казани, т. I, 1884.

Кузнецова А. А. и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898.
Потапов Л. П. Этнический состав сагайцев. Сов. этнография, 3, 1947.
Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952.
Яковлев Е. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900.
Ярилов А. А. Кызыльцы и их хозяйство. Юрьев, 1899.

К статье «ТУВИНЦЫ»

Гребнев Л. В. Переход тувинских аратов-кочевников на оседлость. Кызыл, 1955.
Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. III. Л., вып. 1, 1926; вып. 2, 1930.
25 лет Тувинской национально-освободительной революции. Кызыл, 1946.
Дулов В. И. Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX—начале XX века (до 1917 года). Сов. этнография, 4, 1951.
Кабо Р. Очерки истории и экономики Тувы. М.—Л., 1934.
Кон Ф. Я. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю. Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. XXXIV, вып. 1, 1903.
Потапов Л. П. Социалистическое переустройство культуры и быта тувинцев. Сов. этнография, 2, 1953.
Родевич В. М. Урянхайский край и его обитатели. Изв. Русск. Геогр. общ., т. XLVIII, 1912.
Шишкин Б. Очерки Урянхайского края. Томск, 1914.
Leimbach W. Landeskunde von Tuva Pettermanns Mitteilungen. № 222, Gotha, 1936.

К статье «ЗАПАДНОСИБИРСКИЕ ТАТАРЫ»

Авдеев и Струкова. Тобольские и тюменские татары (историко-этнографический очерк). Журн. «Омская область», № 3, 1937.
Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары в XVII в. Исторические записки, т. I, 1937.
Дульзон А. П. Система счета времени у чулымских татар. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, вып. X, 1950.
Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык. Уч. зап. Томск. Гос. пед. инст., т. IX, 1952.
Иванов П. Г. Татары среднего течения реки Чулыма (предварительный отчет). Тр. Томск. краев. музея, II, Томск, 1929.
Костров Н. Чулымские инородцы. Томск. губ. ведомости, №№ 7—9, 1867.
Кузнецова А. А. и П. Е. Кулаков. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск, 1898.
Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Под. ред. И. А. Андронникова. Тобольск, 1911.
Попов П. Инородцы Мелецкой управы. Енисейск. епарх. ведомости, № 15, 1884.
Храмова В. В. Заболотные татары. Изв. Всесоюзн. Геогр. общ., вып. 2, 1950.
Ярилов А. А. Мелецкие инородцы. Юрьев, 1889.

К статье «ШОРЦЫ»

Андрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Зап. Русск. Геогр. общ. по общей этнографии, т. XI, СПб., 1888.
Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.—Л., 1940.
Миротворцев К. П. Южная часть Кузнецкого имения. Труды Съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г. Барнаул, 1911.
Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936.
Потапов Л. П. Шорцы на пути социалистического развития. Сов. этнография, 3, 1950.

К статье «ТОФАЛАРЫ»

Васильев В. Н. Краткий очерк быта карагасов. Этногр. обозрение, кн. LXXXIV—LXXXV, № 1—2, 1910.
Залесский Н. В. К этнографии и антропологии карагасов. Тр. Антроп. общ. при Военно-мед. акад., т. III, СПб., 1898.

Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. I. Уряханский край. Пгр., 1914.
Катанов Н. Поездка к карагасам в 1890 году. Зап. Русск. Геогр. общ. по отд. этнографии, т. XVII, вып. 2, 1891.
Кон Феликс. Экспедиция в Сойотию. Собр. соч., т. 3, М., 1934.
Миротворцев К. Н. Карагасы. Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского Гос. универ., Отд. I, вып. 2, Иркутск, 1921.
Сергеев М. А. Тофалары сегодня. Сов. этнография, 4, 1940.
Соловьев Д. К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Л., 1926.

К статье «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО У НАРОДНОСТЕЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА».

Источники помещены в разделе «Общие работы о народах Сибири». См. также «Литературу» в кн.: М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955.

К статье «ХАНТЫ И МАНСИ»

Никольский Н. П. Обзор литературы по этнографии, истории, фольклору и языку хантов и мансов. Сов. этнография, сб. 2, 1939.
Абрамов Н. А. Описание Березовского края. Зап. Русск. Геогр. общ. XII, 1857.
Авдеев И. И. Драматические представления на медвежьем празднике у манси. Советский Север, № 3—4, 1935.
Авдеев И. И. Песни народа манси. Омск, 1936.
Андреев А. И. Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах. Сов. этнография, 1, 1947.
Бартенев В. На крайнем северо-западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб., 1896.
Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935.
Буцинский П. Н. Крещение остяков и вогулов при Петре I. Харьков, 1893.
Возрожденный народ. К десятилетию образования Ханты-Мансийского национального округа. Омск, 1941.
Воронов А. Юридические обычаи остяков Западной Сибири и самоедов Томской губернии. Зап. Русск. Геогр. общ. по отд. этнографии, т. XVIII, 1900.
Глушков И. Н. Чердынские вогулы. Этногр. обозрение, кн. XLX, № 2, 1900.
Гондатти Н. Л. Следы язычества у инородцев северо-западной Сибири. М., 1880.
Городков Б. Н. Река Конда. Землеведение, вып. III—IV, 1912.
Городков Б. Н. Краткий очерк населения крайнего северо-востока Западной Сибири (по материалам Зап.-Сиб. экспедиции Акад. Наук и Русск. Геогр. общ.). Изд. Русск. Геогр. общ., т. 58, вып. 2, 1926.
Дмитриев-Садовников Г. М. Река Кадым. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. XXVIII, 1917; вып. XXXIX, 1918.
Дунин-Горкавич А. А. Тобольский север. Т. I, СПб., 1904; тт. II—III, Тобольск, 1910—1911.
Зуев В. Ф. Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов. . . Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. V, № 1, 1947.
Иванов С. В. Материалы орнамента к проблеме культурно-исторических связей хантов и манси. Сов. этнография, 3, 1952.
Изделия остяков Тобольской губ. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. XIX, 1911.
Инфантьев П. П. Путешествие в страну вогулов. СПб., 1910.
Кастрен М. А. Этнографические замечания и наблюдения о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838—1844 гг. Этногр. сб. Русск. Геогр. общ., вып. IV, СПб., 1858.
Кориков Л. Сосвинские и ляпинские вогулы Березовского округа. Тюмень, 1898.
Короленко В. Записные книжки. Гослитиздат, М., 1935.
Костров Н. Нарымский край. Томск, 1872.
Малиев Н. Отчет о вогульской экспедиции. Тр. Общ. естествоиспыт. при Казанск. унив., III, вып. 2, 1872.
Митусова Р. Медвежий праздник у аганских остяков Сургутского района. Тобольский край, № 1, 1926.
Новицкий Гр. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное. . . в 1715 г. (Памятники древней письменности и искусства). СПб., 1884.
Носилов К. У вогулов. Очерки и наброски. СПб., 1904.

Оберталлер П. М. Материалы о хантыйских куклах. Сов. этнография, 3, 1935.
Оглоблин Н. Н. Остяцкие знамена XVII века. Истор. вестник, № 10, 1889.
Остроумов И. Вогулы-манси. Историко-этнографический очерк. Матер. по изуч. Пермск. края, вып. 1, изд. Пермск. научно-промышл. музея, Пермь, 1904.
Павловский В. Вогулы. Казань, 1907.
Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891.
(Патканов С.) Patkanov S. Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volkspoesie. St. Petersburg, I, 1897; II, 1900.
Поляков И. С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. Зап. Акад. Наук, XXX, Прилож. 2, 1877.
Прыткова Н. Ф. Отчет о работе на Севере (1941—1945 гг.). Сов. этнография, 3, 1946.
Прыткова Н. Ф. Одежда хантов (XVII—XX вв.). Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XV, 1953.
Рейнсон-Правдин А. Н. Игра и игрушка народов Обского Севера. (Социальные корни игры). Сов. этнография, 3, 1949.
Руденко С. И. Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губернии. Отчет Этногр. отдела Русского музея за 1910 г., СПб., 1912.
Руденко С. И. Инородцы Нижней Оби. Тр. Общ. землеведения при СПб. унив., III, СПб., 1914.
Садовников Д. С реки Ваха Сургутского уезда. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. XIX, (1909) 1911.
Сенкевич-Гудкова В. В. К вопросу о пиктографическом письме у казымских хантов. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XI, 1949.
Сергеев М. А. Народы Обского Севера. Новосибирск, 1953.
Сирелиус У. Домашние ремесла остяков и вогулов. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. XV, (1905) 1906; вып. XVI, (1906) 1907.
Сорокин Н. Путешествие к вогулам. Тр. Общ. естествоиспыт. при Казанск. унив., III, вып. 4, 1873.
Старцев Г. Остяки. Социально-этнографический очерк. Л., 1928.
Степанов Н. Н. К вопросу об остяко-вогульском феодализме. Сов. этнография, 3, 1936.
Финноугорский сборник. Тр. Комисс. Акад. Наук по изуч. племен. состава населения СССР и сопредельн. стран, 15, Л., 1928.
Чернецов В. Н. Вогульские сказки. Л., 1935.
Чернецов В. Н. Чум. Сов. этнография, 6, 1936.
Чернецов В. Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества. Сов. этнография, сб. 2, 1939.
Чернецов В. Н. Очерк этногенеза обских югров. Кратк. сообщ. о докл. и полев. исслед. Инст. истории матер. культуры, АН СССР, т. IX, 1941.
Чернецов В. Н. К истории родового строя у обских угров. Сов. этнография, 6—7, 1947.
Чернецов В. Н. Быт хантов и манси по рисункам XIX в. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. X, 1949.
Шатилов М. Б. Ваховские остяки. Тр. Томск. краев. музея, т. IV, Томск, 1931.
Швецов С. П. Очерки Сургутского края. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., X, Омск, 1889.
Шульц Л. Р. Краткое сообщение об экскурсии на р. Салым Сургутского уезда. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. XXI, (1911), 1913.
Шульц Л. Р. Салымские остяки. Зап. Тюменск. общ. научн. изуч. местн. края, вып. 1, 1924.
Шульц Л. Р. Очерк Кандинского района. Сб. «Урал», вып. 8, Уральский Север, ч. 1, Свердловск, 1926.
Шухов И. Н. Река Казым и ее обитатели. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. XXVI, (1915) 1916.
Ahlqvist Aug. Unter Wogulen und Ostjaken. Acta Societatis Scientiarum Fennicae, t. XIV, Helsingf., MDCCCLXXXV.
Donner Kai. Über das Alter der ostjakischen und wogulischen Renntierzucht. Fin.-ugr. Forsch., Bd. XVIII, 1927.
Erman Adolph. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 1830. Berlin, 1833.
Kannisto A. Über die wogulische Schauspielkunst. Fin.-ugr. Forsch., Bd. VI, 1906.
Kannisto A. Über die Tatuierung bei den Ob-ugrischen Völkern. Memoires de la Société finno-ougrienne, LXXII. Helsinki, 1933.
Karjalainen K. F. Die Religion der Jugra-Völker. Helsinki, I—II, 1921—1922; III, 1927.

Karjalainen K. F. Wie ego im ostjakischen die Verwandten benennt. Fin.-ugr. Forsch., Bd. XIII, 1913.
Manninen D-r. Die Finnisch-ugrischen Völker. Leipzig, 1932.
Markwart J. Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder. Ungar. Jahtbücher, Bd. IV, 1921.
Martin F. R. Sibirica. Eine Beitrag zur Kenntniss der Vorgeschichte und Kultur sibirischer Völker. Stockholm, 1897.
Munkacsi B. Seelenglaube und Totenkult der Wogulen. Keleti Szemle, 1905.
Semayer W. Wogulisch-ostjakische ornamentierte Rindengefässe. Anzeiger der ethnograph. Abteilung des Ungar. Nationalmuseums, Jahr. IV, Budapest, (1905) 1908.
Semayer W. Die Tracht der Ostjaken und ihre Stickerein. Anzeiger der ethnograph. Abteilung des Ungar. Nationalmuseums, Jahr. VI, Budapest, (1907) 1914.
Setälä E. N. Zur Frage der Verwandtschaft der finnisch-ugrischen und samojedischen Sprachen. Journ. de la Société Finno-ougrienne, XXX, Helsinki, 1913—1918.
Sirelius U. T. Die Handarbeiten der Ostjaken und Wogulen. Journ. de la Société Finno-ougrienne, XXII, Helsingf., 1904.
Sirelius U. T. Ornamente auf Birkenrinde und Fell bei den Ostjaken und Wogulen. Helsingf., 1904.
Sirelius U. T. Über die primitiven Wohnungen der finnischen und Ob-ugrischen Völker. Finnisch-ugrische Forschungen Zeitschrift für Finnisch-ugrische Sprache und Volkskunde, VI—IX, XI, 1906—1911.
Somié St. Un estate in Siberia fra Ostiacehi, Samoiedi, Sirieni, Tatari, Kirghisi e Baskiri. Florence, 1885.
Steinitz W. Totemismus bei den Ostjaken in Sibirien. Ethnos, № 4—5, 1938.
Vahter Tyyni. Ornamentik der Ob-ugrier. Helsinki, 1953.

К статье «НЕНЦЫ»

Шидловский А. Ф. Библиографический указатель литературы, касающейся Большеземельской тундры и оленеводства, по материалам, собранным Архангельским обществом изучения Русского Севера. Архангельск, 1911.
Абрамов Н. А. Описание Березовского края. Зап. Русск. Геогр. общ., XII, 1857.
Бабушкин А. И. Большеземельская тундра. Сыктывкар, 1930.
Броднев М. М. От родового строя к социализму (по материалам Ямало-Ненецкого национального округа). Сов. этнография, 1, 1950.
Вениамин, арх. Образ жизни мезенских самоедов. Вестн. Русск. Геогр. общ. 1855.
Вениамин, арх. Самоеды мезенские. Этногр. сборник, вып. 4, СПб., 1858.
Вербов Г. Д. О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. Изв. Всесоюзн. Геогр. общ., т. 75, вып. 5, 1943.
Вербов Г. Д. Лесные ненцы. Сов. этнография, 2, 1936.
Вербов Г. Д. Ненэцкие сказки и былины (из ненэцкого фольклора). Сале-Хард, 1937.
Вербов Г. Д. Пережитки родового строя у ненцев. Сов. этнография, 2, 1939.
Гейденрейх Л. Канинская тундра. Архангельск, 1930.
Дмитриев-Садовников Г. М. Река Надым. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. XXVIII и XXIX, 1917—1918.
Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. Т. I, СПб., 1904; т. II, Тобольск, 1910; т. III, Тобольск, 1911.
Житков Б. М. Полуостров Ямал. Зап. Русск. Геогр. общ., XLIX, 1913.
Ислави н В. Самоеды в домашнем и общественном быту. СПб., 1847.
Калинин И. М. О распространении самоедов в прошлом (из архивных данных). Изв. Русск. Геогр. общ., т. LXI, вып. 1, 1929.
Кастрен М. А. Русские самоеды. Современник, 10, 1846.
Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. Магазин землеведения и путешествий, т. VI, М., 1860.
Керцелли С. В. По Большеземельской тундре с кочевниками. Архангельск, 1911.
Костиков Л. В. Законы тундры. К вопросу о положении женщины у самоедов. Л., 1930.
Костров Н. Юраки. Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., кн. II, СПб., 1856.
Костров Н. Очерки Туруханского края. Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., IV, 1857.
Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Зап. Русск. Геогр. общ., 4, 1862; 1, 1863 (и отдельно — тт. I—II, СПб., 1865).
Кушелевский Ю. И. Северный полюс и земля Ялмал. СПб., 1868.

Латкин В. Н. Дневник во время путешествия на Печору в 1840 и 1843 гг., чч. I—II. СПб., 1853.
Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства, т. 4. СПб., 1905.
Максимов С. В. Год на севере, тт. 1—2. М., 1890.
Митусова Р. Год среди лесного народа. Вокруг света, №№ 9, 11, 12, Л., 1929.
Перфильев И. Краткий очерк самоедского быта на о. Колгуеве. Архангельск, 1928.
Попов А. А. Енисейские ненцы (юраки). Изв. Всесоюзн. Геогр. общ., XXVI, 2—3, 1944.
Прокофьев Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и мансов). Сов. этнография, 3, 1940.
Славный путь народов Севера. К десятилетию образования Ямало-Ненецкого национального округа. Омск, 1941.
Соболев А. Юраки. Зап. по гидрогр., изд. Гидрогр. упр. СССР, XLIX, 1925.
Танфильев Г. И. По тундрам Тиманских самоедов летом 1892 г. Изв. Русск. Геогр. общ., т. XXX, 1894.
Тонков В. Ненецкие сказки. Архангельск, 1936.
Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. Зап. Русск. Геогр. общ. по общей географии, II, 1869.
Шренк А. Путешествие по северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое в 1837 г. СПб., 1855.
Шухов И. Н. Общий обзор бассейна р. Таза. Ачинск, 1915.
Charle-Bénard. Un été chez les samoyédes (juillet-octobre 1914). Paris, 1921.
Dobbeler, de. Die Samojeden. Globus, XLIX, 11—14, 1886.
Donner K. Bland Samojeder i Sibirien. Helsingf., 1915.
Donner K. Zu den ältesten Berührungen zwischen Samojeden und Türken. Journ. de la Société Finno-ougrienne, XL, 1, Helsingf., 1924.
Donner K. Bei den Samojeden in Sibirien. Stuttgart, 1926.
Hajdu P. Die ältesten Berührungen zwischen den Samojeden und den jenisseischen Völkern. Acta orient. Acad. sci. Hungaricae, t. 3, Budapest, 1953.
Lehtisalo T. Entwurf einer Mythologie der Jurak-Samojeden. Helsinki, 1924.
Lehtisalo T. Beiträge zur Kenntnis der Renntierzucht bei den Juraksamojeden. Oslo, 1932.
Lehtisalo T. Der Tod und die Wiedergeburt der künftigen Schamanen. Helsinki, 1937.
Vilkuna Kustaa. Über die obugrischen und samojedischen Pfeile und Köcher. Mémoires de la Société Finno-ougrienne, XCVIII, Helsinki, 1950.

К статье «НГАНАСАНЫ»

Бахрушин С. В. Самоеды в XVII в. В кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды. III. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв., ч. 2. История народов Сибири в XVI—XVII вв. М.—Л., 1955.
Долгих Б. О. Легенды и сказки нганасанов. Красноярск, 1938.
Долгих Б. О. Происхождение нганасанов. Сиб. этногр. сборник, I, Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), XVIII, 1952.
Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1869.
Попов А. А. Тавгийцы. М.—Л., 1936.
Попов А. А. Из отчета о командировке к нганасанам от Института этнографии Академии Наук СССР. Сов. этнография, сб. 3, 1940.
Попов А. А. Нганасаны. 1. Материальная культура. М.—Л., 1948.
Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. Зап. Русск. Геогр. общ. по общей географии, II, 1869.
Хазанович А. М. Красный чум в Хатангской тундре. Л., 1939.

К статье «ЭНЦЫ»

Берг Л. С. О древнем расселении енисейских самоедов или энцев. Изв. Всесоюзн. геогр. общ., № 5, 1945.
Долгих Б. О. О родоплеменном составе и расселении энцев. Сов. этнография, 4, 1946.
Долгих Б. О. Колхоз им. Кирова Таймырского национального округа. Сов. этнография, 4, 1949.
Долгих Б. О. Старинные обычаи энцев, связанные с рождением ребенка и выбором ему имени. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. XX, 1954.

Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1869.
Прокофьева Е. Д. Энецкий шаманский костюм. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XIII, 1951.

К статье «СЕЛЬКУПЫ»

Богораз В. Г. Новые данные к вопросу о протоазиатах. Изв. Лен. Гос. унив., т. I, 1928.
Богораз В. Г. Работа Г. Н. Прокофьева среди остяков-самоедов. Тр. Этнографо-археол. музея 1-го Моск. Гос. унив., № 2, 1928.
Волков В. Т. Таежные углы Томской губернии. Томск, 1898.
Григоровский Н. П. Очерки Нарымского края. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., IV, 1882.
Григоровский Н. П. Описание Васюганской тундры. Зап. Зап.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., VI, 1884.
Комаров А. Вымирающая народность (из заметок туриста по Нарымскому краю). Колосья, № 2, 1887.
Костров Н. Нарымские остяки. Тобольск. губ. ведомости, № 39—40, 1867.
Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1862.
Орлова Е. Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928.
Плотников А. Ф. Нарымский край. 5 стан Томского уезда Томской губернии. Зап. Русск. Геогр. общ. по отд. статистики, X, вып. 1, 1901.
Прокофьев Г. Н. Остяко-самоеды Туруханского края. Этнография, II, 1928.
Прокофьев Г. Н. Церемония оживления бубна у остяков-самоедов. Изв. Лен. Гос. унив., т. II, 1929.
Прокофьева Е. Д. Древние жилища на реках Тым и Кеть. Сов. этнография, 2, 1947.
Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, XI, 1949.
Прокофьева Е. Д. Орнамент селькупов. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, X, 1950.
Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов. Сиб. этногр. сборник, I, Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), XVIII, 1952.
Путешествие Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири 1838—1844, 1845—1849. Собрание старых и новых путешествий, ч. II. М., 1860.
Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1869.
Шатилов М. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района. Тр. Томск. краев. музея, т. I, 1927.

К статье «КЕТЫ»

Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сб. Музея антроп. и этногр. АН., II, вып. 2, 1914.
Богораз В. Г. Кастрен — исследователь палеоазиатов. Сб. «Памяти М. А. Кастрена», Л., 1927.
Вайнштейн С. И. Культура и быт кетского колхоза им. Сталина. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. XI, 1951.
Вайнштейн С. И. К вопросам этногенеза кетов. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. XIII, 1951.
Вайнштейн С. И. Чум подкаменнотунгусских кетов. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. XXI, 1954.
Долгих Б. О. Кеты. Иркутск, 1934.
Долгих Б. О. Родоплеменный состав и расселение кетов. Докл. и сообщ. Историко-филолог. фак. Моск. Гос. унив., 9, 1950.
Долгих Б. О. Некоторые данные о заключении брака, о свадебном обряде у кетов в прошлом. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. XVI, 1952.
Долгих Б. О. Старинные землянки кетов на реке Подкаменной Тунгуске. Сов. этнография, 2, 1952.
Каргер Н. К. Оленеводство у енисейцев (кето). Советский Север, № 6, 1930.
Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865.
Миддендорф А. В. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1869.
Синельников Н. А. Енисейские остяки по наблюдениям и измеревиям В. И. Анучина. Тр. Антропол. отд. Общ. любит. естеств., антропол., этногр., т. XXVIII, вып. 1, 1911.
Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1869.
Финдейзен Г. Из поездки к кэто (енисейским остякам) в 1927—1928 г. Северная Азия, № 2, 1929.

Donner Kai. Beiträge zur Frage nach dem Ursprung der Jenissei-Ostjaken. Journ. de la Société Finno-ougrienne, XXXVII, Helsinki, 1916—1920.
Donner K. Ethnological notes about the Jeniseyostyak. Memoires de la Société Finno-ougrienne, LXVI, Helsinki, 1933.

К статье «ЭВЕНКИ»

Аксенов А. В. Ангарский край. Томск, 1913.
Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков. Л., 1936.
Анисимов А. Ф. Представления эвенков о шингкэнах. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XII, 1948.
Анисимов А. Ф. Культ медведя у эвенков и проблема эволюции тотемистических верований. Вопросы истории религии и атеизма, сб. статей, М., 1950.
Анисимов А. Ф. Представления эвенков о душе и проблема происхождения анимизма. Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. XIV, 1951.
Арефьев В. Енисейские инородцы. Сибирский сборник на 1902 г. Иркутск, 1902.
Васильевич Г. М. Игры тунгусов. Этногр. исследователь, № 1, 1927.
Василевич Г. М. Витимо-тунгир-олекминские тунгусы. Советский Север, № 3, 1930.
Василевич Г. М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям тунгусов. Этнография, 2, 1930.
Василевич Г. М. Токминские тунгусы. Советский Север, № 5, 1930.
Василевич Г. М. Сымские тунгусы. Советский Север, № 2, 1931.
Василевич Г. М. Материалы по эвенкийскому фольклору. Тр. Инст. народов Севера, т. I, 1936.
Василевич Г. М. Торганэй. Сказки. Л., 1939.
Василевич Г. М. Автобиографии эвенков. Сов. этнография, сб. 2, 1938.
Василевич Г. М. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. Сов. этнография, 4, 1946.
Василевич Г. М. Фольклорные материалы и племенной состав эвенков. Тр. II Геогр. съезда, т. III, 1949.
Василевич Г. М. К вопросу о киданях и тунгусах. Сов. этнография, 1, 1949.
Василевич Г. М. Эвенкийская экспедиция. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. V, 1949.
Василевич Г. М. По колхозам джугдырских эвенков. Изв. Русск. Геогр. общ., № 2, 1950.
Василевич Г. М. Эвенки-поэты и переводчики. Сов. этнография, 1, 1950.
Василевич Г. М. Ессейско-чирингдинские эвенки. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XIII, 1951.
Василевич Г. М. и С. Д. Магид. Эвенкийская песня. Сов. фольклор, 1940.
Васильев В. В. Река Демьянка. Тобольск, 1929.
Гапанович И. И. Тунгусы Южно-Охотского побережья. Сб. «Производительные силы Дальнего Востока», V, Владивосток, 1927.
Губельман М. И. О тунгусах Олекминского округа (из дорожных заметок при поездке по р. Олекме летом 1916 года). Изв. Русск. Геогр. общ., т. LVII, вып. 2, 1925.
Добромыслов Н. М. Заметки по этнографии баргузинских орочен. Тр. Троицко-Савско-Кяхтинского отд. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., т. V, вып. 1, 1902.
Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народностей Севера средней Сибири. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. V, 1949.
Залкинд Е. М. К этногенезу эвенков. Уч. зап. Бурят-Монг. Гос. пед. инст., вып. 1, 1947.
Золотарев А. Новые данные о тунгусах и ламутах XVIII века. Историк-марксист, кн. 2, 1938.
Кампар Э. А. Население и хозяйство Тугуро-Чумиканского района. Стат. бюллетень, № 8—9, Хабаровск—Благовещенск, 1927.
Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. Магазин землеведения и путешествий, т. VI, М., 1860.
Кларк П. Очеульские и тутурские тунгусы в Верхоленском округе. Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. VI, 1863.
Ковязин Н. М. Комовские тунгусы. Советский Север, № 7—8, 1931.
Копылов И. Тунгусское хозяйство Лено-Киренского края по данным статистико-экономического обследования 1927 г. Новосибирск, 1928.
Костров Н. Енисейские тунгусы. Москвитянин, т. III, № 11, кн. 1, 1855.
Костров Н. Очерки Туруханского края. Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. IV, 1857.

Крейнович Е. Расселение туземного населения советской части острова Сахалина. Дальневост. стат. обозрение, № 12, Хабаровск—Благовещенск, 1928.
Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь. Зап. Русск. Геогр. общ., № 4, 1862; № 1, 1863 (и отдельно — тт. 1—11, СПб., 1865).
Кроль М. Очерк экономического быта инородцев Селенгинского округа. Иркутск, 1896.
Крутовский В. М. Очерки Туруханского края. Ежегодн. Тобольск. губ. музея, вып. IX, 1898.
Курилович А. П. и Н. П. Наумов. Советская Тунгусия (Эвенкийский национальный округ Восточно-Сибирского края). М.—Л., 1934.
Кытманов Д. А. Туземцы Туруханского края. Советская Азия, №№ 2 и 3, 1927.
Левин М. Г. Эвенки северного Прибайкалья. Сов. этнография, 2, 1936.
Маак Р. Путешествие по Амуру. СПб., 1853.
Маак Р. Вилюйский округ Якутской области, чч. 1—3, СПб., 1883—1887.
Майнов И. И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края. Тр. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., II, Иркутск, 1898.
Майнов И. И. Население Якутии. Якутск, 1927.
Миллер Ф. Ф. Оленекская экспедиция. Сб. истор.-стат. сведений о Сибири и сопредельн. ей странах, т. 2, вып. 1, СПб., 1875.
(Миллер Ф.) Müller F. Unter Tungusen und Jakuten. Erlebnisse und Ergebnisse der Olenek-Expedition der Kais. Russ. geogr. Gesellschaft in St. Petersburg. Leipzig, 1882.
Мордвинов А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае. Вестн. Русск. Геогр. общ., XXVIII, 1860.
Неупокоев В. Тунгусы Бурятии. Верхне-Удинск, 1927.
Никульшин Н. П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939.
Орлова Е. Н. Население по рр. Кети и Тыму, его состав, хозяйство и быт. Красноярск, 1928.
Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен. Зап. Русск. Геогр. общ. по отд. этнографии, т. XXI, 1906 (и отдельно — ч. I, вып. 1—2; ч. II, СПб., 1906).
Пекарский Э. К. и В. П. Цветков. Очерки быта приаянских тунгусов. Сб. Музея антроп. и этногр. АН, т. II, вып. 1, 1913.
Рыбаков С. Г. Армакские тунгусы (Селенгинского уезда Забайкальской области). Тр. Троицко-Савско-Кяхтинского отд. Русск. Геогр. общ., т. VI, вып. 1, 1903.
Рычков К. Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. 1—2, 1917; кн. 1—2, 1922.
Самохин А. Т. Тунгусы Бодайбинского района. Сибирская живая старина, вып. VIII—IX, 1929.
Семенов-Тян-Шанский М. Д. Хозяйство местного национального населения Амгуни и Верхней Буреи. В кн.: Амгунь-Селемджинская экспедиция Академии Наук СССР, ч. 1, Л., 1934.
Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900.
Соколов Ф. В. Очерк юго-восточной части Якутской области. Изв. Русск. Геогр. общ., т. LV, вып. 1 (1919—1923), 1923.
Спасский Г. Исторические сведения о тунгусах вообще и о забайкальских в особенности. СПб. вестник, чч. 18—22, 1922.
Спасский Г. Забайкальские тунгусы. СПб. вестник, ч. 28, 1822.
Степанов Н. Н. Социальный строй тунгусов в XVII в. Советский Север, № 3, 1939.
Стефанович Я. От Якутска до Аяна. Изв. Вост.-Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. II, вып. 3, 1896.
Суслов И. М. Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймуры. Северная Азия, № 1, 1928.
Увачан В. Н. Социалистическая Эвенкия за 30 лет советской власти. Уч. зап. Моск. обл. пед. инст., кафедра истории древнего мира, т. XIV, вып. 1, 1950.
Ходукин Я. П. Тунгусы реки Коченги. Сб. трудов Иркутск. Гос. унив., т. XIII, 1927.
Шатилов М. Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района (путевые заметки). Тр. Томск. краев. музея, т. I, 1927.
Шестин С. Тунгусы, обитающие в верховьях р. Иро и ее притоков. Изв. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., т. IV, вып. 3, 1898.
Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. Уч. зап. Историко-филолог. фак. во Владивостоке, I, 1919.
(Широкогоров С. М.) Schirokogoroff S. M. Social organization of the northern tungus. Shanghai, 1929.
(Широкогоров С. М.) Schirokogoroff S. M. Psychomental Comlex of the Tungus. London, 1935.

Шухов И. Н. Последние следы угасшего оленеводства в Терском округе. Тр. Сиб. ветер. инст., вып. VIII, Омск, 1927.
Isbrands E. Ides Three Jears Travels from Moscow over land to China. London, 1706.
Jettmar K. Zur Problem der tungusischen Urheimat. Kultur und Sprache, Bd. IX, Wien, 1952.
Hiekisch C. Die Tungusen. Eine Ethnologische Monographie. Inaugural Dissertation. St. Petersburg, 1879.
Lindgreen E. J. The reindeer tungus of Manchuria. Journ. of the Royal Central Asian Society, XII, 1935.

К статье «ДОЛГАНЫ»

Васильев В. Н. Изображения долгано-якутских духов как атрибуты шаманства. Живая старина, вып. II—III, 1909.
Миддендорф А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири, ч. II. СПб., 1869.
Попов А. А. Поездка к долганам. Сов. этнография, 3—4, 1931.
Попов А. А. Материалы по родовому строю долган. Сов. этнография, 6, 1934.
Попов А. А. Оленеводство у долган. Сов. этнография, 4—5, 1935.
Попов А. А. Долганский фольклор. Л., 1936.
Попов А. А. Охота и рыболовство у долган. Сб. «Памяти В. Г. Богораза», М.—Л., 1937.
Попов А. А. Техника у долган. Сов. этнография, 1, 1937.
Попов А. А. Семейная жизнь у долган. Сов. этнография, 4, 1946.
Попов А. А. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган. Сиб. этногр. сборник, Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. XVIII, 1952.
Третьяков П. И. Туруханский край, его природа и жители. Зап. Русск. Геогр. общ. по общей географии, II, 1869.

К статье «ЭВЕНЫ»

Антропов М. Среди ламутов. М.—Л., 1931.
Багмут И. Кочевой совет на Охотском побережье. Советский Север, № 4, 1934.
Богораз В. Г. Ламуты. Из наблюдений в Колымском крае. Землеведение, 7, № 1, 1900.
Богораз В. Г. Материалы по ламутскому языку. Тунгусский сборник, I, М.—Л., 1931.
Золотарев А. М. Новые данные о тунгусах и ламутах в XVIII в. Историк-марксист, № 2, 1938.
Зонов Б. В. Описание бассейна реки Омолона. Иркутск, 1931.
Орлова Е. П. Хозяйственный быт ламутов Камчатки. Северная Азия, № 5—6, 1928.
Орлова Е. П. Ламуты полуострова Камчатки. Советский Север, № 5, 1930.
Расцветаев М. К. Тунгусы Мямяльского рода. Л., 1933.
Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край. СПб., 1900.
Шавров К. Б. О населении северной части полуострова Камчатки. Стат. бюллетень, № 5—6, Хабаровск—Благовещенск, 1927.

К статье «НЕГИДАЛЬЦЫ»

Бошняк Н. К. Экспедиция в Приамурском крае. Морской сборник, I—II, 1859.
Гапанович И. Поездка на озеро Чукчагир. Советское Приморье, ноябрь, 1925.
Гапанович И. И. Амгуньские тунгусы и негидальцы, их будущность. Общ. изуч. Маньчжурск. края, Историко-этногр. секция, сер. А, вып. 20, Харбин, 1927.
Лено. Жизнь негидальцев на реке Амгуни. Тайга и Тундра, сб. III, Л., 1931.
Литвинцев В. П. Промысловое население Амгуньского района. Эконом. жизнь Дальнего Востока, № 6—7, 1926.
Миддендорф А. Путешествие на север и восток Сибири, чч. 1—2. СПб., 1860—1877.
Мыльникова К. М. и В. И. Цинциус. Материалы по исследованию негидальского языка. Тунгусский сборник, I, М.—Л., 1931.
Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 3-е изд., М., 1947.
Радаев Н. Гилюй-Ольдойский и Амгуньский охотничье-промысловый район. Эконом. жизнь Дальнего Востока, № 6—7, 1926.

Форштейн-Мыльникова К. М. Негидальский отряд Амурской комплексной экспедиции. Сов. этнография, 1, 1936.
Шимкевич П. Современное состояние инородцев Амурской области и бассейна р. Амгуни. Приамурск. ведомости, №№ 63—65, 1895.
Шренк Л. Об инородцах Амурского края, тт. I—III. СПб., 1883—1903.
Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айну. Хабаровск, 1933.

К статье «НАНАЙЦЫ»

Бооль В. Б. Гольды с реки Тунгуски. Этнографический очерк. Хабаровск, 1930.
Борисов Т. Нанайское искусство. На рубеже, кн. 4, апрель, 1935.
Брылкин А. Краткий очерк о туземцах Уссурийского края. Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., кн. VII, 1864.
Венюков М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1952.
Каргер Н. К. Классификационная система родства у гольдов. Сб. этнографических материалов, № 2, изд. Этногр. отд. Лен. Гос. унив., Л., 1927.
Козьминский И. И. Возникновение нового культа у гольдов. Сб. этнографических материалов, № 2, изд. Этногр. отд. Лен. Гос. унив., Л., 1927.
Козьминский И. И. и Н. К. Каргер. Гарино-Амгуньская экспедиция 1926 г. Л., 1929.
Липская Н. А. Краткий предварительный отчет о командировке для этнографического изучения нанаев (гольдов). Сов. этнография, сб. 3, 1940.
Липская-Вальронд Н. А. Материалы к этнографии гольдов. Сибирская живая старина, вып. III—IV, 1925.
Лопатин И. Гольдские сказки. Живая старина, XXV, 1916.
Лопатин И. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922.
Маак Р. Путешествие по долине р. Уссури, т. 1. СПб., 1861.
Петрова П. Времяисчисление у тунгусо-маньчжурских народностей. Сб. «Памяти В. Г. Богораза», Л., 1937.
Пржевальский М. П. Чтения о природе и жителях Уссурийского края. Изв. Русск. Геогр. общ., т. VI, 1870.
Протодиаконов П. Песни, былины и сказки уссурийских гольдов. Зап. Общ. по изуч. Амурского края, т. V, вып. 1, 1896.
Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916.
Шимкевич П. Материалы для изучения шаманства у гольдов. Зап. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., т. II, вып. 1, 1896.
Шимкевич П. Обычаи, поверья и предания гольдов. Этногр. обозрение, кн. XXXIV, № 3, 1897.
Шимкевич П. П. Некоторые моменты из жизни гольдов и связанные с жизнью суеверия. Этногр. обозрение, кн. XXXIII, № 2, 1897.
Шишкин М. Туземцы в районе рек Тунгуски и Кура. Советский Север, № 3—4, 1931.
Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, тт. I—II. СПб., 1883—1899.
Штернберг Л. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айну. Хабаровск, 1933.
Jettmar H. M. Der Stamm der oberen Golden (die Sungari-Ussuri Gruppe). Mitteil. der Anthropol. Gesellschaft in Wien, LXVII, 1937.
Laufer B. The Decorative Art of Amur Tribes. Memoires of the American Museum of Natural History, v. VII, New Jork, 1902.

К статье «УЛЬЧИ»

Бошняк Н. К. Экспедиция в Приамурском крае. Морской сборник, № 1—2, 1859.
Золотарев А. М. Амурские орочи. Советский Север, № 6, 1934.
(Золотарев А.) Zolotareff A. The Bear Festival of the Olcha. American Anthropol., № 1, 1937.
Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939.
Иванов С. В. Амбарная резная орнаментика ольчей. Изв. Гос. Акад. истории матер. культуры, т. VI, вып. VIII—IX, 1931.
Иванов С. В. Орнаментика, религиозные представления и обряды, связанные с амурской лодкой. Сов. этнография, 4—5, 1935.
Иванов С. В. Орнаментированные куклы ольчей. Сов. этнография, 6, 1937.
Иванов С. В. Старинное зимнее жилище ульчей. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XIII, 1951.
Иванов С. В. Архитектурный орнамент народов Нижнего Амура. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XV, 1953.

Каргер Н. К. Родовой состав ульчей. Советский Север, № 5, 1931.
Маак Р. Путешествие на Амур. СПб., 1859.
Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 3-е изд., М., 1947.
Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.—Л., 1936.
Сильницкий А. Быт гиляков в низовьях Амура. Тр. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., т. 3, кн. 4, Хабаровск, 1895.
Стренина А. В. Этнографическое изучение ульчей. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. V, 1949.
Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, тт. I—II. СПб., 1883—1896.
Collins P. A voyage down the Amor. Neu Jork, 1860.
Revenstein. The Russian on the Amur. London, 1861.

К статье «УДЭГЕЙЦЫ»

Арсеньев В. К. Лесные люди — удэхейцы. Владивосток, 1926.
Арсеньев В. К. В горах Сихотэ-Алиня. М., 1940.
Арсеньев В. К. Сквозь тайгу. М., 1949.
Арсеньев В. К. В дебрях Уссурийского края. М., 1951.
Белькович А. Л. Из дневника во время экспедиции по исследованию Уссурийского края летом 1894 г. Тр. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ. за 1895 г., Хабаровск, 1896.
Брайловский С. Н. Тазы или удихэ. Живая старина, вып. II—IV, 1901.
Надаров И. Северо-Уссурийский край. Зап. Русск. Геогр. общ. по общей географии, т. XVII, № 1, 1887.
Палладий, арх. Дорожные заметки. Зап. Русск. Геогр. общ. по общей географии, т. IV, 1871.
Пель-Горский. Инородческое население по притокам Уссури—Бикину, Иману и Ваку. Тр. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ. за 1895 г., Хабаровск, 1896.

К статье «ОРОЧИ»

Аврорин В. А. и И. И. Козьминский. Представления орочей о вселенной, о переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте». Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XI, 1949.
Арсеньев В. К. Этнографические различия орочей и удэ. Вестн. Азии, № 38—39, Харбин, 1916.
Бошняк Н. К. Экспедиция в залив Де-Кастри. Опись Татарского берега и открытие Императорской гавани. Морской сборник, № 3, 1859.
Васильев Б. А. Старинные способы охоты у приморских орочей. Сов. этнография, сб. 3, 1940.
Васильев Б. А. Медвежий праздник. Сов. этнография, 4, 1948.
Доброхотов П. В. Условия звероводства среди орочей северного побережья Татарского пролива. Производит. силы Дальнего Востока, вып. 4, Хабаровск—Владивосток, 1927.
Леонтович С. Природа и население бассейна р. Тумнин Приморской области. Землеведение, IV, № 3—4, 1897.
Лопатин И. А. Антропологический очерк орочей. Бюлл. Краевед. научно-исслед. инст. при Дальневост. Гос. унив., 1. Владивосток, 1925.
Лопатин И. А. Охотничий промысел орочей. Сов. Приморье, № 3, 1925.
Лопатин И. А. Орочи — сородичи маньчжур. Харбин, 1925.
Маргаритов В. П. Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888.
Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 3-е изд., М., 1947.
Поляков И. Отчет об исследованиях на о. Сахалине. Прилож. к XIX т. «Известий Русского Географического общества», 1884.
Правдин. На Северном побережье. Сов. Приморье, № 4, 1925.
Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, тт. I—II. СПб., 1883—1899.
Штернберг Л. Я. Религиозные воззрения орочей Татарского пролива. В кн.: Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
Штернберг Л. Я. Семья и род орочей Татарского пролива. В кн.: Л. Я. Штернберг. Семья и род у народов Северо-Восточной Азии. Л., 1933.

К статье «ОРОКИ»

Аннэрт Э. Э. Путешествие на восточное побережье Русского Сахалина в 1907 г. Изв. Русск. Геогр. общ., т. XLIV, 1908.
Бошняк Н. К. Экспедиция на Сахалин. Морской сборник, № 11, 1858.

Брылкин И. Письма с Сахалина. Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., т. VII, 1864.
Буссе Ф. Остров Сахалин и экспедиция 1853—1854 гг. СПб., 1872.
Васильев Б. А. Основные черты этнографии ороков. Этнография, I, 1929.
Васильев В. Н. Отчет о командировке к гилякам и орокам. Отчет Русского музея за 1911 г. СПб., 1914.
Кропоткин П. А. Об исследованиях И. А. Лопатина на Сахалине. Изв. Русск. Геогр. общ., т. VII, 1869.
Левин М. Г. Амуро-Сахалинская экспедиция. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, вып. V, 1949.
Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 3-е изд., М., 1947.
Пилсудский Б. О. Аборигены острова Сахалина. Живая старина, вып. II—III, 1909.
Пилсудский Б. О. Отчет о командировке к айнам и орокам острова Сахалина в 1903—1905 гг. Изв. Ком. по изуч. Средней и Восточной Азии.
Поляков И. Отчет об исследованиях на о. Сахалине. Прилож. к XIX т. «Известий Русского Географического общества», 1884.
Смоляк А. В. К вопросу о происхождении ороков. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. XXI, 1954.
Шревк Л. И. Об инородцах Амурского края, тт. I—II. СПб., 1883—1899.
Glehn P. Reisebericht von der Insel Sachalin. Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches. Herausg. von Baer und Helmersen, Bd. XXV, St.-Petersb., 1868.
Laufer B. Die angeblichen Urvölker von Jezo und Sachalin. Centralblatt für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte, vol. 5, Part 6, Jena, 1900.
Laufer B. Preliminary Notes on exploration among the Amoor Tribo. Amer. Anthropol., April—June, 1900.

К статье «НИВХИ»

Бошняк Н. К. Экспедиция в Приамурском крае. Морской сборник, №№ 1—2, 1859.
Зеланд Н. О гиляках. Изв. Общ. любит. естествозн., антропол. и этногр., Протоколы заседаний Антропологического отдела, т. XLIX, вып. 3, 1886.
Золотарев А. М. К вопросу о генезисе классообразования у гиляков. Сб. «За индустриализацию Советского Востока», № 3, 1933.
Золотарев А. М. Пережитки родового строя у гиляков района Чомэ. Советский Север, № 2, 1933.
Крейнович Е. А. Гиляцко-тунгусо-маньчжурские параллели. Докл. и сообщ. Инст. языкознания АН СССР, VIII, 1955.
Крейнович Е. А. Очерк космогонических представлений гиляк о. Сахалина. Этнография, 1, 1929.
Крейнович Е. А. Рождение и смерть по воззрениям гиляков. Этнография, 1—2, 1930.
Крейнович Е. А. Собаководство гиляков и его отражение в религиозной идеологии. Этнография, 4, 1930.
Крейнович Е. А. Гиляцкие числительные. Л., 1932.
Крейнович Е. А. Морской промысел гиляков дер. Куль. Сов. этнография, 5, 1934.
Крейнович Е. А. Охота на белуху у гиляков деревни Пуир. Сов. этнография, 2, 1935.
Лаббэ П. Остров Сахалин. Путевые впечатления. Перев. с франц. с дополн. отзывов русских исследователей А. П. Чехова, В. М. Дорошевича, И. П. Миролюбова и др. М., 1903.
Лавров И. П. Об изобразительном искусстве нивхов и айнов. Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, т. V, 1949.
Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 3-е изд., М., 1947.
Соколов. Русский Сахалин. Землеведение, I—IV, 1912.
Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края, тт. I—III. СПб., 1883—1903.
Штернберг Л. Я. Сахалинские гиляки. Этногр. обозрение, кн. XVII, № 2, 1893.
Штернберг Л. Я. О гиляках о. Сахалина и соседнего материкового побережья Изв. Русск. Геогр. общ., т. XXXVI, 1900.
Штернберг Л. Я. Гиляки. Этногр. обозрение, кн. LX, № 1, 1904; LXI, № 2, 1904; LXIII, № 4, 1905.
Штернберг Л. Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Тексты с переводами и примечаниями, т. I, ч. 1, СПб., 1908.
Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933.

К статье «ЮКАГИРЫ»

Борисковский П. И. О пережитках родовых отношений на северо-востоке Азии (юкагиры и коряки). Сов. этнография, 4—5, 1935.

Бутурлин С. А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского края. СПб., 1907.

Врангель Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. Изд. 2, М., 1948.

Дьячков Г. Анадырский край (рукопись жителя сел. Марково). Зап. Общ. изуч. Амурского края, II, Владивосток, 1893.

Зензинов В. М. В гостях у юкагиров. Этногр. обозрение, кн. CI—CII, № 1—2, 1914.

Иохельсон Вл. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. СПб., 1898.

Иохельсон Вл. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена. Изв. Русск. Геогр. общ., т. XXXIV, вып. 3, 1898.

Иохельсон Вл. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов. Живая старина, X, вып. 1—2, 1900.

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, т. I. Образцы народной словесности, ч. 1. СПб., 1900.

(Иохельсон В.) Jochelson W. The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus. The Jesup North Pacific expedition. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. IX, Leiden—New York, 1926.

Кибер (доктор). Извлечение из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северо-восточной Сибири. Сиб. вестник, ч. I, 1824.

Шаргородский С. М. Об юкагирских письменах. Землеведение, II—III, 1895.

К статье «ЧУКЧИ»

Ивановский А. А. Библиографический указатель книг и статей о чукчах. Этногр. обозрение, 3, 1891.

Антропова В. В. Современная чукотская и эскимосская резная кость. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XV, 1953.

Аргентов А. Описание Николаевского Чаунского прихода. Зап. Сиб. отд. Русск. Геогр. общ., III, 1857.

Богораз В. Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные В. Г. Богоразом в Колымском округе, ч. 1. Образцы народной словесности чукоч. (Тексты с переводом и пересказом). СПб., 1900.

Богораз В. Г. Очерк материального быта оленных чукчей, составленный на основании коллекций Н. Л. Гондатти, находящихся в Этнографическом музее Академии Наук. Сб. Музея антроп. и этногр. АН, II, 1901.

(Богораз В.) Bogoras W. The Chukchee. I. Material culture. The Jesup North Pacific expedition. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., vol. VII, Leiden-New York, 1904.

Богораз В. Г. Чукотские рисунки. Сборник в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина, М., 1913.

Богораз В. Г. Чукотский общественный строй по данным фольклора. Советский Север, № 6, 1930.

Богораз В. Г. Чукчи. Ч. I, Л., 1934; ч. II, Л., 1939.

Вдовин И. С. Из истории общественного строя чукчей. Сов. этнография, 3, 1948.

Вдовин И. С. К истории общественного строя чукчей. Уч. зап. Лен. Гос. унив., № 115, Факультет народов Севера, вып. 1, 1950.

Врангель Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. М., 1948.

Гондатти Н. Л. Поездка из села Маркова на р. Анадыре в бухту Провидения (Берингов пролив). Зап. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., т. IV, вып. 1, Хабаровск, 1898.

Дьячков Г. Анадырский край (рукопись жителя сел. Марково). Зап. Общ. изуч. Амурского края, II, Владивосток, 1893.

Иванов С. В. Чукотско-эскимосская гравюра на кости. Сов. этнография, 4, 1949.

Каллиников Н. Ф. Наш крайний Северо-Восток. Прилож. к вып. 33 «Записок по гидрографии», СПб., 1912.

Кибер (доктор). Извлечение из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северо-восточной Сибири. Сиб. вестник, ч. 1, 1824.

Кибер. Чукчи. Сиб. вестник, ч. II, 1824.
Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. Прилож. к LXXIV тому «Записок Имп. Академии Наук», № 3, 1894.
Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. Зап. Приамурск. Отд. Русск. Геогр. общ., II, вып. 1, 1896.
Орловский П. Н. Анадырско-чукотское оленеводство. Северная Азия, № 1, 1928.
Орловский П. Н. Год анадырско-чукотского оленевода. Северная Азия, № 2, 1928.
Ресин А. А. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. Изв. Русск. Геогр. общ., т. XXIV, вып. III, 1888.
Сильницкий А. П. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь. Зап. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., т. II, вып. 3, Хабаровск, 1897.
Самарин Я. Ф. На Чукотке. На рубеже, № 6, 1935.
Сарычев Г. А. Путешествие флота-капитана Сарычева по Северовосточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжении осьми лет при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота-капитана Биллингса с 1785 по 1793 г., ч. 2. СПб., 1802; 2-е изд., М., 1952. (Сюда включено и нижеследующее «Путешествие капитана Биллингса»).
Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северо-Восточному океану в 1791 году. СПб., 1811.
Сведруп Г. У. Плавание на судне «Мод» в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. Л., 1930.
Amundson R. Nordost passagen. Kristiania, 1921.
Niedieck P. Mes Corisières dans la mer de Bering. Trad. de l'Allemand par L. Roustan. Paris, 1908.

К статье «ЭСКИМОСЫ»

Антропова В. В. Современная чукотская и эскимосская резная кость. Сб. Музея антроп. и этногр. АН СССР, т. XV, 1953.
(Богораз В.) Bogoraz W. The Eskimo of Siberia. Public. of the Jesup North Pacific expedition, vol. VIII, p. III, 1913.
Власова В. Ф. Эскимосы острова Врангеля. Советская Арктика, № 5, 1935.
Воблов И. К. Эскимосские праздники. Сибирск. этногр. сборник, 1. Тр. Инст. этногр. АН СССР (новая серия), т. XVIII, 1952.
Золотарев А. М. К вопросу о происхождении эскимосов. Антропол. журнал, № 1, 1937.
Иванов С. В. Чукотско-эскимосская гравюра на кости. Сов. этнография, 4, 1949.
Минеев А. И. Остров Врангеля. М., 1946.
Орлова Е. П. Азиатские эскимосы. Изв. Всесоюзн. Геогр. общ., вып. 2, 1941.
Рубцова Е. С. Материалы по языку и фольклору эскимосов, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1954.
Руденко С. И. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. М.—Л., 1947.
Руденко С. И. Татуировка азиатских эскимосов. Сов. этнография, 1, 1949.
Nelson E. The Eskimo about Bering Strait. Washington, 1900.
Ollivier A. Sur les Esquimaux d'Asie. Bull. Soc. d'Anthropologie, 2 serie, t. XII, 1879.

К статье «КОРЯКИ»

Бауэрман К. Следы тотемического родового устройства у паренских коряков. Советский Север, № 2, 1934.
Беретти Н. Н. На крайнем Северо-Востоке. Зап. Владивосток. отд. Русск. Геогр. общ., т. IV (XXI), 1929.
Билибин Н. Н. Среди коряков. Советский Север, № 3, 1933.
Билибин П. Н. Обмен у коряков. Л., 1934.
Билибин Н. Н. Формы материального производства береговых коряков Пенжинской губы. Пробл. истории докапиталистических обществ, № 6, 1934.
Борисковский П. И. О пережитках родовых отношений на северо-востоке Азии (юкагиры и коряки). Сов. этнография, 4—5, 1935.
Гапанович И. И. Основные вопросы этнографии камчатских коряков. Прага, 1928.
Гапанович И. И. Камчатские коряки. Современное положение племени и значение его оленного хозяйства. Tientsin, 1932.
Дитмар К. О коряках и о весьма близких к ним по происхождению чукчах. Вестн. Русск. Геогр. общ., XV, 1885; XVI, 1856.

(Дитмар К.) Dittmar C. Über die Koriäken und die ihnen sehr nahe verwandten Tchuktschen. Melanges russes tirés du Bulletin Historico-philologique de l'Académie Imperial, XIII, 1856.
Дитмар К. Поездка и пребывание на Камчатке в 1851—1855 г., ч. I. СПб., 1901.
Кеннан Г. Кочевая жизнь в Сибири (Tentlife). Приключения среди коряков и других инородцев. СПб., 1896.
Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. Перев. с франц., ч. 1—3. М., 1801—1802.
Орлова Е. П. Коряки полуострова Камчатки. Северная Азия, № 3, 1929.
Сергеев М. А. Корякский национальный округ. Л., 1934.
Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, тт. I—II. СПб., 1900.
Стебницкий С. Н. Корякские дети. Советский Север, № 4, 1930.
Стебницкий С. Н. Автобиографии нымыланов. Сов. этнография, сб. 1, 1938.
Стебницкий С. Н. Нымыланы-алюторцы. (К вопросу о происхождении оленеводства у южных коряков). Сов. этнография, 1, 1938.
Шавров К. О населении северной части полуострова Камчатки. Стат. бюллетень, №№ 5—6. Хабаровск—Благовещенск, 1927.
Шнакенбург Н. Б. Нымыланы-кэрэки. Советский Север, № 3, 1939.
Barrett-Hamilton G. E. H. and H. O. Jones. A visite to Karaginski Island, Kamcbatka. The Geogr. Journ., XII, 1898.
Bergmann St. Vulkane, Bären und Nomaden. Stuttgart, 1926.
Jochelson W. The Koryak, p. I—II. The Jesup North Pacific expedition. Memoir of the Amer. Mus. of Nat. Hist., Leiden—New York, 1905—1908.

К статье «ИТЕЛЬМЕНЫ»

Беретти Н. Н. На крайнем Северо-Востоке. Владивосток, 1929.
Дитмар К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 г., ч. 1. СПб., 1901.
Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, тт. I—II. СПб., 1755; изд. 2, СПб., 1786; изд. 3, СПб., 1818; изд. 4, М.—Л., 1949.
Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели. Зап. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., т. V, вып. 1, Хабаровск, 1899.
Орлова Е. П. Ительмены (остатки древних обитателей Камчатки). Стат. бюллетень, № 8—9, Хабаровск, 1927.
Сергеев М. А. Народное хозяйство Камчатского края. М., 1936.
Сильницкий А. Поездка в северные округа Приамурской области. Зап. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., VI, вып. 1, 1902.
Сильницкий А. П. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь. Зап. Приамурск. отд. Русск. Геогр. общ., т. II, вып. 3, Хабаровск, 1897.
Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край, т. I—II. СПб., 1900.
Тюшов В. Н. По западному берегу Камчатки. Спб., 1906.
Bergmann S. Vulkane, Bären und Nomaden. Stuttgart, 1926.
Kittlitz F. Denkwürdigkeiten einer Reise nach dem Russischen Amerika, nach Mikronesien und durch Kamtschatka. Gotha, Bd. 2, 1858.
Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. . . Frankfurt und Leipzig, 1774.

К статье «АЛЕУТЫ»

Иохельсон В. И. Об алеутах. Землеведение, I—II, 1912.
Кулагин К. Алеуты. Эконом. жизнь Дальнего Востока, №№ 6—7, 1927.
Латернер М. От Владивостока до Номе. СПб., 1911.
Редько Б. А. Алеуты Командорских островов. В кн.: Производительные силы Дальнего Востока, вып. 5, Хабаровск—Владивосток, 1927.
Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью, т. III, вып. 1—4. Камчатка и Командорские острова. Иркутск, 1884.
Сергеев М. А. Советские острова Тихого океана. Л., 1938.
Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них. Главн. упр. землеустр. и земл. Департ. землед., СПб., 1912.

ГЛОССАРИЙ

(Список местных слов и специальных терминов)[1]

Аарчы — сушеная творожная масса 389, 394, 461
Азям — мужская верхняя одежда, близкая по покрою к кафтану 389
Аил — селение, урочище 345, 363
Аймак — селение, район; в средневековой Монголии группа родственных семей или родов, возглавляемых феодалом и кочующих на одной территории 217, 224, 226, 246, 247—251, 253, 255, 330, 359, 492
Айран — напиток из молока, подвергшегося брожению 389, 394, 397, 413
Аланчик, алачых — конический шалаш, крытый берестой или корой 338, 386, 398, 439, 460
Албан, алман — дань, подать 333, 398, 425, 427
Аманат — заложник 126, 137
Арагы, араки — водка, полученная перегонкой молока; водка из ячменной браги 335, 343, 509
Арат — крестьянин-скотовод 423, 425 433
Аргиш — караван из нескольких оленей, запряженных в грузовые нарты 618
Архи — водка, изготовленная из молока 234, 235
Аршан — минеральный целебный источник 255, 256
Ахун — звание старшего муллы 484

Бай — представитель эксплуататорского класса крупных скотоводов и землевладельцев 404, 427, 428, 430
Байдара — лодка, состоящая из деревянного каркаса, обтянутого шкурками морских зверей 544, 764, 904, 905, 906, 914—917, 919, 922, 924, 927, 955, 961, 988
Бакари — обувь из оленьих камусов (см.) с длинными голенищами 721
Балок — нартяный чум (см.), но меньших размеров, часто без окон и железной печки 664
Балаган — у якутов летнее и зимнее жилище со стенами из наклонно поставленных жердей, у ительменов — летнее жилище пирамидальной формы, устроенное на высоком помосте 164, 172, 228, 284, 338, 601, 675, 746, 750, 980
Баран — дуга, горизонтально прикрепленная к передку оленьей или собачьей нарты 711
Бат — челнок, выдолбленный из целого бревна, обычно из тополя 563, 961, 962, 980, 982
Башлык — глава рыболовной артели 158
Бекеша — мужская верхняя одежда с отрезным верхом, со сборками по талии 180
Белковка — промысел на белку 669, 675
Березовка — сок из березы 166
Берестянка — челнок с легким деревянным каркасом, покрытым берестой 712 714
Бешмет — мужская верхняя одежда типа кафтана 780
Бокан — раб 292
Болас — снасть для лова птиц 888
Бродни — высокие мягкие кожаные сапоги 181, 780
Бурдук — кисель из пшеничных или ржаных отрубей, заквашенных на дрожжах 166
Бурханизм — национально религиозное движение среди алтайцев 350
Бурхан — изображение буддийского божества 233, 240, 262

[1] Составлен коллективом сотрудников сектора Сибири Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР под руководством старшего научного сотрудника А. А. Попова.

Важенка — самка оленя 631, 632
Варган, кабус, комыс, хомус, хур — железный или костяной губной музыкальный инструмент: варган 106, 605, 681, 730, 731, 770; кабуз 485; комыс 391, 515; хомус 304; хур 106
Варка — кушанье, встречающееся почти у всех народов Севера 166, 581, 681
Верша или морда — рыболовная снасть из ивовых прутьев в форме цилиндра: верша 889; морда 157, 274, 435, 501, 615, 689, 712, 764, 966
Ветка — общераспространенное в Сибири собирательное название челноков 164, 281, 563, 672—674, 678—746
Волокуша — примитивное приспособление из жердей или шкур животного для перевозки тяжестей 338, 478, 522, 681, 890

Гимга — рыболовная снасть из прутьев, сходная с вершей (см.), но больших размеров 157, 577
Гнус — собирательное название для комаров, мошек и оводов 744
Голбец — деревянная лежанка возле печи 173
Голицы — 1) кожаные рукавицы 181; 2) лыжи для ходьбы по насту, не имеющие меховой обшивки 618, 693, 707, 709
Голомо — коническое или пирамидообразное жилище из жердей и досок, покрытых корой или дерном 717, 746, 750
Городчик — торговец — посредник, вывозящий из города товары 295
Гусь — мужская глухая одежда с капюшоном 586, 587, 621; см. также Сокуй

Даба — китайская бумажная ткань синего цвета 339
Далемба — китайская материя 533
Дацан — буддийский храм; монастырь 223, 241, 242, 262
Долбленка — челнок, выдолбленный из одного цельного дерева 563, 712—714, 866
Дючина — группа родов, управляемых одним зайсаном (см.) 344

Епанча — женский длинный плащ, накидка на меху 180

Жерлица — рыболовная снасть, закидная уда 671
Жировик — светильник, заменяющий свечу или лампу, в котором горит тряпичный фитиль, опущенный в топленый жир 175

Заболонь — молодой слой древесины, расположенный непосредственно под корой 889, 891
Заездок — сооружение для лова рыбы, перегороженная часть реки 863
Зайсан — монгольский феодальный титул китайского происхождения. У бурятов XVII—XIX вв. родоначальник, родовой надзиратель; у китайцев — глава волости 220, 221, 333, 497, 498
Запор или закол — сооружение для лова рыбы, перегораживающее всю реку: запор 434, 477, 503, 671, 677, 689, 764, 956, 983, 988; закол 677
Зарод — длинный стог 152
Засека — охотничье сооружение, изгородь с самострелами (см.) — поставушными луками (см.) в проходах 750
Зэгтэ-аба — облавная охота у западных бурят 228

Изых —домашние животные, посвященные божествам и духам 392
Илимка — большая плоскодонная лодка с крытым помещением для людей и складывания товаров 164, 681
Инау — заструганная с одного конца полочка или пучок деревянной стружки; играет роль «посредника» между человеком и духами 873

Кавардак — нарезанное мелкими кусочками жареное мясо гусей и гагар 166
Каймак — сливки, снятые с топленого молока 344, 366
Калым — выкуп за невесту, выплачиваемый родителями жениха 239, 240, 298, 347, 368, 391, 394, 397, 464, 484, 554, 558, 593, 626, 639, 654, 659, 664, 696, 697, 727, 769, 780, 824, 836, 837, 850, 858, 870, 872, 893, 917
Камелек — камин, чувал (см.), глинобитный или из жердей, обмазанных глиной 280, 285, 287, 290, 298
Камлание — священнодействие, совершаемое шаманом, сопровождающееся пением и плясками 627, 728, 729
Камлея, камлейка — мужская глухая одежда из ровдуги (см.) или покупной ткани с капюшоном или без капюшона (долганы) 764, 988, 989
Камус — шкура с ноги оленя, идет на пошивку обуви и рукавиц 281, 319, 440, 454, 463, 618, 621, 623, 672, 676, 709, 711, 908, 962
Каны — лежанки, утепленные идущим под ним дымоходом 784, 789
Карамо — старинные подземные жилища, позднее — полуподземные жилища селькупов Нарымского края 666, 667 671, 673
Карбас — большая, шитая из досок лодка русского типа 164, 890
Каюр — проводник, «кучер» при езде на собаках 555
Каяк — лодка, деревянный каркас которой обтянут шкурами морского зверя не только снизу и с боков, но также наглухо сверху, с круглыми люками для гребцов 938, 961, 986, 988
Кендырь — многолетнее растение (Apocynum Venetum L.) Из нитей его волокон ткали холст 162, 338, 341, 505, 507, 509
Керексуры — каменные курганы с прямоугольными или круглыми оградками 98
Киштымы — в Южной Сибири — данники киргизских князей из различных

тюрко-, самоедо- и кетоязычных этнических групп 129, 220, 382—384, 400
Кленцы — самоловная ловушка на лисиц, песцов, зайцев и т. д. ударно-колющего действия 668, 889
Клуня — открытый ток для молотьбы хлеба 149, 169
Кабуз — см. Варган
Колесуха — земледельческое орудие, представляющее переходный тип от сохи к плугу 148
Кольдан, калыдан — наволочная сетевая рыболовная снасть 576
Комыс — см. Варган
Копанец — канава, проведенная из озера, перегороженная запором для ловли рыбы 477
Кораль — изгородь для загона домашних оленей 631, 902, 922, 923
Кочи — русские старинные мореходные палубные суда с одной мачтой 116, 117, 118
Кошма — войлок 426
Кросны — ткацкий стан с основой 160
Кукашка — см. Кухлянка
Кулема — самоловная ловушка на пушных зверей и птиц давящего действия 135, 156
Кумыс, кымыс — напиток из сквашенного кобыльего молока 277, 289, 290, 483
Кунгас — плоскодонная баржа японского типа 878
Курут — кислый сыр из квашеного вареного молока 343, 356, 366, 461, 505
Кухлянка, кукашка — двойная мехом внутрь и мехом наружу глухая одежда: кухлянка 840; кукашка 908

Лабаз — хозяйственное сооружение на высоких столбах для хранения летом зимней одежды и утвари 719, 748
Лама — у буддистов духовное лицо 223, 224, 226, 242, 245, 259, 262, 425, 426, 427, 429, 430, 441, 443, 469
Ламаизм — разновидность буддизма 17, 241, 242, 271, 262
Лапки — лыжи ступательные для ходьбы по глубокому снегу 916, 980
Лебедь — струнный музыкальный инструмент типа арфы 605

Макса — налимья печень 166
Малица — глухая длинная мужская одежда мехом внутрь, большей частью с капюшоном 586, 587, 621, 623, 639, 641, 662, 685, 795
Махавка — крыло куропатки или гуся, привязанное к концу палки. Применялось при поколках (см.) и охоте сетями на диких оленей 656
Морда — см. Верша

Нарта (ы) — сани для оленьей и собачьей упряжки 14, 163, 281 338, 397, 402, 494, 500, 501, 502, 505, 511, 512, 516, 545, 578, 583, 614, 615, 617, 618, 624, 626, 628, 632, 642, 650—652, 655, 656, 658, 672, 675, 688, 691, 692, 697, 709, 711—714, 733, 744, 754, 755, 763, 764, 777,778, 784, 794, 796, 809, 820, 829, 834, 846—848, 856, 859, 864—866, 870, 874, 888, 890, 902, 904, 906, 913, 914, 919, 922, 940, 954, 955, 960, 961, 980, 982, 988
Нартяной чум — каркасный домик на полозьях, зимнее жилище 746, 758
Наслег — территориальная административная единица царского времени, соответствующая волости 270, 296, 297, 549
Наст — ледяная корка, образующаяся на поверхности снегового покрова при заморозках после оттепелей 614, 671
Нимат — обычай, по которому мясо убитого зверя распределялось между всеми хозяйствами стойбища 15, 725, 768, 770
Ноговицы — принадлежность обуви, закрывающая голень с коленом 721
Нойон — монгольский княжеский титул китайского происхождения; у тувинцев в период китайского владычества мелкие правители 106, 220, 221, 223, 224, 227, 239, 245, 259, 424, 425, 426, 427, 428
Нюк — меховая или ровдужная покрышка чума 674, 717, 719

Облас, обласок — челнок (выдолбленный из цельного ствола дерева) обских угров и селькупов 667, 669, 672, 674
Обо — каменные священные насыпи на горах 240
Олень-маньчик — специально обученный для охоты на диких оленей домашний олень 662, 663, 664, 744, 763, 888
Олонхо — богатырский эпос 303
Омет — сеть для ловли соболя 156
Оморочка — берестяной челнок у тунгусо-маньчжуров Дальнего Востока 563, 796
Онгон — у бурятов-шаманистов название как изображения духов, так и самих духов, якобы пребывающих в изображении, а также душ предков 226, 233, 241, 263
Опуван, подзор — узорная оторочка подола меховой одежды 200, 963
Остожье — единица покосной земли 293
Остол, оштол — тормозная палка собачьей нарты с железным наконечником на нижнем конце 960
Острожки — название ительменских селений в XVIII в. 980, 981
Охлупень — украшение на коньке крыши 171, 192

Паница — см. Ягушка
Панты — рога молодых изюбрей (маралов); идут на изготовление лекарств 531, 535, 792
Парка — общее название верхней одежды, обычно из оленьего меха 623, 675, 676, 713, 721, 989
Парма — совместный выпас оленей 625
Насть — самоловное орудие на песцов, лисиц, зайцев и т. д. давящего действия

135, 156, 615, 616, 625, 634, 658, 668, 669, 744, 752, 754—756
Перевес — подвесная, падающая сеть на уток 156, 578, 579
Пески рыболовные — речные рыболовные угодья 620, 625, 671
Пимы — зимняя обувь из оленьих камусов (см.) 621, 623, 676
Плавник — древесина, выбрасываемая на берег морскими течениями 620
Плашки — самоловное орудие на мелких зверей (белка, горностай) давящего действия 668
Поветь — помещение для скота 169
Поколки — способ охоты на диких оленей закалыванием копьем с лодок при массовых переправах зверя через реки 624, 649, 654, 664, 744, 750
Полог — отгороженное оленьими шкурами помещение внутри чукотского жилища — яранги (см.) 565, 769, 913, 918
Поняга — заспинная дощечка с тесемками для привязывания охотничьего снаряжения 708, 709
Порса — толченая вяленая или сушеная рыба 672, 681, 716
Поскотина — изгородь вокруг выгона 152, 169
Постель — шкура взрослого оленя 580
Поставушный лук — см. Самострел
Потяг — лямка собачьей упряжи 674
Пущальня — ставная рыболовная сеть 652, 671, 682, 689, 746, 754
Пыштак — вид сыра 344, 366, 510

Ровдуга — замша из оленьей или лосиной шкуры 288, 621, 676, 685, 716, 717, 721, 766, 914, 963
Рыбий зуб — моржовый клык 115

Сабан — соха с одним сошником, у бурятов двуконная 148, 227, 476
Сабантуй — весенний праздник сохи, связанный с окончанием посева 490
Саламат — у тюрков каша, приготовленная из талкана (см.) 509
Салик — небольшой плот из жердей с настилом для одного человека 164
Самострел — настороженный на звериной тропе лук 95, 228, 276, 478, 499, 500, 578, 615, 651, 668, 669, 689, 707, 744, 792, 832, 846, 864, 888; поставушный лук 668
Сары — см. Торбаса
Сеок — род 344, 367, 374, 385, 386, 392, 395, 397, 493, 493
Силок — приспособление в виде затягивающейся петли для ловли мелких зверей и птиц 889
Сокуй — мужская меховая одежда мехом наружу или суконная глухая одежда с капюшоном 748
Станок — на Таймыре станции по оленному тракту 744
Строганина — общераспространенное в Сибири кушанье: тонко настроганная сырая мороженая рыба 166, 534, 746
Суглан — собрание, сход, съезд 221, 534, 535, 549, 550, 556, 558
Сырчик — творог, смешанный со сметаной, замороженный в форме чашки 166

Таих — общественные моления небу, горным духам и т. д. 391, 392, 398
Тайпа — монгольский феодальный титул. У бурят XVII—XIX вв. глава племени, группы родов 220, 221, 222, 223
Тайлга — таилган — 1) жертвоприношение; 2) приспособление для подвешивания шкуры жертвенного животного 239, 243
Тала — нарезанная на мелкие кусочки сырая рыба 802
Талкан — поджаренные ячменная мука или толченые зерна ячменя 343, 344, 366, 397, 461, 509
Тарасун — водка, приготовленная из молока 234, 235
Тарга — чиновник, ведавший сбором податей и судопроизводством 424
Тебеневка — зимнее содержание скота на подножном корму 521
Тебеньки — боковые лопасти седла 281
Тиска — полоска, сшитая из отдельных вываренных кусков бересты. Тисками покрывали чум (см.) 553, 674, 693, 715, 716, 717, 719, 720
Тойон — господин, русский начальник, должностное лицо из родовой знати 270, 271, 272, 280, 287, 288, 289, 292, 293, 294, 296, 297, 299, 303, 306, 982
Толи — круглое металлическое зеркало китайского происхождения; подвеска шаманского костюма 806
Толкуша — кушанье из толченого оленьего или тюленьего мяса и жира с примесью съедобных корней и ягод, 926, 964
Тошпур — музыкальный двухструнный инструмент, напоминающий домбру 349
Торбаса, сары, унты — мягкая обувь из кожи: торбаса, 181, 989; сары 181; унты 181
Турсук — у якутов берестяное ведро 277
Туяс — сосуд из бересты с деревянной крышкой и дном 720

Улигер — народный героический эпос 243, 244, 260
Улус — 1) Объединение родов или племен, кочевавших на одной территории под властью одного князца; 2) у западных бурят сельская община; 3) населенный пункт; 4) у якутов административно-территориальная единица царского времени, соответствовавшая уезду 220, 221, 280, 287, 290, 291, 296, 297, 332, 333, 396, 398, 399, 400, 405, 474, 549
Унты — см. Торбаса
Ураса — коническое жилище, покрытое нюками (см.) или тисками (см.) 29, 175, 286, 287
Урман — глухой, хвойный лес, часто заболоченный 169

Ухожи — промысловые участки, здесь разбитые на островах для лучшей организации промысла пушных зверей 988

Фанза — жилище приамурских народов, прямоугольное в плане с двухскатной крышей и с дымоходом под нарами 719, 784, 791, 798, 835, 868, 878

Хомус — см. Варган
Хошун — крупная военно-административная единица в Монголии и Туве, образованная в период власти Дайцинской (маньчжурской) династии Китая. Хошун делился на сумоны, сумоны — на арбаны 424, 425, 429
Хур — см. Варган
Хурал — здесь ламаистское богослужение 242, 243
Хуре — ламаистский монастырь 425, 441

Цам — религиозный праздник у ламаистов 243

Чарки или черки — род кожаных туфель, носившихся с чулками, сшитыми из сукна или вязаными 181
Чегедек — верхняя одежда замужних женщин, безрукавка 288, 341
Чегень — напиток из сквашенного коровьего молока 339, 343, 344, 363, 366, 461
Чекмень — мужская верхняя одежда, халат из сукна, нанки или дабы (см.) 339
Черемша — вид дикорастущего чеснока (Allium Victorialis) 435
Черкан — ловушка ущемляющего действия на мелких зверей 276, 668
Черки — см. Чарки
Чороон — кубок для питья кумыса (см.), вырезанный из одного куска дерева 302
Чувал — вид камина из жердей, обмазанных глиной или глинобитный 173, 394, 480, 487, 494, 526, 565, 584, 673, 675, 746
Чум — переносное коническое жилище северных народов Сибири, покрытое нюками (см.) или тисками (см.) 29, 48, 62, 286, 321, 533, 537, 556, 555, 580, 603, 614, 617—620, 624, 626—628, 633, 637—639, 645, 652—656, 659, 660, 662, 664, 669, 674, 675, 679, 685, 686, 693, 695, 696, 700, 704, 707, 709, 717—719, 724, 726, 730, 732, 736, 737, 746, 748, 755, 758, 759, 764, 769, 772, 775, 779, 784, 835, 849, 857, 858, 860, 890, 891, 894, 972
Чумиза — вид проса 802

Шайтан — изображение родовых духов 679
Шерть — присяга 133
Шитик, рыбница — лодка плоскодонная, сшитая из досок, служит для перевозки рыбы и грузов 164
Шиш — хлебосушилка, коническая постройка из жердей над ямой, где разводили костер 149
Шуленга — монгольский феодальный титул; чиновник, сборщик подати; у тофаларов — выборное лицо, которому подчинялись все пять тофаларских родов 220, 221, 534

Щетка — часть кожи оленя над верхним краем копыт, с длинными пушистыми волосами 621, 908

Ысыах — летний кумысный праздник 289, 302

Эмиряченье — северная нервная болезнь 291

Юкола — распластанная, вяленая на солнце, иногда подкопченая рыба 550, 556, 621, 672, 800, 866, 907, 956, 964
Юрта — название жилищ весьма разнообразного типа. Чаще всего юртами называют покрытые войлоком переносные жилища народов Западной и Южной Сибири. Юрты (только во множественном числе) — название населенных пунктов в Западной Сибири (оседлые угры, селькупы, сибирские татары) 66, 97, 172, 174, 176, 187, 224, 226, 227, 231—233, 240, 253, 254, 281, 284, 285, 287, 292, 299, 317, 334, 338—340, 360, 361, 362, 386, 387, 394, 396, 398, 412, 426, 436, 438, 446, 460, 461, 467, 479, 485, 489, 507, 508, 556, 565, 576, 595, 603, 671, 673, 675, 676, 683, 718, 719, 826, 874, 890, 980

Ягель — лишайник, исландский мох (Cetraria islandica), главная пища оленей в зимнее время 614
Ягушка или паница — ненецкая женская шуба 621
Яранга — жилище чукчей и оленных коряков. Шатер цилиндрической формы с гранями, с коническим верхом; устраивается из шестов, обтянутых покрышками из оленьих или моржовых шкур 565, 765, 899, 906, 911—914, 917, 919, 920, 926, 940, 947, 958—960, 972, 976
Ясак — дань, взимавшаяся с народов Сибири пушниной, позже деньгами 120, 123—125, 129, 134—136, 270, 384, 398, 420, 473, 475, 476, 497, 511—514, 530, 535, 550, 574—576, 611—613, 649, 667, 688, 704—707, 743, 767, 785, 789, 817, 887, 900, 901, 936, 953, 979, 982, 987

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

К статье «Древнее население Сибири и его культура»

Палеолитическое жилище. Буреть. *1* — реконструкция (рисунок В. Д. Запорожской); *2* — общий вид раскопок (фотография Н. В. Тюменцева) . . 25

Статуэтка с изображением одежды. Буреть. (Из материалов А. П. Окладникова) 26

Украшения и каменные орудия из погребения младенца. Мальта. (М. Герасимов. Мальта. Палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931, табл. 21) 27

Изображение мамонта на пластинке из бивня мамонта. Мальта. (Палеолит СССР. Изв. ГАИМК[1], вып. 118, М.—Л., 1935, стр. 118) 29

Каменные и костяные изделия. (Из материалов А. П. Окладникова). *1* — скребло; *2* — нуклеус-скребок; *3* — гарпун; *4* — наконечник копья; *5* — скребло; *6* — остроконечник. *1—4* — Верхоленская гора; *5* — Ошурково; *6* — Няньги 31

Каменные и костяные изделия из неолитических погребений Прибайкалья. (А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, чч. I и II. МИА СССР, № 18, М.—Л., 1950). *1* — кремневый наконечник стрелы (стр. 179, рис. 29); *2* — костяной орнаментированный кинжал (стр. 389, рис. 120); *3* — вкладышевый наконечник копья (стр. 183, рис. 31); *4* — нефритовый нож (стр. 394, рис. 123); *5* — большое тесло (стр. 173, рис. 25) 38

Неолитическая керамика из Прибайкалья. (А. П. Окладников, ук. соч.). *1—4* — сосуды серовского времени (стр. 211, рис. 57, 56, 54, *6*, 55); *5* — фрагмент сосуда из культурных слоев стоянки Улан-Хада (стр. 101, рис. 10) 39

Каменные и костяные изделия. Неолит Прибайкалья. (А. П. Окладников, ук. соч.). *1* — каменное изображение рыбы (стр. 249, рис. 77); *2* и *6* — изображения лосей, Базаиха [стр. 249, рис. 77 (МАЭ №№ 1259-4 и 1259-5)]; *3*, *4* — костяные фигурки, Глазково (стр. 394, рис. 123); *5* — скульптурное изображение головы человека, мрамор, Распутино (стр. 393, рис. 122) 40

Костяк человека с луком. Погребение серовского типа. Братский камень на р. Ангаре. (А. П. Окладников, ук. соч., стр. 267, рис. 83) . . . 41

Предметы из погребений. Афанасьевская культура. (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, табл. III) 51

Антропоморфные изображения и керамика. Находки в андроновских могилах и в раннекарасукских погребениях. (С. В. Киселев, ук. соч., табл. VIII) 53

Предметы из погребений карасукского времени. (С. В. Киселев, ук. соч., табл. XII) 57

Неолитический орнамент в сравнении с современным орнаментом народов Амура. (По материалам А. П. Окладникова). *1*, *2*, *5—8* — неолитический орнамент; *3*, *4*, *9* — современный орнамент 63

Изображения животных на предметах тагарского времени из Минусинской котловины. (С. В. Киселев, ук. соч., табл. XX) 67

Изделия из западно-сибирских курганов V—II вв. до н. э. (Сибирская коллекция Эрмитажа). (С. И. Руденко. Горно-алтайские находки и скифы. М.—Л., 1952). *1* — свернувшийся в кольцо барс, золото (стр. 180, рис. 94, *в*); *2* — медная шейная гривна (стр. 167, рис. 83, *д*) 69

[1] Сокращения см. стр. 1041.

Золотые бляхи из западно-сибирских курганов V—II вв. до н. э. (Сибирская коллекция Эрмитажа). (С. И. Руденко, ук. соч.). *1* — изображение грифа (стр. 199, рис. 107, *б*); *2* — нападение крылатого льва на лошадь (стр. 175, рис. 90, *в*). 70

Фрагмент переднеазиатской ткани. Пазырык. (С. И. Руденко, ук. соч., стр. 65, рис. 22) 71

Деревянные украшения упряжи. (С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953). *1* — уздечная псалия с изображением головок грифов (табл. XXXVIII, *3*); *2* — подвеска в виде фигуры горного барана (табл. XXXV, *6*) 73

Изображение сфинкса. Войлочная аппликация на настенном войлочном ковре. Пазырык. (С. И. Руденко, ук. соч., табл. CXIV) 74

Изображение богини и всадника. Аппликация на настенном войлочном ковре. Пазырык. (С. И. Руденко, ук. соч., табл. XCV) 75

Вещи из развалин китайского дома. Город Абакан. (С. В. Киселев, ук. соч., табл. XLVI) 78

Костяные наконечники стрел, металлические изделия и сосуд из таежной полосы Восточной Сибири. Бронзовый век. (Из материалов А. П. Окладникова) 81

Плиточные могилы на р. Уде. Бронзовый век. (Из материалов А. П. Окладникова) 84

Глиняный тринод из Забайкалья. Бронзовый век. Сел. Агинское. (Из материалов А. П. Окладникова) 85

Изображения на оленном камне с р. Иволги. Бронзовый век. (Советская археология, XIX, М., 1954, стр. 211, 212, 214) 87

Наскальные изображения. *1*, *2* — Минусинский край, VII—IX вв. н. э. (H. Appelgren-Kivalo. Alt-Altaische Kunstdenkmäler, Helsingfors, 1931; *1* — s. 13, abb. 81, *2* — s. 17, abb. 93); *3*, *4*, *5* — Прибайкалье, сел. Шишкино, VI—X вв. н. э. (По материалам А. П. Окладникова) . . 99

Статуя чиновника. Окрестности г. Ворошилова-Уссурийского. VIII—XI вв. н. э. (По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1951, стр. 256—257). 103

Бронзовое зеркало с изображением дракона. Приморский край. Сучан. XI в. н. э. (Из материалов А. П. Окладникова). 105

Голова дракона (вид спереди и сбоку). Украшение на крыше здания. Окрестности г. Ворошилова-Уссурийского. VIII—XII вв. н. э. (Из материалов А. П. Окладникова). 106

К статье «Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период»

Старинная башня XVII в. в г. Якутске (Фотохроника ТАСС № 236797) . . 123

Старинная казачья башня. Город Туруханск. (Фотография ГМЭ № 305-8) . . 137

Остатки Казымского городка. (Фотография МАЭ № 2421—179) 139

Русские путники в Бирюсинской тайге. Бывш. Иркутская губ. (Фотография ГМЭ № 2560-2) 141

Старательские работы. Сибиряковский прииск бывш. Якутской обл. (Фотография МАЭ № 1418—60). 143

Пахота односошной сохой пермянкой. Бывш. Иркутская губ. (Фотография ГМЭ № 773-127). 148

Клуня — открытый ток для молотьбы хлеба. Бухтарминцы. (Фотография ГМЭ № 5573-181). 149

Водяная мельница. Бывш. Енисейская губ., Минусинский уезд. (Фотография ГМЭ № 1135-16). 150

Маралы в маральнике. Бывш. Енисейская губ., Минусинский уезд. (Фотография ГМЭ № 1135-38). 154

Привоз марала в маральник. Бывш. Енисейская губ., Минусинский уезд. (Фотография ГМЭ № 1135-36). 155

Засолка сельди. Город Березов Тобольской губ. (Фотография ГМЭ № 1838-1) . 159

Работа на самопрялке. Бывш. Енисейская губ., Ачинский уезд. (Фотография ГМЭ № 1148—65). 160

Кустарная окраска тканей. Бывш. Иркутская губ. (Фотография ГМЭ № 773-64) 161

Домашняя выделка кожи. Бывш. Иркутская губ. (Фотография ГМЭ № 773-111) 162

Медведки для перевозки бревен по дорогам в летнее время. Бухтарминцы. (Фотография ГМЭ № 5573—101). 163

Повозка с плетеным кузовом. Бухтарминцы. (Фотография ГМЭ № 5573—96) 164

Волокуша на полозьях. Бывш. Амурский край. (Фотография МАЭ № 1837-90) 165

Лодочная пристань у г. Березова. Бывш. Тобольская губ. (Фотография ГМЭ № 1755-25). 167

Предметы домашнего обихода. Анадырцы. *1* — берестяной сачок для собирания ягод, ширина 25.5 см, длина 24.2 см (МАЭ №1059-42); *2* — деревянный струг с прорезями для ножа, длина 12.3 см (МАЭ № 1059-47); *3* — деревянное блюдо, диаметр 32 см (МАЭ № 1059-16); *4* — деревянная чашка для супа, диаметр 18 см, высота 7.5 см (МАЭ № 1059-13); *5* — деревянная ложка для вытаскивания мяса из котла, длина 33.5 см (МАЭ № 1059-5); *6* — мутовка для размешивания, длина 61 см (МАЭ № 1059-10); *7* — каталка для белья, длина 73 см, ширина 11 см (МАЭ № 1059-26) 168

Общий вид усадьбы. Бухтарминцы (Фотография ГМЭ № 5573—126) 170

Изба «одноколок». Бухтарминцы. (Фотография ГМЭ № 5573-113) 171

Изба «ординарка». Бухтарминцы. (Фотография ГМЭ № 5573-118) 172

Дом «пятистенок». Бухтарминцы. (Фотография ГМЭ № 5573-131) 173

Дом «крестовик». Бухтарминцы. (Фотография ГМЭ № 5573-156) 174

Старинная изба с охлупнем в виде птицы. Бывш. Иркутская губ. (Фотография ГМЭ № 773-84). 175

Старинная двухэтажная связь с балконом и галереей. Бухтарминцы. (Фотография ГМЭ № 5573-134). 176

Старинная одежда различных групп русского населения Сибири. *1* — мужская одежда, бухтарминцы (по фотографии ГМЭ № 5573-187); *2* — праздничная мужская одежда, бухтарминцы (по фотографии ГМЭ № 5573-196); *3* — женский «круглый» сарафан, бухтарминцы (по фотографии ГМЭ № 5573-198); *4* — мужская одежда, семейские (по фотографии МАЭ № 1697-39); *5* — женская одежда и женский головной убор, семейские (по материалам А. П. Окладникова); *6* — одежда девушки, семейские (по Фотохронике ТАСС №№ 89515 и 89589); *7* — женская одежда, русское население Якутии (по фотографии МАЭ № 6016-1/142); *8* — мужская одежда, русское население Якутии (по фотографии МАЭ № 6016-1/142); *9* — женская одежда, колымские русские (по материалам А. Л. Биркенгофа); *10* — женская одежда, русско-устьинцы (по материалам А. Л. Биркенгофа) . . . 179

Старинная мужская одежда. Бывш. Томская губ., Змеиногорский уезд. (Фотография МАЭ № 2354-278) 181

Роспись внутренних частей жилища. Масло. Бухтарминцы. (По цветным зарисовкам Е. Э. Бломквист). *1* — простенок в горнице, высота 126 см; *2* — простенок, деталь, длина 21 см; *3* — стена около переднего угла, деталь, длина 21 см; *4* — матица, деталь, ширина 25 см. . . . . вкл. 192—193

«Один с сошкой, а семеро с ложкой». Скульптура из кости. Работа тобольского мастера П. Терентьева. (Тобольский музей № 8176) 193

«Охотник-остяк». Скульптура из кости. Работа тобольского мастера П. Терентьева. (Тобольский музей № 7202) 194

«Сеттер». Скульптура из кости. Работа тобольского мастера П. Терентьева. (Тобольский музей № 8206) 195

Ворота, украшенные пропильной резьбой. Бухтарминцы. (Фотография ГМЭ № 5573-151) 196

Русский дом с резными украшениями работы китайского мастера. Бывш. Нижне-Амурская обл., с. Богородское. (Фотография МАЭ № 3618-75) . . 197

Меховой ковер. Анадырцы. 197×190 см (МАЭ № 1059-78) 199

Тюменский ковер, 168×100 см (Ковры РСФСР. М., 1952, табл. 51) . . вкл. 200—201

К статье «Буряты»

Старинное оружие. *1* — лук, длина 149 см (МАЭ № 2098-84); *2* — налучье и лук, длина налучья 70 см, наибольшая ширина 31 см (МАЭ № 3247-1), длина лука 135 см (МАЭ № 3247-4); *3* — стрелохранилище, высота 92 см (МАЭ № 1926-11); *4* — колчан со стрелами, длина колчана 47.3 см, наибольшая ширина 26.5 см (МАЭ № 313-90а); *5* — налучье, длина 88 см, наибольшая ширина 25 см (МАЭ № 2088-2); *6—8* — стрелы (из коллекций МАЭ) 227

Обработка кожи и изготовление войлока. *1* — катание войлока (фотография ГМЭ № 2501-25); *2* — обработка бараньей кожи (из личного собрания К. В. Вяткиной); *3* — кожемялка (фотография ГМЭ № 3693-27) 229

Старинное женское седло, длина 52 см, высота луки 20 см (МАЭ № 1335-1) . . . 231

Деревянная юрта западных бурят (И. А. Молодых и П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. СПб., 1896, стр. 20) 232

Войлочная юрта бедняка. (Фотография ГМЭ) 233

Утварь. *1* — маслобойка, высота 76 см (МАЭ № 2098-37); *2* — деревянный сосуд (фотография МАЭ № 1697-67); *3* — металлический сосуд (фотография МАЭ № 1697-67) 235

Одежда. *1* — зимний мужской халат, длина 140 см (МАЭ № 3885-1); *2* — летний женский халат, длина 142 см (МАЭ № 14-3); *3* — мужская шапка, высота тульи 12 см (МАЭ № 702-3); *4* — женская безрукавка, длина 125 см (МАЭ № 458-10); *5* — обувь, высота голенища 37 см, длина подошвы 29 см (МАЭ № 351-3а); *6*, *7* — сумочки для хранения огнива [*6* — по материалам МАЭ; *7* — длина 13 см, ширина 9.4 см (МАЭ № 2584-2)] 237

Группа богатых бурят в старинных костюмах. (Фотография МАЭ № 255-32) 238

Аинский дацан. Бывш. Забайкальская область, Верхнеудинский округ. (Из личного собрания К. В. Вяткиной) 241

Персонажи из религиозной мистерии «Цам». (Из личного собрания К. В. Вяткиной) 243

Пастбищное скотоводство. *1* — табун лошадей на пастбище, Бурят-Монгольская АССР, Мухоршибирский аймак, колхоз им. В. И. Ленина. (Фотохроника ТАСС № 20463); *2* — стадо верблюдов, Читинская обл., Агинский аймак, колхоз «Интернационал» (Фотохроника ТАСС № 40932) 247

Животноводческие фермы. *1* — свиноводческая ферма, Иркутская обл., Боханский район, колхоз им. В. И. Ленина (Фотохроника ТАСС № 247256); *2* — взвешивание телят, Бурят-Монгольская АССР, Соленгинский аймак. (Фототека ВСХВ № 44118) 248

Уборка сена. Бурят-Монгольская АССР, Иволгинский аймак, колхоз «Красный Оронгой». (Фотохроника ТАСС № 211973) 249

В хате-лаборатории. Бурят-Монгольская АССР, Иволгинский аймак, колхоз им. В. М. Молотова. (Фотохроника ТАСС № 132677) 251

Заседание правления колхоза. Бурят-Монгольская АССР, Иволгинский аймак, колхоз «Красный Оронгой». (Фотография МАЭ № И-1667-7) 253

Национальный вид спорта — стрельба из лука. Стадион в. г. Улан-Удэ. (Фотография МАЭ, № И-1667-23) 255

Студенты педагогического училища на занятиях. Город Улан-Удэ. (Фотография из собраний Краеведческого музея г. Улан-Удэ) 256

Девушки-пилоты. (Фотография МАЭ № И-866-123) 257

Здание Государственного ордена Ленина Бурят-Монгольского театра оперы и балета. (Фотохроника ТАСС № 197339) 261

Артисты балета Государственного ордена Ленина Бурят-Монгольского театра оперы и балета Л. Сахьянова и Ц. Бадмаев. (Фотография МАЭ № И-1667-25) 262

Старейший резчик по металлу Намжилон. (Фотография МАЭ № И-1667-34) . . 263

Здание Областного комитета КПСС в г. Улан-Удэ. (Фотохроника ТАСС № 243732) 264

Орнамент. *1*, *2* — на чулках, вязание (П. П. Хороших. Материалы по орнаменту ольхонских бурят. Иркутск, 1926, табл. 4, 8); *3* — на голенище бархатных сапог, вышивка (Бурятоведческий сборник, 1927, вып. III—IV, табл. 15); *4* — на рукавице, вышивка (там же, табл. 7); *5*, *6* — на предметах из дерева, резьба (Б. Э. Петри. Орнамент кудинских бурят. Пгр., 1918, стр. 241, рис. 63; стр. 244, рис. 73) 265

К статье «Якуты»

Предметы хозяйственного обихода. *1* — старинная коса-горбуша, длина 150 см (МАЭ № 1099-109); *2* — деревянные вилы для сена, длина 194 см (МАЭ № 2666-227); *3*—старинное седло с металлическими накладками, длина седла 55 см, высота передней луки 32 см, высота задней луки 16 см (МАЭ № 1097-1), длина ремней 94 см (МАЭ № 1097-25); *4* — телячий намордник из дощечек с зубцами, длина дощечек 28 и 28.5 см, ширина 12.5 см (МАЭ № 2666-238); *5* — телячий намордник из бересты, наибольшая высота 14.2 см (МАЭ № 2666-235) 273

Орудия рыболовства. *1* — черпак для очистки проруби от льда, длина рукоятки 187 см, длина обруча 32 см (МАЭ № 2666-320); *2* — сачок из конского волоса для ловли озерной рыбы, длина кошеля 66 см, длина рукоятки 158 см (МАЭ № 1099-133a); *3* — палка с отверстием, через которое пропускается сачок в прорубь, длина 91.8 см (МАЭ № 1099-133b) 275

Старинное оружие XVIII в. *1* — боевой меч, длина 84 см (МАЭ № 701-7); *2* — ножны к мечу, длина 94 см (МАЭ № 701-7); *3* — пальма, длина 105 см (МАЭ № 701-2); *4* — стрела с железным раздвоенным наконечником, длина 81 см (МАЭ № 701-44); *5* — стрела с копьевидным наконечником, длина 84 см (МАЭ № 701-45); *6* — стрела с железным трезубым наконечником, длина 77 см (МАЭ № 4282-483b); *7* — пояс с колчаном, налучьем и луком, длина колчана 51 см, длина налучья 88 см (МАЭ № 701-48), длина лука 160.2 см (МАЭ № 4282-483a) 275

Обработка зерна. *1* — отбивание колосьев снопа обухом топора (фотография МАЭ № 1611-35); *2* — помол на ручном жернове (из личного собрания С. А. Токарева) 276
Берестяной короб. Вышивка бисером и конским волосом, высота 21 см, диаметр 34 см (МАЭ № 4688-16) . . . . . вкл. 276—277
Утварь. *1* — глиняный горшок, высота 15 см (МАЭ № 1099-165); *2* — курительная трубка, длина 21.2 см (МАЭ № 3626-61); *3* — ножницы, длина 20 см (МАЭ № 334-49); *4* — кривой нож для выделки деревянной посуды, длина 19 см (МАЭ № 1099-72); *5* — деревянная курительная трубка, длина 9 см (МАЭ № 3626-54); *6* — деревянный судок для чайной посуды, длина 49 см, ширина 21.2 см (МАЭ № 1626-12а) 278
Утварь. *1* — кожаный мех для кумыса, высота 66 см (МАЭ № 1098-49); *2* — деревянная мутовка для взбалтывания кумыса, длина 122 см (МАЭ № 1098-17); *3* — деревянный ковш для разливания кумыса, длина 69 см (МАЭ № 2666-119); *4* — мутовка из коровьего рога для сбивания масла, длина 54.2 см (МАЭ № 3522-78); *5* — деревянный резной сосуд для кумыса, высота 59 см, диаметр устья 19.5 см (МАЭ № 1098-1); *6* — деревянная миска для кумыса, высота 14.5 см (МАЭ № 2666-91); *7* — берестяная посуда для молока, высота 16.5 см, диаметр 31.5 см (МАЭ № 1099-210); *8* — берестяное ведро, высота 30 см (МАЭ № 2666-122) 279
Чепрак, украшенный цветным бисером и металлическими бляшками, наибольшая ширина 52 см, длина 38.5 см (МАЭ № 3522-144) . . . . . вкл. 280—281
Орудия кузнечества и гончарства. *1*, *2* — глиняные тигли для плавки серебра и золота [*1* — длина 17 см (МАЭ № 1099-130), *2* — диаметр 4×4.5 см (МАЭ № 1099-206)]; *3*, *4* — деревянные шаблоны для отливки серебряных поясных пряжек [*3* — длина 8 см (МАЭ № 1099-180), *4* — длина 8.5 см (МАЭ № 1099-182)]; *5* — деревянный молот для сбивания гончарной глины, длина молота 18 см, длина рукоятки 14 см (МАЭ № 3522-195); *6*, *7* — две половинки глиняной формы для отливки серебряных и золотых вещей [*6* — длина 37 см (МАЭ № 3522-156), *7* — длина 28 см (МАЭ № 3255-157)] . . . 282
Якутские сани. (Фотография МАЭ № 4404-124) 283
Якутка с лошадью в нарядном уборе. (Фотография МАЭ № 4404-109) . . . 283
Жилище бедного якута. Фотография (МАЭ № 6016-1/68) 284
Камелек. (Фотография бывш. ЦМН № 73-28) 286
Летнее берестяное жилище и шестиугольный дом. (Фотография МАЭ № 1611-7) 287
Замороженное кислое молоко. (Фотография бывш. ЦМН № 73-5). 290
Деревянные игрушки. *1* — бык, длина 16 см (МАЭ № 2666-405); *2* — корова, длина 10.9 см (МАЭ № 3626-167); *3* — лошадь, длина 23 см (МАЭ № 3626-157) 299
Якутская усадьба. Скульптура из кости XIX в. (МАЭ № 313-38) . . вкл. 304—305
Резьба по кости. XIX в. *1* — гребень, длина 13 см, ширина 7 см (МАЭ № 701-30); *2* — фигурка лошади, длина 7 см, высота 4.5 см (МАЭ № 5765-31); *3* — фигурка коровы, длина 6.6 см, высота 3.4 см (МАЭ № 5765-32). вкл. 304—305
Украшения из серебра. *1* — серебряный наборный пояс, длина 138 см (МАЭ № 1243-2); *2* — украшение к косам, длина 61 см (МАЭ № 1243-6); *3* — гривна, общая длина 99 см (МАЭ № 1071-65); *4* — женское огниво, длина 50 см (МАЭ № 1243-5); *5* — подвеска к косам, длина 25 см (МАЭ № 723-10); *6* — браслет, высота 8.9 см (МАЭ № 4282-109а); *7* — браслет, высота 6.7 см (МАЭ № 313-79b); *8* — женская сумочка, длина 11.5 см, ширина 12.5 см (МАЭ № 1243-4); *9* — опахало, длина 60 см (МАЭ № 1097-14) 305
Октябрьская улица в г. Якутске. (Фототека ВСХВ № 44314) 310
Уборка пшеницы самоходным комбайном. Олекминский район, колхоз им. Г. Димитрова. (Фототека ВСХВ № 36240 аб). 311
Сбор огурцов. Колхоз «Новая жизнь». (Фотохроника ТАСС № 124098) . . . 312
Пункт переработки молока. Олекминский район, колхоз им. Г. Димитрова. (Фототека ВСХВ № 36250) 313
Очистка и сортировка семенной пшеницы. Олекминский район, колхоз им. Г. Димитрова. (Фотохроника ТАСС № 126592) 314
В колхозной электростанции. Олекминский район, колхоз им. Г. Димитрова. (Фототека ВСХВ № 44293) 316
Аппликация из соломы и цветной бумаги на крышке деревянной коробки. (Из альбома художника М. М. Носова) . . . . . вкл. 320—321
Вышивка цветными нитками на чепраке. (Из альбома художника М. М. Носова) . . . . . вкл. 320—321
Здание средней школы в г. Якутске. (Фотохроника ТАСС № 184890) 321
Студенты ветеринарного техникума на практических занятиях. Город Якутск. (Фототека ВСХВ № 44309) 322
В читальне Дома пионеров. Город Якутск. (Фототека ВСХВ № 36276) . . . 323

В колхозном родильном доме. Мегино-Кангаласский район. (Фотохроника ТАСС № 122321) 324
Доктор биологических наук А. Д. Егоров в химической лаборатории. Якутский филиал АН СССР. (Фототека ВСХВ № 36275) 325
Тавец девушек с чоронами. Колхозная самодеятельность. (Фотохроника ТАСС № 236791) 327
Сцена из спектакля «Лоокут и Нюргуссун» в Якутском музыкально-драматическом театре. (Фототека ВСХВ № 36273) 328

К статье «Алтайцы»

Хозяйство и быт. *1* — езда верхом (по фотографии МАЭ № 4124-7); *2* — вьючное седло (по фотографии МАЭ № И-141-42); *3* — стремена (по рисунку МАЭ № И-122-35); *4* — кожаный сосуд для вина, высота 34 см, ширина 39 см (МАЭ № 5068-196ab); *5* — тавро для клеймения скота, длина 46 см (МАЭ № 5068-127); *6* — старинный способ пахоты андазыном (по рисунку МАЭ № И-122-7); *7* — аппарат для гонки араки, треножник, высота 34 см (МАЭ № 3720-11); котел с крышкой, диаметр котла 65 см (МАЭ № 3720-12); трубы, длина 101 и 105 см (МАЭ № 3720-14ab); кувшины, высота 24 и 28 см (МАЭ № 3720-15 a b); *8* — кожаный сосуд для приготовления кислого молока, высота 104 см, наибольшая ширина 64 см (МАЭ № 5068-187); *9* — мешок с творогом (по фотографии МАЭ № 4126-29) 335
Обмолот зерна ножной ступой. (Фотография МАЭ № 4121-31) 336
Двухколесная телега. (Фотография МАЭ № 4124-3) 336
Обработка кожи. *1* — соскабливание мездры ногтями (фотография МАЭ № 4126-18); *2* — соскабливание мездры крюком (фотография МАЭ № 4126-19); *3* — разминание шкуры (фотография МАЭ № 4126-16); *4* — выкраивание кожи на земле (фотография МАЭ № 4126-23) 337
В юрте. (Фотография МАЭ № 4124-6) 339
Жилище. *1* — срубная изба с пристройкой (по фотографии МАЭ № 4120-94); *2* — восьмиугольная бревенчатая юрта (по фотографии МАЭ № 4122-18); *3* — корьевая юрта (по фотографии МАЭ № 4122-6); *4* — войлочная юрта (по фотографии МАЭ № 4122-19) 340
Одежда алтайцев. *1*, *2* — женская одежда, алтай кижи (по фотографиям МАЭ № 4124-22 и 4124-23); *3* — украшение для косы (по материалам Л. П. Потапова); *4* — мужская зимняя одежда, алтай кижи (по фотографии МАЭ № 4122-14); *5*, *6* — летняя мужская одежда, алтай кижи (по фотографиям МАЭ № 4124-57 и 4124-32); *7* — женская одежда, кумандинцы (по фотографии МАЭ № И-135-267); *8* — женская одежда, челканцы (по фотографии МАЭ N-135-287) 341
Игра на кобызе. (Фотография МАЭ № 4121-50) 349
Передвижной сыроваренный завод. (Фотография МАЭ № И-1301-294) 356
Вид г. Горно-Алтайска. (Фотография МАЭ № И-1301-35) 362
Улица в районном центре с. Шебалино. (Фотография МАЭ № И-1359-318) . . 362
Улица в колхозном поселке Дьан'ы дьол. (Фотография МАЭ № И-1301-350) 363
Здание зооветеринарного техникума в г. Горно-Алтайске. (Фотография МАЭ № И-1301-4) 369
Передвижная библиотека. (Фотография МАЭ № И-1359-359) 370
Новый фильм прибыл в колхоз. Онгудайский район. (Фотохроника ТАСС № 213526) 370

К статье «Хакасы»

Жилище. *1* — корьевое жилище бедняка, сагайцы (по фотографии МАЭ № 3892-18); *2* — круглая берестяная юрта, качинцы (по фотографии МАЭ № 3892-17); *3* — многоугольная бревенчатая юрта, качинцы (по фотографии МАЭ № 2410-24); *4* — усадьба, качинцы (по фотографии МАЭ № 2410-21) 387
Внутренний вид жилища. Качинцы. *1* — кухонный угол (фотография МАЭ № 3729-38); *2* — угол с посудой (фотография МАЭ № 3729-30) 388
Одежда. *1* — качинка в старинной одежде, с конем в нарядном уборе (по фотографии МАЭ № 2410-107); *2* — женское платье, сагайцы (по рисунку МАЭ № И-1629-70); *3* — мужская рубаха, качинцы (по материалам МАЭ); *4* — шапка невесты, качинцы (по рисунку МАЭ № И-1629-78) 389
Старинный женский праздничный костюм. *1* — головной убор из цветной парчи (по рисунку МАЭ № И-1629-77); *2* — шуба из цветного шелка, отороченная мехом (по рисунку МАЭ № И-1629-68); *3* — нагрудное украшение с узором из перламутровых пуговиц (по рисунку МАЭ № И-1629-84);

4 — поясное украшение, длина 15.5 см, ширина 11 см (МАЭ № 5060-102); *5* — рукавица (по рисунку МАЭ № И-1629-36) . . . . . вкл. 392—393
Молочно-товарная ферма. Колхоз им. К. Е. Ворошилова. (Фотография МАЭ № И-1302-186) 408
Уборка ячменя комбайном. Колхоз им. К. Е. Ворошилова. (Фотография МАЭ № И-1302-22) 409
Герой Социалистического Труда Е. П. Боргоякова. Колхоз им. И. В. Сталина. (Фотография МАЭ № И-1302-165) 410
Здание облисполкома. Город Абакан. (Фотография МАЭ № И-1302-1) 417
Здание театра драмы. Город Абакан. (Фотография МАЭ № И-1302-8) 418

К статье «Тувинцы»

Старый русский поселок Салдам. Тоджа. (Фотография МАЭ № И-1612-6) 428
Транспортное оленеводство. *1* — деревянное верховое седло (по рисунку МАЭ № И-1601-57); *2* — деревянное вьючное седло (по рисунку МАЭ № И-1601-52); *3* — езда на олене (по фотографии МАЭ № И-1612-122); *4* — вьючное седло, приспособленное для перевозки детской колыбели (по рисунку МАЭ № И-1601-60); *5* — специальное седло для перевозки детской колыбели (по рисунку МАЭ № И-1601-61); *6* — орнамент на передней луке верхового седла и серебряных бляшках, прикрепляемых к коже седла (по рисунку МАЭ № И-1601-56абв) 433
Обработка оленьей шкуры. (Фотография МАЭ № И-1612-294) 436
Войлочная юрта. *1* — внешний вид (фотография МАЭ № И-1611-141); *2* — остов (фотография МАЭ № И-1611-136) 438
Корьевое жилище. *1* — коническое (фотография МАЭ № И-1612-226); *2* — четырехугольное, Тоджа (фотография МАЭ № И-1612-230) 439
Утварь. *1* — деревянный сосуд для молока (по рисунку МАЭ № И-1612-11а); 2 — железный таганок для котла (по рисунку МАЭ № И-1601-31а); 3 — щипцы для углей (по рисунку МАЭ № И-1601-31б); *4* — колотушка из куска ствола для толчения вареной сараны (по рисунку МАЭ № И-1601-30); *5* — копалка для корней сараны (по рисунку МАЭ № И-1601-34); *6* — деревянное сито с сеткой, сплетенной из ремешков, общая длина 68 см, диаметр сита 19 см (по рисунку МАЭ № И-1601-15а); *7* — толчение зерна в ступке (по фотографии МАЭ И-1611—205); *8* — медный кувшин для чая (по рисунку МАЭ № И-1601-28); *9* — берестяное ведерко (по рисунку МАЭ № И-1601-27); *10* — кожаный сосуд для араки (по рисунку МАЭ № И-1602-14а) 441
Верховая конская сбруя. *1* — конь под одним седлом (фотография МАЭ № И-1611-157); *2* — конь под двумя седлами (фотография МАЭ № И-1611-394) 445
Новый поселок колхоза «Мурнакчи». (Фотография МАЭ № И-1611-394) . . 450
Уборка пшеницы комбайном. Овюрский район, колхоз «Путь к коммунизму». (Фотография МАЭ) 452
Сбор первого урожая картофеля. Тоджа, колхоз «1 Мая». (Фотография МАЭ № И-1612-281) 453
Снаряжение охотника. *1* — охотник с кремневым ружьем на сошках (по фотографии МАЭ № И-1612-400); *2* — меховой чехол для замковой части ружья (по рисунку МАЭ № И-1601-38г); *3* — лыжи, подшитые камусом (по рисунку МАЭ № И-1601-47); *4* — пояс с принадлежностями (по рисунку МАЭ № И-1601-40) 454
Первая колхозная электростанция в Тодже. Колхоз «1 Мая». (Фотография МАЭ № И-1612-210) 455
Дом Тувинского обкома КПСС и облисполкома. Город Кызыл. (Фотохроника ТАСС № 53678) 456
Старые виды транспорта, используемые и в настоящее время. *1* — плотик — сал (фотография МАЭ № И-1612-60); *2* — вьючный сарлык с волокушей (фотография МАЭ № И-1611-407); *3* — вьючная лошадь, везущая дрова (фотография МАЭ № И-1611-472) 457
Переселение семьи колхозника в новый дом. Тандинский район. (Фотохроника ТАСС № 126375) 460
Одежда. *1* — зимний халат на оленьем меху (по рисунку МАЭ № И-1602-27а); *2* — мужской головной убор, вид спереди и сзади (по фотографиям МАЭ № И-1611-508 и И-1611-509); *3* — женский головной убор (по рисунку МАЭ № И-1601-1); *4* — старинная женская шапочка (по фотографии МАЭ № И-1611-350); *5* — женский головной платок (по фотографии МАЭ № И-1612-444); *6* — зимняя обувь из камусов дикого горного козла (по рисунку МАЭ № И-1601-43); *7* — зимняя обувь из лосиной замши, с меховым

чулком внутри (по рисунку МАЭ № И-1601-44); *8* — летняя обувь из лосиной замши (по рисунку МАЭ № И-1601-45); *9* — кожаная обувь монгольского типа, длина 45 см (МАЭ № 1340-98/2) 463
Студенты тувинского отделения Абаканского учительского института на лекции. (Фотохроника ТАСС № 182111) 466
Тувинские пионеры у географического знака — центра Азии. Город Кызыл. (Фотохроника ТАСС № 169294) 468
Скульптура из камня. Работы резчика Х. К. Тойбу-Хаа. (Сов. этнография, 1954, № 3, стр. 33—35). *1* — тувинка в старинном костюме; *2* — охотник; *3* — шахматные фигурки . . . . . вкл. 468—469
Игра в волейбол на стадионе. Тоджа, пос. Тоора-хем. (Фотографии МАЭ № И-1612-422) 470
Тувинский музыкант Анай-оол играет на пызанчи. (Фотография МАЭ № И-1611-422) 471

К статье «Западносибирские татары»

Жилище и его внутренняя обстановка. *1* — передний угол жилища (по фотографии МАЭ № И-1234-134); *2* — срубный дом (по фотографии МАЭ № И-1234-26); *3* — резной оконный наличник (по фотографии МАЭ № И-1234-40); *4* — печь и плита (по материалам В. В. Храмовой); *5* — станок для тканья кулей (по фотографии МАЭ № И-1234-140); *6* — жилище, крытое дерном (по фотографии МАЭ № И-1304-314) 481
Женская одежда. *1, 2* — головная повязка, длина 48.5 см (МАЭ № 4921-5); *3* — верхняя одежда — камзол (по материалам В. В. Храмовой); *4* — нагрудное украшение (по материалам В. В. Храмовой); 483
Комбайн на колхозном поле. Барабинские татары. (Фотография МАЭ № И-1304-285) 486
В комнате колхозника. Тюменские татары. (Фотография МАЭ № И-1304-83) 488

К статье «Шорцы»

Хозяйство и техника. *1* — охотник в полном снаряжении (по фотографии МАЭ № И-884-24); *2* — охотничья нарта (по фотографии МАЭ № 3646-24); *3* — ловля рыбы бреднем (по фотографии МАЭ № 3662-5); *4* — обработка земли абылом (по фотографии МАЭ); *5* — шорка с озуном для копания кавдыка (по фотографии МАЭ № 3662-143); *6* — абыл, длина 86 см (МАЭ № 5000-9); *7* — озуп, длина 75 см (МАЭ № 5072-320); *8* — обжигание колосьев на огне — старинный способ обмолота (Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории. Тр. ИВАН, т. XV, стр. 73); *9* — веяние ячменя на берестяном лотке (Л. П. Потапов. ук. соч., стр. 75); *10* — деревянная ступа (по коллекциям МАЭ); *11* — изготовление глиняной посуды (Л. П. Потапов, ук. соч., стр. 98); *12* — работа на старинном ткацком станке (Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев. М.—Л., 1953, стр. 226) 501
Обработка кожи на кожемялке. (Фотография МАЭ № 3662-115) 506
Жилище. *1* — бревенчатый шалаш — одаг (Л. П. Потапов. Очерки по истории Шории, стр. 110); *2* — бревенчатая юрта (по материалам Л. П. Потапова); *3* — изба с сенями (по фотографии МАЭ № 3662-43); *4* — амбар (Л. П. Потапов, ук. соч., стр. 117) 507
Мужской халат из домотканного холста, украшенный вышивкой цветными нитками по черному бархату, длина 100 см (МАЭ № 5071-9) 510
Бурильщик. Рудник Таштагол. (Фотография МАЭ № И-1302-66) 524
Ф. С. Чесноков — поэт шорец. (Фотография МАЭ № И-1302-78). 527
Новый дом рабочего-горняка. (Фотография МАЭ № И-1302-77) 528

К статье «Тофалары»

Охотники. (Фотография МАЭ № 1488-115) 531
Вьючное оленье седло, длина 51.2 см, ширина 23 см, высота 15 см (МАЭ № 1339-129) 532
Шалаши в лесу. (Фотография МАЭ № 1488-131) 532
Доение оленя. (Фотохроника ТАСС № 136830) 533
Урок географии в школе. Пос. Алыгджер. (Фотохроника ТАСС № 111292) . . . 537
Доставка кинокартины на горное пастбище. Колхоз «Красный охотник». (Фотохроника ТАСС № 109934) 538
В детских яслях. Пос. Алыгджер. (Фотохроника ТАСС № 109925) 538

К статье «Ханты и манси»

Орудия рыболовства. Ханты. *1* — запор (вар) для промысла рыбы на больших реках важаном (сетью в виде мешка); *2* — запор для промысла рыбы на узких протоках с помощью ловушки — рукава; *3* — рукав; *4* — заездок для подледного лова рыбы (*1—4* — по материалам Н. Ф. Прытковой); *5* — сачок для вынимания льда из проруби, длина 190 см (по коллекциям МАЭ); *6* — гимга — рыболовная ловушка из тальника, ставящаяся в запорах (по фотографии МАЭ № 2421-96) 577

Приемы и орудия охоты. Ханты. *1* — охотник с волокушей (по материалам Н. Ф. Прытковой); *2* — охотничий лук, длина 152 см (по коллекциям МАЭ); *3* — способ добывания медведя с помощью самострела; *4* — самострел на выдру: *а* — способ настораживания самострела, *б* — стрела с катушкой и веревкой (*3,4* — по материалам Н. Ф. Прытковой); *5* — перевес — подвесная падающая сеть на уток (С. И. Руденко. Перевес. Матер. по этногр., ЭОРМ, т. IV, вып. II, Л., 1929, стр. 7, рис. 6); *6* — стрела с тупым наконечником для охоты на дичь и белку, длина 77 см (по коллекциям МАЭ) 579

Хлев для коров. Ханты. (Фотография МАЭ № И-123-23) 582

Изготовление челнока (обласа). Ханты. (Фотография МАЭ 2421-63) 583

Жилище хантов. *1* — зимнее жилище (по фотографии МАЭ № 2421-83); *2* — свайный амбар (по фотографии МАЭ № 2421-74); *3* — берестяной шалаш — летнее жилище (по фотографии ГМЭ № 1705-8); *4* — печь для выпечки хлеба (по фотографии МАЭ № 2421-95) 585

Мужская летняя одежда манси. (Фотография МАЭ № 1628-5) 588

Женская зимняя одежда хантов. (Фотография МАЭ № И-1162-50) 589

Старинная вышитая рубаха. Ханты. Длина 105 см (МАЭ № 859-17) 590

Способ ношения ребенка. Манси. (По фотографии МАЭ № 1628-6) 591

Группа женщин в старинной одежде. Ханты. (Фотография МАЭ № 106а-27) 592

Женская одежда. Казымские ханты. *1* — халат с аппликацией из цветной материи, длина 103 см (МАЭ № 5823-19); *2* — шерстяной вязаный чулок с головкой из черной ткани, длина 80 см (МАЭ № 5823-23а); *3* — кожаная обувь, расшитая бисером, длина подошвы 22 см (МАЭ № 5823-24); *4* — рукавица, расшитая бисером, длина 22 см (МАЭ № 1965-14а) . . . вкл. 592—593

Столб с медвежьими черепами, повешенными после медвежьих праздников. (Фотография МАЭ № 2421-186) 594

Прием молока у колхозных доярок. Березовский район. (Из личного собрания М. О. Афонской) 599

Декоративное искусство. *1* — берестяной короб, аппликация, высота 37 см, ширина 33 см (МАЭ № 5111-26ab); *2* — берестяная коробка, сквозная резьба, высота 10 см, ширина 22 см (МАЭ № 376-35ab); *3* — берестяная коробка, орнамент пропарапан ножом, высота 19 см, ширина 23 см (МАЭ № 5111-45); *4* — берестяная коробка, раскраска, высота 22 см, ширина 33 см (МАЭ № 5541-9ab); *5* — деревянная ложка с подвеской в виде фигурки животного, длина 39 см (МАЭ № 859-53) . . . . . вкл. 600—601

Новые дома. Березовский район, пос. Тутлейм. (Фотохроника ТАСС № 224269) 601

Группа хантов и манси — студентов Государственного Педагогического института им. А. И. Герцена вечером в интернате. (Фотография МАЭ) 604

Книги на хантыйском и мансийском языках. (Фотография МАЭ № И-1527-5) 605

Старинные музыкальные инструменты. *1* — смычковый, манси (по фотографии МАЭ № 1628-67); *2* — щипковый (лебедь), ханты, высота 70 см, длина 77 см (МАЭ № 592-16); *3* — щипковый, ханты, длина 98 см (МАЭ № 2383-69) 606

М. Вахрушева, мансийская писательница. (Фотография МАЭ) 607

К статье «Ненцы»

Осенняя переправа оленей с о. Вайгач через прол. Югорский шар. (Фотография МАЭ № И-1174-37) 614

Пасть — ловушка давящего типа на росомаху. (Фотография МАЭ № И-935-10) 616

Оленья упряжка и типы оленьих нарт. *1* — упряжка и способ управления оленями (по рисунку МАЭ № И-1215-48); *2* — легковая мужская нарта (по рисунку МАЭ № И-1215-131); *3* — легковая женская нарта (по рисунку МАЭ № И-1215-132б); *4* — грузовая нарта (по рисунку МАЭ № И-1215-132а); *5* — грузовая нарта для перевозки дров (по рисунку МАЭ № И-1215-211); *6* — грузовая нарта для перевозки шестов чума (по рисунку МАЭ № И-1215-136); *7* — пастух с арканом для вылавливания оленей (по фотографии МАЭ № И-1160-108) 617

Жилище. *1* — чум (по фотографии МАЭ № И-1162-122); *2* — чум с пристройкой — «сенями» (по фотографии МАЭ № И-1162-134); *3* — разрез чума, схема (по рисунку МАЭ № И-1215-20); *4* — план чума, схема (по рисунку МАЭ № И-1215-21) 619
Общий вид стойбища. (Фотография МАЭ № И-1174-33) 620
Одежда и украшения. *1* — мужская зимняя одежда (по фотографии МАЭ № И-1162-51); *2* — мужской пояс, длина 101 см (МАЭ № 979-38); *3* — мужской вож, длина 29 см (МАЭ № 2427-3); *4* — мужская зимняя обувь, длина голенища 61 см (МАЭ № 1147-6/2); *5* — женские подвесные косы с украшениями, длина 100 см (МАЭ № 1864-142); *6* — женская сумочка для хранения швейных принадлежностей, длина 40 см, ширина 28 см (МАЭ № 4590-9abc); *7* — женский головной убор, длина 28 см, ширина внизу 27 см (МАЭ № 979-64); *8* — женская зимняя одежда, головной убор (МАЭ № 979-64); одежда, длина 120 см (МАЭ № 718-4); обувь (МАЭ № 1155-29/2) 621
Мольбище в тундре. (Фотография МАЭ № И-1162-44а) 628
Оленье стадо во временном загоне. Ненецкий национальный округ. (Фототека ВСХВ № 55475) 631
Езда на нарте по глубокому снегу. (Фотохроника ТАСС № 136828) 632
Осмотр орудий лова. Таймырский национальный округ, Усть-Енисейский район, колхоз «Новая жизнь». (Фототека ВСХВ № 56870) 634
Животноводческая ферма. Таймырский национальный округ, Усть-Енисейский район, колхоз «Новая жизнь». (Фототека ВСХВ № 57309) . . . 636
Новые дома колхозников. Ямало-Ненецкий национальный округ, колхоз им. В. М. Молотова. (Фотография ВСХВ № 56839) 637
Новый колхозный поселок. Лесные ненцы. Ямало-Ненецкий национальный округ, Пуровский район. (Фотография МАЭ) 638
Дом Советов в г. Нарьян-Маре. (Фотография МАЭ № И-1349-1) 640
Дом культуры в г. Салехарде. (Из личного собрания Л. В. Хомич) 640
Группа детей детского сада. (Фотография МАЭ № И-348-33) 641
Книги на ненецком языке. (Фотография МАЭ № И-1527-4) 643
Семилетняя школа. Ямало-Ненецкий национальный округ, пос. Ярсале. (Фототека ВСХВ № 56838) 643
Урок рисования в подготовительном классе ненецкой школы-интерната. Город Нарьян-Мар. (Фотография МАЭ № И-1349-3) 644
Занятия кружка вышивки в школе. Ямало-Ненецкий национальный округ, пос. Ярсале. (Фототека ВСХВ № 56844) 645
Беседа агитатора в колхозной бригаде. Колхоз им. И. П. Выучейского. (Фотохроника ТАСС № 133155) 646
И. П. Выучейский — первый председатель Ненецкого окружного исполнительного комитета депутатов трудящихся. (Из личного собрания Е. Д. Прокофьевой). 647

К статье «Нганасаны»

Хозяйство и быт. (А. А. Попов. Нганасаны. Материальная культура, вып. 1. Тр. ИЭ, новая серия, т. III, М.—Л., 1948). *1* — махавка — веер из гусиных крыльев, употребляемый при облавной охоте на диких оленей (стр. 37, рис. 9, *г*); *2* — костяная подставка для ружья, ширина 28 см (стр. 25, рис. 4, *в*); *3* — каменная пасть—ловушка для добывания песцов (стр. 41, рис. 12, *б*); *4* — женская зимняя нарта (стр. 64, рис. 25, *в*); *5* — мужская зимняя одежда (табл. 24); *6* — железный скребок для обработки кожи, длина 49 см (стр. 75, рис. 31, *в*); *7* — скребок из ножной кости оленя, длина 33 см (стр. 75, рис. 31, *а*); *8* — сосуд для хранения жира — снятая целиком шкура оленьего теленка (стр. 100, рис. 47, *д*); *9* — сосуд для хранения жира — снятая целиком рыбья кожа (стр. 100, рис. 47, *е*); *10* — штамп из дерева для нанесения орнамента на коже, длина 10 см (стр. 109, рис. 55, *б*); *11* — узорные оттиски штампа (стр. 109, рис. 55, *в*) . 651
Изображение двухголового духа чума. (По материалам А. А. Попова) 656
Группа нганасанов. (Из личного собрания Б. О. Долгих) 658

К статье «Энцы»

Рыбак в челноке. (Фотография МАЭ № И-1210-31) 662
Женская праздничная одежда, длина 92 см (МАЭ № 1347-60) . . вкл. 662—663
Поселок колхоза им. С. М. Кирова. (Из личного собрания Б. О. Долгих) . . 663

К статье «Селькупы»

Принадлежности охоты. *1* — лыжи, подклеенные камусом; *2* — способ распяливания шкур при сушке; *3* — лыжный посох и ручка лыжного посоха (из оленьего рога); *4* — колесо лыжного посоха; *5* — кулема — ловушка на медведя; *6* — черкан — ловушка на горностая (*1—6* — по материалам Г. Н. Прокофьева); *7* — петля на куропатку и зайца (Г. Рахманин. Самоловы в охотничьем хозяйстве. М.—Л., 1933, стр. 20) 670
Кормление прирученного орла. (Фотография МАЭ № И-1177-110) 671
Перевозка хвороста. (По фотографии МАЭ № И-889-15) 672
Охотник в челноке-ветке с луком и добычей. (Из личного собрания Е. Д. Прокофьевой) 673
Землянка — старинное жилище (по материалам Г. Н. Прокофьева). *1* — внешний вид; *2* — внутреннее устройство 674
Чум и нарты с ларями для перевозки имущества. (Фотография МАЭ № И-1177-130) 675
Орнамент и музыкальные инструменты. *1—3* — образцы орнамента на изделиях из бересты (по материалам Г. Н. Прокофьева); *4* — варган — губной музыкальный инструмент из оленьего рога (по материалам Е. Д. Прокофьевой); *5* — игра на варгане (по фотографии МАЭ № И-123-90) . . . 680
Первое радио у селькупов. 30-е годы. Школа в пос. Янов-стан. Тазовская тундра. (Фотография МАЭ № И-1177-92) 684

К статье «Кеты»

Предметы быта. *1* — нарта пешего охотника (по фотографии МАЭ № И-1268-89); *2* — веретено (по рисунку МАЭ № 1196-38); *3* — костяной крюк для подвешивания колыбели, длина 20 см (МАЭ № 1048-152); *4* — костяной гребень для расчесывания травы, длина 15 см (МАЭ № 1048-64); *5* — матерчатая орнаментированная подвязка мужской обуви, длина 26 см (МАЭ № 4034-85); *6* — матерчатый орнаментированный мужской пояс, длина 87 см (МАЭ № 1238-26); *7* — берестяной короб, высота 23 см (МАЭ № 1048-36); *8* — берестяное блюдо, диаметр 19×21 см, высота 13 см (МАЭ № 1238-20); *9* — круглая берестяная коробка, диаметр 21 см, высота 14 см (МАЭ № 4034-123а); *10*, *11* — курительные трубки [*10* — длина 27 см (МАЭ № 1048-76); *11* — длина 19.6 см (МАЭ № 1048-74)] 690
Оленный транспорт. *1* — езда на оленях (фотография МАЭ № И-1268-189); *2* — задняя доска женской пешей нарты, ширина 35 см, длина 52 см (МАЭ № 4034-51) 692
Лодки-илимки, служившие летним жилищем. (Фотография МАЭ № 1622-47) 693
Жилище. *1* — общий вид поселка (фотография МАЭ № 1227-85); *2* — землянка (фотография МАЭ № И-1268-148) 694
Деревянное изображение духа, длина 65 см (МАЭ № 1048-145) 697
Дети с учительницей. (Из личного собрания С. И. Вайнштейна) 698

К статье «Эвенки»

Снаряжение охотника и орудия лова. *1* — лыжи, длина 141 см, ширина 39 см (МАЭ № 1004-174ab); *2* — отправление на охоту с лыжей-волокушей (по материалам Г. М. Василевич); *3* — ловушка (по фотографии МАЭ № И-1355-348); *4*, *5* — охотник в полном снаряжении (по фотографиям МАЭ №№ И-1470-51 и И-1470-48); *6* — поняга — наспинная дощечка, длина 55 см (МАЭ № 4323-11) 708
Охота с трубой и ружьем на изюбря. (Фотография МАЭ № И-1464-17) . . . 710
Перекочевка на новое стойбище. (Фотография ГМЭ № 5659-38) 711
Вьючный олень. (Фотография бывш. ЦМН № 37-45) 712
Предметы ездового оленеводства. *1* — меховая покрышка (кумалан) на вьюк, 37×58 см (МАЭ № 1783-4); *2* — резная лука оленьего седла с костяной пряжкой, высота луки 25 см, ширина 15 см; длина пряжки 19.5 см, наибольшая ширина 6.5 см (МАЭ № 341-25); *3* — костяные пластинки для недоуздка [*а* — длина 17 см, ширина 4.5 см (МАЭ № 1524-419), *б* — длина 17 см, наибольшая ширина 5 см (МАЭ № 1524-369)] . . . . . вкл. 712-713
Подледный лов рыбы. Шалаш над прорубью. (Фотография ГМЭ № 5659-59) 713
Средства передвижения. *1* — нарта, распространенная к востоку от линии Олекма — Амур (по фотографии МАЭ № И-1475-90); *2* — лодка-долбленка, распространенная между Енисеем и Обью (по фотографии МАЭ № 1473-51); *3* — лодка-долбленка, распространенная по притокам

Амура (по материалам Г. М. Василевич); *4* — сшивание бересты для чехла на лодку (по фотографии МАЭ № И-1474-74); *5* — надевание берестяного чехла на остов лодки (по материалам Г. М. Василевич) 714
Техника. *1* — пропаривание бересты для придания ей эластичности (по фотографии МАЭ № И-1472-36); *2* — изготовление спинки праздничного кафтана (по фотографии МАЭ № И-1473-20); *3* — сшивание полос бересты (тисок) для покрывания чума и крупных вещей (по фотографии МАЭ № И-1470-26); *4* — обработка металла (по фотографии бывш. ЦМН № 38-48) 715
Жилище. *1* — срубное жилище, крытое корой (по фотографии МАЭ № И-1475-5); *2* — летний чум, крытый парусиной и берестой (по фотографии бывш. ЦМН № 37-60); *3* — корьевой чум (по фотографии МАЭ № И-1474-29); *4* — войлочная юрта забайкальских эвенков (по фотографии МАЭ № 2002-70) 718
Мужская одежда енисейских эвенков. (Фотография ГМЭ № 5659-31). . . . 719
Женская одежда енисейских эвенков. (Фотография МАЭ № И-1470-23) . . 720
Старинная мужская праздничная одежда. Сымские эвенки. *1* — вид спереди (фотография МАЭ № И-1473-67); *2* — вид сзади (фотография МАЭ № И-1473-68) 722
Одежда забайкальских эвенков. (Фотография МАЭ № 2002-98) 723
Берестяные игрушки и трафареты. *1* — берестяные трафареты для вышивания (МАЭ № 6131-314/14-17, 3, 19-22, 18, 24, 25); *2* — бумажные и берестяные игрушки (из личного собрания С. В. Иванова) 731
Поселок эвенкийского колхоза «Ударник». Амурская обл., Зейско-Учурский район. (Фотохроника ТАСС № 35894) 734
В бригаде охотников. (Из личного собрания Г. М. Василевич) 735
Школа для детей эвенков в с. Вершина Иркутской области. (Фотохроника ТАСС № 223302) 737
Акварели эвенка Н. Марфусалова. (Фотографии с оригиналов по разрешению автора). *1* — «Охота на белку»; *2* — «Нападение волка на оленя» . . . . . 738—739 вкл.
Студенты Государственного Педагогического института им. А. И. Герцена эвенки и манси у здания института. (Фотография факультета народов Крайнего Севера Государственного Педагогического института им. А. И Герцена) 739
Книги на эвенкийском, эвенском и нанайском языках. (Фотография МАЭ) . . 741

К статье «Долганы»

Орудия и принадлежности охоты. Техвика. *1* — упругая палка с веревкой для пуска метательной стрелы (А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган. Сб. «Памяти В. Г. Богораза», М.—Л., 1937, стр. 149, рис. 2, *а*); *2* — метательная деревянная стрела (А. А. Попов, ук. соч., стр. 149, рис. 2, *б*); *3*, *4* — перчатка, надеваемая при стрельбе из лука (А. А. Попов, ук. соч., стр. 151, рис. 5); *5* — щит на лыжах для маскировки охотника (А. А. Попов, ук. соч., стр. 155, рис. 10); *6* — способ предохранения руки при стрельбе из лука (А. А. Попов, ук. соч., стр. 151, рис. 5); *7* — способ вырезывания ремня спиралью из шкуры оленя (А. А. Попов. Техника у долган. Сов. этнография, 1937, № 1, стр. 129, рис. 44); *8* — деревянный крюк для плетения аркана (А. А. Попов, ук. соч., стр. 130, рис. 46, *б*); *9* — способ плетения аркана (А. А. Попов, ук. соч., стр. 130, рис. 46, *г*); 10, *а*, *б* — деревянный струг с отверстиями для лезвия ножа (А. А. Попов, ук. соч., стр. 99, рис. 2, *б*); *11* — способ употребления струга (А. А. Попов, ук. соч., стр. 99, рис. 2, *б*); *12* — глиняный горн с кузнечными мехами (А. А. Попов, ук. соч., стр. 118, рис. 24, *б*, *г*) 745
Охота. *1* — охота с оленем-маньщиком (А. А. Попов. Охота и рыболовство у долган, стр. 163, рис. 18); *2* — охота на дикого оленя под прикрытием щита (А. А. Попов, ук. соч., стр. 156, рис. 11); *3* — ловля куропаток сетями (А. А. Попов, ук. соч., стр. 188, рис. 47) 747
Зимнее жилище — партяный чум. (Из личвого собрания А. А. Попова) . . . 748
Мужская одежда. (Из личного собрания А. А. Попова). *1*, *2* — зимняя; *3*, *4* — летняя 749
Мужские снеговые очки. (Из личного собрания А. А. Попова) 750
Женская одежда. (Из личного собрания А. А. Попова). *1*, *2* — зимняя; *3*, *4* — летняя 751
Нагрудвик женского костюма, вышитый цветным бисером, длива 88 см. (МАЭ № 250-20) 753
Подкормка песцов. Таймырский национальвый округ, Хатангский район, колхоз «Победа». (Фототека ВСХВ № 56879) 756

Отпуск продуктов охотникам в тундре. Таймырский национальный округ, Хатангский район, колхоз «Победа». (Фототека ВСХВ № 56914) . . . 757
Детский сад на прогулке. Таймырский национальный округ, Хатангский район, колхоз «Победа». (Фототека ВСХВ № 56877) 759

К статье «Эвены»

Загон для оленей. (Из личного собрания М. Г. Левина) 762
Езда на олене. (Фотография МАЭ № 4404-139) 763
Ребенок в колыбели, приспособленной для перекочевок. (Фотография МАЭ № 4404-145) 765
Разборка жилища. (Из личного собрания М. Г. Левина) 766
Стойбище. (Из личного собрания М. Г. Левина) 767
Женская одежда, расшитая бисером. *1* — головной убор, длина 28 см (МАЭ № 2368-14); *2* — нагрудник, длина 86 см (МАЭ № 445-1/3); *3* — обувь, длина 38 см (МАЭ № 2368-13а) . . . . . вкл. 768—769
Эвенка в национальной одежде. (Из личного собрания М. Г. Левина) 769
Национальный танец. (Фотография МАЭ № 4404-143) 771
В колхозной библиотеке. Хабаровский край, колхоз «Новая жизнь». (Фототека ВСХВ № 35318) 772
На занятиях по химии в педагогическом училище. Город Магадан. (Из личного собрания К. А. Новиковой) 773

К статье «Негидальцы»

Приготовление рыбы для вяления. (Фотография МАЭ № 1761-83) 777
Летнее жилище в низовьях Амгуни. (Фотография МАЭ № 1761-82) 779
Негидальцы на сенокосе. Сел. Красный Яр. (Фотография Института этнографии АН СССР (Москва) альбом АС/47, катушка 13, № 11) 781

К статье «Нанайцы»

Снаряжение и одежда охотника. *1* — охотничьи лыжи (по коллекциям МАЭ); *2* — лыжный посох, длина 177.2 см (МАЭ № 1765-262); *3* — лук, употреблявшийся и как лыжный посох, длина 159 см (МАЭ № 5530-101); *4* — пояс с принадлежностями, длина 250 см (МАЭ № 344-27); *5* — охотник в полном снаряжении (по фотографии МАЭ № 1837а-60); *6* — верхняя часть копья в деревянном резном футляре, длина всего копья 213 см, длина наконечника в футляре 36 см (МАЭ № 313-11); *7* — передник, ширина 53.5 см, длина 100 см (МАЭ № 5530-164); *8* — головное покрывало, длина 49 см, ширина нижнего края 59 см (МАЭ № 5530-162); *9* — головной убор, длина 26.5 см, ширина 14.5 см (МАЭ № 5530-161); *10* — колчан из рыбьей кожи, длина 71 см (МАЭ № 5530-104); *11* — нарукавник, длина 51 см, ширина 9.5 см (МАЭ № 5821-23а) 793
Сушка шкуры лося. (Фотография МАЭ № И-471-42) 794
Техника. *1* — склеивание бересты для лодки-берестянки (по фотографии МАЭ № И-471-67); *2* — укрепление поперечных и продольных щеп в лодке (по фотографии МАЭ № И-471-69); *3* — укрепление бортов нащепами (по фотографии МАЭ № И-471-173); *4* — готовая лодка-берестянка (по материалам МАЭ); *5* — плетение цыновки на станке (по фотографии МАЭ № 1761-69); *6* — витье веревок (по фотографии МАЭ № И-471-41) 795
Жилище и хозяйственные постройки. *1* — землянка со срубом (И. А. Лопатин. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. Владивосток, 1922, табл. VI, рис. 11); *2* — зимнее жилище (по фотографии МАЭ № И-244-81); *3* — амбар (по фотографии МАЭ); *4* — летний шалаш (по фотографии МАЭ) 797
Плетение цыновки. (Фотография МАЭ) 799
Старинная женская одежда. *1* — халат из рыбьей кожи, длина 109 см (МАЭ № 5831-1); *2* — головной убор из бересты, диаметр полей 37 см (МАЭ № 344-1/7(3); *3* — обувь, высота голенища 26 см (МАЭ № 313-16 1/2) . . 801
Вяление юколы. (Фотография МАЭ № И-471-172) 803
Орнамент. *1* — на наушниках, вышивка цветными нитками, длина наушника 20.3 см (МАЭ № 344-25/2); *2* — на чулке, вышивка цветными нитками и аппликация цветными тканями (МАЭ № 313-17/3а); *3* — на коробке, тиснение по бересте, длина коробки 20 см (МАЭ № 313-16gh); *4* — на коробке, резьба и раскраска по бересте, длина коробки 25 см, высота 18 см (МАЭ № 5747-82) . . . . . вкл. 804—805

Одежда шамана. (Фотография МАЭ № 1761-38) 805
Подледный лов рыбы. Нанайский район, колхоз «Новый путь». (Фотохроника ТАСС № 132207) 808
Настенный ковер. Аппликация из цветной материи. 68×134 см (МАЭ № 5821-11) . . . . . вкл. 808—809
В новом доме. Нанайский район, колхоз им. Максима Пассара. (Фотохроника ТАСС № 73948) 810
На приеме у врача. Сел. Найхин. (Фотохроника ТАСС № 126283) 811
Нанайская молодежь. Комсомольский район, сел. Верхняя Эконь. (Фотохроника ТАСС № 134514) 812
Рисунки нанайцев. *1* — «Охота на лося» Виктора Бельды (МАЭ № 4972-6); *2* — «В школу на собаках» Андрея Бельды (МАЭ № 4972-5) . . . . . 812—813
Урок химии на подготовительном отделении Хабаровского медицинского института. (Фотохроника ТАСС № 199290) 813
Группа студентов Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР на занятиях по живописи. На первом плане нанаец Андрей Бельды. (Фотография факультета народов Крайнего Севера Государственного Педагогического института им. А. И. Герцена) 815

К статье «Ульчи»

Зимнее жилище. (Фотография МАЭ № 3618-62) 820
Амбар. (Фотография МАЭ № 3618—81) 821
Женская одежда из рыбьей кожи. (Фотография Института этнографии АН СССР, Москва, альбом АС/47 № 24—22,26) 822
Промысловая и обрядовая одежда. *1* — зимняя охотничья (фотография МАЭ № 3618-130); *2* — женская свадебная (фотография МАЭ № 3618-135) . . 823
Орнамент. *1*, *2* — на коврах, аппликация на цветной ткани (фотографии МАЭ №№ 3618-111 и 3618-116); *3* — на верхней части женского свадебного халата (вид сзади), вышивка (фотография МАЭ № 3618-136); *4* — на коробке, резьба по дереву (МАЭ № 3634-19); *5* — на подушке, аппликация из цветной ткани (фотография МАЭ № 3618-108); *6* — на коврике, аппликация из цветной ткани (из материалов А. В. Смоляк); *7* — на коробке, резьба и раскраска по бересте (фотография МАЭ № 3618-99) . . . вкл.824—825

К статье «Удэгейцы»

Охотники возвращаются с промысла. (Фотохроника ТАСС № 133279) 833
Переправа на лодках к новому месту жительства. (Фотография бывш. ЦМН № 45-25) 834
Селение на р. Хор. (Фотография МАЭ № 922-5) 835
Почтальон раздает письма и газеты колхозникам. Сел. Гвасюги. (Фотохроника ТАСС № 86787) 839
Самодеятельный струнный оркестр. Сел. Гвасюги. (Фотохроника ТАСС № 86783) 840
Первый удэгейский писатель Джанси Кимонко. (Фотохроника ТАСС № 86779) 841
Вышивальщица за работой. Сел. Гвасюги. (Фотохроника ТАСС № 86794) . . 842

К статье «Орочи»

Рыбаки у лодки. (Фотография МАЭ № 922-3) 845
Охотник. (Фотография бывш. ЦМН № 35-14) 846
Старинное жилище. (Фотография бывш. ЦМН № 35-45) 847
Группа орочей в национальной одежде. (Фотография бывш. ЦМН № 35-88) 849
Женщина в национальной одежде. (Фотография МАЭ № И-1366-12) 851
Шаманский жертвенник. (Фотография МАЭ № И-887-6) 853

К статье «Ороки»

Корьевой чум. (Фотография бывш. ЦМН № 42-53) 857
Зимняя мужская одежда. (Фотография Музея антропологии МГУ, серия 53-2) 859

К статье «Нивхи»

Сшивание невода. (Фотография МАЭ № И-197-28) 863
Средства передвижения и охота. *1* — речная дощатая лодка, длина 129 см, наиб. шир. 25 см (МАЭ № 313-2, модель); *2* — старинная собачья

нарта, длина 360 см (МАЭ № 202-27); *3* — колотушка для добивания нерпы, длина 63 см (МАЭ № 4362-6); *4* — тормозные палки для управления нартой, длина 107 и 112 см (МАЭ № 202-29/2); *5* — старинная собачья упряжь, длина ремня 11.4 м (МАЭ № 202-28); *6* — ловля рыбы неводом (по Фотохронике ТАСС № 316066) 865
Общий вид селения. (Фотография МАЭ № 2446-1) 867
Землянка. (Фотография МАЭ № 1761-161) 868
Внутренний вид старинного зимнего жилища. (Л. Ш р е н к. Об инородцах Амурского края. СПб., 1899, т. II, табл. XII) 869
Детская люлька. (Фотография МАЭ № 1761-200) 871
Кормление медведя. (Фотография МАЭ № II-197-82) 873
Игра на деревянном ударном инструменте. (Фотография МАЭ) 875
Стирка белья. (Фотография МАЭ № И-197-53) 879
Отъезд студентов после летнего отдыха из родного села. Тахтинский район, с. Кальма. (Из личного собрания Ч. Таксами) 880
Группа нивхов — учащихся Педагогического училища народов Севера около здания общежития. Город Николаевск-на-Амуре. (Из личного собрания Ч. Таксами) 881
Студент Ленинградского университета нивх Ч. Таксами на студенческом балу в Кремлевском дворце (Из личного собрания Ч. Таксами) 882
Игра на детском бильярде. (Фотография МАЭ № И-925-7) 883
Приезд почтальона к пастухам. Сахалинская обл., Поронайский оленеводческий совхоз. (Фотохроника ТАСС № 197113) 884

К статье «Ю к а г и р ы»

Подледный лов рыбы на р. Ясачной. (Фотография МАЭ № 4399-36) 889
Поселок. (Фотография МАЭ № 4399-105) 891
Женская и мужская одежда. (Фотография МАЭ № 4404-148) 892

К статье «Ч у к ч и»

Оленеводство и охота. *1* — загон для оленей (фотография МАЭ № И-1454-231); *2* — аркан для поимки оленей, длина 12.96 м (МАЭ № 407-11); *3* — орудие для вытаскивания убитых животных из воды, длина деревянной части 28 см (МАЭ № 4211-30); *4* — метательный снаряд для ловли птиц, длина 69 см (МАЭ № 4211-32). 903
Обработка шкур. *1* — натянутая шкура моржа (W. B o g o r a s. The Chuchee. Jesup North Pacific Expedition, v. VII, p. I, 1904, Leiden—New York, pl. XIII, *1*); *2* — сушка шкуры белого медведя на остове байдары (по фотографии МАЭ № И-104-42); *3* — сушка тюленьих шкур на земле (по фотографии МАЭ № И-104-38); *4* — скребок с каменным наконечником, длина 50 см (МАЭ № 408-11); *5* — скребок с железным наконечником, длина 60.2 см (МАЭ № 408-10); *6* — женский нож, общая высота 11.8 см, длина лезвия 17 см (МАЭ № 434-2а); *7* — обработка шкуры скребком (по фотографии МАЭ № И-1454-208) 905
Утварь. *1* — кожаный сосуд, каменная подставка и каменный молоток для разбивания костей, высота сосуда 13 см (МАЭ № 408-7а), подставка 17×14 см (МАЭ № 408-7b), длина молотка 22 см (МАЭ № 1791-1); *2* — ковш из рога горного барана, длина 21 см (МАЭ № 422-9); *3* — сосуд из позвонка кита, высота 18 см, диаметр 24 см (МАЭ № 611-146) 907
Укладка мяса в мешок из шкуры тюленя. (Фотография МАЭ № И-1454-307) 908
Мужская одежда. *1* — зимняя одежда оленных чукчей. (W. B o g o r a s, ук. соч., pl. XXIV, *1*); *2* — головной убор, длина 24 см, ширина 19 см (МАЭ № 395-43/5); *3* — меховая рубаха, длина 96 см (МАЭ № 395-1b); *4* — меховая обувь, длина 20.5 см (МАЭ № 611-81) 909
Женская и детская одежда. *1* — керкер (W. B o g o r a s, ук. соч., pl. XXIV, *2*); *2* — детская одежда, длина 78 см (МАЭ № 395-10b); *3* — женская обувь из нерпичьей кожи, длина 42 см (МАЭ № 395-35ab); *4* — женская обувь из оленьего меха, высота голенища 45 см (МАЭ № 1791-36) 910
Непромокаемая одежда из кишок, общая длина 120 см (МАЭ № 395-59/4) . . 911
Жилище. *1* — стойбище оленеводов (фотография МАЭ № И-1454-570); *2* — яранга (фотография МАЭ № И-1454-432) 912
Каменная лампа-жирник с подставкой, общая высота 9 см, диаметр лампы 15.5×14.3 см (МАЭ № 422-37ab) 913

Средства передвижения. *1* — олений обоз (фотография МАЭ № И-1454-74); *2* — собачья упряжка (фотохроника ТАСС № 182458); *3* — байдара (фотография МАЭ № И-1454-387) 915
Прибор для добывания огня, длина 42.2 см (МАЭ № 422-88а) 919
Оленье стадо колхоза-миллионера им. И. В. Сталина, Анадырский район. (Фотохроника ТАСС № 134605) 923
На морском промысле. Колхоз «Ленинский путь». (Фотохроника ТАСС № 134730) 924
Разделка туши моржа. Пос. Инчоун. (Фотография П. М. Коядратьева) . . 925
Новый поселок. Анадырский район, колхоз им. И. В. Сталина. (Фототека ВСХВ № 83477) 926
В новом доме. Анадырский район, колхоз им. И. В. Сталина. (Фототека ВСХВ № 83478) 927
На уроке чукотского языка в Анадырском педагогическом училище. (Фототека ВСХВ № 83485) 928
Гравировка на моржовых клыках. *1* — в фактории (МАЭ № 6010-22); *2* — выборы в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 г. в пос. Уэлене (МАЭ № 601-31); *3* — разделка туши кита (МАЭ № 6010-17). . . . . вкл. 928—929
Аспирант Института языкознания Академии Наук СССР П. Инэнликэй в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР. (Фотография МАЭ) 929
Книги на чукотском, корякском и эскимосском языках. (Фотография МАЭ № И-1527-3) 930
Беседа агитатора в оленеводческой бригаде. Анадырский район, колхоз им. И. В. Сталина. (Фотохроника ТАСС № 183224) 931
Олень. Скульптура из кости, длина 10 см. (МАЭ № 6010-342) 932
Чукотский писатель Ю. Рытхеу. (Фотография П. О. Макарова) 933

К статье «Эскимосы»

Орудия и принадлежности морского промысла. *1* — санки с полозьями из моржового клыка, длина 56 см, ширина 44 см (МАЭ № 4211-34); *2* — лыжи «ланки», длина 62 см (МАЭ № 4211-27); *3* — охотник в полном снаряжении (по фотографии МАЭ № И-115-68); *4* — наконечник гарпуна с железным лезвием; *5* — гарпун, длина 215 см (из коллекций МАЭ); *6* — весла (W. Bogoras. The Chuchee. Jesup North Pacific Expedition, v. VII, p. I, 1904, Leiden—New York, стр. 129, fig. 45); *7* — поплавок к гарпуну (W. Bogoras, ук. соч. стр. 122, fig. 39, *a*); *8* — байдара (W. Bogoras, ук. соч. стр. 129, fig. 45) 937
Жилище. *1* — зимнее жилище (фотография МАЭ № И-115-35); *2* — летнее жилище (фотография МАЭ № И-115-49) 939
Возвращение вельботов с добычей. (Фотография П. М. Кондратьева) 944
Подготовка туши кита к разделке. (Из личного собрания Н. Б. Шнакенбурга) 944
Строительство колхозного поселка. Чукотский район, с. Сиреники. (Из личного собрания Г. А. Меновщикова) 945
Постройка дома. Чукотский район, с. Сиреники. (Из личного собрания Г. А. Меновщикова) 945
Эскимоска Галя Уксувун — ученица пятого класса. Бухта Провидения. (Фотография П. М. Кондратьева) 946
Студентки Государственного Педагогического института им. А. И. Герцена эскимоски и чукчанка у здания Зимнего дворца в Ленинграде. (Из личного собрания Л. Айпаны) 947
Эскимосский танец «Ворон». Самодеятельность Анадырской школы руководящих колхозных кадров. (Фототека ВСХВ № 83484) 948
Резьба из кости и изделия из меха. *1* — деталь скульптурной группы, кость (МАЭ № 6010-55); *2* — медведь и заяц, кость, медведь длиной 8.1 см (МАЭ № 5565-1), заяц высотой 6 см (МАЭ № 5565-4); *3* — меховой ковер, 103×108 см (МАЭ № 5416-1) . . . . . вкл. 948—949

К статье «Коряки»

Сушка шкур. (По фотографии ГМЭ № 5057-8) 955
Орудия и утварь. *1* — трехзубая острога с метательной дощечкой для охоты на птиц, длина остроги 230 см, длина дощечки 47 см (МАЭ № 956—139ab); *2* — копье с каменным наконечником и деталь копья, длина копья 113 см (МАЭ № 956-2); *3* — лампа-жирник на деревянной подставке, высота подставки 53 см (МАЭ № 956-52), жирник (W. Jochelson. The Koryak. Jesup North Pacific Expedition, v. VI, p. II, 1908, Leiden—New York, стр. 566, fig. 99); *4* — сачок

для ловли рыбы, диаметр обруча 48 см (W. Jochelson, ук. соч., стр. 531, fig. 75); *5* — мужской нож, длина 31 см (МАЭ № 441-28); *6* — женский нож для кройки кожи, длина 21 см (МАЭ № 956-111); *7* — добывание огня трением (по фотографии Ф. К. Бауэрмана) 957
Жилище оленеводов. (Из личного собрания И. С. Вдовина) 958
Жилище приморских коряков. (Из личного собрания М. А. Сергеева) 958
Летний поселок. (Из личного собрания Ф. К. Бауэрмана) 959
Легковая нарта и нарта для перевозки детей. (Фотография МАЭ № И-859-12) 961
Собачья упряжка. (Из личного собрания Ф. К. Бауэрмана) 961
Изготовление долбленой лодки. (Из личного собрания Ф. К. Бауэрмана) . . . 962
Каяк, длина 300 см (МАЭ № 956-49) 962
Мужская дорожная одежда. (По фотографии ГМЭ) 963
Изображения духов предков. *1* — имеющий «потомков»; *2* — не имеющий (живых) «потомков». (По материалам Ф. К. Бауэрмана) 967
Приготовление к сожжению трупа. (По материалам Г. М. Василевич) 968
Образцы орнамента на подолах меховой одежды. (МАЭ № 441-5, 2, 8, 4, 11) . . 970
Лов лососевых ставными неводами. Камчатская обл., Олюторский район, колхоз им. В. М. Молотова. (Из личного собрания И. С. Вдовина) 972
Подготовка невода. Корфская моторно-рыболовецкая станция. (Из личного собрания И. С. Вдовина) 973
Новые дома в пос. Култушино. Олюторский район. (Из личного собрания И. С. Вдовина) 974
Здание начальной школы. Олюторский район, пос. Култушино. (Из личного собрания И. С. Вдовина) 975

К статье «Ительмены»

Старинная собачья нарта, XVIII в., общая высота 92 см, длина полозьев 323 см (МАЭ № 865-1) 980
Селение. С гравюры XVIII в. (С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. СПб., 1786, т. II, стр. 44) 981
Вид с. Седанка. Начало XX в. (Фотография МАЭ № 2826-706) 983
Санитарные аэросани. (Фотохроника ТАСС № 16374) 984

СПИСОК КАРТ

Этнические группы коренного населения Сибири в XVII веке (составлена Б. О. Долгих) . . . . . вкл. 12—13
Карта палеолитических поселений Сибири (составлена А. П. Окладниковым) . . . . . вкл. 24—25
Карта неолитических культур Сибири (составлена А. П. Окладниковым) . . . . . вкл. 40—41
Карта народов Сибири (подготовлена на основе Карты народов СССР, изданной в 1951 г.) . . . . . вкладка

СПИСОК ЗАСТАВОК И КОНЦОВОК

Глава	*Заставка*	*Концовка*
Предисловие	Резьба по металлу. Буряты. (Сб. МАЭ, т. V. Пгр., 1918, рис. 44)	Резьба по дереву. Буряты. (Там же, рис. 48)
Введение	Резьба по кости. Ненцы. (МАЭ № И-1215-138)	Резьба по дереву. Тофалары. (ГМЭ № 2486-109)
Древнее население Сибири и его культура	Орнамент на глиняном сосуде андроновской эпохи. (С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1951, табл. VIII, *8*)	Голова льва, вырезанная из кожи. (С. И. Руденко. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, рис. 164)
Антропологические типы Сибири	Вышивка и аппликация из материи. (По коллекциям Иркутского музея)	Резьба по дереву. Тофалары. (ГМЭ № 2486-227)
Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период	Резьба по дереву. (По материалам С. В. Иванова)	Резьба по дереву. (По материалам С. В. Иванова)
Народы Южной Сибири		
Буряты	Гравировка по серебру. (МАЭ № 1335-1)	Гравировка по серебру. (Бывш. ЦМН № 11-1937)
Якуты	Гравировка по серебру. (По коллекциям Якутского музея им. Ем. Ярославского)	Резьба по дереву. (МАЭ № 1962-15а)
Алтайцы	Резьба по дереву. (Бийский музей, альбом худ. Кузнецова)	Тиснение по коже. (Горно-Алтайский музей, альбом худ. В. И. Гуркина)
Хакасы	Бумажный трафарет для вышивки. (МАЭ № 5060-12б)	Берестяной трафарет для вышивки. (МАЭ № 5016-126)
Тувинцы	Тиснение по коже. (По материалам В. С. Андрианова)	Росписной орнамент по дереву. (МАЭ № 1340-188)
Западносибирские татары	Вышивка. Тобольские татары. (Тобольский музей, № 7043)	Вышивка. Тобольские татары. (Тобольский музей, № 7056)
Шорцы	Резьба по дереву. (МАЭ № 5072-309в)	Вышивка. (МАЭ № 5071-9)
Тофалары	Резьба по дереву. (МАЭ № 1339-212)	Резьба по дереву. (МАЭ № 1339-212)

Продолжение

Глава	*Заставка*	*Концовка*
Народы Северной Сибири и Дальнего Востока		
Социалистическое строительство у народностей Северной Сибири и Дальнего Востока	Резьба по кости. Эвенки. (МАЭ № 1524-393)	Орнамент из оленьего меха. (По материалам Б. О. Долгих)
Ханты и манси	Орнамент на бересте. Ханты. (По материалам С. В. Иванова)	Резной орнамент на кости. Ханты. (МАЭ № 5111-84)
Ненцы	Орнамент из кусочков меха. (МАЭ № 4592-7)	Орнамент из кусочков меха. (МАЭ № 4592-6)
Нганасаны	Орнамент из кусочков меха. (По материалам А. А. Попова)	Орнамент из кусочков меха. (По материалам А. А. Попова)
Энцы	Орнамент из оленьего меха. (По материалам Б. О. Долгих)	Орнамент из оленьего меха. (По материалам Б. О. Долгих)
Селькупы	Орнамент на бересте. (По материалам Е. Д. Прокофьевой)	Орнамент на бересте. (По материалам Е. Д. Прокофьевой)
Кеты	Вышивка оленьим волосом по коже. (В. И. Анучин. Очерк шаманства у енисейских остяков. Сб. МАЭ, т. II, вып. 2, 1914, рис. 105)	Вышивка оленьим волосом по коже. (Там же)
Эвенки	Резьба по кости. (МАЭ № 1524-393)	Резьба по кости. (МАЭ № 1524-378)
Долганы	Инкрустация оловом по дереву. (МАЭ № 1070-86а).	Шитье бисером. (МАЭ № 2141-9)
Эвены	Шитье бисером. (МАЭ №-445-226)	Шитье бисером. (МАЭ № 445-22b)
Негидальцы	Аппликация из ткани. (МАЭ № 1763-82)	Тиснение по бересте. (МАЭ № 1763-58)
Нанайцы	Резьба и раскраска по бересте. (МАЭ № И-471-101)	Аппликация из рыбьей кожи. (По материалам С. В. Иванова)
Ульчи	Аппликация из ткани. (По материалам С. В. Иванова)	Аппликация из ткани. (По материалам С. В. Иванова)
Удэгейцы	Резьба и раскраска по бересте. (По коллекциям Художественного отдела Хабаровского музея)	Резьба и раскраска по бересте (По коллекциям Художественного отдела Хабаровского музея)
Орочи	Орнамент по бересте. (Бывш. ЦМН, VIII, № 144-1937)	Трафарет из бересты. (По коллекциям Художественного отдела Хабаровского музея)
Ороки	Аппликация из бересты. (МАЭ № 1318-11)	Резьба по кости. (МАЭ № 138-48)
Нивхи	Трафарет для вышивки. (По материалам С. В. Иванова)	Вышивка по рыбьей коже. (Бывш. ЦМН, VIII, № 15-166)
Юкагиры	Резьба по дереву. (МАЭ № 398-8)	Резьба по дереву (МАЭ № 398-8)
Чукчи	Вышивка и аппликация по коже. (МАЭ № 20-11)	Орнамент из кусочков меха. (МАЭ № 611-83/2)
Эскимосы	Аппликация из кусочков кожи. (МАЭ № И-591-728)	Вышивка. (Фонды бывш. Московского комитета по делам искусств)

Продолжение

Глава	*Заставки*	*Концовка*
Коряки	Орнамент из кусочков меха. (МАЭ № 1681-11)	Орнамент из кусочков меха. (Бывш. ЦМН, VIII, № 11-108)
Ительмены	Инкрустация серебром по железу. (МАЭ № 865-1а)	Резьба по дереву с раскраской. (МАЭ № 4289-2а)
Алеуты	Вышивка. (Бывш. ЦМН № 10-671)	Роспись по дереву. (МАЭ № 2868-106)
Приложения	Орнамент на бересте. Ульчи. (По материалам С. В. Иванова)	Орнамент на бересте. Ульчи. (По материалам С. В. Иванова)

Сокращения, принятые в СПИСКЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ И КАРТ и в СПИСКЕ ЗАСТАВОК И КОНЦОВОК

ВСХВ — Всесоюзная Сельскохозяйственная выставка
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра
ГМЭ — Государственный музей этнографии народов СССР (Ленинград)
ИВАН — Институт востоковедения Академии наук СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого при Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР (Ленинград)
МГУ — Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ТАСС — Телеграфное Агентство Советского Союза (Москва)
ЦМН — Центральный музей народов СССР (Москва)

УКАЗАТЕЛЬ[1]

сокращения, принятые в указателе

АО	— автономная область	нас. п.	— населенные пункты, кроме городов
АССР	— автономная советская социалистическая республика	нац.	— национальный
археол.	— археологические культуры	низм.	— низменность
арх. пам.	— археологический памятник	обл.	— область
басс.	— бассейн	оз.	— озеро
бух.	— бухта	окр.	— округ
возв.	— возвышенность	о.	— остров
г.	— гора	о-ва	— острова
геогр. обл.	— географическая область	п-ов	— полуостров
гов.	— говор	прол.	— пролив
гор.	— город	пуст.	— пустыни
гос-во	— государство	р.	— река
д.	— диалект	р-н	— район
зал.	— залив	у.	— уезд
им.	— имя собственное	хр.	— хребет
ист. обл.	— историческая область	этн.	— этнические, племенные и родовые названия
лим.	— лиман		
м.	— мыс	яз.	— язык

Аба, этн. 395, 493, 495, 496
Аба кижи, этн. 493
Абак, им. 128
Абакан, гор. 54, 77, 78, 405, 411, 415—418, 448, 458, 504
Абакан, р. 89, 376, 377, 392, 395, 399, 408, 424, 492, 495, 496, 499, 505
Абаканская (Качинская) инородческая управа 385
Абаканская степь 377, 380, 392
Абаканский острог, нас. п. 383
Абаканский хр. 376
Абалаковский род, этн. 385
Аба-Тура, нас. п. 493
Абашев Д., им. 259
Абидуев Б., им. 260
Абинская вол. 496
Абинцы, этн. 493, 495, 496
Аблайгирим, им. 128; Аблегирим 574
Аблегирим, им., см. Аблайгирим
Аболтаевский род, этн. 385
Абугачаев род, этн. 398
Абыйский р-н 320
Авам, р. 655
Авамский р-н 631, 648, 657, 659, 662, 664, 701, 742, 754, 755, 757
Авиация см. Транспорт
Австралия, геогр. обл. 142
Авункулат см. Семья и семейно-брачные отношения
Агап, р. 571, 576, 580, 599.
Агапа, р. 608, 609
Агдумсал Г., им. 830
Агинские степи 85, 86
Агинский аймак 247
Агинский Бурят-Монгольский нац. окр. 217, 250
Агинское, нас. п. 85
Агуда, им. 104
Агучек (Угучек), им. 393
Адашево, нас. п. 529
Адзьва, р. 610
Ади, нас. п. 790
Ажигиров А. П., им. 264
Азадовский М. К., им. 184, 186
Азиатский материк см. Азия
Азия 11, 13, 17, 21—23, 26, 28, 32—35, 41, 42, 44—46, 49—51, 57, 58, 60, 65, 77, 78, 82, 83, 89, 94, 100, 101, 109, 113, 114, 118, 122, 124, 219, 730, 761, 886, 899, 934, 935; Азиатский материк 125, 130, 421

[1] Курсивом выделены страницы статей, посвященных указанным народам

Азян, этн., см. Эджэн
Айвазовский И. К., им. 447
Аймаки см. Поселения
Айвана Л., им. 948
Айны, этн. 18, 64, 100, 113, 784, 856, 858, 859, 863, 872, 978
Академические экспедиции XVIII в. 208—210, 271, 306, 495
Акани, этн. 787, 794, 799, 800
Акающий гов. якутского яз. 268
Акзу, нас. п. 839—841
Актанка, этн. 804
Актанка М. Е., им. 814, 815
Ак-Чыстар, этн. 424
Алазейское зимовье, нас. п. 122
Алазея, р. 774, 885, 900
Аларский аймак 244
Аларский д. бурятского яз. 217
Алачевы, им. 573, 574
Албазин, нас. п. 785
Албазинский у. 123
Алдан, гор. 310
Алдан, р. 65, 122, 267, 268, 308, 309, 743
Алданский р-н 313, 701
Александров Е. Т., им. 322
Александровск, гор. 876
Александровский р-н 861
Алексеев Р., им. 325
Алексеевское, нас. п. 52, 54
Алексеенко Е. А., им. 8
Алеутская гряда, о-ва, см. Алеутские о-ва
Алеутские о-ва 124, 208, 271, 306, 986, 987; Алеутская гряда 986
Алеутский вап. р-н 558, 560
Алеутский р-н 986, 987, 990
Алеутский яз. 11, 986, 989
Алеуты, этн. 8, 547, 986—990
— командорские 987, 989
Аллаиховский гов. эвенского яз. 761
Аллаиховский р-н 316, 761, 885
Алтае-Саянское нагорье см. Саяно-Алтайское нагорье
Алтай, геогр. обл. 9, 15, 28, 32, 34, 35, 50, 52, 55, 56, 58, 68, 75—77, 79, 85, 98, 106, 108, 121, 138, 140, 152—154, 156, 162, 166, 167, 177, 178, 180, 185, 190, 192, 194—200, 209, 329—334, 338, 342—352, 358, 360, 364—367, 372, 373, 421—424, 496, 516
Алтай, горы 22, 330, 331, 344, 355; Алтайские горы 138, 331
Алтай кижи, этн. 329, 341
Алтайская семья языков см. Алтайские языки
Алтайский горы см. Алтай, горы
Алтайские языки 11
Алтайская семья языков 10
Алтайский край 212, 330, 492
Алтайский окр. 514
Алтайский р-н 406
Алтайский яз. 369, 372; алтайцев яз. 350, 360
Алтайцы, этн. 7, 10, 12, 13, 15, 16, 19, 80, 109, 111, 123, 124, 153, 155, 162, 167, 168, 175, 182, *329—375*, 395, 423, 424, 426, 428, 429, 492—494, 496, 498, 525
— северные 15, 109, 111, 162, 175, 329, 331, 343, 344, 365, 493, 494
— южные 15, 16, 19, 111, 329, 333, 334, 343, 344, 360, 363, 364—366, 424, 498
Алтырский улус 382
Алтырыкова А. П., им. 373
Алтысарский улус 382
Алыгджер, нас. п. 536—539
Алюторский д. корякского яз. 958
Алюторцы, этн. 951, 953—956, 960, 961, 964, 965, 968
Алябьев А. А., им. 207
Аляска, п-ов 48, 124, 208, 271, 900, 934, 942, 986
Аман-Кутан, арх. пам. 21
Амбагянь, им. 103
Амбар 40, 136, 169, 175, 231, 232, 361, 480, 507, 508, 510, 533, 585, 586, 719, 720, 748, 766, 779, 797, 798, 810, 821, 825, 829, 835, 848, 862, 868, 870, 874, 891, 956; см. также Хозяйственные постройки
Амга, р. 268, 280, 292, 309
Амгинско-Ленское междуречье 270
Амгинско-Ленское плато 268
Амгунь, р. 776—779, 781, 785, 856
Амгуэма, р. 48, 898
Амдерма, нас. п. 629, 634
Америка, геогр. обл. 44, 46, 60, 93, 122, 124, 206, 899, 934
Американцы, этн. 917, 918
Амир-Темир, арх. пам. 21
Амосов, им. 327
Аму-Дарья, р. 52
Амур, р. 13, 18, 28, 41, 42, 44, 45, 48, 49, 63—65, 68, 89, 92, 95, 101, 102, 104—106, 112, 113, 122, 125, 153, 157, 164, 186, 195—197, 201, 208, 552, 553, 564, 565, 568, 701, 703—706, 710, 714, 776, 777, 780, 781, 783—788, 790—792, 794, 796, 798, 800, 802, 803, 806, 807, 810, 817, 818, 820, 823, 824, 828, 830, 832, 835, 837, 838, 844, 849, 850, 852, 855, 856, 858, 861, 862, 864, 870, 875—877
Амуро-Приморский край, геогр. обл. 64
Амурская обл. 141, 701, 734, 740
Амурский басс. 786, 814, 860
Амурский край, геогр. обл. 165, 791
Амурский лим. 778, 783, 861
Амыл, р. 398, 399
Анабар, р. 121, 267, 268, 271, 309, 755
Анабарский р-н 316, 320, 321, 559
Анадырская крепость, нас. п. 900
Анадырский лим. 898
Анадырский острог, нас. п. 900, 901, 953, 979
Анадырский р-н 760, 897, 923—927, 931
Анадырский хр. 897
Анадырское зимовье, нас. п. 122
Анадырское плато 898
Анадырцы, этн. 168, 199
Анадырь, нас. п. 897, 920, 921, 948, 949
Анадырь, р. 12, 65, 123, 153, 157, 161, 197, 199, 201, 743, 885—887, 890, 897, 898, 901, 906, 907, 934, 935, 952
Анай-оол, им. 471

Аналькисак В. А., им. 948
Ананьинская культура, археол. 100
Анаулы, этн. 122, 885
Ангара, р. 23, 26, 28—30, 32, 34, 36, 37, 41, 47, 56, 58, 60—62, 80, 90, 97, 122, 123, 135, 164, 178, 211, 219, 687, 701, 704—706, 725
Англия, гос-во 348
Андега, нас. п. 638
Андреев, им. 204
Андреев Е. П., им. 322
Андреяновские о-ва 987
Андроново, нас. п. 377
Андроновская культура, археол. 52, 55, 57, 58, 108, 330, 377
Анива, зал. 856
Анимистические представления см. Религиозные верования
Ан'калын, этн. 896
Анна (княгиня), им. 574
Аносово, нас. п. 60
Антропа, р. 503
Антропова В. В., им. 8
Антропология 98, *108—115*, 269, 270, 330, 331, 377, 422, 494, 704; см. также отдельные антропологические типы
Аньян, нас. п. 85
Аппликация см. Народное искусство
Апрелков, им. 224
Апука, р. 951
Апукинцы, этн. 951, 953, 955, 956, 969
Ар, г. 396
Ара, этн. 386, 392
Арабат, р. 377
Арабы, этн. 379
Аральское море 22, 52
Арбузов А., им. 418
Арга-Тас, хр. 885
Аргуны, этн. 382, 393
Аргунь, р. 124, 131, 132
Аргут, р. 330
Аринская землица 384, 385
Аринский яз. 687; аринов яз.
Аринцы, этн. 495; арины, этн. 11, 120, 122, 382—385, 393, 687, 688
Арины, этн., см. Аринцы
Арктика, геогр. обл. 26, 101
Арктический (эскимосский) антропологический тип 113
Арманский д. эвенского яз. 761
Армань, нас. п. 760
Арсеньев В. К., им. 209
Архангельск, гор. 116, 309, 613, 629, 639, 644
Архангельская губ. 185, 612, 644
Архангельская обл. 609
Археология 12, *21—114*, 117, 218, 268, 330, 331, 377—380, 420, 421, 572, 667, 704, 862, 886, 889, 934, 935, 952, 979; см. также отдельные археологические культуры
Аршанов М., им. 415
Арши, этн. 398
Асанов яз. 11
Асаны, этн. 11, 120, 122, 383, 384, 687
Аседа, этн. 661, 662
Аскыз, нас. п. 403, 405, 416
Аскыз, р. 377, 396, 403
Аскызская вол. 385, 403
Аскызская инородческая управа 385
Аскызская степная дума 384, 385
Аскызский р-н 406—409
Ассирия, ист. обл. 75
Астраханская губ. 157
Атаганы, этн. 219
Атал, этн., см. Этел
Аткнин Г. А., им. 418
Атласов Владимир, им. 122, 123, 953, 979, 982
Атлымский д. хантыйского яз. 571
Атту, о. 987
Атхи, о. 987
Аури, нас. п. 827
Ауэрбах Н. К., им. 32
Афанасьев Н. Я. 207
Афанасьева гора, арх. пам. 377
Афанасьева Н. П., им. 322
Афанасьевская культура, археол. 50—52, 57, 58, 108, 330, 337
Афонтова гора, арх. пам. 28, 35
Африка, геогр. обл. 35
Ачаны, этн. 123, 785, 787, 788
Ачи, этн., см. Ачинцы
Ачинск, нас. п. 99, 207, 411
Ачинская вол. 393
Ачинская землица 393
Ачинский острог, нас. п. 383
Ачинский у. 128, 160, 384, 402
Ачинцы, этн. 382; ачи 120, 384, 393
Ачирка, р. 475
Ачиры, р. 473
Ачыгыйа Амма, им., см. Мординов Н. Е.
Ашельское время, археол. 31
Аялы, этн. 473
Аян, р. 743
Аяно-Майский р-н 701
Аянский р-н 726

Бабинов А. 120
Бабушкин И. В., им. 271
Бадеев, им. 266
Бадер О. Н., им. 27
Баз, р. 377
Базаиха, арх. пам. 40, 64, 65
Базарон Б., им. 260
Баиты, этн. 423
Баихинская вол. 688
Бай, этн. 661
Байкал, оз. 23, 28, 34, 37, 41, 50, 58, 80, 87, 89, 91, 97, 104, 108, 122, 123, 157, 158, 164, 184, 196, 217—219, 228, 250—252, 255, 701, 703, 706, 710, 717, 721, 740, 760
Байкал, р. 330
Байкаловский р-н 473
Байкальский антропологический тип 110—113
Байкальский хр. 91
Байкальское побережье 710, 713
Байкитский р-н 701, 732, 735
Байкотовский род, этн. 398
Байкотовцы, этн. 122, 384, 687, 688
Бай-Тайга, р-н, см. Бай-Тайгинский р-н
Бай-Тайгинский р-н 459, 471; Бай-Тайга 424
Бакич, им. 352

Балаганск, нас. п. 90, 122, 207
Балаганский острог, нас. п. 122
Балаганский у. 155, 176
Балаганы 164, 172, 228, 284, 338, 501, 675, 746, 750, 980; см. также Жилище
Балахчино, нас. п. 411
Балита, этн. 858
Балчий-оол К., им. 469
Балыгычан, нас. п. 895
Балыгычан, р. 885
Бальдауф Ф. И., им. 205
Бальзамирование 72, 77
Банзаров Д., им. 219, 258
Бани см. Хозяйственные постройки
Бараба, геогр. обл. 486
Бараба, этн. 473
Барабинск, гор. 473, 486
Барабинская степь 473, 474, 476—478, 485, 489
Барабинский р-н 473, 486
Барабинских татар яз. 473
Барама, этн. 473
Баравова М., им. 899
Баргу-буряты, этн. 107, 217
Баргуджин-Тукум, ист. обл. 219
Баргузин, нас. п. 225, 250
Баргузин, р. 122, 219, 703, 705
Баргузинская тайга 218
Баргузинский аймак 250, 254, 255; Баргузинский р-н 250, 701
Баргузинский острог, нас. п. 705
Баргузинский р-н см. Баргузинский аймак
Баргуты, этн., 219
Бардак, им. 120
Баренц Виллем, им. 117
Баренцово море, 608
Барлык, р. 424
Барнаул, нас. п. 160, 193, 202, 203, 207, 209, 213, 350, 359, 368
Барун-Хемчикский р-н 449, 459
Басагарский род, этн. 393
Басагары, этн. 120, 382, 384, 393
Басогорская вол. 393
Батени, нас. п. 377, 378
Батлым, р. 598
Бату, им. 332, 474
Батурусский улус 296
Батурусцы, этн. 292
Баунт, р. 703
Баунтовский аймак 250; Баунтовский р-н 701, 741
Баунтовский р-н см. Баунтовский аймак
Бахметьев В., им. 206
Бахрушин С. В., им. 292, 324
Бахта, р. 687
Башкаус, р. 330
Башкиры, этн. 473, 570
— камские 570
Баясаули, этн. 823
Бейский р-н 406
Бекетов Петр, им. 122
Бекташев К. К., им. 8
Белая Орда 332, 333, 474
Белая, р. (приток Амура) 786
Белая, р. (приток Анадыря) 898
Белая, р. (приток Ангары) 23
Белинский В. Г., им. 205
Белогорье, нас. п. 591
Белое море 115
Белоруссы, этн. 9, 180
Белоусовы, им. 190
Белый, о. 609
Белый Июс, р. 376, 377, 380, 382, 384
Бельгия, гос-во 518
Бельды, этн. 788, 789, 823
Бельды А., им. 815, вкл. 816—817
Бельды В., им. 815, вкл. 816—817
Бельды М., им. 816
Бельды О., им. 815
Бельтирская вол. 384
Бельтирский род, этн. 395
Бельтирский яз. 397
Бельтиры, этн. 376, 377, 382, 384, 385, 395, 397, 398, 424, 496
Беляевы, им. 404
Березов, нас. п. 120, 121, 157, 159, 167, 193, 573, 574, 591, 611, 613
Березовск, нас. п. 255
Березовский р-н 570, 596, 597, 599, 601, 603
Березовский у. 573, 603
Березовский Ф., им. 206
Беринг Витус, им. 271, 979, 986
Беринга, о. 986, 987, 988, 989, 990
Берингов прол. 10, 901, 934
Берингово море 100, 113, 114, 897—899, 951, 952, 956
Берлин, гор. 568
Бес-Оба, нас. п. 54
Бестужев М., им. 225
Бестужев Н., им. 225
Бетунцы, этн. 292
Бея, р. 377
Бётлингк, О. Н., им. 306
Биджа, р. 376
Бийск, гор. 23, 207, 344, 350, 351, 368
Бийский у. 19, 153
Бий-Хем, р. 420
Бикин, р. 786
Бикинская долина 839, 842
Бира, нас. п. 840
Биранкан, этн. 788
Бираранчен, этн. 702
Бирары, этн. 123, 701, 702, 705, 706, 785
Бирма, гос-во 42
Бирюса, р. 97, 530, 705
Бирюсинская тайга 141
Бичи, р. 776
Бичурин Н. Я., им. 94, 817; Иакинф 817
Бичурский аймак 253
Бия, р. 128, 330, 359
Благовещенск, гор. 41, 206
Ближнекаргинский род, этн. 395
Ближний Восток, геогр. обл. 93
Бобылев Н., им. 205
Боганида, р. 743
Богденцы, этн. 688, 696
Богдэденг, этн., см. Богдэйгет
Богдэйгет, этн. 695; Богдэденг 695, 696
Богораз В. Г., им. 209, 899, 916, 917, 920; Тан В. Г. 206; Тан-Богораз В. Г. 185
Богородское, нас. п. 197, 818
Боготол, гор. 200

Бодайбинский р-н 701
Бодайбо, гор. 182
Божье оз. 377
Бойд-Даукинс, им. 26
Боланкан, этн. 788
Боласы 101, 888
Болдано Н., им. 260
Болдопов И. С., им. 258
Болин, нас. п. 776
Болонь, нас. п. 806
Болонь, оз. 786—788
Большая Балахна, р. 655
Большая Бугульдейка, р. 123, 219
Большая Иша, р. 330
Большая Речка, нас. п. 98
Большая семья см. Семья и семейно-брачные отношения
Большая Сыра, р. 377
Большая Хета, р. 609
Большеачинский род, этн. 393
Большебайкотовский род 398
Большеземельская тундра 609, 610, 614, 615, 634, 644
Большеземельский гов. ненецкого яз. 610, 644
Большеземельский р-н 629
Большерецкий р-н 951
Большеюртовские юрты, нас. п. 602
Большой Анюй, р. 786, 839, 885, 887, 889, 898, 900
Большой Бачат, р. 330
Большой Ларьяк, нас. п. 599
Большой Чивыркуй, р. 250
Большой Юган, р. 571
Большой Ямал, р. 610, 613
Бондарное дело см. Ремесла и домашняя промышленность
Боргоякова Е. П., им. 410
Борис (Годунов), им. 125
Борогонский улус 287, 296
Борогонцы, этн. 292
Борона 148, 154, 227, 334; см. также Сельско-хозяйственные орудия
Борро С., им. 117
Бортничество 154; см. также Пчеловодство
Боткин, им. 207
Ботома, р. 280
Боус Е., им. 116
Бохай, гос-во, см. Бохайское гос-во
Бохайское гос-во, 102, 103, 784; Бохайское царство 96, 102, 103, 105; Бохай 102, 103, 105, 784
Бохайское царство см. Бохайское гос-во
Бохайцы, этн. 103, 104
Боханский аймак 244; Боханский р-н 248
Боханский д. бурятского яз. 217
Боханский р-н см. Боханский аймак
Бочатская вол. 505
Бочатские степи 496
Бочкарев, им. 971
Боярка, нас. п. 758
Бояуса, этн. 858, 859
Брак см. Семья и семейно-брачные отношения
Братск, нас. п. 80, 122
Братская землица, 220, 384; Братская земля 219
Братская земля см. Братская землица
Братский камень, арх. пам. 41
Братский острог, нас. п. 220
Брейль А., им. 33
Британские о-ва 22
Бронзовый век 47, 49, 55, 60—62, 66, 80—85, 87—89, 92, 98, 269, 330, 572
Бугачан, р. 61
Буддизм см. Религиозные верования
Буза Елисей, им. 133, 886
Буир-Нур, оз. 217, 701
Булава, нас. п. 827, 828, 830
Булагатский д. бурятского яз. 217
Булагаты, этн. 107, 122, 219
Булун, нас. п. 309
Булунский р-н 316, 320, 559
Бульванский род, этн. 696
Бургуты, этн. 219
Буреть, арх. пам. 23—28, 32, 33, 35
Бурея, р. 785
Бурукан, нас. п. 780
Бурут, этн. 219
Бурятия см. Бурят-Монгольская АССР
Бурят-Монголия см. Бурят-Монгольская АССР
Бурят-Монгольская АССР 10, 212, 217, 219, 224, 245, 247—252, 255, 256, 258, 259, 548, 701, 741; Бурят-Монголия 89, 244, 245, 248—252, 255, 257, 259, 262—264, 266; Бурятия 209, 219, 222—225, 244, 245, 251, 740
Бурят-монгольский яз. см. Бурятский яз.
Бурятский яз. 217, 218, 224, 706; бурят-монгольский яз. 218, 259; бурятов яз. 258
Буряты, этн. 7, 10, 12, 13, 15—17, 19, 20, 86, 111, 112, 119, 122, 123, 132, 152, 153, 155, 162, 167—169, 173, 176, 182, 193, 200, 202, 203, 205, 209, 214, *217—266*, 269, 270, 532, 533, 702, 703, 705, 706, 740;
— аларские 217
— ангарские 122
— армакские 230
— баргузинские 217
— верхоленские 242
— восточные 217, 220, 222, 226, 228, 240, 244, 261
— забайкальские 217, 222, 225, 226, 231
— закаменские 230
— западные 15, 217, 220, 222, 224, 226, 228, 231—236, 240, 242—245, 262, 269, 270
— иркутские 226
— капсальские 242
— кудинские 242
— кутульские 230
— ленские 242
— нижнеудинские 122
— ольхонские 86, 242
— предбайкальские 217, 225, 242
— северные 111, 231
— селенгинские 217
— тункинские 228
— унгинские 217
— хоринские 222
Бутурлин С. А., им. 887

Бухара, ист. обл. 473, 475, 476
Бухарлык, этн. 473
Бухарцы этн. 198, 474, 475, 478, 479, 482
Бухтарма, р. 138
Бухтарминский край 154
Бухтарминцы, этн. 138, 149, 163, 164, 170—174, 176—179, 182, вкл. 192—193, 196
Бырранга, плато 649
Быстринский р-н 760, 761
Бюрют, этн., см. Пюрют

Вагай, р. 475
Вагайский р-н 473
Вайгач, о. 573, 608, 614, 618
Вайкынан, нас. п., см. Каменское
Вальдю, этн. 823
Ванжель-кы, р. 682
Ванжелькынак, нас. п. 582
Ванкарэм, р. 898
Ван-Керговен, им. 117
Вануйта, этн. 624
Ванядир, этн. 649
Ванядыры, этн. 725
Варлуков, им. 259
Варшава, гор. 198
Василевич Г. М., им. 8
Васильев Б. А., им. 8
Васильев Г., им. 817
Васьюган, р. 571, 584, 666, 669, 681
Ватин, В. им. 404
Вах, р. 555, 571, 576, 580, 584, 587, 609, 665
Вахо-васьюганский д. хантыйского яз. 571
Ваховский р-н см. Ларьякский р-н
Вахрушева М., им. 606, 607
Ва-эр-ка, этн. 787
Ваямполка, нас. п. 951
Вейнберг Б., им. 209
Вели, нас. п. 776
Велижанский р-н 473
Великая, р. 898
Великая Октябрьская социалистическая революция 5, 13, 19, 137, 144, 184, 206, 211, 221, 222, 224, 231, 240, 244, 252, 260, 293, 306, 307, 324, 329, 347, 348, 350, 364, 376, 385, 401, 402, 424, 429, 448, 476, 485, 492, 493, 503, 513, 514, 517, 522, 529, 543, 594, 603, 620, 623, 629, 649, 653, 698, 737, 754, 799, 806, 811, 814, 826, 839, 853, 895, 917, 936, 965, 969, 971, 989
Вельт, р. 609
Венгерский, им. 193
Венгерский яз. 571; венгров яз. 11
Венгрия, гос-во 568
Венгры, этн. 11
Вениамин (Смирнов), им. 644
Вениаминов И. Е., им. 306
Вербицкий В. И., им. 502
Вербов Г. Д., им. 6, 8
Верхне-Буреинский р-н 701
Верхнеинбатская вол. 688
Верхнеинбатское, нас. п. 689, 700
Верхне-Кетский р-н 666
Верхне-Колымский р-н 310, 701, 761, 885
Верхне-Ленский р-н 184, 186
Верхне-Селемджинский р-н 701
Верхнеудинск, нас. п. 203, 218, 222, 230, 252
Верхнеудинский окр. 241
Верхняя Гутара, нас. п. 536, 539
Верхняя Иткана, нас. п. 951
Верхняя Тунгуска (Ангара), р. 122
Верхняя Эконь, нас. п. 812
Верхоленская гора, арх. пам. 28, 31, 34
Верхотурский у. 121, 124, 130, 573
Верхотурье, гор. 9, 120, 121, 130, 581
Верхоянск, гор. 122
Верхоянский окр. 296
Верхоянский р-н 761
Верхоянский хр. 267
Верши см. Орудия рыболовства
Вершина, нас. п. 737
Веттер, им. 205
Византия, ист. обл. 96
Виллоуби Гуго, им. 117
Вилюй, р. 56, 83, 121, 122, 267, 268, 274, 280, 287, 303, 308, 309, 705, 710, 725, 743
Вилюйск, нас. п. 310
Вилюйская впадина 267
Вилюйские зимовья, нас. п. 122
Вилюйский окр. 268, 271, 296
Вилюйский р-н, 196
Вилюйско-Мархинский р-н 559
Винокурова Н. О., им. 184
Витебская губ. 171
Витим, р. 46, 65, 122, 123, 308, 702, 703, 717, 719
Витимо-Олекминский нац. окр. 559
Владивосток, гор. 92, 102, 202, 203, 206, 210, 309, 412, 894, 990
Владимир (князь), им. 185
Владимировка, нас. п. 876
Владиславич-Рагузинский С. Л., им. 124
Вогуличи, этн. 570
Вогулы, этн. 100, 116, 125, 570
Военный госпиталь, арх. пам. 23, 26
Вознесенское, нас. п. 812
Волга, р. 34, 186, 332, 333, 474
Волконский С., им. 206
Вологодская губ. 185
Вологодская обл. 178
Волочанка, нас. п. 758
Вольтер Франсуа Мари, им. 204
Воня, им. 667
Воркута, гор. 629
Воронцово, нас п. 758
Ворошилов-Уссурийский, гор. 42, 102—104, 106
Воспитание детей см. Семья и семейно-брачные отношения
Восточно-Кангаласский улус 296
Восточно-Сахалинский р-н 701, 882
Восточно-Сибирский край 559
Восточно-Сибирское море 132
Восточной Тундры р-н см. Восточно-Тундровый р-н
Восточно-Тундровый р-н 760; Восточной Тундры р-н 897, 923, 925
Восточный Саян, горы 421, 429, 458, 530
Врангель Ф. П., им. 889, 891, 934, 935

Врангеля, о. 934, 946
Врубель М. А., им. 207
Вуйвын, нас. п., см. Тигиль
Вуквол, им. 932
Вуквутагин, им. 932
Выделка замши см. Ремесла и домашняя промышленность
Вылка А. С., им. 629
Вылко И. К. (Вылко Тыко), им. 647
Вымь, нас. п. 591
Выненьи, этн. 610
Выучейская А. И., им. 641
Выучейский А. Г., им. 629
Выучейский И. П., им. 647
Вышивка см. Народное искусство
Вяземский р-н 786
Вятка, р. 99
Вяткина К. В., им. 7

Габышев П. П., им. 322
Гагемейстер Ю., им. 208
Гавл, этн. 788
Гайдар А., им. 812
Ган-хэ, р. 702
Ганьсу, геогр. обл. 76
Гаоли, княжество 102
Гарга, нас. п. 255
Гардизи, им. 332
Гарпуны 31, 33, 34, 37, 42, 46, 59, 93, 94, 100, 101, 545, 572, 616, 764, 778, 819, 846, 856, 863, 864, 904, 906, 923, 935, 936—938, 955
Гасян, оз. 787
Гвасюги, нас. п. 839—842
Гейкер, им. 816
Гейкер К., им. 812
Гемауге, им. 932
Георги И. Г., им. 245, 493, 495
Герберштейн С., им. 116
Германия, гос-во 348, 429
Геродот, им. 72
Герцен А. И., им. 225
Гершкович Б. Г., им. 8
Гижига, нас. п. 197, 200, 953, 971
Гижига, р. 743, 761
Гилэке, этн. 861
Гиляки, этн. 64, 778, 785, 817, 861
Гилякские мужики, этн. 817, 862
Ги-ля-ми, этн., см. Цзи-ля-ми
Гладкая, р. 92
Глазково, арх. пам. 40
Глазковская культура, археол. 58—62, 64
Глушение рыбы см. Рыболовство
Гмелин И., им. 208, 269, 493, 495
Гоби, пуст. 83
Гогды, этн. 787
Гоголь Н. В., им. 323, 326, 490
Гогуличи, этн. 570
Голди, этн. 787
Голды, этн. 787
Голдых, этн. 787
Голландия, гос-во 142
Головин П., им. 887
Головин Ф. А., им. 124, 132
Головные уборы см. Одежда
Голомо 717, 746, 750; см. также Жилище
Голубая, р. 704
Гольдберг И., им. 206
Гольди, этн. 787
Гольдони Карло, им. 418
Гольды, этн. 787
Гомбоев Г., им. 258
Гомер, им. 206
Гончарный круг 160, 200, 280; см. также Гончарство
Гончарство см. Ремесла и домашняя промышленность
Горин, р. 776, 786, 787, 796
Горная Колывань, нас. п. 190
Горная Шория, геогр. обл. 492, 524
Горно-Алтайск, гор. 359, 360, 362, 369
Горно-Алтайская АО 10, 330, 353, 355, 357, 359, 368, 492
Горно-Алтайский у. 352
Горно-Шорский нац. р-н 518, 519, 529
Горный Алтай, геогр. обл. 13, 76, 121, 123, 131, 138, 329, 330, 344, 350—354, 356—360, 373, 427
Горький, гор. 56
Горький А. М., им. 259, 261, 326, 372, 490, 527, 738, 812
Горячинск, нас. п. 255
Грамматикати И., им. 209
Гребенщиков А., им. 210
Гребенщиков Г., им. 206
Гренландия, геогр. обл. 934
Грибоедов А. С., им. 323
Громов В. И., им. 32
Грумм-Гржимайло Г. Е., им. 495
Грязнов М. П., им. 54, 68, 98
Гудулу-Каган (Кутлуга), им. 96
Гулекан, м. 250
Гулигани, этн. 97
Гуляев С. И., им. 183—187
Гунны, этн., см. Хунны
Гурвич И. С., им. 7, 8
Гусиное оз. 228
Гутар, р. 530
Гыдан, хр. 898
Гыданская тундра 609, 610
Гэйкар, этн. 788
Гэтта, этн. 858, 859
Гюрята Рогович, им. 573, 611

Даги, нас. п. 861
Дада, нас. п. 816
Далай, оз. 217
Дальджа, нас. п. 776, 781
Дальневосточный край 559
Дальнекаргинский род, этн. 395
Данилов Кирша, им. 185, 186
Дания, гос-во 142
Даргачи Н. Д., им. 830
Дауры, этн. 217, 705, 706, 785
Дашиев, им. 266
Двинское устье 116
Дебец Г. Ф. им. 35, 52, 55, 63, 64, 79, 113
Дежнев Семен, им. 122, 123, 901, 935, 953
Дежнева, м. 898, 899, 935
Де-Кастри, нас. п. 806
Делянские роды, этн. 767
Демидов А. Н., им. 138
Демьянка, р. 589
Денисов, им. 193
Деревни см. Поселения
Дехаль Л., им. 881

Дечули, этн. 823
Дешт-и-Кыпчак, ист. обл. 332
Джаксор, этн. 823
Джари, нас. п. 811
Джекмен Чарльз, им. 117
Джелтулакский р-н 559
Джесары, этн. 383
Джида, р. 90, 250
Джунгария, ист. обл. 123, 128, 333, 383, 398, 400, 424, 496, 498
Джунгарское гос-во 352, 423; Ойратское гос-во 352
Джунгары, этн. 329, 393, 497, 498
Джучеры, этн., см. Дючеры
Джучи, им., см. Джучий
Джучий, им. 332, 333, 381, 423, 474; Джучи 423, 474; Чжочи 423
Джучия (Джучи) улус см. Золотая Орда
Дзасактуханов ский аймак 423
Дзержинский Ф. Э., им. 144, 351
Дзун-Хемчикский р-н 446, 449, 456, 459
Дзючеры, этн., см. Дючеры
Дзятала, этн. 823
Динлины, этн. 378, 379
Днепр, р. 28, 34
Добролюбов Н. А., им. 205
Добыча жень-шеня см. Промыслы
Добыча моржовой и мамонтовой кости см. Промыслы
Добыча речного жемчуга см. Промыслы
Дойдал, этн. 767
Долган, этн. 742, 743
Долгано-есейское родовое управление 648
Долгано-Ненецкий нац. окр. см. Таймырский нац. окр.
Долганские роды, этн. 767
Долгавский д. якутского яз. 742; долганов яз. 742
Долганы, нас. п. 758
Долганы, этн. 8, 10, 14, 547, 555, 563, 609, 648—650, 652, 656, 662, 664, 689, 701, *742—759*
— норильские 744
— попигайские 744
Долгий, о. 609
Долгих Б. О., им. 8, 648, 649
Доман, р. 786
Домашние животные см. Животноводство
Доможаков Н. Г., им. 415—417
Дон, р. 28, 32, 34
Донгот, этн. 742, 743
Дондон, нас. п. 790, 804
Донкан, этн. 789
Донская обл. 157
Дровяник см. Хозяйственные постройки
Дротики 44, 888, 906, 938
Дубо, этн. 97, 422
Дубровинский р-н 473
Дубчес, р. 687, 688
Дугарова Ж., им. 266
Дуди, нас. п. 828
Дудинка, гор. 629, 646, 661, 664, 755, 758, 759
Дудинский р-н 631, 662, 701, 742, 754
Дудки, этн. 767
Дудыпта, р. 655, 743
Дукежек С. Ш., им. 466
Дулгаан, этн. 742
Дунай, р. 34, 332, 568
Дунбэй, геогр. обл. 45
Дувкан, этн. 776
Дувкан М., им. 815
Дунизинчэн, гор. 105
Дуткиль, этн. 761
Дыльма, нас. п. 776, 781
Дьан'ы дьол, нас. п. 363
Дьуты, этн. 495
Дьяконов, им. 326
Дьяконова В. П., им. 8
Дэлгэр-Мурен, р. 423
Дэрэн, нас. п. 790
Дюпсюнский улус 294
Дюткиль, этн. 886
Дючеры (дзючеры, джучеры), этн. 785

Еврейская А. О. 40
Европеидный антропологический тип 35, 52, 55, 64, 77, 96, 100, 108, 109, 331, 378, 422
Егоров А. Д., им. 324, 325
Егоров М. Г., им. 312
Египет, гос-во 72, 93
Едигей, им. 333, 474
Езерский улус 382
Езы см. Орудия рыболовства
Екатерина II, им. 187, 953
Елейская вол. 496
Елизарьев Оверкий, им. 135
Елков, им. 928
Елогуй, р. 665, 666, 687, 698
Елпатьевский С., им. 206
Ембаево, нас. п. 478, 484
Еминка, этн. 851
Енисей, р. 10, 11, 14, 23, 28, 29, 31, 32, 34, 35, 51, 55, 56, 65, 77—80, 96—98, 108—110, 116, 121—124, 128, 129, 157, 164, 180, 268, 269, 376—379, 382, 383, 395, 399, 403, 411, 421, 422, 424, 434, 494, 495, 499, 553, 564, 573, 609, 615, 652, 661—663, 687, 688, 700, 701, 703—705, 713, 714, 716, 721, 722, 728, 746
Енисейск, гор. 9, 122, 557, 687, 700, 759
Енисейская губ. 146, 150, 154, 155, 160, 167, 177, 180, 182, 204, 384, 402, 516
Енисейская обл., геогр. обл. 188
Енисейский антропологический тип 110
Енисейский зал. 661, 663, 689
Енисейский острог, нас. п. 121, 573
Енисейский у. 121—123, 131, 668
Емрыкаин, им. 949
Енчивов Ч., им. 372
Ераввинское оз. 228
Ерастов Иван, им. 900
Еремеев Фетка, им. 130
Еренак, им., см. Иренак
Ермак, им. 119, 125, 174, 185, 186, 193, 208, 475, 573
Еромо, р. 703
Ершов, им. 313
Ершов П. П., им. 205
Есипов Савва, им. 133, 208
Ессей, оз. 649, 712
Есь, р. 377, 397, 408
Еушта, этн. 473
Ефремов С. П., им. 326
Ёгра (егра), этн. 570

Железный век 46, 47, 91, 572
Желтая, р. 64, 94, 704
Жертвоприношения 17, 239, 243, 301, 302, 380, 392, 444, 484, 516, 535, 593, 627, 630, 655, 678, 679, 769, 804, 824, 836, 850—852, 858, 859, 873, 874, 893, 899, 917, 919, 920; см. также Религиозные верования
Животноводство 142, 144, 151, 152, 155, 212, 214, 245, 246, 249, 251, 311—313, 321, 353—357, 406, 407, 409, 421, 430, 431, 446—448, 450, 451, 453, 459, 479, 489, 521, 536, 537, 539, 568, 569, 575, 581, 597, 599, 635, 668, 683—685, 733, 735, 771, 781, 782, 790, 800, 808—810, 827, 842, 860, 877, 878, 925, 974, 989
—, звероводство 212, 313—315, 595—597, 599, 682, 734, 735, 925
—, коневодство 71, 151, 152, 212, 246, 272, 289, 313, 317, 476, 572, 635, 684, 706, 808, 984
—, мараловодство 153, 154, 169, 212
—, овцеводство 152, 155, 160, 212, 246, 378, 406, 446, 450, 598
—, оленеводство 12, 13, 15, 19, 20, 77, 118, 163, 272, 276, 308, 316, 317, 321, 421, вкл. 432—433, 439, 446, 531, 536, 545, 547, 549, 551, 564, 565, 569, 573, 576, 580, 581, 583, 595, 597, 611, 613—615, 624—626, 630, 633, 635, 641, 649, 658, 662, 663, 665, 668, 671, 677, 678, 683, 684, 691, 698, 704, 706, 710, 711, 733, 740, 743, 744, 754, 755, 762, 763, 772, 773, 777, 853, 860, 886, 888, 895, 899, 901, 902—904, 918, 920—922, 926, 946, 947, 952—955, 972—974
—, птицеводство 153, 155, 249, 393, 487
—, пчеловодство 144, 154, 212, 334, 393, 479, 487, 492, 503, 522, 564, 808, 842
—, свиноводство 94, 152, 155, 212, 246, 249, 393, 808
—, собаководство 14, 17, 34, 94, 101, 153, 163, 777, 826, 828, 834, 856, 862, 866, 914, 980, 988
Жигалово, арх. пам. 41
Жигалово, нас. п. 309
Жиганск, нас. п. 45, 47, 48, 122
Жиганский р-н 559
Жилище 22, 24, 25, 29, 30, 43, 44, 47, 48, 49, 52, 66, 84, 89, 95, 97, 100, 101, 103, 161, 169—176, вкл. 192—193, 200, 213, 214, 222, 231—234, 242, 253, 274, 277, 281, 284—287, 338, 339, 360—365, 378, 386, 387, 394, 396, 397, 400, 412—414, 426, 435, 437—441, 448, 459, 460, 475, 479—481, 490, 494, 504, 506—511, 528, 533, 539, 545, 555, 565, 576, 580, 583—586, 600, 618—621, 627, 634, 649, 652, 653, 662, 667, 668, 673—675, 682, 685, 693—695, 699, 704, 706, 717—720, 730, 734, 736, 743, 744, 746, 748, 761, 765, 766, 774, 776—779, 781, 785, 789, 796—798, 803, 810, 820, 821, 826, 829, 835, 837—839, 847, 848, 857, 859, 868, 869, 873, 874, 878, 879, 883, 886, 887, 889—891, 895, 899, 902, 911—914, 918, 926, 928, 934—936, 939, 940, 954, 958—960, 966—968, 972, 976, 979, 980, 984—986, 988, 990; см. также отдельные виды жилища
— временное 156, 164, 378, 480, 500, 504, 507, 523, 586, 868, 902, 913, 940
— земляное 24, 26, 43, 48, 49, 52, 84, 95, 103, 162, 171, 175, 584, 671, 673—675, 694, 695, 765, 784, 796, 797, 842, 862, 868, 878, 886, 940, 952, 968, 974, 980, 984, 990
— полуподземное и подземное 30, 44, 64, 172, 584, 611, 652, 667, 673, 675, 783, 899, 913, 935, 940, 959, 960, 979, 980, 986, 988
— срубное 66, 136, 170—172, 175, 188, 231—233, 287, 338—340, 361, 386, 396, 412, 460, 479, 507, 510, 528, 565, 584, 620, 673, 675, 718, 720, 736, 779, 796, 826, 829, 848, 862, 879, 895, 960
Жирков М. Н., им. 324, 326
Жирково, оз. 47
Жиронтан, им. 949
Жужани, этн. 379
Жуй-цзун, им. 102, 103
Жуков Л., им. 976
Жэхе, геогр. обл. 56

Забайкалье, геогр. обл. 9, 22, 32, 44, 50, 57, 58, 60, 64, 82—88, 90—92, 98, 107, 110, 112, 122—124, 138, 151—153, 155, 156, 167, 174, 177, 180, 184, 191, 194, 208, 218, 219, 224, 225, 244, 252, 260, 331, 702—706, 710, 713, 719, 721
Забайкальская обл. 141, 241, 244
Забайкальские горы 84
Забайкальские степи 84, 85
Заболотье, геогр. обл. 477, 487—489
Заболоцкий-Бражник, им. 116
Заводная, нас. п. 594
Заимки см. Поселения
Закавказье, геогр. обл. 61
Закаменное зимовье, нас. п. 688
Западно-Сибирская низм. 22, 474, 478
Западносибирский край 517
Западный Саян, горы 153, 421, 458
Заполярье, геогр. обл. 61
Запор см. Орудия рыболовства
Зарубино, нас. п. 106
Затундренные крестьяне, этн. 742, 743, 757
Зашиверск, нас. п. 122
Зверев С. А., им. 325
Зверобойный промысел см. Охота морская
Звероводство см. Животноводство
Зейский р-н 701
Зейско-Учурский р-н 559, 701, 702, 734
Землевладение и землепользование 147, 220, 221, 226, 245, 271, 292, 293, 311, 344, 345, 395, 399, 400, 402, 425, 477, 478, 499, 512, 513, 534, 535, 612, 625
Земледелие 10, 12, 13, 15, 44, 52, 53, 58, 66, 77, 93—97, 101—103, 119, 133—137, 141—146, 150, 154—156, 160, 210, 211, 214, 222, 224, 225, 227, 231, 250, 252, 271, 274—277, 289, 290, 311, 321, 334, 343, 357, 358, 366, 376, 378, 382, 386, 395, 396, 398, 399, 407—409, 421, 426, 430, 434, 436, 448, 450—454, 459, 476, 484, 493, 498, 504, 505, 509,

513, 518, 520, 521, 537, 575, 581, 595, 597, 598, 635, 683, 688, 706, 713, 733—735, 740, 771, 777, 781, 782, 784, 785, 789, 790, 804, 807, 809, 834, 835, 878
— мотыжное 155, 357, 377, 378, 498, 504, 521
— плужное 380, 393, 395, 398, 498, 504, 505, 521
—, сельскохозяйственные культуры 53, 89, 90, 97, 102, 142, 144, 147, 211, 212, 222, 224, 227, 277, 334, 357, 378, 380, 386, 434, 447—449, 476, 486, 498, 504, 581, 597, 598, 809, 834, 854, 983
—, сельскохозяйственные орудия 44, 52, 144, 146, 148, 154, 155, 211, 214, 225, 250, 311, 334, 357, 380, 408, 423, 432, 446, 451, 477, 498, 504, 521, 581, 808, 985; см. также отдельные виды орудий
Земшаки, этн. 688, 696
Зея, р. 785
Зензинов М. А., им. 185
Змеиногорск, гор. 204
Змеиногорский у. 181
Знаменка, нас. п. 55
Золотая Орда 119, 332, 333, 474; Джучия (Джучи) улус 332, 333, 474
Золотарев А. М., им. 8
Золотарев Н., им. 326
Золото 52, 88, 97, 106, 139, 140, 161, 190, 191, 197, 251, 282, 304, 307, 381
Зуев В., им. 593
Зырянка, нас. п. 311
Западно-Кангаласский улус 296

Иакинф, им., см. Бичурин Н. Я.
Иван III, им. 116
Иван Грозный, им. 116—118
Иванов А. А. (Кюндэ А. А.), им. 326
Иванов С. В., им. 7, 8, 494
Иванова Е., им. 325
Ивдельский р-н 571
Иволга, р. 87, 89—91
Иволгинский аймак 249, 251, 253
Иволгинское городище, арх. пам. 90
Игарка, нас. п. 646, 700, 738, 759
Игинский род, этн. 393
Игры и состязания 185, 298, 299, 301, 471, 490, 656, 864, 969, 977; см. также Народные праздники
Иделле Г., им. 490
Идес Исбранд, им. 269
Ижемская слобода, нас. п. 116
Ижемский д. коми яз. 610
Ижемский р-н 610
Ижма, р. 610
Изба 136, 156, 162, 170—173, 175, 187, 188, 190, 213, 224, 231, 232, 287, 339, 340, 360, 361, 380, 386, 394, 396, 412, 443, 507, 508, 510, 528, 565, 600, 621, 664, 668, 673, 675, 682, 719, 720, 744, 757, 777, 790, 796, 798, 810, 879, 890, 895, 953, 975, 984; см. также Жилище срубное
Извозный промысел см. Промыслы
Изготовление войлока см. Ремесла и домашняя промышленность
Изготовление кедрового масла см. Ремесла и домашняя промышленность
Изобразительное искусство см. Народное искусство
Изушерский род, этн. 395
Изыр, этн. 385; Ызыр 386
Или, р. 383
Илим, р. 9, 122, 135, 147
Илимпийский р-н 701, 721, 726, 732, 734, 735
Илимск, нас. п. 122
Илимский у. 122
Илконбей, этн. 886
Илоу, этн. 94, 95, 784
Ильинка, нас. п. 256
Ильмовая падь, арх. пам. 89
Илэ, этн. 702
Им, нас. п. 776, 778
Имущественная и классовая дифференциация см. Социальный строй
Инбаки, этн. 687, 688, 696
Инбатское зимовье, нас. п. 88
Инбатский род, этн. 696
Ингода, р. 86, 705
Индейцы, этн. 60, 110, 899, 920
— североамериканские 110, 920
— северо-западные 60
Индигирка, р. 12, 116, 133, 153, 157, 193, 267, 268, 271, 309, 760—763, 775, 885—887, 889
Индигирский гов. эвенского яз. 761
Индигирско-Колымское междуречье 890
Индийский океан 70, 84
Индия, гос-во 12
Индокитай, геогр. обл. 42
Инкижекова А. И., им. 414, 416
Инчоун, нас. п. 925
Иньское гос-во 57
Иэнликэй П., им. 929,930
Ионова О. В., им. 292
Иоты, этн. 495
Иохельсон В. И., им. 209, 890, 892
Иран, гос-во 74, 75, 96, 330
Ирбит, нас. п. 140
Иренак, им. 128, 382; Еренак 382; Ишеев Иренак 128
Иресов улус, нас. п. 396
Иркит, этн. 395
Иркиты, этн. 395
Иркут, р. 23
Иркутск, гор. 9, 23, 28, 34, 41, 80, 122, 123, 194, 202—210, 213, 222, 224, 230, 251, 257, 309, 320, 479, 539, 596
Иркутская губ. 141, 148, 149, 161, 162, 174, 176, 203, 204, 244, 405
Иркутская обл. 141, 167, 194—196, 198, 217, 248, 421, 536, 701, 737
Иркутский острог, нас. п. 122
Иркутский у. 122, 128, 155, 176
Иркутское, нас. п. 818
Иро, оз. 701, 702
Иро, р. 706
Ирокезы, этн. 87
Иртыш, р. 21, 22, 52, 116, 120, 138, 161, 331—333, 382, 473, 475, 476, 482, 487, 489, 494, 571, 573, 589, 590, 592, 600
Иртышатские юрты, нас. п. 485, 486
Иртышско-кондинский д. хантыйского яз. 571
Исеть, р. 473

Искар, нас. п. 474, 573, 592
Искусственное орошение см. Оросительные системы
Иссык-Куль, оз. 21
Ительмен, этн. 978
Ительменский яз. 11, 952, 979; ительменов яз. 11
Ительмены, этн. 8, 11, 14, 101, 113, 122, 547, 784, 896, 940, 950, 952, 971, *978—985*
— западные 978
— северные 978, 979
— южные 978, 979
Итиберская вол. 496
Итканцы, этн. 950, 953, 955, 956
Июльтинский р-н 897, 925, 926
Ихириты, этн., см. Эхириты
Ичиге, этн. 395
Ишеев Иренак см. Иренак
Ишей, им. 382
Ишим, нас. п. 479
Ишим, р. 393, 475
Ишиха, им. 785
Ия, р. 530, 536

Йеко, этн. 267
Йэкэ, этн. 702

Каа-Хем, р. 423, 458
Каа-Хемский р-н 449, 459
Кабано-баргузинский д. бурятского яз. 217
Кабанск, нас. п. 106
Кабанский аймак 256
Кабанский острог, нас. п. 128, 220
Кававыгын И. К., им. 973
Кавказ, геогр. обл. 543
Кагак В., им. 946
Кадан, нас. п. 794
Кадьяк, им. 208
Кадьяк, о. 987
Казановский род, этн. 395
Казановская вол. 498, 500, 505
Казанцев М., им. 606
Казань, нас. п. 477, 490
Казахи, этн. 80, 195, 198, 200, 201, 333, 426, 473, 570
Казахстан, геогр. обл. 9, 21, 52, 55—57, 76, 209, 332, 379
Казым, р. 555, 571, 576, 580, 591, 594
Казымский городок, нас. п. 139
Казымский д. хантыйского яз. 571
Казыр, р. 398, 399
Каинск, нас. п. 207
Кайгородов, им. 352
Кайдинская землица 384
Кайдинцы, этн. 384
Кайдыков род, этн., см. Кандыков род
Кайсотская землица 384
Каларский р-н 701
Калашников И. Г., им. 205
Калбинский хр. 52
Калзан О., им. 456
Калина В., им. 682
Калинин М. И., им. 307
Калиновка, нас. п. 817
Калифорния, геогр. обл. 124
Калмах, этн. 393
Калмыки, этн. 329, 393, 420, 496, 497
— алтайские 329
— белые 329, 420, 497
— бийские 329
— горные 329
— порубежные 329
— урянхайские 329; урянхайцы 219, 329
— черные 420, 497
Калпак, им. 116
Калым 239, 240, 298, 347, 367, 391, 394, 397, 464, 484, 554, 558, 593, 626, 639, 654, 659, 664, 696, 697, 727, 769, 780, 824, 836, 837, 850, 858, 870, 872, 893, 917; см. также Семья и семейно-брачные отношения
Кальга, нас. п. 776
Кальма, нас. п. 776, 880, 881
Каля, им. 948
Кама, р. 99, 100
Камасинская землица 384
Камасинцы, этн. 19, 122, 384, 610, 671
Камашинская вол. 384
Каменный век 50, 58, 60, 61, 87, 101, 119
Каменское 951, нас. п. 951, 953; Вайкынан
Каменцы, этн. 950, 953, 95, 5956, 964
Камень, гор. 207
Камларская вол. 393
Камларский род, этн. 393
Камлары, этн. 382, 384
Камчадалы, этн. 101, 193, 200, 978
Камчатка, п-ов 113, 122—124, 156, 157, 211, 271, 743, 760—762, 775, 784, 796, 900, 951, 952, 959, 971, 977—985
Камчатка, р. 978, 979
Камчатская обл. 561, 761, 951, 972, 986
Камчатский гов. эвенского яз. 761
Камчатский перешеек 951
Камчатский Срединный хр. 951
Камышта, р. 377
Кан, р. 329, 398, 530, 687
Канай, нас. п. 21
Кангаласцы, этн. 287, 292
Кандат, р. 399
Кандыков (Кайдыков, Хайтоков) род, этн. 398
Канин, п-ов 609, 620
Канино-Тиманская тундра 555
Канино-Тиманский р-н 636
Канинская тундра 609, 613, 622, 629, 644
Канинский гов. ненецкого яз. 610
Кан-Си, им. 856
Канск, гор. 207
Канская землица 384
Канский острог, нас. п. 383
Канский окр. 376
Канский у. 19
Кантанг, этн. 695; Кэнтанденг 695; 696
Канчалан, р. 898
Капиталистические отношения см. Социальный строй
Капканы 159, 213, 434, 500, 522, 576, 578, 596, 614, 634, 651, 658, 659, 668, 669, 681, 682, 698, 707, 734, 746, 755, 756, 828, 906, 956, 964; см. также Орудия охоты
Кара, р. 609

Карагасы, этн. 97, 122, 395, 424, 495, 530, 610
Карагинский р-н 951, 973, 975, 976
Карагинцы, этн. 547, 951, 953, 955, 956, 961, 970
Кара-калпаки, этн. 333
Каракитаи, этн. 331
Каракитайское гос-во 104
Кара-Кокша, р. 330
Кара-кыс, им. 470
Карамзин Н. М., им. 210
Кара-Чогду, этн. 534
Карачерский род, этн. 395, 492
Кара-Чыстар, этн. 424
Кармелюк, им. 188
Карасинская вол. 688
Карасукская культура, археол. 55, 57, 61, 66, 68, 98, 330, 378
Караул, нас. п. 629
Карга, этн. 395, 493, 496
Карганы, этн. 473
Каргасокский р-н 666, 682, 683
Каргатский р-н 473
Карги, нас. п. 786
Каргинская вол. 496
Каргинский род, этн. 492
Карелия, геогр. обл. 47
Каркаралинск, гор. 54
Карлуки, этн. 332, 379
Каррутерс Д., им. 426, 427
Карская тундра 635
Карский порог 615
Карское море 573, 608
Картин, им. 391
Карынтуо, этн. 742, 743
Карэль-тамдыр, этн. 677
Кас, р. 121, 687, 688
Каска, этн. 386, 392
Каспийский басс. 22
Каспийское море 68
Кастрен М. А., им. 610
Касым, им. 474
Катаев В., им. 812
Катангский р-н 559, 561, 701, 719
Катанов Н. Ф., им. 426
Катунь, р. 329, 424
Кац, р. 398
Кача, р. 377, 383
Качинская (Абаканская) степная дума 384, 385, 399
Качинская землица 384, 385
Качинский яз. 393, 399
Качинцы, этн. 120, 122, 127, 376, 382, 384, 385—391, 393, 397, 401, 424, 496, 505
Качуг, нас. п. 61, 309
Качугский р-н 701
Качыбай нас. п. 523
Каш, этн. 534
Кашинцы конные, этн. 384
Кашлык, нас. п. 120
Кащенко Н., им. 209
Каяк, нас. п. 758
Кегнанг, этн. 871
Кедровый промысел см. Промыслы
Кейнитэгин, им. 925
Кеккетын К., им. 976
Келебе, этн. 473
Келлог, нас. п. 698
Кельтеминарская культура, археол. 52
Кем, р. 122
Кемерово, гор. 213
Кемеровская обл. 330, 519, 520
Кемчик, р. 420, 423, 424, 434
Кенга, р. 665
Кендырля, р. 377
Керамика см. Археология
Керби, нас. п. 776
Кереки, этн. 547, 951, 953, 955, 956
Керемучины, этн. 219
Кержаки, этн. 138, 154, 167, 177, 195, 198—201
Керженец, р. 138
Керулен, р. 105
Кетская группа языков 688
Кетский д. селькупского яз. 666
Кетский острог, нас. п. 121, 688, 704
Кетский у. 667
Кетский яз. 11, 12, 379, 384, 398, 687, 688; кетов яз. 11
Кеты, этн. 8, 11, 14, 16, 100, 110, 119, 121, 384, 494, 547, 563, 564, 570, 661, 665, 666, 679, 686, *687—700*, 744, 804
— елогуйские 689, 693, 695
— курейские 689
— подкаменно-тунгусские 689, 693, 695
— приенисейские 689
— северные 689, 691, 693
— южные 689, 691, 695
Кеть, р. 121, 666, 667, 673, 675, 676, 681, 687, 688
Кеул, им. 574
Кеулькут, им. 932
Кешдимы, этн. 423
Кзурми, нас. п. 790
Кзыл-кум, пуст. 475
Киби, этн. 495
Кибитка см. Жилище
Киви, этн. 495
Кивинская вол. 495, 496, 498
Кивинский род, этн. 395, 592
Кидане, этн. 103, 104, 331, 381, 784
Киданьское гос-во 104; Ляо гос-во 104
Кизи, оз. 784, 806, 819, 844
Кизыл Петунька, им. 130
Кизылы, этн., см. Кызылы
Кизыльцы, этн., см. Кызыльцы
Кийский род, этн. 395
Киле, этн. 702, 787, 789 791, 798, 800
Киле К. К., им. 812
Киле Л., им. 809
Киле Н. Б., им. 812
Килен, этн. 787
Киленг, этн. 787
Килер, этн. 787
Кили, этн. 702, 787
Килин (цилин), этн. 702
Киль, этн. 787
Килэн, этн. 702
Ким И., им. 260
Кимонко Д., им. 841, 843
Кинжалы 38, 43, 52, 55, 56, 61, 67, 80, 82, 85, 88, 92, 94; см. также Орудия охоты
Киперный лог, арх. пам. 29
Киприан, им. 208
Киранское оз. 256

Киргиз, этн. 420
Киргизия, геогр. обл. 21, 52
Киргизская земля 382
Киргизский каганат 493
Киргизов енисейских яз. 329
Киргизы, этн. 15, 79, 80, 96, 97, 121, 123, 127, 128, 331, 333, 379—386, 393, 395, 398, 400, 408, 420, 422—424, 496—498; кыргызы 79, 80, 96, 97
— енисейские 15, 80, 97, 123, 128, 331, 379, 380, 382—386, 393, 420, 422—424, 498
Киренга, р. 706
Киренск, гор. 193
Киренский р-н 701
Кирикийцы, этн. 274
Киров С. М., им., 144
Кировский р-н 861, 877
Кирпичное производство см. Ремесла и домашняя промышленность
Киселев С. В., им. 52, 55, 57, 66, 79
Китай, гос-во 12, 32, 33, 42—44, 58, 70, 76—79, 82, 85, 90, 91, 94, 96—98, 101—105, 117, 124, 133, 140, 153, 192, 209, 217, 219, 220, 222, 228, 230, 333, 379, 381, 382, 422—424, 426, 428, 474, 702—705, 784, 785, 789, 791, 802, 817, 818, 838, 856, 862, 866; 872; Китайская Народная Республика 195
Китайский яз. 785
Китайцы, этн. 44, 77, 79, 82, 89—91, 94, 97, 102, 153, 201, 378, 379, 423, 498, 702, 704, 706, 777, 780, 784—792, 799, 800, 802, 824, 833, 834, 836, 838, 855, 856
Китой, нас. п. 193
Китой, р. 41
Китойская культура, археол. 41, 47, 58, 59
Китойский могильник, арх. пам. 41, 47
Клеменц Д. К., им. 209
Клуня см. Хозяйственные постройки
Ключи, нас. п. 982
Кобый, этн. 395, 493, 496
Кобыйская вол. 496
Кобырсу, р. 498, 503
Ковран, нас. п. 985
Ковроделие см. Ремесла и домашняя промышленность
Кодское княжество 574, 592
Кожевенное дело см. Ремесла и домашняя промышленность
Козыревск, нас. п. 982
Койбал, им. 398
Койбал, этн. 376, 421
Койбалов улус этн. 398
Койбалы, этн. 376, 377, 383—385, 395, 397—399, 496, 610
Койбальская землица 384, 398
Койбальская степная дума 384, 395, 398
Койбальская степь 377, 380
Койбальский род, этн. 395, 398
Койма, нас. п. 826—828
Койначенок М. П., им. 738
Коков М., им. 415, 418
Кокорево-Забочка, арх. пам. 29
Кокса, р. 376
Кокуев Г., им. 371
Кокуи, этн. 274
Кокшарский Г. Д., им. 322
Колва, нас. п. 610
Колва, р. 610
Колгуев, о. 608, 609
Колмаков Д. Ф., им. 740
Колесухи см. Сельскохозяйственные орудия
Колониальная политика 9, 126, 333, 404, 405, 476, 497, 513, 514, 516, 517, 530, 569, 612, 953
Колонизация 9, 10, 115—145, 147, 208, 271, 272, 345, 382, 383, 573—575, 605, 611—613, 667, 785, 798, 802, 831, 832, 872, 886, 987
Колпашево, гор. 557, 666, 686
Колпашевский р-н 666, 682, 686
Колхозное строительство см. Социалистическое переустройство
Колчак, им. 224, 351, 405, 429, 485, 681, 921, 971
Колыбель см. Люльки
Колыванск, нас. п. 207
Колыма, р. 2, 12, 48, 100, 122, 153, 157, 185, 186, 197, 200, 201, 268, 271, 309, 760—763, 885—888, 890, 897, 898, 900, 906, 907, 916, 935
Колымская губа 897
Колымская, нас. п. 317
Колымские зимовья, нас. п. 122
Колымские русские, этн. 179
Колымский окр. 198, 287, 296
Колымско-омолонский гов. эвенского яз. 761
Колымчане, этн. 180
Кёль, этн. 421
Кольский п-ов 608, 897
Кольский род, этн. 398
Коль-тайга, г. 492
Кольчом, нас. п. 817, 830
Колючинская губа 898
Комапы, этн. 332
Командорские о-ва 986—989
Комара, р. 186
Коми АССР 610, 622
Коми, этн. 120, 121, 565, 570, 571, 609, 630, 638, 639, 645, 681, 987
— зыряне 120, 570, 681, 987
— пермяки 109
Коми яз. 610
Коммунар, нас. п. 411
Комсомольский р-н 786, 812, 831, 840, 844
Комсомольск-на-Амуре, гор. 213, 787, 809, 812, 881
Кон Ф., им. 404, 426
Конда, р. 494, 570—572, 576, 590, 591
Кондинск, нас. п. 591
Кондинский гов. мансийского яз. 666
Кондинский р-н 570, 597
Кондома, р. 128, 395, 492, 493, 496—498, 500, 503, 509, 511, 516, 518
Кондомо-Борсоятская вол. 500
Кондомский улус, нас. п. 516
Кондомцы, этн. 493
Кондорсэ, им. 204
Кондюо Т., им. 659
Коневодство см. Животноводство
Консолидация национальная 19, 20, 266, 328, 330, 353, 374, 472
Константинов Р. И., им. 313

Константинополь, гор. 115
Копперс В., им. 703
Коптелов А. Л., им. 371
Копья 36, 38, 42, 43, 48, 52, 60, 61, 82, 83, 129, 137, 156, 378, 478, 545, 576, 580, 649, 651, 689, 707, 716, 792, 818, 820, 825, 832, 836, 846, 850, 864, 888, 891, 900, 904, 920, 935, 936, 955, 957, 979, 980; см. также орудия Охоты
Кора, им. 382
Кордекке, этн. 787
Кореговка, нас. п. 638
Корейцы, этн. 102
Корея, гос-во 44, 92, 94, 101, 102, 105, 784
Коркодон, р. 885, 890, 894
Коркыль-тамдыр, этн. 677
Корнейчук А., им. 261
Короленко В. Г., им. 205, 323
Корсакова Е. Г., им. 741
Корфа, бух. 971
Корш, им. 493
Коряки, этн. 8, 11, 14, 17, 37, 101, 113, 119, 122, 124, 133, 161, 200, 547, 550, 553, 555, 560, 561, 564, 616, 760—762, 767, 770, 775, 896—900, 917, 921, 940, *950—977*, 978, 981
— кочевые 951, 956, 960, 964, 965, 972, 978
— оленные 952, 953, 958, 963, 965, 968, 971, 978
— оседлые 14, 762, 950—953, 955, 956, 960, 961, 964, 968, 974
— приморские 761, 950, 952, 953, 958—960, 962, 963
Корякские возвышенности 951
Корякский нац. окр. 559, 760, 761, 897, 950, 951, 971, 973, 976—978
Корякский яз. 11, 611, 897, 930, 950, 952, 976, 979; коряков яз. 11, 952
Косогол, оз. 122, 382, 384
Коссыль-кула, этн. 677
Коссыль-кы, этн. 677
Коссыль пелäккыль тамдыр, этн. 677
Кострюк, им. 186
Косы 130, 148, 503; см. также Сельскохозяйственные орудия
— горбуши 152, 155, 272, 273, 334
— литовки 152, 155, 272, 334, 478
Коттов яз. 11
Котто-кетская языковая группа 688
Котты, этн. 11, 19, 120, 122, 220, 383, 384, 494, 495, 687, 688
Котус, р. 758
Котцы см. Орудия рыболовства
Котюшев И., им. 415
Кочебай, им. 382
Кочжум, им., см. Кучум
Кош-Агач, нас. п. 359
Кош-Агачский аймак 330, 346, 354, 360
Красноармейский р-н 831, 840
Красноводский п-ов 21
Красноженова М. В., им. 185—187
Красноселькупск, нас. п. 684, 685
Красноселькупский р-н 666, 682, 683—686
Краснояровская сопка, арх. пам., см. Краснояровское городище
Краснояровское городище, арх. пам. 104; Краснояровская сопка 104, 105
Красноярск, гор. 9, 23, 29, 35, 56, 64—66, 96, 97, 106, 122, 127, 128, 145, 151, 202, 204, 207, 213, 309, 377, 382, 384, 402—404, 411, 412, 613, 646, 687, 738, 759
Красноярский край 11, 212, 376, 609, 648, 657, 686, 687, 701, 710, 732
Красноярский острог, нас. п. 383
Красноярский у. 128, 384—386
Красный Перевал, нас. п. 840, 841
Красный Яр, нас. п. 776, 781
Красный Яр, улус, нас. п. 511
Крашенинников С. П., им. 208, 762, 965, 979—981
Крепостное право см. Феодальные отношения
Креста, зал. 897, 898, 934
Крестовое, нас. п. 975
Кржижановский Г. М., им. 404
Криволуцкий, им. 190
Кровная месть 292, 591, 724, 824, 851, 870, 872, 917, 966, 981, 986; см. также Обычаи и обряды
Кроманьонский антропологический тип 35, 52
Кропоткин П. А., им. 209
Круговая порука см. Обычаи и обряды
Крупская Н. К., им. 404
Крылов И. А., им. 812
Крылов П., им. 209
Крым, геогр. обл. 332
Крюковы, им. 404
Крючки 41, 46, 58, 59, 101, 572, 576, 615, 652, 671, 689, 712, 746, 778, 845, 846, 863, 889, 956, 988; см. также Орудия рыболовства
Крючковые снасти см. Орудия рыболовства
Кубан, этн. 385
Кубановский род, этн. 385
Куви, этн. 785
Куда, р. 90, 91
Кударинская степь 123
Кудинская долина 91
Кудука-беки, им. 423
Кужугет, этн. 420
Кузбасс, геогр. обл. 211, 411, 492, 497, 518, 519, 523, 524
Кузедеево, нас. п. 493, 516, 518, 519
Кузедеевский р-н 519
Кузедеевский улус, нас. п. 516
Кузнецова В. Г., им. 8
Кузнецк, гор. 121, 127, 130, 384, 397, 493, 496—498, 504, 508, 511, 513, 515, 516
Кузнецкая земля 130, 497
Кузнецкая тайга 493, 511
Кузнецкий Алатау, горы 376, 377, 492
Кузнецкий острог, нас. п. 420, 497
Кузнецкий у. 121, 128, 161, 384, 395, 397
Кузнечество см. Ремесла и домашняя промышленность
Куи, этн. 784, 785, 788
Куйбышев В. В., им. 144
Куйбышевский р-н 473
Куйсали, этн. 823
Кулаковский А. Е., им. 306, 325
Кулачиков-Элляй С. Р. (Элляй), им. 326

Кулемы см. Ловушки
Кулäл-тамдыр, этн. 677
Кулатта, р. 45
Култушино, нас. п. 974, 975
Куль, нас. п. 861
Кульджин А., им. 345, 348
Кульджин М., им. 345, 348
Культ медведя см. Религиозные верования
Культ предков см. Религиозные верования
Культ родовой см. Религиозные верования
Культура морских зверобоев, археол. 93, 100
Культура оседлых охотников и рыболовов, археол. 121, 573
Культура раковинных куч, археол. 92—94
Культура ранних кочевников Алтая, археол. 330
Культура яншао, археол. 45, 64
Культурное строительство см. Социалистическое переустройство
Кумандинцы, этн. 15, 19, 329, 330, 338, 341, 344, 395, 493—495
Кумара, р. 702
Кумарчены, этн. 702
Кун, нас. п. 840, 844
Кунова, р. 571
Кур, р. 786, 787
Кураки, этн. 648
Курбский Федор, им. 116, 573
Курган, гор. 193
Курганская обл. 490
Курганский у. 153
Курдак, этн. 473
Курейка, р. 688
Куржавки см. Ловушки
Кури, этн. 97
Курильцы, этн. 978
— ближние, этн. 978, 979
Курильская гряда, о-ва, см. Курильские о-ва
Курильские о-ва 100, 101, 208; Курильская гряда 978
Куркагир, этн. 723
Курлов М., им. 209
Курнатовский, им. 271
Курская губ. 171
Курупканская тундра 946
Кур-Урмийский р-н 701, 786
Курчикова вол. 393
Курчиковский род, 393
Курыканы, этн. 97, 98, 270
Кустанайский р-н, геогр. обл. 52
Кустарная промышленность см. Ремесла и домашняя промышленность
Кутлуга, им., см. Гудулу-Каган
Куч, им. 878
Кучияк В., им. 371
Кучияк П. В., им. 371—373
Кучугуты, этн. 420
Кучум, им. 119, 120, 128, 393, 473, 475, 573, 667; Кочжум 393
Кушевский И. А., им. 205
Куши, этн. 784
Кушо (кушо-бу), этн. 784
Куэнга, р. 44
Куюшев М. М., им. 529
Куяры, этн. 785
Кызлах, им. 393
Кызласов Л. Р., им. 77
Кызыл, гор. 411, 444, 448, 453, 456, 458, 466, 468, 469
Кызыл, этн. 376
Кызылбаевские юрты, нас. п. 490
Кызылгая, этн. 395
Кызыл-Тура (Усть-Ишим), нас. п. 474
Кызылы, этн. 393; кизылы 382, 384
Кызыльская вол. 385, 393, 403
Кызыльская инородческая управа 385
Кызыльская землица 393
Кызыльская степная дума 384, 393
Кызыльский д. хакасского яз. 416; кызыльцев яз. 393
Кызыльский род, этн. 393, 395
Кызыльский р-н 459
Кызыльцы, этн. 120, 376, 377, 392—395; кизыльцы 385
Кый, этн. 395, 493, 496
Кыйская вол. 496, 498
Кыпчаки, этн. 331, 332
Кыпчакская группа языков 473
Кыргыз, этн. 386, 392, 395, 424
Кыргызы, этн., см. Киргизы
Кырдыгайцы, этн. 274
Кыштовский р-н, 473
Кэнтанденг, этн., см. Кантанг
Кэрим М., им. 490
Кюндэ А. А., им., см. Иванов А. А.
Кюнер Н. В., им. 210
Кюхельбекер В., им. 225
Кюхельбекер М., им. 225
Кялундзига А., им. 841
Кялундзига Т., им. 841
Кяхта, гор. 89, 90, 124, 140, 198, 219, 222, 225, 249
Кяхтинский аймак 256

Лабрадор, п-ов 934
Лавренев Б., им. 418
Лаврентия, бух. 555, 556
Лаврентия, зал. 943
Лаврентия, св., о. 900, 942
Ладожское оз. 115
Лазарев Г., им. 606
Лазарев М., 861
Лазо им., р-н 831, 840
Лайма, р. 473, 475
Лалин, р. 104
Ламутки, этн. 760
Ламуцкие люди, этн. 760
Ламуты, этн. 110, 112, 113, 267, 760, 761
Ланзы С., им. 471
Лаошань, им. 76
Лаптевых море 121
Ларичев В. Е., им. 95
Лартэ Э., им. 26
Ларьякский р-н 570, 598, 599, 666; Ваховский р-н 570
Левандиан, им. 130
Левин М. Г., им. 7, 8, 27, 64, 269
Левират 367, 465, 512, 558, 626, 655, 664, 802, 884, 966; см. также Семья и семейно-брачные отношения
Левоозерский р-н 608

Ледовитый океан см. Северный Ледовитый океан
Лена, р. 9, 12, 23, 28—30, 32, 34, 37, 41, 46—48, 56, 58, 60—62, 65, 80, 82, 97, 98, 100, 106, 111, 122, 130, 135, 157, 164, 219, 267, 268, 270, 271, 292, 303, 308—310, 315, 702—704, 706, 710, 713, 716, 717, 719, 721—723, 725, 728, 743, 885, 886
Ленин В. И., им. 5, 18, 144—146, 206, 307, 351, 371, 402, 404, 471, 527, 544, 558, 931, 932
Ленинабад, гор. 21
Ленинград, гор. 6, 251, 257, 320, 359, 368, 448, 467, 568, 569, 602, 603, 646, 647, 664, 686, 759, 775, 811, 827, 930, 947, 948, 976
Ленковка, арх. пам. 62
Ленский басс. 705
Ленский волок, острог, нас. п. 122
Ленский край, геогр. обл. 268
Ленский острог, нас. п., см. Якутский острог
Ленско-Вилюйский край, геогр. обл. 271
Лермонтов М. Ю., им. 324, 490, 647
Лесная, нас. п. 951
Лесной д. ненецкого яз. 610; лесных ненцев яз. 610, 666
Лесной промысел см. Промыслы
Лесозаводск, нас. п. 411
Лессепс, Ж. Б. им. 762
Леушинский д. хантыйского яз. 571
Лёгёй, им. 303
Ли Гуан-ли, им. 78
Ли Лин, им. 78, 79, 89, 379
Лимбыль-кы, р. 682
Лимбыль пелаккыль тамдыр, этн. 677
Лимури, р. 786
Линденау Я., им. 762, 765, 766, 856
Липская Н. А., им. 6, 8
Лисьи о-ва 987
Литература 18, 19, 201, 204—206, 213, 217, 219, 243, 259, 260, 269, 301, 306, 324—326, 367—373, 395, 414—416, 443, 467—469, 471, 472, 493, 494, 514, 526, 527, 530, 560, 570, 604, 645, 649, 665, 702, 703, 738, 739, 760, 776, 786, 787, 812, 817, 827, 830, 855, 861, 865, 899, 930, 932, 934
Литинский Г. И., им. 326
Литке Ф., им. 934, 935
Литье см. Ремесла и домашняя промышленность
Ловей, этн. 473
Ловушки 135, 156, 159, 228, 274, 315, 477, 478, 500, 531, 545, 576, 578, 596, 615, 616, 625, 633, 634, 651, 658, 671, 707, 708, 727, 743, 746, 752, 754, 792, 828, 832, 841, 846, 889, 906, 988; см. также Орудия охоты
Лодки см. Средства передвижения
Лозва, р. 571, 580, 581, 590, 605
Ломоносов М. В., им. 117
Ломук (ломут), этн. 760
Лонга, этн. 473
Лопари (саамы), этн. 547, 608, 609
Лопатин И. А., им. 209, 788
Лопатка, м. 978
Лопынг-ус (Лопынг-вож), нас. п. 590
Лохтокурт, нас. п. 598
Лубсан, им. 423
Лузино, нас. п. 661
Луки 36, 37, 41, 42, 59, 61, 67, 75, 90, 91, 97, 106, 135, 227—228, 242, 255, 275, 299, 434, 478, 499, 503, 531, 545, 560, 576, 578, 579, 615, 616, 628, 649, 651, 662, 668, 671, 672, 677, 689, 696, 707, 712, 724, 744, 745, 792, 793, 818, 832, 846, 856, 864, 874, 888, 935, 938; см. также Стрелы
Лукин, им. 308
Лунин М., им. 206
Луораветланы, этн. 896
Лухтома, р. 855
Лучение 157, 503, 531, 671, 681, 712, 833, 845; см. также Рыболовство
Лыгитанн'ытан, этн. 896
Лыгъоравэтлят, этн. 896
Лыжи см. Средства передвижения
Львов Л. Я., им. 322
Любек, гор. 115
Люлька 234, 298, 433, 439, 484, 628, 688, 732, 736, 763, 765, 777, 784, 819, 846, 871
Ляо, гос-во, см. Киданьское гос-во
Ляпин, р. 580, 590

Маады П., им. 452
Маады, этн. 420
Маак Р., им. 209, 817
Магадан, гор. 773, 895
Магаданская обл. 760, 761, 885, 897
Маду, этн. 661
Мазанки 162, 171; см. также Жилище
Май Ян, им. 117
Майдель Г., им. 209, 901
Майма, р. 329
Майминский аймак 330, 374
Майн, р. 898, 901
Майнаков П. С., им. 416
Майнов И. И., им. 209
Майрык, им. 393
Макарепко А., им. 184, 185, 187, 188
Макарово, арх. пам. 28, 29
Маковский острог, арх. пам. 573
Макушин, им. 207
Малая Бугульдейка, р. 123, 219
Малая Иша, р. 330
Малая Мунку (Малая Черепаниха), р. 46
Малая Сыра, р. 377
Малая Хета, р. 609, 661
Малая Черепаниха, р., см. Малая Мунку
Малмыжское, нас. п. 96
Малоаргунский род, этн. 393
Малоачинский род, этн. 393
Малоземельская тундра 609, 613, 629, 630
Малоземельский гов. ненецкого яз. 610
Малоямальская тундра 609
Малый Анюй, р. 885, 887, 889, 898
Малый Бачат, р. 330
Малый Ямал, р. 610, 613, 629
Мальков М., им. 686
Мальта, арх. пам. 23—29, 32, 33
Мальтинское, нас. п. 23
Мамин-Сибиряк Д. Н., им. 189, 812
Мамрук, им. 574
Мана, р. 97

Мангазейский острог, нас. п. 117
Мангазейский у. 121
Мангазея, нас. п. 117, 121, 611, 661, 704
Мангму, этн. 787
Мангонкан (мангу, мангбо), этн. 788
Мангуны, этн. 123, 817
Манджу-тазы, этн. 547
Манегры, этн. 123, 547, 701, 702, 705, 706, 721, 732
Манзурка, р. 106
Манси, этн. 8, 11, 14—16, 65, 100, 109, 119—121, 125, 157, 162, 168, 175, 193, 473, 475, 493, 494, 547, 555, 560, 564, 565, *570—607*, 666, 739
— кондинские 571, 581
— лозвинские 573
— ляпинские 573, 590
— обские 581
— приобские 14
— северные 571, 580, 586, 587
— северо-сосвинские 573
— сосвинские 581
— тавдинские 573
— туринские 573
— юго-восточные 573
— южные 671
Мансийский яз. 571, 604, 605, 666; манси яз. 11, 494, 604
Мансуров, им. 573
Манто, этн. 661
Манхай, арх. пам. 91
Манчара Василий, им. 296
Маньчжурия, ист. обл. 103, 104, 192, 201, 217, 307, 701, 702, 704—706, 783—785, 819, 820
Маньчжурская (южная) подгруппа тунгусо-маньчжурских языков 778, 831, 844, 855
Маньчжурские языки 10
Маньчжурский яз. 784, 785, 788, 789
Маньчжуры, этн. 547, 702, 705, 706, 777, 780, 784, 787, 789, 791, 792, 794, 800, 824, 856, 872
Маня, р. 97
Манягир, этн. 702
Мараловодство см. Животноводство
Мариинск, гор. 44, 876
Мариинский пост, нас. п. 901
Марийцы, этн. 149
Марково, нас. п. 197, 199, 200, 897
Марковский р-н 760, 897, 923—925
Марковцы, этн. 166, 180, 201
Маркс К., им. 94, 115, 119
Мартьянов Н. М., им. 207
Марфусалов Н., им. вкл. 740—741
Мархa, р. 47, 83
Мархачан, арх. пам. 28
Маршак С. Я., им. 812
Маски 54, 67, 68, 77, 243, 379, 494
Маслова Г. С., им. 7
Маслоделие см. Ремесла и домашняя промышленность
Масса И., им. 129
Массагеты, этн. 76
Мата, этн. 702
Материнский род 16, 59, 83, 87, 88, 95, 96, 239, 296, 347, 511, 512, 750, 802, 870, 893, 916, 941, 981; см. также Род
Маторы, этн., см. Моторы
Матрилокальный брак 16, 511, 593, 870, 893, 981; см. также Семья и семейно-брачные отношения
Матур, им. 424
Матур, р. 492
Матурский стан, нас. п. 516
Матюшкин Ф. Ф., им. 891
Мая, р. 122, 309
Маяковский В. В., им. 372
Мдивани Г., им. 418
Мегино-Кангаласский р-н 312, 313, 315, 317, 324
Мегинский улус 287, 296
Мегипцы, этн. 292
Медвежий м. 897
Медвежий праздник 18, 578, 593, 594, 770, 780, 824, 825, 837, 850, 851, 852, 853, 858, 864, 866, 870, 873—875; см. также Культ медведя
Медный, о. 986, 988—990
Медянские юрты, нас. п. 490
Мезонь, р. 608, 609, 614
Мезин, арх. нам. 27, 28
Мезолит 42
Мекка, гор. 480
Мелесская управа 393
Мелесский (Мелецкий) род, этн. 393
Мелецкий острог, нас. п. 382
Мельников Г. И., им. 8
Мельшин-Якубович Л., им. 206
Менделеев Д. И., им. 207
Меновщиков Г. А., им. 8
Мережи см. Орудия рыболовства
Меркиты, этн. 331
Миддендорф А., им. 210, 760, 778, 861
Микояновский р-н 570, 590, 597, 598, 602
Милисы, этн. 393
Миллер Г. Ф., им. 208, 269, 493
Мингаты, этн. 424
Минуса, геогр. обл. 67
Минусинск, гор. 23, 207, 378, 403, 404, 411, 738
Минусинская котловина 35, 55, 56, 66, 67, 85, 89, 123, 138, 376, 377, 379, 380, 382, 383, 385, 399, 400, 420—422, 424, 494
Минусинская курганная культура, археол. 65, 66; см. также Тагарская культура
Минусинские степи 9, 54, 66, 378
Минусинский край, геогр. обл. 50, 52, 54—58, 66, 77, 78, 97, 99, 108, 148, 150, 154
Минусинский окр. 205, 403
Минусинский р-н, геогр. обл. 50, 55, 66, 403
Минусинский у. 150, 154, 155, 384, 402, 404
Мисюрев А. А., им. 189
Митинская вол. 193
Михаил Федорович (Романов), им. 117, 130
Михайловка, нас. п. 840, 841
Михайловское, нас. п. 818
Модор, этн. 421
Модэ, им. 76, 90, 91
Молонда, р. 898
Молотилка см. Орудия сельского хозяйства

Молуккские о-ва 58
Мольер Жан Батист, им. 261, 418
Момский р-н 761
Монголия, геогр. обл. 32, 42, 43, 56, 76, 83—85, 88, 90—92, 104, 107, 111, 133, 192, 201, 210, 219, 220, 241, 242, 252, 331, 352, 421, 423, 424, 427, 428, 434, 474, 702, 705, 706, 729; Монгольская Народная Республика 35, 217, 701
Монголоидный антропологический тип 35, 63, 64, 77, 79, 100, 108, 109, 112, 113, 330, 422
Монгольская группа языков см. Монгольские языки
Монгольская Народная Республика см. Монголия
Монгольские завоевания 105, 106, 331, 332, 381, 382
Монгольские языки 10, 111, 112, 702, 703; монгольская группа языков 10, 111, 112, 217
Монгольский Алтай, хр. 423
Монгольский яз. 91, 217, 242, 258, 329, 706, 785
Монголы, этн. 12, 92, 105, 106, 112, 167, 218, 220, 329, 331—333, 382, 393, 423, 437, 444, 496. 497, 702, 704—706, 788, 789
— восточные 382, 423
— западные 329, 382, 393, 423, 496, 497
— северные 112
Монгун-Тайга, р-н, см. Монгун-Тайгинский р-н
Монгун-Тайгинский р-н 471; Монгун-Тайга 421
Мондым чоны, этп. 493
Монок, нас. п. 377
Монок, р. 377
Мопьть, эти. 591
Мординов Н. Е. (Ачыгыйа Амма), им. 326
Морды 157, 274, 435, 501, 615, 689, 712, 764, 956; см. также Орудия рыболовства
Мориал, эти. 789
Морозко Лука, им. 953, 982
Морской промысел см. Охота
Мортилье Г. де, им. 26
Москва, гор. 116—118, 126, 129—132, 135, 137, 193, 198, 203, 206, 251, 257, 309, 320, 325, 359, 368, 409, 412, 448, 475, 479, 574, 600, 603, 611, 814, 843, 951
Московская обл. 170
Московское гос-во 116, 126, 475, 573, 688
Московское княжество 611
Мотора Семен, им. 887
Моторы, этн. 122, 383, 384; маторы 398, 610
Мотыги 52, 66, 94, 334, 378, 380, 498, 504, 581, 907, 935, 958, 984
Мохэ, этн. 95, 101, 102, 104, 784
Мочула, нас. п. 776
Мош, этн. 591
Мрас кижи, этн. 493
Мрасса, р. 128, 395, 492, 495—498, 500, 503—505, 511, 516, 518, 527
Муттади, этн. 661
Мудьюг, о. 629
Мужские дома 44, 676
Музыка см. Народное искусство
Музыкальные инструменты 106, 304, 346, 349, 391, 467, 470, 471, 485, 495, 603, 605—607, 642, 656, 680, 681, 700, 730, 753, 770, 804, 852, 875; см. также Музыка
Муйотта, этн. 858
Мукомольное дело см. Ремесла и домашняя промышленность
Мулинт-тамдыр, этн. 677
Муллигорт, нас. п. 603
Муна, р. 743
Мунгат, этн. 385, 421
Мунгатовский род, этн. 385
Мунзук М., им. 470
Мунку, арх. пам. 46
Муравьев Н. Н., им. 124
Мурманская обл. 608
Мурчэн, этн. 702
Мурэн, р. 786
Мухоршибирский аймак 247
Мыбинг, этн. 870
Мыльки, нас. п. 790
Мыски, нас. п. 513, 518
Мысковский р-н 519—521, 526
Мыш В., им. 209
Мэпэ (мэнэл), этп. 760, 761
Мэрдыгеев Р. С., им. 264, 266

Наварин, м. 951
Нагаево, бух. 771
Нагиба Иван, им. 862
Нагибин, им. 205
Надым, р. 609, 615
Найманы, этн. 331
Найхин, нас. п. 788, 804, 808, 809, 811
Найхинский гов. нанайского яз. 812
Наконечники 42—44, 46—48, 50, 52,61, 82, 91, 92, 94, 106, 129, 275, 434, 499, 572, 576, 578—580, 615, 667, 689, 712, 846, 864, 887, 891, 935, 938, 960, 979, 980; см. также Стрелы
Налачевая, р. 978
Налягиры, этн. 725
Намжилон, им. 263, 266
Намисса, эти. 858
Намоллы, этн. 934
Намсараев Х., им. 259, 260
Намский улус 296
Намцы, этн. 292
Нанай, этн. 787, 791
Нанайский нац. р-н 558, 560, 561
Нанайский р-н 786, 807—810, 815, 831, 840
Нанайский яз. 741, 788, 789, 812, 816, 817, 855; нанайцев яз. 10, 788
Нанайцы, этн. 8, 10, 14, 77, 113, 123, 153, 547, 549, 550, 553, 564, 702, 776—778, *783—816*, 817, 825, 838, 843, 844, 848—851, 859, 868, 872, 874, 877
Нанга, этн. 473
Нани, этн. 783, 817, 844, 855
Напазаков М., им. 527
Напана, нас. п. 985
Напас юрты, нас. п. 677, 681

Напитки см. Пища
Народное здравоохранение см. Социалистическое переустройство
Народное искусство 18, 19, 39, 54, 60, 61, 63, 67, 68, 72, 74, 75, 80—82, 86, 96, 97, 101, 191—201, 260—267, вкл. 280—281, 302—307, 391, 443, 467, 469—472, 484, 514, 515, вкл. 600—601, 604—607, 642, 752—754, вкл. 772—773, 781, 803, 804, 825, 838, 852, 853, 874—876, 920, 921, 949, 968—970
— —, аппликация 18, 74, 75, 198, 238, 263, 264, 289, 304, вкл. 320—321, 349, 363, 391, 623, 641, 642, 653, 753, 781, 804, вкл. 808—809, 814, 825, 853, 870, 874, 875
— —, вышивка 18, 180, 191, 192, 194, 197, 108, 200, 263, 264, вкл. 276—277, 289, 304, вкл. 320—321, 391, 394, 482, 485, 507, 516, 553, 587—589, 605, 645, 676, 731, 732, 748, 753, 754, 766, 780, 781, 791, 804, 813—815, 825, 838, 843, 849, 853, 870, 874, 949, 964
— —, изобразительное искусство 18, 26, 28, 39, 47, 63, 72, 174, 191, 192, 194, 200, 201, 261, 264, 266, 302, 304, 327, 391, 394, 417, 471, 485, 516, 546, 571, 572, 605, 656, 679, 732, вкл. 740—741, 753, 803, 804, 814, вкл. 816—817, 825, 838, 852, 860.
— —, музыка 97, 207, 302, 304, 391, 470, 485, 642, 803, 838; см. также Музыкальные инструменты
— —, орнамент 63, 80, 82—84, 91, 92, 100, 101, 174, 192, 194—200, 261, 263—265, 277, 303, 304, 338, 349, 377, 394, 437, 441, 485, 572, 586, 587, 589, 606, 642, 656, 657, 662, 676, 679—681, 732, 754, 766, 780, 781, 783, 784, 802, 803, вкл. 804—805, 814, 815, вкл. 824—825, 829, 830, 838, 843, 860, 862, 874, 879, 891, 935, 941, 943, 964, 969, 970
— —, резьба по дереву 19, 171, 172, 192, 194—196, 263, 327, 349, 391, 471, 605, 642, 802, 814, 825, 838, 852, 874, 875
— —, резьба по кости 18, 193—195, 201, 261, 263, 280, вкл. 304—305, 327, 471, 516, 642, 657, 752, 814, 825, 852, 874, 875, вкл. 928—929, 931, 932, вкл. 948—949, 958, 969.
— —, танцы 242, 243, 298, 304, 327, 491, 593, 731, 753, 770, 771, 874, 921, 940, 943, 948, 969, 977
— —, устное народное творчество 18, 100, 101, 183—191, 239, 243, 244, 260, 302—304, 324, 325, 348, 349, 369, 371, 372, 394, 397, 484, 485, 490, 496, 514, 515, 526, 546, 572, 604, 605, 642, 656, 657, 663, 679, 700, 729, 730, 739, 752, 770, 803, 813, 814, 825, 838, 852, 874, 893, 899, 920, 932, 952, 968, 969
— —, художественная обработка металла 18, 56, 261, 263, 266, 304, 380, 394, 471, 656, 825
Народное образование см. Социалистическое переустройство
Народность 17, 19, 100, 159, 161, 163, 204, 208, 214, 219, 330—332, 492—495, 529, 543—549, 551—561, 564, 568, 569, 608, 609, 611, 721, 730, 761, 783, 784, 824, 825, 831, 837, 850, 857, 858, 861, 877, 885, 896, 918, 950, 952, 971, 979, 989
Народные восстания 127, 206, 379, 427, 428, 575, 613
Народные празднества 187, 242, 243, 255, 289, 302, 304, 483, 490, 494, 590, 591, 607, 641, 642, 656, 689, 696, 770, 779, 780, 820, 821, 859, 883, 899, 919, 920, 943, 968, 977, 982
Нартахова М. Д., им. 319
Нарты см. Средства передвижения
Нарым, пас. п. 121, 667—669, 673, 676
Нарымский край 100, 667
Нарымский окр. 665, 681
Нарымский у. 665, 667
Нарымский хр. 52
Нарын, гор. 21
Нарьян-Мар, гор. 629, 640, 644, 646, 647
Наскальные изображения 47, 80, 81—83, 85, 86, 97, 99, 106, 378, 422
Настык-Доржу, им. 448
Наталья, бух. 951
Натки, этн. 123, 785, 788
Натускин Н., им. 607
Наукан, пас. п. 900, 921, 934, 941, 946
Наукат, пас. п. 21
Наумов Н. И., им. 205
Нахрачи, пас. п. 591
Национальная политика Советского Союза 19, 20, 211, 213, 214, 244, 245, 352, 373, 375, 419, 449, 517, 525, 529, 539, 543—569, 644
Начики, пас. п. 982
Наяхан, пас. п. 971
Нганасанский яз. 648; нганасанов яз. 11, 610, 661,
Нганасаны, этн. 8, 11, 15, 17, 19, 121, 547, 555, 566, 608—610, *648—664*, 665, 689, 742—744, 754, 758
— авамские 649, 653
— вадеевские 649, 652
Нгатки (нгатку, нгаткуй), этн. 788
Нгегида, этн. 776
Невельской Г. И., им. 208, 778, 817, 818, 856
Неводы 157—159, 161, 213, 274, 435, 477, 501, 575, 592, 595, 669, 681, 682, 689, 696, 712, 746, 756, 792, 807, 809, 818—824, 826, 827, 845, 853, 863, 865, 878, 895, 955, 972, 973, 988; см. также Орудия рыболовства
Невские, им. 193
Негда, этн. 776
Негеданцы, этн. 776
Негидальский яз. 776, 844, 855; негидальцев яз. 10, 702
Негидальцы, этн. 8, 10, 110, 112, 547, 549, 702, *776—783*, 787, 788, 817, 819, 824, 844, 877
— амгуньские 776
— верховские 777—781;
— низовские 776, 777, 779, 780
Негроидный антропологический тип 35
Нейдальцы, этн. 776
Нелемное, пас. п. 894

Немаев, им. 266
Немек, им. 382
Немецкий яз. 206
Ненец, этн. 608
Ненецкий нац. окр. 558, 609, 610, 629—636, 638, 639, 641, 645—647.
Ненецкий яз. 494, 609, 610, 611, 643—645, 647, 648, 661
Ненцы, этн. 8, 11, 14, 16, 17, 37, 109, 110, 119—121, 193, 316, 547, 549, 553, 555, 560, 563, 564, 566, 568, 570—573, 575, 580, 582, 584, 586, 587, *608—647*, 648, 652, 655, 656, 661—666, 668, 674, 678, 679, 681, 684, 689, 700, 701, 744, 758, 804
— большеземельские 555, 624
— восточные 17, 110, 627
— гыданские 608
— европейские 608, 622
— енисейские 622
— западные 109, 549, 616, 627
— канино-тиманские 549
— лесные 14, 609, 611, 614, 615, 620, 630, 666
— малоземельские 549, 566
— обдорские 623
— пуровские 612
— сибирские 120, 608, 623
— тундровые 609, 610
— ямальские 555, 560, 608, 612
Ненэй ненэць, этн. 608
Неня, р. 377
Ненянга Вавлё (Ваули Пьеттомин), им. 575, 613
Неолит 12, 18, 32, 34, 36, 37, 40—47, 49, 50, 58, 60, 62, 64, 65, 100, 110, 268, 280, 377, 783, 741, 875, 885, 952, 979, 980
Непа, р. 709
Нерога, р. 133
Нероев, им. 266
Нерха, нас. п. 536, 539
Нерчинск, гор. 9, 123, 132, 139, 203, 204, 222
Нерчинский острог, нас. п. 705
Нерчинский р-н 138
Нестор, им. 611
Неустроев Н. Д., им. 325
Нещанг, этн. 609
Нивх, этн. 861
Нивхи, этн. 8, 11, 14, 18, 112, 113, 547, 549, 550, 555, 702, 764, 777, 778, 780, 783—788, 794, 803, 817, 824, 844, 848—852, 856, 858, *861—884*
— амурские 112, 864, 868, 87?
— лиманские 863
— материковые 861, 877—879
— сахалинские 112, 863, 866, 868, 872, 877—879
Нивхский яз. 11, 844, 862; нивхов яз. 11, 112
Нигидаттеры, этн. 776
Ниегда, этн. 776
Ниждальцы, этн. 776
Нижне-Амурская обл. 197
Нижне-Амурский р-н 862
Нижне-затундринская вол. 743
Нижнеинбатская вол. 688
Нижне-Колымск, нас. п. 920
Нижнеколымская (Халерчинская) тундра 895
Нижне-Колымский острог, нас. п. 900
Нижне-Колымский р-н 316, 317, 565, 761, 773, 885, 895—898
Нижне-Печорский р-н 631, 636
Нижнеудинск, гор. 530
Нижне-Удинский р-н 536
Нижне-Янское зимовье, нас. п. 122
Нижние Аримзяны, нас. п. 479, 486, 489
Нижние Елбаны, нас. п. 98
Нижний Новгород, гор. 211
Нижняя Буреть, нас. п. 59
Нижняя Иткана, нас. п. 951
Нижняя Тунгуска, р. 121, 271, 661, 702—704, 706, 707, 709, 713, 722, 725, 737, 738
Нижняя Эконь, нас. п. 809
Никифоров В. В., им. 306
Никифоров Е. А., им. 973
Николаевский Д. Л., им. 773
Николаевский пост, нас. п. 818
Николаевск-на-Амуре, гор. 44, 557, 775, 806, 811, 827, 854, 861, 881, 884. 895
Николай I, им. 139
Никулышин Н. П., им. 6, 8
Нилова пустынь, нас. п. 252
Нимбуев Ш., им. 260
Нина, р. 382
Нингута, нас. п. 102, 104
Ница, р. 140
Новая Гвинея, о. 94
Новая Земля, о. 115, 608, 609, 613, 615, 622, 647
Новгород, гор. 115, 116, 573, 611
Новгородов С. А., им. 306
Новгородская губ. 185
Новиков А., им. 185
Новицкий Г., им. 49
Ново-Николаевск, нас. п. 207
Новоселов А., им. 206
Новосибирск, гор. 213, 309, 350, 473
Новосибирская обл. 212, 473, 485, 489, 490
Новый Качинский Красный острог, нас. п. 122
Ногай, этн. 473
Ногайский улус 333, 474
Ногайцы, этн. 333
Ногин, им. 271
Ноглики, нас. п. 880, 882
Ножи 37, 38, 42—44, 46, 48, 49, 55, 56, 58, 59, 80, 85, 92, 94, 124, 161, 176, 180, 195, 230, 263, 277, 300, 334, 357, 378, 435, 436, 478, 505, 509, 516, 532, 534, 545, 578, 580, 587, 651, 652, 676, 678, 689, 697, 705, 707, 716, 732, 754, 790, 820, 846, 864, 874, 891, 894, 900, 901, 903, 935, 957, 958, 980, 983
Ноин-Ула, горы 89
Номча, им. 382
Нор, р. 786
Норильск, гор. 742, 744, 758, 759
Норильские озера 743
Норильский р-н 746, 756
Норильск-Часовня, нас. п. 758
Носка, р. 473, 475
Носов М. М., им. 327
Нохой, арх. пам. 62
Нунямо, нас. п. 899
Ныйво, нас. п. 550, 855, 861
Нымылан, этн. 950

Нымылын, этн. 978
Нымылъу, этн. 950
Нюкжа, р. 740
Нюкжинский р-н 701, 740
Нюркой, нас. п. 598
Нюролька, р. 666
Нюрумняли, этн. 725
Нюя, арх. пам. 28
Ня, этн. 649
Няныги, арх. пам. 28, 31
Нясихагиль, этн. 780

Обдорск, нас. п. 157, 575, 613, 629, 639, 644
Обдорский (Носовой) городок, нас. п. 573
Обдорский д. хантыйского яз. 571
Обдоряне, этн. 166
Обмен 41, 60, 61, 66, 88, 96, 101, 120, 146, 226, 268, 330, 378, 383, 497, 499, 503, 505, 512, 513, 551, 572, 573, 580, 582, 624, 630, 677, 705, 707, 709, 712, 727, 764, 768, 780, 790, 802, 816, 836, 846, 850, 858, 866, 872, 887, 888, 900—902, 906, 918, 919, 922, 940, 942, 952, 953 956, 982; см. также Торговля
Обработка дерева см. Ремесла и домашняя промышленность
Обработка камня см. Ремесла и домашняя промышленность
Обработка кости см. Ремесла и домашняя промышленность
Обработка металла см. Ремесла и домашняя промышленность
Обработка шкур см. Ремесла и домашняя промышленность
Обручев В., им. 209
Обряд погребальный см. Обычаи и обряды
Обская губа 116, 609, 662
Обский городок, нас. п. 573
Обской басс. 157, 668
Обувь см. Одежда
Обухов, им. 561
Община патриархально-родовая см. Социальный строй
Община родовая см. Социальный строй
Обычаи и обряды 16, 18, 39, 41, 53, 54, 56, 59, 72, 86, 91, 96, 100, 120, 129, 133, 167, 177, 183, 184, 186, 221, 226, 231, 239, 240, 243, 274, 292, 294, 297—299, 301, 330, 347, 367, 381, 391, 392, 394, 397, 399, 404, 420, 422, 426, 441, 465, 484, 494, 495, 511, 512, 516, 517, 535, 591, 592, 623, 624, 627, 628, 641, 654, 655, 669, 677—679, 696, 697, 700, 705, 724, 725, 727—729, 739, 752, 768, 769, 770, 780, 800, 802—805, 816, 824, 825, 836, 838, 849—852, 858, 859, 866, 870, 883, 899, 901, 916—920, 941—943, 954, 965, 966, 968, 977, 981, 982; см. также: 1) Религиозные верования; 2) Семья и семейно-брачные отношения; 3) Социальный строй
Обычное право 152, 158, 221, 366, 601, 612, 624, 639, 767, 824
Обь, р. 14, 18, 23, 49, 55, 56, 65, 66, 98—100, 115—117, 120, 121, 128, 151, 157, 161, 164, 382, 420, 475, 479, 494, 530, 552, 553, 564, 570, 571, 574, 576, 580, 582, 589—591, 595, 600, 608, 610, 615, 630, 665—669, 673, 676, 681, 682, 705, 714
Обь-Енисейское междуречье, 100
Обь-Иртышский басс. 477, 701
Овен, этн. 760
Овцеводство см. Животноводство
Овюрский р-н 421, 452, 459
Огородничество 150, 155, 166, 212, 321, 334, 343, 393, 447, 448, 453, 486, 505—526, 536, 553, 581, 598, 663, 668, 699, 756, 777, 786, 789, 790, 800, 807, 826, 834, 842, 853, 860, 877, 895, 925, 974, 983, 985, 988, 989
Одежда 18, 22, 24—26, 49, 50, 62, 75—77, 91, 106, 176—182, 190, 192, 196, 197, 199, 200, 213, 214, 224, 225, 230, 236—238, 254, 261, 263, 269, 277, 281, 287—289, 291, 298, 315, 318—319, 330, 339—343, 348, 353, 354, 364, 365, 377, 379, 381, 389, 390, 394, 396, 412—414, 422, 426, 436, 437—439, 448, 456, 462—464, 475, 480, 482, 485, 487, 494, 500, 505, 506—511, 522, 528, 530, 533, 534, 545, 553, 566, 575, 586—593, 601, 605, 611, 614, 620, 623, 626, 630, 639, 642, 652, 653, 656, 659, 662, 664, 667, 668, 673, 677, 685, 688, 695, 699, 704, 706, 709, 713, 716, 717, 721—723, 726, 727, 732, 734, 736, 748, 752—754, 758, 766, 767, 774, 776, 780, 784, 792, 794, 798—800, 803, 806, 810, 814, 822, 825, 826, 829, 830, 836, 841, 843, 845, 846, 849, 852, 853, 857, 858, 862, 864, 866, 870, 874, 879, 887, 888, 890—892, 902, 906, 908—911, 918, 925, 928, 929, 936, 940, 946, 954, 962—966, 970, 972, 975, 979, 980, 982, 984, 986, 989
— детская 190, 289, 482, 488, 653, 910, 911, 927
— женская 177, 178, 180, 182, 196, 198, 230, 236, 237, 264, 288, 341, 342, 365, 379, 389, 390, 394, 396, 412, 462, 464, 480, 482, 483, 494, 509, 528, 533, 534, 587, 588, 589, вкл. 592—593, 605, 621—623, 653, 676, 693, 720, 721, 748, 751, 766, вкл. 768—769, 780, 799, 801, 822, 826, 829, 836, 851, 857, 870, 892, 911, 927, 962, 963
— мужская 178, 180, 181, 182, 196, 236, 237, 288, 339, 341, 372, 364, 389, 390, 412, 462, 480, 494, 509, 510, 528, 534, 586, 587, 588, 605, 621, 622, 653, 675, 676, 693, 719, 748, 749, 766, 774, 780, 799, 822, 826, 829, 836, 857, 859, 870, 891, 892, 909, 962, 963.
— обрядовая 176, 181, 241, 299, 300, 301, 350, 389, 392, 394, 397, 655, 699, 728, 729, 752, 770, 799, 800, 804—806, 822, 823, 838, 870, 893, 920, 943, 967
— праздничная 102, 180—182, 254, 288, 341, вкл. 392—393, 456, 480, 482, 623, вкл. 664—665, 676, 722, 799, 800
— промысловая 181, 182, 319, 365, 394, 500, 522, 534, 587, 639, 688, 793, 799, 800, 822, 823, 829, 836, 857, 904, 938, 989
—, головные уборы 17, 25, 62, 75, 76, 83, 177, 178, 180, 196, 199, 230, 236, 237, 264, 277, 288, 319, 341, 365, 379,

389—391, 393, 394, 399, 462, 463, 480, 482, 485, 488, 509, 516, 523, 588, 589, 621, 623, 642, 656, 676, 685, 695, 721, 722, 732, 767, 774, 793, 799, 800, 801, 803, 810, 822, 829, 836, 849, 870, 879, 909, 911, 920, 940, 962, 963, 970
—, обувь 178, 181, 196—199, 225, 230, 236—238, 254, 261, 263, 264, 462—465, 480, 482, 507, 509, 523, 528, 534, 545, 553, 587, 605, 614, 615, 621, 653, 659, 676, 688, 695, 699, 713, 717, 721, 727, 732, 736, 748, 767, 774, 776, 780, 782, 790, 792, 794, 799, 801, 803, 806, 810, 814, 822, 823, 826, 829, 830, 843, 845, 846, 849, 858, 860, 869, 870, 879, 902, 906, 907, 909—911, 918, 927, 936, 940, 946, 955, 962, 963, 965, 988, 989
—, украшения 18, 19, 27, 28, 44, 45, 46, 54, 55, 56, 58, 59, 62, 66, 73, 84, 85, 88, 102, 106, 176, 177, 178, 182, 193, 196—200, 230, 236, 238, 261, 263, 264, 280, 281, 289, 299, 305, 341, 343, 349, 365, 380, 381, 391, 394, 413, 462, 475, 480, 482, 488, 534, 589, 606, 621—623, 642, 657, 667, 676, 695, 704—706, 716, 721, 732, 748, 766, 784, 800, 822, 830, 834, 847, 870, 891, 911, 962, 963
Одзял, этн. 789
Одул, этн. 886
Ой-Муранская протока 45
Оймякон, нас. п. 267
Оймяконский р-н 760, 761
Ойн-Уряиха, этн. 219
Ойрат, этн. 386
Ойрат-Каска, этн. 386
Ойратское гос-во см. Джунгарское гос-во
Ойраты, этн. 329, 333, 382, 423
— булагачины, этн. 219
Ойротская (Ойратская) АО 352
Ока, р. 122
Окающий гов. якутского яз. 268
Окинский аймак 217, 250; Окинский р-н 250
Окшский р-н см. Окинский аймак
Окладников А. П., им. 7, 32, 258, 269, 324, 704, 886, 899
Око, этн. 648
Ола, нас. п. 760
Ола, р. 762
Олекма, р. 267, 308, 309, 702, 710, 714, 719
Олекминск, гор. 28, 46, 47, 122, 268, 310
Олекминский окр. 271, 274, 280, 290, 295, 296
Олекминский р-н 311, 313, 314, 316, 701
Оленеводство см. Животноводство
Оленек, нас. п. 311
Оленек, р. 122, 267, 268, 271, 743
Оленекский р-н 311, 313, 316, 320, 321
Оленекское зимовье, нас. п. 122
Олений о. (Карское море) 609
Олений о. (Онежское оз.) 47
Оленный транспорт см. Средства передвижения
Олеты, этн. 217
Олонецкая губ. 185
Олонки, арх. пам. 29
О-лунь-чунь (э-лунь-чунь), этн. 702
Ольгинский р-н 831, 840, 841
Ольминский, им. 271
Ольский гов. эвенского яз. 761
Ольский р-н 760, 761, 765
Ольхон, о-в 86, 97, 123, 218, 219, 228
Ольча, этн. 823
Ольчи, этн. 817
Олюторка, нас. п. 951
Олюторский острожок, нас. п. 960
Олюторский р-н 897, 951, 972, 974, 975
Олюторы, этн. 547
Омоки, этн. 885
Омоллон, им., см. Сивцев Д. К.
Омолон, нас. п. 885
Омолон р. 762, 885, 887, 898, 951
Омск, гор. 150, 193, 202—204, 206, 207, 209, 213, 473, 479, 490
Омская обл. 192, 473, 490
Омулевский И. В., им. 205
Омь, р. 473
Она, р. 687
Он-Арча, р. 21
Онгудайский аймак 329, 346, 354, 358, 375; Онгудайский р-н 364, 370
Онгудайский р-н см. Онгудайский аймак
Ондар уйгур, этн. 423
Онежское оз. 47
Оненко В., им. 815
Оненко Е., им. 809
Оненко С. Н., им. 812
Оникан, этн. 788
Онинка П., им. 811
Онкилон, этн. 934
Онмой, нас. п. 790
Онно, им. 932
Онон, р. 23, 105, 225, 706
Онтулы, этн. 274
Онэй-энэтэ, этн. 661
Ооржак, этн. 420
Орак нас. п. 54, 377
Орготы, этн. 274
Орда, им. 332
Орджоникидзе С., им. 271
Орджоникидзевский, нас. п. 411
Орджоникидзевский р-н 315
Ордос, геогр. обл. 83
Орель, оз. 776, 778
Орис (Орял), этн. 856
Орлики, этн. 817
Орнамент см. Народное искусство
Орныр, этн. 817
Ороки, этн. 8, 10, 19, 110, 112, 547, 555, 764, 783, 817, 819, 851, *855—860*, 879
Орокский яз. 855; ороков яз. 10, 855
Орончун этн. 702
Ороньчо, этн. 855
Оросительные системы 66, 97, 152, 226, 250, 312, 381, 386, 396, 398, 408, 434, 451, 453, 476
Оросугбу, этн. 823
Орочан, этн. 702
Орочел, этн. 760
Орочен, этн. 702
Орочён, этн. 702
Орочи, этн. 8, 10, 14, 18, 19, 112, 113, 547, 564, 702, 764, 783, 787, 802, 817, 819, 837, 838, *844—854*, 856, 859
Орочены, этн. 701, 702, 713, 844, 855; орочоны 217, 547
Орочоны, этн., см. Орочены

Нымылын, этн. 978
Нымылъу, этн. 950
Нюкжа, р. 740
Нюкжинский р-н 701, 740
Нюркой, нас. п. 598
Нюролька, р. 666
Нюрумняли, этн. 725
Нюя, арх. пам. 28
Ня, этн. 649
Няньги, арх. пам. 28, 31
Нясихагиль, этн. 780

Обдорск, нас. п. 157, 575, 613, 629, 639, 644
Обдорский (Носовой) городок, нас. п. 573
Обдорский д. хантыйского яз. 571
Обдоряне, этн. 166
Обмен 41, 60, 61, 66, 88, 96, 101, 120, 146, 226, 268, 330, 378, 383, 497, 499, 503, 505, 512, 513, 551, 572, 573, 580, 582, 624, 630, 677, 705, 707, 709, 712, 727, 764, 768, 780, 790, 802, 816, 836, 846, 850, 858, 866, 872, 887, 888, 900—902, 906, 918, 919, 922, 940, 942, 952, 953 956, 982; см. также Торговля
Обработка дерева см. Ремесла и домашняя промышленность
Обработка камня см. Ремесла и домашняя промышленность
Обработка кости см. Ремесла и домашняя промышленность
Обработка металла см. Ремесла и домашняя промышленность
Обработка шкур см. Ремесла и домашняя промышленность
Обручев В., им. 209
Обряд погребальный см. Обычаи и обряды
Обская губа 116, 609, 662
Обский городок, нас. п. 573
Обской басс. 157, 668
Обувь см. Одежда
Обухов, им. 561
Община патриархально-родовая см. Социальный строй
Община родовая см. Социальный строй
Обычаи и обряды 16, 18, 39, 41, 53, 54, 56, 59, 72, 86, 91, 96, 100, 120, 129, 133, 167, 177, 183, 184, 186, 221, 226, 231, 239, 240, 243, 274, 292, 294, 297—299, 301, 330, 347, 367, 381, 391, 392, 394, 397, 399, 404, 420, 422, 426, 441, 465, 484, 494, 495, 511, 512, 516, 517, 535, 591, 592, 623, 624, 627, 628, 641, 654, 655, 669, 677—679, 696, 697, 700, 705, 724, 725, 727—729, 739, 752, 768, 769, 770, 780, 800, 802—805, 816, 824, 825, 836, 838, 849—852, 858, 859, 866, 870, 883, 899, 901, 916—920, 941—943, 954, 965, 966, 968, 977, 981, 982; см. также: 1) Религиозные верования; 2) Семья и семейно-брачные отношения; 3) Социальный строй
Обычное право 152, 158, 221, 366, 601, 612, 624, 639, 767, 824
Обь, р. 14, 18, 23, 49, 55, 56, 65, 66, 98—100, 115—117, 120, 121, 128, 151, 157, 161, 164, 382, 420, 475, 479, 494, 530, 552, 553, 564, 570, 571, 574, 576, 580, 582, 589—591, 595, 600, 608, 610, 615, 630, 665—669, 673, 676, 681, 682, 705, 714
Обь-Енисейское междуречье, 100
Обь-Иртышский басс. 477, 701
Овен, этн. 760
Овцеводство см. Животноводство
Овюрский р-н 421, 452, 459
Огородничество 150, 155, 166, 212, 321, 334, 343, 393, 447, 448, 453, 486, 505—526, 536, 553, 581, 598, 663, 668, 699, 756, 777, 786, 789, 790, 800, 807, 826, 834, 842, 853, 860, 877, 895, 925, 974, 983, 985, 988, 989
Одежда 18, 22, 24—26, 49, 50, 62, 75—77, 91, 106, 176—182, 190, 192, 196, 197, 199, 200, 213, 214, 224, 225, 230, 236—238, 254, 261, 263, 269, 277, 281, 287—289, 291, 298, 315, 318—319, 330, 339—343, 348, 353, 354, 364, 365, 377, 379, 381, 389, 390, 394, 396, 412—414, 422, 426, 436, 437—439, 448, 456, 462—464, 475, 480, 482, 485, 487, 494, 500, 505, 506—511, 522, 528, 530, 533, 534, 545, 553, 566, 575, 586—593, 601, 605, 611, 614, 620, 623, 626, 630, 639, 642, 652, 653, 656, 659, 662, 664, 667, 668, 673, 677, 685, 688, 695, 699, 704, 706, 709, 713, 716, 717, 721—723, 726, 727, 732, 734, 736, 748, 752—754, 758, 766, 767, 774, 776, 780, 784, 792, 794, 798—800, 803, 806, 810, 814, 822, 825, 826, 829, 830, 836, 841, 843, 845, 846, 849, 852, 853, 857, 858, 862, 864, 866, 870, 874, 879, 887, 888, 890—892, 902, 906, 908—911, 918, 925, 928, 929, 936, 940, 946, 954, 962—966, 970, 972, 975, 979, 980, 982, 984, 986, 989
— детская 190, 289, 482, 488, 653, 910, 911, 927
— женская 177, 178, 180, 182, 196, 198, 230, 236, 237, 264, 288, 341, 342, 365, 379, 389, 390, 394, 396, 412, 462, 464, 480, 482, 483, 494, 509, 528, 533, 534, 587, 588, 589, вкл. 592—593, 605, 621—623, 653, 676, 693, 720, 721, 748, 751, 766, вкл. 768—769, 780, 799, 801, 822, 826, 829, 836, 851, 857, 870, 892, 911, 927, 962, 963
— мужская 178, 180, 181, 182, 196, 236, 237, 288, 339, 341, 372, 364, 389, 390, 412, 462, 480, 494, 509, 510, 528, 534, 586, 587, 588, 605, 621, 622, 653, 675, 676, 693, 719, 748, 749, 766, 774, 780, 799, 822, 826, 829, 836, 857, 859, 870, 891, 892, 909, 962, 963.
— обрядовая 176, 181, 241, 299, 300, 301, 350, 389, 392, 394, 397, 655, 699, 728, 729, 752, 770, 799, 800, 804—806, 822, 823, 838, 870, 893, 920, 943, 967
— праздничная 102, 180—182, 254, 288, 341, вкл. 392—393, 456, 480, 482, 623, вкл. 664—665, 676, 722, 799, 800
— промысловая 181, 182, 319, 365, 394, 500, 522, 534, 587, 639, 688, 793, 799, 800, 822, 823, 829, 836, 857, 904, 938, 989
—, головные уборы 17, 25, 62, 75, 76, 83, 177, 178, 180, 196, 199, 230, 236, 237, 264, 277, 288, 319, 341, 365, 379,

389—391, 393, 394, 399, 462, 463, 480, 482, 485, 488, 509, 516, 523, 588, 589, 621, 623, 642, 656, 676, 685, 695, 721, 722, 732, 767, 774, 793, 799, 800, 801, 803, 810, 822, 829, 836, 849, 870, 879, 909, 911, 920, 940, 962, 963, 970
—, обувь 178, 181, 196—199, 225, 230, 236—238, 254, 261, 263, 264, 462—465, 480, 482, 507, 509, 523, 528, 534, 545, 553, 587, 605, 614, 615, 621, 653, 659, 676, 688, 695, 699, 713, 717, 721, 727, 732, 736, 748, 767, 774, 776, 780, 782, 790, 792, 794, 799, 801, 803, 806, 810, 814, 822, 823, 826, 829, 830, 843, 845, 846, 849, 858, 860, 869, 870, 879, 902, 906, 907, 909—911, 918, 927, 936, 940, 946, 955, 962, 963, 965, 988, 989
—, украшения 18, 19, 27, 28, 44, 45, 46, 54, 55, 56, 58, 59, 62, 66, 73, 84, 85, 88, 102, 106, 176, 177, 178, 182, 193, 196—200, 230, 236, 238, 261, 263, 264, 280, 281, 289, 299, 305, 341, 343, 349, 365, 380, 381, 391, 394, 413, 462, 475, 480, 482, 488, 534, 589, 606, 621—623, 642, 657, 667, 676, 695, 704—706, 716, 721, 732, 748, 766, 784, 800, 822, 830, 834, 847, 870, 891, 911, 962, 963
Одзял, эти. 789
Одул, эти. 886
Ой-Муранская протока 45
Оймякон, нас. п. 267
Оймяконский р-н 760, 761
Ойн-Уряиха, эти. 219
Ойрат, эти. 386
Ойрат-Каска, эти. 386
Ойратское гос-во см. Джунгарское гос-во
Ойраты, эти. 329, 333, 382, 423
— булагачины, эти. 219
Ойротская (Ойратская) АО 352
Ока, р. 122
Окающий гов. якутского яз. 268
Окинский аймак 217, 250; Окинский р-н 250
Окинский р-н см. Окинский аймак
Окладников А. П., им. 7, 32, 258, 269, 324, 704, 886, 899
Око, эти. 648
Ола, нас. п. 760
Ола, р. 762
Олекма, р. 267, 308, 309, 702, 710, 714, 719
Олекминск, гор. 28, 46, 47, 122, 268, 310
Олекминский окр. 271, 274, 280, 290, 295, 296
Олекминский р-н 311, 313, 314, 316, 701
Оленеводство см. Животноводство
Оленек, нас. п. 311
Оленек, р. 122, 267, 268, 271, 743
Оленекский р-н 311, 313, 316, 320, 321
Оленекское зимовье, нас. п. 122
Олений о. (Карское море) 609
Олений о. (Онежское оз.) 47
Олешный транспорт см. Средства передвижения
Олеты, эти. 217
Олонецкая губ. 185
Олонки, арх. пам. 29
О-лунь-чунь (э-лунь-чунь), эти. 702
Ольгинский р-н 831, 840, 841
Ольминский, им. 271
Ольский гов. эвенского яз. 761
Ольский р-н 760, 761, 765
Ольхон, о-в 86, 97, 123, 218, 219, 228
Ольча, этп. 823
Ольчи, эти. 817
Олюторка, нас. п. 951
Олюторский острожок, нас. п. 960
Олюторский р-н 897, 951, 972, 974, 975
Олюторы, эти. 547
Омоки, эти. 885
Омоллон, им., см. Сивцев Д. К.
Омолон, нас. п. 885
Омолон р. 762, 885, 887, 898, 951
Омск, гор. 150, 193, 202—204, 206, 207, 209, 213, 473, 479, 490
Омская обл. 192, 473, 490
Омулевский И. В., им. 205
Омь, р. 473
Она, р. 687
Он-Арча, р. 21
Онгудайский аймак 329, 346, 354, 358, 375; Онгудайский р-н 364, 370
Онгудайский р-н см. Онгудайский аймак
Ондар уйгур, эти. 423
Онежское оз. 47
Оненко В., им. 815
Оненко Е., им. 809
Оненко С. Н., им. 812
Оникан, эти. 788
Ошнка П., им. 811
Онкилон, эти. 934
Онмой, нас. п. 790
Онно, им. 932
Онон, р. 23, 105, 225, 706
Онтулы, эти. 274
Онэй-энэтэ, эти. 661
Ооржак, эти. 420
Орак нас. п. 54, 377
Орготы, эти. 274
Орда, им. 332
Орджоникидзе С., им. 271
Орджоникидзевский, нас. п. 411
Орджоникидзевский р-н 315
Ордос, геогр. обл. 83
Орель, оз. 776, 778
Орис (Орил), эти. 856
Орлики, эти. 817
Орнамент см. Народное искусство
Орныр, эти. 817
Ороки, эти. 8, 10, 19, 110, 112, 547, 555, 764, 783, 817, 819, 851, *855—860*, 879
Орокский яз. 855; ороков яз. 10, 855
Орончун эти. 702
Ороньчо, эти. 855
Оросительные системы 66, 97, 152, 226, 250, 312, 381, 386, 396, 398, 408, 434, 451, 453, 476
Оросугбу, эти. 823
Орочан, эти. 702
Орочел, эти. 760
Орочен, эти. 702
Орочён, эти. 702
Орочи, эти. 8, 10, 14, 18, 19, 112, 113, 547, 564, 702, 764, 783, 787, 802, 817, 819, 837, 838, *844—854*, 856, 859
Орочены, эти. 701, 702, 713, 844, 855; орочоны 217, 547
Орочоны, эти., см. Орочены

Орочский яз. 844; орочей яз. 10, 777, 844
Орудия археологические 35—37, 42—50, 58—60, 82, 92, 93, 96, 100, 935, 979
Орудия охоты см. Охота
Орудия рыболовства см. Рыболовство
Орхон, р. 96
Орчаки, этн. 420
Осекун, этн. 274
Осетрово, нас. п. 309
Осинники, нас. п. 513
Осиновка, нас. п. 42
Осиновка, р. 42
Осиновский холм, арх. пам. 42
Оскал-оол. им. 470
Оссора, нас. п. 951, 975
Островное, нас. п. 900
Островский А. Н., им. 261, 323, 326, 372, 418
Островский Н., им. 372
Острога 157, 435, 477, 503, 531, 545, 572, 576, 615, 671, 691, 712, 716, 764, 778, 792, 818, 833, 845, 846, 878, 956; см. также: Орудия рыболовства; Лучение
Остяк, этн. 570
Остяки, этн. 100, 116, 122, 125, 381, 384, 479, 494, 570, 665, 666, 687, 688
— баихинские 665, 666
— березовские 570
— енисейские 122, 384, 494
— закаменные 688
— нарымские 665
— обдорские 570
— обские 570
— тазовско-туруханские 665
— тымско-караконские 665
Остяко-Вогульский нац. окр. 594
Остяко-самоеды, этн. 665
Отцовский род 59, 63, 83, 88, 95, 96, 296, 511, 534, 593, 623, 626, 750, 802, 870, 893, 916, 941, 962; см. также Род
Охота 13, 15, 19, 20, 22, 25, 30, 34, 61, 80, 95, 101, 103, 118, 153, 156, 159, 174, 212, 225, 228, 233, 250, 274—277, 281, 313—315, 317, 330, 347, 377, 378, 380, 393, 394, 421, 434, 435, 439, 441, 454, 455, 477, 478, 486, 494, 495, 498, 500, 504, 505, 507, 512, 513, 515, 516, 520, 522, 531, 534, 537, 545, 549, 550, 553, 565, 568, 576—581, 586, 595—597, 613, 615, 616, 621, 624, 634, 635, 649—651, 654, 655, 658, 659, 662—664, 668, 669, 672, 677, 678, 683, 688, 689, 693, 696, 699, 700, 706—711, 713, 724—727, 730, 733, 734, 743, 744, 747, 750, 753, 756, 757, 763, 770, 772, 777, 778, 780, 782, 784, 788, 789, 791, 792, 794, 796, 798, 807, 813, 818, 821, 824, 826, 828, 829, 832, 833, 835, 836, 845—848, 851, 856, 860, 864, 865, 888—890, 893, 895, 903, 914, 916, 918—920, 924, 943, 953, 956, 964, 979, 980, 985, 986, 988
— морская 13, 14, 101, 545, 552, 554, 564, 580, 613, 615, 618, 764, 777, 778, 819, 834, 864, 899, 902, 904, 906, 935, 936, 938, 955, 985—988
— на мясного зверя 14, 156, 228, 250, 274, 315, 455, 478, 498, 531, 576, 689, 706, 762, 763, 777, 792, 818, 832, 847, 888, 906, 979
— на птиц 158, 228, 274, 315, 434, 477, 478, 499, 500, 531, 576, 578, 616, 624, 649, 651, 654, 659, 668, 669, 689, 706, 707, 746, 778, 788, 906, 938, 988
— на пушного зверя 156, 187, 228, 250, 274, 313, 314, 334, 434, 454, 477, 498—500, 506, 512, 522, 531, 551, 568, 576, 634, 668, 689, 706, 707, 709, 762, 763, 773, 777, 792, 818, 832, 864, 866, 872, 888, 895, 921, 925, 930, 938, 946, 953, 956, 979, 983
— сухопутная (пешая) 478, 545, 613, 649, 651
—, орудия 129, 156, 159, 213, 228, 230, 233, 274, 314, 434, 454, 499, 500, 531, 576, 578, 579, 596, 634, 649, 651, 658, 664, 668, 670, 707, 734, 745, 747, 754, 755, 792, 798, 803, 819, 828, 832, 846, 856, 888, 889, 903, 904, 924, 936, 937; см. также: 1) Ловушки; 2) отдельные виды орудий
Охотск, нас. п. 122, 271, 878
Охотский гов. эвенского яз. 761
Охотский нац. окр. 559
Охотский р-н 760, 761, 763, 764, 772
Охотское зимовье, нас. п. 704
Охотское море 10, 14, 701—704, 706, 710, 760, 762, 764, 766, 772, 776, 778, 861, 862, 895, 951, 952
Охотское побережье 122, 153, 157, 555, 702, 703, 706, 710, 713, 717, 737, 743, 760—762, 764, 765, 767, 768, 771, 778, 796, 856, 952, 971
Ошурково, арх. пам. 28, 29, 31, 34
Оя, р. 380, 398, 399

Павлов Г. П., им. 266
Павлодар, гор. 22
Павлуцкий, им. 125
Пад, нас. п. 861, 881
Падын-Таг, г. 492
Пазырык, арх. пам., см. Пазырыкские курганы
Пазырыкская долина 68, 71
Пазырыкские курганы, арх. пам. 68, 69, 71, 74—76, 79, 330; Пазырык 69, 71, 72, 74, 75, 79
Палана, нас. п. 951, 973
Паланцы, этн. 951, 953, 955, 956, 961, 969
Палатки см. Жилище
Палеоазиатские языки 11, 12, 862, 886, 952
Палеоазиаты, этн. 11, 12, 113, 770, 784, 861, 896, 899, 978
Палеолит 12, 22, 23, 26—28, 30, 33, 35, 37, 52, 108, 286, 377
Палеосибирский антропологический тип 64, 110
Паллас П. С., им. 208, 385
Панков К., им. 607
Парабель, р. 666, 681
Парамонов Е. И., им. 188
Парапольский дол 897
Паратан, этн. 385
Парецы, этн. 950, 953, 955, 956
Парень, нас. п. 950, 958

Парень, р. 950
Париж, гор. 607, 932
Пасол, р. 599
Пассар М., им. 814
Пассар, этн. 789
Пасти 135, 156, 158, 228, 274, 314, 499, 578, 615, 634, 651, 658, 659, 668, 669, 707, 734, 752, 754—756, 906; см. также: 1) Орудия охоты; 2) Ловушки
Патканов С. К., им. 702, 760
Патриархальное рабство см. Социальный строй
Патриархально-феодальные отношения см. Социальный строй
Патриархальный род см. Социальный строй
Певцов М. В., им. 209
Пегая орда 667
Пекарский Э. К., им. 209
Пекин, гор. 21, 105
Пелтир, этн. 376
Пелым, нас. п. 120, 573
Пелым, р. 116, 571, 581
Пелымский край 156
Пелымский у. 121
Пенжина, р. 887, 951, 954, 971
Пенжино, нас. п. 897, 901, 953
Пенжинская губа 950, 955, 960
Пенжинский р-н 760, 951, 973—975, 977
Пепеляев, им. 307
Первобытно-общинный родовой строй см. Социальный строй
Перевесы 156, 158, 578; см. также Орудия охоты
Передний Восток, геогр. обл. 67
Передняя Азия, геогр. обл. 75, 76
Переметы 157, 158, 315, 746; см. также Орудия рыболовства
Переселенческий пункт, арх. пам. 29
Пермская губ. 185
Перфильев, им. 777
Песков, им. 193
Песчаная, р. 329
Петербург, гор. 140, 193, 198, 205, 206, 210, 222, 348, 402.
Петли 156, 228, 274, 434, 500, 616, 746, 792, 832, 846, 888, 906, 956; см. также: 1) Орудия охоты; 2) Ловушки
Петр I, им. 130
Петра Великого, зал. 92
Петров И., им. 420
Петров Л. У., им. 324
Петровский Г. И., им. 271
Петропавловск, гор. 150
Петропавловск-Камчатский, гор. 971, 990
Петропавловский р-н 951
Печенеги, этн. 332
Печища, р. 377
Печора, р. 116, 609, 610, 629
Печорский край 116
Печорский р-н 610
Печорский у. 613
Пеша, р. 614
Пий-Хем, р. 458
Пий-Хемский р-н 459
Пики 129, 137, 380, 497; см. также Орудия охоты
Пикунова Ч. А., им. 740
Пильду, р. 776
Пильдунча, этн. 823
Пильтун, нас. п. 861
Пильтунский зал. 855
Пимокатное производство см. Ремесла и домашняя промышленность
Пирожков, им. 190
Письменность 58, 96, 97, 214, 243, 258, 259, 306, 348, 368, 369, 380, 382, 414—416, 426, 441, 443, 446, 519, 526, 560, 604, 644, 645, 687, 812, 843, 852, 929, 930, 976
Пит Артур, им. 117
Пища 22, 44, 45, 50, 89, 90, 153, 156, 164, 165—169, 213, 230, 234—236, 250, 254, 281, 289—291, 295, 318—319, 334, 343, 344, 422, 425, 435, 436, 439, 457, 460, 461—468, 475, 478, 480, 482, 488, 500, 504, 506—511, 512, 528, 532, 533, 534, 566, 581, 582, 586, 601, 621—623, 633, 639, 652—654, 659, 672, 673, 685, 689, 706, 716, 717, 720, 728, 736, 758, 779, 782, 790, 800—802, 819, 826, 828, 833, 835, 849, 850, 859, 864, 880, 889, 891, 895, 907, 908, 913, 919, 920, 938, 943, 954, 956, 964, 965, 972, 975, 979, 980, 988, 989
— молочная 89, 99, 166, 168, 225, 234, 235, 289, 318, 319, 343, 425, 426, 461, 482, 483, 506, 510, 534, 685, 716
— мучная 165, 166, 290, 318, 343, 461, 482, 483, 506, 509, 510, 534, 581, 582, 621, 652, 685, 716, 717, 789, 850, 889, 908, 964
— мясная 30, 80, 165, 166, 168, 225, 234, 235, 269, 289, 291, 318, 343, 422, 461, 482, 483, 510, 534, 581, 621, 652, 685, 689, 716, 736, 779, 800, 819, 833, 864, 902, 907, 919, 938, 955, 964
— растительная 99, 166, 169, 277, 289, 290, 318, 343, 422, 432, 435, 461, 482, 483, 504, 506, 509, 510, 534, 581, 582, 621, 673, 685, 691, 717, 739, 780, 800, 802, 819, 850, 889, 907, 908, 938, 964
— рыбная 34, 45, 165, 289, 290, 318, 319, 422, 462, 482, 483, 534, 581, 621, 672, 716, 736, 779, 800, 833, 849, 864, 889, 890, 907, 964
—, напитки 102, 166, 167, 234, 235, 236, 269, 289, 290, 291, 339, 344, 461, 483, 509, 534, 652, 673, 678, 716, 717, 750, 889, 938, 964
Платонов А., им. 738
Плашки 158, 228, 276, 314, 576, 668, 707, 734; см. также: 1) Ловушки; 2) Орудия охоты
Племя см. Социальный строй
Плетение см. Ремесла и домашняя промышленность
Плотничество см. Ремесла и домашняя промышленность
Плуги 144, 148, 334, 423, 504
Плыгирш, им. 878
Поволжье, геогр. обл. 52, 55, 149, 170 182, 186, 475
Подкагерное, нас. п. 951

Подкаменная Тунгуска, р. 121, 164, 687, 698, 699, 702, 704, 707, 730
Подкаменно-Тунгусская вол. 688
Подледный лов рыбы 14, 157, 274, 577, 649, 681, 712, 713, 764, 818, 845, 889
Пожарский р-н 831, 840
Покровское, нас. п. 60, 312
Полевой Н., им. 205
Полевые, им. 205
Ползунов И. И., им. 138, 208
Полигамия 297, 368, 391, 850
Политические ссыльные 139, 188, 190, 201, 205, 209, 210, 271, 277, 306, 404
Половцы, этн. 332
Полтавская губ. 151
Полуй, р. 98, 609
Польша, гос-во 138
«Поляки», этн. 138, 154, 177, 178, 182, 193, 197, 198, 200, 201
Поминки см. Обычаи и обряды
Помочи см. Обычаи и обряды
Понойский р-н 608
Пономарево, нас. п. 36
Пономаревский м., арх. нам. 36
Попигай, нас. п. 755, 758
Попигай, р. 743, 744
Попов, им. 644
Попов А. А., им. 8
Попов Г. М., им. 182
Попов И. В., им. 327
Попов П. В., им. 327
Пор, этн. 591
Поронайский р-н 855, 861, 884
Поселения 24, 29, 30, 32, 33, 37, 42, 43, 45—49, 52, 89, 90—92, 100, 101, 137, 139, 169—176, 281—287, 317, 318, 338, 339, 479, 506, 507, 565, 583—586, 638, 673, 717, 736, 744, 782, 796—798, 830, 848, 861, 891, 892, 898, 912, 952, 960, 975
Посьетский р-н 92
Потапов Л. П., им. 7, 8, 106
Потапово, нас. п. 661
Похабов Яков, им. 122
Починки см. Поселения
Поярков Василий, им. 122, 785, 862
Праздники см. Народные празднества
Предбайкалье, геогр. обл. 123, 219, 241
Пржевальский Н. М., им. 209
Приамурский край, геогр. обл. 49
Приамурье, геогр. обл. 9, 18, 45, 62, 64, 112, 113, 123, 124, 156, 186, 706, 713, 719, 764, 783—785, 788, 802, 824, 844, 874
Приангарье, геогр. обл. 122, 156, 177, 178, 710
Приаралье, геогр. обл. 332, 572
Прибайкалье, геогр. обл. 9, 26, 35—37, 39, 41, 46, 58—64, 80, 83, 90, 91, 98, 99, 107, 110, 111, 219, 251, 268—270, 704—706, 783
Прибалтика, геогр. обл. 65
Прибылова, о-ва 987
Прииртышье, геогр. обл. 572
Прикаспий, геогр. обл. 332
Приленье, геогр. обл. 269, 279
Приморская культура, археол. 100
Приморская обл. 212, 831
Приморский край, геогр. обл. 93, 105, 212, 831, 840
Приморье, геогр. обл. 9, 41, 42, 44, 45, 49, 92—95, 101, 104, 156, 188, 783, 784, 788, 831, 840, 841, 844
Приобье, геогр. обл. 49, 65, 98, 572, 668
Прионежье, геогр. обл. 185
Присаянье, геогр. обл. 377
Приуралье, геогр. обл. 49, 52, 56, 65, 98, 99, 130, 165, 170, 182, 198, 572
Приуральская тундра 609
Причерноморье, геогр. обл. 52, 56, 75, 78, 85, 332
Провидения, бух. 898, 946
Производство дегтя см. Промыслы
Производство смолы см. Промыслы
Прокофьев Г. Н., им. 6, 8, 610
Прокофьева Е. Д., им. 8
Промыслы 13, 26, 37, 101, 102, 125, 131, 136, 156—160, 162, 165, 193, 212, 213, 218, 225, 228, 274, 277, 280, 301, 313—317, 321, 334, 393, 395, 396, 398, 479, 486, 495, 498—501, 503, 505, 506, 512, 513, 516, 520, 522, 531, 535—537, 545, 551—553, 564, 565, 568, 574—578, 581, 583, 586, 587, 595—597, 599, 613, 624, 625, 633—635, 641, 651, 652, 658, 659, 663, 668, 669, 677, 678, 681, 682, 684, 689, 693, 696, 698, 699, 706, 707, 709, 710, 724—726, 735, 740, 741, 746, 750, 752, 755—757, 762—764, 773—776, 778, 791, 792, 794, 798, 803, 807—809, 813, 819, 824, 832, 833, 837, 840—842, 845, 846, 849, 853, 856, 857, 860, 863, 864, 866, 878, 887, 895, 899, 901, 904, 906, 917—919, 921, 922—925, 936, 938, 942, 946, 947, 953, 955, 960, 964, 967, 968, 972, 974, 979, 985, 987—989; см. также: 1) Охота; 2) Рыболовство
Промышленность 132, 138—141, 143, 144, 159, 202, 211—214, 222, 225, 245, 248, 249, 251, 252, 254, 308, 309, 315, 328, 334, 358, 376, 402, 409—411, 414, 430, 436, 437, 449, 455—459, 519, 520, 522—524, 528, 529, 568, 595, 598, 646, 772, 774, 785, 809, 810, 877, 883, 924, 973, 984
Протасов Н., им. 185, 188
Протодьяконов, им. 876
Протоевропейский антропологический тип см. Кроманьонский антропологический тип
Прыткова Н. Ф. 8, 494
Прядение см. Ремесла и домашняя промышленность
Птицеводство см. Животноводство
Пули, нас. п. 790
Пур, р. 608, 609, 614, 615, 649, 661, 666
Пуровский р-н 609, 638, 666, 682, 683, 685
Пустаг, г. 492
Пустозерск, нас. п. 116
Пустозерский острог, нас. п. 611, 612
Пухленкина Х. П., им. 602
Пушкин А. С., им. 205, 206, 259, 323, 326, 372, 490, 527, 647, 738, 812
Пушной промысел см. Охота
Пущальни см. Орудия рыболовства
Пущин, им. 862
Пчеловодство см. Животноводство

Пыжа, р. 330
Пыжлаков Д., им. 523, 524
Пызас, р. 503
Пыль-Карамо, юрты, нас. п. 669, 679
Пырерка А., им. 646
Пышма, р. 473
Пьеттомин Ваули, им., см. Ненянга Вавлё
Пьяноборская культура, археол. 99
Пэ Тум, им. 613
Пэ-бай, этн. 661
Пэджаль-кы, р. 682
Пюрют, этн. 386, 392, 395; Бюрют 385
Пяд-хасаво, этн. 609
Пян-хасаво, этн. 609
Пясина, р. 121, 608, 649, 655, 661, 743, 746
Пясино, оз. 661, 743
Пясинский р-н 756
Пячка К., им. 815

Радищев А. Н., им. 210
Радлов В. В., им. 210, 269, 493, 494
Разгильдеев, им. 202
Разделение труда 263, 277, 281, 505, 626, 655, 664, 726, 819, 864, 875, 969
Разин Степан, им. 186, 188
Ранжуров Ц. Ц., им. 224
Расмуссен К., им. 26
Распутино, арх. пам. 40, 41
Рашид-ад-дин, им. 219
Ребиков В. И., им. 207
Ребров Иван, им. 886
Революционное движение 144, 145, 223, 224, 271, 404
Резьба по дереву см. Народное искусство
Резьба по кости см. Народное искусство
Рекинники, нас. п. 951
Реконструкция хозяйства см. Социалистическое переустройство
Религиозные верования 17, 18, 41, 54, 60, 63, 82, 86, 96, 230, 240—242, 299—302, 349, 350, 374, 381, 391, 394, 398, 399, 444, 484, 496, 515, 516, 535, 571, 590—594, 626—628, 655, 662, 664, 677—679, 696, 697, 705, 727—729, 739, 750—752, 769, 770, 780, 804—806, 824, 836—838, 851, 852, 858—860, 866, 870—874, 893, 899, 916—920, 942, 943, 964—968, 981.
— —, анимистические представления 18, 240, 299, 546, 626, 655, 697, 752, 780, 804, 873, 918, 982
— —, буддизм 223, 241, 242, 261, 262, 851, 852
— —, культ медведя 18, 397, 494, 516, 593, 633, 669, 697, 729, 770, 804, 825, 837, 851, 858, 871
— —, культ предков 240, 241, 302, 591, 593, 967
— —, культ родовой 18, 86, 302, 350, 392, 398, 516, 802, 870, 873, 874
— —, ламаизм 17, 223, 233, 241, 242, 261, 262, 350, 425, 443, 706, 729
— —, мусульманство 484, 485, 488, 489
— —, тотемизм 18, 302, 593, 669, 679, 727, 838, 851
— —, христианство 115, 242, 299, 350, 391, 394, 397, 403, 404, 475, 516, 517, 574, 612, 628, 629, 705, 727, 752, 769, 770, 780, 804, 824, 851, 852, 858, 859, 873, 874, 920, 943, 982
— —, шаманизм 17, 82, 233, 240, 242, 262, 299—301, 349, 350, 380, 391, 392, 394, 397, 398, 496, 516, 517, 535, 539, 546, 593, 627, 641, 655, 679, 697, 727, 728, 739, 769, 804—806, 837, 852, 858, 859, 893, 894, 967; см. также Шаманские атрибуты
Ремезов Семен, им. 129, 137, 208
Ремесла и домашняя промышленность 66, 136, 144, 149, 160—162, 176, 191, 197—201, 224, 225, 229—231, 271, 277—281, 337, 338, 358, 380, 382, 435—437, 497, 505, 532, 713, 715, 716, 745, 792—794, 819, 834, 846, 864, 903
— — — —, гончарство 36, 37, 54, 92, 160, 280, 282, 380, 505, 716, 846, 891, 895, 979
— — — —, кузнечество 97, 119, 160, 161, 230, 263, 280, 282, 289, 380, 398, 435, 495, 497, 498, 533, 652, 688, 713, 716, 724, 754, 792, 794, 820, 834, 846, 847, 852, 864, 891, 958
— — — —, литье 55, 56, 61, 80, 84, 85, 119, 130, 230, 263, 289, 304, 378, 380, 398, 588, 847
— — — —, обработка дерева 34, 162, 191, 201, 230, 277, 281, 377, 435, 436, 505, 532, 655, 713, 794, 819, 834, 846
— — — —, обработка кости 54, 160, 280, 281, 377, 532, 754, 819
— — — —, обработка шкур 160, 162, 220, 229, 230, 277, 281, 436, 505, 506, 532, 553, 614, 626, 652, 655, 672, 713, 716, 794, 819, 834, 846, 864, 903
— — — —, плетение 280, 304, 584, 586, 615, 618, 655, 676, 794, 799, 802, 819, 846, 863, 958, 970, 979, 980
— — — —, ткачество 50, 160, 162, 198, 199, 280, 338, 479, 505, 507, 572, 587, 589, 590
— — — —, ювелирное дело 18, 50, 55, 66, 97, 193, 200, 230, 263, 280, 289, 394, 800, 864
Ренвиль, им. 932
Репин И. Е., им. 447
Речкунов М. П., им. 207
Рига, гор. 193, 471
Римский-Корсаков Н. А., им. 188
Род см. Социальный строй
Родовая взаимопомощь см. Обычаи и обряды
Родовые отношения см. Социальный строй
Родоплеменное устройство см. Социальный строй
Романов П. П., им. 327
Романова А. В., им. 738
Росс, форт 124
Российская империя см. Русское гос-во
Ростопчин А., им. 202
Рочылын, им. 932
Руденко С. И., им. 68, 75, 899
Ружья 137, 156, 159, 213, 225, 228, 230, 274, 339, 434, 435, 437, 454, 478, 499,

500, 522, 530—532, 552, 575, 576, 578, 596, 615, 616, 627, 634, 651, 654, 659, 668, 669, 681, 689, 698, 699, 707, 710, 713, 726, 744, 754, 756, 763, 764, 792, 819, 826, 832, 845, 846, 864, 874, 887, 888, 904, 918, 924, 936, 938, 955, 956, 988; см. также Орудия охоты
Румыния, гос-во 568
Русанов В., им. 647
Русские, этн. 5, 9, 13, 15, 17, 18, 107, *115—214*, 220, 222—225, 227, 235, 236. 244, 252, 267, 268, 270—272, 274, 277, 280, 281, 287, 288, 291, 293, 306, 333, 334, 344, 350, 358, 360, 365, 366, 382—384, 386, 393, 396, 399, 400, 402, 404, 406, 411, 413, 426—429, 444, 449, 473, 475, 476, 479, 482, 486, 492, 497, 498, 503, 504, 506, 510, 511, 514, 516—519, 521, 526, 527, 529—533, 537—539, 544, 560, 565—567, 570, 571, 573—575, 581, 582, 588, 589, 592, 594, 595, 598, 600, 603, 607—609, 611—613, 618, 621, 628, 630, 633, 637—639, 644, 645, 649, 659—661, 664—668, 681, 684, 686—689, 701—707, 709, 710, 712, 713, 716, 717, 719, 721, 724, 730, 740, 743, 744, 746, 748, 750, 754, 758, 760—762, 764, 767, 770, 773, 775, 777, 780—782, 785, 790, 791, 796, 798, 800, 818—820, 825—829, 832, 839, 841, 844—846, 855, 858, 860, 864, 866, 876, 877, 882, 885—887, 889—891, 894, 895, 897, 900, 901, 906, 917, 918, 921, 924, 935, 936, 938, 952, 953, 961, 962, 964, 971, 974, 977, 978, 980—987, 989
Русский яз. 11, 12, 206, 225, 252,258—260, 320, 325, 348, 350, 369, 371, 373, 404, 416, 417, 443, 466—470, 489, 514, 526, 527, 557, 571, 603, 604, 610, 645, 665, 685—687, 700, 703, 759, 782, 812, 827, 886, 895, 930, 948, 976, 979, 985, 989
Русское гос-во 6, 12, 15, 116—121, 123—125, 129, 132, 133, 135, 140, 203, 205, 210, 219, 270, 333, 383, 400, 420, 424, 428, 474, 475, 496—498, 688, 695, 831, 917, 935; Российская империя 5, 543, 987
Русско-устьинцы, этн. 116, 153, 166, 179, 180
Рыбновский р-н 701, 861
Рыболовство 13, 14, 19, 45, 46, 49, 60, 61, 64, 80, 95, 101, 118, 153, 157, 158, 160, 225, 228, 274—277, 281, 313—315, 317, 377, 378, 380, 393, 435, 436, 476, 477, 486, 496, 498, 501, 503—506, 531, 532, 537, 542, 553, 564, 576—580, 586, 595, 597, 599, 613, 615, 618, 621, 624—626, 633, 635, 636, 649, 652, 654, 655, 662, 663, 668, 671, 677, 678, 682, 683, 688, 689, 691, 696, 698—700, 706, 711—713, 725, 735, 740, 743, 746, 750, 756, 757, 762, 764, 768, 772, 774, 777, 778, 781—786, 788, 789, 791, 792, 794, 796, 798, 807—809, 813, 818, 826, 829, 832, 833, 836, 840, 841, 845, 848, 856, 857, 860, 862—864, 866, 872, 878, 888—890, 893, 895, 906, 921, 924, 930, 938, 946, 953, 956, 968, 972—974, 980, 986, 988, 989; см. также: 1) Лучение; 2) Подледный лов рыбы
— орудия рыболовства 41, 46, 59, 93, 101, 157—159, 161, 213, 274, 275, 316, 434, 435, 477, 501, 503, 531, 532, 545, 576, 577, 595, 615, 625, 633, 634, 652, 668, 671, 682, 689, 696, 698, 712, 746, 764, 778, 786, 792, 798, 803, 807, 818, 824, 827, 833, 841, 845, 853, 863, 878, 889, 906, 956, 957, 972; см. также отдельные виды орудий
Рыпыргин, им. 930
Рынтыргын, им. 932
Рыркарпий, нас. п. 926
Рытхэу Ю., им. 932, 933

Саамы, этн., см. Лопари
Сабан см. Сельскохозяйственные орудия
Сабашкин Н., им. 371
Сабо, р. 855
Савенков И. Т., им. 31
Савицкий Л., 32
Сагай, этн. 376, 385, 395
Сагайская вол. 384
Сагайская инородческая управа 385
Сагайская степная дума (Дума соединенных разнородных племен) 384, 385, 395—398
Сагайский д. хакасского яз. 416
Сагайский род, этн. 395
Сагайцы, этн. 120, 376, 377, 382—385, 387, 389, 395—397, 401, 408, 424, 492, 495, 505
Саган-оол О., им. 468, 469
Садоводство 144, 150, 151, 212, 808
Саин, этн. 395
Сайлюгем, хр. 376
Саки, этн. 87
Саксар, г. 392
Салаир, нас. п. 190
Салаткин А., им. 738
Салаткина А., им. 738
Салба, р. 398, 399
Салбат, р. 377
Салбино-койбальский род, этн. 395, 399
Салбыкский курган, арх. пам. 66
Салдам, нас. п. 428
Салехард, гор. 539, 629, 639, 640, 685, 686
Салерта, этн. 661, 662
Салтык Травин И. И., им. 116
Салтыков И., им. 259
Салым, р. 494, 571, 589, 590
Салымский д. хантыйского яз. 571
Самагир (Самар), этн. 789
Самагиры, этн. 547
Самар, этн., см. Самагир
Самар А. Д., им. 812, 814
Самарга, р. 831
Самарканд, гор. 21
Самаров Т., им. 574
Самарово, нас. п. 161, 591, 594, 600
Самаровский р-н, 570, 594, 596, 597
Самня, нас. п. 776
Самоди, этн. 608
Самоеды, этн. 100, 116, 125, 608, 611, 612
— авамские 648

— вадеевские 648
— карасинские 661
— пясидские 648, 649
— хантайские 661
Самоеды-тавгийцы, этн. 648
Самодийские языки 11, 12, 379, 610, 648, 665, 666
Самоловы см. Орудия рыболовства
Самострелы 95, 228, 276, 478, 499, 500, 578, 579, 615, 651, 668, 669, 689, 707, 744, 792, 832, 846, 864, 888
Самоядь, этн. 109, 573, 608, 611, 648
Самшилов Ц. С., им. 264, 266
Сангары, нас. п. 308
Сангин-Далай, оз. 423
Сандункан, этн. 789
Санжеев Г. Д., им. 217
Сани см. Средства передвижения
Сантан, этн. 787
Сан-Франциско, гор. 124
Санчихеза, нас. п. 840
Саньсин, гор. 789, 790, 825, 872
Сапожников В., им. 209
Сарай 152, 361, 580, 677; см. также Хозяйственные постройки
Саралинский р-н 406
Саралы, р. 376
Саргачик, им. 473
Саргачики, этн. 473
Саркырырский р-н 761
Сарт, этн. 473
Сартолы, этн. 219
Сарты, этн. 473
Сарыг, этн. 386, 395, 420
Сарыг-Каш, этн. 534
Сарыглар 424
Сарыг-оол С., им. 468, 469
Сары-Кокша, р. 330
Сарычев Г. А., им. 935
Сары-Чорская вол. 496
Сары-Шор, этн. 493
Сасигнан, этн. 986
Саусканские юрты, нас. п. 490
Саха, этн. 98, 267, 268
Сахалин, о. 13, 18, 110, 112, 113, 211, 546, 701, 705, 738, 783, 785, 790, 804, 819, 855, 856, 858—862, 864, 866, 873, 876—878, 880, 882
Сахалино-амурский антропологический тип 112, 113
Сахалинская обл. 701, 862, 880, 884
Сахаров Н., им. 738
Саяно-Алтайский район, геогр. обл. 100, 496
Саяно-Алтайское нагорье 123, 331, 364, 379, 381, 420, 423, 424, 493; Алтае-Саянское нагорье 108, 119
Саяно-Байкальское нагорье 218
Саянская землица 384
Саянские горы см. Саянский хр.
Саянский острог, нас. п. 383
Саянский хр. 376, 382, 412, 424, 458; Саянские горы 41, 107, 420, 421; Саяны 22, 153, 218, 250, 331, 377, 420, 421, 423, 679
Саянское нагорье 12, 610, 648, 665
Саянцы, этн. 397, 424; саяны 382, 421—424
Саяны, горы, см. Саянский хр.
Саяны, этн., см. Саянцы
Сбор ягод и грибов см. Промыслы
Свадебные обряды см. Семейно-брачные отношения
Свенсен, им. 921
Свердлов Я. М., им. 144, 351
Свердловск, гор. 490, 524
Свердловская обл. 490, 571
Свиноводство см. Животноводство
Святой нос, п-ов 218, 250
Себечин, этн. 395
Северная Америка, геогр. обл. 41, 201
Северная Двина, р. 608
Северный Кавказ, геогр. обл. 333
Северный Китай, геогр. обл. 21, 56—58, 104, 381, 701, 783
Северный Ледовитый океан 571, 885; Ледовитый океан 48, 65, 93, 100, 101, 156, 159, 267, 609, 613, 888, 898, 901
Северный р-н 473
Северо-Байкальский аймак 250; Северо-Байкальский р-н 250, 701, 740
Северо-Байкальский р-н см. Северо-Байкальский аймак
Северо-Эвенский р-н 760, 761
Седанка, нас. п. 975, 979, 983, 985
Седанский д. ительменского яз. 979
Седельное дело см. Ремесла и домашняя промышленность
Сейминский могильник, арх. пам. 56, 57, 62
Сейминско-турбинская культура, археол. 55
Селенга, р. 23, 28, 29, 34, 41, 58, 62, 64, 86, 89—91, 97, 98, 106, 107, 123, 218, 219, 228, 379, 382, 704
Селенгинск, нас. п. 222, 225, 226
Селенгинский аймак 248, 253, 254
Селенгинский д. бурятского яз. 217
Селенгинский острог, нас. п. 123, 128, 220
Селиверстов Ю., им. 132
Село см. Поселения
Селькупский яз. 494, 666, 687; селькупов яз. 11
Селькупы, этн. 8, 11, 14, 16, 19, 100, 109, 110, 119, 121, 393, 473, 495, 547, 555, 564, 565, 570, 571, 609—611, 630, 638, 661, *665—686*, 688, 804
— баишинские (баихинские) 666, 671
— кетские 666
— нарымские 665, 666, 668, 669, 671, 672, 675, 676, 679, 681—683, 685, 686
— северные 14, 665, 669, 672—674, 676—679, 681, 683, 685, 686
— тазовские 110, 571, 665, 671, 675
— тазовско-туруханские 665—669, 672, 674, 675, 677, 678
— туруханские 666, 667, 671
— тымские 571, 666, 677, 682
— южные 666, 669, 685
Сельское хозяйство 138, 141, 143—145, 211, 213, 214, 223, 224, 245—251, 308, 311—313, 353, 380, 403, 404, 446, 454, 476, 504, 517, 519, 536, 735, 740, 782, 791, 809, 827, 840—842, 845, 853, 864, 878, 974; см. также: 1) Земледелие; 2) Животноводство

Сельскохозяйственные культуры см. Земледелие
Сельскохозяйственные орудия см. Земледелие
Сема, р. 329
Семейские, этн. 138, 167, 174, 177—180, 182, 201
Семенов, им. 224
Семипалатинск, гор. 207
Семиречье, геогр. обл. 52, 104, 332, 424
Семушкин Т., им. 812
Семья и семейно-брачные отношения 188, 221, 228, 234, 239, 240, 287, 297—299, 319, 347, 348, 366, 367, 391, 397, 412—414, 441, 464, 465, 484, 513, 514, 526, 593, 625, 626, 639, 653—655, 659, 664, 677, 678, 682, 696, 709, 724—727, 734, 744, 750, 752, 757, 767—769, 774, 780, 798, 802, 803, 821, 835, 839, 850, 870, 873, 893, 916—920, 941, 942, 947, 954, 959, 960, 964—967
— — — —, брак 225, 239, 297, 298, 347, 367, 413, 426, 484, 558, 593, 623, 626, 639, 655, 697, 752, 769, 780, 802, 803, 824, 836—838, 850, 858, 870, 872, 884, 893, 916, 917, 941, 966
— — — —, воспитание детей 298, 299, 414, 526, 626, 660, 802, 976
— — — —, положение женщины 240, 297, 298, 320, 347, 355, 367, 373, 375, 397, 413, 444, 464, 465, 484, 489, 524, 539, 558, 593, 601, 602, 626, 639, 641, 659, 678, 684, 700, 739, 740, 768, 824, 830, 883, 930, 931, 976, 981; см. также: 1) Большая семья; 2) Калым; 3) Матрилокальный брак; 4) Полигамия; 5) Экзогамия
— — — —, свадебный обряд 163, 184, 239, 290, 298, 347, 391, 397, 413, 484, 511, 593, 696, 727, 769, 837, 858, 893, 917, 981
Сенокошение 137, 152, 155, 221, 222, 231, 272, 334, 355, 386, 401, 478, 503, 786
Сенькин, им. 629
Сенявина, прол. 898
Сергеев М. А., им. 7, 8
Серебро 106, 131, 132, 138, 198, 201, 220, 230, 267, 280, 282, 304, 305, 381
Сереж, р. 377
Серинек, нас. п., см. Сиреники
Серовская культура, археол. 37, 39, 41, 58
Серошевский В. Л., им. 206, 209, 274
Серпы 55, 94, 97, 130, 334, 378, 476, 504; см. также Сельскохозяйственные орудия
Серрекей С., им. 469
Сети 93, 156, 157, 159, 213, 230, 231, 274, 280, 315, 434, 435, 477, 480, 501, 505, 531, 545, 576, 578, 612, 615, 616, 651, 652, 654, 662, 669, 671, 689, 691, 712, 727, 746, 764, 778, 792, 808, 818, 820, 826, 827, 829, 832, 833, 835, 841, 845, 846, 863, 877, 887—889, 904, 920, 935, 936, 938, 953, 956, 964, 974, 979, 984, 988; см. также Орудия рыболовства
Сибирская железная дорога 137, 141, 142, 223
Сибирский (Тюменский) улус 333
Сибирское ханство 119, 121, 382, 393, 474, 475; Сибирское царство 573, 592
Сибирское царство см. Сибирское ханство
Сибиряков И. М., им. 209
Сибирякова, о. 609
Сивцев Д. К. (Омоллон), им. 326
Сидоров улус, нас. п. 396
Сикачи-Алян, нас. п. 808, 814
Сиктях, нас. п. 61
Симонов К., им. 261, 326
Симса, зал. 117
Синявинский улус, нас. п. 403
Сиранусы, нас. п. 790
Сиреники, нас. п. 898, 934, 941, 945, 946 Серинек 898
Система родства 239, 240, 298, 347, 391, 512, 626, 655, 678, 697, 727, 752, 780, 802, 824, 850, 872
Ситха (о. Баранова), о. 124
Сихотэ-Алинь, хр. 786, 831
Сишэнь, этн., см. Сушень
Скалон В. Н., им. 130
Скандинавия, геогр. обл. 46, 82, 93
Скворцов В., им. 523
Скифия, ист. обл. 67, 88
Скифо-сарматская культура, археол. 68, 378
Скифы, этн. 69, 72, 76, 87
— восточные 76
— европейские 87
— причерноморские 69, 72
Скопин, им. 185, 186
Скотоводство 10, 12, 15, 50, 52, 53, 55, 58, 66, 77, 83, 87, 91, 94—97, 101, 102, 119, 135, 136, 153, 218, 220, 222, 225, 226, 245, 247, 249, 252, 270, 272—274, 277, 280, 330, 354, 377, 378, 380, 382, 386, 395, 399, 400, 407, 422, 426, 430—432, 434, 446, 478, 495, 503, 506, 518, 520, 545, 576, 598, 706, 740, 756, 895, 988, 989; см. также Животноводство
— кочевое 13, 119, 155, 221, 225, 226, 246, 269, 330, 334, 346, 377, 378, 386, 399, 421, 450, 496
— полукочевое 334, 346, 353, 354, 357, 378, 386
— стойловое 11, 135, 152, 154, 155, 272, 343, 353, 355, 386, 396, 407, 447, 503, 505
Скряба Василий, им. 116
Слепцов-Ойунский П. А., им. 325
Слесарное дело см. Ремесла и домашняя промышленность
Слободо-Туринский р-н 571
Словцов П., 203—205, 208
Смоляк А. В., им. 8
Снопа, р. 609
Собаководство см. Животноводство
Собачий транспорт см.: 1) Средства передвижения; 2) Собаководство
Собачья, р. 886
Соболев Н. Н., им. 8
Собственность 88, 146, 292, 293, 344, 346, 400, 512, 625, 677, 725
— личная 459, 626, 727, 750, 946
— общественная 451, 625, 750

— общинная 292, 400, 477, 512, 613, 625, 725
— родовая 15, 347, 499, 591
— частная 88, 146, 293, 345, 400, 512, 513, 535, 545, 546, 696, 725, 726, 752, 824, 964, 982
—, собирательство 159, 277, 289, 290, 343, 377, 422, 435, 496, 504, 515, 532, 534, 581, 595, 597, 673, 683, 691, 860, 906, 938, 956, 958, 979, 980, 987, 988
Собь, р. 609
Совгаванский р-н 853
Советы родовые см. Советизация Севера
Советизация Севера 16, 17, 549—551, 629, 657, 807, 876, 971
Согом, нас. п. 599
Согом, оз. 599
Согом, р. 597
Соймонов Ф. 204
Сойоты, эти. 217, 547
— тункинские 217
Соко (Саха), эти. 386
Соколова В. К., им. 7
Сола, р. 280
Солдон, эти. 787
Солды, эти. 787
Соликамск, гор. 120
Солон, эти. 702
Солоны, эти. 217, 702, 705, 706, 721
Солтонский р-н 330, 492
Сёлькуп, эти. 666
Сомату, эти. 661
Сондоровские юрты, нас. п. 666
Сор, эти. 395
Сорголь, нас. п. 776
Сорока, им. 190
Сороковиков — Магай, Е. П. им. 184, 260; Сороковиков Е. И. 187
Сос, р. 377
Сосва, р. 49, 555, 571, 572, 576, 580, 582, 590, 594, 605
Сосновский Г. П., им. 32, 64
Софронов А. П., им. 325
Соха 97, 144, 148, 154, 227, 334, 399, 432, 476, 498, 504; см. также Сельскохозяйственные орудия
Социалистическое переустройство 17, 18, 20, 211—214, 244—266, 307—328, 350—375, 405—419, 429—472, 485—491, 517—529, 535—539, 543—569, 594—607, 629, 657—660, 663, 664, 681—686, 732—741, 754—759, 771—775, 781, 782, 806—816, 826—830, 839—843, 853, 854, 860, 876—884, 894, 895, 921—933, 943—949, 971—977, 985, 989, 990
— —, здравоохранение 17, 203, 204, 254—256, 321, 322, 373, 374, 418, 419, 443, 444, 469, 514, 527, 528, 539, 550, 603, 639, 644, 664, 684, 685, 699, 737, 758, 811, 827, 880, 882, 884, 928, 949, 976, 985, 990
— —, колхозное строительство 16, 17, 213, 245, 311, 312, 315—317, 353—358, 406—409, 446—454, 485—487, 519—521, 535, 558, 594, 596—599, 630, 631, 635, 636, 657, 658, 663, 664, 682, 683, 698, 699, 733—736, 754, 771—774, 781, 782, 807—809, 827, 828, 841—843, 853, 860, 877, 878, 922—926, 943, 972—974, 985
— —, культурное строительство 17, 203—210, 213, 253, 254, 259, 260, 323—325, 352, 354, 360, 361, 363, 368, 371, 372, 409, 415, 416, 430, 457, 459, 465, 467—469, 489—491, 519, 525, 526, 537—539, 565, 566, 569, 599, 603—607, 638, 639, 645, 646, 659, 660, 684, 686, 699, 733, 734, 736—738, 740, 758, 759, 771, 772, 807, 810—812, 826, 827, 830, 842, 843, 854, 860, 880—882, 926, 929—931, 943, 947, 971, 975—977, 985, 990
— —, народное образование 17, 203, 206, 207, 244, 256—258, 306, 320, 321, 368, 409, 416, 465—469, 485, 489, 514—516, 519, 525, 526, 539, 550, 603, 644, 645, 664, 685, 686, 699, 758, 775, 782, 811, 826, 827, 843, 854, 880, 948, 976, 985, 990; см. также Письменность
— —, реконструкция хозяйства 13, 15, 16, 201, 211—214, 245—252, 254, 308—317, 353—358, 406—411, 430, 432, 436, 485, 486, 518, 519, 522, 536, 537, 551—553, 562, 563, 594, 595, 630—634, 657—660, 663, 669, 682—684, 734, 735, 754—757, 771—774, 781, 782, 807—809, 827, 839—843, 853, 854, 877, 878, 921—925, 943—946, 971—974, 985, 989
Социальный строй 63, 66, 95, 238, 239, 291—297, 344—348, 399, 400, 511, 512, 534, 535, 545, 590—594, 623, 624, 653—655, 662, 677, 696, 697, 723—727, 750—752, 767—769, 780, 802, 803, 823—825, 836, 850, 858, 870—873, 892, 893, 916—920, 941, 942, 964—966.
— —, имущественная и классовая дифференциация 15, 59, 63, 71, 89, 96, 145, 146, 156, 181, 188, 220, 221, 223, 270, 292—296, 344—346, 381, 399, 400, 423, 425, 513, 545, 546, 575, 612, 613, 624, 625, 654, 663, 677, 678, 697, 706, 726, 768, 824, 836, 864, 916, 917, 941, 971
— —, капиталистические отношения 15, 16, 19, 140, 143, 155, 176, 191, 223, 294, 347, 348, 367, 402, 513, 575, 613
— — община патриархально-семейная 54, 56, 67, 88, 221, 398, 512
— —, община родовая 15, 22, 86, 88, 95, 292, 401
— —, община территориальная (сельская) 15, 221, 239, 345, 400, 403, 677, 725, 916
— —, патриархально-родовой строй 15, 16, 56, 59, 88, 101, 167, 296, 346, 347, 368, 512, 592, 653, 725, 802, 850, 916, 941
— —, патриархально-феодальные отношения 15, 96, 223, 346, 347, 381, 382, 400, 402, 592
— —, племя 13, 15, 19, 24—26, 30, 32—34, 37, 41, 44, 48, 49, 52, 54—58, 61—65, 68, 72, 76, 77, 80, 82, 83, 85, 87, 89, 91, 92, 94—103, 105, 107, 110, 118—121, 123, 124, 129, 142, 159, 161—163, 201, 205, 208, 214, 217—220, 238, 268, 276, 291, 292, 296, 329—333, 339, 350, 353, 375, 378, 379, 381, 383, 384, 395,

398, 420—422, 424, 474, 475, 493, 494, 496, 499, 501, 503, 546, 549, 557, 572, 573, 590—592, 610, 616, 662, 665, 671, 687, 688, 704, 724, 725, 727, 761, 780, 784, 788, 832, 838, 872, 885—888, 892, 952
— —, рабство патриархальное 15, 60, 63, 89, 96, 104, 292, 294, 295, 345, 346, 592, 802, 824, 872, 917
— —, род 56, 63, 67, 71—73, 86, 120, 129, 183, 185, 220, 228, 238—240, 274, 292, 296—298, 302, 344, 367, 383, 385, 386, 392, 395, 397, 398, 400, 424, 474, 493, 496, 499, 500, 507, 511, 512, 516, 534, 535, 549, 550, 591, 593, 623—625, 649, 653—655, 662, 669, 676—679, 696, 705, 723—725, 727—729, 743, 750, 761, 767, 778, 780, 788, 789, 802, 803, 805, 806, 817, 823, 824, 836, 844, 850, 851, 870—872, 892—894, 981, 982, 986; см. также: 1) Материнский род; 2) Отцовский род
— —, феодальные отношения 15, 16, 94, 220, 221, 223, 244, 292, 346, 367, 400, 425—427, 475
— —, фратрия 16, 591, 593, 605, 623, 669, 677, 679, 695—697, 700
Спафарий Н., им. 382, 785
Сперанский М. М., им. 222, 476, 612
Средиземноморье, геогр. обл. 35, 66, 67
Средне-Канский р-н 760, 761, 885
Средне-Колымск, гор. 310, 894, 928
Средне-Колымский р-н 761
Средне-Сибирское плато 218
Средняя Азия, геогр. обл. 12, 22, 52, 56, 72, 76, 78—80, 85, 93, 96, 104, 330, 475, 476, 482, 543
Средняя Иткана, нас. п. 951
Средства передвижения 162—165, 281, 335, 391, 394, 397, 441, 457, 506, 511, 533, 545, 582, 583, 616—618, 636, 691, 704, 712, 714, 746, 794—796, 809, 820, 828, 834, 843, 847, 864—866, 890, 914—916, 923, 954, 960—962, 986, 988
— —, конный транспорт 130, 140, 162, 281, 338, 359, 378, 391, 394, 397, 441, 672, 764, 794, 796, 809, 828, 866, 961
— —, лодки 16, 62, 93, 101, 157, 158, 164, 165, 281, 311, 394, 477, 479, 489, 505, 511, 545, 556, 582, 583, 595, 603, 618, 621, 624, 633, 651, 652, 667, 669, 671, 672, 674, 675, 681, 685, 689, 691, 693, 698, 704, 712—714, 716, 730, 740, 746, 756, 764, 776, 778, 782, 784, 792, 794—796, 809, 818—820, 824, 825, 828, 834, 835, 837, 842, 845, 846, 848, 853, 857, 863—866, 868, 877, 888, 890, 894, 904, 906, 914, 915, 918, 936—938, 940, 942, 943, 946, 955, 956, 961, 962, 964, 968, 980, 982, 986, 988
— —, лыжи 14, 130, 164, 281, 360, 397, 402, 441, 454, 494, 500, 505, 511, 523, 532, 533, 545, 583, 587, 618, 642, 652, 670, 672, 673, 685, 699, 696, 697, 707, 708—710, 713, 745, 746, 763, 777, 782, 784, 792—794, 809, 820, 829, 832, 834, 843, 846, 847, 856, 866, 890, 916, 937, 940, 980
— —, нарты 14, 163, 281, 338, 397, 402, 494, 500, 501, 505, 511, 512, 516, 545, 578, 583, 614, 615, 617, 618, 624, 626, 628, 632, 642, 650—652, 655, 656, 658, 672, 675, 688, 691, 692, 697, 709, 711—714, 733, 744, 754, 755, 763, 764, 777, 778, 784, 794, 796, 809, 820, 829, 834, 846—848, 856, 859, 864—866, 870, 874, 888, 890, 902, 904, 906, 913, 914, 919, 922, 940, 954, 955, 960, 961, 980, 982, 988
— —, оленный транспорт 14, 130, 433, 441, 583, 597, 611, 613, 616, 618, 624, 630, 632, 636, 652, 662, 668, 671, 672, 685, 691, 692, 709, 710, 733, 744, 755, 762, 763, 778, 856, 860, 902, 914, 916, 927, 954, 960, 975
— —, собачий транспорт 14, 130, 163, 581, 583, 618, 672, 691, 709, 762, 764, 784, 788, 794, 796, 820, 828, 834, 847, 866, 877, 890, 914, 916, 927, 940, 954, 960, 975; см. также Собаководство
Сретенск, гор. 64
Срубно-Хвалынская культура, археол. 55
Стадухин Михаил, им. 122, 887, 953
Сталин И. В., им. 144, 351
Сталинград, гор. 812
Сталинск, гор. 213, 411, 523, 524
Становой хр. 709, 776
Старо-Бардинский р-н 330
Старообрядцы 138, 167, 177, 180, 182, 195, 198—201
Стасова Е. Д., им. 404
Стебницкий С. М., им. 6, 8
Стеллер Г., им. 979
Степанов, им. 862
Степанов А., им. 167, 210
Степанов А. Е., им. 313
Степанов Н., им. 325
Степанова М. В., им. 8
Стойбище 15, 37, 48, 581, 614, 618, 620, 638, 651, 653, 654, 693, 696, 717, 724, 736, 743, 744, 767—769, 772, 775, 837, 839, 857, 858, 873, 885, 889, 892, 894, 902, 911, 912, 916, 918, 926, 954, 960, 968; см. также Поселения
Столярное дело см. Ремесла и домашняя промышленность
Страленберг, им. 269, 302
Стрелы 36—39, 42—44, 46—50, 59, 60, 81, 90, 92, 94, 95, 100, 106, 129, 242, 275, 381, 434, 497, 499, 503, 545, 576, 578, 579, 580, 615, 667—669, 677, 689, 707, 724, 744, 746, 784, 792, 820, 846, 864, 887, 888, 891, 935, 938, 979, 980; см. также Луки
Суворов А. В., им. 186
Суг-какшына, этн. 424
Суг Карга, этн. 395
Суйфун, р. 104
Сукта, этн. 858
Сумароков П., им. 204
Сунгари, р. 784, 786—790, 798, 872
Суптарский улус 294
Сургут, нас. п. 120, 573, 578, 591, 611, 667

Сургутский д. хантыйского яз. 571
Сургутский р-н 570, 597, 599, 609
Сургутский у. 121, 573, 613, 666, 667
Сургуты, этн. 666
Суриков В. И., им. 185, 207, 447
Суруктах Хая, арх. пам. 47
Сӱссе-кум, этн. 666
Сут-Хольский р-н 459
Сучан, арх. пам. 105
Сучу, о. 44, 45
Сушени, этн. 44, 784; сипэнь 44
США, гос-во 124, 986
Сым, р. 121, 687, 688, 710
Сымско-Касская вол. 688
Сынгалеев И. П., им. 740
Сыр-Дарья, р. 23, 333
Сыркашев, им. 513
Сырский чаатас, арх. пам. 77
Сэнгкыль-тамдыр, этн. 677
Сяин, пас. п. 840, 841, 843
Сянбийцы, этн. 379
Сята, этн. 787

Та луап, этн. 950
Таас Д., им. 326
Табаргин В., им. 523
Табунуты, этн. 219
Тавги, этн. 648
Тавгийцы, этн. 649
Тавда, р. 116, 473, 474, 571
Тавдинский р-н 186, 571
Таврический р-н 474
Тагарская культура, археол. 65—67, 79, 373; см. также Минусинская курганная культура
Тагарский о. 378
Таг-какпына, этн. 424
Таг Карга, этн. 395
Тадзы, этн. 787, 831
Таз, р. 121, 609, 610, 613, 615, 661, 662, 665—667, 673, 677, 703—705
Тазовская губа 116, 121, 609, 662, 684
Тазовская лесотундра 685
Тазовская тундра 669, 684
Тазовский гов. ненецкого яз. 610
Тазовский д. селькупского яз. 666
Тазовский р-н 629, 666, 683—685
Тазовское (Хальмерседе), пас. п. 629, 684
Тазы, этн. 787, 831, 833—835, 837, 841, 842
Тайас, этн. 395
Тайвань, о. 94
Тайгонос, п-ов 950, 958; Тайгоносский п-ов 971
Тайгоносский п-ов см. Тайгонос
Тайджан, этн. 385
Тайларов К., им. 127
Таймыр, оз. 649; Таймырское оз. 648
Таймыр, п-ов 117, 555, 560, 631, 648, 649, 743, 758
Таймыр, р. 649, 655
Таймырская тундра, 609
Таймырский нац. окр. 629, 630, 634, 636, 647, 648, 657, 663, 701, 742, 754, 756—759;
Таймырский (Долгано-Ненецкий) нац. окр. 559, 609
Таймырский край, геогр. обл. 650
Таймырское оз. см. Таймыр, оз.
Тайшет, гор. 309
Тайшин, им. 575, 613
Таксами Ч., им. 881, 882
Талас, р. 383
Таликит, нас. п. 776
Талицкий М. В., им. 21
Тан В. Г., им., см. Богораз В. Г.
Тандинский р-н 448, 449, 459, 460
Танн'о, этн. 950
Танну-Ола, хр. 421, 424
Танну-Тува, геогр. обл. 85
Тантыев И., им. 371
Танцы см. Народное искусство
Танюрер, р. 898
Тара, гор. 120, 207, 473, 475, 479
Тара, р. 99
Тара, этн. 473
Тарабукин, им. 308
Тарабукин Н., им. 775
Таражаков род, этн. 398
Таран, нас. п. 861
Тарлава, им. 128
Тарлик, этн. 473
Тармакуль, нас. п. 478
Тарский р-н 473
Тарский у. 121
Тасунг хаби, этн. 666
Татар, этн. 385
Татаровский род, этн. 385
Татарская АССР 491
Татарский прол. 819, 834, 844, 861
Татарский яз. 489, 490
Татары, этн. 7, 10, 12, 15, 16, 109, 111, 120, 121, 127, 128, 149, 180, 200, 329, 333, 376, 386, 392, 393, 469, 473—491, 493, 495—497, 570, 571, 573—575, 590, 679, 681
— абаканские 376
— барабинские 473, 474, 476—480, 482, 484—487, 490, 570
— енисейские 376
— еуштинские 473
— заболотные 475, 479, 482, 486
— западносибирские 7, 12, 111, 120, *473—491*
— иртышские 574
— ишимские 473, 474
— казанские 474, 480
— кондомские 469, 493
— кузнецкие 121, 493, 495—497
— мелецкие 392
— минусинские 376
— мрасские 393, 496
— саянские 497
— сибирские 10, 15, 16, 109, 121, 333, 386, 474—476, 570
— тарские 473, 474, 479
— тобольские 393, 473, 474, 479, 484, 485, 590
— томские 473, 474
— тюменские 473, 474, 476, 484, 485, 488
— тюменско-туринские 574, 575
— чатские 128
— черневые 329
— чулымские 111, 121, 392, 393, 475, 681; чулымцы 111, 393
Татуировка 72, 602, 606, 723, 800, 911, 941, 943
Татышевский род, этн. 385

Таузе, эти. 787
Тауйская губа 952
Тахтинский р-н 862, 880
Тачалов И., им. 206
Ташеба, р. 380
Таштагол, нас. п. 529
Таштагол, р. 523
Таштагольский р-н 519—521, 525, 527
Таштык, р. 378
Таштыкская культура, археол. 77, 80, 378, 379
Таштып, р. 397, 492
Таштыпский р-н 406
Таэки Г., им. 490
Таяш, эти. 499
Таяшская вол. 493
Таяш-чоны, эти. 493
Театр 203, 204, 207, 213, 260, 261, 326—328, 369, 371—373, 417, 418, 469, 470, 643, 845
Теге, эти. 742
Теле, эти. 495, 496
Телеги см. Средства передвижения
Телеки, эти. 423
Теленгит, эти. 420
Теленгиты, эти. 13, 329—331, 420, 424
Телесы, эти. 329—331, 333, 424
Телеуты, эти. 15, 19, 119—121, 329, 330, 333, 382, 393, 420, 493, 495—498, 515
Телецкое оз. 131
Тельбезеков, им. 513
Тельвиск, нас. п. 629
Теплоухов С. А., им. 57
Терена, эти. 473
Терентьев П., им. 193—195
Тере-холь оз., см. Тери-нор
Терехольский р-н 421, 442
Тери-Нор (Тере-холь), оз. 422
Тернейский р-н 831, 840
Терпения, зал. 855
Тес, р. 423
Тесинский могильник, арх. пам. 52
Тес-Хемский р-н 421, 459
Тесэда Д., им. 647
Тетюхе, р. 43
Тетюхинская стоянка, арх. пам. 43; Тетюхинский холм 43, 44
Тетюхинский м. 44
Тетюхинский холм, арх. пам., см. Тетюхинская стоянка
Течик, им. 116
Тешик-Таш, арх. пам. 21
Тёя, р. 377, 397, 401, 492
Тибет, геогр. обл. 89, 241, 242, 379, 423
Тибетский яз. 242
Тигиль, нас. п. 951, 976; Вуйвын 951
Тигильский р-н 951, 971, 973—975, 978, 985
Тидирисы, эти. 648
Тинн, эти. 386
Тикси, нас. п. 309, 310
Тиличики; нас. п. 951, 976; Тыллиран 951
Тиманская тундра 609, 622, 644
Тиманский хр. 609
Тимин А. И., им. 266
Тимптонский р-н 701
Тинетев (Тын'этэгын), им. 932
Тинский род, эти. 385
Тинцы, эти. 382, 384, 385
Тихий океан 10, 92, 93, 101, 109, 119, 120, 156, 703
Тихомирова Л., им. 686
Ткачество см. Ремесла и домашняя промышленность
Тлинкиты, эти. 60
Тобоковы, им. 348
Тобол, р. 52, 120, 333, 386, 391, 393, 473, 482, 489, 571
Тоболик, эти. 473
Тобольск, гор. 9, 120, 192, 193, 202—204, 208, 473—476, 478, 479, 487—490, 613
Тобольская губ. 147, 150, 153, 159—161, 167, 177, 193, 194, 197—200, 202, 204, 207, 210
Тобольская обл. 200
Тобольский окр. 22
Тобольский р-н 473, 485, 486
Тобольский у. 121, 124, 573
Тобольских татар яз. 473
Тоджа, р-н, см. Тоджинский р-н
Тоджинский р-н 420, 434, 440, 442, 449, 454, 458—460, 462, 467; Тоджа 428, 439, 453, 455, 470
Тоджинцы, эти. 421, 424, 495, 530
Тойбу-Хаа Х. К., им. 471, вкл. 472—473
Тока С., им. 468, 469
Токарев С. А., им. 7, 269, 292
Токкинский р-н 314, 701
Тола, р. 86
Толбуреев, им. 266
Толстой Л. Н., им. 259, 323, 738, 812
Том, эти. 395
Томмотский р-н 701
Томпонский гов. эвенского яз. 761
Томпонский р-н 761
Том-Сагай, эти. 395
Томск, гор. 9, 56, 99, 121, 127, 128, 130, 198, 202—204, 206, 207, 213, 257, 350, 368, 420, 473, 475, 490, 513, 573, 759
Томская губ. 147, 153, 177, 181, 202, 204, 207, 499
Томская обл. 192, 193, 195, 200, 570, 666, 686, 701, 710
Томский у. 121, 128, 130, 384, 393, 667
Томь, р. 120, 121, 128, 376, 492—498, 505, 511, 518, 527, 688
Тонгус, эти. 702
Тоора-хем, нас. п. 470
Топ-иерлы-халк, эти. 473
Топоры 34, 42, 46, 50, 52, 58, 59, 80, 82, 88, 92, 94, 124, 130, 161, 176, 195, 230, 250, 277, 300, 439, 498, 504, 506, 512, 532, 582, 583, 642, 652, 678, 705, 707, 790, 846, 979, 980
Торговля 41, 44, 60, 97, 102, 115—117, 119, 126, 133, 137, 140, 200, 220, 228, 252, 280, 295, 309, 334, 348, 364, 366, 412, 426, 430, 474—476, 499, 500, 512, 513, 535, 551, 552, 574, 575, 580, 613, 689, 698, 705, 721, 725, 750, 754, 780, 789—792, 798, 818, 819, 824, 831, 858, 863, 866, 872, 900, 901, 906, 917, 918, 921, 927, 936, 938, 942, 943, 953, 971, 975, 982, 983; см. также Обмен
Торгон, нас. п. 804
Торейский аймак 246

Тороев, им. 260
Торсон, им. 225
Торся, эти. 858
Тотемизм см. Религиозные верования
Тотышевы, им. 513
Тофаларский нац. р-н 536, 558
Тофаларский р-н 421
Тофалары, этн. 7, 10, 13, 14, 97, 220, 395, 421, 424, 495, *530—539*, 547, 610, 611
Тохо, Нани, им. 613
Тохтамыш, им. 333, 474
Точи, этн. 122, 421
Транспорт 14, 160, 162, 163, 165, 203, 211, 222, 281, 308—310, 359, 360, 411, 412, 430, 457, 469, 478, 518, 531, 580, 581, 630—633, 636, 699, 755, 809, 828, 842, 927, 946, 975, 984
Тренев К., им. 326
Троицкое, нас. п. 810
Тром-Юган, р. 571
Трощанский В. Ф., им. 294, 295
Трубецкой С., им. 206
Трубки курительные 18, 180, 236, 263, 341, 509, 533, 652, 697
Туанг-мао-цзе, этн. 787
Туба, р. 77, 380, 398, 399, 687
Туба, этн. 331, 325, 386
Тубалар, эти. 421, 530
Тубалары, этн. 97, 329, 330, 338, 342, 344, 374, 493, 495
Тубиков, им. 266
Тубинская землица 384, 398
Тубинский род, эти. 385
Тубинский улус 382
Тубинцы, эти. 382—384
Тува см. Тувинская АО
Тувинская АО 10, 376, 412, 420, 446, 465; Тува 133, 153, 201, 331, 420—430, 432, 437, 443, 444, 448—454, 456, 458, 459, 465, 467—469, 472; Тувинская Народная Республика 429—431, 442, 445, 455, 456, 464, 465
Тувинская Народная Республика см. Тувинская АО
Тувинский яз. 397, 466—470; тувинцев яз. 420, 472
Тувинцы, этн. 7, 10, 13, 15, 19, 111, 123, 124, 214, 217, 395, 397, 399, *420—472*, 495, 525, 530, 531, 611
— западные 424
— северо-восточные 420, 421, 424, 495
Тугур, р. 778, 780
Тугуро-Чумиканский р-н 701
Тугус, этн. 473
Тугю, этн. 496
Тудики, им. 102
Тукай, им. 491
Туласы, этн. 219
Тулуканский р-н 559
Тумали М., им. 812
Тумали П., им. 809
Тумат, этн. 421
Тумашев М. А. 130
Тумень-Ула, оз. 102
Туметы, этн. 219
Тумнин, р. 844, 853
Тумунов Ж., им. 260
Тунгир, р. 738
Тунгиро-Олекминский р-н 701
Тунгокоченский р-н 701
Тунгус, эти. 702
Тунгуска, р. 786
Тунгусо-маньчжурские языки 10, 702, 761, 776, 783, 784, 788, 831, 844, 855; тунгусо-маньчжурская группа языков 776, 783, 784, 861
Тунгусо-маньчжуры, эти. 874
Тунгусо-Чунский р-н 701, 732
Тунгусская (северная) подгруппа тунгусо-маньчжурских языков см. Тунгусские языки
Тунгусские языки 10, 12, 19, 112, 703; тунгусская (северная) подгруппа тунгусо-маньчжурских языков 831, 844
Тунгусский острог, нас. п. 121
Тунгусы, этн. 62, 64, 100, 268, 269, 288, 300, 701, 702, 704, 760, 765, 778, 856, 863, 886
— амгуньские 778
— северные 62
— удские 778, 856
Тундровый д. ненецкого яз. 609, 610, 644
Тунка, арх. пам. 106
Тункинская долина 184
Тункинские Белки, горы 255
Тункинский аймак 250, 256
Тупицын Леонтий, им. 184
Тура, нас. п. 556, 737
Тура, р. 121, 473, 489, 571
Тура (Епанчин), нас. п. 121
Туран, эти. 395
Турали, эти. 473
Туралы, эти. 473
Туралыев Г. М., им. 327
Туран, нас. п. 423, 456
Туран, эти. 395
Турбино, арх. пам., см. Турбинский могильник
Турбинский могильник, арх. пам. 56, 62; Турбино 57
Тургенев И. С., им. 323, 812
Тургени, эти., см. Тюргени
Туринск, гор. 198
Туринский у. 121, 573
Туркестан, геогр. обл. 76, 89, 269, 331, 475
Турочаков род, эти. 398
Турочакский аймак 330, 492; Турочакский р-н 359
Турочакский р-н см. Турочакский аймак
Турухан, р. 661, 665—667, 688, 703, 704
Туруханск, нас. п. 121, 137, 193, 611, 689, 700, 758
Туруханская лесотундра 685
Туруханский край 211, 629, 758
Туруханский р-н 11, 666, 682, 685—687, 698—701
Туруханский у. 121
Турчанинов Н. С., им. 208
Тутлейм, нас. п. 601
Тушемилов, им. 260
Туэсо, эти. 858
Тыа Киеите, эти. 742
Тыбат, нет. обл. 423
Тывлянто, им. 561
Тытын, им. 303

Тыксан, им. 878
Тыкфинг, этн. 871
Тыллиран, нас. п., см. Тиличики
Тым, р. 571, 666, 669, 673, 676, 677, 679, 681, 682, 685
Тымнэтагын, им. 928
Тымплаты, нас. п. 951
Тымский д. селькупского яз. 666
Тымский нац. р-н 666, 681
Тымь, р. 861, 877, 878, 882
Тын, этн. 473
Тын'этэгын, им., см. Тинетев
Тыр, нас. п. 776
Тырский утес, арх. пам. 785
Тэмир А., им. 469
Тюгес, этн. 761
Тюгясирский род, этн. 761
Тюлька, им. 383
Тюлькина землица 383
Тюлюберская вол. 496
Тюменец В., им. 420
Тюменская обл. 198, 473, 489, 490, 609, 701, 710
Тюменский р-н 473, 478, 484
Тюменский у. 121, 161
Тюменский улус см. Сибирский улус
Тюмень, гор. 9, 120, 121, 139, 160, 193, 202, 207, 473—475, 476, 479, 490
Тюргеши, этн. 331; тургеши 333
Тюрки, этн. 12, 79, 92, 96—98, 100, 107, 570, 704
— алтайские 92, 97, 331, 422, 496
— орхонские 98, 496
Тюрки-уйгуры, этн. 91, 422
Тюркские языки 10, 111, 112
Тюркский каганат 12, 96, 331—333, 379, 421, 422, 493; Тюркское гос-во 96
Тюркский яз. 91, 96, 329, 332, 380, 385, 610
Тюркское гос-во см. Тюркский каганат
Тянь-Шань, горы 21

Убса-Нур, оз. 382, 423
Уваровский, им. 306
Увачан В. Н., им. 738
Увачан И., им. 739
Угорская группа языков см. Угорские языки
Угорские языки 11, 493; угорская группа языков 571
Угры 100, 571—573, 580, 591—593
— обские 571—573, 580, 591—593
Угутские юрты, нас. п. 602
Угучек, им., см. Агучек
Уд, р. 780
Уда 93, 157, 158, 435, 503, 545, 576, 691, 712, 764, 778, 863, 889, 906, 938, 988; см. также Орудия рыболовства
Уда, р. 84, 123, 218, 219, 530, 861
Удехэ (удихэ, удэхэ, удэгэ), этн. 831
Удэяли, этн. 823
Удинка К., им. 815
Удинская вол. 384
Удинская землица 384
Удинский острог, нас. п. 128, 220, 384, 530
Удской острог, нас. п. 122
Удмурты, этн. 109
Удыгейский яз. 844; удэгейцев яз. 10, 777, 831
Удыль, оз. 817; Удыльское оз. 776
Удыль-Кизинская котловина 786
Удыльское оз. см. Удыль
Удынкэн, этн. 789
Удэгейцы, этн. 8, 10, 14, 547, 564, 777, 783, 817, *831—843*, 844, 854, 856, 857
Удээ (удеэ, уддэ), этн. 831
Узбеки, этн. 333, 473, 474
Узбекистан, геогр. обл. 21
Узбой, р. 21
Узунжул, р. 376
Уйбат, р. 376, 377, 380, 382. 392
Уйгур, этн. 423
Уйгурский каганат 96, 493; уйгурское ханство 422
Уйгурский яз. 380; уйгуров яз. 379
Уйгурское ханство см. Уйгурский каганат
Уйгуры, этн. 98, 331, 379, 420, 422, 423
Уймень, р. 330
Уймонский р-н 351
Ука, нас. п. 951, 978
Украина, геогр. обл. 27, 28, 471, 568
Украинцы, этн. 9, 148, 180, 188
Украшения см. Одежда
Уксувун Г., им. 946
Уксуми, нас. п. 794
Улаган, р. 330, 343
Улаганский аймак 330, 346, 348, 358
Улагашев Н., им. 372
Улала, нас. п. 344, 351, 352, 373
Улалинский р-н 351
Улан-Батор, гор. 86
Улан-Удэ, гор. 34, 64, 85, 89, 91, 218, 249, 252, 255, 257, 264, 266
Улап-Хада, арх. пам. 37, 39
Уленкуль, нас. п. 478
Улуг-Хем, р. 420, 423
Улуг-Хемский р-н 449, 459
Улунга, нас. п. 840
Ульгугашев, им. 415
Ульта (ульча), этн. 855
Ультургешева М. П., им. 416
Ульчи, этн. 8, 10, 14, 16, 18, 64, 112, 123, 547, 549, 564, 702, 764, 776—778, 780, 783—788, 790, 791, 794, 802, *817—830*, 838, 844, 848—850, 852, 856, 858, 859, 861, 862, 868, 874, 877
Ульчский нац. р-н 558, 561
Ульчский р-н 817, 818, 827, 828, 830
Ульчский яз. 817, 855; ульчей яз. 10
Улья, р. 761, 772
Улясутай, нас. п. 424, 425, 427
Умьявин Семен, им. 953
Унанган, этн. 986
Уназикский д. эскимосского яз. 941
Унга, р. 90
Унгерн, им. 352
Уолба, арх. пам. 46; Уолбинский кырдал 47, 48
Уолба, оз. 45—47
Уолбинский кырдал, арх. пам., см. Уолба, арх. пам.
Упряжь 73, 154, 160, 162, 163, 165, 230, 391, 426, 441, 511, 615, 618, 620, 627, 642, 652, 679, 711, 744, 754, 755, 763, 777, 784, 794, 809, 820, 828, 847, 864—866, 890, 904, 906, 914, 915

Ураанхай саха, этн. 267
Урайский С., им. 490
Урал, горы 22, 35, 42, 49, 55, 57, 109, 116, 118—120, 140, 191, 195, 203, 473, 474, 523, 524, 580, 609, 611, 612; Уральские горы 99, 475, 573; Уральский хр. 115, 571
Уральские горы см. Урал
Уральский антропологический тип 109—111
Уральский хр. см. Урал
Ураса, 29, 175, 286, 287; см. также Жилище
Урзюк, им. 878
Урицкий М. С., им. 271
Урми, р. 786
Урсул, р. 329
Урсункэн, этн. 788
Уршун, р. 217
Урюп, р. 377
Урянхайский край 269, 429
Урянхайцы, этн., см. Калмыки урянхайские
Ус, р. 426
Уса, р. 609, 610
Усинский край, геогр. обл. 153, 156
Усолка, р. 687
Уссури, р. 157, 784—788, 790, 791, 794, 832
Уссурийский край, геогр. обл. 103, 104, 123, 124, 785, 831, 832
Устное народное творчество см. Народное искусство
Усть-Абаканская вол. 385, 403
Усть-Абаканский р-н 406, 407
Усть-Абаканское, нас. п. 403, 405, 411
Усть-Алданский р-н 46
Усть-Амгунь, нас. п. 776, 781
Усть-Анзаский стан, нас. п. 516
Усть-Белая, арх. пам. 29
Усть-Дукинское зимовье, нас. п. 777
Усть-Енисейский р-н 631, 634, 636, 662, 664, 742
Усть-Есь, нас. п. 403
Усть-Ишим, нас. п., см. Кызыл-Тура
Устькаменогорский у. 154
Усть-Канский аймак 330, 346, 354, 358, 375; Усть-Канский р-н 364
Усть-Канский р-н см. Усть-Канский аймак
Усть-Кобырза, нас. п. 526
Усть-Коксинский аймак 330, 360
Усть-Кяхта, арх. пам. 28
Усть-Майский р-н 701
Усть-Немиленское зимовье, нас. п. 777
Усть-Нюкжа, нас. п. 740
Усть-Орда, нас. п. 91
Усть-Ордынский Бурят-Монгольский нац. окр. 91, 217
Устьпорт, нас. п. 629
Усть-Собакинская стоянка, арх. пам. 65
Усть-Уда, нас. п. 60
Усть-Цылемская слобода, нас. п. 116
Усть-Цылемский р-н 610
Усть-Янский р-н 761, 885
Уська, нас. п. 844, 853, 854
Ут, р. 377
Утварь 84, 89, 102, 129, 160, 168, 169, 174, 175, 194—196, 200, 213, 224, 232—235, 252, 254, 263, 269, 277—280, 285, 298, 299, 318, 343, 344, 361, 363, 386, 412, 426, 436, 437, 439, 441, 460, 486, 505, 510, 523, 528, 533, 545, 586, 593, 601, 626, 667, 673, 679, 688, 695, 720, 736, 748, 774, 779, 784, 792, 803, 819, 821, 825, 830, 842, 852, 858, 874, 891, 907, 914, 936, 953, 957, 984, 989
Уткум, нас. п. 536
Уткум, р. 536
Утуген, хр. 420
Утхолок, нас. п. 985
Ухта, нас. п. 817, 826
Уцзи, этн. 784
Учур, р. 738
Учурский р-н 701
Ушатый, им. 116
Ушканьи о-ва 218
Уштяк, этн. 570
Уэлен, нас. п. 898—900, 921, вкл. 928—929, 932
Уэлькаль, нас. п. 934, 946
Уяганский род, этн. 767

Фаддея, о. 117
Фадеев А. А., им. 832
Фанза 719, 784, 791, 798, 835, 868, 878; см. также Жилище
Фарково, нас. п. 682, 685
Федор Иванович (царь), им. 125
Федоров А. В., им. 327
Федоров Е. Г., им. 322
Феодальные отношения см. Социальный строй
Фербенкс, нас. п. 48
Фишер И., им. 269, 493
Флор, им. 703
Фольклор см. Народное искусство
Фоминская культура, археол. 99, 100
Фонвизин Д. И., им. 326
Фоняков, им. 193
Фофаново, нас. п. 704
Фофановский могильник, арх. пам. 58, 62, 64
Франция, гос-во 22
Французский яз. 206
Фратрия см. Социальный строй
Фролов, им. 404
Фролов К. Д., им. 208
Фролов П. К., им. 138, 208
Фрунзе М. В., им. 313
Фурдунчэн, арх. пам. 104
Фури, этн. 97
Фурманов Д., им. 372
Фуюй, ист. обл. 94
Фэйзи Э. им. 490

Хаас, этн. 376
Хабаров Ерофей, им. 122, 123, 125, 785, 862
Хабаровск, гор. 42, 44, 95, 96, 209, 213, 557, 775, 789, 790, 812, 815, 816, 827, 843, 876, 976
Хабаровская обл. 212
Хабаровский край 701, 760, 761, 772, 776, 786, 790, 817, 830, 831, 840, 844, 862, 878
Хабаровский окр. 807
Хаби, этн. 570, 610
Хайрюзово, нас. п. 979

Хайрюзовский д. ительменского яз. 979
Хайтоков род, этн., см. Кандыков род
Хакасия см. Хакасская АО
Хакасск, гор. 405
Хакасская АО 10, 405, 406, 411, 412, 416, 457; Хакасия 201, 376, 403, 405, 407—412, 414—418, 422, 423, 427
Хакасский окр. 405
Хакасский у. 405
Хакасский яз. 414, 416, 417, 493
Хакасы, этн. 7, 10, 12, 15, 16, 19, 109, 111, 121, 155, 182, 214, *376—419*, 423, 424, 426, 428, 429, 493, 499, 525, 687
Халерчинская тундра см. Нижнеколымская тундра
Хальмерседе, нас. п., см. Тазовское
Хампеган, этн. 702
Хангайские горы 331
Хангалов М. Н., им. 231, 258
Хандеяры, этн. 609
Хантайка, р. 609
Ханты этн. 8, 11, 14—16, 19, 65, 100, 109, 119—121, 157, 162, 168, 175, 193, 200, 473, 475, 493, 494, 547, 553, 555, 560, 564, 565, 568, *570—607*, 609, 610, 613, 630, 638, 639, 644, 665, 666, 668, 673, 679, 681, 804
— березовские 570, 581
— васюганские 581
— ваховские 571, 580
— восточные 573, 584, 587, 588
— иртышские 571, 573, 581
— казымские 580, 590, вкл. 592—593, 600
— кондинские 571, 574
— ларьякские 600
— обдорские 570, 571, 580, 613
— обские 581, 610
— северные 573, 580, 583, 586—588
— сосвинские 581, 600
— сургутские 570, 600
— юганские 578
— южные 573, 587—589, 598, 605
Хантыйский яз. 571, 604, 605; хантов яз. 11, 494, 604
Ханты-Мансийск, гор. 594, 595, 598—600, 603
Ханты-Мансийский нац. окр. 555, 559, 570, 571, 594—598, 602, 603, 607, 666
Харганай, нас. п. 91
Харитонов Л. Н., им. 324
Харьков, гор. 786
Харьковская губ. 151
Харючи, этн. 624
Хасава, этн. 608
Хатанга, нас. п. 758
Хатанга, р. 121, 703, 712, 725, 743, 744, 746, 756, 758
Хатангский р-н 648, 657, 659, 742, 754—757, 759
Хатанзеева А. И., им. 641
Хатанзейский Г., им. 629
Хатанзейский И. С., им. 629
Хатань, этн. 473
Хатхиль, этн. 776
Хатырка, р. 898, 899
Хентянский род, этн. 696
Хета, нас. п. 758
Хета, р. 742, 743, 756, 758
Хилтухин Д., им. 260
Хинган, хр. 701
Хитров Д., им. 306
Хлев 152, 153, 169, 285, 286; см. также Хозяйственные постройки
Ходзер, этн. 823
Ходынцы, этн. 122, 133, 885, 887
Хозяйственные постройки 149, 152, 153, 169, 175, 176, 231, 242, 246, 272, 285—287, 431, 457, 480, 494, 503, 507, 510, 528, 533, 539, 580, 582, 586, 599, 620, 638, 672, 677, 695, 717—720, 748, 766, 797, 798, 821, 828, 829, 835, 848, 879, 914, 922, 935, 975
Хонгодоры, этн. 123, 219, 241
Хонигетский род, этн. 696
Хончало, этн. 978
Хор, р. 831, 835, 839
Хори, этн. 107, 219
Хоринский аймак, 244
Хоринский д. бурятского яз. 217, 259
Хоринцы, этн. 223, 219
Хори-туметы, этн. 219
Хорчи, им. 332
Хоседа-Хард, нас. п. 556
Храмова В. В., им. 7, 8
Христианство см. Религиозные верования
Хуанхэ, р. 68
Хуан-чу, им. 95
Хубилай, им. 381, 423
Художественная обработка металла см. Народное искусство
Хунгари, р. 786, 787, 844
Хуннов яз. 91
Хунны, этн. 76, 78, 89—91, 98, 330, 331, 378, 379, 422, 570; гунны 12, 89, 90
Хутора см. Поселения
Хуханье, им. 79
Хухутан, им. 949
Хыйегнунг, этн. 871
Хэвэнкэн, этн. 788
Хэдзэр, этн. 789, 806
Хэдзеэн, этн. 787
Хэчжень, этн. 787
Хягасы, этн. 77—79, 96, 379, 380, 381, 385, 422

Ца, нас. п. 790
Центральная Азия, геогр. обл. 22, 35, 55, 82, 89, 96, 111, 269, 331, 379
Центральноазиатский антропологический тип 111, 112
Центральный алтайский д. 369
Цзи-ля-ми, этн. 784, 785, 862; ги-ля-ми 784, 817
Цзиньское гос-во см. Чжурчженьское гос-во
Цзо-жун, им. 102, 103
Циклодром, арх. пам. 41
Цилин, этн., см. Килин
Цици Чун-сян, им. 102
Цонгольский д. бурятского яз. 217
Цыганы, этн. 987
Цыдендамбаев Ч., им. 260
Цыденжапов, им. 260
Цыльма, р. 609
Цянка, нас. п. 790

Чаа-Хольский р-н 459

Чавчуват, этн. 896
Чавчувенский д. корякского яз. 976
Чавчувены, этн. 950, 952—954, 965, 969, 972
Чавчывав, этн. 950
Чавыдак, им. 456
Чагдуров, им. 266
Чагачибаирах, этн. 767
Чадамба Л., им. 468
Чадан, нас. п. 456
Чайво, нас. п. 861
Чан-байшан, хр., см. Шан-Алинь
Чанжин род, этн. 761
Чановский р-н 473
Чап Чунь, им. 381
Чаньан, нас. п. 105
Чапагир, этн. 723
Чаплино, нас. п. 934, 941, 946
Чара, р. 309
Чара-Батый, им. 333
Чарыш, р. 329
Часовенная гора, арх. пам. 106
Частых, этн. 386
Чаун, р. 906
Чаунская губа 898, 934
Чаунский р-н 897, 922, 925
Чая, р. 681
Чеканинский И. А., им. 185
Чекановский А. Л., им. 209
Челей, этн. 496
Челканцы, этн. 15, 329, 330, 338, 341, 493, 499
Челябинск, гор. 193
Чемдали, этн. 725
Чендон, р. 886
Чен-Цзы-Яй, арх. пам. 58
Чептей, этн. 534
Черга, р. 330
Чердаки см. Орудия рыболовства
Чердынь, гор. 591, 613
Черепанов И., им. 208
Черканов, им. 775
Черканы 276, 314, 499, 576, 578, 668, 707, 734; см. также Орудин охоты
Черкасов, им. 205
Чернецов В. Н., им. 8, 100
Черниговский Н., им. 123
Черное море 68
Черное, нас. п. 758
Черногорск, гор. 411, 416
Черный Июс, р. 376, 377, 380, 382, 384, 395
Черный остров, нас. п. 698, 699
Черных-Якутский П. И., им. 325
Чернышевский Н. Г., им. 139, 205, 210
Черский И. Д., им. 209
Черского, хр. 267
Чесняков Ф. С., им. 527
Четтибер, этн., см. Четти пуру
Четти пуру, этн. 395; Четтибер 395, 496
Чехов А. П., им. 323, 372
Чешская губа 609
Чжень гос-во 102
Чжоу-коу-дян, возв. 21
Чжочи, им., см. Джучий
Чжурчжени, этн. 104, 105, 789
Чжурчжени-нюйчжи, этн. 784, 789
Чжурчженьское гос-во 96, 784; Цзиньское гос-во 96
Чжурчженьский яз. 785
Чжэнь-Шоу, им. 94
Чижапка, р. 666
Чикой, р. 219, 228, 250
Чилиндаза, этн. 787
Чильдек, этн. 386
Чимшианы, этн. 60
Чингис, нас. п. 107
Чингис-хан, им. 12, 105, 107, 218, 219, 258, 331, 332, 381, 423, 474
Чингис-хана гос-во см. Чингис-хана империя
Чингис-хана империя 218, 219, 474; Чингис-хана гос-во 332
Чинги-Тура, нас. п. 474
Чингкуль-тамдыр, этн. 677
Чинков Г., им. 738
Чипчины, этн. 217
Чиргал-оол А., им. 470
Чита, гор. 86, 145, 202, 206, 209, 213, 223
Читинская обл. 212, 217, 247, 701
Чкалов, гор. 52
Чия, оз. 776, 778
Чогду, этн. 534
Чода, этн. 395, 495
Чойский аймак 330, 374
Чокуровка, нас. п. 48
Чолдох (Чолдок), этн. 787
Чолушман, р. 330
Чомбинг, этн. 870
Чорама-дю 764—766; см. также Жилище
Чорули, этн. 823
Чот (шот), этн. 495
Чоты, этн. 495
Чуванцы, этн. 122, 547, 563, 885—887, 897, 898, 917, 924
— оленные 897
— оседлые 897
Чуваши, этн. 149
Чугунов С., им. 209
Чузик, р. 666
Чукотка, п-ов, см. Чукотский п-ов
Чукотский национальный округ 559, 562, 760, 761, 897, 921, 923—925, 927, 930, 933, 946—948, 951
Чукотский п-ов 48, 113, 897, 898, 902, 906, 921, 934, 935; Чукотка 100, 271, 550, 554, 555, 796, 900—902, 913, 917, 921—923, 925, 927, 928, 930, 932, 943, 946, 948
Чукотский нац. р-н 558
Чукотский р-н 897, 899, 922—924, 945
Чукотский яз. 11, 611, 886, 896, 897, 899, 929, 930, 932, 934, 950, 952; чукчей яз. 11, 952
Чукотское море 897
Чукочей, р. 885
Чукчи, этн. 8, 11, 14, 17, 24, 101, 113, 119, 123—125, 161, 267, 317, 547, 549, 553, 555, 557, 560, 561, 563—565, 568, 616, 760, 762, 763, 770, 773—775, 885—887, 895, *896—933*, 934—936, 940—943, 946, 947, 949, 950, 952, 954, 977, 978, 981
— амгуэмские 898
— береговые 113
— западно-тундровские 898
— малоанюйские 898

Чукчи оленные 898—900, 902, 904, 907, 908, 911—914, 916, 917, 919, 920
— омолонские 898
— онмыленские 898
— оседлые 14
— пешие 934
— приморские 896—902, 904, 906—908, 912—914, 916—923, 926, 927, 934, 936, 941—943, 946, 949
— сидячие 24, 934
— туманские (вилюнейские) 898
— чаунские 898
Чулым, р. 120, 121, 376, 377, 380, 382, 384, 392
Чулымцы, этн., см. Татары чулымские
Чульджан, нас. п. 513
Чум 29, 48, 62, 286, 321, 533, 537, 556, 565, 580, 603, 614, 617—620, 624, 626—628, 633, 637—639, 645, 652—656, 659, 660, 662, 664, 669, 674, 675, 679, 685, 686, 693, 695, 696, 700, 704, 707, 709, 712, 717—719, 724, 726, 730, 732, 736, 737, 746, 748, 755, 758, 759, 764, 769, 772, 775, 779, 784, 835, 849, 857, 858, 860, 890, 891, 894, 972; см. также Жилище
Чумей, им. 574
Чумикан, р. 861
Чумыль-куп, этн. 666, 677
Чуна, р. 706
Чунижеков Ч., им. 371
Чурапчинский р-н 313
Чуру, нас. п. 47
Чусовая, р. 21
Чыраа-бажи, нас. п. 446, 447
Чыш кижи, этн. 493
Чуя, р. 330

Шабураков А., им. 371
Шаваны Е., им. 495
Шавкунов Э. В., им. 95
Шагодун, арх. пам., см. Шакуотун
Шагонар, нас. п. 456
Шадаев А., им. 260
Шадат, р. 399
Шакуотун (Шагодун), арх. пам. 45
Шалаши 175, 338, 360, 361, 373, 386, 394, 396, 412, 439, 460, 480, 484, 500, 504, 507, 508, 532, 585, 586, 600, 673, 675, 693, 713, 766, 779, 781, 796, 797, 821, 829, 834, 835, 842, 845, 848, 854, 857, 883, 970, 980, 986; см. также Жилище
Шалошин род, этн. 385
Шамагиры, этн. 725
Шаманизм см. Религиозные верования
Шаманские атрибуты 17, 241, 299, 300, 392, 497, 516, 535, 593, 627, 655, 656, 669, 679, 681, 697, 728, 752, 770, 806, 838, 846, 893, 920, 943, 967, 982
Шан-Алинь (Чан-байшан), хр. 788
Шарагашов А., им. 523
Шашков, им. 202
Швецов С. П., им. 368, 498, 500, 501, 503
Шебалино, нас. п. 362
Шебалинский аймак 330; Шебалинский р-н 351
Шебалинский р-н см. Шебалинский аймак
Шейбан, им. 332
Шейбани-хан, им. 119
Шейбанидский улус 333, 474
Шекспир Вильям, им. 261
Шелагский (Эрри), м. 897, 898
Шелехов Григорий, им. 208
Шеркалы, нас. п. 598
Шерстобитное производство см. Ремесла и домашняя промышленность
Шибанцы, этн. 473
Шилка, р. 64, 122
Шилкинский завод, нас. п. 64
Шилягиры, этн. 725
Шиманский А., им. 206
Широкогоров С. М., им. 703, 704
Широкопадский р-н 861
Шихшит, р. 423
Ши-цюань-бу, этн. 787
Шишкино, арх. пам. 28, 82, 97, 99; Шишкинская скала
Шишкинская скала, арх. пам., см. Шишкино
Шмидта, м. 898, 899
Шнакенбург Н. Б., им. 6, 8
Шокальского, о. 609
Шолой-Убаши, им. 423
Шолохов М., им. 372, 732
Шöлькуп, этн. 666
Шор, этн. 395, 493
Шория, геогр. обл. 498, 503—505, 508, 511—514, 518, 519, 521—525
Шорное дело см. Ремесла и домашняя промышленность
Шорские диалекты 395, 493
Шорский яз. 514, 526, 527
Шорцы, этн. 7, 10, 13—15, 109, 111, 120, 121, 379, 382, 395, 492—529
— северные 494—498, 504, 506, 507, 511, 515
— южные 496, 498, 504—507, 511, 512, 515
Шот, этн., см. Чот
Шöш-кум, этн. 666
Шпрее, р. 568
Шренк Л., им. 11, 210, 760, 783, 785, 788—790, 817, 866
Штернберг Л. Я., им. 209, 783, 788, 789, 862, 870, 872
Штыгашев П., им. 515
Шуайбинь, гор. 102—104
Шуйская вол. 393
Шуйский род, этн. 393
Шулошь, этн. 385
Шульгин Павел, им. 132
Шурышкаро-березовский д. хантыйского яз. 571
Шусты, этн. 382
Шусы, этн. 393
Шушенское, нас. п. 404

Щапов А. П., им. 209
Щербаков Ф., им. 777, 778
Щукин Н., им. 205, 206
Щучья, р. 609

Ызыр, этн., см. Изыр
Ымыяхтах, оз. 46

Эвен, этн. 760
Эвенки, этн. 8, 10, 14—16, 19, 37, 62, 64, 110—112, 119, 122, 123, 132, 146, 155,

175, 182, 193, 220, 267, 274, 277, 317, 547, 549, 550, 553, 555, 558, 560, 563—567, 573, 609, 649, 656, 663, 668, 679, 681, 686—688, 700, *701—741*, 742—744, 746, 753, 758, 760, 761, 764, 765, 767, 770, 777—781, 784, 785, 788, 789, 804, 844, 856, 860, 891, 916
— алдано-зейские 778
— алдано-майские 555, 737
— амгуно-чумиканские 709
— амгуньские 707, 709, 724, 778, 789
— амурские 705, 707, 713, 720, 732
— анабарские (XVII в.) 706
— верхнеамурские 709
— верхоленские 709
— витимо-олекминские 555, 737
— восточные 729, 730, 732
— енисейские 558, 707, 709, 719, 720, 723, 727, 729
— забайкальские 16, 705, 706, 718, 723, 729, 732
— западные 729, 730, 732
— илимпийские 716, 722, 728, 730
— курурмийские 789
— непские 709
— нерчинские 709
— нижнеалданские (XVII в.) 706
— нижнетунгусские 555
— олекминские 707, 711, 716
— оленекские (XVII в.) 706
— охотские 705, 709, 716, 717
— северные 62
— сымские 709, 712, 716, 719, 722, 724
— тазовские 712
— таймурские 550, 558
— токминские 709
— урмийские 709
— чумиканские 555
— чунские 550
Эвенкийский нац. окр. 555, 559, 562, 701, 732—738, 740, 742
Эвенкийский яз. 702, 703, 738, 740, 741, 760, 761, 777, 784, 788, 789, 844, 855; эвенков яз. 10, 704
Эвенский яз. 741, 761, 768, 775, 886; эвенов яз. 10, 702
Эвены, этн. 8, 10, 14, 37, 197, 277, 547, 553, 561, 564, 567, 701, 702, 743, *760—775*, 885—887, 891, 893, 895, 897, 900, 952, 969, 977
— кочевые 766, 768
— оседлые 764, 765
— охотско-колымские 762
— охотские 553, 770
Эджен, этн. 742, 743; Эдян 742; Азян 742
Эдян, этн., см. Эджен
Экзогамия 238, 239, 292, 347, 367, 386, 511, 534, 591, 623, 626, 653, 659, 662, 664, 677, 695, 696, 723, 725, 727, 767, 780, 802, 805, 824, 836, 850, 858, 870, 893, 916, 941; см. также Семья и семейно-брачные отношения
Эксплуатация 11, 16, 145, 190, 220—223, 242, 245, 251, 271, 292, 294—296, 311, 332, 345—348, 350, 351, 367, 382, 401—405, 410, 426, 436, 478, 496, 513, 514, 516—518, 531, 537, 551, 554, 559, 574, 575, 592—594, 612, 613, 625, 642, 654, 663, 678, 681, 697, 705, 725, 726, 743, 750, 768, 785, 787, 789—791, 800, 806, 813, 832, 872, 877, 918, 942, 953, 965, 972, 983, 989
Эликмонарский аймак 330, 374
Элляй, им., см. Кулачиков-Элляй С. Р.
Элькан бейэнин (Элэкэм бейэ), этн. 776
Эмкуль, им. 932
Энгельс Фр., им. 59, 60, 101, 870
Энеолит 704
Энцев яз. 11, 610, 661, 662
Энцы, этн. 8, 11, 15, 19, 119, 121, 547, 566, 608—610, 648, 652, *661—664*, 665, 744, 754
— карасинские 661
— лесные 661
— тундровые 661
— хантайские 661
Энэтэ, этн. 661
Эпипалеолит 36
Эпсэлэмов Г., им. 490
Эргис Г. У., им. 324
Эрдени О., им. 423
Эрзинский р-н 459
Эристин Эрилик, им., см. Яковлев С. С.
Эрри, м., см. Шелагский м.
Эсень, им. 382
Эскимосский нац. р-н 558
Эскимосский яз. 11, 611, 897, 899, 930, 948, 986
Эскимосы, этн. 8, 14, 24—26, 37, 101, 113, 123, 124, 547, 549, 553, 555, 561, 563, 565, 568, 897—901, 913, 914, 919, 921, 923, 924, 926, 931, *934—949*, 968, 987
Этел, этн. 886, 897; атал 897
Эхирит-Булагатский аймак 244
Эхиритский д. бурятского яз. 217
Эхириты, этн. 122, 219; ихириты 107
Эштек, этн. 570

Ювелирное дело см. Ремесла и домашняя промышленность
Юган, р. 555, 576, 584
Югорская земля 115, 116, 573
Югорский берег 573
Югорский прол. 573; Югорский шар 573, 614
Югорский шар, прол., см. Югорский прол.
Югра, этн. 570, 573, 610, 611
Югры, этн. 573
Югунь, этн. 687
Югыт, этн. 934
Юдин Г. В., им. 206
Юдман, нас. п. 772
Юедей, арх. пам. 45, 46
Юечжи, этн. 76
Южно-Сахалинск, гор. 876
Юзепчук Т. Л., им. 8
Юильский городок, нас. п. 591
Юиты, этн. 934
Юкагирский яз. 11, 12, 886; юкагиров яз. 11
Юкагиры 8, 11, 14, 15, 62, 64, 65, 100, 119, 132, 193, 197, 200, 267, 268, 317, 547, 565, 760, 761, 764, 767, 773, 785, *885—895*, 897, 900, 901, 917, 952, 979
— анюйские 887

Юкагиры верхнеколымские 885—883
— нижнеколымские 887
— тундровые 885—891, 895
— ламуцкие, этн. 761
Юково, нас. п. 882
Юкэминкэн, этн. 789
Юпигыт, этн. 934
Юпитадзы, этн. 787
Юраки, этн. 547, 608
Юрта 66, 97, 172, 174, 176, 187, 224, 226, 227, 231—233, 240, 253, 254, 281, 284, 285, 287, 292, 299, 317, 334, 338—340, 360, 361, 382, 386, 387, 394, 396, 398, 412, 426, 436—438, 446, 460, 461, 467, 479, 485, 489, 507, 508, 556, 565, 576, 595, 603, 671, 673, 675, 676, 683, 718, 719, 826, 874, 890, 980; см. также Жилище
Юс-Сагай, этн. 395
Ючи, этн. 661, 662

Яблоновый хр. 709
Ябыков В., им. 372
Ядончев В. Ф., им. 629
Ядончев М., им. 629
Ядринцев Н. М., им. 202, 206, 209, 210
Язык 10—12, 19, 91, 110—112, 115, 206, 217, 218, 224, 239, 242, 252, 256, 258—260, 267—270, 303, 306, 320, 323—326, 328—332, 345, 348, 350, 360, 367—369, 371—373, 379, 384, 385, 393, 397—399, 403, 404, 414—417, 420, 422, 428, 443, 466—470, 472, 473, 489, 490, 493—495, 514, 519, 526, 527, 530, 557, 559, 560, 567, 571, 572, 580, 603, 604, 606—611, 643—645, 647, 648, 661, 665, 666, 671, 685—688, 700, 702—704, 706, 738, 740, 742, 743, 759—761, 768, 775—777, 782—785, 787—789, 812, 816, 817, 827, 831, 843, 844, 855, 861, 862, 882, 886, 895—897, 899, 929, 930, 932, 934, 948, 950, 952, 976, 978, 979, 985, 986, 989
Яик, р. 333
Якимова К. В., им. 8
Яковлев С. С. (Эристин Эрилик), им. 326
Якутия см. Якутская АССР
Якутск, гор. 45, 46, 60, 61, 65, 122, 123, 130, 131, 150, 196, 200, 207, 271, 272, 280, 307, 309, 320, 321, 324, 326, 775
Якутская АССР 10, 45, 47, 267, 307—309, 312, 314, 319, 320, 322, 323, 328, 548, 701, 760, 761, 773, 775, 885, 895—898, 925; Якутская обл. 143, 145, 150, 155, 296; Якутия 45—47, 56, 60, 61, 65, 82, 83, 122, 131, 135, 139, 179, 195, 196, 201, 268, 271, 272, 274, 277, 280, 285, 291, 293, 295, 306—328, 547, 555, 560, 649, 652, 704, 732, 746, 761, 774
Якутская обл. см. Якутская АССР
Якутский Н., им. 326
Якутский край, геогр. обл. 268, 270
Якутский окр. 268, 271, 276, 296
Якутский острог, нас. п. 122, 196, 704; Ленский острог 122
Якутский у. 122, 131
Якутский яз. 12, 267—270, 306, 320, 323, 326, 328, 703, 742, 743, 759, 886, 895; якутов яз. 11, 269
Якуты, этн. 7, 10, 13—16, 19, 20, 98, 100, 110—112, 119, 122, 123, 132, 146, 153—155, 162, 164, 168, 169, 173, 175, 176, 182, 193, 200, 201, 209, 214, *267—328*, 565—648, 650, 656, 701, 702, 705, 706, 719, 721, 742, 743, 744, 746, 752, 754, 760, 761, 763, 770, 773, 775, 780, 788, 790, 858, 885, 886, 891, 895, 897
— амгинско-ленские 268
— вилюйские 268
— ленские 48
Яли, нас. п. 776
Ялуторовский р-н 473
Ямал, п-ов 555, 608, 609, 614, 620, 631, 635, 647
Ямало-Ненецкий нац. окр. 559, 568, 570, 596, 609, 629—632, 634—639, 641, 643, 645—647, 666, 682, 686
Ямальская тундра 609
Ямальский р-н 629
Ямихта, нас. п. 776
Яна, р. 12, 110, 267 268, 309, 315, 760, 761, 763, 885, 886
Янгадай, нас. п. 899
Янов-стан, нас. п. 684
Янты, этн. 787
Япония, гос-во 100, 105, 224, 790, 855, 876
Японские о-ва 45, 58, 93, 95
Японцы, этн. 787, 790, 806, 856, 872, 876
Яран (яраньяс), этн. 610
Яранга 565, 765, 891, 899, 906, 911—914, 916, 917, 919, 920, 926, 928, 940, 947, 958—960, 972, 976; см. также Жилище
Ярино-Ястынский род, этн. 385
Яринская землица 384, 385, 398
Яринцы, этн. 384, 385, 687, 688
Ярковский р-н 473
Ярой, им. 345
Ярославль, гор. 211
Ярославский Ем., им. 271, 306
Ярсале, нас. п. 643, 645
Ярцевский р-н 11, 687, 698, 699
Ясак 120, 123—125, 129, 134—136, 270, 384, 398, 420, 473, 475, 476, 497, 511—514, 530, 535, 550, 574—576, 611—613, 649, 667, 688, 704—707, 743, 767, 785, 789, 817, 887, 900, 901, 936, 953, 979, 982, 987
Ясаклы, этн. 473
Ясачная р. 885, 889, 890, 894, 895
Яскалбы, этн. 473
Ястын, этн. 385
Ястынцы, этн. 382, 383, 385
Яхса, нас. п. 776

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие 5
Введение 9
Древнее население Сибири и его культура 21
Антропологические типы Сибири 108
Историко-этнографический очерк русского населения Сибири в дореволюционный период 115

НАРОДЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Буряты 217
Якуты 267
Алтайцы 329
Хакасы 376
Тувинцы 420
Западносибирские татары 473
Шорцы 492
Тофалары 530

НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Социалистическое строительство у народностей Северной Сибири и Дальнего Востока 543
Ханты и манси 570
Ненцы 608
Нганасаны 648
Энцы 661
Селькупы 665
Кеты 687
Эвенки 701
Долганы 742
Эвены 760
Негидальцы 776
Нанайцы 783
Ульчи 817
Удэгейцы 831
Орочи 844
Ороки 855
Нивхи 861
Юкагиры 885
Чукчи 896
Эскимосы 934
Коряки 950
Ительмены 978
Алеуты 986

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список литературы 993
Глоссарий (словарь местных слов и специальных терминов) 1017
Список иллюстраций и карт 1022
Список заставок и концовок 1039
Указатель 1042

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР

*

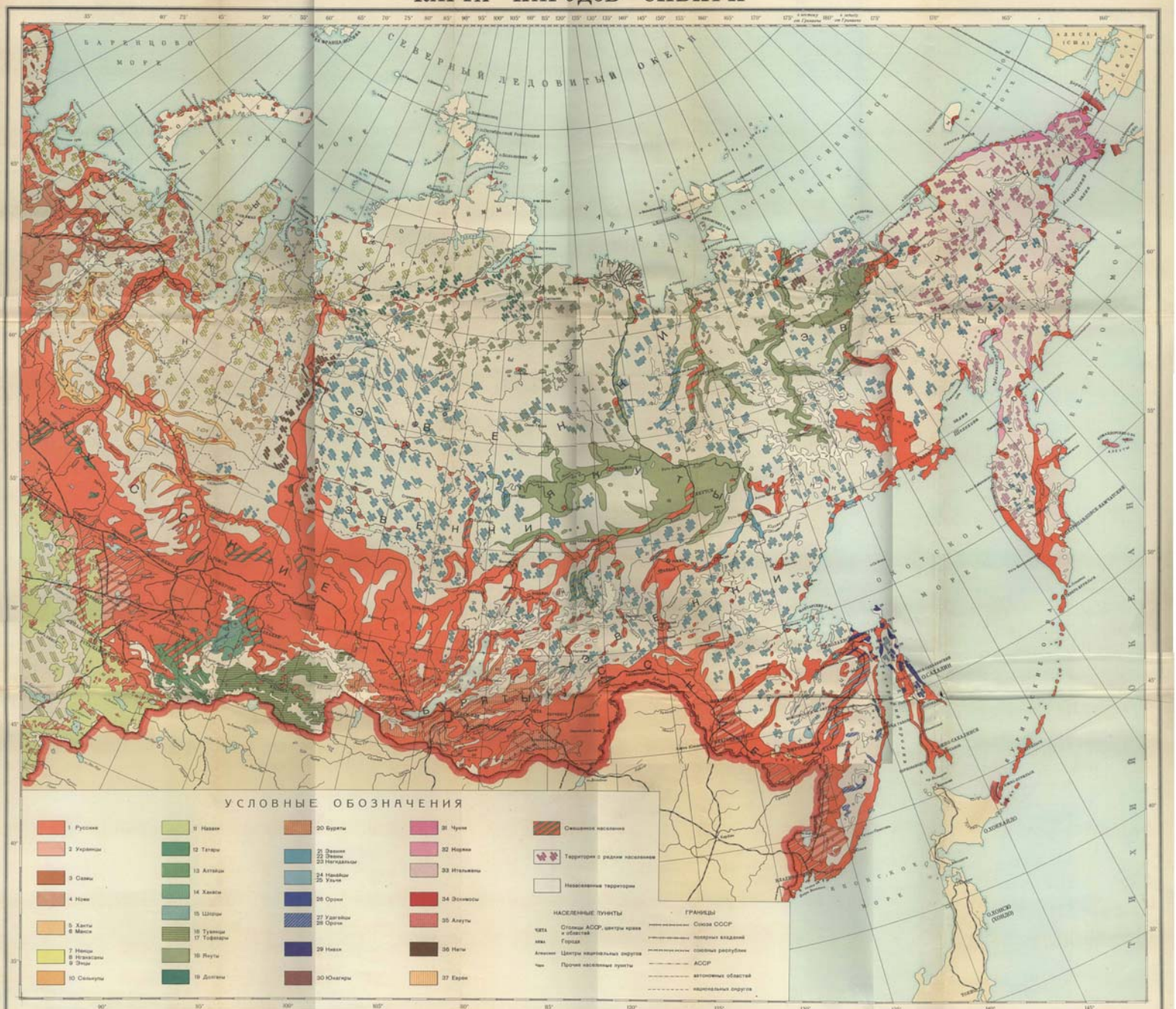
Редактор Издательства *А. И. Соболева*
Технический редактор *А. В. Смирнова*
Корректоры *А. И. Виксне* и *К. Н. Феноменов*

*

РИСО АН СССР № 129-83В. М-00803.
Подписано к печати 1/XI 1956. Бумага $70\times108^{1}/_{16}$. Бум. л. $33^{7}/_{8}$. Печ. л. 92.81.
Уч.-изд. л. 93.94 + 24 вкл. (2.13 уч.-изд. л.) + 1 карта—вклейка (1.78 уч.-изд. л.). Тираж 5000. Зак. № 312.
Цена 62 р. 80 к.

1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В. О., 9-я л., д. 12.

КАРТА НАРОДОВ СИБИРИ



Карта подготовлена на основе изданий в 1951г. „Карты народов СССР", составленной институтом этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая Академии наук СССР и научно-редакционной картографической частью ГУГК Министерства Внутренних дел СССР

Масштаб 1:8 000 000

Отпечатано на Картографической Фабрике Госгеолкомитета Министерства геологии и охраны недр
Технический редактор И.М. Толпаков
Заказ № 482 Тираж 5000 экз
Подписано в печать 22 [illegible] 1956г.